

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LVI

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LVI

1894

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1894

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1894 г.

	СТР.
I. <i>Via facti</i> . Историческій романъ (1771—1773 гг.). X—XI. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліаса	5
II. Воспоминанія М. О. Каменской. VI. (Продолженіе).	18
III. Оединька Донъ-Кихоть. Быль. I—IX. Р. И. Сементковскаго	44
IV. Первые шаги. (Изъ воспоминаній). I—II. А. В. Круглова	84
V. Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго. XIV—XV. (Продолженіе). Иллюстрація: Иванъ Ивановичъ Сосницкій.	108
VI. Въ верховьяхъ Волги. (Путевые наброски). I—VI. И. Ф. Тюменева	128
Иллюстрація: 1) Схематическій чертежъ мѣстности, занимаемый оз. Селигеромъ и его окрестностями.—2) Село Короцкое.—3) Село Полново: церковь и пристань на берегу Селигера.—4) На Селигерѣ: Полновское плесо, Сосница, Егорьевскій островокъ.—5) Краватынское плесо.—6) Рѣзное изображеніе преподобнаго Нила Сорскаго.—7) Нилова пустынь (съ юго-восточной стороны).—8) Нилова пустынь: баня-мяжъ и полуостровъ Свѣтца.—9) Икона XVII столѣтія съ изображеніемъ Ниловой пустыни между 1641—1648 годами.	
VII. Первые русскія стальные пушки. Исторія одного изобрѣтенія. П. П. Падучева	161
Иллюстрація: Павелъ Матвѣевичъ Обуховъ.	
VIII. Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1860—1864 годовъ. I. На ординарцахъ у генерала Веселитскаго. В. Щ. В.	184
IX. Сенаторъ Н. П. Синельниковъ. (Биографическій очеркъ). П. П. Суворова	203
X. Архіепископъ Иннокентій Херсонскій. (По воспоминаніямъ его келейника). Священника М. Попова	221
XI. Борьба за Балтійское побережье въ XVI вѣкѣ. А. Л.	229
XII. Преемники Гладстона. В. Т.	237
Иллюстрація: 1) Графъ Розбери.—2) Сэръ Вильямъ Гаркортъ.	
XIII. Критика и библиографія	258
1) Полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера (А. Михайлова). Томъ I. Спб. 1894. А. Фаресова. — 2) Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ третій. 1704—1705 гг. Спб. 1894. С. Ш. — 3) Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній. Томъ второй. Спб. 1894. Р. С. — 4) Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края. Съ 35 таблицами и 11 снимками картъ. Астрахань. 1893. Н. О. — 5) Н. П. Боголюбовъ. Графъ Морницъ Вельвовскій. Историческая быль. Москва. 1894. С. Ш. — 6) Л. М. Савеловъ. Опытъ библиографическаго указателя по исторіи и генеалогіи русскаго дворянства. Москва. 1893. В. Б. — 7) О положеніи ученыхъ въ правленіи Домиціана. Повѣсть въ стихахъ римской поэтессы Сульпиціи. (Введеніе, текстъ, переводъ и примѣчанія). Составилъ П. Черняевъ. Казань. 1893. А. М. — 8) Я. Амось Коменскій. Великая дидактика. Перевелъ съ латинскаго А. Щепинскій. Спб. 1893. С. Т—снаго. — 9) А. А. Титовъ. Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости. Неофициальная часть. Списокъ и указатель статей, помѣщенныхъ въ Вѣдомостяхъ за все время ихъ существованія 1860—1892 гг. Сергіевъ Посадъ. 1893. В. Б.	

См. слѣд. стр.

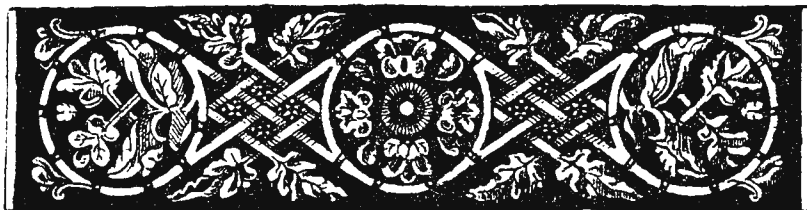
	СТР.
XIV. Историческія мелочи	273
1) Филовъ Александрійскій.—2) Откуда пришли американскіе индѣйцы? —	
3) Политическія отравленія въ Венеціанской республикѣ. — 4) Старческая любовь герцога Веллингтона. — 5) Первый бракъ Альфонса XII. — 6) Древнѣйшій англійскій родъ и его жилище. — 7) Пятисотлѣтній юбилей Генриха Мореплавателя. — 8) Смерть Кошута.	
XV. Заграничныя историческія новости	290
XVI. Смѣсь	298
1) Семидесятипятилѣтіе Петербургскаго университета. — 2) Домикъ Петра Великаго въ Борисовкѣ.—3) Историческое общество.—4) Столѣтняя годовщина рожденія П. И. Сосницкаго.—5) Некрологи: Ф. М. Дмитріевъ; П. Я. Левенсонъ; Е. К. Альбрехтъ; П. А. Шмаковъ.	
XVII. Забѣтки и поправки	304
Къ біографіи пѣвца Саріотти. Н. Арнольди.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Н. П. Синельникова.—2) Подъ тѣнью меча. (The Shadow of the Sword). Романъ изъ эпохи Наполеона I. Роберта Бука-нана. Переводъ съ англійскаго. XXI—XXX. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ СИНЕЛЬНИКОВЪ

д.о.в. пенз. св. . 26 марта 1894 г.

VIA FACTI ¹⁾.

Историческій романъ.

(1771—1773 гг.).

—
X.

'EST UN SPHYNX! Le diable lui meme serait au bout de son latin! — говорилъ Сэльянъ по утру, думая объ Агатѣ и русскомъ офицерѣ.

Разумѣется, капитанъ «пересидѣлъ» его накануне. Сэльянъ ушелъ около полуночи и, будучи насторожѣ у себя въ номерѣ, увидѣлъ Панина уходящимъ только часа въ два ночи.

И онъ, скверно проспавъ ночь, сталъ усовѣщевать себя, какъ и всѣ влюбленные, то-есть сталъ доказывать себѣ, что Агата вовсе не такъ хороша и интересна, чтобы на столько быть занятымъ ею, когда есть дѣло поважнѣе. Къ тому же ея поведеніе съ русскимъ, ея быстрое увлеченіе имъ, человѣкомъ совсѣмъ не привлекательнымъ и не особенно умнымъ, просто возмущало его. Возмущало и въ то же время было и оставалось загадкой.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LV стр. 593.

Вчера капитанъ видимо бѣсился, что Сэльянъ явился, бѣсился, что Агата вмѣсто того, чтобы избавиться отъ него, тотчасъ оставила его и выдумала игру въ карты... А она сама будто забавлялась этой злобой капитана, будто шалила... Понять нельзя было ничего...

А между тѣмъ французъ ошибался въ главномъ. Онъ былъ не правъ, думая, что Агата только что за недѣлю передъ тѣмъ познакомилась съ Панинымъ, и вполнѣ обманывался, предполагая, что офицеръ новый любовникъ кокетки-сфинкса.

Панна Францъ знала русскаго офицера уже съ полгода, познакомившись съ нимъ еще въ Варшавѣ. При этомъ она позволяла ему стоять предъ ней часами на колѣняхъ и цѣловать ея хорошенькія маленькія ручки... Но далѣе дѣло не шло...

Поэтому, быть можетъ, капитанъ Панинъ и былъ крайне серьезно влюбленъ въ панну... Онъ долженъ былъ жить въ Варшавѣ, по мѣсту службы, но постоянно бралъ отпуска или напрашивался самъ на порученія и, разъѣзжая, пріѣзжалъ на свиданіе съ Агатой, зная постоянно, гдѣ она находится. А она находилась на большихъ дорогахъ, то-есть переѣзжала съ мѣста на мѣсто и передвигалась не хуже генерала Суворова, такъ же быстро исчезала и снова появлялась въ разныхъ мѣстахъ.

Панинъ изумлялся подобной энергіи молодой женщины, которая жила этой жизнью ради большого торговаго предпріятія, оставшагося ей по наслѣдству отъ отца и которымъ она завѣдывала сама. Такъ объяснила ему Агата свою кочевую жизнь, и офицеръ наивно вѣрилъ.

За послѣднее время Панинъ поступилъ на службу къ новому резиденту императрицы Сальдерну чиновникомъ по особымъ порученіямъ и съ этого момента сталъ видаться съ панной Францъ гораздо чаще, ибо съ одной стороны сталъ больше разъѣзжать по королевству, а съ другой—сама панна стала съ нимъ много милѣе. Она теперь постоянно сама назначала ему свиданія, писала ему часто и увѣдомляла, когда будетъ въ какомъ городѣ. Иногда она сама являлась въ то мѣсто, куда долженъ былъ пріѣхать Панинъ по службѣ, и этимъ доказывала, на сколько и ей необходимы и дороги эти свиданія.

И они дѣйствительно были паннѣ дороги, ибо тайнъ у капитана отъ красавицы не было.

Агата знала не только все, что дѣлаетъ русское правительство въ лицѣ резидента, но знала и то, что оно собирается дѣлать. Панинъ рассказывалъ все, что зналъ, а зналъ онъ довольно многое. При этомъ онъ ясно видѣлъ, что все это нисколько не интересуетъ Агату и не можетъ интересовать. Однако, сидя съ нею по часамъ, ему какъ бы помимо воли приходилось заговорить о своей службѣ и дѣлахъ. А панна поневолѣ выслушивала, позѣвывая, со скуки... но разспрашивала подробности...

На это утро новая нечаянность ожидала Сэльяна. Когда Коссинскій принесъ ему потребованный завтракъ, то объяснилъ, что послѣдній разъ служить ему, отказывается отъ помощи французскими деньгами и тотчасъ уѣзжаетъ, рѣшаясь отдаться всецѣло иной дѣятельности.

— Съ вами я не считаю нужнымъ скрываться,—сказалъ Коссинскій.—Вчера вечеромъ, покуда вы у панны Францъ играли въ карты съ русскимъ офицеромъ, я просидѣлъ весь вечеръ у пана Стравинскаго. Бесѣда наша была на столько серьезна, что я даже рѣшился пренебречь справедливымъ гнѣвомъ хозяина «Золотого Вепря». Цѣлый вечеръ всѣ постояльцы напрасно звали меня по всѣмъ корридорамъ. Лакей Козьма исчезъ изъ гостинницы и пропалъ безъ вѣсти до двухъ часовъ ночи. Иначе говоря, я просидѣлъ безвыходно шесть часовъ у Стравинскаго.

И затѣмъ онъ объяснилъ Сэльяну, что не можетъ воспользоваться его предложеніемъ—стать конфедератомъ на деньги французскаго правительства, а рѣшается слѣдовать за Стравинскимъ на совершенно иное дѣло, гдѣ онъ можетъ быть гораздо полезнѣе родинѣ, чѣмъ въ рядахъ конфедератовъ.

— Дѣло это крайней важности; говорить о немъ вамъ я, конечно, не могу, но черезъ мѣсяцъ вы услышите и о Стравинскомъ, и о Коссинскомъ. Если намъ удастся наше предпріятіе, то мы обезсмертимъ наши имена и спасемъ родину.

Затѣмъ Коссинскій сталъ прощаться съ французомъ.

— Какъ,—удивился этотъ,—развѣ вы сегодня же уѣзжаете?

— Сегодня же. Я уже, благодаря вчерашнему моему исчезновенію, сегодня получилъ отъ хозяина страшнѣйшій выговоръ и расчетъ въ нѣсколько золотыхъ, но у Стравинскаго деньги есть, и мы выѣзжаемъ сегодня вечеромъ.

— Можно узнать куда?—спросилъ Сэльянъ.

Коссинскій поколебался минуту, потомъ вымолвилъ:

— Вамъ можно сказать. Въ Ченстохово.

— Къ Пулавскому? Такъ, по крайней мѣрѣ, будьте добры передать ему лично отъ меня, что я до сихъ поръ не имѣю отъ него никакого отвѣта.

Коссинскій общался, и они разстались.

Однако, подавая руку французу, Коссинскій прибавилъ:

— Послушайтесь совѣта человѣка, которому вы очень понравились, который желаетъ вамъ всего лучшаго, послушайтесь послѣдняго совѣта: не живите здѣсь, въ Люблинѣ, въ гостинницѣ безъ всякаго дѣла, когда въ городѣ все начальство московскихъ войскъ. Если васъ заподозрятъ, то не поцеремонятся—арестуютъ и соплотъ куда нибудь на границу Сибири. Уѣзжайте хоть въ какой нибудь маленькій уѣздный городъ.

Сэльянъ хотѣлъ отвѣчать, что онъ бы непременно сдѣлалъ это, но что его задерживаютъ теперь въ Люблинѣ обстоятельства, совершенно чуждыя Польшѣ и конфедератамъ. Но онъ ничего не сказалъ Коссинскому. Ему стыдно было признаться, что его удерживаетъ въ Люблинѣ «une amourette», какъ самъ онъ мысленно называлъ свое увлеченіе Агатой.

Не зная, какъ убить время, Сэльянъ вышелъ прогуляться по городу. Люблинъ принялъ совершенно иной видъ. Повсюду, постоянно, на каждомъ шагу попадались самые разнообразныя русскіе мундиры. Городъ былъ переполненъ войсками всѣхъ оружій.

Сэльянъ съ любопытствомъ оглядывалъ и солдатъ, и офицеровъ, но болѣе всего интересовали его бородатые воины въ странныхъ шапкахъ, съ пиками, на странныхъ, неуклюжихъ, худыхъ и быстроногихъ коняхъ.

Пробродивъ по городу и уже возвращаясь въ гостинницу, французъ, завернувъ за уголъ, прямо налетѣлъ на быстро и задумчиво идущую панну Францъ. Она была, повидимому, на столько озабочена, что даже не замѣтила бы его и прошла мимо, если бы онъ не всталъ поперекъ дороги. Поднявъ глаза, она невольно ахнула. Сумрачное лицо ея стало тотчасъ же безпечно-веселымъ, но Сэльянъ замѣтилъ, что это была игра, и она притворялась.

— Madame Franz очевидно непріятно удивлена, что встрѣтила меня?—сказалъ онъ угрюмо.

— Нисколько! Напротивъ, я хотѣла видѣть васъ, чтобы спросить, какое впечатлѣніе унесли вы вчера послѣ вечера, проведеннаго у меня?

— Очень досадное. Совершенно непонятное для меня обстоятельство помѣшало мнѣ даже спать. Я не могу понять, чтобы такая прелестная женщина, какъ вы, могла въ нѣсколько дней увлечься такимъ медвѣдемъ, какъ этотъ русскій офицеръ.

— А вы думаете, что я увлечена имъ?—разсмѣялась Агата.

— Il est votre amant!—рѣзко вымолвилъ Сэльянъ, съ тѣмъ озлобленіемъ, которое является у отверженныхъ и ревнующихъ поклонниковъ.—Да,—горячо подхватилъ Сэльянъ, — что бы вы ни говорили, я знаю, что это такъ! Знаю это не потому, что видѣлъ его на колѣняхъ передъ вами. Я и прежде зналъ это. Станете вы отрицать это?

— А вы имѣете право требовать отъ меня признанія? — отвѣтила Агата свысока.

— Мое право простое: я увлекся вами больше, чѣмъ слѣдовало. Вы кокетничали со мной, а этотъ медвѣдь.. Я знаю, что вы нѣсколько дней назадъ познакомились съ нимъ, что прежде вы его никогда не видѣли, не только не знали, а между тѣмъ, повторяю, онъ вашъ любовникъ. Что же не правда это?

— Не правда!—отозвалась Агата.—Но это можетъ быть правдой съ часу на часъ...

— Почему? Неужели онъ нравится вамъ?

— Онъ мнѣ противенъ.

— Я ничего не понимаю...

— Понять очень легко и очень трудно. Подождите, быть можетъ, черезъ нѣсколько дней я скажу вамъ нѣсколько словъ, и многое непонятное станетъ для васъ совершенно понятнымъ. Выслушайте. Я скажу вамъ откровенно, ибо мнѣ нѣтъ повода лгать: вы мнѣ нравитесь. Вы—первый французъ, съ которымъ я познакомилась, я знаю, что вы въ меня влюблены, я бы готова отвѣчать вамъ взаимностью, но...

Агата засмѣялась страннымъ смѣхомъ.

— Теперь не время... Некогда... Не такія времена переживаетъ Польша.

— А братъ любовниками русскихъ офицеровъ время?! — рѣзко вскрикнулъ Сэльянъ.

— Самое подходящее время, *mon cher lieutenant!* Но оставимъ этотъ разговоръ! Какъ нибудь вечеромъ я буду свободна, этотъ медвѣдь, какъ вы называете его, не придетъ, и я попрошу васъ къ себѣ, мы объяснимся откровеннѣе. А покуда,—прибавила она, подавая ему свою маленькую ручку,—удовольствуйтесь слѣдующимъ признаніемъ. Панъ москаль мнѣ не только не нравится, но даже онъ мнѣ противенъ. Французскій лейтенантъ мнѣ очень нравится... А что изъ всего этого выйдетъ, мнѣ неизвѣстно. Ну, до свиданія.

— Позвольте мнѣ проводить васъ по крайней мѣрѣ.

— Куда?

— Туда, куда вы идете.

— Это наивно. Вы знаете, что я не изъ тѣхъ женщинъ, что просто гуляютъ или болтаются по городу или лавкамъ.

— Вы отправляетесь по дѣлу?

— Конечно!—улыбнулась Агата насмѣшливо.—Я иду на тайное свиданіе...

— Съ этимъ офицеромъ?

— О, нѣтъ! Съ нимъ мнѣ нѣтъ нужды скрываться. На болѣе важное и интересное свиданіе.

— Любовное?

Агата звонко разсмѣялась.

— Меня ожидаетъ семидесятидвухлѣтній еврей въ лачугѣ на концѣ города.

— Правда ли это?—вдохнулъ неволью Сэльянъ.

— Даю вамъ честное слово!—серьезно молвила она и, кивнувъ головой мило и привѣтливо, какъ другу, Агата быстро двинулась и скоро скрылась въ концѣ улицы.

Въ тотъ же день, въ сумерки, Сэльянъ узналъ, что въ номерѣ панны Францъ снова сидитъ тотъ же русскій офицеръ. Молодого

лейтенанта, влюбленнаго болѣе, чѣмъ когда либо, ради послѣдняго разговора съ Агатой, зло брало; повторить же вчерашнюю выходку и явиться незванымъ было, конечно, невозможно.

Часовъ въ одиннадцать, когда французъ собирался уже ложиться спать, въ дверь его постучали. Онъ отомкнулъ замокъ и увидѣлъ передъ собой горничную панны Францъ.

— Панна проситъ пана къ себѣ тотчасъ!—произнесла она.

— А панъ русскій у нея?

— Нѣтъ, сейчасъ ушелъ.

Сэльянъ, совершенно смущенный отъ неожиданности и отъ радости, быстро надѣлъ свой камзолъ и кафтанъ и черезъ минуту былъ уже у Агаты.

Когда онъ вошелъ, она быстрыми шагами ходила по комнатѣ взадъ и впередъ. Едва она обернулась къ нему, какъ Сэльянъ сразу замѣтилъ перемѣну въ лицѣ ея. Оно было необычно сумрачно и серьезно; лейтенанту показалось даже одно мгновеніе, что передъ нимъ стоитъ не Агата Францъ, а другая женщина, лишь похожая на нее.

Она взяла его за руку и, нервнымъ движеніемъ потянувъ за собой, сѣла на диванъ и посадила его около себя.

— Что нибудь случилось?—догадался онъ.

— Да!—кратко отозвалась она. — Случилось... Вдругъ!.. Совершенно неожиданно! Я еще до сихъ поръ не могу собраться съ мыслями. Невѣроятное... Скажите, вы мнѣ говорили поутру, что вы равнодушны ко мнѣ?

— Нѣтъ. Болѣе того... Я имѣлъ глупость влюбиться въ васъ. Я серьезно увлеченъ вами.

— Я вамъ вѣрю, потому что видѣла вчера вечеромъ и сегодня, какъ вы ревновали меня къ этому медвѣдю. Хотите ли вы купить мою взаимность или заслужить ее?

— Конечно, всячески!

— Въ такомъ случаѣ все въ вашихъ рукахъ. Судьба такъ хочетъ... Тому назадъ нѣсколько часовъ уѣхалъ Стравинскій, единственный человѣкъ, который могъ спасти все...

— Развѣ вамъ что либо угрожаетъ?—воскликнулъ Сэльянъ.

— Не мнѣ лично, но все равно, онъ могъ помочь мнѣ, вывести изъ затрудненія, но онъ уѣхалъ, а черезъ два часа послѣ его отъѣзда я уже попала въ безвыходное положеніе. Теперь во всемъ Люблинѣ самый близкій мнѣ человѣкъ—французскій лейтенантъ, къ нему одному я могу обратиться за помощью. Хотите ли вы доказать мнѣ, что вы меня любите?

— Повторяю, что да и да, и сто разъ да!

— Согласны ли вы купить или заслужить мое расположеніе, исполнивъ маленькое порученіе, но довольно мудреное для васъ лично, такъ какъ вы не говорите польски?

— Повторяю: на все согласенъ!

— Такъ слушайте же!

И Агата подробно и толково передала Сэльяну, что въ эти дни все надежды—и послѣднія—всѣхъ патріотовъ отечества возлагаются на великаго гетмана Огинскаго, который нѣсколько разъ уже разбивалъ русскія войска. И вотъ теперь этому оплоту Польши грозитъ нежданно неминуемая и страшная опасность. Черезъ день или два русскія войска подъ начальствомъ Суворова двинутся на Огинскаго.

— Нужно, чтобы великій гетманъ зналъ это, былъ предупрежденъ; нужно, чтобы кто нибудь немедленно скакалъ къ нему и предупредилъ его. Я бы могла послать съ письмомъ какого нибудь простого еврея,— сказала Агата,— но я боюсь. Мало ли что можетъ случиться! Дѣло это слишкомъ важно. Писать же опасно, да и не надежно. Если бы Стравинскій былъ здѣсь, то, конечно, сейчасъ же поскакалъ бы къ Огинскому. Но его нѣтъ! А помимо васъ я не знаю ни одного человѣка въ Люблинѣ, который бы могъ тотчасъ съѣздить въ Слонимъ, гдѣ находится теперь Огинскій, и передать ему на словахъ все, что нужно. Согласны ли вы?

— Конечно, согласенъ!—воскликнулъ Сэльянъ.

— Но какъ вы проѣдете, едва маракуя попольски?

— Не безпокойтесь, я знаю достаточно словъ, чтобы имѣть лошадей и не сбиться съ дороги. Но что же я ему скажу? Повѣрить ли онъ мнѣ?

— Слушайте! Вы скажете ему, что Агата Францъ, лично извѣстная госпожѣ Франсуазѣ Белькуръ...

— Это французенка?—спросилъ Сэльянъ.

— Да, это французенка, съ которой, быть можетъ, вы и познакомитесь. Итакъ, вы скажете ему, что Агата Францъ, находящаяся въ интимныхъ отношеніяхъ съ русскимъ офицеромъ Панинымъ, который пріѣхалъ изъ Варшавы отъ Сальтерна къ генералу Суворову, узнала, что войско Суворова, не смотря на формальное запрещеніе русскаго главнокомандующаго Веймарна, выступаетъ черезъ дня два-три изъ Люблина въ Литву, чтобы сразиться съ войсками великаго гетмана. Пускай онъ будетъ насторожѣ. Вотъ все, что нужно. Согласитесь, это не трудно!

— Конечно! И это будетъ сдѣлано.

— Ну, вотъ, тотчасъ же выѣзжайте, исполняйте мое порученіе, возвращайтесь сюда и тогда... Тогда вы будете счастливымъ соперникомъ офицера Панина.

XI.

Юная сакраментка и наслѣдница миллионнаго состоянія столько пережила и почувствовала въ день бѣгства изъ монастыря, что, конечно, заболѣла съ перепуга.

Спасенные Луковскимъ, Илиничъ и Магдалина Напольская рѣшились изъ чувства самосохраненія остаться при небольшомъ отрядѣ Луковского и вмѣстѣ съ нимъ, ради безопасности, бѣжать какъ можно далѣе отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ имѣли сильныхъ враговъ въ лицѣ Дзялынскаго и Закржевскаго.

Луковский раздѣлялъ мнѣніе жениха и невѣсты, что имъ лучше удалиться въ предѣлы Литвы и стать подъ покровительство сильнаго магната, какимъ былъ Огинскій.

Онъ не только соглашался взять ихъ съ собой, но даже изъ дружбы къ своимъ новымъ друзьямъ рѣшился на довольно рискованное дѣло — пробить лишнихъ двое сутокъ въ окрестностяхъ Люблина.

Луковский былъ отряднымъ начальникомъ въ литовскихъ войскахъ, куда поступилъ всего мѣсяца два назадъ. За послѣднее время на эти войска и на ихъ гетмана были обращены взоры всей Польши; на нихъ возлагались всѣ надежды. Гетманъ за послѣднее время уже разбилъ нѣсколько русскихъ отрядовъ. Недавняя побѣда его надъ русскими войсками прогремѣла по всей Польшѣ и за предѣлами королевства: Огинскій разбилъ на голову русскій отрядъ, въ которомъ было шесть полковъ и три тысячи казаковъ.

Луковский, отличившійся въ двухъ-трехъ битвахъ, сталъ довѣреннымъ лицомъ Огинскаго и теперь былъ посланъ гетманомъ въ Ченстохово къ Пулавскому, чтобы узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла конфедератовъ.

Между этими патріотами отечества происходили за послѣднее время всякія распри изъ-за соперничества, и Огинскій долго колебался и медлилъ открыто объявить себя противникомъ короля и сторонникомъ этихъ защитниковъ отечества отъ иноземцевъ. Но въ то самое время, когда гетманъ, понукаемый новымъ резидентомъ русскаго правительства Сальдерномъ, высказаться прямо и ясно, а не играть двуличной роли, рѣшился открыто начать борьбу съ русскими, всѣ отряды конфедератовъ, не исключая и Пулавскаго, были поочередно разбиты Суворовымъ.

Огинскій послалъ Луковского въ Ченстохово, чтобы собрать свѣдѣнія, самыя вѣрныя, какія произошли битвы, какія потери въ войскахъ и въ какомъ положеніи находятся дѣла конфедератовъ. Луковский отправился съ небольшимъ отрядомъ въ Ченстохово, но около Люблина набралъ вновь волонтеровъ, и теперь у него былъ отрядъ челоуѣкъ въ триста.

Оставаться въ окрестностях Люблина, куда теперь вдругъ явился генераль Суворовъ, послѣ своихъ маленькихъ побѣдъ, было опасно. Правда, что отрядъ Луковскаго разселился въ нѣсколькихъ деревушкахъ, но, тѣмъ не менѣе, о немъ могли донести измѣнники.

На утро послѣ спасенія Илинича и Напольской Луковскій хотѣлъ выступить и идти скорымъ маршемъ въ Слонимъ, резиденцію великаго гетмана, на границѣ Польши и Литвы, но затѣмъ вслѣдствіе просьбы Илинича, а главное Магды, онъ согласился подождать сутки или двое. Луковскій, однако, самъ себя удивлялся: онъ рисковалъ многимъ. Отрядъ его, въ случаѣ измѣны, могъ быть уничтоженъ русскими войсками, и самъ онъ могъ попасть въ плѣнъ. Здравый смыслъ приказывалъ ему немедленно двигаться въ Слонимъ, а между тѣмъ онъ уступилъ просьбамъ юной красавицы и миллионерши, которая все еще была въ одеждѣ сакраментки.

Въ одни сутки Луковскій успѣлъ самъ прельститься Магдою и былъ очарованъ ею. Помимо чудныхъ глазъ и милого кроткаго голоса бѣглянки изъ монастыря, на Луковскаго подѣйствовало и нѣчто особенное, въ чемъ онъ едва рѣшился признаться, чему боялся вѣрить...

Пробывъ въ маленькой деревушкѣ, въ плохой дырявой лачугѣ, вмѣстѣ съ Магдой и Илиничемъ цѣлый день, Луковскій убѣдился въ двухъ удивительныхъ вещахъ... Во-первыхъ, ему показалось, что Магда вовсе не влюблена въ своего нареченнаго избранника и, относясь къ нему спокойно, въ сущности наивно равнодушна къ нему, т. е. сама того не сознаетъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ—а это главное—въ глазахъ красавицы Луковскій читалъ что-то лестное для себя. Прошли сутки, и панна Магдалина уже смотрѣла на новаго друга такими глазами, такъ улыбалась ему, что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ нравится ей. Такъ какъ хворость Магды была простая слабость отъ перепуга, то, разумѣется, черезъ день она чувствовала себя уже гораздо лучше.

Спустя двое сутокъ послѣ приключенія въ оврагѣ и въ храмѣ, отрядъ Луковскаго, раздѣлившись на шесть маленькихъ партій, двинулся по большой дорогѣ на Слонимъ. Такъ какъ разстояніе было верстъ въ двѣсти, а отрядъ дѣлалъ около тридцати верстъ въ сутки, то путешествіе ихъ продолжалось цѣлую недѣлю. И за эту недѣлю, проводя цѣлые вечера вмѣстѣ, молодые люди быстро сблизились, были первыми друзьями.

Магда все нѣжнѣе относилась къ начальнику отряда и уже сама начинала понимать, что Луковскій нравится ей. Онъ казался ей и умнѣе, и красивѣе Илинича. Кромѣ того, ему предстоитъ сдѣлаться вскорѣ чуть не правой рукой великаго гетмана литовскаго. Уже теперь онъ исполнилъ трудное и опасное порученіе гетмана, за которое ожидалъ получить, по крайней мѣрѣ, чинъ капитана.

Луковский, съ своей стороны, былъ очарованъ дѣвushкой, нѣсколько ограниченной, но красивой, замѣчательно кроткой, граціозной. Разумѣется, за ея очаровательной головкой передъ внутренними очами Луковского незримо стояло миллионное состояніе.

Въ то же время Илиничъ, или вслѣдствіе крайней самоувѣренности, или по наивности, ничего не замѣчалъ. Онъ даже радъ былъ, что его невѣста очаровала начальника отряда и любимца магната и гетмана. Онъ только и думалъ объ одномъ: какъ по прибытіи въ Слонимъ будетъ вѣнчаться съ Магдой и черезъ Луковского выхлопочетъ, чтобы великій гетманъ, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, согласился быть посаженнымъ отцемъ невѣсты.

Ровно черезъ недѣлю по выступленіи изъ окрестностей Люблина отрядъ Луковского, за которымъ слѣдовала бричка съ молодой красавицей, вступилъ въ Слонимъ.

Здѣсь и была резиденція гетмана Огинскаго, гдѣ у него былъ собственный замокъ. Обстановка магната была почти королевская. Недаромъ когда-то Огинскій, родственникъ, бывшій другъ, а теперь соперникъ и врагъ короля Станислава, самъ мечталъ быть избраннымъ королемъ. И король Станиславъ и русское правительство на столько опасались козней могущественнаго магната, что его пришлось, чтобы задобрить и утѣшить, сдѣлать великимъ гетманомъ Литвы.

Соперники во всемъ во времена оны, политическіе враги теперь, король Станиславъ и великій гетманъ были тѣмъ не менѣе какъ бы близнецы въ нравственномъ отношеніи. Оба веселые и безпечные характеромъ, оба страстные поклонники красоты и женщинъ, оба музыканты и поэты въ душѣ, оба честолюбцы, мечтатели, слабохарактерные и разнузданные.

Трудно было найти въ Польшѣ двухъ человѣкъ, которые бы болѣе походили другъ на друга и которые бы болѣе ненавидѣли другъ друга. Если теперь великій гетманъ рѣшился объявить себя другомъ конфедератовъ и начать борьбу съ непрошенными гостями—москалями, то главнымъ двигателемъ была ненависть къ Станиславу-Августу.

При каждой новой правительственной мѣрѣ короля польскаго великій гетманъ литовскій досадливо брюзжалъ, осуждая и критикуя, но оставался спокоенъ. Но когда до магната Огинскаго доходило какое нибудь новое, превозносимое всѣми, стихотвореніе Станислава Понятовскаго, то поэтъ-гетманъ изъ себя выходилъ и распался, насмѣхаясь надъ бездарнымъ поэтомъ-монархомъ.

Луковский, явившись къ гетману и отдавъ отчетъ въ исполненіи его порученія, тотчасъ же былъ награжденъ чиномъ капитана. Вѣсти, привезенныя имъ, были самыя плачевныя. Въ то время, когда гетманъ побѣждалъ московскія войска и даже занялъ городъ

Минскъ, чѣмъ нашумѣлъ на всю Европу, конфедераты, которымъ онъ собрался открыто подать руку, были по очереди разбиты генераломъ Суворовымъ. Огинскій же только теперь узналъ это.

Единственное утѣшеніе было въ томъ, что Пулавскій продолжалъ держаться въ Ченстоховѣ, отбилъ нѣсколько приступовъ того же генерала Суворова и былъ полнымъ хозяиномъ на довольно большомъ пространствѣ съ укрѣпленными пунктами въ Черникѣ и Ланскронѣ.

Луковскій передалъ Огинскому, что конфедераты окончательно рѣшились въ случаѣ успѣха великаго гетмана въ борьбѣ съ москалями проповѣдовать и всячески стараться дѣйствовать, чтобы король Станиславъ, призвавшій въ Польшу русскія войска, былъ низложенъ, а на его мѣсто былъ бы избранъ онъ, Огинскій.

Окончивъ свой подробный рапортъ, Луковскій передалъ гетману и о приключеніи, въ которомъ онъ игралъ роль спасителя. Узнавъ, что спасенная Луковскимъ юная сакраментка — красавица собой, Огинскій пожелалъ, конечно, видѣть Магду. Но сдѣлать это просто было мудрено.

Въ замкѣ Огинскаго была повелительница — французенка Франсуаза Белькуръ, молодая, черноокая гасконка, уроженка Пиренеевъ, совершенная испанка типомъ и характеромъ. Огинскій не желалъ возбудить ея ревность.

Было рѣшено, что на слѣдующій день въ замкѣ будетъ вечеръ, будутъ приглашены всѣ офицеры литовскихъ войскъ и всѣ находящіяся въ Слонимѣ дамы: жены офицеровъ и жены сосѣднихъ пановъ.

Луковскій тотчасъ же передалъ Илиничу и Магдѣ приглашеніе гетмана. Приходилось какъ можно скорѣй приготовить бѣглянкѣ изъ монастыря подходящий костюмъ. Это было, разумѣется, нетрудно, такъ какъ въ Слонимѣ нашлись и купцы, торговавшіе всякими товарами, и портнихи мастерицы.

Въ тѣ самыя минуты, когда замокъ великаго гетмана готовился къ приему гостей, ярко освѣщался огнями, — въ одномъ изъ небольшихъ домовъ главной улицы Слонима произошло нѣчто неожиданное и роковое. Здѣсь въ эти минуты панна Магда, смущаясь и волнуясь, надѣвала бальное платье изъ бѣлаго атласа, отдѣланное золотомъ.

Двое молодыхъ людей — Илиничъ и Луковскій — сидѣли вмѣстѣ, въ ожиданіи появленія панны изъ ея уборной. Горничная панны явилась и передала Илиничу, что молодая дѣвушка вспомнила, что у нея нѣтъ духовъ, и просить пана какъ можно скорѣе добыть ихъ. Илиничъ бросился исполнять порученіе по указанію Луковскаго.

Молодой капитанъ остался одинъ и задумчиво сидѣлъ въ углу гостиной, снова въ тысячный разъ повторяя мысленно: «Какое

счастье бываетъ людямъ! И такимъ, какъ Илиничъ, который этого счастья не стоитъ»...

И вмѣстѣ съ тѣмъ теперь онъ тоже въ сотый разъ спрашивалъ себя: обманывается ли онъ, мерещится ли ему то, что онъ ежедневно читаетъ въ глазахъ панны Магды, и что изъ этого можетъ выйти. Вѣроятно, ничего, а между тѣмъ могло бы выйти нѣчто очень важное.

Раздумье молодого человѣка было прервано скрипомъ двери. Онъ поднялъ глаза, вскочилъ съ мѣста, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и ахнулъ... Передъ нимъ стояла почти незнакомая ему молодая женщина. Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ... Неужели это панна Магдалина? Неужели эта блестящая красавица съ обнаженной шеей и руками, въ чудномъ бальномъ нарядѣ—та же самая скромная и кроткая бѣглянка сакраментка?

Дѣйствительно, костюмъ на столько измѣнилъ Магду, что ее узнать было трудно. Если молодая дѣвушка была красива и очаровательна въ скромной одеждѣ монахини, то, разумѣется, теперь въ блестящемъ бѣломъ платьѣ, съ красивыми обнаженными плечами, съ другой прической, напудренная, съ мушками на лицѣ—юная Магдалина была поразительно хороша собой.

Луковский, восторгаясь ею, казалось, внезапно потерялъ рассудокъ. Онъ приблизился къ ней, взялъ ее за руку, подвелъ ближе къ столу, гдѣ горѣлъ канделябръ со свѣчами, и воскликнулъ:

— Боже мой, пани, какъ вы хороши!.. И всегда вы были хороши, а теперь... Теперь всякій съ ума сойдетъ отъ васъ!

Магда слегка смутилась, зарумянилась, смущенно опустила глаза и стала еще красивѣе, граціознѣе и восхитительнѣе.

— Это ужасно,—воскликнулъ Луковский,—подумать, что вы нареченная невѣста Илинича, что вы на половину принадлежите другому! Отъ этой мысли можно застрѣлиться.

Панна Магда подняла на него удивленные глаза.

— Вы удивляетесь? Вы не вѣрите? Неужели вы не видите, что за то малое время, что я знаю васъ, я потерялъ отъ васъ голову!..

И не помня себя, будто не соображая, что онъ говоритъ, Луковский страстно, бурно признался въ своей любви. Онъ умолялъ Магду тотчасъ рѣшить его участь, сказать хоть слово, и самъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ точно не вѣрилъ собственному голосу и собственнымъ словамъ.

Магда, взволнованная, давно уже опустила на ближайшее кресло и, широко раскрывъ глаза, слушала его, сначала удивляясь, потомъ смущаясь... Наконецъ, взглядъ ея красивыхъ глазъ остановился на лицѣ Луковского съ такимъ выраженіемъ, что молодой капитанъ вдругъ опустился передъ ней на колѣни и, осыпая поцѣлуями ея красивыя обнаженные руки, повторялъ внѣ себя:

— Одно слово, пани! Вѣдь вы еще свободны, не обвѣнчаны. Ваша судьба въ вашихъ рукахъ... Скажите мнѣ. Вѣдь вы не лю-

бите Илинича? Вы вообразили это... Я не знаю, какъ вы рѣшились бѣжать съ нимъ изъ монастыря, но я знаю... Я видѣлъ... Я чувствую, что у васъ къ нему простая дружеская склонность. Скажите, любите ли вы Илинича. Скажите, положа руку на сердце!

Магда долго молчала и наконецъ тихо вымолвила:

— Я сама не знаю...

— Я знаю и за васъ отвѣчу! Нѣтъ, вы его не любите! Между нимъ и вами—простая дружба. Да и онъ не любитъ васъ такъ, какъ вы того достойны! И у него къ вамъ какое-то братское тихое чувство. Скажите, могу ли я надѣяться, что всѣ обстоятельства могутъ еще измѣниться въ мою пользу? Отвѣчайте!

— Не знаю...—тихо, чуть слышно отозвалась Магда.—Не знаю... право... Можетъ быть...

И это «можетъ быть» такъ подѣйствовало на Луковского, что онъ схватилъ Магду за руки, привлекъ и, не помня себя, покрылъ поцѣлуями ея зарумянившееся лицо...

И въ ту же минуту за его спиной раздался отчаянный крикъ... Въ дверяхъ стоялъ Илиничъ истуканомъ, блѣдный, растерянный, съ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ было не только недоумѣніе, но безсмысліе или безуміе.

— Панъ Илиничъ! — воскликнулъ Луковский, поднимаясь на ноги.—Бываютъ на свѣтѣ такія дѣла, такія обстоятельства, которыя уразумѣть трудно. Заявляю вамъ, что мои права на панну Магдалину Напольскую съ этой минуты равны вашимъ правамъ. Она будетъ принадлежать тому изъ насъ двухъ, котораго выберетъ. А затѣмъ мы, конечно, съ вами должны стать въ положеніе злѣйшихъ враговъ. Если вы пожелаете рѣшить все единоборствомъ, поединкомъ на жизнь и смерть, то я признаю за вами право — требовать у меня удовлетворенія, а за собою долгъ—дать вамъ его.

Илиничъ продолжалъ стоять истуканомъ и наконецъ черезъ силу упавшимъ голосомъ выговорилъ:

— Магда, скажи хоть слово... Что это?

Дѣвушка закрыла лицо руками.

— Правду ли говорить онъ, что его права равны моимъ, что ты дала ихъ ему?

Магда молчала.

Илиничъ схватилъ себя за голову, затѣмъ глухо зарыдалъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Магда не двинулась. Луковский былъ слегка смущенъ, но страстно смотрѣлъ на красавицу.

Графъ Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. Θ. КАМЕНСКОЙ ¹⁾.

VI.

Послѣдствія наводненія.—Хлопоты съ больной теткой.—Постройка ледяной горы.—Поѣздка въ Гапсаль.—Генеральша Рѣзвая.—А. И. Сапожниковъ.—Анекдотъ о графѣ Клейнмихелѣ.—Жизнь въ Гапсаль.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Гувернантка Е. Н. Геммеръ.—Учитель французскаго языка Lioseun.—Маскарадъ въ нашемъ домѣ.—Шпіонъ Элъканъ.—Фокусы.—Необычайное появленіе крысы.—Кончина императора Александра I.—14 декабря.—Бунтовщики въ нашей кухнѣ.—Раненый унтеръ-офицеръ.—Арестъ отца, его допросъ и оправданіе.—Павель Вестужевъ.—Объясненіе съ императоромъ Николаемъ.—Похороны императора Александра I.—Протоіерей Масловскій.—А. Н. Русconi.—Лѣченіе симпатическими средствами.—Излѣченіе императора Николая.—Кончина императрицы Елисаветы Алексѣевны.—Разсказъ о ея послѣднихъ дняхъ Ю. Д. Тисень.—Тайственная шкатулка.—Θ. Н. Кусова и Касель.—Семейная картина.—Могила Рылѣва.

А О ПРЕЖДЕ, чѣмъ разсказать про наше житіе въ Гапсаль, не могу не вспомнить о томъ, какъ вся семья наша бѣдствовала отъ 7 ноября до 14 мая въ нашемъ полуразрушенномъ розовомъ домѣ. Кухня, кладовыя и всѣ помѣщенія людей, были буквально размыты водой, такъ что даже псварь Филиппъ стряпаль для насъ у кого-то изъ сосѣдей. Людей со смерти дѣдушки у насъ прибавилось еще цѣлыхъ двѣ семьи, которыя отъ шапенъки идти на волю ни за что не хотѣли, и весь этотъ народъ слѣдовало перевести изъ нижняго въ верхній этажъ. Можно себѣ представить, какъ распорядился этимъ переводомъ мой отецъ, который даже у себя за обѣдомъ приказывалъ всегда подавать кушанье себѣ послѣдному и зорко наблюдалъ, чтобы всѣмъ всего хватило, что, по

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LV, стр. 603.

правдѣ сказать, было совершенно лишнее, такъ какъ маменька сама любила кормить хотя и не затѣйливыми купаньями своихъ домочадцевъ и гостей вплотную. Но отъ этой привычки подумать о другихъ прежде себя она не могла излѣчить мужа. И въ это ужасное время онъ помѣстилъ людей по возможности просторно и не подумалъ даже оставить себѣ отдѣльнаго уголка, гдѣ бы ему было покойно, а притыкался гдѣ день, гдѣ ночь, какъ Богъ пошлетъ. Отъ этого всѣ привычки его были нарушены, всѣ работы пріостановлены, а безъ работы онъ скучалъ. Хотя онъ и продолжалъ всѣ свои служебныя занятія, но не былъ такъ добръ и веселъ, какъ прежде; къ тому же его сильно начиналъ мучить ревматизмъ въ ногахъ, который онъ схватилъ во время наводненія и послѣ, навѣщая сырые углы пострадавшихъ отъ него... По правдѣ сказать, и всему нашему женскому поколѣнію въ это время было немногимъ лучше, чѣмъ папенькѣ; бабушка Марія Степановна сидѣла безвыходно въ своей небольшой комнаткѣ съ опущенными шторами и ухаживала за бѣдной сестрой Лизанькой, у которой опять разболѣлись глаза. Маменька и тетки превратились въ настоящихъ сидѣлокъ при выздоравливающей тетѣ Надѣ, которую нашъ добрѣйшій докторъ приказалъ пока только питать и стараться не раздражать ничѣмъ. А эти предписанія исполнять было очень трудно! Во-первыхъ, у выздоравливающей аппетитъ сдѣлался просто баснословный: она просила ѣсть чуть не каждую минуту, а держать подъ рукою провизію, чѣмъ бы можно было во всякое время покормить больную, было негдѣ. На всемъ верху не было ни одного чуланчика, да и внизу всѣ кладовыя были разрушены. Но всегда находчивая маменька скоро придумала обратиться въ кладовую большой каминъ съ дверцами, который никогда не топился. И съ тѣхъ поръ въ немъ всегда стоялъ сырой вестфальскій окорокъ, жареные рябчики и даже конфеты. Бѣдная, вѣчно голодная, тетя Надя не сводила жадныхъ глазъ съ этого импровизированнаго для нея буфета. Такимъ образомъ одно изъ приказаній доктора было исполнено, но исполнить остальной приказъ его—не раздражать тетю Надю—было не возможно. Не перечая ей ни въ чемъ, нельзя было не допускать ея до сумасбродствъ, которыя всякую минуту приходили ей въ голову, а, во-вторыхъ, она сердилась и раздражалась сама безъ всякой причины. Помню, какъ теперь, какъ она возненавидѣла меня за то, что маменька отрѣзала мнѣ маленькій кусочекъ ветчины отъ ея окорока, и требовала, чтобы «гадкую жадную Машку» сейчасъ же выгнали изъ ея комнаты. А эту бѣдную Машку и выгнать-то было некуда... Долго мнѣ отъ нея житья не было, и чтобы спасти меня отъ нападковъ тети Нади, меня часто облекали въ мой нанковый заячій тулупчикъ, шапочку, валенки и прогоняли погулять на дворѣ. Говорять, я сильно обижалась, когда тетя Надя меня выгоняла, и часто

добрѣйшій отецъ мой, чтобы меня утѣшить, приходилъ поиграть со мной на дворѣ. Когда выпалъ глубокій снѣгъ, онъ началъ вмѣстѣ со мною строить для меня ледяную гору; я усердно ему помогала, работая не какъ дѣвочка-барышня, а какъ добрый мужиченко... Послѣ, тетки рассказывали мнѣ, что я на лопатѣ таскала такія огромныя охапки снѣга, что даже удивляла своей силой проходящихъ мимо нашихъ воротъ. Разъ, когда няня Аксинья бѣжала зачѣмъ-то въ лавочку, одна академическая дама остановила ее въ воротахъ и, указывая на меня, спросила:

— Скажи, милая, не знаешь ли, чья это силачка-дѣвочка, въ тулупѣ, все возится со снѣгомъ на этомъ дворѣ?

— Это наша графинюшка, Марья Ѳедоровна, моя воспитальница,—съ гордостью отвѣчала няня.—Онѣ теперь съ папенькой своимъ, графомъ, себѣ гору строятъ...

— Ну, ужъ графинюшка, нечего сказать! Не очень-то она у васъ на графиню похожа: это не графиня, а какая-то лошадь!—себѣ подъ носъ проговорила барыня и прошла мимо. Кажется, это все мой заячій тулупъ и валенки такъ портили мою дѣтскую репутацію. Вотъ тоже двѣ дѣвочки архитектора Гомзина, которыя выходили иногда въ шелковыхъ капотикахъ чинно погулять по двору, съ видимымъ презрѣніемъ оглядывали мой тулупъ и валенки, а мнѣ смертельно хотѣлось съ ними познакомиться; вотъ разъ я подошла къ нимъ и спросила: «дѣвочки, какъ васъ зовутъ?»

— Я,—Катенька,—сказала старшая.

— А я—Лизанька,—прибавила меньшая.—А васъ какъ зовутъ?

— Машенькой,—отвѣтила я.

— А кто вашъ папенька?

— Мой папенька—графъ Толстой.

— Графъ Толстой?.. что же, это очень мало! А какой у него чинъ? Вотъ мой папенька надворный совѣтникъ, а вашъ кто такой?—важно прибавила Катенька.

— Я не знаю... Погодите, я спрошу у маменьки. Мой, вѣрно, тоже надворный совѣтникъ,—сконфуженно проговорила я и стремглавъ пустилась домой, вбѣжала въ свѣтелку тетокъ и, запыхавшись, спросила:

— Маменька, кто мой папенька?

— Что ты, матушка, съ ума сошла! Развѣ ты не знаешь, что твой отецъ графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой?—съ удивленіемъ глядя на меня, сказала маменька.

— Что-жъ этого очень мало!—съ обиженнымъ видомъ повторила я слова Катеньки.—Вонъ у Гомзиныхъ дѣвочекъ папенька надворный совѣтникъ, а мой—кто же?

— Это тебя эти дѣвочки спрашивали?—улыбаясь, сказала маменька.—Ну, такъ поди, скажи имъ, что твой папенька мастеровой.

— Не правда, не правда!..—покраснѣвъ отъ стыда, заспорила я.

— Какъ не правда? Развѣ ты забыла, какъ онъ сидѣлъ у окна въ старомъ халатѣ и колотилъ молоткомъ? Ну, и значить, что онъ мастеровой. Такъ имъ и скажи.

Однако-жъ я этого отвѣта дѣвочкамъ Гомзинымъ не передала, а запряталась въ уголъ и долго плакала отъ горькой обиды, что мой папенька мастеровой, а не надворный совѣтникъ.

Не успѣла маменька устроить въ каминѣ буфетъ для тети Нади, какъ въ немъ начали твориться чудеса: по ночамъ въ немъ стала пропадать провизія. Думать на людей было невозможно, потому что по ночамъ никто не входилъ въ свѣтелку тетокъ. Можно заподозрѣть было крысъ, прогнанныхъ изъ подваловъ водою и переселившихся въ верхній этажъ, но и того подумать было нельзя, потому что дверцы камина поутру находили всегда плотно затворенными. Непроницаемая тайна длилась три дня и, наконецъ, совершенно неожиданно открылась. Постель тети Нади каждые три дня освѣжалась совершенно, даже тюфяки выносили выколачивать на дворъ. Представьте себѣ удивленіе маменьки и тетокъ, когда въ первую среду или субботу послѣ пропажи въ каминѣ, между тюфяками тети Нади нашли запахнутыми глубоко кости рябчиковъ, кусочки свиного жира, даже бумажки отъ конфетъ... Искусный воръ былъ найденъ: воровала по ночамъ сама тетя Надя. Эти поползновенія къ воровству остановила сразу моя меньшая тетка Саша. Она принесла откуда-то огромный пукъ розогъ и привязала его въ ногахъ кровати и, сдѣлавъ страшные глаза, строго сказала сорокалѣтней графинѣ Надеждѣ Петровнѣ:

— Это ты, безстыдница, воруюшь по ночамъ изъ камина?

Сорокалѣтній сіятельный ребенокъ залился слезами.

— Ну, не плачь!.. На первый разъ я тебя прощаю. Но вотъ смотри, видишь эти розги? Помни же, что если изъ камина опять что нибудь пропадетъ, я тебя высѣку и больно высѣку.

— Простите, не буду!.. Никогда не буду!—съ плачемъ закричала тетя Надя и бросилась цѣловать руки у двадцатилѣтней тети Саши.

Маменьку возмутила эта безсердечная шалость сестры съ больной: она сейчасъ же отвязала отъ кровати розги, приласкала и успокоила тетю Надю. Но, всетаки, видно, страхъ ея былъ силенъ, коли съ тѣхъ поръ изъ камина больше ничего не пропадало. Кромѣ этой первой провинности, тетя Надя не переставала мучить маменьку каждый день новыми фантазіями: то вдругъ вообразится ей, что она очень богата, и она начнетъ требовать, чтобы ей принесли ея большой сундукъ съ серебромъ или футляръ съ севрскимъ сервизомъ, которыхъ у нея никогда и не было. И если ея желанія не исполнялись скоро, начинала разрываться отъ горя и съ плачемъ жаловалась на то, что она прежде была очень богата, что ее ограбили французы, и что она теперь нищая.

И такъ убивалась бѣдная, что маменька, боясь этихъ волненій, даже принимала временно у кого нибудь желанныя тетей Надей вещи; ихъ приносили, ставили передъ ней, и радость ея была великая.

Смѣхъ и горе было съ бѣдной полупомѣшанной тетей Надей. И такъ всю зиму она оставалась почти въ томъ же положеніи; только къ веснѣ она стала спокойнѣе, смиреннѣе: стала ѣсть гораздо меньше, меньше болтала всякій вздоръ и даже порою присаживалась у своего окошечка за работу.

Докторъ, Андрей Егоровичъ, былъ очень доволенъ состояніемъ больной и даже подавалъ отцу надежду на скорое выздоровленіе его сестры. Успокоенный насчетъ тети Нади, отецъ мой началъ торопиться увезти скорѣй Лизаньку и меня изъ душныхъ комнатъ съ низкими потолками на чистый воздухъ, и, какъ я сказала выше, 14-го мая мы тронулись въ Гапсаль.

Не буду рассказывать про то, какъ мы доѣхали до Гапсаля. Кто туда съ тѣхъ поръ не ѣздилъ и не описывалъ своего путешествія?.. А вотъ расскажу только одно обстоятельство, встрѣтившееся намъ на пути, которое до сихъ поръ еще не вышло изъ моей памяти. Папенка, уѣзжая изъ Петербурга, далъ честное слово другу своему Андрею Петровичу Сапожникову заѣхать, по дорогѣ въ Гапсаль, навѣстить жену его Вѣру Дмитріевну Сапожникову, которая это лѣто проводила съ маленькой дочкой, Надей, въ имѣніи матери своей, генеральши Рѣзвой.

И точно, папенка не забылъ завезти насъ въ прелестную деревушку старушки Рѣзвой. Что это былъ за мирный уголокъ! Стоило только взглянуть на хорошенькій, утонувшій въ зелени барскій домикъ, чтобы подумать, что всѣ, кто живетъ въ немъ, должны непремѣнно благоденствовать и наслаждаться тихимъ семейнымъ счастьемъ. Вѣра Дмитріевна страшно намъ обрадовалась, а генеральша Рѣзвая приняла папенку съ маменькой необыкновенно ласково и любезно. И обѣ вмѣстѣ, мать и дочь, пристали къ отцу моему не уѣзжать такъ скоро, а погостить у нихъ хоть недѣлку. Папенка сначала съ удовольствіемъ согласился на любезное предложеніе, но дня черезъ два милая и любезная генеральша оказалась такою ярою крѣпостницей, что мы и недѣли у нихъ не выжили. Ужъ одно то, что по стѣнамъ ея спальни, вмѣсто картинъ и украшеній, висѣли арапники и плетки,—воротило отцу душу... А тутъ еще, денька черезъ три послѣ нашего пріѣзда, крѣпостная дѣвушка, приставленная для услугъ къ маменькѣ, вдругъ повалилась ей въ ноги и со слезами начала умолять пожить у нихъ подольше, говоря, что съ нашимъ пріѣздомъ они свѣтъ увидали, отдохнули, что когда у генеральши нѣтъ никого гостей, она плетками и арапниками, что у нея въ спальнѣ, своими руками немилосердно деретъ своихъ дѣвокъ и бабъ. На маменьку напалъ страхъ за Лизаньку

и за меня: ей пришло въ голову, что съ нами будетъ, коли Рѣзвая не выдержитъ характера и при насъ начнетъ драть свою прислугу!... при насъ, которымъ съ первыхъ лѣтъ жизни было говорено, что людей бить нельзя, что человѣкъ долженъ слушаться слова... И точно это было бы ужасно! Я помню, какъ разъ на Черной рѣчкѣ одинъ изъ дачниковъ на нашихъ задворкахъ, аптекаръ Вензель, напелъ нужнымъ за что-то посѣчь свою дочку; я увидала эту экзекуцію въ окошко, услышала неистовый крикъ ребенка, сама пришла въ какое-то изступленіе и, не долго думая, вскарабкалась къ нимъ въ окно, кинулась на Вензеля и съ крикомъ: «людей бить нельзя!» вцѣпилась въ его руки... Экзекуцію я, конечно, остановила, но зато меня, непрощенную заступницу человѣческихъ правъ, обозленный аптекаръ со срамомъ вытолкалъ въ дверь. И теперь мнѣ думается, начни генеральша Рѣзвая, во время нашего пребыванія у нея, драть плеткою какую нибудь дѣвку, я бы вѣрно и съ ней учинила скандалъ, или мы обѣ съ Лизанькой захворали бы сами съ испугу... Господи! какъ благодарить родителей нашихъ за то, что они сумѣли уберечь насъ въ тѣ нѣжные годы отъ варварскихъ зрѣлищъ, которыя должны непремѣнно черствить дѣтское сердце... Помню себя съ двухлѣтняго возраста до 75-ти-лѣтняго, а не помню, чтобы кто нибудь изъ семьи дрался съ людьми. И того даже не помню, чтобы люди наши боялись господъ. У дѣдушки, говорятъ, былъ старикъ-камердинеръ, который со своимъ старымъ бариномъ вѣчно спорилъ, какъ съ маленькимъ. Просить его дѣдушка:

— Андрей, подай мнѣ сегодня мундиръ, я въ гости иду.

А Андрей ему въ отвѣтъ:

— Ладно! сходишь и въ сертучишкѣ! Нечего мундиръ даромъ таскать...

И подастъ сертучишко...

Видно, маменька передала тогда у Рѣзвой свои опасенія папенькѣ, потому что онъ тотчасъ же приказалъ нянѣ Акинѣй укладываться, и на другой же день мы распростились съ нашими любезными хозяйками и уѣхали отъ нихъ. Послѣ этого мы съ генеральшей Рѣзвой въ близкихъ отношеніяхъ никогда не были, да и Вѣра Дмитріевна съ этихъ поръ много потеряла во мнѣніи маменьки: она не могла понять, какъ вѣчно веселая, повидимому, добродушная молодая бабенка могла равнодушно смотрѣть на варварское обращеніе ея матери съ крѣпостными людьми... Мало этого, маменька обвиняла даже Андрея Петровича за то, что онъ оставлялъ такъ надолго жену и дочь у такой жестокой женщины, какъ его теща... Не знала тогда маменька, что бѣдный Андрей Петровичъ, заваленный по горло дѣломъ по службѣ, и не подозрѣвалъ даже того, что творилось въ имѣніи генеральши Рѣзвой.

Андрей Петровичъ Сапожниковъ, въ то время, про которое я

говору, былъ начальникомъ чертежныхъ въ Инженерномъ Замкѣ и за полезную и неутомимую службу свою былъ очень любимъ и взысканъ начальствомъ. Не могу при этомъ не рассказать анекдота, который, много времени спустя, я слышала отъ папеньки про близкія, странныя отношенія извѣстнаго министра графа Клейнмихеля къ Сапожникову. Графъ Клейнмихель тоже очень любилъ и высоко цѣнилъ заслуги Андрея Петровича и даже обращался съ нимъ подружески; но, по какой-то странной фантазіи, никогда своего любимаго подчиненнаго его настоящей фамиліей не называлъ, и когда бывало Сапожниковъ понадобится министру для какой нибудь справки, онъ всегда кричалъ ему изъ своего кабинета:

— Господинъ Башмачниковъ, пожалуйста сюда!..

Сапожникова это забывчивость злила, и онъ однажды, даже съ сердцемъ, остановилъ графа словами:

— Ваше сіятельство, я не Башмашниковъ, а Сапожниковъ! Зачѣмъ вы всегда называете меня Башмачниковымъ?

— Ахъ, мой милій,—улыбаясь отвѣчалъ министр,—это глупство! За что вы сердитесь? Сапогъ—обувь и башмакъ—обувь, не все ли это равно!?

— Да, вы правы, ваше сіятельство: сапогъ обувь и башмакъ обувь,—вспыливъ, возразилъ графу Андрей Петровичъ:—но башмакъ обувь бабья, и я бы желалъ, чтобы вы лучше называли меня Сапожниковымъ!.. Къ тому же это моя настоящая фамилія.

Министръ расхохотался до слезъ, но, всетаки, чрезъ какіе нибудь полчаса опять крикнулъ изъ кабинета: «господинъ Башмачниковъ, пожалуйста сюда!»..

И эту нѣмецкую шутку графъ Клейнмихель, не уставая, повторялъ съ генераломъ уже Андреемъ Петровичемъ Сапожниковымъ и до самаго конца ихъ совмѣстнаго служенія съ особенно довольной улыбочкой кричалъ ему изъ кабинета: «господинъ Башмачниковъ, пожалуйста сюда».

Отъ генеральши Рѣзвой мы больше никуда не заѣзжали и, не спѣша, весело доѣхали до Гапсала.

Въ Гапсалѣ я тоже не помню, чтобы съ нами случилось что нибудь необыкновенное. Прожили мы тамъ все лѣто нашу всегдашнюю тихую жизнь. Погода стояла очень жаркая. Папенька по пріѣздѣ въ Гапсаль началъ лечиться морскими грязями отъ ревматизма. Докторъ Гуниусъ, съ которымъ познакомила насъ наша добрѣйшая старушка Надежда Никитична Кутузова, оказался милѣйшимъ человѣкомъ; и мало того, что усердно лечилъ папеньку, они даже подружились. У эскулапа и художника наплась общая страстишка, которая ихъ сблизила: папенька обожалъ цвѣты, а докторъ Гуниусъ былъ ботаникъ-любитель. У него было два сада: цвѣточный и фруктовый, въ которыхъ росли разныя прелести. У папеньки разгорѣлось опять желаніе засѣсть за свои акварели, а

докторъ вызвался поставлять ему изъ своего сада цвѣточныхъ и фруктовыхъ натурщиковъ. Помню, папенька тогда срисовалъ съ натуры большую вѣтку крыжевника. По моему этотъ крыжевникъ одинъ изъ лучшихъ рисунковъ въ альбомѣ отца. Эта вѣтка такъ нарисована, что видишь не рисунокъ, а живую вѣтку крыжевника, положенную на листъ сѣрой бумаги. Какъ живо переданъ на ней мягкій пушекъ на ягодахъ, кожица ихъ такъ тонка и прозрачна, что виденъ насквозь весь сокъ, всѣ сѣмечки. Такъ вкусно все, что съѣсть хочется!...

Послѣ крыжевника папенька достала у Гуниуса же въ саду прелестное вьющееся растение *passiflora*, въ видѣ большой звѣзды; порусски оно называется «страсти Господни». Потому, говорятъ, ему дано такое названіе, что внутри, въ самой чашечкѣ цвѣтка, лиловымъ цвѣтомъ изображено тончайшее сіяніе, и на немъ какъ будто положены всѣ орудія, которыя были употреблены при распятіи Христа. Этотъ цвѣтокъ вышелъ тоже очень хорошо, и вся середина его написана уже чисто миниатюрой.

Кромѣ работъ своихъ, отецъ мой, по приказанію доктора, долженъ былъ много ходить пѣшкомъ. Маменька и мы съ Лизанькой почти всегда сопровождали его въ прогулкахъ. Но не смотря на то, что папенька былъ постоянно занятъ, всетаки, подъ конецъ лѣта онъ видимо началъ скучать по Академіи, по своимъ медалямъ, до которыхъ съ самаго наводненія онъ не дотрогивался... Но нечего было дѣлать: курсъ леченія грязями не былъ еще оконченъ, и приходилось терпѣть и ждать, такъ что въ Петербургъ мы вернулись только 20-го августа. Всѣхъ домохозяевъ нашихъ мы нашли здоровыми и счастливыми, бабушка и тетка намъ очень обрадовались, тетя Надя совсѣмъ поправилась, нашъ розовый домъ прекрасно перестроили, и онъ сдѣлался много удобнѣе прежняго. Оставалось только убрать его постарому, что папенька съ маменькой скоро и сдѣлали. Няня Матрена Ефремовна, еще до нашего пріѣзда, заняла свою прежнюю комнату; кровать съ множествомъ перинъ и подушекъ, сундукъ, шкафъ, бѣлый деревянный столъ и стулъ—все стояло на своемъ мѣстѣ, и старушка сидѣла у окна, выходящаго на дворъ къ профессору Варнеку, и ворчала на всѣхъ попрежнему... Папенька въ столовой опять устроилъ себѣ рабочій уголокъ и принялся съ наслажденіемъ выбивать свои медали. Торстенсенъ и Кнусенъ со своей работой пріютились около своего обожаемаго графа, и домашняя наша жизнь пошла попрежнему...

Внѣ дома отецъ мой посѣщалъ Академію, Эрмитажъ, монетный дворъ и работалъ также неутомимо, какъ и всегда. Дяди—Константинъ Петровичъ, Александръ Ѳедоровичъ и дядя Леша Дудинъ, бывали у насъ ежедневно, и воскресенья наши опять начались и гости были все тѣ же самые. Все попрежнему! Странное дѣло, что изъ академическихъ до сихъ поръ еще никто не пока-

звался къ папенькѣ. Кажется, всѣ старые профессора, начиная съ ректора Мартоса, почитали моего отца за молодого графчика-выскочку, который хочет сѣсть имъ старикамъ на шею, и недолюбливали папеньку сильно. Онъ же навязываться никому не любилъ, а потому, кромѣ дѣловыхъ сношеній съ Академіей, никакихъ не имѣлъ.

Маменька еще въ Галсалѣ задумала, какъ только мы вернемся въ Петербургъ, сейчасъ же взять мнѣ и Лизанькѣ гувернантку. Для разрѣшенія этой трудной задачи она прибѣгла за помощью къ гувернеру и учителю французскаго языка воспитанниковъ Академіи m-r Lioseun, и попросила его выбрать для насъ гувернантку на мѣщанской половинѣ Смольнаго монастыря. Обязательный швейцарецъ мигомъ слеталъ туда, проэкзаменовалъ тамъ нѣсколько дѣвицъ, желающихъ поступить на мѣсто, выбралъ изъ нихъ одну, Елену Николаевну Геммеръ, и пріѣхалъ къ маменькѣ съ отвѣтомъ.

— *Chère comtesse, je vous ai choisi un petit monstre bossu et louche, mais je vous garantis que cette fille sait bien ce qu'elle sait.*

Скоро переѣхала въ нашъ домъ Елена Николаевна Геммеръ, которая, не смотря на свою дурноту, полюбилась всему нашему семейству, и съ самыхъ этихъ поръ до старости своей не переставала быть нашимъ другомъ и самымъ близкимъ существомъ въ нашемъ домѣ.

Хотя сестра Лизанька, по случаю болѣзни глазъ, еще не могла заниматься науками, но, всетаки, далеко ушла отъ меня впередъ (въ 1825 г. мнѣ было восемь лѣтъ), и идти съ нею наравнѣ по ученію я не могла еще.

Меня покуда понемногу учила русской грамотѣ сама маменька. Я только болтала пофранцузски довольно бойко, потому что отецъ мой и тетя Надя почти всегда говорили на этомъ языкѣ, а я, какъ великая обезьяна, прислушивалась и переняла... а учиться настоящимъ манеромъ я начала только съ m-elle Hélène, но такъ какъ она была еще очень молода (ей минуло только 17 лѣтъ), то маменька тутъ же пригласила и самого m-r Lioseun давать Лизанькѣ уроки французскаго языка. Онъ тоже привязался къ нашему дому, какъ вѣрная собака, съ превеликимъ удовольствіемъ исполнялъ всѣ маменькины порученія и даже помогать ей по хозяйству. Съ этимъ симпатичнымъ, наивнымъ швейцарцемъ я познакомлю читателя послѣ, а теперь мнѣ придется рассказать еще много событій, которыми я большею частію была сама очевидицей.

Осень 1825 года прошла у насъ въ домѣ довольно тихо. Наша поѣздка въ Галсалъ стоила папенькѣ довольно дорого, а потому онъ поприжался немного до новыхъ полученныхъ, но зимой ему захотѣлось отпраздновать новоселье, чтобы повеселить свою молодежь и добрыхъ знакомыхъ. Тогда онъ объявилъ дядямъ и теткамъ мо-

имъ, что устроить у насъ маскарадъ. Радость была великая! Сейчасъ же, подъ предводительствомъ папеньки, вся семья наша принялась за дѣло. Онъ началъ придумывать, кого какъ нарядить, и рисовалъ костюмы, а дамы по его рисункамъ шили ихъ очень хорошо и вѣрно; дяди мои тоже что-то мазали и клеили... Отецъ и насъ не забылъ: Лизанькѣ сдѣлалъ костюмъ французской пейзажки, а мнѣ шотландскій—клѣтчатую юбочку и беретъ съ пѣтушьями крашеными перьями. Отецъ мой работалъ больше всѣхъ и другимъ помогалъ, и самъ готовилъ къ этому дню много новыхъ, своей работы, интересныхъ фокусовъ, которые онъ умѣлъ такъ ловко и занимательно показывать... Такъ какъ всѣ эти приготовления дѣлались дома и своими руками, то хлопотъ у всѣхъ было «полонъ ротъ». И даже всѣ комнаты наши сдѣлались непроходимыми.

Наконецъ, желанный день маскарада насталъ: квартиру нашу ярко освѣтили, мы всѣ — большіе и малые — нарядились и ждали гостей. Скоро набралось къ намъ множество масокъ. По словамъ тетокъ, многихъ изъ нихъ пригласилъ самъ папенька, многіе назвались сами, а были, говорятъ, и такіе, которые подъ прикрытіемъ масокъ пріѣхали незваные...

Маскарадъ начался въ залѣ танцами. Танцующія дамы состояли больше изъ классныхъ дамъ и пепиньерокъ Смольнаго монастыря, съ которыми тетки мои подружились, потому что второй братъ ихъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Дудинъ, былъ преподавателемъ русскаго языка въ Смольномъ и недавно женился на одной изъ классныхъ дамъ, Надеждѣ Александровнѣ Храповицкой; черезъ нее и завязалось это новое знакомство. Въ то время изъ молоденькихъ пепиньерочекъ особенно хорошенькихъ собой было двѣ: Машенька Ашембергъ, которая, еще учась въ Смольномъ, отъ головныхъ болей посѣдѣла вся добѣла; съ розанами въ густыхъ серебряныхъ волосахъ 18-ти лѣтняя красоточка, въ костюмѣ маркизы, была очень оригинальна. Да еще, юный предметъ всеобщихъ поклоненій, Тереза Гарсенъ кидалась всѣмъ въ глаза своею цвѣтушею красотой. Впослѣдствіи Тереза Ивановна была замужемъ за Николаемъ Ивановичемъ Юханцевымъ. Да и много еще хорошенькихъ личекъ украшали собой нашъ маскарадъ.

Дяди и тетки мои одѣлись королями и дамами четырехъ мастей картъ, спины ихъ были покрыты какой-то матеріей, разрисованной подъ карточный крапъ; необыкновенно хороши и вѣрны вышли ихъ костюмы. Гости наши тоже прекрасно были замаскированы; только папенька остался въ своей черной бархатной блузѣ съ ременнымъ поясомъ.

Въ восьмомъ часу всѣ уже были въ сборѣ. Въ пріемной изъ передней въ залу стоялъ хоръ военныхъ музыкантовъ и, по сигналу отца моего, грянулъ польскій, и всѣ замаскированные изъ залы

поплыли парами по всѣмъ нашимъ комнатамъ. Видъ польскаго былъ прелестный! Въ то время, какъ польскій проходилъ по гостиной мимо папеньки, кто-то изъ танцующихъ шепнулъ ему на ухо:

— Графъ, знаете ли вы, что у васъ сегодня въ гостяхъ шпионтъ Эльканъ?...

Этого было довольно! Папенька весь вспыхнулъ, и какъ только окончился польскій, началъ убѣдительно просить гостей своихъ снять маски. Всѣ сейчасъ же сняли; одинъ только маркизъ въ сѣромъ французскомъ кафтанѣ ни за что не хотѣлъ снять своей. Тогда отецъ мой разгорячился еще больше и громко при всѣхъ сказалъ ему:

— Милостивый государь! я не желаю имѣть въ числѣ друзей моихъ гостей челоуѣка, который не хочетъ даже показать мнѣ своего лица... А потому прошу васъ, милостивый государь, или сію минуту снять вашу маску, или оставить мой домъ...

Не отвѣтивъ ни слова, маска въ сѣромъ кафтанѣ сейчасъ же исчезла изъ залы. Послѣ узнали, что Эльканъ, выбѣжавъ въ нашу переднюю, не нашелъ тамъ ни лакея своего, ни шубы и галошъ... Вѣроятно, челоуѣкъ его, думая, что баринъ пробудетъ весь вечеръ на маскарадѣ, забралъ всѣ его вещи, сѣлъ въ ихъ наемную карету и уѣхалъ покуда домой. Взбѣшенный этимъ обстоятельствомъ, Эльканъ выскочилъ на улицу безъ шубы... Погода въ этотъ вечеръ была ужасная, и ему долго еще пришлось въ одномъ кафтанѣ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, мѣсить глубокой снѣгъ, отыскивая себѣ извозчика. Послѣ этого путешествія налегкѣ, въ страшный морозъ, говорятъ, Эльканъ сильно захворалъ и проводовъ съ маскарада графа Ѳедора Петровича Толстого забыть никогда не могъ. Отецъ мой, напротивъ того, спровадивъ изъ своего дома нежелательнаго гостя, сейчасъ же повеселѣлъ и забылъ о немъ... Опять начались танцы.

Въ это время я, привыкшая укладываться спать съ курами, подъ шумокъ забралась на греческое ложе моихъ родителей и подъ пологомъ, перекинутымъ черезъ плечо бога Морфія, заснула сномъ праведницы.

Тетки потомъ рассказывали, что папенька попросилъ гостей въ свой кабинетъ и началъ показывать имъ фокусы... Чего, чего тамъ, говорятъ, не было! Стекланный шаръ съ трубою, который папенька называлъ «la femme invisible», повѣшенный на тонкомъ шнуркѣ отъ самаго стекляннаго надъ кабинетомъ купола, отвѣчалъ на всѣ вопросы гостей вѣрно и умно... Маленькій магъ ѣздилъ въ золотой колесницѣ по столику съ циферблатомъ и тоже отвѣчалъ на вопросы: въ какомъ году случилось такое-то или другое событіе, указывая магическимъ жезломъ своимъ на вырѣзанные по циферблату года. Арабъ, стоя на кронштейнѣ, выбивалъ моло-

точкомъ на тимпанѣ, кому который годъ. И все это магъ и арабъ дѣлали сами: папенька до нихъ даже не дотрогивался! Правда, что въ большой головѣ Юпитера, которая стояла тоже на кронштейнѣ около стѣны, выходящей другою стороною въ нашу кладовую, сидѣлъ дядя Александръ Дудинъ и, глядя въ незамѣтную дырку, продѣланную въ бородѣ Юпитера, говорилъ за «femme invisible» и направлялъ веревочками въ столикъ съ циферблатомъ магнитъ, который двигалъ колесницу мага... Но вѣдь зрители этого и не подозревали, и только ахали и дивились на папенькины чудеса...

Послѣ удачныхъ фокусовъ занялись музыкой. Извѣстная въ то время піанистка Филипова играла на фортепіано, какіе-то пѣвцы пѣли... и наконецъ въ середину залы вышли три аркадскихъ пастушка и прекрасно сыграли тріо на кларнетахъ. Эти три виртуоза были: Бестужевъ, Рылѣевъ и Верстовскій. Бѣдный папенька тогда и не подозревалъ, чѣмъ эти пастушки окажутся впоследствии... А между тѣмъ, одно уже то, что Бестужевъ и Рылѣевъ были у насъ на маскарадѣ, чуть не обошлось слишкомъ дорого моему отцу...

Послѣ этого тріо случился неожиданный казусъ, который страшно перепугалъ всѣхъ дамъ: въ залу вдругъ влетѣла, неизвѣстно откуда, огромная крыса, остановилась посрединѣ и начала ломаться и коверкаться въ страшныхъ конвульсіяхъ. Напрасно кавалеры ее гнали, топали ногами, подбрасывали даже шпагами кверху, она все не уходила до тѣхъ поръ, пока не околѣла. Тогда одинъ суевѣрный старичекъ сказалъ, что эта крыса явилась не даромъ, что она предвѣщаетъ дому нашему большія непріятности. Хотя впоследствии это предсказаніе точно сбылось, но въ тотъ вечеръ весело настроенные хозяева и гости скоро забыли про крысу и зловѣщія слова старичка... Опять принялись за танцы, проплясали до ужина, выпили традиціонной папенькиной «водяночки», поужинали и далеко за полночь гости разъѣхались по своимъ домамъ, довольные-предовольные нашимъ маскарадомъ... Одинъ только сѣрый французскій кафтанъ выбѣжалъ изъ дома моего отца врагомъ.

Около этого времени папенька съ маменькой встревожились вѣстями о болѣзни императора Александра Павловича и изнывали душой за благодѣтельницу свою государыню Елисавету Алексѣевну, которая тогда проводила въ Таганрогѣ скорбные дни около обожаемаго мужа... Объ этихъ дняхъ могу рассказать со словъ любимой камеръ-медхенъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, Юліи Даниловны Тисень, которую, будучи уже замужней женщиной, я часто видала въ домѣ друга ея, госпожи Перкинъ, бывшей начальницы лазаретовъ Воспитательнаго Дома.

Юлія Даниловна не разъ рассказывала при мнѣ, что Александръ Павловичъ, за послѣдніе дни свои, опять сильно привязался къ

женѣ и думалъ только о томъ, какъ доказать ей свою любовь и доставить государынѣ удовольствіе. Когда доктора приказывали ему еще гулять пѣшкомъ, государь ни разу не возвращался домой, чтобы не принести Елисаветѣ Алексѣевнѣ интереснаго подарочка въ ея вкусѣ... М-ме Тисенъ говорила, что разъ императоръ растрогалъ жену до слезъ тѣмъ, что самъ притащилъ ей античный столикъ чернаго дерева съ бронзовыми цѣпями. Елисавета Алексѣевна отъ этого подарка была въ восторгѣ, тотчасъ позвала къ себѣ м-ме Тисенъ и, обливаясь слезами, сказала ей:

— Посмотри, Юльхенъ, какая прелесть!.. Какой государь ангель... онъ только думаетъ обо мнѣ! Этотъ столикъ до моей смерти всегда будетъ со мною; а когда я умру, я завѣщаю его тебѣ, и ты тогда береги его въ нашу общую съ ангеломъ моимъ память!

И точно, м-ме Тисенъ до конца своей жизни берегла его, какъ святыню...

О кончинѣ императора Александра I я подробностей никакихъ не знаю. Знаю только то, что и всѣ, что онъ скончался въ Таганрогѣ въ 1825 году 19-го ноября въ 9 часовъ утра. А вотъ о послѣдствіяхъ этой кончины, какъ очевидица многого, расскажу все, что знаю.

Помню, что 14-го декабря у Василя Ивановича Григоровича было чье-то рожденіе. Папенька рано утромъ пошелъ поздравлять и меня взялъ съ собою. Не успѣли мы туда прійти, какъ кто-то прибѣжалъ сказать Василю Ивановичу, что на Исаакіевской площади что-то неладно... что тамъ собрались войска, что-то кричать, и сообщеніе съ площадью прервано...

Василій Ивановичъ съ папенькой сейчасъ же собрались пойти посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Только, проходя мимо нашихъ воротъ, забросили меня домой, приказали людямъ сейчасъ же запереть ворота и ставни, а сами пошли дальше чрезъ Неву, потому что на мостъ никого не пускали.

Не могу теперь сказать, сколько времени папенька съ Григоровичемъ пробыли за Невой. Люди наши не заперли ни ставней, ни воротъ и всѣ куда-то попрятались, бросивъ бѣдныхъ женщинъ на произволъ судьбы... Помню только, что скоро съ площади на академію и вдоль нашей третьей линіи полетѣли ядра и пули и даже пролетали надъ стекляннымъ куполомъ папенькинаго кабинета. Помню, какъ несмѣтная толпа солдатъ и народа, перепуганная выстрѣлами, вперемежку съ извозчиками, поѣздами покойниковъ, задержанныхъ съ утра на площади, неслась маршъ-маршъ мимо нашихъ оконъ; на гробахъ сидѣли верхомъ солдаты и бабы съ ребятишками на рукахъ... Шумъ, давка, крики толпы... Это было что-то ужасное!.. У насъ въ домѣ всѣ женщины были тоже страшно перепуганы. Видно, та же тѣснота и давка помѣшали отпу

моему добраться до насъ скорѣе. Когда онъ вбѣжалъ въ наши ворота, весь нашъ дворъ былъ уже биткомъ набитъ солдатами Финляндскаго полка. И мало того, что дворъ, бѣдные солдатики уже успѣли перетащить въ нашу кухню раненаго въ грудь заслуженнаго унтеръ-офицера.

Не знаю уже, какъ во время этой общей суматохи я успѣла ускользнуть съ глазъ большихъ изъ комнаты въ кухню, прижалась въ уголокъ и была свидѣтельницей всего, что тамъ дѣлалось. Помню, что на столѣ въ кухнѣ пылала оплывшая сальная свѣча около плиты, которая ярко топилась; солдатики снимали мундиръ съ высокаго блѣднаго, какъ смерть, пожилаго солдата, который, опираясь на ружье, страшно стоналъ... Воротъ его рубашки былъ разорванъ, и по груди текла густая струя крови. Помню, что я отъ страха и жалости замерла и не подавала голоса. Скоро мимо меня прошелъ въ кухню папенька съ дядей Лешей, который на счастье успѣлъ добѣжать до насъ съ Петербургской стороны изъ своего Дворянскаго полка. Они первымъ дѣломъ принялись за раненаго. Дядя Леша насилу могъ оттащить отъ несчастнаго страдальца мертво-пьянаго фельдшера, который хотѣлъ непременно примотить рану водкой изъ своей манерки.

— Нѣтъ, братъ! водку ты лучше выпей, а больного оставь въ покоѣ, покуда я сбѣгаю за докторомъ.

И точно, дядя куда-то убѣжалъ и скоро привелъ съ собой старичка доктора, который, хоть и не важно, но, всетаки, сдѣлалъ первую перевязку.

Пока старичекъ возился около тяжело-раненаго солдата, папенька пошелъ на дворъ къ бунтовщикамъ и долго говорилъ съ ними. Послѣ ужъ я узнала, что всѣ они до одинаго сказали папенькѣ, что они не бунтовать пошли на площадь, а только заступиться за законнаго наследника престола, великаго князя Константина Павловича, которому вся Россія уже присягнула, а теперь, по словамъ господъ офицеровъ, у него хотятъ отнять престолъ послѣ старшаго брата... повели ихъ, солдатъ, на защиту законнаго царя, они и пошли...

Папенька послѣ рассказывалъ, что онъ долго старался объяснить, имъ, что никто и не хотѣлъ лишать Константина Павловича права на престолъ, что онъ самъ еще при жизни императора Александра задумавъ жениться на польской графинѣ Ловичъ, навсегда отказался отъ російскаго престола.

Выслушавъ папеньку, солдатики сильно опечалились, опустили головы и сказали:

— Значить, господа офицеры насъ обманули... Это имъ грѣхъ великій! За что же они за вѣрность нашу царю и отечеству насъ загубили на вѣки!..

Тутъ папенька началъ имъ совѣтовать, чтобы они шли опять ко дворцу, стали бы тамъ на колѣни и молили бы о помилованіи.

— Ступайте, покайтесь во всемъ откровенно. Скажите, что вы были обмануты офицерами... Я убѣжденъ, что васъ простятъ...

Солдаты, не трогаясь съ мѣста, начали совѣтоваться между собою. Тогда папенька съ дядей Лешей начали отбирать у нихъ ружья, таскали къ намъ въ залу, тамъ проворно отвинчивали съ нихъ кремни и штыки, вынимали патроны и оставляли у насъ, а пустыя ружья опять выносили на дворъ и раздавали солдатикамъ по рукамъ. Неохотно вышли виновные изъ нашихъ воротъ, постояли, постояли и вдругъ, вмѣсто того, чтобы отправиться ко дворцу, круто повернули и побѣжали къ Большому проспекту... Послѣ былъ слухъ, что финляндцы очутились на Голодаѣ, и что ихъ тамъ забрали, какъ куръ...

Управившись съ этимъ важнымъ дѣломъ, папенька съ дядей Лешей опять пришли въ кухню къ раненому. Онъ былъ очень плохъ, и отецъ мой началъ хлопотать о томъ, чтобы поскорѣе нанять подводу и отвезти умирающаго въ больницу. Раненому очень не хотѣлось, чтобы его увозили отъ насъ, и онъ со слезами просилъ папеньку:

— Не хлопочите обо мнѣ, ваше сіятельство. Какая ужъ мнѣ больница, меня вылѣчить нельзя! Смерть у меня тутъ... въ груди! Позвольте мнѣ только умереть у васъ, не отдавайте меня никуда...

— Другъ мой, я бы съ величайшимъ удовольствіемъ исполнилъ твое желаніе, но ты раненъ во время бунта: я не имѣю права оставить тебя у себя, я обязанъ сдать тебя начальству...

— Ой, не хочется мнѣ опять къ нимъ! Они предатели, по своимъ стрѣляли... За что мнѣ судьба такая горькая? за что я столько служилъ вѣрою и правдою? Гдѣ я ни былъ, съ кѣмъ ни сражался, ни одна вражья пуля меня не тронула. А тутъ дома, у себя въ Россіи, русская пуля меня сразила, и я долженъ умереть, лежа въ больницѣ на койкѣ, какъ собака, а не въ сраженіи, какъ храбрый воинъ... Господи! срамота какая, отъ родной руки умереть, точно преступникъ...

Сердце отца моего поворачивалось въ груди, слушая справедливыя жалобы заслуженнаго воина, но дѣлать было нечего, надо было отвезти страдальца, покуда онъ живъ. Дядя Леша розыскалъ людей нашихъ, привели подводу, принесли въ кухню тюфякъ, подушку, положили на него раненаго, вмѣстѣ съ тюфякомъ подняли и бережно переложили его на дровни. Папенька сѣлъ въ головахъ и сталъ придерживать подушку, дядя Леша держалъ тюфякъ въ ногахъ. Когда все было готово, извозчикъ перекрестился, взмахнулъ кнутомъ, и печальная процессія тронулась изъ воротъ... Несчастный мученикъ протрадалъ еще нѣсколько дней въ больницѣ Финляндскаго полка... Отецъ мой и дядя навѣщали больнаго ежедневно, а когда онъ скончался, шли за гробомъ его до Смоленскаго кладбища. Помню, что папенька, даже въ старости своей,

съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ обиженного судьбою заслуженнаго война и не переставалъ жалѣть, что не могъ оставить его умереть у себя...

Скоро послѣ этого событія у насъ въ домѣ сбылись пророчества оригинальнаго гостя на маскарадѣ. Какъ-то поздно вечеромъ, неожиданно-негаданно, на дворъ къ намъ въѣхала карета, окруженная жандармами. Отца моего усадили въ нее и увезли въ крѣпость, гдѣ онъ и ночевалъ... Можно себѣ вообразить ужасъ маменьки и всѣхъ нашихъ! Только мы съ Лизанькой тогда ничего объ этомъ не знали... Но, слава Богу, все это кончилось только страшнымъ перепугомъ. На другой день утромъ папенькѣ былъ сдѣланъ допросъ, и онъ оправдался. На сколько я помню изъ того, что послѣ говорилось при мнѣ, кажется, что отца моего допрашивалъ самъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

Главнымъ пунктомъ допроса и обвиненія въ участіи въ заговорѣ послужило то, что Бестужевъ и Рылѣевъ были у насъ зимою на маскарадѣ. Внимательно и милостиво выслушалъ великій князь откровенныя слова моего отца, ласково поздравилъ его съ оправданіемъ и отпустилъ домой. Но мало того, что такъ скоро окончилось это страшное дѣло, тогда же на имя отца послѣдовалъ милостивый рескриптъ за разумныя распоряженія, сдѣланныя имъ въ то время, когда бунтовщики Финляндскаго полка забѣжали къ нему на дворъ. Кромѣ того, отца моего назначили быть маршаломъ и нести государственный жезлъ на похоронахъ императора Александра I. Значить, всякое подозрѣніе въ злоумышленіи было снято съ него окончательно...

Не смотря на благополучное окончаніе допроса отца моего, все семейство наше было просто убито несчастною судьбою двухъ, такъ еще недавно бывшихъ друзей своихъ, Рылѣева и Бестужева, которые были такіе умные, прекрасные люди. Тѣмъ болѣе ужасались неизвѣстностью ихъ судьбы, что Рылѣевъ былъ женатъ на прелестной молодой женщинѣ, а у Бестужева была старушка мать и сестра, которыхъ всѣ наши любили, какъ родныхъ. Былъ у старушки Бестужевой, кромѣ сына Александра, еще меньшей сынъ, Павелъ, совсѣмъ еще птенецъ, но большой фантазеръ, который позволялъ себѣ въ это смутное время такъ много кричать и ораторствовать противъ правительства, что навлекъ на себя подозрѣніе и его тоже забрали. Узнавъ объ этомъ, императоръ пожалѣлъ неразумнаго юношу и приказалъ привести его къ себѣ. Когда Бестужева привели, то государь спросилъ его:

— Скажи мнѣ на милость, за что ты-то возненавидѣлъ меня? Что я могъ тебѣ такое сдѣлать, что ты, почти мальчикъ, съ сумасбродами вмѣстѣ возстаешь противъ меня. Вѣдь ты распускаешь про меня разныя небылицы и договорился уже до того, что навлекъ на себя подозрѣніе... Опомнись! Вѣдь ты губишь себя! Мнѣ

жаль твоей молодости, мнѣ жаль твоей несчастной матери... Я не хочу твоей гибели. Дай мнѣ только честное благородное слово, что ты исправиться, отбросишь всѣ навѣянные на тебя бредни, и я прощу тебя!..

— Не могу, государь! — отвѣтилъ сумрачно молодой человекъ.

— Какъ не можешь? Чего не можешь? — строго спросилъ Николай Павловичъ.

— Не могу дать честнаго слова, что не буду говорить противъ вашего величества. Я убѣжденъ въ томъ, что я говорилъ одну правду, и если завтра меня спросятъ, то я повторю то же самое, что говорилъ третьяго дня, — настойчиво и твердо сказалъ юноша.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ и разговаривать съ тобой не о чемъ. Поѣзжай провѣтриться на Кавказъ, послужи солдатомъ, ты еще молодъ, для тебя надежда еще не потеряна, можетъ, и выслужишься...

И государь, не сказавъ больше ни слова, вышелъ изъ своего кабинета.

И точно Павла Бестужева тогда послали на Кавказъ. Тамъ онъ засталъ еще моего будущаго мужа, Павла Каменскаго, который 19-ти лѣтъ отъ роду, въ 1831 г., изъ Петербургскаго университета добровольно перешелъ служить юнкеромъ на Кавказъ. Тамъ Каменскій служилъ съ обоими братьями Бестужевыми, Александромъ и Павломъ, и былъ очень друженъ съ ними. Вліяніе Александра Бестужева (Марлинскаго) даже сильно отразилось впоследствии на литературномъ кудрявомъ слогѣ Каменскаго, за что я послѣ сильно воевала съ моимъ мужемъ... Александра Марлинскаго я совсѣмъ не знала; мнѣ на память о немъ достался, послѣ его смерти, только серебряный эполетъ. Павла Бестужева я узнала лично уже офицеромъ, въ 1841 г., ноября 23-го, когда онъ съ Левушкой Пушкинымъ (братомъ поэта), Лопухинымъ и черкесскимъ княземъ Хаса Мусаевымъ назвали къ намъ на кулебяку съ сигами и нечаянно попали на роды моего старшаго сына Федора. Но до этого дня мой рассказъ еще дойдетъ своимъ чередомъ, и на своемъ мѣстѣ онъ будетъ интереснѣе... А пока замѣчу только, что о призывѣ Павла Бестужева, послѣ 14-го декабря, къ государю Николаю Павловичу и о томъ, что между ними было говорено, я слышала изъ собственныхъ устъ Павла Бестужева.

Теперь вернемся назадъ.

Скоро отцу моему изъ похоронной комиссіи прислали широкополую шляпу съ креповыми длиннѣйшими хвостами, жезлъ и весь тогдашній костюмъ факельщиковъ. Помню, что холодъ тогда стоялъ страшный, и на маменьку напала боязнь, что отецъ мой опять простудится во время перехода съ печальной процессіей до крѣпости. Но добрѣйшій докторъ нашъ Андрей Егоровичъ Шестаковъ далъ ей совѣтъ настегать на старенькую тафтицу ваты и обшить ею всего отца моего по голому тѣлу прежде, нежели онъ начнетъ

одѣваться. Такъ она и сдѣлала. И слава Богу, эта прогулка въ лютой морозъ пѣшкомъ чрезъ Неву не принесла ему вреда.

Маменька, тетки и мы съ Лизанькой смотрѣли похороны государя на углу Садовой и Невскаго изъ казенной квартиры Михаила Евстафьевича Лобанова, рядомъ съ императорской Публичной библіотекой; въ этомъ же домѣ безвыѣздно жилъ 35 лѣтъ сряду и умеръ Иванъ Андреевичъ Крыловъ, который скончался 76 лѣтъ отъ роду въ 1844 году.

Въ эту роковую зиму 1825 года горькія обстоятельства положили тяжелый гнетъ на нашъ розовый домъ... У насъ на дворѣ, кажется, труднѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, можно было забыться хоть на минуту. Въ сосѣднемъ съ нами казенномъ домѣ жилъ, какъ я говорила уже выше, архитекторъ Гомзинъ; жена его Александра Петровна Гомзина (съ которой за это время маменька и тетки мои успѣли познакомиться покороче) была родная дочь извѣстнаго умницы, протоіерея казанскаго собора отца Петра Масловскаго, избраннаго въ то время изъ всего петербургскаго духовенства въ отцы духовные и путеводители несчастнымъ декабристамъ. О. Петръ всякій день приходилъ къ дочери своей отдыхать душою отъ возложенной на него тяжелой обязанности... И всѣ наши не могли не видѣть его лежащимъ на галлерейкѣ у Александры Петровны, окруженнаго внучками и внуками. Усталый и глубоко задумчивый видъ умнаго старца ежедневно подновлялъ свѣжее горе отца моего...

Кромѣ того, Александра Петровна Гомзина считалась единственнымъ другомъ несчастной жены Рылѣва, которая тоже часто пріѣзжала выплакивать къ ней свое невыносимое горе.

Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, такую черною хмарою налегли на нашъ недавно еще такой веселый розовый домъ, что папенька и всѣ наши притаились въ немъ и старались прожить это ужасное время одною только семейною жизнью, и никого изъ постороннихъ, кромѣ Анны Николаевны Рускони, друга тетки Нади, не принимали у себя. Да Анна Николаевна и не чужая, а своя была въ нашемъ домѣ. Съ теткой Надей ихъ связывала такая стародавняя дружба, которая дороже всякаго родства. Даже отцы ихъ, графъ Петръ Андреевичъ Толстой и генераль Макаровъ, съ молоду были закадычные друзья. Ну, и дочки пошли по отцамъ: графиня Надежда Толстая и Аннета Макарова росли вмѣстѣ и далеко еще до нашествія француза молоденькими дѣвушками жили и веселились вмѣстѣ въ самомъ блестящемъ кругу большаго свѣта. Только послѣ судьба имъ выпала неодинаковая: Аннета Макарова рано вышла замужъ по любви за пожилого уже итальянца, генераль-штаб-доктора Рускони; тетка же Надя сама рассказывала, что у нея ни разу въ жизни и жениха не было, а потому она осталась въ дѣвицахъ.

Съ Анной Николаевной Рускони, въ молодые еще годы, приключилось странное обстоятельство, которое имѣло вліяніе на всю ея остальную жизнь. У мужа ея былъ другъ старичекъ, тоже докторъ медицины, который всю жизнь свою собиралъ симпатическія средства отъ разныхъ болѣзней и между дѣломъ лѣчилъ ими очень удачно... Такъ вотъ этотъ старичекъ, фамиліи котораго я не слыхала, чувствуя приближеніе смерти, форменнымъ завѣщаніемъ оставилъ молодой женѣ друга своего всѣ собранныя имъ «симпатическія средства», прося ея продолжать его дѣло. Внизу на завѣщаніи рукою дателя было помѣчено, что въ тотъ мигъ, когда она узнаетъ, что изъ него вылетѣлъ послѣдній вздохъ, симпатическая сила перейдетъ въ нее—Анну Николаевну Рускони, и она можетъ сейчасъ же начать успѣшно лѣчить страждущихъ завѣщанными ей имъ средствами; что за лѣченіе ни съ кого денегъ брать нельзя, и передавать при жизни кому нибудь способъ, которымъ лѣчишь, тоже нельзя, иначе лѣченіе будетъ неэффективно...

Съ благодарностью и вѣрою приняла молодая женщина завѣщанное ей другомъ мужа наслѣдство и послѣ смерти его принялась сама за лѣченіе.

Двадцати девяти лѣтъ Анна Николаевна овдовѣла и перешла жить къ другу своего дѣтства, графинѣ Васильчиковой, которая была замужемъ за графомъ Ларіономъ Васильевичемъ Васильчиковымъ, тѣмъ самымъ, что носилъ въ то время прозвище «царева друга», данное ему будто бы за то, что онъ одинъ изъ всѣхъ сановниковъ говорилъ государю Николаю Павловичу правду въ глаза...

Въ домѣ Васильчиковыхъ Анна Николаевна продолжала лѣчить «симпатическими средствами» и даже прославилась успѣшнымъ лѣченіемъ «рожи» посредствомъ сухого платка, или полотенца, взятаго у больной особы. Этотъ платокъ Анна Николаевна «заговаривала», складывая какими-то мудреными складками въ куколку, приказывала вытереть имъ больное мѣсто утромъ, вечеромъ и опять утромъ и бросить въ стирку... И рожа сейчасъ же проходила. У самого государя Николая Павловича какъ-то на ногѣ приключилась «мокрая рожа» и долго не проходила. Васильчиковъ предложилъ ему попробовать полѣчиться «симпатическимъ средствомъ». Императоръ согласился. Тогда Ларіонъ Васильевичъ привезъ платокъ государя Аннѣ Николаевнѣ, она заговорила; онъ обтеръ имъ ногу три раза, и рожа сейчасъ же прошла.

Съ этихъ поръ Николай Павловичъ такъ глубоко увѣровалъ въ генеральшу Рускони, что, на моей уже памяти, у насъ, въ розовомъ домѣ, почти ни одного воскресенья не проходило, чтобы государь не прислалъ своего камердинера съ просьбою къ генеральшѣ «заговорить» чей нибудь платочекъ...

Къ намъ Анна Николаевна давно уже взяла привычку прїѣзжать почевать въ субботу и оставалась у насъ все воскресенье до ночи. И это было для насъ истиннымъ праздникомъ, потому что вся семья наша обожала эту умную, милую женщину. Такъ и въ скорбную зиму 1825 года она одна оставалась нашею неизмѣнною дорогою гостьей...

Цѣлые дни всѣ члены нашего семейства занимались каждый своимъ дѣломъ, а по вечерамъ сходились, какъ прежде, съ работою у круглаго стола. Отецъ мой при свѣтѣ сальныхъ свѣчей, въ кругу женщинъ, дѣпилъ свои медали, дамы работали и поочередно читали ему вслухъ.

Бывали и такіе вечера, когда мы цѣлымъ караваномъ ѣздили на саночкахъ провѣтриться въ гости на Вшивую биржу къ молодымъ Дудинымъ (гдѣ послѣ женитьбы Ѳедоръ Ѳедоровичъ въ Комиссіи погашенія долговъ получилъ хорошее мѣсто) или на Шестилавочную къ дядямъ Александру и Константину Петровичамъ. И тогда папенька, какъ дама, въ ридикюлѣ забиралъ свою медаль, стеки, воскъ и въ гостяхъ, какъ дома, работалъ цѣлые вечера.

А время все шло да шло. Наконецъ, стукнулъ и 1826-й годъ. А за нимъ незамѣтно надвинулась и весна и принесла бѣдному отцу новое тяжкое горе... Вдругъ долетѣли до него слухи, что обожаемая имъ императрица Елисавета Алексѣевна опасно захворала въ Бѣлевѣ. Объ этомъ времени я опять могу рассказать со словъ Юліи Даниловны Тисенъ, которая ни на минуту не разставалась съ государыней до самой ея смерти.

Но прежде всего надо сказать, что сейчасъ же послѣ смерти Александра Павловича Елисаветы Алексѣевны изъ Таганрога написала вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ то письмо, которое, переписанное въ столькихъ экземплярахъ, переходило изъ рукъ въ руки по всей Россіи... И я когда-то читала это скорбное письмо и помню, что оно начиналось такъ: «Notre Ange est au ciel! je suis seule au monde, ne m'oubliez pas, ma mère!». И, какъ оказалось послѣ, императрица-мать никогда не забывала своей несчастной невѣстки... Узнавъ о болѣзни ея, проѣздомъ чрезъ Москву, еще задолго до смерти Елисаветы Алексѣевны, Марія Ѳедоровна заказала самой модной въ то время въ Москвѣ французженкѣ-модисткѣ нарядное бѣлое платье, въ которомъ послѣ должны были положить въ гробъ Елисавету Алексѣевну. Говорятъ, французженка сдѣлала не платье, а «chef-d'oeuvre» и по нескромности своей не утерпѣла, чтобы не показать его своимъ заказчицамъ. Слухъ объ этомъ пролетѣлъ по Москвѣ, и всѣ барыни стали ѣздить смотрѣть на это великолѣпное «страшное по назначенію своему» платье. Мать моего будущаго мужа, Марія Ивановна Каменская, жившая тогда въ Москвѣ, не повѣрила этимъ слухамъ. Ей, какъ простой смертной, показалось невозможнымъ, чтобы на живаго че-

ловѣка было уже шито гробовое платье, и она не поѣхала его смотрѣть. Но старушка генеральша Ковалевская, у которой въ домѣ ребенкомъ воспитывалась Марія Ивановна Каменская, заѣхала за нею и насильно свезла ее посмотреть на ужасное бѣлое глазетовое платье, отъ котораго приходили въ такой неистовый восторгъ московскія барыни...

Про послѣдніе дни императрицы Елисаветы Алексѣевны m-me Тисенъ вотъ что рассказывала. Приѣхавъ въ Бѣлевъ, гдѣ Елисавета Алексѣевна почувствовала себя дурно, они остановились въ домѣ купца Дороеева. Домъ этотъ совсѣмъ новый: ни одна дверь, ни одно окно въ немъ не были порядочно пригнаны, всюду сквозной вѣтеръ... Съ императрицею въ Бѣлевъ приѣхали ея доктора: лейбъ-медикъ Штофрегенъ, докторъ Рюль, докторъ Рейнчилдъ и аптекаръ Портъ. И хотя Елисавета Алексѣевна не переставала лѣчиться и принимать лѣкарства, но все не поправлялась и чувствовала себя день ото дня слабѣе и слабѣе... Въ одно утро она позвала къ себѣ Юлію Даниловну Тисенъ, подала ей маленькій чернаго дерева запертый ящичекъ и сказала: «милая Юльхенъ, я чувствую, что скоро умру... Если ты меня любишь, исполни мою послѣднюю къ тебѣ просьбу: возьми спрячь у себя этотъ ящичекъ до дня моей смерти; а когда меня не станетъ, не показывая никому, отвези въ Петербургъ, тамъ у заставы къ тебѣ подойдетъ человекъ и спроситъ тебя, привезла ли ты ящикъ, который я передала тебѣ? Тогда не бойся ничего, отдай ему ящикъ и не спрашивай ни о чемъ: онъ знаетъ, чтѣ съ нимъ дѣлать»...

На вопросъ m-me Тисенъ, гдѣ же ключъ:

— Онъ ужъ давно у него!..—сказала государыня, и больше уже объ ящикѣ между ними и рѣчи не было.

Елисаветѣ Алексѣевнѣ становилось все хуже и хуже... Но, все-таки, она не любила беспокоить никого и не позволяла своимъ женщинамъ сидѣть въ ея спальнѣ и на ночь отправляла ихъ спать. M-me Тисенъ, все-таки, не уходила къ себѣ, а садилась въ другой комнатѣ въ кресло и такъ проводила ночи... Въ одну ночь ей показалось, что въ спальнѣ императрицы что-то ужъ очень тихо, даже не слышно тяжелаго дыханія больной. Юлія Даниловна рѣшилась войти посмотреть, чтѣ съ ней. Вошла въ спальню и нашла государыню еще теплую, но уже мертвую... Елисавета Алексѣевна скончалась совершенно одна, ночью 3-го мая 1826 года.

3-го же мая, въ 10 часовъ утра, прискакала на почтовыхъ въ Бѣлевъ вдовствующая государыня Марія Ѳедоровна, остановилась тоже въ домѣ купца Дороеева. Выѣхавъ изъ Москвы на Калугу, она только на нѣсколько часовъ не застала въ живыхъ свою невѣстку. Войдя къ покойницѣ, вдовствующая государыня стала на колѣни, помолилась, потомъ сняла съ шеи Елисаветы Алексѣевны образочки, съ пальцевъ—кольца, надѣла на себя, встала, сказала, что

платъе, въ которое слѣдуетъ одѣть покойницу, она привезла съ собою... Затѣмъ приказала докторамъ приступить къ бальзамированію и, не оставаясь болѣе ни минуты, выѣхала изъ Бѣлева...

Разумѣется, послѣ домъ Доросеева облекли въ трауръ, начались обычныя поклоненія, прощанія публики съ тѣломъ, и императрицу повезли въ Петербургъ съ подобающимъ царскому лицу церемоніаломъ...

Юлія Даниловна всю дорогу до столицы не переставала держать около себя чернаго дерева ящичекъ. Доѣхавъ до заставы, она вышла изъ кареты и стала ждать барина, который, по словамъ Елисаветы Алексѣевны, долженъ былъ взять у нея этотъ ящикъ. Но вмѣсто ожидаемаго ею человѣка, къ м-ше Тисенъ подошелъ какой-то флигель-адъютантъ, спросилъ только, при ней ли ящикъ чернаго дерева, и, услышавъ отъ нея утвердительный отвѣтъ, усадилъ ее въ карету, сѣлъ рядомъ съ нею и отвезъ ее прямо въ Зимній дворецъ. Тамъ подаль ей руку, тоже самъ проводилъ до кабинета Николая Павловича и, впустивъ ее туда, затворилъ за нею двери. Войдя въ кабинетъ, Юлія Даниловна увидѣла государя и императрицу-мать, сидѣвшихъ около ярко растопленнаго камина. Не успѣла она сдѣлать низкій реверансъ, какъ Николай Павловичъ, указывая на Марію Ѳеодоровну, сказалъ:

— Передайте императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ шкатулку, которую покойная государыня передъ смертью отдала вамъ спрятать.

М-ше Тисенъ молча подала. Тогда Марія Ѳеодоровна сняла висѣвшій у нея на шеѣ маленькій золотой ключикъ, проворно открыла имъ ящичекъ и начала поочередно вынимать изъ него какія-то бумаги, прочитывала каждую, передавала прочесть государю, и онъ, по знаку матери, кидалъ ихъ въ каминъ... Такъ они скоро уничтожили все, что хранилось въ шкатулочкѣ... Затѣмъ Марія Ѳеодоровна пустой ящикъ подала м-ше Тисенъ и сказала: «Возьмите это себѣ на память! Теперь вы можете идти»...

Юлія Даниловна ни жива, ни мертва вышла изъ кабинета государя и унесла съ собою пожалованный ей пустой чернаго дерева ящикъ съ золотымъ ключикомъ, и онъ съ тѣхъ поръ всегда стоялъ у нея на античномъ столикѣ съ цѣпами, который Елисавета Алексѣевна тоже приказала ей взять себѣ. Вѣроятно, эти двѣ вещи—столликъ и ящикъ—и теперь сберегаются въ Англій у кого нибудь изъ родственниковъ покойной м-ше Тисенъ; но тайна, которую хранила завѣтная шкатулочка, къ великому огорченію Юліи Даниловны, такъ и осталась тайною навѣки...

Въ это лѣто мы позднѣе обыкновеннаго перебрались на Черную рѣчку, на нашу старую дачу съ тѣми же сосѣдями. Дамы Вульффертъ сильно надобѣдали всѣмъ нашимъ разговорами о политикѣ; старуха мать Карла Карловича цѣлые дни проливала горючія слезы о горькой участи государыни матери и стонала: «бѣд-

ной императрицы Мари Федоровны! у ней все потёра за потёрой»... А дочь ея Шарлотта Карловна всякій Божій день рассказывала, какъ она печально попала поутру 14-го декабря на Дворцовую площадь и была свидѣтельницей бунта: «я шель,— говорила она,— и услышлй, какъ пьяная солдатень кричалъ «Константинь, Константинь». Я подумалъ, что бѣдный солдатъ не знаетъ, что нашъ государень будетъ Николай; подошелъ и сказалъ: нѣтъ, мой милій, не Константинь—Николаенъ!.. Вдругъ солдатень на меня сердилъ и хотѣлъ въ меня воткнуть свой ручей! Я очень пугалъ, хотѣлъ бѣжать, лизнулъ въ снѣгъ и упалъ... Послѣ мене полицей завсѣмъ мертвой домой привезла»...

Конечно, все это было очень глупо, но есть вещи, надъ которыми не могли смѣяться даже хохотушки мои теткы...

Хорошо еще то, что въ это лѣто для разнообразія намъ очень часто наносили визиты двѣ хорошенькыя молодыя вдовы: одна русская дебелая красавица Фіона Николаевна Кусова, вдова коммерціи совѣтника Сергѣя Ивановича Кусова, рожденная Кусовникова, а другая, вертлявая, живая французенка, начальница мѣщанской половины Смольнаго монастыря, всѣмъ извѣстная въ Петербургѣ, м-ме Касель, рожденная Фогель, которая послѣ мужа прожила еще Мафусаиловы годы и скончалась не такъ давно тому назадъ. Удивительно, какъ разное въ тяжкомъ горѣ первыхъ дней вдовства высказывалась тогда національность этихъ двухъ женщинъ: Фіона Николаевна, потерявъ мужа, остриглась подъ гребенку, распустила громадный черный фланелевый съ плерезами шлейфъ, укрылась съ головы до ногъ вдовимъ креповымъ покрываломъ и не переставала, глубоко вздыхая, молча, своими небесно-голубыми глазами глядѣть куда-то въ даль... Конечно, она не могла оживить нашъ домъ, но была такъ трогательно хороша, что отъ нея невозможно было оторвать глазъ. За то м-ме Касель, не столько хорошенькая, сколько пикантная, составляла блаженство моихъ тетокъ: худенькая, маленькая, подвижная, по модѣ одѣтая въ элегантно-траурное платье, съ бѣлокуроыми локончиками, граціозно выглядывавшими изъ-подъ чернаго чепца, она была скорѣй похожа на игрушку, чѣмъ на вдову, и вносила съ собою веселье, а не грусть. Цѣлые дни она порхала съ мѣста на мѣсто, болтала со всѣми, смѣялась, пѣла для папеньки романсы, заливаясь, какъ птичка Божія...

Да, забавная была вдовушка м-ме Касель, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая серьезная служака! Съ нею, много лѣтъ спустя, мы даже породнились немного: единственный ея сынъ (далеко не такой забавный, какъ его маменька) женился послѣ на моей двоюродной сестрѣ, Софѣ Федоровнѣ Дудиной, дочери маменькинаго брата, и невеликое счастье принесъ собою бѣдной молодой женщинѣ, но объ этомъ послѣ... У Фіоны Николаевны послѣ мужа осталось четыре дочери, съ которыми я провела мою молодость и была очень

дружна съ ними. Объ этомъ счастливомъ времени и вообще о семействѣ Оіоны Николаевны мнѣ придется еще многое рассказать интереснаго... Но о нихъ забѣгать впередъ не буду...

Теперь мнѣ надо еще сказать, что отецъ мой на дачѣ успокоился душою и даже задумалъ принятъ за новый трудъ, то-есть написать масляными красками нашу семейную картину, ту самую перспективу, которая послѣ на выставкѣ Академіи Художествъ имѣла такой успѣхъ... Кто не знаетъ этой картины, тотъ и теперь можетъ видѣть ее въ залахъ Академіи, куда ее продала сестра моя отъ второго брака Екатерина Федоровна Юнге. Чтобы не откладывать «въ долгій ящикъ» съ такою любовью задуманнаго дѣла, папенька въ эту осень раньше обыкновеннаго переехалъ съ нами съ Черной рѣчки на Васильевскій островъ, въ нашъ розовый домъ. Въ Петербургѣ, не переставая усердно служить и заниматься лѣпкой своихъ медалей, отецъ мой пользовался каждымъ свѣтлымъ утромъ, чтобы писать семейную картину: Машеньку, Лизаньку и меня ставилъ на натуру, себя писалъ въ зеркало. Картина эта писалась что-то долго. Папенька вѣдь не умѣлъ писать эффектными щедрыми мазками, какъ пишутъ теперь молодые художники, и очень сожалѣлъ, что этотъ родъ живописи не давался ему... Ему непремѣнно надо было вырисовывать до мелочей все, что онъ видѣлъ. И по-моему, это очень понятно; слишкомъ рано онъ сдѣлался медальеромъ, а въ медальерномъ искусствѣ о свѣтовыхъ эффектахъ нѣтъ и помину, а есть только, такъ сказать, строгая осязательная выработка до мельчайшихъ подробностей предметовъ, которые онъ долженъ былъ изобразить на медали... Къ тому же, отецъ мой, когда еще ребенкомъ началъ марать бумагу около сестры своей Вѣры Петровны, тогда никто, кажется, не имѣлъ понятія о теперешнемъ размахистомъ рисованіи и письмѣ, а женщины всѣ тогда рисовали больше «пунктиромъ», и папенька усердно старался ей подражать. Хотя послѣ онъ далеко ушелъ отъ своей родной учительницы, но, все-таки, даже въ чудныхъ бабочкахъ въ альбомѣ отца моего есть что-то, что напоминаетъ доходящую до миниатюры работу Вѣры Петровны: каждая пылинка на крыльяхъ его бабочекъ положена особо, отъ руки, такъ легко и нѣжно, что кажется стоитъ только дунуть на бумагу, и улетитъ съ нея пыль, какъ съ крыла живой бабочки. «Привычка вторая натура»—папенька слишкомъ привыкъ къ мелкой кропотливой работѣ, чтобы, взявшись за масляныя краски, сразу перейти на другую, болѣе широкую манеру письма. И семейную картину нашу началъ онъ писать съ доходящею до миниатюры точностью. А такъ писать быстро нельзя! И помучилъ же онъ насъ долгими сеансами: я, егоза, рѣшительно не могла выстоять смирно на мѣстѣ одной минуты и такъ выводила папеньку изъ себя, что онъ даже сердился и кричалъ на меня...

Каждое утро, пока отецъ былъ въ должности, насъ посылали гулять съ m-lle Héléne, а подь вечеръ, entre chien et loup, когда уже темно было писать картину, папенька съ маменькой брали насъ съ собой гулять по Большому проспекту. Въ эти часы мы были совершенно счастливы и горды тѣмъ, что гуляемъ вмѣстѣ съ большими. Отецъ мой, гуляя съ маменькой, всегда ходилъ подь ручку, а Лизаньку и меня посылали впереди. Любили они, наши дорогіе, всегда имѣть насъ на глазахъ и, даже гуляя, умѣли научить сестру и меня чему нибудь доброму, хорошему. Позвольте мнѣ рассказать, какъ мы тогда гуляли съ родителями.

Право, по тому еще темному времени, это была штука интересная! Да и мнѣ это воспоминаніе очень дорого, и хочется подѣлиться имъ съ добрыми людьми, которые, вѣрно, поймутъ меня и скажутъ: «да, чудные, должно быть, были люди графъ Ѳеодоръ Петровичъ и графиня Анна Ѳеодоровна!».

Представьте себѣ, идемъ мы бывало по мосткамъ Большого проспекта, и кто бы намъ на встрѣчу ни шелъ,—будь то хоть оборванный мужичекъ въ лаптяхъ,—ужъ папенька непременно намъ скажетъ: «дѣти, посторонитесь, дайте дорогу: вамъ навстрѣчу идутъ»... Или нищая старушка съ трудомъ взбирается на ступеньку мостковъ; маменька тоже намъ подскажетъ: «дѣти, видите, какъ старушкѣ трудно! помогите ей взойти!» И мы съ Лизанькой, не обращая вниманія на то, что эта старушка—нищая вся въ заплаткахъ, кинемся къ ней съ радостью и введемъ ее на ступеньки мостковъ.

Кажется, вѣдь въ этихъ такъ просто сказанныхъ словахъ не было ничего особеннаго? А какъ они сразу отнимали тогда у насъ, дѣтей, всякое попользованіе къ гордости, къ фальшивому стыду... И главное—такъ глубоко тогда врѣзывались эти слова въ наши дѣтскія сердца, что вотъ мнѣ уже 76 лѣтъ, а я живо помню ихъ и записываю въ мои «воспоминанія» со слезами благодарности на глазахъ... Да, по-моему, въ дѣтствѣ много дороже всякихъ превысшреннихъ назиданій и поученій стѣить одно доброе кстати сказанное родителями слово... Въ одно и то же время съ этими прогулками, которыя заронили въ дѣтскую душу мою столько тепла и хорошаго, на мою долю выпали еще и другія прогулки, даже не подходящія дѣвочкѣ восьми лѣтъ... Осенью 1826 года, у Александры Петровны Гомзиной часто гостила несчастная вдова Рылѣва, которая, право, не знаю за что очень полюбила меня и даже часто водила съ собой на могилу мужа своего. Помню, что наши говорили тогда при мнѣ, что вдовѣ Рылѣвой, по какой-то особой къ ней милости, позволили взять тѣло мужа и самой похоронить его на Голодаѣ, только съ тѣмъ, чтобы она надъ мѣстомъ, гдѣ его положить, не ставила креста и не дѣлала никакой замѣты, по которой бы можно было заподозрѣть, что тутъ похороненъ кто нибудь. И точно, на томъ мѣстѣ, куда мы ходили, креста не было.

Но не утерпѣла несчастная женщина, чтобы своими руками не натаскать на ту землю, подъ которой лежало ея земное счастье, грудку простыхъ булыжниковъ и не утыкать ихъ простыми травками и полевыми цвѣтами... Для посторонняго глаза эта грудка камешковъ была совсѣмъ незамѣтна, но мы съ нею видѣли ее издалека и прямо шли на нее... Господи! какъ эта молодая мученица разрывалась тамъ, какъ горячо молилась Богу!.. на это безъ ужаса нельзя было смотрѣть... Что—я, восьмилѣтній ребенокъ? а тоже становилась около нея на колѣни и тоже молилась и плакала горячими слезами... о чемъ плакала, сама не вѣдала. Ее мнѣ было ужъ очень жаль, а больше я тогда ничего не знала...

Послѣ я часто задавала себѣ вопросъ, отчего тогда изъ всего нашего дома, гдѣ было столько зрѣлыхъ женщинъ, Рылѣва выбрала меня, маленькую, себѣ въ провожатыя. И мнѣ кажется, я поняла ее: одной ходить въ такую глушь на могилу мужа ей было жутко; со мною, хоть съ маленькимъ живымъ существомъ, она чувствовала себя бодрѣе... А съ большими она не хотѣла ходить, потому что они смотрѣли бы на нее не дѣтскими простодушными глазами, при нихъ она не могла бы ни молиться, ни плакать: ей было бы стыдно...

А какъ иногда газеты-то врутъ немилосердно!... Никакъ не могу припомнить (память моя на все, что дѣлается теперь, сильно измѣняетъ мнѣ), въ какомъ журналѣ или газетѣ за послѣдній десятокъ лѣтъ мнѣ попала въ глаза маленькая статейка, въ которой было сказано, что «тѣло Рылѣва послѣ казни было украдено декабристами и увезено неизвѣстно куда, такъ что никто не знаетъ мѣста, гдѣ онъ похороненъ»...

Прочла я это и подумала: нѣтъ, голубчики, не врите, пожалуйста! Если вы не знаете, гдѣ онъ похороненъ, то я знаю. И будь Голодай въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ 68 лѣтъ тому назадъ, я бы по моей, дѣтской еще, памяти, указала вамъ мѣсто, гдѣ положенъ Рылѣвъ... Но въ томъ-то и бѣда, что Голодай-то, говорятъ, сталъ совсѣмъ не тотъ: весь сосновый лѣсъ съ него срубленъ, остался одинъ пустырь... поди, и булыжники, къ которымъ въ 1825 году мы вдвоемъ съ Рылѣвой вдовою ходили плакать, давно втоптались въ землю, и не осталось у меня никакого вещественнаго доказательства въ моей правотѣ... И Рылѣвой давно нѣтъ на свѣтѣ, и меня скоро не будетъ!.. ну, и врите, господа, врите, сколько душевнѣкъ вашей угодно, васъ остановить некому!..

Однако, чтобы продолжать мои «воспоминанія», мнѣ надо изъ 76-тилѣтней старухи опять передѣлаться въ восьмилѣтнюю дѣвочку, что «по щучьему велѣнью, по моему хотѣнью» я и дѣлаю...

М. Каменская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ӨЕДИНЬКА ДОНЪ-КИХОТЪ.

Былъ.

I.

ВЪ РАННЕМЪ ДѢТСТВѢ Өединька отличался какою-то странною неподвижною взгляда. Его маленькіе, свѣтло-голубые, почти бѣлесоватые, глаза были изъ глубокихъ впадинъ устремлены куда-то вдаль, и трудно было ихъ оторвать отъ невидимой точки, на которой сосредоточивалось его вниманіе. Эта неподвижность взгляда смущала и даже беспокоила его родителей. Они горячо любили своего первенца, единственнаго своего ребенка. Ужъ что ни дѣлала мать, чтобы отвлекать вниманіе Өединьки отъ невидимой точки, какіе разнообразные предметы ни показывала она ему, держа ихъ передъ Өединькиными глазками и такъ, и эдакъ, выбирая самые яркіе, пестрые, затѣйливые,—Өединька взглянетъ на нихъ мелькомъ, рѣдко когда протянетъ рученку, но затѣмъ сморщитъ приплюснутый свой носикъ, втянетъ и безъ того уже тонкія свои губки, прислонится маленькою своею головкою къ маменькиной головѣ, и опять бѣлесоватые его глаза сосредоточенно глядятъ вдаль...

— Кажется, идиотомъ будетъ,— съ печальною покорностью промолвилъ отецъ послѣ одной изъ такихъ сценъ.

Но мать не сдавалась. Почему быть ему идиотомъ? Ребенокъ, родившійся отъ здоровыхъ родителей, долженъ быть здоровъ и не

можетъ быть дурачкомъ, потому что и отецъ его... Тутъ она непременно брала Оединькина отца за руку и нѣжно цѣловала его.

Однако, Оединька продолжалъ неподвижно смотрѣть вдаль. Даже въ душу матери начали вкрадываться сомнѣнія, но наружно она все еще не сдавалась. «Посмотримъ, посмотримъ,—говорила она отцу.—Нѣтъ, Петя, ты ошибаешься: онъ вдругъ начнетъ развиваться и будетъ такимъ же умнымъ, такимъ же передовымъ дѣятелемъ, какъ и ты, мой милый, безцѣнный»...

И дѣйствительно, въ одинъ прекрасный день Оединька несказанно обрадовала своихъ родителей.

Дѣло было такъ. Отецъ только-что вернулся домой изъ департамента и, пообедавъ, сидѣлъ въ гостиной и покуривалъ сигарку. Оединькѣ утромъ нездоровилось, и мать носила его по комнатѣ, напѣвая ему пѣсенку. Онъ же по своему обыкновенію прислонился головкою къ маменькиной головѣ, и когда мать останавливалась, чтобы перекинуться съ отцомъ словечкомъ-другимъ, сосредоточенно смотрѣлъ вдаль. Родители не обращали на него вниманія, заговорившись о дѣлахъ, да и глазенокъ его не было видно, потому что темный абажуръ скрывалъ свѣтъ: освѣщенъ былъ только передиванный столъ, коверъ подъ нимъ и—чего родители не примѣтили—вслѣдствіе маленькаго изъяна въ абажурѣ, прорванномъ, вѣроятно, косолапою Оедосьею (кухаркою и горничною въ семьѣ Малюткиныхъ—такъ звали Оединькиныхъ родителей), часть стѣны надъ диваномъ, на которой красовались двѣ фотографіи въ золоченыхъ металлическихъ рамкахъ: одна, поменьше, изображала какого-то молодого человѣка длинно-волосаго, въ фантастическомъ костюмѣ не то мастерового, не то студента; другая—группу молодыхъ людей въ арестантскихъ халатахъ.

Вдругъ мать почувствовала, что Оединька стремительно потянулся впередъ. Она также подалась впередъ, вскочилъ и отецъ, не понимая, въ чемъ дѣло. Оказалось, что Оединька потянулся къ двумъ фотографіямъ въ ярко блестящихъ золоченыхъ рамкахъ. Онъ не только самъ потянулся, но и протянулъ къ нимъ свои ручки.

Это было несомнѣнное проявленіе Оединькиной самостоятельности, блистательно опровергавшее столь несправедливое и несообразное предположеніе, будто бы онъ—идіотъ.

Нечего описывать радости родителей. Фотографіи были немедленно сняты со стѣны и поднесены Оединькѣ. Къ меньшей радости родителей онъ сталъ ихъ разсматривать очень внимательно, даже потыкалъ ихъ своимъ указательнымъ пальчикомъ, причемъ ему торжественно было объяснено матерью, во-первыхъ, что длинно-волосый молодой человѣкъ въ неопредѣленномъ костюмѣ—его дядя, въ честь котораго Оединька и названъ Оединькой, что онъ въ Америкѣ сражался въ 1863 г. за свободу и за свободу же умеръ

затѣмъ въ Сибири; во-вторыхъ, что группа молодыхъ людей въ арестантскихъ халатахъ—студенты, въ томъ числѣ и папа, сидѣвшій въ Кронштадтѣ, потому что также боролся за свободу.

— Да, за свободу,—подтвердилъ внушительно отецъ.

Өединька прослушалъ это объясненіе довольно внимательно, но не проявилъ ни радости, ни печали. Однако, оно его видимо заинтересовало, потому что впоследствии онъ часто тянулся къ фотографіямъ и внимательно ихъ разсматривалъ, а когда научился говорить, однажды опять обрадовалъ своихъ родителей тѣмъ, что, указывая пальчикомъ на фотографію, совершенно отчетливо произнесъ:

— Папа сидѣлъ въ Кланстатѣ, а дядя Өедя ...слазался за свободу... въ Амелькѣ.

Мать не помнила себя отъ радости, услыхавъ эти отчетливо произнесенныя слова. Папа увѣрялъ, что Өединька будетъ глупенькимъ, а Өединька—милый, дорогой, умный: человѣкомъ будетъ, будетъ защищать всѣхъ бѣдныхъ, обиженныхъ, несчастныхъ... Правда, Өединька?

Но Өединька уже опять смотрѣлъ своими бѣлесоватыми глазами сосредоточенно куда-то вдаль.

II.

Второе проявленіе Өединькиной самостоятельности случилось гораздо позже, когда Өединькѣ было уже лѣтъ шесть. Малюткины жили тогда на дачѣ въ Коломягахъ, съ которыми ихъ связывали знаменательныя воспоминанія. Тутъ Өединькинъ отецъ впервые открыто поселился съ Өединькиной мамой, тутъ родился и самъ Өединька, который, если слѣдовать установленному обычаю называть незаконнорожденныхъ дѣтей фамиліею матери, былъ собственно не Малюткинъ, а Обыдинъ и даже не Обыдинъ, а Площадкинъ, такъ какъ его мать была урожденная Площадкина. Тутъ, въ Коломягахъ, Өединька и совершилъ свой второй подвигъ.

Не даромъ Өединькинъ папа сидѣлъ въ «Кланстатѣ», а Өединькинъ дядя «слазался въ Амелькѣ за свободу», не даромъ самъ Өединька былъ не Малюткинъ и даже не Обыдинъ, а собственно Площадкинъ, не даромъ всѣ эти обстоятельства служили темою безконечныхъ бесѣдъ между Өединькиными родителями о невыносимомъ гнетѣ жизни, о жалкой участи и приниженности труженниковъ, о торжествѣ эксплуататоровъ, о свободѣ, какъ единственномъ средствѣ спасенія, не даромъ Өединькины папа и мама читали какіе-то таинственные листки и брошюры, были вѣчно недовольны, вздыхали, жаловались. Все это должно было оставить слѣды въ Өединькиной душѣ, хотя онъ и продолжалъ попрежнему

глядѣть на мѣръ своими бѣлесоватыми глазенками какъ-то неопредѣленно, задумчиво, можетъ быть, бессмысленно. Кто его тамъ знаетъ, что происходило въ его душенькѣ! Бывало, сидитъ въ палисадникѣ, роется въ пескѣ, играетъ, играетъ—и вдругъ замретъ, руки опустятся, игрушка покатится куда-то въ сторону, а онъ сидитъ, раскарячивъ ножки, и неподвижно глядитъ себѣ вдаль. Тихонькій онъ былъ, скромненькій ребенокъ, ни отцу, ни матери никогда не надоѣдалъ, забавлялся самъ, чѣмъ случится, или сидѣлъ вотъ такъ неподвижно, словно замиралъ, и смотрѣлъ, смотрѣлъ безъ конца вдаль. На родителей опять находили сомнѣнія. Молчаливъ онъ былъ ужъ черезчуръ; по цѣлымъ часамъ ни слова не скажетъ, ничего не попроситъ, не рѣзвится, не капризничаетъ, даже не поплачетъ, а все смотритъ своими бѣлесоватыми глазенками вдаль. Что онъ тамъ видитъ? Богъ его вѣдаетъ. Родители склонны были думать, что онъ ничего не видитъ, но, какъ оказалось, они ошибались: онъ кое-что видѣлъ...

Видѣлъ онъ, напримѣръ, большого пѣтуха, важно расхаживавшаго съ тремя курицами около палисадника и иногда заглядывавшаго даже въ самый палисадникъ, не обращая никакого вниманія на сидѣвшаго въ пескѣ Оединьку. Бывало, этотъ пѣтухъ незамѣтно приблизится къ Оединькѣ, когда тотъ смотритъ себѣ вдаль, да такъ гаркнетъ надъ самымъ его ухомъ, что Оединька весь задрожитъ. Гадкій пѣтухъ,—говорилъ себѣ Оединька, хотя пѣтухъ былъ, какъ всѣ пѣтухи: ходилъ себѣ съ своими курами, клевалъ дѣйствительныя или воображаемыя зерна, останавливался или даже взбирался на заборъ, чтобы орать во всю мочь, пѣтушился, амурничалъ...

Но въ головѣ Оединьки сложилось совершенно своеобразное представленіе о пѣтухѣ. Оединькина мама правда примѣтила, что Оединька запасся гдѣ-то тяжелою, претяжелою палкою и обѣими ручками влачилъ ее всюду за собою, какъ только выйдетъ на воздухъ. Зачѣмъ Оединькѣ эта палка, подумала мама, но рѣшила, что это новая его забава (хоть какуюнибудь самостоятельность проявляетъ мальчуганъ!), и успокоилась на этомъ. Палка эта, однако, послужила Оединькѣ вовсе не для забавы.

Оединька подстерегалъ пѣтуха...

Разыгралось дѣло слѣдующимъ образомъ. Папа и мама сидѣли послѣ обѣда въ комнатѣ и отдыхали, а Оединька игралъ по своему обыкновенію въ палисадникѣ, какъ вдругъ раздался крикъ. Папа и мама въ испугѣ выскочили на балконъ, полагая, что съ Оединькой случилось какоенибудь несчастье. Его дѣйствительно на обычномъ мѣстѣ въ пескѣ не оказалось, но возлѣ изгороди стояла баба, жена сосѣдняго мужика. Она-то и подняла крикъ. Среди безконечныхъ ея причитаній яснѣе всего выдѣлялись слова:

— Мальчикъ пѣтуха убилъ.

Папа спустился съ балкона и тутъ только замѣтилъ, что Оединька, весь блѣдный, прижался къ лѣсенкѣ, держа въ обѣихъ рученкахъ свою толстую палку.

— Вотъ этою самою палкою онъ и убилъ пѣтуха: сосѣди видѣли, Андрюша видѣлъ, Матрешка видѣла... Въ самую голову угодилъ...

Тихій Оединька пѣтуха убилъ! Можетъ ли это быть? Папа подошелъ къ Оединькѣ и спросилъ его:

— Ты ударилъ этою палкою пѣтуха?

Оединька взглянулъ на отца своими блѣсоватыми глазенками и отвѣтилъ:

— Удалилъ.

— Зачѣмъ же ты это сдѣлалъ?—крикнулъ отецъ строго.

— А зачѣмъ онъ,—взмолился мальчикъ:—все кулоцекъ обиазаетъ... топчетъ ихъ... за хохолокъ таскаетъ...

Отецъ постоялъ въ раздумьи, не зная, что и сказать.

— Ахъ, Оединька!—воскликнулъ онъ наконецъ.—Ахъ, Оединька!—повторилъ кто-то.—Ахъ, Оединька!—раздалось вокругъ. Собравшіеся сосѣди, мужики и бабы, хихикали, покачивая головами; улыбнулся папа, улыбнулась мама, а Оединька, не понимая, въ чемъ дѣло, отчего всѣ надъ нимъ смѣются, продолжалъ блѣдный стоять у лѣсенки.

— Ахъ, Оединька!—какъ часто ему потомъ приходилось въ жизни слышать этотъ полу-насмѣшливый возгласъ не то раздраженія, не то соболѣзнованія.

III.

Слѣдующій подвигъ—впрочемъ, это не былъ подвигъ, но, все-таки, проявленіе самостоятельности—Оединькѣ пришлось совершить, когда ему было уже лѣтъ девять, передъ тѣмъ какъ его усыновилъ отецъ, сдѣлавъ его уже настоящимъ Малюткинымъ, Оедоромъ Петровичемъ Малюткинымъ, и передъ тѣмъ какъ онъ опредѣлилъ его въ гимназію.

Малюткины жили очень уединенною жизнью. Весь день отецъ былъ на службѣ, корпя въ департаментѣ надъ бумагами, а мать возилась въ кухнѣ съ косолапою Оедосьею. Трудно было повѣрить, что она сравнительно еще недавно была своего рода львицею, за которою такъ и увивались молодые люди. Природа наградила ее миловиднымъ личикомъ, задумчивыми глазами, острымъ носикомъ, бѣлыми, какъ эмаль, зубками. Птенчикъ ты мой!—называлъ ее Малюткинъ. Она была поповна, но уже шестнадцати лѣтъ вышла замужъ за студента (это было въ самый разгаръ шестидесятыхъ годовъ). Какъ это случилось, какъ она могла выйти замужъ за челоуѣка, котораго почти не знала, было тайною не только для дру-

гихъ, но и для нея самой,—тайною того времени, когда люди, заучив нѣсколько громкихъ фразъ, могли прослыть достойными, передовыми, чуть ли не великими. Она повѣрила, что Обыдинъ—самый необыкновенный человекъ, хотя ему (пошелъ тогда всего двадцатый годъ, и дала себя увести изъ родительскаго дома, потому что ея родители самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивились ея превращенію изъ Площадкиной въ Обыдину.

Эта романическая исторія, надѣлавшая много шума въ студенческихъ кружкахъ, кончилась очень прозаично. Обыдинъ оказался не только обыкновеннымъ человекомъ, но вдобавокъ еще сквернымъ и чрезвычайно падкимъ на деньги. Видя, что родители жены остаются непреклонными и не только раскопелиться не хотятъ, но даже не прощаютъ дочери, онъ сталъ относиться къ ней сперва грубо, а потомъ дѣло дошло даже до побоевъ. Женѣ пришлось бѣжать отъ мужа къ одному изъ многочисленныхъ его товарищей, также студенту. Она явилась къ нему ночью, прося его покровительства. Онъ тотчасъ уступилъ ей свою комнату и куда-то переселился. Это и былъ Малюткинъ, Единькинъ отецъ. Какъ и слѣдовало ожидать, разыгрался новый романъ, окончившійся «гражданскимъ» бракомъ. Малюткинъ былъ малый совершенно необезпеченный: пришлось подумать о средствахъ къ существованію. Онъ бросилъ университетъ и поступилъ на службу.

Много онъ натерпѣлся съ своею «гражданскою» женою, пока сталъ получать пятьдесятъ, а затѣмъ и семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ. «Птенчикъ» все надѣялся, что родители его простятъ, но надежда эта не сбылась: и безъ птенчика у нихъ было довольно заботъ,—безъ этой распутницы, какъ они ее называли. Они не простили ее до самой смерти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся родня отплатнулась отъ нея, словно отъ зачумленной. Поступила она было на Надеждинскіе курсы, чтобы прирабатывать денегъ, но тутъ подоспѣлъ Единька и разстроилъ эти планы. Съ тѣхъ поръ она, какъ сказано, возилась въ кухнѣ съ косолапой Федосеей, присматривала за Единькой, штопала, чинила, переворачивала старое платье наизнанку, чтобы придать ему новый видъ, чистила, прибирала, иногда сама стирала на кухнѣ,—словомъ нянчилась, суежилась иногда до полнаго изнеможенія и только по вечерамъ, когда Малюткинъ возвращался со службы, нѣсколько успокаивалась въ бесѣдѣ съ нимъ или за чтеніемъ разныхъ книгъ, брошюръ, листовъ.

Куда дѣвалась прежняя львица учащейся молодежи, прежняя «передовая» женщина? Гдѣ-то въ глубинѣ души сохранился еще огонекъ и по временамъ даже прорывался наружу, но какъ будто уже черезъ толстый наносный слой: великое житейское море совершаетъ свое дѣло, наноситъ песчинку за песчинкою, пока этою на видъ незамѣтною тяжестью не придавитъ человекъ, не лишитъ его всякой свободы движеній. Сперва онъ дѣлаетъ еще усилія,

чтобы справиться съ этимъ надвигающимся на него гнетомъ, но потомъ эти судорожныя порыванія все болѣе затрудняются,— и смотришь: казавшаяся оригинальною личность становится похожею на всѣхъ другихъ, покрывается тѣмъ же толстымъ слоемъ песку, ила, тины. Только тамъ, въ глубинѣ души, еще живетъ какая-то тѣнь самостоятельной жизни, но и она постепенно исчезаетъ, и человѣкъ лишь изрѣдка испускаетъ еще глубокой вздохъ: нѣтъ воздуха, нѣтъ простора! Есть сильныя натуры, которыя справляются съ этимъ пескомъ и иломъ, осаждаемымъ великимъ житейскимъ моремъ; но «птенчикъ» далеко не былъ сильною натурою: онъ только протестовалъ, раздражался, ожесточался, какъ протестовалъ, раздражался, ожесточался и самъ Малюткинъ.

Все ихъ злило. Злило то, что другіе сносно устроиваются въ жизни, не терпятъ нужды, не корпятъ за семьдесятъ пять рублей цѣлые дни, а иногда и ночи надъ бумагами, проходя мимо магазиновъ съ роскошными выставками въ окнахъ, могутъ зайти и купить, что имъ понравится, пробѣгая афиши, взять билетъ въ театръ на интересный спектакль, одѣваться, какъ всѣ, не считать каждаго гроша, не возиться на кухнѣ съ косолапой Федосеей, не стирать, штопать, чинить. Почему другіе все это могутъ? Потому что они подлецы, потому что въ нихъ нѣтъ совѣсти, потому что они до мозга костей прониклись буржуазными чувствами и понятіями, потому что человѣческое горе не возбуждаетъ въ нихъ никакого состраданія.

Малюткины дѣлили всѣхъ людей на двѣ категоріи: подлецовъ и обездоленныхъ, причемъ какъ только обездоленный начиналъ сносно устроиваться въ жизни, онъ немедленно причислялся къ категоріи подлецовъ,— и вчерашній ихъ другъ становился ихъ личнымъ врагомъ. Странная это была логика, но иной они не знали. Это была логика голоднаго человѣка, который не переноситъ вида сытаго. У Малюткина, какъ и у птенчика, былъ очень большой аппетитъ,— аппетитъ, вызванный неумѣренными надеждами, распространившимися у насъ въ разгаръ шестидесятыхъ годовъ. Дѣйствительность представляла слишкомъ большой контрастъ съ этими надеждами и ожесточила всѣхъ Малюткиныхъ. Они не спрашивали себя, на сколько эти надежды были вообще осуществимы, и что они сами сдѣлали для ихъ осуществленія. Они просто обвиняли «условія» и другихъ въ томъ, что ихъ надежды не сбылись, и уходили въ себя, тая въ сердцѣ много злобы, ненависти, ожесточенія...

Безконечны были въ домѣ Малюткиныхъ разговоры на тему о томъ, что виноваты во всемъ невыносимыя «условія» и тѣ, кто ихъ вѣдаетъ. Что за странные, нелѣпыя, иногда даже просто невѣроятные слухи и сплетни сообщались о людяхъ, «вѣдающихъ условія»! Всѣ эти слухи и сплетни могли казаться правдоподоб-

ными, потому что они удивительно соотвѣтствовали основному убѣжденію Малюткиныхъ, ихъ міросозерцаію, гласившему, что Малюткины сами по себѣ безсильны, что они не могутъ придти на помощь ни себѣ, ни другимъ, что все зависитъ отъ силъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ нихъ и властно царствующихъ въ семь скверномъ и отвратительномъ мірѣ, гдѣ нѣтъ справедливости, гдѣ торжествуетъ одна только «свинья». Помочь дѣлу можетъ только какая нибудь грандіозная катастрофа. И какъ Малюткины сочувствовали всѣмъ тѣмъ, кто, по ихъ мнѣнію, подготовлялъ эту катастрофу, хотя они сами не знали, въ чемъ собственно она будетъ состоять! Для опредѣленія же того, что къ ней приводитъ, у нихъ былъ одинъ ясный критерій: все, что запрещено, ведетъ къ ней; все, что дозволено, удаляетъ отъ нея. Опять странная логика, но это была логика людей, чувствовавшихъ, что имъ живется нехорошо, и что виноваты въ этомъ тѣ, кто обязанъ устроить ихъ жизнь лучше помимо всякихъ усилій съ ихъ стороны.

Оединька прислушивался ко всѣмъ этимъ разговорамъ внимательно, во всякомъ случаѣ гораздо внимательнѣе, чѣмъ, можетъ быть, предполагали его родители. Да что ему было и дѣлать? Товарищей у него не было, играть вѣчно онъ не могъ, смотрѣть куда-то вдаль и думать о чемъ-то неопредѣленномъ также не всегда хотѣлось,—онъ и слушалъ. Что онъ выносилъ изъ этихъ бесѣдъ, какъ міросозерцаіе родителей отражалось въ его маленькой головкѣ,—вопросъ этотъ мудреный, но нѣкоторые факты могутъ служить косвеннымъ отвѣтомъ на него.

Такъ однажды Малюткины очень долго читали вечеромъ. На этотъ разъ они читали вовсе не запрещенную книгу, а взятый изъ библіотеки романъ А. Потѣхина: «Крушинскій». Но и въ этомъ романѣ затрогивалась все та же тема о безсиліи человѣка передъ «условіями». Малюткинъ читалъ романъ жадно, упиваясь несчастіями провинціального врача Крушинскаго, котораго неумолимо сокрушали «условія» и который самъ жестоко сокрушался надъ безсиліемъ хорошихъ людей передъ этими условіями. Сокрушались, негодовали, возмущались и Малюткины. Крушинскій представлялся имъ крайне симпатичнымъ человѣкомъ, достойнымъ всевозможнаго сожалѣнія, несчастною жертвою все тѣхъ же «условій» и «подлецовъ», ихъ вѣдавшихъ, тогда какъ по всей справедливости вѣдать эти условія слѣдовало бы не этимъ «подлецамъ», а имъ, Крушинскимъ и Малюткинымъ. Долго тянулось чтеніе романа. Наконецъ начала приближаться развязка. Всѣми обиженный несчастный Крушинскій умираетъ: злая чухотка прекращаетъ его молодую жизнь. Онъ лежитъ въ гробу, и предметъ его любви украдкою, скрываясь отъ «подлецовъ», приходитъ проститься съ нимъ. Какая трогательная сцена! Читая ее, Малюткинъ вспоминаетъ всѣ обиды, перенесенныя имъ самимъ; онъ не знаетъ, кого больше жа-

лѣтъ—Крушинскаго или самого себя; его душить и злоба, и негодованіе; слезы подступаютъ у него къ горлу, голосъ прерывается; онъ съ трудомъ продолжаетъ чтеніе...

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздаются всхлипыванія и затѣмъ рыданія. Оединькина мать въ испугѣ бѣжитъ стремглавъ туда; отецъ, захвативъ лампу, слѣдуетъ за нею. Имъ представляется слѣдующая картина: Оединька полусидитъ на постели, одѣяло спустилось и прикрываетъ его худыя ножки только до колѣнъ; рубашка растегнута, и грудь обнажена; руками онъ прикрываетъ лице; тѣло его судорожно вздрагиваетъ.

— Что съ тобою, Оединька? Милый, что съ тобою?—тревожно спрашиваетъ птенчикъ, садится къ нему на кровать, прикрываетъ его одѣяломъ, чтобы согрѣть холодное его тѣльце, обнимаетъ его.

Но Оединька продолжаетъ рыдать, ничего не отвѣчая.

— Дурной сонъ видѣлъ? Болитъ что нибудь? — спрашиваетъ отецъ, ставя лампу на столикъ у Оединькиной кровати, придвигая къ ней стулъ и сядя на него.

Оединька все еще рыдаетъ въ объятіяхъ у птенчика.

— Ну, Оединька, скажи, голубчикъ, что съ тобою?— умоляетъ мать.

— Скажи папѣ и мамѣ, скажи, Оединька,—уговариваетъ отецъ.

Но Оединька все еще не можетъ собраться съ силами. Напротивъ, рыданія его становятся громче, тѣло все сильнѣе вздрагиваетъ, пока наконецъ онъ сквозь эти рыданія, сквозь слезы, которыя его душатъ, обнимая птенчика и съ невыразимою жалостью глядя на отца, произноситъ:

— Бѣдный папа... не умирай...

— Что ты, Оединька! — успокоиваетъ его отецъ. — Откуда у тебя это? Сонъ, что ли, видѣлъ?

— Никакого сна... я не видѣлъ,—продолжаетъ Оединька.—Крушинскій умеръ... умрешь и ты; будешь также лежать въ гробу...

Сказавъ это, Оединька умолкаетъ, рыданія прекращаются, всхлипыванія ослабѣваютъ. Онъ только съ прежнею жалостью смотритъ на отца, затѣмъ взоръ его затуманивается и упорно устремляется въ невидимую точку. Такъ онъ сидитъ на кроваткѣ, прислонившись бѣлокурой своей головкой къ маменькиной головѣ, и смотритъ, смотреть себѣ вдаль. Родители переглядываются, обращаются съ разными вопросами къ Оединькѣ, но онъ уже ничего не отвѣчаетъ. Птенчикъ бережно опускаетъ его на подушку: Оединька не сопротивляется; онъ покорно опускаетъ свою бѣлокурую головку на подушку и замираетъ на ней окончательно, продолжая себѣ смотрѣть вдаль.

— Успнешь теперь, милый, дорогой Оединька. Папа не умретъ... папа здоровъ... жить будетъ долго, долго... Оединьку вырастить...

А Оединька будетъ молодцемъ... Никого не будетъ обижать; будетъ заступаться за всѣхъ обиженныхъ,—успокоительно приговариваетъ птенчикъ, глядя Оединьку по бѣлокурой головкѣ.

Родители долго ждали, чтобъ Оединька уснула, но онъ все продолжалъ смотрѣть своими бѣлесоватыми глазенками вдаль, пока, наконецъ, отецъ не вынесъ лампы изъ комнаты. Оединька, повидимому, успокоился: дыханіе его стало ровнѣе, и родители удалились, не зная въ точности, продолжаетъ ли Оединька смотрѣть въ темнотѣ вдаль, или же онъ заснулъ.

IV.

Оединьку опредѣлили въ гимназію. Когда онъ облекся въ гимназическій мундиръ, всѣмъ начало казаться, что онъ вдругъ сталъ расти непомѣрно быстро. Ноги и руки его удлинялись чуть ли не съ каждымъ днемъ, худое тѣло также все вытягивалось, и птенчикъ подчасъ рѣшительно недоумѣвалъ, гдѣ и какъ сдѣлать приставку, чтобъ привести Оединькинъ костюмъ въ соотвѣтствіе съ его ростомъ. Только Оединькина голова съ бѣлокурыми волосами и бѣлесоватыми глазами не росла; она оставалась все такою же маленькою, точно это была не его голова, а чужая, приставленная случайно къ его длинному, предлинному туловищу. Вслѣдствіе этого, фигура Оединьки становилась нѣсколько комичною: руки у него были вѣчно обнажены чуть не до локтей, верхняя часть ботинокъ и часть носковъ виднѣлась изъ-подъ короткихъ панталонъ. Когда же Оединьку облекали въ новую пару, его фигура также производила комическое впечатлѣніе, вслѣдствіе принимавшихся птенчикомъ мѣръ предосторожности: все висѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ, и длинное, худое его тѣло какъ бы тонуло въ цѣломъ морѣ складокъ, пока быстрый ростъ снова не возьметъ свое.

— Ахъ, Оединька!—бывало воскликнетъ птенчикъ, убѣждаясь, что всѣ ея усилія, придать его фигурѣ приличный видъ, пропадаютъ даромъ.—Ахъ, Оединька!

Но чѣмъ же Оединька собственно былъ виноватъ? Онъ самъ сильно страдалъ отъ этого быстрого роста: ноги у него по ночамъ иногда страшно болѣли. И нужно было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ онъ переносилъ эти страданія! Только иногда прислонится своею маленькою головкою на длинномъ туловищѣ къ головѣ птенчика и жалобно промолвить: «ломить, мама, ломить». Птенчикъ его успокоивалъ.

— Это отъ роста, Оединька, отъ роста. Ты въ дѣда пошелъ: онъ также былъ очень высокаго роста.

— А кто былъ мой дѣдушка, мама? — спрашиваетъ Оединька, чтобъ отвлечь собственное вниманіе отъ жестоко нывшихъ ногъ.

— Твой дѣдъ, Ѳединька? Да что объ этомъ спрашивать: онъ былъ священникъ, пьяница былъ, такова ужъ эта порода. Но ты, Ѳединька, у меня кутейникомъ не будешь; ты будешь человѣкомъ... какъ папа...

— А папа—чиновникъ?—спрашивалъ Ѳединька.

— Что ты, Ѳединька! — съ негодованіемъ вскрикивалъ птенчикъ, но, тутъ же спохватившись, добавлялъ:—ну, да, онъ чиновникъ: надо же чѣмъ нибудь хлѣбъ зарабатывать. Только душа у него не чиновничья, душа у него свѣтлая, передовая: вотъ подростешь, все поймешь; увидишь, какой у тебя папа!..

И птенчикъ гордо выпрямлялся, такъ что Ѳединька, съ боку посматривая на мать, бывало скажетъ:

— Да, папа хорошій!

Ростъ, впрочемъ, причинялъ ему и другія страданія, съ которыми, пожалуй, было еще труднѣе примириться. Товарищи по гимназіи ужъ очень его донимали шутками и остротами за его комическую фигуру, а также за подмѣченную въ немъ склонность къ тихой, сосредоточенной мечтательности. Бывало, входитъ онъ въ классъ, и ужъ «тріумфальный маршъ» готовъ. Сперва эти «тріумфальные марши» были довольно невиннаго свойства. Въ проходѣ между скамьями, гдѣ долженъ былъ пройти Ѳединька, выстроивались малорослые его товарищи, все болѣе походившіе на карликовъ сравнительно съ Ѳединькою. Всякій изъ нихъ вооружался какимъ либо предметомъ, изображавшимъ музыкальный инструментъ: кто свертывалъ себѣ изъ бумаги длинную трубу, кто бралъ книгу и линейку, импровизируя барабанъ, кто снималъ сапогъ, чтобы неистово стучать имъ по скамейкѣ, кто хлопалъ просто въ ладоши. Самымъ любимымъ мотивомъ былъ маршъ изъ «Фауста», звуки котораго вылетали изъ бумажныхъ трубъ, заглушаемые стукомъ, топаньемъ, гиканьемъ сорванцовъ-мальчишекъ. Ѳединька проходилъ сквозь ихъ ряды и торжественно водворялся ими на мѣсто, какъ товарищъ, заслуживающій особеннаго вниманія за свой непомѣрный ростъ. Но постепенно эта забава утрачивала свой невинный характеръ. Сорванцамъ было мало кошачьей музыки: они начали взбираться на скамейки и давали Ѳединькѣ подзатыльники, да иногда такіе здоровые, что Ѳединька вмѣсто того, чтобы торжественно прослѣдовать подъ звуки марша къ своему мѣсту, стремительно летѣлъ къ нему, спотыкался и падалъ на своихъ товарищей, которые новыми подзатыльниками препровождали его дальше. Въ концѣ концовъ и подзатыльники не удовлетворяли сорванцовъ, и они уже безъ всякаго состраданія накладывали бѣдному Ѳединькѣ въ шею кулаками, линейками, книгами, словомъ, чѣмъ попало. Вѣроятно, отъ этого Ѳединька всегда ходилъ вполслѣдствіи съ наклоненною слегка головою, точно онъ опасался, что его сзади кто нибудь треснетъ.

Отъ учителей Единишкѣ доставалось также не мало. Они не долюбивали его уже за то, что самая личность его вѣчно служила поводомъ къ разнымъ проказамъ. Къ тому же онъ учился плохо: уроковъ или вовсе не зналъ, или отвѣчалъ очень разсѣянно и не впопадъ. Мало того, не рѣдко случалось, что онъ во время класса читалъ постороннія книги. Откуда онъ ихъ добывалъ? Это было его тайной. Должно быть, товарищи давали, у родителей бралъ. Но онъ видимо пристрастился къ чтенію: уроки его не интересовали, но книгами онъ увлекался. Сказки смѣнились разсказами, повѣстями, романами. Играть, шалить съ товарищами онъ не любилъ. Онъ былъ какой-то неповоротливый: бывало разбѣжится—упадетъ; хочетъ наказать своихъ обидчиковъ, и вслѣдствіе неловкости натерпится вдвое. Даже малыши справлялись съ нимъ. Во время перерывовъ ему спокойно читать не давали: его вѣчно теребили, тормошили, оглушали какимъ нибудь рѣзкимъ свистомъ или крикомъ въ самое ухо. Всѣ потѣшались надъ длинновязымъ Единишкой. Дома надо было готовить уроки, а въ свободное время онъ любилъ бесѣдовать съ птенчикомъ или вслушиваться въ разговоры, которые вели между собою родители: ему казалось, что эти разговоры лучше всего ему объясняютъ то, что вокругъ него живетъ, движется, что онъ старался уяснить себѣ, когда смотрѣлъ неподвижно вдаль. Отзвукъ этихъ бесѣдъ онъ находилъ въ книгахъ, и поэтому онъ ихъ такъ любилъ: въ нихъ такъ много говорилось о несчастныхъ, страдающихъ не по своей винѣ, какъ страдали папа и мама, какъ страдалъ онъ самъ и отъ роста, и отъ учителей, и отъ товарищей, и отъ многого, что видѣлъ и что слышалъ.

Бѣдный Единишка! Ты былъ поистинѣ страдальцемъ. Давно прошло то время, когда ты казнилъ противнаго пѣтуха за то, что онъ вѣчно обижалъ «кулоцекъ». Подъ вліяніемъ книгъ и разговоровъ родителей ты удивительно какъ быстро развивался. Но мысль твоя не крѣпла: жидка и тоща она была, какъ твое тѣло. Она только все распространялась на новые предметы, какъ легкій паръ скользитъ еле замѣтно передъ солнечнымъ восходомъ по лужайкамъ, озерамъ, рѣчкамъ. Она забѣгала всюду, но какъ она была далека отъ пониманія того, на чемъ случайно останавливалась! Не понималъ ты ни своихъ родителей, ни учителей, ни товарищей. Да ты и не задумывался надъ ними. Сколько разъ ты слышалъ, что не въ нихъ дѣло, что надъ всѣмъ тяготѣетъ какая-то страшная сила, которая все давитъ, развращаетъ, портитъ, уродуетъ! И задумчивый твой взоръ искалъ вдали эту роковую силу, противъ которой боролся папа, когда «сидѣлъ въ Кланстатѣ», и дядя Одея, когда «слазался за свободу въ Амелькѣ». И учителя съ ихъ латынью, о которой папа говорилъ, что она никому не нужна и придумана только для того, чтобы «оболванивать людей»,

и товарищи съ ихъ «тріумфальными маршами», отъ которыхъ у тебя голова и спина иногда такъ жестоко ныли, и многое другое были пороженіемъ той же темной силы, сѣющей всюду несправедливость, поддерживающей не слабого, а сильнаго, преслѣдующей все хорошее, свѣтлое, чтобы обезпечить за собою вліяніе, богатство, чтобы пировать тамъ, гдѣ другіе голодаютъ. Оединькина мысль представляла себѣ все это довольно смутно, но, тѣмъ не менѣе, она до такой степени сроднилась съ этими представленіями, что Оединька все сильнѣе и сильнѣе воодушевлялся страстнымъ желаніемъ отомстить за всѣхъ страждущихъ: за себя, за папу, за маму, за Крушинскаго, за страдальцевъ-героевъ другихъ повѣстей, которыя онъ читалъ съ такимъ жаднымъ вниманіемъ, и устроить всѣмъ обездоленнымъ новую, лучшую жизнь..

Боже мой, какіе фантастическіе планы слагались въ Оединькиной головкѣ! Мозгъ его, разгоряченный вѣчнымъ сѣтованіемъ родителей, туманными гражданскими мотивами, тянувшимися безконечную красною нитью черезъ всѣ эти стихотворенія, рассказы, очерки, повѣсти,—которыя онъ съ лихорадочною поспѣшностью проглатывалъ одну за другою, въ которыхъ онъ понималъ лишь одно, въ которыхъ вычитывалъ лишь страстный призывъ къ борьбѣ съ тяготѣющимъ надъ міромъ зломъ,—неустанно работалъ надъ присканіемъ средствъ достиженія побѣды, уносилъ его въ отдаленныя полудикія страны, на необитаемые острова, гдѣ онъ селился сперва одинъ, куда потомъ приглашалъ къ себѣ папу и маму, всѣхъ Крушинскихъ, всѣхъ обиженныхъ, несчастныхъ, голодающихъ, изнывающихъ подъ непосильнымъ бременемъ труда, несправедливостей всякаго рода, незаслуженныхъ жизненныхъ невгодъ, и среди роскошной природы, среди дѣвственныхъ лѣсовъ, создавалъ новое царство, одну великую и счастливую семью людей свободныхъ, сострадательныхъ, любвеобильныхъ. Когда онъ началъ предаваться этимъ грезамъ, ему все хотѣлось бѣжать отъ царящаго въ мірѣ зла куда-то далеко, далеко, на край свѣта, именно въ такую невѣдомую фантастическую страну. Должно быть, Дорэ съ его иллюстраціями Священнаго Писанія, которыя отецъ досталъ гдѣ-то на короткое время, соединился съ Робинсономъ и вызвалъ въ Оединькиной головѣ представленіе о подобномъ Эльдorado. Впрочемъ, Оединькины грезы были вовсе не такъ нелѣпы, какъ онѣ могутъ показаться на первый взглядъ. Развѣ мы не видимъ, что и вполнѣ зрѣлые люди очень часто занимаются подобными бреднями, что существуетъ даже цѣлая литература, содержаніе которой сводится къ бѣгству отъ царящаго въ мірѣ зла въ невѣдомыя страны, куда-то, къ тропикамъ. Авторъ долженъ прибавить, чтобы окончательно разсѣять первоначальное невыгодное мнѣніе объ умственныхъ способностяхъ его героя, что Оединька додумался до этой мысли совершенно самостоятельно, не прочитавъ ни одной

книги этого рода. Мы видимъ, слѣдовательно, что Оединька не только не былъ идиотомъ, какъ первоначально предполагалъ его отецъ, но проявилъ даже очень значительныя умственныя способности, которыя, однако, къ сожалѣнію, плохо цѣнились его учителями, попрежнему ставившими ему единицы да двойки. Кромѣ того, надо еще замѣтить, что Оединька не останавливался въ своихъ грѣсахъ на бѣгствѣ въ невѣдомыя страны,—и въ этомъ отношеніи онъ, будучи еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, оказался умнѣ нѣкоторыхъ сѣдовласыхъ фантазеровъ,—а сдѣлалъ дальнѣйшій выводъ въ своихъ умозаключеніяхъ, посвященныхъ этому вопросу; онъ сказалъ себѣ: всѣхъ несчастныхъ, обиженныхъ, изнывающихъ не переселишь; поэтому надо ихъ защищать тамъ, гдѣ они живутъ. Но какъ за это приняться? И вотъ Оединька воображаетъ себя то великимъ ораторомъ или писателемъ, бичующимъ притѣснителей и эксплуататоровъ такими молніеносными словами, что тѣ въ безсиліи опускаютъ руки и навсегда отказываются творить зло, то Давидомъ, поражающимъ изъ пращи Голиаѳа, то Вильгельмомъ Теллемъ, убивающимъ Геслера, то сильнымъ міра сего, водворяющимъ всюду справедливость, наказующимъ злыхъ, кровостывающимъ слабымъ и обиженнымъ. Не даромъ птенчикъ пророчилъ Оединькѣ, когда онъ былъ еще груднымъ ребенкомъ, что изъ него выйдетъ передовой человѣкъ: пророчество птенчика начало уже очень рано сбываться.

Какую прозу представляли собою сравнительно съ этими вдохновенными планами всѣ эти классныя занятія, эта латынь, эти «триумфальныя марши», издѣвательства, насмѣшки товарищей, недовольство учителей! Оединька все больше уходилъ въ себя по мѣрѣ того, какъ внѣшняя жизнь слагалась для него все неблагопріятнѣе и мучительнѣе. Онъ пробовалъ было сходиться съ товарищами, но эти попытки ни къ чему не приводили. Не даромъ онъ уже въ раннемъ дѣтствѣ все глядѣлъ куда-то вдаль, точно дѣйствительность со всѣми ея радостями, заботами, тревогами и наслажденіями его не касалась. Когда онъ заговаривалъ съ товарищами о томъ, что его волновало, они тарачили глаза, а затѣмъ хохотали, издѣвались надъ нимъ, называли его «блаженненькимъ». Онъ былъ такой смѣшной съ своими длинными оконечностями и блѣбрысой головой, а говорилъ онъ серьезно, подчасъ съ какою-то внутреннею дрожью въ голосѣ, съ задумчивымъ взглядомъ. И о чемъ говорилъ онъ? Товарищи готовили уроки, промышляли себѣ лакомый кусочекъ къ завтраку, задумывали какую нибудь шалость, а онъ толковалъ о томъ, что много несчастныхъ, что надо бѣжать куда-то далеко, гдѣ нѣтъ обидчиковъ, или же призывалъ на послѣднихъ громы небесныя. Блаженненькій, одно слово, блаженненькій! Правда, и многіе изъ его товарищей слышали дома, что на свѣтѣ все скверно, что латынь никому не нужна, что она «бол-

ваниваетъ» людей, что начальство дѣлаетъ глупости; но натура у нихъ была болѣе счастливая: они не задумывались надъ всѣми этими вопросами, а жили себѣ безхитростно. Если латынь ни къ чему и не нужна, то съ другой стороны имъ было хорошо извѣстно, что за незнаніе урока имъ достанется въ классѣ отъ учителей, а дома отъ родителей. Вотъ они и учились, чтобы избѣжать наказанія, а Ѳединька до того углубился въ размышленія о какомъ-то лучшемъ мірѣ, что ему было не до ученія.

Учителя не знали, что дѣлать съ Ѳединькой. Если бы онъ былъ просто неспособный ученикъ, его исключили бы, какъ исключали многихъ другихъ. Но дѣло въ томъ, что онъ и въ классѣ, и дома, кое-что усвоивалъ и иногда отвѣчалъ хорошо, во всякомъ случаѣ, когда былъ внимателенъ, сразу все понималъ лучше другихъ учениковъ. Но въ то же время мысль его по большей части отсутствовала, даже когда онъ не читалъ посторонней книги. Учитель его вызоветъ, онъ сорвется съ мѣста и глядитъ на него, словно только-что проснулся. «Садись, Ѳединька», или: «ахъ, Ѳединька», — скажетъ ему учитель, покачивая головой, потому что и учителя привыкли такъ его называть. И весь классъ, ну, давай повторять хоромъ: «Ахъ, Ѳединька, Ѳединька». И Ѳединька садится себѣ и опять устремляетъ взоръ куда-то вдаль, какъ будто все это такъ и должно быть. А послѣ урока его ожидаетъ «тріумфальный маршъ» или какое нибудь иное проявленіе товарищескихъ чувствъ.

V.

Такъ росъ и развивался Ѳединька, не совершая ничего достопримѣчательнаго, переходя съ грѣхомъ пополамъ изъ класса въ классъ и радуя своихъ родителей раннимъ развитіемъ въ смыслѣ усвоенія изъ разговоровъ и книгъ всего, что было въ нихъ наиболѣе передового.

Но на 14-мъ году жизни онъ совершилъ подвигъ, до нѣкоторой степени поразившій даже его родителей.

Это было въ извѣстномъ смыслѣ повтореніе исторіи съ пѣтухомъ и «кулоцками» только уже не такого невиннаго свойства.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Ѳединька къ малому удовольствію родителей особенно усердно читалъ книги и журналы. Правда, и отецъ, и птенчикъ замѣчали, что Ѳединька и худъ, и блѣденъ, и слабъ здоровьемъ, но приписывали это печальное для ихъ родительскаго сердца обстоятельство исключительно непомерному быстрому его росту и не задавались вопросомъ, не вызывается ли оно отчасти и неумѣреннымъ чтеніемъ, или, точнѣе говоря, этотъ вопросъ не приходилъ имъ въ голову—такъ ихъ радовало и утѣшало, что Ѳединька не только не идіотъ, но даже

очень и очень развитой мальчикъ. Поэтому они и не думали удерживать Единьку отъ чтенія, наоборотъ поощряли его сидѣть по цѣлымъ днямъ съ сгорбленною спиною надъ книгами. Спина эта, однако, начала сильно побаливать, такъ что Единька уже въ столь раннемъ возрастѣ вынужденъ былъ прискивать себѣ положеніе, при которомъ ломота въ спинѣ менѣе всего давала себя чувствовать. Нервы у него также пошаливали: онъ часто вздрагивалъ при малѣйшемъ шумѣ, раздражался по самому ничтожному поводу, или же, относясь ко всему безучастно, долго сидѣлъ неподвижно, глядя своими бѣлесоватыми глазками куда-то вдаль. Но развѣ Единька уже съ первыхъ дней своего появленія на свѣтъ не привыкъ сосредоточивать свой взоръ на какой-то невидимой точкѣ? А что касается до его раздражительности, то она только доказывала, что у него нервная натура, какъ у всѣхъ способныхъ, талантливыхъ людей. Словомъ, ни Малюткинъ, ни птеникъ не мѣшали Единькѣ читать всласть, а самъ онъ былъ озабоченъ только тѣмъ, чтобы выбрать наиболѣе удобное положеніе, чтобы спина не мѣшала ему предаваться любимому занятію. Наиболѣе удобнымъ положеніемъ было сидѣть у окна. Малюткины жили въ партерѣ, подоконники были у нихъ очень высокіе, и когда Единька садился у окна и клалъ книгу на подоконникъ, онъ могъ удобно облакачиваться обѣими руками, и спина его принимала вертикальное положеніе, не изображая начальной буквы слова: «страданіе».

И такъ Единька неизмѣнно сидѣлъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ у подоконника и усердно читалъ. Прохожіе его мало развлекали: они однообразною вереницею сновали взадъ и впередъ; иногда только какая нибудь кучка крестьянъ или мастеровыхъ загалдѣеть, загогочетъ, или огласитъ воздухъ непечатными ругательствами, а затѣмъ прохожіе начнутъ снова дефилировать передъ Единькой съ тѣмъ же убійственнымъ однообразіемъ. Есть на что смотрѣть, что слушать! И Единька, бросивъ разсѣянный взглядъ на улицу, съ новымъ усердіемъ погружался въ книгу, и мысли его распространялись все на новые предметы и явленія, освѣщая ихъ, однако, все съ одной и той же точки зрѣнія, группируя ихъ все по однѣмъ и тѣмъ же категоріямъ. Но это однообразіе въ мыслительномъ процессѣ не наскучало Единькѣ, напротивъ, онъ ожесточался въ этой головной работѣ, предавался ей съ упорствомъ, съ какимъ-то тайнымъ сладострастіемъ; безъ этой работы все ему казалось безцѣльнымъ: въ жизни и книгахъ онъ искалъ «подлецовъ» и «людей порядочныхъ», эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, незаконно наслаждающихся жизнью и обездоленныхъ. Онъ не понималъ смысла жизни внѣ этихъ категорій, на которыя распадалось у него все человѣчество. Онъ думалъ и чувствовалъ, ненавидѣлъ и любилъ, страдалъ и радовался, бла-

женствовалъ и терпѣлъ муки, негодовалъ и восторгался только подъ этимъ угломъ зрѣнія. Когда онъ не зналъ, къ какой категоріи причислить данное лицо, онъ относился къ нему совершенно безразлично: ни его внѣшній видъ, ни его манера держать себя, ни его симпатичность или антипатичность, красота или уродство, остроуміе или глупость, не производили на него никакого впечатлѣнія. Но разъ онъ причислилъ данное лицо къ эксплуататорамъ или эксплуатируемымъ, онъ уже твердо зналъ, какъ къ нему отнестись. Тогда все становилось ему ясно; тогда онъ зналъ, любить ли ему или ненавидѣть, негодовать или восторгаться. Его умъ изощрялся въ распредѣленіи людей по этимъ двумъ категоріямъ, и онъ очень скоро перенялъ у родителей способность сразу причислить даннаго человѣка къ одной изъ нихъ. Конечно, по отношенію ко многимъ это было не трудно; тутъ различіе въ костюмѣ—мундиръ, сермяга, покрой платья, служили вѣрнымъ признакомъ, и въ этомъ отношеніи Ѳединька уже очень рано былъ профессоромъ своей науки. Чуть не пятилѣтнимъ ребенкомъ онъ при видѣ городского уже корчилъ презрительную гримасу, а когда проходили войска, хватался за юбку матери, тыкалъ по направленію къ солдатамъ маленькимъ своимъ указательнымъ пальцемъ и приговаривалъ таинственнымъ шепотомъ: «у-у-у, гадкіе!». Но по мѣрѣ того, какъ онъ подросталъ, онъ научился различать людей и по менѣе явственнымъ признакамъ: по прическѣ, манерамъ, выраженіямъ. Родители просто изумлялись его способностямъ въ этомъ отношеніи. Не успѣеть, кажется, войти человѣкъ, а Ѳединька уже опредѣлилъ его принадлежность къ эксплуататорамъ или эксплуатируемымъ и сторонится его или, наоборотъ, льнетъ къ нему. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что Малюткины жили очень уединенно, и Ѳединькѣ, слѣдовательно, приходилось видѣть, особенно до поступленія въ гимназію, очень мало людей. Однако, всѣ эти люди принадлежали именно къ типу эксплуатируемыхъ, то-есть передовыхъ, потому что всѣ интеллигентные или образованные люди, если они принадлежатъ къ типу эксплуатируемыхъ, eo ipso становятся уже передовыми, а народная масса принадлежитъ только къ эксплуатируемымъ и на лестный эпитетъ: «передовой», претендовать не можетъ. Какъ ни тонки эти разграниченія, но Ѳединька ихъ твердо себѣ усвоилъ, можно сказать, уже съ молокомъ матери, а по мѣрѣ того, какъ подросталъ, достигъ въ этомъ отношеніи изумительной виртуозности.

Сидя у подоконника за книгою, онъ, какъ уже сказано, рѣдко смотрѣлъ на улицу, а когда смотрѣлъ, трудно было опредѣлить, вперялъ ли онъ взоръ въ невидимую точку, или дѣйствительно слѣдилъ за прохожими. Но въ одномъ случаѣ было совершенно ясно, что онъ наблюдаетъ за тѣмъ, что происходитъ на улицѣ, именно, когда онъ удостоивалъ вниманія стоявшаго посреди улицы городского.

Этотъ блюститель порядка стоялъ обыкновенно неподвижно, и тогда Оединька смотрѣлъ въ книгу; но стоило городовому сдѣлать какое нибудь движеніе, и Оединька устремлялъ на него взоръ, уже напередъ зная, что онъ совершитъ какую нибудь «гадость». Собственно говоря, городской никакихъ «гадостей» не совершалъ, а по большей части только въ точности исполнялъ инструкціи, преподанныя ему для поддержанія наружнаго порядка; но Оединька былъ твердо убѣжденъ, что городовые вообще, а слѣдовательно и данный городской въ частности, ничего, кромѣ «гадостей», совершать не могутъ. Такой взглядъ на дѣло ясно выразился однажды во время урока. Запла рѣчь о самоотверженномъ исполненіи долга, и учитель, должно быть, изъ числа эксплуататоровъ, какъ рѣшилъ уже раньше по нѣкоторымъ признакамъ Оединька, указалъ на примѣръ, почерпнутый изъ газетной хроники: на Морской понесли лошади, угрожая раздавить прохожихъ; встрѣтившійся по пути городской, съ явною опасностью для жизни, бросается къ нимъ, схватываетъ ихъ подъ уздцы, виснеть на нихъ, а лошади продолжаютъ нести, влача его подъ собою, но онъ не выпускаетъ уздечки изъ рукъ...

Весь классъ затаилъ дыханіе, слушая, чѣмъ кончится дѣло.

Учитель продолжалъ:

— Наконецъ городовому удается остановить лошадей, но во что онъ превратили его самого: истоптали его копытами до полу-смерти, раздробили ему ноги...

— Такъ ему и надо: по дѣломъ вору и мука,—прерываетъ съ озлобленіемъ Оединька учителя.

Всѣ взоры обращаются въ недоумѣніи на Оединьку. Учитель такъ пораженъ, что не находитъ словъ. Наконецъ его негодованіе изливается въ слѣдующей тирадѣ:

— Оедоръ Малюткинъ, опомнись! Что ты сказалъ! Возьми свои слова назадъ. Хотя ты ученикъ невнимательный и нерадивый, но я не думалъ, что ты, кромѣ того, безсердеченъ. Что значать твои слова? Скажи, что они значать? Знаешь ли ты, что такое чело-вѣколюбіе? Какъ можно относиться съ такимъ безсердечіемъ къ чело-вѣческимъ страданіямъ?..

— Да развѣ городской—человѣкъ?

Это восклицаніе окончательно смутило учителя. Что это: либеральная ли выходка, или сумасшествіе? Но вѣдь и сумасшествіе имѣетъ свой методъ, какъ сказалъ еще Шекспиръ.

— Что ты говоришь, Оединька!—воскликнулъ въ свою очередь учитель.—Такъ что же такое городской, если онъ не—человѣкъ?

— Хорошъ чело-вѣкъ, — продолжалъ Оединька, явно ожесточаясь.

— Итакъ, по твоему, городской — не чело-вѣкъ, такъ что же онъ такое? Ахъ, Оединька, Оединька!

И весь классъ со смѣхомъ подхватилъ этотъ возгласъ. Долго онъ наполнялъ собою классную комнату и раздавался съ такою силою, что бѣдный Ѳединька былъ оглушенъ, но въ душѣ не сдался: его тонкія, блѣдныя губы, не смотря на общій смѣхъ, продолжали повторять беззвучно презрительное: «хорошъ человѣкъ, хорошъ человѣкъ», а взглядъ его опять неподвижно устремился вдаль.

Ахъ, Ѳединька! Благо бы ты ограничился этимъ сравнительно безобиднымъ проявленіемъ негодованія на блюстителей порядка. Но нѣтъ! Твое упорство повело тебя дальше: отъ словъ ты перешелъ къ дѣйствіямъ, и къ какимъ безтолковымъ дѣйствіямъ...

Вотъ онъ стоитъ, твой врагъ, какъ разъ передъ окномъ, у котораго ты читаешь книгу. Врагъ этотъ сравнительно еще недавно былъ предобродушный паробокъ-малоросъ. Его звали Тарасъ; всю свою жизнь справлялъ онъ въ полѣ вмѣстѣ съ волами тяжелую работу, но сохранилъ, не смотря на эту подчасъ непосильную работу, огромный запасъ благодушія, выражавшагося въ его широкой улыбкѣ на черномазомъ лицѣ. Ты, конечно, видя его въ полѣ за сохою, причислилъ бы его къ категоріи эксплуатируемыхъ. Но угодилъ Тарасъ въ солдаты и, благодаря высокому росту, попалъ даже въ гвардію: оторвали его отъ сохи, отъ родной деревни, отъ матери, напѣвавшей ему еще въ люлькѣ:

«Сыну-жъ мій, сыну, я-жъ тебе родила
Собѣ на славу, царю на пидставу».

Мать скоро умерла; умерли и старшій братъ и сестра Тараса, и онъ остался одинъ, какъ перстъ, на свѣтѣ. Окончивъ срокъ службы, онъ сообразилъ, что ему дѣлать на родинѣ нечего, и что лучше ему будетъ остаться въ Петербургѣ. Малый онъ былъ смышленный, дюжій, бравый, и его охотно приняли въ городовые. Легка ли была его служба? Объ этомъ Ѳединька, конечно, себя не спрашивалъ, но несомнѣнно то, что городской Тарасенко, — какъ онъ теперь прозывался, — будучи еще паробкомъ Тарасомъ и затѣмъ солдатомъ, сохранялъ громадный запасъ добродушія, не смотря на тяжелую работу съ волами и на военную муштровку, и что этотъ запасъ нѣсколько истощился въ безконечной вознѣ съ своимъ братомъ-мужикомъ, представшимъ теперь передъ нимъ во образѣ мастеровыхъ, рабочихъ, дворниковъ, извозчиковъ, ломовыхъ. Съ одной стороны начальство требуетъ порядка, съ другой — весь этотъ народъ и слышать не хочетъ о порядкѣ. Въ началѣ онъ усовѣщевалъ, но скоро убѣдился, что всѣми этими усовѣщеваніями ничего не подѣлаешь, а какъ «честью попросишь», такъ вмигъ порядка добьешься. И непоколебимо засѣло въ умѣ его убѣжденіе, что «нашего брата-мужика учить надо», что иначе ничего не подѣлаешь. Хоть бы эти ломовые! Прутъ себѣ, словно ничего не видятъ. То ѣдутъ себѣ шагомъ, преграждая всѣмъ путь, то ни съ того, ни съ сего погонять лошадей такъ, что прохожій въ страхѣ бѣжитъ, и,

глядишь, какого нибудь ротозѣя задавать. Урезонивалъ онъ—ни-какого толка, а хватить разъ-другой кулакомъ, а еще лучше пашкой,—смотришь, порядокъ начинаютъ понимать. Но одного прочишь, а другіе въ усъ себѣ не дуютъ: и кулакъ разболѣлся, и пашка обломалась. Такимъ образомъ и Еединька, и городской Тарасенко ожесточались одновременно: Еединька противъ «эксплоататоровъ», а городской Тарасенко противъ «эксплоатируемыхъ», и результатъ этого одновременнаго ожесточенія былъ слѣдующій.

Стоить себѣ городской Тарасенко посреди улицы и наблюдаетъ за порядкомъ; сидитъ себѣ Еединька у подоконника и почитываетъ книгу. И видитъ городской Тарасенко еще издали, что какой-то Ванька (должно быть, еще не попало ни кулакомъ, ни пашкою) ѣдетъ порожнемъ и гонитъ во весь духъ свою клячу (надо полагать, выпилъ, и расходилась душа), не соображая, что можетъ такъ и на кого нибудь наѣхать. Городской Тарасенко грозитъ ему кулакомъ, но Ванька лѣвой рукой подергиваетъ возжами, а правой дуетъ клячу въ хвостъ и гриву, и не только не обращаетъ никакого вниманія на городского, но прямо лѣзетъ на него, не крикнувъ даже: «берегись»,—самъ, молъ, посторонится. Но тутъ происходитъ нѣчто вдвойнѣ неожиданное. Какъ только Ванька поровнялся съ городскимъ, тотъ съ необычайною ловкостью вскочилъ на подножку на всемъ ходу, схватилъ правою рукою Ваньку за шиворотъ съ такою силою, что тотъ подался назадъ и дернулъ возжи, чѣмъ осадилъ лошадь, а лѣвою рукою сталъ тuzить его изо всей мочи пашкою въ спину. Но почти въ тотъ же мигъ окно въ квартирѣ Малюткиныхъ распахнулось, изъ него выскочилъ Еединька, со всѣхъ длинныхъ своихъ ногъ пустился за Ванькою и городскимъ, догналъ ихъ и уже собирался схватить обѣими длинными своими руками городского и приостановить сыпавшіеся на извозчика удары, какъ самъ получилъ другимъ концомъ пашки такой здоровый ударъ въ грудь, что свалился, какъ снопъ, на мостовую.

Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Ни птенчикъ, бывшій въ то время дома, ни прохожіе не успѣли опомниться, какъ разыгралась эта уличная сцена. Еединька лежалъ блѣдный, какъ мертвецъ, растянувшись во всю свою непомѣрную длину, на грязной отъ недавняго весенняго ливня мостовой. Около него уже столпились уличные зѣваки, которыхъ вездѣ много; городской, почувствовавъ, что онъ кого-то нечаянно сзади сильно ударилъ, и увидѣвъ, что тотъ замятво повалился, соскочилъ съ пролетки (чѣмъ, конечно, Ванька тотчасъ воспользовался и удралъ) и наклонился надъ Еединькой, чтобъ оказать ему посильную помощь. Птенчикъ также уже былъ на улицѣ, и при помощи городского и дворника Еединька былъ перенесенъ домой. Здѣсь онъ нѣкоторое время лежалъ на своей кровати неподвижно, и всѣ заботы птенчика, по-

блѣднѣвшаго чуть не больше самого Ѳединьки, на первый разъ оказались безуспѣшными. Косолапая Ѳедосья приносила воды, уксусу, птенчикъ мочилъ тряпки, прикладывалъ ихъ къ головкѣ Ѳединьки и обдавалъ его лицо брызгами; городской Тарасенко переминался съ ноги на ногу, но не уходилъ, хотя и зналъ, что ему надо послать за участковымъ врачомъ. Онъ избѣгалъ этого, чтобы не дать разыгратъся исторіи, которая неизбежно кончилась бы для него большою непріятностью, потому что «просить честию» мастеровыхъ, извозчиковъ, ломовыхъ можно, но «чистую публику» трогать неудобно. При такихъ-то обстоятельствахъ Ѳединька всѣхъ несказанно обрадовалъ, когда пошевельнулъ сперва рукою, потомъ переложилъ правую ногу на лѣвую и наконецъ раскрылъ глаза, тотчасъ же вперивъ ихъ въ невидимую точку.

— Приходить въ себя,—проговорила первая косолапая Ѳедосья.

— Тсъ... остановилъ ее птенчикъ, нѣжно взявъ руку сына въ свои.

Ѳединька окончательно пришелъ въ себя, взоръ его утратилъ свою неподвижность и остановился на птенчикѣ.

— Ничего, мама, не бозпокойся,—произнесъ Ѳединька хриплымъ, слегка надтреснутымъ голосомъ, какого въ немъ раньше никогда не примѣчала мать.

— Легче ли тебѣ, Ѳединька?

— Ничего, только грудь ломить и въ горлѣ точно что-то за-сѣло... Пройдетъ,—прибавилъ онъ успокоительно все тѣмъ же хриплымъ голосомъ и попробовалъ приподняться. Попытка увѣнчалась успѣхомъ, и не успѣлъ птенчикъ поддержать Ѳединьку, какъ онъ уже сидѣлъ на кровати, на этотъ разъ изображая совершенно явственно своимъ длиннымъ туловищемъ съ маленькою головкою букву с. Посидѣвъ немного, какъ человекъ, еще не совсѣмъ очнувшійся отъ сна, онъ сталъ озираться вокругъ, и взоръ его упалъ на стоявшаго въ сторонѣ городского Тарасенко, вся фигура котораго изображала смиреніе и сознаніе собственной вины.

Блѣсоватые глазки Ѳединьки блеснули.

— Не только народъ бьете на улицѣ, но и въ квартиры вры-ваются. Уходите, уходите, пожалуйста,—произнесъ Ѳединька не только повелительно, но даже гнѣвно.

Городовой Тарасенко хотѣлъ было возразить, что онъ въ квартиру не ворвался, а просто принесъ Ѳединьку, подвернувшася ему подъ пашку, но онъ ничего не возразилъ, больше озабоченный тѣмъ, чтобы не вышла для него непріятность.

— Не сердчайте, барчукъ. Сами посудите, виновать ли я: учить извозчиковъ надо, народъ давать, а вы тутъ подвернулись.

— Уходите, пожалуйста, уходите,—взмолился Ѳединька уже со слезами въ голосѣ. Птенчикъ съ раздраженіемъ прибавилъ:—Уходите, дайте же больному оправиться,—а косолапая Ѳедосья, хорошо

знавшая городского и даже не пропускавшая на улицѣ случая, чтобы улыбнуться ему своею жирною, глупою улыбкою, взяла его за руку съ намѣреніемъ вывести изъ комнаты. Но упрямый холъ, желая во что бы то ни стало избѣжать непріятности, упирался.

— По начальству докладывать не будете?—спросилъ онъ Оединькину мать.

— Отстаньте, пожалуйста, до васъ ли мнѣ теперь!—отрѣзала она.

— Ну, уходи, милый человѣкъ,—урезонивала городского Оедосья и вывела его изъ комнаты.

Когда птенчикъ остался съ Оединькой наединѣ, они любовно взглянули другъ на друга. Оединька своимъ кроткимъ взглядомъ какъ бы молилъ мать простить ему горе, которое онъ ей причинилъ своею выходкою, а она съ материнскою нѣжностью обнимала однимъ взглядомъ все свое длинное дѣтище, желая убѣдиться, что ни одна часть этого длиннаго туловища серьезно не пострадала.

— Не могу я равнодушно смотрѣть, какъ они истязаютъ народъ. Прорвалось,—замѣтилъ Оединька.

— Ахъ, Оединька, Оединька!—нашлась только отвѣтить мать, припавъ къ плечу сына. Но, быть можетъ, тутъ въ первый разъ въ жизни ея нѣжная материнская любовь подсказала ей, что чувства, внушенныя родителями Оединькѣ, могутъ имѣть для него печальныя послѣдствія. Это было, однако, только какое-то смутное, еле пробивавшееся предчувствіе, и гордость, что у нея такой сынъ, взяла верхъ. Не идіотъ вышелъ изъ ея дѣтища, а истинно-передовой человѣкъ, будущій свѣтлый дѣятель.

VI.

Лѣтомъ этого года Малюткины жили для разнообразія въ Парголовѣ, близъ самого Шуваловскаго парка. Дачное пребываніе Оединьки ознаменовалось на этотъ разъ тремя событіями, имѣвшими довольно важное значеніе для его дальнѣйшей судьбы.

Во-первыхъ, Оединька, которому стукнуло тогда 15 лѣтъ, познакомился съ Анюткой, предметомъ первой и единственной своей любви. Кто же была эта Анютка, и какъ разыгрался романъ между нею и героемъ нашего разсказа?

Дѣло произошло такъ.

Анюкинъ отецъ, истый типъ петербургскаго подгороднаго мужика, любилъ получать на чай и выпить; не любилъ же онъ работать и все, что имѣло отношеніе къ работѣ, въ томъ числѣ и свою жену, вѣчно напоминавшую ему объ этой работѣ и служившую ему нѣмымъ укоромъ, когда онъ ничего не дѣлалъ, не отдавалъ

ей денегъ, полученныхъ на чай, или былъ пьянъ. Пьянъ же онъ бывалъ чаще всего лѣтомъ, потому что, какъ всѣмъ подгороднымъ мужикамъ въ эту пору года, ему перепадали обильные на-чай. Когда же онъ былъ пьянъ, никому въ домѣ житья не было: ни женѣ, ни Анюткѣ, ни даже 3-лѣтнему Санькѣ. На долю первой доставалась трепка по всѣмъ правиламъ, соблюдаемымъ буйными во хмелю мужиками по отношенію къ «бабамъ», на долю второй—увѣсистые шлепки, а на долю третьяго, по случаю его малолѣтства и нѣкоторой нѣжности къ нему отца—лишь легонькіе щелчки, отъ которыхъ онъ, однако, заливался благимъ матомъ, отчасти по причинѣ боли, но главнымъ образомъ, чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ щелчковъ. Слѣдовательно, Санька, не смотря на нѣжный свой возрастъ, былъ до нѣкоторой степени политикомъ. Но его сестренка Анютка была политикомъ еще въ большей степени. Она уяснила себѣ несомнѣнный фактъ, что когда батька съ мамой сцѣпятся, то она, Анютка, получаетъ меньше шлепковъ, а Санька — меньше щелчковъ. Поэтому ея вниманіе было направлено на то, чтобы всякій разъ, когда батька былъ пьянъ, устроить мамѣ трепку. Принималась она за это дѣло такъ ловко, что самъ Талейранъ вмѣстѣ съ Бисмаркомъ могли бы позавидовать ея дипломатическимъ способностямъ. Увидить она, бѣгая по шоссе (она вѣчно гдѣ нибудь шныряла), что батька,—какъ истый подгородный мужикъ, промышлявшій лѣтомъ извозомъ,—въ полдень уже навеселѣ. Знаетъ она твердо, что къ вечеру онъ будетъ уже совсѣмъ пьянъ, и слѣдовательно семьѣ неизбѣжно предстоитъ трепка, шлепки или щелчки. Поэтому она мигомъ прибѣжитъ къ мамѣ и докладываетъ ей, что батька-де возилъ на станцію Ивана Ильича. Иванъ же Ильичъ былъ баринъ щедрый и давалъ чисто подарски на чай. Поэтому, когда батька вечеромъ пріѣзжалъ домой, мама требовала у него усиленнаго взноса, а такъ какъ деньги были давно уже пропиты, то начиналась сперва легкая перебранка, переходившая въ пятиэтажную ругань. Все это продолжалось очень долго, но неизмѣнно кончалось трепкой. Тотъ же результатъ получался, когда мама что нибудь на сторонѣ заработаетъ, и Анютка докладывала батькѣ объ этомъ обстоятельстве, конечно, скрытомъ мамою передъ папою. Но Анютка подыскивала и другіе поводы, чтобы вызвать ссору между родителями. Наблюдательность у нея была въ этомъ отношеніи поразительная, а умъ необыкновенно изобрѣтателенъ... Такъ она подмѣтила, что мама страсть не любитъ, когда батька умильно разговариваетъ съ петербургскими франтихами, т. е. съ горничными, и поэтому неизмѣнно докладывала мамѣ, когда батька хоть словомъ перекинется съ Феней, или Сапшей, или Катей. А такъ какъ Анютка все видѣла, все слышала, а амурныя наклонности у батьки были сильны, то поводовъ къ трепкамъ, освобождавшимъ Анютку отъ шлепковъ, представлялось очень много.

Такова была Анютка, такъ сказать, по существу своей душевной жизни. Внѣшнимъ образомъ она изображала собою лилипута; все было въ ней маленькое, и ея худое тѣльце, и ея рученки, на которыхъ, однако, она часто носила пузатаго Саньку, и ея босыя ножки, и ея личико. Большіе были у нея только глаза, которыми она Богъ-вѣсть гдѣ запаслась. Черные, глубокіе, они иногда выражали такое лукавство, что, посмотрѣвъ на Анютку въ эти минуты, нельзя было не улыбнуться. И дѣйствительно, когда Оединька, въ первый день своего пріѣзда на дачу, вышелъ прогуляться и натолкнулся на Анютку, а на нее нельзя было не натолкнуться, потому что она вѣчно попадалась всѣмъ на пути и, вдобавокъ еще, изба ея батьки стояла рядомъ съ дачею Малюткиныхъ, то она взглянула на него именно этимъ лукавымъ взглядомъ (очень ужъ смѣшной видъ имѣлъ длинный, какъ жердь, Оединька съ его вѣчно слишкомъ короткимъ или слишкомъ длиннымъ, широкимъ или узкимъ костюмомъ), и послѣдствіемъ этого было то, что онъ ей улыбнулся, а она фыркнула и убѣжала.

Всѣ послѣдующія встрѣчи были только повтореніемъ первой и, можетъ быть, между нашимъ героемъ и Анюткой не разыгралось бы никакого романа, если бы она однажды, не смотря на всѣ свои дипломатическія способности, не попала въ просакъ. Случилось, что Санька, довѣренный ея попеченіямъ, ухитрился вскарабкаться на бочку съ водою и свалиться въ нее. Къ счастью, воды въ бочкѣ было мало, Санька не расшибся и не утонулъ, но началъ оглашать воздухъ неистовымъ ревомъ, такъ какъ никакъ не могъ вылѣзть изъ бочки. Ревъ его раздался именно въ то время, когда батька возвращался домой. Анютки же, какъ на грѣхъ, въ эту минуту не было; она хотъ и была вездѣсуца, но это свойство ей иногда измѣняло. И вотъ, прилетѣвъ домой изъ своей экскурсіи, совершенной невѣдомо куда и зачѣмъ, она получила такіе шлепки, какихъ она, какъ ей показалось, никогда еще въ жизни не получила. Посыпались они безъ числа съ неимоверною быстротою по всѣмъ мѣстамъ ея крошечнаго тѣла и съ такою ударною силою, что совершенно ее ошеломили. Она даже раскричаться не успѣла, а когда, наконецъ, опомнилась, то ей показалось, что ея тѣло удлинилось до размѣровъ чуть ли не Оединькинаго, такъ какъ она никакъ не могла уловить, гдѣ оно кончается,—такъ безконечна была боль, которую она ощущала. Вотъ почему она, забившись въ уголъ двора, сѣла на траву и, ерзая по ней или дрыгая ногами, залилась горячими слезами.

Хорошо, что Оединька не увидѣлъ ея въ эту минуту, потому что предметъ его первой и единственной любви могъ представиться ему далеко не въ привлекательномъ видѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончился бы еще не начавшійся романъ. Но Оединька прошелъ мимо двора уже въ то время, когда Анютка перестала ерзать по травѣ

и сидѣла на скамьѣ возлѣ дома спиною къ выходу, но все еще закрывъ лице руками и продолжая заливаться жгучими слезами. Ѳединька замѣтила эти слезы, и его столь чуткое къ человѣческому горю сердце заняло. Онъ подошелъ къ Анюткѣ и спросилъ участливо:

— Кто васъ обидѣлъ?

Молчаніе.

— Не больны ли вы?

Молчаніе. Тутъ Ѳединька сообразилъ, что горе этой дѣвочки должно быть очень велико, если она не отвѣчаетъ на его вопросы и продолжаетъ плакать. Сидѣла она, вся съезжившись, на скамьѣ, не отнимая рукъ отъ лица, и имѣла очень жалкій видъ, представлявшій разительный контрастъ съ ея обычною живостью и лукавымъ огонькомъ, сверкавшимъ въ ея красивыхъ глазахъ. На всѣ вопросы Ѳединьки она продолжала отмалчиваться, и онъ рѣшительно не зналъ, какъ приняться за дѣло, чтобы ее утѣшить.

— Послушайте, дѣвочка,—произнесъ онъ, рѣшаясь дотронуться до ея плеча, чтобы обратить на себя ея вниманіе.

Это прикосновеніе было худшее, что онъ могъ придумать. Плечо Анютки, до котораго онъ дотронулся, получило особенно сильный шлепокъ и все еще довольно сильно ныло. Поэтому она вскочила съ возгласомъ:

— Отстань, и безъ тебя тошно!

Это была нѣсколько фамиллярная и даже, можно сказать, довольно грубая выходка, тѣмъ болѣе удивившая Ѳединьку, что онъ отнесся къ Анюткѣ не только съ искреннимъ участіемъ, но и съ соблюденіемъ всѣхъ формъ вѣжливости, слѣдуя примѣру своихъ родителей, которые даже къ извозчикамъ обращались на «вы». Но Анютка не считала нужнымъ стѣсняться съ Ѳединькой, во-первыхъ, потому, что онъ былъ дачникомъ не ея родителей, а сосѣда, съ которымъ батька былъ на-ножахъ, слѣдовательно, за грубое обращеніе съ нимъ шлепковъ нечего было опасаться; во-вторыхъ, потому, что онъ самъ былъ такой смѣшной и длинный, а называлъ ее покровительственно дѣвочкой, а, въ-третьихъ, потому, что тѣло ея сильно еще ныло, и этотъ длинновязый мальчишка ей надоѣдалъ, въ-четвертыхъ, потому, что... но и первыхъ трехъ причинъ вполне достаточно, чтобы понять, почему Анютка такъ грубо отнеслась къ Ѳединькѣ. Большую честь сострадателности нашего героя дѣлаетъ, однако, то обстоятельство, что онъ грубымъ обращеніемъ Анютки не смутился, а продолжалъ ее спрашивать о причинѣ ея горя. Онъ даже подсѣлъ на скамью рядомъ съ нею и началъ распространяться о томъ, какъ много несчастныхъ и обездоленныхъ на свѣтѣ, и какъ было бы хорошо, если бы они тѣсно сплотились въ борьбѣ съ эксплуататорами, со всѣми этими безсердечными и подлыми людьми, которые, сами живя припѣваючи,

заставляют других работать до кроваваго пота, до полного изнуренія, и терпѣть холодъ и голодъ. Долго говорилъ Оединька на эту тему и къ величайшему своему удовольствію замѣтилъ, что Анютка стала все внимательнѣе прислушиваться и приглядываться къ нему, какъ бы забывая о собственномъ горѣ. Правда, ея взглядъ выражалъ нѣкоторое недоумѣніе, точно она не вполне понимала, о чемъ собственно толкуетъ Оединька, но можно ли было этому удивляться? Вѣдь несчастный народъ такъ забить, такъ беспомощенъ, что онъ не довѣряетъ даже тѣмъ, кто приходитъ къ нему всею душою на помощь, часто видитъ въ этихъ людяхъ даже враговъ и готовъ растерзать ихъ вмѣстѣ съ своими палачами. Обо всемъ этомъ Оединька довольно наслушался въ родительскомъ домѣ. Поэтому явное недоумѣніе, съ которымъ относилась къ нему Анютка, не могло его озадачить, и онъ старался только яснѣе, рельефнѣе выразить свою мысль.

— Вотъ, вы плачете. А отчего вы плачете? — продолжалъ онъ допрашивать.

Анютка и этотъ вопросъ обошла молчаніемъ, продолжая исподлобья приглядываться къ своему долговязому собесѣднику.

— Вы не отвѣчаете. Хотите я за васъ отвѣчу?.. Потому что вы голодаете, потому что никто надъ вами не сжалится. Вотъ дачники, — и Оединька обвелъ своею длинною рукою видѣвшіяся въ ворота дачи, — ѣдятъ сытно, часто у нихъ бываютъ и пироги, и всякія вкусныя блюда, и разныя лакомства. А что ѣдите вы? Черный хлѣбъ...

Тутъ Анютка начала кое-что соображать, и къ великой радости Оединьки прервала молчаніе:

— Пустыя щи да картофель...

— Вотъ видите ли? — продолжалъ Оединька. — А вамъ хотѣлось бы также разныхъ лакомствъ. Слышите ли, разносчикъ кричитъ: «клубника, земляника садовая». А на его лоткѣ найдутся и леденцы, и шоколадъ, и другія сласти. Но все это для богатыхъ, не для васъ. Бѣдный долженъ ѣсть черный хлѣбъ... Правду я говорю?

Анютка вперила глаза въ Оединьку, ожидая, что вотъ-вотъ онъ кликнетъ разносчика и купить ей... ну, хоть немного леденцевъ. Однако, Оединька этого не замѣтилъ: онъ весь ушелъ въ изложеніе своей мысли. Онъ началъ рассказывать Анюткѣ, какіе есть въ Петербургѣ роскошные магазины со всевозможными лакомствами, нарядами, драгоценностями, и постоянно повторялъ свой припѣвъ: «но все это для богатыхъ, не для васъ». Затѣмъ онъ пустился въ объясненіе причинъ, почему богатые имѣютъ возможность такъ сильно обижать бѣдныхъ, почему міръ такъ скверно устроенъ, и даже началъ выяснять, какъ помочь бѣдѣ, а тѣмъ временемъ крикъ разносчика: «клубника, земляника садовая», сталъ доноситься все слабѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣвалъ и интересъ

Анютки къ словамъ Ѳединьки. Она даже попыталась разъ вернуть: «а разносчикъ-то уходитъ», но Ѳединька такъ занесся, что и на эти жалобныя слова не обратилъ никакого вниманія и продолжалъ развивать свой планъ облагодѣтельствованія рода человѣческаго. Анютка, однако, сдѣлала видъ, что слушаетъ, въ надеждѣ, что если Ѳединька ей на этотъ разъ ничего не купилъ, то купить въ другой разъ, какъ ей покупали другіе дачники гостинцевъ, когда она на нихъ умильно поглядывала своими лукавыми глазками. Но когда Ѳединька въ порывѣ краснорѣчія вскочилъ и, ставъ передъ нею во весь свой длинный ростъ, началъ кому-то угрожать и чуть было не пустилъ находившеюся въ его рукѣ книгою въ какого-то невидимаго врага бѣдныхъ, онъ ее сперва немного испугалъ, а потомъ показался ей такимъ смѣшнымъ, что она, забывъ всякую политику и боль въ тѣлѣ, фыркнула, какъ стрѣла, шмыгнула изъ воротъ и гдѣ-то пропала, точно провалилась сквозь землю.

VII.

Ѳединька долго стоялъ на мѣстѣ неподвижно. Онъ сперва сообразить не могъ, что съ нимъ собственно случилось. Но, весь увлеченный своими планами облагодѣтельствованія рода человѣческаго, онъ объяснилъ себѣ внезапное бѣгство Анютки исключительно своимъ неумѣньемъ выяснитъ дѣвочки всю глубину и плодотворность этого плана. Къ тому же развѣ онъ не видѣлъ, что слова его по временамъ производятъ впечатлѣніе на Анютку? Поэтому онъ ушелъ себѣ гулять въ надеждѣ, что ему постепенно удастся побѣдить равнодушіе Анютки «горячимъ словомъ убѣжденія». И онъ дѣйствительно сталъ примѣчать, что Анютка не только его не избѣгаетъ, а напротивъ ищетъ встрѣчи съ нимъ. Упускалъ онъ только изъ виду, что она попадаетъ ему на глаза главнымъ образомъ въ такую минуту, когда гдѣ нибудь по близости раздастся пѣвучій голосъ разносчика: «клубника, земляника садовая». Не обратилъ онъ, кромѣ того, вниманія на то, что Анютка начала особенно усердно искать его общества съ тѣхъ поръ, какъ птенчикъ, также прельщенный ея красивыми глазенками, сталъ давать Анюткѣ то кусокъ пирога, то какого нибудь печенья. Съ этого времени Анютка уже окончательно перестала фыркать и убѣгать при видѣ Ѳединьки и даже подолгу выслушивала его рѣчи, сидя съ нимъ рядомъ на скамеечкѣ въ палисадникѣ и проявляя нетерпѣніе при долгомъ ожиданіи пирога или печенья развѣ только тѣмъ, что усиленно болтала своими босыми ножками или продѣлывала ими какія-то эволюціи, столь же замысловатыя и запутанныя, какими ей самой представлялись Ѳединькины соображенія о ненормальности окружающихъ насъ экономическихъ, социаль-

ныхъ и политическихъ условій. Кромѣ бесѣды съ Анюткой, Оединька развлекался еще чтеніемъ стиховъ вслухъ. Любимымъ его поэтомъ былъ Некрасовъ. Съ томикомъ его стихотвореній онъ отправлялся въ сѣверо-восточную часть Шуваловскаго парка, наиболѣе глухую, гдѣ въ будни почти никого не бываетъ, и, взобравшись на горку, откуда открывается красивый видъ на поля между Парголовымъ, Юкками и Порошкинымъ, декламировалъ стихи поэта, вызывающаго къ нашимъ гражданскимъ чувствамъ и возбуждающаго въ насъ любовь и состраданіе къ нашей меньшей братѣ, къ обездоленной крестьянской массѣ и всѣмъ обиженнымъ и оскорбленнымъ. Это пристрастіе къ декламированію стиховъ среди природы свидѣтельствовало о поэтическомъ настроеніи нашего героя; его поэтическое и вмѣстѣ съ тѣмъ демократическое настроеніе проявлялось еще и въ томъ обстоятельстве, что онъ, не смотря на многія прозаическія и плебейскія выходки Анютки, въ родѣ болтанія босыми ножками и жаднаго глотанія огромныхъ кусковъ пирога, началъ декламировать Некрасовскіе стихи съ особеннымъ паэосомъ именно съ тѣхъ поръ, какъ его бесѣды съ Анюткой на гражданскіе мотивы становились особенно продолжительными. Если же мы останавливаемся на этой склонности нашего героя къ декламированію стиховъ на лонѣ природы, то не только потому, что она дополняетъ характеристику его душевной жизни, но еще и потому, что она послужила внѣшнимъ поводомъ къ присвоенію ему пренебрежительной клички, весьма несправедливой, тѣмъ болѣе несправедливой, что нашъ герой, вслѣдствіе кратковременности своего земного существованія, не могъ вполне проявить богатыхъ сокровищъ, таившихся въ его любвеобильной душѣ.

Итакъ, Оединька отправлялся въ одно прекрасное утро съ томикомъ Некрасова подъ мышкой въ излюбленную имъ сѣверо-восточную часть Шуваловскаго парка. Одновременно съ нимъ съ противоположной стороны изъ Заманиловки отправлялась туда же партія его товарищей, но не съ томикомъ Некрасова подъ мышкой, а съ пустыми руками, погулять, полежать на муравѣ, поиграть въ разбойники или прятки, разрушить птичье гнѣздо, если оно попадется, напроказничать, если представится случай, словомъ, они шли безъ опредѣленной цѣли или съ единственною цѣлью убить время и размять молодые члены. Оединька, ничего не зная объ этомъ нашествіи вандаловъ, столь охотно устраивавшихъ ему «тріумфальные марши» и вообще издѣвавшихся надъ нимъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, прямо направилъ свои шаги, переставляя ноги, словно цапля, къ своей любимой горкѣ. Взобравшись на нее, онъ сталъ любоваться видомъ. Только полнѣйшіе профаны въ красотахъ природы любятъ ею лишь въ томъ случаѣ, когда это обходится имъ дорого, и когда она пред-

ставляетъ нѣчто грандіозное, исключительное. Подай имъ, по меньшей мѣрѣ, Швейцарію, Альпы, Везувій, Шафгаузенъ, или, ну, хоть Иматру. Но Ѳединька не принадлежалъ къ подобнаго рода любителямъ природы и могъ наслаждаться ея прелестями даже въ Шуваловскомъ паркѣ. Съ своей горки онъ видѣлъ разнообразныя оттѣнки зелени разстилавшихся передъ нимъ полей, окруженныхъ, словно рамкою, темною, почти черною полосою далекаго лѣса, видѣлъ, какъ по этому широкому пространству играетъ вѣтерокъ, вздымая мягкія волны въ высокой ржи или въ сочной травѣ, какъ надъ нимъ въ безпредѣльной выси плывутъ кружевные облака, слышалъ онъ по временамъ пѣніе птицъ, лѣниво и какъ бы нехотя перекликавшихся то тамъ, то здѣсь, вдыхалъ въ себя окружающій его со всѣхъ сторонъ ароматъ, и все это настраивало его на особый ладъ. Какъ хорошо, какъ хорошо! — повторялъ онъ неслышно. — Мать-природа чудесна, но что дѣлаютъ люди!

Тихая грусть овладѣла Ѳединькой. Онъ думалъ о томъ, какъ было бы хорошо, еслибъ всѣ люди вдохновлялись братскими чувствами, еслибъ они, окруженные этою чудною природою, подчинялись ея вліянію и искоренили бы въ себѣ всю эту злобу и всю эту лютость, превращающую ихъ въ звѣрей, поѣдающихъ другъ друга. Но какъ этого достигнуть? Ѳединька невольно подумалъ объ Анюткѣ. Бѣдное созданіе! Какъ она плохо понимаетъ тѣ слова любви, братскаго единенія между всѣми униженными и оскорбленными, которыя невольно срываются у него съ устъ. Душа ея зачерствѣла отъ грубаго гнета жизни. Но развѣ въ ея милыхъ глазкахъ нѣтъ проблеска пониманія истины? Развѣ она не слушаетъ его внимательно иногда битый часъ, а при ея подвижной натурѣ это вѣдь подвигъ! Въ лицѣ Анютки Ѳединькина мысль останавливалась на всѣхъ забытыхъ существахъ, исковерканныхъ безысходною нуждою, вѣковымъ насиліемъ и несправедливостію. И снова въ его душу врывался потокъ давно знакомыхъ чувствъ и думъ. Невольно онъ развернулъ Некрасова, ища въ его стихахъ краснорѣчиваго выраженія этихъ думъ, этихъ чувствъ. Взоръ его упалъ на одну изъ страницъ, и Ѳединька, вскочивъ съ пня, на которомъ сидѣлъ, началъ декламировать:

«Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
«И душу падшую извлекъ»...

Постепенно онъ входилъ въ азартъ, повышалъ голосъ, ускорялъ рѣчь, наконецъ, перешелъ въ страстный, порывистый тонъ. Стоя на возвышеніи, далеко вытянувъ правую ногу впередъ, держа въ рукѣ раскрытую книгу, откинувъ на затылокъ черную шляпу съ узкими полями, походившую на тарелку, опираясь другою своею длинною рукою на далеко отставленную палку, словно на мечъ,

не глядя въ книгу, такъ какъ стихи онъ зналъ наизусть, и вперивъ взоръ въ невидимую точку, онъ удивительно какъ походилъ на мистически-настроеннаго рыцаря печальнаго образа. Издали можно было положительно подумать, что воскресъ самъ Донъ-Кихоть, или народился отдаленный его потомокъ. Восторженность его рѣчи и его вида бросались въ глаза, особенно, когда онъ дошелъ до конца стихотворенія, когда, повысивъ голосъ, онъ съ внутреннею дрожью, порывисто и страстно произнесъ, точно призывая къ себѣ, въ лицѣ Анютки, всѣхъ скорбящихъ, болящихъ, страждущихъ:

«И въ домъ мой смѣло и свободно
«Хозяйкой полною войди».

Онъ умолкъ, опустивъ голову. Чувство одиночества овладѣло имъ: но на самомъ дѣлѣ онъ не былъ одинокъ. Сзади него полукругомъ стояли какія-то существа, черезъ силу сдерживая смѣхъ, корчась отъ его приступовъ. И вдругъ лѣсная тишина огласилась звонкимъ молодымъ хохотомъ.

- Настоящій Донъ-Кихоть,—крикнулъ кто-то.
- Гдѣ твоя Росинанта?
- А Санхо-Панса?
- А твоя Дульцинея?
- Ты ее-то звалъ къ себѣ въ хозяйки?
- Ну, Оединька, Донъ-Кихоть, голубчикъ, скажи, кто она?
- Не Анютка ли?
- Или лучше скажи намъ, человѣкъ ли городской?
- Ну, что ты молчишь?
- Испугался, Оединька?
- Не бойся, Оединька: мы тебя въ обиду не дадимъ.

Но Оединька стоялъ неподвижно; книга только выпала у него изъ рукъ, да ротъ полуоткрылся отъ неожиданности всей этой сцены, этого издѣвательства надъ нимъ именно въ такой моментъ, когда онъ былъ такъ близко къ тому, что составляло святая святыхъ его внутренней жизни. Онъ не могъ произнести ни слова и только смотрѣлъ на своихъ товарищей умоляющимъ взглядомъ, какъ бы прося оставить его въ покоѣ, уйти, не докучать ему.

— Да что съ нимъ толковать!—прокричалъ кто-то.—Онъ вѣдь блаженненькій. Ничего нашъ Оединька не понимаетъ.

— Давайте-ка лучше посвятимъ его, нашего новоявленнаго Донъ-Кихота, въ санъ рыцаря, потоварищески, «триумфальнымъ маршемъ»,—предложилъ другой.

Это предложеніе было съ восторгомъ встрѣчено всѣми, и не успѣлъ Оединька опомниться, какъ по обѣимъ сторонамъ у него выросли двѣ шеренги, раздались звуки марша изъ «Фауста», посыпались ему въ спину удары, и онъ полетѣлъ съ горы такъ стре-

мительно, что въ одинъ мигъ очутился внизу и повалился тамъ, какъ снопь, во всю свою непомѣрную длину.

— Не ушибся, Ѳединька?—съ насмѣшливымъ участіемъ спросилъ кто-то.

— Гдѣ твой мечъ, храбрый Донъ-Кихоть? — спросилъ другой.

— А шляпа?

— А книга?

— Ну, самъ розыщешь. Пойдемте, господа! Вѣроятно, тутъ гдѣ нибудь находится его Дульцинея; она и перевяжетъ ему раны.

— Стройся!

И гимназисты дѣйствительно построились въ два ряда и, продолжая оглашать воздухъ звуками марша изъ «Фауста», удалялись по лужайкѣ и постепенно скрылись за деревьями. Голоса ихъ раздавались все слабѣе, прерывались по временамъ еще взрывами хохота и, наконецъ, совсѣмъ замерли.

Ѳединька давно ужъ поднялся на ноги и смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся товарищамъ. На одну секунду въ немъ зародилось желаніе броситься на нихъ и отомстить за нанесенное ему оскорбленіе; но это былъ только мгновенный порывъ. Ѳединька давно привыкъ къ этимъ «тріумфальнымъ маршамъ». Постоявъ немного, онъ совершенно отрѣшился отъ чувства гнѣва, которое замѣнилось жалостью, состраданіемъ. «Несчастные!—подумалъ онъ, ткнувъ длинною своею рукою по направленію удалявшихся товарищей:— не я, а они ничего не понимаютъ: проказничаютъ, шалятъ и не подозреваютъ, сколько въ мірѣ несправедливости!»...

Съ этимъ чувствомъ состраданія къ суетности своихъ товарищей, онъ опять взобрался на горку, подобрал палку и книгу, но послѣдней больше не раскрывалъ, а тихо направился къ себѣ домой. Прѣжнее его настроеніе было нарушено; онъ уже не могъ ни декламировать стиховъ, ни наслаждаться природою; болѣла у него спина отъ полученныхъ имъ пинковъ, и бокъ онъ ушибъ при паденіи. Къ тому же съ нимъ случился припадокъ кашля, мучившаго его уже раньше, но особенно докучавшаго со времени удара, нанесеннаго ему городовымъ. Поэтому онъ рѣшилъ вернуться домой. Ему хотѣлось быть поближе къ людямъ, ему сочувствовавшимъ, да и время близилось къ обѣду, къ тому часу дня, когда отецъ возвращался со службы изъ города на дачу.

VIII.

Онъ шелъ, по своему обыкновенію, медленно, съ поникшею головою, не оглядываясь по сторонамъ, и размышлялъ о своихъ товарищахъ, объ ихъ суетности и о томъ, что такъ жить нельзя, что надо думать не о проказахъ или удовольствіяхъ, а о томъ, какъ бы искоренить въ мірѣ неправду.

- Моментъ,—окликнулъ его кто-то.
 — Что прикажете?—отозвался Оединька, слегка вздрогнувъ отъ неожиданной встрѣчи.
 — Держу ли я курсъ на Парголово?
 — Курсъ?—переспросилъ Оединька, какъ бы озадаченный этимъ словомъ, и, немного подумавъ, отвѣтилъ:
 — Я самъ туда иду.
 — Дачу № 109 знаете?
 — 109? — переспросилъ Оединька нараспѣвъ, словно и этотъ вопросъ его сильно озадачилъ.

— Да сами-то вы въ Парголовѣ живете? — продолжалъ допрашивать незнакомецъ, двинувшись впередъ. Оединька невольно пошелъ рядомъ съ нимъ, какъ бы подчиняясь силѣ и обаянію, которое производили на него увѣренныя и энергичныя манеры собесѣдника. Это былъ молодой человѣкъ, такой же бѣлокурый, какъ самъ Оединька, съ еле пробивавшимися усиками, но въ противоположность Оединькѣ приземистый, коренастый, что называется крѣпышъ. Въ его тѣлосложеніи, въ тембрѣ его голоса, въ увѣренности, съ какой онъ задавалъ вопросы, въ твердомъ его шагѣ, словомъ, во всемъ сказывалась сила, представлявшая странный контрастъ съ дряблою, тощею, длинною фигурою Оединьки, съ его медлительною, расплывчатою рѣчью, съ его колеблющеюся походкою.

Оединька отвѣтилъ:

- Да, въ Парголовѣ.
 — Ну, какой же будетъ номеръ вашей дачи?
 — Въ точности не знаю,—проговорилъ Оединька, какъ бы оправдываясь.
 — А приблизительно?—спросилъ незнакомецъ, и только углы губъ у него презрительно опустились.
 — И... и приблизительно не знаю.
 — Странно,—промолвилъ незнакомецъ.—Вы, кажется, юноша, живете не на землѣ, а на небѣ. Ну, ладно. Дорогу въ Парголово вы знаете; держите туда курсъ, а я послѣдую за вами.
 — Пойдемте,—протянулъ Оединька.
 Нѣсколько минутъ они шли молча. Первый заговорилъ Оединька.
 — Вы въ первый разъ въ Парголовѣ?
 — Да, въ первый. И Петербургъ плохо знаю. Я изъ провинціи. Поступилъ въ здѣшній университетъ вольнослушателемъ, но больше живу въ провинціальныхъ городахъ. Приѣхалъ же я лѣтомъ повидаться съ товарищами. Зовутъ меня Замшевымъ, Андреемъ Петровичемъ. А васъ какъ?
 — Малюткинъ, Оедоръ Петровичъ.
 — Фамилія не по росту,—съ легкой усмѣшкой промолвилъ Замшевъ.—Въ гимназіи обучаетесь?

— Въ гимназіи,—отвѣтилъ Ѳединька.
 — Мучать васъ всякою ерундою, какъ будто другого дѣла нѣтъ...
 — Совершенно согласенъ,—съ живостью ввернулъ Ѳединька.
 — То-есть съ чѣмъ согласны?—переспросилъ Замшевъ, какъ бы настороживъ уши и глядя поверхъ очковъ на внезапно оживившагося Ѳединьку.

— Да съ тѣмъ, что есть поважнѣе дѣло.

— Какое же?

— Мало ли какое!—увѣренно отвѣтилъ Ѳединька.

— Но все же скажите къ примѣру,—пригласилъ было Замшевъ Ѳединьку, опять пристально взглянувъ на него.—Впрочемъ,—прервалъ онъ самъ себя:—покажите мнѣ лучше вашу книгу.

— Это—Некрасовъ,—пояснилъ Ѳединька.

— Писатель—ничего себѣ,—одобрилъ Замшевъ, какъ бы изрекая безапелляціонный приговоръ.

— Ахъ, какой писатель!—воскликнулъ Ѳединька.—Читая его, понимаешь, какое дѣло надо дѣлать.

— Гмъ!—поддакнулъ Замшевъ.—Возбуждаетъ надлежащія чувства, но это одни слова...

— Вы говорите, одни слова, — произнесъ Ѳединька, какъ бы обидѣвшись за Некрасова.

— Да, пора за дѣло приняться,—съ прежнею безапелляціонностью, но съ нѣкоторою таинственностью подтвердилъ Замшевъ.

Это замѣчаніе новаго знакомаго повергло Ѳединьку въ нѣкоторое смущеніе. Онъ только-что заявилъ Замшеву, что знаетъ, какое дѣло надо дѣлать, и вдругъ почувствовалъ, что онъ словно совралъ, что онъ этого дѣла въ точности не знаетъ, какъ въ точности не знаетъ адреса своей дачи, хотя живетъ въ ней и всегда можетъ найти дорогу къ ней. Въ это время они добрались до выхода изъ парка, миновали мостикъ и подходили къ деревнѣ. Тутъ было уже людно, и Ѳединька подумалъ, что разсуждать о такомъ важномъ вопросѣ на виду у всѣхъ было неудобно; между тѣмъ ему хотѣлось вывѣдать у Замшева, въ чемъ собственно состоитъ настоящее дѣло. Ни отецъ, ни мать не давали ему на этотъ счетъ точныхъ указаній, а этотъ Замшевъ можетъ, вѣроятно, все разъяснить. Но вотъ онъ сейчасъ отыщетъ дачу товарища и распрощается съ нимъ, ничего не сказавъ.

— Вы торопитесь?—спросилъ онъ нерѣшительно Замшева.

— Не особенно,—отвѣтилъ тотъ:—товарищъ не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ.

— Мнѣ хотѣлось бы еще съ вами побесѣдовать,—продолжалъ Ѳединька въ нерѣшительности.

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ Замшевъ съ торопливостью, мало соотвѣтствовавшюю его манерѣ держать себя.—Вотъ, кажется, портерная; зайдемте прохладиться: жарю...

Оединька остановился въ нерѣшительности. Ему очень хотѣлось побесѣдовать съ новымъ своимъ знакомымъ, но видъ портерной его пугалъ. Онъ питалъ инстинктивное отвращеніе къ портернымъ съ ихъ отвратительнымъ пивнымъ запахомъ и кабачными сценами. Онъ вспомнилъ, какъ, проходя мимо нихъ, онъ затыкалъ носъ, чтобы не слышать этого запаха, и какъ его пугало, когда изъ портерной выскакивалъ какой нибудь человѣкъ безъ шапки, весь красный, съ изступленнымъ лицомъ, и неистово кричалъ: «городовой». Но желаніе побесѣдовать съ Замшевымъ все превозмогло, и Оединька согласился.

Дачная портерная произвела на него менѣе неблагоприятное впечатлѣніе, чѣмъ онъ ожидалъ. Посѣтителей не было. Комната была, правда, низкая, мрачная, но Замшевъ, увидѣвъ открытую боковую дверь, выходящую въ садикъ, направился туда, усѣлся у одного изъ столиковъ и велѣлъ подать бутылку пива и два стакана. Въ садикѣ также никого не оказалось, такъ что новые знакомые и тутъ были наединѣ. Когда пиво было подано, Замшевъ налилъ себѣ и своему товарищу. Оединька попробовалъ было отказаться, но когда Замшевъ иронически замѣтилъ, что человѣкъ, не знающій номера своей дачи, конечно, не могъ еще научиться пить пиво, Оединька рѣшился выпить стаканъ. Хлебнувъ, онъ подумалъ: «какая мерзость», но продолжалъ пить. Ему какъ-то хотѣлось во всемъ подражать Замшеву.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—началь тотъ.

Оединька замялся.

— Я хотѣлъ васъ спросить, почему вы утверждаете, что у Некрасова одни слова? Вѣдь въ этихъ словахъ весь смыслъ жизни.

— Ну, ну! Будто бы? Слова словами, да и чувства чувствами: ими нельзя довольствоваться...

— Что же еще нужно?

— Надо дѣйствовать...

— Гдѣ, какъ?—рѣшительно спросилъ Оединька, хмелѣя отъ пива.

— Гдѣ и какъ представится случай.

Оединька вспомнилъ объ Анюткѣ и хотѣлъ было сказать, что онъ дѣйствуетъ, но сообразилъ, что и его бесѣды съ нею одни только слова, возбужденіе чувствъ, и развѣ только со временемъ приведутъ къ дѣлу.

— Вотъ случай свелъ васъ со мною,—продолжалъ Замшевъ.

— Какъ я этому радъ,—поспѣшилъ вернуть Оединька.

— И я радъ знакомству съ вами... Вы, кажется, достаточно подготовлены... Пора поступить въ наши ряды.

— Поступить въ ваши ряды?—переспросилъ Оединька, пожирая Замшева глазами.

— Да, въ наши ряды. Нашего полка быстро прибываетъ... Людей дѣла уже много.

— Какого же дѣла?— уже въ упоръ спросилъ охмелѣвшій Ѳединька.

— Дѣятельной борьбы съ притѣснителями народа... съ эксплуататорами...

Тутъ Ѳединька рѣшительно не былъ въ состояніи подавить своего восторга. Блѣдное его лицо покрылось румянцемъ, глаза заблестѣли. Онъ всѣмъ своимъ длиннымъ корпусомъ налегъ на столъ и протянулъ Замшеву обѣ руки.

— Я весь вашъ,— произнесъ онъ восторженно.— Примите, о, примите меня въ ваши ряды... Пожалуйста, посвятите меня поскорѣе въ дѣло...

Замшевъ пожалъ протянутыя ему руки, но снисходительно, какъ зрѣлый человѣкъ протягиваетъ руку расхолодившемуся ребенку.

— Посвятить васъ въ дѣло я еще не могу... Но это придется... Пока вамъ нужно почаще встрѣчаться со мною и моими товарищами... Затѣмъ все уладится. Родители ваши живы?— спросилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.

Ѳединька началъ рассказывать о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ, о томъ, какіе передовые люди его родители. Онъ сообщилъ, что его дядя сражался за свободу въ Америкѣ, что отецъ сидѣлъ въ Кронштадтѣ, что родители его будутъ чрезвычайно рады его новому знакомству и встрѣтятъ Замшева, какъ родного сына. Все это онъ говорилъ съ необычайною живостью, но напрасно читатель подумалъ бы, что пиво развязало ему языкъ; нѣтъ, Ѳединька пришелъ бы въ такой же азартъ, если бы и былъ трезвъ. Не хмель въ немъ говорилъ: незамѣтно для него самого сѣмена, посѣянные родителями, взошли и подавили всѣ остальные чувства. Его сосредоточенная натура вся оказалась поглощенной одною мыслью, однимъ чувствомъ; въ сущности Ѳединька ничего не видѣлъ, не слышалъ, если оно не имѣло отношенія къ этой мысли, къ этому чувству. Онъ страдалъ, что не могъ направить свою жажду дѣятельности въ опредѣленное русло, дать ей исходъ, и когда явился Замшевъ, онъ встрѣтилъ его, какъ своего спасителя, какъ апостола правды, какъ человѣка, уже нашедшаго то, къ чему рвалась его душа.

Они бесѣдовали долго. Ѳединька и не замѣтилъ, какъ прошелъ часъ слишкомъ. Онъ спѣшилъ познакомить Замшева съ своимъ образомъ мыслей, какъ бы опасаясь, что тотъ не признаетъ его готовымъ къ поступленію «въ ряды». Замшевъ по большей части отмалчивался и только одобрительно кивалъ головою.

— Хорошо,— сказалъ онъ наконецъ.— Я у васъ побываю. Покажите мнѣ мимоходомъ вашу дачу.

Они вышли изъ портерной.

— Вотъ третья дача по этому проулку,—указалъ Ѳединька, пошатаваясь на своихъ длинныхъ ногахъ.

— Я его запомню: память у меня хороша. А товарища своего я самъ розыщу. Прощайте.

Они пожали другъ другу руки и разошлись. Отыскивая товарища, Замшевъ предавался слѣдующимъ размышленіямъ: «Подумаешь, какъ легко вести пропаганду! Стоить только произнести магическія слова: «эксплоататоръ, дѣло», и рыба клюетъ. За одну недѣлю пятнадцать навербовалъ и все такихъ, которые готовы идти за нами въ огонь и въ воду, не зная даже, въ чемъ дѣло. Почва удивительно какъ подготовлена»...

Любопытнѣе всего было, однако, то, что и самъ Замшевъ не зналъ, въ чемъ собственно дѣло.

IX.

Тѣмъ временемъ Оединька шель, сильно пошатываясь, домой. Съ непривычки онъ совершенно охмелѣлъ отъ двухъ-трехъ стакановъ пива. Прохожіе, видя его, покачивали головою. Анютка, попавшаяся ему на встрѣчу, не фыркнула, а только широко раскрыла отъ изумленія свои красивые глазенки. Но Оединька ея не замѣтилъ; онъ ликовалъ, онъ блаженствовалъ. Вотъ онъ, наконецъ-то, приметъ дѣятельное участіе въ борьбѣ «съ эксплуататорами». И ему казалось, что онъ не идетъ, а летитъ. Когда онъ оказался у себя на балконѣ, онъ долго нащупывалъ ручку отъ стеклянной двери, точно уже стемнѣло, хотя былъ всего еще только седьмой часъ, и солнце ярко сіяло. Наконецъ, онъ нащупалъ ручку и отворилъ дверь...

Увидѣвъ его, птенчикъ всплеснулъ руками.

— Боже мой, что съ тобою, Оединька?

— Ничего, мама, я такъ доволенъ, такъ счастливъ...

Птенчикъ былъ уже возлѣ Оединьки. Запахъ пива не допускалъ сомнѣнія, что онъ пьянъ.

— Пойдемъ, пойдемъ въ твою комнату.

Поддерживая Оединьку, она увела его и уложила въ постель.

— Какъ могло это случиться? Кто тебя напоилъ? Вѣдь ты никогда въ ротъ хмельного не бралъ. А тутъ еще папа пріѣхалъ изъ города больной... Ради Бога, не выходи, не показывайся ему, пока ты въ такомъ состояніи...

Но Оединька, повидимому, уже не слушалъ птенчика. Онъ лежалъ, вперивъ взоръ въ невидимую точку; по временамъ у него глаза закрывались, но на губахъ продолжала играть блаженная улыбка.

— Скажи же, Оединька, какъ это съ тобой случилось? Скажи, Оединька, — настаивалъ птенчикъ и началъ слегка теребить Оединьку за руку, чтобъ онъ, наконецъ, очнулся.

— Встрѣтилъ человѣка,—пробормоталъ, наконецъ, Өединька.— Вы, милые... только говорите... а надо дѣло дѣлать... Этотъ человекъ... славный онъ такой... мужественный... умный... Мама, его зовутъ... Замшевымъ... Запомните, мама... Слышите, Замшевъ... Онъ мнѣ укажетъ... дѣло... Онъ меня къ нему пристроить... къ дѣлу-то... Слышите...

— И ты такъ дѣло-то началъ? Ахъ, Өединька, Өединька!

При этомъ возгласѣ Өединька широко раскрылъ глаза, какъ будто прислушиваясь къ знакомымъ звукамъ, затѣмъ приподнялся, собираваясь что-то сказать, но снова погрузился въ подушки, глубоко вздохнулъ и уже ничего болѣе не произнесъ. Онъ заснулъ мертвымъ сномъ.

А птенчикъ продолжалъ шептать:

— Ахъ, Өединька, ахъ, Өединька!

Другихъ словъ эта женщина не находила: она слишкомъ любила сына, чтобы отнестись къ нему сурово...

Когда Өединька очнулся, онъ услышалъ, какъ около самой двери незнакомый мужской голосъ произнесъ:

— Вѣроятно, простуда. Пока еще не выяснилось. Но за медикаментами пошлите: все же температура понизится. А завтра утречкомъ зайду. Пока прощайте.

Кто это говорилъ? Өединька сначала ничего сообразить не могъ. Голова у него трещала, во рту было скверно. Не къ нему же звали доктора? Нѣтъ, нѣтъ. Онъ вдругъ что-то вспомнилъ, вскопчилъ, словно ужаленный, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Птенчикъ только-что проводилъ доктора.

— Папа нездоровъ?—съ тревогою спросилъ Өединька.

— Да, очень нездоровъ,—отвѣтилъ птенчикъ со слезами на глазахъ.—Я не знаю, что съ нимъ, и докторъ не знаетъ: жаръ, дыханіе какъ будто затруднено. Онъ все тебя спрашиваетъ. Я сказала, что ты плотно позавтракалъ и задумалъ большую прогулку. Ну, слава Богу, ты теперь оправился. Ступай къ отцу. Нѣтъ, стой...

И торопливо доставъ откуда-то гребенку, птенчикъ сталъ причесывать Өединьку, поправлять ему галстухъ, вообще приводить его костюмъ въ порядокъ, чтобы скрыть отъ глазъ отца слѣды недавняго дебоша, а Өединька принималъ все это, какъ должное, очевидно, онъ не научился еще самъ заботиться о себѣ. Когда птенчикъ кончилъ, мать съ сыномъ прошли черезъ столовую въ спальню.

Былъ десятый часъ. Спущенныя шторы скрадывали блѣдный свѣтъ лѣтней ночи. Но въ этомъ полумракѣ Өединька довольно ясно различилъ фигуру отца, лежавшаго въ постели. Когда Өединька подошелъ, Малюткинъ открылъ глаза и слабымъ голосомъ спросилъ:

— Это ты, Өединька? Вернулся?

— Да, папа.

— Радъ тебя видѣть... Мнѣ нехорошо.

— Пройдетъ, папа. Простудились,—успокоивалъ Оединька неуверенно, такъ какъ онъ самъ началъ все сильнѣе тревожиться при видѣ отца, опять закрывшаго глаза и говорившаго какимъ-то страннымъ, словно не своимъ голосомъ.

— Не знаю, пройдетъ ли. Но почему-то хочется потолковать съ тобою. Ты вотъ остался еще на годъ въ классѣ. Ученье твое плохо подвигается. Конечно, васъ тамъ обучаютъ всякой ерундѣ, но если я умру...

— Что ты, папа!..

— Я не говорю, Оединька, что умру, но всяко бываетъ: ко всему надо быть готовымъ. И вотъ, если я умру, ты съ мамой останешься безъ всякихъ средствъ къ существованію. Пенсіи я не выслужилъ, а тебѣ еще долго учиться. Что прикажешь дѣлать! Такое уже у насъ установлено правило, что надо кончить курсъ въ гимназіи и университетѣ, чтобъ проложить себѣ дорогу въ жизни. Глупое правило, но все же правило,—вспомнилъ онъ, слабо улыбаясь, «Прекрасную Елену» (Малюткинъ, хотя и былъ передовымъ человѣкомъ, но страстно любилъ оперетку). Такъ вотъ, пока я живъ и здоровъ, тебѣ можно лѣниться; но вѣдь я могу умереть. Поэтому я тебя и опредѣлилъ въ гимназію, и чѣмъ меньше у меня силъ, тѣмъ прилежнѣе тебѣ надо учиться. Надо, Оединька, ничего не подѣлаешь! Не хотѣлъ бы я, чтобъ тебя пичкали латынью, но нельзя: все подлое перенимаемъ у Европы, да еще своей гадости прибавляемъ. Настанетъ время, когда многое перемѣнится, но оно еще не настало, охъ, не настало!.. Далеко еще...

Больной махнулъ рукою.

— Не раздражайся, Петя; ты себѣ этимъ повредишь,—ввернулъ птенчикъ, стоя у изголовья.

— Не буду, не буду, дорогая. Я хотѣлъ только сказать Оединькѣ, что все возможно, и что надо ему учиться. Страхъ иногда меня разбираетъ, когда я подумаю, что вы можете лишиться работника, кормильца. Ахъ, Оединька, учись, учись, милый!

— Неужели, папа, мнѣ бросить книги, журналы и засѣсть за одну грамматику?—робко возразилъ Оединька.

— Нѣтъ, Оединька, бросать не нужно; но надо соединить и то и другое. Вотъ видишь ли: и я ходилъ усердно въ департаментъ, а всетаки остался человѣкомъ...

Оединькѣ очень хотѣлось поговорить съ отцомъ о Замшевѣ, о томъ, что онъ не знаетъ, на сколько дѣло, къ которому онъ прикинетъ, позволить ему заниматься латынью, но, замѣтивъ, что отецъ, какъ бы въ изнеможеніи, опять закрылъ глаза, счелъ болѣе благо-разумнымъ отложить этотъ важный вопросъ до другого раза.

Однако ему съ отцомъ уже не пришлось бесѣдовать. Двѣ недѣли продолжалась его болѣзнь. Эти двѣ недѣли были, можетъ быть,

болѣе мучительны для птенчика и Ѳединьки, чѣмъ для самого больного. Онъ рѣдко приходилъ въ себя и не жаловался. Но птенчикъ съ Ѳединькой претерпѣвали сильнѣйшія душевныя муки; по цѣлымъ днямъ они сидѣли у постели больного, не спуская съ него глазъ, не произнося ни слова, точно окаменѣли; они находились въ такомъ напряженномъ состояніи, что, казалось, нервы ихъ не выдержатъ, что вотъ-вотъ они разразятся истерическимъ плачемъ или при малѣйшемъ признакѣ выздоровленія начнутъ отъ радости хохотать, точно сумасшедшіе. Такое ожиданіе можетъ выдержать только человѣкъ, глубоко любящій: оно слишкомъ мучительно и недоступно для сердца, не проникнутаго всецѣло чувствомъ любви. И вдругъ это ожиданіе оборвалось; оно не смѣнилось ни плачемъ, ни смѣхомъ, а какою-то внутреннею пустотою, точно эти муки выжгли всякое чувство въ душѣ, уничтожили въ ней все. Птенчикъ съ Ѳединькой глядѣли на похолодѣвшій трупъ и даже не знали, за что приняться. Распоряжалась косолапая Ѳедосья: она хорошо знала, что дѣлать. Она обмыла трупъ, поторговалась съ гробовщикомъ, купила мѣсто на парголовскомъ кладбищѣ. Птенчикъ съ Ѳединькой только соглашались, одобряли. Не все ли равно? Жизнь для нихъ остановилась, какъ вдругъ останавливаются стѣнные часы: нуженъ внѣшній толчокъ, чтобъ маятникъ возобновилъ свое однообразное дѣло.

Пока трупъ былъ въ домѣ, птенчикъ съ Ѳединькой сидѣли возлѣ него и словно чего-то ждали. Чего? Ожидать было нечего, и тѣмъ не менѣе они ждали,—ждали, должно быть, чтобъ внѣшній толчокъ привелъ ихъ въ движеніе, заставилъ ихъ снова ходить, говорить, ѣсть, пить, спать...

Однако, тамъ, въ глубинѣ души, новая жизнь уже незамѣтно зарождалась. Петя лежитъ въ гробу, мать осталась одна на свѣтѣ съ несовершеннолѣтнимъ сыномъ, которому надо еще лѣтъ восемь учиться, прежде чѣмъ онъ станетъ на ноги. Эта мысль пока дремала, но можно было предвидѣть, что она и послужитъ тѣмъ толчкомъ, который заставитъ птенчика вернуться къ жизни.

А Ѳединька? Сидя у трупа отца, онъ не думалъ о своей будущности. Въ немъ также все замерло. Горестная утрата такъ сильно сразила его, что онъ все еще не могъ опомниться. Мысли пустыя, безсодержательныя носились въ его головѣ, цѣпляясь за все, что ни попадалось имъ на пути. Это былъ какой-то полубредъ. Вотъ птенчикъ вошелъ въ комнату и предлагаетъ ему чего нибудь сѣсть или выпить. Но зачѣмъ ему ѣсть или пить, не все ли равно? Вотъ эта несносная муха сѣла на лобъ отца. Ѳединька встаетъ, чтобъ отогнать ее,—стоитъ ли труда? Вѣдь все кончено, все пропало. То вдругъ судорога сдавить ему горло,—онъ готовъ разрыдаться. Къ чему? Будетъ ли ему или кому нибудь отъ этого легче? Но, не смотря на это разсужденіе, онъ не выдерживаетъ: слезы душатъ его, прорываются, и онъ точно въ конецъ обезсиленный припа-

даетъ къ гробу и долго стоитъ потомъ передъ нимъ на колѣняхъ. Его грудь надрывается отъ плача, и мучительный приступъ кашля приводитъ его въ себя. Грудь у него болитъ, точно городской только еще вчера хватилъ его шапкой. И Оединька вспоминаетъ, какъ отецъ, вернувшись въ тотъ день со службы домой, долго на него пристально смотрѣлъ съ тихою радостью во взорѣ, но потомъ и съ тревогою освѣдомлялся, не болитъ ли у него грудь. Ахъ, какъ она у меня болитъ,—отвѣчаетъ Оединька и, вдругъ вспомнивъ, что никогда уже отецъ не будетъ глядѣть на него, никогда не будетъ освѣдомляться объ его здоровьѣ, снова припадаетъ къ гробу. Затѣмъ ему хочется взглянуть на отца. Можетъ быть, онъ еще оживетъ. Онъ всматривается въ любимыя черты. Какъ лицо его спокойно, точно онъ спитъ; только лицо это теперь желтое, словно восковое, и какъ оно странно отгвняется золотыми пуговицами вицмундира! Оединька невольно сравниваетъ отца съ горящими въ изголовьѣ церковными свѣчами,—тотъ же цвѣтъ, тотъ же золотой блескъ. Какъ подобрано, словно нарочно! И къ чему эти глупыя свѣчи? Развѣ отецъ былъ вѣрующій? А вицмундиръ? Къ чему напоминать въ этотъ роковой часъ о томъ, что онъ былъ чиновникъ... Оедосья такъ распорядилась. Значить, такъ принято. «Глупое правило»,—вспоминаетъ онъ слова отца. Зачѣмъ же подчиняться этимъ правиламъ? Отчего не возстать противъ нихъ, не высвободиться изъ-подъ ихъ гнета? Но отецъ, умирая, совѣтовалъ ему прилежно учиться. Онъ, значить, не видѣлъ другого исхода. Онъ самъ ходилъ въ департаментъ, работалъ тамъ до изнуренія силъ, служилъ дѣлу, противъ котораго возставалъ всѣми силами души...

Эта мысль рѣзнула Оединьку, какъ ножомъ, по сердцу. Онъ взглянулъ на безжизненное лицо отца и почувствовалъ себя глубоко виноватымъ. Онъ упрекалъ, обвинялъ мертваго отца! О, еслибъ отецъ былъ живъ, онъ объяснилъ бы ему, почему честный человекъ можетъ служить въ департаментѣ и въ то же время ненавидѣть этотъ департаментъ, самъ день и ночь трудиться надъ дѣломъ, которое онъ презираетъ...

Ой, Оединька, объяснилъ ли бы онъ тебѣ это? Сомнѣваюсь. Онъ сказалъ бы тебѣ, что надо жить, надо зарабатывать хлѣбъ, и, услышавъ эти слова, ты въ своей душевной чистотѣ, вѣроятно, отвѣтилъ бы съ жгучею болью въ сердцѣ, что честный человекъ не долженъ служить двумъ господамъ. Ты отвѣтилъ бы это, и память отца омрачилась бы въ твоихъ глазахъ... Но вотъ онъ умеръ, лежитъ въ гробу, и ты, припавъ къ нему, снова рыдаешь, и снова мучительно надрывается твоя больная грудь отъ сдерживаемыхъ жгучихъ слезъ...

Р. Сементковскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЫЕ ШАГИ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

I

Пріѣздъ въ Петербургъ.—Остановка въ Маріинской гостинницѣ.—Прозаическіе разговоры.—Исканіе комнаты.—Объясненіе съ хозяйкой.—Н. П. Столпянскій.—Мои тревоги и неожиданная радость.—Бесѣда съ Н. П. Столпянскимъ.—Дальнѣйшія встрѣчи съ нимъ.—Я иду съ письмомъ Смирнова въ редакцію «Петербургскаго Листка».—Встрѣча съ А. А. Соколовымъ.—Немного о Стопановскомъ.—Пламенный поклонникъ Власа Ловласова.—Мой романъ и бесѣда съ Ѳ. М. Достоевскимъ.—Его отношеніе ко мнѣ.—Разговоръ съ пріятелемъ о Достоевскомъ.—Курьезный фактъ.—Мое посѣщеніе редакціи «Сына Отечества» и объясненіе съ секретаремъ редакціи и съ редакторомъ.—Стихи И. С. Никитина подъ новымъ псевдонимомъ.—Разсказъ Сухонина-Шардина.—Желаніе современнаго издателя пригласить въ сотрудники поэта Полежаева.

ДА НѢСКОЛЬКО дней до моего отъѣзда изъ Вологды въ Петербургъ, туда же уѣхали два мои пріятеля: Р. и С. Первый съ цѣлью посоветоваться съ авторитетами науки по поводу своей серьезной болѣзни, а второй имѣлъ намѣреніе поступить вольнымъ слушателемъ въ университетъ. Р. и С. остановились временно въ Маріинской гостинницѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ, гдѣ были въ то время (не знаю, есть ли теперь) дешевые номера по семидесяти пяти копеекъ въ сутки.

¹⁾ Первый отрывокъ изъ воспоминаній А. В. Круглова, подъ заглавіемъ «Наканунъ», напечатанъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» текущаго года.

Я направился съ вокзала тоже въ эту гостинницу. С. взялъ извозчика и увезъ мой чемоданъ, а я съ Р. поѣхали по конкѣ.

— Ну, что, какъ устроились?—спросилъ я Р.—Что сказали врачи?

— Живемъ въ одномъ номерѣ. Ничего... Кормятъ недурно. Я еще не былъ ни у кого. Надняхъ пойду.

— Мы въ гостинницѣ и останемся жить?

— Какъ можно! Это и дорого и неудобно,—отвѣтилъ Р.—Я или уѣду скоро отсюда, или лягу въ лечебницу. А ты поселись вмѣстѣ съ С.

— Согласится ли онъ?

— Онъ выражалъ уже желаніе. Это вамъ будетъ и дешевле. Отдохнешь—принимайтесь за поиски. С., кажется, даже присмотрѣлъ комнату.

Дешевый номеръ Маріинской гостинницы былъ очень малъ и напомнилъ мнѣ ванную комнату въ имѣніи одного вологодскаго помѣщика, у котораго я гостилъ.

Напившись чаю, мы всѣ трое пошли въ общую залу, гдѣ игралъ органъ, и было очень много публики. Мы заказали себѣ закуску и потомъ опять пили чай.

Шумъ, свѣтъ, музыка подѣйствовали на меня очень хорошо. Попался номеръ «Сіянія» со стихами Л. Н. Трефолева «Присяжный засѣдатель». Стихи намъ всѣмъ троицъ понравились. Я разсказалъ Р. и С. про Трефолева. Въ эту минуту его предсказанія меня не пугали. Сердце мое преисполнилось вѣрой и бодростью, я началъ строить, что называется, «воздушные замки».

— А денегъ-то у тебя съ собой сколько?—спросилъ вдругъ Р. Его вопросъ былъ для меня упатомъ холодной воды.

Изъ міра грезъ я сразу очутился въ мірѣ прозаической дѣйствительности.

— Денегъ? Да меньше пяти рублей.

— Что-о? Пять рублей?

— Ну, да. А что?

— Да какъ же ты? Вѣдь не сразу же найдешь работу? Или у тебя привезено съ собой много статей?

— У меня есть два стихотворенія, да романъ я послалъ еще изъ Вологды.

— Куда?

— Въ «Гражданинъ».

— Принять?

— Не знаю.

— А кто тамъ редакторъ?

— Достоевскій.

— А если не возьмутъ? Чѣмъ же ты жить будешь?

— Мнѣ надо получить нѣсколько рублей отъ Столянского. Онъ издаетъ «Школьную Жизнь».

— Ну, братъ, это плохо. На это не проживешь долго. Значить, въ гостинницѣ совсѣмъ нельзя заживаться. Завтра же переѣзжайте съ нимъ (Р. указаль на С.), получай скорѣй со Столпянскаго и ищи занятій или продавай, что есть. Сходи въ «Гражданинъ».

Мы просидѣли чуть не до утра, вспоминая прошлое, мечтая о будущемъ.

— Погоди,—смѣялся С.:—будемъ мы съ тобой богаты, ты издателемъ сдѣлаешься, а я...

— Твой отецъ итакъ богатъ, чего тебѣ,—сказаль я С.

На другой день, около двѣнадцати часовъ, напившись чаю, мы отправились искать комнату. Мы осмотрѣли нѣсколько комнатъ, устали страшно, но все не нашли по вкусу. Одна была дорога, другая совсѣмъ плоха. Отецъ С. ассигноваль небольшую сумму, и онъ не могъ «форсить», какъ это любилъ въ Вологдѣ. Уже подъ самый вечеръ нашли мы наконецъ недурную и относительно очень просторную комнату на Пескахъ, въ пятомъ этажѣ, за четырнадцать рублей.

— По семи рублей съ персоны! Ну, это сносно,—сказаль С.

Я былъ пораженъ. Четырнадцать рублей за одну комнату, когда моя мать въ Вологдѣ за квартиру въ четыре комнаты платила три съ полтиной!

— Э-э!—засмѣялся С.:—то, братъ, Вологда, а это — Питеръ. Здѣсь другія цѣны.

Мы дали задатокъ, сказавъ, что переѣзжаемъ завтра.

На другой день, рано утромъ, мы перебрались на новоселье. Р. переѣхаль въ тотъ же день въ лечебницу къ специалисту.

Мы благодушно попивали чай, когда вошла хозяйка и потребовала денегъ за комнату.

Я снова удивился.

— Да вѣдь мы только что переѣхали.

— Такъ что же!

— Вотъ пройдетъ мѣсяць, и деньги получите.

— Какъ? Да нѣшто это можно? Сейчасъ подавайте деньги, а то вонъ убирайтесь! Вотъ еще жулье какое!

— Ну, ты потише!—крикнуль С.:—а то смотри!

— Чего смотри! Деньги подайте!

С. досталь изъ кармана семь рублей и, отдавая ихъ хозяйкѣ, промолвилъ:

— Возьми, а остальные завтра.

— Отчего же не сегодня?

— Оттого, что завтра.

Внушительный тонъ С. подѣйствовалъ на жену писаря (сдававшую комнату), и она уже тише добавила:

— Только чтобы завтра безпремѣнно. А то и о выходѣ; я сама этимъ живу... Ишь!

— Да неужели здѣсь впередъ платять?—обратился я къ С.
 — Ну, да.
 — А въ Вологдѣ же...
 — Ахъ, да оставь ты Вологду. Допивай чай, да иди сейчасъ къ Столпянскому и получай свои гроши. А то завтра насъ вытурять.

Послѣ обѣда въ какой-то кухмистерской я отправился отыскивать извѣстнаго педагога Николая Петровича Столпянскаго, издававшего «Школьную Жизнь». Изъ Вологды я послалъ въ журналъ двѣ статьи, рассказъ и стихотвореніе: «Сельскимъ учителямъ» или «Товарищу»—хорошенько теперь не помню, но только помню, что въ стихотвореніи призывалъ народнаго учителя идти на борьбу съ невѣжествомъ и т. д. въ этомъ родѣ. Гонорара я не получилъ, да я его и не просилъ, и теперь, отправившись въ редакцію, я не былъ увѣренъ, что мнѣ дадутъ деньги. С. даже мнѣ такъ прямо и сказалъ:

— Смотри, не ошибись въ расчетѣ. Можетъ быть, останешься при пиковомъ интересѣ. Вѣдь ты не условился?

— Нѣтъ.

— Ну, за даровую и сочтутъ. Я, братъ, недавно въ какой-то газетѣ вычиталъ. Тамъ было заявлено отъ редакціи, что «статьи, посланныя безъ условій, считаются бесплатными».

— Ну, не можетъ быть!

А самъ подумалъ: «Что, если правда? Что тогда?».

Съ замираніемъ сердца поднимался я по лѣстницѣ въ квартиру Н. П. Столпянскаго, который жилъ тогда на набережной Фонтанки, близъ Семеновскаго моста.

Я робко позвонилъ.

На мой вопросъ, могу ли я видѣть Николая Петровича, прислуга отвѣтила мнѣ, что они только что отобѣдали и, кажется, ложатся спать.

— Но еще не легъ?

— Нѣтъ. Какъ доложить?

Я сказалъ. Визитной карточки у меня не было.

Меня попросили войти въ гостиную, откуда я прошелъ въ кабинетъ, гдѣ меня и встрѣтилъ высокій, плотнаго сложенія, брюнетъ, нѣсколько сутуловатый. Его серьезное лицо, освѣщаемое вдумчивыми, пронизательными глазами, свидѣтельствовало объ упорствѣ въ достиженіи цѣли и носило слѣды нелегкаго труда.

— Это вы писали у меня?—спросилъ Н. П. низкимъ груднымъ и очень симпатичнымъ голосомъ, подавая мнѣ правую руку, а въ лѣвой держа толстую сигару.

— Да, я.

— Вѣдь вы въ Вологдѣ жили?

— Я пріѣхалъ сюда.

— Давно?

— Только надняхъ.

— На мѣсто или такъ? Можетъ быть, учиться еще?

— Нѣтъ, не на мѣсто. Буду искать работы... Я вотъ и у васъ хочу...

— Давайте, давайте. Тамъ еще за мной, пожалуй, грѣши есть,—добавилъ онъ съ выговоромъ, который обнаружилъ въ немъ рязанца.

Я внутренно обрадовался: «значить заплатить».

— Вы вѣдь не получили отъ меня ничего?

— Ничего.

— А-а! У меня тутъ семейное горе: жена умерла недавно. Дѣла-то нѣсколько запустилъ. И не помню всего... Да... такъ вамъ грѣши нужны? Сейчасъ!

Онъ попыхалъ сигарой и началъ отыскивать номера журнала, въ которыхъ были напечатаны мои статьи. Я не могъ назвать номеровъ, Н. П. не помнилъ ихъ, и пришлось не мало употребить времени, чтобы найти ихъ.

— Вы чаю не хотите ли, а?

Я поблагодарилъ.

— Кажется, еще есть.

Онъ кликнулъ прислугу и велѣлъ подать чаю.

Отыскивая номера, онъ задавалъ мнѣ вопросы о Вологдѣ, о жизни сельскихъ вологодскихъ учителей, о томъ, какъ нравится имъ «Школьная Жизнь», жаловался на нѣкоторыя неудачи, стѣсненія, на недобросовѣстные нападки противниковъ, опять коснулся смерти жены.

Гдѣ-то ровно стучалъ маятникъ. Лампа разливала ровный свѣтъ по кабинету, заваленному книгами. На душѣ у меня стало легче и веселѣе въ виду перспективы хотя сколько нибудь получить денегъ. Теплое отношеніе Н. П. согрѣло меня.

Мнѣ приходилось получить съ чѣмъ-то, или безъ чего-то двадцать рублей.

Я былъ доволенъ.

Н. П. досталъ бумажникъ.

— А, поди, у васъ грошей-то немного? а?—спросилъ Н. П., ласково улыбаясь своими вдумчивыми глазами.

— Немного.

— А-ну-ка, сколько? Правду скажите.

Я сказалъ.

— Э-э, какой вы богатъ!—разсмѣялся Столпянскій.—Вы что-то мнѣ о работѣ говорили. Есть у васъ что нибудь для меня?

— Есть, но вчернѣ.

— Можете скоро отдѣлать?

— Могу.

— Ну, и отлично! Такъ на-те вамъ, а потомъ сочтемся.

И онъ подалъ мнѣ двѣ двадцатипяти-рублевья бумажки.

— Это все мнѣ? воскликнулъ я.—Вѣдь двадцать нужно!

— Берите, потомъ разсчитаемся. Только не лѣнитесь.

Я поблагодарилъ, сконфуженный и обрадованный, и хотѣлъ уходить. Но Н. П. оставилъ меня, и я пробылъ у него еще около двухъ часовъ. Онъ разспросилъ меня подробно о прошлой жизни, поинтересовался узнать, что я намѣренъ дѣлать, и далъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ.

— Поступайте-ка въ университетъ, лучше всего, — сказалъ онъ: — работайте и учитесь.

— Я хочу вольнослушателемъ.

— Да, да.

Онъ закурилъ сигару и заговорилъ о какомъ-то учителѣ. Потомъ онъ читалъ письма нѣкоторыхъ учителей, благодарившихъ его за журналъ, и опять перешелъ къ народной школѣ.

— Много, много есть хорошихъ силъ, только горячи очень, да и подготовки нѣтъ настоящей.

Прощаясь со мною, онъ просилъ меня заходить и, если будутъ нужны деньги, безъ церемоніи обращаться къ нему.

Радостный и нервно-приподнятый оставилъ я Николая Петровича Столпянскаго.

Такъ какъ мнѣ не придется уже болѣе касаться его, то здѣсь же скажу еще два-три слова о немъ.

Я помѣстилъ въ «Школьной Жизни» статью и хотѣлъ писать новую, но журналъ прекратился.

Долгое время я не встрѣчался съ Н. П. и даже потерялъ его изъ виду.

Въ 1879 году я снова встрѣтился съ нимъ на дачѣ въ Стрѣльнѣ. Онъ былъ уже женатъ вторично и, не смотря на солидные годы, выглядѣлъ все такимъ же бодрымъ и работалъ также упорно и энергично.

Какъ авторъ руководствъ для обученія солдатъ и взрослыхъ, какъ педагогъ вообще, Николай Петровичъ достаточно извѣстенъ. Онъ одно время жилъ въ Харьковѣ, потомъ опять воротился въ Петербургъ и открылъ курсы ручного труда. И попрежнему онъ бодръ, упоренъ въ работѣ. Онъ перенесъ новую потерю: схоронилъ вторую жену и все-таки не упалъ духомъ.

— Нельзя, нельзя духомъ падать, — говоритъ онъ: — нельзя терять нить жизни. Потеряете — и пасъ! А вы не теряйте. Всегда чтобы цѣль была. И захочется жить, и будетъ смыслъ жизни, и силы не измѣнять.

Такія слова бодрятъ малодушныхъ.

Ободренный словами Н. П., я не шелъ, а летѣлъ домой, на Пески, гдѣ дожидался меня С. Дойдя до Невскаго, я даже нанялъ извозчика.

— Ну, что? даль?—встрѣтилъ меня С.

— Пятьдесятъ.

— Не можетъ быть!

— Гляди!

И я показалъ С. обѣ бумажки.

— Вотъ богачъ-то! Давай скорѣй семь рублей хозяйкѣ.

Я отправился въ лавку, размѣнялъ деньги, купилъ булокъ, колбасы и любимаго земляничнаго варенья.

— Чай пить давай!

Хозяйка, получивъ деньги, сдѣлалась вдругъ любезна и даже извинилась за рѣзкость.

— Я что же... вѣдь всякіе есть... Дѣло наше такое... А теперь вижу...

Подъ вліяніемъ радости я отъ полного сердца простилъ ей всѣ ея грубости.

Разбирая свой чемоданъ, я нашелъ въ немъ письмо ярославскаго антрепренера Смирнова (о которомъ упоминалъ въ предыдущихъ своихъ воспоминаніяхъ—«Наканунѣ»). Я совсѣмъ забылъ объ этомъ письмѣ, данномъ мнѣ А. В., у котораго я былъ, проѣзжая Ярославль. Узнавъ, что я ѣду въ Петербургъ и хочу «поступить въ писатели», какъ выразился Смирновъ, онъ предложилъ мнѣ дать письмо къ издателю «Петербургскаго Листка», А. А. Соколову, автору извѣстной книги «Театральныя болота».

— Вы знаете его?—спросилъ я.

— Еще бы! Еще бы!—воскликнулъ А. В., по обыкновенію заикаясь.—Онъ у меня въ труппѣ служилъ когда-то. Я напишу ему, и онъ вамъ навѣрное дастъ и работу и, можетъ быть, мѣсто.

Я принялъ предложеніе Смирнова, во-первыхъ, потому что у меня были юмористическія стихотворенія, которыя подходили къ «Петербургскому Листку», а, во-вторыхъ, мѣсто въ конторѣ могло бы дать мнѣ нѣкоторое обезпеченіе. Я поблагодарилъ и взялъ письмо антрепренера. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я забылъ совсѣмъ о письмѣ, но, найдя его въ чемоданѣ, рѣшилъ воспользоваться имъ. Когда я спросилъ С.: «идти ли мнѣ къ А. А. Соколову?»—С. отвѣтилъ: «Конечно, иди. Отчего не попытать... можетъ быть, мѣсто получишь... Все—почва».

Я отправился.

Редакція «Петербургскаго Листка» находилась у Казанскаго собора, рядомъ съ Николаевскимъ институтомъ.

Антре и комната, гдѣ помѣщалась контора, произвели на меня не особенно благоприятное впечатлѣніе.

— «Однако, грязновато же»,—подумалъ я.

А. А. Соколова еще не было. Но мнѣ сказали, что онъ скоро придетъ, и я остался ждать. Онъ явился черезъ полчаса, и я отдалъ ему письмо Смирнова.

Наскоро пробѣжавъ письмо, А. А. Соколовъ равнодушно объявилъ мнѣ, что мѣста никакого нѣтъ, а что если у меня есть стихи, и они подойдутъ, то ихъ можно помѣстить. Въ этотъ разъ я познакомился съ романистомъ Стопановскимъ, редактировавшимъ «Петербургскій Листокъ». Можетъ быть, я глубоко ошибаюсь, но на меня Стопановскій произвелъ впечатлѣніе человѣка уставшаго, ко всему равнодушнаго, которому все надоѣло. Такимъ онъ казался въ этотъ разъ, а больше я его никогда и не видѣлъ.

Братъ квартирной хозяйки былъ пламеннымъ поклонникомъ А. А. Соколова за его фельетоны: «Изъ дневника Власа Ловласова», и каждое воскресенье обязательно посылалъ намъ газету, а потомъ спрашивалъ:

— Не правда ли, хорошо? Да, такъ никто не пишетъ! Вотъ это писатель!

Когда онъ узналъ, что я былъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» и видѣлъ Соколова, онъ даже весь просвѣтлѣлъ.

— Ну, ну, и что же?—воскликнулъ онъ.

— Да ничего, —отвѣтилъ я.—Мѣста не нашлось... Могу писать.

— Такъ что же, вы пишете... пишете, если только, конечно, можете. Это очень пріятно. Кто знаетъ, можетъ быть, и также будете писать, какъ Соколовъ, добьетесь... Это заманчиво, да и зарабатываете тоже не мало.

Но меня это не манило; планы были гораздо шире, и, не смотря на нужду, я думалъ не о заработкѣ, а о томъ, чтобы сдѣлаться «настоящимъ писателемъ».

Съ большимъ трепетомъ отправился я къ Федору Михайловичу Достоевскому, который тогда редактировалъ «Гражданинъ».

Когда я пришелъ, Федоръ Михайловичъ былъ занятъ. Мнѣ пришлось ждать довольно долго.

Но вотъ ушелъ отъ Достоевскаго посѣтитель, съ которымъ Ф. М. разговаривалъ долго и очень горячо. Доложили обо мнѣ.

— Кто? Кто?—отрывисто переспросилъ Федоръ Михайловичъ.

Ему повторили.

— Что ему? Что?

— О романѣ.

— О романѣ? А—а, вспомнилъ. Пусть войдетъ, пусть.

Я невольно схватился рукой за сердце, переступая порогъ кабинета. Впервые я встрѣтился лицомъ къ лицу съ авторомъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ», «Записокъ изъ Мертваго Дома», съ авторомъ, котораго, не смотря на всѣ нападки своей партіи (либеральную партію я считалъ своею), я любилъ и даже обожалъ, если только это слово здѣсь можетъ быть употреблено.

Меня встрѣтилъ худощавый человѣкъ средняго роста, съ нервнымъ и очень подвижнымъ лицомъ. Сѣрые пронизательные глаза проникновенно устремились на меня изъ-подъ сдвинутыхъ бровей.

Волосы, бородка у Ѳ. М. были русые. Кожа лица желтоватая; вообще Достоевскій выглядѣлъ человѣкомъ крайне болѣзненнымъ.

— Какой вашъ романъ? Это...

Ѳ. М. порылся на столѣ и подаль мнѣ толстую тетрадь.

— Это, это?

— Да,—едва слышно отвѣтилъ я.

— А—а! Садитесь! Мнѣ надо вамъ многое сказать.

Я не буду и пробовать точно передать рѣчь покойнаго великаго писателя. Я не могу ее возстановить стенографически, а потому передамъ только приблизительно. Она была слишкомъ оригинальна, мѣстами образна, колоритна. Я помню только одну фразу, которую можно назвать афоризмомъ. «Вы еще слишкомъ мало жили, чтобы дерзать такъ много говорить о такомъ большомъ предметѣ» (романъ касался семейнаго счастья). Ѳедоръ Михайловичъ говоря скоро раздражался, движенія дѣлались суетливыми, тонъ отрывистымъ. Сначала Ѳ. М. заговорилъ очень рѣзко и напалъ на меня за «смѣлость, за дерзость» братья писать романъ въ четырехъ частяхъ на такую тему. Для этого надо пожить, многому научиться, многое прочувствовать, продумать. Надо, чтобы жизнь помяла, чтобы она, а не книжка умная, диктовала. Нельзя вскочить на крышу прямо съ земли. И рисовать учатся исподволь. А то вдругъ двадцатилѣтній «господинъ» (Ѳ. М. разъ даже сказалъ «мальчишка») и за такую тему, да за романъ! Широко, сударь, шагаете! Силь и умѣнья нѣтъ! Онъ говорилъ все рѣзче и рѣзче, даже гнѣвно, и мнѣ стало казаться, что онъ сейчасъ же прогонитъ меня и кинетъ въ меня рукописью, которую онъ нѣсколько разъ бралъ со стола и снова бросалъ на столъ.

Но онъ продолжалъ говорить, ходя по кабинету:

— Нужна извѣстная широта, глубина. Откуда она у васъ можетъ быть? И какія положенія берете! Самыя драматическія, сложныя! Психологія матери, потерявшей дочь, мужа, которому измѣнила жена и при такихъ обстоятельствахъ! И зачѣмъ аристократическій быть? Вы вѣдь его не знаете, не знаете? да? Говорите! Откуда вамъ знать? Кто вы такой?

Я сказалъ.

— Мало жить на урокахъ. Не въ этомъ положеніи все узнаютъ! Конечно, нельзя все перепробовать на себѣ. Не это надо. Можно и не тонуть, да описать хорошо это. Но нужна опытность и творить, предугадывать. Силу особую писательскую, даръ этотъ надо развить работой, думой, ученьемъ. Вы громы небесные посылаете на героя за то, что онъ ушелъ въ монастырь, и чуть ли не глумитесь надъ нимъ за это. А что вы понимаете въ этомъ? Книжечекъ новыхъ дурацкихъ начитались. Погодите, все отпадетъ... какъ короста отпадаетъ, если только въ васъ есть содержаніе, и вы не останетесь попугаемъ и обезьяной, какихъ много... Да-съ.

Онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ и дернулъ меня за борть сюртука.

Я сидѣлъ ошеломленный и обезкураженный.

Федоръ Михайловичъ два раза сильно потрясъ меня, и тонъ его вдругъ измѣнился. Мягкія, искреннія, проникающія прямо въ душу и согрѣвающія ее ноты послышались въ пониженномъ голосѣ.

Падать духомъ нечего. Кислиться глупо. Если онъ говорилъ рѣзко, такъ ради пользы, потому что видѣлъ во мнѣ несомнѣнное дарованіе. Если бы не видѣлъ его, и говорить бы не сталъ. Мало ли всякой дряни посылается. И словъ не стоитъ тратить, если не видно искры, огня, задатковъ таланта. Прямо бы сказали: «шейте сапоги, идите въ приказки!». А если онъ рѣзко говорилъ, то потому, что видитъ задатки, вѣритъ, что изъ меня можетъ выйти что нибудь, только надо работать, учиться, много работать и исподволь подвигаться по дорогѣ. Напечатать романъ можно... Кто нибудь, пожалуй, и напечатаетъ... да что пользы? Что напечатано, того не уничтожить. Позднее и бесполезное сожалѣніе въ будущемъ! Надо писать, непременно надо писать, только не спѣшить, не браться за то, что пока еще рано. Надо изучать жизнь въ жизни, не по книжкамъ, вдумываться въ нее, по поводу ея явленій и не держаться узкаго аршина, на него не мѣрять всего. Нельзя подтасовывать факты, сочинять добродѣтельныхъ манекеновъ въ новомъ духѣ. Однобокость прочь! А для этого читать, читать, учиться и наблюдать. Не сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, а окунуться, съ головой окунуться въ жизнь, не бояться грязи и вони. Писатель—что врачъ, а не барышня. Жизнь изучать и ее изображать, а не сочинять.

— Слышите?—вдругъ закончилъ Федоръ Михайловичъ и опять ткнулъ меня пальцемъ въ грудь.

— Да,—отвѣтилъ я, поднимаясь.

Ф. М. спросилъ меня, не обидѣлся ли я.

Я сказалъ, что нѣтъ, что я очень благодаренъ.

— Не въ благодарности дѣло,—сказалъ Ф. М.:—а это хорошо, что не обидѣлись. Обижаться было бы глупо. Обижайтесь — мнѣ, вѣдь, что... только этимъ сами себя приговоръ подпишите.

Онъ подалъ мнѣ рукопись.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ я.

— Съ романомъ? Бросить! Пусть валяется; «выростите» — сами увидите, какъ я правъ. Умру я, вспомните и скажете, что я правъ былъ!

Я поклонился.

Достоевскій протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Непременно пишите! Только не романъ еще... Съ рассказовъ начните, а тамъ увидите... когда окрѣпнете — осилите и романъ, можетъ быть.. хорошій рассказъ лучше плохого романа!

Я еще разъ поклонился и пошелъ изъ кабинета.

Достоевскій проводилъ меня до дверей и уже въ дверяхъ, стукнувъ кулакомъ по дверямъ, крикнулъ:

— Смотрите же, не бросайте, пишите! А только помните все, что я сказалъ... Пишите!

Долгое время я находился подъ впечатлѣніемъ этого посѣщенія Достоевскаго. Слова великаго писателя заставили меня глубоко и серьезно задуматься. Сначала они меня ошеломили только, и мнѣ было жаль моей разбитой иллюзіи: я былъ увѣренъ, что романъ напечатается (онъ такъ нравился кружку знакомой молодежи), что затѣмъ я примусь за другой и т. д. И вдругъ рѣшительный совѣтъ бросить рукопись. Я не могъ не признавать авторитетнаго совѣта Ѳ. М., и въ то же время во мнѣ «что-то» протестовало: не то молодой задоръ, молодое самолюбіе, гордость. И это «что-то» толкало меня поступить наперекоръ совѣту Достоевскаго. «Развѣ онъ не можетъ ошибаться?»—возникалъ вопросъ въ моей головѣ. Одинъ мой молодой пріятель, постоянный читатель «Дѣла», выслушавъ мой рассказъ о посѣщеніи мною Достоевскаго, воскликнулъ:

— Брось его слушать! Это ретроградъ. Кто же изъ молодого поколѣнія считаетъ его учителемъ! Или ты солидаренъ съ мракобѣсами?

И странное дѣло: если до этого разговора я колебался и даже чуточку въ душѣ словно былъ недоволенъ словами романиста, то теперь, послѣ такихъ приговоровъ либеральнаго пріятеля, я вдругъ возмутился противъ либерала, началъ горячо защищать Ѳ. М. и сказалъ, что его слово важнѣе для меня цѣлаго стада крикуновъ, кувыркающихся передъ фольговыми кумирчиками!

Я вернулся домой, прочиталъ весь свой романъ, и мнѣ самому онъ, послѣ освѣщенія Достоевскимъ, показался слабымъ. Да, я не зналъ жизни, той жизни, о которой я брался судить и рядить! Не годами я для романа былъ молодъ (хотя и годы еще ранніе: романъ былъ написанъ девятнадцати лѣтъ), а знаніемъ жизни, своею неопытностью. Я еще мало видѣлъ, продумалъ и учился у самой жизни—это главное. И я рѣшилъ поступить такъ, какъ велѣлъ Ѳедоръ Михайловичъ.

Свою мысль я сообщилъ Ник. Ник. Трапезникову, управлявшему книжнымъ магазиномъ Черкесова. Ник. Ник. былъ мой землякъ. Онъ одобрилъ мое рѣшеніе, сказалъ, что «кого же и слушаться, если не его, т. е. Достоевскаго».

Между тѣмъ деньги уходили, и ничего существеннаго не предвидѣлось. Трапезниковъ нѣсколько ободрилъ меня, обѣщая хлопотать насчетъ мѣста въ библиотекѣ Черкесова. Мы же вскорѣ переѣхали на новую квартиру, найдя на Царскосельскомъ проспектѣ болѣе дешевую комнату.

За день до переѣзда на новую квартиру, я по почтѣ послалъ два стихотворенія въ редакцію «Сына Отечества», который тогда

принадлежал нѣкому Успенскому. Многіе въ глуши принимали его за брата одного изъ Успенскихъ (Николая или Глѣба), а одинъ помѣщикъ въ Вологдѣ даже увѣрялъ меня, что это извѣстный писатель—Успенскій.

— Но имя же не то!—возражалъ я.

— Что имя? Ну, опечатка!

Успенскій, издатель «Сына Отечества», не имѣлъ ровно никакого отношенія къ литературѣ. Онъ былъ сначала пѣвчимъ, а потомъ какимъ-то образомъ пріобрѣлъ въ свою собственность «Сынъ Отечества». Это былъ одинъ изъ пионеровъ, одинъ изъ передовыхъ того издательскаго отряда, который теперь захватилъ чуть ли не половину русской журналистики. На сколько было велико знаніе г. Успенскаго, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: онъ печаталъ посылаемые ему стихи нѣкимъ Порошинымъ, не подозрѣвая, что печатаетъ стихи покойнаго Никитина.

Посылая стихи, я приложилъ марку и просилъ отвѣтить мнѣ. Но отвѣта я не получилъ и, выздоровѣвъ, отправился самъ въ редакцію «Сына Отечества».

Въ редакціи находился только какой-то отталкивающаго вида господинъ.

— Что вамъ угодно?—сердито спросилъ онъ меня.

— Могу я видѣть г. редактора?

— Зачѣмъ вамъ его?

— Надо.

— Зачѣмъ, я спрашиваю васъ?

— Я стихи послалъ.

— Когда?

— Недѣлю тому назадъ.

— Тутъ такая масса всякаго сора посылается, что и въ мѣсяцъ съ нимъ не разберешься.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я говорю?—освѣдомился я, глубоко задѣтый грубыми словами непріятнаго господина.

— Я секретарь, или конторщикъ, какъ тамъ хотите.

— Въ такомъ случаѣ,—промолвилъ я,—вы едва ли компетентны и не имѣете никакого права называть соромъ то, что присылаютъ въ журналъ.

— Да что же вы хотите?

— Мнѣ надо видѣть редактора; я съ нимъ, а не съ вами...

— Нельзя его видѣть,—перебилъ грубо секретарь.

— Его нѣтъ дома?

— Дома ли, нѣтъ ли—это все равно... а видѣть его нельзя... Вотъ вамъ и все... Есть когда ему тратить время для всякаго... Мало ли васъ такихъ шляется...

— Послушайте!—перебилъ я его, вспыхивая:—вы забываетесь... вы невѣжа... Вамъ не въ редакціи сидѣть, а...

И, должно быть, сильно повысилъ голосъ, потому что изъ со-
сѣдней комнаты дверь отворилась, и въ контору выглянулъ, какъ
оказалось сейчасъ же, самъ г. Успенскій.

— Что тутъ такое?—спросилъ онъ.

— Да вотъ онъ-съ,—началь секретарь.

— Вашъ конторщикъ (я нарочно подчеркнул это слово) не
умѣетъ совершенно держать себя.

— Что вамъ угодно-съ?

— Я стихи послалъ.

— Ваша фамилія?

Я сказалъ.

— Не помню. Были?—обратился тотъ къ конторщику.

— Не помню, гдѣ же... много ихъ!

— Я тоже не помню... Да это все равно... я бы не взялъ.

— Почему?

— Много слишкомъ. Не знаю, куда и дѣвать!

И онъ, не поклонившись, ушелъ къ себѣ.

Много! Еще бы, когда можно перепечатывать Никитина. Одного
его хватило бы на нѣсколько лѣтъ. «Ну, и редакція!»—подумалъ
я, выходя. Въ то время я не могъ предполагать, что настанетъ
пора, когда антики, въ родѣ только что видѣннаго редактора, не
рестанутъ быть исключеніемъ, что люди едва грамотные, едва под-
писывающіе свою фамилію, станутъ во главѣ изданій и смѣло
будутъ судить и рядить, а почтенные писатели станутъ фигуриро-
вать у нихъ въ качествѣ «главныхъ приказчиковъ», подчасъ испол-
няя ихъ бессмысленныя требованія и невольно помогая съ одной
стороны пониженію тона въ литературѣ, съ другой—униженію
самого писателя.

Заговоривъ о такого рода редакторахъ, я позволю себѣ пере-
дать здѣсь разсказъ покойнаго Сухонина (Шардина) объ издателѣ
петербургской газеты, И. А. Арсеньевѣ (тоже покойномъ).

Приходить къ нему Сухонинъ.

— Ну, батюшка, какую я новость вамъ скажу?—воскликнулъ
Арсеньевъ.

— Что такое?

— Талантъ новый, да какой! Всѣмъ на плечи сядетъ. Я про-
челъ только половину, сейчасъ же и въ типографію послалъ...
чудесно!

— Какъ фамилія?

— Неизвѣстная совсѣмъ. Новичекъ, дебютантъ. Робкій и край-
не бѣдный.

— Дешево продалъ?

— Замѣчательно! За весь романъ взялъ пятьдесятъ рублей.

— Заплатили?

— Иначе и не соглашался. Деньги нужны. Я пробѣжалъ мѣстами, вижу—чудный стиль. Побоялся упустить. Даль. Еще обѣщался принесть. Я, погодите, вотъ сейчасъ вамъ покажу.

Издатель хотѣлъ позвонить, но безъ звонка явился метранпажъ. Онъ былъ крайне смущенъ.

— И. А., вѣдь романъ-то нельзя набирать!

— Какъ нельзя? почему?—воскликнулъ издатель.

— Да вѣдь это господина Лермонтова сочиненіе.

— Какого Лермонтова?

— Извѣстнаго поэта... Вѣдь это «Бѣла».

— Не можетъ быть!

Но это была правда. Издатель прочиталъ половину романа и не понялъ, что читаетъ «Бѣлу» Лермонтова.

Это—фактъ.

Я прибавлю. Одинъ издатель провинціальной газеты говорилъ мнѣ:

— Вы знаете Полежаева?

— Конечно.

— Я вчера прочелъ его стишки. Чудные... Не напишите ли ему, чтобы онъ и намъ прислалъ?

Я долженъ былъ огорчить издателя, сообщивъ, что Полежаевъ давно умеръ.

Однако, продолжаю послѣдовательно мои воспоминанія.

II.

«Дѣтское Чтеніе».—Два слова о журналѣ.—Первая встрѣча съ А. Н. Острогорскимъ.—Планы работъ.—Дальнѣйшія посѣщенія редакціи.—«На перепутьи».—Мое знакомство съ петербургскими писателями.—Оригинальный приказчикъ.—Его курьезные взгляды на писателя.—Сила приказчиковъ.—Я поступаю на службу въ Черкесовскую бібліотеку.—Нашъ «начальникъ» и другіе служащіе.—Хозяйка-нѣмка и мои ночныя работы.—Моя дальнѣйшая служба въ бібліотекѣ.—Редакція «Семейныхъ Вечеровъ».—Какъ я получалъ гонораръ съ одного издателя.—Гонораръ-натурой.—Маленькое разсужденіе.—Я заболѣваю.—Якорь спасенія.—Прежніе «мальчики»—нынѣшніе и будущіе издатели.

«Дѣтское Чтеніе» начало выходить въ 1869 году. Оно было основано въ очень удачное время. Кромѣ «Семейныхъ Вечеровъ», тогда не было ни одного дѣтскаго журнала. Но «Семейные Вечера» влачили жалкое существованіе и мало отвѣчали своей задачѣ. Критика ихъ не замѣчала. Была настоятельная потребность въ хорошемъ здоровомъ дѣтскомъ журналѣ. Эта мысль высказывалась и въ критикѣ. И вотъ этимъ органомъ явилось «Дѣтское Чтеніе», основанное А. Н. Острогорскимъ, съ которымъ на первыхъ порахъ раздѣляли труды редакціи В. П. Острогорскій и В. Висковатовъ. Они были и самые дѣятельные, если не прямо един-

ственные сотрудники журнала. Но онъ быстро пошелъ впередъ, и мало-по-малу къ журналу начали примыкать другіе писатели. Присоединились: Сорокинъ, Н. Александровъ, П. Засодимскій, Ефименко, Самойловичъ и проч. Журналъ понравился публикѣ и скоро приобрѣлъ любовь маленькихъ читателей и симпатіи критики. Печатавъ статьи извѣстныхъ литераторовъ, А. Н. Острогорскій давалъ мѣсто и начинающимъ, помогая имъ совѣтами и проходя опытной рукой по ихъ дебютнымъ работамъ.

Контора «Дѣтскаго Чтенія», въ которой уже были напечатаны два мои разсказа, помѣщалась при книжномъ магазинѣ «Русская Книжная Торговля», на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Армянской церкви. Здѣсь же, въ конторѣ, разъ въ недѣлю, принималъ сотрудниковъ редакторъ журнала Алексѣй Николаевичъ Острогорскій.

Я пошелъ къ нему, чтобы поговорить о новой своей работѣ и кстати получить деньги за послѣдній разсказъ.

Ко мнѣ вышелъ невысокаго роста шатенъ, въ военной формѣ. Я сразу почувствовалъ къ нему симпатію. И его манеры—мягкія, съ какимъ-то оттѣнкомъ женственности, и тихій, нѣсколько слабый, но чрезвычайно пріятный, ровный голосъ, и добрый взглядъ глазъ—все это дѣйствовало успокоительно и необыкновенно хорошо на каждого человѣка, особенно на меня, нервнаго и впечатлительнаго.

Я сообщилъ А. Н. свои планы (я задумалъ тогда писать для дѣтей: «О рыбакахъ на рѣкѣ и на озерѣ»), онъ одобрилъ ихъ, и когда я спросилъ шутливо:

— Благословяете?

Онъ тѣмъ же тономъ, съ улыбкой, сказалъ:

— Благословляю. Только не спѣшите, отдѣлывайте. А еще... скоро я помѣстить не могу.

— Напримѣръ? Если я принесу вамъ въ декабрѣ?

— Раньше апрѣля не помѣщу. То-есть, можетъ быть, и удастся, но не обѣщаю, за то не обнадѣживаю.

У А. Н. было прекрасное правило: не обѣщать того, чего онъ не могъ исполнить. За то, если онъ говорилъ: тогда-то, то на его слово можно было полагаться. А это очень важно, особенно для тѣхъ, кто живетъ литературнымъ заработкомъ.

Послѣ этого раза я частенько началъ заглядывать въ контору Дѣтскаго Чтенія, чтобы отдохнуть душой въ разговорѣ съ А. Н. Я прилежно принялся за работу, и мѣнѣе чѣмъ черезъ мѣсяць у меня были готовы два очерка о рыбакахъ («На рѣкѣ» и «На озерѣ») и еще «Зыряне», этнографическій очеркъ. А. Н. второй очеркъ вернулъ мнѣ тутъ же, въ конторѣ, не читая, сказавъ, что о зырянахъ у него было уже. Очерки же о рыбакахъ взялъ и обѣщаль черезъ недѣлю дать отвѣтъ. Я зашелъ и былъ обрадованъ: очерки не только что приняты, но и понравились А. Н. Этого

день былъ вдвойнѣ радостенъ для меня: редакторъ похвалилъ очерки, а управляющій магазиномъ А. А. Малиновскій сказалъ, что я могу получить деньги за свой предыдущій рассказъ («Нѣмая»).

Познакомившись съ нѣкоторыми служащими въ магазинѣ и конторѣ, я и въ «непріемные» дни заворачивалъ въ магазинъ. Идешь, бывало, мимо и завернешь. Пойдешь въ комнату, находящуюся за магазиномъ, и обращаешься къ артельщику Василию (благобразный блондинъ, типъ хорошаго великоруса).

— А что, есть чаекъ?

— Есть. Когда нѣтъ!

И дѣйствительно всегда былъ.

Сидишь, попиваешь чаекъ; заглянетъ управляющій, кто нибудь изъ приказчиковъ. Здѣсь, въ этой комнатѣ, за чаемъ я познакомился съ П. П. Меркурьевымъ—хозяиномъ журнала, съ Василиемъ Ивановичемъ Яковлевымъ (соиздатель), у котораго всегда находилось для каждаго привѣтливое слово, съ Висковатымъ, писавшимъ въ «Дѣтскомъ Читеніи» статьи по естествознанію, съ извѣстнымъ этнографомъ С. В. Максимовымъ, заходившимъ въ магазинъ, съ Бѣловымъ, кажется, братомъ извѣстнаго педагога, съ романистомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Стахѣевымъ и (впослѣдствіи) съ А. В. Арсеньевымъ, который завѣдывалъ отдѣломъ мастерской учебныхъ пособій, находившимся при магазинѣ. Въ то время Арсеньевъ еще не выступалъ на литературное поприще. Онъ дебютировалъ нѣсколько позже, какъ рецензентъ, въ «Дѣлѣ» разборомъ книги пресловутаго Ливанова. Въ настоящее время онъ пишетъ очень не мало, и его работы по большей части историческаго жанра отличаются занимательностью и старательнымъ, добросовѣстнымъ изученіемъ предмета.

Дмитрій Ивановичъ Стахѣевъ—большой любитель и знатокъ церковнаго пѣнія. Онъ съ восторгомъ рассказывалъ о пѣніи въ Исаакіевскомъ соборѣ, особенно въ великую субботу. Я самъ люблю церковное пѣніе, хотя и не считаю себя знаткомъ, но я стараюсь попасть на каждый духовный концертъ и готовъ на него промѣнять какую угодно оперу. На этой почвѣ «совпаденія вкусовъ» мы и сошлись съ Дмитріемъ Ивановичемъ въ первую же встрѣчу. Вообще Дм. Ив. очень интересный собесѣдникъ, много видѣвшій и обо всемъ судящій не по «камертону», а по своему, продуманно. Его сужденія мѣтки и характерны. Я и тогда еще любилъ встрѣчаться съ нимъ и былъ всегда радъ, если заставалъ его въ конторѣ «Дѣтскаго Читенія».

Иногда въ хмурые осенніе вечера мы (я, Арсеньевъ и главный приказчикъ магазина, нѣкто Иванъ Александровичъ, фамилію я забылъ) играли не помню въ какую именно игру, но помню, что надо было попадать кружечками въ отверстія на ящикѣ.

Иванъ Александровичъ (онъ уже умеръ) былъ толстякъ, лѣни-
вый, какъ Обломовъ, по шутливому выраженію кого-то.

Сидитъ, бывало, И. А. на стулѣ за прилавкомъ. Входитъ по-
купатель.

— Есть у васъ?..

Называетъ книгу.

Ив. Ал. поковыряетъ въ носу, посмотреть въ потолокъ и флег-
матично, гнусая, отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, нѣту.

Покупатель уходитъ.

Обращаешься къ И. А. и замѣчаешь ему:

— Послушайте, какъ же вы говорите, что нѣту. Да вѣдь вотъ
она на верхней полкѣ.

— Ну, что же!—также флегматично отвѣтилъ И. А.: — стоять
подниматься изъ-за сорока копеекъ! Пусть идетъ въ другое мѣсто.

Въ молодости И. А. вращался въ литературныхъ кружкахъ,
зналъ и былъ даже на пріятельской ногѣ со многими писателями,
но изъ всего этого интимнаго знакомства онъ сохранилъ только
воспоминаніе о томъ, кто «больше и лучше пилъ».

Насъ смѣшили его замѣчанія.

Бывало, промахнешься кружечкомъ въ игрѣ, И. А. гнусавитъ:

— Ну, вотъ... а еще писатель!

Отказываешься чуть не отъ десятаго стакана чаю, И. А. опять:

— А еще писатель!

— Причемъ же тутъ писательство, Иванъ Александровичъ?

— Какъ же: писатель, и не можетъ выпить еще чаю!

И говорить это серьезно.

Раздавался общій хохотъ.

Особенно любилъ вспоминать И. А. свое житіе въ комнатѣ съ
однимъ не особенно давно умершимъ публицистомъ.

— Вотъ это писатель!—говорилъ И. А.

— Что? Хорошій?

— Э-э, какъ пилъ! Не хватить водки, керосинъ лупить!

Опять общій хохотъ.

И. А. говариваль:

— Въ моей рукѣ всѣ вы, писатели, сидите.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Приходитъ дама, спрашиваетъ дѣтскую книжку.
Кого хочу—рекомендую, хочу—ни за что не покажу. Пристанеть
очень, скажу—нѣту, и другую сманю.

И онъ это дѣлалъ. Да это и многіе приказчики дѣлаютъ. Вотъ
гдѣ тайна успѣховъ книжекъ, изданныхъ гостинодворцами. Ко
нечно, это возможно только при «родительскомъ невѣжествѣ».

Вернувшись разъ изъ конторы «Дѣтскаго Чтенія», я засталъ
дома Н. Н. Трапезникова.

- Ликуй,—встрѣтилъ онъ меня.
- Что такое? Не наслѣдство ли получилъ?—усмѣхнулся я.
- Нѣтъ, не я, а ты.
- Я получилъ наслѣдство?
- Если не наслѣдство, то покамѣсть мѣсто въ библіотекѣ Черкесова.

Это было очень кстати, ибо «гроши» у меня уходили, аванса изъ «Дѣтскаго Чтенія» получить я не могъ.

На другой же день я отправился въ библіотеку. Главный управляющій фирмы, г. Е—мовъ, встрѣтилъ меня холодно-вѣжливо и представилъ завѣдующему библіотекой Н. И. Анисимову, теперь уже умершему отъ горловой чахотки.

Мнѣ сказали, что я буду получать сначала тридцать рублей.

Н. И. Анисимовъ, человѣкъ невысокаго роста, одѣтый безукоризненно, въ золотыхъ очкахъ, былъ очень недуренъ собою и произвелъ на меня благоприятное впечатлѣніе. Онъ оказался человѣкомъ интеллигентнымъ, развитымъ, называлъ себя шутя «хохломо», любилъ «выпить» и былъ большой охотникъ до прекраснаго пола. Онъ любезничалъ съ посѣтительницами, имѣлъ массу «романовъ», причемъ не дѣлалъ большой разницы между «курсисткой» и «боножкой». Было бы личико смазливое!

Я являлся въ библіотеку въ девять часовъ утра. Въ десять она открывалась. Часъ (отъ 2—3) полагался мнѣ на обѣдъ. Я сѣлся на конку и мчался къ Юсупову саду, гдѣ въ домѣ Яковлева нанималъ комнату (вскорѣ одинъ, ибо С. уѣхалъ въ Вологду) и столовался у хозяйки-вѣмки, которая не дурно готовила «чи», то-есть щи, и давала что-то, похожее на телятину. Эти два блюда она почему-то очень любила.

- Что, у васъ сегодня «чи»?
- Та.
- И телятина?
- Та.

Наскоро поѣвъ, я сѣлся на верхушку конки и ѣхалъ опять въ библіотеку.

Здѣсь я оставался до девяти часовъ вечера, все время проводя въ полутемной, пыльной и душной комнатѣ, работая за «капканами», такъ назывались стальные дуги съ листами для записыванія взятыхъ книгъ. Съ утра до вечера газовое освѣщеніе и воздухъ, насыщенный пылью и пропитанный газомъ. Мечешься отъ одного капкана къ другому, рука устаеетъ, въ глазахъ рябитъ, едва различаешь слова и безпрестанно выкрикиваешь:

- Митя, № 2454!
- Вася младшій, 10 № «Дѣла»!
- Вася старшій, «Голосъ» за январь.

Я являлся домой, совсѣмъ уставшій, разбитый и принимался скорѣе за чай. Мнѣ хотѣлось спать, а между тѣмъ нужно было работать. Я и хотѣлъ писать, да и надо было писать: на тридцать рублей нельзя было жить, тѣмъ болѣе у меня накопились долги, и на мнѣ лежала забота о другомъ лицѣ. Чтобы не уснуть, я выпивалъ нѣсколько стакановъ самаго крѣпкаго чая или кофе и садился за работу. Иногда въ сосѣдней комнатѣ поднимались пѣніе, крики или громкіе разговоры, и начиналась игра на скрипкѣ. Я прерывалъ работу и ожидалъ, когда все кончится. Настоящая моя работа начиналась съ одиннадцати или двѣнадцати часовъ и продолжалась до двухъ, трехъ часовъ ночи, когда я съ разгоряченной головой, съ «колыхающимся мозгомъ», по образному выраженію покойнаго поэта Симборскаго, бросался на диванъ (кровати не было) и засыпалъ тревожнымъ сномъ. Иногда я забывался на креслѣ, на которомъ работалъ. Это случалось тогда, когда крики въ сосѣдней комнатѣ продолжались очень долго, и я, ожидая тишины, засыпалъ, сидя въ креслѣ.

Въ восьмомъ часу меня будила нѣмка, я наскоро пилъ чай съ чернымъ хлѣбомъ и съ масломъ (если были деньги на это) и мчался на службу.

Н. И. Анисимовъ жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщалась и бібліотека Черкесова. Тутъ были очень недурныя меблированныя комнаты.

Какъ-то разъ онъ заввалъ меня къ себѣ послѣ закрытія.

Я зашелъ. Сначала пили чай, потомъ появилась водка и вина. Закусокъ почти не было.

Я выпилъ рюмку и сталъ отказываться. Но Анисимовъ, уже бывшій «навеселѣ», началъ приставать.

— Пей! Не дѣвченка же ты!

— Но я опьянѣю.

— Такъ что же? Доѣдешь.

— Денегъ нѣтъ.

— Авансъ дамъ въ счетъ жалованья.

Мнѣ какъ разъ были очень нужны деньги.

Поздно вернулся я домой и удивилъ хозяйку, которая никогда не видѣла меня «навеселѣ».

Я проспалъ и на другой день явился на службу только около двѣнадцати часовъ. Я ожидалъ выговора со стороны Анисимова, но онъ только улыбнулся и проговорилъ:

— Со вчерашняго?

— Да.

— Надо опохмелиться.

Я не пошелъ къ нему въ этотъ день; получивъ въ счетъ жалованья десять рублей, я полетѣлъ скорѣй въ магазинъ купить себѣ пиджакъ, ибо тотъ, въ которомъ я пріѣхалъ изъ Вологды, уже совсѣмъ износился.

Помощником Анисимова состоялъ нѣкто П*, человекъ очень молчаливый, мягкій, не имѣвшій никакого значенія въ библиотекѣ.

Самымъ веселымъ и беззаботнымъ человекомъ являлся К—гинъ, еще юноша, но получавшій уже порядочный окладъ. К—гинъ напомнилъ мнѣ Лахмина по своей феноменальной памяти и знанію библиотечнаго дѣла. Онъ одинъ только изъ всего состава служащихъ до сихъ поръ вѣренъ Черкесовской библиотекѣ. Уже съ серебромъ въ волосахъ, онъ энергично дежуритъ на своемъ посту, являясь «живымъ каталогомъ», какъ звалъ я его и тогда. Всѣ №№ книгъ онъ знаетъ наизусть. Онъ всегда обязательно любезенъ съ «пишущей братіей» и оказалъ не мало услугъ ей. Но нельзя сказать, чтобы гг. литераторы оказались очень благодарными. Это нѣсколько охладило рвеніе К—гина. Помню еще Кузьмина, составившаго каталогъ и вѣчно сидѣвшаго въ задней комнатѣ, обложеннаго книгами. Я шутя звалъ его Межовымъ № 2-й, кажется, онъ работаетъ теперь въ провинціальной прессѣ.

Изрѣдка я сталъ, однако, заходить къ Анисимову и всегда встрѣчалъ у него когонибудь. Анисимовъ часто исчезалъ днемъ домой, исчезали и тотъ или другой служащій. Сталъ и я исчезать, чтобы отдохнуть отъ работы въ полутемной комнатѣ и въ душной атмосферѣ.

Придешь къ Анисимову якобы за какойнибудь справкой, а онъ сейчасъ угощать.

— Въ библиотеку надо,—скажешь ему.

— Успѣте! Сидите!

И сидишь, пользуясь возможностью не дышать ужаснымъ воздухомъ. А потомъ отпросишься домой раньше срока.

Благодаря «такому» сближенію, я получилъ возможность иногда день-другой не являться на службу, или оставаться дома послѣ обѣда. Пользуясь временемъ, я обдѣлалъ «Зырянъ», написалъ «Геніальнаго помора», «Феофана Прокоповича» и даже критическій этюдъ «Свѣжая струя», разобравъ «Дѣтское Чтеніе» за цѣлый годъ. Особенно много времени отняла у меня послѣдняя работа, такъ какъ я долженъ былъ прочесть всѣ книжки журнала и все это урывками, по ночамъ. Впрочемъ, для составленія очерка о Прокоповичѣ, я также много работалъ не только дома, но и въ Императорской Публичной библиотекѣ, куда ходилъ по воскресеньямъ и въ тѣ дни, въ которые не былъ на службѣ. «Зырянъ» я съ мальчикомъ изъ библиотеки послалъ въ «Семейные Вечера» Кашпиревой, а критическую статью снесъ въ одинъ малоизвѣстный журналъ.

Прошло мѣсяца два, и обѣ статьи появились.

Я ликовалъ и сейчасъ же полетѣлъ получать гонораръ.

Я былъ дважды въ редакціи Семейныхъ Вечеровъ: и оба раза не заставалъ г-жи Кашпиревой. Она вообще не охотно показывалась сотрудникамъ, и не одинъ разъ потомъ я слышалъ ея голосъ въ то время, какъ горничная отвѣчала: барыни нѣтъ дома.

Г-жа Кашпирева приняла меня въ передней и все время бесѣдовала здѣсь, стоя.

Она заплатила мнѣ по пятнадцати рублей съ листа, просила еще дать что нибудь. Я предложилъ написать для дѣтей о Цейлонѣ.

— Вы были развѣ тамъ?—спросила она.

— Нѣтъ.

— Ахъ, это будетъ компиляція! Вотъ если бы вы съѣздили!

— А вы бы заплатили мнѣ за листъ пятнадцать рублей?

— Я не могу больше.

— А мнѣ еще труднѣе на эти деньги ѣхать такъ далеко.

Я въ «Семейныхъ Вечерахъ» напечаталъ еще двѣ-три статьи. Г-жа Кашпирева выразила разъ желаніе, чтобы я печатался только у ней, оставивъ «Дѣтское Чтеніе».

— Но мнѣ тамъ больше платятъ,—сказалъ я.

— Я не могу больше! Но развѣ деньги могутъ имѣть значеніе? Фи!

Я тогда ничего ей не отвѣтилъ. Теперь я бы зналъ, что отвѣтить на это. Я скоро разошелся съ «Семейными Вечерами», во-первыхъ, потому, что тамъ платили уже очень мало, а, во-вторыхъ, мнѣ надобно ходить за нѣсколькими рублями по пяти-шести разъ.

— Барыни нѣтъ дома.

— Мнѣ надо получить деньги.

— Но барыни нѣтъ дома!

А я слышалъ голосъ «барыни», даже ея приказаніе: «скажи, что меня нѣтъ».

Не безъ труда, но я наконецъ получилъ деньги.

Теперь расскажу, какъ получалъ я гонораръ за свою первую критическую статью. Это маленькій рассказъ, эпиграфомъ къ которому можно взять извѣстныя строки поэта:

«Все это было бы смѣшно,

«Когда бы не было такъ грустно».

Ходилъ я за деньгами три раза. «Дома нѣтъ». Встрѣтилъ издателя—извиняется:

— Въ библіотеку вамъ принесу.

Подождалъ. Не несетъ.

А деньги доварѣза нужны. Хозяйка объявила прямо: или деньги, или вонъ. Бросился туда, сюда—не могъ достать.

Пошелъ снова къ издателю, рѣшивъ во что бы то ни стало добыть денегъ.

Прихожу, позвонилъ. Вышла горничная.

— Дома?—я назвалъ издателя по имени.

— Нѣтъ-съ, они уѣхали.

— Ну, что же, я подожду.

— Да они-съ долго не придутъ.

— Ничего, я подожду и долго.

Смутилась горничная, пропустила. Вошелъ я въ переднюю и вижу—ильковая шуба виситъ тутъ. «Эге,—подумаль я:—дома ты, да только не хочешь сказаться. Ну, посмотримъ, кто кого перехитритъ». Раздѣлся и прохожу въ гостинную. Сѣлъ и сижу. Такъ минуло съ часъ, а я все сижу. Горничная войдетъ въ комнату и выйдетъ, опять зайдетъ, посмотреть на меня, улыбнется, и снова выйдетъ а я сижу. Вотъ входитъ невысокаго роста дама. «Вы, говорить, ждете моего мужа?».

— Да, сударыня, его самого.

— Мужа нѣтъ дома.

— Знаю. Я подожду.

— Но онъ долго не будетъ.

— Я долго подожду.

— Онъ, можетъ быть, часа два не будетъ.

— Я и два часа подожду.

Пожала барыня плечами и вышла. Еще часъ прошелъ. Мнѣ ужъ захотѣлось ѣсть. Отправляюсь въ переднюю, достаю изъ пальто колбасу, хлѣбъ и возвращаюсь въ гостинную. Входитъ горничная, я сижу и ѣмъ.

— А что, милая, не принесешь ли мнѣ стаканчикъ воды?

Она улыбнулась, вышла и вернулась черезъ нѣсколько минутъ со стаканомъ воды. Подаетъ и смѣется. И я смѣюсь. Ну, я пообѣдалъ, запилъ водой, взялъ со стола какую-то газету, сижу и читаю. Вдругъ, вижу, затворяется дверь изъ передней въ гостинную. Это, признаюсь, меня немного озадачило. Вотъ, думаю, штука! Это значитъ, онъ хочетъ уйти изъ дому. Скверно! Я всталъ и вышелъ въ переднюю; смотрю: ильковой шубы ужъ нѣтъ. Сердце у меня такъ и упало. Что дѣлать? Да вдругъ такая злость меня взяла, что я рѣшился сидѣть хоть до утра, а добиться, и я съ такою рѣшимостью вернулся въ гостинную. Не прошло и пяти минутъ, какъ слышу сильный звонокъ, отворяется дверь, и входитъ въ гостинную издатель. Тутъ только я понялъ, въ чемъ дѣло. Увидѣвъ, что меня не пересидѣть, онъ рѣшился «сломать комедию». Вѣдь не признаваться же, что онъ спрятался; ну, вотъ и сдѣлали такъ: горничная ему вынесла шубу, онъ одѣлся, вышелъ заднимъ крыльцомъ и теперь какъ будто только что явился домой. Вошелъ и руки потираетъ, какъ будто съ холода.

— А, Александръ Васильевичъ! очень пріятно! А я все собирался къ вамъ заѣхать, завести деньги, да никакъ нельзя было: такая масса работы, ни минуты свободной.

Говорить это, улыбается, а въ голосѣ — злоба; глазами такъ и хочетъ меня съѣсть. Весело стало у меня на душѣ. Что, думаю, попался, побѣдилъ я тебя!

— Ничего,—отвѣтилъ я:—все равно теперь отдадите.

— Сейчасъ, сейчасъ! подождите немного, я произведу расчетъ.

Ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ является и подаетъ мнѣ деньги.

— Не угодно ли? У васъ ровно печатный листъ.

— Да, печатный листъ.

Развернулъ деньги, смотрю: двѣнадцать рублей. Положимъ, я—литераторъ начинающій, а, всетаки, двѣнадцать рублей за листъ мало. Выражаю это. Издатель пожалъ плечами и промолвилъ:

— Да оно, конечно, не много, но у меня ужъ такія условія. Вѣдь мнѣ журналъ ничего не даетъ; я издаю ради идеи. Да и условій своихъ вы не выставили!

Онъ подаль мнѣ руку.

Ну, что дѣлать! Хорошо, что и двѣнадцать получилъ.

Я раскланялся и вышелъ. Горничная едва отъ смѣха удерживается, а какъ стала запираеть двери и говорить:

— Ну, баринъ, перехитрили же вы нашего! Не многимъ это дается.

Пойдешь на все, если въ перспективѣ—ночевка на улицѣ. Въ библиотекѣ я забралъ уже за два мѣсяца. Болѣзнь дѣвушки, пріѣхавшей со мною изъ Вологды и не нашедшей работы, втянула меня въ большіе долги.

Всѣ удивлялись, что я получилъ деньги.

— Онъ никому не платитъ!—сказалъ Трапезниковъ.

Но это еще куда ни шло—такъ получать гонораръ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось узнать объ оригинальномъ расчетѣ съ сотрудникомъ «натурою». Кстати расскажу объ этомъ здѣсь же.

Приходитъ нѣкто въ редакцію «Московской Газеты» и проситъ у издателя денегъ.

Издатель руками замахалъ.

— Не могу! Ничего нѣтъ. Подождите дня три.

— Нельзя ждать!—рѣшительно отвѣчаетъ литераторъ.

— Да что такое?—спрашиваетъ издатель:—на что вамъ такъ понадобилось сегодня?

— Брюкъ,—отвѣчаетъ сотрудникъ,—нѣтъ у меня.

— Какъ такъ?—изумился издатель:—вѣдь вы же въ брюкахъ?

— Да, говорить, въ брюкахъ-то, въ брюкахъ, только никакъ наклониться нельзя, потому что...

Захоталъ было издатель, потомъ вдругъ оборвалъ свой смѣхъ, замолкъ и началъ разсматривать сотрудника, мѣривъ его глазами съ ногъ до головы.

— Голубчикъ!—воскликнулъ онъ весело:—да мы съ вами одного роста.

— Ну, одного,—отвѣчаетъ тотъ:—что же изъ этого?

— Голубчикъ, возьмите мои брюки. Я только что третьяго дня купилъ, совсѣмъ новенькіе.

Сотрудникъ невольно смутился, но издатель сталъ его успокаивать.

— Какъ же вы сами-то безъ брюкъ? — озабоченно спросилъ сотрудникъ.

— Голубчикъ, ничего, у меня дома есть другіе.

— Да, но теперь-то какъ же? Поѣдете домой въ чемъ?

— Ничего, я въ крылаткѣ, не видать. Надѣвайте, примѣривайте, только бы въ пору, а обо мнѣ не беспокойтесь.

Издатель живо раздѣлся, сотрудникъ тоже и... о, восторгъ! Брюки пришили какъ разъ въ пору.

Въ ту самую минуту, какъ издатель газеты хлопалъ по плечу сотрудника, выхваляя свои брюки съ ловкостью апраксинца, вошелъ секретарь и доложилъ, что издателя спрашиваетъ какая-то дама.

— Ахъ, ахъ, сейчасъ!

И полетѣлъ было за секретаремъ въ модномъ пиджачкѣ... безъ брюкъ; но сотрудникъ остановилъ его. Тогда онъ надѣлъ на себя крылатку и вышелъ «для объясненій».

Вотъ при какихъ условіяхъ приходится иному писать. О, это совсѣмъ не то, что творить въ комфортабельномъ кабинетѣ или въ помѣстьи, на готовыхъ хлѣбахъ.

Работа по ночамъ, недосыпаніе, плохое питаніе, сильно разстроили мое и безъ того слабое здоровье. А занятія въ библиотекѣ при газѣ, въ пыли, вредно отозвались на глазахъ. Пришлось обратиться къ врачамъ. Мнѣ было велѣно вообще отдохнуть, а главнымъ образомъ не работать по ночамъ; извѣстный окулистъ Блессигъ (теперь уже покойный) запретилъ мнѣ совсѣмъ читать нѣкоторое время.

Я не зналъ, что и дѣлать, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно было заботиться не о себѣ одномъ.

Но тутъ на выручку явился фельдшеръ глазной больницы, М—ый, на очень льготныхъ условіяхъ предложившій жить у него въ квартирѣ. Онъ имѣлъ казенную квартиру въ двѣ комнаты. Одну комнату онъ уступалъ мнѣ.

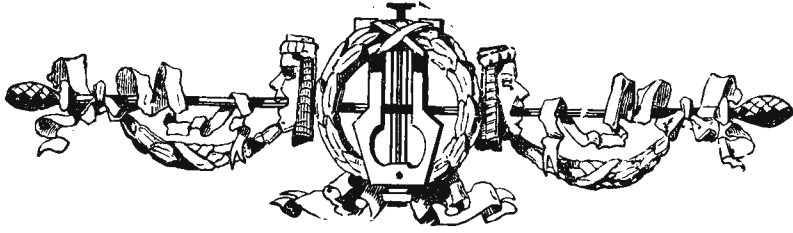
Я отказался отъ занятій въ библиотекѣ Черкесова и переѣхалъ къ М—му, чтобы за одно лечиться серьезно отъ болѣзни глазъ.

Не думая уже еще разъ возвращаться къ Черкесовской библиотекѣ, я хочу теперь кстати замѣтить, что двумъ «мальчикамъ», служившимъ у Черкесова, очень повезло. Одинъ изъ нихъ (Вася старшій) теперь управляющій книжнымъ магазиномъ Н. П. Карбасникова (въ Москвѣ), быть можетъ, въ скоромъ будущемъ хозяинъ и издатель, а другой — извѣстный книгопродавецъ Панафидинъ.

Тогда я и не думалъ, что онъ впоследствии явится моимъ издателемъ. Но это случилось. Онъ издалъ мою книгу «Дѣти лѣсовъ».

А. Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾

XIV.

Сослуживцы.—И. И. Сосницкій.—Давнишнее мое съ нимъ знакомство.—Уборная Сосницкаго.—Иванъ Ивановичъ въ роляхъ Городничаго и Репетилова.—Отношеніе Н. В. Гоголя къ дарованію Сосницкаго.—Письмо Гоголя.—Русскій баринъ съ французскими манерами.—Фигаро.—Аннонсы.—Отставка Сосницкаго.—Вниманіе къ нему государя.—Вторичное поступленіе.—Е. Я. Сосницкая.—Стихи Пушкина, посвященные ей.—Визитъ Самарина къ Сосницкому.—Строгий и нравоучительный пріемъ.—Мои уроки у Сосницкаго.—Роль Чацкаго.—Смѣхъ на пятнадцать манеръ.—Участіе Ив. Ив. въ одномъ спектаклѣ съ Дмитревскимъ.—100-лѣтіе русскаго театра.—Предварительное празднество юбилея Сосницкаго.—Привѣтственные куплеты Леонидова.—Стихотвореніе Каратыгина.—Подгулявшій А. М. Максимовъ.—Настоящее юбилейное торжество.—Высочайшая награда.—Рѣчь Н. А. Потѣхина.—Эпиграмма Каратыгина.—Поздравленія Куликова и Каратыгина.—Танцы.—Мазурка съ юбиляромъ.—Усталость Сосницкаго.—Отвѣтный обѣдъ юбиляра.

ОТЪ НАЧАЛЬСТВА естественный переходъ къ сослуживцамъ, которыхъ въ тридцатипяти-лѣтній промежутокъ моей службы было безчисленное множество.

Начну съ самаго старѣйшаго изъ нихъ, «дѣда русской сцены», Ивана Ивановича Сосницкаго, котораго я знавалъ еще задолго до своего поступленія въ Александринскій театръ, а именно въ раннемъ дѣтствѣ, когда онъ при наѣздахъ въ Москву посѣщалъ моего отца, доводившагося ему старымъ пріятелемъ. По переселеніи же своемъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LV, стр. 669.

въ Петербургъ, я былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ его знакомыхъ и долгое время пользовался его уроками въ первое время моей службы.

Сосницкій памятью другихъ для меня еще и потому, что лѣтъ десять подрядъ я одѣвался въ одной съ нимъ уборной, кстати сказать, нынѣ уже упраздненной. До меня эта уборная принадлежала знаменитымъ трагикамъ В. А. Каратыгину и Брянскому; еще въ ихъ времена Иванъ Ивановичъ на свой счетъ устроилъ себѣ отдѣльный «уголокъ» на антресоляхъ, на которые вела круглая маленькая лѣстница. Уголокъ Сосницкаго былъ чистенько обставленъ диваномъ, столомъ и шкафами, для храненія его париковъ и аксессуаровъ; полъ былъ обтянутъ ковромъ. Кромѣ того, въ одной изъ стѣнокъ антреселей существовало окно, изъ котораго Иванъ Ивановичъ разговаривалъ съ нижними сосѣдями, съ наслажденіемъ покуривая трубочку. Потолокъ импровизированной уборной Сосницкаго былъ такъ низокъ, что когда устроила въ Александринскомъ театрѣ газовое освѣщеніе, то температура доходила въ ней до 40 градусовъ, то-есть получалась чуть ли не африканская жара.

Прежде чѣмъ говорить о характерѣ, странностяхъ и эпизодахъ изъ жизни «дѣда русской сцены», слѣдуетъ замѣтить для свѣдѣнія лицъ, мало знакомыхъ съ петербургскимъ театромъ, что Сосницкій былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и талантливыхъ артистовъ своего времени. Онъ съ честью прослужилъ на императорской сценѣ 62 года и до послѣднихъ дней службы былъ тонкимъ художникомъ и выдающимся артистомъ.

Въ молодости Иванъ Ивановичъ игралъ преимущественно молодыхъ повѣсь, любовниковъ, превосходно танцевалъ, въ особенности мазурку, и былъ законодателемъ моды для всей столичной молодежи. Впослѣдствіи онъ былъ единственнымъ исполнителемъ гоголевскаго Городничаго и грибоѣдовскаго Репетилова. Кто не видѣлъ его въ роли Сквозника-Дмухановскаго, тотъ можетъ найти въ сочиненіяхъ Н. В. Гоголя письмо автора, восторженно отзывающагося объ исполненіи Сосницкимъ этой главной роли. Какъ творецъ «Ревизора» вѣрилъ въ талантъ Ивана Ивановича, можно видѣть изъ этого же письма, въ которомъ онъ высказываетъ свое неудовольствіе на игру Дюра, не справившагося съ задачею автора при исполненіи Хлестакова; Гоголь просилъ Сосницкаго сыграть роль Хлестакова на школьной сценѣ, специально для актеровъ, чтобы показать, какимъ долженъ быть этотъ герой знаменитой комедіи. Собственноручное письмо Николая Васильевича Гоголя съ этой просьбой Иванъ Ивановичъ показывалъ мнѣ нѣсколько разъ и всегда при этомъ умилялся до слезъ. Изъ скромности же онъ не исполнилъ этой просьбы автора. Въ роли Репетилова («Горе отъ ума») Сосницкій до сихъ поръ не имѣетъ соперниковъ. Этою эпизодическою ролью Грибоѣдовъ сдѣлалъ художественный снимокъ

съ нѣкогого Шатилова. Иванъ Ивановичъ, знавшій его лично, такъ же въ свою очередь художественно воспроизвелъ его оригинальную фигуру на сценѣ, и въ общемъ получался замѣчательный типъ, часто встрѣчавшійся въ тогдашнемъ обществѣ.

Сосницкій неподражаемо хорошо игралъ различныхъ маркизовъ въ старинныхъ французскихъ мелодрамахъ, когда-то царившихъ на русской сценѣ, и, вѣроятно, поэтому до старости сохранилъ типъ русскаго барина съ манерами французскаго аристократа.

По его собственнымъ рассказамъ, роль Фигаро въ знаменитой комедіи Бомарше «Свадьба Фигаро» упрочила его артистическую репутацію. Онъ съ такимъ необычайнымъ успѣхомъ и съ такою заразительною веселостью игралъ въ этой комедіи, что тогдашніе артисты французской труппы единогласно признали его превосходство передъ всѣми своими соотечественниками, появившимися въ этой роли.

Въ старину на Сосницкомъ лежала скучная обязанность каждый вечеръ облекаться во фракъ и дѣлать со сцены анонсы о слѣдующемъ спектаклѣ. Талантливый артистъ, однако, этимъ не тяготился и много лѣтъ подрядъ докладывалъ «почтеннѣйшей публикѣ» о завтрашнемъ представленіи. Одно время Сосницкому были поручены режиссерскія обязанности, но на эту должность онъ оказался непригоднымъ и вскорѣ же сложилъ съ себя это почетное званіе.

Онъ пользовался любовью многихъ особъ царской фамиліи и въ особенности императора Николая Павловича. Однажды, при директорствѣ А. М. Геденова, Сосницкій просилъ прибавки къ содержанію, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что многіе изъ младшихъ его товарищей получаютъ гораздо болѣе его. Ему въ этой законной просьбѣ было отказано. Иванъ Ивановичъ обидѣлся и подалъ въ отставку. Дирекція ни на минуту не задумалась и съ легкимъ сердцемъ уволила его отъ службы.

Черезъ нѣкоторое время на представленіе «Ревизора», дававшегося съ Григорьевымъ I въ роли Городничаго, пріѣхалъ въ театръ государь. Удивленный отсутствіемъ Сосницкаго, онъ призвалъ къ себѣ въ антрактѣ Геденова и спросилъ:

- Почему Городничимъ не Сосницкій?
- Сосницкій болѣе не служитъ у насъ, ваше величество.
- Какъ не служить?! Это для меня новость!! Почему?
- Требовалъ слишкомъ крупную прибавку, хотѣлъ непременно получать тридцать пять рублей разовыхъ. Дирекція на это не согласилась, онъ закапризничалъ и отказался отъ службы.

— По моему, онъ правъ,—сказалъ Николай Павловичъ.— Онъ знаетъ себѣ цѣну и совершенно резонно требуетъ прибавки. На его мѣстѣ я сдѣлалъ бы то же самое... Нельзя ли это дѣло какъ

можно скорѣе поправить? Передай ему мое желаніе, чтобы онъ возвратился въ театръ, и дай ему то, что онъ просить.

На другое утро Гедеоновъ отправилъ чиновника изъ конторы къ Сосницкому съ этимъ пріятнымъ для него извѣстіемъ. Иванъ Ивановичъ былъ такъ тронутъ вниманіемъ государя, что просилъ посланнаго тотчасъ же передать директору о своей готовности продолжать службу безъ всякой прибавки. Однако, ему были увеличены разовыя, и онъ снова вступилъ въ составъ русской драмы.

Жена Ивана Ивановича Сосницкаго, Елена Яковлевна, которой я, при поступленіи своемъ на сцену, уже не засталъ въ живыхъ, была такъ же одною изъ талантливѣйшихъ актрисъ императорскаго театра. Въ молодости она, по общему свидѣтельству всѣхъ, знавшихъ ее, отличалась красотой, въ доказательство чего приводили стихи А. С. Пушкина, посвященные ей:

Е. Я. С.

«Вы соединить могли съ холодною сердечной
 Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей.
 «Кто любить васъ, тотъ очень глупъ, конечно,
 «А кто не любить васъ, тотъ во сто разъ глупѣй».

Въ жизни это была энергичная, строгая и вспыльчивая особа. Московскій актеръ И. В. Самаринъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ былъ сконфуженъ пріемомъ, сдѣланнымъ ему Еленой Яковлевной, когда онъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и счелъ долгомъ явиться къ Сосницкому съ визитомъ.

— Подойдя къ парадной двери квартиры Сосницкаго, — повѣствовалъ Иванъ Васильевичъ, — я взялся за звонокъ, который, выскользнувъ изъ моихъ рукъ, пронзительно задребезжалъ. Меня быстро впустили и попросили пройти въ зало. Черезъ нѣсколько минутъ, вмѣсто ожидаемаго Сосницкаго, въ дверяхъ появляется его супруга Елена Яковлевна. Я привсталъ и только что хотѣлъ отрекомендоваться, какъ она внушительно и сурово спрашиваетъ меня:

— Это вы, молодой человѣкъ, такъ громко звоните?

— Извините ради Бога, — сконфуженно отвѣчаю, — это произошло совершенно нечаянно...

— Ничего, ничего, — тѣмъ же тономъ перебила меня Сосницкая. — Я хотѣла вамъ лишь замѣтить, что такъ звонить можетъ только или мужъ, или дуракъ.

Зная Сосницкаго за превосходнаго учителя, при первыхъ своихъ дебютахъ на сценѣ Александринскаго театра я обратился къ нему съ просьбой заняться со мной разучиваніемъ роли изъ новой пьесы Н. Потѣхина «Дока на доку напелъ». Онъ съ удовольствіемъ взялся за это и сталъ мнѣ показывать, какъ нужно играть. Тутъ только я понялъ, какимъ тонкимъ знатокомъ искус-

ства былъ этотъ почтенный старикъ; тутъ только я понялъ, какъ много требуется отъ актера, желающаго серьезно служить дѣлу. Школьные преподаватели, при сравненіи съ Сосницкимъ, казались мнѣ сами школьниками.

Иванъ Ивановичъ былъ до того требователенъ даже въ мелочахъ, что просто наводилъ на меня страхъ какъ при урокахъ, такъ и на репетиціяхъ пьесы Потѣхина, въ которой участвовалъ самъ.

Впослѣдствіи я попросилъ Сосницкаго пройти со мной роль Чацкаго («Горе отъ ума»), которую я получилъ для исполненія въ бенефисъ покойной Левкѣевой. Хотя эту роль я уже не разъ игралъ на школьной сценѣ, однако сомнѣвался въ своихъ силахъ и непремѣнно хотѣлъ переучить ее подъ руководствомъ Ивана Ивановича, который предложилъ мнѣ прочесть ему для пробы первый актъ. Когда я окончилъ чтеніе, онъ задумчиво спросилъ:

— А скоро ли тебѣ придется играть Чацкаго?

— Черезъ двѣ недѣли, — отвѣчаю.

— Черезъ двѣ недѣли? — удивленно переспросилъ Сосницкій. — Ну, братецъ, бѣги скорѣе въ театръ и отказывайся отъ этой роли.

— Какъ же можно отказываться?! — испуганно возразилъ я. — Помилуйте, Иванъ Ивановичъ, такія роли даются не часто. Нужно ими дорожить и во что бы то ни стало играть.

— Я это тебѣ совѣтую потому, что ты понятія не имѣешь о стихахъ Грибоѣдова. Тебѣ нужно учить Чацкаго не двѣ недѣли, а, можетъ быть, два года, да и то будешь ли ты въ немъ приличенъ, не поручусь...

Тутъ онъ самъ прочелъ мнѣ одинъ изъ актовъ этой комедіи, и я согласился, что онъ правъ. Болѣе художественнаго чтенія комедіи Грибоѣдова представить себѣ нельзя. Какъ ни была плоха моя передача роли Чацкаго, однако, я не хотѣлъ отъ нея отказываться и послѣ долгаго разговора убѣдилъ Сосницкаго помочь мнѣ въ разучиваніи. Онъ приказалъ мнѣ аккуратно два раза въ день являться къ нему. На сколько эти уроки принесли пользы, судить не мнѣ, но эту роль въ комедіи Грибоѣдова я долгое время и съ успѣхомъ игралъ на императорской сценѣ.

Показывая мнѣ разныя разности въ дѣлѣ драматическаго искусства, Сосницкій однажды представилъ мнѣ человѣческій смѣхъ въ различныхъ формахъ; онъ хохоталъ по крайней мѣрѣ на пятнадцать манеръ, и каждый хохотъ былъ въ высшей степени разителенъ и натураленъ.

Въ юности Иванъ Ивановичъ игралъ однажды въ одной пьесѣ съ знаменитымъ Дмитревскимъ (въ то время уже старцемъ), который, вмѣстѣ съ основателемъ русскаго театра Ѳ. Г. Волковымъ, считается первымъ появившимся на Руси актеромъ. Такимъ образомъ, Сосницкій былъ звеномъ, связующимъ двѣ театральныя

эпохи, и поэтому при торжественномъ празднованіи 100-лѣтія русскаго театра ¹⁾ на сценѣ Большаго театра Сосницкій не въ примѣръ прочимъ за свое участіе получилъ высочайшую награду: ему было прибавлено къ получаемому пенсіону семьсотъ рублей.

Иванъ Ивановичъ Сосницкій.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого праздника, за кулисами стали поговаривать о пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Сосницкаго. Его друзья, поклонники и сверстники утверждали, что пора эта наступаетъ. Начались хлопоты о торжественномъ юбилейномъ спек-

¹⁾ Въ концѣ пятидесятихъ годовъ.
«истор. вѣсти.», апрѣль, 1894 г., т. LVІ.

таклѣ, театральная же контора медлила съ разрѣшеніемъ, отвѣчая на всѣ запросы, что будто бы по ея справкамъ пятидесятилѣтіе службы «дѣда русской сцены» вовсе не такъ близко, какъ кажется устроителямъ, желавшимъ чествовать Ивана Ивановича. Нетерпѣніе друзей Сосницкаго въ этомъ случаѣ было такъ велико, что одинъ изъ нихъ, нынѣ тоже покойный Л. Л. Леонидовъ, пожелалъ устроить предварительное празднество юбилея въ тѣсномъ кружкѣ въ своей квартирѣ. Для этого приготовлено было достаточное количество рѣчей, стиховъ, музыки и поднесеній. Отъ Ивана Ивановича все это, конечно, тщательно скрывалось. Когда же наступилъ этотъ день «предварительнаго юбилея», отъ Леонидова поѣхали за виновникомъ торжества два депутата, выбранные всѣмъ присутствующимъ обществомъ, пѣвецъ О. А. Петровъ и П. А. Каратыгинъ. Они забрали его съ собой въ томъ, въ чемъ онъ былъ дома, подъ предлогомъ поѣздки на товарищескую пирושку.

Изумленію Сосницкаго не было границъ, когда онъ, войдя въ квартиру Леонидова, увидалъ массу актеровъ и знакомыхъ друзей, облаченныхъ во фраки и бѣлые галстуки. Начались поздравленія, чтеніе рѣчей, стихотвореній и даже пѣніе подъ специально написанную Аубелемъ музыку ¹⁾ на слова, сочиненныя хозяиномъ дома Леонидовымъ. Эти стихи не отличались поэзіей, но зато таили въ себѣ много искренняго чувства. Акомпанировалъ оперный капельмейстеръ К. Н. Лядовъ, пѣлъ Петровъ. Нѣкоторыя строфы изъ этого музыкальнаго привѣтствія сохранились въ моей памяти. Начало его таково:

«Грянъ ляхая
 «Пѣснь былая!
 «Пойте всѣ искусству въ даръ,
 «Пойте, дѣда вспоминая
 «И его репертуаръ!

«Онъ былъ истиннымъ артистомъ,
 «Представляя типы лицъ,
 «Былъ танцоромъ, машинистомъ,
 «Видостаномъ средѣ пѣвицъ.

«Ловкій, статный, съ звучной рѣчью,
 «Онъ гусаръ былъ удалой;
 «Онъ давалъ просторъ сердечью,
 «Представляя свѣтъ большой.

«Вспомни сюжетный п выходной,
 «Народный и свитскій ²⁾,
 «Какимъ артистомъ былъ дѣдъ Сосницкій».

И т. д. въ этомъ же родѣ.

¹⁾ Мазурку.

²⁾ Актеръ, выходящій на сцену въ свитѣ.

Когда же всё присутствующіе сѣли за трапезу, П. А. Каратыгинъ прочелъ прелестное стихотвореніе ¹⁾.

«Сосницкій! Юбилей твой впереди у насъ,
«О немъ идутъ пока переговоры.
«Не дождалися мы на этотъ разъ,
«Чтобъ разрѣшенье намъ прислали изъ конторы.

«Но кто радъ празднику, такъ тотъ до свѣта пьянъ.
«Твой праздникъ—торжество заслуги и искусства.
«Твое здоровье, нашъ почтенный ветеранъ!
«Побратски пьемъ его отъ искренняго чувства.

«Своимъ талантомъ ты театръ нашъ украшалъ,
«Былъ представителемъ искусства ты полвѣка,
«И кто-жъ въ лицѣ твоёмъ изъ насъ не уважалъ
«Артиста честнаго, прямаго человѣка?

«Итакъ достойному—достойно воздадимъ:
«Поклонимся ему, какъ старшему межъ нами,
«И многолѣтіе ему провозгласимъ
«Единымъ сердцемъ и устами».

Послѣ этого чтенія сейчасъ же, не выходя изъ-за стола, всё присутствующіе пропѣли «многая лѣта». Сосницкій всёмъ происходившимъ былъ тронуть до слезъ.

Вообще день этотъ прошель весело, шумно и свѣжо сохранился въ моей памяти. Покойный артистъ Алексѣй Михайловичъ Максимовъ такъ подгулялъ, что въ концѣ вечера у него вдругъ потемнѣло въ глазахъ. Когда нужно было увозить его домой, онъ громко заявлялъ:

— Темно! Свѣту, какъ можно больше свѣту! Давайте огня! Еще, еще и еще!

И онъ до тѣхъ поръ не вышелъ изъ квартиры Леонидова, пока не разставили по всей лѣстницѣ, чуть не на каждой ступени по свѣчкѣ, причемъ двое сопровождали его до самой кареты съ большими массивными канделябрами.

Это празднество было увертюрой настоящему торжеству, имѣвшему мѣсто въ залѣ Руадзе, нынѣ Кононова, 22-го марта 1861 года. На этомъ юбилейѣ присутствовали два директора императорскихъ театровъ: только-что вышедшій въ отставку А. М. Гедеоновъ и вновь поступившій А. И. Сабуровъ. Изъ Москвы въ качествѣ депутатовъ пріѣхали знаменитый М. С. Щепкинъ и С. В. Шумскій, привѣтствовавшіе Ивана Ивановича адресомъ отъ московской императорской труппы. Не было недостатка въ литераторахъ, ученыхъ и самыхъ знатныхъ людяхъ изъ высшаго столич-

¹⁾ Кажется, оно гдѣ-то было напечатано, но кстати не грѣхъ его повторить.

наго общества, не говоря уже о полномъ сборѣ всего артистическаго міра Петербурга.

Заль былъ великолѣпно декорированъ. Оркестръ русской оперы съ капельмейстеромъ К. Н. Лядовымъ во главѣ. Бюстъ Сосницкаго возвышался эффектно среди зелени у главной стѣны. Всѣ собрались заранѣе до появленія юбиляра, за которымъ поѣхали старѣйшіе изъ артистовъ: пѣвецъ О. А. Петровъ, заслуженный балетный артистъ Н. О. Гольцъ и П. А. Каратыгинъ.

Иванъ Ивановичъ былъ встрѣченъ всѣми еще на лѣстницѣ. Музыка гремѣла. Его ввели въ залъ, гдѣ первыя поздравленія начались отъ женщинъ, которыя, чуть не рыдая, привѣтствовали его и поднесли отъ артистовъ золотой лавровый вѣнокъ. Прежде всѣхъ говорила Е. Н. Жулева, вслѣдъ же за ней покойная Ю. Н. Линская, и до того расчувствовалась, что, прочтя поздравительное стихотвореніе, поклонилась Сосницкому въ ноги, чѣмъ неслыханно его сконфузила и смутила также точно, какъ и тогдашній режиссеръ нѣмецкой труппы Толлертъ, который въ свою очередь, прочитавъ неподобныя нѣмецкіе стихи, схватилъ руку юбиляра и поцѣловалъ ее. Шумскій прочелъ адресъ московскихъ артистовъ, и потомъ начались общія поздравленія, поцѣлуи и слезы. Послѣ этого оба директора Геденовъ и Сабуровъ взяли подъ руки Ивана Ивановича и торжественно повели къ обѣденному столу и, усадивъ его на главное мѣсто, сами помѣстились съ нимъ рядомъ, по обѣимъ сторонамъ. Музыка не умолкая гремѣла до того момента, когда передъ вторымъ блюдомъ, при чемъ бокалы были уже наполнены шампанскимъ, директоръ Сабуровъ, остановивъ оркестръ, громко объявилъ монаршую милость юбиляру и подалъ ему, привезенную съ собой, первую пожалованную русскому актеру золотую медаль на андреевской лентѣ съ надписью «за отличіе».

Сосницкій заплакалъ, поклонился до земли и, поцѣловавъ медаль, просилъ Сабурова собственноручно надѣть ее на него, что тотъ и исполнилъ.

Оркестръ грянулъ гимнъ и всѣ торжественно пропѣли «Боже, Царя храни»; эти минуты до того были трогательны и торжественны, что не поддаются описанію.

Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Читалось множество рѣчей, изъ которыхъ самая лучшая была полковника Лебедева (редактора «Русскаго Инвалида») и самая неудачная драматурга Н. А. Потѣхина. Послѣдній до того запутался въ своей рѣчи, что, начавъ говорить прозой, вдругъ вспомнилъ о какихъ-то стихахъ, сложившихся у него тутъ же во время обѣда, и сталъ читать ихъ. Но ни стихи, ни проза, успѣха не имѣли, и онъ, окончательно сконфуженный, поневолѣ смолкъ. По поводу этого обстоятельства всегда находчивый П. А. Каратыгинъ написалъ моментально колкую эпиграмму:

«Потѣхинъ рѣчью насъ своею озадачилъ:
 «Онъ началъ прозою, но сбился вдругъ и стихъ,
 «Потомъ стихи читать какіе-то онъ началъ
 «И снова замолчалъ. Такой ужъ, видно, стихъ!
 «Пусть краснорѣчья онъ не обладаетъ даромъ,
 «Зато Потѣхинымъ зовется ужъ не даромъ».

Трудно теперь припомнить, кѣмъ и что говорилось на этомъ обѣдѣ, но лучше всего вышли стихи Н. И. Куликова при поднесеніи Сосницкому портретовъ всѣхъ артистовъ сослуживцевъ. Вотъ эти стихи, прочитанные покойнымъ актеромъ П. С. Степановымъ:

«Иванъ Ивановичъ! Вы были
 «Примѣръ сценическій для насъ;
 «Васъ современники цѣнили,
 «Оцѣнять и потомки васъ!

«Когда міръ старый театральный
 «Въ игрѣ фальшивой, идеальной
 «О простотѣ едва мечталъ,
 «Тогда Сосницкій гениальный
 «Игрой простой и натуральной
 «Всѣхъ иностранцевъ удивлялъ.

«Но, кромѣ этого, повѣка
 «Вашъ домъ артистамъ былъ какъ свой.
 «Мы любимъ васъ, какъ человека
 «Съ добрѣйшимъ сердцемъ и душой.
 «Примите же на память это
 «Въ даръ отъ товарищей-друзей,
 «И дай Богъ многія вамъ лѣта,
 «А намъ бы справить веселѣй
 «Вашъ и столѣтній юбилей».

И еще небольшіе стихи Каратыгина, который потому только и сказалъ ихъ, что къ нему слишкомъ усердно всѣ приставали съ просьбою откликнуться на общее торжество. Онъ привсталъ и прочелъ слѣдующее, вызвавшее бурю аплодисментовъ, стихотвореніе:

«Сосницкій, что тебѣ здѣсь многіе сказали,
 «Добавить къ этому найдется что едва ли.
 «И я бы, можетъ быть, прочелъ тебѣ стихи,
 «Да не напомнить бы Демьяновой ухи.
 «Такъ попросту, безъ длиннаго куплета,
 «Скажу одно: будь здравъ на многи лѣта».

Послѣ обѣда начались танцы, въ разгарѣ которыхъ всѣ пристали къ Сосницкому, чтобы онъ самъ протанцевалъ мазурку, въ которой въ прежнія времена не зналъ себѣ соперниковъ. Какъ это ни было ему трудно, однако онъ уступилъ общему желанію и лихо протанцевалъ два или три тура. По этому случаю всѣ присутствующіе громко выражали ему свое одобреніе восторженными восклицаніями.

паніями и апплодисментами. Въ концѣ-концовъ юбиляра до того замучили, затормошили, не давая ему ни одной минуты вздохнуть свободно, что онъ, улучивъ моментъ, схватилъ меня за руку и тихо проговорилъ:

— Послушай, мой другъ, выручи меня: проводи какъ нибудь незамѣтно въ уборную. Еще немного и... я не знаю, что можетъ со мной случиться. Проведи, дай освѣжиться... Всѣ, не исключая даже лакеевъ, смотрятъ на меня, какъ на какое нибудь чудовище!

Вскорѣ послѣ юбилейнаго торжества онъ созвалъ къ себѣ почти всѣхъ участвовавшихъ въ немъ и сдѣлалъ роскошное угощеніе. Въ гостиной же своей устроилъ нишу, декорированную краснымъ сукномъ, и въ ней красиво разставилъ всѣ полученные имъ подарки, вѣнки, адреса и пр. ¹⁾.

XV.

Сосницкій у себя дома. — Его «субботы». — Посѣтители журъ-фиксовъ Сосницкаго. — Ковѣдаевъ. — Его аппетитъ. — Свиныя котлеты. — Времяпрепровожденіе на вечерахъ Сосницкаго. — Засиживавшіеся картежники. — Лѣтняя резиденція Ивана Ивановича. — Его восхваленіе Павловска. — Мой визитъ къ Сосницкому лѣтомъ. — Утренній сонъ. — Отвратительная погода. — Настойчивость Сосницкаго. — Костюмъ американскаго плантатора. — Лабиринтъ. — Память Сосницкаго. — Анекдотъ, рассказанный имъ. — За кулисами, передъ выходомъ на сцену. — Шестидесятилѣтніе мальчишки. — Оговорки Сосницкаго. — Безмятежный сонъ на чтеніи пьесы. — Обвиненіе суфлера. — Посѣщеніе товарищескихъ бенефисовъ. — Встрѣча Сосницкаго съ Штеллеромъ. — Недоразумѣніе. — 60-лѣтній юбилей Сосницкаго. — Отвѣтъ юбиляра на привѣтствіе государя императора. — Послѣдняя сыгранная роль Сосницкаго

Сосницкій вообще былъ хлѣбосольнымъ и гостепримнымъ хозяиномъ. Съ незапамятныхъ временъ каждую субботу домъ его былъ переполненъ народомъ. Этотъ порядокъ онъ строго сохранялъ до послѣднихъ дней жизни. А въ старину, какъ говорили, даже болѣзнь хозяина или хозяйки не мѣшала собираться гостямъ на «субботники» Ивана Ивановича, который, лежа въ постелѣ, требовалъ, чтобы пришедшіе обѣдали, играли въ карты и безъ малѣйшаго стѣсненія веселились.

Въ прежніе годы журъ-фиксы Сосницкаго усердно посѣщали Пушкинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ и мн. др. Такъ же охотно бывали у него нѣкоторыя изъ высокопоставленныхъ лицъ и вся своя закулисная братія всѣхъ труппъ, не исключая самыхъ мелкихъ служителей искусства. Всѣ были радушно принимаемы добросердечнымъ Иваномъ Ивановичемъ. Въ мое время постоянными посѣтителями

¹⁾ Артистами русской драматической труппы, на собранныя по подпискѣ деньги, былъ заказанъ въ Италіи большой мраморный бюстъ И. И. Сосницкаго, который нынѣ сохраняется въ одной изъ залъ Александринскаго театра.

субботъ Сосницкаго были между другими П. А. Каратыгинъ, генераль Севербрикъ и нѣкто Ковѣдяевъ.

Генераль ничего выдающагося изъ себя не представлялъ, но Ковѣдяевъ славился «обжорствомъ». Онъ обладалъ изумительнымъ аппетитомъ, повергавшимъ въ ужасъ всѣхъ и cadaго. Являясь аккуратно по субботамъ къ Сосницкому, Ковѣдяевъ усаживался около закусочнаго стола, на которомъ часа за два до обѣда появлялись вина, водки и различныя мелочи кулинарнаго искусства. Все время, вплоть до обѣда онъ не переставалъ уничтожать «гастрономическую выставку»¹⁾ и потомъ прямо изъ-за закусочнаго стола переходилъ къ обѣденному. Обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ пяти солидныхъ блюдъ. Тутъ онъ былъ, какъ говорится, въ своей тарелкѣ. Cadaго подаемаго кушанья онъ отвѣдывалъ «увеличенной порціей» и любилъ повторенія. Не смотря на свой вмѣстительный желудокъ, Ковѣдяевъ былъ худъ и съ перваго взгляда вообще не внушалъ подозрѣній относительно обжорства. Однажды за обѣдомъ у Ивана Ивановича, когда Ковѣдяевъ былъ въ особенномъ ударѣ и поѣдалъ все остававшееся на блюдахъ съ большимъ воодушевленіемъ, кто-то такъ заинтересовался имъ, что не могъ оторвать глазъ отъ этого феноменальнаго «ѣдока». Ковѣдяевъ на минуту оторвался отъ своего усерднаго занятія и спросилъ нескромнаго наблюдателя:

— Чего вы такъ уставились на меня?

— Простите, удивляюсь и завидую вашему аппетиту.

— Удивляетесь?! — самодовольно воскликнулъ Ковѣдяевъ. — А что бы вы сказали, еслибъ знали меня прежде? Вотъ ужъ могу похвастаться, что Богъ не обидѣлъ меня желудкомъ, и я дѣйствительно кушаю изрядно. Но все это не то, что было прежде...

— Неужели вы имѣли большій аппетитъ?

— Н-да-съ!.. Да вотъ какъ вамъ понравится, милостивый государь, такое пари, которое я выигралъ однажды за обѣдомъ въ знакомомъ домѣ? Я взялся съѣсть персонально цѣлое блюдо свиныхъ котлетъ, приготовленныхъ на двадцать три человѣка. Спорили, что я ихъ не осилю, а я самымъ спокойнымъ образомъ уложилъ ихъ въ желудокъ и ни малѣйшей тяжести не почувствовалъ.

— Дѣйствительно, это заслуживаетъ удивленія.

— Разумѣется, удалъ съ годами поулеглась. Теперь я не тотъ... Такую массу свиныхъ котлетъ мнѣ нынѣ уже не съѣсть, но телячьихъ столько же во всякое время одолѣю.

Послѣ обѣда многіе изъ гостей ложились спать, нѣкоторые, не стѣсняясь, даже на постель самого хозяина. Самъ же онъ имѣлъ обыкновеніе отдыхать на маленькомъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ.

¹⁾ Его собственное выраженіе.

Для тѣхъ же, кто бодрствовалъ, ставились ломберные столы, и начиналась игра въ вистъ или бостонъ. Дамы занимались игрою въ лото, на фортепиано, нѣкоторыя пѣли романсы, а иногда составлялся хоръ, исполнявшій русскія пѣсни. Вечеромъ вновь подавалась закуска, и вслѣдъ за ней обильный ужинъ.

Расходились гости весьма поздно, а нѣкоторые заигрывались въ карты даже до утра. Въ этихъ случаяхъ Сосницкій, не обращая ни на кого вниманія, уходилъ спать. Вставъ же утромъ и видя, что гости еще не разошлись, онъ съ упрекомъ говорилъ имъ:

— Какъ же вамъ не стыдно, господа, вы до сихъ поръ не спросите себѣ кофею или чаю? Вѣдь ужъ скоро десятый часъ! Ѳедотъ ¹⁾, что же ты, братецъ, одурѣлъ что ли? Не подаешь гостямъ чегонибудь горяченькаго? Живѣй носи кофе и чаю!

Лѣтомъ Иванъ Ивановичъ проживалъ въ Павловскѣ, гдѣ у него была постоянная дача, и гдѣ онъ считался старожиломъ. Онъ любилъ рассказывать всѣмъ о преимуществахъ Павловска и всегда восторгался видами. Узнавъ какъ-то въ разговорѣ, что я никогда не бывалъ въ Павловскѣ, онъ не безъ ужаса всплеснулъ руками и велѣлъ мнѣ какъ можно скорѣе посѣтить его на дачѣ.

— Я тебѣ всѣ его прелести покажу! Ты изумишься... Нашъ Павловскъ лучше всякой Швейцаріи.

Я пріѣхалъ, по его желанію, къ нему вечеромъ, нарочно для того, чтобы ночевать и рано утромъ съ свѣжими силами отправиться съ нимъ обозрѣвать достопримѣчательности этого велико-свѣтскаго города.

Дача у Сосницкаго была очень не велика. Находилась она въ Медвѣжьемъ переулкѣ и была окружена скуднымъ садикомъ и большимъ заборомъ, скрывавшимъ ее отъ глазъ мимо проходившихъ. Ея существенный недостатокъ заключался въ сырости, но Иванъ Ивановичъ на это не претендовалъ, говоря, что лѣтомъ сырость даже благодѣтельна, она моль парализируетъ несносную жару...

Постель мнѣ приготовили въ гостинной, находившейся рядомъ съ его спальней. Послѣ ужина Сосницкій пожелалъ мнѣ спокойной ночи и предупредилъ:

— Ложись, братецъ, спать пораньше. Не мѣшай и не вздумай заниматься чтеніемъ. Завтра я подниму тебя рано, и мы отправимся на прогулку съ наступленіемъ зари. Если ты дѣйствительно не видалъ Павловска, то долженъ его рассмотреть основательно, серьезно. То, что ты увидишь тутъ, никогда подобнаго нигдѣ не увидишь. Напримѣръ, я проведу тебя въ паркъ и покажу лабиринтъ, какого нигдѣ нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Мнѣ-то онъ знакомъ, какъ свои пять пальцевъ, а вотъ попробуй-ка ктонибудь одинъ туда забрести...

¹⁾ Его лакей татаринъ.

— Что же, не выйти изъ него?

— Никогда!

Мы распростились и разошлись.

Утромъ была пасмурная погода, такъ какъ всю ночь шель дождь. При такой погодѣ, какъ извѣстно, крѣпко спится, въ особенности же если въ комнатѣ температура низкая. Вдругъ около шести часовъ Сосницкій толкаетъ меня въ бокъ, приговаривая:

— Вставай же, вставай же, братецъ! Пора!

Открываю съ трудомъ глаза и вижу предъ собою уже совершенно одѣтаго и готоваго на прогулку Ивана Ивановича.

— Помилуйте, — говорю я недовольнымъ голосомъ, дрожа отъ холода, — еще совсѣмъ темно, да, кажется, и дождь льетъ...

— Что ты выдумываешь, братецъ, какой дождь? Такъ немножко накрапываетъ... Время самое настоящее, скоро седьмой часъ... Вставай, вставай, нечего нѣжиться-то да дурачиться...

Не зная, чѣмъ отговориться отъ ранней прогулки, я привстаю, оглядываюсь кругомъ и, не видя своихъ сапоговъ, говорю:

— Иванъ Ивановичъ, я не могу встать... сапоговъ нѣтъ... Ихъ взяли чистить и еще не приносили.

— Ахъ, какой дуракъ этотъ Федотъ, — съ раздраженіемъ произнесъ Сосницкій. — Погоди, я сейчасъ распоряжусь.

Онъ ушелъ. Я съ наслажденіемъ закутался въ одѣяло и снова сталъ было засыпать, но вскорѣ опять около меня появился Иванъ Ивановичъ съ моими сапогами.

— Вотъ тебѣ сапоги, вставай и пойдемъ...

Я поднялся и взглянулъ въ окно. На улицѣ стояла непроходимая грязь, и шель дождь.

— Иванъ Ивановичъ, я вѣдь испорчу свое платье и новую шляпу, только что вчера купленную. Нельзя ли отложить нашу прогулку?

— Вздоръ, братецъ, вздоръ. Дождь не большой и, кромѣ того, онъ сейчасъ перестанетъ. А что касается платья и шляпы, такъ не безпокойся, я тебѣ дамъ и мое пальто и мою шляпу, которыя не боятся никакой погоды.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вынесъ мнѣ изъ кладовой какое-то старомодное, длинное, необычайно широкое пальто и громадную, съ необъятными полями сѣрую поярковую шляпу. Когда я въ нихъ облекся, то сталъ походить на американскаго плантатора. Сосницкій съ свойственнымъ ему добродушіемъ началъ меня увѣрять, что это очень ко мнѣ идетъ. Вооружившись зонтиками, мы отправились шлепать по грязи павловскихъ улицъ и переулковъ.

Все, что показывалъ и расхваливалъ Иванъ Ивановичъ, при подобныхъ условіяхъ, конечно, не произвело на меня восторженнаго впечатлѣнія, хотя я въ угоду старику и выражалъ свое удо-

вольствие по поводу всего видѣннаго. Самая же прелесть нашей отвратительной прогулки заключалась въ плутаньѣ по знаменитому лабиринту, который былъ извѣстенъ ему, «какъ свои пять пальцевъ». Мой чичероне заблудился и долгое время не могъ выбраться на настоящую дорогу. Ужъ мы ходили, ходили, и все вертѣлись около одного и того же мѣста.

— Это чортъ знаетъ что такое,—сердился Сосницкій.—Сегодня меня точно лѣшій обошелъ. Всегда я здѣсь ходилъ, зажмурия глаза, а нынче дорогъ не узнаю.

Иванъ Ивановичъ крикнулъ сторожа, и когда тотъ показался, онъ сказалъ ему:

— Что это у васъ передѣлали лабиринтъ, что ли? Прежнія дороги я всѣ превосходно зналъ, а теперь выйти не могу.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, все постарому. Пожалуйте за мной.

И только съ помощью сторожа мы выбрались изъ заколдованнаго круга.

Не смотря на свой добрый и радушный нравъ, Сосницкій былъ, что называется, брюзга. Любилъ поворчать и читать нотаціи. Это объяснялось исключительно его почтеннымъ возрастомъ. Отъ старости онъ забывалъ, что было наканунѣ, но о давно прошедшихъ временахъ вспоминалъ охотно, хотя постоянно перепутывалъ года, имена и событія. Память ему забавно измѣняла, но онъ всегда старался сохранять хронологію. Напримѣръ, выслушавъ однажды въ уборной какой-то смѣшной анекдотъ, рассказанный однимъ изъ сослуживцевъ, онъ смѣясь замѣтилъ:

— Это, братецъ, мнѣ напоминаетъ другую исторію, но только гораздо смѣшнѣе твоей. Я какъ сейчасъ помню... Это было въ 1829 году... или нѣтъ въ 30 году... или въ 29?.. Нѣтъ, нѣтъ, въ 31... ну, конечно, въ 31, когда я еще не переѣзжалъ въ Павловскъ... Какъ-то приходитъ на репетицію актеръ Аванасьевъ... или нѣтъ, что я вру... Толченовъ!.. Впрочемъ, кажется, Аванасьевъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, Толченовъ... и говорить... Ха-ха-ха!.. Вотъ умора-то!.. Ха-ха-ха!

При этомъ Сосницкій надрывается отъ смѣха и сквозь хохотъ продолжаетъ:

— И говорить: я сейчасъ... или нѣтъ—я вчера ѣду на извозчикѣ и... ха-ха-ха... и вдругъ вижу... ха-ха-ха!..

— Что же онъ видѣлъ? — спрашиваютъ нетерпѣливо слушатели...

— Что онъ видѣлъ-то?.. вдругъ остановясь и подумавъ, послѣ паузы продолжалъ: — вотъ этого вспомнить не могу... но мы просто лопнули отъ смѣха... ха-ха-ха!.. Чортъ возьми, какая досада, что забылъ... но онъ такъ рассказывалъ, что просто умора... Ужасно смѣшная исторія...

Надъ Сосницкимъ за глаза часто подтрунивали, забывая, что «надъ старостью смѣяться грѣхъ». А между тѣмъ, какъ было не смѣяться, когда, напримѣръ, Иванъ Ивановичъ брюзжалъ на помощника режиссера, напоминавшаго ему о выходѣ на сцену.

— Сейчасъ вашъ выходъ, Иванъ Ивановичъ, пожалуйста къ двери!

Сосницкій сосредоточенно молчитъ и не трогается съ мѣста, не обращая вниманія на заявленіе помощника режиссера; тотъ еще разъ напоминаетъ ему объ этомъ.

— Что ты, братецъ, надоѣдаешь мнѣ съ пустяками?! Безъ тебя знаю, когда мнѣ выходить. Поди, напоминай мальчишкамъ, вонъ Петрушѣ Каратыгину и Петѣ Григорьеву, а я безъ тебя во время выйду.

А Петрушѣ Каратыгину и Петѣ Григорьеву было въ то время лѣтъ по шестьдесятъ.

Иванъ Ивановичъ подъ старость очень часто, какъ на репетиціяхъ, такъ и въ спектакляхъ, переиначивалъ и перепутывалъ слова роли, хотя, какъ исполнитель, продолжалъ быть безукоризненнымъ.

Въ комедіи Куликова «Весною», которая вся состоитъ изъ стиховъ, Сосницкій игралъ въ пудренномъ парикѣ пожилаго барина, на котораго весна дѣйствуетъ такъ же благотворно, какъ и на молодаго его племянника. Оба они, гуляя по саду, увлекаются природой. Иванъ Ивановичъ въ этой сценѣ часто оговаривался. На слова племянника: «какой чудесный день», ему слѣдовало отвѣчать: «какъ воздухъ ароматенъ!», а Сосницкій, разглядывая небо въ лорнетъ и вдыхая въ себя весенній вѣтерокъ, произносилъ: «какъ воздухъ акуратенъ?». Въ одной исторической драмѣ, играя казака Заруцкаго, онъ вмѣсто фразы: «безъ коня и сабли—казакъ не казакъ», серьезно и съ паѳосомъ произнесъ: «безъ коля и мабли—калякъ не молякъ».

Разъ на репетиціи пьесы «Было да прошло», въ которой онъ превосходно игралъ стараго крѣпостника-помѣщика, Сосницкій, увлекшись, сказалъ мнѣ, игравшему молодаго человѣка:

— Если ты будешь такъ вести свои дѣла, то тебя запрутъ въ аптеку.

— «Возьмутъ въ опеку»,—поправилъ я Ивана Ивановича.

— Ну, да въ аптеку, я такъ и говорю,—сердито отвѣтилъ старикъ.—Что ты, братецъ, меня учишь? Безъ тебя знаю...

Насилу могли убѣдить Сосницкаго въ ошибкѣ, которую онъ свалилъ на суфлера.

Играя въ драмѣ Полевого «Костромскіе лѣса» роль хорунжаго, который вбѣгаетъ на сцену съ обнаженной саблей, Иванъ Ивановичъ такъ однажды увлекся, что вмѣсто: «я изъ васъ сдѣлаю битое мясо», громогласно произнесъ:

— Я изъ васъ сдѣлаю митое бясо.

Однажды на считкѣ одной весьма скучной пьесы, которую читалъ самъ авторъ въ уборной Александринскаго театра, присутствовалъ въ числѣ прочихъ актеровъ, долженствовавшихъ въ ней участвовать, и Сосницкій. Среди монотоннаго чтенія Иванъ Ивановичъ началъ дремать и вскорѣ совсѣмъ заснулъ. Никто бы, можетъ быть, и не обратилъ на это вниманія, если бы ему не приснился какой-то отвлеченный сонъ. Ему, вѣроятно, предлагали во снѣ выпить кофе, потому что вдругъ онъ перебиваетъ вошедшаго въ паеосъ автора громкою фразою:

— Я не хочу кофе... Что вы ко мнѣ пристали?.. Мнѣ кофе не надо... Отстаньте отъ меня...

Конечно, это очень развеселило скучавшихъ слушателей.

Однажды на репетиціи комедіи въ стихахъ «Минутное заблужденіе», въ которой Сосницкій неподражаемо игралъ ревниваго мужа; онъ очень забавно оправдался (обвинивъ во всемъ суфлера) въ томъ, что забылъ какую-то рѣчь въ своей роли. Не слыша суфлера, онъ упорно молчалъ; репетируя съ нимъ, я напоминаю Ивану Ивановичу, что ему слѣдуетъ говорить; онъ продолжаетъ молчать. Наконецъ, послѣ второго или третьяго напоминанія онъ разсердился мнѣ возражаетъ:

— Что ты, братецъ, меня учишь... я знаю свою роль не хуже тебя!!

— Такъ что же вы не говорите, Иванъ Ивановичъ?

— Что я не говорю?! А я вотъ нарочно молчу... Я прежде хочу узнать, что онъ скажетъ?— указавъ на суфлера, съ горячностью произнесъ онъ.— А онъ молчить... ни слова не подаетъ... Обязанностей своихъ не знаетъ!!

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ,— оправдывался суфлеръ.— Я нѣсколько разъ подаю вамъ вашу фразу. Вы не изволите слышать!!

— Врешь, любезный... я слышу лучше твоего... Я хотѣлъ испытать тебя нарочно... и вижу, что ты смотришь въ книгу и видишь фигу.

Не смотря на то, что многіе, въ особенности изъ молодыхъ, позволяли себѣ подсмѣиваться надъ старикомъ, всѣ безъ исключенія уважали и почитали его. Какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ онъ говорилъ «ты», за исключеніемъ только лицъ, почему либо ему неприятныхъ или тѣхъ, на кого за что нибудь сердился.

Въ бенефисы товарищей, если самъ онъ не участвовалъ, то непременно присутствовалъ въ публикѣ, для чего покупалъ въ Александринскомъ театрѣ всегда одинъ и тотъ же излюбленный номеръ въ мѣстахъ за креслами. Чаше же всего бенефицианты посылали ему этотъ билетъ въ подарокъ.

Въ бенефисъ А. М. Читау, когда шла въ первый разъ пьеса П. П. Штеллера «Ошибки молодости» и еще одноактная небольшая

комедія Д. В. Григоровича, Сосницкій былъ зрителемъ. По окончаніи комедіи «Ошибки молодости», имѣвшей значительный успѣхъ, зашелъ ко мнѣ въ уборную Иванъ Ивановичъ и, усѣвшись на диванъ, закурилъ папиросу. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ ко мнѣ и Штеллеръ, тогда молодой, статный офицеръ. Онъ, видимо, былъ взволнованъ успѣхомъ (его много разъ вызывали). Я вздумалъ его представить Ивану Ивановичу и сказалъ:

— Позвольте, Иванъ Ивановичъ, представить вамъ автора новой комедіи.

Штеллеръ поклонился, а Сосницкій, не вставая съ дивана и не протягивая ему руки, ласково улыбнулся и отвѣтилъ:

— Что ты, любезный, мнѣ представляешь его? Я знаю его больше, чѣмъ ты: я помню его еще мальчишкой.

Штеллеръ вскинулъ на Сосницкаго изумленные глаза и не нашелся отвѣтомъ.

— Что это, братецъ, значитъ,—продолжалъ Иванъ Ивановичъ, обращаясь уже къ Штеллеру:—что я тебя встрѣчаю все въ разныхъ костюмахъ—то военнымъ, то штатскимъ? Для чего ты переряжаешься?

Молодой писатель на лицѣ своемъ выразилъ еще большее удивленіе, но опять таки не счелъ нужнымъ разувѣрять Сосницкаго и вскорѣ удалился изъ уборной. Я остался tête-à-tête съ старикомъ, который, проводивъ глазами удалявшагося Штеллера, спросилъ меня:

— Это вѣдь Григоровичъ?

— Что вы? Какой Григоровичъ?

— Ну, да, Григоровичъ! Авторъ пьесы... Ты вѣдь самъ сказалъ, что онъ авторъ сегодняшней пьесы.

— Вы перепутали. Григоровича комедія только сейчасъ будетъ играть, а это Штеллеръ, авторъ «Ошибокъ молодости», которую только что мы сыграли...

— Штеллеръ?! Гм!.. Такъ я его не знаю... Въ первый разъ слышу такую фамилію и въ первый разъ вижу его...

— Какъ же вы ему сказали, что знавали его мальчишкой?

— Какой ты чудакъ! Я тебя не понялъ... Григоровича-то дѣйствительно я знаю еще мальчишкой, а про этого никогда и не слыхивалъ. Впрочемъ, знаешь что, пьеса его очень недурна...

— Вы его сконфузили!

— Ничего, онъ долженъ былъ понять, что я обознался,—спокойно закончилъ Сосницкій и отправился въ партеръ досматривать спектакль.

Сосницкій, продолжая служить на сценѣ, дожилъ до своего 60-лѣтняго юбилея. Его праздновали 1-го апрѣля 1871 года, въ его бенефисъ, въ Александринскомъ театрѣ; спектакль составленъ былъ изъ 2-го акта «Ревизора», сценъ оперы Глинки «Жизнь

за царя», Тургеневской одноактной комедіи «Завтракъ у предводителя» и большаго дивертисемента. Это празднество, не смотря на присутствіе самого государя императора Александра Николаевича, его царской награды юбиляру, состоявшей въ пожалованіи тутъ же въ спектакль брилліантоваго украшенія на имѣвшуюся у Сосницкаго золотую медаль, всеобщія привѣтствія и оваціи, прошло далеко не такъ весело и торжественно, какъ при его пятидесятилѣтнемъ праздникѣ.

Это произошло потому, что маститый ветеранъ за это время успѣлъ до того состариться и одряхлѣть, что тяжело и больно было видѣть этого талантливѣйшаго артиста, едва говорившаго и слышавшаго на сценѣ, когда онъ вышелъ гордоничимъ во 2-мъ актѣ «Ревизора».

Кромѣ этого, распорядители бенефиса назначили такую несоизмѣрную высокую плату за мѣста въ театрѣ, что сборъ не превысилъ 2.337 рублей, и залъ былъ на половину пустой.

Сосницкій, не смотря на преклонныя лѣта и очевидное разрушеніе своего здоровья, не допускалъ мысли о скорой кончинѣ. Въ доказательство можно припомнить его отвѣтъ государю Александру Николаевичу, когда императоръ, пожелавъ осчастливить старика, удостоилъ пожаловать къ нему въ уборную и, протянувъ руку, милостиво проговорилъ: «Поздравляю тебя и сердечно желаю дожить до семидесятилѣтняго юбилея!».

На это Сосницкій, заплакавъ и низко кланяясь, отвѣтилъ: «Богъ дастъ въку, доживемъ, ваше императорское величество, никто какъ Богъ!». Послѣ этого юбилея онъ прожилъ еще два года, не переставая изрѣдка появляться на сценѣ, при чемъ едва слышалъ и говорилъ. Послѣдняя роль его была въ пьесѣ Минаева «Либераль», онъ игралъ въ ней едва движущагося старика. †

Скончавшись единственно отъ своей старости, И. И. Сосницкій оставилъ по себѣ незабвенную память въ лѣтописи русскаго театра, какъ великій художникъ, талантливѣйшій актеръ и рѣдкій, примѣрный учитель артистовъ, въ сердцахъ же всѣхъ знавшихъ его лично онъ навсегда останется добрѣйшимъ и душевнымъ членомъ. 18-го февраля нынѣшняго года минуло ровно сто лѣтъ со дня рожденія этого знаменитаго художника-актера. Въ этотъ знаменательный день мнѣ припомнились стихи Рафаила Михайловича Зотова, которые послѣдній прислалъ Сосницкому, въ день его рожденія въ 1851 году; не могу не включить ихъ сюда для тѣхъ, кому эти стихи незнакомы:

«Въ этотъ день родился ты,
«Добрый другъ, артистъ нашъ славный,
«И достигъ до высоты
«Образцовой и прекрасной.

«Съ малолѣтства знаменитъ
«Ветеранъ полустолѣтній,
«Славой юною блестятъ
«На тебѣ вѣнокъ безсмертій.

«Ты полвѣка славенъ былъ...
«Ты, любимецъ Аполлона,
«Образцомъ другимъ служилъ,
«Взысканъ милостями трона.

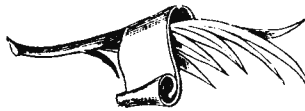
«Русской публики кумиръ,
«Вкуса тонкій наставитель,
«Твой наставникъ — Божій міръ,
«Ты же — многихъ былъ учитель.

«Такъ красуйся, процвѣтай
«Долго славнымъ дарованьемъ!
«Научай и восхищай
«Артистическимъ призваньемъ!

«Въ честь таланта и добра,
«Кругъ друзей твоихъ исправный
«Въ честь тебѣ, артистъ нашъ славный,
«Дружно возгласить ура!!!».

А. А. Нильскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ВЕРХОВЬЯХЪ ВОЛГИ.

(Путевые наброски).

«Въ Тверской губерніи лежитъ большое, многоразвѣтвленное и съ многочисленными островами, озеро Селигеръ, почему-то принимаемое многими, иногда, повидимому, просвѣщенными лицами нашего общества, за истокъ Волги, между тѣмъ какъ даже непросвѣщенный людъ, живущій по Селигеру и въ его окрестностяхъ, знаетъ очень хорошо, что начало Волги не здѣсь. Однако отсюда недалеко уже и до истока Волги».

Рагозинъ: «Волга».

I.

До Полнова.

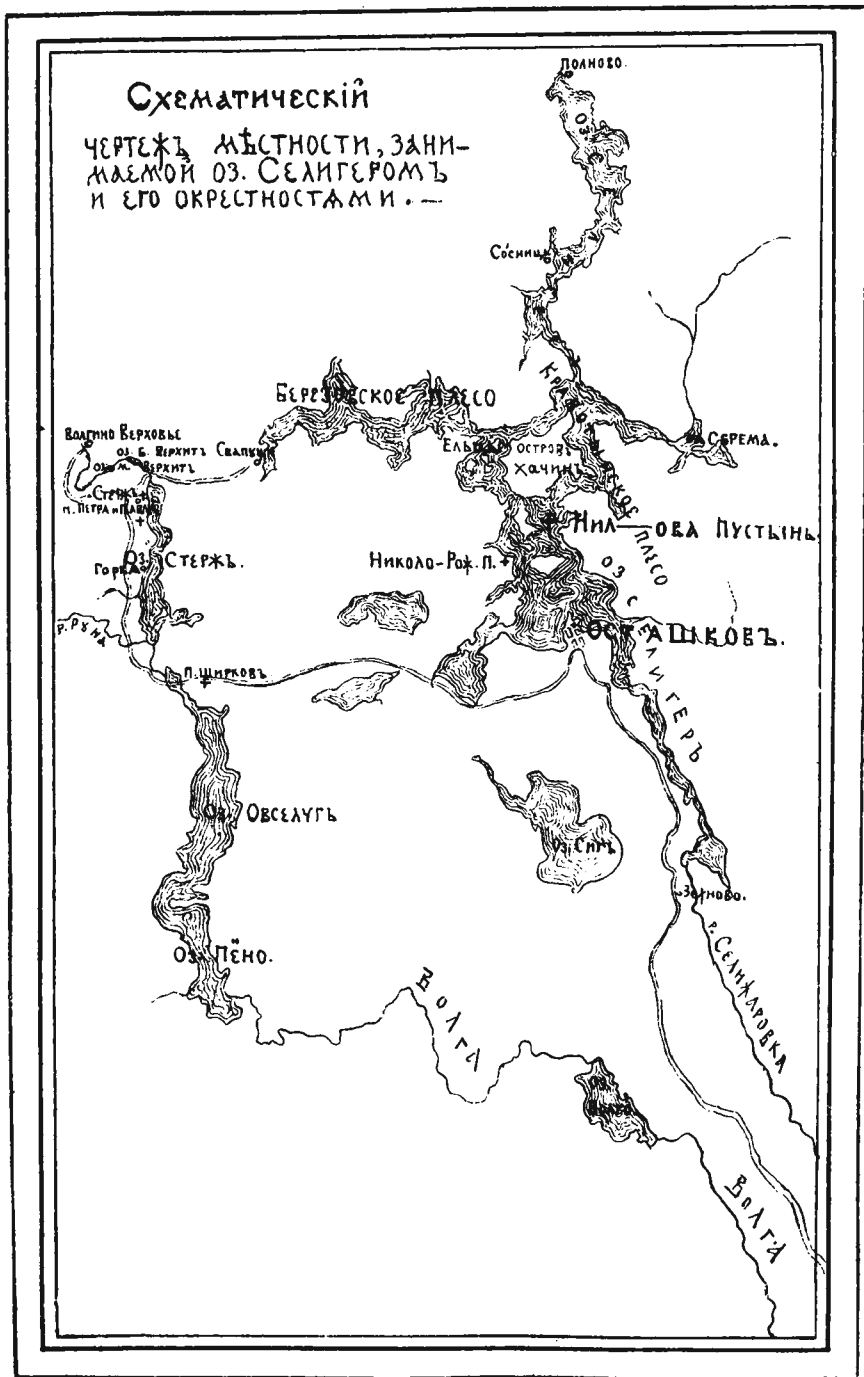

ВАКЪ НАМЪ ближе проѣхать на Селигеръ?—спросили мы въ Валдаѣ нашу любезную хозяйку, Авдотью Васильевну Шишову, содержательницу единственной въ городѣ мебелированной комнаты для прїѣзжающихъ.

— Вамъ надо на Полново ѣхать; всѣ богомольцы отъ насъ къ Нилу угоднику этою дорогою ходятъ.

— А дальше?

— А дальше въ лодкахъ ѣдутъ до самаго монастыря. Полново-то на Селигерѣ и стоитъ. Тамъ мужички и лодки держатъ для богомольцевъ.

— А сколько верстъ отсюда до Полнова?

— Навѣрно не могу сказать, не бывала,—говорятъ, верстъ 50, не больше.

Послали за содержателемъ почтовой станціи; но объявленная имъ цѣна показалась дорогой даже самой хозяйкѣ. Она рѣшила позвать вольныхъ ямщиковъ, и вотъ по площади потянулись къ нашему дому личности въ армякахъ и сибиркахъ, судя по ихъ степенной походкѣ, чаявшія отъ насъ великія и богатыя милости.

Дверь открывается; входитъ первый ямщикъ.

— Вамъ лошадокъ?

— Да.

— Троечку-съ?

— Троечку.

— Въ Полново?

— Въ Полново.

— Такъ-съ!

Пауза. Ямщикъ хмуритъ брови, сосредоточенно смотреть въ поле, точно рѣшая какой-то важный вопросъ, и вдругъ встряхиваетъ волосами.

— Что-жъ, это можно-съ,—объявляетъ онъ и заламываетъ такую цѣну, какую только русскій человѣкъ въ состояніи заломить.

Начинаются объясненія, уговариванія, доводы, «резоны» съ уходами и возвращеніями, но дѣло, всетаки, оканчивается ничѣмъ.

Зовемъ другаго.

— Вамъ троечку-съ?

— Тройку.

— До Полнова-съ?

— Да.

— Такъ-съ!

Опять пауза и буквальное повтореніе предыдущаго.

За вторымъ ямщикомъ является третій, четвертый, пятый; время идетъ, а дѣло ни на шагъ не двигается впередъ: очевидно, ямщики сговорились «прижать» насъ какъ слѣдуетъ.

Наконецъ, вбѣгаетъ сіяющая Авдотья Васильевна и съ торжествомъ заявляетъ, что сюда идетъ ямщикъ хорошій, добросовѣстный, котораго она смѣло можетъ рекомендовать.

Ямщикъ дѣйствительно оказался прекраснымъ, но, къ сожалѣнію, у него не было лошадей: всѣ находились въ разгонѣ. Авдотья Васильевна повѣсила голову.

Было уже 4 часа дня, а до Полнова одинъ ямщикъ считалъ 57 верстъ, другой—58, третій—59, а четвертый—и всѣ 60. О томъ, чтобы добраться засвѣтло, уже не могло быть и рѣчи, и мы помыслили только, какъ бы выбраться изъ Валдая, не поддавшись уже шляшкѣ безцеремонной ямщицкой эксплуатаціи.

Вдругъ добросовѣстнаго ямщика озарила мысль.

— Вот что, господа, я вам посоветую,—воскликнул онь.— Съ ними дѣла не сдѣлать, а вы лучше пугните почтоваго.

— Какъ пугнуть?

— А вотъ какъ: потребуйте коней только до Ивантѣва,—это немножко ближе, чѣмъ поль-дороги,—туда онь обязанъ отвезти за прогоны, а тамъ, скажите, любаго мужичка наймемъ, а ты сиди, молъ!

Позвали опять почтоваго, пугнули, и черезъ четверть часа къ дому уже подкатилъ громадный тарантасъ, похожій на петербургскія мясныя телѣги, къ довершенію сходства выкрашенный въ красную краску. Насъ было четверо, но въ тарантасѣ хватило бы мѣста и на шестерыхъ.

— Городъ Валдай—что спростать, то и отдай!—проворчалъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, когда мы миновали послѣдніе домики предмѣстья.

За городомъ ямщикъ указалъ намъ влѣво отъ дороги часовню Козьмы и Даміана.

— Тутъ у насъ чудо было,—началъ онь.—На этомъ выгонѣ скотъ городской пасется, и есть на немъ ключъ; вотъ гдѣ часовня-то поставлена, тутъ пастухи и скотинку поятъ. Вотъ только разъ,—часовни тогда еще не было,—случился на скотину моръ, и чудно какъ-то выходило: которая корова изъ этого ключа попьетъ, къ вечеру и ноги протянетъ. Думали, думали,—взяли, ключъ вычистили и часовню Кузьмъ-Демьяну поставили. Съ тѣхъ поръ и язва полно, какъ рукой сняло.

Верстахъ въ четырехъ отъ Валдая, среди холмистой, возвышенной мѣстности, передъ нами развернулась красивая панорама. Впереди на пригоркѣ показался небольшой монастырь, за нимъ, утопающій въ зелени, уголокъ озера, а далѣе, на берегу, село съ каменной церковью.

— Короцкое,—замѣтилъ ямщикъ.

Это имя заставило насъ еще внимательнѣе отнестись къ окружающей мѣстности: кромѣ своей живописности, она имѣетъ и историческое значеніе. На мѣстѣ бывшаго передъ нами монастыря, основаннаго въ 1864 году, стояла въ старину Покровская обитель, но въ Смутное время шведы разорили ее до основанія; часть оставшагося послѣ нея матеріала была употреблена въ дѣло при постройкѣ нынѣшнихъ монастырскихъ зданій.

Село Короцкое имѣетъ еще болѣе важное значеніе. Здѣсь въ 1724 г. у бѣднаго причетника Савелія Кириллова Соколова родился сынъ, которому суждено было сдѣлаться однимъ изъ яркихъ свѣтильниковъ нашей православной церкви,—св. Тихонъ Задонскій, епископъ воронежскій и елецкій. Въ селѣ, неподалеку отъ каменной церкви, существуетъ другая деревянная, обветшавшая, въ которой мальчикъ былъ окрещенъ съ именемъ Тимоея, въ которой онъ потомъ пѣлъ и читалъ на клиросѣ и подлѣ кото-

рой похороненъ его отецъ, оставившій послѣ себя большую семью въ самой печальной, почти нищенской обстановкѣ. «Какъ я началъ себя помнить,—разсказывалъ впоследствии св. Тихонъ своему келейнику въ Задонскѣ,—въ домѣ при матери нашей было насъ четыре брата и двѣ сестры; отца своего я не помню. Старшій братъ былъ дьячкомъ, средній взятъ въ военную службу, а мы всѣ еще малы были и жили въ великой бѣдности, такъ что нуждались въ дневной пищѣ. Въ нашемъ приходѣ былъ ямщикъ богатый, но бездѣтный. Онъ часто приходилъ къ намъ и полюбилъ меня. Не разъ онъ просилъ меня у матушки: «отдай мнѣ Тиму своего; я воспитаю его вмѣсто сына, и все мое будетъ принадлежать ему». Жаль было матушкѣ отдать меня, но крайній недостатокъ въ пропитаніи заставилъ ее согласиться, и она повела меня за руку къ ямщику. Старшаго брата въ то время не было дома, но возвратившись и узнавъ отъ сестры, что матушка повела меня къ ямщику, онъ бросился за нами и, ставъ на колѣни, сталъ умолять матушку: «Куда вы ведете брата? Не хочу я, чтобы братъ былъ ямщикомъ; лучше самъ пойду по міру, а не отдамъ ямщику; постараемся выучить его грамотѣ, тогда онъ можетъ опредѣлиться въ понамари или дьячки. Матушка вернулась домой».

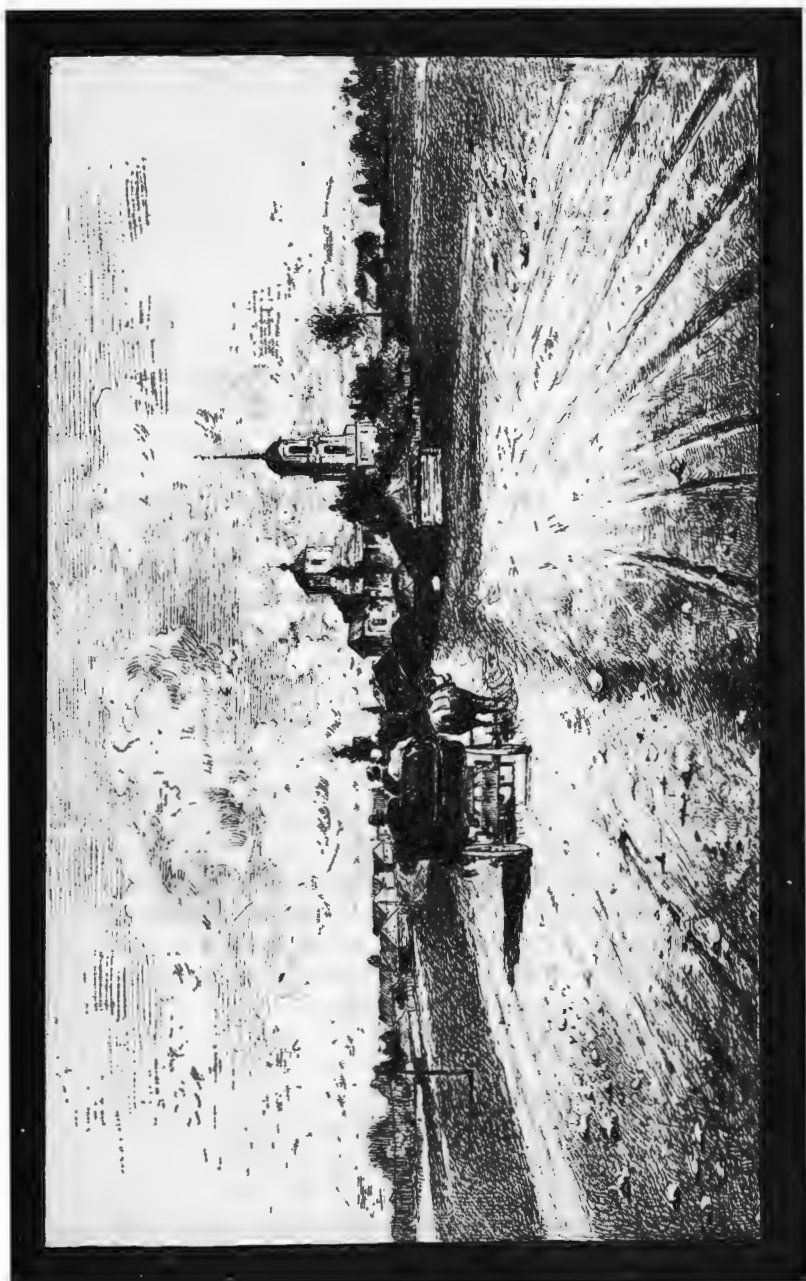
Стоя на колѣняхъ посреди дороги, проситель и не зная, какую услугу оказываетъ онъ русской церкви, сохраняя для нея своего дорогого Тиму. Бѣдность въ семьѣ была страшная.

«Бывало,—продолжаетъ святитель,—какъ въ домѣ ѣсть нечего, такъ цѣлый день бороню пашню у богатаго мужика, чтобы только хлѣбомъ меня покормили».

Когда мальчику исполнилось 11 лѣтъ, его отдали въ духовное училище въ Новгородѣ, гдѣ около этого времени братъ его получилъ мѣсто псаломщика. Хотя Тимошей, въ числѣ лучшихъ учениковъ, былъ принятъ на казенное содержаніе, бѣдность и здѣсь давала себя знать. «Бывало, какъ получу хлѣбъ,—говоритъ онъ:—половину оставляю для себя, а другую продамъ и куплю свѣчу; съ нею сяду за печку и читаю книжку. Товарищи мои, богатыхъ отцовъ дѣти, найдутъ отопки лаптей моихъ и начнутъ смѣяться надо мною и лаптями махать на меня, говоря: «Величаемъ тя, святителю!». Въ 1759 году онъ былъ уже архимандритомъ Желтиковскаго монастыря близъ Твери, а въ 1761 — викаріемъ новгородскимъ и, встрѣченный при въѣздѣ въ городъ мѣстнымъ духовенствомъ, своими бывшими сверстниками, съ улыбкою замѣтилъ что ихъ лапки и вправду оказались пророчествомъ.

Вскорѣ послѣ открытія мощей св. Тихона, основанъ въ честь его вышеупомянутый женскій монастырь-община. Каменная церковь въ селѣ построена сравнительно недавно, въ 1823 году.

Слѣдующая за Короцкимъ деревня Боръ очень красиво расположена на горѣ съ крутымъ подъемомъ. Мѣста вообще очень вы-

Село Коропкоє.
(Родина св. Тихона Задонскаго).

сокія: то и дѣло открываются синѣющія на горизонтѣ лѣсныя дали, раскинутыя на нѣсколько десятковъ верстъ; посреди зелени болѣе близкихъ лѣсовъ, точно зеркальная сталь, тамъ и сямъ, блестятъ озера. Воздухъ прекрасный, и грудь какъ-то особенно легко дышитъ на этомъ широко раскинутомъ раздолѣ.

Солнце уже начинаетъ склоняться къ западу.

Вотъ и Ивантѣево, спасшее насъ въ Валдаѣ; думали изъ благодарности сдѣлать въ немъ приваль, но ямщикъ замѣтилъ, что проѣхали только 24 версты, и посовѣтовалъ остановиться въ слѣдующей деревнѣ Новикахъ, лежащей на половинѣ пути до Полнова. Такъ и сдѣлали.

Въ Новикахъ нашъ возница остановился у новаго, недавно отстроеннаго двухъэтажнаго дома. Мы поднялись наверхъ и любовались большою, свѣтлою горницею, свидѣтельствовавшею о достаткѣ хозяевъ, но вскорѣ намъ пришлось разочароваться: въ домѣ уже гнѣздился червь, который въ скоромъ времени долженъ былъ подточить все это цвѣтущее на видъ хозяйство.

— Нѣтъ, кормилецъ, плохое наше житѣе стало,—заговорила хозяйка, подавъ самоваръ и остановясь у притолки:—ты не смотри, что изба-то новая, а жить теперь и совсѣмъ круто приходится. Прежде-то исправно жили съ сыномъ, что говорить, и избу эту онъ въ прошломъ году поставилъ, да самъ-то, голубчикъ, зимою и померъ. Осталась я, старуха, съ невѣсткою да съ малыми ребятами. Въ избѣ живемъ въ новой, а домъ держать некому; самъ, поди, знаешь, какъ въ хрестьянствѣ безъ мужика-то? Вотъ и видимъ, какъ нужда-то подступаетъ, какъ она въ каждую щелочку пробирается, да ничего не подѣлать. Пока еще крохи кое-какія, что остались-то, доѣдаемъ, а тамъ...—старуха махнула рукою и отвернулась.

За Новиками насъ ожидала неподобная картина заката. Солнце уже совсѣмъ опустилось къ горизонту, и мягкіе, ласкающіе лучи его тихо скользили по густому полю зеленой ржи, плавно колебавшейся отъ легкаго прикосновенія замиравшаго вѣтерка и отличавшейся пріятными лиловатыми оттѣнками.

II.

Полново.

Было уже совершенно темно, когда мы подѣзжали къ Полнову. Дорога шла съ холма на холмъ, точно по волнамъ разбушеваваго моря. Въ небѣ мерцали рѣдкія звѣзды. Тишину нарушалъ только топотъ нашихъ коней, да легкое погромыхиванье экипажа.

Впереди обозначилась темная масса селенія; огни въ домахъ давно уже были погашены. Ямщикъ остановился у высокой избы, на краю села и началъ стучать въ ворота. Это былъ постоянный дворъ нѣкоей Аграфены Кирилловны, рекомендованный намъ старухою въ Новикахъ.

Хозяйка встрѣтила насъ сама и помѣстила въ передней комнатѣ, кого на диванѣ, кого на полу.

Въ Новикахъ мы слышали, что у Аграфены Кирилловны есть мужъ, но голова всему дѣлу—она, и дѣйствительно она принадлежитъ къ тому типу русской женщины, которая и безъ мужа обойдется и любого мужика смѣло заткнетъ за поясъ. Немолодая, маленькаго роста, полная, она держитъ себя крайне спокойно, съ достоинствомъ, безъ малѣйшаго признака торопливости и въ то же время умѣетъ всюду поспѣть, все досмотрѣть лично, всѣмъ распорядиться, и хозяйство у нея, повидимому, находится въ твердыхъ рукахъ.

— Вамъ къ угоднику?—спросила она утромъ, плавною, неслышною походкой входя въ комнату.

— Да, пока въ Нилову пустынь.

— На озерѣ-то вѣтерокъ, рябь маленькая, лодки у насъ не гораздо большія, а вѣтеръ прѣтивень; боюсь, долго проѣдете.

— А нельзя ли объѣхать берегомъ?

— Можно и берегомъ на Осташковъ; тамъ по дорогѣ поворотъ будетъ къ угоднику и перевозъ, вѣдь монастырь-отъ на острову, да только берегомъ дальше, и цѣну возьмутъ дороже. Вы чайку попьете, такъ сходите на берегъ, лодки наши посмотрите, а я велю, на всякій случай, ямщика позвать. Навозъ теперь они возятъ, время-то не совсѣмъ удобное.

Мы пошли смотрѣть лодки, миновали высокую церковь, стоящую на пригоркѣ, и спустились къ озеру. Узкое плесо Селигера пестрѣло мелкою зыбью; вѣтеръ дулъ прямо въ лицо. У берега покачивалось нѣсколько небольшихъ лодокъ, народу никого не было: всѣ работали въ полѣ. За нами подошли къ берегу два молодыхъ парня съ предложеніемъ услугъ, показывали и свою лодку, но ни лодка, ни гребцы не показались намъ надежными, и мы рѣшили ѣхать берегомъ.

На постояломъ дворѣ насъ уже поджидало нѣсколько крестьянъ, но у одного всѣ лошади были въ разгонѣ, другой готовъ былъ ѣхать, но имѣлъ всего на всего одну лошадь, третій общалъ набрать коней, но для этого приходилось запастись терпѣніемъ на нѣсколько часовъ. Положеніе оказывалось не лучше, чѣмъ въ Валдаѣ. Сидѣть и ждать, пока соберутъ, приведутъ, напоятъ и накормятъ тройку или четверку деревенскихъ клячь, имѣя въ перспективѣ тащиться на нихъ берегомъ около 50 верстъ, намъ не хотѣлось; но съ другой стороны измѣреніе ширины Селигера собствен-

ными руками, въ случаѣ, если бы утлая ладья опрокинулась, тоже представлялось не особенно заманчивымъ.

Удалившись въ свою переднюю комнату, мы стали рѣшать вопросъ: которое же изъ этихъ двухъ золь меньше? Рѣшеніе намъ никакъ не давалось. Каждое изъ золь было нисколько не меньше, а наоборотъ—больше другого. Но, вѣроятно, кто нибудь изъ насъ имѣлъ счастье родиться въ сорочкѣ.

Дверь открылась. Вошелъ какой-то мѣстный обыватель, судя по костюму—торговецъ, и, помолвившись на образа, усѣлся на диванъ.

— Я, господа, къ вамъ съ совѣтомъ,—началъ онъ:— послушайте меня, и я думаю, что мой совѣтъ будетъ самый правильный.

Мы насторожились.

— Если будетъ, примѣрно, глина,—такъ вамъ ничего?

— Какая глина?

— Глина обыкновенная, пудовъ 100, не больше.

— Да вы про что?

— Вѣдь вы къ угоднику?

— Да.

— Такъ вотъ про то самое и говорю: если съ глиной въ лодкѣ ѣхать,—вамъ ничего? Глина-то въ Осташковъ идетъ,—ужь погрузили,—такъ по пути васъ къ угоднику и завезутъ. Я тоже туда ѣду, только до Сосницы проѣду на лошади—дѣла у меня, а отъ Сосницы къ вамъ въ лодку и сяду.

— А велика ли лодка?

— Большущая! Ужъ будьте покойны,—замахалъ онъ руками,— будьте покойны! Пудовъ 150 глины поднимаетъ, такъ васъ-то подниметь.

— Кто же везетъ глину?

— Мужичекъ одинъ здѣшній, Николай Занѣгинъ, человекъ надежный; вполне могу ручаться. Мореходъ настоящій. Онъ почти все время въ озерѣ проводитъ. Я услыхалъ про васъ и задержалъ его, велѣлъ сюда зайти. Ужъ повѣрьте, будетъ и покойно и удобно.

Мы поблагодарили.

— Да вотъ и онъ самъ,—воскликнулъ купецъ, взглянувъ въ окно.

Вошелъ Николай Занѣгинъ, очень симпатичный съ виду мужчина, съ загорѣлыми, мозолистыми руками и добродушнымъ, открытымъ лицомъ.

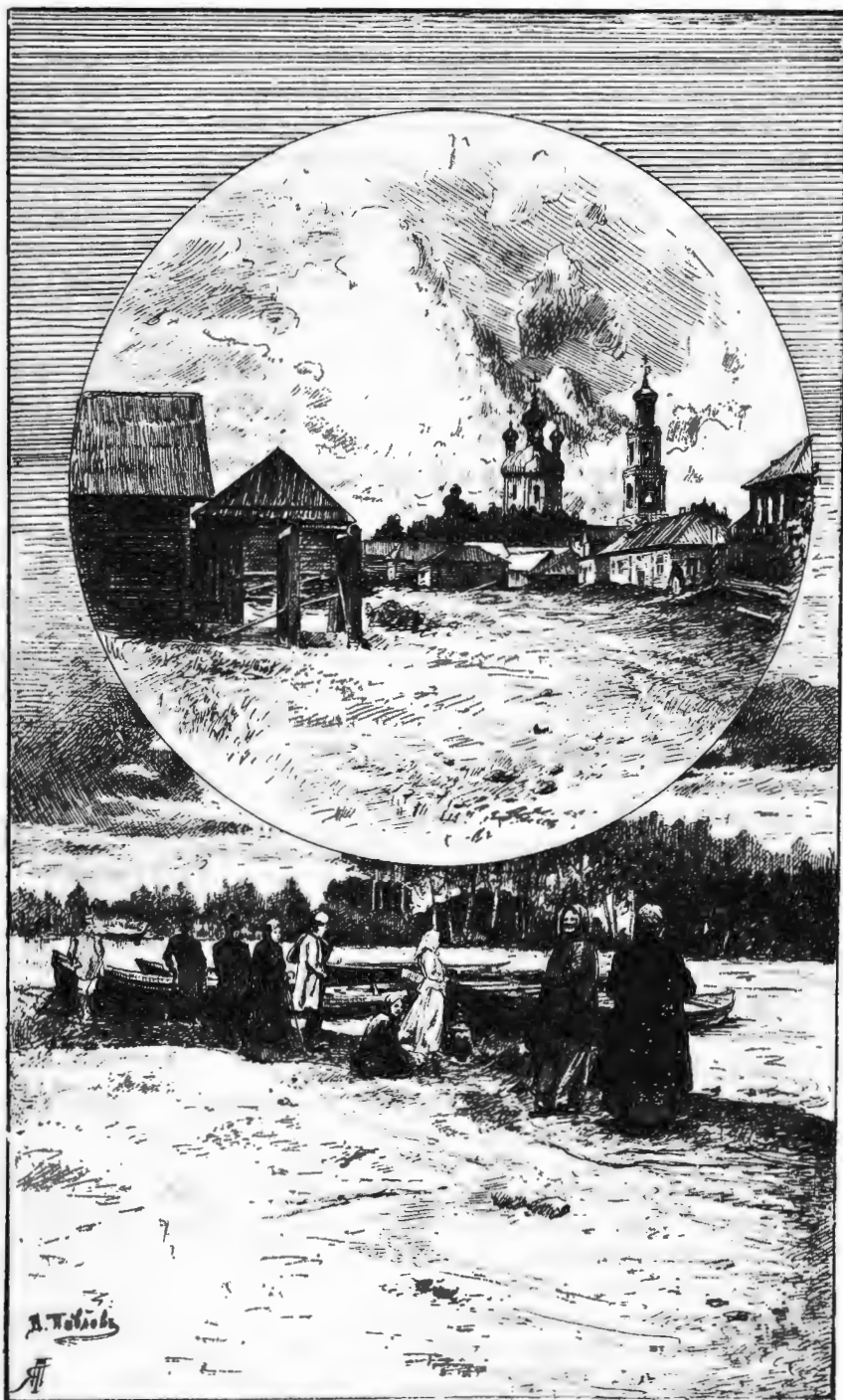
— Что-жъ, если согласны, такъ я радъ буду,—сказалъ онъ:— мнѣ все равно ѣхать-то.

— А какъ цѣна до Ниловой пустыни?

— Да что-жъ съ васъ взять-то? За два рубля свезу.

— Съ каждого? (Берегомъ съ насъ просили 15 рублей).

Николай засмѣялся.

Село Подново.
Церковь и пристань на берегу Седигера,

— Если съ каждаго по два рубля брать, скоро богатъ будешь. Со всѣхъ два рублика пожалуйте, и спасибо скажу.

Минуть черезъ десять мы уже стояли на берегу. У пристани ожидала подведенная Николаемъ лодка, довольно солиднаго вида; вся середина ея была занята грузомъ глины, покрытой рогожами.

Мимо насъ прошли гуськомъ на пристань пять странницъ съ кофейниками, тоже ѣхавшія къ угоднику, — онѣ еще ранѣе уговорились съ Николаемъ, — и два пильщика, взятые имъ до Осташкова даромъ, за греблю. Такимъ образомъ общество наше неожиданно увеличилось.

Съ нами Николай былъ особенно любезенъ, устроилъ намъ удобныя мѣста подлѣ гребцовъ, посреди лодки, такъ что мы всю дорогу ѣхали полулежа на мягкой глинѣ, укрытой двойнымъ сло-емъ рогожъ. Онѣ простеръ любезность даже до того, что отдалъ въ наше распоряженіе свой кожанъ. Грубая, затвердѣлая кожа этого морскаго пальто привела было въ смущеніе одного изъ нашихъ спутниковъ, но Николай успѣшилъ замѣтить:

— Нѣтъ, ты, баринъ, его не пихай, — въ озерѣ еще во-какъ спасибо ему скажешь.

Наконецъ, все было готово, и мы размѣстились въ слѣдующемъ порядкѣ: въ носовой части гребцы — Николай съ замужней сестрой и пильщики, впереди глины — наша компанія, позади груза, въ кормовой части, — странницы, и у руля старики — отецъ и мать Николая.

Николай снялъ шапку и началъ креститься.

— Съ Богомъ! — крикнулъ онъ, и наша лодка отвалила отъ пристани. Было ровно 11 часовъ утра.

III.

По Селигеру.

— Долго ли намъ придется ѣхать до монастыря? — освѣдомился я у Николая, усердно работавшаго веслами.

— Все отъ вѣтра, — замѣтилъ онъ: — ежели повѣтеръ, на парусѣ, такъ до Осташкова часа въ 4 доѣдешь, а коли прѣтивень, какъ вотъ теперь, такъ и двѣнадцать проѣдешь, а то и всѣ пятнадцать.

Слова его оправдались; намъ пришлось пробыть въ лодкѣ около четырнадцати часовъ.

Продолговатое плесо Селигера вообще не отличается шириною и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производитъ даже впечатлѣніе не озера, а широкой рѣки. Зеленые берега его живописны; на нихъ расположено нѣсколько селъ и много деревень, окруженныхъ полями и пашнями; въ промежуткахъ сянѣютъ на горизонтѣ лѣса.

Мы разговорились съ Николаемъ о глинѣ, служившей намъ такую удобною мебелью. Добывается она въ Гѣрицахъ, верстахъ въ 20 отъ Полнова, на восемнадцатисаженной глубинѣ. Человѣкъ двадцать крестьянъ становятся другъ надъ другомъ по стѣнкамъ, опускающейся въ шахту, и передаютъ глину нижній верхнему, пока она не достигнетъ поверхности земли. Въ продажѣ на мѣстѣ пудъ глины обходится 12—13 коп., доставленная же въ Остапковъ, она доходить до 18, 20 и даже 25 коп. за пудъ.

Упомянувъ объ Остапковѣ, Николай перешелъ къ мѣстному кожевному производству и сталъ рассказывать объ извѣстномъ остапковскомъ фабрикантѣ Савинѣ, который, по его словамъ, былъ очень добрый человѣкъ и широко благодѣтельствовалъ всей окрестности. (Если не ошибаюсь, этотъ Савинъ былъ мужемъ извѣстной въ свое время драматической артистки Орловой).

— А померъ, сердечный, отъ огорченія, — не вытерпѣлъ! — продолжалъ Николай: — купилъ онъ, говорятъ, гдѣ-то за границей пожарную трубу и подарилъ городу; много будто бы за нее денегъ заплатилъ. Вотъ на первый же пожаръ ее и вывели. Савинъ тутъ стоитъ подлѣ, смотритъ, какъ его машина будетъ дѣйствовать. А машина ни взадъ, ни впередъ — испортилась. Онъ такъ огорчился, что даже машиниста ударилъ, да тутъ же и самъ замертво упалъ. Отнесли его въ сосѣдній домъ, тамъ и душу Богу отдавъ. Еще и посейчасъ бѣднымъ-то отъ него жалованье идетъ, — закончилъ рассказчикъ: — кому рубль въ мѣсяць, кому полтора. Добрый человѣкъ былъ, царство ему небесное!

— Ну, а вамъ въ Полновѣ какъ живется?

— Живемъ ничего себѣ. Наше село по берегу изъ богатыхъ считается.

— Кто этотъ купецъ, который хлопоталъ о насъ?

— А это нашъ, полновской, Звонаревъ по фамиліи, человѣкъ обдѣлистый, на всѣ руки. Онъ чѣмъ хошь торговать будетъ: и кожами, и хлѣбомъ, и глиной, и телятами, и огурцами, что только подъ руку попадетъ, все купить, только бы польза была. Имѣній нѣсколько скупилъ да перепродалъ, тоже хорошо нажилъ, и теперь еще есть у него нѣсколько. Человѣкъ набожный, все у него съ молитвой, зато ужъ если и ругаться примется, такъ такое-то скажетъ, что, кажется, никому такъ и не придумать.

Часа черезъ два сдѣлали небольшой привалъ у мыса Пухорки, въ 12 верстахъ отъ Полнова. Кто вышелъ поразмяться на берегъ, пороспій густыми кустами орѣшника, кто остался въ лодкѣ. Николай досталъ свой завтракъ — ржаной пирогъ съ горохомъ, и угостилъ насъ. Вкусъ довольно своеобразный, но пріятный.

— А это вотъ мысъ Скүгаревъ, — показавъ онъ направо, когда мы снова тронулись въ путь.

— Что же это за названіе такое?

— Прежде-то тутъ перевозъ былъ, съ этого мыска на тотъ берегъ, къ Доброму. Вотъ прїѣдетъ кто на мысокъ, а перевозъ-то на той сторонѣ. Кричать тутъ, все равно не докричишься; вотъ и сидитъ на мыску, да скѣгорить,—скачаетъ значить...

Другое новое слово, встрѣчавшееся въ разговорѣ Николая, было: ерзыхъ!—означающее быстрое паденіе, проваливаніе, стремительное движеніе сверху внизъ. Николай очень любитъ это выраженіе и въ разговорѣ употребляетъ его довольно часто. Охотникъ онъ также вставлятъ въ рѣчь разныя поговорки, шуточные и серьезныя, напри-мѣръ: наше дѣло маленькое, выпилъ да ащо!—или: сытъ, да не битъ, такъ и слава Богу; пусть лучше насъ люди ругаютъ, а не мы людей,—крѣпче заснешь и т. п.

— О-охъ, далеко еще до угодничка,—вздыхаютъ странницы,—поди, къ вечеру только доберемся.

— Да ужъ ваше дѣло теперь не хвали,—отзывается Николай изъ-за веселья:—прїѣдемъ поздно, ворота заперты; господь-то еще кое-какъ пропустятъ, а вамъ придется подъ сосенкой заночевать.

— Что-жъ, ляжемъ и подъ сосенкой,—смѣются странницы.

— А волки?

— Э, братъ, насъ, старухъ, и волки не тронуть, испугаются; а тронуть, такъ развѣ только зубы объ насъ переломаютъ.

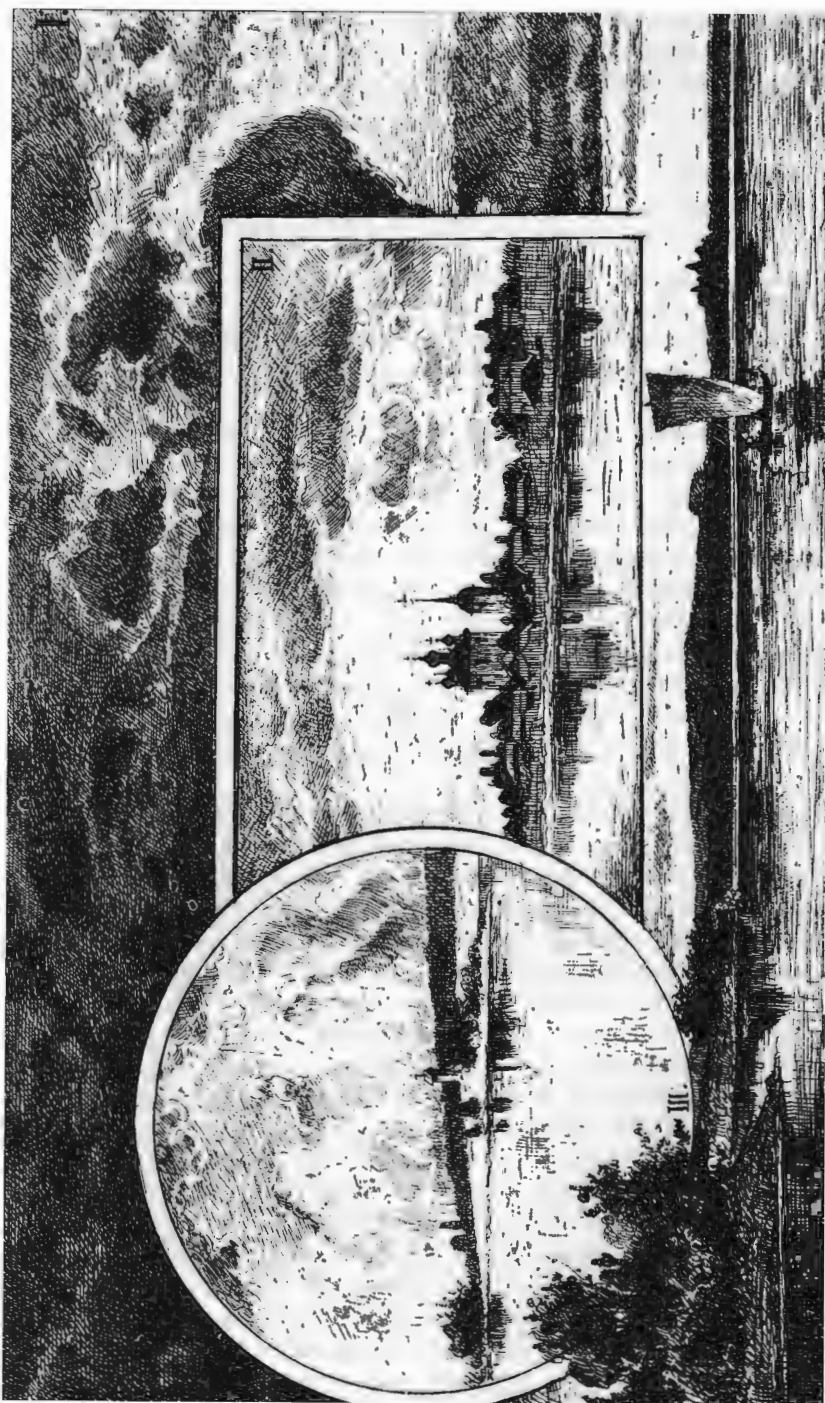
Хотя вѣтеръ былъ все время противный, но Николай не утерпѣлъ таки и въ виду Сосницы, пользуясь легкимъ изгибомъ фарватера, поставилъ парусъ. Весла продолжали работать, но вода, по словамъ гребцовъ, «стала маленько пожиже». Дѣйствительно, Николай зналъ свое дѣло: не смотря на то, что лодка шла только въ полъ-паруса, промежутокъ въ нѣсколько верстъ, остававшійся до Сосницы, мы прокатили въ какія нибудь двадцать минутъ, приведя въ изумленіе самого Звонарева, уже поджидавшаго насъ на берегу.

Сосница раскинута на самомъ берегу Селигера. Это довольно большое селеніе съ каменной церковью. Она находится еще въ Новгородской губерніи, но уже подлѣ самой границы съ Тверскою. Здѣсь мы устроили настоящій приваль и отправились пить чай въ избу; странницы съ самоварчикомъ расположились на берегу.

Впрочемъ, чаепитіе продолжалось недолго, и около трехъ часовъ мы уже снова пустились въ путь, причемъ въ лодкѣ рядомъ съ нами помѣстился и Звонаревъ.

— Такъ вы, господа, на Волгу,—верховье посмотрѣть желаете?—заговорилъ онъ,—хорошее дѣло. Прежде-то не слыхать было, а теперь съ каждымъ годомъ господа все больше и больше наѣзжать начали. Въ прошедшемъ году даже нѣмецъ какой-то къ намъ въ Полново явился со своей лодкой. Зеленой краской выкрашена, вся разборная, а сама крохотная такая, что только одному человѣку сѣсть.

— Еще какъ собрали ее, да понесли на берегъ, — оживился

На Селгерѣ.
I. Полновское плесо. — II. Сосница. — III. Егорьевскій островокъ.

Николай,—отецъ мой думалъ, что гробъ несутъ, да и давай креститься. Помнишь?—крикнулъ онъ, обратясь къ рулю, но отвѣта не послѣдовало: старикъ былъ туговать на ухо и вдобавокъ дремалъ.—А весельце у него одно, двустороннее,—продолжалъ Николай.—Вотъ сѣлъ онъ, да какъ началъ весельцемъ-то помахать, только его и видѣли!

— Тогда на озерѣ-то чуть бѣды съ нимъ не натворили,—подхватилъ Звонаревъ,—глядятъ по деревнямъ: что такое на водѣ чернѣется? Лодки-то не замѣтно, а только полъ-человѣка надъ водою видать; смотрѣли, смотрѣли и рѣшили, что лось плыветъ, да за нимъ въ погоню на лодкѣ, съ ружьемъ,—чуть не убили.

— Потомъ, говорятъ, изъ Осташкова по Селижаровкѣ на Волгу проплылъ.

Плесо сдѣлалось нѣсколько шире, впереди опять показались острова, составляющіе характерную особенность Селигера; ихъ здѣсь насчитываютъ до 160. Такое обиліе острововъ подало поводъ къ преданію, рассказывающему, что Селигеръ приходится роднымъ братомъ озеру Ильменю и проклятъ имъ испоконъ вѣковъ. Однажды будто бы оба брата пошли куда-то вмѣстѣ по одной дорогѣ. Настала ночь, и они прилегли соснуть. Пока Ильмень спалъ, Селигеръ, съ цѣлью обогнать брата, поднялся втихомолку и пустился въ путь, но не успѣлъ онъ отойти ста верстъ, какъ Ильмень проснулся. «Будь же ты проклятъ!—закричалъ онъ коварному брату:—и за твои сто верстъ пусть будетъ на тебѣ отнынѣ болѣе ста острововъ». Такъ и случилось.

Но, вѣроятно, Селигеръ былъ все-таки хорошій ходокъ, такъ какъ въ короткій промежутокъ времени успѣлъ взобраться на такую высоту, что среди многочисленныхъ озеръ Тверской губерніи занимаетъ самое возвышенное мѣсто. Не будучи специалистомъ по части топографіи, приведу здѣсь свѣдѣнія о длинѣ, ширинѣ и глубинѣ Селигера, заимствованныя изъ двухъ книгъ, написанныхъ въ началѣ и въ концѣ нашего столѣтія—изъ книги академика Озерцовскаго: «Путешествіе на озеро Селигеръ, 1817 г.», и изъ «Описанія Волги г. Рагозина, 1880 г.», при чемъ не могу не отмѣтить интереснаго явленія, что Селигеръ, не смотря на проклятіе старшаго брата, втеченіе какихъ нибудь 60 лѣтъ успѣлъ вырости и раздобрѣть и въ длину, и въ ширину, и въ глубину. У Озерцовскаго наибольшая длина озера показана 60 верстъ, у Рагозина—80; наибольшая ширина въ 1817 г. отмѣчена—15 в., въ 1880—30 в.; наибольшая глубина была 10 сажень, теперь стала 16. Кто виноватъ въ этой метаморфозѣ, озеро ли, или его измѣрители, рѣшать не берусь, но цифры во всякомъ случаѣ не лишены интереса.

— А это вотъ впереди-то островъ, Богатый называется,—заговорилъ Николай,—кладъ, говорятъ, на немъ зарытъ, только достать его никто не можетъ.

— Почему же?

— Трудно: бѣсовская сила мѣшает; не любить она клады-то отдавать. Да вотъ тоже недалеко отъ насъ было: пошелъ одинъ мужичекъ кладъ копать, мѣсто такое есть, тоже кладъ положенъ. Пошелъ онъ ночью, все какъ слѣдъ быть сдѣлалъ, и давай копать. Копалъ, копалъ и до чего-то ужъ докопался. Вдругъ мимо знакомый мужикъ идетъ: — «Здорово, Ванюха, ты что тутъ дѣлаешь?» — Онъ повернулся. — «Здравствуй, говорить, откуда?» — Разомъ все пропало, — ни мужика, ни клада!

— Разно бываетъ, — замѣтилъ Звонаревъ: — тоже мужичекъ одинъ копалъ, тоже докапываться началъ, вдругъ слышитъ: «Пожаръ! пожаръ! деревня горитъ!» — Выскочилъ онъ изъ ямы, ничего кругомъ нѣтъ, ни огня, ни зарева, а кладъ пропалъ.

— А то еще случай былъ, — подхватилъ Николай: — тотъ мужичекъ все время безъ помѣхи копалъ и ужъ большую яму выкопалъ; сталъ ужъ до клада докапываться, только слышитъ — гдѣ-то поютъ, сначала далеко, а потомъ все ближе, да ближе. Вдругъ глядитъ — надъ головой у него, на краю, люди показались, покойника несутъ; поднесли къ краю, да вдругъ ервыхъ его въ яму! Мужикъ заступъ бросилъ, да бѣжать, а потомъ и мѣста того не нашелъ, гдѣ и копалъ-то.

За Богатымъ показался небольшой островокъ съ бѣлѣвшимъ на немъ каменнымъ столбикомъ.

— Тутъ икона Егорью поставлена, — пояснилъ Николай.

— Кто же поставилъ?

— Проѣзжій одинъ, давно ужъ. Ъхалъ онъ вотъ также озеромъ, съ деньгами, какъ разъ въ самый Егорьевъ день. Присталъ къ этому островку, отдохнулъ здѣсь и поѣхалъ дальше, а деньги на островкѣ и забылъ. Хватился ужъ близко къ Осташкову; перепугался страсть, деньги-то были не малыя, а народу по озеру ѣздитъ много. Погналъ онъ обратно къ острову, а деньги его всѣ цѣлехоньки, тутъ и лежатъ, гдѣ оставлены, и поставилъ онъ на этомъ мѣстѣ образъ Егорью.

Звонаревъ давно уже смотрѣлъ на берегъ, бывший въ нѣсколькихъ саженьяхъ, на которомъ паслось стадо коровъ.

— Ты чего тутъ пасешь? — закричалъ онъ пастуху: — какъ смѣешь на господской землѣ пасты? Вотъ я барынѣ скажу.

— Сказывай, у насъ арендовано, — пробурчалъ пастухъ.

— Вотъ разбойники народъ! — обратился къ намъ Звонаревъ. — Вретъ все, и не думали они арендовать, а пасутъ самовольно: молъ, когда-то еще поймаютъ, да загонятъ, да когда-то въ судъ, а скотина больше травы наѣстъ, чѣмъ штрафу заплатить придется. Ихъ наканунѣ оштрафовали, а на другой день они ужъ опять тутъ. Знаю я ихъ, разбойниковъ!

Но поступки этихъ «разбойниковъ» оказываются еще цѣточ-

ками въ сравненіи съ тѣмъ, что здѣсь порою происходитъ. Недалеко отъ Егорьевскаго острова показалась одиноко стоящая заброшенная усадьба. Здѣсь прежде жилъ арендаторъ съ женою и работникомъ. Дѣло было зимою. Арендаторъ уѣхалъ зачѣмъ-то въ Осташковъ; въ это время на островъ перебралась шайка цыганъ и ворвалась въ усадьбу. Работника связали и бросили въ сарай, вломилась къ арендаторшѣ, избили ее до полусмерти, все что могли разграбили и, наконецъ, сожгли самый домъ. Нѣсколько далѣе, на правомъ берегу Селигера, около деревни Подполья, не такъ давно нашли трупъ убитаго человѣка. Жители деревни Лучковъ, рядомъ съ Подпольемъ, извѣстны своимъ озорствомъ, и проѣзжіе обыкновенно стараются засвѣтло миновать перелѣсокъ подъ ихъ деревнею.

IV.

Кравотынское плёсо.

— Великое это озеро и пространное, — раздался позади голосъ странницы: — а скоро придетъ время, ни одной капельки не останется.

— Это какъ? — обернулся Звонаревъ.

— Придетъ антихристъ, и все посохнетъ.

— Когда это онъ придетъ-то?

— Говорять, ужъ народился.

— А ты почему знаешь?

— Въ книгахъ сказано.

— Въ какихъ?

— Да ужъ извѣстно въ какихъ — въ божественныхъ.

— Ты читала что ли?

— Не читала я, а мнѣ люди сказывали.

— То-то и оно-то! Озеро, бабушка, когда-то еще высохнетъ, а до тѣхъ поръ ты все-таки на воду-то поглядывай, ишь валы какіе ходить почали. Ты плавать умѣешь ли?

— Нѣтъ, кормилецъ, не умѣю.

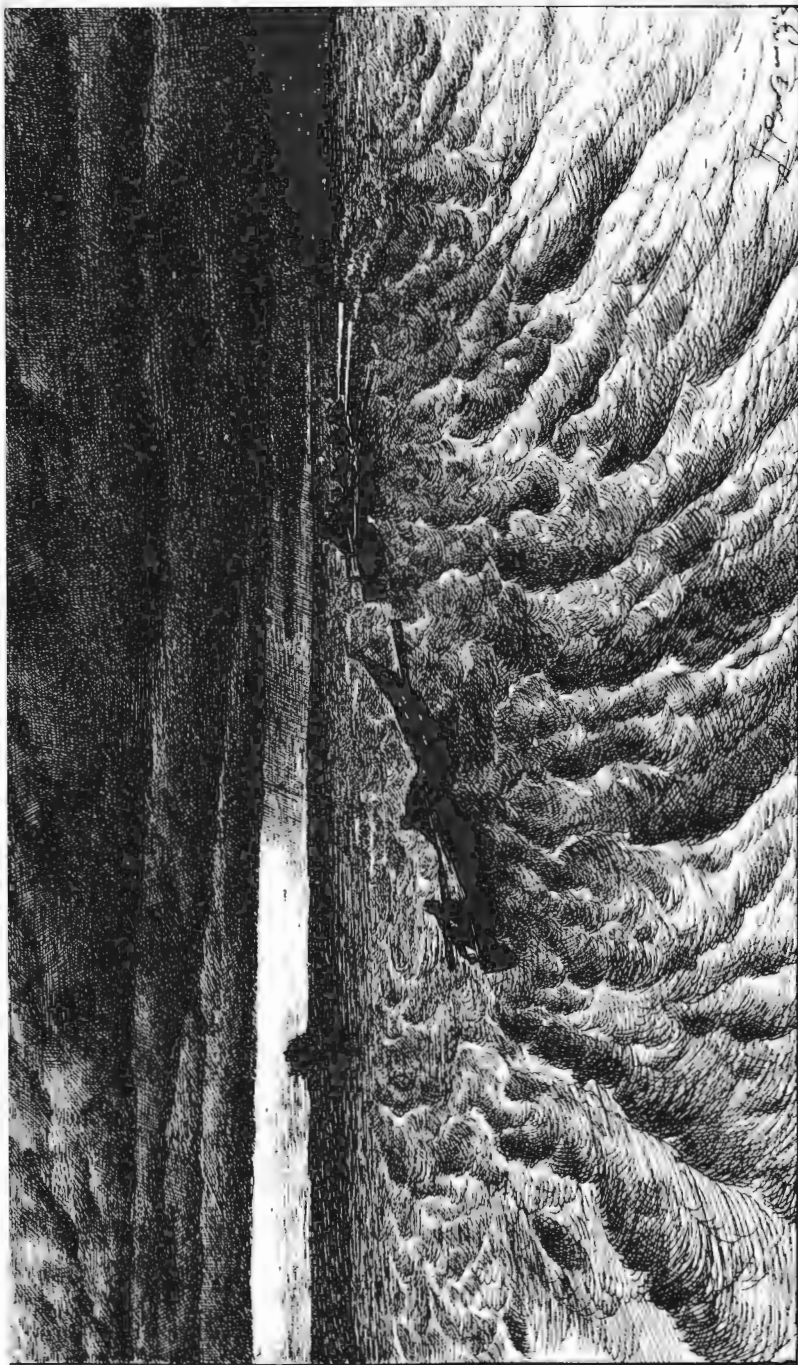
— Ну, вотъ видишь! Я-то, коли что, выплыву, а ты значить, какъ топоры плаваютъ...

— Выплывешь? — восклицаетъ старуха. — Небось какъ въ бахилы-то воды нальется, скорѣе моего ко дну пойдешь.

Всѣ смѣются. Разговоръ на минуту прекращается. Старуха смотритъ на прибрежные лѣса и заводитъ съ товарками рѣчь о грибахъ, причемъ съ особою похвалою отзывается объ опенкахъ.

— Каки-таки опенки? — снова вмѣшивается Звонаревъ. — Полно, бабушка, нешто это грибы? Поганки, скажи, а не опенки.

— Вотъ видишь ты, — вразумляетъ старуха, — борода-то у тебя скоро сивая будетъ, а и этого не знаешь. Опенки-то, другъ любезный, ежели сварить, — умъ отѣшь, вотъ что!

Кравотыньское плесо.

Солнце замѣтно начинало склоняться къ западу; тѣни на берегахъ становились косѣе; вечерѣло.

Недалеко отъ Егорьевскаго острова мы миновали самое узкое мѣсто пути, но лишь только поровнялись съ мыскомъ, виднѣвшимся впереди, какъ Селигеръ, могучимъ взмахомъ, снова развернулся передъ нами, и впереди показалась широкая блестящая гладь воды. Направо выросъ большой островъ Хачинъ, царь всѣхъ острововъ, разсѣянныхъ по Селигеру.

Николай глянулъ впередъ и повернулся къ странницамъ:

— Ну, теперь, старушки, держись: Кравотынское плесо показалось! Везъ я вотъ этакъ же плотника, — обратился онъ къ намъ, — такъ тотъ мнѣ ужъ только въ Осташковѣ признался: такъ я, говорить, этого самаго Кравотынскаго плеса боялся, что отъ самаго Полнова только о немъ и думалъ, — слыхаль я, какое оно широкое, да въ погоду бурное. А какъ поѣхали тѣмъ плесомъ-то, — вѣтеръ, волны; я легъ ничкомъ, да до самой Ниловой пустыни и головы не поднималъ; лежу да думаю, что вотъ, вотъ кувырнетъ насъ, и всѣ ко дну.

Мы ѣхали лѣвымъ берегомъ; надо было перебираться черезъ плесо къ острову Хачину, составлявшему правый берегъ, а плесо раздвигалось все шире и шире. Справа поднималась темная, грозовая туча, заслонившая свѣтъ заката; по временамъ изъ нея сверкала молнія. Вѣтеръ крѣпчалъ; вдали, на серединѣ плеса стали похаживать волны, показались на нихъ и бѣлыя гривки. Начинало замѣтно темнѣть. Правый берегъ, окутанный мглою, превратился въ сплошную туманную полосу.

Лодка попрежнему шла лѣвымъ берегомъ. Николай въ своей красной рубахѣ, безъ пояса, стоялъ на носу и шестомъ промѣривалъ дно; здѣсь было очень мелко.

Легкая лодочка съ двумя гребцами, обогнавшая насъ у Егорьевскаго островка, теперь убавила ходу и пропустила насъ впередъ, очевидно, съ намѣреніемъ имѣть при переѣздѣ черезъ плесо болѣе надежнаго компаніона.

Николай внимательно посмотрѣлъ на правый берегъ, почти совершенно сливавшійся съ тучею, и положилъ шестъ.

— Ну, ребята, — сказалъ онъ, — давай теперь черезъ Кравотынское плесо перебираться. Николай, — обратился онъ къ Звонареву, — садись-ка, братъ, на руль, смѣни стариковъ моихъ.

Купецъ безпрекословно полѣзъ на корму.

Одинъ изъ нашихъ товарищей, любитель гребнаго и паруснаго дѣла, сѣлъ въ весла, смѣнивъ сестру Николая.

— Съ Богомъ! — слышится команда, и четыре весла дружно врѣзываются въ воду. Лодка вздрагиваетъ и круто сворачиваетъ въ широкое плесо. Маленькая лодочка держится позади насъ.

Туча быстро надвигается; громъ грохочетъ все ближе и ближе.

Весла работают съ ожесточеніемъ, лодка несется теперь прямо въ перерѣзъ плеса. Волны ударяются о борта, порою обдавая насъ холодными брызгами. Темнота усиливается, туча заволокла почти все небо. На лодкѣ царствуетъ тишина, только слышно, какъ весла поскрипываютъ въ уключинахъ.

Вотъ и середина плеса. Со всѣхъ сторонъ показываются бѣлые гребни, изъ волнъ здѣсь образовалась какая-то толчея, лодку начинаетъ замѣтно покачивать. Молніи ярко освѣщаютъ картину бушующаго кругомъ плеса, громъ гремитъ почти надъ нашими головами.

Лодка борется съ волненіемъ, гребцы работаютъ во всю. Еще минутъ десять такой усиленной работы, и правый берегъ начинаетъ понемногу выростать передъ нами; очертанія прибрежныхъ кустарниковъ становятся крупнѣе и крупнѣе. Волненіе мало-помалу стихаетъ, лодка идетъ свободнѣе, бурное мѣсто пройдено. Но туча уже во всю ширину разлеглась по небу, и вдругъ хлынулъ дождь, какъ изъ ведра. Гребцы напрягаютъ послѣднія силы, лодка летитъ и съ налету врѣзается носомъ въ берегъ.

Слѣдомъ за нами подбѣжала и маленькая лодочка, гребцы выскочили изъ нея и спѣшили развести огонь. Для насъ же Николай въ какія нибудь двѣ—три минуты устроилъ, на лодкѣ же, «балаганъ» изъ паруса. Отъ нечего дѣлать мы достали корзину съ дорожною провизіей, и черезъ минуту нашъ балаганъ превратился въ трапезную для всей братіи, населявшей лодку.

Гроза скоро пронеслась. Кругомъ полная тишина, только было слышно, какъ падаютъ въ воду съ мокрыхъ бортовъ запоздалыя капли.

До пустыни оставалось всего верстъ пять, не болѣе, но двигаться приходилось въ совершенной темнотѣ. Долго, долго позади насъ мерцалъ огонекъ, разложенный гребцами съ маленькой лодки, но наконецъ и онъ скрылся. Мы шли ощупью, направляясь опять въ лѣвую сторону къ мелкому лѣвому берегу. Звонаревъ опять сидѣлъ съ нами.

— Отецъ, гляди хорошенько, — крикнулъ Николай рулевому, — мелко тутъ, правѣ держи, но съ кормы не откликались. Николай попробовалъ махать рукою, и тѣмъ не менѣе минутъ черезъ пять лодка стала на мель.

Кое-какъ столкнулись и тронулись далѣе; кругомъ тишина и мракъ.

— А вонъ и пустынь виднѣется, — воскликнулъ Звонаревъ.

Впереди дѣйствительно выростала темная масса острова.

— Жаль, построекъ теперь не видать, — продолжалъ онъ, — а то вы удивились бы: дворцы, чистые дворцы понастроены. Во многихъ я монастыряхъ бывалъ, а такого богатства не видывалъ. Да вотъ завтра сами посмотрите.

— А вы тоже здѣсь ночуете?

— Нѣтъ. Мы васъ въ гостиницу проводимъ, а сами въ Осташковъ: тутъ всего верстъ семь будетъ.

Островъ все ближе и ближе. Дѣйствительно бѣлая каменная громада монастыря даже ночью производитъ впечатлѣніе.

Мы миновали полуостровъ Свѣтицу, находящейся противъ самаго монастыря, и вошли въ монастырскую бухту, гдѣ стояли у пристани два парохода.

Зачаливъ лодку у набережной, Николай и Звонаревъ взяли наши вещи и понесли въ гору къ монастырской гостинницѣ; слѣдомъ за нами шли странники.

Въ гостинницѣ мы достучались «отводчика» (монаха, отводящаго келіи), который вышелъ со свѣчею и, окинувъ бѣглымъ взглядомъ наши костюмы и чемоданы, помѣстилъ насъ въ комнатѣ второго этажа.

Мы самымъ сердечнымъ образомъ простились съ Николаемъ и Звонаревымъ.

V.

Преподобный Нилъ и ревнители его памяти.

Столобный островъ, на которомъ нынѣ расположенъ монастырь, въ XVI вѣкѣ принадлежалъ, вмѣстѣ съ окрестными водами и берегами, къ вотчинѣ боярина Богдана Яковлевича Бѣльскаго, какъ извѣстно, испытавшаго на себѣ и ласку Грознаго и тяжелую опалу Годунова. Въ началѣ XVII вѣка мѣстность эта была пожалована князю Лыкову за побѣду надъ Лисовскимъ, при Медвѣжьемъ бродѣ.

Но маленькій, пустынный островокъ совершенно незамѣтный въ общей массѣ обширной вотчины еще съ 1528 года началъ прославляться на всю окрестность, благодаря подвигамъ поселившагося на немъ отшельника. Отшельникъ былъ родомъ изъ Жабенскаго погоста, Деревской пятины, и еще въ молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ Крыпецкій монастырь, въ Псковской области, гдѣ и получилъ при постриженіи имя Нила. Но жизнь въ обители не удовлетворяла его, душа его стремилась къ уединенію, и въ 1515 году, имѣя всего около 20 лѣтъ отъ роду, онъ, съ разрѣшенія игумена, оставилъ монастырь и удалился къ пустыннымъ въ то время берегамъ Селигера. Не доходя до озера 25 верстъ, онъ облюбовалъ себѣ мѣсто для жительства посреди дремучаго лѣса, росшаго по берегамъ рѣки Серемхи, и тринадцать лѣтъ провелъ въ этой лѣсной глуши. Но мало-по-малу молва о немъ стала распространяться по окрестности; къ нему, одни за другими, начали являться посѣтители за молитвою, за совѣтомъ, за благословеніемъ. Уединеніе было нарушено.

Преподобный начал молиться об указаніи ему новаго пустыннаго мѣста для подвиговъ и во снѣ услышалъ голосъ, указывавшій ему на островъ Столобный. Узнавъ отъ посѣтителей о мѣстоположеніи этого, незнакомаго ему, острова, св. Нилъ въ 1528 году оставилъ Серемскую пустыню и переселился на Столобный. Здѣсь онъ выкопалъ пещеру, въ которой провелъ зиму, а весною срубилъ себѣ келейку и поставилъ часовню.

Снова начались подвиги изнуренія плоти, неустаннаго труда и непрерывной молитвы. Преподобный даже ночью не давалъ себѣ полнаго отдыха; въ стѣну своей келіи онъ вбилъ два деревянныхъ крюка и, въ случаѣ крайняго утомленія, позволялъ себѣ опереться на нихъ, такъ что крюки приходились ему подъ мышками, и дремалъ въ такомъ полустоячемъ, полусидячемъ положеніи: это былъ его единственный отдыхъ.

Крестьяне, жившіе на соседнихъ берегахъ и не обращавшіе вниманія на незначительный островъ, теперь, узнавъ, что имъ пользуется какой-то инокъ, немедленно явились туда на лодкахъ и принялись вырубать лѣсъ подлѣ пашню. Напрасно святой молилъ ихъ оставить для него деревья на одномъ пригоркѣ, они вырубили все начисто, обойдя только одну сосну подлѣ самой кельи подвижника. Окончивъ рубку, они зажгли

сваленый лѣсъ, и пламя быстро разлилось по всему острову. Преподобный заплакалъ и началъ молиться. Огонь дошелъ до самой кельи святого и вдругъ остановился самъ собою. Пораженные чудомъ крестьяне спѣшно удалились съ острова.

По дорогѣ изъ Осташкова къ Торжку и теперь еще тянутся остатки бывшихъ здѣсь когда-то непроходимыхъ лѣсовъ Каченовскихъ, служившихъ надежнымъ пріютомъ для всякаго рода лихихъ людей; по мѣсту своего притона этотъ людъ имѣлъ и особое названіе—Качененковъ. Однажды толпа этихъ молодцовъ рѣшила навѣдаться на Столобный, въ надеждѣ на богатую добычу изъ подаяній, приносимыхъ отшельнику. Они застали преподобнаго

Рѣзное изображеніе преподобнаго
Нила Столбенскаго.

подлѣ кельи копающимъ землю мотыкою и стали требовать, чтобы онъ указалъ имъ мѣсто, гдѣ зарыто его сокровище.

— Сокровище мое—въ углу моей кельи,—отвѣчалъ преподобный. Тамъ находилось единственное его имущество—келейный образъ Пресвятой Богородицы.

Войдя въ келью и взглянувъ въ передній уголъ, разбойники были до того поражены свѣтомъ, исходящимъ отъ иконы, что тутъ же ослѣпли, но преподобный молитвою возвратилъ имъ зрѣніе.

Не одинъ пловецъ на Селигерѣ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ молитвамъ подвижника, не одинъ страждущій и удрученный горемъ ушелъ отъ него съ облегченною душею.

Двадцать семь лѣтъ прожилъ преподобный на Столобномъ и, чувствуя приближеніе кончины, исповѣдался и причастился св. таинъ у своего духовника Сергія, игумена Николо-Рожковскаго монастыря, находившагося на берегу, почти противъ Столобнаго. Преподобный предсказалъ Сергію, что на островѣ современемъ устроится обитель, и прощаясь нѣсколько разъ повторилъ просьбу, чтобы Сергій въ скоромъ времени снова побывалъ у него.

На слѣдующій день, 7-го декабря 1555 года, Сергій опять явился на островъ, но, войдя въ келью святаго, нашель его уже почившимъ въ молитвенномъ положеніи, опирающимся на свои крюки, къ которымъ онъ прислонился въ предсмертномъ изнеможеніи.

Съ кончиною старца затихъ пустынный островъ, и только богомольцы, приходившіе поклониться уединенной могилкѣ праведника, нарушали царившую на немъ тишину.

Основателемъ монастыря на Столобномъ явился іеромонахъ Николо-Рожковской обители—Германъ. Онъ еще съ дѣтства питалъ особое уваженіе къ памяти преподобнаго Нила и задумалъ составить описаніе его житія. Съ этою цѣлью онъ началъ собирать о немъ свѣдѣнія и часто бывалъ на Столобномъ, иногда даже переселяясь туда на долгое время. Онъ возобновилъ часовню надъ гробомъ преподобнаго, а черезъ нѣсколько времени, съ помощью добрыхъ людей, построилъ и деревянную церковь во имя Богоявленія. Церковь была освящена около 1594 года. Въ это время нѣсколько добровольныхъ отшельниковъ уже проживали на островѣ, а съ построеніемъ церкви число ихъ еще увеличилось, и Германъ въ томъ же году сталъ хлопотать въ Москвѣ у патріарха Іова о разрѣшеніи открыть на островѣ общежительную пустынь, чтѣ и было дозволено. Пустынь названа Ниловою, а Германъ назначенъ первымъ ея строителемъ. При немъ былъ написанъ образъ преподобнаго, по указаніямъ стариковъ, знававшихъ праведника лично, и написано его житіе, дошедшее до нашего времени только въ спискѣ.

Въ первые годы своего существованія обители пришлось не мало вынести сначала отъ неурожаевъ и безкормицы, а потомъ,

въ смутное время, отъ непріятельскихъ набѣговъ, такъ что умирая, въ 1614 году, Германъ оставлялъ обитель въ крайне бѣдственномъ, жалкомъ положеніи.

Но въ обители уже находился другой ревнитель святыни—инокъ Нектарій, впослѣдствіи игумень, который и долженъ считаться главнымъ строителемъ ея благосостоянія. Нектарій вступилъ въ обитель еще ребенкомъ, въ 1599 году, и перенесъ въ ней всѣ лишенія голоднаго и смутнаго времени. Въ письмѣ къ одному московскому боярину, помѣченномъ 1639 годомъ, уже будучи въ то время архіепископомъ тобольскимъ, Нектарій припоминаетъ эти тяжелые дни: «Какъ мнѣ забыть труды, и раны, и гладъ, и жажду, наготу и босоту? И до смерти мнѣ надобно помнить: какова милость Божія надо мною грѣшнымъ была въ пустыни и что мы кушали: вмѣсто хлѣба траву папортъ и кислицу, ухлевникъ и дягиль, и дубовыя жолуди, и дятлевицу и съ древесъ сосновыхъ кору отымали и сушили, и съ рыбою смѣшавъ, вмѣстѣ истолокши; а голодомъ не уморилъ насъ Богъ».

Въ годъ смерти Германа, Нектарію было всего около 28 лѣтъ, но онъ уже пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что былъ немедленно избранъ занять опустѣвшее мѣсто строителя. Благодаря его стараніямъ, пустынь вскорѣ пріобрѣла много благодѣтелей; на благоустройство ея внесли свои лепты: митрополитъ ростовскій Варлаамъ, извѣстный архимандритъ Троице-Сергіевой лавры Діонисій, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, Алексѣй Никитичъ Трубецкой, бояринъ Колтовской, Иванъ Никитичъ Романовъ и др., но особенно былъ полезенъ монастырю новый владѣлецъ Селигерской вотчины, князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, пожертвовавшій ему островъ Городомлю съ рыбными ловлями и полуостровъ Свѣтицу, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ.

При посредствѣ Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго, Нектарій получилъ доступъ ко двору и такъ понравился царю Михаилу Θεодоровичу, что по государеву желанію былъ возведенъ въ санъ архіепископа сибирскаго и тобольскаго. Но питомецъ Ниловой пустыни не могъ вынести разлуки съ нею и черезъ четыре года испросилъ разрѣшеніе вернуться на Столобный. Царствованіе Алексѣя Михайловича ознаменовалось для обители пожалованіемъ права безоброчной рыбной ловли на озерѣ Ильменѣ и назначеніемъ обильной денежной и хлѣбной руги. Въ монастырѣ уже было двѣ деревянныя церкви, но въ ночь на 27-е августа 1665 г. пожаръ истребилъ всѣ монастырскія зданія. Нектарій не палъ духомъ и, устроивъ наскоро маленькую деревянную церковь, сталъ подумывать о сооруженіи каменнаго храма надъ могилою преподобнаго. Онъ поѣхалъ въ Москву ходатайствовать о разрѣшеніи собирать пожертвованія, а, вернувшись домой, началъ готовить матеріалъ. Въ слѣдующемъ 1667 году онъ опять ѣздилъ въ Москву,

но здѣсь неумоимаго старца постигла тяжкая болѣзнь, которая и унесла его въ могилу. Отпѣваніе совершалъ въ Чудовомъ монастырѣ патриархъ Антиохійскій Макарій (бывшій въ Москвѣ для суда надъ Никономъ). Тѣло покойнаго, согласно завѣщанію, было отправлено въ пустынь, и самъ царь Алексѣй Михайловичъ пѣшкомъ проводилъ его за предѣлы Москвы.

Къ слѣдующему году матеріаль для постройки каменной церкви былъ вполне готовъ, и преемникъ Нектарія, Германъ II, приступилъ къ копанію рововъ для фундамента. По плану, ровъ на лѣвой сторонѣ храма долженъ былъ проходить въ разстояніи полутора аршинъ отъ гроба преподобнаго. 27-го мая 1667 года рабочіе поровнялись съ этимъ мѣстомъ, но лишь только ровъ былъ выкопанъ, какъ земля подлѣ гроба осыпалась, и глазамъ всѣхъ представились нетлѣнныя мощи преподобнаго, лежавшія въ совершенно истлѣвшемъ гробѣ.

День обрѣтенія мощей и до нашего времени составляетъ великій праздникъ не только для обители, но и для всей окрестности. Къ этому дню въ монастырь сходятся отъ 15 до 25 тысячъ богомольцевъ, изъ Твери пріѣзжаетъ архіерей, и изъ Осташкова на особой баржѣ, убранной разноцвѣтными флагами, отправляется большой крестный ходъ въ обитель. За нимъ движется по озеру масса лодокъ разнаго вида и величины съ окрестнымъ народомъ и пришлыми богомольцами. Въ хорошую майскую погоду картина этого празднества представляетъ, говорятъ, удивительное зрѣлище.

Вклады и пожертвованія въ обитель продолжались и въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, но при Петрѣ дѣла приняли другой оборотъ. На монастырскія мельницы и рыбныя ловли былъ наложенъ оброкъ, отмѣнена сперва рыбная выдача изъ кормоваго двора, установленная при прежнихъ государяхъ, а потомъ прекращена и клѣбная руга. Монастырь началъ бѣднѣть; средствъ не хватало даже на ремонтъ зданій, деревянныя крыши текли и обваливались, а тутъ, какъ на грѣхъ, въ маѣ 1717 г. нагрянули на островъ разбойники подъ предводительствомъ атамана Петрушки, ворвались въ платяную палату и забрали оттуда не только всѣ монастырскіе пожитки, но и имущество окрестныхъ помѣщиковъ, отданное въ обитель на храненіе.

Но это злключеніе было послѣднимъ. Черезъ три года Петръ, вмѣсто руги, пожаловалъ монастырю право на ловлю рыбы въ Селигерѣ, которое при Аннѣ Іоанновнѣ, по просьбѣ монаховъ, было замѣнено денежною выдачею. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія явились и щедрые частные благотворители, которые на свои средства совершенно преобразили внѣшность монастыря и окончательно упрочили его благосостояніе.

Нилова пустынь (съ юго-восточной стороны).

VI.

Нилова пустынь.

На слѣдующій день намъ предстояло осмотрѣть пустынь, побывать въ Осташковѣ и къ вечеру проѣхать по Березовскому плесу Селигера въ деревню Свапуци, отъ которой считается до истока Волги не болѣе 12 верстъ. Мы думали взять въ Осташковѣ лодку, но Николай и Звонаревъ посоветовали нанять до Свапущей монастырскій пароходъ, и потому первымъ нашимъ дѣломъ поутру былъ визитъ на пароходную пристань.

Въ знакомой уже намъ бухтѣ стоялъ теперь только маленькій пароходикъ «Ниль», большой же — «Нилова пустынь», ушелъ въ Осташковъ, куда онъ ежедневно ходитъ два раза за богомольцами. Мы сообщили машинисту «Нила» о своемъ желаніи проѣхать въ Осташковъ и Свапуци. Онъ сходилъ къ казначею и принесъ отвѣтъ, что пароходъ до Свапущей стоитъ 15 рублей, въ Осташковъ же казначей предлагалъ съѣздить за ту же цѣну, бесплатно, на большомъ пароходѣ, когда тотъ, передъ вечерней, отправится вторично за богомольцами. Мы согласились.

Поздняя обѣдня еще не начиналась, и машинистъ предложилъ намъ побывать покуда у «Нила сѣдящаго».

— Сейчасъ я отца Ефрема кликну, — добавилъ онъ, уже направляясь къ маленькой часовнѣ, стоявшей на берегу подлѣ пристани. Вскорѣ изъ нея появился о. Ефремъ съ большою связкою ключей, и мы отправились вдоль дороги, проложенной въ тѣни громаднхъ деревьевъ, которыми мы любовались еще изъ гостинницы.

На высокомъ западномъ берегу острова, на мѣстѣ пещеры, въ которой преподобный провелъ свою первую зиму на Столобномъ, находится каменная церковь Іоанна Предтечи, построенная въ концѣ прошлаго столѣтія помѣщикомъ Челищевымъ. Пещера эта, найденная также во время копанія ровъ для фундамента, находится въ сѣверо-западномъ углу нижняго этажа, гдѣ устроена церковь во имя Покрова Богородицы. Уголь обдѣланъ въ формѣ ниши, на подобіе пещеры, въ которой помѣщено рѣзное изображеніе угодника въ три четверти натуральной величины — это и есть «Ниль сѣдящій». Святой представленъ опирающимся на крюки, въ томъ положеніи, въ которомъ увидѣлъ его послѣ кончины игумень Сергій. На изображеніе поверхъ рѣзной схимы накинута черная, бархатная эпитрахиль. Маленькія копія съ этой рѣзной фигуры далеко распространены по всей окрестности; мы видѣли ихъ и въ Сосницѣ, и въ Полновѣ, и даже въ Валдаѣ. Говорятъ, что прежде эти копія изготовлялись въ громадномъ количествѣ окрестными крестьянами и продавались по 12—15 копеекъ, но теперь мона-

стырь, будто бы подь предлогомъ грубости этихъ работъ, запретилъ крестьянамъ продажу и продолжаетъ продавать ихъ уже только отъ себя. Впрочемъ, круглыя фигуры теперь и въ монастырѣ почти не продаются, ихъ замѣнили рѣзныя, плоскія иконки за стекломъ.

О верхнемъ этажѣ Предтеченскаго храма о. Ефремъ отозвался, что тамъ ничего нѣтъ, и повелъ насъ къ другой церкви, Воздвиженской, находящейся неподалеку, на юго-западномъ мысу острова.

Вѣтеръ за ночь окрѣпъ и теперь бурно носился въ пространствѣ, вздымая на озерѣ пѣнистыя волны и раскачивая вершинами деревьевъ старой рощи, по которой мы проходили. О. Ефремъ бодро шелъ впереди, указывая дорогу. Волоса его то-и-дѣло взлетали на воздухъ, полы подрясника развѣвались по вѣтру, и только тяжелая связка ключей, не поддаваясь порывамъ вихря, мѣрно раскачивалась въ тактъ его походкѣ. Церковь стоитъ на открытомъ возвышеніи и окружена невысокою оградю. Построена она почти въ одно время съ предыдущею. Прежде на этомъ мѣстѣ находилась каменная часовня въ память пребыванія и подвиговъ угодника въ Серемской пустынѣ. Церковь имѣетъ въ планѣ квадратъ, переходящій наверху въ осьмиугольникъ. Она построена въ стилѣ рококо и особенно внутри, благодаря обилію свѣта, производитъ крайне пріятное впечатлѣніе. Живописныя, рѣзныя и лѣпныя работы исполнены исключительно осташковскими мастерами Верзинымъ и Конягинымъ, старавшимися превзойти себя изъ усердія къ преподобному, и труды ихъ были поощрены монаршимъ одобреніемъ. Императоръ Александръ I, во время посѣщенія обители въ 1820 г., обратилъ особое вниманіе на отдѣлку этой церкви, спросилъ о мастерахъ и похвалилъ ихъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Отсюда о. Ефремъ повелъ насъ опять къ пристани, къ маленькой часовенкѣ изъ которой его вызвали. Здѣсь находятся остатки высокаго пня отъ дерева, подь которымъ спасался преподобный; теперь подь нимъ спасается о. Ефремъ, и койка его пристроена позади пня.

Поблагодаривъ нашего провожатаго, мы направились по аллеѣ, проложенной подь монастырскою стѣною, вдоль берега, отъ самой пристани, у которой стоялъ теперь и большой пароходъ, вернувшійся изъ Осташкова.

Мы присѣли на одну изъ скамеекъ, которыми щедро снабжена эта береговая дорожка. На аллеѣ отъ пристани показался монахъ съ курчавой сѣдой бородою, въ подрясникѣ, въ круглой шляпѣ котелкомъ, съ сумкою черезъ плечо, на шеѣ у него покачивалась серебряная часовая цѣпочка.

— Здравствуйте, господа, — обратился онъ къ намъ. — Это вы желаете ѣхать въ Березовское плесо?

— Мы.

— По-моему, вамъ будетъ гораздо удобнѣе ѣхать съ нами.

— И вы туда же?

— Нѣтъ, я собственно кассиръ съ большого парохода, такъ вамъ лучше ѣхать на нашемъ, чѣмъ на маленькомъ.

— Какъ вамъ угодно.

— Отлично будетъ, увѣряю васъ. Теперь мы васъ въ 2 часа отвеземъ въ Осташковъ, тамъ часика два погуляете, потомъ заѣдемъ на минутку сюда, только народъ высадимъ, а сами и дальше въ Свапуши.

— Можно и такъ.

— Только цѣна на большомъ пароходѣ будетъ на 3 рубля дороже. И я вамъ прямо скажу, — заторопился онъ, — что угоднику тутъ почти никакой пользы не будетъ. На дровахъ, да на томъ, на другомъ тѣ же три рубля и выйдутъ, а ужъ съѣздимъ-то какъ Свеземъ, однимъ словомъ, и скоро, и удобно. Ужъ вы трехъ рубликовъ не пожалѣйте.

Чтобы сдѣлать ему удовольствіе, не пожалѣли трехъ рубликовъ и разстались съ нимъ до двухъ часовъ.

Въ монастырѣ ударили въ колоколь. Мы продолжали путь вдоль берега и вскорѣ поровнялись съ восточными воротами монастыря, противъ которыхъ въ 1813—1814 гг. устроена каменная пристань для приѣма крестнаго хода изъ Осташкова въ день обрѣтенія мощей.

Полюбовавшись на лежащій напротивъ знакомый уже намъ полуостровокъ Свѣтицу съ церковью Михаила Архангела, мы дошли до сѣверо-восточнаго угла, гдѣ въ 1870 г. построена на берегу двухъярусная каменная башня со шпилемъ; здѣсь во время зимнихъ мятелей ставится фонарь, служащій маякомъ для проѣзжающихъ по озеру. Эта симпатичная мысль принадлежит покойному архимандриту пустыни Іоасафу. Около башни устроена пристань для парома, соединяющаго монастырь съ фруктовымъ садомъ, огородомъ и скотнымъ дворомъ, помѣщающимся на Свѣтицѣ.

На колокольнѣ раздался трезвонъ, возвѣщавшій начало литургіи. Мы вошли въ монастырь и направились къ собору.

Большой, трехпрестольный соборъ не отличается красотою. Онъ строился по плану архитектора Шарлемона съ 1821 по 1833 годъ. Внутри онъ отдѣланъ подъ мраморъ, украшенъ лѣпною работою и производитъ болѣе выгодное впечатлѣніе, чѣмъ снаружи, хотя здѣсь бросается въ глаза недостатокъ свѣта въ главномъ наосѣ, особенно въ восточной части, гдѣ свѣтъ изъ оконъ загороживается иконостасомъ. Подлѣ праваго клироса, въ аркѣ, соединяющей главный храмъ съ боковымъ придѣломъ, покоятся мощи преподобнаго Нила въ богатой ракѣ, подъ сѣнью. Стѣны боковыхъ наосовъ не такъ давно росписаны художникомъ Грибковымъ. Во всей отдѣлкѣ собора чувствуется щедрость и богатство.

Служба шла въ главномъ храмѣ, пѣли монахи подѣ управленіемъ свѣтскаго регента, пѣніе потное. Въ то же время въ правомъ придѣлѣ безостановочно служились молебны угоднику, у раки котораго толпились богомольцы.

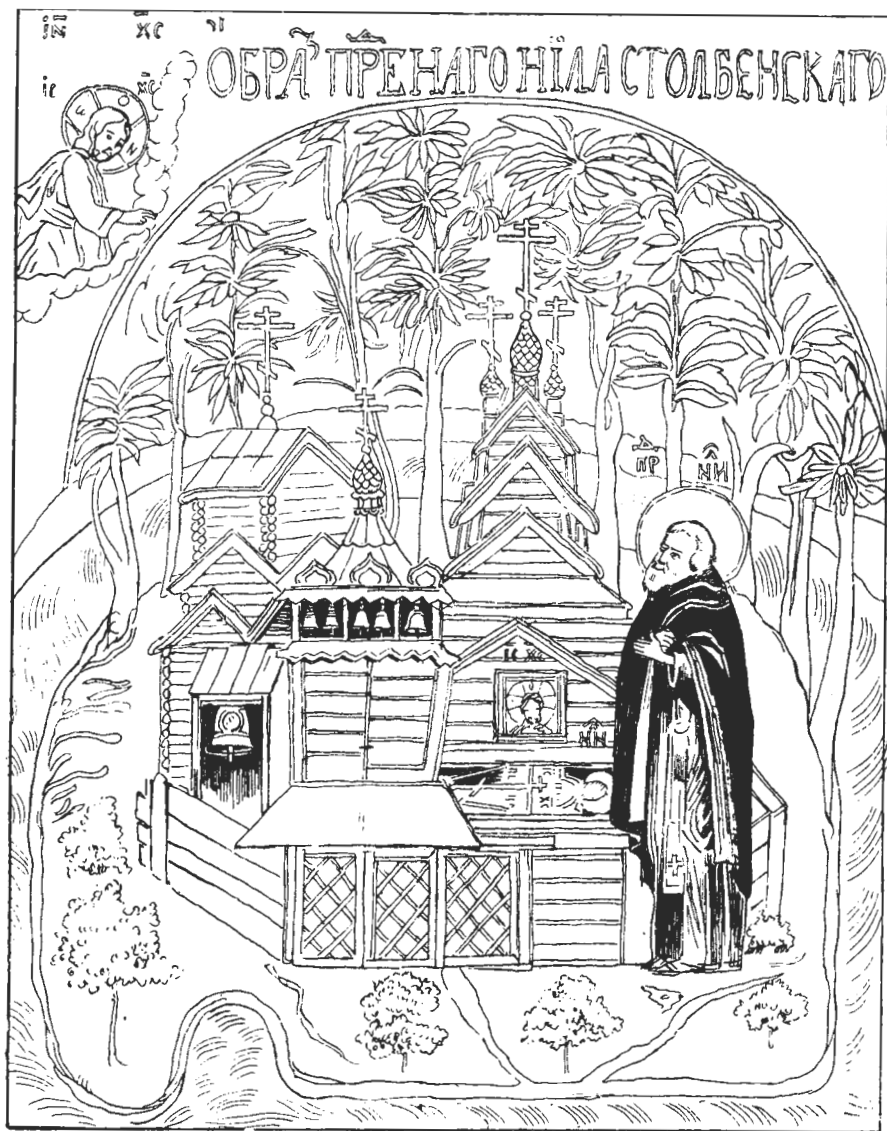
Нилова пустынь.
Башня-маякъ и полуостровъ Свѣтца.

Не смотря на глухое, не праздничное время, народу въ церкви было много. Вообще богомольцы въ обители не переводятся, что видно уже изъ ежедневныхъ двукратныхъ рейсовъ парохода, исключительно только привозящаго и отвозящаго посѣтителей. Въ прекрасномъ описаніи пустыни, составленномъ мѣстнымъ археологомъ, осташковскимъ протоіереемъ о. Владиміромъ Успенскимъ, говорится,

что въ день обрѣтенія мощей (27-го мая) и предшествующіе ему два-три дня въ обитель собирается до 35 тысячъ богомольцевъ; втеченіе великаго поста ихъ перебиваетъ до 30 тысячъ, а впродолженіе года всего около 100.000 человекъ. Ко дню обрѣтенія въ монастырѣ заготавливается 5.000 хлѣбовъ по 20 фунтовъ каждый, а на печеніе просфоръ расходуется 25 мѣшковъ муки пятипудоваго вѣса.

Мы подошли къ свѣчному ящику, гдѣ продаются также иконки, крестики, фотографіи и пр. Я освѣдомился о древней иконѣ преподобнаго Нила, хранящейся въ монастырѣ, и старшій свѣчникъ, іеромонахъ, любезно проводилъ меня въ алтарь лѣваго придѣла, гдѣ она находится. Икона дѣйствительно очень интересна: на ней изображена, хотя и не особенно искусно, древняя пустынь времени Нектарія, между 1641 и 1648 годами. Лѣвѣе отъ колокольни, стоящей на первомъ планѣ, видна одноглавая соборная церковь Богоявленія Господня съ придѣломъ московскаго чудотворца Василія Блаженнаго, съ трапезою и келарскою, которые, впрочемъ, на иконѣ прикрыты колокольнею; видимые же изъ-за колокольни фронтоны относятся, вѣроятно, къ самой церкви, состоявшей изъ нѣсколькихъ срубовъ. Эта церковь построена въ 1636 году, надъ могилою преподобнаго; въ 1665 г. она сгорѣла и замѣнена каменною, при постройкѣ которой, какъ я уже говорилъ выше, совершилось открытіе мощей угодника. Церковь о трехъ главахъ направо отъ колокольни построена Нектаріемъ въ 1622 году во имя Покрова Богородицы; на ней было пять главъ; но двѣ заднія главы прикрыты въ рисунокѣ передними. Подъ колокольнею — святые ворота, деревянные, косящатые, съ калиткою. Налѣво отъ колокольни, въ особой пристройкѣ, помѣщенъ благовѣстный колоколь, пожертвованный около 1641 года князьями Иваномъ и Юріемъ Ромодановскими. Ликъ преподобнаго, молящагося облачному Спасу, близокъ къ другимъ древнимъ изображеніямъ, одно изъ которыхъ, написанное въ 1595 году монахами Оршинскаго монастыря, Іовомъ и Нифонтомъ, было положено на гробницу преподобнаго и въ уменьшенномъ видѣ показано на иконѣ вмѣстѣ съ гробницею, которую художникъ изобразилъ впереди Покровской церкви, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она находилась въ храмѣ Богоявленія.

У свѣчнаго ящика заказываются и молебны. Меня удивило, что заказчики, отдавъ поминанье, начинали перебирать образки, выставленные для продажи. Оказалось, что здѣсь молебны служатся съ своего рода преміей. Заказчикъ послѣ молебна получаетъ образокъ, какъ бы въ благословеніе отъ обители, на самомъ же дѣлѣ это благословеніе дѣйствительно обращается въ премію, такъ какъ образокъ заранѣе выбранъ заказчикомъ по своему вкусу, и сообразно величинѣ образа установлена такса и за самый молебенъ, начинающійся отъ рубля; менѣе рубля молебенъ полагается уже безъ иконы.

Икона XVII столѣтія съ изображеніемъ пустыни между 1641—1648 годами.

Продажа образковъ преподобнаго началась очень давно; о ней упоминается еще въ 1663 году. Не знаю, каковы были цѣны тогда, но теперь и образа, и книги, и фотографіи—все очень дорого, особенно въ сравненіи съ другими монастырями.

Изъ собора мы отправились въ гостинницу. Одинъ изъ нашихъ товарищей, человекъ аккуратный и бережливый, исправляющій

должность нашего путевого казначея, зашелъ въ просфорную, чтобы купить на дорогу десятокъ просфоръ, но вернулся ни съ чѣмъ и сильно не въ духѣ.

— Помилуйте,—жаловался онъ,—это просто невозможно! Сегодня за чаемъ самъ платилъ отводчику по пятачку за штуку, теперь явился въ депо, тамъ меня осмотрѣли, взвѣсили, оцѣнили и за эти же просфоры требуютъ по 15 коп., да еще и продаютъ неохотно, а навязываютъ рублевья. Это показалось мнѣ такъ безцеремонно, что я не взялъ ничего.

Но разочарованія его этимъ не кончились. Придя въ свою комнату, мы стали укладывать вещи: приближалось время отправляться на пароходъ.

— А за ночлегъ какъ вы рассчитаетесь? — спросили мы нашего казначея.

— Я вчера у Звонарева справился. У нихъ есть кружка, и кто сколько хочетъ, столько и опускаетъ: 20, 30 копеекъ. Я имъ приготовилъ рубль.

— Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ! — послышался въ корридорѣ голосъ, сопровождаемый легкимъ стукомъ въ дверь.

— Аминь.

Въ комнату вошелъ монахъ съ книгою подъ мышкой.

— Вы, господа, уѣзжаете?

— Уѣзжаемъ,—отозвался казначей.

— Не пожелаете ли вписать сюда свою жертву на обитель? — монахъ протянулъ книгу.

Казначей судорожно провель рукою по волосамъ и взялся за перо...

— Вотъ тебѣ и кружка! — воскликнулъ онъ по уходѣ монаха.

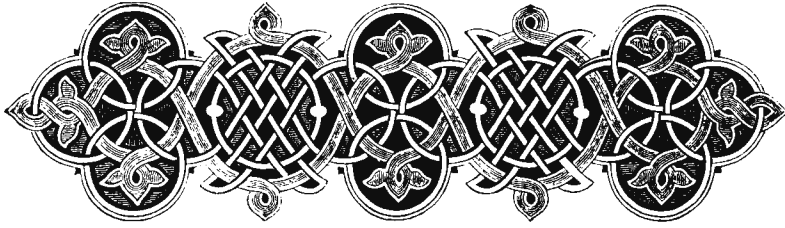
— Что же вы написали?

— Да что же напишешь меньше трехъ рублей?!

И. Тюменевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЫЯ РУССКІЯ СТАЛЬНЫЯ ПУШКИ.

Исторія одного изобрѣтенія.

I.

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ артиллерійскомъ историческомъ музеѣ находится не особенно большая, такъ называемая, облегченная 12-ти фунтовая стальная пушка съ вычеканенною на ней надписью слѣдующаго содержанія: «отлита въ 1860 году на Князе-Михайловской фабрикѣ изъ стали Обухова, выдержала болѣе 4.000 выстрѣловъ».

Съ того времени, какъ эта пушка попала въ музей, прошло голько 34 года,—число лѣтъ, почти равное числу пудовъ замѣчательной пушки¹⁾; между тѣмъ всѣ уже успѣли забыть, что она пробила брешь въ монополиі знаменитаго Круппа, избавивъ Россію отъ эго тяжелой зависимости при снабженіи орудіями русской арміи. Такимъ образомъ съ этою музейною древностью связано появленіе первыхъ русскихъ стальныхъ пушекъ, исторію которыхъ я и наѣренъ разсказать въ настоящей статьѣ.

Павель Матвѣевичъ Обуховъ, отецъ стальныхъ пушекъ въ Россіи, происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Вятской губ., родился зъ 1820 г. Образование получилъ въ институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ²⁾, при выпускѣ изъ котораго съ званіемъ поручика

¹⁾ Точный вѣсъ ея 32 пуда 35 фунт.

²⁾ Нынѣшній Горный Институтъ, реформированный въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

получилъ большую золотую медаль. Не смотря на прекрасные успѣхи въ наукахъ и блестящее окончаніе курса, Обуховъ былъ опредѣленъ сначала на мизерную и ничего незначащую, третьестепенную должность смотрителя при Серебрянскомъ заводѣ Пермской губ. въ 1845 г. Этотъ рѣзкій переходъ въ страшную провинціальную глушь, гдѣ многіе инженеры опускались до нравственнаго паденія и погибали отъ *delirium tremens*, могъ печально отразиться и на пылкомъ молодомъ смотрителѣ завода, особенно если принять во вниманіе культурные нравы горнозаводскаго общества того времени, членомъ котораго онъ дѣлался по своему положенію.

Уральскіе горные инженеры описываемой эпохи составляли очень замкнутую кастовую группу, съ гордостью и холоднымъ презрѣніемъ относившуюся къ остальному безправному горнозаводскому населенію, работавшему изъ-подъ крѣпостной палки, подъ вѣчной угрозой тяжкаго и позорнаго наказанія за малѣйшую провинность. Чувствуя себя въ положеніи помѣщиковъ собственниковъ, въ распоряженіе которыхъ была отдана многотысячная толпа заводскихъ рабовъ, они большею частію вели чисто сибаритскій образъ жизни, предаваясь праздности, кутежамъ, картежной игрѣ, устраивая спектакли, пикники, маскарады и т. п. Изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи была неисчерпаема, но зато вся уходила только въ придумываніе новыхъ видовъ развлеченій и удовольствій, средства для которыхъ брались «безгрѣшными» способами изъ остатковъ и смѣтныхъ «отчисленій» казенныхъ суммъ...

Страшная удаленность отъ центровъ, отдѣлявшихся первобытными путями сообщеній отъ медвѣжьихъ уральскихъ окраинъ, отсутствіе опасеній за правительственный контроль и газетную гласность, о которой тогда никто не смѣлъ и думать,—придавали инженерамъ особенную увѣренность въ томъ, что все сойдетъ съ рукъ, будетъ шито, крыто и мохомъ поростетъ. О пользѣ для казны, этой дойной коровы, предоставлявшейся на Уралѣ во власть инженеровъ, никто изъ нихъ не помышлялъ, потому что если можно было и безъ этого стяжать обильные доходы, то другаго стимула къ заботамъ о казенномъ интересѣ уже не отыскивалось и сыскаться не могло.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ тяжелой умственной и нравственной атмосферы дѣлалъ первые шаги служенія государству, прославившійся впоследствии, изобрѣтатель литой стали и первый мастеръ первыхъ изъ нея пушекъ. Но счастливая звѣзда охраняла его.

Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ назначенія смотрителемъ Серебрянскаго завода, Обуховъ былъ отправленъ по высочайшему повелѣнію въ заграничную командировку, главнымъ образомъ въ Германію, для усовершенствованія въ горнозаводскомъ дѣлѣ, предпочтительно же для изученія желѣзнаго и мѣднаго производства,

съ обязательствомъ прослужить за эту командировку въ горномъ вѣдомствѣ 6 лѣтъ.

Въ поѣздкахъ по германскимъ заводамъ Обуховъ провелъ два года, но возвратился изъ-за границы не прямо въ Серебрянскій заводъ, а въ Петербургъ, въ которомъ жилъ 4 мѣсяца, составляя отчетъ о своемъ путешествіи. Только въ сентябрѣ 1848 г. онъ снова прибылъ въ Серебрянскъ, откуда почти тотчасъ же переведенъ управителемъ Кушвинскаго завода съ чиномъ штабсъ-капитана.

Спустя три года, именно въ 1851 г., Обуховъ дѣлается управителемъ Юговскаго завода, и здѣсь у него впервые зарождается идея изобрѣтенія литой стали. Стоя на высотѣ горной науки своего времени и съ пользою для себя проведя два года въ Германіи, которая славилась развитіемъ горнаго дѣла, Обуховъ имѣлъ полную возможность, не стѣсняясь чьимъ либо вмѣшательствомъ, приняться за опыты надъ выплавкой стали. Нужно думать, однако, что техническія средства Юговскаго завода были не достаточно обширны для приведенія къ концу этихъ опытовъ. Какъ бы то ни было, завершиться имъ удалось только въ Златоустѣ, куда Обуховъ перешелъ управителемъ оружейной фабрики въ мартѣ 1854 г.

Впрочемъ, это было столь же счастливое сочетаніе зародившейся идеи изобрѣтенія стали со средствами Златоустовскаго завода, сколько и повышеніе по службѣ, такъ какъ должность управителя оружейной фабрики по іерархической лѣстницѣ считалась выше должности управителя простаго желѣзодѣлательнаго завода, затеряннаго гдѣ-то въ трупобахъ Уральскихъ горъ. Наконецъ, какъ центръ огромнаго горнозаводскаго округа, Златоустъ представлялъ и болѣе заманчивыя условія жизни среди многочисленнаго, почти непрерывно обновлявшагося состава инженеровъ, которые присылались сюда на службу и для изученія какихъ нибудь подробностей заводскаго и оружейнаго дѣла ¹⁾. Ученые путешественники, русскіе и иностранные, также нерѣдко бывали въ Златоустѣ, оживляя своими посѣщеніями мѣстную жизнь, возбуждая обмѣнъ мыслей по части теоретическихъ и прикладныхъ знаній.

Златоустовская оружейная фабрика ворочала бюджетомъ въ сотни тысячъ. Она изготовляла всякаго рода офицерское и солдатское оружіе и постоянно нуждалась въ хорошей стали для инструментовъ, употреблявшихся при выдѣлкѣ оружія. Сталь эта выписывалась изъ Англии и обходилась въ баснословно дорогую цѣну, искусственно поднимая стоимость фабричныхъ издѣлій, не

¹⁾ Извѣстный впоследствии писатель и сановникъ Е. П. Ковалевскій служилъ въ Златоустѣ помощникомъ горнаго начальника съ 7 апрѣля 1846 по сентябрь 1847 г., при чемъ два раза исправлялъ должность горнаго начальника

говоря уже о зависимости отъ иностранцевъ этой богатой и превосходно обставленной фабрики. Правда, мѣстный заводъ въ томъ же Златоустѣ приготавливалъ свою, такъ называемую, сырцовую сталь, но она была низкаго качества и не годилась прежде всего, какъ инструментальная сталь.

Судя по ходу опытовъ надъ выплавкой стали, планъ всей работы былъ обдуманъ очень старательно. Имѣя въ виду не только качество, но также и дешевизну будущей стали, Обуховъ обратилъ вниманіе на способъ ея производства посредствомъ сплава въ тигляхъ. Тиглемъ въ заводскомъ дѣлѣ называется высокій, въ три четверти аршина, горшокъ съ прямыми стѣнками и двумя днами. Нижнее дно тигля меньше верхняго, въ которомъ находится небольшое отверстіе для наложенія массы и выпуска расплавленнаго металла. Тигли формируются изъ огнеупорныхъ смѣсей графита и глины, выдерживающихъ высокую температуру въ 2—3 тысячи градусовъ по Р. Формовка тиглей для сталелитейнаго производства совсѣмъ не была извѣстна въ Златоустѣ, поэтому Обуховъ началъ съ азовъ, выбравъ нѣсколько человекъ заводскихъ рабочихъ и обучивъ ихъ приготовленію и правильной сушкѣ тиглей. Первые тигли, вышедшіе изъ рукъ еще неопытныхъ людей, безпрестанно лопались, не вынося чудовищнаго жара плавильныхъ печей, раскаляемыхъ древеснымъ углемъ, сжигаемымъ при сильнѣйшей тягѣ воздуха.

Понемногу дѣло съ тиглями наладилось, и явилась возможность систематическихъ опытовъ надъ составомъ сплавляемыхъ массъ. Матеріаломъ служили: чугуны, сырцовая сталь, желѣзо, руда магнитнаго желѣзняка, черный шликъ (песокъ), мышьякъ, селитра и глина. Варьяціи въ пропорціяхъ этихъ веществъ записывались весьма тщательно. Затѣмъ, когда расплавленная масса выливалась въ форму, то дальнѣйшія манипуляціи съ охлажденной стальной «болванкой» заключались въ проковкѣ ея и приготовленіи кирассъ, ружейныхъ стволовъ, инструментовъ и т. п.

Странно звучить теперь это слово «кирасса», сорокъ лѣтъ назадъ составлявшая видную часть боеваго вооруженія европейскихъ армій. Казенные заводы, въ томъ числѣ и Златоустовская оружейная фабрика, имѣли отъ военнаго вѣдомства большіе заказы на кирассы для русскихъ войскъ. Прочность ихъ испытывалась боевыми выстрѣлами пресловутыхъ солдатскихъ кремневокъ, которыя съ утра до ночи бухали на заводѣ по пробнымъ кирассамъ, взятымъ на выдержку изъ цѣлой партіи.

Къ цѣли своей Обуховъ подвигался крайне медленно, отчасти вслѣдствіе сложности всего процесса, отчасти по другимъ затрудненіямъ. Въ концѣ 1855 г. неутомимому экспериментатору удалось напасть на такой сплавъ, который давалъ отличную кирассную сталь, не уступающую подобной же крупновской. Кирассы изъ этой вновь полученной литой стали, какъ гласилъ офиціальныи отзывъ,

напечатанный въ «Горномъ Журналѣ», по легкости и сопротивленію ударамъ пуль были даже лучше крупновскихъ. Эта удача наполнила сердце изобрѣтателя великою радостію, заставивъ его съ еще болѣею настойчивостію продолжать свои опыты, которые

Павель Матвѣевичъ Обуховъ.

привели къ полученію пяти сортовъ стали, окончательно вытѣснившей изъ практики оружейной фабрики англійскую сталь.

Не пускаясь въ изложеніе техническихъ подробностей для выясненія разницы между сортами Обуховскаго изобрѣтенія, замѣчу

коротко, что сталь его дѣлится на мягкую и твердую и вообще обладаетъ драгоцѣннымъ свойствомъ свариться, подобно желѣзу. Что касается стоимости ея, то при крѣпостномъ трудѣ и прочихъ условіяхъ казеннаго заводскаго производства она обходилась въ 1 р. 50 к. за пудъ, тогда какъ пудъ крупновской литой стали привозился изъ-за границы за 5 р. 50 к., не говоря уже объ англійской, стоившей въ три раза дороже предыдущей. Между тѣмъ совершенно точные опыты со стругами для строганья кожъ на ножны къ тесакамъ и шашкамъ доказали, что, выкованные изъ англійской стали, они обдѣлывали только 50—80 кожъ, а струги изъ обуховской стали могли выстрагивать въ тридцать разъ больше!.. Такъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствовали отчеты, въ свое время опубликованные въ цитированномъ нами журналѣ. Обуховъ взялъ десятилѣтнюю привиллегію на свое изобрѣтеніе и, какъ увидимъ, пожалъ съ нею обильные лавры.

II.

Литая сталь была изобрѣтена даровитымъ русскимъ человѣкомъ въ чрезвычайно счастливый для нея моментъ. Русская армія въ это время реформировалась, поспѣшно перевооружаясь новыми ружьями и пушками. Только что кончившаяся Крымская война грозно предостерегала отъ квіэтизма и гордаго самоуслажденія патріотическимъ возгласомъ врагу: «шашками закидаемъ». Почти всѣ заводы казенные и частные были завалены заказами на ружейные стволы для нарѣзныхъ штуцеровъ, которыми предполагалось замѣнить смѣхотворныя кремневыя фужей, выбрасывавшія тяжеловѣсную круглую пулю-дуру (Суворовъ дѣйствительно былъ правъ!) на какіе нибудь двѣсти-триста шаговъ.

Не теряя ни минуты времени, Обуховъ началъ выковывать ружейные стволы изъ своей литой стали. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ отдѣлки первыхъ ствольныхъ, которые должны были рѣшить участь его изобрѣтенія.

— Скоро ли, скоро ли?—торопилъ онъ мастеровъ, обтачивавшихъ стволы ручнымъ способомъ.

— Не раньше, какъ черезъ недѣлю,—отвѣчали они.

— Работайте съ огнемъ... Надзиратель, запиши ихъ въ денную и ночную смѣну,

— Уже сдѣлано, П. М. Стараемся изъ всѣхъ силъ.

Стволы были сдѣланы. Горный начальникъ назначилъ комиссію для испытанія ихъ боевыми зарядами, въ составъ которой вошелъ артиллерійскій офицеръ. Опять забухала стрѣльба на заводѣ, на этотъ разъ особенно громкая, потому что черезъ опредѣленное число выстрѣловъ заряды пороха и пуль увеличивались.

— Больно здорово палить начали!—удивлялись златоустовцы, какъ раскатывается по горамъ звонкое эхо.

— Ишь казеннаго-то пороху не жаль,—замѣчалъ какой нибудь туземный охотникъ, которыми, кстати сказать, Златоустъ полнымъ полнехонекъ.—Лучше бы намъ его выдали—тетерокъ пострѣлять...

Философамъ, конечно, и во снѣ не снилось, что скоро имъ придется слушать громовые звуки пушечной боевой пальбы.

Ружейные стволы обуховской стали вышли изъ испытанія превосходно. Когда надежда на разрывъ или порчу ихъ препала, артиллеристъ предложилъ набить все дуло пулями.

— Это уже, кажется, сверхъ положенія?—возразилъ Обуховъ.

— Тѣмъ лучше для вашей стали,—отозвались члены комиссіи.

Стволы зарядили усиленнымъ зарядомъ пороха и забили его пулями до конца дула. Наложили капсюли, протянули шнуры отъ собачекъ.

— Дергай!—скомандовалъ предсѣдатель.

Пистоны хлопнули, но вмѣсто выстрѣловъ раздались какіе-то странные полувзрывы, напоминающіе шипѣніе и трескъ ракетъ. Оказалось, что пороховые газы, не будучи въ силахъ преодолѣть сопротивленія пуль, вышли черезъ казенники ружей, разворотивъ и частію вырвавъ ихъ.

Актъ результатовъ пробы ружейныхъ стволовъ попалъ въ военное министерство въ маѣ 1857 г. Въ министерствѣ, заинтересованномъ важностью этихъ опытовъ, отнеслись къ нимъ очень серьезно, и военный министръ сдѣлалъ о нихъ докладъ покойному императору Александру II-му. Государь оцѣнилъ изобрѣтеніе Обухова, всемилостивѣйше пожаловавъ ему добавочное содержаніе по 600 р. въ годъ, пока онъ будетъ состоять въ горномъ вѣдомствѣ.

Такая награда и столь высокое вниманіе къ трудамъ простаго русскаго инженера, не имѣвшаго ни связей, ни покровительства, и выбившагося изъ неизвѣстности только благодаря своимъ личнымъ талантамъ, вызвали понятную зависть во многихъ сослуживцахъ Обухова. Сначала они пустили темный, неопредѣленный слухъ, что какой-то молодой инженеръ Юговскаго или Серебрянскаго завода намѣревается заявить претензію на привиллегію, выданную П. М. Слухъ этотъ, не взирая на всю его очевидную несообразность, произвелъ впечатлѣніе и былъ принятъ къ свѣдѣнію. Вскорѣ, именно въ сентябрѣ 1857 г., Обуховъ, по высочайшему повелѣнію, уѣхалъ въ командировку за границу для изученія приготвленія стали и стальныхъ орудій. Сплетники и добровольцы злословія воспользовались отлучкою Обухова, чтобы вдоволь почесать на его счетъ свои языки. Не стѣсняясь уже ничѣмъ, они стали сочинять обстоятельные рассказы о томъ, какъ П. М. систематически спаивалъ проблематическаго «инженера», владѣвшаго секретомъ литой стали; какъ онъ довелъ его до безумія и захватилъ бумаги, содержащія

указанія всѣхъ сплавовъ. Мало-по-малу охотники запачкать грязью репутацію ближняго дошли до того, что называли фамилію несчастнаго инженера, изобрѣтеніе котораго такъ ловко эксплуатировалъ Обуховъ. Словомъ, въ тысячный разъ повторилась старая исторія, свивающая себѣ гнѣздо около каждой талантливой личности, пробивающейся къ славѣ черезчуръ смѣло, настойчиво и энергично...

Въ заграничной командировкѣ П. М. пробылъ полгода. Отчетъ о ней представлялъ подробнѣйшій проектъ изготовленія стальныхъ орудій непосредственно въ Россіи. Проектъ этотъ долго ходилъ по разнымъ инстанціямъ, претерпѣвая судьбу всѣхъ проектовъ, обреченныхъ на обычныя русскія мытарства. Для разсмотрѣнія его назначались коммиссіи, комитеты, собранія и т. п. Слѣдствіемъ ихъ было то, что въ 1859 г. Обухову разрѣшили приступить къ отливкѣ въ Златоустѣ пробныхъ стальныхъ пушекъ, ассигновавъ на этотъ предметъ 85 тысячъ.

Работа въ Златоустѣ закипѣла. Понимая громадную важность возложеннаго на него порученія, Обуховъ почти съ легендарною энергіей началъ дѣлать первыя приготовленія по отливкѣ и обточкѣ орудій. Приходилось выстроить корпусъ литейной съ печами для литой стали, зданіе проковочной съ молотомъ въ 250 п. для проковки пушечныхъ болванокъ и на скорую руку соорудить маленькую сверлильную для сверленія и обточки пушекъ. Неумоимый изобрѣтатель не спалъ цѣлыми ночами, не имѣлъ отдыха и днемъ, поспѣвая то здѣсь, то тамъ, давая указанія по кладкѣ печей, присутствуя при установкѣ только что полученныхъ изъ Бельгіи машинъ, первыхъ паровыхъ машинъ въ Златоустовскомъ заводѣ за время его столѣтняго существованія.

Въ началѣ 1860 г. все было готово. Просушка пушечныхъ формъ, исполненныхъ специалистами-формовщиками изъ тигельной массы, также была окончена. Оставалось перенести ихъ въ литейную и погрузить въ глубокія ямы въ уровень съ поломъ. Наканунѣ отливки Обуховъ пріѣхалъ къ горному начальнику съ докладомъ.

— Когда?.. — спросилъ его тотъ, зная, что ни о чемъ другомъ П. М. рѣчи вести не можетъ.

— Завтра, въ 5 часовъ утра, — отвѣтилъ немного возбужденный управитель оружейной фабрики.

— И никакой остановки быть не можетъ?

— Полагаю — да. Сегодня съ вечера накладывалъ въ тигли сталь. Въ теченіе ночи они должны расплавиться.

— Кто у васъ будетъ присматривать ночью?

— Я самъ. Поручить не могу никому, потому что отъ этого зависитъ успѣхъ первой отливки...

— Значитъ, вы не будете спать цѣлую ночь!.. Совѣтую хоть отдохнуть передъ ночнымъ дежурствомъ. Ждите меня завтра въ литейную.

Рано утромъ слѣдующаго дня, до начала отливки пушекъ, стали съѣзжаться и сходиться въ литейную всѣ чины горнозаводскаго управленія отъ мала до велика. Однихъ влекло сюда естественное любопытство посмотреть на зрѣлище отливки, которое, по слухамъ, обѣщало быть чрезвычайно эффектнымъ, другіе интересовались успѣхомъ и техническими деталями новаго дѣла, могущаго вырости въ нѣчто грандіозное для завода. Въ этой разнокалиберной толпѣ, въ которой простое серебряное шитье чиновниковъ перемѣшивалось съ густыми эполетами и эксельбантами инженеровъ, были и горячіе поклонники главнаго дѣйствующаго лица, и ехидные завистники, желавшіе, чтобы вся его затѣя лопнула мыльнымъ пузыремъ. Немножко сконфуженные тѣмъ, что загадочный «инженеръ», претендентъ на способъ литой стали, все еще не выступаетъ со своими разоблаченіями, они не теряли тайной, хотя и ускользящей надежды, что Обуховъ опозорится со своимъ изобрѣтеніемъ, особенно съ этими пушками, не дававшими имъ покою...

Послышался звонокъ. Дисциплинированная армія заводскихъ рабочихъ, съ загорѣлыми отъ огня лицами, крѣпкихъ и дюжихъ на подборъ, заранее обученная для этого случая, размѣстилась вблизи плавильныхъ печей, давно уже гудѣвшихъ отъ тяги поддуваль и выбрасывавшихъ ослѣпительные лучи бѣлаго свѣта каждый разъ, когда кочегаръ отворялъ небольшую чугунную дверку, закрывавшую устье печи. Жаръ отъ печей былъ невыносимый, такъ что даже привычные къ огненной работѣ кочегары постоянно подбѣгали къ чанамъ съ холодною водою, чтобы смочить руки, лицо и одежду.

Мастера обошли всѣ печи, заглянули въ нихъ опытнымъ глазомъ, угадывая о готовности стали по степени раскаленности тигельныхъ стѣнокъ, и доложили главному мастеру, что «можно начинать». Послѣдній передалъ объ этомъ Обухову. П. М. вынулъ часы—было почти ровно пять часовъ.

— Второй звонокъ!—приказалъ онъ.

По второму звонку всѣ рабочіе бросились къ чанамъ, обливая себя водою съ головы до ногъ. Каждая пара рабочихъ вооружилась длинными желѣзными кочергами-ухватами для вытаскиванія тиглей и особенными щипцами для переноски ихъ къ мѣсту отливки.

Раздался третій звонокъ. Гудѣніе въ печахъ сдѣлалось тише. Кочегары открыли дверки. Рабочіе быстро просунули туда свои ухваты и ловкими отчетливыми движеніями начали вытаскивать двухпудовые, совсѣмъ бѣлые тигли, ставя ихъ на сухой песокъ, разсыпанный на землѣ. Тигли, возмущенные рѣзкой переменной температуры, разбрасывали мелкія, искрометныя звѣздочки и слегка шумѣли, какъ будто въ нихъ клокотала расплавленная масса. Операція выемки тиглей продолжалась не болѣе двухъ-трехъ минутъ. Половина этого времени ушла на отмыканіе втулокъ для выпуска стали.

— Къ отливкѣ!—скомандовалъ Обуховъ, зорко глядѣвшій за всѣми дѣйствіями рабочихъ.

Въ одинъ мигъ тигли были взяты въ двуручные щипцы, и рабочіе бѣгомъ пустились съ ними къ четыремъ болваночнымъ формамъ, зіявшимъ своими жерлами на полу литейной. Тонкія струйки жидкой и бѣлой, какъ молоко, стали полились въ нихъ безъ перерыва. Опороженные тигли кидались въ сторону — это былъ уже ни на что негодный мусоръ, вывозившійся потомъ изъ литейной вмѣстѣ съ пескомъ, землей и т. п. Нѣсколько тиглей лопнули въ печахъ, и сталь вытекла изъ нихъ. Но такъ какъ тамъ же стояли запасные тигли, то они пошли на замѣну лопнувшихъ, и отливка болванокъ завершилась вполне благополучно.

— Блоки!—отдалъ послѣдній приказъ Обуховъ, когда была вылита вся сталь.

Загремѣли блоки, укрѣпленные въ потолокъ зданія, и на желѣзныхъ цѣпяхъ спустились чугунные гнеты, придавившіе содержимое болваночныхъ формъ.

— Bravo, bravo!—закричали въ группѣ, сочувствующей П. М.

Раздались аплодисменты, на этотъ разъ подхваченные всѣми присутствующими. Обуховъ, утомленный бессонною ночью и нервно настроенный во время отливки, вытиралъ платкомъ свое лицо, смущенно раскланиваясь во всѣ стороны. Къ нему подходили, жали его руки, поздравляли съ хорошимъ началомъ дѣла, онъ не успѣвалъ и не могъ отвѣчать на нѣжныя привѣтствія, сыпавшіяся изъ искреннихъ и лживыхъ устъ...

Пока разыгрывалась эта сцена среди сливокъ собравшагося общества, сотня рабочихъ, участвовавшихъ въ отливкѣ, выстроилась въ двѣ шеренги, впереди которыхъ стали мастера.

— Павлу Матвѣвичу Обухову—ура!—закричалъ главный мастеръ, подавая этимъ сигналъ своей рати.

«Ура-а!» прогремѣло, раскатываясь подъ желѣзною крышею, подхваченное сотнею здоровеннѣйшихъ глотокъ, какія когда либо были производимы на свѣтъ Божій.

— Первымъ нашимъ стальнымъ пушкамъ — ура!— снова провозгласилъ мастеръ.

«Ура-а!» оглушительное и раскатистое опять, какъ вихрь, пронеслось по литейной.

Обуховъ выступилъ изъ окружавшей его толпы, снялъ фуражку и низко поклонился.

— Качать...—вымолвилъ кто-то, и Обухова уже подбрасывали кверху могучія руки, привыкшія ворочать семипудовыми стальными и желѣзными крѣпями.

— Bravo, bravo!—въ одинъ голосъ закричала мундирная интеллигенція, воодушевленная этимъ безхитростнымъ выраженіемъ симпатій и преданности къ собрату и неистово аплодировавшая.

— Два дня отдыху... на мой счет угощение—объявилъ П. М. рабочимъ, оправляясь отъ неожиданной манифестаціи, экспромтомъ выпавшей на его долю.

III.

Въ мартѣ 1860 г. три пушки были уже обточены и высверлены, а четвертая должна была явиться въ Петербургъ въ неотдѣланномъ видѣ. Всѣ три пушки имѣли каналъ, равный крупновскимъ, соотвѣтствующей длины и вѣса, такъ какъ проба на петербургскомъ полигонѣ имѣла цѣлюю выяснитъ сравнительныя достоинства нѣмецкихъ и русскихъ орудій. Но прежде, чѣмъ готовить свои дѣтища къ отправкѣ въ сѣверную столицу, Обуховъ подвергъ ихъ испытанію на мѣстѣ, въ Златоустѣ. Полигономъ былъ избранъ обширный заводскій прудъ, покрытый толстымъ слоемъ льда. Пушки привозили на саняхъ и ставили на массивный зеленый лафетъ, укрѣпленный у подошвы горы Косотуръ.

Любопытныхъ на эту пробу сбѣжалось со всего завода съ его шестнадцатитысячнымъ населеніемъ. Они съ младенческимъ простодушіемъ тѣснились вблизи лафета, глаза, какъ артиллеристы дѣйствуютъ банникомъ, для очистки совѣсти протирая имъ каналъ отъ металлической пыли, какъ они вскрываютъ картузы съ порохомъ, вкладываютъ въ жерло, заколачиваютъ пыжь и проч.

— Эта, братъ, пороху слопаеть не мало!—замѣчали зрители, подталкивая друга друга локтемъ.

— Нашимъ винтовочкамъ на цѣлый годъ хватило бы...

— Эхъ, развѣ попросить?

— Сунься-ка, попробуй!..

— Прочь отсюда!—раздался начальнической окрикъ полицей-мейстера.

Толпы разсыпались. Одни взобрались на гору Косотуръ, густо усявъ ея склоны, другіе отступили на почтительное разстояніе къ плотинѣ. Первый выстрѣлъ былъ данъ холостой. Чудный, тихій, солнечный, съ легкимъ морозцемъ, мартовскій день встрѣтилъ его великолѣпнымъ эхомъ, которое прокатилось по горамъ и, вѣроятно, особенно пріятно показалось Обухову, стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ отъ орудія. Каналъ прочистили, осмотрѣли и заложили въ него новый картузъ съ порохомъ.

— Ядромъ!—приказалъ П. М.

Солдатики взяли изъ ящика гладкую чугунную бомбу времени севастопольской кампаніи ¹⁾ и торжественно вкатили ее въ дуло, слегка проталкивая банникомъ.

¹⁾ Исторія этихъ бомбъ довольно поучительна. Златоустовскій заводъ отливалъ ихъ ежегодно десятками тысячъ, но артиллерійскіе пріемщики принимали снаряды ужасно придирчиво, такъ что чуть не 50% поступало въ бракъ и скла-

— Пли!—скомандовалъ старшій фейерверкеръ.

Боевой выстрѣлъ грянулъ сильнѣе холостого, и толпа привѣтствовала его знаками одобренія.

— Смотри, смотри, какъ бомба-то скачетъ!—указывали на прудъ, по которому летѣло ядро, взметая клубы снѣжной пыли. По пути оно чуть было не задѣло собаки, перебѣгавшей по своимъ собачьимъ дѣламъ изъ Демидовской части завода на Ветлужскую. Дворняжка отъ страха перекувырнулась, взвизгнула, поджала хвостъ и стрѣлой помчалась обратно домой.

— Двѣ-три сосенки загубить эта штука на томъ берегу,—разсуждали въ толпѣ, глядя на удаляющееся ядро.

— Сосенки что! Еще налетитъ на когонибудь...

— Ну, туда тоже казаки посланы сторожить дорогу.

Стрѣльба бомбами то изъ той, то изъ другой пушки продолжалась весь день. Ради развлечения артиллеристы направляли орудія на заброшенный каменный сарай, неизвѣстно для чего стоявшій въ прибрежной прудовой рожицѣ, и подъ конецъ разрушили его до основанія.

Немедленно послѣ этой домашней пробы пушки уложили въ ящики-сани и гужевымъ способомъ отправили ихъ въ далекое странствованіе черезъ всю ширину Европейской Россіи, отъ Урала до Финскаго залива.

Въ дорогѣ эти пушки, которыя съ понятнымъ интересомъ и нетерпѣніемъ ожидались въ Петербургѣ, пробыли очень долго. Въ артиллерійскомъ арсеналѣ ихъ нарѣзали, а болванку заново обточили и высверлили. Въ августѣ 1860 г. Обухова вызвали въ Пе-

дывалось въ четырехгранныя пирамиды, заполонившія все мѣсто на площади, предъ арсеналомъ. Но вотъ открылась севастопольская война. Склады боевыхъ припасовъ вблизи театра военныхъ дѣйствій оказались пустыми... Явилась надобность въ экстренномъ снабженіи ихъ всякимъ военнымъ добромъ. Тутъ вспомнили и объ египетскихъ пирамидахъ изъ бомбъ, наваленныхъ на площади Златоустовскаго завода. Телеграфовъ еще не было. Послали традиціоннаго фельдъегеря, который, проскакавъ сломя голову 2300 в., привезъ строжайшій приказъ отправить все забракované снаряды, не медля ни минуты, въ указанные пункты—Севастополь и Владивостокъ. Горное начальство радо было развязаться съ обузой. Въ тотъ же день оно собрало сотню троечныхъ подводъ, нагрузило ихъ всемію надѣвшимъ чугуннымъ балластомъ и отправило ихъ по трактамъ въ Европейскую Россію и Азію, на погибель дерзновенныхъ французовъ и англичанъ, давно уже забрасывавшихъ наши приморскіе города дождемъ ядеръ и гранатъ. То же самое повторилось на другой и на третій день,—такъ въ продолженіе двухъ недѣль. Только благодаря этой генеральной очисткѣ, нахлынувшей подобно океанской волнѣ, удалось избавиться отъ чугунныхъ холмовъ, начинавшихъ обростать мохомъ, травой и даже кустарникомъ. Тѣмъ не менѣе запасъ бомбъ въ Златоустовскомъ заводѣ всегда бывалъ великъ, и имъ-то суждено было играть роль въ боевой стрѣльбѣ изъ новѣйшихъ стальныхъ пушекъ, потому что гладкій ненарѣзной каналъ ихъ пока не допускалъ употребленія ядеръ, обшитыхъ мѣдными или свинцовыми кольцами.

тербургъ для присутствованія при испытаніи приготовленныхъ орудій.

Проба началась 26 ноября съ трехфунтоваго заряда пороха Охтенскаго пороховаго завода. Всѣхъ выстрѣловъ предположено было сдѣлать 4.000. Черезъ каждую тысячу выстрѣловъ мѣнялся въ затравкѣ мѣдный винтъ, вставлявшійся во избѣжаніе поврежденія (разстрѣла) въ этой точкѣ орудійнаго тѣла. Обращалось вниманіе какъ на состояніе канала послѣ извѣстнаго числа выстрѣловъ, такъ и на полетъ ядеръ. Со второй тысячи зарядъ пороку увеличенъ на одинъ фунтъ, и эта пропорція оставлена до конца пробы. Черезъ три тысячи выстрѣловъ правильность полета ядра нисколько не измѣнилась.

Такой прекрасный результатъ трехъ четвертей всего комплекта выстрѣловъ обезпечивалъ уже за пушкой благополучность окончанія пробы. Поэтому высшее начальство Обухова, министръ финансовъ, нашель своевременнымъ войти къ государю императору съ представленіемъ о награжденіи П. М. за труды по орудійному производству. Тутъ очевидно уже сказалось не рѣдко повторяющееся въ извѣстныхъ сферахъ соперничество въ наградѣ человѣка, заслуги котораго говорятъ сами за себя. Хотя выдѣлка орудій несравненно ближе касалось вѣдѣнія военнаго министра, чѣмъ изобрѣтеніе литой стали, за которую военный министръ четыре года передъ тѣмъ выхлопоталъ солидную прибавку къ жалованью Обухова,—но министръ финансовъ, завѣдывавшій тогда горными заводами, не хотѣлъ вторично пропустить случая наградить своего подчиненнаго. Очевидно, Обуховъ дѣлался *persona grata*, и министры старались о немъ одинъ передъ другимъ.

Въ февралѣ 1861 г. на Обухова опрокинулся рогъ изобилія всяческихъ наградъ и отличій: 3-го числа онъ получилъ орденъ Владиміра 4-й степени, черезъ 6 дней его произвели за отличіе въ полковники, и, кромѣ того, высочайше повелѣно уплачивать ему по 50 к. съ пуда приготовленныхъ къ сдачѣ орудій и по 35 к. съ пуда орудійныхъ болванокъ и сортовой стали, приготовленныхъ по заказамъ правительства.

Послѣдніе выстрѣлы четвертой тысячи дѣлались уже въ мартѣ 1861 г., т. е. черезъ три мѣсяца отъ начала испытанія обуховской пушки.

Сохранился рассказъ, что будто бы покойный императоръ Александръ II, которому ежедневно докладывали о ходѣ пробы, изволил лично присутствовать на окончаніи ея 8-го марта. Зная Обухова и его заслуги по горнолитейному дѣлу, императоръ спросилъ инженера:

- Увѣренъ ли ты, что твоя пушка выдержитъ?
- Вполнѣ увѣренъ, ваше величество!—отвѣчалъ П. М.
- А чѣмъ ты это докажешь?

— Тѣмъ, что если вы позволите, то я сяду на нее верхомъ, и пусть стрѣляютъ, сколько хотятъ...

Государь улыбнулся и снисходительно добавилъ:

— Пожалуйста, не вздумай этого дѣлать! Я и такъ отъ всѣхъ слышу, что пушка выше похвалъ и пробу перенесетъ хорошо.

8-е марта 1861 г. было кульминаціонной точкой торжества самого Обухова и окончательнымъ поворотомъ къ освобожденію отъ дорогой крупновеской монополіи, связавшей русское правительство контрактомъ на поставку стальныхъ пушекъ по 52 р. за пудъ ¹⁾, тогда какъ только что замолокнувшее отъ безпрестанной стрѣлбы обуховское орудіе обошлось казнѣ по 16 р. 50 к.—разница чувствительная... Въ воспоминаніе этого обстоятельства первую русскую стальную пушку съ почетомъ отправили въ артиллерійскій арсеналь, откуда она попала въ артиллерійскій историческій музей, устроенный въ кронверкѣ Петропавловской крѣпости.

Къ развитію сталелитейнаго производства до самыхъ широкихъ размѣровъ казна не остановилась ни передъ какими затратами. Было сдѣлано распоряженіе объ открытіи Златоустовской сталепушечной фабрикѣ почти неограниченнаго кредита, такъ чтобы она могла ежегодно готовить не менѣе 500 стальныхъ орудій разнаго калибра, отъ легкихъ полевыхъ до тяжелыхъ осадныхъ, крѣпостныхъ и морскихъ.

Съ этого момента начинается золотой вѣкъ Златоустовскаго завода, тянувшійся, впрочемъ, весьма не долго,—всего 6 лѣтъ. Теперь, при ретроспективномъ взглядѣ на ходъ пушечностального дѣла въ Россіи, кажется просто непонятнымъ, что центромъ его былъ избранъ заброшенный и мало кому извѣстный казенный уральскій поселокъ, лежавшій среди горныхъ отроговъ, на границѣ Европы съ Азіей. Теперь никто и не затруднится указаніемъ причинъ, почему оно такъ скоро было кинуту тамъ, будучи перенесено, какъ увидимъ, въ другіе пункты Россіи.

Обуховъ возвратился въ Златоустъ, увѣнчанный лаврами побѣдителя, предъ которыми невольно склонилось всякое злословіе, и замолокли самые невоздержные языки. Ему даже устроили торжественную встрѣчу въ нѣсколькихъ верстахъ отъ завода съ шампанскимъ и тостами, а въ самомъ Златоустѣ инженерное общество рѣшило въ честь его дать балъ-монстръ, до сихъ поръ памятный немногимъ доживающимъ сподвижникамъ П. М. Мѣстомъ бала служило «благородное собраніе», правомъ входа въ которое пользовались только горные инженеры и классные чиновники заводскаго управленія. Шампанское, конечно, лилось рѣкой. На ужинъ подавались медвѣжьи окорока, олени языки, туземная форель, всевозможная лѣсная и болотная дичь и... колоссальная пирамида изъ

¹⁾ Горный Журналъ, 1861 г., № 3-й.

жареныхъ воробьевъ, которые въ теченіе недѣли ловились сотнями по дворамъ и огородамъ обывателей. Многочисленные тосты за здоровье царствующихъ особъ и самого героя бала сопровождались выстрѣлами изъ мѣднаго единорога, этого «послѣдняго изъ моги-канъ», поставленнаго на улицѣ передъ домомъ собранія и гулко привѣтствовавшаго рожденіе новыхъ орудій.

По своему обыкновенію, Обуховъ не медлилъ, да и нельзя было медлить, потому что заказъ на ежегодную выдѣлку 500 орудій требовалъ расширенія всего производства, первыя ячейки котораго только-что были заложены въ предыдущихъ годахъ. Не говоря уже объ увеличеніи литейной, требовалось выстроить новое зданіе сверлильной, способной обточить и высверлить такую массу стальныхъ пушекъ, поставить другой паровой молотъ вѣсомъ въ 500 п.,—наконецъ, заготовить почти невѣроятное количество дровъ и угля, которые и понынѣ употребляются въ качествѣ горючаго матеріала на всѣхъ уральскихъ заводахъ.

Два года, 1861 и 1862-й, ушли на эту грандіозную созидательную работу, результатомъ которой явилось нѣсколько монументальныхъ корпусовъ, гдѣ пушки подвергались всевозможнымъ операціямъ, прежде чѣмъ поступить на испытаніе комиссіи, принимавшей ихъ въ военное вѣдомство.

Небывалое оживленіе строительной и фабричной дѣятельности Златоуста отразилось и на самомъ заводѣ. Ни для кого не составляло секрета, что заводъ не только кормится около своихъ кричныхъ, прокатныхъ, литейныхъ и т. д., но многіе и совсѣмъ откармливаются, нагуливая, по выраженію Щедрина, пупокъ, заплывая жиркомъ, возведя прочные фундаментальные домики и въ заключеніе прибрѣтая на черный день серіи государственнаго казначейства, обезпечивающія отъ какихъ угодно случайностей превратной судьбы. Но все это дѣлалось потихоньку да помаленьку, въ теченіе цѣлаго столѣтія, и особенно въ глаза не кидалось. Притокъ миллионныхъ капиталовъ раздражилъ аппетиты и скоро сказался въ феерическомъ сооруженіи болѣе или менѣе затѣйливыхъ палаццо. Многочисленная стая заводскихъ надзирателей и вахтеровъ, набранная изъ подходящихъ конторскихъ служащихъ, радостно припала къ сладкому казенному пирогу и поѣдала его съ чисто волчьей жадностью.

Типъ заводскаго надзирателя или низшей его ступени, вахтера, есть въ своемъ родѣ мѣстная историческая достопримѣчательность, заслуживающая изученія наравнѣ съ геологическою эпохою, вызвавшею образованіе Уральскихъ горъ. Обыкновенно круглая невѣжда съ подобострастнымъ взглядомъ, ограниченная и узкая натура, съ грѣхомъ пополамъ умѣющая писать, не стѣсняясь грамматикой,—надзиратель является характернѣйшимъ выразителемъ нравственныхъ тенденцій низшей конторской братіи, выживаю-

щей тепленькія мѣстечки за своими «пятыми» и «девятыми» бухгалтерскими книгами. Съ дѣтскихъ пеленокъ приученная смотрѣть на казенное добро, какъ на источникъ личнаго благосостоянія, эта крѣпко сплоченная между собою хищная толпа приказенькихъ ¹⁾, какъ идеаль всѣхъ своихъ вождельній, рисуетъ себѣ въ отдаленной перспективѣ должность надзирателя, ради которой она готова цѣлыми годами пресмыкаться подъ мрачными сводами конторъ на самыхъ мизерныхъ окладахъ «по штатамъ 1847 г.». Зато дорвавшись до назначенія надзирателемъ магазина, склады котораго простираются на сотни тысячъ, «калифъ на часъ» рвалъ, сколько умѣлъ и хотѣлъ. Такъ обстраивался Златоустъ сто лѣтъ, сгоралъ, снова строился и... обстроился-таки.

Высшее начальство, въ лицѣ управителей и даже начальниковъ казенныхъ заводовъ того времени, также не было безупречно въ добросовѣстномъ отношеніи къ казенному добру. Держась того правила, что около казеннаго воробья благоденствуетъ цѣлая семья, оно весьма снисходительно смотрѣло на продѣлки надзирателей, участвуя съ ними въ дѣлежѣ добычи, конечно, отхватывая себѣ львиную долю. Это покровительство сверху, эта круговая порука въ обираніи многотерпѣливой казны, бывшая лозунгомъ для цѣлой эпохи русской исторіи, создали стройную систему хищничества, въ которой лишь для виду существовали и бухгалтерія, и контроль, и разсмотрѣніе отчетовъ въ главныхъ конторахъ округовъ...

Обуховъ отлично зналъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, но былъ совершенно безсиленъ противодѣйствовать стяжательнымъ поползновеніямъ участниковъ въ его трудахъ. Онъ работалъ, какъ волъ, соображая каждую копейку расхода, которая могла отозваться на стоимости пуда орудій, а кругомъ него происходили пьяныя вакханаліи, и деньги сорились безъ счету...

IV.

Вниманіе высшихъ сферъ, которое Обуховъ успѣлъ возбудить къ себѣ и своей дѣятельности, не оставляло его и во время пребыванія въ Златоустѣ. Такъ, въ маѣ 1861 г. его высочество генералъ-фельдцейхмейстеръ назначилъ П. М. членомъ-корреспондентомъ ученаго артиллерійскаго комитета, а въ началѣ декабря того же года онъ былъ опредѣленъ горнымъ начальникомъ златоустовскихъ заводовъ съ оставленіемъ въ должности директора строящейся пущечной Князе-Михайловской фабрики—названіе, свидѣтельствующее о сочувствіи великаго князя Михаила Николаевича, которымъ пользовался Обуховъ.

¹⁾ Всѣ конторскіе служащіе казенныхъ заводовъ мѣстнымъ населеніемъ называются приказными, или иронически—«приказенькими»...

Между тѣмъ, работы на фабрикѣ продолжались своимъ чередомъ. Въ первое время готовились только легкія полевыя пушки, для проковки которыхъ достаточно было молота въ 250 п. Затѣмъ, съ окончаніемъ корпуса и установки въ немъ молота въ 500 п. было приступлено къ отливкѣ тяжелыхъ орудій отъ 100 и болѣе пудовъ. Работа этого гиганта, удары котораго были слышны за 10 верстъ отъ завода, привлекала къ себѣ столько же любопытныхъ, сколько первая проба пушекъ у подошвы горы Косотуръ. Управлявшій молотомъ машинистъ, обученный изъ заводскихъ мастеровыхъ, просто игралъ своимъ чудовищемъ, выдѣлывая имъ въ антрактахъ всевозможные фокусы, возбуждавшіе восторгъ и удивленіе зрителей.

— Клади часы, не бойся, не разобью!—кричалъ онъ съ вышки.

Часы клали, молотъ опускался на наковальню со всего размаху, казалось, что отъ часовъ не должно бы остаться и слѣдовъ, но ихъ снимали съ чугунной платформы невредимыми.

— Ахъ, шутъ тебя бери!..—воскликнула публика.—Ну, молодецъ же ты, Харитонъ, право слово, молодецъ!

— Кто хочетъ кулакъ положить?—предлагалъ Харитонъ.

— Ишь чего захотѣлъ!.. Ты бы ужъ говорилъ прямо—голову...

— И голову все равно: цѣла будетъ... Ну, да голова у человѣка одна, а кулака-то два: если одинъ размозжу, то другой останется... Эхъ, дураки! клади кулакъ смѣло... Али Харитону Иванучу не вѣрите?..

Какой-то храбрецъ изъ толпы не то ради бравады предъ собравшимися, не то вѣруя въ искусство Харитона, и впрямь хотѣлъ было подойти и положить кулакъ на наковальню, но надзиратель поспѣшилъ его прогнать:

— Убирайся, прочь, шальная башка! Еще въ отвѣтъ изъ-за тебя, дурака, попадешь.

— Напрасно, Василій Макарычъ,—замѣтилъ посмѣивающійся Харитонъ:—вѣдь его только вѣтромъ бы здорово отшибло, да шишку на затылокъ присадило.

Въ самомъ дѣлѣ, движеніе воздуха, вытѣсняемаго быстрымъ паденіемъ тяжелой громады, было такъ сильно, что вблизи молота человѣкъ почти не могъ держаться на ногахъ. Рассказываютъ, что на какомъ-то большомъ заводѣ, гдѣ дѣйствовалъ молотъ въ 3.000 пудовъ, случилось трагикомическое происшествіе, доказывающее, на сколько бываетъ велико давленіе воздуха, стремительно выталкиваемого въ стороны при работѣ подобныхъ чудовищъ. Осмотрѣвъ этотъ заводъ явился чиновный посѣтитель вмѣстѣ со своей маленькой дочкой. Пока онъ разговаривалъ съ провожавшимъ его инженеромъ, ребенокъ взобрался на чугунную платформу поднятаго молота и преспокойно тамъ разгулывалъ, наблюдая, какъ артель рабочихъ собирается вытащить изъ раскаленнаго горна стальную штуку, назначенную къ проковкѣ. Одинъ мигъ: стальная вещь

была вытащена и сунута на наковальню, посѣтитель не успѣлъ ни ахнуть, ни крикнуть дочери объ опасности, какъ паръ свистнулъ, и молотъ грохнулся на свою жертву... Чиновная особа закрыла лицо руками и приготовилась упасть въ обморокъ.

— Папочка, гдѣ ты?... раздался звонкій голосокъ плачущей малютки, когда молотъ опять поднялся для новаго удара.

Все объяснилось очень просто: дѣвочка стояла на краю платформы и, будучи отброшена въ сторону воздушнымъ токомъ, отдѣлалась только легкими ушибами. Перепуганный отецъ схватилъ ребенка на руки и, не желая продолжать осмотра, бѣгомъ удалился съ завода.

Вслѣдъ за паровымъ молотомъ въ 500 пудовъ была готова къ дѣйствию и новая сверлильная, протянувшаяся чуть не на 100 сажень. Въ ней спѣшно раскупоривали горы привезенныхъ изъ Бельгіи ¹⁾ ящичковъ, устанавливали станки, маховыя колеса, соединяли ихъ приводами; наконецъ, это отдѣленіе пушечной съ его стройнымъ, необозримымъ рядомъ машинъ также пришло въ движеніе. Послѣ литейной, гдѣ безъ личнаго труда и силы человѣка не могла появиться ни одна болванка, и даже послѣ проковочной, гдѣ человѣческая сила и энергія, всетаки, еще играли весьма замѣтную роль,—сверлильная казалась царствомъ пара и желѣза, въ которомъ личность человѣка ступевывалась, уничтожалась, сводилась на ничто. Здѣсь слышался только тонкій скрипъ разрѣзаемой рѣзцомъ стали, легкій шумъ вертящихся маховиковъ, да осторожный шорохъ ремней, торопившихся передать шестернямъ страшную силу поршней. И среди математически точно работавшихъ станковъ лишь изрѣдка мелькали замасленные фигуры рабочихъ, словно заблудившіяся тѣни мертвецовъ, явившихся въ судилище царя Миноса.

Пріемка орудій комиссіей заключалась въ испытаніи ихъ боевыми выстрѣлами, для котораго была выбрана низменная долина, расположенная въ срединѣ горъ, недалеко отъ завода. Долину эту расчистили, построили въ ней хорошо блиндированный землю и дерномъ павильонъ, бокъ одной горы, назначенной служить мишенью, нѣсколько срыли—и полигонъ вышелъ хоть куда. Всѣ пушки сортировались на партіи, кажется, по 50 штукъ въ каждой, и затѣмъ изъ партіи бралось одно орудіе для производства испытанія опредѣленнымъ числомъ зарядовъ. Но прежде чѣмъ представлять пушки комиссіи, заводоуправленіе съ своей стороны самымъ тщательнымъ образомъ осматривало ихъ: первый разъ по выходѣ изъ литейной, второй—изъ проковочной и третій—изъ сверлильной.

Такая многократная и сложная экспертиза была абсолютно необходима, потому что, какъ вынутая изъ формы болванка могла

¹⁾ Доставка этихъ машинъ на лошадахъ обходились по 1 р. съ пуда, не считая перевозки моремъ и по желѣзнымъ дорогамъ.

имѣть наружныя раковины, такъ откованная подъ паровымъ молотомъ она могла дать трещины—признакъ внутренней пустоты, близкой къ поверхности тѣла пушки. Та же раковина или другой порокъ нерѣдко оказывались въ каналѣ уже высверленнаго и совершенно готоваго орудія. Нѣкоторыя партіи пушекъ получались чрезвычайно капризны и давали большой процентъ брака. Обуховъ, заинтересованный въ производствѣ морально и матеріально, старательно изслѣдовалъ всѣ причины, вліявшія на повышение количества забракованныхъ болванокъ или отдѣланныхъ орудій, и почти всегда достигалъ своей цѣли.

Однажды, чуть не вся партія болванокъ вышла изъ литейной съ изъяномъ. П. М. назначилъ слѣдствіе, которое не дало никакого результата. Тогда онъ объявилъ награду тому мастеру, который укажетъ причину необычайной раковистости болванокъ. Мастера воодушевились и принялись еще внимательнѣе наблюдать за процедурой отливки, отъ кладки состава въ тигли до выпуска изъ нихъ стали. И вотъ, послѣ ряда ночныхъ бдѣній, а, можетъ быть, и при посредствѣ подкупленнаго или угощеннаго водкой кочегара, одному мастеру удалось узнать, что весь секретъ выхода болванокъ съ раковинами заключается въ тайномъ подкладываніи кочегарами въ тигель шлака и углей... Нужно сказать, что кочегары получали плату поштучно, съ расплавленнаго въ печи тигля. Для этого они должны были поддерживать въ печахъ ровный огонь всю ночь, то-есть не спать часовъ 12—15, подбрасывая угли почти непрерывно. Но сонъ неволью смыкалъ вѣки, время уходило. Проснувшійся рабочій, опасаясь вычета за нерасплавившійся тигель, осторожно вскрывалъ его пробку и бросалъ внутрь горшка смѣсь изъ шлака и углей: послѣ этого масса плавилась очень скоро, но зато сталь въ болванкѣ давала раковины. Обѣщанная награда за открытіе секрета была вручена, и бракъ цѣлыми партіями прекратился.

Пробные выстрѣлы на полигонѣ гремѣли весь годъ, съ ранняго утра до поздняго вечера. Давно уже всѣ привыкли къ этимъ выстрѣламъ, какъ привыкаютъ къ біенію собственнаго пульса, и никто не удостоивалъ ихъ ни малѣйшимъ вниманіемъ, помирившись съ мыслью превращенія желѣзодѣлательнаго и оружейнаго завода въ литейно-пушечный. При томъ же это превращеніе было крайне выгодно, ибо при перемѣнившихся условіяхъ крѣпостнаго труда на вольнонаемный ¹⁾ давало отличный заработокъ въ новыхъ мастерскихъ, созданныхъ, благодаря только пушечному производству. Рабочій кризисъ, который переживали въ это время всѣ заводы, для Златоуста не только не существовалъ,

¹⁾ На уральскихъ горныхъ заводахъ отмѣна крѣпостнаго труда запоздала на цѣлый годъ, будучи объявлена въ мартѣ 1862 г.

но, какъ бы въ насмѣшку, совпалъ съ золотымъ вѣкомъ его столѣтней эры.

Принятая комиссией орудія отправлялись изъ Златоуста гужевымъ способомъ, на лошадяхъ, до ближайшей (гор. Бирскъ) пароходной пристани на рѣкѣ Бѣлой, а также съ весеннимъ «караваномъ» барокъ, сплавлявшихся по рѣкамъ камско-волжской системы съ первымъ половодьемъ. Въ Златоустѣ барки строили на низменной мѣстности, высоко заливавшейся полою водою. Къ сооруженію барокъ приступали съ осени и продолжали всю зиму. Обыкновенно изготовливали ихъ отъ семи до десяти штукъ, длиною 30, шириною 6 сажень. На одной баркѣ ставилась досчатая избушка, «конторка», предназначенная для помѣщенія начальника каравана, караваннаго, выбираемаго изъ заводскихъ служащихъ. Эта барка называлась «казенкою», и на ней развѣвался маленький красный флагъ — знакъ того, что барки идутъ съ казеннымъ добромъ. На прочихъ баркахъ роль начальника игралъ лоцманъ, зорко слѣдившій за ходомъ судна и безпрестанно кричавшій рабочимъ: «носъ направо, корма налѣво!» или обратно. Плавать на караванѣ считалось дѣломъ не безвыгоднымъ и интереснымъ по новизнѣ впечатлѣній послѣ замкнутой жизни на заводѣ. Поэтому охотниковъ до путешествія на баркахъ отыскивалось много, а побывавшіе въ караванѣ счастливыцы долго потомъ рассказывали о видѣнномъ и слышанномъ ими во время шестимѣсячнаго отсутствія изъ своихъ родныхъ горъ.

Отправка пушекъ съ караваномъ обходилась гораздо дешевле гужеваго способа, но представляла тѣ невыгоды, что барки иногда садились на мель, иногда разбивались о подводные камни. Въ первомъ случаѣ весь грузъ нужно было перевозить на берегъ и транспортировать его далѣе уже на лошадяхъ, а во второмъ — вытаскивать изъ воды, отрывать изъ наноснаго песку и ила, тратиться на очистку его и т. д. Масса неудобствъ, сопряженныхъ съ караванною отправкою, вынудила заводууправленіе совсѣмъ отмѣнить постройку барокъ въ Златоустѣ, оставивъ ихъ только на Саткинской пристани, болѣе чѣмъ на 50 верстъ ниже по рѣкѣ Ай.

Транспортировка орудій составляла самое больное мѣсто учрежденія сталепушечнаго завода въ Златоустѣ, потому что накладные расходы по этой операціи ложились на цѣну пуда весьма тяжелымъ бременемъ. Не смотря на это, магическое имя Обухова превозмогало все, и заводъ съ каждымъ годомъ развивалъ свою дѣятельность. Такъ, не довольствуясь молотомъ въ 500 пудовъ, былъ выписанъ молотъ въ 1.000 пудовъ и даже построенъ для него чудовищный по размѣрамъ кирпичный корпусъ; по литейной и сверлильной также предпринятъ цѣлый рядъ улучшеній, стоившихъ огромныхъ затратъ. Вообще же на постройку пушечнаго завода или Князе-Михайловской фабрики, вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ ма-

шинъ и т. п., ушло не менѣе милліона, затрата столь солидная, что не допускала и мысли о прекращеніи здѣсь этого производства. Самъ виновникъ затѣяннаго предпріятія, душа его, продолжалъ получать лестныя награды, ободрявшія его для будущихъ трудовъ: въ концѣ 1862 г. на лондонской выставкѣ ему была присуждена медаль за пушку литой стали, а въ апрѣлѣ 1863 г. онъ пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

Но... гдѣ-то далеко-далеко нарождался грозный врагъ Златоустовскому заводу съ его кипучей работой по отливкѣ пушекъ, съ его, заставлявшими дрожать обывательскія окна, раскатами пушечныхъ выстрѣловъ. Врагъ этотъ былъ—предпріятое правительствомъ рѣшеніе основать еще два сталелитейныхъ завода: одинъ на рѣкѣ Камѣ, около Перми (Мотовилиха), другой на рѣкѣ Невѣ, близъ Петербурга.

Первымъ былъ открытъ пермскій заводъ, начальникомъ котораго, по указанію Обухова, назначенъ его сотрудникъ, подполковникъ Воронцовъ. Второй еще не начиналъ своей дѣятельности, но высшая власть, думая о выборѣ для него начальника, колебалась не долго, и въ концѣ 1863 г. П. М. былъ командированъ министромъ финансовъ въ Петербургъ «для указанія тамъ во вновь учрежденномъ сталелитейномъ заводѣ техническихъ приспособленій и удобствъ»...

Эта важная новость не была оцѣнена въ Златоустѣ почти никѣмъ. Кое-кто радовался удаленію Обухова, какъ черезчуръ строгаго и взыскательнаго дѣятеля; кое-кто печалился за потерю въ его лицѣ покровителя и благорасположеннаго начальника. О судьбѣ завода не беспокоились ни тѣ, ни другіе, считая ее прочной и непоколебимой. Обуховъ уѣхалъ, принявъ отъ сослуживцевъ балъ въ томъ же дворянскомъ собраніи, въ которомъ его чествовали два года назадъ. Опять лилось шампанское, опять подавались на ужинъ лакомыя блюда мѣстной живности, а послѣ бала многіе сослуживцы П. М. провожали его десятки верстъ, надѣлая всевозможными пожеланіями и привѣтствіями.

V.

Съ отъѣздомъ Обухова пушечное дѣло въ Златоустѣ не остановилось, и попрежнему шло такъ же отчетливо, плавно и спокойно. Казалось, что не случилось ничего особеннаго. Между тѣмъ наблюдательному человѣку легко было замѣтить, что лихорадка построекъ и улучшеній какъ-то сразу затихла, и тысячепудовый молоть со всѣми его принадлежностями лежалъ безъ употребленія на прежнемъ мѣстѣ.

Черезъ нѣкоторое время изъ Петербурга было получено официальное предложеніе мастерамъ стального и пушечнаго дѣла от-

правиться на службу на новомъ заводѣ, при чемъ условія для этого ставились самыя заманчивыя. Избранные П. М. мастера немедленно согласились и на казенный счетъ уѣхали къ далекимъ невскимъ берегамъ.

— Что бы это значило?—вопрошали другъ друга озадаченные златоустовцы.

— Гляди не спроста: не прихлопнули бы нашъ заводъ.

— Ну!.. Кабы хотѣли это сдѣлать, не стали бы выписывать «машину» въ 1.000 пудовъ...

— И то правда... А всетаки сомнительно!..

Долго сомнѣваться не пришлось. Пермскій стале-пушечный заводъ также ощутилъ надобность въ тысячепудовой «машинѣ», которую, по чьему-то незримоу внушенію, какъ «ненужную пока» въ Златоустѣ, и предписали отправить въ Мотовилиху. Предписаніе подѣйствовало на всѣхъ опешомляющимъ и подавляющимъ образомъ. Въ немъ еще ни слова не говорилось объ окончательномъ прекращеніи пушечнаго производства, но для каждаго было ясно, что смертный приговоръ заводу подтвержденъ, и агонія его уже начинается...

Съ сокрушеннымъ сердцемъ и даже со слезами на глазахъ принялись заводскіе рабочіе взваливать на большія сани послѣдній свой оплотъ, послѣднюю надежду на продолженіе пушечной дѣятельности, приносившей такіе доходы трудолюбивому и быстро освоившемуся съ ней населенію.

— Эхъ, кабы былъ здѣсь Павелъ Матвѣевичъ, ничего бы этого не вышло!—говорили тѣ самыя литейщики, которые кричали «ура» и качали Обухова послѣ первой отливки первыхъ пушекъ.

— Прощай, братъ! Такъ и не поработалъ ты у насъ... Лежалъ только колода-колодой...

Вереница лошадей дружно натянула веревки отъ массивныхъ саней, на которыхъ лежала «колода», и она неспѣшно поѣхала по дорогѣ въ Пермь. При выѣздѣ изъ предмѣстій молотъ вздумалъ отомстить за долготѣнее бесполезное пребываніе въ стогнахъ завода и, раскатившись на ухабѣ, вмигъ снесъ избушку одной веселой молодой вдовицы. Сама хозяйка спаслась отъ неожиданной смерти только тѣмъ, что находилась въ числѣ любопытныхъ, глазѣвшихъ на отъѣздъ чугунаго колосса.

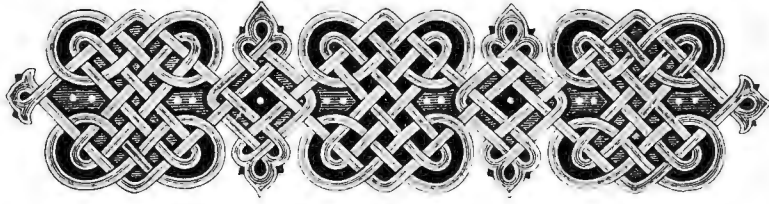
Не замедлило явиться и предписаніе о закрытіи Князе-Михайловской фабрики. Оно не прибавило ничего въ переполненныя горечью сердца обывателей, ждавшихъ себѣ грозы съ покорностью людей, приученныхъ ко всевозможнымъ капризамъ своего властолюбиваго начальства. Это случилось въ 1866 г. Въ томъ же году произошло другое печальное событіе — разрывъ ядромъ мужика, проѣзжавшаго по направленію выстрѣловъ, выпускаемыхъ на полигонѣ изъ послѣднихъ пушечныхъ партій, которыми завершалась

серія, приготовленныхъ въ Златоустѣ орудій. Несчастный выѣхалъ въ лѣсъ за дровами и, судя по положенію тѣла, кажется, сладко спалъ. Ядро, ударившись въ мерзлую землю вала, сдѣлало рикошетъ и, взвившись на воздухъ, опустилось для того, чтобы переѣчь пополамъ неосторожнаго путника.

Когда наступила ликвидація пушечнаго дѣла въ Златоустѣ, то всѣ станки и машины, выписанные изъ Бельгіи, были отправлены въ Пермь, а печи и горны сломаны или приспособлены къ другимъ производствамъ, на примѣръ, къ приготовленію весьма дешевой «мартеновской» стали и т. п. Единственнымъ памятникомъ бывшаго пушечно-литейнаго завода служатъ орудійныя болванки (на почтенную сумму—до 100 т.), бесполезно валяющіяся у горы Косотуръ, которой суждено было видѣть какъ пробу первыхъ стальныхъ пушекъ, встрѣченныхъ съ восторгомъ въ Петербургѣ, такъ и горестную судьбу, постигшую все это грандіозное предпріятіе. Sic transit gloria mundi!.

II. Падучевъ.

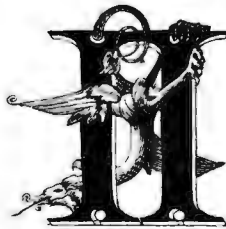

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1860—1864 ГОДОВЪ.

I.

На ординарцахъ у генерала Веселитскаго.

НОСЛѢ ВЫСОЧАЙШИХЪ смотровъ, произведенныхъ въ 1860 году, войскамъ 2-го пѣхотнаго корпуса въ лагерѣ подъ Варшавой, въ присутствіи австрійскаго императора Франца-Иосифа : принца-регента прусскаго (впослѣдствіи король прусскаго и германскаго императора), 6-я пѣхотная дивизія (за исключеніемъ Симбирскаго пѣхотнаго полка) назначена была для занятія втеченіе зимы каруловъ въ городѣ, куда и перешла изъ лагеря во второй половинѣ октября мѣсяца.

Начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи былъ въ то время генералъ лейтенантъ Сергѣй Гавриловичъ Веселитскій, о которомъ считалъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ.

Происходя изъ герцеговинскихъ выходцевъ, Сергѣй Гавриловичъ по окончаніи кадетскаго корпуса, все время служилъ въ арміи, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1831, 1848, 1853—1856 годахъ, имѣлъ за боевыя отличія украшенную брилліантами саблю и, кромѣ того, въ свое время, извѣстенъ былъ, какъ отличный строевой офицеръ, служа, а впослѣдствіи командуя, Образцовымъ полкомъ и занимая нѣкоторое время должность начальника корпуса штаба. Въбшностью Сергѣй Гавриловичъ обладалъ внушительною: огромнаго роста, атлетическаго сложенія, съ большими на-выкатѣ глазами, онъ, кромѣ того, былъ одаренъ громовымъ го-

лосомъ и производилъ собою на подчиненныхъ сильное впечатлѣніе. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Веселитскій былъ безрукій, лишившись правой руки отъ костоѣды, и ему придѣлана была въ Лондонѣ искусственная рука, съ большимъ трудомъ отличаемая отъ естественной. Характеръ Веселитскаго не гармонировалъ вовсе съ его представительной наружностью. Вспыльчивый до-нельзя, грубый въ обращеніи съ подчиненными, имѣвшій привычку говорить всѣмъ офицерамъ «ты», онъ не могъ пользоваться ихъ расположеніемъ, а на многихъ ротныхъ командировъ своимъ появленіемъ передъ ротой наводилъ рѣшительную панику. Въ служебныхъ требованіяхъ Веселитскій отличался педантизмомъ, преслѣдовалъ въ особенности командировъ частей нерѣдко изъ-за мелочей; но въ то же время относился съ большою снисходительностью къ субалтернъ-офицерамъ, непричастнымъ тогда ни къ дѣлу обученія солдатъ, ни къ ихъ продовольствію. Однако, и эта снисходительность и, какъ казалось, расположеніе генерала къ молодежи, выражалось имъ въ такихъ рѣзкихъ и грубыхъ формахъ, что молодые офицеры не только избѣгали всякаго сближенія съ суровымъ генераломъ, но зачастую опасались даже встрѣчи съ нимъ.

Со вступленіемъ въ городъ 6-й пѣхотной дивизіи, Низовскій полкъ расположился въ Волынскихъ казармахъ, за исключеніемъ 3-го баталіона (въ которомъ я состоялъ адъютантомъ), занявшаго Сапезинскія казармы за недостаткомъ мѣста въ Волынскихъ. Когда же съ началомъ 1861 года въ городѣ возникли уличныя беспорядки, а 14-го февраля 7-я рота нашего полка открыла на Краковскомъ предмѣстьи по толпѣ огонь, и по распоряженію намѣстника царства Польскаго, князя Горчакова, изъ провинціи вызваны были въ Варшаву свѣжія войска, то приказано было очистить Сапезинскія казармы для прибывшаго изъ крѣпости Новогеоргіевска Симбирскаго пѣхотнаго полка, а нашъ баталіонъ выведенъ былъ въ лѣтніе Повонзковскіе бараки, которые и занялъ 15-го марта. Въ этихъ баракахъ, совсѣмъ не приспособленныхъ къ холодному времени, 3-й баталіонъ простоялъ ровно 15 дней. Холода стояли невыносимые, и ежедневно валилъ снѣгъ, и хотя въ офицерскихъ баракахъ, по распоряженію князя, поставлены были желѣзныя печи, но онѣ не могли согрѣть строеній, предназначенныхъ исключительно для лѣта, а потому какъ офицеры, такъ и солдаты, втеченіе 15 дней не раздѣвались вовсе, проводя большую часть дня и ночи возлѣ костровъ, постоянно горѣвшихъ въ выкопанныхъ въ снѣгу ямахъ.

26-го марта, баталіонъ получилъ приказаніе вступить въ городъ и занять для охраны зданія, принадлежавшія интендантству. Въ 5 часовъ по полудни того числа, баталіонъ выступилъ изъ бараконъ и, пройдя плацъ «Брони», направился по Францисканской улицѣ къ интендантству. По моей обязанности адъютанта, я слѣдовалъ впереди музыкантовъ верхомъ. У выхода на улицу Налевки (гдѣ

находилось интендантство) появилась со стороны города большая толпа народа, медленно двигавшаяся на встрѣчу баталіона. Толпа состояла исключительно изъ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ польскій національный костюмъ. Впереди толпы молодые люди, преимущественно студенты Главной школы, несли гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ. Баталіонъ остановился. Замѣтивъ войско, изъ толпы отдѣлился студентъ Главной школы, одѣтый въ форменный мундиръ, съ траурной кокардой, пристегнутой къ плечу, и, принявъ меня, по всей вѣроятности, за начальника, подошелъ ко мнѣ и, приподнявъ фуражку, сказалъ попольски: «Мы сопровождаемъ на Повонзковское кладбище тѣло вдовы генерала Совинскаго, убитаго при штурмѣ Воли. Участвующій въ процессіи народъ проситъ войско выждать прослѣдованія процессіи во избѣжаніе могущаго произойти столкновенія». Я указалъ рукою студенту на старшаго капитана, командовавшаго временно баталіономъ и находившагося въ головѣ колонны. Капитанъ изъявилъ согласіе на просьбу студента, и баталіонъ простоялъ около $\frac{1}{4}$ часа, держа ружья у ноги, пока прошли послѣдніе ряды шедшей за гробомъ толпы.

По прибытіи баталіона въ интендантство, тремъ ротамъ назначено было помѣщеніе противъ интендантства, въ пожарномъ депо, а четвертая рота баталіона, именно 9-я, помѣстилась въ самомъ интендантствѣ, гдѣ была очищена для нея часть нижняго этажа, въ томъ числѣ двѣ крошечныя комнатки для офицеровъ и баталіоннаго командира. Во второмъ этажѣ того же зданія, такъ же въ двухъ комнатахъ, помѣстился начальникъ дивизіи генералъ Веселитскій, съ цѣлью находится поближе къ Красинской площади, назначенной въ числѣ прочихъ площадей сборнымъ пунктомъ для войскъ въ случаѣ вызова ихъ по тревогѣ и имѣвшей особенно важное значеніе, какъ ближайшая къ православному собору, интендантству и инженерному строенію.

Вступивъ во дворъ интендантства, рота составила ружья, а офицеры вошли въ указанное имъ помѣщеніе и занялись разрѣшеніемъ не легкой задачи размѣщенія 5-ти человекъ въ комнатѣ, имѣвшей не болѣе 6 аршинъ длины при 3-хъ аршинахъ ширины. Во второй комнатѣ «пріютился» баталіонный командиръ, извѣстный въ полку острякъ и шутникъ маіоръ Фрибесъ.

Было 6 часовъ вечера. Передъ окнами мелькали фигуры молодыхъ людей, шедшихъ со стороны Повонзковскаго кладбища и составлявшихъ, по всей вѣроятности, толпу, попавшую на встрѣчу баталіона съ тѣломъ Совинской ¹⁾. Еще не успѣли пройти мимо

¹⁾ Не мѣшаетъ замѣтить, что, по распространившимся на слѣдующій же день въ Варшавѣ слухамъ, никакой Совинской 26-го марта не хоронили, а толпа шла за пустымъ гробомъ, избравъ для мнимо-умершей фамилію вдовы польскаго генерала, павшаго при штурмѣ Варшавы, какъ весьма подходящую для возбужденія сенсаціи среди населенія города и устройства политической манифестаціи.
Прим. автора.

окопъ послѣдніе изъ участниковъ процессіи, какъ кто-то изъ офицеровъ, выйдя на крыльцо, увидѣлъ взвившіяся изъ Замка сигнальная ракета и, вбѣжавъ въ комнату, крикнулъ: «Господа, тревога!». Всѣ офицеры бросились во дворъ. Въ это время взвилась еще ракета, а вслѣдъ за тѣмъ раздались выстрѣлы съ форта св. Владимира, служившіе, по смыслу инструкціи, разосланной начальникамъ частей, предвареніемъ «тревоги» для тѣхъ частей войскъ, которыя, по отдаленности квартированія отъ Замка, въ особенности во время пасмурной погоды, могли сигнальныхъ ракетъ и не замѣтить. Сомнѣнія больше не было никакого: войска вызывались по тревогѣ, и баталіону нашему, не успѣвшему расположиться на новомъ мѣстѣ, предстояло занять Красинскую площадь, куда, согласно инструкціи, назначенъ былъ еще баталіонъ отъ Нижегородскаго пѣхотнаго полка, два пѣшихъ орудія и сотня казаковъ.

Сборы продолжались недолго, и $\frac{1}{4}$ часа спустя баталіонъ прибылъ на находящуюся возлѣ интендантства Красинскую площадь. Остальныя войска прибыли нѣсколько позже.

Войсками распоряжался лично генераль Веселитскій. По его приказанію орудія были заряжены картечью, баталіоны стали въ колоннахъ къ атакѣ, имѣя позади казаковъ. Фронтъ обращенъ былъ къ Медовой улицѣ. Площадь оказалась совершенно пустой: на ней не было ни одного человѣка. По сосѣднимъ улицамъ бѣжали въ одиночку жители, преимущественно женщины; двери и ворота въ домахъ были заперты, а въ нѣкоторыхъ домахъ закрывались и ставни. Генераль занялъ «позицію» на углу Долгой и Медовой улицъ у кондитерской Clotin'a, приказавъ поставить у выхода изъ нея, на тротуарѣ, кресло, въ которое и опустился своей грузной фигурой. На ординарцы къ нему вызваны были три конныхъ офицера, въ томъ числѣ и я. Съ этого дня началась моя служба при Веселитскомъ въ качествѣ постоянного ординарца, чѣмъ я обязанъ былъ моему квартированію въ одномъ съ нимъ домѣ, ибо, благодаря этому обстоятельству, я имѣлъ возможность являться по первому требованію генерала на его квартиру во всякое время дня и ночи для исполненія различныхъ его порученій, а также и для сопутствованія ему въ то время, когда онъ лично появлялся на мѣстахъ безпорядковъ.

Всю ночь съ 26-го на 27-е марта я провелъ «на посылкахъ», слѣзая съ коня не болѣе какъ для получасоваго отдыха. Первая моя поѣздка была въ Замокъ, куда генераль послалъ меня узнать о сущности происходившихъ на Краковскомъ предмѣстьи безпорядковъ и о дѣйствіяхъ войскъ при ихъ укрощеніи, такъ какъ никому изъ насъ объ нихъ ничего не было извѣстно, а выстрѣлы боевыми патронами не могли быть слышны вслѣдствіе шума, произведеннаго конницей и артиллеріей, слѣдовавшими на позиціи усиленными аллюрами.

Взявъ въ конвой двухъ казаковъ, я отправился по Медовой и Сенаторской улицамъ къ Замку. На пути, кромѣ казачьяго разъ-

ѣзда, я не встрѣтилъ ни одного живого существа. На площади, передъ Замкомъ, бивуакировали войска. Орудія были сняты съ передковъ, выдвинуты нѣсколько впередъ колонны Сигизмунда и вдоль Краковскаго предмѣстья. У орудій горѣли воткнутые въ землю пальники. За орудіями стояли козлы ружей, а по сторонамъ ихъ сидѣли на мостовой кучки солдатъ. Линейные казаки еще не успѣли разбить коновязей и стояли у коней, держа ихъ въ поводу. На бивуакѣ царствовала мертвая тишина, нарушаемая лишь фырканьемъ лошадей. Видъ бивуака, закутаннаго въ потянувшій отъ Вислы туманъ, среди котораго мерцали огни немногочисленныхъ, горѣвшихъ уже уличныхъ фонарей, былъ очень эффектенъ, и такъ и просился на полотно. У колонны Сигизмунда я замѣтилъ внушительную фигуру генерала Хрулева, окруженнаго старшими офицерами отряда. Онъ стоялъ, прислонившись спиной къ рѣшеткѣ ограды, съ длиннымъ чубукомъ въ рукѣ и о чемъ-то громко разговаривалъ, на немъ была надѣта кавказская бурка, а на головѣ высокая нѣсколько сдвинутая назадъ папаха. Изъ-подъ бурки, надѣтой въ накидку, бѣлѣлся георгіевскій крестъ на шеѣ, заслуженный генераломъ въ то время, когда онъ съ одной ротой Сѣвскаго полка вырвалъ изъ вражьихъ рукъ Малаховъ курганъ, взятый лучшими силами врага, понесшаго при этомъ страшныя потери.

Оставивъ у воротъ Замка казаку лошадь, я пробрался пѣшкомъ во дворъ, гдѣ стояли еще въ ружьѣ вытребованныя туда двѣ роты пѣхоты, и толпилось множество военныхъ разнаго рода оружія. У боковой стѣны, головами къ ней, лежали убитые, подобранные войсками на площади, въ ожиданіи прибытія казенныхъ полуфурковъ 2-го стрѣлковаго баталіона, имѣвшихъ отвезти труны на мѣсто погребенія, избранное въ Александровской цитадели. Верхній этажъ дворца былъ ярко освѣщенъ, и тамъ замѣтно было большое движеніе. Множество генераловъ и начальниковъ частей то и дѣло прибывало въ Замокъ; они отправлялись на верхъ, гдѣ, какъ говорили, намѣстникъ объявлялъ имъ лично приказанія на случай дальнѣйшихъ дѣйствій по усмиренію бунтовавшей Варшавы. Въ Замкѣ мнѣ удалось узнать отъ дежурнаго адъютанта, что къ собравшейся на площади Сигизмунда толпѣ лично выѣзжалъ князь Горчаковъ и убѣждалъ ее разойтись по домамъ, но, встрѣченный насмѣшками и оскорбленіями, принужденъ былъ уѣхать во дворецъ, приказавъ, бывшему уже на площади съ отрядомъ, генералу Хрулеву, разогнать толпу огнемъ. По приказанію Хрулева, одна рота Ладожскаго и одна Шлиссельбургскаго сдѣлали по одному залпу, при чемъ убито было 10 человекъ и ранено около 150-ти. Съ этими свѣдѣніями я вернулся на позицію, гдѣ засталъ уже дымившіеся костры. Генералъ сидѣлъ на тротуарѣ въ креслѣ, а за нимъ стояли два офицера-ординарца, къ которымъ присоединился и я. Выслушавъ мой докладъ, генералъ удивился

малому числу убитыхъ и объявилъ мнѣ, что я сейчасъ же буду посланъ имъ съ рапортомъ къ начальнику штаба генералу Коцебу, а тѣмъ временемъ предложилъ мнѣ и остальнымъ офицерамъ выпить по стакану шеколада, заказаннаго имъ въ кондитерской. Вынесенный вскорѣ изъ кондитерской, превосходный шеколадъ мы роспили на улицѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, генераль вручилъ мнѣ вечерній рапортъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ словъ, написанныхъ карандашемъ на клочкѣ бумаги, приказавъ отвезти таковой по назначенію и спросить на словахъ: какъ поступать войскамъ съ наступленіемъ дня съ тѣми изъ жителей, которые появятся на улицахъ въ траурѣ? Отправившись вторично въ Замокъ, я узналъ тамъ, что генераль Коцебу не пріѣхалъ на происходившій въ Замкѣ военный совѣтъ, сказавшись больнымъ, и что онъ, по всей вѣроятности, находится на своей квартирѣ въ Примасовскомъ дворцѣ на Сенаторской улицѣ. Прибывъ въ Примасовскій дворецъ, я засталъ генерала Коцебу, собиравшагося ложиться спать. Взявъ отъ меня записку, онъ повертѣлъ ее въ рукахъ и, возвращая мнѣ, сказалъ: «я боленъ, а обязанности мои исполняетъ генераль Заболоцкій, ему и передайте записку». Впослѣдствіи въ военныхъ кружкахъ распространился слухъ, что въ тотъ день между княземъ Горчаковымъ и генераломъ Коцебу произошла серьезная размолвка, вызвавшая подачу послѣднимъ рапорта о болѣзни. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько времени спустя, генераль Коцебу опять вступилъ въ исполненіе должности начальника штаба, въ каковой и оставался до кончины князя Горчакова. Изъ Примасовскаго дворца я опять отправился въ Замокъ, гдѣ все высшее военное начальство находилось еще въ сборѣ, такъ какъ засѣданіе, предѣдательствуемое княземъ Горчаковымъ, продолжалось далеко за полночь. Внизу, въ офицерской караульной комнатѣ, биткомъ набитой офицерствомъ, въ числѣ котораго были и адъютанты отъ войскъ, расположенныхъ на всѣхъ площадяхъ, прибывшіе съ донесеніями, стоялъ невыносимый гамъ, а въ облакахъ табачнаго дыма трудно было даже различить лица галдѣвшихъ. При такой обстановкѣ я дождался выхода изъ покоевъ князя генерала Заболоцкаго около четырехъ часовъ. Когда же, наконецъ, генераль Заболоцкій, сопровождаемый дежурнымъ адъютантомъ, сойдя съ портфелемъ подъ мышкой съ лѣстницы, отворилъ двери дежурной комнаты и, не переступая порога, сказалъ скороговоркой: «отправляйтесь по мѣстамъ, приказаніе получите отъ вашихъ начальниковъ», то я, вступивъ впередъ изъ шеренги адъютантовъ, доложилъ генералу, что меня прислалъ съ донесеніемъ генераль Веселитскій, лично начальствующій отрядомъ на Красинской площади, приказавъ мнѣ узнать на словахъ, какъ дѣйствовать войскамъ съ наступленіемъ дня въ отношеніи лицъ, могущихъ появиться на улицахъ въ траурѣ; генераль Заболоцкій, глядя въ сторону, отвѣтилъ: «передайте генералу,

что онъ на это имѣеть инструкцію». Такъ я и доложилъ генералу Веселитскому, вернувшись на Красинскую площадь. Веселитскій вспылилъ и, вытаращивъ свои большіе глаза, крикнулъ: «что? гдѣ же эта инструкція, о которой онъ тебѣ говорилъ?». Веселитскій былъ вполнѣ правъ: ни въ первой инструкціи, изданной вскорѣ послѣ торжественныхъ похоронъ жителями Варшавы 5-ти убитыхъ 7-й ротой нашего полка, ни въ дополненіи къ этой инструкціи, о траурѣ не было сказано ни одного слова. По всей вѣроятности, генераль Заболоцкій сдѣлалъ ссылку на инструкцію «на авось», видимо желая уклониться отъ прямого отвѣта на вопросъ Веселитскаго, въ чемъ тотчасъ же и спохватился, такъ какъ нѣсколько часовъ спустя разосланы были по всѣмъ площадямъ начальникамъ войскъ, за подписью того же генерала Заболоцкаго, записки, предупреждавшія начальниковъ войскъ, что они не должны вмѣшиваться въ дѣйствія полиціи при сниманіи ею съ проходящихъ траура. Въ запискѣ сдѣлана была оговорка, что на обязанность полиціи возложено сниманіе траура только съ мужчинъ. При этомъ не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о такъ-называемыхъ «инструкціяхъ на случай тревоги», составленныхъ въ штабѣ главнокомандующаго и разосланныхъ для руководства во всѣ полки и баталіоны, стоявшіе отдѣльно отъ полка.

Инструкціей такихъ вышло двѣ.

Въ первой изъ нихъ, сочиненной, какъ это уже было сказано выше, еще въ февралѣ мѣсяцѣ, кромѣ указанія сборныхъ пунктовъ, назначенія начальниковъ, маршрутовъ для слѣдованія къ сборнымъ пунктамъ и проч., заключался одинъ параграфъ, возбудившій между офицерами общее удивленіе. Параграфъ этотъ гласилъ слѣдующее: «если во время слѣдованія къ сборнымъ пунктамъ войскъ, по нимъ изъ оконъ либо дверей домовъ сдѣланы будутъ выстрѣлы, то войскамъ не отвѣчать на выстрѣлы, а слѣдовать безостановочно къ мѣсту назначенія, при чемъ если бы путь слѣдованія войскъ оказался загроможденнымъ толпою, то войска должны пролагать себѣ дорогу не штыками, а прикладами». Во второй инструкціи, служившей какъ бы дополненіемъ первой, добавленъ былъ пунктъ, указывавшій путь отступленія только къ Александровской цитадели, и вмѣнено было въ обязанность войскамъ, въ случаѣ дѣйствія ихъ по толпѣ огнемъ, «не отдавать жителямъ убитыхъ въ столкновеніяхъ, а забирать ихъ съ собою и отсылать подъ конвоемъ въ Александровскую цитадель».

Второе распоряженіе, какъ имѣющее цѣль и смыслъ, вполнѣ доступно было пониманію всякаго, но указаніе въ «инструкціи» пути отступленія, весьма рѣдко приводимое, какъ деморализирующее войска, даже въ диспозиціяхъ для боя, вызвало общій смѣхъ и негодованіе между офицерами. «Передъ кѣмъ и для чего «инструкція» предусматрѣла отступленіе, — громко роптали они, — и

почему въ ней не сказано ничего о помѣщеніяхъ войскъ, гдѣ находилось все казенное и собственное имущество какъ офицеровъ, такъ и солдатъ и гдѣ, кромѣ того, оставались подъ защитой денщиковъ и ротныхъ кашеваровъ офицерскія жены и дѣти?».

Генераль Веселитскій провелъ всю ночь на Красинской площади, почти не вставая съ кресла, поставленнаго для него на тротуарѣ. Офицеры отряда наполнили кондитерскую, гдѣ приготовленъ былъ пуншъ. Билліарды служили мѣстомъ отдыха для уставшихъ. На нихъ ложились офицеры поочередно, не снимая оружія и покрытыхъ грязью сапоговъ. Солдаты лежали группами на мостовой у дымившихся костровъ. Изъ трехъ ординарцевъ-офицеровъ одинъ оставался безотлучно при генералѣ, а остальные два находились въ постоянныхъ разъѣздахъ, поочередно. Втеченіе ночи я совершилъ еще нѣсколько поѣздокъ, побывавъ, между прочимъ, и у преосвященнаго Іоаннікія, квартира котораго, находившаяся противъ «ставки» Веселитскаго, оставалась освѣщенной всю ночь, что и было замѣчено генераломъ. Генераль приказалъ мнѣ отправиться къ преосвященному и успокоить его отъ имени генерала докладомъ о прекращеніи въ городѣ безпорядковъ, добавивъ къ своему приказанію слѣдующую, не совсѣмъ приличную, шутивую фразу: «скажи старому, чтобы онъ смѣло ложился спать». Преосвященный, не знавшій, какъ оказалось, ничего достовернаго о событіяхъ на Краковскомъ предмѣстьи, принялъ меня въ кабинетѣ, поинтересовался узнать мою фамилію, мѣсто моего образованія и проч. и, выслушавъ съ большимъ вниманіемъ мой рассказъ, сказалъ: «ужасное время мы переживаемъ».

Передъ разсвѣтомъ, чувствуя себя совсѣмъ разбитымъ и едва волоча отъ усталости ноги, я отошелъ отъ кресла генерала въ сторону и прилежъ на тротуарѣ. Генераль это замѣтилъ и, обращаясь къ остававшемуся около него офицеру, сказалъ съ улыбкой: «загонялъ я его совсѣмъ, ну, ничего, молодецъ, проспится, и какъ рукой сниметъ».

Но спать пришлось не долго. Начинало уже свѣтать, и вскорѣ шумъ, поднявшійся на бивуакѣ, заставилъ меня вскочить на ноги. Генераль тоже всталъ съ кресла и быстро направился къ бивуаку. Въ это время со стороны Замка, по Долгой улицѣ, быстро мчалась мимо бивуака коляска, запряженная парой. Въ коляскѣ сидѣлъ князь Горчаковъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ партикулярное платье. Говорили, что это былъ французскій консуль, приглашенный княземъ сопутствовать ему при объѣздѣ бивуакующихъ на площадяхъ войскъ. Поровнявшись съ стоявшимъ впереди бивуака генераломъ Веселитскимъ, князь Горчаковъ приложилъ руку къ козырьку и привѣтствовалъ громкимъ голосомъ, бѣжавшихъ къ ружейнымъ козламъ, солдатъ, при чемъ назвалъ баталіоны именами ихъ полковъ. На это обстоятельство всѣ офи-

церы обратили вниманіе, такъ какъ князь въ послѣднее время не узнавалъ полковъ по нумерамъ и, какъ рассказывали штабные офицеры, часто забывалъ названіе даже тѣхъ полковъ, которые въ эту памятную зиму занимали въ городѣ караулы. Веселитскій тоже изумился, услышавъ привѣтствіе князя, и, обращаясь къ офицерамъ, сказалъ: «Плохо дѣло! князь опять обрѣлъ память. Случилось это, по всей вѣроятности, вслѣдствіе нравственнаго потрясенія. Но въ его годы это даромъ не пройдетъ. Замѣтите, господа, что собирающаяся потухнуть лампа нерѣдко издаетъ искру сильнаго свѣта». Намекъ Веселитскаго на возможность скорой кончины князя сбылся три недѣли спустя: князь Горчаковъ отошелъ въ вѣчность въ Бельведерскомъ дворцѣ, оставивъ послѣ себя 500 рублей капитала!

Послѣ проѣзда князя отрядъ нашъ погрузился опять въ полусонное состояніе, согрѣваемый уже высоко стоявшимъ солнцемъ. Утро выдалось ясное, весеннее, совершенно непохожее на предыдущій холодный и сырой день и такую же ночь. Начавшееся съ наступленіемъ дня движеніе по улицамъ было весьма незначительное. Мужчинъ не видно было совсѣмъ, а изъ женщинъ попадались на глаза только кухарки, пробѣгавшія съ корзинками мимо бивуака и поглядывавшія искоса на лежавшихъ на мостовой солдатъ. Съ площади отрядъ сошелъ въ два часа по полудни, такъ какъ до того времени присутствіе войскъ на площадяхъ признано было необходимымъ.

Въ началѣ апрѣля, какъ я уже упомянулъ выше, скончался князь Горчаковъ, завѣщавъ похоронить себя въ стѣнахъ Севастополя и непременно на томъ мѣстѣ, куда не ступила вражья нога. Похороны князя были очень торжественны. Всѣ войска варшавскаго гарнизона выведены были на церемонію вынесенія праха почившаго изъ Лазенковской церкви и стояли шпалерами вплоть до вокзала Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, откуда гробъ отправленъ былъ при двухъ линейныхъ казакахъ въ Вѣну, а изъ Вѣны пароходомъ по Дунаю въ Севастополь.

Въ день похоронъ князя въ городѣ царствовало наружное спокойствіе. Жители Варшавы отнеслись къ кончинѣ князя индифферентно, и хотя въ день его похоронъ воздержались отъ уличныхъ скандаловъ, но и не приняли никакого участія въ проводахъ праха почившаго, такъ что улицы и площади, на пути слѣдованія печальнаго кортежа, были совершенно пусты. Мѣсто князя Горчакова занялъ генераль-отъ-артиллеріи Сухозанеть, бывший до того военнымъ министромъ.

Въ то время революціонное движеніе въ Варшавѣ успѣло уже пустить глубокіе корни, и для поддержанія движенія среди населенія коноводы революціи прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ. Главнымъ мѣстомъ революціонной пропаганды служили костелы,

гдѣ ежедневно служились панихиды по убитымъ и говорились, разжигавшія страсти, проповѣди. Трауръ носился всеми, и полицейскія мѣры къ прекращенію ношенія его отличались слабостью, если не попустительствомъ, и, касаясь только мужчинъ, не достигали вовсе цѣли. Обыкновенно мужчины выходили на улицу съ запасными траурными кокардами въ карманѣ и, оставивъ одну въ рукахъ «полиціанта», прикалывали другую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ послѣдняго на виду всѣхъ, вызывая въ сновавшихъ по улицамъ толпахъ крики «браво» и аплодисменты. Отъ этихъ шутовскихъ одобреній толпа нерѣдко переходила къ буйству и ругательствамъ, направленнымъ по адресу властей. Вообще уличные беспорядки или такъ называемыя «мирныя манифестаціи» всякій разъ заканчивались насиліемъ надъ личностями, почему либо не популярными среди коноводовъ беспорядковъ, либо надъ принадлежащимъ тѣмъ лицамъ имуществомъ. Къ тому же времени относится и появленіе на улицахъ Варшавы такъ называемыхъ «копачьихъ концертовъ», сформированныхъ изъ уличныхъ мальчишекъ, неизвѣстно кѣмъ оплачиваемыхъ и обязанныхъ давать «копачьи серенады» подъ окнами указаннаго имъ дома.

Не подлежитъ сомнѣнію, что несчастная мысль, пришедшая въ голову князю Горчакову, замѣнить полицію городскими «констаблями» (что случилось вскорѣ послѣ первой стрѣльбы по толпѣ), послужила къ окончательному подрыву авторитета правительственной власти и не только не повела къ водворенію въ городѣ порядка, но еще болѣе придала смѣлости вожакамъ и зачинщикамъ уличныхъ безобразій. Велико было наше удивленіе, когда въ одинъ прекрасный день съ улицъ города исчезли неизвѣстно куда всѣ полицейскіе чины до послѣдняго человѣка, а на мѣсто ихъ появились какіе-то «цилиндры» съ пришитыми къ нимъ надписями: «стража безопасности города Варшавы». Послѣдствія показали, что эти блюстители общественнаго порядка, на вербованные неизвѣстно кѣмъ, изъ неизвѣстной и, безъ сомнѣнія, враждебной правительству среды, шныряя по всѣмъ закоулкамъ города, распространяли самыя невѣроятныя слухи о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по водворенію порядка въ городѣ, науськивали варшавскую чернь на буйства, увѣряя каждого встрѣчнаго въ полномъ безсиліи правительства, въ виду охватившаго будто бы весь край народнаго движенія. Къ счастью, курьезная полиція эта просуществовала не болѣе недѣли, «констабли» исчезли, и на мѣсто ихъ появились опять, хотя и плохіе во всѣхъ отношеніяхъ, но по крайней мѣрѣ «настоящіе» полицейскіе чины.

Прибытіе въ Варшаву новаго намѣстника мало измѣнило положеніе дѣлъ. Генераль Сухозанетъ, поселившись въ Лазенковскомъ дворцѣ, выѣзжалъ въ городъ очень рѣдко и то не иначе, какъ сопутствуемый цѣлою сотнею линейныхъ казаковъ. Во время вы-

ѣздовъ въ городъ, намѣстникъ непремѣнно посѣщалъ каждый разъ которую нибудь изъ казармъ, ощупывалъ набивку солдатскихъ тюфяковъ, ругалъ ротныхъ командировъ и кашеваровъ и никогда ничѣмъ не оставался доволенъ. О дѣятельности генерала Сухозанета въ роли намѣстника царства намъ было извѣстно не много, но то, что генераль Сухозанеть, гоняясь за мелочами, упускалъ изъ виду главное, ясно было видно всякому... Вскорѣ послѣ кончины князя Горчакова, введено было въ Варшавѣ, проектированное еще при его жизни, раздѣленіе города на 4 военныхъ отдѣла. Главная цѣль этого раздѣленія заключалась въ введеніи единства въ дѣйствіяхъ военныхъ начальниковъ, что будто бы имѣло повести къ быстрому умиротворенію какъ города, такъ и всего края. Начальниками отдѣловъ назначены были старшіе генералы, и на ихъ обязанность возложено было принятіе своевременныхъ мѣръ къ прекращенію уличныхъ беспорядковъ, производство арестовъ (съ тѣмъ, однако, чтобы арестованные передаваемы были въ распоряженіе оберъ-полицеймейстера), а также руководство дѣйствіями войскъ, въ случаѣ вызова ихъ для подавленія уличныхъ беспорядковъ силою оружія. Въ распоряженіи начальника отдѣла состояла и городская полиція, а полицейскій комиссаръ (что-то въ родѣ частнаго пристава) или его помощникъ, независимо отъ немедленнаго донесенія начальнику отдѣла о такихъ происшествіяхъ, которыя требовали вмѣшательства вооруженной силы, обязанъ былъ лично сопутствовать части войскъ, выведенной на площадь или улицу.

Начальникомъ 2-го отдѣла города, а именно части его, заключающейся между плацомъ «Брони», Александровскою цитаделью, Краковскимъ предмѣстьемъ и Сенаторскою улицею, назначенъ былъ генераль Веселитскій.

Въ то же время, въ видахъ сбереженія войскъ, несшихъ усиленную караульную службу и часто тревожимыхъ безъ надобности, сдѣлано было распоряженіе о содержаніи въ каждомъ отдѣлѣ, на избранномъ пунктѣ, небольшой дежурной части, составленной изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. Части эти несли службу точно и находились въ постоянной готовности къ выступленію по первому востребованію.

Во 2-мъ отдѣлѣ дежурная часть состояла изъ одной роты нашего баталіона поочередно, взвода уланъ отъ Смоленскаго, либо Харьковскаго уланскихъ полковъ, и двухъ пѣшихъ орудій. Рота пѣхоты оставалась въ своемъ помѣщеніи, не свигая втеченіе сутокъ аммуниціи, а уланы и артиллерія занимали Инженерное строеніе на углу улицъ Долгой и Налевки, и такъ какъ дежурная часть находилась всего въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ интендантства, то была у генерала Веселитскаго, въ полномъ смыслѣ слова, подъ рукою. Состоя ординарцемъ при генералѣ, я

сопровождать его нѣсколько разъ во время его личного присутствія при дежурной части, выступавшей на мѣсто безпорядковъ, отвозилъ донесенія генерала намѣстнику и, кромѣ того, неоднократно участвовалъ въ качествѣ депутата съ военной стороны при производствѣ полицейскими комиссарами предварительныхъ дознаній о происшествіяхъ, носившихъ политическій характеръ. Нѣкоторыми изъ вышеупомянутыхъ случаевъ я намѣренъ подѣлиться здѣсь съ читателями, полагая, что изъ описанія ихъ ясно видны будутъ цѣлесообразность и своевременность различныхъ мѣропріятій тогдашнихъ властей, и всякіе комментаріи къ нимъ будутъ излишними. Въ общемъ, нельзя не замѣтить, что вышеупомянутое раздѣленіе города на отдѣлы не достигло намѣченной цѣли и не привело ни къ какимъ практическимъ результатамъ, а дѣйствія начальниковъ отдѣловъ, связанныхъ распоряженіями штаба главнокомандующаго войсками (онъ же и намѣстникъ), зачастую оказывались запоздавшими, а иногда просто смѣшными...

Имѣя близкое общеніе со многими полицейскими чинами 2-го отдѣла города Варшавы, я имѣлъ возможность присмотрѣться къ ихъ дѣятельности и составить нѣкоторое понятіе о ихъ нравственномъ уровнѣ и о степени сознанія ими служебнаго долга. Все, что я вынесъ изъ моихъ наблюденій, говорило далеко не въ пользу полицейскаго персонала того времени во 2-мъ отдѣлѣ, составлявшемъ четвертую часть города чуть не съ полумилліоннымъ населеніемъ. Кто были эти господа и какимъ они обладали образовательнымъ цензомъ, мнѣ не извѣстно, что же касается національности ихъ, то, судя по акценту, большинство полицейскихъ чиновъ принадлежало къ мѣстнымъ уроженцамъ, хотя въ числѣ ихъ были и такіе, которые чисто говорили порусски и носили неопредѣленные не то русскія, не то польскія фамиліи. Справедливость требуетъ сказать, что всѣ они не стояли на высотѣ своего призванія, не обладали никакой инициативой и совершенно не годились для того времени, когда энергія и распорядительность полиціи могла имѣть весьма важное вліяніе на ходъ тогдашнихъ событій. Подчиняясь военному начальнику отдѣла лишь по «наружному виду», они, однако, считали нужнымъ гнуть передъ нимъ подобострастно спину, а самый видъ грознаго генерала (имѣвшаго привычку требовать къ себѣ на квартиру нужныхъ ему полицейскихъ чиновъ по вечерамъ), сидѣвшаго за столомъ въ одномъ бѣльѣ, съ подвязанной правой рукой, наводилъ на этихъ господъ ужасъ... и нужно полагать, что рѣчь генерала, обращенная къ полицейскимъ чинамъ при вступленіи его въ должность, подогрѣтая обѣщаніемъ предавать виновныхъ въ неисполненіи его распоряженій военному суду, глубоко врѣзалась имъ въ память... Какъ бы тамъ ни было, но раздѣленіе города на отдѣлы безъ предоставленія начальникамъ ихъ обширныхъ полномочій было полумѣрой, не сослужившей ни-

какой службы правительству и принадлежавшей къ такимъ же неудачнымъ опытамъ, какъ, напримѣръ, разрѣшеніе торжественныхъ похоронъ 5-ти убитыхъ 20-го февраля, замѣна полиціи констеблями и проч. Для Варшавы того времени необходимо было объявленіе города на военномъ положеніи и немедленное приведеніе въ исполненіе этой мѣры, что сознавалось всѣми военными безъ исключенія... Что касается генерала Веселитскаго, то онъ, по складу своего характера, едва ли соответствовалъ своему новому назначенію: вспыльчивый донельзя, крикливый, гонявшійся за мелочами, употреблявшій зачастую въ дѣло свою безспорную энергію не туда, куда слѣдовало, онъ нерѣдко распоряженіями своими ставилъ себя въ странное положеніе... Такъ, напримѣръ, одинъ разъ генераль принялъ у себѣ на квартирѣ какую-то барыню, явившуюся съ жалобой на оскорбленіе, нанесенное ей на улицѣ полицейскимъ нижнимъ чиномъ. Судя по манерамъ и по костюму, барыня должна была принадлежать къ среднему кругу, по справкамъ, однако, оказалось, что она явилась заступницей на улицѣ за какого-то мастераваго, задержаннаго полицейскимъ за ношеніе траура, и оскорбила полицейскаго бранью. Генераль, вмѣсто того, чтобы выпроводить вонъ эту барыню и тѣмъ исправить свою ошибку, выразившуюся въ пріемѣ ея, вступилъ съ барыней въ пространныя препирательства по поводу ношенія траура, сталъ читать ей по этому поводу цѣлую лекцію и дождался того, что барыня, не стѣсняясь присутствіемъ моимъ и казачьяго офицера, наговорила генералу кучу дерзостей; при чемъ онъ до такой степени растерялся, что не могъ выговорить ни одного слова и только тогда пришелъ въ себя, когда, стоявшій у порога, казачій офицеръ, взявъ барыню за руку, вывелъ ее за дверь и передалъ дежурному полицейскому, для отвода въ управленіе оберъ-полицеймейстера.

О томъ, на сколько нужны были вызовы дежурной части для прекращенія въ городѣ безпорядковъ, и какими послѣдствіями сопровождалось появленіе во главѣ ея генерала, можно судить по нижеслѣдующимъ двумъ случаямъ, отчетливо сохранившимся и до сихъ поръ въ моей памяти.

Въ первой половинѣ мая мѣсяца происходили въ Варшавѣ похороны нѣкоего Кильхена, пользовавшагося въ средѣ польскаго населенія репутаціей яраго патріота. Согласно докладу полицейскаго комиссара, на похоронахъ должна была произойти крупная политическая демонстрація. Генераль рѣшилъ воспрепятствовать ей слѣдующимъ образомъ: вызвавъ изъ Инженернаго строенія взводъ уланъ, онъ приказалъ поставить его рядами во дворѣ интендантства и притворить ворота, ведущія на улицу.

Уланы должны были выжидать того времени, когда погребальная колесница поравняется съ зданіемъ интендантства (находившимся на пути слѣдованія похороннаго кортежа съ Долгой улицы къ По-

вонзковскому кладбищу), а затѣмъ, двинувшись рысью, пройти на другую сторону улицы и, отрѣзавъ отъ колесницы толпу, выстроить фронтъ по направленію слѣдованія процессіи. Во дворъ же интендантства были введены осѣдланными генеральская лошадь и моя. Спустя не болѣе часа по сдѣланіи этихъ «предварительныхъ» распоряженій, послышалось похоронное пѣніе многочисленнаго духовенства, и изъ полурастворенныхъ воротъ интендантства можно было видѣть двигавшуюся по направленію къ улицѣ Налевки массу экипажей и огромную толпу народа. Поставленный на улицѣ солдатъ наблюдалъ за движеніемъ процессіи и, какъ только колесница стала приближаться къ интендантству, доложилъ генералу. Доклада этого мы ожидали уже на коняхъ. Генераль сѣлъ тоже на своего красиваго, сѣраго коня. Не трудно себѣ представить изумленіе подходившей къ интендантству толпы, когда ворота мгновенно отворились, и изъ нихъ вышли рысью уланы, по два въ рядѣ. Толпа остановилась, и многіе изъ составлявшихъ ее бросились бѣжать назадъ. Экипажи тоже остановились. Произошло общее смятеніе. Между тѣмъ, уланскій взводъ, быстро выстроивъ фронтъ по назначенному направленію на ходу, очутился не болѣе какъ въ 10-ти шагахъ отъ колесницы, за которой и послѣдовалъ дальше, такъ какъ отъ происшедшей позади суматохи все находившееся впереди духовенство, ни сама колесница не остановились, а продолжали путь по направленію къ Повонзковскому кладбищу. Впереди уланскаго взвода ѣхалъ генераль, имѣя меня позади. Тѣмъ временемъ, отрѣзанная у интендантства отъ процессіи толпа, очевидно, рѣшила вновь собраться, такъ какъ мы вскорѣ замѣтили массу одиночныхъ людей, бѣжавшихъ вразсыпную по тротуарамъ, обгонявшихъ уланъ и останавливавшихся на поворотѣ улицы, ведущей къ Волинскимъ казармамъ. Генераль, убѣдившись въ неудачѣ своего плана, а, можетъ быть, и сознавая смѣшное положеніе кавалерійскаго взвода, съ генераломъ во главѣ, слѣдовавшаго за погребальной колесницей, везшей тѣло частнаго и, кромѣ того, враждебнаго правительству лица, повернулъ коня на Францисканскую улицу, бросивъ процессію на произволь судьбы. Взводъ уланъ послѣдовалъ за нимъ. Выѣхавъ на плацъ «Брони», мы замѣтили множество группъ изъ 5—10 человѣкъ, бѣжавшихъ по направленію къ кладбищу. Туда же неслись экипажи, занятые дамами, державшими въ рукахъ вѣнки и букеты. Прибывъ къ кладбищу, взводъ сталъ къ нему лицомъ; генераль занялъ мѣсто въ нѣсколькихъ шагахъ отъ праваго фланга взвода, храня все время упорное молчаніе и не отводя глазъ отъ гривы лошади. Вслѣдъ затѣмъ, подошла къ воротамъ погребальная колесница, позади которой успѣла уже образоваться огромная толпа. У кладбища мы простояли около часу времени, пока продолжалось отпѣваніе тѣла, и такъ какъ мѣсто для погребенія избрано было подлѣ кладбищен-

ской ограды, то съ коня отчетливо можно было видѣть обрядъ отпѣванія, фигуру ксендза, говорившаго проповѣдь, вѣнчаніе дамами могилы цвѣтами и проч.

Не смотря на громкія вскрикиванья ксендза, сопровождаемая размахиваніемъ рукъ, содержаніе его проповѣди мы слышать не могли, но бывший на кладбищѣ, переодѣтый въ партикулярное платье, жандармскій унтеръ-офицеръ доложилъ послѣ похоронъ генералу, что ксендзъ въ проповѣди своей «ругалъ русскихъ и взывалъ къ молитвамъ за убитыхъ 20 февраля и 26 марта на Краковскомъ предмѣстьи поляковъ». На обратномъ нашемъ пути, собравшаяся на углу Дикой улицы, толпа прокричала генералу: «Vivat! Niech żyje król polski (вивать, да здравствуетъ польскій король). Затѣмъ кто-то изъ толпы крикнулъ попольски же: «вотъ д . . . ь! ему кажется, что онъ въ самомъ дѣлѣ польскій король, потому что влѣзъ на сѣрую лошадь!» и толпа мгновенно разбѣжалась. Генераль притворился, что ничего не слышитъ.

Второе выступленіе дежурнаго отряда подъ начальствомъ Веселитскаго, на этотъ разъ составленнаго изъ трехъ родовъ оружія, было также неудачно, какъ и первое, и вызвало сильный «нагонный» генерала Сухозанета. Дѣло началось съ пустяковъ: какъ-то въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, ученики гимназіи, находившейся на углу Долгой улицы, недовольные однимъ изъ учителей, слѣдуя тогдашней модѣ на уличныя скандалы, стали бросать въ учителя, выходившаго изъ класса, бумажными шариками. Произошелъ шумъ. На улицѣ собралась толпа зѣвакъ, встрѣтившихъ учителя криками и свистками. Такой же пріемъ сдѣлала толпа и полицейскому чиновнику, вышедшему на мѣсто безпорядка. Затѣмъ, въ интендантство явился полицейскій комиссаръ и доложилъ генералу, что вслѣдствіе шума, происшедшаго въ гимназіи, на Долгой улицѣ собралась огромная толпа народа, неизвѣстно съ какими намѣреніями. Генераль приказалъ выступить съ мѣсть расположенія всѣмъ частямъ, составлявшимъ «дежурный отрядъ», въ томъ числѣ и артиллеріи, и въ то же время послалъ дивизионнаго гевальдигера ¹⁾ доложить намѣстнику о своемъ выступленіи съ «дежурною частью» для подавленія безпорядковъ, возникшихъ на Долгой улицѣ. Прибывъ на Красинскую площадь, на которую выходитъ Долгая улица, дежурная часть выстроилась лицомъ къ православному собору, готовая къ дѣйствию, но ни на площади, ни на прилегающихъ къ ней улицахъ, не было замѣтно ничего особеннаго, и хотя движеніе на нихъ казалось какъ будто оживленнѣе, но сборищъ въ толпу не было видно нигдѣ. Генераль «разнесъ» стоявшаго за нимъ полицейскаго комиссара, старавшагося увѣрить генерала, что собравшаяся было толпа разбѣжалась,

¹⁾ Такъ назывался офицеръ, завѣдывавшій дивизионнымъ обозомъ.

замѣтивъ приближеніе войскъ, и убѣдившись, что въ присутствіи войскъ на площади не было никакой надобности, приказаль дежурной части разойтись по домамъ, а меня послалъ въ Лазенковскій дворець доложить генералу Сухозанету, что политическая манифестація на Красинской площади не состоялась.

Являсь въ Лазенковскій дворець, я встрѣченъ былъ у крыльца генераломъ Крыжановскимъ, который, замѣтивъ меня изъ окна, выбѣжалъ на крыльцо и, взглянувъ мелькомъ на мою взмыленную лошадь, крикнулъ стоявшему у дверей казаку: «возьми у офицера лошадь!» а затѣмъ спросилъ меня скороговоркой: «вы изъ 2-го отдѣла?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, генераль, видимо находившійся въ сильно возбужденномъ состояніи, вскрикнулъ: «ну, что тамъ?» Я отвѣтилъ, что ничего особеннаго не произошло. «Какъ ничего?—возразилъ Крыжановскій:—сейчасъ былъ дивизіонный генеральдигеръ съ докладомъ о выступленіи войскъ для подавленія беспорядковъ на Красинской площади? Впрочемъ, идите, доложите лично намѣстнику о томъ, что тамъ происходило, вотъ онъ сидитъ за столомъ подъ деревомъ». При этомъ генераль указаль рукою на большое дерево позади дворца. Я отправился по указанному генераломъ направленію и, сдѣлавъ нѣсколько десятковъ шаговъ, очутился передъ развѣсистымъ кленомъ, подъ которымъ за столомъ, заваленнымъ бумагами, сидѣлъ безъ фуражки Сухозанеть, одѣтый въ мундиръ, въ лентѣ и при всѣхъ, по обыкновенію, орденахъ. За тѣмъ же столомъ сидѣлъ какой-то молодой человекъ въ статскомъ платьѣ и дѣлалъ карандашемъ помѣтки на бумагахъ. Вытянувшись въ струнку, я отпортовалъ Сухозанету, что дежурная часть разошлась съ Красинской площади по мѣстамъ, такъ какъ беспорядокъ произошелъ въ гимназіи, на подавленіе котораго не понадобилось военной силы. Выслушавъ мой докладъ, Сухозанеть, прищурившись, спросилъ: «арестованныхъ много?» и когда я отвѣтилъ, что арестованныхъ не было, такъ какъ толпа, замѣтивъ войска, разбѣжалась, то Сухозанеть спросилъ, какія именно части войскъ выходили на Красинскую площадь. Я перечислилъ всѣ части, бывшія на площади. Услышавъ слово «артиллерія», Сухозанеть вспылилъ и, окинувъ меня съ ногъ до головы сердитымъ взглядомъ, сказалъ пискливымъ голосомъ: «передайте своему генералу, что я очень недоволенъ его распоряженіями, не артиллерію слѣдовало выводить туда, а нужно было послать четырехъ казаковъ съ нагайками». Повернувшись кругомъ, я отправился домой и, не добъжая интендантства, встрѣтилъ шедшаго по улицѣ Веселитскаго. Замѣтивъ меня, генераль сошелъ съ тротуара, подошелъ ко мнѣ и, опершись лѣвой рукою о переднюю луку сѣдла, спросилъ: «ну, что, доложилъ?». Я разсказаль все подробно, и когда дошелъ въ моемъ разсказѣ до заключенія Сухозанета, высказаннаго по поводу выступленія на площадь артиллеріи, то Веселитскій, вы-

тарачивъ глаза (что служило выраженіемъ его сильнаго возбужденія), сказалъ: «что онъ тамъ старый д...ъ толкуеть? Пусть меня спроситъ на бумагѣ, а я ему отвѣчу, что слѣдуетъ». Подобный обмѣнъ любезностей двухъ высокопоставленныхъ въ военной іерархіи лицъ передъ молодымъ офицеромъ, какимъ я былъ въ то время, показался мнѣ по меньшей мѣрѣ неприличнымъ, а съ точки зрѣнія военной дисциплины положительно невозможнымъ... Впрочемъ, въ то время взгляды на поддержаніе авторитета власти и на военную дисциплину были далеко не тѣ, что нынѣ...

Вышеописанное выступленіе войскъ на Красинскую площадь было послѣднимъ во 2-мъ отдѣлѣ города, что слѣдовало приписать водворившемуся на нѣкоторое время наружному спокойствію на улицахъ Варшавы, а, можетъ быть, и болѣе осмотрительному отношенію военныхъ начальниковъ къ донесеніямъ и докладамъ полицейскихъ комиссаровъ и ихъ помощниковъ... Тѣмъ не менѣе, служба моя въ качествѣ постоянного ординарца при генералѣ Веселитскомъ продолжалась еще около мѣсяца, и я обязанъ былъ попрежнему, ежедневно по вечерамъ, являться къ нему за приказаніемъ. Обыкновенно я заставалъ генерала сидящимъ за столомъ надъ планомъ Варшавы. На столѣ стоялъ ящикъ кievскихъ конфетъ (до которыхъ генералъ былъ большой охотникъ) и бокалы съ водой. Въ тѣ вечера, когда генералъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ приглашалъ меня присѣсть и угощалъ конфектами, накладывая ихъ на тарелку своей единственной лѣвой рукой цѣлую гору. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Веселитскій спросилъ меня, читалъ ли я стихи, критикующіе дѣйствія высшихъ военныхъ начальниковъ, появившіеся съ нѣкотораго времени въ военныхъ кружкахъ г. Варшавы. Хотя стихи эти (по содержанію своему весьма остроумные, хотя и заключавшіе въ себѣ чрезвычайно ѣдкую сатиру), сочинителемъ которыхъ называли поручика Муромскаго пѣхотнаго полка Я., были мнѣ извѣстны, но я счелъ за лучшее солгать, сказавъ генералу, что никакихъ такихъ стиховъ я не читалъ.

Тогда Веселитскій отправился въ свою спальню, вынесъ оттуда четвертушку бумаги и, усѣвшись за столъ, сказалъ съ улыбкой:

— Ну, такъ слушай! Я тебѣ прочту, что тутъ сказано обо мнѣ...

И Веселитскій прочелъ слѣдующую строфу:

« Веселитскій не таковъ!
 «Онъ дощупался-бъ зубовъ
 «У мятежныхъ поляковъ,
 «Но князь за полу держалъ:
 «Чтобъ безрукій генералъ
 «Лѣвой ручкой не махалъ»...

Окончивъ чтеніе, Веселитскій громко расхохотался, сказавъ:

— Какая к я сочиняла эти стихи? А вѣдь правды въ нихъ много.

Всего стихотворенія Веселитскій мнѣ не прочелъ, но оно было мнѣ извѣстно полностью.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, Веселитскій объявилъ намъ о скоромъ выступленіи 6-й дивизіи изъ Варшавы въ провинцію, а именно въ г. Калишъ.

Извѣстію этому обрадовались всѣ безъ исключенія офицеры, а въ особенности оно было пріятно мнѣ. Проведя болѣе 4-хъ мѣсяцевъ въ постоянныхъ «посылкахъ», не имѣя возможности никуда отлучиться, я считалъ мою службу, въ качествѣ ординарца при генералѣ, за «продолжительный», хотя и незаслуженный арестъ и, кромѣ физической усталости, чувствовалъ себя утомленнымъ и нравственно... Единственнымъ отраднымъ воспоминаніемъ изъ тяжелой и монотонной жизни моей и моихъ товарищей по баталіону осталось время, проведенное нами въ домѣ тогдашняго генераль-интенданта, генерала Синельникова, предложившаго желающимъ офицерамъ 9-й роты (занимавшей зданіе интендантства) раздѣлять съ нимъ ежедневно обѣды. Любезнымъ предложеніемъ генерала воспользовались 4 офицера, въ томъ числѣ и я, и съ того дня ежедневно къ 2 часамъ мы собирались въ квартиру генерала. Послѣ обѣда, около часу, генераль обыкновенно проводилъ въ откровенной бесѣдѣ съ нами, высказывая каждый разъ теплое участіе къ нашему положенію, ободряя съ отеческою заботливостію наши усилія, разрѣшая наши сомнѣнія и не отказывая, когда это нужно было, въ своихъ совѣтахъ. Прекрасно образованный, мягкій и ровный въ обращеніи, гуманный, генераль производилъ на насъ чарующее впечатлѣніе, и мы привязались къ нему всею душою. Будучи вдовъ, генераль Синельниковъ занималъ въ зданіи интендантства скромную квартиру, въ которой проживалъ съ двумя взрослыми сыновьями, рѣдко выѣзжалъ въ гости, отличаясь у себя дома истинно русскимъ хлѣбосолецтвомъ. Отдѣливъ изъ своей квартиры двѣ комнаты для жительства временно поселившагося въ зданіи интендантства Веселитскаго, генераль Синельниковъ почти никогда съ нимъ не встрѣчался и видимо не долюбивалъ Сергѣя Гавриловича, но никогда не высказывалъ передъ нами никакихъ сужденій по поводу его дѣятельности по управленію 2-мъ отдѣломъ города, выслушивая молча рассказы офицеровъ о событіяхъ дня, въ которыхъ по необходимости фамилія генерала Веселитскаго должна была быть часто упоминаема.

Нѣсколько времени спустя, генераль Синельниковъ явился горячимъ защитникомъ какъ офицеровъ, такъ и всего Низовскаго полка, передъ новымъ намѣстникомъ, графомъ Ламбертомъ, по поводу калишскихъ событій, о чемъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Ординарческая служба моя при генералѣ Веселитскомъ окончилась 15-го іюня, такъ какъ въ этотъ день полкъ нашъ выступилъ изъ Варшавы въ г. Калишъ.

Къ тому же времени относится и отчисленіе генерала Веселитскаго отъ начальствованія 6-й пѣхотной дивизіей.

В. Щ. В.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕНАТОРЪ Н. П. СИНЕЛЬНИКОВЪ.

(Биографическій очеркъ).

Правда прежде всего.

Н. Синельниковъ.

В ПРИНИМАЮСЬ съ отраднымъ чувствомъ за настоящій очеркъ. Говоря о лицѣ благородномъ, мы сами становимся на извѣстную, нравственную высоту. Мы видимъ уже не одного только замѣчательнаго дѣятеля, по поводу котораго говоримъ желанное слово, но и созерцаемъ цѣлую картину эпохи, въ которой онъ трудился и мыслить. Въ приведенныхъ строкахъ заключается все великое значеніе тѣхъ людей, которыхъ разнообразныя судьбы выдвигаютъ на сцену исторической дѣятельности. Николай Петровичъ Синельниковъ хотя не былъ вполне историческимъ лицомъ, но природа надѣлила его богато умственными и нравственными качествами. Послѣднія сдѣлали изъ него государственнаго администратора, надолго оставившаго добрыя слѣды во всѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ находился по волѣ русскихъ монарховъ.

Синельниковъ родился въ 1805 году. Отецъ его принадлежалъ къ старинному дворянству, но не получилъ въ молодости широкаго образованія. Только впоследствии онъ повялъ его значеніе. Это доказывается тѣмъ, что послѣ него остались замѣтки, писанныя на многихъ иностранныхъ языкахъ, изученныхъ имъ въ зрѣлыя годы жизни. Онъ, по обыкновенію нашихъ дворянъ, былъ еще въ дѣтствѣ записанъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, а позже служилъ адъютантомъ при извѣстномъ главнокомандующемъ графѣ Беннигсенѣ. Умеръ онъ 1807 году, оставивъ трехъ сыновей, изъ

которыхъ младшему минуло два года. Этотъ младшій и былъ Николай Петровичъ. Онъ воспитывался во Второмъ кадетскомъ корпусѣ. Въ то время Россія переживала тяжелый періодъ Аракчеевскаго владычества; въ Европѣ господствовали идеи, одобренныя на Вѣнскомъ конгрессѣ и старавшіяся задержать развитіе среди человѣчества принциповъ, во имя которыхъ поднята была великая французская революція. Юный Синельниковъ слышалъ въ корпусѣ мысли объ обузданіи страстей, о самопожертвованіи на пользу родины. Это ему внушалъ его законоучитель, знаменитый архимандритъ Фотій, впоследствии настоятель Новгородскаго Юрьевскаго монастыря. Фотій, какъ извѣстно, былъ не только строгій монахъ, но и фанатикъ исповѣдуемыхъ убѣжденій. Онъ съ ненавистью преслѣдовалъ не только всѣ ученія, идущія съ Запада, но и возставалъ противъ мѣръ для умственного развитія русскаго народа. Его опасался тогдашній министръ просвѣщенія князь Голицынъ; къ его мнѣніямъ прислушивался и самъ Александръ I. Послѣ сказаннаго понятно, какъ былъ душевно дисциплинированъ Николай Петровичъ, къ которому Фотій особенно благоволилъ. Синельниковъ былъ выпущенъ въ офицеры въ 1823 году. Тутъ судьба его поставила подъ суровую опеку графа Аракчеева. Къ сожалѣнію, объ этомъ государственномъ человѣкѣ имѣются скудныя свѣдѣнія въ запискахъ Николая Петровича ¹⁾. А между тѣмъ онъ служилъ нѣсколько лѣтъ въ войскахъ, расположенныхъ въ военныхъ Новгородскихъ поселеніяхъ. Онъ числился въ нихъ даже въ эпоху холернаго бунта, когда погибъ его родственникъ, генералъ Леонтьевъ, отецъ умершаго въ семидесятыхъ годахъ начальника академіи генеральнаго штаба. Пробѣлъ въ воспоминаніяхъ объ Аракчеевѣ Синельникова объясняется потерей записокъ о раннемъ періодѣ его жизни. Впоследствии, конечно, авторъ многое позабылъ. Но изъ его изустныхъ разсказовъ мнѣ приходилось слышать мнѣніе объ александровскомъ временщикѣ, какъ о человѣкѣ сухомъ, съ узкими воззрѣніями, не терпящемъ самостоятельности въ другихъ, беспощадно проводящемъ понятія, имъ излюбленныя. Николай Петровичъ твердо запомнилъ приказъ, въ которомъ графъ прощался навсегда съ военными поселеніями. Въ приказѣ, между прочимъ, говорилось о безграничномъ довѣрїи къ Аракчееву въ бозѣ почившаго государя; что ему, графу, «первому и единому, была открыта душа монарха; что, удостоенный довѣрїя его величества, онъ одинъ зналъ сокровенныя его помыслы», и проч. ²⁾. Въ приведенныхъ строкахъ ярко рисуется властная натура временщика.

¹⁾ Эти записки довольно обширны и крайне интересны. Онѣ захватываютъ пятидесятилѣтній періодъ и появятся на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

²⁾ Записки Н. П. Синельникова, ч. I.

Есть хорошая русская пословица, гласящая: «каковъ попъ, таковъ и приходъ». Она краснорѣчиво истолковываетъ намъ тотъ духъ военной службы, который господствовалъ въ войскахъ Аракчеевскаго времени и захватывалъ какъ высшіе, такъ и низшіе ряды нашей арміи. Для молодого офицера, съ сильнымъ характеромъ, такой духъ былъ полезною школою; для людей безхарактерныхъ онъ несъ несомнѣнную гибель, или заглушалъ въ нихъ проблески рыцарскихъ чувствъ и стремленій. Синельниковъ, одаренный добрымъ сердцемъ, непрестанно помнилъ свѣтлые завѣты старушки матери и безропотно переносилъ грубую среду, въ которой началъ жизненную карьеру. Онъ гордо несъ голову, не унижая офицерскаго и человѣческаго достоинства. Когда его полковой командиръ, полковникъ Томиловскій, бросилъ на полъ служебныя бумаги, принесенныя безусымъ подпоручикомъ, и сказалъ: «Поднимите!» — Николай Петровичъ возразилъ:

— Для поднятія, бросаемыхъ вами на полъ, бумагъ у васъ есть денщикъ.

Повже съ нимъ былъ другой случай. Синельниковъ состоялъ адъютантомъ при начальникѣ дивизіи, генералѣ Демидовѣ, отличавшемся самодурствомъ и любовью къ женщинамъ легкаго поведенія. Онъ безъ стѣсненія держалъ ихъ по нѣскольку въ своей квартирѣ. Однажды двѣ изъ нихъ собрались ѣхать въ театръ, въ отдѣльную ложу. Демидовъ почему-то не могъ сопровождать дамъ и обратился къ своему адъютанту:

— Будь такъ добръ, съѣзди съ ними въ театръ.

Синельниковъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Состоя при вашемъ превосходительствѣ, я служу моему государю. Исполненіе частныхъ вашихъ порученій не входитъ въ предѣлы моихъ обязанностей.

Два этихъ небольшихъ факта рѣзко опредѣляютъ нравственный складъ юноши, которому впоследствии суждено было играть не маловажную роль.

Около 1830 года Николай Петровичъ женился. Польская война 1831 года увлекла его въ ряды дѣйствующихъ войскъ. Они отправились сражаться съ не воюющимъ, а бунтующимъ народомъ. Этотъ характеръ грядущей войны опредѣлилъ самъ государь. Осматривая подъ селомъ Княжимъ гренадерскій корпусъ, находившійся подъ начальствомъ князя Шаховскаго, императоръ объявилъ походъ противъ Польши и выразился такъ: «пойдемъ топтать бунтовщиковъ!»¹⁾

Наши войска, подъ начальствомъ графа Дибича, дѣйствовали вяло, медленно. Николай Петровичъ въ своихъ запискахъ подтверждаетъ многочисленные рассказы очевидцевъ, что послѣ Гро-

¹⁾ Записки сенатора Синельникова, ч. I.

ховскаго погрома, когда главныя силы были разбиты, и Варшава осталась открытою, незащищенною, наша армія стояла въ бездѣйствіи на своихъ позиціяхъ «подъ дождемъ и снѣгомъ, а первыя сутки безъ обозовъ и выюковъ. Солдаты грѣлись у костровъ и пились болотною водою съ черствыми сухарями». Синельникову выпалъ жребій участвовать въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Состоя при командирѣ гренадерскаго корпуса, Николай Петровичъ имѣлъ случаи для личныхъ сношеній съ высшими представителями войны: съ фельдмаршалами Дибичемъ и Паскевичемъ и съ начальникомъ штаба арміи, графомъ Толемъ. О послѣднемъ онъ отзывается съ величайшимъ уваженіемъ. Въ его запискахъ есть интересный эпизодъ, характеризующій патріархальную, хохлацкую натуру атамана Власова. Адъютантъ, по порученію князя Шаховскаго, прискакалъ къ Власову спросить:

— Не замѣчаетъ ли онъ движенія въ неприятельскомъ лагерѣ?

Старый вояка, сидѣвшій подъ деревомъ, къ которому были прикрѣплены, въ видѣ шатра, двѣ бурки, закричалъ:

— Пахомычъ!

На простодушный зовъ начальника явился заслуженный полковникъ. Атаманъ пробурчалъ:

— Возьми-ка съ полсотни ребятъ, да побѣгай по бугру.

И такіе простые герои завоевали царства и были лучшими сынами своего отечества.

Наши войска остановились предъ укрѣпленнымъ предмѣстьемъ Варшавы, Волей. Солдаты острили:

— Только бы Богъ помогъ волюшку польскую прибрать къ рукамъ, а тамъ уже съ Аршавой-то сладимъ.

Защита поляками своей столицы была отчаянна. Обѣ стороны дрались съ неимовѣрнымъ мужествомъ; нашему молодому офицеру безпрестанно приходилось, подъ сильнымъ огнемъ, передавать разнымъ частямъ войскъ распоряженія высшаго начальства. За храбрость при взятіи Варшавы и участіе въ сраженіи при мѣстечкѣ Бѣлоленки Синельниковъ былъ награжденъ орденами св. Анны 4-й и 3-ей степени съ бантомъ. Послѣ окончанія кампаніи ему разрѣшенъ былъ отпускъ въ Россію, гдѣ его ожидало лестное назначеніе. Онъ былъ опредѣленъ въ штабъ гвардейскаго корпуса и зачисленъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Николай Петровичъ впервые представился великому князю Михаилу Павловичу. Послѣдній, пристально взглянувъ на молодого офицера, обратился къ начальнику своего штаба, генералу Веймарну, съ слѣдующею фразою:

— Прошу васъ, Петръ Ѳеодоровичъ, засадить его за работу такъ, чтобы на гулянье у него оставалось немного времени.

Этими полусушутливыми словами была рѣшена судьба Синельникова. Втеченіе остальной жизни великаго князя, онъ сдѣбался

его ближайшимъ и неразлучнымъ спутникомъ. Предъ нимъ Михаилъ Павловичъ являлся тѣмъ истинно добрымъ человѣкомъ, какимъ Россія его мало знала. Великій князь еще не обрисованъ исторіей. О немъ въ журналахъ встрѣчались и встрѣчаются лишь отрывочныя свѣдѣнія и анекдоты. Полнаго очерка жизни любимаго брата и друга императора Николая мы не имѣемъ. Зато изъ многочисленныхъ фактовъ, приводимыхъ Николаемъ Петровичемъ въ своихъ запискахъ, типичная и симпатичная фигура Михаила Павловича выступаетъ съ большой яркостью. Природа щедро его одарила. Свѣтлый умъ, способный быстро усваивать все, что кидалось на глаза, безконечная доброта съ напускною суровостью, вспыльчивость и благородное сознаніе своихъ ошибокъ, великодушная награда напрасно обиженнымъ, рѣдкое остроуміе, — вотъ присущія качества возвышенной души великаго князя. Понятно, что Синельниковъ привязался къ нему безгранично, оберегалъ его въ минуты горячности, принималъ на себя чужія вины, чтобы успокоить своего покровителя и утѣшить тѣхъ, на кого бѣда обрушивалась. Михаилъ Павловичъ отлично понималъ своего подчиненнаго, цѣнилъ его и сбрасывалъ при немъ обычную официальную строгость. Разъ великій князь увидѣлъ, что молодой докладчикъ былъ особенно блѣденъ. Онъ спросилъ:

— Что съ тобою?

— У меня легкая лихорадка, ваше высочество, но она не мѣшаетъ мнѣ заниматься.

Михаилъ Павловичъ замѣтилъ:

— Ты, мнѣ кажется, чудакъ. Я прикажу осмотрѣть тебя доктору.

Въ тотъ же день, по распоряженію великаго князя, больного навѣстилъ знаменитый Я. В. Вилліе.

Доклады Михаилъ Павловичъ принималъ ежедневно. Если же при выѣздѣ изъ дворца онъ встрѣчалъ безпорядки въ войскахъ или на улицѣ, то требовалъ къ себѣ для объясненія начальника штаба или Синельникова. Былъ такой случай. Въ кабинетѣ великаго князя Николай Петровичъ докладывалъ текущія дѣла. Въ это время внезапно явился государь Николай Павловичъ и спросилъ брата:

— Ты скоро кончишь?

— Надѣюсь, что скоро.

Императоръ подошелъ къ столу, взялъ одну изъ бумагъ и сказалъ адъютанту:

— Давай докладывать вмѣстѣ, но прежде садись.

Государь опустилъ руку на плечо Синельникова и умыленно его придавилъ. Стулъ подломился. Императоръ удержалъ падашаго и, улыбаясь, проговорилъ:

— Кресла ломать можешь, а стулья береги. Я на нихъ самъ люблю сидѣть.

Съ описаннаго случая Николай Петровичъ сдѣлался извѣстнымъ его величеству и сталъ пользоваться его благоволеніемъ. Въ числѣ обязанностей командира корпуса было представленіе новобранцевъ на высочайшее распредѣленіе ихъ по полкамъ гвардіи. Николай Павловичъ лично любилъ производить это распредѣленіе, а Синельниковъ записывалъ, кто въ какой полкъ былъ назначенъ. Онъ такъ привыкъ къ характеру государя, что безошибочно намѣчалъ людей именно въ тѣ части войскъ, въ которыя поставилъ бы ихъ самъ государь. Такъ, преображенцы должны были имѣть солидный, чисто русскій типъ, семеновцы—красавцы, измайловцы—брюнеты, павловцы—курносы, литовцы—рябые. Увидавъ какъ-то подготовительную рассортировку рекрутъ, сдѣланную Синельниковымъ, императоръ проговорилъ.

— Дѣло это, я вижу, ты понимаешь.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ Николай Петровичъ былъ уже въ чинѣ полковника и числился дежурнымъ штабъ-офицеромъ гвардейскаго корпуса. Какъ-то въ штабѣ произошла бѣда. Казначей Костылевъ растратилъ казенныя деньги. Полковникъ былъ пораженъ прискорбнымъ событіемъ и не на шутку заболѣлъ. Когда о Костылевской кражѣ доложили государю, то онъ сказалъ Синельникову:

— Прошу служить и усердствовать попрежнему, а не вѣшать носъ. Бѣда не велика, а вздохами и большой бѣдѣ не поможешь.

Описываемое время было строго; отъ дворца до послѣдней хижины все подчинялось дисциплинѣ, все подгонялось подъ одну мѣрку. На мысль человѣческую и то накладывалась предохранительная узда. Тяжело это переживалось, но сохранялись вѣковыя основы семьи и государственности. Тогдашняя дисциплинировка выработывала въ человѣкѣ характеръ, умѣнье управлять своими страстями, умѣнье приказывать и покоряться указаніямъ старшихъ. Оттого встрѣчались во всѣхъ слояхъ народа оригинальныя и типичныя личности, проявлявшія то рѣзкія черты душевнаго величія, то отпечатки поражающей преступности. Теперь же, при стертости цивилизаціей человѣческаго образа, не знаешь, гдѣ начинается его добродѣтель, и кончается его порочность.

* Николай Петровичъ, прошедшій всю Николаевскую школу, остался послѣ кончины великаго князя Михаила Павловича, въ 1849 году, закаленнымъ воиномъ, непоколебимымъ рыцаремъ въ привычкахъ и въ идеяхъ. Произведенный въ 1851 году въ генералы и вскорѣ назначенный губернаторомъ во Владимірѣ, онъ явился предъ провинціальными обитателями необычнымъ представителемъ власти. Онъ удивилъ всѣхъ какъ величавой наружностію, такъ и нравственнымъ складомъ. Онъ отказался отъ полученія въ свою пользу шести тысячъ рублей, которыя откупъ ежегодно уплачивалъ каждому губернатору. И этотъ поборъ никѣмъ не считался

позорнымъ. О немъ знало и высшее правительство. Синельниковъ, первый изъ начальниковъ губерній, показалъ, что онъ служить государю и государству, и не желаетъ находиться подъ какимъ бы то ни было постороннимъ вліяніемъ. Онъ составилъ комитетъ изъ вице-губернатора и предсѣдателей мѣстныхъ палатъ для распредѣленія откупнаго подарка по разнымъ благотворительнымъ заведеніямъ. Въ губерніи онъ провелъ десять мѣсяцевъ и столько натворилъ полезныхъ дѣяній, что имя его до сихъ поръ живетъ въ памяти владимірцевъ. Николай Петровичъ занялся устройствомъ мостовыхъ въ городѣ, насажденіемъ общественнаго сада, очисткой загрязненныхъ площадей, перестройкой театра и базарныхъ лавокъ, созданіемъ зимняго и лѣтняго помѣщеній для мѣстнаго клуба. Губернаторъ секретнымъ образомъ разузнавалъ, кто изъ помѣщиковъ дурно обращался съ крестьянами, и чрезъ предводителей принималъ деликатныя мѣры къ умиротворенію обѣихъ сторонъ. Когда Синельниковъ былъ переведенъ изъ Владиміра начальникомъ Житомирской губерніи, то городскія сословія явились его провожать; на проѣздныхъ станціяхъ народъ выходилъ встрѣчать своего бывшаго правителя, а въ ночное время факелами освѣщали ему путь. И это дѣлалось безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Извѣстный актеръ и драматическій писатель пятидесятихъ годовъ, Петръ Ивановичъ Григорьевъ, въ такихъ стихахъ описывалъ владимірскаго Синельникова:

Превосходительный и вмѣстѣ превосходный
 Слуга царю и честный человѣкъ,
 Въ душѣ всегда на все благое сродный!
 Ты—исключеніе бездѣнное въ нашъ вѣкъ.

Стихи очень длинны и оканчиваются слѣдующими словами:

«И если-бъ влязунникъ, сутяга каждый вымеръ,
 Или изгнанъ былъ, какъ вредный человѣкъ,—
 Прославился-бъ въ Россіи градъ Владиміръ
 «И васъ прославилъ бы навѣкъ.
 «Такъ съ Богомъ, нашъ почтенный губернаторъ,
 «Христіанинъ, смѣлѣй! Все злое—съ корнемъ вонъ!
 «Прощайте! Вашъ слуга и литераторъ
 «Свидѣтельствуетъ вамъ низайшій свой поклонъ!»»

Надобно здѣсь объяснить, почему артистъ петербургскихъ театровъ, Григорьевъ, обратился къ Николаю Петровичу съ приведенными стихами. Синельниковъ, состоя дежурнымъ штабъ-офицеромъ гвардіи, создалъ Красносельскій театръ, въ которомъ въ лагерный періодъ давались спектакли. При театрѣ устроены были приличныя помѣщенія для отдыха императорскихъ актеровъ, даровой столъ и разныя увеселенія. Есть любопытная книга «Свѣтъ и тѣни», принадлежащая перу родного брата знаменитаго А. М. Максимова. Въ ней остроумный и благородный Г. М. Максимовъ,

съ которымъ я былъ лично въ дружескихъ отношеніяхъ, свидѣтельствуетъ о томъ безграничномъ уваженіи, какимъ пользовался со стороны театральнаго міра Синельниковъ. Императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ въ первый разъ роскошно освѣщенный театръ и встрѣченный народнымъ гимномъ, остался видѣннымъ совершенно доволенъ, былъ веселъ и за все благодарилъ Николая Петровича. Потомъ, государь вошелъ въ партеръ и занялъ свое кресло. «Нужно ли говорить, — объясняетъ Максимовъ, — о восторженныхъ крикахъ «ура» присутствующихъ, увидавшихъ царя сидѣвшимъ среди нихъ въ партерѣ?»¹⁾

Царскосельскій театръ существуетъ и теперь. Стихи П. И. Григорьева, приведенные нами, составляютъ правдивый отголосокъ заслугъ Николая Петровича.

Трудно было Синельникову управлять Житомирской губерніей, въ которой большинство помѣщиковъ принадлежало къ польской національности. Однако, онъ поставилъ дѣло прямо, и поляки почувствовали, что надъ ними явилась власть истинно русскаго челоуѣка, но честнаго и умнаго начальника. Они познали границу, за которую не могли переходить ихъ требованія, но они убѣдились, что не будутъ обижены. Два года пробылъ Николай Петровичъ на Волыни, и вотъ что писалось о немъ въ «Волынскихъ Вѣдомостяхъ», при отъѣздѣ его въ Москву: «Житомиръ обязанъ неутомимой дѣятельности генерала Синельникова, нынѣ переведеннаго гражданскимъ губернаторомъ Московской губерніи. Зная, чего недоставало Житомиру, чтобы достойнымъ образомъ стать на ряду съ прочими благоустроенными губернскими городами Россіи, его превосходительство съумѣлъ принять благоразумныя мѣры для возбужденія всѣхъ къ добровольному и охотному содѣйствію его государственнымъ дѣламъ. Такимъ образомъ, мѣстными средствами построенъ прекрасный соборъ, при немъ два домика для причта и домъ для помѣщенія пріюта княгини Васильчиковой, устроено великолѣпное помѣщеніе для благороднаго собранія и мостъ чрезъ рѣку Каменку; очищены базарныя площади, на которыхъ теперь красуются ряды новыхъ лавокъ, заложены бульвары, вымощены улицы и воздвигнутъ театръ, подобіе которому, безъ преувеличенія сказать, врядъ ли найдется въ другихъ губернскихъ городахъ нашей имперіи»²⁾).

Заботы Синельникова достойно оцѣнены Житомиромъ. Съ высочайшаго разрѣшенія, въ честь его названа одна изъ лучшихъ улицъ города «Синельниковскою».

Послѣ тихой, провинціальной жизни Николай Петровичъ попалъ въ Москву, почти наканунѣ коронаціи императора Александра II.

1) «Лѣтъ и тѣни» Г. М. Максимова, стр. 221.

2) «Волынскія Вѣдомости», № 42, 1855 года.

Время было интересное. Севастопольская война только что окончилась. Войска возвращались чрезъ древнюю столицу и чествовались въ ней торжественно. Извѣстный В. А. Кокоревъ, находившійся въ апогеѣ славы и богатства, не жалѣлъ золота, нажитаго на откупахъ.

Московскій военный генераль-губернаторъ, графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, былъ типичной личностью. Высокій, прямой, съ морщинистымъ бритымъ лицомъ, съ подстриженными усами, съ высунувшимся чернымъ галстухомъ на длинной шеѣ, съ густыми рѣсницами надъ мутными глазами, графъ производилъ впечатлѣніе надменнаго и холоднаго сановника. Генералу Синельникову не легко было ладить съ Закревскимъ. Кланяться и угождать кому бы то ни было онъ не привыкъ. Николай Петровичъ помнилъ девизъ благороднѣйшаго кіевскаго генераль-губернатора, князя Васильчикова: «Жизнь царю, чести никому». Нужно замѣтить, что въ Москву Синельниковъ былъ назначенъ неожиданно, по личной волѣ государя. Послѣдній выразилъ графу желаніе, чтобы въ Москву, на коронацію, по случаю сложности дѣлъ, былъ вызванъ начальникъ Волинской губерніи. Закревскій скрылъ эту волю императора. Онъ встрѣтилъ Николая Петровича фразою:

— Я просилъ о вашемъ назначеніи губернаторомъ въ Москву въ виду заявленныхъ вами особыхъ способностей по управленію двумя провинціями.

При представленіи генерала графинѣ, отличавшейся веселою жизнью, она заявила желаніе, чтобы новый губернаторъ принималъ участіе въ ея четверговыхъ вечерахъ. Синельниковъ отказался, сославшись на службу и любовь къ семейному времяпровожденію. По уходѣ его графиня проговорила:

— Онъ не нашего поля ягода.

Нелюбовь генераль-губернатора къ новому своему помощнику стала проявляться въ принципиальныхъ формахъ. Закревскій не терпѣлъ русскаго мужика, презиралъ купечество, деспотически обращался съ жителями, не имѣвшими виднаго, служебнаго положенія. Синельниковъ былъ, напротивъ, коренной русакъ. Внутренней наружности, съ закрученными на концахъ усами, съ добродушными, но пронизательными глазами, онъ всякому внушалъ къ себѣ довѣріе и почтеніе. Все родное онъ искренно цѣнилъ и ласкалъ своихъ одѣвалъ въ русское платье. Графа покоробилъ видъ губернаторской прислуги; онъ сказалъ Николаю Петровичу:

— Москва не Житомиръ!

Приближалась коронація. Гвардія изъ сѣверо-западнаго края была сдвинута къ Москвѣ; съ ней соединился гренадерскій корпусъ съ большимъ количествомъ кавалеріи. Подрядчики, какъ вороны, почуявшіе добычу, слетѣлись въ Москву и прижали военное начальство неимоверными запросами за хлѣбъ и фуражъ. Вотъ

туть-то и проявился находчивый и честный умъ Синельникова. Онъ задѣлъ патриотическія чувства въ кулаческихъ душахъ, усовѣщевалъ, грозилъ, поощрялъ податливыхъ наградами и въ итогѣ сохранилъ государству нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Московское купечество пожелало устроить государю обѣдъ въ городскомъ манежѣ. На угощеніе было асигновано сто тысячъ рублей. Наканунѣ торжества манежъ посѣтилъ графъ Закревскій. У входа его встрѣтилъ городской голова Колесовъ съ сословными представителями. Указывая рукою на послѣднихъ, графъ гордо спросилъ:

— Кто это?

Ему доложили:

— Это, ваше сіятельство, хозяева и распорядители обѣда.

Военный генераль-губернаторъ замѣтилъ:

— Мѣсто такихъ распорядителей на кухнѣ!

Николай Петровичъ съ трудомъ упросилъ начальника столицы дозволить присутствовать на этомъ обѣдѣ хотя двадцати лицамъ, избраннымъ изъ купечества.

Императоръ остался очень не доволенъ приведеннымъ распоряженіемъ Закревскаго. Говорятъ, что на высочайшемъ обѣдѣ, данномъ въ Кремлевскомъ дворцѣ въ честь многочисленнаго купечества, надменный графъ не получилъ желаемого приглашенія.

Николай Петровичъ рвался изъ Москвы, гдѣ ему трудно жилось подъ давленіемъ слѣпаго самодурства. Воронежскій губернаторъ, князь Долгорукій, получилъ сенаторство, и Синельниковъ просился на открывшуюся вакансію. Не смотря на препятствія со стороны Закревскаго, онъ отправился въ Воронежъ, въ которомъ и оставилъ по себѣ вѣковѣчную, славную память. То былъ старый дворянскій городъ. Въ немъ проживали вліятельные помѣщики, а въ губерніи не мало находилось имѣній, принадлежавшихъ тогдашнимъ вельможамъ.

Извѣстно, что еще во время коронаванія, при приѣмѣ дворянства въ Москвѣ, государь выразилъ волю о необходимости улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ. Достойныя слова монарха положили несокрушимую грань между минувшимъ царствованіемъ и царствованіемъ, только что начавшимся. Въ обществѣ пошло броженіе идей, прежде упорно таившихся; въ печати стали появляться статьи, повѣсти и романы, возбуждавшіе негодованіе къ рабству. Но вотъ опубликованъ первый вѣстникъ грядущаго освобожденія, рескриптъ о крестьянской реформѣ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ имперіи. Умы въ провинціи заволновались; среди крестьянства пошли темные толки. Въ описываемые годы много надобно было имѣть губернатору такта, чтобы сдерживать выплывающія подспудныя силы. Синельниковъ былъ однимъ изъ разумѣйшихъ и искреннихъ исполнителей освободительныхъ идей императора Александра II. Въ Воронежѣ онъ дѣйствовалъ прямо и смѣло. При-

дравшись къ случаю, что крестьяне жаловались на притѣсненія одного помѣщика, онъ обратился съ циркуляромъ къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства и призывалъ ихъ къ постепенному, умѣлому сокращенію помѣщичьей власти. Въ циркулярѣ говорилось: «Я не прошу скорого переворота въ дѣйствіяхъ гг. помѣщиковъ, могущаго возбудить толки и увеличить жалобы, но требую это дѣлать съ благоразуміемъ, свойственнымъ благородному дворянству. Пусть дѣлаютъ, что возможно; но что возможно, то непременно должно дѣлаться». Едва ли другой администраторъ той эпохи рѣшался такъ ясно ставить на практикѣ вопросъ, которому еще не было дано властнаго движенія со стороны высшаго правительства. И удивительно въ данномъ дѣлѣ то, что Николай Петровичъ, истый питомецъ Николаевскаго режима, явился борцомъ за освобожденіе крестьянъ, которому не сочувствовали такіе государственные умы, какъ князь Орловъ, министръ Муравьевъ и графъ Панинъ. Вскорѣ Синельниковъ объявилъ войну губернскимъ крѣпостникамъ. Во главѣ ихъ находился губернской предводитель князь Гагаринъ, имѣвшій за собою сильную партію. Она была отлично дисциплинирована, на выборахъ дерзко себя вела. Княжескіе клеветы стояли у выборнаго ящика и слѣдили, кто куда клалъ шары. Въ 1859 году губернскимъ предводителемъ былъ выбаллотированъ князь Гагаринъ, а кандидатомъ къ нему надворный совѣтникъ Сомовъ, нынѣ сенаторъ. Въ секретномъ своемъ представленіи министру о результатахъ выборовъ губернаторъ, не стѣняясь, заявилъ, что утвержденіе князя Гагарина вновь воронежскимъ предводителемъ «въ предстоящее трехлѣтіе приведенія въ дѣйствіе великаго дѣла преобразованія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ можетъ принести большой вредъ и даже безпорядки въ нисшихъ классахъ». Губернскимъ предводителемъ былъ утвержденъ совѣстный судья Сомовъ, чтимый мѣстнымъ дворянствомъ.

Среди заботъ объ обеспеченіи правительству исполненія подготовляемой имъ реформы, Николай Петровичъ не забывалъ и нужды города. Въ Воронежѣ появилась отличная пожарная команда, были устроены обширный общественный садъ, два театра, торговые ряды, бульвары на главныхъ улицахъ, каменные на нихъ мостовыя. Источникомъ для послѣднихъ послужила оригинальная мѣра. Каждая вѣзжавшая въ заставу телѣга обязана была сдать, хотя одинъ камень, поднятый гдѣ нибудь на полѣ или въ оврагѣ. Впослѣдствіи образовались громадныя склады дароваго камня, послужившаго для мостовыхъ и двухверстной дамбы съ длиннымъ мостомъ черезъ рѣку Ворону. Мостъ этотъ, соединившій богатую зарѣчную часть съ городомъ, оказалъ услугу почти половинѣ губерніи. Прежде же, весною и поздней осенью, прекращалось сообщеніе Воронежа съ зарѣчными обитателями. Но самымъ грандіознымъ созданіемъ Синельникова было: сооруженіе памятника

Петру Великому. О немъ думалъ еще въ 1832 году губернаторъ Бѣгичевъ. По скудости собранныхъ суммъ его послѣдующіе преемники о памятникѣ совсѣмъ забыли. О немъ вспомнилъ генералъ Синельниковъ, всегда преклонявшійся передъ величественнымъ образомъ Преобразователя Россіи. Съ любовью онъ принялся за это дѣло. Имъ избрана была площадь для памятника противъ бывшаго дворца, построеннаго знаменитымъ Растрелли, и обращеннаго нынѣ въ интендантское зданіе. Кругомъ предполагаемаго памятника Николай Петровичъ разбилъ изящный скверъ, окаймленный чугуной рѣшеткой. Онъ нашелъ въ трущобахъ губерніи мѣстный красивый гранитъ, послужившій матеріаломъ для фундамента. Бронзовая фигура Петра Великаго вылита по проекту академика Гримма. Императоръ стоитъ на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ въ своемъ историческомъ камзолѣ, съ Андреевскою звѣздою на груди, опираясь правой рукою на якорь, а лѣвую простирая въ пространство къ далекому морю.

Николаю Петровичу не удалось видѣть открытіе памятника. Воля монарха вызвала его на болѣе значительный постъ. Памятникъ открытъ былъ при его преемникѣ, графѣ Толстомъ. Съ грустью разсталась губернія съ своимъ неусыпно заботливымъ начальникомъ. Городъ поднесъ ему адресъ съ многочисленными подписями, а позже единогласно избралъ его своимъ почетнымъ гражданиномъ. На обѣдѣ, данномъ дворянствомъ и купечествомъ генералу Синельникову, при отъѣздѣ его въ Петербургъ въ 1859 году, вице-губернаторъ, а нынѣ сенаторъ, А. С. Оголинъ, произнесъ слѣдующее: «васъ не возможно не уважать глубоко, какъ начальника; васъ нельзя не любить горячо, какъ человѣка. Это выпадаетъ на долю не многихъ, у которыхъ умъ въ ладу съ сердцемъ, энергія не расходится съ справедливостью. Вотъ почему васъ помнятъ и не забудутъ всюду, куда приводила васъ служебная дѣятельность. Не буду говорить, чѣмъ обязана вамъ здѣшняя губернія, но не могу не выразить вамъ, что мы гордились быть вашими помощниками и сослуживцами» ¹⁾).

Николай Петровичъ занялъ должность генералъ-интенданта 1-й арміи, расположенной въ царствѣ Польскомъ. Намѣстникомъ былъ князь Горчаковъ, человѣкъ удрученный годами и прославившійся крайней нерѣшительностью въ своихъ дѣйствіяхъ. Начальникомъ его штаба состоялъ генералъ Коцебу. Новому интенданту предстояло трудъ угождать первому и ладить съ послѣднимъ, имѣвшимъ большое вліяніе на дѣла края. Уже и тогда въ вѣкоторыхъ уголкахъ царства слышались раскаты собиравшейся грозы, на которую высшія власти не обращали серьезнаго вниманія. Такъ называемыя агрономическія общества, по программѣ довольно невин-

¹⁾ «Воронежскія Вѣдомости», № 14, 1859 года.

ныя, какъ бы занимавшіяся разработкою хозяйственныхъ вопросовъ, на самомъ дѣлѣ подготавливали революціонный взрывъ въ странѣ. Польскіе помѣщики принимали тайныя мѣры къ тому, чтобы затормозить успѣшное довольствіе нашихъ войскъ хлѣбомъ и фуражемъ. Синельникову приходилось скрывать предъ намѣстникомъ, желавшимъ видѣть благополучіе края, истинныя причины неудачи мѣстныхъ торговъ на провіантъ и искать его въ отдаленныхъ русскихъ провинціяхъ. Генераль-интендантъ самъ ѣздилъ въ Черниговскую губернію наблюдать за успѣшнымъ сплавомъ хлѣба, закупленнаго для первой арміи. Благодаря этой смѣлой операціи, у казны осталось въ экономіи нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Когда уже революція почти назрѣла, когда нашихъ солдатъ и офицеровъ поляки стали оскорблять въ садахъ, на площадяхъ и на улицахъ, Николай Петровичъ, какъ членъ совѣта намѣстника, подалъ послѣднему докладную записку, въ которой доказывалъ необходимость принятія энергичныхъ мѣръ для подавленія народившагося возстанія. Князь прочелъ записку съ неудовольствіемъ и сказалъ, что никакого серьезнаго осложненія дѣлъ въ царствѣ онъ не видитъ. Прозорливаго генерала обошли наградою. А, между тѣмъ, событія шли впередъ быстро. Поляки, подстрекаемые извнѣ нашими эмигрантами, поддерживаемые въ своихъ требованіяхъ Англіей и Наполеономъ III, дѣлались все дерзче въ поступкахъ. Собравшись на Замковой площади, буйная толпа кидала камни въ войска, не смѣвшія отвѣчать ей выстрѣлами. Князь выѣхалъ верхомъ къ народу и произнесъ:

— Зачѣмъ вы пришли? Ступайте домой!

Ему кричали:

— Ступай самъ домой, въ Россію! Мы дома!

Въ другой разъ толпа хохотала надъ стоявшими русскими баталіонами, на той же злосчастной площади. Одинъ русскій унтеръ-офицеръ не выдержалъ и воскликнулъ:

— Насъ прежде на такія посмѣшища не выводили!

Въ 1861 году князь Горчаковъ скончался; потянулись кратковременныя намѣстничества лицъ, достойныхъ и просвѣщенныхъ, но слабыхъ, какъ и самъ князь. Генераль Сухозанеть, графъ Ламбертъ, графъ Лидерсъ, какъ блѣдныя тѣни, проходятъ на страницахъ нашей исторіи, со скорбью взираютъ на волнующуюся въ революціонныхъ страстяхъ польскую національность и, во имя ложной гуманности, подвергаютъ опасности свое собственное отечество, безсознательно подрываютъ самодержавную власть своего прирожденнаго государя. Они, люди опыта, государственной мудрости, не уяснили смысла совершавшихся кругомъ событій. Не польскій народъ поднималъ руку на Россію. Поднимали ее мѣстное дворянство, католическое духовенство и интеллигентный пролетаріатъ. Что же касается народа польскаго, то онъ, задавленный

въ прошедшемъ панами, не забывалъ, что получилъ право покойно жить, благодаря лишь своему переходу подъ власть русскихъ царей. Все сказанное понималъ генералъ Синельниковъ. Пользуясь свободнымъ отъ службы временемъ, онъ посѣщалъ варшавскіе сады и откровенно бесѣдовалъ съ уличною молодежью. Онъ доказывалъ ей, что возстаніе погубить ихъ родину; что ея самостоятельное существованіе немыслимо въ силу историческихъ, политическихъ и другихъ разнообразныхъ причинъ. Чтобы спасти Польшу отъ конечной гибели, необходимы со стороны Россіи самыя быстрыя и крутыя мѣры. Поляки изумленно слушали рѣчи прямодушнаго русскаго генерала, дивились ему и дарили его полнымъ уваженіемъ. Тутъ случилось событіе, усилившее еще болѣе популярность Николая Петровича въ Польшѣ. Предъ окнами его квартиры взбѣсившіяся лошади выбросили изъ коляски одного богатаго польскаго графа. У него оказалась сломанною нога. Доктора затруднялись перевезти раненнаго въ его домъ, находившійся вдалекѣ мѣста отъ происшествія. Тогда генералъ предложилъ больному пріютъ у себя и сказалъ:

— Каждый человѣкъ обязанъ помогать страждущему, не разбирая его національности.

Графъ нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ квартирѣ генералъ-интенданта. Что же удивительнаго послѣ приведеннаго факта, что въ разгарѣ мятежа поляки открыто выказали Николаю Петровичу свое безпримѣрное почитаніе. Произошло это такъ. Въ 1863 году генералъ Синельниковъ выѣхалъ по дѣламъ службы изъ Варшавы въ Кіевъ. Съ нимъ было казенныхъ денегъ 30.000 рублей. Онъ сидѣлъ въ дормезѣ, а сзади его сопровождала тройка съ чиновникомъ и двумя жандармами. Уже наступила ночь, когда экипажи подъѣзжали къ станціи Залѣсье. Въ глухомъ лѣсу дормезъ былъ внезапно остановленъ и окруженъ неизвѣстными людьми. Польская банда въ пятьсотъ человѣкъ шумно разговаривала. Узнавъ, въ чемъ дѣло, русскій генералъ перекрестился и вышелъ къ повстанцамъ. Онъ услышалъ голосъ предводителя:

— Яка годность пана?

Синельниковъ назвалъ себя.

Предводитель отошелъ въ сторону и сталъ совѣщаться съ товарищами. Затѣмъ онъ подошелъ къ генералу, снялъ конфедератку и произнесъ:

— Намъ отъ пана генерала ничего не нужно. Пусть онъ доложитъ государю, что мы честныхъ его слугъ уважать умѣемъ.

Николаю Петровичу данъ былъ отъ банды конвой, такъ какъ впереди предполагались другія банды, которыя могли причинить вредъ проѣзжему, не зная, кто онъ.

Этотъ фактъ сдѣлался извѣстнымъ не только въ Россіи, но о немъ много толковали и въ иностранной прессѣ. Императоръ Але-

ксандръ Николаевичъ, принимая въ Петербургѣ генераль-интенданта, милостиво замѣтилъ:

— А ты попался шайкѣ? Очень радъ, что счастливо отдѣлался. Тебя и враги уважаютъ.

Въ 1864 году первая армія была упразднена. Въмѣсто нея создались три военныхъ округа: Варшавскій, Виленскій и Кіевскій, и въ каждомъ изъ нихъ учреждено по окружному интендантству. Ихъ сформированіе и устройство выпали на долю генерала Синельникова. За труды онъ былъ награжденъ званіемъ сенатора и назначенъ главноуправляющимъ всѣми тюрьмами въ Россіи. На этомъ посту новый начальникъ проявилъ всю ту глубину гуманности, которая скрывалась подъ суровою наружностью. Вспомнивъ, что множество неопытной и увлекшейся польской молодежи разбросано по провинціальнымъ русскимъ острогамъ, Николай Петровичъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе сформировать изъ заключенныхъ поляковъ рабочія роты и употреблять ихъ на сооруженія внутреннихъ желѣзныхъ дорогъ. Къ удивленію общества, роты виновныхъ доказали, что во всякомъ человѣкѣ, какъ бы онъ ни былъ испорченъ, сидитъ его собственный судья, въ видѣ совѣсти. Синельниковъ выхлопоталъ назначеніе въ роты ксендзовъ, устроилъ каплицы и возбудилъ въ арестантахъ угасающее чувство самолюбія. Арестанты просились работать безъ военнаго надзора, обязавшись за себя круговою порукою. Жили они на выработанныя деньги. За четыре года работъ, отъ содержанія политическихъ преступниковъ оказался экономическій остатокъ болѣе чѣмъ въ 200.000 рублей, и не было ни одного побѣга. По ходатайству главнаго начальника тюремъ, большинство польскихъ арестантовъ прощено государемъ и возвращено къ своимъ семьямъ, столь легкомысленно ими покинутымъ.

Въ тѣ годы сенаторъ Синельниковъ, кромѣ упомянутыхъ обязанностей, имѣлъ еще особыя порученія. Онъ былъ презусомъ военнаго суда въ Одессѣ надъ чиновниками, отданными подъ судъ за злоупотребленія по Севастопольской кампаніи. Дѣла, которыя его предшественники тянули много лѣтъ, были окончены въ три мѣсяца. Нѣкоторые несчастные, томившіеся подъ арестомъ цѣлые годы, получили свободу и возстановленную честь. Императрица Марія Александровна, узнавъ, что сѣверныя губерніи нуждаются въ хлѣбѣ, облекла Николая Петровича особымъ довѣріемъ и вручила ему 50.000 рублей для закупки хлѣба голоднымъ мѣстностямъ. Синельниковъ въ пять недѣль объѣхалъ шесть губерній, въ томъ числѣ: Архангельскую, Олонецкую и Вологодскую, возбудилъ дѣятельность въ провинціальныхъ образованныхъ обществахъ, привлекъ ихъ къ пожертвованіямъ, къ составленію комитетовъ для обезпеченія пищей обездоленныхъ людей и сохранилъ изъ денегъ государыни до 30.000 рублей. Такая необыкновенная дѣятельность, та-

кая полезная служба не могли быть не замѣчены. Государь наградил генерала Синельникова орденомъ Александра Невского, и когда открылась вакансія генераль-губернатора Восточной Сибири, неутомимый Николай Петровичъ былъ призванъ на этотъ важный постъ. Ему предстояла масса заботъ по новой должности. Отдаленный Сибирскій край нуждался въ коренныхъ реформахъ. Еще въ первой четверти столѣтія были созданы Сперанскимъ чиновничьи должности, съ наименованіемъ управленій, палатъ, исправниковъ, засѣдателей, и съ тѣхъ поръ до начала семидесятыхъ годовъ учрежденія Сперанскаго оставались нетронутыми. Предшественники Синельникова, за исключеніемъ графа Муравьева-Амурскаго, ставили, повидимому, личный покой выше удовлетворенія общественныхъ потребностей. Они не тревожили министерства реформенными вопросами и довольствовались царствующею тишиною въ подвластныхъ имъ областяхъ. Что же касается несомнѣнно даровитаго Муравьева, то его въ Иркутскѣ всецѣло поглотила грандіозная мысль о завоеваніи Пріамурскаго края. Выполнивъ ее, онъ какъ бы совершилъ:

«Въ предѣлахъ земныхъ все земное».

За время своего генераль-губернаторства, съ 1871 по 1874 годъ, Синельниковъ коснулся почти всѣхъ сторонъ народной жизни. Онъ обратилъ вниманіе на малочисленность воздѣлываемой земли подъ хлѣбные засѣвы и расширилъ ихъ площадь до колоссальныхъ размѣровъ. Чтобы привязать населеніе къ обработкѣ полей, онъ старался уменьшить въ уѣздахъ число кабаковъ, отстранить крестьянъ отъ работъ на золотыхъ пріискахъ, принявшихъ видъ распущенныхъ центровъ. На пріисковыя работы онъ задумалъ посылать тѣхъ изъ каторжниковъ, которые отличались хорошимъ поведеніемъ и выказали наклонности къ исправленію. Результатомъ такой мѣры были два отрадныхъ явленія. Казна перестала содержать преступный людъ, перешедшій на иждивеніе золотопромышленниковъ. Каторжникъ сталъ дорожить своимъ положеніемъ, ибо у него накапливались заработанныя деньги, и онъ видѣлъ предъ собою обезпеченное будущее. Для избавленія поселенъ отъ волостныхъ писарей, набравшихся изъ грамотныхъ ссыльныхъ, издается извѣстный циркуляръ объ учрежденіи по деревнямъ сельскихъ школъ. Наконецъ, генераль-губернаторъ добрался до такъ называемыхъ «темныхъ поборовъ», кормившихъ все сибирское чиновничество. Эти поборы, издавна, втихомолку установившіеся, приняли форму какъ бы негласнаго пособия служащимъ, свѣдома самой администраціи края. Синельниковъ отлично понималъ, что корень упомянутаго зла таится не въ однѣхъ порочныхъ наклонностяхъ ваяточниковъ, но и въ ничтожномъ содержаніи, которое они получали. Жизнь въ Восточной Сибири, при полномъ застоѣ ея природныхъ богатствъ, обходилась человѣку не дешево. Не только предметы

культуры и цивилизаци, и хлѣбъ нерѣдно покупался привозной. При такихъ условіяхъ какой же величины могъ быть нравственный цензъ маленькаго сибирскаго чиновника? Циркуляръ начальника края о взяточничествѣ встряхнулъ мѣстный служилый людъ, но остался чуть ли не гласомъ вопіющаго въ пустынь. Нѣкоторые губернаторы затруднялись даже его опубликованіемъ. Собранныя Синельниковымъ цифры о взяткахъ поразительны по количеству и по своей поучительности. Такъ, Иркутская губернія платила темныхъ поборовъ въ годъ 246 тысячъ, Енисейская—178 тысячъ, Забайкальская область—231 тысячу и Якутская область, благодаря лишь своей малонаселенности, 22 тысячи.

Всѣ печали обираемыхъ мѣстностей генераль-губернаторъ изобразилъ краснорѣчиво въ своихъ представленіяхъ министерству внутреннихъ дѣлъ съ приложеніемъ новыхъ штатовъ для чиновничества и не дождался желанныхъ отвѣтовъ. Золотые пріиски, какъ мы замѣтили выше, были центромъ для поголовнаго развращенія простаго люда. Пріиски были окружены, какъ крѣпкою цѣпью, еврейскими кабаками. За ихъ черту не выходило ни одного трезваго человѣка. Николай Петровичъ писалъ въ Петербургъ объ этомъ вопіющемъ злѣ и проектировалъ уничтожить кабаки въ пріисковыхъ окрестностяхъ, а ему отвѣтили, что золотопромышленность «идетъ рука объ руку съ благосостояніемъ народа». Въ интересныхъ запискахъ своихъ онъ подробно рассказываетъ, какъ его лучшіе помыслы и начинанія для возрожденія ввѣренныхъ ему областей затеривались, забывались и, наконецъ, совсѣмъ погребались въ разныхъ столичныхъ канцеляріяхъ.

Въ Иркутскѣ, гдѣ силою власти начальникъ края самъ могъ творить добро, онъ осуществилъ не мало благодѣтельныхъ предпріятій. Онъ привлекъ ссыльныхъ поляковъ, разсѣянныхъ по провинціальной глуши, въ городъ для устройства булочныхъ, мебельныхъ, сапожныхъ, портняжныхъ и прочихъ заведеній, отъ отсутствія которыхъ иркутяне очень страдали. Онъ создалъ воспитательный домъ, почти прекратившій дѣтоубійство въ городѣ; онъ построилъ благородное собраніе, прекрасный театръ съ квартирами для актеровъ; онъ спасъ Иркутскъ отъ наводненій, соорудивъ кругомъ его высокій валъ съ широкимъ, засаженнымъ деревьями, бульваромъ. Все это Синельниковъ выполнилъ, благодаря особому дару привлекать къ общественнымъ дѣламъ мѣстныхъ благотворителей и богачей. А среди послѣднихъ были, какъ Хаминовъ и Базановъ, хранившіе въ банкахъ по нѣскольکو десятковъ милліоновъ рублей. Трудно повѣрить, что названные капиталисты отдавали Николаю Петровичу свои милліоны для постройки имъ желѣзной дороги отъ Иркутска до Томска, на разстояніи полуторы тысячи верстъ. Старика уже согрѣвала мысль, какъ онъ постепенно и осторожно начнетъ выполнять смѣлое предпріятіе, какъ

имъ обрадуетъ онъ своего обожаемаго монарха. Но судьба рѣшила иначе. Рѣдкій администраторъ, вѣрный слуга царю и отечеству, не привыкъ сидѣть въ бездѣйствіи. Убѣдившись, что въ министерствахъ не сочувствуютъ его планамъ и предначертаніямъ, онъ просилъ о своемъ увольненіи.

Генераль-отъ-кавалеріи Синельниковъ оставилъ край, который онъ такъ горячо полюбилъ, съ благословеніями сибиряковъ, выбравшихъ его почетнымъ гражданиномъ Иркутска, и сохранилъ за собою, съ высочайшаго разрѣшенія, во время пути права генераль-губернатора. На всѣхъ станціяхъ его встрѣчали и провожали толпы благодѣтельствованнаго имъ народа. Въ Красноярскѣ въ честь него обществомъ былъ данъ блестящій балъ.

Съ апрѣля 1874 года Николай Петровичъ жилъ въ Петербургѣ на почетномъ отдыхѣ. Числясь неприсутствующимъ сенаторомъ, онъ имѣлъ счастье пользоваться особымъ благосклоннымъ вниманіемъ нынѣ царствующаго государя. На склонѣ лѣтъ онъ благотворилъ бѣднымъ, писалъ и поправлялъ свои записки, подолгу бесѣдовалъ съ близкими лицами о прожитыхъ годахъ. Бесѣда его была пріятна, остроумна и поучительна. Всмотриваясь въ величавыя черты старца, вслушиваясь въ его звучный голосъ, повѣствовавшій о борьбѣ со зломъ, о неукротимыхъ порывахъ къ правдѣ и добру, становилось на душѣ невыразимо отрадно.

Генераль Синельниковъ скончался 4-го октября 1892 года въ Харьковѣ, на рукахъ сына Анатолія Николаевича и окруженный внуками и внучками.

П. Суворовъ.

АРХІЕПІСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ ХЕРСОНСКІЙ.

(По воспоминаніямъ его келейника).

ДѢДЪ МОЙ, Θεодосій Степановичъ Марковскій, двѣнадцатъ лѣтъ служилъ келейникомъ у знаменитаго іерарха и духовнаго витія, высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго. Ранѣе этого времени онъ нѣсколько лѣтъ былъ канонархомъ въ дальнихъ и ближнихъ пещерахъ Кіево-Печерской лавры. Потомъ находился у митрополита кіевскаго Евгенія крестоносцемъ и, наконецъ, какъ расторопный малый, былъ рекомендованъ митрополитомъ отцу ректору Кіевской духовной академіи, тогда архимандриту Иннокентію, въ келейники. «Возьми этого молодца,—говорилъ высокопреосвященный Евгеній о. ректору,—онъ будетъ тебѣ хорошимъ слугою».

Съ этого времени я поступилъ къ Иннокентію,—разсказывалъ дѣдъ мой,—и 12 лѣтъ уже не раставался съ нимъ.

Насъ, келейниковъ, было трое. Я очутился въ какомъ-то водоворотѣ жизни. У о. ректора постоянно было много посѣтителей. Со всѣми онъ былъ добръ, встрѣчалъ каждого словами: «что, братецъ, скажешь?». Здѣсь я видѣлъ лицъ, которыя впоследствии достигли высокихъ ступеней іерархіи, и, когда встрѣчался съ ними, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, они были чрезвычайно милостивы ко мнѣ, кажется, единственно потому, что я имѣлъ счастье состоять въ должности келейника при незабвенномъ Иннокентіи.

Въ маѣ мѣсяцѣ кончались курсы въ академіи, и мы съ отцемъ ректоромъ уѣзжали на дачу въ Θεофанію. Любимымъ мѣстомъ на дачѣ для о. архимандрита былъ садъ. Вставъ рано, обыкновенно въ 4 часа, онъ шелъ въ садъ и начиналъ ходить по дорожкамъ

быстро-быстро, до тѣхъ поръ, пока рубашка на немъ не смокнетъ отъ пота; тогда онъ мѣнялъ другую, а иногда и третью. При этомъ утолялъ жажду минеральною водою. Во весь этотъ мѣсяцъ онъ, «запасаясь, какъ говорилъ, здоровьемъ на весь годъ», пилъ только минеральныя воды, а чаю въ это время вовсе не употреблялъ. Онъ былъ крѣпкаго, красиваго сложенія, хотя и небольшого роста. Употребленіе имъ минеральныхъ водъ заставляло меня предполагать, что здоровье его страдаетъ отъ усидчивыхъ письменныхъ занятій. Иногда, во время богослуженія, у него изъ носа шла кровь. На этотъ случай я всегда находился при немъ и, по требованію его, подавалъ ему платки, въ которые онъ и вбиралъ кровь и возвращалъ мнѣ. О. ректора все интересовало въ саду: первое появленіе прозябанія злаковъ, лепестки, парниковыя растенія — все было предметомъ крайняго его любопытства. Съ какимъ увлеченіемъ онъ наблюдалъ у іеромонаха-садовода способъ прививки деревьевъ! Можно сказать, что во всѣхъ родахъ дѣятельности онъ былъ неутомимъ. По его распоряженію, живо устроивали и украшали садъ: безпрестанно сажали новыя деревья, прививали плодовыя; сотни солдатъ, по его указанію, копали въ саду пруды. И дома онъ никогда не сидѣлъ безъ дѣла. Большую же часть времени проводилъ за книгами. Книгъ въ кабинетѣ у него было всегда много: на комодѣ, на шкафахъ, на табуретахъ,—вездѣ лежали книги, большею частію раскрытыя. Это я вспоминаю вотъ по какому случаю. Разъ я жестоко обидѣлъ одного іеромонаха. Тотъ пожаловался на меня о. архимандриту.

Вскорѣ я зачѣмъ-то вошелъ въ кабинетъ о. ректора. Вижу—онъ гнѣвенъ. Начинаетъ спрашивать меня. Я оправдываюсь, но неудачно, такъ какъ былъ неправъ. Онъ взялъ, попавшуюся подъ руки, проволоку. Увидѣвъ, что дѣло плохо, я, на сколько позволяли мои молодыя ноги, проложилъ себѣ дорогу по стульямъ, табуретамъ, комодамъ, откуда съ шумомъ летѣли раскрытыя книги и тетради.

Въ веселомъ расположеніи духа о. архимандритъ часто и шутилъ. Иногда возьметъ червонецъ, подниметъ въ рукѣ и говоритъ: — Θεодосій, достань червонецъ, и будетъ онъ твой.

Я прыгаю, хитрюсь достать, наконецъ, хватаю за локоть драго о. ректора и быстро ловлю его руку съ червонцемъ.

Въ 1836 году мы поѣхали въ Петербургъ.

Тамъ 21-го ноября въ Казанскомъ соборѣ было совершено посвященіе о. ректора во епископа. Мнѣ никогда не забыть той величественной минуты, когда нареченный вископреосвященный Иннокентій вступилъ въ присутствіе святѣйшаго синода и произнесъ рѣчь, начинавшуюся словами: «недостойнъ я, богомудрые отцы...¹⁾).

¹⁾ Въ печати упомянутая рѣчь преосвященнаго Иннокентія, въ присутствіи святѣйшаго синода, начинается не этими словами, но я предпочитаю записать разсказъ такъ, какъ сообщаетъ его мой дѣдъ-очевидецъ.

Послѣ посвященія мы поѣхали съ преосвященнымъ Иннокентіемъ во дворець. Я вынесъ за нимъ изъ кареты двѣ кипарисовыя рѣзныя иконы Спасителя и Божіей Матери и подаль ему: владыко взялъ ту и другую и поднесъ ихъ государю императору и императрицѣ. Послѣ этого адъютантъ его величества подаль Иннокентію архіерейскѣе облаченіе.

По приѣздѣ изъ Петербурга въ Кіевъ, мы стали жить въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ.

Въ эти годы посѣтила Иннокентія его мать. Владыко иногда давалъ мнѣ къ ней порученія. Она проживала въ здаѣи, противоположнымъ отъ нашего. Хорошая старушка всегда награждала меня гостинцемъ. Во время служенія преосвященнымъ Иннокентіемъ литургіи, она, обливаясь слезами, почти всю службу стояла на колѣняхъ. Она жила у насъ два года и снова уѣхала въ Елецъ, гдѣ и скончалась.

Сосѣдніе владыки: полтавскій, черниговскій и харьковскій, посѣщали насъ, большею частію, на масляной недѣлѣ. Однажды, во время обѣда, преосвященные гости вели себя непринужденно, были веселы и добры ко мнѣ. Я сталъ наливать вино такъ смѣло и неудачно, что принудилъ преосвященнаго Г., изъ опасенія быть облитымъ, наклониться надъ столомъ. Иннокентій, увидавъ это, вызвалъ меня въ прихожую и далъ такую нотацію, что я до сихъ поръ не забылъ ея. Нерѣдко гости вмѣстѣ съ хозяиномъ ѣздили къ протоіерею И. М. Скворцову и тамъ оживленно проводили время въ семейномъ кругу ученаго протоіерея, котораго всѣ уважали.

Преосвященному Иннокентію давно и страстно хотѣлось совершить поѣздку на востокъ. Я слышалъ, что онъ въ 1841 году просилъ себѣ отпуска въ Святую Землю. Ему отвѣтили опредѣленіемъ его на епископскую кафедру въ Вологду. Мнѣ не забыть этой поѣздки. Какъ радушно приняли насъ въ Елецѣ, родинѣ преосвященнаго! Въ Елецъ мы приѣхали поздно вечеромъ. Утромъ въ городѣ всѣ уже знали о прибытіи Иннокентія. Вставъ съ постели, я увидалъ въ окно множество народа, желавшаго видѣть владыку. Вскорѣ стали приходять посѣтители. Я долженъ былъ объяснить, что преосвященный будетъ принимать ихъ послѣ обѣдни. По окончаніи обѣдни, владыка служилъ панихиду на могилахъ своихъ родителей, затѣмъ принималъ посѣтителей, прежнихъ его знакомыхъ, и выѣхалъ съ визитами. Сначала онъ посѣтилъ своего бывшаго учителя, мѣстнаго протоіерея, который обрадовался дорогому гостю и говорилъ: «какъ васъ легко было учить!».

На Троицынъ день, поздно вечеромъ, мы приѣхали въ Москву, въ Донской монастырь. Настоятель обители съ восторгомъ принялъ преосвященнаго Иннокентія, предложивъ ему свое помѣщеніе. На утро я нанялъ карету, и владыка утромъ же поѣхалъ къ митрополиту Филарету.

Я вошелъ въ пріемную митрополита и просилъ доложить, что преосвященный Иннокентій, проѣзжая изъ Кіева въ Вологду, желаетъ видѣть его высокопреосвященство. Келейникъ митрополита привѣтливо и наскоро разспросивъ меня о перемѣщеніи, ушелъ для доклада въ покои его высокопреосвященства. Нѣсколько минутъ спустя, онъ вышелъ оттуда съ замѣтнымъ смущеніемъ и сказалъ:

— Высокопреосвященный владыка чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ и не можетъ принять его преосвященства.

Иннокентій не выходилъ изъ кареты и, услышавъ отъ меня отвѣтъ, приказалъ кучеру: «въ Патріаршую Ризницу и Оружейную Палату!». Не доѣхали мы еще до Оружейной Палаты, какъ услышали торжественный звонъ по всей Москвѣ: то привѣтствовали митрополита Филарета, ѣхавшаго къ литургіи.

Въ Москвѣ мы отдыхали въ тотъ день отъ дальней дороги у гостепріимнаго о. архимандрита Донскаго монастыря. Съ замѣтнымъ удовольствіемъ Иннокентій слушалъ, какъ радушный хозяинъ игралъ на гусляхъ. Всѣ заслушались его искусной игрой. Во время игры явился посланный отъ митрополита Филарета архимандритъ и объявилъ Иннокентію:

— Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ проситъ ваше преосвященство пожаловать къ нему.

— Скажите его высокопреосвященству, — отвѣчалъ Иннокентій, — что я недавно съ дороги, очень усталъ и не могу теперь прибыть къ нему.

Посланный архимандритъ удалился. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ ректоръ семинаріи и сказалъ Иннокентію, что онъ посланъ митрополитомъ.

— Множество высокопоставленныхъ лицъ, — говорилъ отецъ ректоръ, — ждуть у митрополита видѣть и послушать васъ, и потому высокопреосвященный владыка убѣдительно проситъ васъ прибыть къ нему.

— Скажите, что черезъ часъ буду, — отвѣчалъ Иннокентій. Затѣмъ тотчасъ же по уходѣ о. ректора сталъ одѣваться.

У митрополита дѣйствительно собралось множество блестящей московской знати.

При входѣ Иннокентія, взоры всѣхъ обратились на него. Митрополитъ всталъ и привѣтствовалъ его. Началась бесѣда двухъ знаменитѣйшихъ іерарховъ того времени. Собраніе обратилось въ слухъ. Какъ и вездѣ, вель рѣчь Иннокентій, а митрополитъ только иногда вставлялъ свое рѣдкое, но вѣское слово.

Въ Вологдѣ жители съ восторгомъ встрѣтили своего владыку. Всѣ съ нетерпѣніемъ желали видѣть и послушать знаменитаго витію. Первую литургію владыка служилъ въ церкви Введенскаго кладбища. Тутъ имъ было произнесено и первое слово къ вологодской паствѣ. Съ какою охотою и вниманіемъ всегда и вездѣ слу-

шали его проповѣды! Какъ бы долго ни говорилъ онъ, слушатели всегда съ напряженнымъ вниманіемъ слушали и, казалось, боялись, что онъ скоро кончитъ слово. Онъ говорилъ убѣдительно не только въ церкви, но и дома. Всѣ окружающіе любили его и ждали отъ него слова и приказаній. Когда я вспоминаю о томъ времени, то мнѣ кажется, что тогда была не такая жизнь, какою мы живемъ, а какой-то водоворотъ: къ намъ приливали и отливали волны людей, въ которыхъ владыка вселялъ и убѣжденія и энтузіазмъ дѣятельности. Въ Вологдѣ онъ какъ будто вдохнулъ жизнь въ обывателей. Все это наглядно обнаружилось вскорѣ послѣ отъѣзда его изъ Вологды на кафедру харьковскую. Первымъ занятіемъ его въ Вологдѣ было частое посѣщеніе учебныхъ заведеній. Не прошло и двухъ недѣль со времени нашего прибытія въ Вологду, какъ мы уже ѣхали въ Устюгъ, въ Сольвычегодскъ, для обзорннн церквей епархіи. Дорогою, гдѣ смѣна лошадей случалась близъ рѣки, преосвященный не упускалъ случая выкупаться. Онъ былъ отличнымъ пловцомъ. «Отецъ протоіерей, — говорилъ онъ въ водѣ, — вы не бойтесь, плывите, посмотрите на меня»... И плыветъ черезъ всю Сухону. При взглядѣ на ширину рѣки, я боялся за владыку.

Предъ вѣздомъ Иннокентія въ городъ, за нѣсколько верстъ, обыкновенно встрѣчали его представители городскаго духовенства и при этомъ спрашивали: можно ли встрѣтить его со звономъ въ церквахъ. На это онъ всегда отвѣчалъ: «какъ хотите».

Предъ вѣздомъ въ г. Устюгъ, кажется, о. Василій Нордовъ спросилъ Иннокентія: какъ его встрѣчать?

— Какъ же вы встрѣчали архіереевъ прежде? — спросилъ въ свою очередь владыка.

— Выходили на встрѣчу архіерея съ чудотворною иконою Божіей Матери, — отвѣчали ему.

— А какъ вы думаете, — задаетъ снова вопросъ владыка: — икона ли Божіей Матери должна встрѣтить меня, или я икону Ея?

И далъ наставленіе встрѣчать его всегда безъ изнесенія изъ церкви св. иконъ.

Можно думать, что въ Устюгѣ едва ли предполагали ревизію архіереемъ приходскихъ церквей, такъ какъ не во всѣхъ церквахъ были приготовлены къ посѣщенію его. Въ одной изъ церквей, по окончаніи ея обзора, Иннокентій обратилъ вниманіе на крещальную купель: она лежала на полу невычищеною. Когда стали, по приказанію владыки, поднимать ее, то оказалась подъ ней куча сора. Владыка былъ сильно этимъ разгнѣванъ и опредѣлилъ причту наказаніе, кажется, заключеніе на недѣлю въ монастырь. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, онъ послалъ меня обратно.

— Скажи имъ, Θεодосій, что я отмѣняю ихъ наказаніе.

Преосвященный Иннокентій любилъ и нерѣдко баловалъ учениковъ духовнаго училища, а особенно пѣвчихъ своего хора. Купить

ящикъ картузовъ и платковъ, призоветъ бѣднѣйшихъ учениковъ и говоритъ:

— У тебя вотъ нѣтъ галстуха, выбирай себѣ изъ этихъ платковъ, какой тебѣ понравится.

Подобнымъ образомъ надѣлялъ учениковъ и картузами. Пользуясь добротою владыки, нѣкоторые изъ учениковъ являлись къ нему въ день своихъ именинъ съ калачемъ. Преосвященный бралъ принесенный калачъ и на шнуркѣ вѣшалъ черезъ шею на грудь именинника, а затѣмъ сажалъ его на диванъ рядомъ съ собою. Я подношу чай. Владыка, смѣясь, говоритъ:

— Видишь, кто у насъ сегодня гостемъ: ему и подавай первому...

Счастливый именинникъ пилъ съ владыкой чай и, награжденный гостинцемъ, уходилъ довольнымъ.

Однажды владыка узналъ, что пѣвчіе мальчики удятъ карасей изъ пруда въ архіерейскомъ саду, призываетъ дѣтей и спрашиваетъ:

— Удили рыбу въ прудѣ?

Мальчики испугались и не сознавались.

— А я хотѣлъ васъ подарить: за каждого карася, — говоритъ владыка, — хотѣлъ дать по копейкѣ.

Дѣти стали смѣлѣе и заговорили: «я выудилъ двухъ карасей», «я—трехъ» и т. п.

— Такъ удили всѣ, — сказалъ владыка, — вели же, Θεодосій, этому дать двѣ розги, этому — три...

Пѣвчіе струсили и бросились бѣжать. Иннокентій же съ добродушной улыбкой смотрѣлъ на ихъ бѣгство.

Въ Прилуцкомъ Вологодскомъ монастырѣ жилъ въ то время архіепископъ Иринаей Иркутскій. Вслѣдствіе разныхъ столкновений и непріятностей съ иркутскими представителями свѣтской власти, онъ посланъ былъ въ Прилуцкій монастырь и здѣсь 18 лѣтъ безвыѣздно проводилъ свою монашескую и, какъ говорятъ, подвижническую жизнь. Однажды, въ декабрѣ мѣсяцѣ, преосвященный Иннокентій далъ мнѣ пакетъ и сказалъ:

— Поѣзжай въ Прилуки и лично передай это высокопреосвященному Иринаею.

Я пріѣхалъ въ Прилуки и вручаю пакетъ Иринаею. Онъ сѣлъ на диванъ, вскрылъ пакетъ и началъ читать. Потомъ поникъ головою на диванъ и громко зарыдалъ. Я испугался.

— Ваше высокопреосвященство, — спрашиваю: — что съ вами?

А онъ, сжавъ въ рукахъ бумагу, вынутую изъ пакета и уже сильно смоченную слезами, говоритъ:

— Скажи преосвященному Иннокентію: чего онъ отъ Господа Бога желаетъ...

Голосъ его прервался, и онъ снова зарыдалъ. Я сходилъ въ людскую и велѣлъ подать владыкѣ умыться. Умывшись, онъ началъ говорить:

— Чего только преосвященный Иннокентій желаетъ отъ Господа Бога, то я желаю ему за то благодарѣніе, которое онъ оказалъ мнѣ, заключенному...

Онъ снова зарыдалъ. Волненіе его было такъ велико, что ему три раза давали умываться, прежде чѣмъ онъ успокоился.

— Передай преосвященному владыкѣ: завтра я буду служить литургію въ городѣ. Святая великомученица Варвара доставила мнѣ такую радость освобожденія отъ заключенія, завтра же (4-го декабря) я желаю воздать ей молитвенное благодареніе.

Такъ, или подобно этому, говорилъ взволнованный, потрясенный радостію архієпископъ, и я, взявъ отъ него благословеніе, удалился.

Такъ радостно принялъ Ириней разрѣшеніе святѣйшаго синода безпрепятственно выѣзжать изъ монастыря, служить и жить, гдѣ ему будетъ угодно.

На другое утро, 4-го декабря, со звономъ во всѣхъ церквахъ города, встрѣченъ былъ архієпископъ Ириней на соборномъ мосту всѣмъ духовенствомъ города. Подъѣхавъ къ соборному мосту, Ириней вышелъ изъ кареты. На соборной сторонѣ моста стояло духовенство. Протодіаконъ и два иподіакона поднесли преосвященному мантию и посохъ. Одѣтый тутъ же въ мантию, съ посохомъ въ рукахъ, онъ прошелъ по соборному мосту, приложился къ св. кресту и, сопровождаемый духовенствомъ, вошелъ въ соборный храмъ. Здѣсь служилъ литургію. На молебень же вышли оба владыки.

Высокопреосвященный Ириней былъ видный, высокій и имѣлъ пріятную благородную осанку. Уже одно участіе къ нему преосвященнаго Иннокентія пріобрѣло ему доброе расположеніе вологжанъ. Высокопреосвященнаго Иринея часто приглашали въ приходскія церкви для служенія. Онъ нерѣдко служилъ въ Прилуцкомъ монастырѣ. Когда у преосвященнаго Иннокентія случалось много ставленниковъ, онъ отсылалъ ихъ для посвященія въ Прилуки къ высокопреосвященному Иринею.

Послѣ полученія разрѣшенія выѣзда изъ монастыря, Ириней часто пріѣзжалъ къ намъ. Съ какимъ удовольствіемъ онъ слушалъ и меня, когда я рассказывалъ ему о нашей жизни въ знакомомъ ему Кіевѣ. Съ какимъ интересомъ спрашивалъ о преосвященныхъ владыкахъ, бывавшихъ въ Кіевѣ у преосвященнаго Иннокентія, о ихъ жизни, о кіевскомъ протоіерѣ И. М. Скворцовѣ, его супругѣ Аннѣ Семеновнѣ и, казалось, уносился мыслию и сердцемъ туда.

Незавбвенное, дорогое время! Надо ли говорить, что оно было лучшею порою моей жизни? Какъ оба владыки были добры со

мною. Простыя слова архіепископа Иринаея: «у моего Игнатія (келейника) есть сестра-невѣста, надо ее выдать замужъ», послужили толчкомъ и причиною моей женитьбы на сестрѣ Игнатія. Я женился при участіи знаменитыхъ владыкъ. Когда я съ женою пріѣхалъ къ Иннокентію, онъ благословилъ насъ иконою, а архіепископъ Иринаей подарилъ двѣ дюжины ярославскихъ салфетокъ. Преосвященный Иннокентій взялъ новаго келейника, но черезъ недѣлю его прогнали за неблагонадежность, и мнѣ опять привелось пожить при незабвенномъ владыкѣ.

Въ декабрѣ 1841 года преосвященный Иннокентій былъ переведенъ на епархію харьковскую. Я имѣлъ намѣреніе ѣхать за нимъ, но, по совѣту высокопреосвященнаго Иринаея, что «за вѣтромъ въ полѣ не угнаться», остался въ Вологдѣ и вскорѣ пріискалъ себѣ діаконское мѣсто.

Доживаю до глубокой старости и никогда не могу забыть тѣхъ счастливыхъ годовъ, въ которые я слышалъ голосъ моего знаменитаго владыки. Въ памяти чредою всплываютъ одно за другимъ событія моей молодости, и среди этихъ событій на первомъ планѣ стоитъ предо мною образъ добраго, всѣмъ доступнаго преосвященнаго Иннокентія, съ его неизмѣннымъ вопросомъ: «что, братецъ, скажешь?».

Священникъ Михаилъ Поповъ.

БОРЬБА ЗА БАЛТИЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ВЪ XVI ВѢКѢ.

МЕЖДУ историческими изслѣдованіями, появившимися у насъ въ началѣ текущаго года, первое мѣсто занимаетъ безспорно объемистый трудъ Г. В. Форстена, посвященный Балтійскому вопросу въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Основательное знакомство автора съ исторіею сѣверныхъ странъ, которой посвященъ уже не одинъ трудъ его, продолжительныя работы въ заграничныхъ архивахъ, давшія Г. В. Форстену не мало въ высшей степени любопытныхъ и неизвѣстныхъ до сихъ поръ матеріаловъ, а также малая разработанность не только въ нашей, но и въ заграничной литературѣ исторіи избраннаго авторомъ вопроса, даютъ этому труду право рассчитывать на преимущественное вниманіе къ нему не однихъ специалистовъ, но и болѣе широкаго круга читателей. Г. В. Форстенъ по методу своему является однимъ изъ немногихъ у насъ учениковъ Леопольда Ранке, унаслѣдовавшимъ это направленіе, если не ошибаемся, отъ покойнаго профессора С.-Петербургскаго университета Бауера. «Старца великаго тѣнь» чувствуетъ и при просмотрѣ послѣдняго труда Г. В. Форстена. Самый выборъ темы уже указываетъ на предпочтеніе къ исторіи политической, исторіи внѣшнихъ національныхъ движеній; хотя авторъ и затрогиваетъ часто экономическую сторону вопроса («коммерціальныя интересы» и т. п.), но послѣдняя является у него лишь необходимымъ аксессуаромъ, и несравненно больше мѣста занимаетъ передача дипломатическихъ сношеній, разнообразныхъ политическихъ проектовъ, манифесты, эдикты, сеймы и т. п. Изъ общеизвѣстныхъ фактовъ передается лишь самое необходимое, главное же содержаніе почерпается изъ

непечатаемых по большей части архивных материалов и мало утилизированных сборников документов, вышедших за последние годы; летописные данные фигурируют лишь изрѣдка для поясненія... Весьма часто авторъ пользуется современными газетами, летучими листками, полемическими брошюрами и памфлетами.

Для русскаго читателя далеко не все изслѣдованіе представляет одинаковый интересъ: его вниманіе скорѣе всего приковывается къ тѣмъ отдѣламъ книги, гдѣ излагается неудачная попытка Іоанна Грознаго овладѣть Балтійскимъ берегомъ. Конечно, однако, и этотъ эпизодъ мы не беремся рассмотреть подробно въ нашей небольшой замѣткѣ. Ходъ ливонской войны, по словамъ Г. В. Форстена, «обусловливался не только политикою сѣверныхъ государствъ, но также ожесточенною борьбою императоровъ съ территоріальными князьями, этихъ послѣднихъ съ дворянствомъ, борьбою двухъ религіозныхъ началъ—католичества съ протестантствомъ, и, наконецъ, столкновеніемъ французскаго дома Валуа и Бурбоновъ съ австрійской и испанской линіями Габсбургскаго дома». Выясненіе всего этого сложнаго механизма и заняло въ книгѣ г. Форстена болѣе 700 страницъ. Подробное рассмотрѣніе экономической стороны вопроса г. Форстенъ исключаетъ изъ своего труда; если бы и эта сторона дѣла, можетъ быть, наиболѣе трудная, была имъ рассмотрѣна, объемъ книги, конечно, оказался бы еще значительнѣе.

Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ любопытныхъ особенностяхъ борьбы.

Иногда проводятся параллели между царствованіями Іоанна Грознаго и Петра Великаго. Должно сознаться, что въ области внѣшней политики подобныя параллели дѣйствительно имѣютъ нѣкоторое основаніе. И при Петрѣ, и при Іоаннѣ, у правительства наиболѣе ясно сказалось сознаніе необходимости проложить путь къ морямъ южному и западному; какъ Петръ, такъ и Іоаннъ, придавали большое значеніе морю Балтійскому; и тотъ, и другой, наконецъ, были счастливѣе на западѣ, чѣмъ на югѣ. Громадная разница лишь въ томъ, что попытки Іоанна такъ и остались попытками (лишь немного лѣтъ оставались въ его рукахъ западныя гавани), между тѣмъ какъ Петръ сумѣлъ, наконецъ, добиться осуществленія многолѣтнихъ стремленій Московскаго государства.

Можно съ полною увѣренностью сказать, что эти стремленія были вполне сознательны уже въ XVI вѣкѣ. Каково бы ни было сужденіе историка о личныхъ качествахъ грознаго царя, все же онъ долженъ признать въ его внѣшней политикѣ—за годы самостоятельнаго правленія—большую послѣдовательность и нѣкоторую продуманную систему. Г. Форстенъ приводитъ цѣлый рядъ отзывовъ иностранныхъ историковъ объ Іоаннѣ IV, причѣмъ большинство ихъ весьма благопріятно для московскаго государя. Такъ, напри-

мѣръ, шведскій историкъ Цельзиусъ называетъ Иоанна величайшимъ государственнымъ дѣятелемъ, какого Россія когда либо имѣла. Гегерлинъ, знаменитый историкъ-собратель прошлаго столѣтія, называетъ Иоанна умнымъ политикомъ. Меркель выдвигаетъ въ Иоаннѣ его пронипательный умъ, живой и дѣятельный духъ, высоко энергическій характеръ. Это—великанъ, Геркулесъ. Онъ любилъ искусства и науки и употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы пересадить ихъ въ свое государство; онъ покровительствовалъ торговлѣ, отыскивалъ новые источники ея и разными мѣрами оживлялъ ее, онъ создалъ Россіи постоянное войско и былъ достойнымъ предшественникомъ Петра Великаго. Вспышки и промахи темперамента не могутъ умалить высокаго значенія великихъ историческихъ дѣятелей подобныхъ Иоанну. Знатокъ XVI столѣтія, шведъ Альквистъ, говоритъ, что изъ всѣхъ государей, добившихся господства на Балтійскомъ морѣ во второй половинѣ XVI столѣтія, Иоаннъ Грозный обнаруживалъ наибольшую политическую пронипательность. Съ этимъ мнѣніемъ соглашается и Дройзенъ. Рамбо сопоставляетъ Грознаго съ Карломъ VII, Людовикомъ XI, Ришелье, Фердинандомъ-Католикомъ и Генрихомъ VII.

Ясно и опредѣленно понималъ Иоаннъ необходимость для Московскаго государства моря на западѣ, круто и твердо проводилъ онъ свои мѣры для этой цѣли. Трудно и въ настоящее время рѣшить, имѣлъ ли московскій царь формальное право начать войну съ Ливонією. Международныя отношенія въ то время понимались весьма смутно, и недоразумѣнія въ большинствѣ случаевъ рѣшались лишь по праву сильного. Нарушенія того, что мы теперь называемъ международнымъ правомъ, случались на каждомъ шагу. Поэтому при желаніи поводъ къ войнѣ найти было не трудно. Иоанну въ скоромъ времени удалось выставить противъ ливонцевъ цѣлый рядъ обвиненій: они разрушали православныя церкви, стѣсняли русскую торговлю, помогали Польшѣ и Литвѣ противъ Россіи, не платили дани и т. д. Не принимая никакихъ объясненій и оправданій, царь постарался поскорѣе привести въ исполненіе свои планы. Уже въ январѣ 1558 г. русское войско, «какъ опустошительный вихрь», ворвалось въ Ливонію...

Мы не будемъ излагать здѣсь всѣхъ перипетій войны, въ которую скоро вмѣшались и другія сосѣднія государства. Окончилась эта попытка «прорубить окно въ Европу» для Московскаго государства весьма печально. Полегли тысячи московскихъ воиновъ, окончательно распатано было и такъ никогда не блестящее народное хозяйство, обезлюдѣло много дворовъ, и за все это не удалось приобрѣсти и клочка земли на берегу Балтійскаго моря. Само собою разумѣется, что не одна дипломатія и вмѣшательство иностранныхъ державъ были причиною этой неудачи. Причины лежали глубже, во внутреннихъ неурядицахъ Московскаго государства.

Вполнѣ ясны были бы причины неудачи, если бы удалось сдѣлать подробное сопоставленіе экономическаго состоянія Московскаго государства съ другими соперничавшими съ нимъ въ балтійскомъ вопросѣ державами, а также сравнить и военное устройство всѣхъ этихъ государствъ, разумѣется, игравшее очень важную роль въ исходѣ войны. Къ сожалѣнію, исторія московскаго народнаго хозяйства, особенно въ XVI вѣкѣ, въ настоящее время лишь нарождается, хотя и считается за собою значительные успѣхи. Дѣло съ изученіемъ военнаго строя хромаетъ еще болѣе. Какъ войскомъ послѣдующихъ временъ, такъ и московскаго періода у насъ занимались преимущественно лица военнаго званія, которыя, можетъ быть, тактики и стратегики были хорошіе, но знатоки внутренней исторіи Московской Руси были болѣе чѣмъ посредственные. Результатъ получился тотъ, что до сихъ поръ на русскомъ языкѣ не имѣется научной исторіи военнаго строя Московскаго государства.

Подробнаго разъясненія внутреннихъ причинъ различныхъ перипетій борьбы мы не находимъ, конечно, и въ книгѣ г. Форстена, посвященной, главнымъ образомъ, исторіи дипломатическихъ сношеній. Это, безъ сомнѣнія, важный недостатокъ въ изслѣдованіи во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ. Основанная на актахъ, на дипломатическихъ документахъ, политическихъ мемуарахъ и т. п., внѣшняя исторія вопроса, которая дается намъ здѣсь, въ концѣ концовъ, поясняетъ намъ лишь механику событій, а не смыслъ ихъ, лишь форму, а не сущность борьбы, и не даетъ возможности свести факты къ какой либо общей мысли. Мы читаемъ, какіе переговоры велись втеченіе XVI вѣка относительно балтійскаго вопроса, узнаемъ о планахъ, о поступкахъ отдѣльныхъ лицъ, знакомимся съ выполненіемъ этихъ плановъ, съ результатами этихъ переговоровъ и т. д., но о тѣхъ жизненныхъ силахъ, которыя направляли каждое изъ государствъ искать власти надъ моремъ, о самомъ смыслѣ этихъ стремленій, о разницѣ внутреннихъ силъ отдѣльныхъ государствъ мы узнаемъ лишь мимоходомъ и весьма мало. Читатель остается въ неизвѣстности, изъ-за чего же пролито было столько крови, изъ-за чего происходили всевозможныя злодѣянія втеченіе десятковъ лѣтъ? Но г. Форстена эти вопросы, очевидно, не интересовали, какъ не имѣющіе научнаго значенія.

А крови дѣйствительно лилось много. Въ числѣ войнъ новаго времени, по количеству совершенныхъ на нихъ злодѣяній, война XVI вѣка изъ-за Ливоніи занимаетъ довольно видное мѣсто. Въ это время, какъ уже сказано, международнаго права не существовало, не существовало и разницы между частнымъ и государственнымъ имуществомъ. Зато всѣ прелести войнъ добраго стараго времени находились на высокой ступени развитія: грабежъ взятыхъ приступомъ, а иногда и сданныхъ на капитуляцію, городовъ, избіеніе плѣнныхъ, избіеніе жителей безъ различія пола и воз-

роста, уводъ въ рабство, насилія всякаго рода и т. п. Чтобы познакомиться со всѣми подобнаго рода подробностями, достаточно взять въ руки любую изъ ливонскихъ хроникъ XVI вѣка или прочесть, основанную на нихъ, прекрасно написанную монографію Н. И. Костомарова о Ливонской войнѣ.

Мы ограничимся здѣсь приведеніемъ нѣкоторыхъ весьма интересныхъ новыхъ документовъ, изъ числа тѣхъ, которые легли въ основу изслѣдованія г. Форстена; они касаются способа веденія войны московскими войсками.

Первый документъ представляетъ изъ себя небольшую брошюру, рисующую положеніе дѣлъ въ Ливоніи въ 1560 и 1561 годахъ. У него слѣдующее заглавіе: «Ужаснѣйшее, раньше неслышанное, истинное извѣстіе о жестокой тираніи москвитянъ надъ плѣнными, уведенными изъ Лифляндіи христіанами, мужчинами и женщинами, дѣвушками и малыми дѣтьми, о вредѣ, который они ежедневно наносятъ странѣ, и о страшной опасности и бѣдствіи, въ коихъ находятся лифляндцы. Всѣмъ христіанамъ въ предупрежденіе и для исправленія ихъ грѣховной жизни писано изъ Лифляндіи». На одномъ изъ заглавныхъ листковъ помѣщено изображеніе, поясняющее это заглавіе. Три нагихъ женщины привязаны къ деревьямъ, и въ нихъ изъ луковъ стрѣляютъ русскіе. На землѣ лежатъ маленькія дѣти, изуродованныя и окровавленные. Вотъ что, между прочимъ, рассказываетъ въ документѣ:

«Что только москвитянамъ удастся завоевать, они сжигаютъ, чтобы уже никто не могъ удержаться тамъ. Начальниковъ лифляндскихъ они отпускаютъ на волю, если они дадутъ клятву болѣе не служить лифляндцамъ. Варослыхъ лифляндцевъ, попавшихъ въ ихъ руки или взятыхъ въ плѣнъ, они тотчасъ отсылаютъ въ Москву; тамъ ихъ держатъ взаперти и даютъ ежедневно по кружкѣ меду и куску хлѣба. Позоръ и безчестіе, которые терпятъ женщины и дѣвушки, нельзя ни описать, ни рассказать.

«Малыя дѣти, попадающіяся въ ихъ руки, разрубаются на куски, нѣжныя сердечки ихъ пригвождаются къ деревьямъ и служатъ для стрѣльбы въ цѣль. Старога лифляндскаго гермейстера Вильгельма Фюрстенберга москвитяне захватили въ плѣнъ и закованнаго въ цѣпи послали въ Москву. Тамъ его разъ въ недѣлю на цѣпи водятъ, подобно медвѣдю, по городу, какъ зрѣлище для народа. Ему сильно приходится голодать.

«Пять лифляндскихъ регентовъ были взяты въ плѣнъ въ битвѣ при замкѣ Волька. Всѣхъ ихъ великій князь московскій отправилъ на плаху. Какъ быкамъ, отрубили имъ головы и оставили тѣла лежать не прибранными. Лишь, когда собаки стали уже поѣдать ихъ, надъ ними сжалился епископъ дерптскій и всѣхъ ихъ похоронилъ.

«Знатнѣйшіе дворяне Лифляндіи отправили женъ и дочерей сво-

ихъ въ одинъ изъ замковъ датскаго короля Магнуса, надѣясь, что тамъ онѣ будутъ въ сохранности въ виду дружбы короля съ великимъ княземъ московскимъ. Москвитяне, однако, взяли силою замокъ, не смотря на увѣренія защитниковъ, что они королевскіе, а не лифляндскіе. Сильно при этомъ глумились и надругались надъ симимъ королемъ Магнусомъ. Около двадцати пяти прекраснѣйшихъ дѣвушекъ и женщинъ изъ благородныхъ и неблагородныхъ семей москвитяне увели съ собою. Когда онѣ отъ позора и надругательства, не поддающихся описанію, до того ослабѣли, что были еле живы, ихъ голыхъ повѣсили на деревьяхъ и стрѣляли въ нихъ изъ луковъ»...

Не нужно забывать, что въ русскомъ войскѣ находилось много татаръ и всевозможныхъ совершенно дикихъ инородцевъ, на долю которыхъ, можетъ быть, приходится значительное количество злодѣйствъ.

Другой современникъ рассказываетъ, что москвитяне разрубаютъ на куски маленькихъ дѣтей, вспарываютъ животы беременныхъ женъ въ присутствіи ихъ связанныхъ мужей, вырѣзаютъ плоды изъ утробъ и жарятъ ихъ на огнѣ, «не говоря о другихъ ужасныхъ дѣлахъ». Были ли дѣйствительно случаи людоѣдства, сказать трудно, но подобные описаннымъ эксперименты продѣлывались и воинами благочестиваго короля испанскаго при взятіи, на примѣръ, Антверпена въ томъ же вѣкѣ.

Летучій листокъ о взятіи Полоцка царемъ Иоанномъ сообщаетъ слѣдующее:

«Немного недѣль тому назадъ, москвитяне напали на землю короля польскаго. Они взяли крѣпость Полоцкъ шестымъ штурмомъ. Весь городъ они сожгли и сравняли съ землею и изрубили и умертвили болѣе двадцати тысячъ народу. Невыразимы муки, обрушившіяся на женщинъ и дѣвушекъ и на малыхъ дѣтей. Изъ города и сосѣднихъ мѣстъ было собрано до шестидесяти тысячъ народу и отправлено въ Москву. Женщины и дѣвушки были лишены одежды, связаны голыя и такимъ образомъ угнаны въ плѣнъ. Между плѣнными былъ и воевода города, которому съ женою была дарована жизнь.

«Почти сорокъ тысячъ татаръ въ то же время были разсланы по окрестностямъ. Огнемъ и мечемъ они разрушили и разграбили все на двѣнадцать верстъ вокругъ».

Лѣтомъ 1577 года новыя полчища московскаго войска прошли по правому берегу Западной Двины.

Вотъ какъ это описываетъ современная «газета» (летучій листокъ) отъ 30-го августа 1577 года.

«Вы, вѣроятно, достаточно уже слышали о неслыханныхъ жестокостяхъ, грабежѣ, избіеніяхъ, пожарахъ, насиліяхъ и уводѣ въ плѣнъ, которыми москвитяне вотъ уже два мѣсяца, съ 13-го іюля

по 30-е августа, посѣтили все верхнедвинское герцогство. Весь мѣсяць іюль непріятель съ одинадцатью тысячами войска подвигался по странѣ, жегъ, грабилъ и уводилъ въ рабство, а всѣхъ старыхъ и способныхъ къ самозащитѣ умерщвлялъ. Полагають, что почти девять тысячъ молодаго люду забрано въ плѣнъ и около трехъ тысячъ избито.

«1-го августа царь лично вступилъ въ Лифляндію съ большими полчищами и съ большими орудіями, и 6-го и 8-го августа онъ взялъ Людсенъ и Розиттенъ (Рѣжицу), многихъ забралъ въ плѣнъ, ограбилъ совершенно и съ женами и дѣтьми угналъ въ Москву.

«21-го августа взялъ онъ приступомъ Зессвегенъ, велѣлъ начальниковъ избить саблями, иныхъ же приказалъ четвертовать, посадить на колъ или разорвать конями; дѣвушекъ и женщинъ угнали.

«Часть крѣпостей сдалась герцогу Магнусу, но москвитяне изгнали «магнистовъ» и заняли ихъ сами. Всѣ мѣщане и ланцкнехты въ Куkenойсѣ были изрублены саблями, а дѣвушки и женщины уведены въ рабство.

«Старый ландмаршалъ былъ высѣченъ кнутьями и привязанъ къ двумъ крестьянскимъ клячамъ. Всѣхъ прочихъ забрали въ плѣнъ; еще трехъ изъ начальниковъ связали вмѣстѣ. До сорока женщинъ и дѣвушекъ въ Ашерадѣ увели въ садъ и четыре часа подрядъ ихъ здѣсь безчестили москвитяне. Крикъ и плачь ихъ слышалъ по ту сторону Двины полковникъ Бартель Бютлеръ. Потомъ ихъ москвитяне привязали на лошадяхъ позади сѣделъ и увезли съ собою.

«Жители Кексгольма при приближеніи непріятели выжгли свой городъ и взорвали его укрѣпленія...

«Герцогъ Магнусъ находился въ Венденѣ, который отдался ему подъ защиту. Москвитяне, однако, приступомъ взяли крѣпость и избили всѣхъ находившихся въ ней... Самому герцогу великій князь велѣлъ снять княжескія одежды, а всѣхъ его провожатыхъ велѣлъ казнить и разрубить на куски. Также избиты были и всѣ находившіеся въ Вольмарѣ.

«Четыреста человекъ изъ осажденныхъ въ Венденѣ, мужчины, женщины и дѣти, на колѣняхъ просили непріятели о пощадѣ. Москвитяне, однако, однихъ изъ нихъ здѣсь же избили, другихъ посадили на колъ. Оставшіеся въ живыхъ, при видѣ такихъ ужасовъ, заперлись въ церковныхъ сводахъ; здѣсь ихъ порохомъ взорвали на воздухъ»...

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы одно лишь русское воинство отличалось подобнаго рода подвигами. Хотя и не совсѣмъ въ этомъ родѣ, но очень не многимъ, во всякомъ случаѣ, лучше были дѣйствія польскаго войска, подъ начальствомъ Стефана Баторія вторгшагося въ русскіе предѣлы. Особенно замѣчательно было взятіе города Великихъ Лукъ поляками и венгерцами.

Приводимъ описаніе избіенія, сопровождавшаго взятіе этой московской крѣпости.

Великіе Луки послѣ продолжительной канонады сдались полякамъ на капитуляцію. Поэтому внутрь города были посланы польскіе гайдуки для отобранія орудій и пороха. О томъ, что произошло дальше, слѣдующимъ образомъ рассказываетъ очевидецъ полякъ:

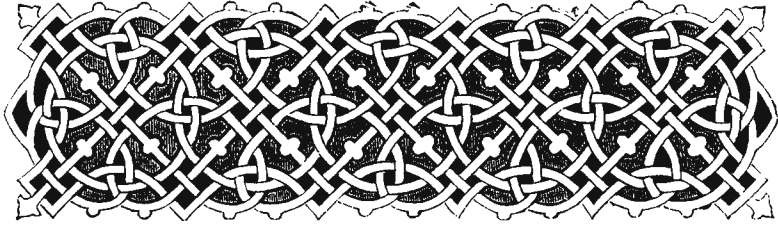
«Увидѣла это прочая сволочь, чтѣ стояла по другую сторону замка въ королевскомъ станѣ, и подумала, что гайдуки идутъ въ замокъ для грабежа и добычи. Они тоже наобумъ полѣзли въ замокъ, а вломившись начали посѣкать и убивать людей. Услышавъ объ этомъ, и вся пѣхота бросилась въ крѣпость. Капитаны и ротмистры, а также самъ гетманъ, это имъ запрещали, однако никоимъ образомъ не могли удержать... Затѣмъ наши учинили позорное и великое убійство, мстя за всѣхъ своихъ, сколько ихъ прежде погибло. При этомъ ни къ чему не было уваженія, убивали какъ старыхъ, такъ и молодыхъ; дѣвицъ и дѣтей—всѣхъ убивали. Старшіе, не имѣя силы тому препятствовать и усмирить солдатъ, уѣхали прочь. Однако тѣ, которые имѣли сострадательное сердце, силою отнимали, сколько могли, особенно дѣвицъ и дѣтей, и не дали ихъ побить. За грабежомъ и рѣзней никто не думалъ гасить огня, такъ что огонь охватилъ весь замокъ»..

Таковъ рассказъ очевидца даже пристрастнаго къ нападавшимъ Другой очевидецъ, также со стороны поляковъ, сожалѣетъ лишь о томъ, что были убиты и такія лица, съ которыхъ можно было бы получить хорошій выкупъ.

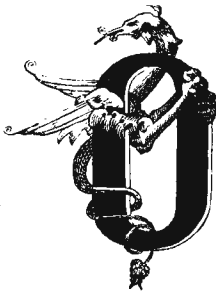
Намъ кажется, достаточно этихъ примѣровъ, чтобы получить представленіе о томъ, что понималось подъ веденіемъ войны въ XVI вѣкѣ.

«Война необходима человѣчеству, какъ природѣ гроза»,—говорятъ теоретики въ родѣ покойнаго «великаго» Мольтке. Другого ряда теоретики, умудренные опытомъ, главнымъ образомъ, истекающаго вѣка, составили формулу: «Каждая нація стремится расширяться до своихъ естественныхъ предѣловъ». Все это можетъ быть указано въ пользу войнъ XVI вѣка за Балтійское побережье. Но когда проходятъ передъ глазами всѣ эти безчисленныя звѣрства и злодѣйства, когда на ряду съ ними видишь лишь отрицательные результаты, то какъ-то болѣзненно даетъ себя чувствовать безсиліе человѣческой мысли, которая такъ и не въ состояніи рѣшить: къ чему все это было?

А. Л.

ПРЕЕМНИКИ ГЛАДСТОНА.

ОТСТАВКА Гладстона составляет, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ крупныхъ событій нашего времени. Она имѣетъ не только временной политической интересъ, но и важное историческое значеніе. Въ одно и то же время это конецъ долговременнаго, славнаго періода англійской исторіи и начало новой, подготовленной имъ, еще болѣе плодотворной эпохи; это передача великаго дѣла прогрессивныхъ реформъ изъ рукъ стараго поколѣнія въ руки молодого. Настоящая историческая минута имѣетъ для Англій характеръ перепутья отъ стараго къ новому, а такъ какъ это новое еще долго будетъ развитіемъ стараго, завѣщаннаго Народнымъ Вильямомъ, то необходимо для правильнаго понятія о совершившемся событіи дать себѣ сознательный отчетъ въ томъ, что такое было это старое, что можетъ заключаться въ этомъ новомъ, и почему такъ неожиданно это старое замѣнилось этимъ новымъ. Строго говоря, ничего не измѣнилось въ политическомъ положеніи Англій, и если новое заняло мѣсто стараго, то лишь по внѣшнимъ признакамъ, а по внутреннему смыслу новое осталось и долго останется старымъ по той простой причинѣ, что старое было новымъ, что восьмидесяти-четырёх-лѣтній старикъ былъ самымъ энергичнымъ носителемъ новыхъ идей и, удаляясь такъ сказать фактически отъ руководства начатаго имъ дѣла, онъ нравственно остался его душой. Новое англійское правительство, впрочемъ, и по своему составу прежнее, даже люди тѣ же, только фирма новая, по мѣткому выраженію лондонскихъ газетъ. Въ этомъ-то и заключается оригинальный,

никогда еще невиданный въ исторіи, характеръ происшедшаго въ Англіи политическаго переворота: всегда старое, выражая отжившее, уступаетъ свое мѣсто новому лишь подъ вліяніемъ насильственнаго давленія, а въ этомъ случаѣ старое, выражая грядущее, добровольно отошло въ сторону и предоставило дѣятельность новому, оставаясь на-сторожѣ и предоставляя себѣ право снова вернуться на арену, если новое не обнаружитъ достаточной силы, чтобы осуществить то, что задумало и такъ дѣятельно проводило это великое старое. Ничего подобнаго человечество еще не видывало въ продолженіе долгихъ вѣковъ своего политическаго и общественнаго развитія, а на сколько отставка Гладстона составляетъ нѣчто особенное и необыкновенное, доказываетъ лучше всего сравненіе ея съ недавней отставкой также великаго старика — Бисмарка. Исторія удаленія отъ дѣлъ желѣзнаго канцлера самая обыкновенная, самая избитая: старикъ, всегда служившій даже въ молодости олицетвореніемъ не только стараго, но самаго худшаго, что было въ этомъ старомъ, и оказавшій значительную услугу новымъ идеямъ, лишь благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, при чемъ, измѣняя старому, онъ всетаки придалъ новому формы отжившаго стараго, — былъ насильственно удаленъ въ опалу, въ изгнаніе, представителемъ молодаго, но не новаго, а того же стараго. Во всей этой траги-комедіи играли роль старые принципы, старыя идеи, и если въ концѣ концовъ отъ нея выиграли драматическія силы новаго, то помимо воли стараго и молодаго представителей отжившаго абсолютизма. «Молодой цезарь, — краснорѣчиво замѣчаетъ въ недавней своей статьѣ Кастеларъ: — не могъ лучше доказать своей преданности тѣмъ принципамъ, которые внушилъ ему старый его учитель, какъ предавъ его самого въ жертву этимъ принципамъ; обмѣнъ визитами въ послѣднее время не можетъ измѣнить совершившагося факта, и до сихъ поръ дымъ отъ принесенной жертвы застилаетъ политическое небо Германіи, а если среди этого дыма и виднѣется новый свѣтъ, то, обращаясь къ этому проблеску свободы, германскій народъ говоритъ въ глубинѣ своего сердца: Ты побѣдилъ, галилеянинъ!» Тотъ же новый свѣтъ побѣдилъ и въ великой Гладстоновской эпопее, достойнымъ увѣнчаніемъ которой служить ея послѣдній, но, надо надѣяться, не конечный періодъ, съ тѣмъ только различіемъ, что Народный Вильямъ, измѣнивъ старымъ консервативнымъ идеямъ и ставъ во главѣ новаго движенія, болѣе тридцати лѣтъ практически примѣнялъ новые принципы по существу и по формѣ, а если теперь удаленъ отъ дѣлъ, то добровольно принесъ себя въ жертву, чтобы обезпечить побѣду новымъ идеямъ дружной дѣятельностью приготовленныхъ и если надо руководимыхъ продолжателей его великаго дѣла.

Опредѣливъ такимъ образомъ внутренній смыслъ и историче-

ское значеніе отставки Гладстона, уже не трудно разобратся въ кажущемся лабиринтѣ политическихъ событій, происшедшихъ въ послѣднее время въ Англии. Читатели «Историческаго Вѣстника» знакомы съ общими чертами прошедшей дѣятельности Великаго Старика во время его трехъ первыхъ министерствъ, и потому необходимо только указать въ двухъ словахъ на то, что совершилъ его четвертый кабинетъ, для полной характеристики величайшаго государственнаго человѣка нашихъ дней и для уразумѣнія какъ настоящей причины его удаленія отъ дѣлъ, такъ и предстоящей его преемникамъ задачи. Привванный къ власти яснымъ выраженіемъ народной воли на послѣднихъ общихъ парламентскихъ выборахъ для осуществленія ирландскаго самоуправленія и другихъ либеральныхъ реформъ, Гладстонъ полтора года неустанно, искренно и энергично стремился къ достиженію этой цѣли. Но располагая въ палатѣ общинъ немногочисленнымъ большинствомъ сорока голосовъ и встрѣчая постоянное противодѣйствіе въ палатѣ лордовъ, которая, благодаря громадному большинству консерваторовъ и либеральныхъ отщепенцевъ, представляетъ въ сущности не законодательное собраніе, а аристократическій клубъ, презрительно отвергающій всѣ демократическія мѣропріятія, онъ не могъ многого сдѣлать: внесенный имъ и принятый депутатами, послѣ неимовѣрныхъ обструкторскихъ преградъ со стороны его противниковъ, билль объ ирландскомъ самоуправленіи былъ отвергнутъ лордами почти безъ всякаго обсужденія, и почти такой же участи подвергся билль объ отвѣтственности хозяевъ за несчастные случаи съ рабочими, съ той только разницей, что не лорды отвергли его, а депутаты оставили безъ разсмотрѣнія сдѣланныя въ немъ лордами поправки, которыя совершенно уничтожали его благотворный смыслъ. Если третье крупное мѣропріятіе, проведенное Гладстономъ въ нижней палатѣ, билль о приходскихъ совѣтахъ, устанавлиющій въ Англии полное народное самоуправленіе, приобрѣло силу закона, то лишь благодаря сильному давленію общественнаго мнѣнія на лордовъ и ловкой тактикѣ Народнаго Вильяма, который сдѣлалъ имъ уступки по маловажнымъ вопросамъ и настоялъ на принятіи ими всѣхъ основныхъ статей билля. Этимъ по необходимости исчерпывалась вся законодательная дѣятельность четвертаго министерства Гладстона, а относительно внѣшней политики и внутренней администраціи оно ознаменовало себя мирнымъ разрѣшеніемъ распри Англии съ Американскими Соединенными Штатами по вопросу о котиновомъ промыслѣ въ Беринговомъ морѣ посредствомъ созванія международнаго третейскаго суда въ Парижѣ, улаженіемъ недоразумѣній съ Россіей по Памирскому вопросу, установленіемъ восьмичасоваго рабочаго дня на казенныхъ заводахъ и фабрикахъ военнаго и морскаго вѣдомствъ, принятіемъ нѣсколькихъ полезныхъ мѣръ для

правильнаго урегулированія рабочаго труда и окончаніемъ съ помощью правительственнаго вмѣшательства продолжительной стачки углекоповъ въ пользу ихъ справедливыхъ требованій. Прийдя къ такому болѣе чѣмъ скромному, хотя и благотворному для страны результату, послѣ долговременной парламентской сессіи, либеральный премьеръ ясно видѣлъ, что далѣе дѣйствовать было невозможно при упорной борьбѣ съ палатой лордовъ, и въ послѣдней рѣчи, произнесенной имъ передъ закрытіемъ прошедшей сессіи, онъ бросилъ перчатку лордамъ, открыто заявивъ, что во главѣ всѣхъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ отнынѣ стоитъ вопросъ объ устраниніи права верхней палаты уничтожать всѣ законодательныя работы палаты общинъ. Бросая этой гордый вывозъ наслѣдственнымъ врагамъ англійскаго народа, которые служили всегда лишь тормазомъ всѣмъ либеральнымъ реформамъ, Великій Старикъ никогда не казался такимъ бодрымъ и свѣжимъ, какъ въ эту минуту, никогда его голосъ не раздавался такъ ясно, никогда его краснорѣчіе такъ не плѣняло слушателей своей чарующей силой. Но черезъ два дня послѣ этого онъ подалъ въ отставку и отказался отъ главенства либеральной партіи. Хотя уже давно ходили слухи о возможности подобнаго событія въ виду преклонныхъ лѣтъ Гладстона и замѣтной въ послѣднее время слабости его зрѣнія и слуха, но никто не подозрѣвалъ, что оно совершится именно въ эту критическую минуту для внутренней политики Англій, тѣмъ болѣе, что въ концѣ прошедшаго года самъ Гладстонъ опровергъ распространившееся тогда извѣстіе объ его скорой отставкѣ, и послѣ проведенныхъ имъ нѣсколькихъ недѣль въ Біарицѣ онъ поражалъ всѣхъ своимъ цвѣтущимъ видомъ. Официальнымъ предлогомъ для этой неожиданной отставки было указано на ослабленіе зрѣнія и слуха, а самъ Гладстонъ долго хранилъ молчаніе, давая тѣмъ поводъ къ различнымъ предположеніямъ, доходившимъ до того, что выставлены были гипотезы объ отказѣ королевы согласиться на предложенныя Гладстономъ крутыя мѣры противъ палаты лордовъ, объ ея желаніи видѣть премьеромъ лорда Розберри, который, по слухамъ, намѣренъ жениться на вдовѣ ея сына герцога Альбани, о столкновеніяхъ Гладстона съ своими сторонниками и т. д. Наконецъ, надняхъ обнаружены два письма самого Гладстона къ группѣ либеральныхъ депутатовъ, которые заявили ему желаніе, чтобы онъ взялъ назадъ свою отставку, и къ комитету своихъ эдинбургскихъ избирателей, который высказывалъ просьбу, чтобы онъ не отказывался отъ своихъ депутатскихъ уполномочій; въ этихъ письмахъ онъ прямо заявляетъ, что, благодаря ослабленію слуха и зрѣнія, онъ былъ бы во всякомъ случаѣ вынужденъ прекратить свою министерскую дѣятельность во время настоящей сессіи, а потому предпочелъ сдѣлать это до ея открытія, чтобы не поставить своей партіи въ еще

Графъ Розбери.

болѣе неудобное положеніе, но это обстоятельство еще не ставитъ его въ необходимость отказаться отъ исполненія своихъ депутатскихъ обязанностей. О другихъ причинахъ своего удаленія отъ дѣлъ Гладстонъ не говоритъ ни слова и не упоминаетъ даже о своихъ преемникахъ, а знаменательно прибавляетъ, что онъ вдали отъ власти сохранить свои политическія убѣжденія, и что для него будетъ большимъ утѣшеніемъ, если послѣ шестидесяти лѣтъ бурной политической жизни представится возможность освободить его отъ нѣкоторой доли того активнаго участія въ политической борьбѣ, которое онъ принималъ до сихъ поръ. Такимъ образомъ оказывается, что Гладстонъ нашелъ нужнымъ въ виду физическаго разстройства уменьшить свою лихорадочную политическую дѣятельность, но нисколько не прекратить ея совершенно, а извѣстно, что никогда онъ не имѣлъ такого громаднаго вліянія на политическія дѣла, какъ въ ту эпоху, когда послѣ своего втораго министерства онъ временно отказался отъ главенства либеральной партіи и въ качествѣ независимаго депутата велъ знаменитую борьбу съ джингоитской политикой лорда Биконсфильда по восточному вопросу, результатомъ чего было его торжествующее возвращеніе къ власти въ качествѣ главы либеральной партіи и премьера. Что касается до общаго здоровья Великаго Старика, то оно находится, по словамъ докторовъ, въ совершенно удовлетворительномъ положеніи, а упадокъ зрѣнія, происходящій отъ образовавшихся катарактъ на обоихъ глазахъ, можетъ быть устраненъ, по заключенію извѣстнаго окулиста Нетльшипа, очень простой операціей, которая дастъ ему возможность свободно читать попрежнему. Въ виду такого устраненія въ ближайшемъ будущемъ физической причины отставки Гладстона, или по крайней мѣрѣ доказанности того факта, что эта причина могла быть лишь объясненіемъ временнаго, а не окончательнаго его исчезновенія съ политической арены, приходится прійти къ тому заключенію, что онъ неожиданно вышелъ въ отставку не потому, что не могъ болѣе физически оставаться премьеромъ, а въ виду разумнаго желанія при себѣ образовать новое министерство, которое продолжало бы начатое имъ дѣло, если не при активномъ его содѣйствіи, то подъ его нравственнымъ руководствомъ. Дѣйствительно, какъ онъ удивительно ни сохранялъ до сихъ поръ своихъ умственныхъ и физическихъ силъ, но во всякое время онъ могъ ихъ лишиться, благодаря своему преклонному возрасту, и министерскій кризисъ при такихъ обстоятельствахъ представлялъ бы массу затрудненій, легко устраняемыхъ на практикѣ при перемѣнѣ министерства при его жизни и по его инициативѣ. Изъ всего этого ясно, что именно побудило Великаго Старика ступе-ваться на время, или навсегда, уступивъ власть подготовленнымъ имъ достойнымъ преемникамъ, и этотъ фактъ добровольнаго самопожертвованія какъ нельзя лучше вѣнчаетъ всю его посвященную народному благу полувѣковую дѣятельность.

Если такова была цѣль неожиданной отставки Гладстона, а другого вполне рациональнаго и вѣроятнаго объясненія этого событія трудно подыскать, то она достигнута имъ самымъ блестящимъ образомъ. Министерскаго кризиса въ сущности вовсе не было, и перемѣна министерства произошла просто, естественно, какъ переходъ фирмы изъ рукъ старшаго товарища въ руки младшаго. Претендентовъ на наслѣдіе великаго старика было только двое: ближайшій помощникъ Гладстона въ послѣдніе годы его дѣятельности, сэръ Вильямъ Гаркорть, и популярный министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Розбери. На послѣдняго, какъ на своего будущаго преемника, уже давно указывалъ самъ Гладстонъ и первый, слѣдуя примѣру своего стараго вождя, принесъ свое самолюбіе въ жертву пользѣ, какъ либеральной партіи, такъ и либеральныхъ идей. За его отказомъ отъ своихъ безспорныхъ правъ на премьерство, лордъ Розберри былъ единодушно провозглашенъ всѣми сторонниками Гладстона ихъ новымъ главой, и по совѣту великаго старика королева Викторія поручила ему составленіе новаго кабинета. Для этого не потребовалось много труда, такъ какъ кабинетъ существовалъ, и потребовалось лишь нѣкоторое перемѣщеніе его членовъ съ одного мѣста на другое. Лордъ Розберри передалъ министерство иностранныхъ дѣлъ бывшему министру по индійскимъ дѣламъ лорду Кимберли, а самъ занялъ постъ предсѣдателя совѣта; сэръ Вильямъ Гаркорть остался министромъ финансовъ и наслѣдовалъ отъ Гладстона тяжелую обязанность предводителя либеральной партіи въ палатѣ общинъ и вожака этой палаты, когда либералы у власти, а Джонъ Морлей сохранилъ свой портфель министра по дѣламъ Ирландіи и, благодаря этому обстоятельству, получилъ также не маловажную долю наслѣдства Гладстона, именно роль защитника Ирландіи, которую онъ и до сихъ поръ исполнялъ, но подъ руководствомъ «пророка ирландскаго дѣла въ Англіи». Все это совершилось, конечно, съ согласія и по внушенію Гладстона, а затѣмъ убѣдившись, что министерство составлено надежно, и что начатое имъ дѣло находится въ хорошихъ рукахъ, онъ, по крайней мѣрѣ на время, опочилъ на лаврахъ. Конечно, королева предложила ему титулъ лорда, даже герцога, но онъ отказался отъ всякихъ почестей и довольствуется тѣмъ, что все соединенное королевство, всѣ классы, всѣ партіи, друзья и недруги, одинаково превозносятъ его великія достоинства и громадныя заслуги, оказанныя отечеству; даже выдающіеся лондонскіе проповѣдники въ церквахъ курятъ ему виміамъ. Обѣ палаты единогласно устами либераловъ и консерваторовъ, въ томъ числѣ лорда Сольсбери и Чамберлена, провозгласили его первымъ англичаниномъ нашего времени, величайшимъ государственнымъ человѣкомъ Англіи и, по выраженію лорда Сольсбери, «самымъ блестящимъ умомъ, когда либо служившимъ Англійскому государству со времени основанія

парламента». Еще недавно его осыпали клеветой и бранью, а теперь онъ стоитъ въ глазахъ всѣхъ на такой недосыгаемой высотѣ, какой даже не занималъ сэръ Робертъ Пиль послѣ своего выхода въ отставку, вслѣдъ за отмѣной хлѣбныхъ законовъ. Странное поведеніе королевы относительно этого кумира всей Англіи въ настоящую минуту произвело сначала неприятное впечатлѣніе особенно на нисшіе классы: именно въ официальномъ заявленіи «Придворной Газеты» объ отставкѣ Гладстона, напечатанномъ съ ея словъ, было сказано, что эта отставка «милостиво принята ея величествомъ», и ни слова болѣе, тогда какъ она всегда прибавляла, когда дѣло шло объ отставкѣ лордовъ Биконсфильда и Сольсбери, «съ глубокимъ сожалѣніемъ»; но общественное мнѣніе и въ этомъ отношеніи успокоилось, когда стало извѣстнымъ, что самъ Гладстонъ и его жена получили отъ королевы собственноручныя письма въ очень теплыхъ и сердечныхъ выраженіяхъ. Все таки среди рабочихъ, со времени отставки великаго старика, поютъ на новый ладъ національный гимнъ, замѣняя слова «God save the queen» словами: «God save the great old man». Вполнѣ довольный всеобщими выраженіями любви и благодарности, Гладстонъ старательно отклоняетъ предложенія поставить ему при жизни статую, поднести ему національный подарокъ и т. д., а въ тиши своего неожиданнаго отдыха въ Брайтонѣ, гдѣ онъ живетъ съ женой со времени отставки, конечно, обдумываетъ какъ бы лучше примѣнить этотъ взрывъ всеобщаго восторга къ окончательной побѣдѣ начатаго имъ великаго дѣла ирландскаго самоуправленія, либеральныхъ реформъ, и борьбы съ палатой лордовъ.

Если Гладстонъ кончаетъ свою политическую карьеру всеобщимъ кумиромъ, то его преемникъ лордъ Розбери начинаетъ свое министерское поприще всеобщимъ любимцемъ. Трудно себѣ представить человѣка, который былъ бы такимъ удачникомъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ настоящій англійскій премьеръ. Аристократъ чистой крови, онъ пользуется любовью рабочаго класса, на пользу котораго ему уже удалось послужить; бывшій предсѣдатель перваго Лондонскаго муниципальнаго совѣта и другъ радикаловъ, онъ засѣдаетъ въ верхней палатѣ и считается баловнемъ двора; осыпанный милостями королевы, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ принцемъ Уэльскимъ, онъ заслужилъ полное довѣріе Гладстона; обладая значительнымъ состояніемъ, онъ женился на единственной наслѣдницѣ одного изъ лондонскихъ Ротшильдовъ и, потерявъ ее, теперь, говорятъ, женится на любимой невѣсткѣ королевы Викторіи; служа украшеніемъ свѣтскаго общества, отличаясь любовью къ спорту и владея призовыми скаковыми лошадьми, онъ написалъ хорошую біографію Вильяма Пита, и еще двадцатипятилѣтнимъ юношей предсѣдательствовалъ на ученыхъ конгрессахъ Ассоціаціи Соціальныхъ Наукъ; не смотря на свою сравнительную молодость, ему

только сорокъ семь лѣтъ, онъ найденъ достойнымъ получить наслѣдіе великаго старика, котораго онъ почти вдвое моложе. Всѣ эти обстоятельства дѣлають лорда Розбери рѣдкимъ явленіемъ въ современной общественной жизни Англїи, и теперь, когда онъ достигъ высшей политической ступени, весь свѣтъ съ любопытствомъ ожидаетъ, чѣмъ въ концѣ концовъ проявитъ себя этотъ общій любимецъ, не имѣю-

Сэръ Вильямъ Гаркортъ.

щій враговъ и до сихъ поръ отличавшійся замѣчательной сдержанностью, осторожностью и умѣніемъ скрывать свои сочувствїя и антипатїи. Относительно этихъ послѣднихъ качествъ онъ представляетъ поразительный контрастъ съ своимъ предшественникомъ, у котораго всегда сердце на рукѣ и который громко кричитъ всему свѣту, что онъ любитъ и что ненавидитъ, а всетаки лордъ Розбери пользуется его расположеніемъ и выведенъ имъ въ политическіе дѣятели. Даже самый ярый изъ радикаловъ, Лабушеръ, который поднялъ цѣлую бурю противъ назначенїя лорда главою либеральной партїи, не имѣетъ лично ничего противъ лорда Роз-

бери и вскорѣ помирился съ мыслью считать своимъ предводителемъ лорда, благодаря тому, что этотъ лордъ такой славный малый. Вся жизнь этого рѣдкаго удачника заключается до сихъ поръ въ постоянныхъ переходахъ отъ одного успѣха къ другому. Шотландецъ по происхожденію, принадлежа къ аристократическому роду Примрововъ и считая въ числѣ своихъ предковъ знаменитаго лорда Чатама, лордъ Арчибальдъ Розбери, сынъ лорда Дальмени и дочери лорда Стангопа, родился въ 1847 году, получилъ воспитаніе въ Итонской школѣ и Оксфордскомъ университетѣ, а на двадцать первомъ году наслѣдовалъ титулъ и помѣстья своего дѣда лорда Розбери. Съ тѣхъ поръ онъ засѣдаетъ въ верхней палатѣ и произнесъ свою дѣвственную рѣчь въ 1871 году, поддерживая адресъ палаты на рѣчь королевы при открытіи парламента; этой честью, не смотря на свою молодость, онъ былъ обязанъ тогдашнему первому министру, Гладстону, который уже въ то время обратилъ вниманіе на юнаго пѣра, принадлежавшаго къ партіи виговъ, и покровительствовалъ его первому шагу въ политической карьерѣ. Впрочемъ, рассказываютъ, что онъ гораздо ранѣе произнесъ свою первую политическую рѣчь, именно четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ на завтракѣ, который давалъ его дѣдъ волонтерамъ; этотъ ранній опытъ краснорѣчія, повидимому, привелъ въ восторгъ и удивленіе всѣхъ присутствующихъ, особенно по рѣдкому въ такіе годы хладнокровному самообладанію оратора, и одинъ изъ гостей, мистеръ Дундасъ, тутъ же сказалъ, что онъ вполне убѣжденъ въ достиженіи молодымъ лордомъ высшей ступени политической карьеры, именно мѣста перваго министра. Съ самаго начала своего пребыванія въ палатѣ пѣровъ лордъ Розбери удивилъ своихъ товарищей сочувствіемъ либеральнымъ мѣропріятіямъ; онъ поддерживалъ Гладстонскій билль о народномъ образованіи въ Шотландіи, стараясь придать ему болѣе радикальный характеръ и предлагая между прочимъ отмѣнить изученіе катехизиса установленной англиканской церкви въ шотландскихъ публичныхъ школахъ, участвовалъ въ комиссіи, разсматривавшей положеніе господствующей церкви въ Шотландіи, и предсѣдательствовалъ въ комитетахъ о сложеніи налога на лошадей и преобразованіи системы представительства шотландскихъ и ирландскихъ пѣровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращалъ на себя общее вниманіе замѣчательными рѣчами на общественныхъ митингахъ и на конгрессахъ Ассоціаціи Соціальныхъ Наукъ, а его извѣстность, какъ высокообразованнаго человѣка, не смотря на то, что онъ не одержалъ блестящихъ успѣховъ въ Оксфордѣ, побудила университеты Абердинскій и Единбургскій избрать его лордомъ-ректоромъ. Наконецъ, въ 1881 году, снова подъ эгидой Гладстона, онъ выступилъ на правительственную арену и во второмъ его министерствѣ былъ сначала товарищемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и колоній, а потомъ министромъ обще-

ственныхъ работъ и лордомъ хранителемъ печати. Занимая эти второстепенныя должности, онъ выказалъ такія административныя способности, такую неусыпную дѣятельность и такую искреннюю преданность либеральнымъ принципамъ, что, образовавъ свое третье министерство, Гладстонъ далъ ему важный, отвѣтственный постъ министра иностранныхъ дѣлъ, хотя ему было тогда только тридцать девять лѣтъ, что въ Англіи считается очень молодымъ возрастомъ для государственнаго человѣка, въ особенности стоящаго во главѣ внѣшней политики. Какъ извѣстно, Гладстонъ удержалъ тогда въ своихъ рукахъ власть только шесть мѣсяцевъ, но въ этотъ краткій періодъ лордъ Розбери вполне доказалъ свою компетентность въ качествѣ дипломата и заслужилъ полное довѣріе европейскихъ кабинетовъ, не смотря на то, что на первыхъ порахъ онъ написалъ слишкомъ рѣзкую ноту по поводу Батумскаго вопроса и выказалъ чрезмѣрную дружбу къ Бисмарковской династіи считая ее центромъ европейской политики. Что же касается до Англіи, то большинству господствующихъ классовъ какъ либеральнаго, такъ и консервативнаго направленія очень пришлось по сердцу его ловкое соединеніе основныхъ принциповъ мирной политики Гладстона съ болѣе самолюбивыми, такъ называемыми, империалистскими стремленіями политики лорда Сольсбери, имѣющими цѣлью продолжать въ новой формѣ старую политику лорда Пальмерстона о дипломатическомъ главенствѣ Англіи и распространеніи ея вліянія по всему свѣту. Относительно внутреннихъ дѣлъ въ ту критическую эпоху, лордъ Розбери не могъ много проявить своей дѣятельности, такъ какъ онъ работалъ въ своемъ министерствѣ до восемнадцати часовъ въ день и только обнаружилъ стойкую преданность Гладстону и его ирландской политикѣ, а когда онъ палъ по вопросу объ ирландскомъ самоуправленіи, то и молодой его помощникъ по иностранной политикѣ послѣдовалъ за великимъ старикомъ въ оппозицію.

Послѣдовавшія за этимъ шесть лѣтъ до вторичнаго возвращенія его къ власти вмѣстѣ съ Гладстономъ лордъ Розбери посвятилъ самой разнородной общественной дѣятельности, которая довела до апогея его популярности во всѣхъ классахъ англійскаго общества. Въ палатѣ лордовъ онъ не руководилъ либеральной партіей, которая въ сущности имѣетъ очень скромный, чтобы не сказать болѣе, видъ, такъ какъ въ ея рядахъ около шестидесяти человѣкъ, а во всей палатѣ пятьсотъ шестьдесятъ членовъ, но всегда стойко поддерживалъ главу оппозиціи въ этой палатѣ лорда Кимберлея, хотя рѣдко произносилъ рѣчи, и привелъ въ ужасъ всю аристократію, а также въ восторгъ всѣхъ радикаловъ, предложеніемъ преобразовать это наслѣдственное собраніе на новыхъ, прогрессивныхъ началахъ. Конечно, его проектъ провалился, но во время преній многіе лорды высказались въ пользу реформы верхней палаты въ

томъ или другомъ видѣ, и самое большинство, отвергнувшее разсмотрѣніе вопроса въ комитетѣ, состояло только изъ сорока семи голосовъ; это обстоятельство краснорѣчиво доказываетъ, что при ловкой манипуляціи и сильномъ давленіи общественнаго мнѣнія преобразование палаты лордовъ можетъ составить совершившійся фактъ въ непродолжительномъ будущемъ, и проектъ лорда Розбери заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ въ настоящую минуту онъ стоитъ во главѣ партіи и министерства, написавшихъ на своемъ знамени борьбу съ палатой лордовъ. Чрезвычайно характеристично, что самые выдающіеся члены палаты лордовъ какъ съ либеральной, такъ и съ консервативной стороны, Розбери и Сольсбери, одинаково питаютъ презрительное отвращеніе къ этой палатѣ и дорого бы дали, чтобъ имѣть право засѣдать въ палатѣ общинъ, гдѣ первый, въ качествѣ лорда Крамборна, до смерти отца былъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ и пламеннѣйшихъ враговъ Дизраэли, а послѣдній никогда не бывалъ, такъ какъ съ самаго своего совершеннѣтія онъ засѣдалъ въ палатѣ лордовъ. Съ отличающей его всегда сдержанностью и осторожностью, лордъ Розбери основалъ свой проектъ преобразованія верхней палаты на компромисъ между наслѣдственнымъ и представительнымъ элементами. Онъ предлагалъ, чтобъ всѣ пары Англіи, Шотландіи и Ирландіи составляли одну корпорацію, которая избирала бы опредѣленное число членовъ верхней палаты, а остальную ихъ часть выбирали бы совѣты графствъ, или городскіе муниципалитеты, или палата общинъ, или всѣ эти три учрежденія, кромѣ нѣсколькихъ мѣстъ, которыя были бы заняты генеральными агентами англійскихъ колоній. Такимъ образомъ сформированная верхняя палата представляла бы, по его мнѣнію, собраніе лучшихъ представителей аристократіи, народа и, неимѣющихъ доселѣ никакого представительства, громаднхъ колоній. Для уничтоженія безвыходной борьбы между обѣими палатами, его планъ устанавливалъ общее обсужденіе спорныхъ вопросовъ конгрессомъ обѣихъ палатъ. Наконецъ, лордъ Розбери предоставлялъ въ своемъ проектѣ всѣмъ перамъ, избраннымъ и неизбраннымъ въ верхнюю палату, являться кандидатами на выборы въ депутаты и въ случаѣ избранія сдѣлаться членами нижней палаты. Проведетъ ли онъ подобную реформу теперь, когда въ рукахъ его власть, покажетъ время, но во всякомъ случаѣ лорды спокойнѣе, что во главѣ борьбы съ ними стоитъ не Народный Вильямъ, или какой либо другой демократическій боецъ, а, всетаки, одинъ изъ ихъ среды, кровный аристократъ. Впрочемъ, лордъ Розбери, пока онъ находился въ рядахъ либеральной оппозиціи, далъ и радикаламъ значительные залоговъ въ своей преданности демократическимъ принципамъ. Избранный въ члены новаго лондонскаго муниципальнаго совѣта, извѣстнаго подъ названіемъ совѣта лондонскаго графства, онъ сдѣлался его первымъ

предсѣдателемъ и два года неусыпно работалъ въ этомъ званіи для успѣшнаго устройства городского хозяйства на самыхъ прогрессивныхъ началахъ, а если потомъ и отказался отъ тяжелыхъ обязанностей предсѣдателя, то до сихъ поръ состоитъ, не смотря даже на свое премьерство, членомъ этого совѣта. Подобная дѣятельность практически познакомила его со всѣми задачами современной демократіи и дала возможность этому другу принца Уэльскаго сдѣлаться и другомъ извѣстнаго радикала, а теперь предводителя рабочей партіи въ палатѣ депутатовъ, Джона Борнса. При этомъ онъ до такой степени искренно и энергично поддерживалъ всѣ радикальныя реформы, проводимыя совѣтомъ, что самые крайніе изъ его членовъ пришли къ убѣжденію, что лордъ Розбери, аристократъ по рожденію и темпераменту, демократъ въ душѣ. Это мнѣніе подтверждается и отношеніемъ лорда Розбери къ рабочему вопросу: онъ всегда и вездѣ отстаивалъ интересы скромныхъ тружениковъ, предсѣдательствовалъ на конгрессѣ кооперативныхъ обществъ въ Глазго, въ 1890 году устроилъ на свой счетъ великолѣпную купальню въ Народномъ Дворцѣ, въ лондонскомъ рабочемъ кварталѣ Истъ-Ендъ, и вообще принималъ горячее участіе въ движеніи, имѣющемъ цѣлью улучшить нравственное и матеріальное положеніе народныхъ массъ. Доказывая фактически свою преданность демократическимъ и радикальнымъ принципамъ, лордъ Розбери вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ не менѣе ревностное сочувствіе къ такъ называемой системѣ имперіалистской федераціи, то-есть, распространенію принципа единства Англійской имперіи путемъ федеративнаго соединенія колоній съ метрополіей, при чемъ, конечно, на первомъ мѣстѣ стоитъ увеличеніе во всѣхъ частяхъ свѣта англійскихъ владѣній и англійскаго вліянія. Эта новая политическая теорія, очень близкая къ джингоизму, однако, уживается съ самыми радикальными принципами, и однимъ изъ ея ревностнѣйшихъ проповѣдниковъ служитъ извѣстный англійскій передовой публицистъ Стэдъ, издатель «Review of Reviews»; лордъ Розбери съ самаго начала былъ энергичнымъ сторонникомъ этого движенія, принималъ дѣятельное участіе въ Лигѣ Имперіалистской Федераціи и при всякомъ удобномъ случаѣ публично высказывалъ свои идеи по этому вопросу. Такъ, между прочимъ, онъ прямо говорилъ: «главная мечта моей жизни поставить на правильную ногу отношенія Индіи и колоній къ метрополіи», а также: «на нашей отвѣтственности лежитъ обязанность, чтобъ весь свѣтъ, на сколько это возможно, имѣлъ отпечатокъ англо-саксонскій, а не иной». Наконецъ, открывая бюстъ сэра Джона Макдональда въ соборѣ св. Павла, онъ краснорѣчиво сказалъ: «Вліяніе Англій во всемъ свѣтѣ было бы пагубно, еслибъ оно выражало насиліе, завоеваніе и грабежъ, но тѣмъ оно и велико, что вездѣ является представителемъ мира, цивилизаціи, торговли, человѣчности и три-

цанія всего узкаго, всего мелкаго». Поэтому неудивительно, что лордъ Розбери, исповѣдая такія теоріи, пользуется самой широкой популярностью въ англійскихъ колоніяхъ и въ Индіи, которую онъ посѣтилъ въ 1886 году.

Когда Гладстонъ составлялъ свое четвертое министерство, то произошелъ довольно странный эпизодъ: весь свѣтъ ожидалъ, что министромъ иностранныхъ дѣлъ снова сдѣлается лордъ Розбери, и даже, по слухамъ, европейскіе кабинеты видѣли въ этомъ назначеніи нѣкоторую узду для слишкомъ радикальныхъ стремленій Гладстона относительно международныхъ сношеній. Хотя говорили, что онъ предпочиталъ бы видѣть на этомъ постѣ лорда Кимберлея, болѣе расположеннаго осуществлять его политику мирнаго невмѣшательства, чѣмъ лорда Розбери, явно сочувствовавшаго противоположной политикѣ лорда Сольсбери, онъ, всетаки, предложилъ это мѣсто своему прежнему министру, но, къ всеобщему удивленію, тотъ отказался. Затѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней его уговаривали и упрашивали согласиться не только либералы, но и консерваторы, а онъ упорно стоялъ на своемъ и, наконецъ, только по личному желанію королевы, принялъ предложенный ему портфель. Настоящая причина этого непонятнаго отказа до сихъ поръ исполнѣ не выяснена: съ одной стороны предполагають, что лордъ Розбери торговался съ Гладстономъ насчетъ предоставленія ему полной самостоятельности въ веденіи иностранной политики, а съ другой—доказываютъ, что онъ просто ломался, зная себѣ цѣну. Въ виду скромнаго, сдержаннаго и благоразумнаго характера лорда Розбери, послѣднее объясненіе невѣроятно, а, напротивъ, первое гораздо основательнѣе, тѣмъ болѣе, что въ продолженіе полутора года его пребыванія во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ онъ дѣйствительно поступалъ почти самостоятельно, и Гладстонъ вмѣшивался въ дѣла его вѣдомства лишь въ важныхъ случаяхъ. Во все это время онъ исполнѣ оправдалъ всеобщее довѣріе и съ отличающимъ его счастьемъ заслужилъ похвалы съ самыхъ противоположныхъ сторонъ: такъ приверженцы гладстоновской теоріи мирнаго разрѣшенія международныхъ распрей и невмѣшательства въ чужія дѣла громко одобрили его дѣйствія по разрѣшенію конгрессомъ англо-американскаго спора о котиковомъ промыслѣ и по Памирскому вопросу, а защитники болѣе предприимчивой и самолюбивой политики лорда Сольсбери открыто сочувствовали тому, что онъ настоялъ на сохраненіи Уганды за Англійей и выказалъ значительную энергію по Сіамскому вопросу. Но, занимаясь исключительно иностранной политикой, этотъ удивительный удачникъ одержалъ на совершенно иной почвѣ свой главный успѣхъ за послѣднее время: состоявшаяся въ концѣ прошедшаго года громадная стачка углекоповъ въ средней Англійи навела панику на всю страну, и страсти до того разгорѣлись съ

обѣихъ сторонѣ, что всѣ примирительныя попытки различныхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ лондонскаго лорда мэра и архіепископа Кантебурійскаго, не повели ни къ чему, и самъ Гладстонъ не могъ выставить своего посредничества, такъ какъ ему оказали бы довѣріе только рабочіе, а не хозяева; при такомъ критическомъ положеніи дѣлъ онъ предложилъ роль посредника лорду Розбери. Послѣдній согласился, и какъ рабочіе, такъ и хозяева съ удовольствіемъ отдали свой споръ на разрѣшеніе совѣта изъ представителей той и другой стороны, подѣ предсѣдательствомъ человѣка, одинаково популярнаго среди рабочихъ и хозяевъ. Въ нѣсколько часовъ не только дѣло было разрѣшено компромисомъ между противоположными интересами, хотя съ замѣтнымъ наклоненіемъ въ пользу рабочихъ, за которыхъ громко высказалось общественное мнѣніе страны, но и создана на будущее время постоянная коммиссія изъ представителей хозяевъ и рабочихъ для примирительнаго разбирательства всѣхъ распрій между ними. Такая побѣда, одержанная главнымъ образомъ потому, что Гладстонъ сумѣлъ выбрать психологическую минуту для примиренія, привела въ восторгъ всю Англію, и необыкновенная популярность замѣчательнаго удачника еще болѣе возросла. Этотъ блестящій эпизодъ въ общественной дѣятельности лорда Розбери какъ разъ случился передъ тѣмъ самымъ временемъ, когда стали распространяться слухи о предстоящей отставкѣ Гладстона, и послужилъ лучшей подготовкой для его кандидатуры въ первые министры. Впрочемъ, вся его двадцати-двухъ-лѣтняя счастливая карьера какъ нельзя лучше подготовляла подобное увѣнчаніе лаврами премьера всеобщаго любимца. Не маловажными факторами въ этомъ отношеніи были его видное положеніе, какъ одного изъ крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, заботящагося о благосостояніи своихъ поселянъ, его личныя свойства, какъ семьянина, товарища и человѣка, а также его литературный успѣхъ. Лордъ Розбери владѣетъ въ пяти различныхъ графствахъ Англій и Шотландіи семью великолѣпными замками и помѣстьями, не считая роскошнаго лондонскаго дома на Берклейскомъ скверѣ; главныя изъ нихъ историческія жилища его предковъ въ Шотландіи: Примрозъ, Розбери и Дальмени, Дурдансъ близъ Епсомъ, гдѣ у него скаковыя конюшни, и Ментморъ въ Букингамширѣ, полученный имъ въ наслѣдство отъ своей жены, дочери барона Мейера Ротшильда. Хотя послѣдній замокъ, настоящій дворецъ въ итальянскомъ стилѣ, выстроенъ его тестемъ въ пятидесятыхъ годахъ и совмѣщаетъ въ себѣ все, что только можетъ придумать миллионщикъ для удовлетворенія изысканныхъ стремленій современнаго человѣка къ роскоши, комфорту и художественной красотѣ, лордъ Розбери предпочитаетъ Ментмору съ его сокровищами: каминомъ изъ дома Рубенса, люстрами венеціанскаго дожа, рѣдкими скульп-

турными произведеніями, удивительнымъ садомъ и громадной оранжереей,—Дальмени-Гаусъ, близъ Единбурга, гдѣ онъ гостепріимно принималъ Гладстона во время его знаменитыхъ Мидлѳтанскихъ избирательныхъ кампаній. Всѣ фермеры и поселяне, живущіе въ его помѣстьяхъ, считаютъ теперешняго премьера за образцоваго и добрѣйшаго хозяина, который неустанно печется объ улучшеніи ихъ быта, а жилища сельскихъ рабочихъ въ Ментморѣ—такіе хорошенькіе домики въ стилѣ королевы Елизаветы и окружены такими цвѣтущими садиками, что никто не приметъ ихъ за крестьянскія хижины. Если доброта составляетъ отличительную черту его, какъ землевладѣльца, то это же качество характеризуетъ всѣ ея частныя отношенія: добрый сынъ, добрый мужъ, добрый товарищъ, онъ въ полномъ смыслѣ слова хорошій человѣкъ. Хотя его краснорѣчіе не первоклассное, но онъ говоритъ убѣдительно, пересыпаетъ свои рѣчи веселымъ остроуміемъ, а въ частныхъ разговорахъ плѣняетъ своихъ собесѣдниковъ простотой, добродушіемъ и любезностью. Что касается до значенія лорда Розбери, какъ литератора, то можно смѣло сказать, что единственная составленная имъ книга «Біографія Вильяма Питта» написана хорошо, толково, разумно, занимательно, но главный ея интересъ, особенно въ настоящую минуту, заключается въ совпаденіи описываемыхъ имъ политическихъ событій прошедшаго съ современными фактами. Такъ, читая о выходкѣ Питта противъ Россіи по поводу взятія Очакова, невольно вспоминается депеша лорда Розбери на счетъ Батума, а когда авторъ, обсуждая послѣдствія возможнаго перехода Питта изъ нижней палаты въ верхнюю, говоритъ: «Подобное событіе походило бы на неожиданное отозваніе правительствомъ герцога Велингтона среди его испанскаго похода въ Лондонъ и назначеніе смотрителемъ Гринической богадѣльни», то читатель видитъ между строками откровенное заявленіе, что самъ лордъ Розбери предпочелъ бы пламенную бурную атмосферу палаты общинъ усыпительной тоскѣ палаты лордовъ. Но всего знаменательнѣе написанное три года тому назадъ лордомъ Розбери замѣчаніе объ отношеніяхъ между премьеромъ лордомъ Шельборномъ, засѣдавшимъ въ верхней палатѣ, и Фоксомъ, вожакомъ палаты общинъ, подъ которыми теперь нельзя не видѣть самого лорда Розбери и сэра Вильяма Гаркорта. «Невозможно требовать,—говоритъ онъ:—чтобъ всѣ члены министерства питали другъ къ другу полное, безусловное довѣріе, такъ какъ это противорѣчило бы человѣческой натурѣ, а тѣмъ болѣе натурѣ политическихъ дѣятелей, но между первымъ министромъ въ палатѣ лордовъ и вожакомъ палаты общинъ существованіе такого довѣрія необходимо. Отвѣтственность одного такъ велика, а возможность проговориться у другого такъ громадна, что только единствомъ мнѣній и чувствъ можно поддержать между ними во вся-

комъ случаѣ трудно сохранимую связь. Голосъ Такова и руки Исава могутъ составить успѣшную комбинацію для минутнаго обмана, но не основу для надежнаго, прочнаго правительства».

Если новый англійскій премьеръ пользуется громадной извѣстностью и необыкновенной популярностью во всѣхъ слояхъ англійскаго общества, то новый вожакъ палаты общинъ долго былъ самымъ непопулярнымъ человѣкомъ въ политическомъ мірѣ и до сихъ поръ мало извѣстенъ внѣ его предѣловъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ лондонскихъ клубахъ и въ провинціальныхъ англійскихъ газетахъ былъ въ большомъ ходу анекдотъ о томъ, что однажды четверо пріятелей поспорили о томъ, кто изъ нихъ пригласитъ къ обѣду самаго неприятнаго человѣка въ Лондонѣ, и когда это курьезное состязаніе произошло въ отдѣльной комнатѣ моднаго ресторана, то оказалось, что всѣ четверо пригласили одного гостя, котораго они одинаково считали самымъ неприятнымъ человѣкомъ — сэра Вильяма Гаркорта. Конечно, этотъ анекдотъ только плодъ досужей фантазіи, тѣмъ болѣе, что въ обществѣ и въ частной жизни сэръ Вильямъ Гаркортъ всегда былъ чрезвычайно пріятнымъ, остроумнымъ и веселымъ человѣкомъ, но, какъ политическій дѣятель въ прежнія времена, онъ дѣйствительно принадлежалъ къ самымъ непопулярнымъ членамъ палаты общинъ. Обладая блестящимъ умомъ и основательными знаніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ строптивымъ характеромъ и страстью приводить рѣзкими выходками въ смущеніе всѣхъ, какъ противниковъ, такъ и друзей, онъ отталкивалъ отъ себя всякаго, даже расположеннаго къ нему человѣка, а еще присоединяя къ неуживчивому нраву болѣзненное самолюбіе, онъ положительно былъ *enfant terrible* либеральной партіи въ продолженіе многихъ лѣтъ. Но съ теченіемъ времени онъ поуходился и, достигнувъ высокихъ ступеней политической карьеры, сталъ значительно мягче, обходительнѣе и благоразумнѣе, такъ что вся либеральная партія безъ ужаса видитъ этого когда-то столь непопулярнаго въ палатѣ человѣка своимъ главой и преемникомъ великаго старика, отличавшагося всегда самой утонченной обходительностью. Что же касается до правъ сэра Вильяма Гаркорта на эту часть наслѣдья Гладстона и даже на все его наслѣдье, еслибъ не было лорда Розбери, то въ этомъ согласны всѣ его товарищи и враги. Принадлежа къ старинной аристократической семьѣ, ведущей свое начало отъ Плантагенетовъ и потомъ посвятившей себя церкви, сынъ пастора и внукъ архіепископа, сэръ Вильямъ Вернонъ Гаркортъ родился въ 1827 г. и окончилъ самымъ блестящимъ образомъ университетскій курсъ въ Кембриджѣ. Поступивъ въ адвокаты, онъ скоро приобрѣлъ значительную извѣстность, а когда въ его родномъ университетѣ была основана кафедра международнаго права съ цѣлью «изученія всѣхъ средствъ къ уменьшенію вредныхъ послѣдствій войны и конеч-

ному ея уничтоженію», то она была предложена Гаркорту, который считался специалистомъ по этой отрасли юридическихъ наукъ и уже прославился извѣстными письмами въ «Times» за подписью «Historiens» о различныхъ спорныхъ вопросахъ международнаго права по поводу столкновеній между Англіей и Американскими Соединенными Штатами насчетъ южныхъ крейсеровъ. Эти письма и статьи въ «Saturday Review» доставили молодому юристу громкую славу; вся пресса, всѣ компетентныя лица, начиная съ лорда верховнаго судьи, осыпали его похвалами и даже прямо стали поговаривать, что явился новый «Юніусъ», такъ какъ онъ сначала хранилъ въ тайнѣ свое авторство. Но вскорѣ оказалось, что блестящій корреспондентъ «Times» скорѣе походилъ на своего предшественника въ той же газетѣ, Дизраэли, подписывавшаго свои статьи псевдонимомъ «Рунимидъ» и обсуждавшаго въ тридцатыхъ годахъ различные вопросы англійской конституціи чрезвычайно авторитетнымъ тономъ. Отличаясь жаждой славы и власти, Гаркортъ не замедлилъ снять маску и выступилъ кандидатомъ на парламентскихъ выборахъ 1868 г., которые имѣли результатомъ первое министерство Гладстона. Не отличаясь тогда никакими опредѣленными политическими убѣжденіями, онъ вступилъ въ ряды той партіи, которая, ему казалось, имѣла наибольшіе шансы на успѣхъ, и сдѣлался либераломъ. Избранный въ представители города Оксфорда, Гаркортъ сразу занялъ видное мѣсто въ палатѣ общинъ, и его дѣятельная рѣчь въ пользу сохраненія стараго обычая, чтобъ министры при своемъ назначеніи подвергались переизбранію въ качествѣ депутатовъ, выказала очень рельефно какъ его способности, такъ и недостатки, именно: блестящій умъ, хлесткую рѣзкость, самоувѣренный и докторальный тонъ, саркастическое остроуміе, безпощадность въ борьбѣ и неограниченное самолюбіе. Поддерживая Гладстона во всѣхъ его великихъ реформахъ, ознаменовавшихъ эту эпоху его дѣятельности, названную золотымъ вѣкомъ либерализма, Гаркортъ старательно давалъ чувствовать въ своихъ рѣчахъ, что онъ не даромъ изощряетъ силы и ждетъ щедрой награды, а въ случаѣ неблагодарности главы его партіи можетъ сдѣлаться очень опаснымъ противникомъ. Дизраэли съ ядовитой улыбкой прямо говорилъ, что рѣчи молодого карьериста дѣлали его достойнымъ занять мѣсто генерала-солиситера, и это пророчество вскорѣ осуществилось. Гаркортъ получилъ желанный постъ, но по странной ироніи судьбы не успѣлъ даже явиться въ палату въ новомъ своемъ званіи, какъ Гладстонъ вышелъ въ отставку. Это неожиданное обстоятельство такъ подѣйствовало на самонадѣяннаго честолюбца, что онъ возненавидѣлъ своего главу и даже, по выраженію злыхъ языковъ, заподозрѣлъ его въ намѣренномъ выходѣ въ отставку съ цѣлью уничтожить только что открывавшуюся блестящую карьеру передъ его новоявленнымъ соперникомъ. Въ продолженіе

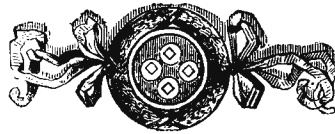
слѣдовавшей затѣмъ эпохи консервативной реакціи и затменія либерализма, Гаркорть вель себя самымъ страннымъ образомъ и именно тогда-то заслужилъ свою непопулярность, свою славу неприятнаго человѣка: онъ не только сталъ кокетничать съ торіями и при всякомъ удобномъ случаѣ превозносить Дизраэли, но осыпалъ Гладстона оскорбительными инсинуаціями, явно унижая его передъ счастливымъ соперникомъ. Народный Вильямъ долго терпѣлъ его неприличныя нападкы, но когда они приняли характеръ настоящаго скандала, то онъ далъ ему публично въ палатѣ такой жестокой, но вполне заслуженный урокъ, что Гаркорть уже болѣе никогда не позволялъ себѣ ни одного неприятнаго замѣчанія о человѣкѣ, первенство котораго надъ собой во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ вынужденъ окончательно признать; но лишившись удовольствія преслѣдовать своими сарказмами Гладстона, онъ продолжалъ выливать желчь на всѣхъ своихъ товарищей по палатѣ, заслуживая, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ общепризнаваемое право считать себя однимъ изъ самыхъ ловкихъ, грозныхъ и опасныхъ парламентскихъ бойцовъ. Поэтому, когда Гладстонъ снова вернулся къ власти въ 1880 году, то, забывъ свои старые счеты съ этимъ полезнымъ для его партіи политическимъ дѣятелемъ, онъ далъ ему отвѣтственную должность министра внутреннихъ дѣлъ. Съ этой минуты онъ сдѣлался самымъ вѣрнымъ и самымъ преданнымъ помощникомъ великаго реформатора, и хотя его самого можно скорѣе причислить къ старымъ вигамъ, чѣмъ къ либераламъ, уже не говоря о радикалахъ, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго, Гаркорть упорно поддерживалъ всѣ самыя прогрессивныя мѣропріятія втораго и послѣдующихъ министерствъ Гладстона, въ которыхъ онъ занималъ еще болѣе важный постъ министра финансовъ. Даже ирландское самоуправленіе и рабочее законодательство въ духѣ государственнаго соціализма не отпугали его, и никто въ прошедшую сессію не оказалъ Гладстону такого ревностнаго содѣйствія и такой полезной помощи въ палатѣ для проведенія его знаменитыхъ билей, какъ сэръ Вильямъ Гаркорть. Конечно, злые языки говорятъ, что онъ, не имѣя опредѣленныхъ убѣжденій и представляя типъ ловкаго политика, дѣйствовалъ такимъ образомъ только потому, что видѣлъ въ ближайшемъ будущемъ возможность занять мѣсто главы либеральной партіи. Какъ бы то ни было, самъ Гладстонъ и всѣ его сторонники, а также враги, признаютъ громадныя услуги, оказанныя Гаркортомъ либеральной партіи, и его права на ея предводительство. Къ тому же въ послѣдніе года, достигнувъ власти, онъ значительно измѣнился, сталъ мягче, сдержаннѣе и, оставаясь прежнимъ могучимъ парламентскимъ бойцомъ, выказалъ значительныя административныя способности, а главное неизмѣнную стойкую преданность если не великимъ принципамъ, то великой партіи, которая ихъ проводитъ.

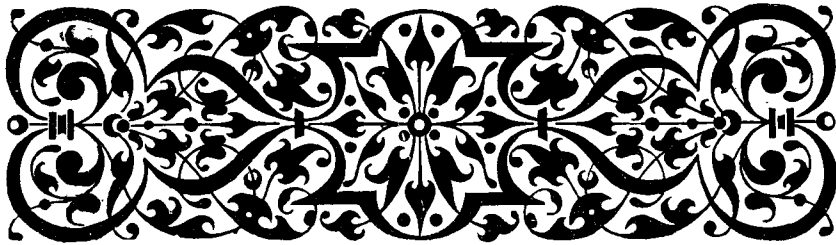
Какъ семьянинъ и человѣкъ, онъ можетъ служить образцомъ; дважды женатый, первый разъ на Терезѣ Листеръ, а во второй— на дочери американскаго историка Мотлея, онъ пользуется любовью своего тѣснаго семейнаго кружка, ведетъ патриархальную жизнь въ своемъ любимомъ сельскомъ жилищѣ въ Нью-Форестъ и, по мѣткому выраженію одного американскаго публициста, вполне олицетворяетъ собою традиціонный типъ Джона Булля, со всѣми его достоинствами и недостатками.

Вотъ два совершенно противоположные во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, на которыхъ ниспала мантия современнаго пророка человѣческаго прогресса. Конечно, ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ его преемникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова; замѣнить Гладстона невозможно, а мыслимо только продолжать его великое дѣло. Надо отдать справедливость какъ лорду Розбери, такъ и сэру Вильяму Гаркорту, что они вполне поняли свое положеніе, свою роль. Въ первыхъ рѣчахъ, произнесенныхъ ими по образованію новаго министерства, они прямо заявили, что только будутъ продолжать гладстоновскую дѣятельность, что ставятъ себѣ цѣлью докончить осуществленіе гладстоновской программы, что либеральная партія попрежнему сохранить названіе гладстоновской, и что Гладстонъ останется душой того, къ чему они будутъ стремиться. Первые шаги новаго министерства вполне оправдываютъ слова его руководителей и только двигаютъ впередъ по мѣрѣ возможности при настоящихъ обстоятельствахъ гуманныя реформы Гладстона. Пока все обстоитъ благополучно и если, быть можетъ, передовые люди Англій, даже самъ великій старикъ, надѣялись, что его наслѣдіе достанется въ иныя руки, которыя не только будутъ продолжать его дѣло, но дадутъ еще болѣе смѣлый и совершенно новый толчекъ демократизаціи старой Англій, то судьбѣ было этого не угодно, и удаленіе Гладстона съ политической арены совершилось въ такую минуту, когда люди, сосредоточивавшіе когда-то и начинающіе сосредоточивать теперь всѣ надежды на свѣтлое будущее Англій, или измѣнили своему знамени, какъ Чамберленъ, народный трибунъ, долго признаваемый всѣми за единственнаго, наслѣдника Гладстона, а теперь изъ мелкаго оскорбленнаго самолюбія сдѣлавшійся яркимъ союзникомъ консерватизма, или благодаря постороннимъ обстоятельствамъ сдѣлались не мыслимыми для политическаго главенства, какъ сэръ Чарльсъ Дильксъ, самый способный и самый любимый изъ учениковъ Гладстона, ступившій на политической аренѣ, благодаря еще не вполне выяснившемуся скандалу въ частной его жизни; или недостаточно подготовили общественное мнѣніе къ сосредоточенію въ своихъ рукахъ власти, какъ умнѣйшій, радикальнѣйшій и наиболѣе подходящий къ Гладстону изъ передовыхъ государственныхъ людей Англій, Джонъ Морлей, его правая рука по ирландскому вопросу, или на-

конецъ еще не доросли вмѣстѣ съ современной Англiей до управленiя ею, какъ Асквиль, доказавшiй въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ въ четвертомъ кабинетѣ великаго старика необыкновенныя способности настоящаго радикальнаго администратора, и глава рабочей партii въ палатѣ общинъ, Джонъ Борнсъ. Во всякомъ случаѣ, настоящiе преемники Гладстона не сдѣлаютъ ни шага назадъ, а напротивъ, много или мало, но двинутъ впередъ его великое дѣло, пока его не возьметъ въ свои руки новый Гладстонъ, а что таковой рано или поздно явится, служить ручательствомъ вся исторiя прогрессивнаго развитiя Англии.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера (А. Михайлова).
Томъ I. Спб. 1894.

НЕЛЬЗЯ НЕ ПРИВѢТСТВОВАТЬ изданія «Полнаго собранія» сочиненій А. К. Шеллера (А. Михайлова), тридцатилѣтняя литературная дѣятельность котораго доставила ему вполне заслуженную извѣстность. Такое изданіе даетъ возможность болѣе всесторонне оцѣнить писателя и обязываетъ послѣдняго явиться на судъ публики подготовленнымъ болѣе тщательно къ отвѣтственности. Относительно г. Шеллера слѣдуетъ, однако, замѣтить, что ему не придется готовить себя къ выходу «болѣе тщательно», стараясь, чтобы въ «Полное собраніе» не попали слабыя по исполненію вещи или написанныя подъ вліяніемъ фальшиваго настроенія. Онъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать о себѣ, что выступилъ на литературное поприще «вполнѣ подготовленнымъ» писателемъ и, занявъ въ литературѣ почетное мѣсто, никогда не покидалъ его и былъ всегда любимъ русскою публикой.

Его дѣятельность всецѣло носитъ на себѣ печать времени, отражая въ первыхъ произведеніяхъ автора преимущественно періодъ реформъ съ новыми идеями и людьми на развалинахъ Николаевскаго режима. Этотъ соціально-политическій элементъ въ произведеніяхъ г. Шеллера преобладаетъ надъ психологическимъ и необходимъ для характеристики русскаго общества 60—70-хъ годовъ, также какъ и психологическій для пониманія чловѣка вообще. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе интересны его романы: «Гнилыя болота», «Засоренныя дороги», «Въ разбродъ», «Жизнь Шупова», «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ» и т. д. Здѣсь ярко отразилась борьба стараго поколѣнія съ молодымъ и торжество послѣдняго, благодаря его болѣе просвѣщеннымъ взглядамъ на жизнь. Эта особенность означенныхъ произведеній со-

здала автору названіе тенденціознаго писателя, точно торжество просвѣщенія надъ всякаго рода суевѣрїями составляетъ искусственное и предвзятое умозаключеніе, не оправдываемое матеріаломъ имѣющимся въ романѣ, или самой жизнью (какъ, напримѣръ, талантливое «Послѣсловіе» Л. Н. Толстого къ его «Сонатѣ» или неестественный конецъ въ разсказѣ его сына Льва Львовича «Совершенство», гдѣ одинъ студентъ производитъ нѣсколькими словами переломъ въ жизни профессионально-погибшей женщины). Читатели А. К. Шеллера хорошо знаютъ, безъ всякихъ сравненій, что въ этомъ смыслѣ у него нѣтъ ничего тенденціознаго, что его личное отношеніе къ жизни всегда имѣетъ достаточно основаній въ выведенныхъ имъ лицахъ и иллюстрировано всегда правдивымъ матеріаломъ. Самъ авторъ, по поводу тенденціозности своихъ произведеній, сказалъ мнѣ однажды о своихъ обвинителяхъ нѣсколько жѣткихъ словъ: «Они требуютъ попреимуществу художественной формы въ искусствѣ; но этой-то художественности у нихъ самихъ и нѣтъ ни въ публицистическихъ, ни въ беллетристическихъ работахъ. Отсутствие ума и образованія они хотятъ пополнить криками о формѣ; но ея-то и не даютъ намъ. Во-вторыхъ: не желѣность ли дать художественную форму и ничтожность содержанія? Наконецъ, эти господа просто-на-просто смѣшиваютъ тенденціозность съ «направленіемъ»: что либерально, то по ихъ мнѣнію тенденціозно, а что консервативно, то обязательно—искусство».

Можно, конечно, говорить о размѣрѣ таланта А. Шеллера; но если онъ тенденціозенъ, то ровно настолько, насколько и сама жизнь тенденціозна. Для нынѣшнихъ повтовъ и беллетристовъ жизнь представляется рядомъ безпринципныхъ, но красивыхъ событій; кромѣ красоты, они ничего не увлекаютъ изъ нея, заботясь покрасивѣе и поподробнѣе описать ее и полагая, что въ этомъ одномъ и состоитъ «пушкинская художественность»... Но для школы старыхъ писателей, къ которымъ принадлежитъ г. Шеллеръ, жизнь не была «безсмысленной и глупой шуткой», чтобы писать исключительно красоту или пошлость пушкинскимъ стихомъ... Для нихъ жизнь давала рядъ поучительныхъ характеровъ въ связи съ высокими идеалами общественнаго строя, для котораго стоило мыслить и жить, и для торжества котораго писатель создавалъ свои произведенія... Въ этомъ смыслѣ первыя произведенія г. Шеллера отражаютъ наиболѣе любопытный періодъ русской жизни, когда [на смѣну «отцовъ» выступили «дѣти» съ призывомъ освобожденія крестьянъ отъ помѣщика, женщины — отъ умственного невѣжества, собственныхъ дѣтей — отъ мертвящей «университетской науки», земства — отъ губернаторскихъ канцелярій, народа — отъ безгласнаго суда, печати — отъ цензуры и т. д. Смыслъ 60-хъ годовъ, разумѣется, заключается въ этомъ освободительномъ движеніи; но консервативные элементы русскаго общества называли «освобожденіе—разрушеніемъ» и даже теперь отсутствіе политическаго благородства въ современномъ обществѣ приписываютъ тому, что оно воспиталось исключительно на «отрицаніи»... И тѣ и другіе сторонники воспитывались въ атмосферѣ политической борьбы и, попадая въ романы г. Шеллера, должны быть, разумѣется, нѣсколько «книжны», какъ говорили критики А. К. Шеллера. Но эти герои не могли быть иными, такъ какъ въ это время «книжныя» понятія весьма рельефно уживались въ интеллигентномъ меньшинствѣ и отпечатывались на его характерѣ и вѣвшихъ событіяхъ. Интеллигентное меньшинство, выросшее на книгахъ и внутренней ломкѣ крѣпостнаго порядка, приходило постоянно въ столкновеніе съ застоємъ русской

жизни. Въ этомъ направленіи первые романы и повѣсти А. К. Шеллера весьма цѣнны для исторіи русскаго общества, рисуя «тенденціозную» жизнь и «книжныхъ» ея героевъ наряду съ утробными. Доказательствомъ того, что русская жизнь въ извѣстный періодъ была именно таковой, служатъ романы г. Шеллера, Чернышевскаго («Что дѣлать?»), Мордовцева («Знаменіе времени»), Омудевскаго («Шагъ за шагомъ»), Засодимскаго («Хроника села Смурина»), Лѣскова («Некуда») и др. Не касаясь технической стороны и силы творчества А. К. Шеллера, мы ссылаемся на однородную съ нимъ школу писателей для восстановленія въ памяти любопытнѣйшаго періода въ жизни русскаго общества, когда его «тенденціозность» и «книжные» герои не были «искусственны и предвзяты», но возникли естественно и отличались отъ вымирающихъ типовъ только своимъ направленіемъ.

Этимъ и можно закончить характеристику первой серіи романовъ А. К. Шеллера.

Затѣмъ, когда большинство реформъ русской жизни было выполнено, и книжныя понятія усвоены образованными классами, дѣти вчерашнихъ крѣпостниковъ по своимъ привычкамъ оказались беспильными жить согласно указаніямъ разума и новыхъ идеаловъ. Какъ прежде въ ихъ поведеніи многое покоилось исключительно на либеральныхъ убѣжденіяхъ, такъ теперь все стало оправдываться «обстоятельствами» и недостатками характера, какъ въ драмѣ Чехова: «Ивановъ». Тенденціонный періодъ русской жизни ослабѣлъ, уступая «ходу вещей», и т. д. Сообразно этой перемѣнѣ, дальнѣйшія произведенія Шеллера также утрачиваютъ «тенденціозность» въ томъ смыслѣ, какъ показано выше, и отражаютъ жизнь умственного и политическаго оскуднѣнія въ романахъ «Старыя гнѣзда», «Хлѣба и зрѣлицъ», «И молотомъ и золотомъ», «Беспечальное житье», «Совѣсть» и т. д.

Присяжные критики тотчасъ признали эти произведенія наиболѣе объективными, и замѣчаніе г. Шеллера о смѣшеніи тенденціозности съ либерализмомъ и художественности съ консерватизмомъ блистательно оправдалось. Герои второй серіи его романовъ, вчерашніе либералы, являются представителями консервативныхъ и ренегатствующихъ силъ русскаго общества. Затѣмъ эти же герои періода «Оскуднѣнія» преобладаютъ и въ романахъ: «Бездомники», «Голь», гдѣ дѣти пролетаріата въ одномъ случаѣ «бездомничаютъ» и погибаютъ въ развратѣ, въ другомъ, пробившись къ пирогу, представляютъ изъ себя смѣсь благодушствующихъ жуликовъ и нигилистовъ въ сто кратъ хуже «именитыхъ» героевъ Щедрина.

Однако, окончательное паденіе идеаловъ, либеральнаго направленія и вкуса къ тому, что можно и что нельзя, слѣдуетъ искать въ болѣе позднѣйшихъ произведеніяхъ автора, касающихся періода «послѣ оскуднѣнія», когда появились на сценѣ «декаденты жизни» и наступило букввальное «вырожденіе» умственного и матеріальнаго благополучія людей. Таковы романы: «Паденіе», «Отщепенецъ», «Зачумленные», «Конецъ Бирюковской дачи». Дѣвушки здѣсь теряютъ честь также легко, какъ онѣ роняютъ на полъ носовой платокъ; юноши не чувствуютъ всей прелести невинной женской души и, встрѣчаясь потомъ съ жертвами своего сластолюбія, даже забываютъ, что это прокшествовіе случилось съ ними... Выростая и окрыляясь, они продолжаютъ отравлять жизнь ближнихъ и убиваютъ самихъ себя при первыхъ ударахъ ихъ дрянному и злому самолюбію. Точно «зачумленные», влачатъ они свое существованіе, отличаясь отъ предшествующихъ героевъ тѣмъ,

что послѣдніе были сначала честными либералами, а потомъ узкими эгоистами, исповѣдующими для своихъ выгодъ принципъ, что одинъ неуспѣхъ жизни — безнравствененъ и т. д. А эти, декаденты жизни, лишены даже принципозъ эгоистической жизни. Это «зачумленные»! Иногда они даже отлично сознаютъ вредъ и зло для себя изъ извѣстнаго поступка, и тѣмъ не менѣе совершаютъ его. И мораль, и воля—въ полномъ разрушеніи у этихъ зачумленныхъ. Не менѣе разрушено и матеріальное благосостояніе героевъ, живущихъ «послѣ оскудѣнія». Въ «Вирюковской дачѣ» члены дворянской семьи живутъ въ одной половинѣ дома, чтобы не отапливать другой; грызутся между собой изъ за куска хлѣба, попрекаютъ другъ друга «прошлымъ» и ждуть описи имѣнія за долги. Одна изъ дѣвицъ, невѣжественная и грубая, ходитъ въ деревню къ мужику работать и сошлась съ нимъ; это одна изъ самыхъ счастливыхъ. Къ другимъ барышнямъ, пропитаннымъ барскими воспоминаніями, прѣзжаетъ братъ офицеръ и, узнавъ, что завтра ему, безкопеечнику, предстоитъ потерять дачу и содержать бѣлоручекъ сестеръ, застрѣливается. Дѣвушка, ушедшая къ мужику въ деревню, выбрала такимъ образомъ не худшее себѣ положеніе въ жизни «послѣ оскудѣнія», если сравнить ея судьбу съ тѣмъ, что ожидаетъ ея сестеръ. Страшнымъ реализмомъ дышитъ этотъ «Конецъ Вирюковской дачи»: конецъ всѣмъ, кто не понималъ обязательности труда и для господъ и для мужиковъ, и для барышень и для ихъ кавалеровъ. Такимъ образомъ, русская жизнь періода реформъ, оскудѣнія и послѣ оскудѣнія нашла въ г. Шеллерѣ отзывчиваго бытописателя, который, въ разбѣрѣ своего таланта, далъ намъ цѣлыхъ три серіи романовъ и въ послѣднее время приступилъ къ любопытному изслѣдованію о томъ, какъ живетъ въ настоящее время наше дворянство, уже не разоряющееся, и пытающееся поправиться то «меліоративнымъ» хозяйствомъ, то изданіемъ дворянскаго органа печати, но уже успѣвшее окончательно разориться, ничему не выучившись въ своей глуши среди купцовъ-промышленниковъ и цѣловальниковъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что въ «Полное собраніе» сочиненій г. Шеллера войдутъ его солидныя научныя работы: «Пролетаріатъ во Франціи», «Наши дѣти», «Основы образованія въ Европѣ и Америкѣ», «Царство двухъ монаховъ» (Компанелла и Саванаролла), «Революціонный анабаптизмъ» и т. д. Все вмѣстѣ составитъ 16 томовъ, по 32 листа каждый, цѣною по подпискѣ 25 руб. Въ настоящее время уже вышелъ первый томъ его сочиненій, содержащій въ себѣ два большихъ романа («Гнилыя болота» и «Господа Обносковы») и нѣсколько рассказовъ («Желчь», «Vanitas vanitatum et omnia vanitas», «Письма челоѣка, сошедшаго съ ума») и т. д. Романъ «Гнилыя болота», помимо вѣрной картины изъ переходной эпохи къ лучшей, имѣетъ еще автобіографическое значеніе, знакомя читателя съ семьей А. К. Шеллера и школами, въ которыхъ первоначально учился нашъ писатель. Въ «Господахъ Обносковыхъ», между прочимъ, рисуется слабое вліяніе университетской науки на ея питомцевъ. Мелкіе рассказы г. Шеллера имѣютъ уже принципиальное значеніе. Авторъ знакомитъ насъ съ своимъ міросозерцаніемъ по вопросамъ жизни, резюмируя его, между прочимъ, одной своей героиней въ слѣдующихъ словахъ: «Если бы у меня были дѣти,—говорить онъ,—я счелъ бы необходимымъ научить ихъ главнымъ образомъ только одному—умѣнью вовсе не дорожить жизнью, ни счастливою, ни несчастною, и всегда спокойно идти на встрѣчу смерти; только съ этимъ

умѣнемъ можно, при современномъ положеніи общества, смѣло и бодро пройти избранной дорогой, но для этого, сударыня, нужны вовсе не локончики вашего мальчика и не его голенькія ножки съ кокетливой, шотландской юбочкой».

Правда, герои г. Шеллера и въ лучшій періодъ общественной жизни весьма буржуазны, не смотря на книжныя и громкія слова объ «узкомъ пути» но въ этомъ надо видѣть безпристрастіе автора къ лучшимъ своимъ дѣтищамъ, умѣвшимъ, по крайней мѣрѣ, совзавать грѣховность своей жизни и не рукоплескать злу. Онъ отступился отъ нихъ только тогда, когда замѣтилъ въ нихъ самихъ склонность и вкусъ портить пониманіе людей; услышалъ ихъ проповѣдь о томъ, что 60-е годы ничего не освобождали, но только разрушали и даже виновны въ ихъ собственномъ оподленіи и т. д. Такимъ образомъ, отвлеченные идеалы г. Шеллера далеко не сентиментальны и имѣютъ тѣсное прикосновеніе съ европейскими въ лучшемъ смыслѣ этого слова и требуютъ отъ человѣка сильнаго характера. Онъ самъ говоритъ о своемъ значеніи болѣе справедливо, чѣмъ его критики: «Счастливы читатель, который окончилъ чтеніе хотя одного романа и не потупилъ въ отчаянныя головы, но поднялъ ее и бодро и весело устремилъ свои взоры за героями въ ихъ будущую, неизвѣстную ему, читателю, жизнь, въ страну вымысла, созданную его пробужденнымъ воображеніемъ. Въ этой странѣ свѣтлые образы навсегда останутся свѣтлыми, и никакого пятна не наложить на нихъ наша грязная жизнь. Свѣтлое настроеніе охватитъ душу читателя и промелькнетъ въ его головѣ мысль: «еще можно жить на свѣтѣ, еще есть хорошіе люди, они миѣ какъ будто знакомы... Знакомы, читатель, знакомы! Хорошихъ, простыхъ людей много, умѣйте только ихъ искать; сами о себѣ они не кричатъ: это тихіе, но гордые люди. Дурные дѣлаютъ больше шуму»...

А. Фаресовъ.

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ третій. 1704—1705 гг. Спб. 1894.

Третій томъ «Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго» вышелъ черезъ четыре года послѣ втораго тома (1889 г.). Такой значительный промежутокъ времени объясняется сложной и кропотливой работой, которую долженъ былъ нести редакторъ этого монументальнаго изданія, А. Ѳ. Бычковъ. Трудность розысканія въ разныхъ архивахъ подлинныхъ рукописей Петра, тщательная переписка ихъ съ величайшей точностью, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей его правописанія и даже ошибокъ, необходимость снабдить каждое изъ нихъ обстоятельными объясненіями и т. д. представляютъ трудности, которыя могутъ оцѣнить лишь тѣ, кто знакомъ съ подобнаго рода работами. И нужно отдать справедливость А. Ѳ. Бычкову, — онъ преодолеваетъ всѣ эти трудности съ отличающимися его добросовѣстностью, знаніемъ и любовью къ дѣлу, и съ каждымъ новымъ томомъ вноситъ драгоценный вкладъ въ русскую историческую науку. Третій томъ «Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго» обнимаетъ 1704 и 1705 годы, обильные важными событіями въ жизни Петра и исторіи Россіи. Достаточно указать, что въ этотъ періодъ было завоевано побережье Невы, созданъ Кронштадтъ, взяты Нарва и Дерптъ, опустошены Ливонія и Эстонія, заключенъ наступательный союзъ противъ шведовъ съ польскимъ королемъ Августомъ II, состоялось сближеніе Петра

съ Екатериной и т. д. Напечатанныя теперь письма государя рисуютъ намъ яркую картину его необычайной дѣятельности, энергіи въ борьбѣ съ многочисленными препятствіями, заботливости и предусмотрительности даже въ самыхъ мелочахъ, и поражаютъ силою его ума и ясностью сознанія дѣйствительной пользы государства. Всѣхъ писемъ 1704 и 1705 годовъ собрано около 400; но такое количество далеко нельзя назвать полнымъ. Указанія на довольно значительное число недошедшихъ до насъ писемъ Петра были найдены какъ въ отвѣтныхъ письмахъ разныхъ лицъ къ нему и другихъ документахъ, такъ, главнымъ образомъ, начиная съ 1705 года въ «Записныхъ тетрадяхъ указамъ, отходящимъ за рукою государя», которыя хранятся въ государственномъ архивѣ. Въ эти «тетради» вносились, въ рѣдкихъ случаяхъ полностью, преимущественно же въ сокращеніи, большая часть писемъ и указовъ Петра Великаго; иногда же въ нихъ находится лишь одно указаніе времени и лица, къ кому писалъ государь. Встрѣчаются въ «тетрадахъ» и черновые, собственноручные оригиналы нѣкоторыхъ писемъ и указовъ. Въ собранныхъ для третьяго тома «Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго» матеріалахъ довольно часто оказывались въ полномъ видѣ такія письма, на содержаніе которыхъ въ «тетрадахъ» находятся лишь указанія, о чемъ и упоминается въ примѣчаніяхъ, въ тѣхъ же случаяхъ, когда указа или письма не сохранилось, то имѣющееся въ «тетрадахъ» его сокращеніе, или даже простое упоминаніе, вносится въ самый текстъ, а въ соответствующихъ примѣчаніяхъ помѣщены отвѣтныя письма къ государю, если такія были найдены, по которымъ можно составить нѣкоторое понятіе о содержаніи утраченнаго письма.

Подобно первымъ двумъ томамъ, и третій томъ «Писемъ и бумагъ», снабженъ: 1) обширными примѣчаніями, занимающими болѣе 500 страницъ; 2) хронологическими указателями, помѣщенныхъ въ немъ писемъ и бумагъ Петра, а также тѣхъ его писемъ, за 1704 и 1705 годы, которые утрачены; 3) такимъ же указателемъ помѣщенныхъ писемъ разныхъ лицъ къ государю; 4) хронологическимъ указателемъ напечатанныхъ писемъ разныхъ лицъ не къ Петру, а также документовъ; 5) алфавитнымъ указателемъ лицъ, географическихъ названій и предметовъ, встрѣчающихся въ томѣ; 6) фототипическимъ снимкомъ съ современнаго плана сраженія при рѣкѣ Амовжѣ и съ первоначальнаго плана петербургскаго адмиралтейства.

С. Ш.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Томъ второй. Спб. 1894.

Только что вышедшій второй томъ этого сборника, издаваемаго московскимъ юридическимъ обществомъ (о первомъ томѣ мы реферировали лѣтомъ прошлаго года), отличается разнообразіемъ содержанія, хотя въ общемъ по достоинству и интересу статей далеко уступаетъ первому. Совершенно слабы статьи болѣе общаго характера, каковы статьи г.г. Муромцева, графа Комаровскаго и Блеклова. Г. Муромцевъ беретъ разъяснить читателямъ различіе между правомъ и справедливостью. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, разсуждая объ этомъ вопросѣ, кажутся ему самому столь значительными, что онъ свою статью о «Правдѣ и справедливости» сперва напечаталъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», а теперь почти дословно перепечатываетъ

во второмъ томѣ «Сборника Правовѣдѣнія». Но чтобы оцѣнить истинное значеніе этихъ выводовъ, мы сдѣлаемъ лишь слѣдующую краткую выписку изъ его статьи: «Все, что тамъ за стѣною, о чемъ мы нерѣдко позволяемъ себѣ не болѣе, какъ мечтать, есть созданіе той же человѣческой мысли, которая создала и дѣйствующее право, и наши мечты ждутъ своей очереди, чтобы изъ области мыслей перейти въ область дѣла. Сегодняшняя справедливость завтра станетъ правомъ, сегодняшнее право отойдетъ въ область прошлаго». И такъ, благодаря г. Муромцеву, читатели «Сѣвернаго Вѣстника» и «Сборника Правовѣдѣнія» узнали, что между идеаломъ и дѣйствительностью существуетъ тѣсная связь, что мечты нерѣдко осуществляются въ жизни, и что справедливость является идеаломъ, а право—постепеннымъ осуществленіемъ этого идеала въ жизни. Рѣшительно недоумѣваемъ, кому нужны статьи, въ которыхъ съ научною важною доказываются такіа элементарныя, всѣмъ извѣстныя истины.

О статьяхъ графа Комаровскаго и г. Блеклова мы замѣтимъ, что въ ученоемъ сборникѣ неумѣстно простое изложеніе содержанія чужихъ трудовъ безъ всякой критической оцѣнки. Между тѣмъ, статьи двухъ названныхъ авторовъ носятъ именно этотъ характеръ. Графъ Комаровскій передаетъ содержаніе книги Вестеркампа «Staatenbund und Bundesstaat», появившейся уже въ позапрошломъ году, а г. Блекловъ знакомитъ насъ въ такой же голой передачѣ съ первымъ томомъ работъ особаго отдѣленія французскаго министерства торговли, учрежденнаго въ 1891 году для изученія условій труда во Франціи. Книга г. Вестеркампа интересна, еще болѣе интересъ представляетъ официальное изслѣдованіе о бытѣ рабочихъ во Франціи, но обѣ книги находятъ въ рукахъ людей, занимающихся политическими и общественными вопросами, и слѣдовательно, голая передача ихъ содержанія можетъ быть умѣстна развѣ въ журналахъ, предназначенныхъ для широкой публики. Отъ такихъ же ученыхъ изданій, каковы «Сборникъ Правовѣдѣнія», нельзя не требовать критической оцѣнки, которая въ обѣихъ статьяхъ совершенно отсутствуетъ.

Изъ другихъ статей сборника обращаютъ на себя вниманіе преимущественно слѣдующія: Г. М. Ковалевскій продолжаетъ съ большою эрудиціею развѣнчивать съ радикальной точки зрѣнія первую французскую революцію. Въ первомъ томѣ «Сборника», какъ мы указывали, онъ старался выяснитъ на основаніи очень обширнаго матеріала, что народъ въ тѣсномъ значеніи этого слова не нашелъ удовлетворенія своихъ интересовъ въ дѣятельности учредительнаго собранія. Теперь же авторъ въ статьѣ «Первая постановка вопроса о всеобщемъ голосованіи» разъясняетъ намъ, также на основаніи очень обильнаго историческаго матеріала, что избирательное право было поставлено учредительнымъ собраніемъ не вѣрно, то-есть съ недостаточнымъ огражденіемъ правъ и интересовъ народныхъ массъ. Слѣдовательно, и въ вопросѣ о значеніи первой французской революціи начинаетъ оправдываться поговорка, что «крайности соприкасаются»: если до сихъ поръ противъ французской революціи высказывались главнымъ образомъ консервативныя умы, то теперь противъ нея начинаютъ воставать и радикальныя. Надо думать, что такимъ образомъ постепенно подтвердится и другая поговорка о томъ, что «истина лежитъ посрединѣ», то-есть, что значеніе французской революціи не будетъ выяснено до тѣхъ поръ, пока изслѣдователи ея будутъ занимать крайнія точки зрѣнія.

Очень печальны выводы, къ которымъ приходитъ на основаніи официальныхъ данныхъ г. Марессъ относительно послѣдствій неурожая 1891 г. «Вездѣ,—говорится въ его статьѣ,—наступило разореніе нашего земледѣльческаго населенія; для сохраненія своего существованія оно проѣдало сѣмена яровыхъ хлѣбовъ и картофеля, отдавало за хлѣбъ все, что только брали, заложило и продало свой скудный хозяйственный инвентарь, распродало скотъ, который къ тому же нечѣмъ было кормить, сдавало свои надѣлы и запродавало озимые посѣвы. Такъ какъ цѣны были чрезвычайно низки, а хлѣбъ чрезвычайно дорогъ, то всѣ эти потери достигли громаднхъ размѣровъ, и въ будущемъ для значительныхъ массъ населенія раскрылась перспектива жестокой нищеты на долгіе годы». Словомъ, официальные цифры не допускаютъ сомнѣній, что неурожай 1891 года надолго вызвалъ разстройство народной жизни и «подготовилъ почву для новаго еще болѣе, быть можетъ, тяжелаго испытанія».

Г. Марессъ, конечно, не могъ коснуться въ своей статьѣ причинъ этого печальнаго положенія нашего крестьянскаго хозяйства, такъ какъ задался лишь цѣлью подвести итогъ собраннымъ до сихъ поръ официальнымъ цифрамъ, касающимся неурожая 1891 года. Но въ статьѣ г. Швецова: «Формы общиннаго владѣнія на Алтай», мы находимъ косвенный отвѣтъ на вопросъ о томъ, на сколько малоземелье служить основною причиною крестьянскаго разоренія. На Алтай никто не стѣснялъ крестьянъ въ захватѣ земли. Тутъ о малоземельи не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ того, каждый заселокъ имѣетъ столько земли, что ея съ избыткомъ хватило бы на населеніе въ десять разъ больше. И тѣмъ не менѣе, о богатствѣ алтайскихъ крестьянъ нѣтъ и помину, и тамошнее крестьянское населеніе возрастаетъ чрезвычайно медленно. Не смотря на усиленную принудительную колонизацію края, не смотря на то, что Алтай съ давнихъ поръ привлекаетъ колонистовъ, оказывается, что съ 1763 года, когда крестьянское населеніе Алтая составляло около 29.000 душъ, по 1858 годъ, когда насчитывалось 145.000 душъ, населеніе возросло всего въ пять разъ, и съ тѣхъ поръ возрастаніе населенія происходитъ столь же медленно. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что и тамъ, гдѣ крестьянамъ предоставлено, какъ на Алтай, пользоваться землею въ какихъ угодно размѣрахъ и формахъ, существуютъ причины, препятствующія процвѣтанію нашего крестьянства.

Мы не можемъ не коснуться еще выводовъ, къ которымъ приходитъ г. Тарновскій относительно «движенія дѣлопроизводства» въ нашихъ судахъ. Оказывается, что, хотя въ новыхъ нашихъ судебныхъ установленіяхъ наблюдается постепенный прогрессъ въ скорости рѣшенія дѣлъ, но что тѣмъ не менѣе мы значительно отстаемъ и тутъ отъ остальной Европы. Такъ, во французскихъ ассизныхъ судахъ за соотвѣтственный періодъ разрѣшено въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ изъ ста дѣлъ 45, а въ нашихъ окружныхъ судахъ только 20, то-есть у насъ дѣлопроизводство происходитъ вдвое медленнѣе. Въ Австріи изъ 100 слѣдствій въ теченіе одного мѣсяца оканчивается почти 68, у насъ—всего 50. И этому нельзя особенно удивляться, потому что чины нашего судебного вѣдомства работаютъ съ большою медлительностью: въ среднемъ каждый изъ нихъ разрѣшалъ въ 1870-хъ годахъ по 58 дѣлъ въ годъ, или немного менѣе 5 дѣлъ въ мѣсяць, цифра ничтожная, если принять во вниманіе, что большинство дѣлъ не представляютъ сложнаго характера. Въ 1880-хъ годахъ нашъ судебный персоналъ работалъ

еще медленнѣе: на долю каждаго лица судебного вѣдомства приходилось въ годъ всего 54 дѣла, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи наши новые суды даже регрессируютъ.

Упомянемъ въ заключеніе еще о двухъ нововведеніяхъ во второмъ томѣ «Сборника Правовѣдѣнія». Вопервыхъ, сборникъ обогатился хроникой, въ которой подробно излагается ходъ нашего законодательства: уголовного, экономического и финансоваго. Кромѣ того, дается обзорѣніе литературы юридической и экономической. Если мы отмѣтили, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ «Сборника» критика совершенно отсутствуетъ, то относительно литературнаго обзорѣнія этого сказать нельзя. Напротивъ, оцѣнка новыхъ книгъ отличается дѣльностью и безпристрастіемъ, — качествами, весьма рѣдкими въ нашей журналистикѣ. Особенно цѣнны въ этомъ отношеніи рецензіи г. Соболева, разсматривающаго нашу экономическую литературу. Мы должны, кромѣ того, отдать справедливость работамъ статистическаго отдѣленія московскаго юридическаго общества. Доклады, обсуждаемые въ этомъ отдѣленіи, отличаются содержательностью и касаются преимущественно разныхъ сторонъ нашего крестьянскаго хозяйства — вопроса, несомнѣнно самаго жгучаго въ настоящее время. Въ вторыхъ, мы находимъ въ «Сборникѣ» еще одно нововведеніе, именно подробное изложеніе ученыхъ диспутовъ, происходящихъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета. Этотъ матеріалъ оставался до сихъ поръ неизвѣстнымъ широкой публикѣ, а между тѣмъ онъ во многихъ отношеніяхъ очень любопытенъ. Такъ, напримѣръ, 10-го апрѣля 1891 года происходила въ Московскомъ университетѣ защита г. Пусторослевымъ его докторской диссертациі «Анализъ понятія о преступленіи», при чемъ получились курьезы въ родѣ слѣдующаго. Официальный оппонентъ г. Алексѣевъ обращается къ докторангу съ слѣдующимъ вопросомъ: «Вы ссылаетесь на одного изъ самыхъ недавнихъ путешественниковъ по Огненной Землѣ, доктора Гайдеса. Откуда взяли вы этого путешественника?». Г. Пусторослевъ молчитъ. Г. Алексѣевъ отвѣчаетъ за него. «Я скажу, откуда вы его взяли. У Летурно есть ссылка на капитана французскаго судна «Гидъ» (Hides). Вы прочли его фамилію не пофранцузски, а поанглійски, возвели его въ англичанина и въ доктора». Этотъ изобрѣтенный г. Пусторослевымъ путешественникъ докторъ Гайдесъ безподобенъ и служитъ интересной иллюстраціей къ тому, какъ у насъ иногда пишутся ученые труды. Во всякомъ случаѣ опубликованіе подобныхъ диспутовъ весьма поучительно.

Р. С.

Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края. Съ 35 таблицами и 11 снимками картъ. Астрахань. 1893.

На первыхъ страницахъ этого изданія помѣщена статья г. Малиновскаго о задачахъ дѣятельности Петровскаго общества. Астраханское ученое общество названо обществомъ просто изслѣдователей безъ обозначенія какой либо спеціальной области научныхъ знаній, и такое наименованіе даетъ возможность весьма широкаго пониманія задачъ общества. Г. Малиновскій въ своей статьѣ старается указать, какой и какого объема матеріалъ для изслѣдованія по различнымъ отраслямъ званія можетъ быть данъ Астра-

ханскимъ краемъ, имѣющимъ много особенностей сравнительно съ другими частями нашего отечества. Г. Малиновскому принадлежитъ также другая статья «Кремль Астраханскій», представляющая собою историческій очеркъ этого кремля. Кремль началъ еще при царѣ Иоаннѣ Грозномъ, въ періодъ между 1582—1589 годами, затѣмъ до конца XVII столѣтія перестроивался (возводились новыя башни, новыя ворота) и только съ 1692 года принялъ видъ, сохранившійся до нашего времени. Авторъ стоитъ за то, что Астраханскій кремль, какъ памятникъ отдаленной русской старины, заслуживаютъ поддержанія, а не уничтоженія, какъ нѣкоторые полагаютъ. Выдающейся статьёй въ разбираемомъ сборникѣ бесспорно слѣдуетъ считать работу И. А. Житецкаго «Астраханскіе калмыки». Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе выясненіемъ общихъ условій жизни калмыковъ въ Астраханскомъ краѣ. Во всей калмыцкой степи осѣдлая жизнь невозможна, такъ какъ степь при отсутствіи плодородной почвы и недостаткѣ влаги и другихъ благопріятныхъ климатическихъ условійхъ бѣдна и растительнымъ и животнымъ міромъ. Что единственно возможно въ степи, того и достигли калмыки: они обратили пустынную степь «въ надежный и богатый скотный дворъ для цѣлой Россіи». Затѣмъ авторъ подробно останавливается на словесномъ раздѣленіи калмыковъ. Въ концѣ XVII вѣка въ средѣ калмыковъ различались три группы: высшее сословіе (тайши, нойоны, зайсанги), ламантское духовенство и простонародье. Послѣ двухвѣковой жизни калмыковъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, не смотря на участіе и продолженіе полукочевыхъ вѣковъ русской администраціи въ управленіи калмыками, ихъ соціальныя отношенія оставались безъ перемѣны до позднѣйшаго времени: народъ былъ въ крѣпостной зависимости у своихъ господъ, нойоновъ и зайсанговъ, которые распоряжались его имуществомъ, трудомъ и имѣли право суда надъ нимъ, и только недавнее высочайшее повелѣніе даровало массѣ калмыцкаго народа желанную свободу. Далѣе г. Житецкій разсматриваетъ формы труда среди астраханскихъ калмыковъ. Первые полтора вѣка съ появленія въ европейскихъ предѣлахъ калмыки занимались исключительно скотоводствомъ и охотой, и только впоследствии они обратились къ другимъ промысламъ, сѣнокосенію, табаководству и проч. Общій жизненный трудъ распредѣляется среди калмыковъ такъ, что женщинѣ предоставляется все, относящееся къ кибиткѣ, и также ремесла разнаго рода: калмычка одновременно портной, салонникъ, ткачъ и т. п., а мужчина вѣдаетъ дѣла за предѣлами кибитки, заботится о стадахъ и табунахъ. Трудъ г. Житецкаго заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія и вниманія за свою обстоятельность въ содержаніи: въ немъ обрисовывается бытъ астраханскихъ калмыковъ въ ясныхъ чертахъ. По особому тону изложенія можно заключить, что авторъ отнесся съ любовью къ своей задачѣ и проникнутъ искреннимъ участіемъ къ судьбѣ калмыцкаго народа и глубокимъ сожалѣніемъ о его тяжелой жизни. Упомянемъ еще о трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ». Г. Никольскому принадлежитъ любопытная замѣтка о «чумѣ сѣтей»— о такомъ явленіи, при которомъ рыболовныя снасти, хотя бы онѣ были новы, разрушаются быстро, даже въ нѣсколько часовъ. Чума бываетъ круглый годъ, но особенно проявляется въ жаркій іюль. Авторъ объясняетъ чуму, какъ результатъ разрушительнаго вліянія водорослей. Г. Виноградскій въ своемъ сообщеніи «Кораллы Каспійскаго моря» констатируетъ фактъ находженія коралловъ на островѣ Кулалы, лежащемъ въ Каспійскомъ морѣ

недалеко отъ Мынгышлакского полуострова, и дѣлаетъ предположеніе, что коралловыя построенія тамъ возможны были въ ту дальнюю эпоху, когда на мѣстѣ нынѣшнихъ морей Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго, Аральскаго существовалъ одинъ огромный океанъ. Наконецъ, г. Мюллеръ сдѣлалъ интересное изслѣдованіе о названіяхъ и географическихъ картахъ Каспійскаго моря. Это море имѣло въ своемъ прошломъ до тридцати названій; имъ авторъ даетъ историческія объясненія.

Н. О.

Н. П. Боголюбовъ. Графъ Морицъ Бенъовскій. Историческая быль. Москва. 1894.

Въ 1768 г., во время борьбы съ польскими конфедератами, въ одной изъ стычекъ, русскимъ отрядомъ былъ взятъ въ плѣнъ, находившійся въ рядахъ конфедератовъ, бѣглый венгерецъ, Морицъ Бенъовскій, и отпущенъ на честное слово, что не будетъ служить противъ нашихъ войскъ. Слова своего она не сдержалъ и вскорѣ былъ захваченъ вторично. Императрица приказала отправить его въ ссылку, въ Камчатку, въ Большерѣцкій острогъ, съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ «кормился трудами рукъ своихъ». Въ то время, Большерѣцкій острогъ состоялъ всего изъ 35 домовъ и охранялся гарнизономъ изъ 70 казаковъ, большею частью, стариковъ и малолѣтковъ, при чемъ половина ихъ находилась въ постоянныхъ командировкахъ. Въ острогѣ жилъ и начальникъ Камчатки, капитанъ Ниловъ, человекъ старый, слабый и постоянно пьяный. А между тѣмъ, Большерѣцкій острогъ служилъ тогда мѣстомъ ссылки многихъ государственныхъ преступниковъ; такъ, сюда были сосланы нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, покушавшихся свергнуть съ престола Екатерину II: полковникъ Батуричъ, капитаны Хрущовъ и Степановъ, поручикъ Пановъ, прапорщикъ Ивашкинъ, сержантъ Сновидовъ и др. По прибытіи въ Большерѣцкъ, Бенъовскій скоро сошелся съ ссыльными и вкрался въ довѣріе къ Нилову, вызвавшись обучать иностраннымъ языкамъ его сына. Освоившись въ Камчаткѣ, убѣдившись, что она совсѣмъ не охраняется, что ссыльные пользуются почти полной свободой, Бенъовскій задумалъ смѣлый планъ: овладѣть какимъ нибудь морскимъ судномъ и на немъ бѣжать. Благодаря полному бездѣйствію Нилова, ему удалось склонить на свою сторону не только всѣхъ государственныхъ преступниковъ, но и нѣсколькихъ казаковъ, матросовъ и камчадаловъ. Ночью, 27 апрѣля 1771 г. заговорщики напали на большерѣцкую канцелярію, убили Нилова, завладѣли казною, двумя пушками, провіантскимъ магазиномъ и казеннымъ галіотомъ «Св. Петръ», на которомъ и мустились въ море. Послѣ разныхъ приключеній, бунтовщики достигли въ сентябрѣ мѣсяцѣ города Макао, перессорившись между собою въ теченіе долгаго пути. Бенъовскій рѣшилъ отдѣлаться отъ ненужныхъ уже ему товарищей, оклеветалъ ихъ передъ губернаторомъ Макао, увѣривъ его, что они намѣреваются овладѣть городомъ, и добился, что ихъ посадили въ тюрьму. Тогда онъ продалъ галіотъ съ находившимся на немъ имуществомъ и уѣхалъ во Францію. Брошенные имъ русскіе, по освобожденіи изъ тюрьмы, кое-какъ добрались до Портъ-Луи и были препровождены въ Россію нашимъ резидентомъ въ Парижѣ Хотинскимъ. Во Франціи Бенъовскій сталъ называть себя графомъ и предлагалъ свои услуги французскому правительству, которое поручило ему заняться заселеніемъ острова Мадагаскара. Однако, заносчивый авантюристъ и вѣдь не

могъ долго ужиться: онъ перессорился со всѣми и долженъ былъ бѣжать въ Англію, гдѣ старался составить компанію съ цѣлью завоевать Мадагаскаръ, что ему, наконецъ, удалось. Набралъ шайку разнаго сброда, онъ высадился съ нею, въ 1785 г., на Мадаскаръ, началъ дѣйствовать противъ французовъ и въ слѣдующемъ году былъ убитъ въ одной изъ стычекъ съ ними. Живя въ Англіи, онъ сочинилъ на французскомъ языкѣ свои мемуары, которые были изданы, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «*Voyages et memoires de Maurice-Auguste comte de Beniowsky*». Мемуары эти были переведены на разные языки, за исключеніемъ русскаго, такъ какъ для насъ они не имѣютъ почти никакого значенія и интереса, заключаая въ себѣ непрерывный рядъ выдумокъ и небывлицъ, перемѣшанныхъ съ наглýmъ хвастовствомъ. Достаточно сказать, что Бенъовскій выдумалъ цѣлый романъ объ отношеніяхъ своихъ къ никогда не существовавшей дочери Нилова «Аеанасіи» и заставилъ ее быть своей сообщницей. Въ нашей исторической литературѣ существуетъ нѣсколько достовѣрныхъ описаній бунта Бенъовскаго. Такъ, увлеченный Бенъовскимъ, канцеляристъ Рюминъ представилъ правительству подробную записку обо всемъ, что произошло съ самаго начала бунта до прибытія русскихъ бѣглецовъ въ Портъ-Луи; записка эта напечатана въ журналѣ «Сѣверный Архивъ» 1882 г. Въ сочиненіи Ковалевскаго «Графъ Блудовъ и его время» въ приложеніи помѣщено извлеченіе изъ хранящагося въ государственномъ архивѣ подлиннаго дѣла о бунтѣ. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1865 г. напечатана составленная для императора Николая Павловича «Записка о бунтѣ 1771 г., произведенномъ Бенъовскимъ въ Большерѣцкомъ острогѣ, и о послѣдствіяхъ онаго», и приведено нѣсколько существенныхъ документовъ, касающихся этого событія. Въ «Русской Старинѣ» 1876 г. напечатана, составленная на основаніи сохранившихся въ сибирскихъ архивахъ документовъ, статья Сгибнева «Бунтъ Бенъовскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.». На основаніи этихъ данныхъ, почти построчно опровергающихъ всѣ вымыслы Бенъовскаго, не трудно было бы составить вполне достовѣрное описаніе его бунта. Однако, не смотря на существованіе подобныхъ источниковъ, нашелся какой-то г. Боголюбовъ, который безъ всякой критики перевелъ, хотя и съ сокращеніями, вздорные мемуары Бенъовскаго, издавъ ихъ маленькой, изящной книжкой съ картинками и озаглавивъ «историческою былью». Такимъ образомъ, русская историческая литература обогатилась еще одной вздорной сказкой, могущей принести пользу лишь издателю, разсчитывающему, очевидно, на легковѣріе читателей.

С. Ш.

Л. М. Савеловъ. Опытъ библиографическаго указателя по исторіи и генеалогіи російскаго дворянства. Москва. 1893.

Указатель г. Савелова распадается на двѣ части: въ первой перечислены всѣ труды, имѣющіе общее значеніе для исторіи и генеалогіи русскихъ дворянскихъ родовъ, во второй перечислены въ алфавитномъ порядкѣ эти роды, и указана литература для каждаго отдѣльнаго рода. Такая система очень удобна для справокъ, которыя находятъ въ указателѣ г. Савелова очень легко. Что касается до полноты собранныхъ въ немъ указаній, то хотя авторъ и говоритъ въ предисловіи, что, «какъ трудъ любителя-дилетанта, указатель его страдаетъ и пропусками и ошибками», однако пропусковъ, а тѣмъ болѣе ошибокъ, въ немъ почти не видно. Г. Савеловъ очень

добросовѣстно отнесся къ своему дѣлу. Онъ занесъ въ свою книгу не только труды, но даже журнальныя статьи, напечатанныя въ самое послѣднее время (декабрь, 1893 г.). Въ указатель вошли не только статьи по генеалогіи, но и равнаго рода воспоминанія, имѣющія значеніе для исторіи дворянства. Пропуски, замѣченные нами, очень незначительны. Указываемъ ихъ только потому, что настоящее изданіе—корректурное, и, слѣдовательно, они могутъ быть приняты во вниманіе, когда книга будетъ печататься окончательно. Г. Савеловъ не указалъ сочиненій: г. Экземпларскаго «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ», т. I и II, г. Зотова «Черниговскіе князья по Любецкому синодику», Хмырова—«Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей русскихъ», «Списокъ губернскихъ предводителей дворянства Орловской губерніи», статьи г. Теличенко «Со словныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининскихъ комиссій» («Кіевская Старина», 1890 и 1891 г.). Не указаны также «Древній помѣстникъ Кіево-Печерской лавры XV—XVI в.» (Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. VI), нѣсколько синодиковъ важныхъ для исторіи Волынскаго дворянства, напечатанныхъ въ сборникѣ «Девятисотлѣтіе православія на Волыни» (Житомиръ, 1892 г.). Въ матеріалахъ для исторіи рода Строгановыхъ опущена статья г. Адрианова: «Къ исторіи заселенія Сибири» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1893 г., № 4), для рода Брусилловыхъ—«Воспоминанія Н. П. Брусилова», напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1893 г., № 4), для рода князей Курбскихъ—сочиненіе Иванішева «Жизнь князя Курбскаго на Волыни» и XII томъ «Актовъ, издаваемыхъ Виленской археографической комиссіей», гдѣ напечатано два духовныхъ завѣщанія князей Ивана и Андрея Курбскихъ, потомковъ извѣстнаго опальнаго князя.

В. Б.

О положеніи ученыхъ въ правленіе Домиціана. Повѣсть въ стихахъ римской поэтессы Сульпиціи. (Введеніе, текстъ, переводъ и примѣчанія). Составилъ П. Черняевъ. Казань. 1893.

Г. Черняеву пришла въ голову прекрасная мысль популяризировать древнихъ классиковъ, но, къ сожалѣнію, и выборъ предмета для этой цѣли, и способъ выполненія не могутъ быть названы особенно удачными. Прежде всего, стихотвореніе, взятое г. Черняевымъ для перевода, отличается крайне скучнымъ содержаніемъ и даетъ весьма мало матеріала для характеристики положенія ученыхъ во время Домиціана (только въ концѣ «повѣсти» сообщается, что Домиціанъ изгналъ философовъ изъ Рима). Затѣмъ авторъ жестоко ошибается, приписывая переведенное имъ стихотвореніе поэтессы Сульпиціи, современницѣ Домиціана, такъ какъ еще въ 1868 г. было весьма убѣдительно доказано, что стихотвореніе должно быть написано гораздо позже Домиціана. Въ настоящее время мнѣнія ученыхъ по этому предмету раздѣлились: одни относятъ «повѣсть» къ VI столѣтію по Р. Хр., т. е. черезъ 5 вѣковъ по смерти Домиціана, а другіе даже къ XV-му. Переводъ свой г. Черняевъ снабдилъ примѣчаніями, заимствованными имъ изъ двухъ старинныхъ нѣмецкихъ изданій и одного французскаго. Помимо того, въ брошюрѣ помѣщено жизнеописаніе Сульпиціи, переведенное авторомъ изъ пользующагося крайне дурной репутаціей среди филологовъ изда-

нія Lemaistre'a (Paris, Garnier-frères). Наконецъ, г. Черняевъ далъ еще «бѣглый очеркъ исторіи развитія женской литературы въ древнемъ Римѣ», матеріаломъ для составленія котораго названы авторомъ пять пособій и русскихъ, и иностранныхъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи легко можно убѣдиться, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ очеркъ этотъ представляеть собою простой переводъ, правда, со значительными сокращеніями, отдѣла о женщинахъ въ извѣстномъ сочиненіи Friedländer'a «Darstellungen aus der Sittengeschichte Rom's», которое г. Черняевъ указываетъ первымъ въ спискѣ пособій. Жаль, что авторъ не далъ настоящаго обзора положенія литературы при Домиціанѣ, потому что тутъ нашлось бы много любопытныхъ фактовъ: такъ, по словамъ Светонія, этотъ императоръ велѣлъ казнить одного ученаго за то, что въ его сочиненіи находились какія-то фигуры, или причиной казни нѣкоего Меттія Помпузіана было только то, что онъ носилъ съ собой карту земного шара и рѣчи царей и полководцевъ, извлеченныя изъ Тита Ливія. М.

Я. Амосъ Коменскій. Великая дидактика. Перевелъ съ латинскаго А. Щепинскій. Спб. 1893.

28-го марта 1892 года все славянство и Европа соединились на юбилейномъ торжествѣ великаго педагога, основателя современнаго метода преподаванія, Яна Амоса Коменскаго. Этотъ замѣчательный дѣятель на поприщѣ педагогіи первый подмѣтилъ недостатки схоластическихъ средневѣковыхъ пріемовъ преподаванія, отличавшагося беспорядочностью, бессистемностью и отсутствіемъ общаго плана, выработаннаго на основаніи прочныхъ, научно обоснованныхъ теорій. Важнѣйшимъ изъ многочисленныхъ педагогическихъ сочиненій Коменскаго являются «Didactica Magna» — «Великая дидактика, содержащая всеобщее искусство учить всѣхъ всему, или вѣрный и тщательно обдуманнй способъ учредить во всѣхъ общинахъ, городахъ и деревняхъ всякаго христіанскаго государства такого рода школы, въ которыхъ вся молодежь обоаго пола, безо всякаго рѣшительнаго исключенія, обучалась бы наукамъ, облагораживала бы свои нравы, проникалась бы благочестіемъ и такимъ образомъ еще до наступленія зрѣлости приготовилась бы ко всему, что потребно въ настоящей и будущей жизни». Таково полное заглавіе труда Коменскаго, гдѣ авторъ излагаетъ свои взгляды на просвѣщеніе. Задачей и цѣлью своего труда Коменскій положилъ: «изыскать и открыть способъ, при которомъ учащіе могли бы менѣе учить, а учащіеся научаться большому, въ школахъ было бы меньше шума, одурѣнія и напраснаго труда, а больше тишины, радости и прочнаго успѣха; въ христіанскомъ же обществѣ менѣе царилъ бы мракъ, смуты и раздоры, а было бы больше свѣта, порядка, мира и спокойствія». Вотъ идеаль школы и идеаль общественнаго устройства, какъ ихъ понималъ Коменскій. Трпета лѣтъ тому назадъ были во всеуслышаніе высказаны эти слова, и, слѣдуетъ сознаться, даже послѣ многихъ лѣтъ наша школа стоитъ слишкомъ далеко отъ идеала, начертаннаго великимъ педагогомъ. До сихъ поръ мы не имѣли хорошаго перевода «Великой дидактики»: г. Щепинскій далъ намъ его и, смѣемъ думать, многое, о чемъ говоритъ въ своемъ трудѣ Коменскій, будетъ не безъ пользы прочтано не только публикой, но и гг. педагогами. Свѣтлыя мысли о воспитаніи и обученія, не смотря на нѣкоторую отста-

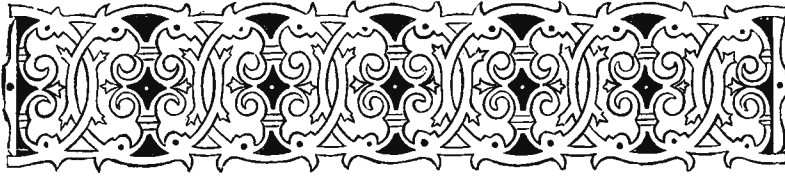
лость въ частностяхъ трактуемыхъ наукъ, всетаки, имѣють большую цѣну и будутъ долго имѣть ее: крупные умы и таланты пишутъ не только для современниковъ, но и для отдаленнаго потомства. Къ переводу г. Щепинскій приложилъ краткій біографическій очеркъ жизни Коменскаго и примѣчанія, поясняющія нѣкоторыя мѣста текста. С. Т—скій.

А. А. Титовъ. Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости. Неофициальная часть. Списокъ и указатель статей, помѣщенныхъ въ Вѣдомостяхъ за все время ихъ существованія 1860—1892 гг. Сергіевъ Посадъ. 1893.

Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости, начавшіяся въ 1860 году, по ходатайству архіепископа Нила, заключаютъ въ себѣ не мало интереснаго и важнаго матеріала, разнаго рода грамотъ, документовъ и статей, никому неизвѣстныхъ, благодаря отсутствію указателя. Нельзя поэтому не поблагодарить г. Титова за принятый на себя трудъ составленія такого указателя. Жаль только, что онъ не держался общепринятыхъ при работахъ этого рода правилъ. вмѣсто того, чтобы дать систематическій указатель, распредѣлить матеріалъ по извѣстнымъ рубрикамъ, г. Титовъ далъ указатель хронологическій. Статьи перечисляются у него за каждый годъ отдѣльно, и потому справляться приходится по всему указателю, что не совѣмъ удобно, хотя трудъ и облегчается отчасти указателями, приложенными въ концѣ книги. Въ предисловіи изложена краткая исторія и помѣщенъ списокъ статей и матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1893 годъ. Было бы очень желательно, чтобы и другія провинціальныя изданія послѣдовали примѣру г. Титова и дали указатели, которые теперь положительно необходимы, но которыхъ еще у насъ очень мало.

В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ФИЛОНЪ АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ. Новый французскій журналъ «La Revue de Paris» поднесъ своимъ читателямъ драгоценный подарокъ въ видѣ посмертнаго произведенія Ренана: это краткій, но блестящій, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, очеркъ мало извѣстной, но замѣчательной личности, жившей въ первомъ вѣкѣ нашей эры, и которая подъ мастерскимъ перомъ автора «La vie de Jésus» возбуждаетъ къ себѣ живой интересъ. Героемъ новаго историко-философскаго этюда Ренана служитъ Филонъ Александрійскій, занимающій видное мѣсто въ исторіи эгзегетики. Онъ принадлежалъ къ одному изъ главныхъ еврейскихъ семействъ Александріи; его братъ Александръ Лизимахъ былъ чрезвычайно богатъ и оказывалъ большія финансовыя услуги римлянамъ и Иродамъ, а одинъ изъ его сыновей женился на знаменитой Вереникѣ. Самъ Филонъ былъ также богатымъ человѣкомъ, и около сорокового года послѣ Р. Х. былъ посланъ къ Калигулѣ въ качествѣ уполномоченнаго Александрійской синагоги. «Онъ былъ уже тогда старикомъ, — говоритъ Ренанъ: — а потому можно предположить, что онъ родился лѣтъ двадцать раньше Иисуса Христа и пережилъ его, а главныя его сочиненія, въ которыхъ еврейская религіозная система обсуждается съ столь оригинальной точки зрѣнія, были написаны во время юности Основателя христіанства. Достоинно глубокаго сожалѣнія, что въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ онъ не сказалъ ни слова о томъ, что происходило тогда въ Галилеѣ, но въ то время еще христіанство обращало на себя такъ мало вниманія, что, по всей вѣроятности, Филонъ никогда не слышалъ объ его существованіи». Относительно общаго образованія Филонъ зналъ все, что было извѣстно въ его время александрійскимъ ученымъ, и ни одинъ еврей не отличался болѣе его знаніемъ греческой культуры; онъ писалъ классическимъ греческимъ стилемъ и переводилъ пятикнижье и пророковъ на греческій языкъ, хотя очень плохо зналъ поеврейски. Какъ человѣкъ, онъ былъ столь же замѣчателенъ, какъ и ученый; поражая сво-

имъ умомъ, благороднымъ характеромъ и либеральными идеями, онъ любилъ одинаково свой народъ и все человѣчество. Благодаря именно этой гуманной любви ко всемъ людямъ, онъ первый высказалъ много нравственныхъ истинъ, которыя остались въ релігіозныхъ традиціяхъ человѣчества, и въ еврейскомъ мірѣ никто болѣе его не сказалъ добрыхъ словъ, дышащихъ сердечнымъ пламенемъ и душевной искренностью, такъ какъ,— прибавляетъ Ренанъ,—«тогда еще не было произнесено Евангельское слово». На этомъ основаніи современный эгзегетикъ прощаетъ своему древнему собрату все его ошибки въ научномъ отношеніи и безконечныя софизмы. Кромѣ человѣчества, во имя котораго онъ пламенно возставалъ противъ рабства, Филонъ любилъ болѣе всего греческихъ философовъ. Но питая культъ къ Платону и называя его «всесвятымъ», онъ не принадлежалъ ни къ одной изъ греческихъ философскихъ школъ, а былъ эклектикомъ по образцу Цицерона, то-есть, то стоикомъ, то пифагорейцемъ, то послѣдователемъ Платона. Такимъ образомъ, онъ является настоящимъ грекомъ и признаетъ, что источникъ свѣта — греческая культура, а не еврейство, и если онъ остается евреемъ, то лишь по той причинѣ, по которой во все времена и до сихъ поръ столько возвышенныхъ умовъ не находили возможнымъ отказываться отъ вѣрованій своихъ предковъ. Поэтому Филонъ всячески старался отыскать принципы греческой философіи въ библіи и доказать, что Моисей былъ первый изъ философовъ. Въ этомъ отношеніи его можно прировнять къ схоластикамъ XIII вѣка, которые вставляли христіанскіе догматы въ рамки Аристотелевой логики. Еврейство Филона имѣло совершенно космополитный характеръ, и, кромѣ того, онъ отличался мистицизмомъ, совершенно не сроднымъ древнему еврейству; конечно, не въ Библіи онъ почерпнулъ свою философскую теорію, составляющую особый видъ пантеизма, и въ основѣ которой лежитъ идея о славѣ, какъ началѣ всего, о верховномъ разумѣ, который объемлетъ все и все собою наполняетъ, о Богѣ, представляющемъ коренной принципъ всякой дѣятельности, какъ въ отдѣльныхъ существахъ, такъ и во всей вселенной. Такимъ образомъ, очевидно, что Филонъ проповѣдывалъ нѣкоторыя изъ теорій, вошедшихъ въ составъ христіанства, и хотя еврейская философская школа въ Александріи совершенно исчезла, а Филонъ не имѣлъ учениковъ на своей родинѣ, но его вліяніе замѣтно отразилось на второмъ и третьемъ поколѣніяхъ первобытныхъ христіанъ, а затѣмъ онъ пользовался большою популярностью въ христіанской церкви первыхъ вѣковъ; его даже приравняли къ отцамъ церкви и увѣрили, что онъ былъ христіаниномъ. Его сохранившіяся сочиненія составляютъ десять томовъ, и хотя главнымъ предметомъ ихъ служатъ комментаріи «Пятикнижія», но между ними находятся самыя разнообразныя нравственныя и философскія трактаты, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны два, подъ противоположными названіями: «О томъ, что всякій низкій человѣкъ рабъ» и «О томъ, что всякій честный человѣкъ свободенъ», а также третій «Совершительная жизнь», представляющій любопытную картину идеальной аскетической жизни. Принадлежность послѣдняго сочиненія Филону составляла долго спорный вопросъ, но Ренанъ утверждаетъ, что авторомъ его былъ этотъ александрійскій мыслитель, и что выведенные имъ аскеты имѣютъ положительно еврейскій характеръ, и въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда ни первобытныхъ христіанъ, ни буддистовъ. Главной заботой Филона было создать образецъ совершенной

философской жизни, посвященной постоянному созерцанію безконечности, а потому часто, говоря въ своихъ сочиненіяхъ съ восторженнымъ уваженіемъ о еврейской сектѣ ессеевъ, онъ наконецъ посвятилъ цѣлый особый трактатъ описанію другой подобной же секты, существующей будто бы въ Египтѣ, но, по словамъ Ренана, такой секты, по всей вѣроятности, никогда не существовало, и она составляетъ плодъ воображенія Филона. Онъ называетъ ихъ еерапевтами, то-есть цѣлителями, такъ какъ они имѣли цѣлью исцѣлять тѣло и душу людей. Принадлежа къ лучшимъ образованнымъ людямъ, они отказались отъ всѣхъ земныхъ благъ и отпустили на свободу своихъ рабовъ, находя, что природа сдѣлала всѣхъ свободными, а только «несправедливость и корыстолюбіе нѣкоторыхъ людей возбудили на землѣ неравенство, источникъ всѣхъ золъ, и подвергли слабымъ игу сильныхъ». Удалившись въ пустынные мѣстности, они жили схимниками въ отдѣльныхъ скитахъ и проводили дни и ночи въ религиозныхъ созерцаніяхъ, изучали древнія книги своей секты и сочиняли гимны во славу Божию; свой аскетизмъ они доводили до того, что ѣли только ночью, и то сухой хлѣбъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже принимали пищу одинъ разъ въ трое сутокъ. Такъ они жили шесть дней, а на седьмой собирались вмѣстѣ на общую трапезу, состоящую изъ хлѣба съ солью, и которой предшествовала религиозная служба, состоявшая изъ проповѣди, произносимой самымъ старымъ и знающимъ еерапевтомъ. По словамъ Ренана, нѣтъ сомнѣнія, что хотя Филонъ и подробно описываетъ центральное учрежденіе еерапевтовъ на берегахъ Маріотскаго озера, но рисуемая имъ картина ихъ жизни—только его собственный идеалъ счастливаго философскаго существованія; болѣе того, онъ самъ велъ такую жизнь, хотя не обиталъ въ отдѣльномъ скитѣ на берегу Маріотскаго озера, и въ чертахъ еерапевта не трудно распознать портретъ его самого. Этотъ образованный, утонченный человѣкъ, имѣвшій доброе сердце, любившій истину и обладавшій вполне безпристрастной, всецѣло обращенной къ созерцанію душой, подобной душѣ Спинозы, былъ по словамъ Ренана «нашимъ роднымъ братомъ, и мы любимъ его маленькую философскую обитель на берегу Маріотскаго озера, какъ сломанную игрушку нашего дѣтства».

— Откуда пришли американскіе индѣйцы? Американскіе журналы не только продолжаютъ изслѣдованіе вопроса объ открытіи Новаго Свѣта норвежцами за пятьсотъ лѣтъ до Колумба, чему посвящена подробная и основательная статья норвежско-американскаго профессора и беллетриста Бойезена въ февральской книжкѣ «Cosmopolitan Magazine», но идутъ еще далѣе, и поставили на очередь болѣе коренной вопросъ о происхожденіи американскихъ индѣйцевъ. Профессоръ Монреальскаго университета, Джонъ Камблѣ, разсматриваетъ съ строго-ученой точки зрѣнія этотъ вопросъ въ февральскомъ номерѣ «Canadian Magazine», и на основаніи надписей на древнихъ камняхъ, найденныхъ въ штатахъ Іовъ, Огіо, Вергиніи и Масахусеттѣ, приходитъ къ заключенію, что американскіе индѣйцы туранской расы и явились впервые въ Новый Свѣтъ изъ Сибири, Кореи и Японіи въ VIII столѣтіи послѣ Р. Х. Оказывается, что съ небольшими измѣненіями, происходящими отъ грубой работы, надписи на этихъ камняхъ, найденныхъ въ Америкѣ, совершенно сходны съ такими же надписями на древнихъ камняхъ Японіи и Сибири; тѣ и другія сдѣланы представителями священнической, первоначально буддистской касты. Уже давно многіе американскіе ученые нахо-

дили на остаткахъ старины въ своей родинѣ слѣды буддизма въ различныхъ видахъ и съ недоумѣніемъ спрашивали себя, откуда они явились въ Новый Свѣтъ, и теперь профессоръ Камбль, отвѣчая на этотъ интересный вопросъ, доказываетъ, что эти остатки буддизма занесены въ Америку туранскими китами, или китанцами, которые были изгнаны изъ Индіи въ первомъ вѣкѣ христіанской эры, и перешли сначала на берега Енисея въ Сибири, потомъ въ Корею и Японію, а, наконецъ, въ VIII вѣкѣ, въ Америку. Этотъ историческій фактъ подтверждается многими основательными доказательствами: такъ, по своему грамматическому строю нарѣчія индѣйскихъ племенъ крикковъ, мускоговъ, чокто и чикасо, въ сущности только особая форма японскаго языка; астрономическая система чибчасскихъ индѣйцевъ въ Новой Гренадѣ та же, какъ въ Японіи; погребальныя курганы, находимыя въ Америкѣ, вполне тождественны съ подобными же курганами въ Сибири и Японіи; многіе предметы, составляющіе характеристическую особенность американскихъ индѣйцевъ, происходятъ изъ Сибири, именно лыжи, березовыя челноки, бусы и т. д.; единственныя двѣ формы древнихъ гіероглифическихъ надписей, находимыхъ въ Новомъ Свѣтѣ: мексиканская и средне-американская, принадлежатъ къ рѣзко отличающимся другъ отъ друга группамъ нарѣчій, которыя родственны языкамъ: первая Сѣверной Азіи и Японіи, а послѣдняя—Полинезіи и Малайскаго архипелага. «Такимъ образомъ, — говоритъ профессоръ Камбль:— судя по японскимъ, китайскимъ и корейскимъ источникамъ, а также по сибирскимъ и индѣйскимъ надписямъ, въ то самое время, когда на Европу нахлынули варвары, то-есть, въ V вѣкѣ, происходили постоянныя набѣги воинственныхъ племенъ, изгнанныхъ изъ Персіи и Индіи, на прежде перешедшія въ среднюю Азію населенія. Эти послѣднія, въ свою очередь, двигались по тремъ направленьямъ: на сѣверъ, въ Сибирь, на востокъ, въ Китай и на западъ въ Европу. Когда племена, наводившія Европу и извѣстныя, между прочимъ, подъ названіемъ гунновъ и аваровъ, вернулись послѣ своей неудачи обратно въ Азію, то значительная ихъ часть овладѣла Китайской имперіей. Китайскіе и корейскіе историки называютъ эти племена китанскими, и по ихъ свидѣтельству, они владѣли Ляу-Тунгомъ въ сѣверномъ Китаѣ въ концѣ VII вѣка и потомъ покорили Корею. Тѣ изъ буддистскихъ китайскихъ надписей въ Сибири, на которыхъ обозначены года, принадлежатъ къ эпохѣ отъ 493 до 784 года, а мексиканскіе историки относятъ начало Толтекской династіи къ 717 году», надписи же строителей кургановъ къ VIII вѣку. Корейская и японская исторія переполнены рассказами о постоянныхъ набѣгахъ, восстаніяхъ и изгнаніяхъ различныхъ племенъ, и къ этимъ племенамъ, переселившимся въ Новый Свѣтъ, принадлежатъ цивилизованныя китанцы Америки, въ томъ числѣ перувианцы, мексиканцы и строители кургановъ. Эти древніе переселенцы, бывшіе далеко не варварами и имѣвшіе военныя джонки значительныхъ размѣровъ, нашли Мексиканскій берегъ уже занятый прибывшими туда ранѣе представителями племенъ юго-восточной Азіи. Что касается до выходцевъ, явившихся въ Америку изъ Камчатки и съ Алеутскихъ острововъ, то они принадлежали къ менѣ развитымъ племенамъ.

— Политическія отравленія въ Венеціанской республикѣ. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій французскаго института по отдѣленію надписей и беллетристики, графъ Ма-Латри прочелъ любопытный докладъ, фактически доказывающій, что политическія отравленія составляли одно изъ

правительственныхъ орудій венеціанскаго Совѣта Десяти въ XV, XVI и XVIII вѣкахъ. Его ученое изслѣдованіе основано на длинномъ рядѣ официальныхъ документовъ, найденныхъ имъ лично въ венеціанскихъ архивахъ, а также напечатанныхъ въ историческомъ трудѣ аббата Фюлена и въ книгѣ В. Ламанскаго: «Государственные тайны Венеціи». Первая подобная находка была сдѣлана графомъ Ма-Латри въ 1862 году во время его занятій въ архивѣ Совѣта Десяти и состояла изъ двухъ подлинныхъ протоколовъ этого совѣта, въ которыхъ изложены его постановленія на счетъ предложеній отравить турецкаго султана Магомета II и предводителей турецкой арміи, осаждавшей Крою, главный городъ Албаніи. Какъ извѣстно, въ засѣданіяхъ Совѣта Десяти могли принимать участіе, кромѣ членовъ этого Совѣта, еще самъ дожъ и его шесть совѣтниковъ, а потому полный его составъ заключался изъ семнадцати чловѣкъ, въ томъ числѣ двухъ инквизиторовъ, и въ засѣданіи 9-го іюля 1477 года, когда обсуждалось предложеніе братьевъ Саламончино отравить Магомета II черезъ посредство его доктора Валхо, присутствовало шестнадцать членовъ. Подробно разсмотрѣвъ означенный вопросъ, Совѣтъ, большинствомъ десяти бѣлыхъ шаровъ противъ трехъ черныхъ и трехъ отказовъ отъ баллотировки, постановилъ принять это предложеніе и въ случаѣ успѣшнаго его исполненія удовлетворить желанія братьевъ Саламончино, причемъ къ протоколу приложенъ списокъ наградъ, потребованныхъ этими официальными отравителями и между которыми находилось право открыть мѣняльную и ссудную лавку безъ платежа установленнаго налога, а также разрѣшеніе купить помѣстья и дома на сумму двадцать пять тысячъ дукатовъ безъ уплаты казенныхъ сборовъ. Второй протоколъ еще замѣчательнѣе: рѣшеніе Совѣта принято единогласно всеми семнадцатью членами въ присутствіи дожа, и въ немъ говорится, что, «находя необходимымъ обратить вниманіе на все могущее освободить городъ Крою отъ осаждающихъ его враговъ», Совѣтъ постановилъ принять предложеніе двухъ турокъ отравить обоихъ турецкихъ военачальниковъ и поручить веденіе переговоровъ съ ними епископу Радици и его помощнику, за что въ случаѣ успѣха турки получаютъ по сто дукатовъ, по кафтану и каждый пожизненную пенсію, равняющуюся той суммѣ, которую они теперь получаютъ отъ своего правительства, а Радици и его помощникъ — пятьдесятъ дукатовъ и пенсію также въ пятьдесятъ дукатовъ, уже не говоря «о вѣчномъ благоволеніи» Совѣта. Быть можетъ, всего замѣчательнѣе въ этомъ протоколѣ тѣ его строки, въ которыхъ говорится, что члены Совѣта доставятъ отравителямъ необходимый ядъ; это ясно доказываетъ нахожденіе въ рукахъ Совѣта Десяти коллекціи ядовъ, которые онъ выдавалъ въ случаѣ необходимости своимъ орудіямъ. Этотъ фактъ вполне подтвержденъ другими подлинными документами, и между прочимъ графъ Ма-Латри нашелъ въ неизвѣстномъ доселѣ алфавитномъ спискѣ предметовъ обсужденія въ тайныхъ засѣданіяхъ Совѣта Десяти, извѣстныхъ подъ названіемъ «*Secreta secretissima*» въ половинѣ XVIII столѣтія, особую статью подъ заглавіемъ: «Яды». Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что политическое отравленіе входило въ правительственную программу Венеціанской республики даже въ прошедшемъ столѣтіи. Всего, по словамъ французскаго ученаго, открыто и напечатано со времени его первой находки двѣсти протоколовъ Совѣта Десяти о совершеніи политическихъ убійствъ. Въ этой мрачной галлерей лицъ, приговоренныхъ къ смерти Венеціанской республикой

преимущественно посредством тайной отравы, но въ иныхъ случаяхъ и съ помощью кинжала, находятся самыя разнообразныя лица, начиная отъ двухъ императоровъ Сигизмунда и Максимилиана I, трехъ султановъ Магомета II, Баязета II и Селима II, двухъ французскихъ королевъ Карла VIII и Людовика XII и двухъ миланскихъ герцоговъ Филиппа Висконти и Франциска Сфорцы, до простыхъ смертныхъ: представителей духовенства и аристократіи, даже скромныхъ кондотьери, пиратовъ, шпионовъ и т. д. Всѣ враги Совѣта Десяти были въ этомъ отношеніи уравнины передъ ядомъ, или кинжаломъ, а такъ какъ число ихъ было, повидимому, очень многочисленно, то естественно выработался типъ официального убійцы-отравителя, состоящаго на жалованіи при этомъ Совѣтѣ. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ штатныхъ убійцъ и отравителей былъ уроженецъ Кандіи—Муаццо, въ XV вѣкѣ. Въ продолженіе тридцати лѣтъ онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Совѣтомъ Десяти, который платилъ ему жалованье и скрывалъ его въ подтаенныхъ убѣжищахъ Венеціи, а онъ съ своей стороны неустанно предлагалъ зарѣзать и отравить кого нибудь: то императора, то герцога миланскаго, то еще кого либо другого. Хотя его предпріятія не удавались, но Совѣтъ Десяти принималъ его услуги, обѣщалъ ему въ случаѣ успѣха громадныя награды, снабжалъ его различными ядами, выдавалъ ему деньги на производство опытовъ относительно дѣйствія на свиней найденнаго въ архивѣ Совѣта неизвѣстнаго яда и т. д. Иногда Совѣтъ Десяти входилъ въ техническія подробности постановленныхъ имъ убійствъ, и въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеристиченъ протоколъ засѣданія 2-го декабря 1450 года, когда было рассмотрѣно предложеніе «разумной, осторожной и пользующейся хорошей извѣстностью, но чуждой Венеціи особы», отравить графа Франциска Сфорцу, если ему будетъ доставлено какое нибудь ядовитое вещество. Совѣтъ, большинствомъ десяти голосовъ противъ четырехъ и трехъ отказовъ отъ баллотировки, рѣшилъ «въ виду пользы для государства отъ смерти графа Сфорцы» произвести осторожно опыты относительно дѣйствія новаго рода яда на одного изъ приговоренныхъ къ смерти воровъ, и если этотъ ядъ, состоящій изъ шариковъ, которые при бросаніи въ огонь распространяютъ прекрасное благовоніе, убивающее на мѣстѣ всякаго, кто вдыхаетъ его въ себя, окажется успѣшнымъ, то передать его указанной особѣ для осуществленія ея плана. Однако эта почтенная особа не хотѣла сама подбросить роковыхъ шариковъ въ комнату Сфорцы и цѣлый годъ искала подходящаго себѣ помощника; наконецъ такой человѣкъ отыскался въ лицѣ миланскаго кушца Иннокентія Котты, вѣроятно, имѣвшаго причины быть недовольнымъ Сфорцой, и тогда Совѣтъ Десяти посылаетъ ему въ Бресцію извѣстное количество отравленныхъ шариковъ съ подробной инструкціей, какъ ими пользоваться, а также соглашается на всѣ требуемыя Коттой, въ случаѣ успѣха, награды, въ числѣ которыхъ были: 25.000 дукатовъ, домъ въ 3.000 дукатовъ и помѣстья съ доходомъ въ 1.500 дукатовъ, сложенъе насчитывавшихся на немъ значительныхъ казенныхъ недоимокъ и т. д. Въ своемъ равностномъ желаніи отдѣлаться отъ враговъ Венеціанской республики, Совѣтъ Десяти даже не брезгалъ услугами кудесниковъ: такъ, сохранился подлинный протоколъ засѣданія 14-го декабря 1513 года, когда рассматривалось предложеніе францисканскаго монаха изъ Рагузы, по имени брата Іоанна, извести своими чарами указаннаго ему человѣка, за что онъ просилъ на первый разъ 1.500 дукатовъ, предупреждая, однако, что за вто-

рой опытъ онъ не возьметъ менѣе ежегодной пенсіи въ 1.500 дукатовъ. Обычное число членовъ Совѣта Десяти было по этому случаю увеличено цѣлымъ рядомъ высшихъ сановниковъ республики, и это собраніе подъ председательствомъ дожа Леонардо Лоредано принадлежало къ тѣмъ тайнымъ совѣщаніямъ, которыя извѣстны подъ названіемъ «*Secreta secretissima*» и о которыхъ подъ клятвой не могли никому говорить участвовавшія въ нихъ лица. Послѣ продолжительнаго обсужденія, чрезвычайное собраніе приняло предложеніе францисканца и поручило Совѣту Десяти указать на то лицо, которое подвергнется первому опыту кудесника, и выборъ Совѣта палъ на императора Максимилиана. Чѣмъ кончилось это странное дѣло, неизвѣстно, и вообще, къ сожалѣнію, не сохранились данныя для опредѣленія, къ какимъ результатамъ приводили постановленія Совѣта Десяти о политическихъ убійствахъ, но надо предположить, что были какіе нибудь результаты хотя бы относительно невѣдомыхъ, скромныхъ жертвъ его гнѣва, такъ какъ иначе онъ не сталъ бы существовать въ столь опасной практикѣ. Во всякомъ случаѣ одно уже существованіе такихъ постановленій, что является безспорнымъ историческимъ фактомъ, бросаетъ мрачную тѣнь на аристократическую республику въ Венеціи.

— Старческая любовь герцога Веллингтона. М. Вилларъ помѣстилъ во второмъ февральскомъ номерѣ «*Vie Contemporaine*» курьезную статью подъ названіемъ «Влюбленный левъ», въ которой онъ знакомитъ читателей съ малоизвѣстнымъ эпизодомъ изъ жизни герцога Веллингтона, на основаніи вышедшей года два тому назадъ маленькой книжки: «Письма герцога Веллингтона къ миссъ Дж.». Эти письма впервые напечатаны американской миссъ Христиной Геррикъ, которая получила ихъ отъ самой миссъ Дж., жившей въ послѣдніе годы своей жизни въ Америкѣ и оставившей послѣ себя любопытный дневникъ, изъ котораго отрывки помѣщены въ книжкѣ миссъ Геррикъ. Это обнаруженіе скандальнаго факта, что маститый герцогъ Веллингтонъ втеченіе семнадцати лѣтъ отъ 1834 года по 1851 г. находился въ какихъ-то странныхъ близкихъ отношеніяхъ съ молодой двадцатилѣтней дѣвушкой, а потомъ съ мало-по-малу состарившейся дѣвой, было пройдено англійской прессой почти полнымъ молчаніемъ, съ цѣлью, конечно, заглушить толки, которые могли набросить тѣнь на національнаго героя. Поэтому статья Виллара имѣетъ интересъ совершенной новинки. Всего замѣчательнѣе въ этой курьезной исторіи то обстоятельство, что Веллингтонъ, прозванный желѣзнымъ герцогомъ, всегда славился сухимъ, жесткимъ, рѣзкимъ, повелительнымъ характеромъ, а въ его отношеніяхъ къ миссъ Дж. онъ является покорнымъ, терпѣливымъ, любезнымъ поклонникомъ капризной женщины, которая ведетъ себя напротивъ относительно стараго фельд-маршала съ удивительнымъ пренебреженіемъ и даже дерзостью. Когда они впервые познакомились, то ему было уже шестьдесятъ пять лѣтъ, а двадцатилѣтняя миссъ Дж., настоящая фамилія которой до сихъ поръ неизвѣстна, была красивой сиротой, жившей одиноко на небольшія средства, хотя она принадлежала къ хорошей семьѣ и имѣла связи въ большомъ свѣтѣ. Отличаясь религиознымъ фанатизмомъ и наклонностью къ мистицизму, она поставила себѣ цѣлью обращать на путь истины закрутившагося въ невѣріи сердца и, успѣшно испытавъ свое вліяніе въ этомъ смыслѣ на одномъ преступникѣ, приговоренномъ къ смерти, миссъ Дж. рѣшила спасти душу желѣзнаго герцога. Она написала ему письмо, за которымъ послѣдовало другое, третье;

заинтригованный старикъ отвѣчалъ на эти письма очень лаконически, но наконецъ попросилъ свиданія съ неизвѣстной корреспонденткой и явился къ ней въ домъ, въ назначенное время. Тутъ произошла оригинальная сцена, очень рельефно описанная въ дневникѣ миссъ Дж. Предварительно помолвившись Богу, она любезно встрѣтила герцога, который молча поцѣловалъ ея руку, и открывъ библію, молодая дѣвушка торжественно прочитала первую, попавшуюся ей на глаза фразу, какъ она всегда дѣлала въ критическія минуты своей жизни. На этотъ разъ библія открылась на текстѣ: «должно вамъ родиться свыше», и миссъ Дж., произнеся эти слова съ мистическимъ пафосомъ, простерла руку къ небу, но къ удивленію Веллингтонъ схватилъ эту руку и воскликнулъ: «какъ я васъ люблю!». Чѣмъ кончилась эта сцена, не говорится въ дневникѣ, а также очень смутно описано въ немъ и второе посѣщеніе герцогомъ молодой дѣвушки, причѣмъ онъ, говоря о своихъ чувствахъ къ ней, сказалъ: «это должно быть на всю жизнь», а она отвѣчала: «если такъ будетъ угодно Богу». Очевидно миссъ Дж. понимала, что Веллингтонъ предлагалъ ей сдѣлаться его женой, и когда онъ категорически объяснилъ, что нимало не имѣлъ этого намѣренія, такъ какъ всѣ стали бы смѣяться надъ семидесятилѣтнимъ старикомъ, который бы женился на молодой дѣвушкѣ, могущей быть его внучкой, то она подняла ужасную бурю, упрекая его въ желаніи ее обезчестить. Какъ бы то ни было, она не прерывала своихъ отношеній къ нему, и онъ посѣщалъ ее попрежнему, хотя рѣже, а писалъ ей довольно часто, такъ какъ у нея сохранились до 390 его писемъ. Но надо отдать ему справедливость, что въ этихъ письмахъ, очень краткихъ и лаконическихъ, онъ обнаруживаетъ удивительныя дипломатическія способности и не высказываетъ не только ни разу своей любви къ миссъ Дж., но даже ни одного лишняго, неосторожнаго слова, хотя всегда подписывается «искренно вашъ Веллингтонъ» и старается самымъ любезнымъ образомъ успокоить нервную, капризную женщину, осыпаящую его упреками, жалобами и т. д. Что касается до нея, то она прямо говоритъ въ дневникѣ, что пламенно любила своего милаго и драгоценнаго герцога и считала, что Богу угодно сдѣлать ее герцогиней. Впродолженіе долговременныхъ отношеній между ними, они постоянно ссорились и мирились, причѣмъ желѣзный герцогъ всегда просилъ извиненія у своей «милой миссъ Дж.» и вообще выражался въ своихъ письмахъ съ необычайной для его рѣзкаго характера вѣжностью. Но наконецъ она ему надоѣла, и когда послѣ семнадцатилѣтней переписки и постоянныхъ, хотя не частыхъ, свиданій, миссъ Дж. попросила у него займы денегъ, такъ какъ ея скромныя средства неожиданно пресѣклись, то онъ, прямо не отказывая ей въ помощи, сталъ сухо требовать опредѣленія цифры необходимой ей суммы. На это она отвѣчала, что онъ самъ можетъ сообразить, что ей было нужно, а она сама никогда не назначитъ никакой цифры, и получивъ отъ него краткую записку, въ которой онъ холодно говоритъ: «я заключаю изъ вашихъ словъ, что вамъ нѣтъ крайней необходимости въ деньгахъ», она написала ему гнѣвное письмо, въ которомъ прямо заявляетъ, что скорѣе пойдетъ по улицамъ просить милостыню, чѣмъ возьметъ у него хоть копейку. Не смотря на такой видимый разрывъ, ихъ переписка продолжалась, хотя съ большими перерывами до 16-го марта 1851 года, когда Веллингтонъ въ запискѣ, написанной въ третьемъ лицѣ, категорически заявляетъ, что ихъ корреспонденція должна кончиться. Дѣйствительно онъ болѣе уже не писалъ ни слова

къ миссъ Дж., но она бомбардировала его своими письмами даже послѣ его смерти, такъ какъ онъ умеръ 14-го сентября 1852 года, а она, не зная объ этомъ и лежа больная въ постелѣ, просила на слѣдующій день своего доктора отдать письмо на почту; тотъ же видя, что оно адресовано Велингтону, поразилъ ее извѣстіемъ объ его смерти. Теперь бѣдной старой дѣвъ ничего не оставалось дѣлать въ Англіи, и она уѣхала къ сестрѣ въ Америку, гдѣ и умерла спустя десять лѣтъ.

— Первый бракъ Альфонса XII. Антоніо Пирала, членъ королевской академіи историческихъ наукъ въ Мадридѣ, рассказываетъ въ февральской книжкѣ испанскаго журнала *Esraa Moderna* любопытныя подробности о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали женитьбѣ испанскаго короля Альфонса XII на его двоюродной сестрѣ Мерседесъ, дочери принца Монпансье. Прежде вступленія своего на престолъ, онъ уже отдалъ свое сердце молодой, очаровательной принцессѣ, и когда наступила монархическая реставрація, то онъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы поборотъ всѣ преграды, мѣшавшія его свадьбѣ. Преимущественно оказывала сопротивление его мать, королева Изабелла, которая ненавидѣла своего давнишняго врага, герцога Монпансье, и считала его главной причиной своего осемилѣтняго изгнанія изъ родины, а потому ни за что не хотѣла допустить мысли, чтобы его дочь сдѣлалась ея невѣсткой. Кромѣ того, предположенный и уже порѣшенный между королемъ и его будущимъ тестемъ бракъ возбудилъ дипломатическую переписку. Германское правительство, представило возраженія во имя европейскаго равновѣсія противъ того, чтобы на испанскомъ тронѣ появилась дочь герцога Монпансье, такъ какъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, на французскій престолъ могъ взойти графъ Парижскій, женатый на сестрѣ принцессы Мерседесъ. Англія, имѣя не одну свободную принцессу, была очень недовольна, что выборъ испанскаго короля не остановился на дочери Виктории. Испанскія политическія партіи раздѣлялись по этому вопросу, и основанная на деньги королевы Изабеллы мадридская газета «Политическій Міръ» поражала всѣхъ своими яростными нападками на предположенный бракъ короля. Но, не смотря на все это, Альфонсъ настаивалъ на своемъ рѣшеніи, принималъ съ особыми почестями герцога Монпансье и его дочь, открыто дѣлалъ приготовленія къ свадьбѣ и прямо всѣмъ говорилъ: «я ее люблю, она меня любила во время моего изгнанія, и я не брошу ее, когда мнѣ улыбнулось счастье». Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда королева Изабелла, которой дозволено было вернуться въ Испанію, но подъ условіемъ жить въ Севильѣ, воспользовалась тѣмъ, что ея сынъ находился въ Кастиліи, съ первымъ министромъ Кановасомъ, и неожиданно прибыла въ Эскуріаль. Она разослала оффиціальныя циркуляръ дипломатическому корпусу и пригласила всѣхъ его членовъ явиться во дворецъ въ извѣстный день и часъ. Вѣсть объ этомъ поразила короля, какъ громомъ. По слухамъ, Изабелла хотѣла протестовать передъ европейскими дипломатами отъ имени своего и мужа противъ брака сына и, отказавъ ему въ своемъ родительскомъ благословеніи, уѣхать навсегда за границу. Кановасъ, до тѣхъ поръ стоявшій отъ сторонѣ отъ этого семейнаго дѣла, нашель нужнымъ принять мѣры для избѣжанія публичнаго скандала, который могъ подорвать престижъ только что возстановленной монархіи; онъ посовѣтовалъ королю прежде всего пустить въ дѣло нѣжныя слова, ласки и поцѣлуи, такъ сильно дѣйствующіе на сердце матери, и только въ крайнемъ случаѣ

выдвинуть вперед холодныя государственныя соображенія. Альфонсъ послушался его и, по словамъ Антоніо Пирала, въ Эскуриалѣ разыгралась чрезвычайнаго интереснаго сцена.

«Королевскій поѣздъ приполъ въ 10 часовъ вечера, — рассказываетъ онъ, — и мать съ сыномъ заперлись въ отдѣльной комнатѣ; два часа продолжался ихъ разговоръ, и вся его сущность заключалась въ слѣдующемъ:

Мать. Ты хочешь меня бросить? Ты хочешь перейти на сторону врага нашей семьи, презрѣннаго Каина, которому мы обязаны столь долгимъ изгнаніемъ?

Сынъ. Ты совершенно права, милая мама, онъ мерзавецъ, онъ все, что ты говоришь. Но вѣдь въ этомъ не виновата его дочь? Съ другой стороны, на комъ мнѣ жениться? На англичанкѣ, но мои подданные стали бы называть ее или еретичкой, или ренегаткой, если бы она перемѣнила свою вѣру. На испанкѣ, но развѣ ты не видишь уже заранѣе возникновенія семейныхъ распрей? На нѣмкѣ, но подобный бракъ возбудилъ бы тѣ же неудобства, какъ и англійскій. У Россіи и Франціи нѣтъ подходящей для меня невѣсты, а объ Италіи нечего и думать, такъ какъ король Амедей еще такъ недавно царствовалъ въ Испаніи. Къ тому же я тебѣ обѣщаю жениться на дочери, на одной дочери, а не на отцѣ. Во время нашей свадьбы вы всѣ, Монпансье, ты и мой отецъ, останетесь вдали отъ двора, а потомъ онъ проведетъ полтора года въ Италіи».

На жалобы и упреки матери сынъ отвѣчалъ пламенными увѣреніями въ любви и осушалъ ея слезы своими поцѣлуями; въ концѣ концовъ она значительно успокоилась, и тогда Кановасъ занялъ мѣсто короля, который ушелъ спать; министръ уже поставилъ дѣло на государственную почву и говорилъ Изабеллѣ не дѣлать дипломатическаго скандала. Въ результатѣ королева согласилась на все и даже любезно пригласила семью герцога Монпансье.

— Древнѣйшій англійскій родъ и его жилище. Апрельская книжка «Pall-Mall Magazine» заключаетъ въ себѣ маленькій, прекрасно иллюстрированный и очень интересный, очеркъ истории лордовъ Толемачъ и ихъ семейнаго замка Гельмингамъ близъ города Ипсвича. По словамъ автора статьи, Артура Бивана, Толемачи древнѣйшій родъ въ Англии и ведутъ свое начало отъ саксонской семьи, жившей въ Восточной Англии тысяча триста лѣтъ тому назадъ; одинъ изъ ихъ предковъ, обитавшій въ Бентлеѣ, на рѣкѣ Орвель, упоминается въ «Domesday-book» подъ именемъ «Тольмача», а его потомки сумѣли сохранить свои владѣнія отъ загребистой лапы Вильгельма Завоевателя. При Эдуардѣ I глава этого рода сопровождалъ короля въ его экспедиціи противъ Шотландіи, а во времена Генриха VI, сэръ Ліонель Тольмачъ женился на наслѣдницѣ стариннаго рода Гельмингамъ, благодаря чему онъ приобрѣлъ извѣстный замокъ этого имени, сдѣлавшійся постояннымъ жилищемъ его семьи, хотя существующій нынѣ замокъ выстроенъ позднѣе, въ началѣ царствованія Генриха VIII. Другой сэръ Ліонель Толемачъ принималъ въ своемъ помѣстьѣ королеву Елизавету, которая провела тамъ четыре дня, и до сихъ поръ сохранилась въ пріемной комнатѣ замка лютина, на которой играла Елизавета. Впослѣдствіи семья Толемачъ наслѣдовала по женской линіи титулъ лорда Дизарта, а въ 1876 г. лордъ Биконсфилдъ пожаловалъ представителю этого рода титулъ лорда Толемача. Этотъ лордъ, не смотря на то, что онъ принадлежалъ къ консервативной партіи, отличался либеральными идеями въ общественной жизни и

въ отношеніяхъ къ своимъ поселянамъ, такъ что онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «крестьянскаго лорда». Дѣйствительно, онъ не только пользовался славой добраго, разумнаго и гуманнаго землевладѣльца, но во всѣхъ окрестностяхъ его помѣстья чувствовались плоды его попеченій о благосостояніи мелкихъ фермеровъ и сельскихъ рабочихъ. Рассказываютъ, что однажды на публичномъ митингѣ въ Бирмингамѣ, Чамберленъ, говоря съ похвалою о дѣятельности лорда Толемача относительно предоставленія поселянамъ участковъ земли на выгодныхъ условіяхъ, назвалъ его «упорнымъ торіемъ», но знаменитый Брайтъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ на эстрадѣ, дернулъ его за скюртку и громко сказалъ: «нѣтъ, нѣтъ». Этотъ почтенный лордъ, доказывавшій вообщю, что представитель древнѣйшаго англійскаго рода можетъ быть другомъ народа, умеръ въ 1890 году, и его титулъ перешелъ къ старшему его сыну, теперешнему лорду Толемачу, который до того времени былъ продолженіемъ нѣсколькихъ лѣтъ консервативнымъ депутатомъ Западнаго Чешира. Что касается до родоваго замка лордовъ Толемачъ, Гельмингама, то онъ главнымъ образомъ славится тѣмъ, что представляетъ рѣдкій теперь образецъ средневѣковаго замка, окруженнаго широкимъ, глубокимъ ровомъ, наполненнымъ водою и въ которомъ ловятся большіе карпы и щуки; черезъ этотъ ровъ перекинутъ подъемный мостъ, который аккуратно въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ каждый вечеръ въ 11 часовъ поднимается на своихъ старыхъ цѣпяхъ и только опускается на слѣдующее утро. Также Гельмингамъ замѣчателенъ своимъ оленьимъ паркомъ, однимъ изъ лучшихъ парковъ этого рода въ Англіи и, по всей вѣроятности, древнѣйшимъ; по свидѣтельству Джорджа Вайтекера, въ его книгѣ «Оленьи парки въ Англіи», тамъ до 260 темныхъ оленей и 75 рыжихъ. Внутри дома, построеннаго въ тюдорскомъ стилѣ, находятся замѣчательныя антикварныя сокровища, семейные портреты, исполненные извѣстными художниками: Рейнольдсомъ, Неллеромъ и Лели, драгоценныя художественныя произведенія и т. д.

— Пятистолѣтній юбилей Генриха Мореплавателя. 4-го марта Португалія и Англія праздновали пятывѣковую годовщину рожденія знаменитаго принца Генриха, сына короля португальскаго Іоанна I и англійской принцессы Филиппы, дочери герцога Ланкастерскаго и внучки короля Эдуарда III. Португальское торжество состояло изъ трехдневныхъ праздниковъ на его родинѣ, въ Оporto, гдѣ въ присутствіи короля былъ заложенъ памятникъ «отцу современной географіи и современныхъ географическихъ открытій», а англичане довольствовались тѣмъ, что послали въ Оporto военный корабль «Белону» и созвали въ Лондонѣ особое собраніе королевскаго географическаго общества, на которомъ присутствовалъ будущій наследникъ престола, герцогъ Йоркскій, который имѣетъ двойное соотношеніе къ принцу Генриху, какъ потомокъ Плантагенетовъ и морякъ. Въ произнесенныхъ на этомъ собраніи рѣчахъ, предсѣдателемъ Маркгамомъ и португальскимъ посланникомъ, рельефно выяснено историческое значеніе Генриха Мореплавателя и оказанной имъ услуги не только его родинѣ, но и всему человѣчеству. Родившійся 4-го марта 1394 года, въ Оporto, онъ въ ранней молодости принялъ участіе въ войнѣ съ маврами и при осадѣ Сеуты выказалъ рыцарскую храбрость; но вскорѣ послѣ этого, именно съ 1418 года, онъ посвятилъ себя всецѣло улучшенію мореплаванія и открытію невѣдомыхъ тогда береговъ Африки, съ цѣлью достигнуть морскимъ путемъ въ Индію. Отецъ назначилъ его губернаторомъ одной изъ провинцій Португаліи, именно Альгарви, и гроемейстеромъ рыцарскаго Ордена Христа, но онъ исключительно

пользовался своимъ высокимъ официальнымъ положеніемъ и громадными матеріальными средствами Ордена для осуществленія своей излюбленной цѣли, посылая одну морскую экспедицію за другой, изъ маленькаго порта въ Альгарвіи, Лагоса. Чтобы быть всегда въ центрѣ предпріяятаго имъ великаго дѣла, онъ перенесъ свое жилище на уединенный Сагрскій мысъ, близъ Лагоса; ему тогда было 24 года, и онъ прожилъ тамъ до самой своей смерти на 67 году. Окруженный многочисленной свитой изъ рыцарей, пажей и т. д., онъ основалъ въ своемъ дворцѣ школу мореплаванія, черченія картъ и морской астрономіи, при чемъ заставлялъ всѣхъ и каждого заниматься этими предметами. Весь его дворъ превратился въ училище, и тѣ изъ его приближенныхъ пользовались наибольшими его милостями, которые сдѣлались ревностными и способными мореплавателями. Онъ устроилъ также въ своемъ дворцѣ обсерваторію, и посылаемыя имъ морскія экспедиціи первыя ввели въ употребленіе на морѣ астрономическіе инструменты. Въ то время самый крайній, южный пунктъ, извѣстный на африканскомъ берегу Атлантическаго океана, былъ мысъ Балдоръ, и принцъ Генрихъ рѣшилъ, что пора проникнуть далѣе, а потому отправилъ опытнаго моряка Іоанна Діаза на хорошо построенной каравеллѣ въ 1434 году, съ приказаніемъ обогнуть этотъ мысъ, что и было выполнено съ успѣхомъ. Затѣмъ продолжались ежегодныя экспедиціи до 1436 года, когда наступилъ независѣвшій отъ принца Генриха перерывъ, благодаря тому, что онъ долженъ былъ заняться борьбой съ маврами, которые взяли въ плѣнъ его брата Фернанда и предали мучительной смерти; но, спустя пять лѣтъ, онъ снова возобновилъ свои морскія экспедиціи, которыя постепенно все отдаляли болѣе и болѣе на югъ границу извѣстнаго тогдашнему свѣту африканскаго берега. Въ 1455 году, былъ достигнутъ молодымъ венеціанцемъ Мосто крайній предѣлъ географическихъ открытій, сдѣланныхъ при жизни принца Генриха, именно устье Рио-Гранде. Но не этими экспедиціями оказалъ наибольшую услугу принцъ Генрихъ Португаліи и всему образованному свѣту, а тѣмъ, что онъ обратилъ вниманіе своего вѣка на морскія открытія, создалъ цѣлое поколѣніе способныхъ мореплавателей и организовалъ ту школу мореплаванія, которая и послѣ его смерти продолжала его великое дѣло. Дѣйствительно, его смерть не прекратила морскихъ экспедицій Португаліи, и втеченіе первыхъ сорока лѣтъ послѣ нея Вареломей Діазъ обогнулъ мысъ Доброй Надежды, а Васко-да-Гама достигъ Индіи. Свою высокополезную жизнь, служившую полнымъ осуществленіемъ его девиза: «Taland he huge» (желаніе поступать хорошо), онъ мирно окончилъ въ Сагрѣ 13-го ноября 1460 года. Одинъ изъ старинныхъ португальскихъ лѣтописцевъ говоритъ о немъ: «я, право, не знаю, гдѣ можно найти такого принца, какимъ былъ Генрихъ Мореплаватель», и дѣйствительно, онъ не только посвятилъ всю свою жизнь великому дѣлу, отказавшись для этого отъ всѣхъ придворныхъ удовольствій, даже отъ женитьбы, и серьезно изучая всѣ науки, необходимыя для мореплаванія, но отличался необыкновенной добротой и высокими нравственными качествами, которыя помогли ему создать его знаменитую школу искусныхъ мореплавателей и заслужить безсмертную славу отца современной географіи.

— Смерть Кошута. 20-го марта, скончался въ Туринѣ въ самой скромной обстановкѣ девяностодвухлѣтній старикъ, слава котораго когда-то гремѣла во всемъ свѣтѣ и который своей смертью снова сосредоточилъ на себѣ всеобщее вниманіе. Это былъ Людвигъ Кошутъ, послѣдній изъ политическихъ дѣятелей 1848 года, пережившій своихъ товарищей: Мадзини, Гарibaldi и

Ледрю Ролена. Съ годами сгладились всё споры, распри и страсти, которые возбуждались именемъ знаменитаго венгерскаго диктатора, и въ послѣднее время вся его родина, безъ различія политическихъ отгѣнковъ, видѣла въ немъ только пламеннаго патріота и замѣчательную историческую личность, воплощавшую въ себѣ почти столѣтіе ея національнаго существованія. Поэтому, когда разнеслась вѣсть, что Кошутъ умираетъ вдали отъ горячо любимаго имъ отечества, всё венгерцы, начиная отъ министровъ, аристократовъ и духовенства, до послѣднихъ рабочихъ и поселянъ, ждали съ лихорадочной тревогой роковой катастрофы, и забота о томъ, чтобъ достойно почитать память народнаго героя, сдѣлалась единственной мыслью всей страны, когда онъ дѣйствительно умеръ. Буда-Пештъ облекся въ трауръ, парламентъ, биржи, театры, академіи, были закрыты; всюду на улицахъ вывѣшены черныя флаги и выставлены бюсты покойника, драпированные черной матеріей; всё города и даже селенія Венгріи слѣдовали примѣру столицы; всё венгерскія газеты и даже австрійскія переполнились самыми восторженными дифирамбами великому патріоту, искусно обходя щекотливые вопросы и оставляя только его безкорыстную любовь къ родинѣ. Такъ какъ Кошутъ не оставилъ никакого завѣщанія и хотя никогда не соглашался вступить на Венгерскую землю, согласно данной имъ клятвѣ въ 1849 году, пока въ ней царствуетъ представитель Габсбургской династіи, но не запретилъ хоронить себя въ этой дорогой для него землѣ и лишь требовалъ, чтобъ его прахъ покоился на одномъ кладбищѣ съ женой и дочерью, то Буда-Пештскій муниципалитетъ рѣшилъ похоронить его насчетъ города на историческомъ мѣстномъ кладбищѣ и перенести туда же прахъ его жены и дочери. Повсюду была открыта подписка для устройства торжественныхъ похоронъ и постановки памятника Кошуту, для чего собрано въ нѣсколько дней сто тысячъ гульденовъ. Венгерскій парламентъ собрался въ экстренномъ засѣданіи и, почтивъ память умершаго вставаніемъ, принялъ предложеніе правительства о томъ, чтобъ увѣковѣчить заслуги Кошута составленіемъ особаго протокола, выразить благодарность народа за проведенныя имъ въ 1848 г. реформы, послать его двумъ сыновьямъ телеграмму съ выраженіемъ участія, поручить особой депутаціи присутствовать при его похоронахъ, возложить вѣнокъ на гробъ и не собирать засѣданій до похоронъ. Хотя это предложеніе, сдѣланное даже не первымъ министромъ Векерле, а предсѣдателемъ палаты, отличается очень изытымъ, официальнымъ характеромъ, но на подготовительномъ собраніи либеральной партіи Векерле указалъ, что правительство не можетъ идти далѣе, такъ какъ Кошутъ былъ упорнымъ противникомъ существующаго въ Венгріи законнаго порядка и Габсбургской династіи; съ этими соображеніями согласилось, скрѣпя сердцемъ, большинство палаты, и только другъ покойнаго, графъ Кароли, руку котораго держалъ умирая Кошутъ, а также глава національной партіи, графъ Анпони, настаивали на томъ, что правительство и парламентъ обязаны въ особомъ постановленіи провозгласить, что «Кошутъ умеръ для народа», и на государственный счетъ не только похоронить его, но и поставить ему памятникъ. Благодаря этому слишкомъ малому участию правительства въ національной потерѣ, по мнѣнію всего венгерскаго народа, произошли въ Буда-Пештѣ уличные бевпорядки, но они тотчасъ прекратились, когда сыновья покойнаго объявили, что похоронятъ отца въ Италію, если порядокъ въ Венгріи не будетъ восстановленъ, и похороны его, походившіе скорѣе на торжество триумфатора, чѣмъ на погребеніе, сошлись тихо, спокойно, но съ такимъ величіемъ, какое едва ли когда ви-

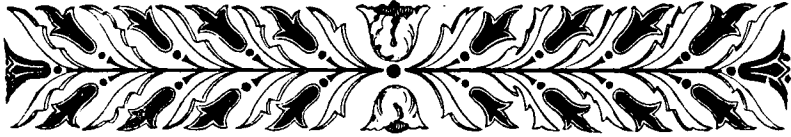
дывала Европа въ подобныхъ церемоніяхъ; въ нихъ положительно участвовала вся страна безъ различія партій, и народное горе приняло чисто эпическій характеръ.

О Кошутѣ существуетъ уже цѣлая литература, и для его біографіи служатъ драгоценнымъ пособіемъ недавно вышедшіе его мемуары и собраніе его рѣчей, а потому его роль въ исторіи вполне опредѣлена, тѣмъ болѣе, что сорокъ пять лѣтъ онъ уже не принималъ дѣятельнаго участія въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ. Происходя отъ бѣднаго дворянскаго рода, Людвигъ Кошутъ былъ собственно кроатомъ по своимъ предкамъ только мать его была истой венгеркой, и отъ нея онъ наслѣдовалъ пламенную любовь къ Венгрии и венгерскому языку, но зато со стороны отца въ немъ текла кровь энергичныхъ защитниковъ національной независимости, и въ числѣ его предковъ семнадцать человекъ потерпѣли жестокаго преслѣдованія австрійскаго правительства въ эпоху отъ 1527 по 1715 годъ. Онъ родился 27-го апрѣля 1802 года, хотя нѣкоторые біографы полагаютъ, что это событіе произошло въ 1805 и даже въ 1806 году, но всѣ согласны въ томъ, что его колыбелью было мѣстечко Монокъ, въ Земплинскомъ комитатѣ, близъ Токаля, въ мѣстности извѣстной своимъ виводѣліемъ. Его дѣтство и юность протекли среди лишеній и бѣдности, такъ какъ его отецъ занималъ должность управляющаго у небогатаго землевладѣльца, и юноша долженъ былъ начать жизнь, пользуясь милостями аристократическихъ и духовныхъ покровителей, что съ раннихъ лѣтъ возбудило въ немъ ненависть къ магнатамъ и преданную любовь къ угнетаемому народу. Принадлежа къ протестантской церкви, какъ значительное число кроатовъ, онъ получилъ воспитаніе въ Шарашпатакской юридической коллегіи и поступилъ въ адвокаты на двадцать четвертомъ году своей жизни. Сначала онъ практиковалъ въ своемъ родномъ комитатѣ и послѣ неудачныхъ попытокъ получить мѣсто въ администраціи, благодаря его уже тогда извѣстнымъ либеральнымъ идеямъ, онъ вынужденъ былъ поступить управляющимъ къ графинѣ Сцапари. Но онъ не долго ужился въ провинціи и въ началѣ тридцатыхъ годовъ переехалъ въ Пештъ, гдѣ вскорѣ прославился, какъ адвокатъ, ораторъ и журналистъ. Благодаря этой славѣ, онъ попалъ въ Пресбургскій сеймъ, въ качествѣ уполномоченнаго одного магната, какъ дѣлалось въ то время, но подобные члены сейма могли только говорить, а не подавать голосъ, и потому онъ черезъ годъ удалился оттуда, хотя своимъ краснорѣчіемъ поражалъ всѣхъ, слышавшихъ его рѣчи. Пользуясь своими парламентскими связями, онъ тогда основалъ газету подъ названіемъ «Сеймовой Газеты», но въ ту отдаленную эпоху австрійскаго гнета немыслима была либеральная печатная журналистика, и Кошутъ издавалъ свою газету въ ста рукописныхъ экземплярахъ, которые быстро распространялись по всѣмъ комитатамъ. Главнымъ образомъ онъ сообщалъ своимъ читателямъ полные отчеты о преніяхъ въ сеймѣ, выставляя на видъ рѣчи оппозиционныхъ депутатовъ, а такъ какъ обнародованіе того, что происходило въ сеймѣ, было запрещено, то правительство возбудило противъ Кошута судебное преслѣдованіе, и онъ былъ приговоренъ къ четырехлѣтнему тюремному заключенію; но это придало ему только мученическій вѣнецъ, и во всей странѣ была поднята такая сильная агитація въ его пользу, что черезъ два года ему была объявлена амнистія, и онъ выпущенъ на свободу. Два года, проведенные имъ въ тюрьмѣ, по его собственнымъ словамъ, «не были потеряны, потому что они создали всю послѣдующую его жизнь», а свои дни заточенія онъ посвятилъ изученію англійскаго языка по Шекспиру и

словарю, единственнымъ дозволеннымъ ему книгамъ, и до такой степени усвоилъ его себѣ, что впослѣдствіи произносилъ поанглійски въ Лондонѣ краснорѣчивыя рѣчи. Выйдя изъ тюрьмы триумфаторомъ и получивъ отъ венгерскаго народа 10.000 флориновъ, собранныхъ по подпискѣ, Кошутъ основалъ первую въ Венгріи политическую газету «Pesti Hirlap» и въ ней открыто сталъ защищать національную независимость Венгріи и права венгерскаго народа, требуя суда присяжныхъ, свободы слова, освобожденія крестьянъ, отмены барщинъ, установленія общей подачи голосовъ и т. д. Эта эпоха въ жизни Кошута представляетъ, быть можетъ, самую любопытную ея страницу, такъ какъ онъ, не имѣя никакого officialнаго положенія и даже не состоя депутатомъ, имѣлъ во всей странѣ болѣе вліянія, чѣмъ парламентъ и правительство. Но, спустя два года, онъ не поладилъ съ издателемъ своей газеты и покинулъ ее, а когда правительство не дозволило ему самому издавать газету, то онъ придалъ новую форму своей національной агитаціи, обративъ ее на экономическіе и промышленные вопросы. Онъ основалъ подъ предсѣдательствомъ своего друга графа Батяни общество взаимной помощи, которое въ нѣсколько мѣсяцевъ открыло двѣсти отдѣловъ и соединило въ своемъ лоѣ всю либеральную партію; однимъ изъ условій поступленія въ ея члены было вѣтвенное обѣщаніе покупать только предметы мѣстнаго венгерскаго производства, такъ какъ Кошутъ изъ желанія поднять свою родину тѣмъ или другимъ способомъ старался всеми силами сдѣлать Венгрію промышленной страной. Для этого онъ, пламенный апостолъ свободы, во всѣхъ ея видахъ, сдѣлался яркимъ протекціонистомъ, требовалъ таможеннаго отдѣленія Венгріи отъ Австріи и Германіи, настаивалъ на чрезмѣрномъ повышеніи тарифовъ и только допускалъ свободный ввозъ изъ Англіи машинъ и орудій труда. Хотя его промышленная пропаганда привела къ горькому разочарованію, и въ виду недостаточности мѣстныхъ мануфактуръ для удовлетворенія всемъ требованіямъ венгерцевъ, пришлось закрыть новыя фабрики и снова прибѣгнуть къ иностраннымъ произведеніямъ, но народныя массы знали, что Кошутъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ всегда, безкорыстно, и, не обращая вниманія на нападки магнатовъ, упрекавшихъ его въ разореніи страны фантастическими планами, продолжали считать его своимъ національнымъ главаремъ. Ему тогда было сорокъ пять лѣтъ, и простой журналистъ, онъ воплощалъ въ себѣ всю націю и являлся могучимъ противникомъ австрійскаго правительства. Въ ноябрѣ 1847 года этотъ фактъ подтвердился воочию. Молодой наследникъ престола Францъ-Иосифъ явился въ Пештскій комитатъ и былъ восторженно принятъ, какъ будущій венгерскій король, но спустя два дня въ томъ же комитатѣ Кошутъ, предводитель оппозиціи и враговъ Габсбургскаго дома, единогласно избранъ депутатомъ. Онъ отправился въ Пресбургъ и занялъ мѣсто въ парламентѣ, какъ представитель венгерскаго народа; первую свою рѣчь онъ произнесъ при обезужденіи адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь и сразу вступилъ въ борьбу не только съ австрійскимъ правительствомъ, но и съ венгерскими магнатами. Въ пламенныхъ выраженіяхъ онъ заявилъ, что магнаты, предлагая благодарить добраго, но слабого Фердинанда за обѣщанія имъ реформы, только мѣшаютъ венгерскому народу довести до свѣдѣнія своего короля протестъ противъ угнетающаго его австрійскаго правительства, и представилъ проектъ своего адреса, въ которомъ прямо возставалъ противъ привилегій дворянства и требовалъ освобожденія поселянъ отъ рабскаго ига. Нижняя палата восторженно поддержала краснорѣчиваго

защитника народныхъ правъ, и въ нѣсколько дней онъ уничтожилъ старыя, вѣковыя порядки, отмѣнилъ отжившіе, древніе законы. Революція 1848 г. въ Парижѣ имѣла большій отголосокъ въ Венгріи, чѣмъ во всей остальной Европѣ, и 3-го марта Кошутъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, въ которой онъ потребовалъ введенія отвѣтственнаго венгерскаго министерства и демократической конституціи. Парламентъ согласился на все и послалъ Кошуту во главѣ депутаціи къ императору. 15-го марта, венгерскій патріотъ, окруженный восторженной молодежью, прибылъ на кораблѣ по Дунаю въ Вѣну, и это было единственное его появленіе въ австрійской столицѣ, такъ какъ ни ранѣе, ни позже онъ никогда въ ней не бывалъ. Вѣна, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ началось революціонное движеніе, встрѣтила его съ восторгомъ, и онъ въ торжественной аудіенціи представилъ императору требованія венгерскаго народа. Австрійское правительство тогда находилось въ самомъ критическомъ положеніи, опасаясь восстанія въ столицѣ, а потому, по словамъ самого Кошута въ его рѣчи, произнесенной имъ въ Соутгамptonѣ въ 1851 г. при его первомъ посѣщеніи Англій: «оно объявило, что все требованія Венгріи будутъ удовлетворены, если Вѣна сохранитъ спокойствіе, и можно придать всему дѣлу такой характеръ, чтобъ никто не заподозрѣлъ Габсбурговъ въ уступкѣ изъ-за страха». «Такова бываетъ игра случайности,—прибавилъ онъ,—я, скромный сынъ скромной Венгріи, держалъ тогда въ своихъ рукахъ судьбу Габсбургскаго дома и сказалъ: «Будьте справедливы къ моей родинѣ, и я ручаюсь за спокойствіе Вѣны». Они обѣщали быть справедливыми, и въ двадцать четыре часа я обезпечилъ спокойствіе Вѣны; я смѣло могу сказать, что тогда Габсбургскій домъ обязанъ былъ мнѣ своимъ спасеніемъ». Спустя два дня было сформировано отдѣльное венгерское министерство, и первымъ министромъ былъ назначенъ графъ Батіани, а Кошутъ получилъ мѣсто министра финансовъ, хотя въ сущности онъ былъ душою и руководителемъ новаго правительства. Прежде всего онъ осуществилъ свою давнишнюю цѣль—освобожденіе венгерскихъ крестьянъ отъ ига магнатовъ, а затѣмъ исключительно предался устройству финансовъ, имѣя въ виду сдѣлать Венгрію независимой отъ Австріи въ финансовомъ отношеніи и тѣмъ подготовить ея политическую независимость, но событія шли быстро, и ему вскорѣ пришлось превратиться изъ мирнаго финансоваго дѣятеля въ организатора арміи и даже въ военачальника. Австрійское правительство съ обычнымъ своимъ коварствомъ, сдѣлавъ открыто уступку Венгріи, начало тайно дѣйствовать противъ нея и возбудило историческую непріязнь между кроатами и венграми. Вновь назначенный банъ Кроаціи, Елачичъ, поднялъ своихъ соотечественниковъ противъ ихъ сосѣдей, и началась братоубійственная борьба, въ которой напрасно многіе обвиняли Кошуту, какъ яраго венгерца, желавшаго поддержать господство венгровъ надъ славянами; въ сущности онъ всегда стоялъ за свободу всѣхъ національностей и если ему пришлось бороться съ Елачичемъ, то лишь для защиты Венгріи и вслѣдствіе коварной политики Австріи, которая то объявляла Елачича измѣнникомъ и поручала венгерскому министерству усмирить его, то напротивъ посылало Елачича для усмиренія венгерскаго министерства. Между тѣмъ дѣла въ Вѣнѣ приняли другой характеръ, второе восстаніе было потушено кровью, императоръ Фердинандъ отстался отъ престола въ пользу Франца-Иосифа, и реакція начала господствовать въ полной силѣ. Венгерскій парламентъ былъ распущенъ, все либеральныя реформы отмѣнены, и съ одной стороны князь Виндишгрецъ, а съ другой Елачичъ, направились на Пештъ съ цѣлью окон-

чательно уничтожить венгерскую самостоятельность. Кошутъ отвѣчалъ на это учрежденіемъ временнаго правительства, во главѣ котораго, конечно, онъ былъ поставленъ всей націей, и объявленіемъ войны Австріи. Но все-таки онъ не разрывалъ всякой связи съ Габсбургскою династіей и только, когда Пештъ былъ взятъ Виндишгрецемъ, и русскія войска явились на помощь Австріи, онъ перевелъ временное правительство въ Дебречинъ и 14-го апрѣля 1849 года издалъ прокламацію, въ которой объявилъ независимость Венгріи, учрежденіе республики и низверженіе Габсбургской династіи. Относительно Россіи Кошутъ не вель себя принципиальнымъ врагомъ и не только въ самомъ началѣ сочувственно встрѣтилъ движеніе русской арміи къ австрійской границѣ, полагая, что она имѣетъ цѣлью содѣйствовать погибели враждебной ей Австріи, но и въ самомъ концѣ борьбы, предложилъ Паскевичу венгерскую корону для одного изъ русскихъ великихъ князей. Но судьбѣ было угодно, чтобъ Россія возвратила эту корону Австріи, которая извѣстно чѣмъ отблагодарила ее за спасеніе отъ угрожавшей ей роковой катастрофы. Во время его непродолжительнаго диктаторства Кошутъ обнаружилъ необыкновенную энергію: управлялъ страной, организовалъ армію, самъ предводительствовалъ военнымъ отрядомъ, вель переговоры съ Англійей и Франціей, въ надеждѣ пріобрѣсть ихъ помощь, изыскивалъ способы для продолженія борьбы, поддерживалъ краснорѣчивыми воззваніями и рѣчами патріотической пылъ въ странѣ и мирилъ враждебныхъ между собой венгерскихъ военачальниковъ, которые думали болѣе о своихъ личныхъ интересахъ, чѣмъ о погибающей родинѣ. Наконецъ въ виду интригъ Гергея, Кошутъ благородно отказался отъ власти и передалъ диктаторство этому храброму генералу, но плохому патріоту, который, спустя два дня, въ Вилагошѣ, сдалъ Паскевичу свою армію на капитуляцію, выговоривъ себѣ сохраненіе жизни, тогда какъ всѣхъ остальныхъ венгерскихъ генераловъ подвергли суду, какъ изменниковъ. Что касается до Кошута, то онъ, видя невозможнымъ болѣе бороться для защиты родины, отказался отъ дальнѣйшаго безцѣльнаго кровопролитія, закопалъ въ лѣсу, близъ Оршовы, венгерскую корону и удалился съ пяти тысячнымъ отрядомъ въ Турцію. Этимъ окончилась дѣятельная часть жизни Кошута: два года онъ провелъ узникомъ въ Турціи, которая, по настоянію Англии и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, наконецъ выпустила его на свободу, и съ тѣхъ поръ онъ сорокъ три года жилъ добровольнымъ изгнанникомъ въ Англии, Америкѣ и Италіи. Хотя тотчасъ послѣ кроваваго усмиренія Венгріи онъ былъ приговоренъ къ смерти и повѣшенъ въ формѣ его портрета, приколотеннаго къ висѣлицѣ, наравнѣ съ графомъ Андраши, который потомъ былъ первымъ министромъ, но когда Австрія примирилась съ Венгріей, и введена была знаменитая дуалистическая система, то ему былъ открытъ доступъ на родину, которая нѣсколько разъ выбирала его въ депутаты. Однако пламенный патріотъ упорно стоялъ на томъ, что онъ не можетъ имѣнить своей клятвы, данной имъ въ Дебречинѣ—никогда не быть подданнымъ Габсбургскаго дома, и умеръ на чужбинѣ. Только его смертныя останки теперь покоятся въ Венгріи, которую онъ такъ любилъ и которой такъ много, такъ безкорыстно, такъ преданно служилъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Сочиненія о Екатеринѣ II.—Ея отношенія къ Некеру.—Гаршинъ на англійскомъ языкѣ.—Романъ актера пигалиста.—Историкъ крестовыхъ походовъ, обвиненный въ мошенничествѣ.—Коцебу, какъ драматургъ.—Жизнь Франциска Асизскаго.—Вторженіе монголовъ въ среднюю Европу.—Реабилитация Береники.

ВЪ ПРОШЛОМЪ году мы дали отчетъ о книгѣ «Романъ императрицы» («Историческій Вѣстникъ», т. III, стр. 826 и слѣд.), въ которой французское легкомысліе соединяется съ польскою недоброжелательностью. Книга достигла своей цѣли, возбудивъ любопытство въ публикѣ и принесла выгоды автору, хотя серьезная критика, какъ, напримѣръ, въ «Revue critique», указывала на недостатки книги, называя ее прямо романомъ, а не исторіей. Нѣмцы не переводили ее, издавъ въ то же время въ Берлинѣ, только за первые три года ея царствованія, четыре объемистыхъ тома «Geschichte Katharina II» (1729—1764) по русскимъ источникамъ, въ переводѣ Петцольда и П. ф. З. Но англичане не могли не воспользоваться случаемъ и успѣли перевести въ двухъ томахъ книгу польско-французскаго благѣра («The romance of an empress: Catherine of Russia»). Но въ критическомъ журналѣ «Academy» знатокъ Россіи В. Морфиль подробно разбираетъ поверхностный и односторонній трудъ Валишевскаго и говоритъ о его промахахъ. Критикъ находитъ, что авторъ пользовался для составленія своей книги русскими источниками: «Сборникомъ историческаго общества», «Русскимъ Архивомъ», «Историческимъ Вѣстникомъ», «Русской Стариной», записками Дашковой, самой Екатерины, Рюльеромъ, но выбиралъ изъ нихъ только анекдоты. Полякъ говоритъ, что Петербургъ при Екатеринѣ былъ деревянный, тогда какъ Растрелли воздвигалъ въ немъ великолѣпныя зданія,—что путешествіе императрицы не скрывало свою пышностью жалкаго положенія крестьянъ. Но развѣ лучше было въ то время положеніе французскихъ или польскихъ крестьянъ?—спрашиваетъ Морфиль. Понятовскаго авторъ выставляетъ какимъ-то героемъ, тогда какъ онъ былъ весьма зауядной личностью; о Даш-

ковой отзывается неблагосклонно, основываясь на нелестномъ мнѣніи объ ней Дидро; но у Вольтера болѣе справедливая оцѣнка княгини. О самой Екатеринѣ даже Рюльеръ отзывался лучше, не говоря уже объ Іосифѣ II, Сегюрѣ, принцѣ де Линь. Искусство *mise en scène*, въ которомъ она была неподражаема, осталось традиціоннымъ при русскомъ дворѣ, говоритъ авторъ; но развѣ оно не одинаково при всѣхъ дворахъ? Не русскіе, а французскіе императоры румянились, чтобы скрыть отъ окружающихъ слѣды своей болѣзни. Турки вовсе не были такими слабыми противниками, какъ ихъ изображаетъ Валишевскій, не признающій и поэтическаго таланта Державина. Но развѣ лучше его одѣ были «Генріада» или мадригалы Жангиль-Бернара, снотворныя творенія Готшеда и Гюнтера? Авторъ говоритъ, что въ сочиненіяхъ императрицы участвовали окружающія ея лица, но ея образъ мыслей и своеобразный языкъ высказываются даже въ ея мемуарахъ, а вѣдь подлинности ихъ не отвергаетъ Валишевскій. Русскіе видятъ въ ней продолжательницу плановъ Петра I. Она расширила и укрѣпила основанную имъ имперію, а развѣ не всѣ основатели твердой власти шли однимъ путемъ, какъ Фридрихъ II или Наполеонъ? Историки Людовика XIV часто обращаютъ вниманіе только на блестящія стороны его царствованія, но вѣдь были въ немъ и темныя черты, особенно въ жизни двора и лицъ, близкихъ къ королю. Морфиль говоритъ, что книга Валишевскаго написана преимущественно—*pour le grand public*. Мы думаемъ, что она написана для правдой публики, охотницы до пикантныхъ анекдотовъ, особенно касающихся высоко стоящихъ личностей. Но во всякомъ случаѣ это книга не серьезная. Французская критика главное достоинство ея видитъ въ «пріятной легкости слога»—*aimable facilité de style*. Это плохой комплиментъ для историка, и англичане вглянули на нее съ болѣе вѣрной точки зрѣнія! Англійскій переводъ не отличается стилистическими достоинствами. Встрѣчаются и необъяснимыя странности: такъ «Недоросль» Фонвизина переведенъ французскимъ словомъ «*dadais*». Или переводчикъ думаетъ, что это русское слово?..

— За разборомъ книги о Екатеринѣ II появились, конечно, въ періодической литературѣ и отдѣльныя статьи объ императрицѣ. Такъ «*Journal des Débats*» посвятилъ отдѣльный этюдъ ея отношеніямъ къ Некеру (*Catherine et Necker*). Статья написана сорокалѣтнимъ публицистомъ Шарлемъ Ларивьеромъ, извѣстнымъ до сихъ поръ только тѣмъ, что онъ основалъ литературное и воспитательное общество, издаетъ мало распространенный журналъ «*Revue générale*» и пишетъ исторію сношеній Екатерины II съ французскими философами. Вѣроятно, изъ этой исторіи взять и его газетный очеркъ, который прежде всего запрещается воспроизводить. Врядъ ли кто, впрочемъ, покусится на воспроизведеніе, но сказать объ очеркѣ нѣсколько словъ не мѣшаетъ, такъ какъ, по словамъ автора, онъ основанъ на новыхъ документахъ. Изъ нихъ не изданы только мемуары Ланжерона, хранящіеся во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а переписка Екатерины съ Гримомъ, «Сборникъ русскаго историческаго общества», «Архивъ князя Воронцова» у насъ давно извѣстны. Авторъ начинаетъ съ того, что Екатерина, всегда благосклонно относившаяся къ философамъ, перемѣнила объ нихъ мнѣніе во время революціи и только о Вольтерѣ отзывалась, какъ и прежде, не считая его виновникомъ переворота во Франціи. Зато даже Дидро она начала называть «болтуномъ, полнымъ опасныхъ утопій». Съ Некеромъ она не переписывалась, но восхищалась его сочиненіями и только впоследствии

стала осуждать его открыто и вполне сознательно. Она не любила политико-экономических сочинений, но когда, в 1777 году, вышел трактат Некера о хлебной торговлѣ, писала Гримму: «авторъ этой книги—глубокий умъ; хотя она и не для всѣхъ доступна, но я приняла ее въ число моихъ классическихъ книгъ». Гриммъ былъ и въ то время недоволенъ Некеромъ, особенно за то, что министръ лишилъ пенсіона въ 1500 ливровъ г-жу д'Эпине и дошелъ до необходимости «стричь яйца». Екатерина напротивъ находить естественнымъ, что Некеръ больше думаетъ о Франціи, чѣмъ о своихъ друзьяхъ. Когда въ 1780 году явилась его книга о финансахъ, Екатерина нашла ее превосходною и осуждаетъ Людовика за увольненіе такого министра. Третью книгу Некера, вышедшую въ 1785 году, Екатерина не удосужилась прочесть въ семь мѣсяцевъ и осталась недовольна ея финансовыми выводами, а въ 1788 г. пишетъ уже прямо Гримму, что король хорошо сдѣлалъ, уволивъ женева и сдѣлавъ министромъ Калонна. Императрица разочаровалась въ немъ, только когда онъ прѣехалъ въ Россію, и прямо назвала его пустою головою, полною недѣльныхъ проектовъ. Вторичное вступленіе въ управленіе Некера и его отставка передъ взятіемъ Бастиліи не помирили съ нимъ Екатерину. Она пишетъ въ 1790 году Гримму: «министръ хорошо бы сдѣлалъ, если бы вовсе не мѣшался въ дѣла Франціи». Гриммъ также возстаетъ противъ писателей, которые берутся править государственными дѣлами. Императрица отвѣчаетъ ему: «я совершенно раздѣляю ваше мѣніе о министрахъ литераторахъ и питаю къ нимъ отвращеніе». О министрѣ прусскаго короля Гертибергѣ она говоритъ, что онъ такой же знатокъ исторіи, какъ ея попугай. Въ 1795 году она пишетъ Гримму: «поздравляю васъ, что вы прекратили всякія сношенія съ гражданиномъ Некеромъ. Я всегда питала отвращеніе къ этому надутому фразеру, говорящему на каждой строкѣ только о себѣ». Гриммъ отвѣчалъ, что Тюрго, Некеръ и Калоннъ всѣ одного покроя, и императрица, конечно, согласилась бы со своимъ корреспондентомъ, но отвѣтъ его не засталъ уже ее въ живыхъ. Ланжеронъ, перешедшій на службу въ Россію въ 1796 году, говоритъ въ своихъ неожиданныхъ мемуарахъ: «Некеръ былъ иностранецъ, недобросовѣстный эгоистъ, банкиръ, надутый гордостью и гнусностью, пожираемый честолюбіемъ; его жалкія административныя способности равнялись только его непомернымъ претензіямъ, погубившимъ государя и государство». И это говорится о человѣкѣ, который всегда былъ защитникомъ здравыхъ идей и истинной свободы. Напрасно г-жа Некеръ, игравшая также значительную роль въ жизни своего мужа, пыталась послѣ первой отставки его обратить на него благосклонное вниманіе императрицы. Объ открытомъ женою министра салонѣ въ Парижѣ, съ цѣлью соединить въ немъ все порядочное общество и противоудѣствовать распушенности нравовъ, Екатерина, безъ сомнѣнія, знала, какъ и обо всемъ, что происходило во французскомъ обществѣ, но она не говоритъ ни слова о г-жѣ Некеръ. Кн. Дашкова рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что въ 1780 году Дидро, абатъ Рейналь и г-жа Некеръ были особенно предупредительны къ ней. Въ слѣдующемъ году Гриммъ послалъ императрицѣ отчеты по госпиталю, основанному г-жею Некеръ, за десять лѣтъ ея управленія. Екатерина увѣдомила о полученіи бумагъ, но не прибавила ни одного слова. Тогда жена павшаго министра написала Гримму, что ее мужъ сильно тревожится мыслью, что во время своего управленія не успѣлъ высказать императрицѣ своего глубокаго уваженія и признательности. Гриммъ отпра-

вилъ и это письмо въ Петербургъ, но не получилъ никакого отвѣта. Еще черезъ годъ Гриммъ послалъ Екатеринѣ два письма г-жи Некеръ и графини Ферте о впечатлѣніи, какое произвелъ въ Парижѣ прїездъ графа и графини Сѣвера, посѣдившихъ и отставного министра въ его уединеніи въ Сент-Уанѣ. Императрица отвѣчала: «г-жа Некеръ въ письмѣ своемъ надѣляется меня такими глазами, какіе Гомеръ даетъ Юнонѣ. Прошу васъ поблагодарить ее и сказать ей, что мои глаза нисколько не больше и не пронизательнѣе, чѣмъ у ея мужа». Этими и оканчиваются всѣ отношенія императрицы къ женѣ и мужу. Вотъ все, что авторъ почерпнулъ изъ своихъ «новыхъ документовъ».

— Миссъ Войничъ, судя по фамиліи — славянка, перевела нѣсколько рассказовъ изъ Гаршина (*Stories from Garschine*), а эмигрантъ, пишущій подъ именемъ Степяка, составилъ для англичанъ интересное введеніе съ оцѣнкою трудовъ и біографіей безвременно погибшаго автора. Рассказы взяты изъ первыхъ очерковъ его о военной жизни. Англійская критика отдастъ справедливость спокойной, непреувеличенной, хотя нерѣдко трагической характеристикѣ русскаго солдата, жизнь котораго полна нерѣдко такихъ тяжелыхъ лишеній. «Academy» вполне соглашается съ оцѣнкою Степяка, назвавшаго Гаршина «тонкимъ, поэтическимъ, безиощаднымъ и симпатическимъ писателемъ».

— Но если переводы русскихъ писателей знакомятъ съ русской жизнью то для чего сочиняются фантастическіе романы, въ которыхъ эта жизнь представляется въ совершенно невозможномъ видѣ? Какой-то Гамильтонъ Файфъ издалъ романъ «Трагедія актера» (*A players Tragedy*) слѣдующаго содержанія: даровитый молодой актеръ имѣетъ большой успѣхъ въ пьесѣ, взятой изъ жизни русскихъ нигилистовъ. Это заставляетъ его ознакомиться съ ихъ ученіемъ и, изучая ихъ сочиненія, онъ понемногу доходить до того, что считаетъ себя дѣйствительнымъ заговорщикомъ и долженъ скрываться отъ преслѣдованій полиціи. Постепенный переходъ отъ упорной неотвязчивой мысли, засѣвшей въ разстроенномъ мозгу, къ окончательному помѣшательству изображенъ психически вѣрно. Но что за странная идея сдѣлать такого маньяка героемъ романа? Тутъ замѣшана также, и совершенно напрасно, любовь къ нисколько неинтересной героинѣ. Недурно очерченъ типъ настоящаго нигилиста, развивающаго помѣшанному свои убѣжденія. Но съ какой цѣлью напечатана вся эта дикая исторія, этого не объяснить, вѣроятно, и самъ авторъ.

— Ненависть свою къ французамъ нѣмцы вносятъ даже и въ историческія изслѣдованія отдаленныхъ временъ. Въ числѣ историковъ перваго крестоваго похода, какъ свидѣтели его, занимаютъ важное мѣсто каноникъ города Пюи Раймондъ Агильеръ, авторъ сочиненія «*Historia Francorum, qui sererunt Iherusalem*», и норманскій писатель, оставившій «*Gesta Francorum*». Историческая критика характеризовала провансальскаго патера, какъ слишкомъ довѣрчиваго фанатика. Теперь Климентъ Клейнъ издалъ его біографію, какъ первоисточникъ крестовыхъ походовъ (*Raimund von Aguilers. Quellenstudie zur Geschichte des ersten Kreuzzuges*), въ которой, основываясь на сходствѣ описанія многихъ событій обоими авторами, выводитъ заключеніе, что оба они, священникъ и рыцарь, писали въ одно время свои исторіи и сообщали другъ другу свѣдѣнія о своемъ трудѣ. Хотя такую гипотезу не легко допустить, но пусть бы нѣмецкій авторъ доволь-

ствовався ею. Онъ, однако, идетъ гораздо дальше и выставляетъ личность Агильера въ самомъ непривлекательномъ видѣ. По словамъ Клейна, каноникъ былъ не фанатикъ, а безстыдный лжецъ, не только вѣрившій въ невозможныя чудеса, но и сочинявшій ихъ *ad majorem Dei gloriam*, еще задолго до Игнатія Лойолы. Клейнъ прямо обвиняетъ каноника въ томъ, что онъ зарылъ во рву, близъ церкви св. Петра, въ Антиохіи кусокъ желѣза и выдалъ его потомъ за копье, которымъ былъ прободенъ Христосъ. Поэтому Клейнъ не признаетъ за историкомъ перваго крестоваго похода никакого значенія, называетъ его фальсификаторомъ, пресмыкающимся мошенникомъ (*schleichender Schurke*), даже преврѣннымъ реалистомъ (*schröder Realist*). Всѣ эти бранные эпитеты доказываютъ только раздраженіе изслѣдователя, а не разоблаченіе писателя, сочиненіемъ котораго пользовались втеченіе девяти вѣковъ, какъ первоисточникомъ. Какимъ же книгамъ послѣ этого вѣрить въ области историческихъ изысканій?

— Гораздо галантнѣе относятся къ своимъ врагамъ французы: они не называютъ мошенниками нѣмецкихъ писателей и добросовѣстно изучаютъ даже тѣхъ изъ нихъ, которые отличаются болѣе благонамѣренностью и ретрограднымъ направленіемъ, чѣмъ талантомъ. Докторъ словесности Рабани издалъ книгу въ 550 страницъ о Коцебу и его времени (*Kotzebue, sa vie et son temps; ses oeuvres dramatiques*). И еще авторъ разбираетъ только одиѣ пьесы этого слащаваго и плодовитаго писателя, которымъ когда-то восхищались наши бабушки, заливаясь слезами во время представленія его драмъ. На русскій языкъ переведены почти всѣ его главныя произведенія, но Рабани оставилъ въ сторонѣ всѣ его историческія труды, романы, повѣсти, полемическія и журнальныя статьи, компіляціи, описанія путешествій, переводы и оцѣниваетъ его, только какъ драматурга. Пьесы его онъ раздѣляетъ на романтическія драмы («Аделаида Вульфингенъ», «Крестоносцы», «Дѣва солнца», «Смерть Роллы»), историческія трагедіи и мѣщанскія комедіи и драмы («Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Сынъ любви», «Вязальныя спицы») и главное свойство его видить въ комизмѣ. Коцебу умѣлъ возбуждать веселость въ зрителяхъ, а въ планировкѣ пьесъ не уступалъ Скрибу. Онъ посмѣвался даже надъ нѣмецкимъ патріотизмомъ, видя въ немъ шовинизмъ. Есть у него комедіи съ претензіями на философскую и политическую сатиру, какъ: «Индѣйцы въ Англіи», «Братъ Морицъ», «Якобинскій клубъ женщинъ», гдѣ рельефно очерчены эмигранты и галлофобы, «Органы мозга», гдѣ рѣзко осмѣяны Галль съ его краниологіей. Мѣстные нравы не дурно изображены въ комедіяхъ: «Любовь сильна», «Репутація», «Человѣкъ, который все знаетъ», «Маленькій нѣмецкій городокъ». Коцебу выводитъ на сцену всѣ классы общества, но лучше всего ему удаются портреты старыхъ дѣвъ, болтливыхъ кумушекъ, фатовъ, кокетокъ, гулякъ и военныхъ. Рабани находитъ, что драматургъ представилъ вѣрную и любопытную картину общества того времени, положеніе дворянъ, крестьянъ и мѣщанъ, придворную жизнь. Интрига у него ведется искусно, діалогъ живъ и остроуменъ. Онъ любитъ запутанныя положенія, особенно такія, гдѣ одно лицо принимается за другое, какъ въ «Рассѣянныхъ», «Почтовая станція въ Треймбриценѣ»; иногда онъ прибѣгаетъ и къ пародіи. Но кригикъ не говорить, что драматургъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ преслѣдовалъ не только своихъ литературныхъ враговъ, но и такъ называемыя либеральныя идеи, которыя въ его время и безъ того не процвѣтали въ Германіи. Сказать, что Коцебу иногда бываетъ геніаленъ, значить черезчуръ преувеличить его

значение, но поставить его выше Ифланда—совершенно основательно. Критикъ находить, что въ авторѣ нѣтъ стремленія къ возвышеннымъ идеаламъ, но заслуги его уже слишкомъ унижены. Что онъ не былъ бездарнымъ литературнымъ ремесленникомъ, съ этимъ можно согласиться, но нельзя утверждать, что страсть къ насмѣшкамъ была причиною его смерти. Карлъ Зандъ убилъ его не за насмѣшки, а за осмѣяніе принциповъ, дорогихъ многимъ.

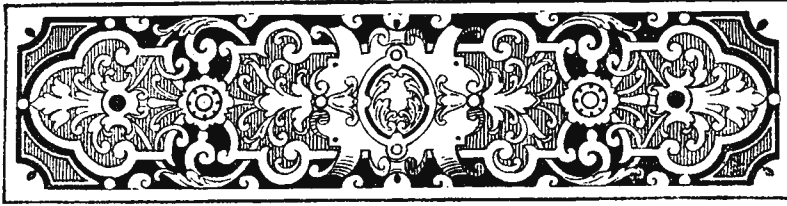
— Характернымъ знаменіемъ времени является книга Павла Сабатье «Жизнь св. Франциска Ассизскаго» («Vie de S. François d'Assise»). Добросовѣстный трудъ многолѣтнихъ архивныхъ занятій, книга эта въ то же время дышитъ искренностью и отличается христіанскимъ паѳосомъ. Очевидно, не случайность навела автора на мысль дать біографію св. Франциска, но сочувствіе и глубокая симпатія къ самому ученію одного изъ проповѣдниковъ нищенства и христіанской любви. Книга Сабатье читается съ большимъ интересомъ, не смотря на довольно большое количество ссылокъ на первоисточники, выписокъ и критическихъ разсужденій. Авторъ подвергъ основательному разбору всѣ имѣющіяся въ числѣ источниковъ біографіи Франциска и поставилъ себѣ цѣлью воссоздать жизнь отстаивателя ордена нищенствующихъ въ томъ видѣ, какъ она была изложена въ утерянной для насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ легендѣ трехъ ближайшихъ сотрудниковъ и приверженцевъ Франциска. Дѣло въ томъ, что его строгія постановленія вскорѣ же послѣ его смерти были заброшены большею частью его собратій по ордену. Многие изъ нихъ изъ честолюбія не захотѣли сдѣлаться противниками папъ и вскорѣ завѣты Франциска о нищенствѣ, смиреніи и т. п. были забыты. Лишь небольшая кучка осталась вѣрна тому, чему ихъ училъ Францискъ въ послѣдніе годы своей жизни. Но на нихъ воздвигали гоненіе, и большинство сочиненій ихъ погибло. Партія сторонниковъ папы въ концѣ концовъ установила одно обязательное для всѣхъ житіе Франциска, и многіе разсказы о святомъ, послѣдующими начальниками ордена были осуждены, какъ еретическіе. Этой участи подвергся и подробный разсказъ о послѣднихъ годахъ жизни основателя францисканскаго ордена, составленный тѣми изъ братій, которые въ это время находились съ нимъ. Сабатье однако удалось отыскать отрывки этой легенды въ одномъ изъ францисканскихъ сборниковъ, на который до сихъ поръ обращалось мало вниманія. Они и послужили для него болѣе важнымъ источникомъ въ послѣднихъ главахъ его сочиненія, посвященныхъ «гимну солнца», послѣднему году жизни, завѣщанію и смерти Франциска. Особенный интересъ представляютъ собранныя Сабатье свидѣтельства о такъ называемыхъ «стигматахъ», т. е. какъ бы слѣдахъ отъ ранъ, на подобіе ранъ Спасителя, незадолго передъ смертью появившихся на тѣлѣ Франциска. По словамъ очевидцевъ, это были чернаго цвѣта бородавкообразныя наросты, появившіеся на ладоняхъ и на ногахъ основателя ордена нищенствующихъ. По словамъ другихъ свидѣтелей и на боку у него было кровавое пятно, изъ котораго иногда сочилась кровь. Сабатье не рѣшается прямо отвергнуть эти разсказы и приводитъ имъ слѣдующее объясненіе. Крайне впечатлительный и подверженный галлюцинаціямъ, Францискъ въ послѣднее время почти исключительно думалъ о крестныхъ страданіяхъ Спасителя и какъ бы самъ перестрадалъ все. Чрезмѣрное умственное напряженіе и постоянная дума объ одномъ и томъ же не могли не реагировать извѣстнымъ образомъ и на самое тѣло. Принятые почти всѣми въ настоящее время гипнотическія теоріи о самовнушеніи дѣлаютъ такое объ-

ясненіе въ достаточной мѣрѣ убѣдительнымъ. Вѣдь наблюдались случаи, что одно гипнотическое внушеніе безъ всякаго физическаго воздѣйствія вызывало болѣзненные явленія на тѣлѣ гипнотизируемаго.

— Любопытное изслѣдованіе издалъ Стракошъ-Гросманъ о вторженіи монголовъ въ среднюю Европу въ 1241—1242 годахъ (*Der Einfal der Mongolen in Mittel-Europa in den Jahren 1241—1242*). Извѣстія объ этомъ фактѣ встрѣчаются у историковъ Вольфа, Оксона и другихъ, но мало разработаны, и авторъ собралъ и изслѣдовалъ всѣ данныя, относящіяся къ попыткамъ завоевать и Европу, какъ была завоевана Русь. Сначала описывается походъ татаръ черезъ Польшу и сраженіе при Лигницѣ, послѣ котораго были взяты и опустошены Краковъ, Бреславль и другіе города. Затѣмъ татары вторглись въ Моравію, сожгли Литовъ, Фриденталь, но потерпѣли поражение подъ Ольмюцомъ, гдѣ былъ убитъ одинъ изъ ихъ вождей Канду. Тогда они перешли въ Венгрію, гдѣ разгромили Гросвардейнъ, Эгрешъ, Перечь, Пешть, Вайценъ. Король Бела и его семья должны были бѣжать въ Далмацію. Орды явились и въ Босніи, Сербіи, Болгаріи, перейдя Дунай. Но тутъ и остановились ихъ завоеванія, когда раздоры, возникшіе въ центрѣ ихъ владычества, въ Азіи, заставили ихъ предпринять обратный походъ. Стракошъ дѣлаетъ оцѣнку источниковъ того времени, передающихъ рассказы о нашествіи: риемованной чешской хроники, письма Ива Нарбонскаго, армянина Гайкана, указываетъ на ошибки и послѣдующихъ историковъ, снимаетъ съ чешскаго короля Вячеслава обвиненіе въ трусости, возведенное на него Вольфомъ, и доказываетъ, что, когда татары вторглись въ Моравію, Вячеславъ былъ на Эльбѣ. Не онъ дѣлалъ, что могъ, и собралъ войско противъ враговъ, перешедшихъ между тѣмъ въ Венгрію. Зато Германія не принимала противъ нихъ никакихъ мѣръ и не отзывалась на общія требованія—вооружиться противъ азіатскихъ ордъ. Вольфъ утверждаетъ, что сыновья императора Конрадъ и Генрихъ одержали побѣду надъ татарами, заставивъ ихъ снять осаду Вѣны, но Стракошъ говоритъ, что и осада эта весьма сомнительна: одинъ лѣтописецъ относитъ ее къ июню 1241 года, другой описываетъ, какъ татары перешли по льду замерзшаго Дуная въ ночь на рождество. Отдѣльные отряды ихъ могли попытаться проникнуть въ столицу, но вести правильную осаду они не могли. Гайканъ говоритъ, что они и ушли изъ Европы оттого, что въ этомъ сраженіи былъ убитъ ихъ ханъ Батый, прожившій, однако, до 1255 года.

— Если въ исторіи добиться правды также трудно, какъ и въ жизни, то, во всякомъ случаѣ, попытки писателей очернить того или другого историческаго дѣятеля заслуживаютъ меньше вниманія, чѣмъ старанія облить выставленныя въ дурномъ свѣтѣ личности. Валь избралъ предметомъ своей латинской диссертациі Беренику (*De regina Berenice*). Царица эта опозтирована въ литературѣ элегіею Катутла къ соавздію «Волосы Береники» и трагедіею Расина, возобновленною недавно въ Парижѣ съ большимъ успѣхомъ, не смотря на то, что ей 222 года. Но исторія представляетъ царицу въ весьма непривлекательномъ видѣ. Теперь Валь доказываетъ, что возводимыя на нее обвиненія бездоказательны или преувеличены, съ чѣмъ, однако, трудно согласиться безусловно. Она была дочерью іудейскаго царя Агриппы I, большого интригана, и добродѣтельной матери. У нея было два брата и двѣ сестры. Одна изъ нихъ, Друзилла, вышла за прокуратора Феликса, брата отпущенника Палласа, любимца императоровъ Калигулы и Клавдія. Черезъ его покровительство Агриппа добился возстановленія царства Іудейскаго и

назначенъ царемъ. Береника если не воспитывалась въ Римѣ, то часто бывала въ немъ. По своему образованію, правамъ, образу жизни, она была скорѣе римлянка, чѣмъ еврейка. Дѣятельная, честолюбивая, она стремилась къ роскоши, къ власти, къ почестямъ. Красота ея сохранилась до позднихъ дней. По смерти Агриппы она вышла за Ирода, своего дядю, что было если и въ еврейскихъ, то никакъ не въ римскихъ обычаяхъ. Уже при жизни его объ ней ходили не лестные слухи, а по смерти его она жила съ своимъ братомъ Агриппою II, и Ювеналь обвиняетъ ихъ въ кровосмѣшеніи. Валь требуетъ положительныхъ доказательствъ этому, но гдѣ ихъ взять? Чтобы прекратить дурные слухи, Береника вышла въ третій разъ за Полемона, но въ скоромъ же времени развелась съ нимъ, вслѣдствіе распутной жизни, говоритъ Іосифъ Флавій, но не прибавляетъ: чьей именно? Валь относитъ эти слова къ Полемону. Отчего же не къ Береникѣ, возвратившейся тотчасъ же къ своему брату? Оба они во время возстанія евреевъ въ 65 году, послѣ напрасныхъ попытокъ усмирить своихъ соотечественниковъ, перешли на сторону римлянъ. Веспасіанъ явился со своимъ сыномъ, подавить бунтъ. Братъ и сестра приняли ихъ съ почетомъ въ Цезарѣхъ. Титу было 27 лѣтъ, Береникѣ 40, но она была все еще красавица и сдѣлалась его любовницею. По взятіи Іерусалима, она убѣждала его сдѣлаться царемъ Востока, и онъ склонился къ этой мысли; но когда Веспасіанъ сдѣлался императоромъ, въ любовникѣ проснулся честолюбецъ. Онъ, правда, вызвалъ ее въ Римъ, но не осыпалъ богатствомъ, такъ что для поддержанія роскошной жизни она принуждена была продать свои брилліанты. Римляне ненавидѣли ее, какъ чужестранку и еврейку; противники новой династіи Флавіевъ перенесли свою вражду и на Беренику. Ее оскорбили публично въ театрѣ, при рукоплесканіяхъ всѣхъ зрителей. Титъ выслалъ ее изъ Рима, оберегая свою популярность. Светоній говоритъ, что онъ былъ уже тогда императоромъ. Діонъ Кассій относитъ высылку къ 72 году, то-есть за семь лѣтъ до его воцаренія. Валь держится мнѣнія послѣдняго историка, что, впрочемъ, безразлично. Она долго еще надѣялась возвратитъ любовь Тита и власть надъ нимъ, и по смерти Веспасіана вернулась въ Римъ, но принуждена была снова оставить его, въ стыдѣ и отчаяніи. Ей было тогда 50 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ исторія теряетъ ея слѣды: вернулась ли она въ Палестину, или удалилась въ Грецію, гдѣ аеяняне воздвигли ей статую — осталось неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ она пережила Тита, царствовавшего всего два года и умершаго 39-ти лѣтъ. Если бы Титъ, черезчуръ уже возвеличенный римскими историками, привычными видѣть въ своихъ императорахъ образцы всѣхъ пороковъ и преступленій, былъ больше Антоніемъ, чѣмъ Августомъ, Береника была бы императрицею ничуть не хуже историческихъ римлянокъ, да и вообще эта страстная и властолюбивая еврейка была лучше всѣхъ четырехъ соименныхъ ей царицъ, жень четырехъ Птолемеевъ. На ней не лежитъ, по крайней мѣрѣ, ни одного кроваваго преступленія. Она была женщиной своей эпохи и не виновата въ томъ, что Расинъ создалъ изъ нея сентиментальную героиню, желавшую сдѣлаться «примѣромъ пламеннымъ» возвышеннымъ сердцамъ въ святой покорности и долгу и богамъ», для того, чтобы заставить Людовика XIV отпустить въ Англію Генріетту, жену своего брата Филиппа Орлеанскаго, и не сдѣлать ея своею любовницею.

СМѢСЬ.

ЕМИДЕСЯТИПЯТИЛѢТІЕ Петербургскаго университета. На торжественномъ актѣ, въ стѣнахъ университета, въ знаменательную годовщину его основанія, не было никакихъ депутацій и адресовъ, за исключеніемъ привѣтствія, прочитаннаго профессоромъ Тимирязевымъ отъ имени Московскаго университета. Програма была обычная: отчетъ, академическая рѣчь, а затѣмъ обѣдъ съ тостами «по програмѣ», какъ значилось на билетахъ,—празднованіе довольно скромное. Въ Кэмбриджѣ празднованіе продолжалось три недѣли, но оно основанъ въ 1229 году. Болонскій университетъ существуетъ съ 1119 г., то-есть 775 лѣтъ. Когда основался Болонскій университетъ, у насъ княжилъ Владиміръ Мономахъ и, «сѣдя на санѣхъ», писалъ поученіе дѣтямъ. Это былъ нашъ маленький университетъ, но и его не стало послѣ нашествія татаръ. На Западѣ академическая жизнь успѣла уже окончательно обособиться отъ общественной и государственной, тогда какъ у насъ, наоборотъ, она частью поглощается теченіемъ общества, частью поглощаетъ, въ свою очередь, общественныя теченія. У насъ университетъ является не только вмѣстилищемъ науки, но и питомникомъ государственныхъ силъ и расадникомъ гражданственности. Расцвѣтъ Петербургскаго университета всегда совпадалъ съ подъемомъ общественнаго пульса и напряженіемъ государственной энергіи. Лучшіе и самыя плодотворныя моменты въ исторіи Петербургскаго университета, это—моменты общественнаго оживленія. Въ началѣ 20-хъ годовъ дѣйствуетъ цѣлая плеяда профессоровъ, съ Куницынымъ въ главѣ,—какъ говоритъ Пушкинъ:—«кѣмъ чистая лампада возжена». Подобный же моментъ замѣчается въ 40-хъ годахъ (до 1848 года) и, наконецъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Въ университетѣ отражались лучшія стремленія общества, тамъ зачинались идеи государственныхъ реформъ, и сосредоточивались гуманитарныя теченія времени. Литература, искусство, образованность, наконецъ, гражданское чувство — все это группировалось вокругъ

университета, сообщая наукѣ характеръ живого общественнаго дѣла и оплодотворяя общественное служеніе высокими идеалами науки. Этотъ періодъ академической науки Западъ пережилъ уже давно. Университетская наука нерѣдко отстаетъ отъ общественной жизни или неизмѣримо далеко уходитъ впередъ отъ нея и во всякомъ случаѣ живетъ своею собственною замкнутою жизнью. Въ Германіи эта обособленность университета сказывается съ особенною яркостью. На одной сторонѣ буршество, на другой филистерство. Наука стала тамъ до нѣкоторой степени цѣльнымъ началомъ, «искусствомъ знанія», если можно такъ сказать, тогда какъ у насъ университетская наука не переставала и не перестаетъ быть средствомъ жизни и орудіемъ ея направленія и познанія. Когда обскурантизмъ завладѣвалъ передовыми позиціями, это прежде всего сказывалось на Петербургскомъ университетѣ. На первыхъ же порахъ своего существованія этотъ университетъ подвергся ударамъ Рунича и Магницкаго. Въ 1848 г. новая реакція и новые удары университету. Петербургскій университетъ живой свидѣтель новѣйшей русской исторіи. Много есть теперь образованныхъ людей, не бывшихъ въ университетахъ, но они созданы университетомъ. Много культурныхъ явленій въ русской жизни, не находящихся, повидимому, ни въ какихъ отношеніяхъ съ университетскою наукой, но первоисточникъ ихъ, всетаки, въ университетѣ. Отчего же такъ ничтожна повѣсть «временныхъ лѣтъ», касающаяся инженерныхъ, технологическихъ и разныхъ иныхъ институтовъ, и такъ краснорѣчива лѣтопись Петербургскаго университета!

Актъ начался чтеніемъ отчета, первыя слова котораго констатировали прогрессъ науки за послѣднее время. Чтобы почтить 75-тилѣтнее служеніе университета наукѣ, совѣтомъ его приступлено къ составленію «Биографическаго словаря профессоровъ и преподавателей университета» и «Матеріаловъ къ исторіи университета за послѣднее 25-тилѣтіе». Была почтена память бывшихъ членовъ университета: академикомъ Я. К. Грота и А. Ф. Миддендорфа и профессоромъ Ю. Э. Янсона и С. М. Георгіевскаго. Въ те же года при университетѣ состояло 188 профессоровъ, лекторовъ, приватъ-доцентовъ и лаборантовъ. Въ почетные члены въ этотъ періодъ были избраны: князь Николай I Черногорскій, митрополиты Палладій и Иоанникій, начальникъ академіи главнаго штаба генераль-лейтенантъ Г. А. Лееръ и членъ французскаго института Луи Пастеръ. Студентовъ по 1-е января 1894 года на всѣхъ факультетахъ состояло 2.634 и постороннихъ слушателей 41. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ всѣхъ студентовъ было только 1.148. За годъ было выдано выпускныхъ свидѣтельствъ 332. За 75 лѣтъ университетъ выпустилъ 9.212 окончившихъ курсъ. Оставлено при университетѣ для приготовления къ профессурѣ 96 и при факультетахъ 192 лица. Возведено въ степень магистра 6, въ степень доктора 2. Средства университета состояли изъ суммъ штатныхъ, спеціальныхъ и стипендіальныхъ. Изъ первыхъ израсходовано 124.803 руб., изъ вторыхъ—76.100 руб. Стипендій и пособій было выдано на сумму почти 90.000 руб. и на 26.000 руб. освобождено отъ платы. Въ стипендіальныя суммы поступили пожертвованія на 31.300 руб. Библіотека состоитъ изъ 95.522 названій въ 220.467 томахъ. Лекцій за годъ было прочитано въ среднемъ по 606 въ недѣлю. Профессора вели со студентами, кромѣ лекцій, и практическія занятія по различнымъ отраслямъ наукъ. Они заявили себя также своими трудами и на научно-литературномъ поприщѣ. Въ январѣ текущаго года исполнилось 10-тилѣтіе со дня, когда былъ впервые организованъ процвѣтающій нынѣ оркестръ студентовъ. При университетѣ продолжало свою дѣятельность историческое общество, насчитывающее въ своей средѣ 272 члена. Въ коллегіи императора Александра II въ первую половину академическаго года жило 105 и во вторую 116 человекъ. Приходъ коллегіи былъ 57.352 руб. и расходъ 55.063 руб. Общество вспомошествованія студентамъ балансировало свой от-

четь суммою прихода 33.317 руб. и расхода 23.873 руб. Во врачебной приемной университета было сдѣлано 2.452 посѣщенія.

Въ 1884 году министерство народнаго просвѣщенія сочло необходимымъ ввести новый уставъ. По новому положенію, ректоръ избирается министромъ и высочайше назначается на 4 года; деканы избираются попечителемъ и утверждаются министромъ; секретарь факультета избирается деканомъ и утверждается въ должности попечителемъ округа. Ректору ввѣряется непосредственное завѣдываніе всѣми частями управления университетомъ; всѣ служащіе и состоящіе при университетѣ обязаны исполнять требованія ректора. На совѣтъ возложено ближайшее наблюденіе за академическимъ преподаваніемъ. Въ устройствѣ учебной части по новому положенію сдѣланы значительныя измѣненія. Университетскій курсъ наукъ разбитъ на полугодовые семестры, и вмѣсто экзаменовъ отъ слушателей потребованъ зачетъ полугодій; введены въ особыхъ комисіяхъ государственные экзамены, по коимъ и выдаются испытуемымъ дипломы первой и второй степени. Выпускные экзамены при университетѣ отмѣнены. Введено гонорарное вознагражденіе профессоровъ, и дано широкое развитіе институту приватъ-доцентовъ. Объ уставѣ 1884 года судить еще рано, да къ тому же послѣдовавшія министерскія распоряженія произвели въ немъ уже перемѣны. Такъ, возвышена плата въ 1887 г. въ пользу университетовъ съ 5 до 50 рублей; возстановлены годовыя переходныя испытанія съ курса на курсъ.

Доминъ Петра Великаго въ Борисовѣ. Въ «Южномъ Краѣ» помѣщено описаніе домика Петра Великаго, находящагося въ с. Борисовкѣ (гр. Шереметевыхъ), Гравйворонскаго уѣзда, Курской губерніи. Объ этомъ домикѣ мало кому извѣстно, а въ немъ, по преданію, Петръ отдыхалъ три дня послѣ Полтавской битвы, подаривъ Борисовку своему сподвижнику, фельдмаршалу Бор. Петр. Шереметеву. Домикъ помѣщается въ саду, отдѣленномъ отъ двора легкою деревянною рѣшеткою. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ развѣсистыми березами. Самый домикъ—двухъярусная бревенчатая (на подклѣтѣ) изба (квадратной формы, по 9 аршинъ въ каждой сторонѣ, и въ вышину 3 аршина), но не въ малороссійскомъ, а въ великорусскомъ стилѣ, съ рѣзнымъ полотенцемъ къ фронтону и рѣзнымъ конькомъ на двускатной крышѣ. Для сбереженія она покрыта деревяннымъ же навѣсомъ на высокихъ столбахъ; къ ней, для входа въ верхній этажъ, прорублено особое крыльцо, тоже подъ навѣсомъ, и верхній этажъ съ двухъ сторонъ окруженъ узкою ходовою галереей, какая нерѣдко встрѣчается у нашихъ старинныхъ деревянныхъ церквей. На карнизѣ верхняго этажа начертана надпись по-русски, но польскими буквами: «Генеральная это квартира». Каждый этажъ состоитъ изъ двухъ комнатъ, главной и боковой; нижній этажъ совершенно пустой (безъ лавокъ и столовъ); въ верхнемъ по стѣнамъ дубовыя лавки; въ восточномъ углу къ образамъ массивный деревянный дубовый же столъ съ выдвигаемымъ ящикомъ; въ восточномъ углу икона Распятія Господня живописной работы; боковая комната, очевидно, служила опочивальнею и кабинетомъ; комната эта освѣщается однимъ, а большая четырьмя окнами. Какъ домикъ, такъ и сохраняющій его навѣсъ сильно обветшали и покосилась съ устоями, такъ что ремонтровка его крайне необходима.

Историческое общество. Въ послѣднемъ засѣданіи г. Мякотинъ прочелъ цѣнный докладъ—ислѣдованіе вопроса «о прикрѣпленіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ». Вопросъ этотъ, не смотря на историческія ислѣдованія Н. И. Костомарова, до настоящаго времени является мало разработаннымъ. Г. Мякотинъ внесъ много новаго въ его освѣщеніе. Ислѣдованіе основывается на документальныхъ данныхъ, найденныхъ въ архивахъ. Моментъ прикрѣпленія крестьянъ въ Малороссіи полонъ трагическаго интереса. Народъ, сбросивъ съ себя иго порабощенія, вновь оказался черезъ 130 лѣтъ, состоящимъ изъ двухъ группъ: господъ и безправной на-

родной массы. Послѣ возстанія Богдана Хмѣльницкаго, освободившаго Малороссію отъ польской зависимости, шляхта потеряла свое первенствующее значеніе и слилась съ казаками, принявъ ихъ права и обязанности и передавъ имъ свое имя—шляхетство. Крестьяне сдѣлались свободными и отличались отъ казаковъ только своею службою. Казаки исполняли воинскую повинность, крестьяне—финансовую. Но вскорѣ между владѣльцами (шляхтой, монастырями и войсковымъ старшиною) и крестьянами возникъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ. Крестьянинъ, поселившись въ какомъ либо владѣніи, былъ свободенъ и дѣлился съ владѣльцемъ только частью своихъ доходовъ. Онъ пользовался правомъ свободного перехода къ другому владѣльцу и сохранялъ за собой право на участокъ земли. Когда ослабѣла гетманская власть, отстаивавшая интересы крестьянъ, владѣльцы приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы освободиться отъ экономическихъ условій, стѣснявшихъ ихъ, такъ какъ при переходѣ крестьянъ у нихъ исчезли рабочіе. Они, пользуясь тѣмъ, что административныя и судебныя власти состояли изъ лицъ владѣльческаго сословія, пытались право собственности крестьянъ подчинить своему контролю. Въ 1708 г. Мазепа, по жалобѣ одного изъ частныхъ владѣльцевъ, сдѣлалъ распоряженіе, что крестьяне при переходѣ лишаются права на поземельный участокъ. Это распоряженіе современемъ узаконилось, перешло въ обычай. Владѣльцы стали отрицать уже на основаніи обычая право у крестьянъ имѣть поземельную собственность. У крестьянъ осталось право брать съ собой при переходѣ только движимое имущество. Переходъ сократился, но, всетаки, продолжалъ существовать. Владѣльцы, нуждаясь въ рабочихъ, старались связать себя съ крестьянами разными договорами. Первый примѣръ дали монастырскія маетности. Такъ, Черниговско-Борисоглѣбскій монастырь обязалъ нѣсколько крестьянъ договоромъ, что они будутъ считаться вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми монастырскими подданными. Современемъ монахи усвоили взглядъ на переходъ крестьянъ, какъ на нарушеніе обязательствъ. Примѣру монастырей послѣдовали свѣтскіе помѣщики. Крестьянскія жалобы оставались безъ послѣдствій. Судъ рѣшалъ дѣла въ интересахъ помѣщиковъ, чему особенно способствовалъ малый правительственный контроль. Началось открытое закрѣпощеніе крестьянъ. Даже казаки, поступавшіе слугами, подвергались опасности закрѣпощенія. Въ 1728 г. владѣльцы обратились къ гетману Апостолу съ просьбой прикрѣпить тѣхъ крестьянъ, которые садятся на земли владѣльцевъ. Свои личные интересы они прикрывали тѣмъ соображеніемъ, что при свободномъ переходѣ крестьянъ нельзя собирать акуратно государственныя подати. Въ 1738 году кабинетъ министровъ издалъ указъ, которымъ предписывалось всѣмъ владѣльцамъ возвратить бѣглыхъ казаковъ для водворенія ихъ на прежнихъ мѣстожительствахъ. Хотя этотъ указъ былъ направленъ противъ эмиграціи казаковъ изъ Малороссіи, но владѣльцы воспользовались имъ въ своихъ интересахъ и ссылались на него, какъ на указъ, запрещающій переходъ крестьянъ въ Малороссію. Когда такое объясненіе указа дошло до центральной власти, былъ изданъ въ 1742 г. другой officialный указъ о томъ, что переходъ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому разрѣшается. Тогда владѣльцы вновь стали удерживать движимое имущество уходившихъ крестьянъ, якобы въ вознагражденіе убытковъ, причиняемыхъ уходомъ. При гетманѣ Разумовскомъ въ 1759 г., государственная канцелярія рѣшила, что крестьяне при переходѣ лишаются права собственности, а въ 1760 г. гетманъ Разумовскій издалъ универсалъ, въ которомъ говорится, что переходъ крестьянъ неудобенъ для интересовъ правительства, а потому онъ возможенъ тогда, когда владѣльцы дадутъ крестьянамъ отпускъ. Этотъ универсалъ ставилъ крестьянъ въ зависимость отъ владѣльцевъ. Переходы совершались уже рѣже. Когда вступила на престолъ Екатерина II, было уничтожено гетманство, въ Малороссіи назначенъ гене-

раль-губернаторъ, и ему дана инструкція прекратить переходы. Взгляды владѣльцевъ и правительства оказались солидарными по крестьянскому вопросу. Наказомъ Екатерининской комисіи предписывалось наказывать самовольно ушедшихъ крестьянъ ссылкой въ Сибирь и налагать штрафъ на помещиковъ, принявшихъ бѣглецовъ. Наконецъ, 3-го мая 1783 г. послѣдовалъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Докладчику опонировали профессоръ Лаппо-Данилевскій, В. И. Семевскій и друг. Профессоръ В. И. Семевскій указалъ на то, что изслѣдованіе г. Мякотинымъ вопроса о прикрѣпленіи крестьянъ на основаніи архивнаго матеріала представляетъ собою гигантскій трудъ и вноситъ много новаго въ историческую литературу.

Слѣдующее засѣданіе посвящено было реферату приватъ-доцента Н. Д. Чечулина «Попытка государственнаго совѣта при Екатеринѣ II». По словамъ референта, до самаго послѣдняго времени въ нашей ученой литературѣ повторяется относительно учрежденія государственнаго совѣта при Екатеринѣ II мнѣніе, высказанное еще Соловьевымъ, что проектъ совѣта—дѣло графа Н. И. Панина, что Екатерина II была противъ этого учрежденія, въ которомъ видѣла желаніе ограничить ея власть, что Панинъ дѣйствительно стремился къ такому ограниченію. По мнѣнію г. Чечулина, это не справедливо. Соловьевъ не могъ долго оставаться на этомъ и потому впалъ въ ошибку, которую послѣ него повторилъ позднѣйшій изслѣдователь этой эпохи—г. Вильбасовъ во второмъ томѣ своей «Исторіи Екатерины». Въ государственномъ архивѣ хранится манифестъ объ учрежденіи «Императорскаго совѣта», написанный рукой Панина, съ небольшими поправками Екатерины, подпись которой, впрочемъ, оборвана. Какъ видно изъ этого проекта, а также другихъ свидѣтельствъ современниковъ, предполагалось учредить совѣтъ изъ 6 или 8 совѣтниковъ (по разнымъ вѣдомствамъ), въ вѣдѣніе котораго передать всѣ дѣла, безъ всякихъ изъятій, подчинить государственныя дѣла законамъ, минуя, такимъ образомъ, фаворитовъ. Этотъ же совѣтъ могъ, по проекту, выработать законы, издавать которые должна одна лишь «персона государства», а не сенатъ. Проектъ этотъ не даетъ никакихъ данныхъ видѣть въ его авторѣ стремленія къ ограниченію верховной власти. Можно думать, что Екатерина II сама вызвала проектъ объ «Императорскомъ совѣтѣ». Она бесѣдовала объ этомъ съ разными лицами. Представлено было нѣсколько проектовъ. Любопытно, что проектъ фельдмаршала Миниха чрезвычайно схожъ съ проектомъ графа Панина. Средство это даетъ возможность предположить, что общая руководящая идея принадлежитъ Екатеринѣ II. Екатерина II, по словамъ г. Чечулина, не только читала всѣ эти проекты, но даже дѣлала опыты—осуществить ихъ на практикѣ, устраивала предварительную пробу. Такъ, 11-го февраля 1763 года была созвана комисія изъ 8 человекъ для пересмотра проекта о вольности дворянства. Та же комисія 17-го апрѣля разсматривала вопросъ о раздѣленіи сената на департаменты, представила свои доклады по этимъ вопросамъ. Императорскій совѣтъ, однако, учрежденъ не былъ. Рефератъ вызвалъ обстоятельныя и убѣдительныя возраженія со стороны В. И. Семевского, г. Мякотина и г. Брауло, которые настаивали на правильности точки зрѣнія Соловьева, доказывали, что у графа Панина были ясныя стремленія, сознанія всѣми его современниками, къ ограниченію царской власти аристократіей. Можно считать установленнымъ фактъ, что Екатерина II желала только и высказывалась за введеніе законности въ управленіе, за нѣкоторое преобразование сената, но врядъ ли могла желать второго верховнаго совѣта, олигархическаго правленія, которое проектировалъ Панинъ. Записки декабриста Фонвизина, на которыя указалъ В. И. Семевскій, заключающія въ себѣ начало проекта, написаннаго Панинымъ, служатъ прекраснымъ доказательствомъ того, что Панинъ дѣйствительно стремился къ ограниченію и стѣсненію верховной власти олигархическимъ совѣтомъ.

Столѣтняя годовщина рожденія И. И. Сосницкаго. 16-го февраля театральнѣйшій міръ чествовалъ очень скромно память столѣтія со дня рожденія артиста, «Дѣдушки русскаго театра». Этотъ титулъ, данный Ивану Ивановичу, тѣсно связываетъ его со сценою и семейю артистовъ. Какъ Дмитревскаго считаютъ прадѣдомъ, Сосницкаго дѣдомъ, такъ Мартынова отцомъ истиннаго искусства. Дѣтей въ наше время не осталось. Сосницкій воспитывался въ театральномъ училищѣ и готовился быть машинистомъ, какъ Мартыновъ танцовщикомъ и декораторомъ. Сосницкій былъ принятъ въ лучшихъ салонахъ и поражалъ всѣхъ въ танцахъ исполненіемъ мазурки. Это былъ лучший салонный танцоръ своего времени, какъ впоследствии Гольцъ и Кшесинскій. Въ репертуарѣ Сосницкаго насчитывается болѣе тысячи ролей, а изъ этой тысячи болѣе половины были созданіями художественными. Онъ прослужилъ искусству болѣе шестидесяти лѣтъ, и почти до конца жизни продолжалъ появляться въ новыхъ роляхъ. Ему справляли юбилеи: 50-ти-лѣтній и 60-ти-лѣтній. Въ первый онъ получилъ золотую медаль, во второй брилліанты на медаль, причѣмъ былъ почтенъ особеннымъ вниманіемъ Александра II. Государь, выйдя на сцену, прошелъ прямо въ уборную къ Сосницкому, удостоилъ его продолжительной бесѣдой, причѣмъ, съѣвъ самъ, пригласилъ и старика съѣсть рядомъ. Вышелъ государь отъ Ив. Ив. Сосницкаго растроганный и, обращаясь къ артистамъ, сказалъ: «старъ сталъ мой Иванъ Ивановичъ... Берегите его, господа, холте старика, онъ вполне заслужилъ заботы о себѣ». Умеръ Сосницкій въ 1871 году 24-го декабря. Погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ рядомъ съ женою. Могила для себя еще при жизни приготовилъ онъ самъ, и даже барельефный портретъ его для памятника заказывалъ самъ, нисколько не боясь смерти.

† Сенаторъ Федоръ Михайловичъ Дмитріевъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ занималъ постъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа. Извѣстность его не исчерпывается административной службой. Онъ былъ знатокъ гражданскаго права и дѣятельный сотрудникъ періодическихъ изданій въ 60-хъ годахъ: «Русскаго Вѣстника», «Атеней», «Наше Время» и др. Изъ ряда его научныхъ трудовъ выдается блестяще защищенная на степень магистра гражданскаго права диссертация: «Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ», получившая демидовскую премію; затѣмъ статьи: «О преобразованіи цензурнаго вѣдомства», «Объ университетскомъ уставѣ», «О судебной реформѣ», «О семейной хроникѣ С. Т. Аксакова» и «Графъ М. М. Сперанскій». Ф. М. родился въ 1829 г., образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета. По окончаніи университетскаго курса онъ сопровождалъ, въ качествѣ секретаря, великую княгиню Елену Павловну въ заграничномъ путешествіи и одновременно готовился къ профессорскому званію. Защитивъ диссертацию на степень магистра въ 1859 году, онъ былъ приглашенъ читать иностранныя законодательства въ Московскомъ университетѣ. Одно время (съ 1868 по 1881 годъ) Ф. М. жилъ въ Сызранскомъ уѣздѣ, въ своемъ помѣстьѣ, и здѣсь принималъ дѣятельное участіе по земству и мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ.

† Присяжный повѣренный петербургскаго округа Павелъ Яковлевичъ Левенсонъ, писатель и общественный дѣятель, еврейскаго происхожденія, сотрудникъ журнала «Гражданскаго и уголовнаго права», «Судебнаго Вѣстника», «Сѣвернаго Вѣстника» и другихъ изданій. Написалъ биографію Бен-тама и Бекарія, занимался музыкой, до конца жизни заботился объ интересахъ евреевъ. Умеръ 57-ми лѣтъ.

† Евгений Карловичъ Альбрехтъ, инспекторъ оркестровъ петербургскихъ театровъ, музыкальный дѣятель, скрипачъ и писатель, издалъ замѣчательныя воспоминанія «Прошлое и нынѣшнее оркестра» и «Петербургская консерваторія», также «Гусельки», «Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ», «Школьныя

пѣсни», «Солдатскія и казацкія пѣсни», «Школа скрипичной игры» и др. Умеръ 52-хъ лѣтъ.

† Иванъ Александровичъ Шмаковъ, инженеръ въ Казани, писатель, составилъ проектъ осушенія Сиваша и сдѣлалъ много изобрѣтеній. Его историческія, біографическія и другія статьи печатались въ «Древней и Новой Россіи», «Морскомъ Сборникѣ», столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ біографіи пѣвца Саріоти.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена замѣтка А. Васильева объ артистѣ Саріоти. Считаю излишнимъ сдѣлать къ ней слѣдующую поправку. Въ бывшемъ провіантскомъ департаментѣ чиновника Саріоти не было, а былъ Иванъ Сазоновичъ Сиріоти, у котораго воспитывался пѣвецъ Саріоти, носившій дѣйствительно первоначально фамилію своего пріемнаго отца. Почему онъ перемѣнилъ потомъ въ ней одну букву, мнѣ неизвѣстно, но тогда говорили, что онъ это сдѣлалъ по протесту родственниковъ Сиріоти, не желавшихъ видѣть своей фамиліи на афишахъ.

Н. Арнольди.

зналъ, что за любовь женщины нерѣдко самые благородные герои отказывались отъ достиженія своихъ великихъ цѣлей. Но его рѣшимость оставалась непоколебимой.

Онъ не спалъ уже двѣ ночи и два дня, впродолженіе которыхъ странствовалъ вокругъ Кромлэ. Мракъ и дождь все усиливались; наконецъ, утомленный, истощенный нравственными и физическими страданіями, онъ вернулся къ гранитному распятію, прилегъ на землю среди высокой совершенно скрывавшей его травы и вскорѣ заснулъ.

XXI.

С о н ъ.

Въ эту ночь Роанъ видѣлъ сонъ. Ему казалось, что онъ лежалъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ заснулъ, устремивъ глаза на гранитное распятіе. Вокругъ него царили мракъ и могильная тишина; вѣтеръ уныло завывалъ, а дождь падалъ крупными каплями въ купель. Сердце юноши тревожно билось, потому что, смотря на фигуру распятаго Христа, онъ съ трепетомъ замѣчалъ, что она какъ бы оживилась, дышала и двигалась. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, но спустя нѣсколько мгновеній послышался слабый стонъ. Отъ страха Роанъ потерялъ сознание, а когда онъ очнулся, то на крестѣ никого не было, а Христосъ стоялъ подлѣ него. Глаза его были устремлены на него, и онъ тихо произнесъ:

— Встань и слѣдуй за мной.

Сія неземной красотой и уже возбуждая въ Роанѣ не ужасъ, а религиозный энтузіазмъ, чудесное видѣніе двинулось въ путь, и онъ послѣдовалъ за нимъ. Часы шли за часами, а они все шли черезъ большіе лѣса, высокія горы, быстро бѣжавшія рѣки, села и города, погруженные въ безмятежный сонъ; наконецъ, они очутились въ прекрасномъ саду, украшенномъ фонтанами, и остановились передъ громаднымъ зданіемъ, окна котораго блестяли при свѣтѣ луны. Божественный призракъ остановился передъ колоссальной дверью и поднялъ руку. Дверь открылась, и они вошли въ темные корридоры, которые, однако, ярко освѣщались лучезарнымъ блескомъ, исходящимъ отъ видѣнія, за которымъ слѣдовалъ Роанъ.

Они прошли много залъ, украшенныхъ картинами и статуями, много галлерей съ мраморными колоннами, много комнатъ, роскошно меблированныхъ, и достигли наконецъ двери, завѣшанной тяжелымъ ковромъ. Эта дверь тихо открылась, и Роанъ увидалъ передъ собою небольшую комнату, въ которой сидѣлъ за письменнымъ столомъ какой-то человекъ и писалъ что-то при свѣтѣ лампы. Лица его не было видно, но было что-то удручающее въ сознаніи,

что этотъ одинъ человѣкъ работалъ, когда весь міръ спалъ. Юношѣ казалось, что онъ часами смотрѣлъ на эту таинственную фигуру, и, наконецъ, онъ впалъ въ забытѣе. Придя въ себя, онъ увидѣлъ, что въ комнатѣ уже никого не было. Онъ взглянулъ на Божественный призракъ, и тотъ, указавъ ему рукой на письменный столъ, произнесъ:

— Читай.

Роанъ подошелъ къ столу. На немъ лежало много бумагъ, писанныхъ четкимъ, твердымъ почеркомъ, но глаза юноши остановились на одной изъ нихъ, и онъ прочиталъ начертанныя едва высохшими чернилами два слова: «Роанъ Гвенфернъ». Безумный страхъ овладѣлъ имъ, и онъ упалъ на колѣни, какъ бы умоляя Божественный призракъ защитить его отъ роковой участи, которою, повидимому, грозили ему эти зловѣщія слова. Но рядомъ съ нимъ уже никого не было, и по свѣтлому сіянію въ сосѣдней комнатѣ, куда отворена была дверь, онъ понялъ, что лучезарное видѣніе было тамъ. Тихими, неслышными шагами онъ прошелъ въ эту комнату и увидалъ на роскошной кровати человѣка, который только что работалъ за письменнымъ столомъ. Онъ спалъ, но теперь лице его было ясно видно, и Роанъ узналъ въ немъ Наполеона.

Снова ужасъ овладѣлъ юношей, и онъ искалъ глазами Божественнаго призрака, но призракъ исчезъ, и Роанъ стоялъ одинъ передъ спавшимъ императоромъ, который по мраморной блѣдности своего лица казался скорѣе мертвымъ, чѣмъ живымъ. Ему было такъ страшно видѣть передъ собой этого могущественнаго повелителя всего свѣта, что онъ громко вскрикнулъ. Наполеонъ не открылъ глазъ, но во всемъ дворцѣ послышались голоса, шаги, бряцаніе оружія. Черезъ минуту комната наполнилась громадной толпой солдатъ съ обнаженными саблями, все бросились на Роана и... онъ проснулся.

Онъ лежалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ заснулъ—подъ гранитнымъ распятіемъ, среди высокой травы. Утренняя заря только что начиналась, и было очень холодно.

Роанъ вскочилъ и хотѣлъ быстро удалиться, такъ какъ вблизи этого мѣста проходила большая дорога, но неожиданно послышались шаги и голоса; онъ снова припалъ къ землѣ и тихо лежалъ подъ защитой прикрывавшей его высокой травы.

Голоса становились все слышнѣе, и вскорѣ онъ узналъ въ нихъ громкое пѣніе Хоеля и Гильда, а когда оно на минуту стихло, то раздалась повелительная команда стараго капрала:

— Впередъ! Маршъ!

Мало-по-малу шаги и голоса исчезли вдали. Это были рекрута, шедшіе изъ Кромлэ въ армию императора, находившуюся на берегахъ Рейна.

XXII.

Мишель Гральонъ.

Прошло много дней и недѣль, но о Роанѣ Гвенфернѣ не было никакихъ извѣстій. Поиски его продолжались, и всюду было объявлено, что за его поимку будетъ выдана большая сумма денегъ, но все было тщетно, и большинство жителей Кромлэ пришло къ убѣжденію, что дезертиръ наложилъ на себя руки. Только одна Марселла знала, что онъ живъ, но никому не говорила ни слова о свиданіи съ нимъ наканунѣ ухода рекрутовъ. Но вмѣстѣ съ этимъ она уже болѣе не защищала Роана отъ нападковъ. Когда его называли трусомъ и подлецомъ, она не протестовала, потому что Роанъ самъ сказалъ ей, что боится идти на войну, и она видѣла собственными глазами, что лице его выражало страхъ.

Тяжело было на сердцѣ у бѣдной молодой дѣвушки, она предпочла бы смерть мрачному разочарованію, которое теперь овладѣло ею. Она гордилась мужествомъ и безумной смѣлостью любимаго ею человѣка, а теперь оказывалось, что вся его львиная внѣшность скрывала труса. Ей стыдно было сознаться, что онъ былъ хуже смирнаго Хоела и глупаго Гильда. Тысячу разъ повторяла она себѣ, что было бы лучше, еслибъ Роанъ, карабкаясь по утесамъ, упалъ въ море; тогда всѣ оплакивали бы его, какъ храбраго изъ храбрыхъ. Но, не смотря на все это, по временамъ какой-то тайный голосъ нашептывалъ Марселлѣ: «Можетъ быть, ты его не понимаешь». Что-то въ его взглядахъ, въ его словахъ ясно говорило объ его сильной нравственной натурѣ, которая возставала противъ того, что она въ своемъ суевѣрномъ невѣжествѣ считала священнымъ. Подобныя мысли поддерживали въ ней прежнюю любовь къ Роану, такъ какъ при полномъ убѣжденіи въ его трусости любовь быстро перешла бы въ ненависть. Она предпочитала считать его безумнымъ врагомъ Наполеона и продолжала его любить.

Но чѣмъ бы онъ ни былъ—трусомъ, или шуаномъ, онъ, во всякомъ случаѣ, исчезъ, и если оставался въ живыхъ, то никто не зналъ, гдѣ онъ. Не смотря на все свое чутье ищейки, сержантъ Пиприакъ не могъ напасть на слѣдъ бѣглеца. Сотни шпионовъ держали ухо остро, но имъ не удавалось заработать обѣщанной награды. Наконецъ, мнѣніе патера, что Роанъ покончилъ съ собою, бросившись въ море, стало раздѣляться почти всѣми, и даже Марселла начала бояться, что дѣйствительно онъ погибъ.

Однако, она была такъ занята домашними работами и попеченіями о матери, которая не переставала плакать объ ушедшихъ на войну сыновьяхъ, что ей не было времени горевать. Она мужественно смотрѣла въ глаза разразившемуся надъ ея головою не-

счастью, и хотя ея щеки были блѣдны, а глаза отуманены слезами, но ея поступь была такъ же тверда, какъ прежде. Ея губы безмолвно хранили страданія ея сердца. Только въ тѣ немногія минуты, когда она посѣщала тетку Гвенфернъ и встрѣчалась съ Женевьевой, блѣдная дѣвушка давала волю своей печали.

Въ это грустное время открытое ухаживаніе за Марселлой Мишеля Гральона составляло для нея хотя и непріятное, но, всетаки, полезное развлеченіе. Она уже давно подозрѣвала, что Мишель питалъ къ ней нѣжныя чувства, а теперь его намѣренія стали вполне ясны. Правда, онъ только приходилъ по вечерамъ къ старому капралу и слушалъ его безконечные рассказы о войнѣ, а вдовѣ Дерваль приносилъ по временамъ въ подарокъ рыбу, но Марселла знала, что съ точки зрѣнія обитателей Кромлэ подобное поведеніе означало сватовство. Въ этомъ скромномъ тихомъ селеніи не было принято, чтобы молодой человѣкъ прямо обращался къ избранной имъ молодой дѣвушкѣ съ предложеніемъ своей руки; этотъ шагъ былъ послѣднимъ, а его долженъ былъ подготовить цѣлый рядъ любезностей относительно стариковъ и съ одной стороны представленіе доказательствъ его матеріальнаго положенія, а съ другой — разспросы о приданомъ невѣсты. Что касается до Гральона, то онъ принадлежалъ къ состоятельной семьѣ и самъ имѣлъ хорошія средства. Онъ былъ шкиперомъ собственнаго рыбацьяго судна и съ успѣхомъ велъ рыбную ловлю. Въ нравственномъ отношеніи онъ былъ безупреченъ, и вообще его считали выгоднымъ женихомъ.

Однако Мишель Гральонъ не былъ пріятнымъ человѣкомъ. Его тонкія сжатыя губы, маленькіе пронизательные глаза, узкій лобъ и почти соединяющіяся между собою брови доказывали, что у него былъ неуживчивый, дурной характеръ; его голова была слишкомъ мала для широкихъ плечъ, на которыхъ она помѣщалась, и хотя загорѣлыя щеки обнаруживали силу и здоровье, но на его лицѣ не было обычнаго открытаго выраженія рыбаковъ, а, напротивъ, его улыбка ясно говорила о скрытности, составлявшей отличительную его черту вмѣстѣ съ упорствомъ. Дѣйствительно, задумавъ что нибудь, онъ не жалѣлъ никакихъ усилій для достиженія своей цѣли и обыкновенно одерживалъ успѣхъ.

Поэтому, когда онъ началъ открыто ухаживать за Марселлой, она встревожилась и, если не могла уйти изъ дома во время частыхъ посѣщеній Мишеля, то ходила взадъ и впередъ по хижинѣ въ лихорадочной тревогѣ, такъ какъ молодой человѣкъ не спускалъ съ нея глазъ.

Явникъ вскорѣ понялъ, въ чемъ дѣло, и началъ дразнить Марселлу насчетъ ухаживаній новаго поклонника. Но теперь она не сердилась, какъ прежде, когда предметомъ его шутокъ былъ Роанъ, а только молча блѣднѣла, и по временамъ ея губы замѣтно дрожали.

Ея сердце сжималось отъ страха и отчаянія. Она все ждала услышать любимый голосъ изъ глубины моря или изъ нѣдръ земли, но все тщетно.

XXIII.

Разсказъ стараго солдата.

Въ скромномъ жилищѣ капрала сидѣло обычное общество: патеръ Роланъ, курившій трубку, и Мишель Гральонъ, по обыкновенію слѣдившій за всѣми движеніями Марселлы; тутъ же были вдова Дерваль, которая пряла, и оставшіеся дома ея сыновья Алень и Яникъ.

— Но, всетаки, онъ не хорошо поступилъ съ папой,—замѣтилъ патеръ.

— Извините, отецъ Роланъ,—отвѣчалъ капраль:—вы не понимаете политики. Все это заранѣе было устроено между императоромъ и папой. Говорятъ, что императоръ посадилъ въ темницу папу, но это неправда: онъ жилъ во дворцѣ, и его кормили на серебрѣ. Будьте увѣрены, что императоръ человекъ богобоязненный, и Богъ предназначилъ его быть бичемъ всѣхъ враговъ Франціи.

— Вы правы, дядя Евенъ!—воскликнулъ Гральонъ:—онъ задалъ трезвона нѣмцамъ и англичанамъ.

— Вы не знаете императора,—продолжалъ старый солдатъ:—вы не видали его и не говорили съ нимъ, какъ я.

— А вы его видѣли и говорили съ нимъ? — спросилъ патеръ, чтобы доставить удовольствіе словоохотливому ветерану.

Марселла взглянула на дядю съ восторгомъ, а глаза всѣхъ присутствующихъ сосредоточились на немъ.

— Еще бы. Въ первый разъ я видѣлъ его и слышалъ его голосъ въ Сизмонѣ, а потомъ еще два раза. Онъ теперь какъ бы стоитъ передо мной, и его слова звучатъ въ моихъ ушахъ.

Старикъ умолкъ, задумчиво смотря на огонь, словно передъ его глазами возстала боготворимая имъ фигура въ сѣромъ сюртукѣ и маленькой треугольной шляпѣ.

— Капраль Дерваль,—произнесъ патеръ:—а давно вы его видѣли въ Сизмонѣ?

Дядя Евенъ просіялъ, глаза его засверкали и, положивъ трубку на каминъ, онъ произнесъ громкимъ голосомъ, словно командовалъ цѣлымъ полкомъ:

— Это было ночью 17-го сентября 1796 года.

Хотя всѣ присутствующіе знали наизусть разсказъ капрала о Сизмонѣ и слышали его десятки разъ, но онъ передавалъ его съ такимъ пламеннымъ азартомъ, съ такой добродушной гордостью,

что всегда было пріятно его слышать. Поэтому всё ждали съ удовольствіемъ повторенія давно извѣстной исторіи, за исключеніемъ Мишеля Гральона, которому надоѣло слушать все одно и то же.

— Мы вышли изъ Трента 16-го сентября на разсвѣтъ, — началъ ветеранъ съ естественнымъ самодовольствомъ человѣка, который сознаетъ, что онъ пророкъ въ своемъ отечествѣ: — переходъ былъ длинный: намъ надо было пройти десять миль по самой дурной дорогѣ и то фарсированнымъ маршемъ. Къ вечеру мы достигли селенья; я не помню, какъ оно называлось, но это была маленькая деревушка на вершинѣ горы. Ночью, не смотря на усталость, мы не могли спать, потому что распространилось извѣстіе, что императоръ, тогда онъ еще былъ генераломъ Бонапартомъ, — между нами. Какъ лица раненыхъ сіяютъ, когда въ лазаретъ входитъ докторъ, такъ и армія приходитъ въ восторгъ, когда въ рядахъ ея находится главнокомандующій, да еще такой, какъ императоръ. Было темно, и луна свѣтила на небѣ, когда онъ насъ поднялъ и повелъ на австрійцевъ, занимавшихъ сильную позицію въ Примолано. Мы ударили на нихъ, пока они спали, и, отрѣзавъ имъ отступленіе, забрали въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Для обыкновеннаго человѣка этого было бы довольно, но Бонапартъ желалъ большаго и скомандовалъ: «впередь!». Вурмзеръ находился въ Бассано, а Мезароссъ шелъ на Верону. Мы штыками пробились до Сизмоны. Была уже ночь, когда мы сдѣлали привалъ, и всё были этому очень рады послѣ утомительнаго дня.

Капраль остановился и перевелъ дыханіе, а среди наступившаго молчанія послышался тяжелый вздохъ вдовы Дерваль, которая не слушала давно знакомаго ей разсказа, а думала о бѣдныхъ ея сыновьяхъ, которые въ это самое время переносили всё тягости войны.

— Надо вамъ сказать, что у меня былъ товарищъ, — продолжалъ дядя Евенъ, — и хотя на одномъ глазу у него было бѣльмо, но онъ былъ славный малый, и мы жили съ нимъ душа въ душу. Его звали Жакъ Манье, родился онъ на берегу Роны. Мы любили другъ друга, какъ братья, и дѣлили между собой послѣдній кусокъ хлѣба. Въ эту ночь я отправился за водой, а Жакъ остался лежать у огня, но когда я вернулся, то онъ уже стоялъ, держа въ рукѣ большую краюху чернаго хлѣба, а рядомъ съ нимъ былъ, кто бы, вы думаете, — самъ генераль Бонапартъ. Онъ былъ обрызганъ грязью съ ногъ до головы, но я тотчасъ его узналъ. Онъ грѣлъ руки у огня, и лице его было смертельно блѣдное отъ голода. Повѣрьте, я знаю, что такое голодъ. Пока я съ удивленіемъ смотрѣлъ на него, Жакъ сказалъ: «Возьмите весь хлѣбъ, генераль».

— И онъ взялъ? — спросилъ патерь.

— Взялъ, но, отломивъ себѣ кусокъ, остальное отдалъ съ улыбкой Жаку. Потомъ наступилъ мой чередъ. Я принесъ воды въ жестяной манеркѣ и, наливъ туда остатокъ вина, подалъ генералу. Вотъ она, я свято сохраняю ее до сихъ поръ.

Съ этими словами дядя Евенъ указалъ на жестяную манерку, висѣвшую на стѣнѣ, и отецъ Роланъ внимательно осмотрѣлъ ее.

— Пейте, генераль, сказалъ я, набравшись храбрости,—продолжалъ капраль:—Бонапартъ выпилъ и, почувствовавъ вкусъ вина, снова улыбнулся. Потомъ онъ спросилъ, какъ насъ зовутъ, и долго пристально смотрѣлъ на насъ. Наконецъ, онъ завернулся въ свою шинель и быстро удалился. Мы съ Жакомъ доѣли хлѣбъ, допили воду и все говорили о немъ, пока не заснули.

— И генераль не забылъ оказанной ему услуги? — спросилъ патерь.

— Да, онъ вспомнилъ о насъ черезъ девять лѣтъ.

— Однако, долго пришлось вамъ ждать. И онъ не далъ вамъ никакой награды?

— Какую же можно дать награду за кусокъ хлѣба и глотокъ воды съ виномъ!—воскликнулъ дядя Евенъ, покраснѣвъ:—онъ тогда былъ слишкомъ занятъ, чтобъ думать о насъ, а когда пришло время, то онъ вспомнилъ, что произошло въ Сизмонѣ, и достойно наградилъ насъ.

— Да, да,—произнесъ Мишель Гральонъ, часто слыхавшій конецъ этой исторіи.

— Расскажите все отцу Ролану,—промолвила Марселла:—онъ вѣдь не знаетъ, какъ все это кончилось.

— Конечно, расскажите,—сказалъ патерь.

— Ну, слушайте. Это было въ 1805 году въ Булонскомъ лагерѣ. Много перемѣнъ произошло до тѣхъ поръ: маленькій капраль сдѣлался императоромъ, а мы съ Жакомъ все еще оставались простыми рядовыми; мы думали, что генераль забылъ о насъ, и не удивительно, такъ какъ онъ занимался низведениемъ съ престоловъ одного короля за другимъ. День, о которомъ я говорю, былъ днемъ его коронаціи, и онъ назначилъ его для раздачи крестовъ и медалей своей великой арміи, которая была выстроена передъ высокимъ желѣзнымъ трономъ короля Дагобера на берегу моря. На тронъ сѣлъ императоръ, и когда армія увидала его, то подняла такой крикъ: «Да здравствуетъ императоръ!», что онъ заглушилъ плескъ волнъ. Въ эту минуту разсѣялся туманъ, покрывавшій море, и солнце освѣтило удивительную картину. Я могъ бы цѣлую ночь рассказывать вамъ о всѣхъ чудесахъ этого памятнаго дня, но возвратимся къ тому, что случилось со мной и Жакомъ. Проходя мимо насъ, императоръ остановился; мы стояли въ первой шеренгѣ гренадеръ. Онъ сдѣлалъ два шага къ намъ, понюхалъ табакъ, пристально посмотрѣлъ на насъ и сказалъ: Я не забылъ Сизмоны, не

забылъ вашего хлѣба и вашей воды съ виномъ». Онъ обернулся къ маршалу Нею, который слѣдовалъ за нимъ, и сказалъ что-то со смѣхомъ; Ней также засмѣялся, а императоръ снова обратился къ намъ, далъ каждому изъ насъ по ордену почетнаго легіона и поздравилъ насъ капралами. Въ глазахъ у меня потемнѣло, и я едва не расплакался, какъ ребенокъ. Черезъ минуту императоръ уже былъ далеко.

Ветеранъ провелъ рукой по своимъ глазамъ и, чтобъ скрыть свое волненіе, сталъ чистить трубку.

— Однако у императора хорошая память,—замѣтилъ патеръ:— говорятъ, что пастухъ знаетъ всякую скотину въ своемъ стадѣ, но это еще удивительнѣе. А сколько времени прошло между вашей первой и второй встрѣчей?

— Девять лѣтъ.

— И сколько въ это время онъ перевидалъ людей, одержалъ побѣдъ, совершилъ славныхъ подвиговъ. Да, онъ великій человекъ. А вы болѣе его не видали?

— Видѣлъ еще одинъ разъ. Это было два мѣсяца спустя, именно 1-го декабря, наканунѣ Аустерліца.

Произнося это роковое для него слово, имѣвшее, однако, чарующую силу, капраль гордо поднялъ голову, и въ эту минуту его сходство съ Наполеономъ такъ бросалось въ глаза, что патеръ невольно вскрикнулъ отъ удивленія, Марселла улыбулась, а вдова Дерваль съ тяжелымъ вздохомъ взглянула на деревянную ногу зятя.

— Ночь была темная,—продолжалъ дядя Евень,—и мы всѣ успѣлись у пылающихъ огней. Вдругъ проѣхалъ мимо императоръ; мы его привѣтствовали оглушительными криками, но онъ сидѣлъ неподвижно на своей бѣлой лошади и не смотрѣлъ по сторонамъ; онъ казался призракомъ смерти. На другой день Жакъ былъ убитъ, а я получилъ свой маршальскій жезлъ.

И онъ съ улыбкой ударилъ рукой по своей деревянной ногѣ.

— И вы никогда болѣе его не видали?—спросилъ патеръ.

Ветеранъ кивнулъ головой и хотѣлъ что-то сказать, но дверь съ шумомъ отворилась, и въ комнату вбѣжалъ сержантъ Пиприакъ съ четырьмя жандармами.

XXIV.

Страшная смерть.

Сержантъ Пиприакъ былъ очень блѣденъ, и его единственный глазъ сверкалъ, какъ глазъ циклопа. Его голосъ дрожалъ, и онъ едва держался на ногахъ отъ волненія и большаго количества выпитаго вина. Сопровождавшіе его жандармы были также блѣдны, но менѣе смущены.

— Что случилось?—воскликнулъ капраль.

— Вы словно видѣли привидѣніе,—замѣтилъ патерь, вставая.

— Ваше предположеніе совершенно вѣрно,—отвѣчалъ съ большимъ усиліемъ Пипріакъ, обводя уstraшеннымъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ.—Проклятіе! посмотрите, какъ я дрожу, я, Пипріакъ, который никогда не боялся самого чорта. Дайте мнѣ стаканъ воды, я просто задыхаюсь.

Капраль налилъ стаканчикъ водки и, подавая его сержанту, сказалъ:

— Выпейте, товарищъ, это лучше воды, а потомъ скажите намъ, кого вы видѣли.

— Кого я видѣлъ?—повторилъ Пипріакъ, опорожнивъ стаканчикъ и обтирая себѣ лобъ большимъ бумажнымъ платкомъ съ портретомъ маршала Нея.—Сто чертей! я видѣлъ вашего племянника шуана.

— Роана!—воскликнулъ капраль громовымъ голосомъ, а обѣ женщины вздрогнули отъ ужаса.

— Да, Роана Гвенферна, или его призракъ, это все равно. Вы знаете его одежду, вотъ посмотрите, мы сорвали съ него почти все, что было на немъ. Эй, Пьеръ, Андрэ! У кого изъ васъ остатки его одежды?

Эти слова относились къ жандармамъ, изъ которыхъ одинъ представилъ крестьянскую куртку, а другой крестьянскую шляпу съ широкими полями.

— Если у призрака есть одежда, то я видѣлъ призракъ; впрочемъ это все равно. Если мы имѣли дѣло съ Роаномъ, то ему болѣе никогда не понадобится никакая одежда.

Всѣ присутствующіе куртку и шляпу осмотрѣли, но въ нихъ не было ничего, почему можно было бы опредѣлить ихъ принадлежность Роану. Куртка была разорвана на спинѣ съ верху до низу, какъ бы въ схваткѣ.

Опустившись на скамейку передъ огнемъ, Пипріакъ сидѣлъ нѣсколько минутъ молча и пришелъ въ себя, только выпивъ еще стаканчикъ водки.

— Его кровь будетъ на его головѣ, а не на моей,—сказалъ онъ наконецъ, тяжело переводя дыханіе:—я ни въ чемъ не виноватъ.

Грозное выраженіе исчезло съ лица дяди Евена, и онъ хотѣлъ что-то сказать, но Марселла блѣдная, какъ смерть, неожиданно подбѣжала къ Пипріаку.

— Что вы говорите?—воскликнула она:—вы его...

И она не могла докончить своей фразы, а только знаменательно взглянула на ружья жандармовъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Пипріакъ, качая головой:—я до этого никогда не дошелъ бы. Развѣ онъ не сынъ моего стараго товарища Рауля Гвенферна? Клянусь тѣломъ императора, я ни въ чемъ не виновенъ.

— Слава Богу,—произнесъ патерь:—значить, онъ спасся бѣгствомъ.

— Выслушайте всѣ мой рассказъ,—сказалъ сержантъ, стараясь придать своему лицу сочувственное выраженіе, но только увеличивая его устрашающій видъ:— вы знаете, мы тщетно искали его вездѣ и кончили тѣмъ, что признали его мертвымъ, по всей вѣроятности, утонувшимъ. Поэтому мы сегодня вечеромъ вовсе не искали его, а просто ходили къ одному знакомому фермеру, у котораго прекрасная водка. Возвращаясь оттуда, мы увидали при свѣтѣ луны, что передъ нами идетъ какой-то человѣкъ. Я тотчасъ узналъ его, хотя когда онъ обернулся, то болѣе походилъ на призракъ, чѣмъ на живаго человѣка, такъ онъ исхудалъ и поблѣднѣлъ. Это былъ вашъ племянникъ, капраль.

— У меня нѣтъ племянника,—промолвилъ, заскрежетавъ зубами, ветеранъ, но голосъ его замѣтно дрожалъ.

— Я не знаю, какъ это случилось, но мы дружно напали на него. Онъ отбросилъ всѣхъ насъ, и только Пьеру удалось ухватиться за него, но онъ быстро побѣжалъ къ краю утеса, таща за собою Пьера, который громко кричалъ о помощи. Мы прикрѣпили штыки къ ружьямъ и поспѣшили на его выручку, но я воскликнулъ: «Сто чертей, берите его живымъ». Мы дѣйствительно схватили его въ десяти шагахъ отъ бездны и повалили на землю.

— Браво!—произнесъ Мишель Гральонъ.

— Вамъ хорошо говорить браво,—продолжалъ сержантъ,—но не только шесть солдатъ, а шесть чертей не могли бы его удержать. Онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы вырваться отъ насъ, а когда я понялъ, что онъ хочетъ броситься въ море, клокотавшее у нашихъ ногъ, то сердце мое замерло. Я видѣлъ, что не было другаго средства спасти его, какъ пригрозить ему смертью, и, выхвативъ штыкъ у одного изъ жандармовъ, закричалъ: «Лежи спокойно, или я тебя убью». Но въ эту минуту онъ перевернулся и, освободившись отъ своей куртки, которая осталась въ нашихъ рукахъ, бросился къ самому краю утеса. Тутъ случилось нѣчто страшное. Утесъ обвалился, и мы всѣ отскочили въ ужасѣ, а онъ исчезъ.

Вдова Дерваль глухо застонала и опустила на колѣни, но Марселла стояла неподвижно, словно замерла. Старый капраль съ трудомъ переводилъ дыханіе, а патерь воскликнулъ, поднявъ руки къ небу:

— Боже милостивый! Онъ такъ и исчезъ въ безднѣ?

— Да,—отвѣчалъ мрачно сержантъ:—внизу все было темно, и мы ничего не могли видѣть, а слышался далеко, далеко только звукъ какъ бы разбитаго яйца.

— Неужели онъ не кричалъ?—воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ, онъ молча погибъ, и если не разбился до смерти о камни, то потонулъ. Не вините меня ни въ чемъ, капраль: я хо-

тѣль его спасти, но онъ не далъ мнѣ этого сдѣлать. Правда, я попалъ въ него штыкомъ, но случайно, желая предохранить отъ вѣрной смерти. Вотъ посмотрите, на куртку виденъ разрѣзъ; я, вѣроятно, ранилъ его. Я очень объ этомъ сожалѣю, но зачѣмъ же онъ сопротивлялся. Да, это его кровь,—прибавилъ онъ, указывая на окровавленный штыкъ у одного изъ жандармовъ.

— Да, это кровь,—воскликнули всѣ присутствующіе, кромѣ вдовы Дерваль, которая все еще молча молилась на колѣняхъ, и Марселлы, находившейся попрежнему въ какомъ-то столбнякѣ.

— Да, вы никогда больше не увидите на этомъ свѣтѣ Роана Гвенферна,—произнесъ Пиприакъ послѣ продолжительнаго молчанія и повторилъ еще разъ, проводя пальцемъ по окровавленному штыку:—это его кровь.

Въ эту минуту Марселла, не произнеся ни слова, грохнулась на полъ, какъ мертвая.

На слѣдующее утро во время отлива толпа жителей Кромлэ посѣтила то мѣсто, гдѣ наканунѣ совершилась роковая катастрофа. На берегу у подножія высокаго, почти отвѣснаго утеса видѣлись остатки обвалившихся камней и земли, но не замѣтно было никакихъ слѣдовъ Роана Гвенферна. По всей вѣроятности, его трупъ былъ унесенъ моремъ, которое во время прилива омывало утесъ.

Пиприакъ и его жандармы въ сопровожденіи капрала осмотрѣли всю окрестную мѣстность и обшарили всѣ возможныя и невозможныя убѣжища среди гранитныхъ утесовъ. Женщины громко всхлипывали, а поселяне болтали между собой, сочиняя всевозможныя предположенія о судьбѣ Роана. Нѣсколько лодокъ искали его трупъ въ морѣ, но безъ всякаго результата.

Среди толпы находилась и Марселла. Съ тѣхъ поръ, какъ она наканунѣ очнулась отъ своего обморока, она не произносила ни слова и даже не плакала, не молилась. Невыразимый ужасъ овладѣлъ ею, и она какъ бы не сознавала всей глубины посѣтившаго ее горя.

Въ виду тщетности всѣхъ поисковъ, кромлэйцы, наконецъ, порѣшили, что море только черезъ нѣсколько дней выдастъ свою тайну, а, быть можетъ, трупъ несчастнаго никогда не будетъ выброшенъ на берегъ.

— Впрочемъ,—сказалъ Пиприакъ,—все равно, гдѣ ему покоиться: въ морской пучинѣ или въ сырой землѣ. Если бы его поймали, то онъ непременно былъ бы разстрѣлянтъ, и онъ это отлично зналъ. Поэтому я не виноватъ въ его смерти; я только исполнилъ свой долгъ.

Эти слова были обращены къ Мишелю Гральону, и онъ вполне съ ними согласился. Вообще онъ обнаруживалъ необыкновенное участіе въ поискахъ и убѣждалъ съ необыкновеннымъ жаромъ Марселлу, что Роанъ ни въ какомъ случаѣ не могъ спастись.

Послѣ нѣкотораго времени, молодая дѣвушка отдѣлилась отъ толпы и одна пошла по направленію къ хижинѣ тетки Гвенфернъ. Она двигалась машинально и, достигнувъ своей цѣли, почти безсознательно отворила дверь. Какъ всегда, у огня сидѣла вдова, неподвижно устремивъ свой взглядъ на огонь. Подлѣ нея стоялъ Янъ Горонъ и что-то тихо говорилъ ей, но, увидавъ Марселлу, онъ замолчалъ.

Бѣдная мать не взглянула на нее, и лице ея не выражало горя, а словно замерло въ отчаяніи.

— Нѣтъ никакой надежды, — промолвила вполголоса молодая дѣвушка, подходя къ теткѣ: — все, что говорили, правда.

Вдова не вскрикнула, не заплакала, а только глухо застонала.

— Я былъ тамъ прежде всѣхъ сегодня утромъ, — сказалъ Горонъ въ сильномъ волненіи: — и не нашель ни малѣйшаго слѣда. Это страшная смерть.

XXV.

Чудесное видѣніе.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ роковой борьбы жандармовъ съ Роаномъ, и насталь іюньскій праздникъ. День былъ прекрасный: небо сіяло лазурью, цвѣты благоухали, пшеница подымала свои зеленые пальцы изъ тучной земли. Небо было золотымъ сводомъ, море блестящимъ зеркаломъ, а земля живымъ существомъ, съ бьющимся сердцемъ. Въ эту пору года жить всякому отрадно, но жить и быть молодымъ настоящій рай.

За утесами простиралась зеленая поляна съ остатками разрушеннаго Друидскаго камня, и сюда-то весь Кромлэ направился съ музыкой и пѣніемъ, какъ пастухи въ золотой вѣкъ Аркадіи. Юноши, молодые дѣвушки и дѣти принимали участіе въ этомъ празднествѣ, хотя вообще, по бретонскому обычаю, его обыкновенно справляетъ только молодежь сверхъ шестнадцати лѣтъ; но и тутъ, какъ вездѣ, строго исключались женатые люди обоюго пола, такъ какъ праздникъ, посвященный юности и дѣвственности, былъ недоступенъ всѣмъ, связаннымъ узами Гименея.

Всѣ юноши, умѣвшіе играть на какомъ нибудь инструментѣ, были на лицо, въ томъ числѣ Аленъ Дерваль съ черной флейтой, недавно купленной въ Сень-Гурло, и Яникъ съ волынкой; кромѣ нихъ, еще присутствовало съ полдюжины волынщиковъ, и слышались звуки не только безконечнаго числа дудокъ, деревянныхъ и жестяныхъ, но и громкихъ трелей птицъ, которыя въ безумномъ соперничествѣ старались заглушить своимъ пѣніемъ человѣческіе голоса. Вокругъ стараго полуразрушеннаго камня тѣснились группы юношей и молодыхъ дѣвушекъ съ загорѣлыми лицами; нѣкоторые

изъ нихъ бѣгали и валялись на травѣ, другіе собирали цвѣты и вили вѣнки, а всѣ громко кричали и пѣли. На широкихъ шляпахъ юношей красовались хлѣбные стебли, а на груди каждой дѣвушки виднѣлся цвѣтокъ льна.

Неожиданно на дорогѣ изъ Кромлэ показалась маленькая процессія, подобная тѣмъ, которыя воспѣваль Θεокритъ. Впереди бѣжала толпа маленькихъ дѣтей, весело распѣвая и держа въ рукахъ груды цвѣтовъ, а за ними молодые люди несли на старинномъ стулѣ Женевиэву, руки которой также были полны цвѣтовъ. Подлѣ нея шель, болтая и смѣясь, патеръ Роланъ.

Странно сказать, но его присутствіе нисколько не нарушало античной красоты этой идиллической картины; его черная ряса стушевывалась пестротой окружающихъ его одеждъ, свою шляпу онъ держалъ въ рукѣ, его круглое лицо напоминало черты сатира, а его веселость вполне подходила къ общему настроенію. Однако, онъ впервые принималъ участіе въ этомъ праздникѣ, который имѣлъ языческое происхожденіе и потому не одобрялся патерами, въ особенности тѣми изъ нихъ, которые были назначены при Наполеонѣ. Но его появленіе, всетаки, не составляло сюрприза, и вся толпа радостно привѣтствовала его.

Дойдя до Друидскаго камня, процессія остановилась; Янъ Горонъ, бывшій въ числѣ носильщиковъ, снялъ со стула Женевиэву и поставилъ ее на сосѣдній зеленый холмъ, гдѣ ее тотчасъ окружили подруги и завели между собою громкую, веселую болтовню.

Но отецъ Роланъ неожиданно поднималъ руку, и все смолкло, кромѣ пѣнія жаворонковъ. Лице его было серьезно, и тотчасъ всѣ улыбки исчезли.

— Молодые люди и дѣвушки,—сказалъ онъ на бретонскомъ нарѣчій:—что привело меня сюда? Вы не можете этого отгадать, и я вамъ лучше скажу. Причина моего прихода простая, но печальная. Вы въ правѣ, молодежь, веселиться, потому что вы молоды, и жатва обѣщаетъ быть обильной, но вамъ слѣдуетъ помянуть мертвыхъ.

При этомъ патеръ перекрестился, и всѣ послѣдовали его примѣру.

— Много грустнаго случилось со времени прошедшаго іюньскаго праздника,—продолжалъ онъ:—многіе ушли въ солдаты, и не малое число умерло, но не объ нихъ я хочу вамъ говорить, а о бѣдномъ юношѣ, который въ прошедшемъ году былъ королемъ этого праздника. Одному Богу извѣстно, гдѣ онъ теперь! Будемъ надѣяться, что онъ находится на небѣ, у ногъ Пресвятой Дѣвы.

Вся толпа снова перекрестилась, и каждому было понятно, что патеръ говорилъ о Роанѣ Гвенфернѣ, который дѣйствительно въ прошедшемъ году былъ избранъ по древнему обычаю въ король этого народнаго празднества, тогда какъ королевой была Марселла.

— Я не буду ни хвалить его, ни осуждать за то, что онъ сдѣлалъ,—прибавилъ отецъ Роланъ:—быть можетъ, его поступокъ глу-

пый и дурной, но онъ принадлежалъ къ достойной семьѣ, и пріятно было видѣть такого молодца. Во всякомъ случаѣ онъ умеръ, и упокой Господи его душу. Я пришелъ сюда, чтобъ напомнить вамъ о немъ и посовѣтовать, чтобъ вы среди вашего веселья не забывали своего бѣднаго прошлогодняго короля и его королевы Марселлы Дерваль, которая, конечно, слишкомъ печальна, чтобъ присоединиться къ вамъ.

Но въ эту минуту послышался въ толпѣ громкій говоръ, и изъ нея отдѣлилась Марселла. Она не была въ траурѣ, но ея платье было темное, а чепецъ шафраннаго цвѣта; лице ея поражало блѣдностью, но оно отличалось покорностью судьбъ.

— Я здѣсь отецъ Роланъ,—сказала она, подходя къ патеру и смотря ему прямо въ глаза.

— Ты хорошо сдѣлала, дитя мое, что пришла сюда, и я тобою доволенъ,—отвѣчалъ патерьъ, но по насупленнымъ его бровямъ было видно, что онъ еще болѣе одобрилъ бы ея отсутствіе.

— Я не хотѣла быть на этомъ праздникѣ,—продолжала молодая дѣвушка:—но Женеьева меня просила прійти сюда, и я сдѣлала это для нея и для Яна Горона. Моего двоюроднаго брата, Роана здѣсь нѣтъ, и онъ никогда болѣе не будетъ участвовать въ этихъ празднествахъ, но я знаю, что его желаніемъ было видѣть въ этомъ году королемъ и королевой Яна и Женеьеву. Я также желаю этого.

Громкіе крики: «да, да», раздались со всѣхъ сторонъ и заглушили рѣдкіе возгласы: «нѣтъ, нѣтъ».

— Да благословятъ тебя святые, ты добрая дѣвушка, Марселла,—произнесъ патерьъ:—впрочемъ Женеьева вполне достойна быть королевой, ну, чтожъ, молодежь, вы согласны на этотъ выборъ?

Толпа почти единогласно выразила свое согласіе, и Женеьева приняла свой королевскій санъ съ улыбкой торжества, а Горонъ, одѣтый какъ женихъ, смотрѣлъ на нее съ пламенной любовью.

Марселла еще болѣе поблѣднѣла, и въ глазахъ ея потемнѣло; вспоминая о прошлогоднемъ безоблачномъ счастьѣ, она не могла спокойно видѣть теперешняго веселья. «Мнѣ здѣсь не мѣсто,—подумала она:—мой Роанъ умеръ, и я могу только плакать. При первой возможности я незамѣтно уйду».

Между тѣмъ патерьъ Роланъ произнесъ молитву, благословилъ толпу и быстро удалился. А затѣмъ снова раздались звуки музыки, и начались танцы, причемъ король и королева шли въ первой парѣ. Вскорѣ вся толпа, схватившись за руки, составила одну, бѣшено кружившуюся цѣпь.

— Пойдемте танцовать, Марселла,—сказалъ неожиданно Мишель Гральонъ, подходя къ молодой дѣвущкѣ, которая стояла вдали отъ танцующихъ и ничего не видѣла, благодаря мрачной завѣсѣ, застилавшей ея глаза.

- Я не могу танцовать.
- Жаль. Пойдемте хоть на одинъ туръ.
- Нѣтъ, я спѣшу домой.
- Еще рано идти домой, праздникъ только что начался. Вы вѣдь еще не испытали чаръ любви на старомъ камнѣ.

По древнему обычаю, въ этотъ день каждая молодая дѣвушка, уходя съ праздника, оставляла на Друидскомъ камнѣ цвѣтокъ льна, а каждый юноша бросалъ на него стебель пшеницы. Если цвѣты и стебли сохранялись цѣлою недѣлю не поблекшими, то это означало, что предметъ любви тѣхъ лицъ, которымъ они принадлежали, отличался преданной вѣрностью.

— Я не принесла цвѣтка,—отвѣчала Марселла:—и мнѣ нечего теперь узнавать своей судьбы. Прощайте.

И она быстро пошла по дорогѣ въ Кромлэ, но Мишель послѣдовалъ за ней и продолжалъ говорить безъ умолка:

— Если вы выйдете за меня замужъ, то никогда не будете работать; я буду выписывать для васъ платья и башмаки изъ Нанта, а по временамъ мы будемъ ходить въ Брестъ, гдѣ мой дядя содержитъ кабачекъ. А когда Господь пошлетъ намъ дѣтей, то одинъ изъ нихъ будетъ патеромъ.

Не смотря на то, что каждая бретонка жаждетъ, чтобъ ея сынъ былъ служителемъ алтаря, и хотя Мишель Гральонъ имѣлъ достаточно средствъ для осуществленія подобнаго желанія, Марселла рѣзко сказала:

— Я никогда не выйду замужъ.

— Пустяки. Добрый капралъ и вапа матушка желаютъ, чтобъ вы были моей женой, и я возьму васъ безъ приданаго. Мнѣ нужны вы, а не деньги, которыхъ у меня и такъ довольно. Еслибъ вы видѣли комодъ, полный бѣлья, который приготовленъ моей матерью для ея будущей невѣстки, то, конечно, пришли бы въ восторгъ.

— Я уже двадцать разъ говорила вамъ, что никогда не выйду за васъ замужъ,—отвѣчала Марселла, гнѣвно смотря на него:—если вы будете попрежнему приставать ко мнѣ, то я васъ возненавижу.

— Я знаю, почему вы такъ сердито обращаетесь со мной,—сказалъ Мишель, насупивъ брови:—вы все думаете о своемъ шуанѣ.

— Если онъ шуанъ, то вы гораздо хуже шуана! — воскликнула Марселла: — онъ умеръ, и его душа у Бога. Надо быть такимъ злымъ человѣкомъ, какъ вы, чтобъ отзываться гнѣвно о покойникѣ.

Мишель увидѣлъ свою ошибку и, желая исправить ее, сказалъ:

— Не сердитесь. Роанъ Гвенфернъ былъ добрый малый, но епископъ могъ не согласиться на вашъ бракъ, въ виду вашихъ родственныхъ связей. Къ тому же онъ былъ бѣденъ, и одинъ мой палецъ стоитъ больше всего его тѣла.

— Уходите и выберите себѣ подходящую невѣсту,—произнесла Марселла, теряя терпѣніе: — я могла выйти замужъ только за одного человѣка, но онъ покоится мертвымъ на днѣ моря.

Мишель Гральонъ молча отошелъ отъ нея и вернулся къ веселившейся толпѣ, но на сердцѣ у него было тяжело, и онъ ненавидѣлъ себя, Марселлу и весь свѣтъ.

Въ этотъ праздничный день ночью случилось событіе, которое долго потомъ вспоминали суевѣрные люди въ Кромлэ. Нѣсколько рыбаковъ, возвращаясь домой съ моря въ своихъ лодкахъ, неожиданно увидали странное видѣнье.

Ночь была темная, и подѣ тѣнью выдающихся утесовъ царил безмятежная тишина, нарушаемая только плескомъ воды. Рыбаки усердно гребли, какъ вдругъ ихъ глазамъ представился странный свѣтъ въ воротахъ св. Гильда. Эта мѣстность посѣщалась призраками, по мнѣнію всѣхъ обитателей Кромлэ, и никто изъ нихъ не рѣшился бы пойти въ соборъ св. Гильда послѣ заката солнца. Теперь же была высокая вода, и въ соборѣ клокотали волны.

Испуганные рыбаки перекрестились и съ ужасомъ смотрѣли на соборъ. Онъ былъ весь иллюминированъ, и на его престолѣ стояла гигантская фигура съ зажженнымъ факеломъ. Хотя очертанія этой фигуры были очень смутны, суевѣрные рыбаки признали, однако, въ ней св. Гильда.

Но въ картинѣ, представившейся ихъ уstraшеннымъ глазамъ, было нѣчто еще ужаснѣе. У ногъ святаго лежала другая фигура съ большими рогами и съ сверкающими глазами. Черезъ минуту свѣтъ исчезъ въ соборѣ, и все погрузилось во мракъ. Но испуганные рыбаки, дрожа отъ ужаса и едва не лишившись чувствъ, вернулись домой, вполне убѣжденные, что видѣли святаго и побѣжденнаго имъ діавола.

XXVI.

Что открылъ Мишель Гральонъ.

На слѣдующій день весь Кромлэ былъ занятъ толками о чудесномъ видѣніи въ соборѣ св. Гильда. Никто не сомнѣвался въ правдивости разсказа очевидцевъ этого необыкновеннаго событія, и всѣ признавали полную его вѣроятность: такъ подвержены суевѣрїю добрые бретонцы. Что касается до св. Гильда, то онъ не разъ являлся людямъ, но никогда, еще на памяти стариковъ, его не сопровождалъ роковой образъ врага человѣческаго рода. Поощряемые общимъ довѣрїемъ, очевидцы чудеснаго видѣнія, однако, давали свободу и своему воображенію.

— У діавола глаза свѣтились, какъ два большіе красные фонаря на лодкахъ,—разсказывалъ между прочимъ одинъ изъ нихъ:—

и они такъ сверкали, что отъ ихъ огня легко истлѣлъ бы простой смертный, но святой спокойно смотрѣлъ на него и, держа въ рукахъ факель, заставляя его, какъ обыкновеннаго человѣка, исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ.

— Неужели діаволь исповѣдывался въ своихъ грѣхахъ?—спросилъ молодой рыбакъ, слушавшій этотъ разговоръ, открывъ ротъ отъ удивленія.

— Почему вы это знаете, дядя Евранъ? Вы вѣдь не могли слышать его словъ,—произнесъ другой изъ любопытныхъ.

— Спросите моихъ товарищей,—отвѣчалъ рассказчикъ:—мы всѣ были свидѣтелями. Во всякомъ случаѣ святой поставилъ на колѣни діавола, и тотъ молилъ его о прощеніи.

— Все это очень странно,—замѣтилъ Мишель Гральонъ, насупивъ брови:—и вы говорите, что у святаго былъ въ рукахъ факель?

— Да, и онъ горѣлъ такъ ярко, что ослѣплялъ наши глаза.

— А вы совершенно ясно видѣли святаго?

— Да, развѣ я слѣпъ, Мишель Гральонъ? Онъ спокойно стоялъ, и всякій призналъ бы въ немъ небснаго ангела. Одинъ изъ товарищей увѣряетъ, что видѣлъ у него большія крылья—я этого не замѣтилъ, но что я видѣлъ хорошо, такъ это ноги діавола съ раздвоенными копытами.

Наступило продолжительное молчанье, посреди котораго Мишель Гральонъ промолвилъ какъ бы про себя:

— А если это былъ человѣкъ!

— Человѣкъ!—повторилъ старый морякъ, вѣ себя отъ изумленія:—съ нами крестная сила! Человѣкъ въ соборѣ св. Гильда въ ночномъ мракѣ! Человѣкъ выше дерева, блестящій какъ луна и съ крыльями! Человѣкъ, заставляющій діавола исповѣдываться! Да ты съ ума сошелъ, Мишель Гральонъ.

Всѣ присутствующіе взглянули на молодого человѣка съ негодованіемъ, словно онъ былъ виновенъ въ святотатствѣ, и хотя онъ былъ менѣе суевѣренъ, чѣмъ его сосѣди, но, не желая прослыть невѣрующимъ, Мишель живо прибавилъ:

— Я не отрицаю, что подобные случаи бывали, и что соборъ страшное мѣсто, но мнѣ кажется страннымъ, чтобъ святой держалъ въ рукахъ зажженный факель.

— Что же тутъ страннаго? Вѣдь было очень темно, и святой безъ зажженнаго факела не видѣлъ бы дороги. Напротивъ было бы страннѣе, еслибъ онъ стоялъ съ діаволомъ во мракѣ, какъ простой смертный.

Этотъ отвѣтъ былъ на столько убѣдителенъ, что Мишель Гральонъ не пытался болѣе возражать и вообще видимо сожалѣлъ о своемъ неудачномъ протестѣ противъ разсказа стараго моряка, который послѣ ухода молодого человѣка сказалъ, качая головой:

— Мишель Гральонъ былъ прежде благоразумнымъ человѣкомъ, но теперь онъ говоритъ, какъ дуракъ, вѣроятно, благодаря своей любви къ Марселлѣ.

Однако Мишель Гральонъ въ дѣйствительности не былъ дуракомъ и отличался подозрительностью, которая не позволяла ему ничего принимать на вѣру, кромѣ религіозныхъ догматовъ. Физически онъ былъ почти трусомъ, а умственно обнаруживалъ чрезвычайную смѣлость. Еслибъ онъ находился въ числѣ свидѣтелей необыкновеннаго видѣнія въ соборѣ св. Гильда, то, по всей вѣроятности, онъ выказалъ бы такой же страхъ, какъ старые моряки, и рассказывалъ бы о немъ въ такой же преувеличенной формѣ, но, услышавъ вѣсть объ этомъ среди бѣлаго дня и хладнокровно обсудивъ ее, онъ пришелъ къ убѣжденію, вполне противоположному общему мнѣнію. Однако онъ старательно сохранялъ въ тайнѣ это заключеніе и, повидимому, вполне предался своей любви къ Марселлѣ.

Онъ былъ вполне правъ, говоря ей, что ея родственники одобряли его желанье жениться на ней. Постоянно окружая вниманіемъ стараго капрала и терпѣливо слушая его безконечные рассказы о войнѣ, онъ совершенно овладѣлъ его сердцемъ, а въ глазахъ вдовы Дерваль онъ былъ желаннымъ женихомъ, какъ благоразумный, набожный и состоятельный человѣкъ, происходившій, кромѣ того, изъ хорошей семьи. Что касается до Алена и Яника, то они были его ревностными союзниками, благодаря его частымъ подаркамъ. Поэтому онъ смѣло могъ сказать, что вся семья поощряла его ухаживанія.

Еслибъ Марселла была дѣвушкой другого темперамента и отличалась смиренной покорностью, то уже давно состоялось бы ихъ обрученіе. Но, по несчастью для Мишеля, она обнаруживала упорное сопротивленіе, а, зная ея характеръ, никто не рѣшался прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Правда въ Кромлѣ существовалъ старинный обычай насчетъ заключенія брака, и сватовство велось всегда родителями, или старшими родственниками, а молодая дѣвушка только въ послѣднюю минуту узнавала о семейномъ выборѣ ей жениха, но Марселла во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ обнаруживала такую твердую волю, что, конечно, не уступила бы чужимъ желаніямъ по такому серьезному вопросу, какъ бракъ.

Въ это время мысль о любви была ей ненавистна. Какъ только она убѣдилась, что Роанъ умеръ, любовь къ нему воскресла въ ней съ прежней силой, и она стала пламенно его оплакивать. Она забыла его противодѣйствіе волѣ Наполеона и даже самого Наполеона среди своего отчаянія. «Я убила его, — повторяла она себѣ безконечное число разъ: — еслибъ я не вынула роковаго номера, то онъ былъ бы живъ до сихъ поръ, а теперь онъ умеръ, и я убила его».

Въ подобномъ настроеніи она надѣла вдовій трауръ, состоявшій, по бретонскому обычаю, въ черномъ или темномъ платѣ и чепцѣ шафраннаго цвѣта. При этомъ она не скрывала своей тайны и не разъ говорила матери:

— Скажите всѣмъ, что я любила Роана и буду любить его до своей смерти.

Конечно, вѣсть объ этомъ дошла до ушей Мишеля Гральона, и онъ неожиданно выказалъ странную для него деликатность, именно прекратилъ на время свои преслѣдованія Марселлы. Такое поведение очень удивило стараго капрала, и онъ даже прямо сказалъ Мишелю:

— Чего вы струсили? Надо вести энергичную атаку; дѣвичье сердце всегда сдается послѣ штурма.

— Не стоитъ упорствовать, дядя Евенъ,—отвѣчалъ со вздохомъ молодой человѣкъ:—она слишкомъ много думаетъ о покойникѣ.

Капралъ крикнулъ, но ничего не отвѣчалъ; онъ понялъ, о комъ говорилъ Мишель, и такъ какъ въ послѣднее время его мучила совѣсть насчетъ несчастнаго племянника, то онъ не хотѣлъ поддерживать разговора объ этомъ предметѣ. При другихъ обстоятельствахъ любовь Марселлы къ Роану привела бы его въ ярость. Но въ виду страшной смерти шуана онъ молчалъ и даже обнаруживалъ непривычное для него тревожное настроеніе. Онъ весело пошелъ бы на непріятельскую пушку и хладнокровно встрѣтилъ бы смерть, но при видѣ горестно устремленныхъ на него глазъ Марселлы онъ чувствовалъ, что морозъ пробѣгалъ по его тѣлу.

Неожиданный перерывъ въ ухаживаніи Мишеля за Марселлой совпалъ съ видѣніемъ, котораго были свидѣтелями старые моряки. Неожиданно онъ сталъ скрытнымъ, безмолвнымъ и таинственнымъ, искалъ одиночества, днемъ ходилъ безъ устали по утесамъ, а ночью проводилъ часы за часами въ лодкѣ на морѣ; при этомъ онъ не приносилъ съ берега тростника и рыбы съ моря. До сихъ поръ очень работящій человѣкъ, теперь онъ сдѣлался празднымъ лѣнивцемъ и вообще выказывалъ ясные признаки меланхоліи, вслѣдствіе несчастной любви.

Однажды, странствуя по утесамъ, въ ненастный, дождливый день, онъ случайно направился къ лѣстницѣ св. Трифина и тамъ встрѣтилъ женщину, которая несла корзинку. Она была очень блѣдна и съ трудомъ переводила дыханье отъ усталости, а при видѣ его губы ея посинѣли.

— Тетка Гвенфернъ! Это вы!—воскликнулъ Мишель:—вотъ ужъ я никогда не ожидалъ бы васъ встрѣтить здѣсь и въ такую погоду. Позвольте, я понесу вашу корзинку. Вы, должно быть, очень устали.

Но когда онъ протянулъ руку, чтобъ взять корзинку, старуха отшатнулась отъ него, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Боже милосердый, — прибавилъ онъ, пристально смотря на нее:—вы блѣдны, какъ смерть, не схватили ли вы лихорадки?

— Я собирала морскія растенія на утесахъ,—произнесла наконецъ вдова Гвенфернъ, собравшись съ силами:—но вы правы, Мишель, мнѣ не слѣдовало заходить такъ далеко въ эту погоду.

— Старымъ костюмъ не надо такъ уставать,—замѣтилъ молодой человѣкъ:—въ ваши годы лучше сидѣть дома, что прежде вы всегда и дѣлали, но лишившись вашего сына, упокой Господи его душу, вы вдругъ стали ходить цѣлыми днями по утесамъ, точно не находя себѣ нигдѣ покоя. Это очень странно.

— Тутъ нѣтъ ничего страннаго, и это очень естественно,—отвѣчала старуха, устремляя на него свой холодный, отуманенный горемъ взглядъ:—я не могу сидѣть спокойно съ тѣхъ поръ, какъ убили моего мальчика.

— Положимъ, что такъ,—сказалъ Гральонъ, придавая своему лицу сочувственное выраженье,—но все же странно выходить въ такую погоду.

— У кого разбито сердце, тому не почему погода. Прощайте, Мишель Гральонъ.

И старуха медленно поплелась по дорогѣ въ Кромлэ. Мишель Гральонъ внимательно слѣдилъ за нею, пока она не исчезла, а потомъ съ хитрой улыбкой спустился по лѣстницѣ св. Трифина и быстро направился къ собору св. Гильда. Но въ это время былъ приливъ, и нельзя было проникнуть туда. Онъ остановился передъ воротами и сталъ усиленно думать о чемъ-то. Неожиданно какая-то мысль обѣнила его голову, и онъ сталъ съ любопытствомъ разглядывать мокрый песокъ.

Вскорѣ онъ напалъ на слѣдъ тяжелыхъ деревянныхъ башмаковъ, которые, очевидно, двигались взадъ и впередъ. Онъ естественно заключилъ, что старуха Гвенфернъ ходила по берегу, кого-то поджидая. Потомъ онъ замѣтилъ на пескѣ другой слѣдъ, но уже босой ноги. Старательно разсмотрѣвъ и даже измѣривъ этотъ слѣдъ, онъ злобно улыбнулся и пошелъ домой.

Послѣ этого дня его поведеніе сдѣлалось еще болѣе страннымъ: онъ пересталъ ѣсть и постоянно ходилъ по берегу. При этомъ хижина вдовы Гвенфернъ имѣла для него какую-то притягательную силу, и какъ днемъ, такъ и ночью онъ не спускалъ съ нея глазъ. Когда же вдова выходила изъ своего жилища, то онъ слѣдовалъ за нею, выражая свое сочувствіе и предлагая ей всевозможныя услуги. Чтобъ избѣгнуть его, она возвращалась домой, блѣдная какъ смерть. Въ тѣ немногія минуты, когда Мишель искалъ успокоенія въ снѣ, онъ поручалъ надзоръ надъ матерью Роана своему пріятелю, который отличался такой же скрытной натурой, какъ и онъ самъ.

Тщательно скрывая отъ всѣхъ свою тайну, подобно заговорщику, прокладывающему роковую мину, онъ, однако, при всякой встрѣчѣ

съ Марселлой замѣнялъ теперь никогда не сходявшую съ его лица злобную улыбку выраженіемъ пламеннаго сочувствія.

Черезъ нѣсколько времени съ нимъ приключился случай, въ сущности очень мелочной, но сильно подѣйствовавшій на него и имѣвшій серьезныя послѣдствія.

Однажды вечеромъ онъ шелъ по той мѣстности, гдѣ происходила роковая борьба между жаандармами и Роаномъ, какъ вдругъ онъ замѣтилъ невдалекѣ отъ себя какую-то странную фигуру, которая мгновенно исчезла, какъ бы провалившись въ ту бездну, въ которой погибъ Роанъ. Въ первое мгновеніе Мишель струсиль, но потомъ по своему обыкновенію злобно улыбнулся.

Послѣ этого его дневныя и ночныя странствія еще усилились.

— Мишель Гральонъ совершенно рехнулся отъ любви къ племянницѣ капрала,—говорили о немъ кумушки въ Кромлэ.

Даже наступленіе ловли на макредь не измѣнило его страннаго поведенія, и онъ отдалъ свое судно другимъ рыбакамъ, довольствуясь получать маленькую плату за его наемъ. Онъ теперь казался человѣкомъ, караулившимъ кого-то и боявшимся пропустить какое-то важное событіе.

Наконецъ онъ однажды явился въ домъ стараго капрала во время обѣда и, поздоровавшись, спокойно сказалъ:

— Я принесъ новость. Роанъ Гвенфернъ не умеръ, а скрывается въ соборѣ св. Гильда.

XXVII.

Д о н о с ь.

Алень и Яникъ были въ морѣ, такъ что изъ семьи капрала были на лицо только онъ самъ, Марселла и ея мать. Услыхавъ слова Мишеля Гральона, первый широко раскрылъ глаза отъ удивленія, а послѣдняя тяжело перевела дыханіе, но Марселла не потеряла присутствія духа, а, бросившись къ отворенной двери, быстро заперла ее.

— Говорите тише, Мишель Гральонъ, ради Бога говорите тише!—произнесла она, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— Я говорю правду,—продолжалъ молодой человѣкъ, понизивъ голосъ:—онъ живъ, и я узналъ объ этомъ случайно, я уже давно кое-что подозрѣвалъ, но теперь вполне узналъ, гдѣ онъ скрывается.

— Пресвятая Дѣва, спаси насъ!—воскликнула вдова:—неужели Роанъ живъ?!

— Вы или пьяны, или лжете, Мишель Гральонъ, — произнесъ капраль грознымъ тономъ,—но я не позволю смѣяться надъ собой, и если вы сейчасъ не замолчите, то мы навѣки поссоримся.

— Тише, — воскликнула Марселла, схвативъ за руку дядю: — сосѣди могутъ услышать.

— Я говорю правду, — повторилъ Мишель, — и клянусь костями св. Гильда, что Роанъ живъ. Я знаю, гдѣ онъ скрывается, и видѣлъ его собственными глазами.

— Вы, можетъ быть, видѣли его призракъ, — замѣтила вдова. — О, Господи, онъ умеръ насильственной смертью, и его душа не знаетъ покоя.

— Я не изъ тѣхъ, которые видятъ призраковъ, — отвѣчалъ Мишель Гральной, презрительно смотря на старуху: — и я знаю разницу между призракомъ и живымъ человѣкомъ. Роанъ скрывается въ соборѣ св. Гильда.

— Въ соборѣ св. Гильда! — повторилъ капраль.

— Тамъ, или по сосѣдству. Я три раза видѣлъ его, и онъ каждый разъ скрывался въ соборѣ св. Гильда. Я былъ одинъ и не хотѣлъ вступать съ нимъ въ единоборство, такъ какъ онъ доведенъ до отчаянія, но одинъ разъ я схватилъ бы его за руку, еслибъ онъ не бѣгалъ по утесамъ съ ловкостью козы.

Эта хладнокровно сообщаемая новость поразила, какъ громомъ, семью капрала. Онъ самъ былъ внѣ себя отъ ужаса; если его племянникъ былъ живъ, то онъ оставался дезертиромъ, заслуживалъ разстрѣлянія и своей казнью навлекъ бы вѣчный поворотъ на всю семью. Къ тому же въ послѣднее время дядя Евенъ часто упрекалъ себя за жестокость къ Роану и думалъ о немъ чрезвычайно мягко, но теперь снова долженъ былъ произойти переворотъ въ его мысляхъ о немъ. Одна Марселла была на высотѣ своего положенія. Она принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, которыя болѣе чувствуютъ, чѣмъ думаютъ, и чувства которыхъ немедленно воплощаются въ дѣло. Она такъ пристально посмотрѣла на Мишеля, что тотъ вздрогнулъ, а потомъ убѣдившись, что его намѣренія не составляютъ для нея загадки, произнесла рѣшительнымъ голосомъ:

— Скажите правду, Мишель Гральной: говорили вы объ этомъ комунибудь?

Мишель сконфуженно отвѣчалъ, что онъ никому не говорилъ ни слова.

— Если вы дѣйствительно никому не говорили, — продолжала Марселла, — то помните, что его жизнь въ вашихъ рукахъ, и что если его найдутъ, благодаря вамъ, то его кровь будетъ на вашей головѣ, и Господь накажетъ васъ за это.

— Но его могли видѣть и другіе, — сказалъ Мишель въ большомъ смущеніи. — Я самъ слышалъ, что Пиприакъ выражалъ подозрѣніе, что онъ въ живыхъ. Вы не должны винить меня, если его найдутъ, такъ какъ глаза не у одного меня. Съ того времени, какъ рыбаки видѣли кого-то въ соборѣ св. Гильда, то Роана

стали караулить, такъ какъ теперь ясно, что они видѣли его, а не святаго.

Все это было сказано съ такимъ замѣшательствомъ, что Марселла вполнѣ поняла разыгранную Мишелемъ гнусную роль. Онъ думалъ, напротивъ, представиться другомъ ихъ семьи, а теперь всѣ смотрѣли на него, какъ на лицо, отвѣтственное за принесенную имъ роковую вѣсть.

— Это невозможно, — воскликнулъ наконецъ капраль: — человекъ не можетъ жить на утесахъ безъ всякой пищи.

— Но Роанъ не похожъ на другихъ, — отвѣчалъ Гральонъ: — и къ тому же я встрѣчалъ не разъ его мать съ корзинкой въ рукахъ. Во всякомъ случаѣ онъ живъ, и теперь вопросъ въ томъ, что дѣлать.

Капраль ничего не отвѣчалъ, но Марселла вынула изъ-за пазухи маленькій дубовый крестикъ и, подавъ его Мишелю, сказала:

— Присягните, что вы никому не открыли этой тайны!

— Кому же мнѣ было говорить? — произнесъ Мишель обиженнымъ тономъ: — я вѣдь только сегодня убѣдился, что онъ дѣйствительно живъ. Но если вы желаете, я готовъ присягнуть.

Однако судьбѣ было угодно, чтобъ Мишель Гральонъ не сдѣлался клятвopеступникомъ, и въ эту самую минуту послышался громкій стукъ въ дверь.

— Откройте! — воскликнулъ извнѣ какой-то голосъ.

Даже капраль поблѣднѣлъ, вдова Дерваль опустила на колѣни, а Марселла, схватившись рукой за сердце, произнесла шепотомъ:

— Пресвятая Богородица! Кто это?

— Можетъ быть, ктонибудь изъ сосѣдей, — замѣтилъ Мишель, который, однако, также былъ перепуганъ.

— Откройте, — повторилъ тотъ же голосъ, и стукъ въ дверь еще болѣе усилился.

— Кто тамъ? — спросила Марселла, подбѣгая къ двери.

— Откройте, именемъ императора.

Она отперла дверь, и въ комнату вбѣжалъ Пиприакъ въ сопровожденіи вооруженныхъ жандармовъ.

— Чортъ возьми, зачѣмъ у васъ дверь заперта днемъ? — воскликнулъ онъ, злобно сверкая глазами и топая ногами: — вы видите, я тороплюсь. Гдѣ капраль Дерваль?

— Я здѣсь? — отвѣчалъ старикъ въ сильномъ волненіи.

— Я принесъ вамъ странную вѣсть. А, г-жа Дерваль, здравствуйте. И вы здѣсь, Мишель Гральонъ, пойдите съ нами, я имѣю кое-что вамъ сообщить.

— Что случилось, товарищъ? — спросилъ дядя Евенъ глухимъ голосомъ.

— Мертвые воскресли, ха, ха, ха. Вы, конечно, этого не ожидали, но я не знаю, порадуетъ ли, или опечалить васъ эта новость. Вашъ племянникъ, дезертиръ, не умеръ, а живъ. Вотъ для чего мы и явились сюда.

Марселла долго не сводила глазъ съ Мишеля Гральона, который приходилъ все въ большее и большее смущеніе, но наконецъ подошла къ Пиприаку и спросила его такимъ страшнымъ голосомъ, что онъ вздрогнулъ:

— Почему вы знаете, что онъ живъ? Видѣли вы его своими глазами?

— Нѣтъ,—отвѣчала Пиприакъ,—но другіе его видѣли, и на основаніи ихъ доноса я сюда явился. Чортъ возьми, какъ вы поблѣднѣли, какъ вы ужасно глядите на меня.

— Вы получили доносъ?—снова спросила она.

— Да, тутъ нѣтъ ничего страннаго,—произнесъ Пиприакъ и прибавилъ, смотря искоса на Мишеля Гральона:—какой-то негодяй увидѣлъ бѣднаго бѣглеца и донесъ намъ. Если вы спросите, кто этотъ доносчикъ, то я отвѣчу: это наше дѣло. Но кто бы онъ ни былъ, хотя бы самъ дьяволъ, онъ получить объявленную награду. Но не вините стараго Пиприака. Я только исполняю свой долгъ. Ну, ребята, маршъ. Мишель Гральонъ, слѣдуйте за нами.

И онъ вышелъ вмѣстѣ съ жандармами изъ хижины, но когда молодой человекъ хотѣлъ сдѣлать то же, то Марселла преградила ему дорогу.

— Стойте, Мишель Гральонъ,—сказала она звучнымъ, громкимъ голосомъ:—я теперь все понимаю. Вы подлецъ и не достойны болѣе жить.

Мишель вздрогнулъ, но на его лицѣ показалась злобная улыбка, и онъ заскрежеталъ зубами.

— Вы караулили его деньи ночь,—продолжала молодая дѣвушка,—вы наконецъ нашли его и получите теперь плату за свой доносъ. Вы его выдали властямъ, а сюда пришли для того, чтобъ ложью скрыть ваше преступленіе. Но Богъ васъ накажетъ, и я буду молить его,—чтобъ это случилось скорѣе. Я всегда ненавидѣла васъ, но теперь я сожалею, что не мужчина, а то я убила бы васъ.

Совершенно уничтоженный благороднымъ гнѣвомъ Марселлы, Мишель Гральонъ только пожалъ плечами и молча удалился, а молодая дѣвушка дико вскрикнула и упала безъ чувствъ на полъ.

XXVIII.

На утесахъ.

На полдорогѣ между вершиной утесовъ, составляющею край бездны, и омываемыми моремъ камнями внизу, видѣлся человекъ въ столь неподвижной позѣ, что онъ казался частью окружавшей его гранитной массы.

Быль сумрачный лѣтній день; туманная мгла застилала небо и море; всюду царила безмолвная тишина, нарушаемая только плескомъ волнъ и пронзительными криками чаекъ.

Тамъ, гдѣ сидѣлъ среди утесовъ человѣкъ, находилось углубленіе, и къ нему вела снизу почти отвѣсная тропинка, а сверху оно было совершенно недоступно. Въ какихъ нибудь ста шагахъ оттуда былъ расположенъ соборъ св. Гильда, надъ которымъ кружились морскія птицы.

Солнце, хотя и невидимое сквозь мглу, приближалось къ своему закату, и вдали на морѣ виднѣлись рыбацкія лодки, спѣшившія на ночную ловлю. Наступалъ мрачный конецъ мрачнаго дня, хотя теплаго, но безсолнечнаго.

Человѣкъ, виднѣвшійся въ углубленіи утеса, сидѣлъ тамъ уже нѣсколько часовъ, прислушиваясь и ожидая чего-то. Наконецъ онъ зашевелился, поднялъ голову и устремилъ глаза на возвышавшійся надъ нимъ край бездны. Что-то бѣлое заколыхалось на верху, словно крыло чайки, или платокъ; замѣтивъ это, онъ встаетъ и, приложивъ палецъ къ губамъ, громко свиститъ. Еслибъ кто нибудь видѣлъ его въ эту минуту, то почувствовалъ бы къ нему искреннее сожалѣніе: голова его была обнажена, длинная борода была въ беспорядкѣ, лицо носило грубый отпечатокъ борьбы съ стихіями, одежда его была почти въ лохмотьяхъ, а ноги босыя. Вообще онъ походилъ скорѣе на первобытнаго обитателя вѣковыхъ лѣсовъ, преслѣдуемаго врагами, чѣмъ на мирнаго гражданина современной ему эпохи.

Вскорѣ что-то стало быстро опускаться съ вышины утеса. Это была маленькая корзинка, прикрѣпленная къ длинной тонкой веревкѣ. Когда она достигла до него, онъ слегка дернулъ за веревку въ видѣ сигнала тому существу, которое находилось на верху. Потомъ онъ вынулъ изъ корзинки ломоть чернаго хлѣба, кусокъ сыра и маленькую жестянку водки, положилъ все это на камень подлѣ себя и снова дернулъ за веревку, которая вмѣстѣ съ корзинкой быстро поднялась на верхъ.

Углубленіе въ утесѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, скорѣе могло быть убѣжищемъ для орла или ворона, чѣмъ для человѣка, но онъ твердо держался ногами за края каменной глыбы и поспѣшно сталъ утолять свой голодъ. Покончивъ съ ѣдой, онъ выпилъ нѣсколько глотковъ водки и затѣмъ спряталъ за пазуху остатки своей скромной трапезы.

Но и послѣ этого онъ не торопился уйти, а пристально смотрѣлъ на море. Его глаза, сохранившіе свою нѣжность, отличались, не смотря на загрузѣлый дикій видъ его лица, какимъ-то задумчивымъ, мечтательнымъ взглядомъ. Онъ не обращалъ вниманія ни на окутывающій его туманъ, ни на шумъ моря, а былъ погруженъ въ глубокую думу.

Но неожиданно онъ вздрагиваетъ, какъ заяцъ въ своей норѣ, подымается съ мѣста и смотритъ на верхъ. До него долетаютъ звуки страшнѣе грохота морскихъ волнъ, звуки человѣческихъ голосовъ. Всѣ черты его лица выражаютъ безграничный страхъ, и онъ быстро начинаетъ спускаться по опасной тропинкѣ, ведущей на берегъ; но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ останавливается: на верху утесовъ слышенъ громкій крикъ.

Поднявъ голову, онъ видитъ надъ собою свѣсившіяся съ края бездны человѣческія лица. Онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ, и въ глазахъ его темнѣетъ, но черезъ минуту онъ снова приходитъ въ себя и продолжаетъ поспѣшно спускаться внизъ. Крики попрежнему слышны на вершинѣ, и ему теперь ясно, что наконецъ попали на его слѣдъ.

XXIX.

Въ соборѣ.

Выйдя изъ Кромлэ съ своими жандармами, Пиприакъ пошелъ прямо къ большому Друидскому камню, а оттуда по зеленой полянѣ, простиравшейся надъ утесами. Рядомъ съ нимъ шелъ Мишель Гральонъ, живо говорившій съ нимъ о чемъ-то, а позади слѣдовала взволнованная группа мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Не успѣлъ сержантъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по полянѣ, какъ увидалъ вдову Гвенфернъ, которая тихо шла къ нему на встрѣчу, держа въ рукахъ корзинку.

— А, наконецъ-то мы васъ поймали, тетка Лоиза!—воскликнулъ онъ, грубо останавливая ее.—Чортъ возьми, вы думали, что старый Пиприакъ совсѣмъ поглупѣлъ, и что его можно обмануть, но не тутъ-то было. Что это у васъ въ корзинкѣ? Откуда вы идете? Гдѣ онъ? Говорите правду, императоръ очень заботится объ его здравіи.

Старуха, блѣдная какъ смерть и съ посинѣвшими губами, пристально посмотрѣла на сержанта, но ничего не отвѣчала.

— Хорошо,—продолжалъ Пиприакъ:—вы молчите, но мы найдемъ средство развязать вашъ языкъ. Вы сами виноваты, если старый Пиприакъ будетъ строгъ съ вами; вы слишкомъ долго проводили его, какъ дурака. Но всему есть конецъ, и у императора длинный носъ; онъ издали чувствуетъ, гдѣ скрываются дезертиры. Чортъ возьми, я вамъ не позволю обманывать императора.

Не смотря на свою грубую, жестокую внѣшность, Пиприакъ не былъ злымъ челвѣкомъ, и онъ чувствовалъ себя неловко подъ пристальнымъ взглядомъ старухи, выражавшимъ полуотчаяніе, полувызовъ; поэтому онъ скорѣе съ сожалѣніемъ, чѣмъ со злобой, взялъ у нея изъ рукъ корзинку и убѣдившись, что она пустая, возвра-

тилъ ее съ комической гримасой. Все это время вдова Гвенфернъ хранила упорное молчаніе, но по ея сѣрымъ глазамъ ясно было видно, что ужасныя муки терзали ея сердце. Когда же Пиприакъ продолжалъ свой путь, то она, окруженная толпой сосѣдокъ, послѣдовала за нимъ. Вся ея душа изливалась теперь въ безмолвной молитвѣ къ Богу, котораго она умоляла спасти ея бѣднаго Роана въ эту критическую минуту, какъ Онъ спасалъ его доселѣ.

Оставивъ позади большинство сопровождавшихъ его обитателей Кромлэ, Пиприакъ съ своими жандармами, Мишелемъ Гральономъ и нѣсколькими рыбаками быстро шелъ по самому краю бездны, то нагибаясь и смотря внизъ, то ускоряя свои шаги, словно онъ напалъ на новый слѣдъ. Всего теперь участвовало въ облавѣ противъ Роана около двадцати человѣкъ, и среди нихъ не было ни одного человѣка, расположеннаго въ пользу несчастнаго; съ одной стороны никто не смѣлъ сочувствовать человѣку, который возсталъ противъ страшнаго Наполеона, а съ другой—всѣ, кромѣ Мишеля Гральона, были увѣрены, что онъ низкій трусъ. Только Пиприакъ оставался при особомъ мнѣніи, утверждая, что онъ сумасшедшій и не могъ быть отвѣтственнымъ за свои дѣйствія.

Никогда громадныя утесы не казались столь одинокими и ужасными, какъ въ этотъ день; застилаемое мглою солнце и мертвая тишина на морѣ придавали имъ еще болѣе грозный видъ, чѣмъ обыкновенно.

Старый сержантъ не привыкъ смотрѣть въ бездну, и каждый разъ, какъ онъ наклонялся надъ ея краемъ, у него кружилась голова, и онъ быстро отскакивалъ. Но Мишель Гральонъ, болѣе опытный въ этомъ отношеніи, хладнокровно осматривалъ мѣстность, но не подходилъ къ самому краю, изъ опасенія, чтобъ не обвалились каменья.

Наконецъ молодой человѣкъ остановился на выдающемся мысѣ и сказалъ:

— Подъ нами соборъ св. Гильда, и я посмотрю, нѣтъ ли тамъ какихъ признаковъ его присутствія.

Онъ легъ на траву и подползъ къ самому краю бездны, такъ что лице его находилось надъ нею. Онъ столь долго оставался въ этомъ положеніи, что Пиприакъ сталъ покрякивать отъ нетерпѣнія и только успокоился, когда Мишель Гральонъ обернулся къ нему и молча указалъ пальцемъ внизъ. Тогда старый сержантъ и трое жандармовъ также простерлись на землю.

— Развѣ это онъ?—спросилъ Пиприакъ шепотомъ.

— Смотрите сами,—отвѣчалъ Мишель:—онъ сидитъ прямо подъ нами и смотритъ на море.

Всѣ лица нагнулись надъ бездной. Въ эту минуту Роанъ Гвенфернъ, услыхавъ голоса наверху, всталъ и, взглянувъ на своихъ неожиданныхъ преслѣдователей, сталъ быстро спускаться къ берегу.

— Онъ просто дьяволъ,—произнесъ Пиприакъ, когда онъ и его товарищи поднялись съ земли:—ни одинъ человекъ не можетъ пройти тамъ, гдѣ онъ свободно шагаетъ.

— Даже издали страшно на него смотрѣть,—произнесъ Пьеръ.

— Никто не рѣшится идти за нимъ,—прибавилъ другой жандармъ.

— Пустяки,—воскликнулъ Мишель Гральонъ:—онъ только хорошо знаетъ утесы и ловко пробирается по нимъ, какъ коза—вотъ и все. Теперь вы понимаете, какъ онъ спасся, когда вы полагали, что онъ погибъ. Но насталъ конецъ его приключеніямъ, и онъ уже не избѣгнетъ вашихъ рукъ.

— Не будемъ терять времени,—произнесъ Пиприакъ, бросая на очень любезный взглядъ на Мишеля:—спустимся внизъ по лѣстницѣ св. Трифина, а вы четверо: Николь, Янъ, Бертрамъ и Хоель, оставайтесь на верху. Но смотрите не проливать крови, и если онъ взлѣзетъ на верхъ, то берите его живьемъ.

— А если онъ будетъ сопротивляться?

— Чортъ возьми, вѣдь васъ четверо. Ну, пойдете. Мишель Гральонъ слѣдуйте за нами.

Пиприакъ съ своими людьми двинулся въ путь, но вскорѣ остановился и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Черезъ край бездны перескочила коза и устоялась на него своими большими, изумленными глазами; это была Янедикъ.

— Боже мой!—воскликнулъ Пиприакъ:—я съ трудомъ перевожу дыханье, а это только коза.

— Она принадлежит матери дезертира,—отвѣчалъ Гральонъ:—это хитрое, какъ чортъ, животное. Я часто хотѣлъ ее убить, когда Роанъ ласкалъ ее, какъ человѣческое существо.

Оправившись отъ своего испуга, Янедикъ хотѣла броситься рогами впередъ на жандармовъ, но, увидавъ ихъ штыки, помотала головой и спокойно удалилась.

Пиприакъ съ своимъ отрядомъ спустился на берегъ по лѣстницѣ св. Трифина, и, очутившись на мокромъ пескѣ, они взглянули на верхъ. На самой вершинѣ утесовъ рельефно обрисовывался образъ Янедикъ, спокойно стоявшей на краю бездны и смотрѣвшей внизъ.

Уже совершенно стемнѣло подъ тѣнью утесовъ, и не смотря на энергичныя усилія Мишеля Гральона, всѣ поиски бѣглеца остались тщетными. Самъ Мишель съ большимъ рискомъ поднялся на утесъ, по которому недавно спустился Роанъ, но, сдѣлавъ пятьдесятъ, или шестьдесятъ шаговъ, благоразумно вернулся на землю.

— Невозможно его тутъ преслѣдовать,—произнесъ Пиприакъ:—онъ лѣпитя, какъ муха по каменной стѣнѣ.

— Но онъ не долженъ быть далеко отсюда,—замѣтилъ Мишель:—за соборомъ св. Гильда нѣтъ никакихъ тропинокъ, по ко-

торымъ могла бы пробраться даже коза. Намъ надо обыскать соборъ, и по счастью наступаетъ отливъ.

Однако, имъ пришлось прождать цѣлый часъ, прежде чѣмъ явилась возможность проникнуть въ ворота. Когда же они очутились въ соборѣ, то въ немъ царила темнота, и только звѣзды сверкали надъ нимъ. Даже Пиприакъ, не отличавшійся суевѣріемъ, ощущалъ инстинктивный страхъ, и по тѣлу его пробѣгала холодная дрожь. Мертвая тишина нарушалась лишь шумомъ крыльевъ летавшихъ взадъ и впередъ морскихъ птицъ. Темнота была такъ велика, что ничего не было видно.

Жандармы тихо подвигались и говорили между собой шепотомъ.

— Надо было взять съ собою факель,—сказалъ Шерь.

— Только чортъ можетъ сидѣть въ этомъ мракѣ,—произнесъ Пиприакъ.

— Боже избави,—замѣтилъ Мишель Гральонъ, крестясь:—но что это?

Цѣлая стая голубей вылетѣла изъ какого-то углубленія въ утесѣ и поднялась къ открытой вершинѣ собора.

— Проклятое мѣсто,—промолвилъ Пиприакъ:—тутъ не видишь и своего носа. Я не сова и не могу ничего тутъ дѣлать.

Съ этими словами онъ приказалъ отступать, и черезъ нѣсколько минутъ они снова очутились на берегу, гдѣ уже также наступила темнота.

Старый сержантъ собралъ военный совѣтъ, и только одинъ Мишель Гральонъ настаивалъ на томъ, чтобы всю ночь караулили дезертира.

— Иначе,—говорилъ онъ:—Роанъ убѣжить и скроется въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. Конечно, это до меня не касается. Я исполнилъ свой долгъ, какъ честный гражданинъ, но если вы дѣйствительно хотите его поймать, то не должны уходить отсюда до утра.

По правдѣ сказать, Пиприакъ съ удовольствіемъ вернулся бы домой и возобновилъ бы поиски на другое утро, такъ какъ, ревностно исполняя свой долгъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, охотно доставилъ бы возможность дезертиру искать спасенія въ бѣгствѣ. Но онъ боялся, чтобъ Гральонъ не донесъ на него начальству, если онъ выпуститъ изъ рукъ Роана, а потому распорядился, чтобъ соборъ св. Гильда и окрестные утесы усердно охранялись до восхода солнца. Отрядивъ еще двухъ людей на помощь тѣмъ, которые остались наверху, онъ расположился съ своимъ отрядомъ у подножія утесовъ и сталъ караулить.

Ночь прошла тихо, спокойно, хотя и было нѣсколько фальшивыхъ тревогъ. Наконецъ наступила утренняя заря. Къ этому времени удалились въ Кромлэ всѣ его обитатели, кромѣ Мишеля Гральона, и на-лицо оставался вмѣстѣ съ нимъ только Пиприакъ съ своими жандармами.

Какъ только начался отливъ, они снова проникли чрезъ ворота въ соборъ. Все тамъ было тихо, безмолвно, какъ прежде. Но теперь можно было ясно разглядѣть красныя гранитныя стѣны, ворота, поросшія зеленымъ мхомъ, длинные ряды баклановъ, неподвижно сидѣвшихъ въ углубленіяхъ утесовъ, и камни, разбросанные въ видѣ гробницъ по мокрому полу.

Жандармы старательно обыскали всѣ углы и впадины въ гранитныхъ стѣнахъ, но нигдѣ не было видно слѣдовъ дезертира.

— Чортъ возьми, — воскликнулъ наконецъ Пиприакъ, который очень грустилъ по обычной утренней порціи водки:—здѣсь можно искать раковъ, а не человѣка. Тутъ не можетъ скрываться дезертиръ. Направо кругомъ, маршъ.

— Погодите, — сказалъ Мишель Гральонъ.

— Что еще? — произнесъ съ сердцемъ Пиприакъ.

— Вы не всюду искали.

— Гдѣ же прикажете еще искать? — воскликнулъ старый сержантъ, вѣ себя отъ гнѣва:—въ твоей глоткѣ, осель?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Гральонъ съ ядовитой улыбкой:—но тамъ

И онъ поднялъ руку.

— Гдѣ?

— Въ пещерѣ.

Алтарь собора, состоявшій изъ стѣны, покрытой занавѣсью изъ мха, блестѣлъ безконечными брилліантами, роль которыхъ представляли капли росы, а надъ нимъ виднѣлось то черное отверстіе пещеры, которое такъ напугало Марселлу, когда она была съ Роаномъ въ соборѣ. Пиприаку эта пещера также показалась столь же ужасной, сколько недоступной, но въ ту самую минуту, какъ онъ со страхомъ смотрѣлъ на нее въ пещеру влетѣла стая голубей и, почти немедленно вылетѣвъ оттуда, поднялась въ небесную синеву, служившую открытымъ куполомъ собора.

— Вы замѣтили? — спросилъ Гральонъ, обращаясь къ Пиприаку.

— Что? — произнесъ сержантъ презрительнымъ тономъ.

— Да то, что голуби не остались въ пещерѣ, а тотчасъ вылетѣли изъ нея.

— Ну, такъ что?

— Значить, пещера не пуста.

Всѣ присутствующіе съ удивленіемъ взглянули другъ на друга, а Пиприакъ воскликнулъ:

— Это невозможно. Посмотрите. Стѣны также гладки, какъ рука, и притомъ покрыты скользкимъ мокрымъ мхомъ, на которомъ не можетъ удержаться человѣческая нога, а сверху нельзя туда пробраться, благодаря нависшимъ утесамъ. Если онъ тамъ, то онъ самъ дьяволъ, а намъ дьявола не словить. Проклятіе!

Конечно, съ перваго взгляда было не вѣроятно, чтобъ какое нибудь человѣческое существо проникло сверху или снизу безъ

помощи лѣстницы и веревки въ эту пещеру, если дѣйствительно видѣвшееся черное отверстіе вело въ пещеру. Но Мишель Гральонъ, хорошо знакомый со всѣми деталями собора, указалъ на одинъ уголокъ его, гдѣ у самаго алтаря стѣна была на небольшомъ пространствѣ совершенно суха и представляла цѣлый рядъ выбоинъ, которыя могли служить ступенями для лица, желающаго подняться на верхъ.

— Взлѣзть туда возможно, — произнесъ онъ: — я самъ видѣлъ какъ это сдѣлалъ дезертиръ. Стоитъ только взяться руками за однѣ выбоины, а ноги поставить въ другія, и не трудно подняться.

— Хорошо, — отвѣчалъ Пиприакъ: — я вижу, вы ловкій малый, лѣзьте впередъ, а мы послѣдуемъ за вами.

— Я вамъ говорю, что онъ тамъ, — повторилъ Мишель Гральонъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— А я вамъ говорю, что мы послѣдуемъ за вами, если вы полѣзете первый. Чортъ возьми, вы не хотите показать намъ примѣра? Значить, мои слова справедливы, и туда можетъ взлѣзть только одинъ дьяволъ. Но погодите, мы напугаемъ птицъ. Пьеръ, выстрѣли изъ ружья въ отверстіе пещеры.

Жандармъ прицѣлился, и раздался выстрѣлъ, повторенный громкимъ эхо. Въ ту же минуту поднялись съ разныхъ сторонъ безконечныя чайки и съ рѣзкими криками вылетѣли изъ собора.

— Еще разъ, пли! — скомандовалъ Пиприакъ, обращаясь къ другому жандарму.

Вторично раздался выстрѣлъ, и всѣ стѣны задрожали. Снова пролетѣли надъ ихъ головами стаи испуганныхъ птицъ, и болѣе ничего.

— Его тамъ нѣтъ, — промолвилъ Пиприакъ, нахмуривъ брови.

Но неожиданно глазамъ жандармовъ представились въ отверстіи два сверкавшіе глаза, и они вскрикнули отъ удивленія. Но черезъ мгновеніе изъ отверстія высунулась голова, и они съ злобнымъ разочарованіемъ увидали козу. Это была Янедикъ, которая своимъ спокойнымъ взглядомъ безмолвно спрашивала зачѣмъ подняли такой шумъ. Мишель Гральонъ осыпалъ несчастное животное самой отборной бранью, а жандармъ Пьеръ спросилъ позволенія положить на мѣстѣ козу, но Пиприакъ приказалъ не трогать Янедикъ и, обратясь къ Гральону, воскликнулъ:

— Такъ вотъ вашъ дезертиръ, бѣдная коза съ рогами и бородой! Развѣ я не говорилъ вамъ, что вы просто осель и даромъ лѣзете изъ кожи. Проклятіе! Даже это животное смѣется надъ вами; смотрите, какъ оно скалитъ зубы.

— Если коза тутъ, то и ея хозяинъ недалеко, — отвѣчалъ Мишель злобно. — Жаль, что у насъ нѣтъ лѣстницы... Вы тогда увидели бы, что я правъ.

— Пустяки, — произнесъ презрительно Пиприакъ и скомандовалъ жандармамъ: — направо, маршъ!

— Если дезертиръ скроется, то не я буду въ этомъ виновенъ,— сказалъ ядовито Мишель. — Я готовъ биться объ закладъ на мое рыбацье судно, на мои сѣти, на все мое состояніе, что онъ скрывается въ пещерѣ. Эта коза его, и если онъ не здѣсь, то чѣмъ объяснить ея присутствіе въ пещерѣ? Нѣтъ, сержантъ Пипріакъ, вы нехорошо поступаете. Я не обезпокоилъ васъ прежде, чѣмъ вполне убѣдился, что онъ здѣсь; не даромъ же я караулилъ его ночи за ночами. Клянусь вамъ всѣми святыми, что онъ въ пещерѣ.

Но Пипріакъ не обратилъ вниманія на эти слова, не смотря на искренній, убѣжденный тонъ Гральона, и уже повернулся съ жандармами спиной къ алтарю, какъ вдругъ раздался громкій, ясный голосъ:

— Да, Мишель Гральонъ, я здѣсь.

XXX.

Переговоры.

Всѣ съ изумленіемъ подняли голову: передъ ними стоялъ на краю пещеры тотъ, кого они искали, но онъ такъ перемѣнился, лице его было такое испитое, изнуренное, волоса въ такомъ беспорядкѣ, борода такая небритая и одежда въ такихъ лохмотьяхъ, что его можно было узнать только по его высокому росту. Коза исчезла, вернувшись въ пещеру или взобравшись на вершину утеса, и Роанъ былъ совершенно одинъ. Стоя неподвижно съ обнаженной шеей и руками, почти раздѣтый, съ непокрытой головой и съ выраженіемъ затравленнаго звѣря во всѣхъ чертахъ лица, онъ ясно обнаруживалъ съ одной стороны жгучія физическія страданія, а съ другой—ненависть, которой горѣли его глаза, устремленные на Мишеля Гральона. Въ первую минуту казалось, что онъ хотѣлъ броситься на шпіона, но подобная выходка привела бы его къ вѣрной смерти—такъ высоко онъ стоялъ, а потому онъ остался на своемъ мѣстѣ, съ трудомъ переводя дыханіе. Что касается Гральона, то онъ едва не упалъ отъ страха, а Пипріакъ и жандармы были такъ изумлены появленіемъ Роана, что долго не могли произнести ни слова.

— Пресвятая Богородица!—воскликнулъ, наконецъ, сержантъ:— это онъ. Ага, ты здѣсь, молодецъ!—прибавилъ онъ, злобно крича во все горло.

Роанъ ничего не отвѣчалъ, но не спускалъ глазъ съ Мишеля.

— Мы уже давно васъ караулимъ,—продолжалъ Пипріакъ въ большомъ смущеніи:— и очень рады, что наконецъ васъ застали дома. Что вы тамъ дѣлаете такъ высоко? Чортъ возьми, подумаешь,

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНИЕ.

МАЙ, 1894 г.

	СТР.
I. Юрьева могила. I—XI. I. I. Ясинскаго	305
II. Воспоминанія М. Ф. Каменской. VII. (Продолженіе)	329
III. Оединька Донъ-Кихоть. Быль. X—XIV. (Окончаніе). Р. И. Сементковскаго	355
IV. Первые шаги. (Изъ воспоминаній). III. (Окончаніе). А. В. Круглова	389
V. Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго. XVI—XX. (Продолженіе).	400
VI. Въ верховьяхъ Волги. (Путевые наброски). VII—XI. (Продолженіе). И. Ф. Тюменова	485
Иллюстраціи: 1) Городъ Осташковъ. — 2) Нилова пустынь съ сѣверо-западной стороны. — 3) Николо-Рожковскій погостъ. — 4) Первый мостъ черезъ Волгу. — Видъ съ моста внизъ по Волгѣ. — 5) Часовня надъ истокомъ Волги и — 6) Часовня на мѣстѣ упраздненнаго монастыря въ де — 7) Петропавловскій погостъ и Стерженскій крестъ. — отъ впаденія ея въ озеро Стержь.	
снги. Ф. Э. Ромера	462
льскомъ возстаніи 1860—1864 годовъ. (Продолженіе въ Калишѣ и Серадзѣ. III. Опять въ Вар	478
й союзъ при Екатеринѣ Второй. I—II. В. А.	499
X. Петръ Великій и князь Меншиковъ въ Гамбургѣ въ 1713 году. А. Г. Бригнера	517
XI. При Николаѣ I и Фридрихъ-Вильгельмѣ IV. В. Р. Зотова	523
XII. По поводу Краковскихъ «юбилейныхъ» безпорядковъ. Н. Костромитинова	538
Иллюстраціи: 1) Обученіе польскаго ополченія въ Галиціи. Съ картины польскаго художника Крушевскаго. — 2) Походъ польскаго ополченія въ Россію. Съ картины того же художника.	
XIII. Критика и библіографія	542
трагунскаго Нижегородскаго полка. Тома I, II и III. Составленъ въ сборѣ матеріаловъ князя В. П. Долгорукова. Спб. ода изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 года съ прилоей лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Главны исторіи. Шесть лекцій 1885 года. Съ приложеніемъ статьи въ подъ римскимъ управленіемъ. Профессора Эд. Фримана. ва. Изданіе К. Т. Солдатовка. Москва. 1893. А. Л.—на.— въ А. В. Круглова. Изданіе I. Ф. Юганцова. Кіевъ. 1894. В. С.— тьи П. В. Безобразова. Выпускъ первый. Москва. 1893. . Мижуевъ. Женское образованіе и общественная дѣятельСоединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Изданіе журла». Сиб. 1893. М. О. — 6) Н. Н. Оглоблинъ. Библіотека сята Игнатія 1700 г. Спб. 1893. С. А—ва.	

См. слѣд. стр.

ванія священника Іоанна Попова. Казань. 1898. х—ча. — 18) Я. К. Гротъ. Труды. I. Изъ скандинавскаго и финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Изд. подъ ред. проф. К. Я. Грота. Спб. 1898. щ.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1

1) О первыхъ годахъ въ исторіи. — 2) Англійская исторія православной церкви. — 3) Легенда объ императрицѣ Жозефинѣ. — 4) Изъ бумагъ маршала Канробера. — 5) Загадка объ эмской депешѣ. — 6) Изъ переписки двухъ государей. — 7) Объ австрійской императрицѣ Елисаветѣ. — 8) Изъ книгъ и статей о Россіи.

XVIII. Изъ прошлаго 1

1) Къ характеристикѣ императора Александра I. Сообщ. Г. А. Яценно. — 2) Одинъ изъ освободительныхъ опытовъ дереформенной эпохи. Сообщ. В. П. Горленно.

XIX. Смѣсь 1

1) Къ юбилею Пушкина. — 2) Историческое общество при Московскомъ университетѣ. — 3) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. — 4) Археологическій институтъ. — 5) Общество любителей древней письменности. — 6) Генеалогическое общество. — 7) Московская археографическая коммисія. — 8) Археологическій кружокъ въ гор. Ташкентѣ. — 9) Антропологическое общество. — 10) Постановленіе объ антропологическихъ находкахъ. — 11) Къ XI археологическому съѣзду. — 12) Географическое общество. — 13) Экспедиція въ Монголію. — 14) Экспедиція для изученія Якутскаго края. — 15) Коллекція памяти Э. М. Достоевскаго. — 16) Некрологи: А. А. Куникъ; В. М. Флоринскій; А. А. Хованскій; И. О. Красковский; В. А. Фидлеръ; Н. А. Дингельштедтъ; И. Л. Силингъ.

XX. Забѣтки и поправки 1

1) Къ вопросу объ ископаемыхъ стеклянныхъ шарахъ. Штабсъ-капитана Стабровскаго. — 2) О смерти іезуита Мартынова. Г. И. Студенкина. — 3) Къ статкѣ Кто и когда выдумалъ «Россію»? Д. Соколова.

XXI. Рѣдкіе портреты

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. Л. Е. Баратынскаго.

**XXII. Судъ чести при Союзѣ Взаимопомощи Русскихъ П
Засѣданія 26-го января и 4-го февраля 1899 г.**

XXIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Евгенія Абрамовича Баратынскаго. Ра
Мирабо (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Историческій альбомъ
рехъ частяхъ. Т. Мундта. (Переводъ съ нѣмецкаго З. У.). Часть I, гл. IV—

ЮРЬЕВА МОГИЛА.

Романъ.

I.

СОЛНЦЕ заходило.

Низенькій старинный бѣлый домъ подъ соломенною крышей, сѣдою отъ времени, съ закопченными трубами и съ маленькими окнами, съ голубыми ставенками, былъ озаренъ багровыми лучами.

Позади дома возвышались тополи и тутовые деревья.

Прямо противъ него, въ концѣ двора, на янтарномъ фонѣ заката выдѣлялись тонкія жерди воротъ, а за ними, въ полуверстѣ разстоянія, совсѣмъ темнолиловая, виднѣлась крылатая мельница, стоявшая на холмѣ.

Холмъ искони назывался Юрьевой могилой. Домъ принадлежалъ Кондратию Захаровичу Корицкому.

Кто былъ Юрій, мѣстные жители забыли. О немъ не сохранилось никакихъ преданій. Быть можетъ, Юрій былъ гайдацкимъ ватажкомъ въ прошломъ вѣкѣ, а, можетъ быть, это былъ князь, въ незапамятные времена сложившій здѣсь голову въ битвѣ съ печенѣгами или половцами.

Впрочемъ, Кондратию Захаровичу казалось, что никакого Юрія не было, и лѣтъ десять тому назадъ онъ велѣлъ поставить вѣтрякъ на могилѣ съ совершенно спокойной совѣстью. Женѣ его, Авдотѣ Ивановнѣ, приснился однажды Юрій. У него была золотая повязка

на лбу, расшитая жемчугами, и бѣлые висячіе усы. «Мнѣ такъ спокойнѣе, — сказала онъ ей, явившись. — Вѣтрякъ мой городъ, и вѣрогъ до меня не доберется».

Авдотья Ивановна испугалась и рассказала мужу сонъ. «Не отслужить ли панихиду по Юріѣ?». Но Кондратій Захаровичъ разсмѣялся. «Не ожидаетъ ли насъ какая бѣда?». Но опять разсмѣялся Кондратій Захаровичъ. Какъ Юлій Цезарь не повѣрилъ вѣщамъ снамъ жены, такъ не придалъ значенія видѣніямъ Авдотьи Ивановны и Кондратія Захаровичъ.

Но онъ былъ счастливѣе Юлія Цезаря. Ничего дурного ни съ нимъ, ни съ его домочадцами, дѣйствительно, не случилось. Скорѣе, сонъ былъ къ добру, потому что съ тѣхъ поръ Корицкій приумножилъ имѣніе, прикупилъ большой кусокъ земли, отлично размежевался съ сосѣдями, удачно продавалъ рожь и пшеницу одесскимъ скупщикамъ и понятія не имѣлъ о томъ, что такое неурожай. Даже ни разу лошадь не увели у него, волки ни разу не зарѣзали его коровы, и съ крестьянами онъ жилъ мирно и не судился. Въ мартовскій тиражъ онъ выигралъ восемь тысячъ. Его сынъ окончилъ университетъ. Дочь слыла умницей, и за нее ужъ посватался молодой профессоръ. Однимъ словомъ, Кондратій Захаровичъ былъ счастливъ, ѣлъ, спалъ въ волю, ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, хотя и не излишествовалъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, и въ пятьдесятъ лѣтъ могъ съ гордостью сказать: «еще ни одной сѣдины нѣтъ, и не знаю, что такое болѣзнь».

Таинственный Юрій могъ быть добрымъ гениемъ дома, конечно. Но и къ добрымъ гениямъ Кондратій Захаровичъ относился недоувѣрчиво. «Не говори глупостей, Авдотья Ивановна! Я самъ свой добрый гений, и если бы сталъ кутить, то никакой Юрій не помогъ бы. Могила могилой, а карбованцы — карбованцами».

Онъ сидѣлъ на крылечкѣ дома, проснувшись послѣ обѣда, и смотрѣлъ на играющихъ собакъ. Могучія мышцы его рукъ замѣтны были даже сквозь широкій полотняный пиджакъ. Ноги его покоились въ бисерныхъ туфляхъ. Воротникъ рубахи былъ растегнутъ, и видна была атлетическая грудь. Словно изъ бронзы былъ изваянъ Кондратій Захаровичъ. Глаза у него были спокойные, сосредоточенные. Взглянувъ на него, сразу можно было опредѣлить, чѣмъ занята его мысль: пшеницей. Когда-то онъ учился въ университетѣ, но сомнительно, прочиталъ ли онъ потомъ хоть одну книгу. Онъ не тратилъ «даромъ» времени, даже на газеты, и довольствовался бюлетенями Кенигсбергской хлѣбной биржи. Изъ всѣхъ писателей онъ признавалъ только Гоголя, да и то изъ малороссійскаго патріотизма. Портретъ Гоголя висѣлъ у него въ кабинетѣ, а сочиненій не было.

На указательномъ пальцѣ Кондратія Захаровича блестѣло массивное золотое кольцо съ его гербовой печатью, давно стершеюся

отъ употребленія. Когда онъ въ юности впервые надѣлъ это кольцо, то полагалъ, что оно пригодится ему не только, какъ печать, но при случаѣ сыграетъ роль и кастета; но, какъ кастеть, кольцо ни разу не было пущено въ ходъ, и поэтому въ душѣ Кондратія Захаровича не осталось ни одного кроваваго воспоминанія. Если бы понадобилось, онъ былъ не прочь убить; сила у него была богатырская, и тяжелыя бревна онъ поднималъ, какъ перышко. Но не представлялось надобности убивать и бить. Онъ жилъ въ своемъ имѣніи среди своихъ людей, стоявшихъ въ тѣхъ или другихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ нему, и походилъ на громаднаго умнаго слона, который можетъ поддерживать добрыя связи даже съ ребенкомъ.

Коротенькая трубка дымилась въ его рукѣ. Въ степной глуши до сихъ поръ еще можно встрѣтить трубку. Хотя всюду проникли джутовые мѣшки и кенигсбергскія телеграммы, но всесильная мода не вездѣ сокрушила благородный чубукъ. Какъ помѣщикъ пятидесятихъ годовъ, сидѣлъ на крылечкѣ Кондратій Захаровичъ, и только не было передъ нимъ казачка. Онъ самъ зажигалъ свою трубку.

Его черные волосы были низко острижены и торчали щеткой надъ небольшимъ, гладкимъ лбомъ, вѣнчавшимъ открытое лицо, расширившееся книзу и украшенное рѣденькой бородкой. Красиво очерченный носъ придавалъ особый отпечатокъ его наружности. Было что-то низменное и вмѣстѣ благородное въ Кондратіѣ Захаровичѣ.

Узенькая стеклянная дверь приотворилась, и изъ-за нея показалось блѣдное, удлинненное лицо Авдотьи Ивановны, съ приподнятыми кроткими дугообразными бровями и съ доброй улыбкой на увядающихъ губахъ. Въ молодости Авдотья Ивановна была хороша собой и даже очаровательна, точно не отъ міра сего. Если бы при ея милой ограниченности, при трогательной невинности сердца и ума, она обладала способностью повременамъ выходить изъ себя, злиться, терзаться и терзать другихъ, хотя бы жалобами и слезами, едва ли мужъ считалъ бы себя счастливымъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе земныхъ ангеловъ съ наклонностями фурій. Къ тому же ограниченность, большею частью, вмѣщаетъ въ себѣ скрытую злобу и, въ лучшемъ случаѣ, то мелкое и несносное зло, которое называется «душкомъ» и въ союзѣ съ «бабьей логикой» неотразимо дѣйствуетъ на кого угодно. Авдотья Ивановна составляла исключеніе. Она была совершенно незлобива, и ея недалекость граничила со святостью. Кондратій Захаровичъ глубоко любилъ ее всю жизнь. А она его... страхъ у ней смѣшивался съ любовью.

— Кондратій Захаровичъ, — тихо сказала она. — Чай готовъ, идите пить чай. Я приказала приготовить чай въ бесѣдкѣ. Будемъ пить чай въ бесѣдкѣ, Кондратій Захаровичъ. Хорошо?

— Хорошо, будемъ пить чай въ бесѣдкѣ,—отвѣчалъ мужъ, не оборачиваясь.—А Колька вернулся?

— Коля вернулся, Кондратій Захаровичъ. Онъ настрѣлялъ деркачей. Я думаю, Кондратій Захаровичъ, отчего же не сдѣлать ужина изъ деркачей?

— Отчего же не зажарить деркачей въ сметанѣ? да чтобъ съ саломъ!—продолжая сосать трубку, одобрилъ мысли жены Кондратій Захаровичъ.

— А Лелька, небось, все читаетъ?

— А Леля все читаетъ, Кондратій Захаровичъ. Она у насъ большая читательница, Кондратій Захаровичъ. Она все Костомаровымъ увлекается. Я думаю, нѣтъ ничего въ томъ вреднаго, Кондратій Захаровичъ.

Кондратій Захаровичъ не сталъ разсуждать о Костомаровѣ. Онъ выпустилъ клубъ дыма и промолвилъ:

— Ступай, я сейчасъ приѣду. Ступай, Авдотья Ивановна!

II.

Николай Кондратьевичъ былъ молодой человѣкъ, такъ сказать, загадочной наружности. Отъ матери онъ унаслѣдовалъ духовный или, вѣрнѣе, туманный складъ тѣла. Онъ былъ непомѣрно высокъ, и о немъ шутя говорили, что его можно видѣть только въ профиль, или что онъ существо о двухъ измѣреніяхъ. Голубые выпуклые глаза его были нѣжны, но подъ ихъ взглядомъ становилось неловко. Длинный носъ придавалъ ему сходство съ куликомъ, и, кстати, онъ страстно любилъ охотиться за болотной дичью, хотя не только дичи, но и мяса не ѣлъ. Ему пріятно было подкараулить неосторожную птицу и насладиться зрѣлищемъ, какъ она падаетъ на землю или шлепается въ воду, сраженная дробью. Руки его были женственны, и онъ щеголялъ своими длинными и вылощенными ногтями. Нѣкоторымъ онъ казался красивымъ юношей, нѣкоторые считали его безобразнымъ. Не смотря на свои глубокія познанія въ естественныхъ наукахъ (онъ былъ оставленъ при университетѣ, и его диссертация по эмбриологіи стрекозы доставила ему въ специальныхъ кругахъ извѣстность), онъ сохранялъ наивность ума, свойственную дѣтямъ, любилъ пустыки, на примѣръ, собиралъ марки, и отца боялся до болѣзненности. Онъ вздрагивалъ, когда слышалъ его голосъ, и въ присутствіи его терялся, путался, краснѣлъ, но преимущественно молчалъ. Любилъ онъ франтить, часто перемѣнялъ бѣлье и употреблялъ хорошіе духи. Учасъ уже въ то время, когда политическія убѣжденія были упразднены среди молодежи, онъ не имѣлъ о нихъ ни малѣйшаго представленія. Въ домѣ одного жандармскаго полковника онъ былъ хорошо принятъ,

когда жилъ въ городѣ, и близость эта его не беспокоила. Пере-сталъ онъ бывать только оттого, что барышня, за которой онъ ухаживалъ, измѣнила ему. Но чувствительностью онъ отличался рѣдкою, огорчался, если узнавалъ о какой нибудь несправедливо-сти или чьемъ нибудь несчастіи, не умѣлъ плавать и могъ ри-нуться, очертя голову, спасать утопающаго. Онъ былъ склоненъ къ задумчивости, къ мечтательности, къ поэтическимъ настрое-ніямъ. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ упрямство и вѣру въ себя, хотя зналъ, что пока будетъ живъ Кондратій Захарычъ, вѣра эта не можетъ быть безграничной—отцовскій авторитетъ подавлялъ его.

III.

Но если въ сынѣ отразились такъ или иначе духовныя и фи-зическія силы родителей, дочь пошла въ одного отца. Она и на-ружностью походила на него. Это была дѣвушка могучаго сложе-нія. О лицѣ ея можно было сказать, что оно кругло и пріятно, а о глазахъ, что они необыкновенно близоруки. Она была на выс-шихъ курсахъ въ университетскомъ городѣ и пристрастилась къ историческимъ наукамъ. Въ этихъ наукахъ для нея все предста-влялось положительнымъ, фактическимъ, не выдуманномъ. Исто-рію она любила, а романовъ терпѣть не могла. Близорукіе каріе глаза ея вѣчно были устремлены въ книгу, и она жадно перели-стывала страницы историческихъ сочиненій. Историки были для нея авторитетами, и, не смотря на свои двадцать лѣтъ, она мыс-ленно жила въ прошломъ. Своего профессора Кленовича, брата из-вѣстнаго философа, она боготворила и частыми посѣщеніями сво-ими холостаго и молодаго человѣка невольно навела его на мысль сдѣлать ей предложеніе. Нечего и говорить, что послѣ этого исто-рія пріобрѣла въ ея глазахъ еще болѣе привлекательный видъ, и она дала себѣ слово сдѣлаться современемъ достойной помощницей своего избранника. Читала она все, но поженски, безъ системы, и маленькая комнатка ея, выходившая окнами въ огородъ, засѣян-ный морковью и укропомъ, пестрѣла отъ потолка до полу рядами книгъ. Она ревностно шла къ своей цѣли, и ужъ былъ недалекъ день, когда она должна была выйти замужъ за Кленовича и стать профессоршей.

IV.

Бесѣдка, гдѣ сегодня пили чай, была свита изъ дикаго вино-града и стояла на пригоркѣ въ концѣ сада. Изъ нея открывался видъ на безграничное степное пространство. Впрочемъ, налѣво воз-вышалась гряда скалистыхъ холмовъ. Это былъ правый берегъ

Синюхи. Когда-то здѣсь сходились границы трехъ государствъ: Россіи, Польши и Турціи. Іюльскій вечеръ дышалъ зноемъ, не смотря на доносившуюся отъ рѣки прохлада. Такъ какъ Кондратій Захарычъ не любилъ ожидать домочадцевъ, то они поспѣшили собраться въ бесѣдкѣ до его прихода.

— Лелька, а ты не знаешь?—спросилъ Кондратій Захарычъ.— Я послалъ лошадей на станцію за Павломъ Иванычемъ. Довольно странно, что его нѣтъ до сихъ поръ.

Лея знала, что лошади посланы. Она сказала:

— Павелъ Иванычъ могъ опоздать. Богопольскій курганъ такъ интересенъ, что какъ же его бросить.

— А съ которыхъ поръ курганы стали милѣе невѣсть? Гробкопатели какіе-то теперешніе молодые люди! Ты гдѣ охотился?—обратился онъ къ сыну.

— Тамъ, папаша,—неопредѣленно отвѣчалъ сынъ.

Отецъ остановилъ на немъ тяжелый насмѣшливый взглядъ.

— О-го! Но если я когда нибудь застаю Сарку на нашей землѣ,—будетъ она меня помнить!

Онъ постукалъ пальцемъ по столу. Сынъ покраснѣлъ и нахмурился. Всѣ молчали. Какъ на зло, словно дразня Кондратія Захаровича, перерѣзывая поле, мимо сада пронеслась на благородной вороной лошади молодая дѣвушка въ темносѣрой амазонкѣ. На головѣ ея, съ курчавыми бѣлокурыми волосами, былъ надѣтъ голубой картузь. Освѣщенное заревомъ заката, красивое лицо ея улыбалось. Даже издали сверкали ея бѣлые зубы, и, какъ искорка, сверкала золоченая рукоятка хлыста, которымъ она нѣсколько разъ ударила лошадь, помчавшись стрѣлой. Черезъ минуту или двѣ она исчезла изъ виду.

Едва ли она слышала, какъ Кондратій Захарычъ, высунувшись изъ бесѣдки, пустилъ ей въ догонку ругательное словцо. Елена Кондратьевна осмѣлилась замѣтить:

— Сара интеллигентная дѣвушка... Развѣ можно?

Авдотья Ивановна боязливо замахала на дочь рукой.

Кондратій Захарычъ, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся пить чай и только отъ времени до времени качалъ головой, поглядывая на сына.

Солнце зашло; высоко по синему небу плыли свѣтлорозовыя облака. Но и они постепенно гасли. Изъ степи потянуло ароматомъ дикихъ травъ. Стали загораться звѣзды.

— Что-жъ, много деркачей убилъ?—спросилъ Кондратій Захарычъ.

— Штукъ двадцать.

— Стрѣлокъ хорошій,—проговорилъ Кондратій Захарычъ.— Но сколько разъ я просилъ,—пониживъ голосъ и взявъ сына за талию, началъ отецъ, медленно удаляясь изъ бесѣдки:—не выдайся ты съ нею! Что тебѣ она? Разсуди самъ: жидовка, уродъ.

— Она очаровательна!—возразилъ онъ.

— Жидовка блондинка — уродство,—съ убѣжденіемъ сказалъ Кондратій Захарычъ.—Чортъ возьми! нельзя же на ней жениться, если бы она даже была расперекрасавица!

Сынъ молчалъ. Песокъ хрустѣлъ подь тяжелыми шагами Кондратія Захарыча.

— Въ любовницы къ тебѣ не пойдетъ—тоже вѣрно,—продолжалъ Кондратій Захарычъ.—Жида не пустятъ. Я тебѣ самъ выберу жену. Женись на полькѣ—на графинѣ Лаурѣ Заіонцъ. Графство неважное, но дѣвушка прелестъ.

— Она горбата,—возразилъ сынъ.

— Ничего, горбъ маленькій, въ модномъ платьѣ мало будетъ замѣтно. А душа у ней, какъ у твоей матери. А шестьсотъ десятинъ надъ Бугомъ и усадьба, гдѣ одна обстановка стоитъ пятьдесятъ тысячъ!

— Я вообще не хотѣлъ бы жениться.

— Какого же дьявола ты ухаживаешь за Саркой?—вскричалъ отецъ.—Каждый шагъ имѣетъ свою причину и цѣль. Изнывать напрасно... еще доставало! Да поѣзжай въ Бердичевъ, я дамъ денегъ и тамъ тебя живо вылечатъ отъ твоей страсти къ жидовкамъ.

— Папаша, ради Бога!

— Я говорю! Завтра же поѣзжай. А Саркѣ незачѣмъ степь хвостомъ подметать! Не то вѣдь я лично съ нею расправлюсь!—громко заключилъ Кондратій Захарычъ.

— Но... Лучше я поѣду за границу въ Іену къ профессору Гекелю. Открывается новая каеэдра, и меня прочать на нее... Надо подготовиться.

— Ты зубы заговариваешь, Николай Кондратьевичъ,—съ усмѣшкой сказалъ отецъ.—Я объявилъ тебѣ, что отправишься осенью. А про Бердичевъ я упомянулъ примѣрно. Пойми, что отецъ я тебѣ и изъ любви хотѣлъ бы, чтобъ ты былъ подальше отъ Сарки. Отвѣтъ мнѣ, что за гессенская муха такая? откуда взялась?

О чемъ бы ни началъ говорить Кондратій Захарычъ, онъ возвращался, въ концѣ концовъ, къ пшеницѣ—къ ея друзьямъ и врагамъ. Сынъ сѣлъ на крылечкѣ рядомъ съ отцомъ и рассказалъ ему все, что зналъ о гессенской мухѣ.

Совсѣмъ стемнѣло.

V.

Послѣ гессенской мухи, Кондратій Захаровичъ всталъ, богатырски протянулъ впередъ руки, зѣвнулъ и объявилъ, что пора ужинать.

— Попробуемъ твоихъ деркачей, Николай Кондратьевичъ. Не вилай. Ты думаешь, я ничего не вижу?—спросилъ отецъ.—Знаешь ты много о мухахъ и о стрекозахъ, а не мѣшало-бъ познакомиться

съ эмбриологіей жидѣ. Насѣкомое полезное, пока челюсти не вырастутъ, а потомъ норовить горло перекусить. Вспомни, Шлемка, Саркинъ отецъ, былъ у меня приказчикомъ! Я живу попрежнему, а онъ во дворцѣ, и проводитъ зимній сезонъ въ Вѣнѣ. Владѣеть на чужое имя, а какія замашки! Образоваль дѣтей, сталъ говорить сквозъ зубы, какъ аристократъ, и все что-то на счетъ культуры распространяется. Откуда такимъ европейцемъ сталъ?

Онъ прошелъ въ столовую, сѣлъ и продолжалъ говорить о Шлемкѣ за ужиномъ. Душистый паръ поднялся изъ кострюли, когда была снята крышка. У Кондратія Захаровича затрепетали ноздри. Онъ весело посмотрѣлъ на деркачей, настрѣянныхъ на жидовской землѣ, потеръ руки и предварительно выпилъ рюмку старки. Онъ настаивалъ, чтобы и сынъ выпилъ. Но молодой человѣкъ даже встрепенулся отъ отвращенія.

Послышался лай собакъ. Кондратій Захаровичъ различилъ стукъ рессорнаго экипажа и фырканье своихъ лошадей, такъ какъ правая пристяжная была съ легкимъ запаломъ.

— Лелька!—сказалъ онъ:—Павель Ивановичъ!

Елена Кондратьевна выскочила изъ-за стола и, не смотря на окрикъ отца: «Стой! сиди!»—выбѣжала на дворъ. На крыльцѣ она обняла жениха и ввела въ столовую своего историка, еще молодого человѣка, небольшого роста, съ волнистыми, откинутыми назадъ, свѣтлыми волосами, съ блѣднымъ утомленныхъ лицомъ и съ серьезными, не улыбающимися глазами.

— Что-жъ вы такъ поздно? Что задержало?

Кондратій Захаровичъ былъ какъ будто недоволенъ, что дорогой гость нарушилъ порядокъ ужина.

— Авдотья Ивановна, угощай!

Разспросы были коротки. Ужинъ продолжался. Серьезный ученый былъ голоденъ. Елена не сводила съ него глазъ; украдкой поглядывала на молодого человѣка и Авдотья Ивановна.

— А о Богопольскомъ курганѣ вы ужъ намъ расскажете завтра, — промолвилъ послѣ ужина Кондратій Захаровичъ. — Утро вечера мудренѣе. Мы, Павель Ивановичъ, деревенскіе люди... Небось, устали? покойной ночи!

Онъ ушелъ съ дѣланной холодностью—съ тою холодностью, которою люди съ большимъ самомнѣніемъ прикрываютъ свою застѣнчивость, встрѣчая предполагаемую «ума палату» или «бездну учености», и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Но, съ разрѣшенія Авдотьи Ивановны, Елена вызвала Павла Ивановича въ садъ и долго ходила съ нимъ по аллеѣ противъ окна, гдѣ находилась спальня матери. Авдотья Ивановна видѣла въ ночномъ сумракѣ, освѣщенномъ блѣдными лучами звѣздъ, высокую, рослую фигуру дочери и маленькую, худенькую — Павла Ивановича. «Ахъ, какой ростъ! — съ тоскою думала Авдотья Ива-

новна.—Мельчаешь людская порода! И профессоръ, и статскій совѣтникъ, и превосходное сердце, и умница, а деркачъ!»—заключила она со вздохомъ и уронила слезу на подоконникъ; тихая грусть вмѣстѣ съ радостью волновала ея душу.

VI.

Утро было великолѣпное. Кондратій Захаровичъ всталъ чуть свѣтъ, обдался въ сараѣ холодной водой и на бѣговыхъ дрожкахъ отправился посмотрѣть на уборку пшеницы, которая уже началась. Кстати, онъ полюбовался и своими пленскими овцами, что паслись въ степи. Не утерпѣлъ онъ также, чтобы не проѣхать мимо жи-довской усадьбы, которая возвышалась на берегу Синюхи и напо-минала собою старинный замокъ.

Хотя счастливъ былъ Кондратій Захаровичъ, но онъ былъ бы еще счастливѣе, еслибъ жидовскій замокъ провалился сквозь землю.

Солнце поднялось и плыло по безоблачной лазури, бросая яркіе лучи на домъ, когда вернулся Кондратій Захаровичъ.

У человѣка онъ справился, передавая вожжи:

— Что Николай Кондратьевичъ?

— Пошли съ собакой.

— А!

— А приѣзжій паничъ кругомъ мельницы землю мѣряютъ.

— Мѣряетъ землю?—недовольнымъ тономъ переспросилъ Кон-дратій Захаровичъ.

— Мѣряютъ веревочкой.

Кондратій Захаровичъ пошелъ къ мельницѣ.

— А что вы мѣрили?

— Курганъ мѣрилъ.

— Ну, и что-жь?

— Любопытный курганъ.

— Вы, можетъ быть, полагаете, что золото?—спросилъ Кондратій Захаровичъ.

— Нѣтъ.

— Я все равно рыть вамъ не позволю. У меня первый вѣтрякъ въ околodкѣ. Дорогая вещь.

— Я понимаю.

— Комическіе люди археологи!—проговорилъ Кондратій Заха-ровичъ.

— Чѣмъ же комическіе?—серьезно спросилъ Кленовичъ.

— У меня и собственный ученый имѣется! А что вы нашли въ Богополѣ?

— Ничего,—отвѣчалъ Кленовичъ.

Приблизилась Елена Кондратьевна съ свѣжей пунсовой лентой въ косѣ. Кленовичъ пожалъ ей руку и началъ:

— Вчера вы спрашивали, какого типа Юрьева могила. Я сдѣлалъ попытку... По вѣшнему виду судить нельзя... Только могила старая. Но я уже разъ напоролся. Представьте, разрылъ курганъ, думалъ скиѣскій, а оказалось—ополченцевъ двѣнадцатаго года! Они шли на родину чрезъ Днѣпръ и пали жертвой какой-то эпидеміи! Мѣстный священникъ разсказалъ мнѣ потомъ... Да, старая, хотя моложе богопольской...

— Находили вы когда нибудь драгоценности въ могилахъ? — спросилъ Кондратій Захаровичъ.

— Находили... Вещи не играютъ такой роли въ наукѣ, какъ представляется... со стороны. Курганные предметы—продуктъ известной культуры, и надо ими пользоваться осторожно при опредѣленіи этнографическихъ типовъ. Можно сказать: вотъ воинъ, а вотъ пахарь, но славянинъ или финнъ — предметы вамъ навѣрняка не объявятъ. Могла быть мѣновая торговля и все перепутать. А другое дѣло, какъ зарыть покойникъ: зарыть ли въ землю, или въ насыпь; погребенъ или сожженъ. Лежитъ ли онъ, наконецъ, съ востока на западъ или съ сѣвера на югъ.

— Значить, въ Богополѣ вы однѣ косточки отрыли?—освѣдомился Кондратій Захаровичъ.

— Вообще скиѣскіе курганы часто не содержатъ ничего, кромѣ костяка. А вы спросите, какъ же узнаютъ, что скиѣскіе? Именно по положенію. Скиѣская религія требовала класть покойниковъ съ востока на западъ. Кромѣ того, на югѣ не было сожженія, а погребали въ ямахъ. Сѣверяне сжигали трупы, древляне хоронили въ насыпяхъ. Погребальный обрядъ не легко поддавался измѣненіямъ, и потому на него принято смотрѣть, какъ на постоянный признакъ.

— Ну, и что-жь, вы посмотрите на кости и берете ихъ себѣ, или такъ бросаете?—спросилъ Кондратій Захарычъ, между тѣмъ какъ въ головѣ его, занятой пшеницей, пронеслась картина поля, пышно волнуемаго вѣтромъ; даже судя по разсѣянному взгляду его, онъ былъ далекъ отъ археологіи и поддерживалъ разговоръ только изъ вѣжливости.

— Наша наука о курганахъ находится въ зачаточномъ состояніи,—сказалъ Кленовичъ, всходя по ступенькамъ крыльца въ домъ.— Авдотья Ивановна, свидѣтельствую вамъ свое низжайшее почтеніе!

Ученый приложился къ ручкѣ своей будущей маменьки, внимательно выслушалъ любезно предложенные ему вопросы о томъ, какъ онъ провелъ ночь, удовлетворительно отвѣтилъ на нихъ и, размѣшавъ ложечкой сахаръ въ стаканѣ, продолжалъ въ ожиданіи, пока простынетъ чай, такъ какъ ему запрещено было пить горячее, по случаю хроническаго катара кишекъ:

— Напримѣръ, лѣтописи ясно свидѣлствуютъ, что могильные курганы, разбросанные по системѣ рѣки Роси, должны принадле-

жать кочующимъ торкамъ. Такъ всё и думали сначала. А профессоръ Антоновичъ раскопками установилъ, что курганы древлянскіе. Меньше всего археологамъ надо полагаться на исторію и географію.

Размышляя о пшеницѣ, Кондратій Захарычъ спросилъ:

— Привираетъ исторія?

Павель Иванычъ невозмутимо произнесъ:

— Ею слѣдуетъ пользоваться, но нельзя злоупотреблять. Чувствуя подъ собой твердую научную почву, кургановѣдъ долженъ даже обращаться къ указаніямъ историковъ. Описанный Геродотомъ, погребальный обрядъ скивовъ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что нашли археологи.

— Но я читала, что курганы можно относить къ каменному, къ бронзовому и къ желѣзному вѣку, которые, въ свою очередь, еще дѣлятся,—замѣтила молодая дѣвушка.

— Классификація по культурамъ? Нѣтъ! Развѣ у насъ жилъ одинъ народъ, правильно проходившій всё стадіи культурнаго развитія? Одна національность смѣняла другую, и кочевники выгоняли осѣдлыхъ. Получилось бы смѣшеніе кургановъ, древній скивъ слился бы съ позднѣйшимъ славяниномъ, половець съ финномъ. Остается создать критерій...

— Нѣсколько лѣтъ назадъ въ газетахъ писали о раскопкахъ Шлимана,—сказалъ Кондратій Захарычъ.—Вотъ ученый! Съ самого Агамемнона золотую маску снялъ и сколько еще драгоценностей, уму непостижимо! Сталъ милліонеромъ. А чѣмъ былъ? Торговымъ комиссіонеромъ въ Петербургѣ. Ужъ онъ не изъ нашихъ ли? Фамилія подозрительная. Кстати, Павель Иванычъ о жидахъ. Вамъ пища! Въ Каменномъ Бродѣ, гдѣ Шлемка живетъ, стоялъ костель, который въ шестьдесятъ третьемъ году упразднился. А костель выстроенъ былъ близъ магнатскаго замка, который заброшенъ еще вскорѣ послѣ Хмельницкаго, а можетъ и раньше—трудно сказать. Только теперь и костела нѣтъ. Но остались подвалы, и тамъ видимо невидимо труповъ. Настоящіе трупы. Помню, съ Авдотьей Ивановной я поѣхалъ взглянуть. Она побоялась и не вышла изъ экипажа, а меня мертвецами не испугаешь. Дѣйствительно—живые. У одной паненки руки совсѣмъ бѣлыя и свѣжія. Цѣлую диссертацию можно написать! Чтò ваши курганы—стоитъ ли ихъ копать, и даже говорить о нихъ!

Снисходительно посмѣиваясь, всталъ Кондратій Захарычъ и ушелъ въ кабинетъ закуритъ трубку и подвести кое-какіе счета.

— Папаша о наукѣ имѣетъ особое представленіе,—проговорила Елена Кондратьевна, когда отецъ ушелъ.—Но, Павель Иванычъ, вамъ въ самомъ дѣлѣ не мѣшаетъ заглянуть въ каменнородскіе погреба. Много таинственнаго. Я увѣрена, это гайдамацкаго періода. Но только почему трупы сохранились? Страшныя звѣрства

были. Я вамъ сколько разъ говорила, что у насъ историческія мѣста. Наконецъ вы пріѣхали! Я покажу вамъ столбъ, на которомъ сохранилась надпись: «Granica kogosu Polskey». А между береговыхъ скалъ рѣки попадаются естественныя пещеры, и на камняхъ выбиты знаки. На одномъ я различила двѣ чапки и сапогъ. Въ пещерахъ укрывались гайдамаки. Когда-то здѣсь стоялъ казацкій гетманъ Наливайко, а противъ него польскій гетманъ Жолкѣвскій. Потомъ стояли татары, приходившіе на помощь Хмельницкому. Въ томъ же году уманскій полковникъ Глухъ, сторонникъ Хмельницкаго, поразилъ на Синихъ Водахъ, какъ называлась прежде Синюха, татаръ, бѣжавшихъ изъ-подъ Берестечка и занявшихся на своемъ пути грабежомъ. Что ни шагъ, то археологія или исторія.

— А вы, Елена, милочка!—принимаясь за холодный чай, одобрительно замѣтилъ молодой профессоръ.—Признаюсь... одному при всеобщемъ равнодушіи къ наукѣ, было бы такъ тяжело! Но какъ ни хотѣлось мнѣ поскорѣе свидѣться съ вами, я покружилъ между Бугомъ и Синюхой и вчера, и третьяго дня, и всю эту недѣлю. Богопольскій курганъ не стоилъ мнѣ никакого труда. Я проѣхался вверхъ по Бугу и частью по Синюхѣ. Надъ самымъ Бугомъ идетъ дорога узкая-преузкая. Справа отъ нея высокая скала, называется Сорочиною Батареею. Это за Голтой и за Каменкой. Я узналъ, что тамъ въ началѣ нынѣшняго вѣка подвизался разбойникъ Сорока, бросалъ на проѣзжихъ камни со скалы, убивалъ ихъ и грабилъ. Какъ выѣхать изъ Голты, то, не доѣзжая Грушевки, возвышается могила, обведенная рвомъ—памятникъ чумы, бывшей въ 1809 году. Дальше я замѣтилъ небольшое квадратное укрѣпленіе. Противъ Грушевки среди самага Буга виденъ гранитный островокъ—Мамаевъ Кутоловъ. Популярная это личность казакъ Мамай. Я видѣлъ когда-то Мамаевъ дубъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ близъ Херсонки. Прежде часто попадались портреты Мамаю. У извѣстнаго знатока украинской старины Василя Петровича Горленка хранится большая картина малороссійскаго письма, изображающая этого самага Мамаю: онъ сидитъ подъ дубомъ и играетъ на кобзѣ, а вдали пasetся его конь; въ углу картины гербъ Мамаю, внизу стихи, прославляющіе его удалъ и молодечество. Мамай разбойничалъ въ половинѣ прошлаго вѣка. Должно быть, былъ гайдамакъ изъ запорожцевъ. Музыкантъ и Донъ-Жуанъ, франтъ и красавецъ—идеаль казакъ! Ходилъ онъ въ красномъ кунтушѣ. У него была отрублена одна рука, и онъ, всетаки, разбойничалъ. Руководителемъ и чичероне моимъ былъ дѣдъ Апанасъ.

— А, знаю! держитъ лошадей!—вскричала Елена Кондратьевна.

— Бывшій крѣпостной нашъ,—замѣтила Авдотья Ивановна.

— Пьяница. Но я ему очень благодаренъ. Ниже Грушевки впадаетъ въ Бугъ Романкова балка—чудный оврагъ, отъ котораго вѣетъ поэзіей. Въ Романковой балкѣ жилъ современникъ Мамаю и,

можетъ быть, его другъ—Романокъ. Апанасъ разсказалъ мнѣ, какъ Романокъ раскаялся. По краю Романковой балки въ скалѣ высѣчена дорога. По этой дорогѣ къ Романку спустилась Богородица и убѣдила его бросить разбой, а самому затвориться въ Межигорскомъ монастырѣ. Какъ извѣстно, въ Межигорскій монастырь уходили въ преклонныхъ лѣтахъ почти всѣ запорожцы познатнѣе. Я посѣтилъ также Пугачеву скалу, служившую запорожцамъ тюрьмою. Со скалы на веревкѣ спускали преступника, и онъ долженъ былъ упасть на острые камни, или же войти въ пещеру, которая, какъ гнѣздо щура, темнѣетъ въ отвѣсной стѣнѣ. Веревку поднимали, и выйти изъ такой тюрьмы не было возможности. Разумѣется, я любовался ею только издали. Тамъ же на Бугѣ есть островъ, гдѣ стояли запорожскія мельницы. Запорожцы толкли зерновой хлѣбъ въ большихъ выдолбленныхъ камняхъ... Я не такъ скептиченъ, какъ вы думаете, и всегда зналъ, что ваша родина золотое дно для историка. Но надо было выждать время... А тутъ такое стеченіе обстоятельствъ...

Онъ выразительно посмотрѣлъ на нее. Лучъ нѣжности мелькнулъ въ его сѣрыхъ глазахъ. Но казалось, что, глядя на Елену, онъ видитъ не только ее, но одновременно и всѣ курганы, которые ему предстоитъ еще разрыть, всѣ историческія скалы и пещеры, руины и историческія мѣстности.

— А каменнородскіе трупы доступны? ихъ можно смотрѣть, когда угодно?—помолчавъ, спросилъ онъ.

— Шлемка въ ссорѣ съ папашей или, вѣрнѣе, папаша его игнорируетъ, и онъ обиженъ,—пояснила Елена Кондратьевна. — Но когда онъ встрѣчается съ нами, всегда кланяется. Мнѣ извѣстно, что онъ уважаетъ насъ. Если написать записку... Но папаша не позволить ни за что. А вы сами... они будутъ такъ рады, въ особенности Сарра. Вы ея не знаете, хотя она была на курсахъ вмѣстѣ со мной всего, впрочемъ, два года. Она математичка.

— Конечно, почему же не пустить меня?—сказалъ Кленовичъ.

— Только вы знайте, Павелъ Ивановичъ, что Сарра красавица,—начала молодая дѣвушка.

Ученый женихъ необыкновенно серьезно посмотрѣлъ на нее, и она замолчала.

VII.

Бѣлый сетеръ нервно и радостно вбѣжалъ въ столовую, ласкаясь къ Еленѣ Кондратьевнѣ, къ Авдотѣ Ивановнѣ и даже къ Кленовичу, котораго онъ никогда еще не видѣлъ. На молодой дѣвухкѣ было новое платье. Она испугалась грязныхъ лапъ сетера и стала кричать:

— Вымпель, пошелъ прочь! Отвратительная собака. Берегитесь, она васъ запачкаетъ, Павелъ Ивановичъ! Фимка, выведи собаку!

Дѣвченка бросилась исполнять приказаніе барышни и стала тянуть собаку за ошейникъ. Напрасно умные, каріе глаза Вымпела съ мольбой смотрѣли на Авдотью Ивановну, о которой онъ зналъ, должно быть, какъ и всѣ, что она добрая женщина. Вскорѣ онъ очутился на дворѣ, возлѣ флигеля, гдѣ жилъ Николай Кондратьевичъ, и легъ у дверей, прислушиваясь. Николай Кондратьевичъ умывался. До Вымпела доносился изъ флигеля аромать мыла вмѣстѣ съ запахомъ дичи, пороха и ворвани. Наконецъ онъ дождался и вмѣстѣ съ своимъ господиномъ вторично проникъ въ соблазнительную столовую. Теперь онъ, наученный горькимъ опытомъ, держался одного Николая Кондратьевича.

— Ты убилъ чтонибудь?—спросили дамы.

— Три пары дупелей. Я отдалъ на кухню.

— А самъ онъ вегетеріанецъ,—объявила Авдотья Ивановна.

— Слыхалъ,—сказалъ Кленовичъ.— Производите надъ собой физиологическій опытъ?

— Изъ убѣжденія.

— При чемъ же убѣжденіе?—съ удивленіемъ спросилъ Кленовичъ.

— А, можетъ быть, и не причемъ,—равнодушно произнесъ Николай.—Но мнѣ просто противно. Когда другіе ѣдятъ—ничего. Не могу только видѣть, какъ она ѣсть,—сказалъ онъ и кивнулъ головой на сестру.

Елена Кондратьевна молча пожала плечами. Профессоръ рѣшилъ прервать разговоръ, не имѣющій для него никакого значенія.

— Какъ фамилія этого Шлемки, который оказывается владѣльцемъ замка?

— Только отецъ называетъ его Шлемкой,—покраснѣвъ, проговорилъ Николай Кондратьевичъ.

— Мужики тоже называютъ Шлемкой по старой памяти,—замѣтила Авдотья Ивановна.

— Соломонъ Борисовичъ Залшевичъ — замѣчательный человекъ,—хмурия брови, началъ Николай.—Помимо того, что онъ всѣмъ обязанъ самому себѣ и у всѣхъ здѣшнихъ помѣщиковъ и посессоровъ, какъ бѣльмо на глазу, онъ широко образованъ, хотя вышелъ изъ пятаго класса гимназіи. Онъ даже въ естественныхъ наукахъ маракуеть. Самообразованіемъ можно многого достичь. А какой у него умъ и сколько здраваго смысла!

— Приятно слышать,—сказалъ Павелъ Ивановичъ.— А какъ съ нимъ познакомиться? Очевидно, вы знаете его близко!

— Но онъ на меня сердитъ,—промолвилъ молодой человекъ.

Ученый не спросилъ—за что. Онъ сосредоточилъ свое вниманіе на длинныхъ ногахъ Николая Кондратьевича, обутыхъ въ щегольскіе лакированные башмаки, и сказалъ:

— Хорошо бы узнать, по крайней мѣрѣ, дома ли Соломонъ Борисовичъ.

— Вчера его не было, сегодня дома,—отвѣчалъ Николай.

— Вы знаете, меня интересуеть подвалъ съ трупами.

— Разумѣется.

— Такіе подвалы и погреба встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ. Я читалъ о нихъ... Кажется, въ Ревелѣ и въ Ораніенбаумѣ... Но никогда не видѣлъ. Какъ естественникъ, вы могли бы объяснить причину подобнаго сохраненія труповъ.

— Причины извѣстны,—отвѣчалъ Николай Кондратьевичъ.— Трупы становятся какъ бы восковыми, попадая въ глинистую почву, не допускающую доступа воды и воздуха, а въ известковой они дѣлаются словно каменными.

— Но Кондратій Захаровичъ самъ видѣлъ трупъ молодой особы съ свѣжими бѣлыми руками, заключенный не въ глину и не въ известь,—возразилъ профессоръ.

— Въ такомъ случаѣ я не знаю.

— Трупы эти подвергаются непосредственному соприкосновенію съ воздухомъ!

— Не знаю.

— Вы ни разу не полюбопытствовали?

— Ни разу.

Павель Ивановичъ сталъ опять смотрѣть на его сапоги. Николай Кондратьевичъ бралъ изъ лоточка куски булки, намазывалъ сливочнымъ масломъ и кормилъ Вымпела.

— Нѣтъ ничего новаго въ вашей наукѣ?—послѣ молчанія предложилъ вопросъ Николай.

Кленовичъ отвѣтилъ, съ удивленіемъ замѣчая въ себѣ поднимающуюся волну какого-то страннаго недружелюбнаго чувства къ этому молодому человѣку:

— Ничего нѣтъ.

Онъ всталъ и ушелъ.

VIII.

Къ жениху присоединилась Елена.

— Не правда ли, братъ странный?

— А что?

— Онъ страшно увлекающійся...

— Въ какомъ смыслѣ?

— Онъ влюбленъ въ Сарру.

— Меня не касается,—произнесъ ученый.—Что мы будемъ сегодня дѣлать? Кое-что я занесу въ свой дневникъ.

— У насъ обѣдаютъ въ часъ, имѣйте въ виду.

— Значить, послѣ обѣда я буду свободенъ,—заключилъ Павель Ивановичъ.

Домъ погрузился въ молчаніе. Авдотья Ивановна двигалась по комнатамъ безшумно, какъ тѣнь. Нѣкоторое время слышно было только радостное повизгиваніе Вымпела и его отрывистый счастливый лай. Николай Кондратьевичъ возвращался во флигель.

Не смотря на охотничій элементъ, во флигелѣ преобладала ученая обстановка. Превосходный, новѣйшей системы, микроскопъ блисталъ на рабочемъ столѣ, тщательно покрытомъ чистыми листами бумаги. На полкѣ разставлены были въ стеклянкахъ съ притертыми пробками реактивы. Въ часовыхъ стеклышкахъ вокругъ микроскопа лежали препараты желудка гессенской мухи, ея нервной системы и яйцеклада. Тончайшіе пинцеты и скальпели, лупы, иглы, бритвы—все это было разложено въ строгомъ порядкѣ. Наблюденія свои энтомологъ записывалъ карандашомъ на мраморной дощечкѣ.

Посмотрѣвъ въ микроскопъ и черкнувъ на дощечкѣ нѣсколько словъ, Николай Кондратьевичъ тоскливо вздохнулъ и легъ на постель, сунувъ подъ затылокъ обѣ руки. Вымпелъ изъ своего угла, гдѣ у него имѣлась войлочная подстилка, наблюдалъ за Николаемъ Кондратьевичемъ. Онъ видѣлъ его длинный носъ, бѣлѣвшій острымъ угломъ на пурпурномъ фонѣ ковра, прибитаго надъ кроватью, и его тянуло къ нему. Онъ не выдержалъ и, виляя хвостомъ, лизнулъ Николая Кондратьевича въ губы.

— Ложись, если хочешь, со мной,—сказалъ Николай Кондратьевичъ, отворачиваясь отъ морды съ черной губой и бѣлыми мокрыми зубами.—Мы, братъ, съ тобою большіе мерзавцы... у насъ мало характера... Ахъ, характера бы намъ!

Сетеръ сидѣлъ на заднихъ лапахъ и, склонивъ на бокъ голову, съ ласковой пытливостью устремилъ на Николая Кондратьевича свои умные глаза, ожидая, что съ нимъ начнутъ играть.

— Все равно! — вскричалъ молодой человѣкъ.—Ну, не характера, такъ силы воли. Дѣло не въ словахъ.

— А именно въ чемъ же?—раздался вкрадчивый голосъ.

Сетеръ громко залаялъ.

— Въ поступкахъ, — отвѣчалъ Николай Кондратьевичъ, вскакивая: онъ увидѣлъ красиваго мужчину лѣтъ тридцати съ великолѣпными рыжими усами и одѣтаго въ шелковую чечунчу, только что вошедшаго въ комнату, дверь которой стояла настежь. Это былъ Станиславъ Адамовичъ Потоцкій — не графъ, хотя всѣ его называли графомъ, и онъ не отказывался отъ титула. По его словамъ, у него было когда-то громадное состояніе. Но многіе помнятъ, какъ онъ восемнадцатилѣтнимъ юношей служилъ писцомъ въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи. Состояніе могло быть у его отца. Однако, рѣшительно не знали, кто былъ его отецъ. Станиславъ Адамовичъ принялъ православіе, и съ тѣхъ поръ будто начались его несчастья. Поляки начали его гнать, родные отъ него отказа-

лись, и даже одна благородная вдова, помогавшая ему во всѣхъ трудныхъ случаяхъ его жизни, велѣла захлопнуть дверь передъ самымъ его носомъ. Что ему оставалось дѣлать? Полицейская служба его не обезпечивала, а между тѣмъ у него были потребности, широкія потребности. Онъ сталъ заниматься адвокатурой, но былъ вскорѣ лишенъ судебного патента за то, что былъ прямъ и не могъ кривить душой. Врожденныя возвышенныя качества дворянской натуры! Онъ исчезъ изъ города и появился въ Петербургѣ, гдѣ пристроился къ какому-то темному комиссіонерству. Есть такія профессіи—на границѣ ненаказуемости и ссылки въ мѣста не столь отдаленныя. Ими занимаются люди, обладающіе большою вѣрою въ снисходительность свѣта. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло, и «графъ» Потоцкій сталъ личнымъ секретаремъ желѣзнодорожнаго туза Плугавина, вышедшаго изъ крестьянской среды и нуждавшагося въ тайномъ менторѣ, какъ прожигать жизнь и что дѣлать, чтобы казаться испорченнымъ человѣкомъ. Были менторы—въ столицѣ ихъ много, но дорогіе. А «графъ» Потоцкій запросилъ дешево. Плугавинъ возилъ его съ собой въ Сибирь и за границу, низвелъ на положеніе камердинера и, наконецъ, разочаровавшись, совсѣмъ бросилъ въ Одессѣ. «Графъ» Потоцкій, однако, уже имѣлъ имя и извѣстность и безъ хлѣба не остался. Его взялъ воспитателемъ къ своимъ дѣтямъ богатый хлѣботорговецъ Перельманъ, плѣвившійся необыкновенной склонностью «графа» къ юдаизму. Но однажды «графъ» хватилъ далеко: съ таинственнымъ видомъ онъ сталъ говорить, что ничего не имѣетъ противъ принесенія въ жертву Исаака—въ религіи должна быть хоть одна страшная мистерія. Почтенный хлѣботорговецъ огорчился такой ревностью прозелита и постарался отъ него отдѣлаться, замѣтивъ къ тому же, что воспитатель дурно вліяетъ на нравственность его Берки и Эли, ничего не смысля въ наукахъ. Счастливая звѣзда, взошедшая надъ «графомъ», уже, впрочемъ, не погасала: она привела его въ Каменный Бродъ, и для Соломона Борисовича онъ оказался драгоценнымъ человѣкомъ. Это по его совѣту былъ перестроенъ и отдѣланъ каменнобродскій палаццо. Это онъ, Станиславъ Адамовичъ, покрылъ красной сѣткой рысаковъ, на которыхъ катается madame Залшевичъ. Это онъ настоялъ на томъ, чтобы Соломонъ Борисовичъ низко остригся и обрѣзалъ бородку à la Генрихъ IV. Это онъ исправляетъ письма Соломона Борисовича, уснащая ихъ высокопарно-надменными фразами, и прикладываетъ къ конвертамъ печать съ изображеніемъ какъ будто герба. Это онъ заботится о бѣльѣ и о фасонѣ платьевъ своего патрона. Это онъ научилъ его ѣсть икру, раковъ, устриць и вестфальскую ветчину. Это благодаря ему, Соломонъ Борисовичъ возмущается, когда замѣчаетъ, что кто нибудь ѣстъ съ ножа, и спѣшитъ публично высказать свое неодобреніе неудобному и опасному способу. Это онъ внушилъ Соломону Борисовичу не

стыдиться называть евреевъ жидами. Послѣ урока у Перельмана онъ понялъ, что въ такихъ полубарскихъ, полукабацкихъ домахъ, какъ каменобродскій замокъ, надо держать себя съ почтительнымъ нахальствомъ. Задача трудная, но онъ ее разрѣшилъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что титулъ графа онъ окончательно принялъ въ Каменномъ Бродѣ, а это было лестно для замка.

Въ качествѣ взрослога ребенка, Николай Кондратьевичъ не распознавалъ людей. Даже если ктонибудь былъ ему очень несимпатиченъ, онъ старался не показывать вида, чтобы не сдѣлать несправедливости. Правда, его прорывало вдругъ, когда несимпатичный человѣкъ меньше всего ожидалъ этого. Тогда онъ не зналъ пощады и бывалъ жестокъ. Во всякомъ случаѣ, къ Станиславу Адамовичу онъ не питалъ ничего враждебнаго. Напротивъ, онъ ему искренно обрадовался.

— Я иногда громко разсуждаю самъ съ собой! — сказалъ онъ, усаживая его и придвигая папиросы (самъ онъ не курилъ).

— Но жаль, что я не постоялъ въ дверяхъ — можетъ быть, я услышалъ бы много любопытнаго, — проговорилъ, смѣясь, секретарь Соломона Борисовича. — Одинъ мужъ подслушивалъ разговоръ жены, который она имѣла во время сна, и ему было объявлено такимъ образомъ, что онъ съ рожками. Пріятное объявленіе! Какіе поступки вы разумѣли?

— Будемъ стоять на общей почвѣ... Что, жарко?

— Идти пять верстъ подъ этими лучами — лучше не спрашивайте!

— Доволенъ, что вижу васъ. Но, всетаки, у васъ была какаянибудь цѣль.

— И очень.

Станиславъ Адамовичъ такъ проникательно и лукаво посмотрѣлъ прямо въ глаза Николаю Кондратьевичу, что у того возникло радостное опасеніе, ужъ не съ порученіемъ ли отъ Сарры явился этотъ франтъ. Ему и досадно стало, зачѣмъ она посвятила посторонняго человѣка въ тайну. Онъ едва не началъ разспрашивать о Саррѣ. Но «графъ» Потоцкій предупредилъ его.

— Да будетъ вамъ извѣстно, что я люблю безъ околичностей приступать къ гордіеву узлу. Былъ случай, что вы выручили... Одолжите мнѣ еще такую же сумму... Я пригожусь вамъ, вѣрьте Богу!

Николай Кондратьевичъ сконфузился и пошелъ доставать изъ шкатулки деньги. А «графъ» Потоцкій продолжалъ съ возрастающею развязностью:

— Должно удивлять васъ, какъ я, получая тридцать рублей въ мѣсяцъ, на всемъ готовомъ, нуждаюсь и дѣлаю долги. Но не забывайте, что мой принципаль чистокровный жидъ, и хотя я его каждый день мою въ семи водахъ, но неистребимъ чеснокъ! Не по-

вѣрите, какъ трудно порядочному человѣку, привыкшему къ лучшей жизни, имѣвшему когда-то къ своимъ услугамъ и собственнымъ лошадей, и собственные ананасы и персики, вертѣться среди этихъ... пар....

Николай Кондратьевичъ съ недоумѣніемъ спросилъ:

— Вы не довольны?

— Но посудите сами, Николай Кондратьевичъ, котораго я теперь долженъ считать своимъ благодѣтелемъ!—патетически сказала «графъ»:—если бы Шлемка отдалъ мнѣ жалованье вчера, то развѣ я сталъ бы васъ беспокоить сегодня и притомъ по несносной жарѣ, положительно вредной для моего здоровья. Онъ заплатитъ, словъ нѣтъ; но у меня свои надобности, и я не могу ждать, пока онъ, какъ пѣвка, высосетъ тамъ сколько нибудь лишней крови...

— Если вы намекаете на экономическій строй, то мы всѣ со-семь кровь, и что тутъ особенно дурного?—мрачно замѣтилъ Николай.

— Я допускаю вашу гуманную точку зрѣнія,—съ улыбкою возразилъ «графъ». — Но, Боже мой, есть разница между христіанскимъ сосаньемъ и жидовскимъ, которое безопасно.

— Много разъ слышала. Удивляюсь только, что слышу отъ васъ,—сказалъ Николай Кондратьевичъ, подавая гостю красненькую.

— Дорогой, какъ мнѣ благодарить васъ!—вскричалъ Станиславъ Адамовичъ, сильно потрясая руку молодого человѣка.

— Пожалуйста, не благодарите. Сочтемся.

Но, движимый чувствомъ благодарности, облагодѣтельствованный «графъ» захотѣлъ непременно поцѣловать Николая Кондратьевича и привелъ бы это въ исполненіе, если бы Вымпель, охваченный ревностью или безпредметнымъ страхомъ, грозно не залаялъ на него. «Графъ» отскочилъ; Николай Кондратьевичъ сталъ успокаивать Вымпела, и благопріятная минута для изліянія чувствъ была пропущена.

— Вы изумляетесь, что я порицаю Шлемку,—началъ «графъ». — Но я его знаю, и онъ у меня вотъ сидитъ (онъ указалъ на затылокъ). Было бы странно, еслибъ я имъ восторгался. Понятно, все это между нами—вы меня не погубите... Я передъ вами, какъ мать родила, весь нараспашку. Славянская натура Потоцкихъ! Но, кстати, за что такъ не благоволить именно къ вамъ Шлемка? Злобное сердце! Съ Кондратія Захаровича онъ перенесъ свою вражду на васъ. О, готовъ присягнуть! я знаю хорошо жидовъ!

«Нѣтъ, онъ ничего не знаетъ»,—рѣшилъ Николай Кондратьевичъ, подумавъ о Саррѣ и о своихъ свиданіяхъ съ нею, и успокоился.

— Я велю заложить лошадь и отвезти васъ въ Каменный Бродъ.

— Что можетъ быть любезнѣе такого предложенія, и какъ отъ него отказаться?—произнесъ графъ и, вставъ, приблизилъ глазъ

къ микроскопу, но, не умѣя смотрѣть, ничего не увидѣлъ, однако восторженно заключилъ:

— Чудная наука!

— Послушайте, я познакомлю васъ съ профессоромъ Кленовичемъ—онъ извѣстный археологъ,—сказалъ Николай Кондратьевичъ.—Дайте вы ему возможность взглянуть на каменнобродскіе погребя.

— Съ большимъ удовольствіемъ... хотя въ настоящее время то трудная вещь,—промовилъ «графъ».—Интересенъ только одинъ погребъ—тотъ, который на краю сада, гдѣ былъ костель. А въ подвалахъ праваго крыла оптовый складъ.

— Какъ же устроить?

— Я доложу Соломону Борисовичу и милости просимъ. Господинъ профессоръ пусть черкнетъ мнѣ нѣсколько строкъ.

Лошадь была подана. Павелъ Ивановичъ, къ которому поступался Николай Кондратьевичъ, вышелъ и, выслушавъ, въ чемъ дѣло, сухо поблагодарилъ «графа» Потоцкаго. «Графъ» сдѣлалъ ручкой и граціозно удалился.

IX.

— Зачѣмъ ты принимаешь проходимца?—спросилъ Кондратій Захаровичъ у сына послѣ обѣда, собираясь набоковую.

— Кого вы называете проходимцемъ?—въ свою очередь спросилъ Николай Кондратьевичъ.

— Неужели не догадываешься, о комъ рѣчь? Проходимецъ или жидовскій прихвостень... Ты взрослый человѣкъ и, конечно, можешь знакомиться, съ кѣмъ хочешь, но не въ моемъ домѣ. Согласись самъ, проходимецъ глупъ, и съ этой стороны что можетъ быть общаго у тебя съ нимъ?

Сынъ молчалъ; отецъ, опустившись на кожанную софу и закуривъ трубку, продолжалъ:

— Только глупецъ можетъ поставить себя въ положеніе лжеграфа и лакея... У Плугавина онъ могъ бы составить большой капиталъ, будь онъ способная бестія. Но онъ даже у Шлемки успѣлъ уронить себя. Изъ-за него Шлемку поднимаютъ на-смѣхъ. Какъ же ты высокога мнѣнія о Шлемкѣ, если онъ самъ не могъ раскусить свистуна?.. Не спорю, Шлемка не дуракъ, но жидъ, а нѣтъ очень умныхъ жидовъ. Нашъ братъ нравственнѣе жида, и только потому намъ не все удается; а еслибъ мы наплевали на нравственность, о-е-ей!—былъ бы жидамъ мать! Мало ли жидовъ передупилъ тотъ же Плугавинъ?

Николай Кондратьевичъ все продолжалъ молчать.

— Колька, какъ ты думаешь,—пониживъ голосъ, началъ отецъ:—сестра будетъ счастлива за Павломъ Ивановичемъ?

— Все временно и все относительно,—проговорилъ сынъ.

— У женщины, братъ, есть особый разумъ. Гдѣ онъ у нихъ помѣщается? Но сужденія онѣ высказываютъ мѣткія! Твоя мать вдругъ сегодня утромъ говоритъ: «Нѣтъ, профессоръ вылитый деркачъ!» Деркачъ дѣйствительно?.. А?

Кондратій Захаровичъ покачалъ головой и выпустилъ такой клубъ дыма, что молодой человекъ закашлялся.

— Отъ моего табаку мухи умираютъ. Въ кабинетѣ ни одной мухи нѣтъ. Вотъ мы переговорили съ тобой о дѣлахъ, касающихся нашего домашняго благочинія. Иди и ты сосни.

Кондратій Захаровичъ протянулъ сыну руку.

Х.

Павель Ивановичъ и Елена Кондратьевна отправились гулять. Молодой дѣвушкѣ хотѣлось поговорить съ женихомъ о своей любви. Но въ присутствіи Павла Ивановича и самая любовь казалась ей исторіей. Она никакъ не могла отрѣшиться отъ безмѣрнаго уваженія къ профессорству Павла Ивановича, и онъ представлялся ей олицетвореніемъ научнаго метода. Чтобъ угодить ему и не выказывать себя съ легкомысленной стороны, Елена Кондратьевна сама возобновила разговоръ о курганахъ и попросила Павла Ивановича вмѣстѣ еще разъ осмотрѣть Юрьеву могилу.

Мельница махала крыльями. Внутри ея громыхалъ тяжелый механизмъ, и вся она дрожала, сѣя кругомъ въ воздухѣ мельчайшую пыль, которую можно было замѣтить только по мучнистому запаху. Могила имѣла форму усѣченного конуса. На верхней площадкѣ стояла мельница, и къ ней надо было подниматься по землянымъ ступенькамъ.

— По внѣшнему виду нельзя узнать, какой курганъ,—сказалъ Павель Ивановичъ, обойдя съ невѣстой холмъ.—Нѣтъ специальныхъ признаковъ. Нельзя судить о могилѣ, пока не будетъ разрыта. Но вотъ любопытный штрихъ!—съ оживленіемъ вскричалъ ученый.—Утромъ я проглядѣлъ... Право, можно пари держать, что курганъ уже изслѣдованъ. Обратите вниманіе.

Онъ указалъ на правильную прямоугольную впадину въ боковой стѣнкѣ кургана, словно тамъ была дверь. Такія двери бываютъ въ деревенскихъ погребахъ, обложенныхъ дерномъ.

Елена Кондратьевна подошла къ впадинѣ и воззрилась въ нее своими близорукими глазами. Въ зеленой травѣ она увидѣла только какіе-то лиловые цвѣточки и желтые одуванчики.

— Такъ вы думаете что...

— Я принадлежу къ тѣмъ ученымъ, которые думаютъ послѣ фактовъ,—строго сказалъ профессоръ.

— Но вы сдѣлали предположеніе, что тутъ кто нибудь рылся? Павелъ Ивановичъ, вмѣсто отвѣта, отошелъ нѣсколько шаговъ въ сторону.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, милый Павелъ Ивановичъ, что вы думаете?

— Мнѣ кажется, что мельница не помѣшала бы,—промолвилъ онъ.

Сильный порывъ вѣтра рванулъ мельничныя крылья. Машина застонала.

— Можетъ быть, папаша для васъ согласится,—вздоргнувъ, сказала Елена.

— Что, Кондратій Захаровичъ суевѣренъ?

— Нѣтъ, бережливъ и остороженъ. Какъ-то разъ я читала подъ-рядъ нѣсколько дней и познакомилась съ замѣчательными сочиненіями, а онъ сказалъ: «Читай, матушка, но пустоты ничѣмъ не заткнешь». Онъ недовѣрчиво относится даже къ книгамъ!

— Но онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, который уменъ.

— Онъ любитъ слушать... Я часто ему рассказываю.

— Можетъ быть, можно будетъ... внушить ему хоть нѣкоторую любовь къ археологіи! Неужели его не заинтересуетъ исторія его же родины?

— Отецъ дорого далъ бы за свою родословную! Нашъ родъ официально признанъ въ дворянскомъ достоинствѣ только при Екатеринѣ II. Но отецъ увѣренъ, что Корицкіе коренная дворянская фамилія края. Сохранились какія-то смутныя преданія, которыя передавалъ покойный дѣдушка, что въ старину Корицкіе владѣли громаднымъ удѣльнымъ княжествомъ.

— Я встрѣчалъ Корицкихъ въ историческихъ документахъ и дѣлахъ. Возможно. Помнится, что въ Виленскомъ археографическомъ сборникѣ упоминается какой-то Корицкій, перешедшій въ католицизмъ—князь Гедиминова рода. Надо и то принять въ соображеніе, что выводить свои роды, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, отъ владѣтельныхъ князей литовскихъ было въ обычаѣ въ Польшѣ, съ тѣхъ поръ, какъ пресѣклась на польскомъ престолѣ литовская династія Ягеллоновъ. Я, напримѣръ, не сомнѣваюсь, что князья Вишневецкіе и князья Збаражскіе, а также нѣкоторые другіе, достигли сіятельныхъ титуловъ самозванствомъ. Въ началѣ они были просто земскими или землянскими боярами, то-есть, чѣмъ-то въ родѣ сельскихъ мѣщанъ—зажиточныхъ мужиковъ. Пожалуй, что и Корицкій, упоминаемый въ лѣтописяхъ, какъ князь, не происходилъ отъ Гедиминова. Въ тѣ времена достаточно было выслужиться или разбогатѣть, чтобы нашлись услужливые панегиристы и прославили выскочку. Современники знали, что выскочка лжегедиминовичъ, и посмѣивались надъ его тщеславіемъ. Но уже во второмъ и въ третьемъ поколѣннн ложь забывалась. Во всякомъ случаѣ, надо будетъ побесѣ-

довать съ Кондратіемъ Захаровичемъ, если это ему доставить удовольствіе и принесетъ наукѣ пользу,—оглянувшись на курганъ, добавилъ Павелъ Ивановичъ.

ХІ.

За чаемъ въ бесѣдкѣ самъ Кондратій Захаровичъ началъ:

— Надо будетъ вамъ, Павелъ Ивановичъ, передать кое-какія старинныя бумажонки, которыя хранилъ еще мой дѣдъ. А я, признаться, многихъ изъ нихъ даже прочитать не могу. Писаны не то попольски, не то полатыни, и все такими мудреными крючками... А, ну-ка, Лелька, возьми ключъ и достань изъ лѣваго письменнаго ящика зеленый портфельчикъ. Быть можетъ, Павелъ Ивановичъ намъ разжуетъ и въ ротъ положить, а мы ужъ сами проглотимъ, если не подавимся. По моему, исторія науки простая. Отъ старыхъ крестьянъ чего только я не переслушалъ, да еще отъ поповъ. А профессора какъ начать объ историческихъ законахъ, да припустить социологію, да еще тамъ каково рожна — я и обалдѣю. А, ну, васъ съ историческими законами. Полноте, какая социологія.

Елена Кондратьевна торопливо направилась въ домъ, а ученый женихъ слушалъ будущаго тестя съ тѣмъ тупымъ вниманіемъ, которое бываетъ у людей, принимающихъ въ одно ухо и выпускающихъ въ другое чьи нибудь пустыя слова.

Портфельчикъ, очень скоро принесенный молодой дѣвушкой, былъ растегнутъ, и изъ него выпали на столъ пожелтѣвшія бумаги съ неровнымъ, словно иззубреннымъ краемъ. Ихъ было нѣсколько. Профессоръ наметаннымъ глазомъ окинулъ ихъ, взялъ одну, развернулъ и сталъ читать:

«Ямбургскаго карабинернаго полка господинъ секундъ-маіоръ Иванъ Михайловъ сынъ Корицкій, при взятіи города Кафа, тысяча семьсотъ семьдесятъ перваго года, іюня въ двадцать девятый день, употребляемъ былъ къ рекогносцированію города, а по заключеніи изъ генеральнаго штаба арміи моего предводительства съ производствомъ въ сей чинъ, препорученный отъ меня по особой экстрѣ къ защищенію отъ злодѣйскаго навіта, чинимаго измѣнникомъ Пугачевымъ, крѣпости въ Воронежской и другихъ губерніяхъ предохранялъ порядочно, для чего по справедливости заслуживаетъ къ повышенію чина. Сей мой аттестатъ данъ въ главной квартирѣ въ благополучномъ городѣ Полтавѣ, ноября 30-го дня, 1774 года. Князь Долгоруковъ, ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни моей генераль-аншефъ, второй арміи войскъ предводитель и всѣхъ трехъ россійскихъ орденовъ кавалеръ».

— Это мой прадедъ,—пояснилъ Кондратій Захаровичъ.—Ловко вы разбираете. А, ну-ка, еще.

Но и другія бумаги были въ томъ же родѣ—казенныя удостовѣренія разныхъ официальныхъ лицъ, выданныя секундъ-маіору въ томъ, что онъ во всѣхъ случаяхъ отличался на службѣ отечеству. Тетрадка безъ начала и конца показалась профессору болѣе достойной вниманія историка. Алфавитъ былъ латинскій, писана она помалороссійски... «зарѣзали. Микита судейскій, брившій меня, сказалъ про вишню, что поколь примется и станетъ кучеровые листы изростывать, въ ту пору отрѣзать пропорціонально. 20 Недѣля. Обѣдалъ у ясновельможнаго. Палацъ попсоваля здобошники чи мало...». Далѣе была вырвана середина листка. Конечно, это былъ дневникъ или того же самаго секундъ-маіора, или его отца. Перелиставъ тетрадку, Павелъ Ивановичъ убѣдился, что она содержитъ въ себѣ, между прочимъ, разсказъ объ избіеніи евреевъ въ Каменномъ Бродѣ въ 1596-мъ году какимъ-то бѣлоцерковскимъ полковникомъ Пилою. Это было, значить, въ тотъ годъ, когда рѣшилась печальная судьба Наливайки. По преданію, записанному въ тетрадкѣ, Каменный Бродъ въ XVI вѣкѣ представлялъ собою крѣпость. Вѣроятно, отъ войска, предводительствуемаго Семеномъ Наливайко, отдѣлилась какая нибудь банда и на свой страхъ ринулась грабить, какъ это много разъ случалось потомъ во времена Хмельницкаго и позднѣе. Разсказъ былъ неясный, почти фантастическій, и Павелъ Ивановичъ, спрятавъ тетрадку въ карманъ, обѣщаль разобрать ее. Между прочимъ, упоминалось о храбрости, которую выказали тогда евреи.

— Что если это имѣетъ связь съ каменнобродскими подвалами и съ трупами?—вдругъ вскричала Елена Кондратьевна, обращаясь къ профессору:—Боже, какое открытіе!

— Объ открытіи еще рано говорить, — снисходительно произнесъ Павелъ Ивановичъ:—но, понятно, интересъ къ трупамъ возрастаетъ.

— Только, помилуйте, какіе же евреи въ кунтушахъ и при сабляхъ?—замѣтилъ Кондратій Захаровичъ.

— Трупы могли распастся отъ дѣйствія воздуха. Прошло много лѣтъ, какъ ихъ видѣлъ папаша,—сказалъ Николай Кондратьевичъ.

— Нисколько не распались, — возразилъ отецъ. — Они и тогда лежали наружу. А подвалъ запирался рѣшетчатой дверью.

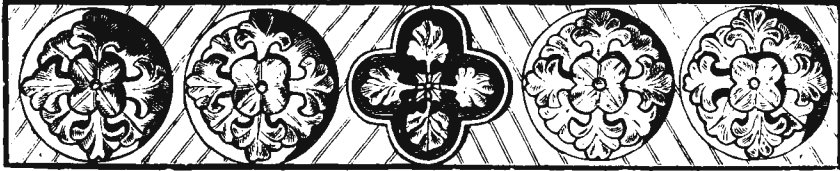
I. Ясинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГРАФЪ СЕГЮРЪ
французскій посоль при дворѣ Екатерины II.

дозв. ценз. спб., 25 апрѣля 1894 г.

ВОСПОМИНАНІЯ М. Ѳ. КАМЕНСКОЙ ¹⁾.

VII.

Помолвка Лизаньки Толстой. — Иванъ Кудрявый и его преданность нашей семьѣ. — Свадьба Лизаньки. — Трагическое происшествіе. — Самоотверженіе Лизаньки. — А. И. Оленинъ. — Его характеристика. — Балетъ у Всеволожскаго и графиня Завадовская. — Несчастный случай съ отцомъ. — Вниманіе къ нему императора Николая Павловича. — Назначеніе его вице-президентомъ академіи художествъ. — Первый приемъ, оказанный ему въ академіи. — Ректоръ Мартосъ и его выходка. — Характеристика Мартоса. — Его оригинальная женитьба. — Наша квартира въ академіи. — Отчаянное письмо Лизаньки. — Ея печальная исторія и кончина. — Благородный поступокъ Кудряваго. — Наша жизнь въ академіи. — Профессоръ Воробьевъ. — Мастерская Мартоса. — Конференцъ-секретарь академіи В. И. Григоровичъ и его семья. — Профессоръ Егоровъ. — Разказы о немъ. — Профессоръ Мельниковъ. — Графиня Полье и ея чудачества.

ВЫ ОХОТНО перескочила прямо къ 1828 году, такому знаменательному въ жизни отца моего, но, нечего дѣлать, надо прежде рассказать казусъ, случившійся въ нашей семьѣ въ 1827 году и надѣлавшій много шума во всемъ Петербургѣ. Постараюсь передать вкратцѣ все то, что знаю объ этомъ удивительномъ событіи. Въ прошлой главѣ моихъ воспоминаній я уже упомянула о томъ, что дочь графа Александра Петровича Толстого, выйдя изъ Екатерининскаго института, опять поселилась у бабушки Рытовой и къ намъ ѣздила только въ гости. Представьте же удивленіе всѣхъ нашихъ, когда, въ одно воскресенье, старуха Авдотья Ивановна Рытова пріѣхала къ намъ съ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 18.

Лизанькой и привезла съ собою красиваго молодого гвардейскаго офицера. Торжественно вошла генеральша въ гостинную, взяла за руки внучку и офицера, прямо парочкой подвела ихъ къ папенькѣ и безъ всякихъ предварительныхъ объясненій гордо сказала:

— Поздравьте, графъ, жениха и невѣсту!..

Отца моего эта неожиданная новость такъ поразила, что онъ растерялся и не могъ выговорить ни слова. За то графъ Константинъ Петровичъ такъ разобидѣлся неслыханной дерзостью старухи Рытовой, что, вспыхнувъ весь, распѣтушился и, не помня себя, наскочилъ на генеральшу съ вопросами:

— Что? женихъ? какой женихъ? откуда женихъ? Мы, родные дяди, ничего и не знаемъ... Помилуйте, Авдотья Ивановна, развѣ такъ порядочные люди дѣлаютъ? Вѣдь, кажется, Лизаньку братъ Александръ препоручилъ намъ? А вы безъ насъ изволите распоряджаться въ такомъ важномъ дѣлѣ. Женихъ! женихъ! кто это такой?

— Потихе, графъ! Не съ вами говорю, а съ Ѳедоромъ Петровичемъ. И нечего мнѣ васъ миловать, и ничего я вамъ не дѣлаю, а выдаю мою внучку замужъ—вотъ и все! А за кого, это ужъ мое дѣло! Слава Богу, не маленькая, понимаю... И за дрянъ какуюнибудь свою внучку не сосватала бы.

Раскричалась на дядю генеральша и, отдернувъ Константина Петровича въ сторону, опять важно обратилась къ папенькѣ:

— Съ вами говорю! Представляю вамъ жениха, котораго самъ Богъ послалъ моей Лизанькѣ! Рекомендую: сынъ благородныхъ, богатыхъ родителей, поручикъ гвардіи Дмитрій Николаевичъ Никитинъ! — запыхавшись, отбарабанила злая старуха и, пихнувъ молодого человѣка къ папенькѣ, прибавила: — Ну, мой батюшка, теперь рекомендую своимъ будущимъ дядюшкамъ и тетушкѣ самъ. Тебѣ, вѣдь, за словомъ въ карманъ не ходитъ, а я свое дѣло сдѣлала... больше ни слова не скажу!.. — и со злостью, стиснувъ зубы, генеральша опустила на диванъ.

Отъ этой непріятной сцены всѣ присутствовавшіе въ гостинной остолбенѣли... Но красивый гвардеецъ дѣйствительно за словомъ въ карманъ не ходилъ и очень ловко и умно сумѣлъ вернуться изъ своего непріятнаго положенія. Кончилось тѣмъ, что къ концу вечера онъ такъ всѣхъ очаровалъ собой, что гости наши начали поздравлять папеньку, тетку Надежду Петровну и дядю Константина съ прекрасной партіей, которую Богъ послалъ графинѣ Елизаветѣ Александровнѣ. Къ тому же женихъ и невѣста были, видимо, влюблены другъ въ друга безъ памяти... Лизанька просто сіяла отъ счастья, безпрестанно подсаживалась къ дядямъ и теткамъ, расхваливала своего Митю и просила полюбить его... А старуха Рытова, съ своей стороны, тоже хвасталась всѣмъ выгодой будущаго замужества своей внучки съ Дмитриемъ Николаеви-

чемъ Никитинымъ; по ея словамъ, родители его имѣли прекрасное состояніе, онъ самъ былъ принятъ во всѣхъ знатныхъ домахъ Петербурга, причемъ увѣряла, что самъ графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій будетъ у него посаженнымъ отцомъ, и вѣнчаться они будутъ въ Казанскомъ соборѣ... А ей самой дорожке всего въ этомъ женихѣ то, что онъ нравственный молодой человекъ: поручикъ гвардіи, а Бога не забываетъ!..

Что же послѣ всего этого оставалось дѣлать дядямъ и теткамъ, какъ не радоваться тоже на счастливую партію, которая представляла ихъ простенькой племянницѣ Лизанькѣ. Добродушный дяденька Константинъ даже раскаивался въ томъ, что погорячился со старухой Рытовой. Тревожный вечеръ перваго знакомства съ Дмитріемъ Николаевичемъ Никитинымъ кончился тѣмъ, что заужиномъ всѣ отъ души выпили папенькиной шипучей водяночки за здоровье жениха и невѣсты, пожелали имъ счастья и весело развѣхались по домамъ.

Отцу моему во всей этой исторіи непонятно было одно: гдѣ старуха Рытова, которая никуда не выѣзжала, могла познакомиться съ молодымъ гвардейцемъ, какъ она такъ скоро успѣла сосватать за богатаго человѣка свою сравнительно небогатую внучку? Все это казалось страннымъ... Но и эта загадка скоро разъяснилась чрезъ племянника нянюшки Матрены Ефремовны, Ивана Кудряваго. Но прежде всего надо сказать, что случилось съ самимъ Иваномъ Кудрявымъ со смерти графа Александра Петровича; это необходимо для ясности моихъ будущихъ разсказовъ.

У дѣловаго, умнаго вольноотпущеннаго семь лѣтъ со смерти барина-благодѣтеля недаромъ пролетѣли. Видно, онъ хорошо сумѣлъ воспользоваться дарованной ему волей и наградой за вѣрную службу, если въ то время, какъ графиня Елизавета Александровна собралась выходить замужъ за Дмитрія Николаевича Никитина, бывшій крѣпостной человѣкъ отца ея былъ уже купецъ 2-й гильдіи, имѣлъ на Мѣщанской улицѣ (теперешняя Казанская улица) свой собственный домъ, держалъ въ немъ «русскую кухмистерскую», развѣзжалъ на парѣ своихъ лошадей... Короче сказать, сдѣлался гораздо богаче отца моего и дяди Константина Петровича, которые, не тратя денегъ на извочкивъ, больше путешествовали «на своихъ на двоихъ». Но надо приписать чести Ивана Кудряваго, что для всей семьи нашей онъ остался навсегда не чѣмъ инымъ, какъ крѣпостнымъ человѣкомъ, во всякое время готовымъ на всѣ послуги. Помню, послѣ маменька часто вспоминала, какъ терзалъ ее Иванъ Никитичъ своимъ униженіемъ и почтеніемъ ко всему нашему дому. Да это я и сама даже помню, какъ онъ, уже женатый на польской шляхтянкѣ, пріѣзжалъ съ нею въ своемъ экипажѣ поздравлять насъ съ новымъ годомъ. Пріѣдутъ и стоятъ, и заставить ихъ сѣсть передъ маменькой не было никакой возможности.

Измучается бывало съ ними совѣстливая, ласковая мать моя; умоляетъ, упрашиваетъ:

— Иванъ Никитичъ, за что вы и жена ваша мучите меня: не хотите передо мною сѣсть? Вѣдь мнѣ это неловко, тяжело...

А онъ ей отвѣчаетъ:

— Мнѣ сѣсть передъ вами? Помилуйте, ваше сіятельство! Я свое мѣсто знаю. И жена моя никогда не посмѣетъ забыть, что она жена бывшего вашего крѣпостнаго человѣка... Позвольте намъ постоять.

А тутъ еще бывало Матрена Ефремовна просунетъ въ дверь свою голову и зашипитъ:

— Да только бы они попробовали сѣсть, я бы ему всѣ лохмы изъ головы повыдергала! Да и она-то не велика птица: польская шляхтянка вышла за холопа, такъ значитъ и сама холопка, и сѣсть передъ моими господами не смѣетъ.

По этому маленькому образчику видно, что Иванъ Кудрявый былъ человѣкъ стараго закала, глубоко благодарный и вѣрный памяти своего барина. А ужъ про сиротку покойнаго барина и говорить нечего. Какъ только Лизанька вышла изъ института, такъ онъ явился къ ней и добровольно сдѣлался рабомъ. Да мало того: и самовластная бабушка Рытова забрала его въ руки и помыкала имъ какъ своею собственностью...

Такъ вотъ чрезъ него-то наши и узнали подробности, какъ совершилось скоропостижное сватовство и помолвка Лизаньки съ Никитинымъ. Старуха Рытова была великая богомолка, попросту сказать, страшная ханжа, почти не пропускала ни одной службы въ Казанскомъ соборѣ и, разумѣется, водила съ собою и внучку. Иванъ Никитичъ, какъ прихожанинъ того же прихода, тоже часто бывалъ въ соборѣ и становился всегда за своею барышней, графинюшкой Елизаветой Александровной и генеральшей Рытовой. На первой недѣлѣ великаго поста они всѣ вмѣстѣ говѣли. Передъ старушкой Рытовой за всѣми службами всегда стоялъ на колѣняхъ и усердно молился, кладя земные поклоны, молодой гвардейскій офицеръ. Старушкѣ Рытовой онъ очень понравился; она скоро начала съ нимъ заговаривать, давать ему разныя порученія: то поставить свѣчку къ образу, то подать въ алтарь ея поминаніе... И все онъ исполнялъ съ превеликимъ удовольствіемъ.

— Благодарю, мой батюшка; а какъ тебя величать, не знаю?— сказала Авдотья Ивановна.

— Поручикъ гвардіи Дмитрій Николаевичъ Никитинъ,—почтительно кланяясь, отвѣтилъ генеральшѣ молодой человѣкъ.

— Очень пріятно слышать—поручикъ гвардіи, а Бога не забываешь, за это хвалю,—милостиво сказала генеральша, а потомъ пригласила его къ себѣ въ домъ, а тамъ скоро и сосватала внучку съ богомольнымъ молодымъ офицеромъ. Вотъ и все. Больше ничего

и не было. Такъ папенька узналъ, что жениха Лизанькѣ старушка Рытова обрѣла въ Казанскомъ соборѣ, и потому, видно, она всѣмъ говорила, что жениха ея внучкѣ самъ Богъ послалъ!..

Генеральша Рытова осталась очень довольна тѣмъ, что удивила нелюбимыхъ ею графовъ Толстыхъ и взяла надъ ними верхъ. Она твердо рѣшилась окончить начатое ею дѣло, то-есть обвѣнчать Лизаньку какъ можно скорѣе и своею щедростью и милостью къ внучкѣ поразить всѣхъ еще больше... Будущій внукъ тоже былъ очень доволенъ бабушкой, собой и тѣмъ, что все дѣлалось такъ, какъ онъ хотѣлъ. Пошли у нихъ толки, совѣщанія, и они вдвоемъ положили быть дѣлу такъ: свадьбу, не откладывая, сыграть на Красную горку въ Казанскомъ соборѣ. Бѣлье невѣстѣ, давно готовое, лежитъ въ сундукахъ; платья заказать недолго; стало быть, остановки быть не можетъ. Молодые должны были на первое время остаться жить съ бабушкой. Свадебный великолѣпный банкетъ генеральша хотѣла дать непременно гостямъ у себя на дому и всѣ траты по свадьбѣ брала на себя... Такимъ образомъ, весь небольшой капиталецъ, который оставилъ покойный графъ дочери, поступалъ нетронутымъ въ пользу молодыхъ. Никитинъ на все согласился. Для переговоровъ о денежныхъ интересахъ невѣсты былъ приглашенъ и графъ Константинъ Петровичъ. Все было улажено, какъ нельзя быть лучше.

Одна виновница торжества не думала ни о приданомъ, ни о деньгахъ, а только миловалась, цѣловалась со своимъ красавчикомъ Митей и заставляла его, изъ любви къ ней, исполнять всѣ ея невозможныя фантазіи: въ продолженіе великаго поста она два раза упросила его перейти изъ одного полка въ другой полкъ; одинъ разъ она сказала:

— Митя, душка, мнѣ этотъ мундиръ не нравится... Перейди, пожалуйста, въ такой полкъ, гдѣ грудь красная; это къ тебѣ такъ пойдетъ...

Въ другой разъ ей захотѣлось, чтобъ на мундирѣ пуговицы и все было не серебряное, а золотое.

— Дитя!—цѣлуя свою Лизочку, говорилъ женихъ,—не нравится? Ну, хорошо, я попрошу... меня переведутъ...

И точно скоро пріѣзжалъ къ невѣстѣ въ новомъ мундирѣ, и восторгамъ не было конца.

И бабушка, любуясь на Дмитрія Николаевича, тихонько шептала внучкѣ:

— Пойми только, матушка, какая сила у твоего жениха, какая должна быть протекція, коли что онъ ни попроситъ, все для него начальство дѣлаетъ! Вотъ я тебѣ какое сокровище достала...

Незадолго до свадьбы Лизанька опять стала приставать къ жениху:

— Митя, голубчикъ! Отчего у тебя нѣтъ эксельбантовъ? Это такъ мило! Сдѣлай такъ, чтобы тебѣ ихъ дали!

— Ты хочешь, чтобы я былъ адъютантомъ, глупушка ты моя? Хорошо, буду и адъютантомъ!

И точно къ свадьбѣ онъ былъ назначенъ въ чьи-то адъютанты.

Наконецъ, пришелъ и желанный день свадьбы. Казанская площадь была загромождена экипажами, жандармами, въ соборѣ было полное освѣщеніе; кругомъ храма горѣли плошки. Посаженный отецъ, графъ Закревскій, пріѣхалъ съ женихомъ. Генеральша Рытова съ графомъ Константиномъ Петровичемъ ввели невѣсту. Обвѣнчались... У бабушки Рытовой былъ пиръ на весь міръ. Шампанское лилось рѣкой... Вѣнчался поручикъ гвардіи Никитинъ съ графиней Елизаветой Александровной Толстой! Послѣ ужина дамы переодѣли молодую въ капотъ, чепецъ, и она, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, съ счастливой улыбкой на устахъ, на порогѣ спальни распростилась съ гостями. Всѣ разѣхались...

На другой день чуть-свѣтъ всѣхъ насъ переполошилъ сильный звонокъ у подъѣзда. Сбѣжались люди, отворили и отскочили назадъ въ испугѣ. Передъ ними въ дверяхъ, съ непокрытою головой, вся заплаканная, въ одной рубашкѣ, едва прикрытая салопомъ, въ туфляхъ на босую ногу, стояла вчерашняя счастливая молодая... Съ воплемъ и рыданіями вбѣжала она въ комнаты и, встрѣтившись въ залѣ съ папенькой, вскрикнула: «Дяденька, спасите!» и еле живая упала ему на грудь.

— Лизанька, что съ тобою? Что случилось?—спросилъ до смерти перепуганный папенька.

— Не знаю! Солдаты окружили домъ... Митю взяли, увели... Я бѣжала... Дяденька, спасите насъ!..

И несчастная молодая женщина повалилась отцу моему въ ноги.

Тутъ прибѣжали маменька, тетки, Лизаньку подняли, увели въ спальню, уложили въ постель, укрыли одѣялами. Но она, дрожа какъ въ лихорадкѣ, безпрестанно вскакивала, плакала, рыдала и кричала:

— Нѣтъ, я у васъ не останусь!.. Я хочу къ Митѣ! Куда увели Митю? Отведите меня къ нему!..

Покуда маменька и тетки ухаживали за полупомѣшанной отъ горя Лизанькой, отецъ мой проворно одѣлся и ускакалъ куда-то, но скоро, узнавъ роковую правду, вернулся домой. Оказалось, что Никитинъ никогда и не былъ гвардейскимъ офицеромъ, а былъ просто армеецъ игрокъ и шуллеръ, который послѣ крупнаго выигрыша бѣжалъ въ Петербургъ, самовольно передѣлалъ себя въ гвардейскаго офицера, произвольно мѣнялъ мундиры, появлялся въ разныхъ обществахъ и, наконецъ, дошелъ до такой продерзости, что обвѣнчался въ Казанскомъ соборѣ съ графиней Толстой; что его давно уже розыскивали, наконецъ, нашли, арестовали и сдали куда слѣдуетъ; а теперь, вѣроятно, самозванецъ будетъ разжалованъ въ солдаты и сосланъ въ арестантскія роты.

Не буду тянуть этого плачевнаго для бѣдной Лизаньки разсказа. Все, что разузналъ тогда папенька, оказалось вѣрнымъ: Никитина разжаловали въ солдаты и отдали въ арестантскія роты, куда именно — я не знаю; знаю только, что передъ его отправленіемъ Лизанька потребовала свиданія съ мужемъ. Ей дозволили. И послѣ этого свиданія дорогой Митя сдѣлался въ ея глазахъ просто святымъ, безъ вины обвиненнымъ человѣкомъ... И она рѣшилась послѣдовать за нимъ въ ссылку. Тутъ съ нею ужъ ничего нельзя было подѣлать. «Хочу умереть вмѣстѣ съ несчастнымъ Митей!» — отвѣчала она на всѣ уговоры и совѣты родныхъ; и точно, живо собралась и налегкѣ, взявъ съ собою только мѣшечекъ, въ который уложила наслѣдство послѣ отца, уѣхала вслѣдъ за мужемъ, позволивъ проводить себя до мѣста назначенія одному только Ивану Кудрявому.

Сокрушенный горемъ своей барышни, Иванъ Никитичъ скоро вернулся. Лизанька осталась при мужѣ. И съ тѣхъ поръ она точно въ воду канула: долго не подавала о себѣ никакой вѣсти, не отвѣчала дядямъ ни на одно письмо. Бабушка Рытова, должно быть, послѣ этой исторіи скоро скончалась, потому что я послѣ о ней ничего ужъ не слыхала.

Лѣто 1827 года мы опять прожили на Черной рѣчкѣ, гдѣ, между прочими своими занятіями, отецъ мой нарисовалъ для оптика Роспини, съ которымъ они были большіе друзья, нѣсколько уморительныхъ панорамъ или движущихся картинъ; не знаю, право, какъ правильно ихъ назвать. Послѣ, зимою, я ихъ видѣла на оптическихъ вечерахъ, которые давалъ для публики докторъ Роспини въ своемъ огромномъ, зимнемъ помѣщеніи на Исаакіевской площади противъ Адмиралтейства. Вотъ что это были за картины: публика сидѣла въ креслахъ, и вдругъ въ залѣ сдѣлается совсѣмъ темно, а гдѣ-то вдали покажется свѣтлое пятнышко съ булавочную головку; пятнышко это бѣжить, бѣжить впередъ, ростеть, ростеть, обращается въ страшную рожу, которая набѣгаетъ на зрителя, дѣлаетъ ему разныя гримасы, точно живая... и вдругъ въ залѣ опять темно, и рожи нѣтъ, пропала!

Въ этомъ году папенька приготовилъ для этихъ вечеровъ новыя забавныя штуки. Напримѣръ, на декораціи изображенъ Строгановъ садъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ египетскій саркофагъ; ярко свѣтитъ луна. Бьетъ полночь. Изъ могилы подымается скелетъ и то же двигается на зрителя, брякая костями... и ворочая страшными глазами... Подойдетъ къ самому носу и исчезнетъ. А то помню еще панораму, нарисованную въ этомъ же году папенькой, которая зимою больше всего потѣшала Роспиніевскую публику.

Декорація — тотъ же Строгановъ садъ только днемъ. По крайней дорожкѣ, около Черной рѣчки, гуляютъ на заднихъ лапкахъ, одѣтыя по послѣдней модѣ, двѣ англійскія собачки. За ними вы-

ступаетъ ливрейный лакей — толстая моська, неся въ переднихъ лапахъ зонтики и шали своихъ барынь. Помню, что, когда эту картину открывали, то въ залѣ Россини поднимался гомерическій хохоть и долго не унимался. Это значило, что въ англійскихъ собачкахъ публика узнала престарѣлыхъ княженъ Е... И невозможно было не узнать ихъ: онѣ были похожи, какъ двѣ капли воды.

Помню, что въ это же лѣто папеньку часто похищали отъ насъ съ Черной рѣчки и увозили за Пороховые, на дачу Алексѣя Николаевича Оленина, бывшаго въ то время президентомъ академіи художествъ. Дача его называлась «Пріютино», и, судя по рассказамъ объ этомъ прелестномъ уголкѣ, въ немъ точно можно было «пріютиться» и отдохнуть тѣломъ и душой. Говорятъ, сердечный другъ Оленина, Иванъ Андреевичъ Крыловъ, часто подолгу гостилъ въ Пріютинѣ, а за нимъ, разумѣется, тянулась туда же вся клика тогдашнихъ литераторовъ, которые всѣ знали и любили отца моего. И самъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, и жена его Агаѳоклея Марковна (рожденная Полторацкая) принимали папеньку, какъ родного человѣка, и всегда вызывали его къ себѣ въ Пріютино. Вѣроятно, теперь никто не помнитъ Алексѣя Николаевича Оленина такъ, какъ я. Онъ до сихъ поръ стоитъ передъ моими глазами, точно будто я видѣла его вчера; вижу его именно такимъ, какимъ онъ былъ въ описываемое мною время, а потому и хочется мнѣ познакомить читателя съ его наружностью. Лицо у него было умное, выразительное, привѣтливое; могъ бы, правду сказать, портить его огромный орлиный носъ, но и онъ какъ-то въ общемъ шелъ ко всей его фигурѣ. Ростомъ онъ былъ малюсенькій. Да вотъ анекдотъ про него, который сейчасъ опредѣлить вамъ въ точности ростъ Алексѣя Николаевича: рассказывали про него, что разъ какъ-то гулялъ онъ съ своими гостями по Пріютину; время было позднее, совсѣмъ стемнѣло... и пришлось имъ проходить по старому заброшенному кладбищу; Оленинъ шелъ впереди коноводомъ, гости шли за нимъ... только вдругъ Алексѣй Николаевичъ громко вскрикнулъ и остановился.

— Что съ вами? отчего вы остановились? — спросили его тѣ, которые слѣдовали за нимъ.

— Не знаю... не могу! мнѣ кто-то уперся въ грудь и держитъ меня... — не совсѣмъ храбримъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

Гости сейчасъ же забѣжали ему впередъ, оцупали его, и что же оказалось? Въ грудь маленькаго человѣчка уперся старый обручъ отъ бочки, на который онъ нечаянно впотѣмахъ наступилъ ногами, обручъ отъ этого поднялся, сильно ударилъ Алексѣя Николаевича въ грудь, да такъ въ стоячемъ положеніи и остался. Ночью на кладбищѣ, конечно, было чего испугаться... Но не въ страхѣ дѣло, а въ томъ: каковъ же ростъ былъ у Оленина, если аршинный съ небольшимъ обручъ доходилъ ему до груди?!

Обыкновенно, въ будничные дни, Оленинъ носилъ синій академическій вице-мундиръ съ одною звѣздою; но при всякомъ праздникѣ или торжествѣ облакался въ свой излюбленный военный мундиръ, который онъ носилъ во время войны 1812 года, служа въ милиціи; мундиръ былъ, кажется, общегенеральскій, на одномъ плечѣ генеральскій эполетъ, на другомъ—погонъ изъ толстаго золотаго жгута; при этомъ нарядѣ надѣвалась лента черезъ плечо, всѣ ордена, бѣлые панталоны и сапоги съ кисточками и шпорами; на маленькую сѣдую голову надѣвалась шляпа съ громаднымъ зеленымъ султаномъ изъ пѣтушиныхъ перьевъ, и съ боку прицѣпился тяжелый палашъ, больше самого генерала... Тогда онъ былъ уморителенъ, смѣшенъ и гораздо больше походилъ на дѣтскую игрушку «casse-noisette», чѣмъ на президента...

Въ домашнемъ быту, какъ хозяинъ, Алексѣй Николаевичъ былъ простъ, радушенъ съ своими гостями, и всѣмъ была дана полная свобода: всякій могъ заниматься, чѣмъ ему угодно, никто за это не былъ въ претензіи. Агаѳоклея Марковна, какъ хозяйка, была любезна, предупредительна со всѣми и кормила гостей своихъ вкусно и обильно. Но вообще у Олениныхъ не обжирались и не опивались, какъ въ другихъ домахъ за барскими столами того времени. Во всемъ была видна мѣра и уваженіе къ хозяевамъ. Да и составъ ихъ общества былъ не такой, какъ у другихъ: у нихъ бывала и знать, и артисты, художники, литераторы, и ни одно словіе не выставлялось передъ другимъ; всѣхъ соединялъ умъ, пониманіе и любовь къ изящному... У нихъ пѣли и играли разные виртуозы, литераторы читали и обсуждали все, что выходило новаго въ русской литературѣ, художники рисовали... Молодежь плясала, ставила домашніе спектакли и живыя картины... Одно, чего не было на праздникахъ у Олениныхъ, это—крѣпостныхъ танцоровъ и музыкантовъ, пляшущихъ и играющихъ для господъ изъ-подъ палки... Короче сказать, даже въ то время крѣпостничество въ домѣ Алексѣя Николаевича не кололо глаза!

Молодежь къ нимъ привлекали двѣ ихъ дочери. Старшей я совсѣмъ не помню, а меньшую, Аннету Оленину, помню прекрасно: она была антично хороша собою, мила, граціозна, какъ сильфида, и, говорятъ, умна. Но чтобы напомнить о ней въ настоящее время, достаточно сказать, что этой очаровательной Аннетой увлекался Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и восгѣввалъ ее не разъ въ своихъ безсмертныхъ пѣснопѣняхъ.

Кажется, въ той же мѣстности, гдѣ было «Пріютино» Оленина, находилось еще другое богатѣйшее имѣніе русскаго Монте-Кристо, старика Всеволода Андреевича Всеволожскаго, «Рябово». Описать всѣ чудеса его пировъ и празднествъ не хватитъ силы, а потому расскажу только про вечеръ, въ которомъ папенька мой принималъ участіе. Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій тоже очень любилъ

моего отца и вѣрилъ въ его вкусъ и талантъ. И вотъ разъ, когда папенька былъ въ гостяхъ въ Рябовѣ, старичекъ упросилъ его устроить ему на его театрѣ балетъ-пантомиму. Балетъ долженъ былъ быть во вкусѣ милой старины, «пасторальный», т. е. какая-то смѣсь пейзажъ съ богами Олимпа. Папенька сочинилъ сюжетъ и распредѣлилъ, кому изображать какое дѣйствующее лицо. Балеринами на этотъ разъ пожелали быть дамы большаго свѣта. Тогда первую красавицей Петербурга была графиня Завадовская, рожденная Влодекъ. Папенька назначилъ ей роль Венеры, которая, драпированная зеленымъ крепомъ, должна была стоять въ саду на пьедесталѣ. Другая барынька, не такой классической красоты, но миловидности необыкновенной, должна была изображать пастушку, дочь какого-то пейзажа. Но тутъ изъ-за распредѣленія ролей вышла ссора и чуть не драка. Завадовская не хотѣла быть Венерой, а просила себѣ роль миловидной пастушки... Отецъ мой стоялъ на своемъ, что Венеру никто не могъ изобразить вѣрнѣе Завадовской.

— Вы хороши, какъ Венера, и будете Венерой! или я не ставлю балета!—горячился папенька.

— А я не хочу быть Венерой, я хочу быть пейзажкой!—кричала Завадовская, выходя изъ себя.

— Ну, какая вы пейзажка, когда у васъ нѣтъ ни миловидности, ни простоты?.. Вы—прекрасная статуя и будете статуей... или я сейчасъ брошу все и уйду!..—стоялъ на своемъ отецъ.

И насилу, насилу, говорятъ, уговорили богиню красоты встать на пьедесталъ. Но все-таки она никогда не могла забыть и простить папенькѣ его обидныя, по ея мнѣнію, слова: «вы прекрасная статуя, и будьте статуей, а для пастушки у васъ недостаетъ миловидности»... Одинъ разъ въ жизни царственной Венерѣ захотѣлось быть пастушкой, и то злодѣй Толстой ей помѣшалъ, ну, она и возненавидѣла его.

Осенью 1827-го года папенька особенно заторопился переѣхать въ городъ; его тянула туда наша семейная картина, которую ему очень хотѣлось поскорѣе окончить. И едва успѣли мы перебраться въ розовый домъ, какъ опять начались сеансы и мучительное стояніе на натурѣ. На общую бѣду художника и его натурщиковъ въ эту осень долго стояла страшная жарница, мухъ было видимо-невидимо! Всѣ онѣ облѣпляли несчастнаго отца, лѣзли ему въ глаза, въ носъ и въ ротъ. Писать не было никакой возможности (терпѣнье папеньки извѣстно), онъ просто выходилъ изъ себя. Отмахнется — онѣ отлетятъ немного; только примется писать, какъ опять полны глаза мухъ... Обозлился папенька, да такъ отмахнулся отъ надоедливыхъ тварей, что правая рука въ кисти соскочила съ шпалера... Тутъ ужъ было не до письма, пришлось послать за докторомъ. Пріѣхалъ нашъ Андрей Егоровичъ, вправилъ вывихнутую руку, обложилъ ее лубками (тогда еще гипсовыхъ перевязокъ и въ

заводѣ не было), забинтоваль и приказаль лежать смирно... И лежалъ, не шевелясь, несчастный папенька, покрытый кисейкой отъ мухъ, и чуть не плакалъ отъ горя, что ему долго еще нельзя будетъ усѣсться за свой мольбертъ.

Но не все горе да неудачи; бываютъ на свѣтѣ и нечаянныя радости.

Въ 1828 году государь Николай Павловичъ самъ заговорилъ съ Крыжановскимъ объ отцѣ моемъ.

— Ну, радуйся! Теперь, кажется, я могу дать Толстому подходящее мѣсто.

— Какое, ваше величество?—спросилъ Крыжановскій.

— Ты слышалъ, что вице-президентъ академіи художествъ, Лабзинъ, умеръ? Мѣсто его свободно; я дамъ его Толстому,—весело сказалъ государь.

— Это невозможно!..—прервалъ его Крыжановскій.

— Почему?—удивленно спросилъ Николай Павловичъ.

— Вы забываете, ваше величество, что графъ Ѳеодоръ Петровичъ Толстой по чину больше ничего, какъ мичманъ въ отставку. А мѣсто вице-президента академіи художествъ, кажется требуетъ чина статскаго совѣтника?

— Только-то? ну, это не твоя бѣда! Былъ бы у меня вице-президентъ, а чины будутъ. Что, доволенъ? — милостиво трепля по плечу всегдашняго ходатая за отца моего, сказалъ императоръ.

Крыжановскій горячо благодарилъ государя.

У Николая Павловича живо скипѣло дѣло: графъ Ѳеодоръ Петровичъ Толстой былъ назначенъ вице-президентомъ академіи художествъ, съ пожалованіемъ ему чина статскаго совѣтника.

Крыжановскій былъ отъ души радъ этому назначенію; но какъ были рады ему жительницы розоваго дома, такъ это и описать трудно: просто всѣ отъ мала до велика помѣшались отъ неожиданной радости... И какихъ глупостей онѣ на надѣлали въ тотъ день, какъ пришла бумага о назначеніи папеньки на мѣсто Лабзина: о поцѣлуяхъ, слезахъ и радостныхъ крикахъ и говорить нечего. Нѣтъ, тетки насильно усадили отца въ кресло, надѣли на голову новаго вице-президента вырѣзанный изъ бѣлой бумаги лавровый вѣнокъ, стали передъ нимъ на колѣни и поклонялись ему, какъ божеству. И точно, не мудрено было любящимъ женщинамъ спятить съ разума, когда ихъ милый мичманъ Theodore сдѣлался разомъ и вице-президентомъ, и статскимъ совѣтникомъ...

Совсѣмъ не такъ радостно, какъ на тетокъ, подѣйствовала эта неожиданная новость на профессоровъ академіи... На первой же конференціи, когда отецъ мой долженъ былъ занять свое вице-президентское кресло, около президента Оленина, это доказалъ ректоръ академіи, скульпторъ Иванъ Петровичъ Мартосъ. Рассказывали тогда, что старичекъ въ этотъ день первый забрался въ конференцъ-

залу и, крѣпко взявшись за спинку вице-президентскаго кресла, сталъ ждать. Надобно знать, что со смертью Лабзина, въ ожиданіи новаго вице-президента, это мѣсто занималъ, какъ старшій профессоръ, И. П. Мартосъ. Собрались всѣ, кому слѣдовало быть на этомъ засѣданіи. Пришелъ конференцъ-секретарь и занялъ въ концѣ стола свое мѣсто (простите, ради Бога: я, старая, совсѣмъ забыла упомянуть въ время о томъ, что незадолго до назначенія папеньки вице-президентомъ академіи художествъ, и другъ его Василій Григоровичъ, не могу сказать по чьей протекціи, былъ переведенъ изъ третьяго отдѣленія собственной канцеляріи его величества на должность конференцъ-секретаря академіи, такъ что друзья сдѣлались сослуживцами). Наконецъ, пріѣхалъ въ полномъ своемъ военномъ парадѣ президентъ академіи Оленинъ, представилъ новаго вице-президента профессорамъ и служащимъ и посмотрѣлъ на Мартоса, который все еще держался за спинку кресла.

— Иванъ Петровичъ, будьте такъ добры, сядьте на сосѣдній стулъ. Это мѣсто долженъ занять графъ Ѳеодоръ Петровичъ,—любезно попросилъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ ректора.

— Мальчишкѣ? Не уступлю никогда!..—съ сердцемъ отвѣчалъ старикъ, не двигаясь съ мѣста.

— Прикажете записать ваши слова въ протоколъ? — холодно спросилъ президентъ.

— Пишите!—не помня себя отъ злобы, рѣзко сказалъ Мартосъ.

Но тутъ къ уху его наклонился зять его, Василій Ивановичъ Григоровичъ, и прошепталъ тестю, должно быть, нѣсколько внушительныхъ словъ, послѣ которыхъ Иванъ Петровичъ сразу утихъ, уступилъ кресло, за которое держался, отцу моему и сѣлъ рядомъ на ректорское мѣсто.

На другой день утромъ Мартосъ, во всѣхъ регаліяхъ, нанесъ папенькѣ первый официальный визитъ и былъ при этомъ необыкновенно милъ и любезенъ. Подъ конецъ онъ разчувствовался до того, что даже просилъ у отца моего прощенья за вчерашнюю свою необдуманную вспышку.

Видно, совѣтъ Григоровича сильно подѣйствовалъ на старика. Надо знать, что Василій Ивановичъ имѣлъ большое вліяніе на тестя и въ домѣ его былъ человѣкомъ всесильнымъ: безъ его совѣта никто ничего не могъ сдѣлать.

За Мартосомъ у насъ перебивали съ визитомъ всѣ профессора и служащіе въ академіи, а за мужьями явились знакомиться съ маменькой и всѣ академическія дамы.

Я думаю, послѣ этого не совсѣмъ-то пріятнаго для бѣднаго отца моего пріема въ академію, кстати будетъ познакомить читателя покороче съ личностью Ивана Петровича Мартоса, который впоследствии оказался милѣйшимъ старичкомъ. Говорили, что онъ родомъ былъ хохолъ изъ духовнаго званія; мальчикомъ привезли его

въ Петербургъ и отдали въ ученики академіи художествъ, гдѣ онъ оказалъ необыкновенную способность къ ваянію. При выпускѣ получилъ первую золотую медаль и былъ посланъ въ Италію пансіонеромъ; тамъ, какъ умный человѣкъ, кромѣ изученія скульптуры, воспользовался пребываніемъ своимъ за границей и образовалъ себя еще болѣе: изучилъ основательно итальянскій и французскій языки; говорилъ на нихъ бойко. Итальянскаго языка я никогда не знала и не могу судить о немъ, но помню, что Иванъ Петровичъ говорилъ пофранцузски свободно, даже краснорѣчиво, но только разговоръ у него былъ грубый, какой-то семинарскій.

Въ то время, какъ я узнала Ивана Петровича, ему было лѣтъ 80, но онъ казался еще крѣпокъ и бодръ, какъ молодой человѣкъ. Лицо у него было выразительное, съ хитрецей, какъ говорилъ мой отецъ, съ очень крупными чертами; совершенно лысую свою голову дома онъ прикрывалъ шапочкой изъ итальянской соломы, фракъ носилъ сѣраго сукна съ большими перламутровыми пуговицами, башмаки со стальными пряжками; бѣлье на немъ было всегда бѣлѣйшее, съ пloidными брыжжами, на указательномъ пальцѣ правой руки у него красовался перстень съ большимъ итальянскимъ камнемъ. Вѣжливы со всѣми онъ былъ до приторности, но самъ любилъ этикетъ, чинопочитаніе, и держалъ молодежь, какъ говорится, «въ струнѣ». Онъ былъ женатъ два раза: первый разъ на очень красивой дворянкѣ екатерининскаго времени, которая оставила ему послѣ себя двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Разсказывали про Ивана Петровича, что онъ мечталъ выдать всѣхъ своихъ дочерей непременно за художниковъ; только со старшею дочерью мечта его не сбылась: онъ прочилъ прелестную свою Настеньку за извѣстнаго въ то время портретиста Варнека (того самаго, который послѣ былъ нашимъ сосѣдомъ по розовому дому), но хорошенькая самодурка нашла, что всѣ художники «неотесанное мужичье», и противъ воли отца вышла замужъ за ученаго молодого человѣка Лузанова. Варнекъ былъ влюбленъ въ нее безъ памяти и очень убивался своею неудачею. Съ этимъ талантливымъ художникомъ, въ средніе годы его жизни, случилась пренепріятная штука, которой, впрочемъ, онъ самъ не сознавалъ. У него испортился фокусъ глаза, и онъ сталъ видѣть всѣ краски въ синемъ цвѣтѣ, оттого и портреты, которые онъ писалъ впоследствии, выходили попрежнему необыкновенно похожими, но по колориту — чистые удавленники. Правду словъ моихъ можно провѣрить въ залахъ академіи художествъ на портретѣ конференцъ-секретаря Василя Ивановича Григоровича, за которымъ была замужемъ вторая дочь Мартоса, Софія Ивановна. Третья дочь, Вѣра Ивановна, была выдана за профессора живописи Егорова. На меньшей, Любови Ивановнѣ, женился профессоръ архитектуры Мельниковъ. Со всѣмъ семействомъ Мартоса мнѣ пришлось долго жить подъ одною

кровлею, а съ внуками его, «красой академіи», я была даже за-кадычная пріятельница. Но теперь мнѣ, прежде всего, хочется раз-сказать о второй женитьбѣ Ивана Петровича, потому что она такъ живо обрисовываетъ его характеръ и рыцарскія воззрѣнія на по-ступки людей. Оставшись вдовцомъ, онъ заботливо выростилъ сво-ихъ сиротъ, и всѣ дочери его были уже взрослыми дѣвушками, когда ему даже и на умъ не приходило жениться во второй разъ. Только неожиданный случай побудилъ Мартоса вступить во второе супружество. Вотъ какъ это случилось. Для компаніи дочерей жила у него въ домѣ бѣднѣйшая сирота дворянка, Авдотья Аванасьевна (фамиліи ея не помню), милая, добрая дѣвушка, которую Иванъ Петровичъ пріютилъ у себя изъ жалости. Дѣвицы Мартосъ обра-щались съ несчастной сиротой не очень-то хорошо, такъ что разъ одна изъ нихъ забылась до того, что дала Дуничкѣ пощечину. Бѣдная дѣвушка, годами постарше ихъ всѣхъ, разобидѣлась и собралась уйти изъ дома своего благодѣтеля куда нибудь въ услу-женіе. Иванъ Петровичъ узналъ объ этомъ, не долго думая, облекся въ свой синій вицъ-мундиръ, надѣлъ ордена и пошелъ наверхъ въ комнату барышень. Тамъ, не обращая никакого вниманія на дочерей своихъ, подошелъ прямо къ горько плачущей въ уголку сиротѣ, расшаркался почтительно и повелъ такую рѣчь:

— Милостивая государыня, Авдотья Аванасьевна, имѣю честь просить вашей руки.

— Чего изволите, дяденька? — вскочивъ съ мѣста, спросила бѣдная дѣвушка, не понимая словъ Ивана Петровича, который всегда звалъ ее просто Дуничкой, а она его дяденькой.

— Авдотья Аванасьевна, имѣю честь просить вашей руки... — повторилъ онъ и потомъ пояснилъ слова свои: — не откажите мнѣ въ счастіи назваться вашимъ мужемъ... будьте мнѣ доброю женою...

— Дяденька, какъ я смѣю! развѣ это можно? — наконецъ, по-нявшая, чего отъ нея хотѣлъ Иванъ Петровичъ, отвѣтила испу-гавшись Дуничка.

— Можно, коли вы согласитесь; отъ васъ зависитъ мое счастье... — сказалъ Мартосъ и, не дожидаясь другого отвѣта, обра-тился къ обезумѣвшимъ отъ удивленія дочерямъ своимъ и строго сказалъ имъ:

— Вы не умѣли уважать достойную вашей любви и дружбы бѣдную сироту, которую я до сихъ поръ любилъ, какъ дочь; на-несли ей неслыханную обиду, которую я одинъ только могу смыть... Такъ теперь вы будете уважать Авдотью Аванасьевну, какъ мать. И я посмотрю, кто изъ васъ осмѣлится чѣмъ нибудь манкировать передъ моею женою!..

Такъ состоялся неожиданный для самого Ивана Петровича вто-рой бракъ. Объ этомъ незаурядномъ сватовствѣ Мартоса я слы-

шала много разъ рассказы его внучекъ. Говорятъ, что матушки ихъ, во время оно, были сильно недовольны рыцарскимъ поступкомъ отца своего; но всетаки преступить воли его не посмѣли и были съ мачихой своей всегда почтительны. А про нее и говорить нечего: она всю жизнь свою щедро платила падчерицамъ за зло добромъ...

Скоро и мы переѣхали въ зданіе самой академіи художествъ, на новую папенькину вице-президентскую квартиру. Въ ней было съ низомъ и антресолями комнатъ 16, не считая подвального этажа, гдѣ помѣщалась большая кухня и прачечная; короче сказать, новая квартира была такъ просторна, что мы всѣ и люди наши размѣстились въ ней очень удобно. Были въ ней, кромѣ того, и сухіе песочные погреба для вина и зелени; эта затѣя роскоши екатерининскаго времени намъ была ужъ совсѣмъ ни къ чему, потому что у насъ банкетовъ никогда не бывало, да и винъ въ домѣ не держали. Березовыхъ дровъ на это помѣщеніе отпускалось въ годъ 80 сажень. Однимъ словомъ умирать не надо, а не квартира.

Не успѣли еще мы привести въ порядокъ новую квартиру, какъ отъ Лизаньки Никитиной, изъ ея добровольной ссылки, по почтѣ прилетѣла къ папенькѣ крошечная записочка, въ которой каракулями, слабою рукою, было написано: «дяденька, спасите меня, возьмите меня отсюда!.. Нѣтъ больше силъ выносить моей здѣшной жизни!..». Подъ этимъ было подписано: «ваша несчастная Лиза». И больше ничего. Нельзя было понять, что съ нею случилось. Всѣ наши сильно перепугались, всполошились, не знали, что предпринять... тѣмъ болѣе, что папенькѣ на первыхъ порахъ новой службы нельзя было бросить все и уѣхать. Но добрѣйшій तोropyга нашъ, дяденька Константинъ Петровичъ, всегда отзывавшійся первымъ на чужое горе, успокоилъ папеньку тѣмъ, что собрался самъ ѣхать за Лизанькой и привезти ее къ намъ. Иванъ Никитичъ Кудрявый упросилъ дядю взять его съ собой. Они мигомъ справили свои дѣлишки и укатили. Наши въ недоумѣніи и безпокойствѣ должны были ждать ихъ возвращенія.

Что же послѣ оказалось? Когда влюбленная Лизанька прискакала вслѣдъ за своимъ арестантомъ Митей, онъ уже успѣлъ обойти своихъ черберовъ арестантской роты, пообѣщавъ озолотить всѣхъ, когда пріѣдетъ жена его съ деньгами...

Ловкій былъ парень Никитинъ! Наговорилъ «турусы на колесахъ» даже самому маіору, главному своему начальнику. Тотъ ему повѣрилъ и вмѣсто того, чтобы усадить негодяя куда слѣдовало, приказалъ отвести ему особую свѣтлую и чистую комнату, началъ посылать обѣдъ съ своего стола, заходилъ поболтать съ нимъ... И даже иногда (въ счетъ будущихъ благъ, разумѣется) маіоръ и узникъ его присаживались поиграть отъ скуки въ картишки... Когда

Елизавета Александровна пріѣхала, командиръ арестантской роты принялъ ее очень любезно и дозволилъ ей видаться съ мужемъ, когда ей будетъ угодно...

При первомъ же свиданіи Никитина съ обожаемой женой онъ такъ подольстился къ Лизочкѣ, такъ влѣзъ къ ней въ душу, что она вынула изъ своего завѣтнаго мѣшечка банковый билетъ и передала ему, а онъ, когда она ушла, сунулъ его въ руку маіора. Тогда льготы арестанту Никитину пошли уже не тѣ: вмѣсто того, чтобы посылать его на работу съ другими арестантами, ему разрѣшили просиживать это время у жены на квартирѣ, которую нанялъ для нея Иванъ Никитичъ, когда привезъ ее къ мужу. А въ его собственной комнатѣ въ арестантскомъ казенномъ помѣщеніи начали собираться маіоръ съ офицерами, пошли попойки и страшная азартная игра... Банковые билеты изъ мѣшечка Елизаветы Александровны вылетали одинъ за другимъ... А когда она замѣтила, что ихъ становится мало, и стала просить его побережечь деньги, потому что ихъ скоро совсѣмъ не будетъ, тогда Дмитрій Николаевичъ сталъ ихъ ловко потаскивать изъ мѣшечка Лизаньки, уносилъ къ себѣ, искусно поддѣлывалъ съ нихъ фальшивые и клалъ на мѣсто настоящихъ, а настоящіе билеты удавая шайка мѣняла у купцовъ на деньги, и на нихъ продолжались игра, пьянство и кутежъ...

Но не буду тянуть рассказъ про эту тяжелую, грязную исторію; скажу прямо, что Никитинъ притворялся милымъ и ласковымъ мужемъ съ несчастной Лизанькой до тѣхъ поръ, пока онъ могъ добывать у нея деньги... Но какъ только онъ вытащилъ изъ ея дорожнаго мѣшечка послѣдній настоящій банковый билетъ, замѣнивъ его фальшивымъ, такъ и обращеніе его съ женою совершенно перемѣнилось. Надо сказать, что ему и самому не везло больше «воловоье счастье». Онъ пересталъ выигрывать въ карты, денегъ у него на рукахъ оставалось очень мало, а онъ очень хорошо понималъ, что если у него не будетъ денегъ, то не будетъ и милостей къ нему начальства. А паче чаян्या, если откроется поддѣлка банковыхъ билетовъ, то впереди ему грозитъ каторга. Сообравивъ все это, мошенникъ вдругъ началъ сильно трусить и въ своемъ безвыходномъ положеніи винить не себя, а свою несчастную молодую жену за то, что она навязалась ему на шею и загубила его жизнь. Приходилъ къ ней въ пьяномъ видѣ, бранилъ, ругалъ и даже билъ несчастную женщину, требуя, чтобы она достала ему денегъ, гдѣ хочетъ. Испуганная Лизанька стала давать ему свои банковые билеты... Но тутъ онъ такъ развирѣгѣлъ на нее, что, сорвавъ съ себя ремень съ пряжкой, исколотилъ ее чуть не до смерти... Вотъ тогда-то, вѣроятно, она и нацарапала папенькѣ свою маленькую записочку.

Когда дяденька Константинъ и Иванъ Никитичъ пріѣхали за ней, то застали ее уже больной, въ постели, въ страшномъ жару,

но еще въ памяти, такъ что она могла рассказать дяденькѣ Константину Петровичу о злодѣйствахъ своего мужа...

Бережно довели они ее до Петербурга, но къ намъ, въ академію, Лизанька не попала, потому что дорогою у нея разыгралась страшная горячка. Да и добрыйшій Иванъ Кудрявый уговорилъ дяденьку отвезти ее въ его домъ, гдѣ была свободная квартира, и гдѣ больной будетъ покойнѣе. Такъ они и сдѣлали.

Какъ только наши узнали о случившемся съ Лизанькой несчастіи, то сейчасъ же тетя Надя и маменька полетѣли ухаживать за больной и прогостили въ домѣ Ивана Никитича довольно долго, — помнится мнѣ, недѣли двѣ, — и вернулись домой только тогда, когда бѣдная страдалица скончалась... Самые лучшіе доктора и всевозможныя ихъ средства не могли отстоять молодой, такъ звѣрски надломленной, жизни.

Какъ теперь вижу, какъ мимо нашихъ оконъ проѣхали богатыя похороны съ розовымъ гробомъ, въ которомъ везли нашу кузину на Смоленское кладбище, гдѣ она похоронена въ одной могилѣ съ отцомъ своимъ графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ.

Не могу тутъ пропустить одного обстоятельства. Во время болѣзни Елизаветы Александровны приглашеніемъ докторовъ и всѣми расходами завѣдывалъ Иванъ Кудрявый. Когда дяденька Константинъ привозилъ ему на это деньги, то Иванъ Никитичъ всякій разъ говорилъ ему: «погодите, ваше сіятельство, куда намъ спѣшить? Послѣ за все вмѣстѣ получу съ васъ!» Когда похоронили Лизаньку, дядя пріѣхалъ расплатиться, но тутъ ужъ Иванъ Никитичъ съ обиженнымъ видомъ проговорилъ:

— Нѣтъ ужъ, ваше сіятельство, это вы оставьте! Неужели же я такой скотъ, что допущу когонибудь, кромѣ себя, даже васъ, похоронить дочь моего благодѣтеля!..

Дяденька разсердился, раскричался на него, но всетаки не могъ принудить бывшаго вѣрнаго слугу своего брата взять ни одной копейки.

Послѣ всѣхъ этихъ хлопотъ и передрагъ въ нашемъ семействѣ, въ которыхъ я, какъ 11-ти лѣтняя дѣвочка, никому не могла помочь, а могла только смотрѣть, слушать и сожалѣть милыхъ мнѣ людей, пора мнѣ поразсказать все, что я запомнила про милѣйшую мою академію, гдѣ я такъ счастливо и весело прожила много лѣтъ...

Не могу однако-жъ сказать, чтобы съ дѣребѣздомъ нашимъ въ академію профессора и жены ихъ сошлись съ семействомъ нашимъ на болѣе короткую ногу. Нѣтъ, отношенія мужчинъ оставались попрежнему служебныя, а дамы наносили маменькѣ визиты по праздникамъ. Только съ одной Софьей Ивановной Григоровичъ, которую и прежде мы знали и любили, живя подъ одной кровлей, сдружились еще больше.

Да еще мы съ сестрой Лизанькой скоро познакомились и сдружились съ дочерьми профессоровъ. Да и трудно было не познакомиться: квартира наша въ академіи была дверь объ дверь съ квартирой Мартоса, а у него былъ вѣчный притонъ молодежи, въ особенности его внучекъ... Милѣйшій старичекъ Иванъ Петровичъ, у котораго въ это время дочкѣ отъ второго брака Катенькѣ было уже 14 лѣтъ, самъ привелъ ее къ намъ съ визитомъ и просилъ маменьку сдѣлать ему честь дозволить намъ съ Лизанькой бывать у нихъ въ домѣ. Маменька на эту любезность старичка отвѣтила тѣмъ, что сама свела насъ въ гости къ Авдотѣ Аонасьевнѣ Мартосъ. Такъ началось наше знакомство съ доброй милой Катенькой и съ ея юными племянницами, внучками Ивана Петровича; а у такого молодого народа, какъ мы всѣ были тогда, отъ знакомства до дружбы недалеко. И такъ намъ было хорошо и весело всѣмъ вмѣстѣ, что теперь, старухою, вспоминая то счастливое невозвратное время, молодѣешь...

Академія художествъ, вѣдь, была тогда цѣлое особенное государство, съ своими обычаями, привычками и образомъ жизни, совсѣмъ особеннымъ отъ остальныхъ жителей Петербурга. Но чтобы ознакомиться съ этимъ своеобразнымъ бытомъ профессоровъ академіи, лучше будетъ, если каждаго изъ нихъ особо съ семействомъ и гнѣздомъ его я опишу отдѣльно.

Начну съ первой профессорской квартиры по лѣвую руку отъ воротъ съ Румянцовской площади; въ ней жилъ профессоръ Воробьевъ, извѣстный пейзажистъ, маленькій, веселый человѣчекъ, скрипачъ и музыкантъ въ душѣ. Жена его, полная величественная женщина, очень любезная въ обращеніи, называлась Клеопатрой. Очень картинна она была, когда, красиво драпированная пунсовою турецкою шалью, молилась, обливаясь слезами, стоя на колѣняхъ посрединѣ старой академической церкви... Такъ молилась, что, глядя на нее, поневолѣ всѣмъ приходило въ голову, что эта женщина отмаливаетъ какойнибудь тяжкій грѣхъ. Оно отчасти такъ и было, но объ этомъ расскажу въ свое время. Семейство ихъ состояло изъ двухъ сыновей: старшаго Платона, меньшаго Ксенофонта и маленькой дѣвочки, тоже съ какимъ-то классическимъ именемъ, котораго я теперь не припомню. Платонъ былъ ученикомъ академіи и шель, по примѣру отца, по пейзажной части, въ которой, кажется, со временемъ перещеголялъ отца своего. Кто не помнитъ прелестныхъ пейзажей Платона Воробьева, которые до сихъ поръ красуются въ залахъ академіи!.. Характеромъ онъ былъ весельчакъ и проказникъ страшный.

Вотъ жаль, что некому мнѣ теперь напомнить, былъ ли ученикомъ академіи меньшей сынъ Воробьевыхъ, Ксенофонтъ, или Сеничка, какъ его тогда называли, но помню, что послѣ онъ былъ тоже весельчакъ, душа компаніи и «сорви-голова» порядочный...

Квартира у старика Воробьева была небольшая, меблирована довольно бѣдно, да и жизнь они вели тихую, какую-то затворническую. Покуда довольно о Воробьевыхъ. За ними шла наша квартира; но ее и нашъ образъ жизни,—который и въ академіи оставался такой же, какъ въ розовомъ домѣ,—я уже описала, а потому пока обойду насъ и остановлюсь у дверей Мартоса, чтобы описать подробнѣ арену нашихъ проказъ и шалостей. По моему, въ квартирѣ Ивана Петровича интереснѣ всего была мастерская «ваятеля IX на X вѣка», какъ величалъ своего тестя краснорѣчивый зять его Василій Ивановичъ Григоровичъ. Видно, эта лаконическая и вѣская фраза изъ римскихъ цифръ очень полюбилась Григоровичу, если въ послѣдствіи онъ приказалъ вырубить ее на гранитномъ памятникѣ Мартоса, который до сихъ поръ стоитъ невредимо на Смоленскомъ кладбищѣ.

Мастерской, собственно говоря, у Ивана Петровича не было, а была только точно такая же высокая со сводами зала, какъ у насъ, и въ ней старичекъ устроилъ себѣ очень оригинальную мастерскую; она же была и столовая, и въ торжественныхъ случаяхъ живо превращалась въ бальную залу... Только двѣ вещи никогда не двигались съ своего почетнаго мѣста въ импровизированной мастерской—это два громадные алебастровые слѣпка съ памятниковъ работы Ивана Петровича, которые вѣчно стояли недвижно на простыхъ массивныхъ деревянныхъ станкахъ въ двухъ углахъ около входной двери въ залу. По правую сторону памятникъ Минину и Пожарскому, а по лѣвую памятникъ великолѣпному князю Тавриды; о немъ помню, что онъ кудрявой головой доставалъ до самаго начала свода, а около ногъ у него зачѣмъ-то сидѣлъ орель... За неимѣніемъ особой столовой въ квартирѣ ректора и по невозможности поставить въ залу, кромѣ двухъ памятниковъ, какойнибудь буфетецъ или шкафикъ, изображенія великихъ людей приспособили по хозяйству: въ ногахъ у Минина и Пожарскаго всегда стоялъ судокъ съ горчицей, уксусомъ и прованскимъ масломъ, корзина съ ложками, ножами и вилками; на остальные свободныя мѣста гости мужескаго пола всегда наваливали свои шляпы... Князь Потемкинъ всегда стоялъ насторожѣ за шкатулкой съ чаемъ и сахаромъ, лоточкомъ съ булками и грудю чайныхъ чашекъ; на голову орла вѣшали просушиваться чайное полотенце. Всю средину мастерской занималъ длинный, складной столъ, покрытый чуднымъ персидскимъ ковромъ. Вокругъ стола, рядомъ, одинъ около другого, лѣпились стулья съ высокими спинками, обитые черной кожей съ мѣдными гвоздиками. Около одной стѣны помѣщался такой же диванъ, на которомъ Иванъ Петровичъ засыпалъ часокъ-другой послѣ обѣда. Наконецъ, у окна, какъ «святыня», до которой никто не смѣлъ дотрогиваться, стоялъ станокъ съ укутанной въ мокрыя тряпки глиняною работою Мартоса, и около него раскинутый лом-

берный столъ, заваленный старинными гравюрами. Надобно знать, что ваятель IX на X вѣка никогда не лѣпилъ иначе, какъ приглядываясь къ изображеніямъ античныхъ статуй, главное къ ихъ драпировкамъ... Драпировки—это была страсть Ивана Петровича онъ былъ скульпторъ очень стыдливый и показывать много голаго тѣла не любилъ. Ему вылѣпить женскую фигуру съ обнаженною грудью было бы невозможно. Стыдно да и только! Вообще для скульптора, который побывалъ въ Италіи, скромность его просто казалась непонятной. Можетъ быть, происхождение его изъ духовнаго званія оставило на немъ до старости лѣтъ свой духовный отпечатокъ... У него было какое-то отвращеніе къ голому тѣлу. Помню, какъ позднѣе, разговаривая разъ со мною про знаменитую танцовщицу Истомину, такъ обаятельно воспѣтую Пушкинымъ, старичекъ сказалъ: «коровица жирная, оголилась вся, да еще перегибается и наклоняется, тѣфу, мерзость какая!».

За мастерской шла маленькая гостиная, перегороженная пополамъ массивною перегородкою съ античными барельефами, за которой была спальня Ивана Петровича и Авдотьи Аванасьевны. Помню, какъ въ этой гостиной они всякій вечеръ сражались въ мельники, и если она останется мельничихой, онъ надѣвалъ на нее свою соломенную шапочку, а если онъ—мельникомъ, то она на него—свой чепецъ. За гостиной шла еще комната подъ названіемъ «комната барышень». Въ ней всегда засѣдала наша веселая братія. На антресоляхъ помѣщалась Катенька. Въ другой огромной комнатѣ жила ея тетка, Наталья Аванасьевна, сестра ея матери. Прелестная старая дѣва была эта Наталья Аванасьевна: высокая, полная, очень еще красивая лицомъ, вѣчно завитая въ какихъ-то курдюшкахъ, добрая, всегда веселая; ее обожали всѣ, кто только ее зналъ. А она больше всѣхъ обожала племянницу свою Катеньку, называла ее «наша телятинка» и всегда говорила ей: Катенька, вы-съ. Да и никто въ домѣ, кромѣ отца и матери, Катенькѣ «ты» не говорилъ. Самого Ивана Петровича дочери отъ перваго брака называли по-старинѣ «тятенькой», только одна многолюбимая имъ Катенька называла его понынѣшнему «рара». Всѣ вдовы и сироты, которыхъ Иванъ Петровичъ опять набралъ къ себѣ полонъ домъ, величали своего благодѣтеля: «дяденька, вы-съ».

Вотъ и все, что мнѣ хотѣлось прибавить къ моему разсказу о Мартосахъ; послѣ житье-бытье наше само покажетъ, что мы тамъ творили, а куда перейду къ другимъ жителямъ академіи.

За Мартосами, по корридору, перейдя чрезъ парадную лѣстницу, первымъ жилъ Василій Ивановичъ Григоровичъ. Въ квартирѣ его не было ничего необыкновеннаго, кромѣ множества гравюръ въ золотыхъ рамкахъ, которыя покрывали всѣ стѣны залы и его кабинета. Меблировка была самая скромная: соломенные стулья кругомъ всей залы да старинное фортепіано; веселили ее только зе-

ленные кадки съ померанцевыми деревьями около оконъ. Гостиная точно такая же, какъ у Мартоса. Около окна на Неву два кресла, на которыхъ въ свободное отъ занятій время Василій Ивановичъ приходилъ посидѣть съ женой своей Софьей Ивановной. Сидя одинъ противъ другаго, они болтали кое-о-чемъ и оба курили сигары... Софья Ивановна, закуривая молодому мужу своему трубки и сигары, сама научилась курить и въ этомъ не женскомъ дѣлѣ отъ него не отставала; это былъ, кажется, единственный ея грѣхъ. Любили они съ Василюмъ Ивановичемъ другъ друга умною, серьезною любовью; въ дѣтяхъ, которыхъ у нихъ было малъ-мала меньше цѣлыхъ пятеро, души не чаяли.

Странная особенность была въ ихъ дѣтяхъ: они черезъ одного были очень долгоносые или совсѣмъ курносенькіе. И Василій Ивановичъ, смѣясь, часто говорилъ, что профиль у людей зависитъ отъ нянекъ, что у нихъ нянька Настенька, которой попалъ на руки первый сынъ Коля, сморкала его, поднимая платкомъ носъ кверху, а нянька Марѳа, которой по очереди досталась вторая дочь Анюта, сморкала ее книзу, высморкаетъ и еще потянетъ сильно два два за носъ... И точно, за длинноносою Нютой слѣдовала курносенькая Соничка, за нею долгоносый Костенька, а за нимъ прелестный ребенокъ Вася съ маленькой пуговкой вмѣсто носа. Всѣхъ этихъ ребятъ я таскала на рукахъ и очень любила.

Говорять, Григоровича назначили конференцъ-секретаремъ въ академіи художествъ за то, что онъ былъ великій знатокъ въ изящныхъ искусствахъ и могъ съ перваго взгляда на древнюю картину вѣрно опредѣлить, кѣмъ она написана. Кромѣ того, онъ говорилъ и писалъ краснорѣчиво. Какъ начальникъ канцеляріи, съ чиновниками былъ строгъ и важенъ; всѣ подчиненные его боялись гораздо больше, чѣмъ моего отца, который былъ страшный баловщикъ. Помню, какъ бывало письмоводитель придетъ къ нему и принесетъ къ подписи нужныя бумаги, а папенька и подписывать ихъ не станетъ, пока не подастъ ему самъ стулъ и не усадить около себя. Помню тоже, что этотъ письмоводитель послѣ такъ ободрился, что приходилъ за подписью бумагъ къ отцу моему съ двумя маленькими дѣвочками въ розовыхъ платьицахъ, вѣроятно, его дѣтьми; пока папенька подписывалъ бумаги, эти дѣвчурочки играли и бѣгали по его кабинету... Ну, отъ Василя Ивановича чиновникамъ такой вольготы было не дожидаться: у него стой на вытяжку, у него «всякъ сверчекъ знай свой шестокъ».

За квартирой Григоровича, на уголъ 4-й линіи, шла квартира профессора живописи Егорова. У него въ мастерской убранства никакого не было, кромѣ того только, что по всѣмъ стѣнамъ были развѣшаны чудныя картины его работы, привезенныя имъ изъ Италіи, которыя нынче цѣнятся такъ дорого... Всюду грязница и неурядица страшная! Его самого въ этомъ храмѣ искусства можно

было застать въ грязнѣйшемъ халатѣ, съ такою же ермолкою на головѣ... Невысокій ростомъ, мускулистый, съ порядочнымъ брюшкомъ, Алексѣй Егоровичъ всегда стоялъ передъ мольбертомъ, съ палитрой и муштабелемъ въ рукахъ, и писалъ какой нибудь большой образъ. Около него на креслѣ, въ пунсовомъ ситцевомъ платьѣ, прикрывая ковровымъ платкомъ свой громадный животъ, всегда сидѣла на натурѣ, очень еще красивая собой, жена его Вѣра Ивановна. (Я ее не помню иначе, какъ въ «почтенномъ положеніи»). И она, бѣдная женщина, вѣчно, безъ усталости и ропота, служила изящному искусству... Я уже сказала выше, что Егоровъ писалъ съ нея Богородицъ, а съ дочерей своихъ—ангеловъ. Мастерскую свою Алексѣй Егоровичъ держалъ совсѣмъ на манеръ студій старинныхъ итальянскихъ художниковъ; ученики его пригосажались ему на всякія должности... Изъ учениковъ его я помню теперь одного—Михаила Ивановича Скотти, который послѣ такъ прелестно писалъ внутренности дворцовъ и былъ въ такой славѣ по этой части... Помню я, какъ, бывало, Егоровъ пишетъ въ своей мастерской, и Скотти тоже пишетъ на своемъ мольбертѣ около своего профессора, и весело разговариваютъ между собою. И между этою болтовней Алексѣй Егоровичъ ему скажетъ: «Миша, сапоги ты мнѣ почистилъ?» или: «Миша, поставь, братецъ, свѣчи въ шандалы». Или еще: «Миша, погулялъ бы ты съ барышнями!» Егоровъ подъ словомъ «барышни» разумѣлъ своихъ дочерей. И Миша, впоследствии Михаилъ Ивановичъ Скотти, исправлялъ всѣ эти должности весело, не обижаясь... Да и обидѣться было невозможно, потому что всѣ повелѣнія свои Алексѣй Егоровичъ отдавалъ такимъ ласковымъ, дружескимъ тономъ. Барышень у Егорова было тогда три: Надинька—тонкое, воздушное, сентиментальное созданье, именно съ ангельскимъ личикомъ; Дуничка—живая, веселая дѣвушка, не такъ хороша собой, какъ пикантна, съ задорливыми родимыми пятнышками на бѣло-матовомъ лицѣ, умная, острая, всегда находчивая на отвѣты. Эта вторая дочь Егорова и была моимъ сердечнымъ другомъ. Меньшая дочь Соничка, во время нашего переѣзда въ академію, была еще маленькая дѣвочка и намъ не пара, и отцу своему—не натурщица; а послѣ, когда она выросла, Алексѣй Егоровичъ все писалъ съ нея одалисокъ. И точно, верхъ ея лица и глаза съ поволокой были прелестны, но ротъ былъ некрасивъ, и потому художникъ-отецъ всегда картинно укутывалъ ей полъ-лица дымкою, и она выходила у него просто красавицей. Послѣ у Вѣры Ивановны родился еще сыночекъ Евдокимушка, который тоже, кажется, былъ живописцемъ.

Про время пребыванія Егорова въ Италіи осталось нѣсколько интересныхъ анекдотовъ. Всѣмъ извѣстно, что Алексѣй Егоровичъ былъ знаменитѣйшій рисовальщикъ. Достаточно сказать, что картина «Христосъ въ темницѣ»—его работа, чтобы понять, что имя Егорова не умретъ въ лѣтописяхъ академіи художествъ.

Вотъ разъ какъ-то, въ Италіи, завязался споръ между художниками о томъ, что русскому художнику никогда не нарисовать такъ правильно человѣческой фигуры, какъ нарисуетъ итальянецъ. Егоровъ вспылилъ, остановилъ азартное разглагольствованіе озорниковъ и, взявъ уголь въ руку, сказалъ: «А вотъ такъ вы умѣете?» и съ этими словами началъ вести углемъ по стѣнѣ и, не отнимая отъ нея руки и начавъ съ большого пальца лѣвой ноги, обвелъ на память, не пропустивъ ни одного мускула, однимъ почеркомъ, цѣлую человѣческую фигуру, безъ одной ошибки. Про этотъ tour de force Егорова долго еще рассказывали итальянцы вновь пріѣзжающимъ изъ Россіи молодымъ художникамъ, какъ про чудо.

Вообще, говорятъ, Алексѣй Егоровичъ легко относиться про Россію при себѣ не позволялъ. И про воловью силу его въ молодые годы тоже часто вспоминали въ Италіи. Разъ за что-то онъ повздорилъ съ итальянскимъ художникомъ; тотъ обозлился и кинжалъ вытащилъ, но Егоровъ, въ мгновенье ока, вырвалъ у него смертоносное оружіе, руками изломалъ стальное лезвее на кусочки, все вмѣстѣ швырнулъ къ ногамъ задиры и ушелъ какъ ни въ чемъ не бывало.

А то, говорятъ, еще другого какого-то итальянца, въ пылу перепбранки, схватилъ за штанишки одною рукою, просунулъ въ отворенное окно и держалъ на вѣсу надъ мостовой до тѣхъ поръ, пока несчастный не попросилъ у него пардона.

Какъ времена-то переходчивы! Когда я знала Егорова въ Петербургѣ, онъ самъ многого трусилъ: отъ грозы прятался между перинъ своей постели; боялся почему-то масоновъ и вообще сталъ подозрителенъ, недовѣрчивъ... Странное дѣло! казалось бы, что такая размашистая натура, какою былъ въ молодости Егоровъ, должна бы остаться навсегда щедрою; а между тѣмъ Алексѣй Егоровичъ, когда я его узнала, былъ положительно скупъ. Вотъ примѣръ: Вѣра Ивановна за обѣдомъ всегда сама разрѣзывала жаркое, и всякій разъ, какъ она, бывало, возьмется за большой ножикъ, мужъ непременно остановитъ ее словами:

— Погоди, Вѣруша, не рушь! спроси прежде у гостей, хотятъ ли они, а если не хотятъ, такъ зачѣмъ же даромъ матеріалъ портить.

Дочерямъ своимъ Алексѣй Егоровичъ не далъ почти никакого образованія, отговариваясь тѣмъ:

— Къ чему дѣвицъ учить? Сколько ни учи, все равно забудутъ, а были бы деньги—женихи будутъ.

Теперь мнѣ осталось сказать нѣсколько словъ о профессорѣ архитектуры, Абрамѣ Ивановичѣ Мельниковѣ, женатомъ на меньшей дочери отъ перваго брака Мартоса, Любви Ивановнѣ. Абрамъ Ивановичъ былъ рослый, полный и красивый мужчина. По рассказамъ о немъ я знаю, что онъ былъ искуснымъ архитекторомъ; имъ самимъ и по чертежамъ его по всей Россіи построено много

церквей и домовъ. Самого же его я почти совсѣмъ не знала, хотъ и встрѣчалась съ нимъ часто у Мартосовъ, но онъ съ женщинами никогда не разговаривалъ. Да и жена его, со всѣми живая, веселая женщина, мужа своего какъ-то сторонилась, и я почти никогда не видала ихъ вмѣстѣ. И про семейную жизнь ихъ ничего не могу сказать, потому что я у нихъ въ домѣ въ это время никогда не бывала. У Абрама Ивановича и Любови Ивановны дѣтей было всего двое: дочка Сашенька и сыночекъ Абрамушка, но о нихъ интереснаго теперь сказать нечего; вотъ когда Сашенька Мельникова выростетъ и выйдетъ замужъ за англичанина, который былъ секретаремъ у богача барона Штиглица, тогда будетъ что поразсказать о Сашенькѣ живой и мертвой...

Вотъ и всѣ профессора моего времени, которыхъ я знала лично... Объ остальныхъ дѣятеляхъ академіи художествъ особо теперь говорить не буду; когда придется къ слову, помяну о нихъ.

Лѣто 1828 года мы въ первый разъ провели во второмъ Парголовѣ. Бабушка Марія Степановна и три тетки мои, вѣрныя своей нелюбви къ дачамъ, опять остались на лѣто въ Петербургѣ, а потому маменька и наняла у крестьянина Ивана Москвина, на задворкахъ, маленький домикъ, въ которомъ мы вчетверомъ помѣстились очень удобно. Этотъ хозяинъ нашъ, старикъ съ громадной рыжей бородой, былъ до старости лѣтъ лихой ямщикъ, и парголовскіе дачники всегда нанимали его, чтобы прокатиться на его лихой тройкѣ въ Токсово, полюбоваться на нашу русскую Швейцарію. Бывало, никто не спуститъ такъ бережно, шагомъ, телѣгу съ отвѣсныхъ горъ и не взлетитъ на нихъ соколомъ, какъ Иванъ Москвинъ.

Онъ старикомъ, отъ двухъ взрослыхъ дочерей, женился во второй разъ на красивой бабѣ Анисѣ, которая выкормила графу Шувалову, не знаю котораго, сына, за чтó съ мужа ея были сняты всѣ подати, а ей самой выстроили рядомъ съ дачею Ивана новую большую дачу, которую она отдавала уже въ свою пользу. Самые богатые мужики во всемъ второмъ Парголовѣ были Анисья и Иванъ. Анисья была баба умная, говорливая... и я помню, какъ папенька любилъ съ нею бесѣдовать. Очень полюбилось намъ всѣмъ прелестное Парголово. Но о немъ разсказывать нечего, потому что всѣ жители Петербурга, вѣрно, побывали въ немъ не разъ.

Въ то время, про которое я пишу, старый графъ Шуваловъ уже давно умеръ, вдова его графиня Шувалова, рожденная княжна Шаховская, успѣла уже во второй разъ выйти замужъ по страстной любви за графа Адольфа Полье и овдовѣть во второй разъ. Этого второго мужа графиня обожала до того, что даже съ мертвымъ не захотѣла разстаться и похоронила его тутъ же, около своей усадьбы, въ прорытомъ въ горѣ и отдѣланномъ на готическій манеръ гротѣ. И этотъ гротъ, отъ котораго тянется Адоль-

Ѳова прямая аллея до самой Адольфовой горы, тоже, вѣроятно, всё помнятъ, но вотъ о чудесахъ, которыя творила вдовствующая графиня Полье въ этомъ гротѣ на первыхъ порахъ своего неистоваго горя по боготворимомъ мужѣ, можетъ быть, и не всё знаютъ, и мнѣ хочется о нихъ рассказать, потому что они очень забавны. Въ гротѣ, около двухъ стѣнъ, были положены двѣ плиты изъ какого-то пестраго камня, что-то въ родѣ яшмы. Подъ одной почивалъ прахъ графа Полье, другая же могила стояла пустая и была предназначена неутѣшной вдовѣ его... Весь гротъ, снаружи и внутри, былъ уставленъ тропическими растеніями. Плиту надъ тѣломъ покойнаго мужа графиня всякій день убирала своими руками богатѣйшими цвѣтами. Но ей этого было мало; такъ какъ половину ночи она проводила въ гротѣ, гдѣ было темно, то ей захотѣлось украсить такъ могилу своего Адольфа, чтобы и ночью она поражала своею красотою. И вотъ графиня придумала для этого такой способъ: она стала приказывать деревенскимъ дѣвченкамъ и мальчишкамъ собирать для нея свѣтящихся червячковъ и, говоря, платила за нихъ по пятялтынному за штуку. Нанесутъ ей ихъ, бывало, тьму-тьмущую, а она, какъ только смеркнется, этихъ свѣтлячковъ по всему гроту и разбросаетъ... И поползетъ живая иллюминація, переливаясь фсфорическимъ свѣтомъ, по пальмамъ, розамъ и лиліямъ! А графиня сидитъ въ гротѣ далеко за полночь, любитъ этой картиной, обливаясь горячими слезами и со своимъ Адольфомъ разговариваетъ... Наконецъ, видно, ей спать захочется; пойдетъ домой отдохнуть, а мальчишки и дѣвченки караулятъ ее, и какъ только она уйдетъ, всё шастъ въ гротъ! и давай опять собирать своихъ червячковъ въ баночки и коробочки, а на утро новенькихъ немного подбавятъ и опять продадутъ графинѣ... Анисья, бывало, смѣясь, говорила папенькѣ:

— Да, ваше сіятельство, не повѣрите, какой большой оброкъ собираютъ босоногіе чертенята червячками съ своей законной барыни...

И не одни ребятишки приглядывали за неутѣшною вдовицей; кромѣ нихъ, каждую ночь забирались въ гротъ каіе-то шалопаистуденты, прятались по темнымъ уголкамъ и оттуда слѣдили за каждымъ движеніемъ графини: какъ она то полежитъ на плитѣ, то походить по гроту, плачетъ, рыдаетъ, слезы свои собираетъ въ богатый батистовый носовой платокъ и потомъ кладетъ его между розановъ на плиту своему Адольфу... ¹⁾ Все это, должно быть, сначала очень забавляло шалуновъ-студентовъ, но скоро имъ надобно было только наблюдателями; имъ самимъ захотѣлось принять участіе въ этой ночной трагикомедіи. Вотъ разъ, передъ приходомъ графини, забрались проказники въ гротъ, сдвинули

¹⁾ Эти платки, разумѣется, тоже крали деревенскія дѣвки.
«истор. вѣстн.», май, 1894 г., т. LVІ.

плиту съ пустой могилы, одинъ изъ нихъ спрыгнулъ въ склепъ и притихъ, а другіе задвинули надъ нимъ плиту и попрятались... Приходитъ графиня; какъ всегда, плачетъ, рыдаетъ и упрекаетъ обожаемаго супруга за то, что онъ покинулъ ее одну на бѣломъ свѣтѣ... И вдругъ ей изъ нѣдръ земли страшный замогильный голосъ отвѣчаетъ:

— Я здѣсь, я жду тебя, приди ко мнѣ!..

Быстрѣе молніи улепетнула вдова изъ грота, студенты съ громкимъ хохотомъ убѣжали восвояси по Адольфовоу аллеѣ...

Съ тѣхъ поръ графиня въ гротъ ни ногой... Говорили, — не знаю, правда ли это, — что и говорящаго покойнаго супруга послѣ этого вырыли и отправили похоронить на родину въ Италію, и что будто бы теперь обѣ могилы въ гротѣ пусты... Сама же графиня Полье, не подновляя ежедневно своего горя ночными lamentаціями, видно, скоро забыла своего незабвеннаго Адольфа, потому что вышла въ третій разъ замужъ за неаполитанца князя Бутера.

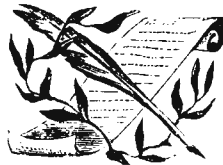
Но «не суди и не осужденъ будешь».

Теперь, вѣрно, и самой княгини Бутера нѣтъ на Божьемъ свѣтѣ... Миръ праху ея!.. И да сбудется надъ нею священное обѣщаніе: «она много любила, и много ей простится!».

Со вторымъ Парголовымъ я расстаюсь не надолго, потому что я тамъ жила и дѣвушкой и замужней женщиной, и много у меня связано съ нимъ интересныхъ воспоминаній. А теперь ужъ осень, пора вернуться въ Петербургъ и поговорить о моей милѣйшей академіи художествъ.

М. Каменская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ӨЕДИНЬКА ДОНЪ-КИХОТЬ ¹⁾.

Былъ.

X.

ВСКОРЪ ЖИЗНИ, Өединьки совершенно измѣнилась. Хотя птенчикъ вмѣстѣ съ покойнымъ Малюткинымъ постоянно бранили начальство, но оно выхлопотало Өединькѣ до совершеннолѣтія маленькую пенсію. Мало того, оно позаботилось о томъ, чтобы пріискать птенчику мѣсто экономки у очень богатаго человѣка, бывшаго администратора, проживавшаго теперь въ отставкѣ въ собственномъ роскошномъ домѣ на Сергіевской. Это мѣсто было предоставлено птенчику по непосредственному почину директора департамента, въ которомъ служилъ Малюткинъ, и при содѣйствіи министра. Кромѣ жалованья, въ мѣсяць 35 рублей, птенчикъ получилъ квартиру въ три свѣтлыя, уютныя комнаты, такъ что жить можно было сравнительно припѣваючи. Правда, птенчикъ остался недоуленъ, но на птенчика угодить было трудно: у него ко всему примѣшивалась мысль, что при другихъ порядкахъ все пошло бы иначе, и что не нужно было бы возиться съ грязнымъ бѣльемъ какого-то администратора и его утопавшей въ роскоши семьи, переносить грубое обращеніе его тунеядствующей, жирной, откормленной прислуги и капризы самого администратора, котораго,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 44.

впрочемъ, птенчикъ видѣлъ очень рѣдко, много въ мѣсяць разъ. Да, еслибъ осуществилось то, о чемъ мечталъ, къ чему стремился покойный ея Петя, то хорошіе, честные люди не переносили бы такого униженія. Другой человѣкъ подумалъ бы: свѣтъ не безъ добрыхъ людей, и примирился бы съ своею участью. Но птенчикъ, какъ мы видѣли, былъ существо озлобленное, недовольное, и въ душѣ горько сѣтовалъ на свою судьбу, постоянно вспоминая, что другіе люди, отсталые, глупые, неинтеллигентные, живутъ въ свое удовольствіе и никакихъ униженій не терпятъ. Правда, птенчикъ въ шкурѣ этихъ людей не бывалъ, не принималъ онъ во вниманіе и поговорки: «всякому свое», не соображалъ, что одинъ ищетъ въ жизни матеріальныхъ благъ, остается нечувствительнымъ къ нравственнымъ ударамъ и поэтому легко достигаетъ своей цѣли, что другой ищетъ благъ духовныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не долженъ былъ бы особенно сѣтовать, что жареные гуси не прилетаютъ къ нему въ домъ. Но какъ бы то ни было, птенчикъ вѣчно брюзжалъ, когда приходилъ отдохнуть въ свою квартиру, исполнивъ несложныя и нетрудныя свои обязанности.

Такъ сложилась жизнь птенчика послѣ смерти мужа. Что же касается до Ѳединьки, то у него гвоздемъ засѣла въ головѣ слѣдующая мысль: онъ продолжалъ себя спрашивать, можно ли служить въ «департаментѣ» и презирать эту службу? Понятіе о департаментѣ онъ обобщалъ. Онъ говорилъ себѣ: если окружающіе насъ порядки не выдерживаютъ критики, если все, что жизнь заставляетъ насъ продѣлывать для обезпеченія нашего существованія, недостойно честнаго и передового дѣятеля, то зачѣмъ же подчиняться ей? Можно окончить курсъ въ гимназій, затѣмъ поступить въ университетъ, затѣмъ на службу, но что же это такое будетъ? Лучшее время придется убить на постылый, недостойный трудъ. Вѣдь это — каторга своего рода, нѣтъ, хуже каторги, потому что каторжникъ несетъ кару за свою вину, а тутъ оказываешься безъ вины виноватымъ, вступаешь въ невыносимое для честнаго человѣка противорѣчіе съ самимъ собою, уничтожающее весь смыслъ жизни, заставляющее помогать тому, съ кѣмъ надо бороться. Нѣтъ, долой этотъ всеобъемлющій «департаментъ», долой эту латынь, эти университетскіе курсы, эту службу презрѣнному дѣлу, всю эту глубокую внутреннюю неправду, эту жизненную фальшь. Надо сбросить ее, надо избрать другую дорогу, а не отстаивать и не упрочивать собственными руками зданіе, которое, куда только ни заглянешь, представляетъ собою душную и мрачную тюрьму съ вѣчнымъ насильственнымъ трудомъ. На волю, на волю! Вонъ изъ тюрьмы: надо ее разрушить, уничтожить...

Такъ разсуждалъ или, точнѣе говоря, чувствовалъ Ѳединька. Родители его напрасно опасались, что изъ него выйдетъ идиотъ. Сосредоточенный его взглядъ не служилъ признакомъ идиотизма.

Это былъ взглядъ человѣка, ушедшаго въ себя, думающаго свою думу. Не смотря на молодые свои годы, а, быть можетъ, именно благодаря своей молодости, Оединька былъ куда логичнѣе своихъ родителей. Тѣ вступали въ компромисы съ жизнью и, надо сознаться, въ компромисы недостойные, даже очень некрасивые, скрашиваемые развѣ только вѣчною отговоркою слабохарактерныхъ и заурядныхъ людшекъ (имя же имъ легионъ): всѣ, дескать, такъ поступаютъ; иначе нельзя. Но Оединька этихъ компромисовъ по нетронутости своей натуры допускать не могъ: они представлялись ему чѣмъ-то заворнымъ, и душа его рвалась къ живому дѣлу внѣ всѣхъ этихъ условныхъ рамокъ, установленныхъ людьми, желающими служить двумъ господамъ. Оединька съ непогрѣшимою логикой сдѣлалъ выводъ изъ сомнительной, но принятой имъ на вѣру посылки, установленной его родителями. Тѣ говорили, что все мерзко, все подло, но сами прилагали руку къ сохраненію и увѣковѣченію этой мерзости и подлости. Оединька же говорилъ: долой ее, не буду въ ней участвовать, буду ее сокрушать, гдѣ и какъ могу. Малюткинъ, возстань изъ гроба, взгляни на свое дѣтище: оно превзошло тебя! Птенчикъ, радуйся, у тебя сынъ истинно-передовой человѣкъ!

Но къ этому конечному выводу Оединька, не смотря на свой логическій умъ, пришелъ лишь постепенно или, точнѣе говоря, лишь постепенно подчинилъ ему всю свою жизнь. Правда, Оединька, не внимая предсмертному завѣту отца, очень плохо учился. Ему было не до ученя, и если онъ продолжалъ ходить въ гимназію, то только изъ уваженія къ памяти отца и изъ любви къ матери, которая, когда онъ оставался дома и не ходилъ въ гимназію, нѣтъ-нѣтъ, да и скажетъ ему укоризненно: «Ахъ, Оединька, что ты дѣлаешь?» Очень ужъ у Оединьки было любящее сердце, такъ что онъ, не смотря на сдѣланный имъ выводъ, старался, особенно въ началѣ, до нѣкоторой степени примирить нѣжное чувство къ матери съ непреложнымъ требованіемъ своего ума. Но это былъ, согласитесь, компромисъ болѣе достойный, чѣмъ выше отмѣченный компромисъ заурядныхъ людей, жертвующихъ своими убѣжденіями для простыхъ матеріальныхъ выгодъ. Къ тому же Оединька ограничивался однимъ хожденіемъ въ гимназію. Учиться онъ, всетаки, не учился, тѣмъ болѣе, что встрѣчались разныя помѣхи. Мѣшало ему, во-первыхъ, чтеніе: онъ попрежнему читалъ, читалъ безъ конца. Хотя онъ и соглашался съ Замшевымъ, что въ книгахъ одни только слова, и что пора приступить къ дѣлу, но въ то же время не было для него выше наслажденія, чѣмъ знакомиться изъ книгъ съ разными видами эксплуатаціи человѣка человекомъ. Попадался ему публицистическій этюдъ или повѣсть, написанные въ этомъ духѣ,— онъ забывалъ обо всемъ, голова его горѣла, онъ возмущался, негодовалъ, громилъ враговъ свободы и

народа, чувствовалъ всѣми фибрами своего существа, что онъ живетъ, что онъ — въ своей стихіи. Когда же онъ брался за латинскую грамматику, за изученіе того или другого классика, за геометрію или физику, онъ чувствовалъ себя школьникомъ, котораго можетъ срѣзать любой изъ учителей, вызубрившихъ латинскіе вокабулы и грамматическія правила и живущихъ въ свое удовольствіе, потому что они на столько безсовѣстны, что соглашаются, играя въ руку эксплуататорамъ, сушить мозгъ и сердце учащейся молодежи и превращать ее въ будущихъ сытыхъ буржуа. Можно ли послѣ этого удивляться, что латинская грамматика, даже когда онъ за нее принимался, какъ-то незамѣтно для самого Ѳединьки замѣнялась какою нибудь книгою, въ которой излагались страданія народа и достойнымъ образомъ отдѣлывались его «палачи». Читая такую книгу, Ѳединька сознавалъ себя героемъ, живущимъ одною жизнью со всѣмъ, что есть самага передового не только въ Россіи, но и на всемъ свѣтѣ; изучая грамматику, онъ былъ ничтожнымъ гимназистомъ, игрушкою въ рукахъ той силы, отъ которой исходить всякое зло на землѣ.

Но, кромѣ чтенія подобнаго рода книгъ, Ѳединьку отвлекало отъ грамматики и кое-что другое. Замшевъ сдержалъ слово и зашелъ къ Ѳединькѣ еще въ Парголовѣ; но онъ тотчасъ же исчезъ. Должно быть, онъ замѣтилъ, что Ѳединька находится всецѣло подъ впечатлѣніемъ горестной утраты, или, можетъ быть, его отвлекла пропаганда въ другомъ пунктѣ обширной Россійской имперіи. Какъ бы то ни было, онъ словно канулъ въ воду, и долго о немъ не было ни слуху, ни духу. Но черезъ полтора года онъ вдругъ снова проявился. Въ одинъ прекрасный день онъ зашелъ, словно и не пропадалъ, прямо на квартиру птенчика, въ домъ отставнаго администратора. Появленіе его было для Ѳединьки цѣлымъ событіемъ. Онъ словно ожилъ, началъ безъ умолку болтать, то и дѣло обнималъ Замшева, какъ будто тотъ былъ для него самый близкій человѣкъ на свѣтѣ. Съ другой стороны, должно быть, и Замшевъ убѣдился, что Ѳединькой пренебрегать нельзя, что онъ не блажить: прошло полтора года, а Ѳединька нисколько не перемѣнился и съ прежнею горячностью относился къ «дѣлу». Замшевъ, вѣроятно, рѣшилъ, что пора удовлетворить страстное желаніе Ѳединьки; но пока приобщеніе его къ «дѣлу» выразилось только тѣмъ, что Замшевъ сталъ его часто навѣщать, и притомъ рѣдко одинъ, а по большей части въ обществѣ какихъ-то молодыхъ людей, живо напоминавшихъ по фантастичности своихъ костюмовъ «сражавшагося въ Америкѣ за свободу» Ѳединькина дядю, фотографія котораго попрежнему красовалась на ряду съ фотографіею студентовъ, сидѣвшихъ въ Кронштадтѣ, на почетномъ мѣстѣ въ гостиной. Неизбѣжною принадлежностью этихъ собраній были бутылки. Пиво лилось рѣкой къ нѣкоторому сму-

щенію птенчика и къ великому неудовольствію косолапой Оедосьи, приносившей ихъ изъ ближайшаго погребка съ нескончаемою воркотнею, доходившею, когда она спускалась съ лѣстницы и была одна, до весьма неприличной брани, обращенной неизвѣстно къ кому. Кажется, тутъ доставалось главнымъ образомъ всѣмъ этимъ сорванцамъ, не то барчукамъ, не то мастеровымъ, неумытымъ, нечесаннымъ, пьяницамъ и забулдыгамъ, повѣсамъ, со-вращающимъ Оединьку; доставалось и самому Оединькѣ; доставалось и птенчику, терпѣвшему все это безобразіе. Но, тѣмъ не менѣе, Оедосья удивительно искусно прятала всѣ эти бутылки подъ кофтою или передникомъ, чтобы, Боже упаси! никто ихъ не увидѣлъ, и для большей безопасности сама о себѣ распространяла слухъ, что она очень «охоча до пива», хотя на самомъ дѣлѣ хмельного и въ ротъ не брала. Все это она дѣлала для того, чтобы не вышло какойнибудь непріятности для барыни: узнаетъ самъ большой баринъ объ этихъ попойкахъ, о сборищѣ студентовъ въ квартирѣ своей ключницы, и дѣло можетъ кончиться плохо. Косолапая Оедосья все это понимала и изъ предосторожности выпускала даже студентовъ въ одиночку, чуть ли не насильственно вталкивая того или другого въ комнату, когда они собирались ночью уходить гурьбою. Странное дѣло! Эта деревенская баба, совершенно не тронутая петербургскою цивилизаціею, со дня смерти Малюткина приобрѣтала все больше вліянія въ домѣ: не только птенчикъ, но даже и Оединька невольно подчинялся ея вліянію и до извѣстной степени слушался ее. Во всякомъ случаѣ они избѣгали чѣмънибудь обидѣть ее, а такъ какъ сама Оедосья категорическихъ требованій не ставила, а только ворчала, то въ общемъ получалось такое положеніе, что хотя птенчикъ съ Оединькой и жили по-своему, но проявляли нѣкоторую сдержанность въ томъ, что не нравилось Оедосьѣ, а не нравилось ей—и это опять довольно странный фактъ!—только то, что, по ея понятіямъ, могло такъ или иначе повредить господамъ.

Такъ и въ вопросѣ о пивѣ: Оедосья ворчала, но приносила его, и дѣло кончилось тѣмъ, что ее уже не посылали, а стали выписывать пиво съ завода ящиками. Внѣшній соблазнъ былъ отчасти устраненъ, но выпивки не прекращались. Самъ Оединька, по раздраженію Оедосьи, сталъ очень «охочъ до пива» и, пожалуй, не столько до пива, сколько до того, чѣмъ сопровождалось неумѣренное его поглощеніе. Когда, бывало, соберется компанія, когда пиво разгорячитъ молодыя головы, о, тогда никто не думалъ о себѣ, о своихъ мелочныхъ заботахъ и невзгодахъ,—всѣхъ соединяло одно общее чувство! И польются рѣчи, рѣчи хорошія, молодыя, полныя самоотверженія, любви къ ближнему. Правда, никто не слушалъ другого, всѣ говорили свое, одинъ другого заглушалъ своимъ звонкимъ, молодымъ голосомъ,—но что за бѣда! Развѣ они не со-

знавали, не чувствовали, что, какъ бы они ни расходились во мнѣніяхъ, все это пустяки, потому что въ общемъ они солидарны, въ общемъ они стремятся къ одной великой цѣли, къ обезпеченію блага народнаго. И не умолкали ихъ рѣчи, не истощался ихъ внутренній жаръ, хотя бы они сидѣли до утра, хотя бы изсякъ весь запасъ пива. Живымъ ключомъ была въ нихъ жизнь, и они вѣрили, что то, что они дѣлаютъ, думаютъ, чувствуютъ, долженъ дѣлать, думать, чувствовать всякій честный человѣкъ, и сладостна была эта вѣра: она возвышала человѣка въ собственныхъ глазахъ, внушала ему истинную жизнерадостность, скрашивала всѣ невзгоды, побуждала его къ подвигамъ самоотверженія. Имъ грезились ясный, возвышенный идеалъ, имъ казалось, что они знаютъ, куда и зачѣмъ идутъ, и все отступало, ступшевывалось передъ нимъ, а идеалъ, хотя бы онъ былъ ложный, вѣдь это то, чѣмъ живъ человѣкъ, вѣдь онъ даетъ ему и вѣру въ себя, и силу двигать горами. Въ компаніи, собиравшейся у Ѳединьки, были молодые люди, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи, выросшіе въ въ самой различной обстановкѣ, и тѣмъ не менѣе они сливались въ одномъ чувствѣ, въ одной мысли, и, быть можетъ, никто не относился къ ней и серьезнѣе, и горячѣе, и самоотверженнѣе, чѣмъ юный, не тронутый жизнью, Ѳединька.

Но, конечно, отъ этого его занятія въ гимназіи не подвигались. Напротивъ, онъ учился все хуже, и всякій опытный человѣкъ могъ тогда уже предвидѣть, что Ѳединька курса не окончить, что онъ пойдетъ другою, болѣе заманчивою для него дорогою. Не даромъ у Ѳединьки былъ такой сосредоточенный взглядъ. Это была цѣльная натура, вполне преданная идеѣ...

XI.

Идеѣ!.. О, сколько обаятельнаго въ этомъ словѣ для молодого ума! Онъ еще не знаетъ, съ какимъ трудомъ идея пробивается въ міръ, сколько надо преодолѣть мелкихъ, ничтожныхъ на видъ, но очень цѣпкихъ, иногда почти непреодолимыхъ на самомъ дѣлѣ препятствій, чтобы добиться осуществленія хотя бы только неизмѣримо малой доли той общей, широкой идеи, которая насъ манитъ, прельщаетъ, воодушевляетъ. Молодой умъ не видитъ этихъ препятствій и менѣе всего сознаетъ вѣковѣчную истину, столь краснорѣчиво выраженную нѣмецкимъ поэтомъ:

- «Eng ist die Welt und das Gehirn ist weit.
- «Leicht bei einander wohnen die Gedanken,
- «Doch hart im Raume stossen sich die Sachen».

Да, въ мозгу все уживается, но міръ тѣсенъ. Зналъ ли Ѳединька, не будемъ говорить, міръ, но хотя бы условія, непосред-

ственно его окружавшія? Никого и ничего онъ не зналъ, и трудно упрекать его за это. Развѣ родители знакомили его съ дѣйствительною жизнью, развѣ тѣ книги, которыя онъ читалъ съ такимъ увлеченіемъ, раскрывали ему реальную жизнь? И въ словахъ родителей, и въ книгахъ жизнь отражалась развѣ только косвенно; всѣ говорили Оединькѣ лишь о томъ, чѣмъ жизнь должна быть, никто не говорилъ ему о томъ, что она на самомъ дѣлѣ есть... Оединька зналъ о жизни только, что она ничтожна, возмутительна. Кромѣ того, онъ зналъ, что все могло быть иначе, если бы не было притѣснителей, эксплуататоровъ. И рвалась его душа покончить съ ними. Имѣлъ ли онъ, однако, о нихъ ясное понятіе, отдавалъ ли онъ себѣ хотя бы поверхностный отчетъ въ томъ, какъ они народились, какъ сложенъ, труденъ и продолжителенъ процессъ, при помощи котораго ихъ можно искоренить? Сообщали ли ему объ этомъ родители, книги, учителя? Говорили ли они ему, почему у насъ и взяточниковъ, и крѣпостниковъ, и кулаковъ, и всякаго рода паразитовъ такъ много, почему дѣйствительность такъ неприглядна? Да, отчасти говорили. Но какой это былъ прямолинейный, односторонній отвѣтъ. Стоитъ только предпринять какую-то грандіозную реформу, и все пойдетъ, какъ по маслу: родина сразу превратится въ рай земной. Самъ Оединька этому вѣрилъ: не зная жизни, онъ воображалъ, что управлять міромъ можно одними добрыми пожеланіями; онъ и представить себѣ не могъ, что даже могучій, самоотверженный дѣятель нерѣдко засасывается житейскимъ болотомъ, и что это болото у насъ, въ Россіи, наша некультурность, наша отсталость, наше невѣжество, что оно порождаетъ тѣ міазмы, отъ которыхъ задыхался самъ Оединька, что нужна работа упорная и продолжительная, чтобы его осушить. Оединька мечталъ о подвигѣ, а не о такой незамѣтной, ничтожной работѣ, какъ проведеніе канавки на крошечномъ участкѣ безконечной области, какую представляетъ Россія. Оединька ничего этого не зналъ, и станемъ ли мы винить его за это, мы, люди опытные, лысые, сѣдые, раздѣлявшіе, увы! его увлеченія, мечтавшіе о томъ, что одной свободой или одной сильной власти достаточно, чтобы покончить со всѣми неурядицами и установить царство правды и общаго благополучія? Нѣтъ, къ какому бы мы лагерю ни принадлежали, упрекать за это Оединьку было бы съ нашей стороны верхомъ несправедливости, ибо это значило бы казнить нашихъ дѣтей за нашу собственную тяжкую вину.

Но вернемся къ прерванному разсказу.

Оединька учился такъ плохо, что въ концѣ концовъ директоръ гимназіи посовѣтовалъ птенчику взять его и опредѣлить куданибудь на службу, хотя бы въ контору. Птенчикъ съ болью въ сердцѣ вынужденъ былъ послѣдовать этому совѣту: Оединька дѣйствительно засиживался чуть ли не въ каждомъ классѣ по два

года и притомъ не проявлялъ никакого желанія заниматься серьево. Опять-таки, благодаря добрымъ людямъ, птенчику удалось опредѣлить Оединьку писцомъ въ сенатъ, и вскорѣ онъ уже сталъ зарабатывать до 25 рублей въ мѣсяцъ, такъ что пенсія, которой его лишили, была съ лихвою возмѣщена, и въ матеріальномъ отношеніи Малюткины могли жить довольно сносно. Оединька съ грѣхомъ пополамъ ходилъ въ сенатъ, какъ это ни было ему тяжело. Но и тутъ повторилось приблизительно то же самое, что и въ гимназіи. Ходилъ-то онъ ходилъ и даже въ началѣ исправно переписывалъ бумаги, но вскорѣ оказалось, что ему этотъ трудъ положительно не подъ силу. Переписываетъ онъ, бѣдняжка, бумагу, и вдругъ перо останавливается, взоръ отрывается отъ стола, направляется куда-то вдаль, и постороннія мысли толпою тѣснятся у него въ головѣ. И такъ,—думалъ онъ:—и я, какъ отецъ, попалъ въ «департаментъ», не избѣжалъ этой участи, этого мертвящаго, никому ненужнаго труда на пользу «эксплоаторовъ»; а тамъ, въ сторонѣ, такъ много «живого дѣла!» Какъ на грѣхъ, именно во время переписки бумагъ мысль объ облагодѣтельствованіи рода человѣческаго напрашивалась у него на умъ съ особенною навойливостью. Къ тому же въ это время Оединька былъ до нѣкоторой степени пріобщенъ Замшевымъ къ «дѣлу»; онъ уже принималъ въ немъ непосредственное участіе, правда, какъ очень второстепенный дѣятель, но все же принималъ.

Но объ этомъ у насъ рѣчь впереди. Теперь я хотѣлъ только отмѣтить, что Оединька ежедневно ходилъ съ Сергіевской въ сенатъ и обратно. Во время этихъ прогулокъ Оединька мало обращалъ вниманія на прохожихъ и на магазины, потому что онъ и тутъ былъ всецѣло поглощенъ своими гражданско-филантропическими мыслями. Уже по костюму Оединьки было видно, что онъ относится ко всему внѣшнему совершенно равнодушно. Мода не играла въ его костюмѣ никакой роли, ни парижская, ни російская: онъ не щеголялъ ни моднымъ покроемъ платья, ни высокими сапогами, русскою рубахою, волосами по плечи, синими очками. Онъ одѣвался, какъ всѣ, но при этомъ вѣчно оказывалось, что какойнибудь пуговицы недостаетъ, что галстукъ сбился въ сторону, что руки грязны, или шевелюра не приведена въ порядокъ. Вслѣдствіе этой небрежности въ костюмѣ его длинная фигура съ маленькою бѣлокурою головою и сматымъ лицомъ, на которомъ по странной игрѣ природы теперь пробивались темные усики и бородка, производила особенно комическое и жалкое впечатлѣніе. Но прохожіе нисколько не жалѣли Оединьки, а онъ платилъ имъ тѣмъ же равнодушіемъ. Чувствовалось, что между этимъ длинновязымъ юношей и остальными людьми существовала какая-то пропасть, что они въ немъ не признаютъ человѣка, какъ и онъ держался отъ нихъ въ сторонѣ. Дѣйствительно, что было общаго между мелочными, сует-

ными заботами толпы и всепожирающею страстью этого юноши? Толпа шла своею дорогою, а онъ—своею. Могли они встрѣтиться только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ совершилъ что нибудь экстраординарное и этимъ привлечь бы къ себѣ вниманіе жадной до всего сенсаціоннаго «улицы». Но пока Оединька ничего такого не совершалъ, и поэтому его общеніе съ толпою проявлялось лишь тогда, когда онъ, идя въ глубокой своей задумчивости, наталкивался на какого нибудь прохожаго и получалъ ударъ въ грудь или плечо, и вслѣдъ ему раздавалось крѣпкое словечко: «невѣжа», «дылда» или «барабанная палка».

Такъ онъ однажды натолкнулся на Невскомъ на какое-то крошечное существо, которое еле успѣло посторониться, чтобъ избѣжать столкновенія, и тотчасъ же остановилось, глядя Оединькѣ вслѣдъ. Но онъ не обратилъ на него никакого вниманія и несказанно удивился, когда оно его окликнуло:

— Господинъ Малюткинъ.

«Кто бы это могъ быть?»—спросилъ себя Оединька.

Онъ особъ женскаго пола почти совершенно не зналъ, въ особенности такихъ нарядныхъ, какъ это крошечное существо, которое, улыбаясь, теперь приближалось къ нему.

— Вы меня не узнаете?

Нѣтъ, онъ ея не узнавалъ. Да и трудно было узнать Анютку. Боже, какая съ нею произошла перемѣна за эти три съ половиною года, какъ они разстались! Тогда это была дѣвчонка-замухрышка, а теперь передъ нимъ стояла нарядная барышня въ кокетливой шляпкѣ, съ медальончикомъ на шеѣ и модною чолкою на лбу. Только хорошенькіе лукавые глазки глядѣли попрежнему. По этимъ глазкамъ Оединька и призналъ свою старую парголовскую знакомку...

— Анютка!—воскликнулъ онъ.

— Она сама.

— Откуда взялась? Да еще такая нарядная?

Анютка отвела глаза и ничего не отвѣтила. Оединька почти забылъ о ней. Смерть отца прервала ихъ знакомство. Малюткины вскорѣ послѣ похоронъ уѣхали изъ Парголова и болѣе на дачу уже не возвращались, такъ что, если бы не эта случайная встрѣча, Оединька съ Анюткой, можетъ быть, никогда бы уже не увидѣлись. Впрочемъ встрѣча не была такъ случайна, какъ это могло казаться на первый взглядъ. Оединька почти ежедневно два раза проходилъ по Невскому, въ сенатъ и обратно, а Анютка также очень часто бывала на Невскомъ. Вѣроятно, поэтому-то она и отвела глаза, когда Оединька ее спросилъ, откуда она взялась.

Всякій другой на мѣстѣ Оединьки, вѣроятно, повялъ бы это. Но Оединька всецѣло находился подъ впечатлѣніемъ контраста между прежней и теперешней Анюткой и по нетронутости своей

натуры никакъ не могъ сообразить, чѣмъ собственно вызвано это превращеніе. Поэтому онъ продолжалъ допрашивать.

Они пошли рядомъ, направляясь въ сторону адмиралтейства.

— Такъ расскажите же о себѣ? — съ любопытствомъ спрашивалъ Ѳединька.

— Тятка по рекомендаціи одной дачницы опредѣлилъ меня въ модный магазинъ.

— Ага, понимаю, — сообразилъ Ѳединька: — голодно вамъ было.

— Пустыя щи да картофель, — расхоталась Анютка, лукаво подмигнувъ Ѳединькѣ.

— Не забыли, какъ мы съ вами бесѣдовали въ Парголовѣ, — промолвилъ Ѳединька, и въ блѣсоватыхъ его глазахъ сверкнула благодарность.

— Нѣтъ, я васъ не забыла, — подтвердила Анютка.

— Вы и теперь работаете въ модномъ магазинѣ?

— Нѣтъ, я уже вышла.

— Такъ что же вы дѣлаете?

Ѳединькѣ и въ голову не приходило, что его вопросъ очень жестокъ. Анютка нѣкоторое время не отвѣчала. Въ ней одновременно боролись два чувства: встрѣтившись съ Ѳединькой, она окликнула его совершенно машинально, такъ какъ привыкла заводить и возобновлять знакомства на улицѣ, но, вступивъ съ нимъ въ бесѣду, она тотчасъ подчинилась какому-то другому чувству. Жизнь, которую она вела, наложила на нее свою тяжелую руку и состарила ее или по крайней мѣрѣ совершила какое-то чудо: ей казалось, что между тѣмъ временемъ, когда она встрѣчалась съ Ѳединькой въ Парголовѣ, и настоящимъ легла цѣлая пропасть, что то было время хорошее, а теперь наступило скверное, не смотря на то, что тогда ей рѣдко кто покупалъ гостинцевъ, и она ходила въ ситцевыхъ платьяхъ, бѣгала босикомъ и получала тяжеловѣсные шлепки; теперь ей часто покупали лакомствъ, какихъ только она пожелаетъ, ходила она нарядная, ѣздила на тройкахъ и лихачахъ, и никто ея не билъ, а многіе ласкали. И вотъ Ѳединька былъ ей милъ, потому что онъ живо напоминалъ то хорошее время въ отличіе отъ теперешняго сквернаго.

— Такъ что же вы дѣлаете? — переспросилъ Ѳединька.

— Я отъ себя беру работу.

— То-есть какъ это?

— Живу отдѣльно, шью не на магазины, а прямо на заказчицъ.

— Ага, понимаю; значитъ, сами себя кормите.

— Да, сама, да и не одну себя, но и тятеньку, всей семьѣ помогаю.

— Значитъ, вамъ очень трудно: весь день приходится сидѣть сторбившись, можетъ быть, и ночь прихватывать?

— Да, и ночь,—подтвердила Анютка, но съ такою неувѣренностью, что Оединька невольно взглянулъ на нее, и ему показалось, что Анютка съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись, слегка осунулась и поблѣднѣла. Но въ то же время онъ не могъ не замѣтить, что она очень похорошѣла. Она шла съ нимъ рядомъ, потупившись: длинныя рѣсницы скрывали лукавые глазки, онъ ихъ не видѣлъ, но вся фигура выражала какое-то смущеніе, а кокетливый нарядъ несомнѣнно красилъ ее, такъ что не только Оединька, но и всякій другой не могъ бы не признать ея хорошенькой. Но для Оединьки она имѣла особенную прелесть: еслибъ она была барышня, то, быть можетъ, онъ отнесся бы къ ней равнодушно, но вѣдь она—дитя народа, бѣднаго, эксплуатируемаго народа! Въ то же время онъ, однако, пожалѣлъ это маленькое, миниатюрное, хорошенькое существо, которое вынуждено было день и ночь работать, чтобы снискивать пропитаніе себѣ и семьѣ.

— Бѣдная Анютка! — вырвалось у него съ такою задушевностью, что она невольно подняла на него глаза. Перенесенная ею въ жизни внутренняя борьба представилась ей вдругъ съ неотразимою ясностью: она вспомнила, какъ отцовскіе шлепки замѣнились колотушками мадамы, какъ она готова была все отдать, чтобы избавиться отъ этихъ вѣчныхъ шлепковъ и колотушекъ, какъ она встрѣтилась съ нимъ, какъ онъ поселилъ ее на отдѣльной квартирѣ, сталъ баловать, наряжать, ласкать, какъ она ему повѣрила, какъ она откупалась отъ пьянаго отца, устроивавшаго ей скандалы, какъ онъ бросилъ ее, какъ она замѣнила его другимъ, третьимъ, вспомнила, сколько слезъ она пролила, не смотря на вѣчное веселье, кутежи, ласки, и ей стало ужасно жаль себя.

— Да, не легко мнѣ,—произнесла она.

— Послушай, Анютка,—начальъ вдругъ Оединька:—мы оба съ тобой несчастны. Но не мы одни: такихъ много, а счастливыхъ очень, очень мало. Сядемъ вдѣсь, Анютка, — пригласилъ онъ ее, указавъ на скамейку у Доминика.

Они сѣли, прохожіе сновали передъ ними взадъ и впередъ, экипажи съ нарядными дамами и кавалерами проносились мимо, весеннее солнце ярко сверкало на небѣ и обдавало лучами свѣта и тепломъ всю эту разношерстную толпу, снѣшившую жить, наслаждаться. Но Оединька толпы не видѣлъ, онъ только чувствовалъ ея присутствіе, чувствовалъ, кромѣ того, что она нисколько не занята тою мыслью, которая наполняла все его существо, и это только подогрѣвало его краснорѣчіе.

— Послушай, Анютка,—говорилъ онъ:—такъ продолжаться не можетъ. Слишкомъ много непосильнаго горя, слишкомъ велики страданія несчастныхъ, слишкомъ вознеслись счастливые. Уже близокъ часъ расплаты. Ты полагаешь, что о насъ, несчастныхъ, никто не думаетъ, что мы безповоротно обречены на страданія. Нѣтъ,

ты ошибаешься, Анютка. Сотни, тысячи борцовъ народились; неслышно, незримо они готовятъ великій ударъ, отъ котораго содрогнутся всѣ нечестивые, который, какъ спасительная гроза, очиститъ воздухъ и дастъ всѣмъ несчастнымъ вздохнуть свободнѣе. И я принадлежу къ этимъ борцамъ. Я страдаю со всѣми страждущими, каждая слеза ихъ, точно раскаленное олово, падаетъ мнѣ на сердце и нестерпимо жжетъ его, каждый ихъ вздохъ потрясаетъ меня до глубины души. Ты думаешь, что мы, борцы за свободу, не слышимъ твоихъ вздоховъ? Нѣтъ, нѣтъ, Анютка, мы ихъ слышимъ, они-то насъ и воодушевляютъ...

Понимала ли Анютка эту страстную рѣчь, произнесенную сдвинутымъ отъ волненія голосомъ? Болтала ли она и теперь ножками, какъ тогда, когда Ѳединька поучалъ ее въ Парголовѣ смыслу жизни? Почемъ знать? Ножки у нея теперь были обуты въ изящныя башмачки и покрыты длиннымъ платьемъ. Но если она не понимала Ѳединькиной пламенной рѣчи, то его возгласъ: «Бѣдная Анютка!» нашель себѣ откликъ въ ея душѣ и затронулъ въ ней струнку, которая продолжала звучать, хотя Анюткѣ и не вѣрилось въ возможность осчастливить всѣхъ несчастныхъ, и хотя самъ Ѳединька съ его устремленнымъ вдаль взглядомъ, съ его небрежнымъ костюмомъ, съ его длинными руками, которыми онъ размахивалъ передъ всѣми на улицѣ, могъ ей казаться очень смѣшнымъ. Но она не фыркнула и не убѣжала отъ него, какъ въ Парголовѣ, а сидѣла, глядя задумчиво въ пространство. Она вдругъ вспомнила одну сценку изъ своей жизни. Это было еще тогда, когда она возилась съ первымъ своимъ трех-мѣсячнымъ любовникомъ, клявшимся ей въ вѣчной любви. Отправились они раннею осенью на взморье покутить. Они долго пьянствовали. На обратномъ пути она сидѣла въ одной лодкѣ съ своимъ любовникомъ, купеческимъ сыномъ, и двумя его товарищами. Плыли они вдоль берега. — «Прибрала же тебя Анютка къ рукамъ», — проревѣлъ спяна одинъ изъ нихъ: — «и пикнуть не смѣешь». — «Мнѣ что Анютка? Наплевать мнѣ на Анютку: что захочу, то съ ней и сдѣлаю». — «Дудки! Говорятъ тебѣ: и пикнуть не смѣешь». — «А вотъ хочешь, высажу ее здѣсь въ воду?» — «Ну, чего куражишься, шутъ балаганный, ужъ если кто кого высадитъ, то она тебя». — «Анъ врешь! Анютка, выльзай!» Она думала, что онъ шутитъ. — «Ну, брось, Миша, чего ты дуришь». — «Говорятъ тебѣ, выльзай, не то вылетишь». — И не успѣла она опомниться, какъ оказалась уже въ водѣ, а лодка отбѣжала. Никто не воспротивился этому безобразію. Напротивъ всѣ хохотали, пока она стояла по поясъ въ водѣ. Она жестоко тогда простудилась. И сколько было впоследствии подобныхъ же сценъ. — «Собака я, собака, а не человѣкъ», — говорила она себѣ и проклинала день и часъ, когда довѣрилась первому своему любовнику, проклинала, но не вѣрила, что настанетъ для нея другая жизнь.

«Пропаду, вотъ и все», — твердила она постоянно. Она знала людей и себя лучше Оединьки, знала, что врядъ ли найдется чело-вѣкъ, который помогъ бы ей выбраться изъ омута, знала, что, если и найдется такой чело-вѣкъ, то она сама не найдетъ въ себѣ силъ, чтобы разстаться съ жизнью, въ которую втянулась. И тѣмъ не менѣе хорошо ей было слушать Оединьку, потому что никто до сихъ поръ не говорилъ ей съ такимъ искреннимъ участіемъ, такъ любовно: «бѣдная Анютка», потому что жизнь ее дѣйствительно помяла, и потому еще, что и въ ея душѣ, какъ она ни была низменна, все же таилась искра Божія. И, о чудо! На глазахъ у нея показались двѣ слезинки и такъ ярко сверкнули на солнцѣ, что даже Оединька ихъ замѣтилъ, хотя и былъ весь увлеченъ своимъ краснорѣчіемъ.

— Не плачь, Анютка, не плачь,—заговорилъ онъ съ прежнею страстностью:—ты увидишь, какъ все скоро измѣнится: послѣдніе будутъ первыми, первые послѣдними. Настанутъ хорошія времена; засіяетъ заря новой жизни; я ее уже вижу, давно вижу; я ее уже видѣлъ тогда, когда былъ одинъ, когда бредилъ, когда строилъ воздушные замки. А теперь?.. Теперь я уже не одинъ; теперь насъ много, очень много. Еще одно усиліе, и цѣль будетъ достигнута. И какая цѣль! Не плачь, Анютка, не плачь и нашему горю настаетъ конецъ...

Долго еще говорилъ Оединька, утѣшая Анютку, суля ей рай на землѣ. Онъ глубоко вѣрилъ въ осуществленіе этого земного рая, вѣрилъ и въ то, что теперь онъ не бредитъ, не строитъ воздушныхъ замковъ.

Анютка не вѣрила, да и вѣрить ей было трудно, потому что она не понимала, о чемъ собственно ей говорятъ. Могъ ли Оединька сдѣлать людей добрыми, искоренить въ нихъ тѣ чувства, которыя заставляютъ ихъ клясться другому въ любви и затѣмъ ради потѣхи выбрасывать его въ осеннюю стужу изъ лодки въ воду? Оединька могъ мечтать объ этомъ, Анюткѣ подобныя мечты казались нелѣпыми. Но, тѣмъ не менѣе, ей хорошо было слушать Оединьку: его сочувствіе къ ней не походило на ту любовь, въ которой ей клялись ея поклонники. Въ Парголовѣ она ожидала отъ Оединьки лакомствъ, и онъ обманулъ ея ожиданія. Теперь онъ давалъ ей лакомство другого рода: искреннее сочувствіе. Но не обманывалъ ли онъ ее въ тысячу разъ хуже, суля ей то, чего онъ ни въ какомъ случаѣ дать не могъ?

— Я найду къ тебѣ,—сказалъ Оединька въ заключеніе:—и мы потолкуемъ еще. Ты увидишь, какъ близка уже помощь...

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно отвѣтила Анютка:—ужь лучше я къ вамъ найду. Около меня тамъ всякіе люди... Я сама найду къ вамъ...

Ее покорило при мысли, что Оединька увидитъ, какъ она живеть.

— Ну, и прекрасно,—согласился Өединька, въ душѣ радуясь, что Анютка проявляетъ такое тонкое пониманіе обстоятельствъ: среди постороннихъ людей дѣйствительно неудобно было говорить о томъ, о чемъ онъ хотѣлъ бесѣдовать съ Анюткой.

Онъ далъ ей свой адресъ, и они разстались.

ХІІ.

Съ тѣхъ поръ Анютка иногда заглядывала къ Малюткинымъ. Трудно было сказать, зачѣмъ она собственно приходитъ. Бывало, она во время пооекъ, которымъ попрежнему предавались Өединька и его товарищи, сидитъ себѣ въ уголку съ какимъ нибудь шитьемъ или такъ, сложивъ руки на колѣняхъ, и слушаетъ. Что происходило тогда въ ея изящной головкѣ? Надѣялась ли она, всетаки, на возможность иной, лучшей жизни? Во всякомъ случаѣ она являлась въ домъ Малюткиныхъ не въ нарядномъ, а въ скромномъ платьѣцѣ, отбрасывала всѣ замашки и ухватки, которыми прельщала въ другихъ мѣстахъ молодежь, и вела себя чинно, какъ бы желая оставаться въ тѣни и только присоединиться къ ихъ жизни, чувствамъ, взглядамъ, понятіямъ. Можетъ быть, ей было пріятно, что у Малюткиныхъ съ нею обращались просто, не требуя отъ нея ничего и ничего ей не давая: она тутъ была, какъ равная съ равными, принимала участіе въ какомъ-то общемъ дѣлѣ, соединявшемъ всѣхъ. Что изъ всего этого выйдетъ, она не понимала, да и понять не могла: не ея ума было это дѣло. Но ей нравилось уже то, что она не видитъ этихъ плотоядныхъ взглядовъ, что избалована отъ ласкъ, смѣнявшихся полнымъ пренебреженіемъ, словомъ, отъ всего, что ее томило, унижало, мучило въ той, другой жизни, которую она привыкла вести.

Душевное ея настроеніе выразилось очень рельефно въ слѣдующемъ фактѣ. Но тутъ приходится до нѣкоторой степени разочаровать читателя относительно героя этой были. Нѣтъ, Өединька не весь былъ сотканъ изъ самопожертвованія, любви къ ближнему, преданности дѣлу; и онъ былъ человекъ, и ему все человѣческое не было чуждо. Близость хорошенькой Анютки, ея¹ лукавые глазки и другія женскія прелести пробудили въ немъ нѣжныя чувства. Любилъ ли онъ? Не рѣшаемся отвѣтить на этотъ естественный вопросъ утвердительно, но несомнѣнно, когда однажды они остались въ комнатѣ наединѣ, когда темный абажуръ точно такой, какой красовался на лампѣ въ памятный вечеръ перваго Өединькина подвига, распространялъ таинственный полумракъ, когда онъ, сидя съ Анюткой въ отдаленномъ углу комнаты рядышкомъ на одномъ диванчикѣ, сокрушался о горькой участи всѣхъ обездоленныхъ вообще и Анютки въ частности, онъ не вытерпѣлъ и, подчиняясь

невольному влеченію, взялъ ее за руку, хотѣлъ привлечь ее къ себѣ и напечатлѣть на ея хорошенькихъ губкахъ первый поцѣлуй, дарованный женщиноѣ. Оединька сильно увлекся, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни забылъ обо всѣхъ несчастныхъ и всецѣло предался болѣе низменному чувству. Онъ такъ увлекся, что, можно сказать безъ преувеличенія и всякой поэтической вольности, забылъ весь міръ: голова у него горѣла, дыханіе ускорилося, рука дрожала, и взглядъ нисколько не былъ устремленъ вдаль, а всецѣло сосредоточился на Анюткѣ, ища отвѣта на внезапно охватившій его вопросъ.

Ахъ, Оединька, зачѣмъ ты поддался этому чувству, зачѣмъ ты измѣнилъ себѣ единственный разъ въ жизни, зачѣмъ ты разочаровалъ и читателя, привыкшаго видѣть въ тебѣ не обыкновеннаго смертнаго со всѣми его слабостями, а дѣятеля, преданнаго исключительно идеѣ, разочаровалъ и самого себя, предложивъ Анюткѣ этотъ молчаливый вопросъ? Отвѣтъ былъ ужасенъ, жестокъ, безчеловѣченъ. Когда ты, весь увлеченный страстью, наклонился надъ нею, когда съ твоихъ устъ чуть не сорвалось рѣшительное слово любви, на лицѣ Анютки изобразилось вовсе не то, чего ты ожидалъ, а нѣчто, какъ бы окатившее тебя холодной водою. Какимъ словомъ точнѣе обозначить выраженіе ея лица? Это было обманутое ожиданіе, испугъ, чувство отвращенія, скука или все вмѣстѣ взятое. Анютка безсердечно отстранила твою руку и произнесла роковое:

— Ахъ, Оединька!

И затѣмъ она продолжала:

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? Предоставьте это другимъ.

Какъ естественъ былъ въ устахъ Анютки такой отвѣтъ! О, еслибъ Оединька зналъ, какъ ей надоѣли всѣ эти плотоядные взгляды, какъ ей опротивѣли ласки, какъ она жаждала чего-то иного, и какъ онъ ее огорчилъ, обратившись къ ней съ тѣмъ, съ чѣмъ обращались къ ней другіе. Но онъ всего этого не зналъ и не понималъ: ему некогда было думать о подобныхъ мелочахъ и изучать человѣческое сердце. И къ чести нашего героя мы должны отмѣтить, что онъ, не смотря на глупое свое положеніе, не обидѣлся, а только ушелъ въ себя и, устыдившись своей слабости, еще ревностнѣе посвятилъ себя дѣлу.

Къ тому же случился еще другой фактъ, совершенно измѣнившій судьбу если не самого Оединьки, то птенчика. Вѣчныя собранія и попойки, происходившія въ квартирѣ Малюткиныхъ, обратили на себя вниманіе кого слѣдуетъ, и о нихъ было донесено отставному администратору. Вслѣдствіе этого, онъ сталъ относиться не совсѣмъ дружелюбно къ птенчику. Впрочемъ, можетъ быть, дѣло обошлось бы благополучно, еслибъ не случайное спѣшеніе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Отставной администраторъ

рѣшилъ сдѣлать птенчику внушеніе и разъ навсегда прекратить эти сборища, ставившія его въ крайне неловкое положеніе. Онъ воспользовался для этого первымъ удобнымъ случаемъ и, встрѣтившись въ корридорѣ съ птенчикомъ, тотчасъ же приступилъ къ своему внушенію. Какъ на грѣхъ, однако, случилось, что именно въ этотъ моментъ появился въ корридорѣ и Фединька, возвращавшійся изъ сената домой. Онъ не разобралъ хорошенько, въ чемъ дѣло, слышалъ только, что отставной администраторъ говоритъ съ матерью въ рѣзкомъ тонѣ, ставить ей что-то на видъ, что у него срываются съ устъ слова: «такъ нельзя», «не пивная же у меня въ домѣ», «дѣло дошло до вмѣшательства полиціи» и проч. Услышавъ все это, Фединька почувствовалъ, какъ кровь бросается ему въ голову, какъ спираетъ у него дыханіе отъ внутренняго волненія, отъ обиды, нанесенной матери. А тутъ администраторъ, какъ на зло, замѣтилъ самого Фединьку въ его небрежномъ костюмѣ, съ измятой шляпой на головѣ, съ злобнымъ выраженіемъ лица.

— Взгляните на своего сына,—крикнулъ онъ:—на что онъ похожъ? Настоящій нигилистъ: оборванный, растрепанный, не можетъ даже поклониться, снять шляпу, когда входитъ въ домъ и встрѣчается со старшими...

Эти слова окончательнo взорвали Фединьку. Онъ имѣлъ передъ собою типичнаго представителя того класса людей, которыхъ онъ ненавидѣлъ до глубины души, которыхъ онъ попреимуществу называлъ эксплуататорами. Давно уже душа его рвалась излиться на комъ нибудь изъ нихъ всю злобу, накипѣвшую у него въ груди. А тутъ вдобавокъ одинъ изъ этихъ ненавистныхъ людей позволяетъ себѣ, пользуясь матеріальною необезпеченностью и подчиненнымъ положеніемъ матери, наносить ей незаслуженныя оскорбленія. Этого было слишкомъ достаточно, этого было слишкомъ много. Не помня себя отъ озлобленія, Фединька ринулся въ бой съ тою же отвагою, съ какою онъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ набросился на городского.

— Какъ вы смѣете оскорблять мою мать!—прошипѣлъ онъ въ изступленіи.—Благородства ожидать отъ васъ было бы смѣшно. Что вамъ за дѣло до того, что передъ вами женщина, что ея положеніе не позволяетъ дать вамъ надлежащій отпоръ? Вы всю свою жизнь только и дѣлали, что давили, унижали, оскорбляли слабыхъ. Но знайте же, что и на васъ есть расправа, что вамъ не удастся вѣчно торжествовать, что вы будете смяты, уничтожены, стерты съ лица земли. Довольно вы тѣшились надъ нами, говорю вамъ, довольно...

Взрывъ этотъ послѣдовалъ такъ внезапно, натискъ былъ такъ стремителенъ и неожиданъ, что администраторъ на минуту опѣшилъ. А Фединька все сильнѣе напиралъ на него. Онъ стоялъ

передъ нимъ съ сжатыми кулаками, блѣдный, какъ мертвецъ, дыша съ трудомъ и обдавая его потокомъ словъ, произносимыхъ хриплымъ, бѣшеннымъ шепотомъ. Испуганный птенчикъ старался успокоить Оединьку, дергалъ его за рукавъ, повторяя съ мольбою: «Что ты дѣлаешь, Оединька? Перестань, ради Бога, перестань!» Но Оединька ничего не слышалъ, не видѣлъ, не чувствовалъ. Онъ продолжалъ донимать администратора, забрасывать его обвиненіями, оскорбленіями. Въ своемъ гнѣвѣ онъ былъ величественъ, и жаль, что мощная кисть художника не увѣковѣчила его въ этомъ видѣ для потомства. Со шляпою на затылкѣ, въ потертомъ пальто, онъ выпрямился во весь свой длинный ростъ. Спина его уже не изображала букву С, онъ не олицетворялъ собою страданія,—нѣтъ, все въ немъ свидѣтельствовало, что и въ больномъ, изнуренномъ тѣлѣ живетъ иногда сильный духъ. Да, много силы было въ тщедушномъ тѣлѣ длинновязаго Оединьки. Къ сожалѣнію, онъ боролся съ вѣтранными мельницами, и силы его разбивались о разныя препятствія, какъ онъ расшибъ себѣ больную грудь о шашку родового...

Администраторъ скоро успокоился, насмѣшливо поглядѣлъ на Оединьку и, проговоривъ: «*Mais c'est un fou furieux*», исчезъ въ первой попавшейся двери.

Его резолюція послѣдовала немедленно. Гласила она, что, такъ какъ матери, конечно, неудобно разставаться съ сыномъ, а сынъ въ домѣ болѣе терпимъ быть не можетъ, то ихъ просить, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, удалиться, куда имъ будетъ угодно, сдавъ предварительно хозяйскія вещи въ полной исправности.

Это былъ для птенчика жестокой ударъ: сбереженій не было почти никакихъ, жалованье Оединька получалъ ничтожное, такимъ образомъ они сразу оказывались въ полной нуждѣ. Но птенчикъ не упрекалъ свое дѣтище, да и упрекать было трудно: слишкомъ сильна была любовь матери къ нему, слишкомъ ясно сказывались въ его поступкѣ результаты вліянія родителей, слишкомъ чисты были мотивы, руководившіе имъ. Птенчикъ только два раза вздохнулъ тяжело, безнадежно: «Ахъ, Оединька, Оединька!» и больше къ этому вопросу не возвращался.

Теперь надо было пріискать новую квартирку, подумать о новомъ заработкѣ, хлопотать о новомъ мѣстѣ. Новаго мѣста на первыхъ порахъ не нашлось. Со времени смерти Малюткина и то незначительное число знакомыхъ, которые у нея были, какъ-то незамѣтно, постепенно разсѣялись. Въ этомъ она сама была виновата; не могла она равнодушно видѣть, когда ктонибудь въ жизни устраивался сносно. Ей тотчасъ же казалось, что это достигнуто нечистыми средствами. А между тѣмъ все устраивалось довольно сносно, то-есть нисколько не отрекаясь на словахъ отъ самыхъ «передовыхъ» взглядовъ и понятій, на дѣлѣ умѣли ихъ

примирять съ практическими требованіями жизни. Кто знаетъ, быть можетъ, птенчикъ не совсѣмъ ошибался, предполагая въ своихъ знакомыхъ скрытыхъ «эксплоататоровъ», носившихъ только личину «передовыхъ людей»?...

Но какъ бы то ни было знакомыхъ у нея почти не было, покровителей также; тѣмъ труднѣе ей было подыскать себѣ новое мѣсто. А на нее обрушился новый ударъ. Только что квартирка была найдена, только что птенчикъ успѣлъ въ ней устроиться, продавъ половину своего имущества по недостатку средствъ и мѣста, какъ Ѳединька, вернувшись въ одинъ злосчастный день изъ сената, сообщилъ матери, что его уволили, что ему дана чистая отставка...

— Почему?— успѣлъ только спросить птенчикъ и въ какомъ-то тупомъ отчаяніи, точно подкошенный, опустился на ближайшій стулъ.

Почему? Все потому же, потому что честныхъ людей нигдѣ не терпятъ, потому что «эксплоататоры» признали его неблагонамѣреннымъ. Должно быть, исторія съ отставнымъ администраторомъ дошла до свѣдѣнія начальства, можетъ быть, оно узнало о томъ, что Ѳединька поддерживаетъ сношенія съ подозрительными личностями. Но что объ этомъ говорить? Вопросъ рѣшенъ безповоротно, и, кажется, вообще нельзя будетъ поступить на государственную службу...

Такимъ образомъ птенчикъ оказался лишеннымъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ домѣ оставалось нѣсколько десятковъ рублей да бѣдная обстановка, которую, вѣроятно, придется распродать постепенно, чтобы кормиться, платить за квартиру. Настали тяжелые дни. Но птенчикъ не опускалъ рукъ. Откуда-то взялись заказы изъ магазиновъ, и птенчикъ энергично принялся за шитье, корпя надъ нимъ день и ночь. Эта энергія была тѣмъ болѣе изумительна, что положеніе было въ сущности безнадежно: вырученныя деньги равнялись грошамъ, и ихъ еле хватало на прокормленіе, а хлопоты о новомъ мѣстѣ ни къ чему не приводили. Помочь дѣлу могъ бы самъ Ѳединька, подыскавъ себѣ уроки или какія нибудь другія занятія. Но не этимъ былъ занятъ его умъ. Чѣмъ сильнѣе оказывались удары судьбы, тѣмъ болѣе онъ укрѣплялся въ своей мысли, что вотъ-вотъ послѣдуетъ рѣшительное событіе, которое все сразу измѣнитъ, тѣмъ энергичнѣе онъ принималъ участіе въ подготовленіи этого событія, тѣмъ чаще онъ гдѣ-то пропадалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ. На всѣ разспросы птенчика онъ отвѣчалъ уклончиво, или прямо говорилъ, что онъ отвѣтить не можетъ, что это такое дѣло, которое нельзя раскрыть даже родной матери, что онъ клялся сохранить все въ тайнѣ. Въ то же время онъ утѣшалъ птенчика, сулилъ ему скорое избавленіе отъ всѣхъ невзгодъ, или толковалъ о томъ, что въ такомъ святомъ дѣлѣ несчастія, постигающія отдѣльнаго человѣка, ничего не зна-

чать, что надо умѣть жертвовать собою для общаго блага. Этотъ мотивъ преобладалъ во всѣхъ его рѣчахъ. Слушая его, опытный человѣкъ вынесъ бы тотчасъ убѣжденіе, что Оединька на что-то окончательно рѣшился, и что онъ не отступитъ ни передъ чѣмъ. Онъ могъ утѣшать, говорить то или другое, но для него жребій былъ брошенъ рѣшительно, безповоротно. Вещественнымъ доказательствомъ его дѣятельности были «прокламаціи», которыя онъ приносилъ домой чуть ли не съ типографскаго станка, уносилъ потомъ куда-то, а единственный оставленный дома экземпляръ спѣшилъ уничтожить тотчасъ послѣ прочтенія его птенчику, иногда и Анюткѣ, не перестававшей заходить къ Малюткинымъ.

По мѣрѣ того, какъ невзгоды обрушивались на птенчика и Оединьку, Анютка проявляла имъ все больше сочувствія. Сама она въ жизни получила столько шлепковъ и колотушекъ и отъ отца, и отъ мадамы, и отъ судьбы, что, должно быть, ей тяжело было видѣть, какъ судьба преслѣдуетъ другихъ. Придетъ, бывало, подсядетъ къ птенчику и помогаетъ ему шить на магазинъ. Мало того, она откуда-то добывала болѣе выгодные заказы, а разъ какъ-то прямо обратилась къ Оединькѣ съ предложеніемъ занять у нея денегъ.

— Развѣ есть лишнія? — спросилъ тотъ лаконически и согласился взять, чтобы помочь матери. Задумался ли онъ надъ вопросомъ, какія это были деньги? Вѣроятно, нѣтъ. Оединька былъ слишкомъ поглощенъ своими будущими подвигами, чтобы останавливаться на такомъ мелкомъ вопросѣ. Развѣ не все равно, какъ пробиться? Вѣдь все это временное, настоящая жизнь впереди если не для него, то для всѣхъ несчастныхъ...

XIII.

«Безконечна же эта пустыня!» — уже нѣсколько разъ подрядъ повторялъ Оединька, поминутно спотыкаясь о выгорѣвшіе, обугленные пни, пошатываясь изъ стороны въ сторону, словно пьяный, и не видя сквозь густо моросившій дождь конца выжженнымъ лѣснымъ пространствамъ. Дѣйствительно безконечна была эта пустыня. Ничего въ ней не росло, кромѣ пучковъ бурой травы; кое-гдѣ только, какъ бы отдаленное воспоминаніе о бывшей когда-то богатой растительности, зеленѣла кустообразная березка, надъ которой возвышался, точно бѣлый шестъ, наполовину сломанный стволъ. Вездѣ, вездѣ одни только сухія сучья, обугленные пни, да въ отдаленіи то тамъ, то здѣсь вдругъ приподнималось срубленное, но забытое и полусгнившее уже дерево, стоявшее на своихъ длинныхъ сучьяхъ, словно гигантскій паукъ, остановившійся въ недоумѣніи при видѣ нежданнаго посѣтителя. Вечерѣло, надвигались сумерки. Все было сѣро, даже уцѣлѣвшая скудная листва уже

утрачивала свой зеленый цвѣтъ. Еще немного, и надъ этою безотрадною пустынею нависнетъ ночь; страшно въ ней уже теперь, что же будетъ, когда въ темнотѣ начнешь поминутно спотыкаться, падать? Можетъ быть, одинъ изъ этихъ громаднѣхъ пауковъ тебя догонитъ и схватитъ своими огромными лапами...

Өединька прибавилъ шагу, но ноги ему плохо повиновались: онъ слишкомъ усталъ. Всю прошлую ночь ему не удалось ни на мигъ сомкнуть глазъ. Птенчикъ настоялъ, чтобы онъ куда нибудь уѣхалъ, потому что оставаться дома ему было небезопасно. То и дѣло его товарищи исчезали: былъ человѣкъ еще два часа тому назадъ, смотришь—его ужъ нѣтъ. Онъ обратился къ одному знакомому семейству; приняли любезно, съ изысканною вѣжливостью, но видишь, что они ждутъ не дождутся, когда уйдешь. «Очень были бы рады, но, знаете, теперь не такія времена: у насъ дѣти, на кого мы ихъ оставимъ? Надо побережь себя». Приходилось искать пристанища гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Хорошо еще, что у него былъ подложный паспортъ, выданный на имя какого-то Ивана Тимоѣевича Өерапонтова. Только благодаря этому паспорту, одинъ сердобольный человѣкъ согласился его пріютить на ночь, попросивъ его, однакожъ, уйти утромъ пораньше. Но, и улегшись, онъ не могъ заснуть. Ужасная картина не выходила у него изъ головы. Онъ въ толпѣ присутствовалъ при казни: эти блѣдныя лица товарищей не выходили у него изъ головы; вотъ надѣли на нихъ мѣшки, вотъ петли надѣты, еще мигъ—и ихъ задушатъ. Онъ хотѣлъ крикнуть: «пощады!»—но только стонъ вырвался у него изъ груди, да холодный потъ выступилъ на лбу. Онъ не могъ долѣе присутствовать при этомъ зрѣлищѣ, онъ сперва закрылъ глаза, а потомъ не вытерпѣлъ, убѣжалъ, расталкивая толпу. И казалось ему, что за нимъ кричатъ: «держите, держите его: онъ хуже повѣшенныхъ, онъ видѣлъ, какъ ихъ вѣшали, и отрекся отъ нихъ»...

Вспоминая все это, Өединька срывался съ постели и начиналъ шагать по комнатѣ. Когда же кончится эта длинная ночь безъ сна, съ ужасными воспоминаніями, отъ которыхъ его поминутно бросаетъ въ холодный потъ? Она наконецъ прошла; но куда ему идти? Возвратиться домой? Его могли тотчасъ схватить. Бѣжать изъ Петербурга? Да, бѣжать самое лучшее.

Онъ получилъ нѣсколько десятковъ рублей на дорогу; добраться только до Пскова—тамъ его укроютъ, тамъ—его друзья. Паспортъ также есть: можно будетъ какъ нибудь пробраться за границу. Все это представлялось Өединькѣ смутно; но, главное, ему хотѣлось бѣжать, какъ человѣку, чувствующему за собою опасность и считающему, что ему удастся спастись бѣгствомъ, хотя впереди онъ могъ натолкнуться на новыя и, быть можетъ, болѣе значительныя опасности.

Уже рано утромъ онъ былъ на вокзалѣ Варшавской желѣзной дороги и съ первымъ поѣздомъ уѣхалъ изъ Петербурга, увѣдомивъ птенчика письмомъ о своемъ отъѣздѣ. Все шло пока благополучно. Ему удалось прошмыгнуть въ залу I и II класса, онъ послалъ сторожа за билетомъ, чтобы не попасться на глаза жандарму, и, сливаясь съ толпою другихъ пассажировъ, проскользнулъ въ вагонъ. Наконецъ поѣздъ тронулся, и Оединька вздохнулъ свободнѣе. Онъ сидѣлъ въ вагонѣ неподвижно: осенніе ландшафты мелькали передъ нимъ въ окнѣ; возлѣ него, навалившись на мѣшокъ, храпѣлъ мужикъ, сзади перешептывались о чемъ-то таинственномъ два индивида неопредѣленнаго званія: не то мужики, не то сидѣльцы или приказчики. Но Оединька не обращалъ вниманія ни на ландшафты, ни на пассажировъ. О чемъ онъ думалъ? Мысль его ни на чемъ опредѣленномъ не сосредоточивалась; повременамъ онъ видѣлъ страшныя картины: блѣдныя лица товарищей, роковую петлю, то ему вдругъ мерещится, что его самого ведутъ на смерть, что еще одинъ мигъ, и его не станетъ, и онъ старался представить себѣ, что онъ будетъ чувствовать въ эту минуту, но воображеніе ему измѣняло, и онъ говорилъ себѣ: вѣдь всего нѣсколько минутъ страданія, а потомъ конецъ, вѣчное успокоеніе; кончатся эти страхи, больно сжимающіе сердце, и этотъ мучительный кашель, то-и-дѣло надрывающій его больную грудь. Жилецъ ли онъ на бѣломъ свѣтѣ? Нѣтъ; слишкомъ онъ слабъ, слишкомъ у него повременамъ болитъ бокъ. Но, пока надо дѣло дѣлать; если кому погибать, то именно ему, приговоренному самою природою къ смерти...

Такъ онъ сидѣлъ неподвижно! спать онъ не могъ. Это томленіе становилось все невыносимѣе, хоть бы на часокъ успокоиться. Онъ зналъ, что водка его успокаиваетъ, и рѣшился выйти изъ вагона на ближайшей станціи и выпить рюмку-другую. Но опять страхъ въ немъ заговорилъ: могутъ замѣтить... Нѣтъ, лучше потерплю еще. Такъ миновало еще нѣсколько станцій. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ, вышелъ изъ вагона на болѣе людной станціи и, опять смѣшиваясь съ толпою, началъ озираться, гдѣ буфетъ. Надписи нигдѣ не было видно, но онъ путешествовалъ въ первый разъ въ жизни и подумалъ, что не вездѣ бываютъ надписи. Онъ вошелъ въ первую попавшуюся дверь вмѣстѣ съ другими пассажирами. Вдругъ сбоку оказался жандармъ. Тотъ пристально взглянулъ на него и вслѣдъ затѣмъ направился къ другой двери, на которой красовалась надпись: «Телеграфъ». Замѣтилъ,—подумалъ Оединька:—дастъ знать въ Петербургъ, и меня арестуютъ, можетъ быть, уже на слѣдующей станціи. Онъ принялъ быстрое рѣшеніе и вмѣсто того, чтобы выпить водки и вернуться въ вагонъ, вошелъ въ пассажирскую комнату и вышелъ съ противоположной стороны. Тутъ толпилось нѣсколько крестьянъ-извозчиковъ, торговавшихся съ сѣдоками или укладывавшихъ ихъ вещи въ свои таратайки. Его

никто не останавливался; извозчики поджидали, очевидно, только знакомыхъ сѣдоковъ. По правую руку онъ замѣтилъ деревянное строеніе съ надписью: «буфетъ», но онъ о водкѣ уже не думалъ. Ему хотѣлось только уйти, скрыться отъ испытующаго ока жандарма. А что дальше? Объ этомъ онъ себя пока не спрашивалъ. Избѣжать ближайшей опасности было единственною его заботою. Онъ миновалъ еще нѣсколько строеній; кое-гдѣ встрѣчались люди, но всѣ были заняты своимъ дѣломъ и не обращали на него вниманія. Наконецъ онъ выбрался на просторъ; потянулся рѣдкій лѣсокъ; затѣмъ онъ миновалъ мостикъ и прошелъ черезъ какую-то деревню, пустынную, словно всѣ жители вымерли, только у колодца онъ увидѣлъ бабу, отмывавшую ведро и такъ занятую своимъ дѣломъ, что она даже не повернулась, чтобы взглянуть на него, да изъ одной избы донесся до него крикъ ребенка, ноющій, жалобный...

Онъ долго шелъ по шоссе, отмахалъ, самъ не зная какъ, верстъ семь, восемь, можетъ быть, и больше. Тутъ только ему пришло на умъ, что, если за нимъ будетъ погоня, то непременно по шоссе. Можетъ быть, баба у колодца или кто нибудь изъ окна его, все-таки, да замѣтилъ. Онъ свернулъ въ сторону, прошелъ вдоль опушки тощаго лѣса, потомъ попалъ въ болото, еле выбрался изъ него, попалъ опять въ какой-то лѣсокъ, нѣсколько разъ отдыхалъ, но внутреннее безпокойство побуждало его срывать съ мѣста и идти все впередъ. Куда? Онъ самъ не могъ отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ. Доберусь до какой нибудь деревушки, переночую тамъ, а потомъ какъ нибудь на подводѣ доѣду до Пскова. И онъ снова принимался шагать. Онъ забылъ, что весь день ничего не ѣлъ; голодъ его не мучилъ, ощущалъ онъ только ѣдкую горечь во рту и временамъ срывалъ бруснику, чтобы заглушить это ощущеніе. Какая безвкусная, мучнистая, — думалъ онъ, принимая толокнянку за бруснику. День стоялъ пасмурный, холодный, постепенно начало моросить все сильнѣе, холодная сырость распространялась въ воздухъ, проникала всюду, а деревушки все еще не было видно. Единька былъ отчасти этимъ доволенъ. Забрался я въ ужасную глушь, — думалось ему, — здѣсь никакой полиціи нѣтъ. Переночую, а завтра найму подводу и укачу...

И онъ опять шелъ впередъ или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что идетъ впередъ, на самомъ же дѣлѣ больше топтался на одномъ мѣстѣ. Такъ проблуждалъ онъ нѣсколько часовъ. Наконецъ онъ попалъ въ эту огромную пустыню и теперь самъ не зналъ, какъ изъ нея выбраться. А выбраться пора! Мракъ сгущается. Уже не моросить, а давно идетъ настоящій дождь, платье его насквозь промокло. Сверху надвигалась тѣма, словно небо и земля сливались, въ воздухъ также мокро, какъ и на землѣ; нигдѣ нѣтъ сухаго мѣста, нигдѣ нѣтъ просвѣта, а ноги положительно отказы-

ваются повиноваться. Вотъ еще нѣсколько шаговъ, и Оединька валится, какъ скошенный снопъ, на землю: «полежать, отлежаться, а затѣмъ опять зашагаю»...

Но онъ долго не вставалъ. Раньше онъ никакъ не могъ рѣшиться лечь на мокрую землю, а теперь промокъ до костей, и прикосновеніе влажнаго его ужъ не смущало. А когда онъ легъ, ему было хорошо: ходьба его на столько разогрѣла, что онъ холода не чувствовалъ, а утомленъ онъ былъ до невѣроятности. Незамѣтно для него самого онъ сталъ дремать. Иногда только онъ приходилъ въ себя, вставалъ, опять принимался шагать, озирался — вокругъ мракъ, прислушивался—нигдѣ ни звука, все какъ бы замерло, все какъ бы обезсилѣло подъ этою мокрою тьмою... Обезсилѣлъ окончательно и Оединька.

Вдругъ надъ нимъ что-то фыркнуло, шарахнулось въ сторону, и онъ въ испугѣ вскочилъ. Долго онъ не могъ сообразить, что это такое? Одинъ изъ гигантскихъ пауковъ, какойнибудь лѣсной звѣрь, волкъ что ли? Стало опять какъ будто свѣтлѣе. Съ просонья онъ началъ различать, что въ сторонѣ отъ него стоитъ лошадь въ упряжи. Кто-то его окликнулъ.

Это былъ Трофимъ изъ Заозерья, ѣхавшій ранехонько утромъ за дровами въ дальній лѣсокъ. Около самой деревни все давно уже было вырублено: мужички объ этомъ позаботились. Теперь приходилось и себя, и лошадку утруждать, ѣздить за семь верстъ добывать дровецъ тамъ, гдѣ они плохо лежали. Если Оединька испугался, то Трофимъ съ своей стороны несказанно удивился, встрѣтивъ въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ живую душу. Лихому чловѣку тутъ рѣшительно нечего было дѣлать, дачники, жившіе на мызѣ въ трехъ верстахъ, давно разѣхались. Кто бы это могъ быть,—спрашивалъ себя Трофимъ, замѣтивъ, что какая-то длинная фигура выскочила у него изъ-подъ самой лошади, и въ испугѣ остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Откуда тебя, милаго чловѣка, занесло сюда? — окликнулъ онъ Оединьку.

Тотъ вздохнулъ свободнѣе. Значить, не хищный звѣрь и не полиція, а мужичекъ, одинъ изъ многомилліонной массы обездоленныхъ, съ которою Оединьку связывали такія пламенные симпатіи.

— Заблудился,—отвѣтилъ Оединька.

— Заблудился? — переспросилъ Трофимъ со всѣми признаками явнаго недовѣрія.— Оно конечно,—протянулъ онъ затѣмъ.

— А куда ты шель? — продолжалъ онъ допросъ, подходя къ занимавшему его вопросу съ другой стороны.

— Во Псковъ,—бухнулъ Оединька, не отдавая себѣ отчета въ несообразности такого отвѣта.

— Значить, денегъ на машину нѣтъ,—пояснилъ себѣ Трофимъ вслухъ.— А почему ты свернулъ съ шоссе?

— Такъ, хотѣлось мѣстность посмотреть, — продолжалъ отвѣчать Оединька.

Но Трофимъ начиналъ его раздражать; онъ его допрашивалъ, словно жандармъ...

— Мѣста посмотреть? — снова переспросилъ Трофимъ съ прежнимъ недоувѣремъ. — Посмотрѣть ночью-то? — протянулъ онъ. — Мѣста здѣсь неважныя, охъ, неважныя! — пояснилъ онъ съ видомъ человѣка, хорошо съ ними знакомаго.

— Не довезете ли меня до деревни, а оттуда я какъ нибудь доберусь до Пскова.

— До деревни? Отчего-жь, можно и до деревни. Только оно не по пути, лучше бы до шоссе.

— Да вѣдь обогрѣться нужно, съѣсть чего нибудь...

— Оно конечно...

Трофимъ, стоя у своей телѣжки, изъ которой онъ уже давно выльвзъ, что-то раздумывалъ. Мѣщанинъ, должно быть, какой! Денегъ на машину нѣтъ, значить, толку отъ него мало, а все же за харчи заплатить.

— Только вотъ что, милый человѣкъ, я тутотко дровецъ захвачу, а потомъ духомъ въ деревню прикатимъ.

— Недолго?

— Зачѣмъ долго? Съ версту будетъ за дровами-то, да назадъ въ деревню версть семь, къ обѣду поспѣемъ, Ирина накормить...

— Хорошо, поѣдемъ, — согласился Оединька, въ душѣ содрогаясь, что ему еще долго придется ѣхать по этой пустынѣ, все еще покрытой сѣрой, мокрой мглою, пронизывавшей его до мозга костей. Онъ такъ продрогъ, что зубъ на зубъ не приходился. Трофимъ самъ сѣлъ въ телѣжку, пригласилъ и его сѣсть, но онъ предпочелъ, не смотря на всю свою усталость, плестись пѣшкомъ. Мѣстность казалась ему теперь еще болѣе унылою и безотрадною, чѣмъ вчера. Вездѣ одни обгорѣлые пни, песокъ, да пучки бурой травы; все было вырублено, выжжено, уничтожено, точно послѣ нашествія какихъ-то вандаловъ. Вдали Оединька примѣтилъ довольно высокій холмъ, на которомъ уцѣлѣли три сосны. Онѣ выглядели одиноко, безъ сучьевъ, съ засохшими вершинами... Настоящая Голгова, — подумалъ Оединька.

— Чья это земля? — спросилъ онъ Трофима.

— Которая?

— Да вотъ эта, — отвѣтилъ Оединька, обводя рукою окружающую его пустыню.

— Генерала Плѣшкова будетъ.

— Генерала Плѣшкова? — переспросилъ Оединька, подумавъ на мигъ, что Трофимъ надъ нимъ подсмѣивается, прибравъ наиболѣе подходящую фамилію для владѣльца этой пустынной мѣстности. Но на лицѣ Трофима не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Онъ сидѣлъ

въ своей телѣжкѣ и какъ бы испытующимъ окомъ оцѣнивалъ окружающую ихъ пустыню.

— Да, мѣста у насъ не важныя, — продолжалъ онъ. — Было тутъ у насъ раздолье, недавно было, а теперь ты хоть плюнь. За дровами тащиться надо семь верстъ. Подумай, милый человѣкъ, семь верстъ. Ягодъ не видать; только клюква по болотамъ растетъ, бѣлый грибокъ совсѣмъ вывелся, сыроѣшка и та произрастать уже не хочетъ... Охъ, милый, скота пасти негдѣ, слышь, скота негдѣ пасти. Спасибо еще генералу-то: вотъ пожни ему скосимъ, такъ онъ намъ дозволяетъ скотъ пасти, а то и скоту нашему негдѣ было бы ходить...

— «Вотъ онъ эксплуататоръ здѣшнихъ мѣстъ, — подумалъ Оединька: — не даромъ генераль»...

— А что онъ своихъ мѣстъ-то не бережетъ? — спросилъ онъ Трофима.

— Мѣстъ-то своихъ? — переспросилъ Трофимъ, у котораго очевидно была уже такая манера переспрашивать, чтобы тѣмъ временемъ лучше обдумать отвѣтъ. — Его мѣста далеко отсюда, верстъ за двѣнадцать; тамъ у него мыза, значить, арендаторъ. А здѣшній лѣсъ онъ, значить, продалъ на срубъ, — вотъ и получились такія мѣста...

— И ему не жаль?

— Жаль? Чего? Лѣсу-то? Можетъ, и жаль, не знаю. Только не охота возжаться, сторожей держать, потому что нашъ братъ-мужикъ любить чужой лѣсъ... охъ, любить!

— Васъ лѣсомъ обдѣлили?

— Лѣсомъ-то? Какъ тебѣ сказать, милый человѣкъ? Надѣла было такъ себѣ: не то что много, да и не мало. Оно конечно, народу-то прибавилось, выдѣляются, новыя избы строятъ, дровъ больше надо... Но нашихъ лѣсовъ было много, охъ, много, милый человѣкъ! Вотъ погляди: отъ этого самаго мѣста, гдѣ сосна гниетъ, — и Трофимъ указалъ кнутовищемъ на какой-то пунктъ, котораго Оединька уловить не могъ, — и туда далече, далече, гдѣ ворона-то пролетѣла, все это, милый человѣкъ, понимаешь, все нашъ лѣсъ. А деревня наша десять дворовъ. Ну, и разсуди, много ли у насъ было лѣса...

— А откуда у васъ было столько лѣсу? — удивился Оединька.

— Откуда? Да все отъ покойнаго графа, царствіе ему небесное. Какъ вышла-то эта самая воля, онъ и говорить: зачѣмъ чужимъ доставаться, покупайте вы, бывшіе мои крестьяне, отдамъ вамъ по четыре рубля за десятину, разбогачете и меня добромъ помянете. Что же, собрали задатокъ, купили по 30 десятинъ на душу, а онъ намъ еще по пяти десятинъ накиннулъ, — не въ счетъ, значить. Ну, и денегъ-то онъ прождалъ долго: чай, многіе и посеять-

часть у покойника въ долгу. Царствіе ему небесное, только лѣсу у насъ нѣтъ...

— Куда же онъ дѣвался?

— Куды? Машина сожрала: она здорово жретъ. Да и нашъ братъ мужикъ здорово водку-то лопаетъ. Генераль Плъшковъ продалъ на срубъ, а мы чѣмъ хуже? И мы продали, денежки пропили,—вотъ оно теперь и выходитъ, что за семь верстъ ѣздимъ дрова собирать... Ну, милый человѣкъ, пріѣхали... Ты мнѣ помощи возъ-то наложить, согрѣнешся, а то тебя словно лихорадка треплетъ,—весь дрожишь отъ холода...

И Трофимъ добродушно осклабился, глядя на Ѳединьку и съ видимымъ соболѣзнованіемъ покачивая головою. Дровецъ оказалось припасено подъ разными кустиками не мало.

— Это господъ Еремѣевыхъ лѣсъ: по чужимъ краямъ больше живутъ,—пояснилъ Трофимъ.—Имъ на что эти березки? Ну, а нашему брату на бѣдность годятся.

Помогая Трофиму накладывать возъ, Ѳединька убѣдился, что его дѣйствительно треплетъ лихорадка. Исправно таскалъ онъ дрова изъ указываемыхъ Трофимомъ мѣстъ, но согрѣться не могъ. Къ тому же его шатало изъ стороны въ сторону, точно пьянаго. Да и не удивительно! Вѣдь онъ въ первый разъ въ жизни провель ночь подъ открытымъ небомъ, да еще какую ночь!

Наконецъ возъ былъ наложенъ, Трофимъ его увязалъ, а Ѳединька стоялъ возлѣ воза, никакъ отдышаться не могъ отъ непривычной работы, чувствовалъ, что голова у него точно въ огнѣ, а по тѣлу такъ и проходитъ одна волна холодной дрожи за другою. Онъ попробовалъ было идти за возомъ, но ноги рѣшительно отказывались ему служить. Неужели заболѣю?—повторялъ онъ мысленно:—вотъ не кстати-то.

Предвидя, что мѣщанинъ или барчукъ—кто онъ тамъ будетъ—но дотащится пѣшкомъ до деревни, Трофимъ не вполнѣ нагрузилъ возъ, такъ что для Ѳединьки оказалось еще мѣсто назади. Сидѣть было очень неудобно, длинныя ноги его болтались и минутно задѣвали за землю или за камни, дрова словно выталкивали его при каждомъ толчкѣ, а толчки бывали иногда очень сильны; но Ѳединька крѣпился, переносилъ все это, потому что рѣшительно чувствовалъ себя не въ состояніи идти. Трофимъ же, усадивъ Ѳединьку, плелся за своею лошадедкою либо сбоку, погоняя ее, либо тащился сзади, заложивъ руки за спину и продолжая по временамъ поддерживать разговоръ.

— Вотъ еще двѣ версты проѣдемъ, а тамъ начнутся мхи: топко будетъ, лошаденкѣ трудно, да другихъ дорогъ не припасли. А ты, милый человѣкъ,—спросилъ онъ Ѳединьку какъ бы невзначай:—при должности какой нибудь находишься, мастерствомъ какимъ занимаешься, обучаешься или такъ при родителяхъ состоишь?

— При матери состою,—отвѣтилъ сконфуженно Оединька: ему вдругъ почему-то стыдно стало, что у него нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ занятій:—служилъ, да уволили. Честнымъ людямъ трудно служить.

— Оно конечно,—подтвердилъ Трофимъ:—на службѣ честному человѣку трудно: поборовъ никакихъ. То-то ихъ такъ мало на службѣ. Ищутъ, гдѣ лучше. Ну, а ты, милый человѣкъ, сыскаль, гдѣ лучше?

— Нѣтъ, не сыскаль,—отвѣтилъ Оединька нехотя.

— Значитъ, ничему другому не обученъ, не кончилъ ученія?

— Не кончилъ...

— Значитъ, во всемъ неудача: и въ ученьи, и по службѣ?

— Дѣло мое иное,—не стерпѣлъ Оединька.

— Значитъ, есть дѣло. Оно и хорошо, потому что человѣкъ безъ дѣла,—что за человѣкъ? Все равно что птица безъ крыльевъ... А какое же у тебя дѣло?

Оединька давно уже чувствовалъ, что у него начинается нестерпимая головная боль; между тѣмъ толчки все усиливались, и каждый толчекъ отдавалъ ему въ голову, точно въ нее кто-то изнутри ударяетъ молоткомъ и дробить ему черепъ. И, тѣмъ не менѣе, его приковывалъ разговоръ съ Трофимомъ, этимъ первымъ настоящимъ мужикомъ, съ которымъ онъ вступалъ въ обстоятельную бесѣду. Онъ какъ-то вдругъ съ необычайною ясностью понималъ, что между міросозерцаніемъ Трофима и его собственнымъ нѣтъ ничего общаго. А между тѣмъ ему хотѣлось, во что бы то ни стало, поговорить съ Трофимомъ по душѣ. «Надо, чтобы онъ меня понималъ,—думалось Оединькѣ,—надо, чтобы онъ на меня пересталъ смотрѣть, какъ на дармоѣда», какъ на одного изъ тѣхъ эксплуататоровъ, этихъ паразитовъ, которые внушали самому Оединькѣ такую глубокую ненависть.

— У насъ есть свое дѣло,—отвѣтилъ онъ съ гордостью.—Мы о васъ заботимся, о васъ стараемся, готовы жизнь положить, чтобы вамъ лучше жилось, чтобы вы не бѣдствовали, а богатѣли, не терпѣли всякихъ несправедливостей, не страдали, а были бы счастливы, довольны...

— Оно конечно,—ввернулъ Трофимъ, шагая за Оединькой и иногда съ любопытствомъ поглядывая на него, когда предполагалъ, что тотъ за нимъ не наблюдаетъ.—Оно конечно,—повторилъ онъ какъ бы въ раздумьи:—хорошее это дѣло. Что же, значитъ, должность такая установлена? Ты растолкуй мнѣ это, милый человѣкъ. Мы—люди темные, не знаемъ, какіе тамъ порядки устанавливаются въ Питерѣ. Только къ намъ, въ деревню, никто изъ новыхъ народныхъ радѣтелей не пріѣзжалъ. Вотъ тебя перваго встрѣтилъ въ этихъ мѣстахъ, ночью... Можетъ быть, по другимъ деревнямъ разѣзжали, но только до насъ слухи не доходили...

— Зачѣмъ намъ по деревнямъ разъѣзжать? Мы въ столицѣ о васъ заботимся.

— Оно конечно, и въ столицѣ можно. Что же это насчетъ новыхъ земель? Прирѣзка будетъ али повинности сбавятъ?

— Все подѣлимъ поровну: не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ...

— Подѣлите?—протянулъ Трофимъ.— А откуда власть возьмете? Царь вамъ предоставилъ? Оно, конечно, было бы хорошо, подѣлить-то. Только вотъ что ты мнѣ скажи, милый человѣкъ: отчего это мы лѣсъ свой прогадали, вотъ въ такія мѣста обротили? Графъ покойный, благодѣль нашъ, царствіе ему небесное, лѣсъ намъ даль почти задаромъ, анъ смотри: былъ лѣсъ, да нѣту. Вонъ мужички и надѣльную землю продать норовятъ. Вонъ помѣщики и лѣсъ, и землю продаютъ; банки тамъ у нихъ есть, а все продаютъ. Генералъ Плѣшковъ вотъ эту пустыню устроилъ, да и уѣхалъ себѣ, и мы устроили... Эхъ, милый человѣкъ, земли давай сколько хощь, а ежели нѣтъ хозяйственности, толку не будетъ. Она смотри. Видишь въ сторонкѣ, тамъ, дымокъ, али не видишь? Глаза у тебя городскіе, къ дали непривычныя. Такъ вотъ тамъ латышь у нашихъ, у крестьянъ, арендовалъ бывшую графскую землю; лѣсъ наши вырубилъ, песокъ одинъ, плюнь да и только. А онъ сѣлъ себѣ на шести десятинахъ и смотришь: благодать у него, богатѣть, и скотинушка есть, и масло развозить, продаетъ, и катки дѣлаетъ, и себя обшиваетъ не хуже портного. Поговоришь съ нимъ, не Богъ вѣсть, какъ умень, даже дуракомъ кажетъ. А хозяйственности у чорта много, куды намъ!..

Жалобно какъ-то пронесся этотъ возгласъ въ окружавшей пустынѣ. Казалось все подхватывало его: и бурые пучки травы, и торчавшіе кое-гдѣ обломанные и побѣлѣвшіе стволы, и обросшіе мхомъ камни, и обгорѣлые пни, и лошаденка Трофима, и его телѣжка, и самъ онъ всею своею фигурою, все вторило этому безнадежному возгласу: «Куды намъ!».

Не смотря на подчасъ ироническій тонъ и на мягкое добродушіе Трофима, въ его рѣчи сквозило такое глубокое убѣжденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней чувствовалась такая продуманность, какъ будто она вся: и каждымъ своимъ словомъ, и интонаціею, и жестами говорившаго, свидѣтельствовала о безконечныхъ горестныхъ думахъ среди этой пустыни, среди изувѣченной человѣческимъ неразуміемъ природы.

— Куды намъ!—повторилъ еще разъ Трофимъ.— Никто намъ не поможетъ, коли сами себѣ не поможемъ. Охъ, радѣтелей у насъ много, но сами мы о себѣ-то не радѣемъ, слышишь ли, милый человѣкъ, сами мы о себѣ-то не радѣемъ... .

Одинька никакъ не могъ взять въ толкъ, во снѣ или на яву онъ это слышитъ, такъ мало все, что говорилъ Трофимъ, соответствовало его собственнымъ представленіямъ о крестьянской долѣ.

Что же это такое?—спрашивалъ онъ себя.—Гдѣ же эксплуататоръ? Трофимъ ни на кого не жалуется: онъ обвиняетъ во всемъ самихъ крестьянъ, какъ бы подсмѣивается надъ «народными радѣтелями»... Во всякомъ случаѣ Оединька всѣми фибрами своего существа чувствовалъ, что ему съ этимъ мужикомъ не столковаться, что, если бы возгорѣлась борьба, то мужикъ этотъ отвергъ бы его и взялъ бы, можетъ быть, сторону «эксплоататоровъ». Какая-то пропасть ихъ раздѣляла, а между тѣмъ они оба, повидимому, одинаково близко принимали къ сердцу мужичью долю. Что это такое, что это такое?—спрашивалъ себя Оединька. Но голова у него уже плохо работала; она не только не работала, но даже съ трудомъ держалась на плечахъ, качалась изъ стороны въ сторону при каждомъ толчкѣ телѣжки. Оединька крѣпко ухватился руками за края телѣжки, чтобы не вывалиться и дѣлалъ неимовѣрныя усилія надъ собою, чтобы побороть стремительно охватывавшую его болѣзнь. Мысли его, однако, путались: онъ все видѣлъ, все слышалъ, по временамъ съ удивительною ясностью, но въ то же время какъ-то незамѣтно въ настоящее вривалось прошлое, или мысль, остановившись на одномъ предметѣ, вдругъ перескакивала на другой. Станные это были зигзаги. Пустыни какъ не бывало; вокругъ все зеленѣетъ и цвѣтетъ. И ѣдетъ Оединька по этому зеленѣющему, цвѣтущему царству въ сопровожденіи Трофима, но уже не прежняго Трофима, а какого-то другого, убѣленнаго сѣдиною, чиннаго, степеннаго. И говоритъ ему этотъ новый Трофимъ задушевные, хорошія рѣчи, полныя доброжелательства къ нему и ко всѣмъ людямъ. И у самого Оединьки въ сердцѣ нѣтъ другого чувства, кромѣ любви, кромѣ доброжелательства. Какъ хорошо,—думается ему:—какъ хорошо! Но вдругъ волоса у Трофима чернѣютъ, лицо искажается, онъ самъ превращается въ какое-то чудовище, махаетъ руками, и изъ рукъ его сыплются искры, вокругъ все загорается,—и не успѣлъ Оединька опомниться, какъ цвѣтущее царство превратилось въ унылую пустыню съ курганомъ по срединѣ, на которомъ одиноко возвышаются три сосны. Настоящая Голгоа, —повторяетъ онъ. А Трофимъ уже схватываетъ его своими страшными руками и тащитъ къ кургану. «Вотъ гдѣ я тебя повѣшу!—оретъ онъ:—радѣтель, хорошъ радѣтель. Сами за себя порадѣмъ, а васъ—на висѣлицу!» И Оединька въ ужасѣ вскрикиваетъ, и страшно раздается этотъ неистовый крикъ въ окружающей безмолвной пустынѣ.

— Что съ тобой, милый челевѣкъ?—слышитъ онъ опять голосъ настоящаго Трофима. Онъ открываетъ глаза и видитъ дѣйствительно, что Трофимъ попрежнему шагаетъ за телѣжкой.

— Болень ты, милый челевѣкъ,—говоритъ Трофимъ:—наяву, словно во снѣ, бредишь и кричишь. Вотъ мы уже мхами ѣдемъ и скоро будемъ въ деревнѣ.

Но Оединька снова впалъ въ какое-то странное забытѣе и только все крѣпче держался за края телѣжки, чтобы не вывалиться. Такъ онъ проѣхалъ мхами съ тощею болотною растительностью. Не видѣлъ онъ, какъ впереди, съ боку мелькнуло что-то бѣлое, увѣчанное зеленымъ куполомъ, какъ слабо блеснулъ надъ куполомъ золотой крестъ. Не замѣтилъ онъ, какъ они подъѣхали къ озеру, походившему съ обнаженными своими берегами на громадную лужу съ двумя островками посерединѣ, какъ они миновали поля, на которыхъ пасся тощій скотъ, какъ они вѣхали въ деревню съ развалившимися избами и службами, грязную, мокрую, словно ее только-что медленно подняло какою-то подземною силою изъ разстилавшагося передъ нею озера-лужи. Ничего этого Оединька уже не замѣтилъ. Онъ открывалъ по временамъ глаза, но тотчасъ же ихъ снова закрывалъ. Кажется, онъ былъ уже въ безпамятствѣ, потому что Трофиму приходилось поддерживать его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы онъ не вывалился изъ телѣжки.

— Какъ бы не нажить бѣды,—думалъ Трофимъ, поддерживая Оединьку.—Не свезти ли его прямо въ городъ? Но жаль ему стало человѣка, и онъ доставилъ его прямо къ себѣ въ избу, сдавъ на попеченіе Ирины. Они вмѣстѣ уложили Оединьку на свою кровать. Оединька опустился на нее, уже въ конецъ обезсиленный, не подавая признаковъ жизни, только изъ груди его вылетало хриплое дыханіе, свидѣтельствовавшее, что на кровати лежитъ не трупъ, а живой человѣкъ. Иначе можно было бы въ самомъ дѣлѣ подумать, что это мертвецъ: такъ блѣдно было его лицо, такъ безсильно спустилась съ кровати и повисла его длинная рука.

— Ну, я съ нимъ побуду, Трошка,—промолвила Ирина, которой Трофимъ, укладывая Оединьку, успѣлъ рассказать, какъ онъ встрѣтился съ нимъ въ лѣсу:—а ты поѣзжай доложить по начальству: оно спокойнѣе будетъ...

И Трофимъ не медля отправился на той же телѣжкѣ и на той же лошади за 15 верстъ въ городъ. Сваливъ дрова и усѣвшись въ телѣжку, онъ только вздохнулъ: «Ой, дѣла же, дѣла!».

XIV.

Много любопытства возбудилъ Оединька, много хлопотъ причинилъ онъ разнымъ лицамъ. Вся деревня подходила къ окну Трофимовой избы, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на неизвѣстнаго человѣка, вдругъ привезеннаго въ Заозерье почти мертвымъ. У окна то и дѣло появлялись бородатые лица, женскія головы въ красныхъ платкахъ, дѣтскія головки со льномъ вмѣсто волосъ,—и все это вглядывалось сквозь тусклое стекло маленькаго окна въ черты неподвижнаго Оединькина лица, толкая другъ

друга, перекидываясь въ полголоса замѣчаніями. Наконецъ всему этому народу надоѣло глазѣть на больного, и у окна только изрѣдка появлялся какойнибудь любопытный; толпилась еще иногда дѣтвора, но и она въ концѣ концовъ охладѣла къ Оединькѣ, досыта удовлетворивъ своему любопытству. Но этимъ дѣло не ограничилось: въ Заозерье начали прибывать разныя лица, рѣдко или никогда не бывавшія въ этой захолустной деревнѣ. Явились съ погоста сперва дьячокъ, потомъ попадья, наконецъ и самъ о. Петръ. Всѣ эти посѣтители вошли въ избу и даже приблизились къ постели, чтобы лучше разглядѣть больного, а о. Петръ даже пощупалъ у него пульсъ и приложилъ руку къ его головѣ, чтобы до нѣкоторой степени уяснить себѣ, чѣмъ онъ собственно боленъ. На красномъ лицѣ о. Петра промелькнуло даже нѣчто, непохожее на праздное любопытство. Онъ очень внимательно осмотрѣлъ Оединьку, шепнулъ попадѣ, что не мѣшало бы напоить его малиной, что, можетъ быть, онъ тогда вспотѣетъ, сухой жаръ прекратится, и дѣло пойдетъ на ладъ. Попадья отправилась домой, чтобы исполнить данную ей инструкцію, а о. Петръ все оставался при больномъ, продолжая съ любопытствомъ его разглядывать.

— Какой это мѣщанинъ! — обратился онъ въ полголоса къ Иринѣ: — онъ изъ образованныхъ: по всему видно...

И о. Петръ въ раздумьи вышелъ изъ избы послѣ того, какъ тщетно старался привести чѣмънибудь Оединьку въ сознаніе.

На другой день пріѣхалъ въ Заозерье жандармскій капитанъ вмѣстѣ съ докторомъ (должно быть, Трофимъ рассказалъ, что неизвѣстный челоувѣкъ сулитъ общій передѣлъ). Докторъ внимательно осмотрѣлъ Оединьку, прослушалъ его больную, тощую грудь и шепнулъ жандармскому капитану: «Положеніе опасное, температура почти 42». Въ отвѣтъ на это жандармскій капитанъ присѣлъ къ кривому столу и, вынувъ изъ портфеля листъ бумаги, чернильницу и перо, сталъ что-то усердно записывать, но въ то же время поглядывалъ на Оединьку, стараясь очевидно не пропустить ни одной изъ его примѣтъ. Съ этою цѣлью, должно быть, онъ потребовалъ и его платье, развѣшенное у печки, гдѣ оно все еще просыхало, вывернулъ всѣ карманы и вынулъ изъ одного изъ нихъ потертый, полуразорванный бумажникъ, въ которомъ онъ нашелъ паспортъ на имя мѣщанина Терапонтова и пачку кредитокъ. Продѣлавъ все это методично и записавъ все, что слѣдовало, онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ докторомъ, который на прощанье заявилъ, что больной, вѣроятно, скоро умретъ, если до завтрашняго утра ему не станетъ легче. Это замѣчаніе нисколько не усилило авторитета, которымъ пользовались врачи среди крестьянъ Заозерья, хотя оно несомнѣнно было совершенно согласно съ указаніями науки: дѣйствительно, не подлежало сомнѣнію, что, если такая высокая температура продержится до утра, то Оединькѣ не сдобро-

вать. Но когда докторъ, жандармскій капитанъ и другія власти разѣхались, Ирина не стерпѣла и замѣтила: «И безъ доктора знаемъ, что, если не проживеть, то помретъ».

Это замѣчаніе было сказано въ сердцахъ, что ясно свидѣтельствоvalo между прочимъ, что Ирину было Ѳединьку жаль. Можетъ быть, тою же жалостью къ Ѳединькѣ объяснилось и то, что она не исполнила инструкцій, данныхъ докторомъ относительно способа леченія, и лечила больного по своему, вливая ему въ ротъ водку, настоенную на какихъ-то травахъ, хотя никогда и не слыживала, что алкоголь понижаетъ температуру тѣла. Но ко всѣмъ этимъ заботамъ и хлопотамъ Ѳединька относился съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто они его вовсе не касались. Безучастно лежалъ онъ на крестьянской кровати, покрытый краснымъ стеганнымъ одѣяломъ, съ блѣднымъ лицомъ, рѣзко отѣненнымъ красною же подушкою. Серьезно насупились его темныя густыя брови, но по временамъ онѣ поднимались вверхъ, должно быть, отъ боли, и тогда его лицо выражало словно ожиданіе, словно онъ хотѣлъ предложить какой-то мучительный вопросъ. О чемъ спрашивалъ Ѳединька? Ирина не отходила отъ него, но и она этого вопроса не дождалась. Иногда только онъ произносилъ отрывистое слово или даже цѣлую фразу, но понять, что онъ собственно говорилъ, было невозможно: рѣчь у него была невнятная, какъ обыкновенно у людей, говорящихъ въ бреду.

Только одинъ разъ онъ какъ бы пришелъ въ себя. Это было уже на третій день болѣзни, послѣ того, какъ докторъ еще разъ побывалъ у Ѳединьки и объявилъ, что больной умираетъ. Вслѣдъ за докторомъ явился о. Петръ съ дьячкомъ, навѣдывавшійся къ нему уже раньше неоднократно. Онъ подошелъ къ Ѳединькѣ и взялъ его за костлявую руку. Къ радости о. Петра и Ирины Ѳединька тотчасъ же открылъ глаза и совершенно сознательно взглянулъ на красное лицо деревенскаго пастыря. Затѣмъ, какъ бы собравшись съ мыслями, онъ необыкновенно отчетливо произнесъ:

— Попа мнѣ не надо; уходите себѣ, уходите...

Странное дѣло! О. Петръ не только не проявилъ никакой обидчивости, а напротивъ еще приблизился къ Ѳединькѣ, наклонился надъ нимъ и голосомъ, какого еще никогда не слышала Ирина, такъ онъ былъ привѣтливъ, отвѣтилъ:

— Дитя, дитя, не попъ пришелъ къ тебѣ, пришелъ отецъ...

Откуда взялись у о. Петра эти слова, эта ласка, этотъ мягкій голосъ, на который его сильное горло, казалось, рѣшительно не было способно? Ни Ирина, ни Трофимъ этого никакъ сообразить не могли, а дьячекъ только развелъ руками отъ изумленія. Крутъ былъ о. Петръ, а съ крестьянами обращался по большей части далеко непривѣтливо, покрикивалъ на нихъ частенько, а бывали даже случаи, что рукамъ волю давалъ. Но правда, что, не смотря на

этотъ крутой нравъ и на пристрастіе о. Петра къ вину, крестьяне въ общемъ его одобряли. Но тутъ въ о. Петръ сказалось что-то особенное.

И, наклонившись совсѣмъ надъ Оединькой, онъ шепотомъ, такъ что никто въ избѣ не могъ разобрать, что онъ говоритъ, спросилъ:

— Не встрѣчалъ ли Андрея Замшева?.. Сыномъ онъ мнѣ будетъ.

При этомъ имени во взглядѣ Оединьки блеснуло ясное сознание, и онъ кивнулъ утвердительно головою.

— Мой другъ и товарищъ,—произнесъ онъ тихо.

— Значить, и ты поплакалъ надъ нимъ, а каково мнѣ-то, отцу...

У о. Петра голосъ оборвался. Онъ присѣлъ къ изголовью Оединьки, точно внезапно ослабѣлъ, и взялъ другую его руку въ свои. Такъ онъ сидѣлъ долго, не отрывая глазъ отъ блѣднаго лица Оединьки. И столько мучительной тоски было во взорѣ о. Петра, столько страстнаго желанія воскресить что-то, дать чему-то новую жизнь, что, казалось, Оединька долженъ былъ вернуться изъ міра, въ который его уносила смертельная болѣзнь, на нашу землю, гдѣ рядомъ съ безконечными страданіями есть и такой избытокъ безконечной любви! И дѣйствительно Оединька на мигъ какъ бы ожилъ. Когда онъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ снова раскрылъ глаза, онъ, встрѣтившись съ устремленнымъ на него взоромъ о. Петра, слабо улыбнулся, и была эта улыбка такая сладостная, такая отрѣшенная отъ всего земного, что у о. Петра сердце екнуло: нѣтъ, не удастся вернуть его къ земной жизни, онъ, какъ и Андрей, принадлежать уже иной, лучшей...

Съ этой минуты Оединька лишился всякой воли, и о. Петръ могъ съ нимъ дѣлать, что хотѣлъ. Онъ его приобщилъ св. Таинъ, и, когда читалъ молитвы, голосъ его дрожалъ. Вспоминалъ ли о. Петръ объ единственномъ своемъ сынѣ, погибшемъ въ цвѣтѣ лѣтъ,—неизвѣстно; но его душевное волненіе передавалось собравшимся въ сѣняхъ и въ избѣ мужикамъ, бабамъ и ребятишкамъ. Въ толпѣ по иному загорѣлому лицу покатила слеза, слышались сдавленные рыданія бабъ и даже всхлипыванія ребятишекъ: деревня плакала по Оединькѣ или по себѣ, кто ее знаетъ!..

Въ ту же ночь Оединьки не стало. Онъ отошелъ тихо, безъ страданій, только передъ самымъ концомъ темныя его брови приподнялись, и вопросительное выраженіе такъ и застыло на его лицѣ. Съ этимъ вопросомъ на застывшемъ лицѣ онъ пролежалъ въ деревенской часовенкѣ нѣсколько дней, пока не вышелъ приказъ похоронить его на погостѣ, такъ какъ ни родителей, ни родственниковъ его не удалось розыскать. Съ этимъ же вопросомъ онъ лежалъ въ досчатомъ гробу, вымазанномъ вохрою, въ церкви, когда его отпѣвалъ о. Петръ и сулилъ ему «безконечную жизнь» тамъ, гдѣ «нѣсть ни печаль, ни болѣзнь, ни воздыханіе». Съ этимъ же

вопросомъ его опустили въ могилу на деревенскомъ кладбищѣ, надъ озеромъ, среди похороненнаго здѣсь крестьянскаго люда. Съ этимъ же вопросомъ его засыпали землею, и онъ въ вѣчной ночи продолжалъ о чемъ-то спрашивать. О чемъ? Не о томъ ли, почему онъ умеръ такъ внезапно, когда душевныхъ силъ въ немъ, казалось, было еще такъ много, когда сердце его рвалось приносить жертвы на пользу ближняго? Не о томъ ли, почему онъ разсуждаетъ совершенно иначе, чѣмъ Трофимъ, отвергающій радѣтелей въ родѣ него? Не о томъ ли, почему онъ началъ дѣйствовать такъ рано, довѣрился другимъ людямъ и книгамъ и ни разу самъ не заглянулъ въ ту великую книгу, которая называется жизнью? Не о томъ ли, почему онъ попалъ въ деревню столь случайно, почему ему приходится только покоиться, а не жить среди крестьянъ и помогать имъ «радѣть» о себѣ? Не о томъ ли наконецъ, почему родина такъ вскармливаетъ и хоронитъ своихъ дѣтей, наиболѣе чуткихъ къ горю ближняго?..

Но не будемъ предлагать вопросы за Ѳединьку. Мы взяли только рассказать быль и дошли теперь до конца. Не получая долго никакихъ извѣстій отъ Ѳединьки, птенчикъ встревожился, и ему послѣ продолжительныхъ поисковъ удалось наконецъ открыть печальное мѣстопробываніе любимаго сына. Въ одно тихое, но сѣрое и морозное ноябрьское утро она вмѣстѣ съ Анюткой, не перестававшей иногда ее навѣщать, пріѣхали въ Заозерье. Онѣ украсили могилу привезенными съ собою искусственными цвѣтами. Деревенское кладбище, вѣроятно, впервые увидѣло такіе роскошные цвѣты, хотя они въ сущности были весьма скромны. Вся деревня собралась, чтобы поглазѣть на женщинъ, пріѣхавшихъ помолиться надъ прахомъ человѣка, нашедшаго себѣ вѣчное успокоеніе на ея кладбищѣ. О. Петръ пригласилъ птенчика съ Анюткой откушать чаю и долго о чемъ-то бесѣдовалъ съ птенчикомъ: какъ ни различны были взгляды деревенскаго пастыря и «передовой» женщины, общее горе ихъ сблизило. Передъ отъѣздомъ птенчикъ съ Анюткой еще разъ зашли на кладбище. Обѣ женщины постояли вторично у могилы. Анютка вспомнила, какъ она прослезилась на Невскомъ, разговаривая съ Ѳединькой, и снова поплакала надъ собою и надъ нимъ; птенчикъ же какъ-то безнадежно глядѣлъ на озеро, словно оно одно могло своимъ унылымъ видомъ, безъ зелени, пустынное, отдѣленное отъ міра дебрями, дать представленіе о безысходной тоскѣ матери. «Ахъ, Ѳединька, Ѳединька!» — срывалось у нея еле слышно съ устъ, и только эти слова на мигъ прерывали нѣмое ея отчаяніе.

Р. Сементковскій.

ПЕРВЫЕ ШАГИ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

III.

Первое цензурное «крещеніе». — Критическое финансовое положеніе. — Совѣтъ Трапезникова. — Я обращаюсь въ «Литературный фондъ». — Посѣщеніе меня Н. А. Некрасовымъ. — Мое смущеніе. — Муки ожиданія. — Маленькая помощь. — Первое лѣто въ Петербургѣ. — Лѣтній садъ. — «Маленькая публика» у памятника дѣдушки Крылова. — Мои друзья среди этой публики. — Встрѣча черезъ нѣсколько лѣтъ. — Наши вечера. — Самый «красный» и чѣмъ онъ кончалъ. — Тревожное извѣстіе и принятіе мѣры. — Пострадавшій Лассаль и социальныя крысы. — Мое знакомство съ художникомъ И. С. Пановымъ. — Въ «мансардѣ». — Чай съ мышью. — Война съ нѣмкой. — Народная столовая. — Въ холодѣ, въ сырости и во тьмѣ. — Моя первая дѣтская поэма и маленькій «рождыхъ». — «Общедоступная и дешевая Библіотека». — Ея сотрудники и редакціонные вечера. — «Семья и Школа» и Ю. И. Симашко. — А. В. Каменскій, П. Григорьевъ, Мачтетъ и Сильчевскій. — Поѣздка въ Вологду. — Смерть матери. — Дальнѣйшія работы, я дѣлаюсь постояннымъ сотрудникомъ «Пчелы». — Кровавая драма. — Изъ моихъ цензурныхъ «злключеній». — Въ лучшихъ условіяхъ.

ОТКАЗАВШИСЬ отъ занятій въ библіотекѣ Черксова, я остался совсѣмъ безъ средствъ. Я написалъ одинъ маленькій рассказъ, но его постигла горькая участь: онъ не былъ пропущенъ цензурой.

— Поздравляю, ты воспринялъ первое крещеніе! Ну, теперь не такъ тебѣ страшно: все же есть крестный отецъ!

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 84.

Трапезниковъ шутилъ, но мнѣ было не до шутокъ. Положимъ, М—ый далъ слово «ждать». Но долги—вещь неприятная. И помимо квартиры нужно же было «харчиться». Еще хорошо, что, благодаря М—му, я бесплатно лечился.

Въ это время я написалъ еще рассказъ «Аня» и послалъ его въ «Будильникъ». Онъ былъ напечатанъ, но денегъ мнѣ не высылали. Я писалъ, писалъ, все—безплодно.

Наступило критическое положеніе. Долги копились, глаза болѣли, а впереди ничего не предвидѣлось.

Зайдя какъ-то ко мнѣ, Трапезниковъ посоветовалъ обратиться въ «Литературный фондъ».

— Къ кому же? Я никого не знаю.

— Пиши просто на имя комитета и сдай на почту.

Я такъ и сдѣлалъ.

— Перечисли всѣ свои работы,—сказалъ Трапезниковъ.

Но много ли ихъ у меня было?

Я всѣ ихъ прописалъ, не забывъ даже и корреспонденцій, изложилъ свою просьбу и послалъ въ комитетъ.

Прошло около недѣли—никакого отвѣта.

Наступила Пасха. На третій, или четвертый день М—ый справлялъ свое рожденъе. Вечеромъ у него было много гостей, играли въ карты, пили, танцевали. Гости разошлись около двухъ-трехъ часовъ утра. Конечно, не спалъ и я.

Убирать посуду и приводить въ порядокъ за позднимъ временемъ было некогда и некому: М—ый не держалъ прислуги; убирать квартиру приходила одна изъ сидѣлокъ—Татьяна.

— Ну, завтра все убереть,—сказалъ М—ый, поспѣшившій скорѣе уснуть, чтобы встать во-время: въ семь часовъ ему нужно было идти на дежурство.

Квартира М—ого была расположена такъ (во флигелѣ, на дворѣ): вы прямо съ улицы входили въ кухню, оттуда въ большой залъ, гдѣ жилъ М—ый, а затѣмъ въ небольшую комнату, которую занималъ я.

Проснувшись въ семь часовъ, М—ый ушелъ на дежурство, оставивъ входную дверь незапертою. Это дѣлалось постоянно, потому что бояться было некого. Занятая работой въ палатѣ, Татьяна запоздала; я спалъ.

Чьи-то шаги и кашель разбудили меня.

— Кто тамъ?—кликнулъ я, не вставая.

— Мнѣ нужно видѣть Круглова. Здѣсь онъ живетъ?—отозвался не громкій, хриплый голосъ.

— Да. Вамъ зачѣмъ?

— Я отъ «Литературнаго фонда».

— Сейчасъ.

Я быстро вскочилъ и, одѣваясь, впопыхахъ, одну ногу сунулъ въ сапогъ, а другую въ туфлю, и въ такомъ видѣ, растрепанный,

въ поношенномъ пальто, вмѣсто скюртука (гдѣ же было тутъ одѣваться!), вышелъ въ «залъ».

Боже, какой царилъ тамъ беспорядокъ. Мебель не на своемъ мѣстѣ, на столѣ недоѣденныя закуски, пустыя и недопитыя бутылки вина, пива...

— Вы Кругловъ? — обратился ко мнѣ незнакомецъ, косясь на беспорядокъ и, главнымъ образомъ, на столъ.

— Да.

— Некрасовъ!

Это «Некрасовъ» ошеломило меня. Какъ, онъ — этотъ великій поэтъ, передъ которымъ мы благоговѣли, чьи стихи учили наизусть, онъ — здѣсь и при такой обстановкѣ! Что же онъ подумаетъ? За кого онъ меня приметъ?

Смущенный, афропированный, я молчалъ, и, если можно сказать, такъ именно «глухо молчалъ». Некрасовъ долженъ былъ два раза повторить вопросъ.

— Эти обѣ комнаты вы занимаете?

Онъ подчеркнулъ слово «вы».

— О, нѣтъ! Это квартира М—ого, здѣшняго фельдшера. Я занимаю вотъ ту комнату. Извините, онъ вчера былъ именинникъ и поэтому... Прошу васъ въ мою комнату.

Некрасовъ улыбнулся и промолвилъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ. Я зашелъ только спросить васъ: сколько бы вы желали получить?

— Я, право, не знаю.

— Сколько вамъ надо въ мѣсяцъ? Рублей тридцать, двадцать пять довольно?

— О, да, да... вполне!

Скажи онъ: десять, пятнадцать, — я все равно отвѣтилъ бы то же самое. Я говорилъ, не отдавая отчета въ томъ, что говорилъ.

— Вы хотите, если удастся, подготовиться въ технологическій институтъ, да?

— Да, да.

— Хорошо. Я передамъ. Въ воскресенье собраніе комитета. Я васъ извѣщу.

Онъ подаль мнѣ руку, слабо пожалъ мою и вышелъ. На дворѣ дождался его человекъ съ большой собакой.

Оставшись одинъ, прихожу въ себя и только тутъ соображаю, какъ «глухо» я держался. Ни въ какой технологическій институтъ я не думалъ поступать. Я хотѣлъ, если не помѣшаетъ болѣзнь глазъ, поступить въ учительскій институтъ. «Вѣдь я же солгалъ, надо поправить свою невольную ошибку».

И безъ фуражки, въ чемъ былъ, полетѣлъ я догонять Некрасова. Наугадъ я кинулся влѣво изъ воротъ и догналъ поэта у церкви Симеонія.

— Я ошибся, Николай Алексѣевичъ, не въ технологическій, а въ учительскій институтъ,—промолвилъ я скороговоркой.

Некрасовъ мягко улыбнулся и сказалъ:

— Хорошо, хорошо. А что это: у васъ одна нога болитъ?

Я взглянулъ на свои ноги и только тутъ увидѣлъ, какъ я оригинально обутъ. Я сконфузился и пролепеталъ:

— Да, болитъ.

— Лечиться надо.

Онъ поклонился и пошелъ медленно дальше. Я стрѣлою помчался домой. Потомъ я рассказалъ все Трапезникову.

— Ну, отличился, братъ, нечего сказать!—захохоталъ онъ.

И добавилъ:

— А что, если откажутъ?

— Почему?

— Ишь какое пьянство было! Ха, ха, ха!

— Не я же!

— Разбирай кто!

Отказъ для меня былъ бы почти приговоромъ. Пришлось бы, не смотря на болѣзнь глазъ, или опять поступить въ библіотеку, или въ какую нибудь контору, хотя на двадцать рублей.

Но мнѣ фондъ выдалъ семьдесятъ пять рублей.

Небольшіе долги заплочены, и я могу лечиться безъ тревоги. Работать врачи разрѣшили, но понемногу. Я въ теченіе лѣта написалъ «Святые вечера» и «Шарманщика»—объ вещи для дѣтей. Каждое утро я отправлялся въ Лѣтній садъ и гулялъ тамъ около двухъ-трехъ часовъ, почти все время прѣводя среди дѣтей, у Крыловскаго памятника. Это доставляло мнѣ много удовольствія и полезныхъ интересныхъ наблюденій въ міркѣ «маленькихъ людей». У меня набралось не мало друзей, изъ которыхъ двое: дѣвочка Сима и «матросъ» Воля, разъ объявили мнѣ, что они вчера читали мое сочиненіе (я сказалъ имъ какъ-то мою фамилію).

— Вѣдь это вы писали «Нѣмую» и «Дѣти—друзья голодающихъ»?

— Я.

— Мы читали.

Они передали содержаніе, и возникъ даже оригинальный споръ между дѣтьми, кто лучше: дѣвочки или мальчики?

Года три тому назадъ, на желѣзной дорогѣ, я встрѣтилъ молодую даму съ прелестнымъ bébé на рукахъ. Мы разговорились о томъ, о семь. И вообразите—моя спутница оказалась той самой Симой, съ которою я бесѣдовалъ и которой читалъ наизусть стихи въ Лѣтнемъ саду. О Волѣ она ничего не знала. Это не первая встрѣча съ матерями, которыя когда-то были моими читательницами. Эти встрѣчи приносятъ большое наслажденіе, поднимаютъ во мнѣ духъ и энергію, слабѣющую въ мелкой житейской борьбѣ,

но всегда невольно думаешь: «однако, время... стало быть»... Да, то счастье, которое приходится иногда переживать писателю, непонятно никому другому. Въ этомъ собственно заключается лучшая награда всякому служителю слова, безъ различія литературнаго ранга.

Но я увлекся въ сторону.

Днемъ я писалъ, работалъ въ Публичной библиотекѣ, читалъ (изъ Черкесовской библиотеки мнѣ выдавали книги и журналы gratis), а по вечерамъ у насъ собиралась молодежь и кое-кто изъ знакомыхъ, которыхъ уже нельзя было причислить къ молодежи. Между прочимъ, нерѣдко бывалъ В. В. Кр—бъ, служившій бухгалтеромъ въ одномъ страховомъ обществѣ. Человѣкъ университетскаго образованія, очень интеллигентный, начитанный, онъ теперь являлся только тѣнью «прошлаго живого человѣка», по его собственному выраженію. Сынъ богатыхъ родителей, онъ выросъ въ роскоши и думалъ, по окончаніи университета, вести свое дѣло. Но отецъ его частью разорился, частью неумѣло помѣстилъ свои капиталы. Онъ далъ займы большую сумму денегъ одному важному лицу, которое и не думало платить долга. Потерявъ отца и мать, братья Кр—бы не могли вернуть денегъ, данныхъ отцомъ ихъ займы. Должникъ умеръ, а ихъ дѣти устроили такъ ловко, что Кр—бамъ ничего не пришлось получить. Судиться было бы бесполезно.

— Почему?—спросилъ я разъ В. В.

— Вспомните Некрасова:

«Сила ломить и соломушку...

«Поклонись пониже ей»...

В. В. Кр—бъ былъ не изъ такихъ, чтобы кланяться. Онъ началъ служить и скоро, благодаря своимъ умственнымъ способностямъ, добился прекраснаго мѣста на заводѣ, гдѣ въ качествѣ бухгалтера получалъ крупное содержаніе. Но... явился «маменькинъ сынокъ», ему понадобилось мѣсто. «Маменьку» уважали тѣ, отъ кого все зависѣло, и... Кр—бу было предложено сдѣлаться помощникомъ у «маменькина сына». В. В. былъ гордъ, не перенесъ обиды и бросилъ мѣсто. Онъ вскорѣ, однако, поступилъ бухгалтеромъ же въ одно страховое общество. Уже первый ударъ «пришибъ» В. В. А тутъ еще неудачный выборъ «подруги жизни», которая (то-есть подруга) признавала только одинъ девизъ: «жить!». У В. В. не было особеннаго таланта, но онъ былъ знатокъ финансоваго дѣла и очень недурно писалъ по экономическимъ вопросамъ. Были у него начаты и беллетристическіе очерки, но они неудачны: много разсужденія и мало дѣйствія, отсутствіе образовъ. Братъ В. В.— А. В.—еще молодой человѣкъ, очень талантливый, съ жилкою художника, прекрасно образованный и съ «золотымъ сердцемъ»-свихнулся и этимъ нанесъ окончательный ударъ В. В. Онъ на,

чалъ и самъ пить, потерялъ службу и умеръ въ больницѣ. Я рассказалъ все это, чтобы подчеркнуть еще разъ то, что повторяется постоянно въ нашей жизни. «Да, не бездарна та природа»,— это вѣрно. Но сколько же гибнетъ людей и среди уже вышедшихъ на свою дорогу и только еще готовящихся къ дѣятельности. И изъ-за чего гибнуть? Дарованіе, знаніе должно уступать мѣсто протекціи и полуневѣжеству!

Вечера наши носили характеръ бесѣдъ. Ничего, кромѣ чаю и булокъ, за то много читали и еще болѣе спорили, выясняя и вырѣшая интересующіе насъ вопросы, обсуждая шаги извѣстныхъ дѣятелей, подвергая строгой критикѣ все, чтó читали. Мы ставили на очереди такіе вопросы: «какъ жить?», «что дѣлать?». Споры были горячіе, нерѣдко очень рѣзкіе, не чужды, быть можетъ, и «общихъ мѣстъ», но они держали насъ въ повышенномъ идеальномъ настроеніи и многихъ надолго удержали отъ возможности «погрузиться въ тину нечистую мелкихъ помысловъ, грубыхъ страстей».

В. В. К—бъ всегда сидѣлъ грустный, а къ концу вечера на его глазахъ наворачивались слезы, и онъ, выходя изъ комнаты, нерѣдко восклицалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Ахъ, какъ грустно, какъ грустно! Вѣдь это все прошлое напоминаетъ, юность мою. И мы также горѣли... а что вышло? О, Господи!

Наши споры заканчивались обыкновенно пѣніемъ. Пѣли мы: «Назови мнѣ такую обитель», «Есть на Волгѣ утесъ», «Дубинушку», «Пѣсню Еремушки» и нѣкоторыя Кольцовскія пѣсни. Братъ М—ого обыкновенно декламировалъ слѣдующія строки изъ Шиллера:

«Твердость духа—въ день терпѣнья!
 «Помощь скорая—слезамъ!
 «Клятвамъ—вѣчность, лжи—презрѣнье,
 «Правда—ближнимъ и врагамъ!
 «Все—противу сильныхъ права,
 «Достояніе и кровь,
 «Гибель—злу, заслугѣ—слава,
 «Къ человѣчеству—любовь!».

Этотъ отрывокъ онъ повторялъ по нѣсколько разъ ежедневно, на языкѣ оригинала.

— Да будетъ вамъ!—скажешь ему иной разъ.

— Это мой символъ!—отвѣчалъ онъ.

Подъ влияніемъ бесѣдъ и разсужденій онъ бросилъ обезпеченное мѣсто и уѣхалъ въ Сибирь, въ гнѣздо сифилиса, чтобы служить «обездоленнымъ и горькимъ».

Припоминаю теперь: тѣ, что кричали всѣхъ больше и беспощаднѣе относились къ «буржуямъ», устроились потомъ отличнымъ манеромъ и забыли всѣ горячіе обѣты. Молчаливые скромно работаютъ гдѣ нибудь на общую пользу.

Самымъ яримъ былъ Ко—въ, юноша пиротехникъ. Слова «буржуй» и «ретроградъ», а также «подлецъ» не сходили у него съ языка. Онъ старался внести въ наши собранія «элементъ», противъ котораго я боролся всѣми силами. Ко—въ выходилъ изъ себя и называлъ меня «буржуазикомъ».

— Да, да, и потомъ будешь буржуйемъ, станешь съ Анной на шеѣ въ баню ходить (помнишь романъ Кушчевскаго?) и генераламъ калоши подавать, или купоны отрѣзывать!

И вотъ я остался скромнымъ литераторомъ, omnia mea pesum porto, но дорожу независимостью, а Ко—въ не столько служить, сколько съ заискивающей улыбкой подслуживается къ тѣмъ, кто его выше. Объ «Аннѣ на шеѣ» онъ мечтаетъ, но она ему не дается.

Въ одно изъ воскресеній вдругъ мы узнаемъ, что барышня, бывавшая у насъ, «выслана».

— Послушайте, есть у васъ такія книги?—обратился ко мнѣ Кр—бъ.

— Такихъ нѣтъ, но есть Лассаль.

— Ну, такъ въ подвалъ, гдѣ капуста; туда не пойдутъ.

И Лассаль полетѣлъ въ подвалъ, въ самый задній уголъ.

Слухъ оказался ложнымъ. Барышню и не думали высылать, ее только «потревожили». Я хотѣлъ извлечь Лассалья, но мнѣ стали говорить, что пусть лучше все уляжется.

Вотъ все улеглось, барышня вышла даже замужъ за «буржуя». Спустились за Лассалемъ, достали и... о, ужасъ! онъ былъ на четверть изгрызанъ крысами.

— Теперь вы совсѣмъ преступники,—засмѣялся Трапезниковъ.

— Почему?—удивился я.

— Крысы пропитались лассалевскимъ ученіемъ; социальныя крысы... И вы виною!

Мы долго смѣялись по этому поводу.

Въ сентябрѣ я кончилъ «Святые вечера», составленные по нѣсколькимъ источникамъ, и повезъ къ А. Н. Острогорскому, который жилъ на Петербургской сторонѣ, въ зданіи военной гимназіи. Очерки ему понравились.

— Надо бы иллюстрировать. Пановъ лучше всего можетъ. Но когда еще его увидишь... Вы съ нимъ не знакомы?

— Нѣтъ. Но дайте карточку, я съѣзжу.

— Пожалуй. Это лучше всего.

И я поѣхалъ къ художнику, имя котораго, какъ «короля иллюстраторовъ», было мнѣ давно извѣстно.

Объ Иванѣ Степановичѣ Пановѣ, который такъ скоро и незаслуженно забыть, я поговорю въ слѣдующемъ этюдѣ, когда коснусь кружка «Дѣтскаго Чтенія» и «вечеровъ» покойной писательницы С. М. Крапивиной. И какъ иллюстраторъ, потеря котораго

доселѣ ощутительна, и какъ человѣкъ, И. С. стоитъ, конечно, того, чтобы ему посвятить страничку воспоминаній. Оставляя это до другого очерка, пока теперь я позволю себѣ описать мою первую встрѣчу съ нимъ въ сентябрѣ 1874 г.

Иванъ Степановичъ жилъ тоже на Петербургской сторонѣ, въ глухой Зелениной улицѣ.

На мой звонокъ дверь немного пріотворилась, и въ отверстіе показалось широкое, полное лице, обрамленное рыжеватою бородою, съ небольшимъ славянскимъ носомъ и крупными губами.

— Здѣсь живетъ художникъ Пановъ?—спросилъ я.

— Здѣсь.

— Я могу его видѣть?

— Я—Пановъ. Вамъ что?

Я сказалъ и подаль карточку А. Н. Острогорскаго.

— Эхъ! Ну, да ужъ войдите... Эдакую даль фхали, нельзя же...

Онъ распахнулъ дверь и пропустилъ меня.

— Я, кажется, помѣшалъ вамъ... не во-время,—началъ я смущенно, входя въ небольшую комнату, которая носила на себѣ печать того вкуса, какимъ отличался художникъ-артистъ. На стѣнахъ: гравюры, разные этюды масляными красками и даже витрины съ разными собранными рѣдкостями. На столахъ: альбомы, рисунки въ папкахъ и просто, множество всякихъ художественныхъ принадлежностей. Если хотите, беспорядокъ или «артистическій порядокъ».

— Ничего, ничего,—отвѣтилъ хозяинъ на мое извиненіе:—дѣло только въ томъ, что сейчасъ жена родила. Да ужъ что же... если надо, садитесь... вѣдь это дѣло минуты.

И при этомъ хозяинъ, человѣкъ средняго роста, съ плотной, даже коренастой фигурой, опустился на стулъ, отводя рукою рыжеватые волосы съ небольшого, чистаго лба.

— Я бы хотѣлъ вотъ это и это,—сказалъ я.

— Вы мнѣ оставьте рукопись,—промолвилъ Пановъ:—я самъ выберу. Что нарисуетъ, то и будетъ. Я не могу буквально, по указкѣ, рисовать. Не обидьтесь, пожалуйста.

Кто могъ обидѣться? Ужъ во всякомъ случаѣ не я, пріѣхавшій изъ провинціи съ самыми высокими понятіями о писателяхъ и вообще объ артистахъ. Артистъ—не ремесленникъ, это было моимъ исповѣданіемъ. Не помятый жизнью и еще не знакомый хорошо съ средой литературною, я и не думалъ, что часто, увы, жизненные условія и артиста обращаютъ въ ремесленника. Отвѣтъ художника чрезвычайно понравился мнѣ, и я почувствовалъ въ одно и то же время и свою неловкость, и глубокое уваженіе къ И. С.

— Извините...—началъ я.

— Вы меня, батюшка, извините,—возразилъ Пановъ съ обычной своей простотой:—гоню, почитай. Заглядывайте въ другой разъ. Очень радъ. А теперь вотъ... -

Его свѣтло-сѣрые глаза выразили тревогу.

Мы обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ, какъ старыя, добрыя знакомые.

Такова была моя первая встрѣча съ Пановымъ.

Въ концѣ октября я долженъ былъ переѣхать отъ М—ого, который скоро и самъ оставилъ мѣсто въ глазной лечебницѣ и уѣхалъ служить въ Псковскую губернію.

Для меня настало очень тяжелое время.

Глазамъ моимъ стало нѣсколько лучше, но долго работать вечерами, при огнѣ, я не могъ, не смотря на консервы: дѣлалась рѣзь въ глазахъ и мигрень. Литературныя работы подвигались медленно, мѣста не отыскивалось.

Здѣсь кстати упомянуть о слѣдующемъ фактѣ.

Одинъ мой землякъ, занимавшій относительно довольно видный постъ, предлагалъ мнѣ поступить на службу въ департаментъ полиціи, конечно, въ качествѣ простаго канцелярскаго служителя.

Но я не чувствовалъ въ себѣ призванія къ чиновничьей карьерѣ, мнѣ не улыбалась перспектива перебѣлять года разные рапорты, да и слово чиновникъ тогда мнѣ положительно было противно. А пріятели и особенно знакомыя «курсовыя барышни», какъ звали всѣхъ студентокъ Трапезниковъ, даже подняли меня на смѣхъ, когда я сообщилъ имъ о предложеніи земляка.

— Какъ, въ чиновники?

— Писарь департаментскій! Чиновникъ полицейскій!

— И вицмундиръ?

— Коллежскій регистраторъ! Фу, ты, какой чинъ!

— Неужели вы возьмете это мѣсто?

И я, краснѣя, сказалъ, что, понятно, не возьму.

Я переѣхалъ сначала въ глухую улицу Семеновскаго полка, нанявъ, въ буквальномъ смыслѣ, мансарду за семь рублей въ мѣсяцъ. Потолокъ былъ такъ низокъ, что я доставалъ рукой. Съ него свѣшивались обои, за которыми безпрестанно скреблись мыши. Ихъ концертъ и шмыганье по комнатѣ не дали мнѣ заснуть въ первую же ночь. Когда топилась печь, поднимался такой дымъ, что надо было уходить въ сѣни. Разъ я угорѣлъ такъ, что едва отводились со мною. А переѣхать было нельзя. Но вотъ случился фактъ, переполнившій чашу терпѣнія. Разъ, когда я пилъ чай, задумавшись надъ планомъ поэмы для дѣтей, вдругъ за обоими на потолокъ поднялась возня, и жирный мышенокъ брякнулся мнѣ прямо въ стаканъ съ чаемъ.

Я вскочилъ со стула и рѣшилъ непременно переѣхать. Я такъ и сдѣлалъ, хотя мнѣ пришлось для этого заложить все, что только было можно.

Хорошей комнаты нанять я не могъ. Я взялъ комнатку въ квартирѣ швейцара Черкесовской библіотеки. Комната была холодная, полутемная, сырая и, въ добавокъ всего, проходная. Весь

день я сидѣлъ въ пальто и въ валлопахъ. Передъ обѣдомъ затапливали печь-чугунку, и въ комнатѣ дѣлалась тропическая, удушливая жара. Но печка скоро остывала, и къ ночи уже опять комната напоминала тундру. Я въ одеждѣ ложился спать, и то иногда просыпался отъ холода.

Единственное окно комнаты выходило въ стѣну, вблизи помойной ямы. Открыть форточку не было возможности. Въ часъ дня уже приходилось зажигать огонь.

Но все это — ничего. Главное зло — мнѣ мѣшали работать. Въ комнатѣ рядомъ со мною жила нѣмка съ дѣвочкой одиннадцати лѣтъ, хорошенькой Гретхенъ (мнѣ невольно думалось: вотъ если бы такую дочь имѣть) и съ сыномъ Борисомъ, пяти лѣтъ, мальчишкой капризнымъ, избалованнымъ донельзя. Онъ съ утра начиналъ ревѣть, стучать, драться съ сестрой. Та иногда тоже плакала. Мать принималась унимать, кричала тоже на своемъ рѣзкомъ нѣмецкомъ языкѣ съ простонароднымъ выговоромъ. Порусски она выкрикивала только слѣдующія двѣ фразы:

— Грета, молши!

— Барисъ, ни словъ!

Борисъ не хотѣлъ ничего и знать.

Мать начинала усовѣщевать Бориса и дочь: «рядомъ жилецъ, онъ долженъ писать, вы мѣшаете»,—говорила она понѣмецки.

Грета замолкала. Но Борисъ принимался кричать еще пуще.

Я терялъ терпѣніе и стучалъ въ дверь.

Это уже сердило нѣмку. Она выходила и объявляла мнѣ рѣзко:

— Ви свой комнату, ми—свой. Всякому господинъ... За деньги мой у себя хозяинъ.

Борисъ соображалъ, что мать переходила на его сторону, и принимался орать еще громче.

Почти каждый день къ нѣмкѣ приходили двѣ дочери, служившія въ булочной, и поднимался такой громкій разговоръ, пересыпаемый смѣхомъ, что у меня разбалывалась голова.

Но хуже всего было, когда днемъ нѣмка куда нибудь уходила, и запирала дочь съ сыномъ на замокъ.

Они дрались, кричали, и уже не было никакой возможности ихъ унять.

Чтобы избавиться отъ крику и сколько нибудь умиловить нѣмку, я сталъ даромъ учить Грету читать порусски, а Борису рассказывать сказки, пересыпая русскія слова нѣмецкими. Уходя куда нибудь, нѣмка оставляла комнату незапертою. Я занимался съ Гретой, а брату давалъ картинки. Но и это не всегда помогало. Онъ бросалъ ихъ и начиналъ ревѣть. Бить сестру ему было уже нельзя, тогда онъ бранилъ меня.

Въ такой ужасной обстановкѣ я прожилъ около трехъ мѣсяцевъ, питаюсь сначала въ греческой кухмистерской, а потомъ въ

народной столовой, въ Апраксиномъ рынокѣ, гдѣ за нѣсколько копеекъ давали на обѣдъ щи, картофель и кашу. Хлѣба сколько угодно.

Здѣсь у меня начали даже завязываться знакомства. Долгое время присматривался ко мнѣ какой-то мужичекъ, рыжій, съ бороною, какъ у патріарха. И вдругъ онъ разъ спрашиваетъ меня:

— А что, господинъ, вѣдь вы будете, кажись, вологодскіе?

— Да.

— Такъ! И, кажись, еще вамъ доводился дѣдушкой Ликсандръ Миколаичъ Горновскій?

— Да, да. А ты почему знаешь?

Мужикъ усмѣхнулся.

— А мы довольно хорошо знали вашего дѣдушку, и васъ потому признали.

— Ты вологодскій, значить?

— Какъ же.

— Бывалъ у дѣдушки?

— Да, я ихній-съ, крѣпостной, стало.

— Ты дѣдушкинъ крѣпостной?

— Вѣрно-съ. Може, помните Федота-то?

— Какого Федота?

— А что отъ бульдога разъ васъ спасъ.

— А-а! Ну, ну!

— Такъ я его сынъ буду.

— Вотъ что! Ты здѣсь зачѣмъ же?

— Да по работамъ, значить... ну, и заболѣвши. А теперь безъ мѣста... Добрые люди обѣщали... Жду.

Онъ помолчалъ и спросилъ, не то несмѣло, не то стараясь быть деликатнымъ:

— А вы здѣсь по какому случаю?

— Я тоже въ Петербургъ пріѣхалъ.

— Учиться?

— Да, учиться,—солгалъ я, неизвѣстно почему.

— Такъ... То-то вижу и думаю: кажись, такъ будетъ, и не ошибся. Зачѣмъ же сюда-то зашли, ужли по нуждѣ?... А такъ оно есть... Чтожъ... долго еще осталось учиться вамъ?

— Нѣтъ, ужъ недолго.

— Такъ, такъ! Ну, чтожъ... опосля на службу поступите, и поправитесь... Всяко бываетъ... Въ одной кожѣ вѣкъ не изжить. Маменька-то ваша живы?

— Жива.

— Такъ. Пообѣдняли, значить!...

Вотъ гдѣ встрѣтились внукъ бывшаго богатаго помѣщика и его крѣпостной! Могъ ли думать объ этомъ старикъ-дѣдъ, гордившійся своимъ чиномъ?

Да, вѣкъ въ одной кожѣ не изживешь!

Какъ это вѣрно пришлось относительно многихъ!

Я еще разъ встрѣтилъ «земляка», и потомъ уже не видалъ его: онъ либо уѣхалъ, либо нашелъ мѣсто.

Кое-какъ урывками, по ночамъ, я написалъ первую дѣтскую поэму «Въ морозные дни», которая появилась въ «Дѣтскомъ Читеніи» въ 1875 году.

Мое здоровье пошатнулось. Врачъ, къ которому я обратился, нашелъ у меня сильное малокровіе.

— Обратите на себя серьезное вниманіе, — сказалъ онъ: — если не улучшатся условія, можете кончить дурно.

Деньги, полученные за поэму, въ размѣрѣ восьмидесяти шести рублей, дали мнѣ передохнуть. Я переѣхалъ на новую квартиру, и если не могъ еще постоянно обѣдать, «какъ слѣдуетъ», то все же изрѣдка заходилъ въ гостиннодворскую столовую. Два-три дня — въ народной, и какъ праздникъ — въ гостиннодворской.

И вдругъ просвѣтъ: П. П. Меркурьевъ купилъ «Общедоступную Библиотеку», поручивъ редакцію А. В. Каменскому. Я написалъ и продалъ повѣстунку, рядъ стихотвореній, взялъ на себя отдѣлъ библиографіи и началъ рядъ статей: «Типы безтенденціозной беллетристики». Въ это же время я сошелся съ Симашко, издававшимъ «Семью и Школу».

Хотя «Общедоступная Библиотека» платила очень мало, у Симашко я еще только что началъ сотрудничать, но всѣ заработки вмѣстѣ дали мнѣ возможность жить въ сносной комнатѣ, обѣдать въ кухмистерской, а потомъ и дома.

Прежде, чѣмъ говорить объ «Общедоступной Библиотекѣ», я скажу два слова о покойномъ Юл. Ив. Симашко.

Многіе говорили, что онъ изъ тѣхъ издателей, «которые не платятъ». Я не знаю его отношеній къ другимъ, но я не могу пожаловаться на него и присоединиться къ высказанному выше мнѣнію. Онъ мнѣ платилъ всегда аккуратно, безъ проволочекъ, и такъ, какъ ни одинъ журналъ не платилъ мнѣ въ то время.

Первую статью я ему послалъ изъ Вологды. Я не получилъ за нее денегъ и не ходилъ за ними, пріѣхавъ въ Петербургъ, потому что статья была послана не отъ моего имени, и я не могъ бы доказать, что она моя. Когда же я принесъ Юл. Ив. очеркъ для дѣтскаго отдѣла «Семьи и Школы», мы разговорились, и онъ вспомнилъ фамилію врача, который переслалъ мою статью.

— А больше онъ ничего не присылалъ мнѣ, да и адреса не сообщил, — сказалъ Юл. Ив.

Я улынулся и промолвилъ:

— Да вѣдь это была не его статья.

— Какъ? а кого же?

— Моя.

— Ваша?

— Да.

— Развѣ вы тоже медикъ?

— Нѣтъ.

— Но тамъ же вы говорите о гигиенѣ и т. д.?

— Я много читалъ, да и это касалось школьной гигиены, которую я изучалъ.

— А, вотъ что! Такъ, стало быть, я вашъ должникъ.

И онъ разсчитался по пятидесяти рублей съ листа (вся статья была меньше ли ста).

Затѣмъ онъ за дѣтскіе рассказы платилъ мнѣ сорокъ рублей, тогда какъ «Дѣтское Чтеніе» только двадцать пять, а за Кашпирева лишь пятнадцать рублей! За стихи онъ платилъ сорокъ копеекъ строчка, даже за рассказъ въ стихахъ, въ которомъ было болѣе пятисотъ строкъ, онъ заплатилъ тоже по сорока копеекъ строчка.

— Я знаю, что значить трудиться и жить литературнымъ трудомъ,—говорилъ Юл. Ив.

Я часто заходилъ къ нему въ его редакціонный кабинетъ, находившійся наверху, въ магазинѣ Курбатовыхъ, въ Гостинномъ дворѣ. Я всегда заставлялъ Юл. Ив. за работой. Онъ оставлялъ ее, и мы подолгу бесѣдовали.

Но у Юл. Ив. было не мало долговъ, ему приходилось изворачиваться, а въ концѣ-концовъ и переуступить журналъ Краевичу, который скоро передалъ другому лицу и редакцію. Журналъ началъ хирѣть, падать и совсѣмъ прекратился.

Нѣсколько словъ объ «Общедоступной Библіотекѣ».

На первыхъ порахъ постоянными посѣтителями редакціонныхъ вечеровъ были: А. В. Каменскій, Д. Соколовъ (нѣкогда работавшій въ «Современникѣ»), Г. А. Мачтетъ, П. В. Григорьевъ, Сильчевскій и я. Разъ я видѣлъ В. Н. Никитина, пріѣхавшаго читать какую-то свою статью, почему-то не попавшую въ журналъ. Кажется, она была написана въ томъ же духѣ, какъ и другіе его очерки изъ быта кантонистовъ, печатавшіеся въ «Отечественныхъ Запискахъ». Прислалъ рассказъ Гл. Ив. Успенскій, но рассказъ не былъ пропущенъ цензурой.

П. В. Григорьевъ и Мачтетъ, помѣстившій въ «Недѣль» рядъ очерковъ изъ американской жизни, были въ редакціи главными силами. Особенно Григорьевъ; онъ былъ, что называется—persona grata. Редакція считала его талантливымъ критикомъ, оригинальнымъ умомъ; отъ него ждали чего-то такого, что должно было явиться новымъ словомъ.

Никакого слова онъ не сказалъ въ обѣихъ своихъ статьяхъ: въ одной онъ расхвалилъ Некрасова, въ другой выругалъ и низвелъ къ нулю значеніе графа А. К. Толстого. Это было глумленіе во вкусѣ «Русскаго Слова», только безъ таланта лучшихъ представи-

телей этого журнала. Когда Григорьевъ читаль статьи, всё слушали его съ затаеннымъ дыханіемъ, такъ какъ по ошибкѣ принимали его за великаго критика, за новый нарождающійся талантъ. Для ознакомленія съ П. В. Григорьевымъ, какъ съ критикомъ, привожу короткую, но характерную выдержку изъ его статьи о Некрасовѣ. «Некрасовъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ поэтовъ русскихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Глубокая народная жизнь, подмѣченная зоркимъ, пытливымъ взглядомъ великаго поэта, проникнутая сознаніемъ сильнаго мыслителя, жизнь современная, прогрессивная, кипучая, сказалась въ его поэзіи и давно сказывалась въ ней, съ первыхъ звуковъ его пѣсенъ, неустанно въ теченіе 30 лѣтъ, съ той минуты, какъ Бѣлинскій съ такимъ искреннимъ восторгомъ встрѣтилъ «глубокое поэтическое дарованіе» Некрасова, съ тѣхъ временъ, когда Менцовъ (въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1840 г., ч. 25, отд. 6, стр. 118—124, статья Ф. Менцова) приглашалъ молодого человѣка быть поэтомъ и патриотомъ à la великій Булгаринъ.

«Время летитъ, горитъ.

«Вмѣсто «глубокаго поэтическаго дарованія» передъ глазами Россіи взросъ и сформировался величайшій ея поэтическій геній, самый сильный представитель современной европейской поэзіи, геній, о сравненіи котораго съ кѣмъ бы то ни было изъ русскихъ писателей, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, и потому здѣсь, сопоставляя имена нѣкоторыхъ недюжинныхъ русскихъ поэтовъ и Некрасова, я дѣлаю это только съ цѣлью какъ можно рѣзче означить разъ навсегда разницу въ ходѣ развитія таланта Некрасова и дарованій всѣхъ остальныхъ русскихъ беллетристовъ, съ цѣлью указать геніальную, въ высшей степени симпатичную, исключительную черту его развитія. Черта эта сознательная современная народность, и черты этой не было ни въ какомъ изъ писателей, бывшихъ до Некрасова, а живетъ ли она у насъ во многихъ поэтахъ сейчасъ — это еще вопросъ. Начнемъ съ Пушкина: большой талантъ, дурно воспитанный, Пушкинъ всю свою жизнь забавлялся салонной поэзіей и если дѣлалъ попытки ступить на народную почву, то въ видѣ сказочки, исторической драмочки, славянской пѣсенки, гусарской стоянки, современная ему народная жизнь оставалась ему чуждой, а между тѣмъ обработка ея была въ то время возможна, вѣдь Некрасовъ, на примѣръ, написалъ «Скучно, скучно» не въ 1860 годахъ, а родился въ 1822 г.; между тѣмъ какъ Рылѣевъ былъ Пушкину современникомъ. Общепринятый преемникъ Пушкина Лермонтовъ написалъ «Калашникова», «Бородино», историческія рукопашья, да и пошелъ пѣтъ Кавказъ, разочарованіе, любовь. Гоголь выступилъ съ «Вечерами близъ Диканьки», этой первой попыткой у насъ встать на современную народную почву, и, какъ и слѣдовало ожидать отъ русской публики, вообще чуткой на правду, сразу приобрѣлъ «Вечерами» за-

служенное одобреніе передовыхъ людей своего времени, а какъ только пріобрѣлъ, такъ и на попятный дворъ и пошелъ писать о чиновникахъ, да блаженной памяти помѣщикахъ,—отнесся къ народу, какъ къ Петрушкѣ и Селифану, спусти рукава, вскользь, мужики у него дураки, толкуютъ о томъ, дойдетъ колесо до Казани, или не дойдетъ до Москвы, дѣвки (во 2-й части «Мертвыхъ Душъ») выступаютъ по улицѣ, взявшись за руки, груди миской, глаза рѣпой, а больше о нихъ ничего сказать и разгадать не умѣлъ, и естественно послѣ этого долженъ былъ Гоголь наконецъ договориться до «Переписки съ друзьями», а въ перепискѣ до колотушекъ».

Нужно ли объяснять, какъ все это преувеличено, мало продумано, сплошь дѣтски-наивно, и ужъ никоимъ образомъ не свидѣтельствуешь о серьезномъ знакомствѣ съ литературою и тонкомъ критическомъ пониманіи.

Какъ человѣкъ, Григорьевъ былъ очень симпатичный. Впрочемъ, я не сблизился коротко съ нимъ. Скоро онъ исчезъ куда-то. Кажется, онъ умеръ за границей. Г. Языковъ смѣшиваетъ его съ какимъ-то другимъ Григорьевымъ, Петромъ Николаевичемъ, умершимъ 10-го ноября 1882 года. «Этюды о русской литературѣ» въ «Общедоступной Библиотекѣ» принадлежать не Петру Николаевичу Григорьеву,—какъ думаетъ г. Языковъ,—а Прок. Вас. Григорьеву. Исправляю попутно эту ошибку библиографа.

Г. А. Мачтетъ помѣстилъ въ «Общедоступной Библиотекѣ» всего одинъ очеркъ «Преріи». Сначала предназначалось другое—восхитительная картинка изъ путевого дневника. Но цензура запретила, и очеркъ появился потомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Некрасову онъ очень понравился, и, обласканный поэтомъ, молодой писатель примкнулъ къ «Отечественнымъ Запискамъ».

Самымъ симпатичнымъ человѣкомъ являлся Д. Сильчевскій. Вѣчно увлекающійся, углубленный въ книги, библиографъ, слѣдящій за каждой новинкой, онъ терпѣлъ нужду, но покупалъ чуть не все, что только сколько нибудь заслуживало вниманія. Въ его квартирѣ собиралось много молодежи, велись горячіе споры. Жиденькій чаекъ и сухари—вотъ все угощеніе.

Занятый работами, изученіемъ литературы, я къ тому же часто прихварывалъ и потому рѣдко бывалъ у Сильчевскаго, но онъ заходилъ ко мнѣ, и у меня осталось впечатлѣніе о немъ, какъ объ идеалистѣ, съ чистой, дѣтской душой, довѣрчивомъ, увлекающемся, живущемъ въ мірѣ грезъ и теоретическихъ выкладокъ. Гдѣ онъ теперь, я точно не знаю. Кажется, женился, жилъ въ Москвѣ. Но правда ли это, я не могу сказать навѣрное. Если не ошибаюсь, ему пришлось поплатиться, какъ и многимъ, за свои ошибки. Но въ то время, какъ другіе, испутивъ ошибки молодости, вновь появились на горизонтѣ и заняли даже видное положеніе въ лите-

ратурѣ, Сильчевскій совсѣмъ ступевался, и его имени я не встрѣчаю въ журналахъ и газетахъ.

А. В. Каменскій—джентельменъ по манерамъ и обращенію, европеецъ по взглядамъ, человѣкъ очень образованный, умный, всѣхъ привлекалъ къ себѣ, но онъ не былъ, всетаки, тѣмъ литературнымъ дѣятелемъ, который могъ бы сплотить силы около журнала и поднять его значеніе, какъ это удалось, на примѣръ, Н. К. Михайловскому, ставшему во главѣ «Русскаго Богатства».

Не смотря на поддержку въ печати (Скабичевскій расхвалилъ журналъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ»), «Общедоступная Библиотека» скоро кончила свое существованіе.

По совѣту врача, въ маѣ 1875 г. я уѣхалъ въ Вологду, чтобы хотя сколько нибудь отдохнуть отъ тѣхъ жизненныхъ условій, которыя такъ вредно повліяли на мое слабое здоровье.

Я думалъ прожить въ Вологдѣ все лѣто. Но въ концѣ іюня я получилъ извѣстіе, что въ «Русской книжной торговлѣ» освобождается мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ. Я немедленно помчался опять въ Петербургъ, очень мало отдохнувъ у матери.

Но мѣста я не получилъ, а скоро и самый магазинъ перешелъ въ новыя руки.

Въ августѣ мѣсяцѣ умерла моя мать. Сестра, боясь испугать меня, письмомъ увѣдомила о томъ, что «мама умерла». Это извѣстіе страшно поразило меня. Я получилъ письмо въ «Русской книжной торговлѣ», не могъ удержаться и зарыдалъ. Болѣе мѣсяца я ходилъ, какъ убитый. Передо мною воскресали всѣ далекія картины, я перечитывалъ немногія оставшіяся письма матери, и въ каждой строчкѣ видѣлась ея тревога обо мнѣ. Я припоминалъ все, чѣмъ былъ виноватъ передъ нею, чѣмъ невольнo, вслѣдствіе розни взглядовъ, огорчалъ ее, и мнѣ дѣлалось больно и тяжело. Больно было и то, что сестра не увѣдомила меня о болѣзни; я бы «въ кабалу редакціонную» пошелъ, а пріѣхалъ бы на похороны.

«О, мать моя! Твоею лаской кроткой,
 «Какъ солнышка живительнымъ лучомъ,
 «Согрѣты были дни весны моея короткой..
 «Подна заботъ о «мальчикѣ своемъ»,
 «Ты о себѣ совсѣмъ позабывала,
 «Ты не жила, родная, для себя;
 «Ты обо мнѣ тревожно хлопотала
 «И безпокоилась, любя!

«Я помню день. Больной лежу въ кроваткѣ..
 «Мнѣ тяжело... нѣтъ силъ поднять руки..
 «Огонь горитъ предъ образомъ, въ лампадкѣ.
 «Вблизи меня—ты, полная тоски.
 «Ты шепчешь мнѣ, стараясь улыбнуться,
 «Слова любви. Внутри меня—огонь.
 «Я слабъ. Я не могу пошевеливаться;
 «Ты мнѣ на лобъ кладешь свою ладонь,

«И легче мнѣ. Но вотъ я вновь теряю
 «Сознаніе... Минуты ли бѣгутъ,
 «Часы ли тянутся, но только открываю
 «Глаза—попрежнему ты тутъ.
 «Я мучился—и ты со мной болѣла,
 «Меня томилъ недугъ, болѣла ты душой...
 «Забывъ себя, ты обо мнѣ скорбѣла,
 «Лишь для меня жила—и мной!
 «Тебя ужъ нѣтъ... Твои потухли очи,
 «Не я закрылъ ихъ любящей рукой...
 «Въ предчувствіи глубокой, вѣчной ночи
 «Ты обо мнѣ томилася тоской.
 «О, мать моя! Въ минуты испытанья,
 «Когда мой духъ слабѣетъ вдругъ въ борьбѣ,
 «Я воскресить спѣшу воспоминанья
 «Въ моей душѣ о дѣтствѣ и тебѣ!
 «И снова ты, съ улыбкой кроткой, нѣжной
 «Являешься, заоблачный мой другъ,
 «И, какъ тогда весною безмятежной,
 «Смягчаешь горечь тяжкихъ мукъ».

Я написалъ два стихотворенія, посвященныя памяти матери, и одно изъ нихъ было напечатано въ «Пчелѣ», въ редакцію П. Н. Полевого, а другое уже послѣ.

Проживя до сентября на Петербургской сторонѣ, гдѣ удалось помѣститься дешево, я осенью переѣхалъ въ «городъ», и опять пошла обычная жизнь.

Я жилъ въ сносной комнатѣ, хотя очень маленькой, и работалъ съ утра до восьми часовъ въ Публичной Библиотекѣ, собирая матеріалы, читая, а ночью, съ одиннадцати до двухъ, трехъ—работалъ дома. Я сдѣлался усерднымъ вкладчикомъ въ «Дѣтское Чтеніе», «Семью и Школу», писалъ въ «Ремесленную Газету», «Будильникъ» и уже немножко въ «Пчелу», въ которой съ 1876 года сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ, въ качествѣ журнальнаго обозрѣвателя и библиографа, помѣщая въ то же время въ «Пчелѣ» стихи и рассказы.

Съ этого момента я вступаю въ лучшій періодъ матеріальнаго обезпеченія. Но прежде чѣмъ рассказывать о жизни новаго періода, я хочу рассказать объ одномъ фактѣ, совсѣмъ уже не литературнаго характера, и затѣмъ о двухъ фактахъ изъ моихъ цензурныхъ злоключеній.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1876 года я переѣхалъ на Вознесенскій проспектъ, въ домъ Лихачева, въ которомъ одна мѣщанка держала меблированныя комнаты. Я переѣхалъ потому, что здѣсь жило нѣсколько земляковъ-студентовъ. Хозяйка была въ связи съ какимъ-то факторомъ изъ типографіи. У нихъ вышла ссора, кончившаяся кровавой драмой, о которой говорилъ въ своемъ «Дневникѣ» Э. М. Достоевскій. Большаго переполоха надѣлала эта исторія.

Еще утромъ роковаго дня они поссорились. Потомъ помирились и вечеромъ мирно пили чай въ кухнѣ, возлѣ которой была темная комната, гдѣ они и спали.

Въ восемь часовъ вечера я уѣхалъ куда-то.

— Поздно вернетесь? — спросилъ меня хозяинъ (мы такъ звали его).

— Да, послѣ двѣнадцати, а то позже. А что?

— Такъ, ничего.

Я вернулся раньше, чѣмъ предполагалъ.

Раздѣвшись, я легъ въ постель, а свѣчку поставилъ за ширмы. Я началъ читать, но задремалъ. Вдругъ какой-то шумъ разбудилъ меня.

Я началъ прислушиваться. Кто-то бѣгалъ по корридору и словно лилъ воду на полъ. Меня охватилъ паническій ужасъ. Я соскочилъ съ кровати и быстро заперъ дверь на ключъ.

Въ эту минуту сосѣдка крикнула мнѣ изъ комнаты:

— Вы не спите?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Кто это бѣгаетъ по корридору?

— Не знаю.

— Посмотрите. Я боюсь.

Я тоже боялся. Но не открывшись въ этомъ сосѣдкѣ, я приставилъ къ двери стулъ и черезъ стекло посмотрѣлъ въ корридоръ.

Я не понималъ, въ чемъ дѣло. Я видѣлъ только, что хозяйка лежитъ на полу, возлѣ нея ночникъ.

Я сказалъ.

Тогда сосѣдка выглянула и въ ужасѣ опять вскочила въ свою комнату.

Она подняла тревогу. Выскочили жильцы. Одѣвшись, вышла и я.

Это была ужасная картина.

Хозяйка лежала на полу съ перерѣзаннымъ горломъ. Кровь ручьемъ хлестала на полъ.

Сейчасъ же многое объяснилось. Она бѣгала по корридору, ища спасенія или желая, вѣроятно, еще сказать кому нибудь о томъ, кто ее убилъ. Комната, гдѣ жили мои земляки, братья П—вы, также не была заперта. Но они, услышавъ бѣготню, успѣли дверь припереть. Хозяйка начала ломиться. Дверь затрещала. Они оба налегли извнутри на дверь.

— Кто ломится, мы и сами понять не могли,—говорили они потомъ,—но испугались.

Конечно, дали знать полиціи и проч. Наѣхали власти. Его нашли также съ перерѣзаннымъ горломъ. Онъ, значить, сначала зарѣзалъ ее, хвативъ очень сильно, а потомъ и себя, но, кажется, гораздо слабѣе.

Всѣ мы подверглись «волокигѣ». Кажется, даже сначала по-дозрѣвали, не оба ли кѣмъ нибудь зарѣзаны.

Но эта кровавая драма такъ сильно подѣйствовала на всѣхъ насъ, что мы не безъ трепета проходили по корридору даже днемъ. Разъ какъ-то завыло въ водопроводѣ. Кухарка опрометью бросилась изъ кухни и только тогда согласилась идти ставить самоваръ, когда съ нею въ кухню пошли и два жильца. Всѣ мы, съ наступленіемъ сумерекъ, собирались въ одну комнату и здѣсь проводили весь вечеръ. Обыкновенно появлялось пиво, и начиналось пѣніе.

Въ нашемъ домѣ и жильцы противоположнаго дома, шутя, говорили:

— Ишь, скубенты (большинство жильцовъ были студенты) убили хозяйку, да и справляютъ тризну!

Разумѣется, при первой возможности (у многихъ деньги были уже заплочены) всѣ мы съѣхали.

Послѣ хозяйки осталось двое дѣтей. Обоихъ взяли добрые люди.

Теперь о моихъ цензурныхъ «злключеніяхъ».

Я написалъ для «Семьи и Школы» рассказъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Савичъ». Самый невинный рассказъ: бѣднякъ, покинутый всѣми, подъ Новый годъ замерзаетъ на чердакѣ. Рассказана была прошлая жизнь Савича, полная добра и любви къ ближнему. Въ заключеніе—воззваніе къ сердцу читателя. Ни я, ни Симашко не сомнѣвались, что рассказъ пройдетъ. И вдругъ—цензурное veto.

По совѣту Юл. Ив. поѣхалъ я къ цензору В. Онъ жилъ на Васильевскомъ островѣ. Приѣзжаю. Выходитъ и встрѣчаетъ болѣе чѣмъ любезно.

— Чудная вещь! Дѣтямъ я давалъ своимъ читать—плакали. Самъ плакалъ, вѣрите ли!

— Отчего же не пропускаете?

— Я? Богъ съ вами! Обѣими руками! Но остальные... Я ужъ какъ защищалъ васъ, но всѣ остальные ни за что не согласны! Если бы вы знали, какъ мнѣ жаль. «Пропала книга», помните, Некрасова? Ахъ, какъ жаль! Но что дѣлать! Покоримся!

Какъ я ни упрашивалъ—напрасно. Пришлось покориться. Но вообразите, узнаю послѣ, что В. главнымъ образомъ сильнѣе всѣхъ и возсталъ противъ пропуска.

А я въ наивности повѣрилъ всему, что говорилъ мнѣ В.

Второй казусъ съ поэмой «Ваня» произошелъ за нѣсколько дней до Новаго года, но окончился благополучно.

Я пришелъ въ редакцію «Дѣтскаго Чтенія» получить авансомъ деньги (первый авансъ).

— Да вашу поэму-то не пропускаетъ цензоръ, придется безъ нея верстать.

Это извѣстіе озадачило меня.

— Значить, и авансъ...

— Не могу же я платить за то, что не пойдетъ.

Одно спасеніе ѣхать самому къ цензору.

Я поѣхалъ.

Цензоръ (теперь уже покойный) встрѣтилъ меня любезно и выразилъ сожалѣніе.

— Вѣдь деньги потеряете, да?

— Конечно, ваше пр-во.

— Жаль! Такъ вотъ что сдѣлайте. У васъ мальчикъ-герой замерзаетъ. Это нехорошо. Добрые родители ждутъ его домой, а онъ замерзаетъ. Они молятся, а Богъ не внимаетъ молитвъ... Для дѣтей такъ нельзя. Вы его оживите, я и пропущу!

Я передѣлалъ куплетъ, вставилъ новый—и мальчикъ ожилъ. Его «отходили».

— Вотъ и славно,—добродушно сказалъ цензоръ:— и нравственно, и пріятно.

Поэма была пропущена.

Я полетѣлъ обратно въ редакцію.

— Ну, что?

— Пропустилъ.

— Ну, тогда вотъ вамъ авансъ.

Ожилъ мой герой—ожилъ и я душою.

А дальше легче и свѣтлѣ потянулась моя дорога.

Пусть еще нѣкоторое время продолжалась та же вѣчная пляска на канатѣ, по выраженію покойнаго Каронина, необезпеченное «завтра», какъ и у большинства пишущаго люда, но греческія кух-мистерскія, мансарды уже отошли въ область преданія.

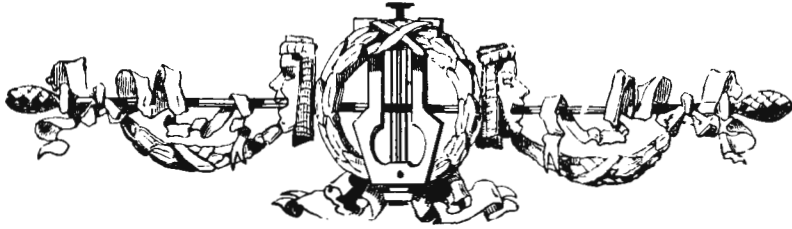
— Пока силы есть, и руки пишутъ!—замѣтилъ мнѣ пріятель.

— Ну, конечно! Да что же дѣлать?

Впрочемъ, можно сказать, «что именно дѣлать», да и условія не благопріятны, и рознь писательская сильна и мѣшаетъ.

Александръ Кругловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

XVI.

В. В. Измайловъ.—Отношенія къ нему Сосницкаго. — Ученики драматическаго искусства. — Начало моего знакомства съ Измайловымъ. — Наружность Измайлова.—Высокое мнѣніе Измайлова о своей красотѣ.—Служба Измайлова въ нѣмецкомъ театрѣ.—Переходъ Измайлова въ русскую труппу.—Переложеніе стиховъ Грибоѣдова. — Имитаторскія способности Измайлова.—Мать Измайлова.—Разговоръ съ актрисой за кулисами. — Отъѣздъ на гастроли. — Возвращеніе въ Петербургъ.—Объясненіе съ режиссеромъ Е. И. Вороновымъ.—Отставка Измайлова.—Его пагубная страсть.—Спектакль въ Царскосельскомъ клубѣ. — За хитрость—хитрость.—Продѣлка съ буфетчикомъ.—На репетиціи въ Дудергофскомъ театрѣ.—Какъ Измайловъ познакомилъ супруговъ.

ВЪ ЧИСЛѢ ГОСТЕЙ, часто посѣщавшихъ Сосницкаго, былъ нашъ помощникъ режиссера Василій Васильевичъ Измайловъ, года два тому назадъ умершій въ бѣдности, которая была слѣдствіемъ его невоздержной жизни.

Измайловъ слылъ за главнаго любимца Ивана Ивановича. Онъ сумѣлъ такъ расположить къ себѣ старика, что тотъ серьезно вѣрилъ въ его преподавательскія способности и посылалъ къ нему обучаться драматическому искусству всѣхъ, являвшихся за этимъ къ нему самому.

— Ступайте-ка, мой другъ,—такъ говорилъ Сосницкій каждому просителю,—въ Коломну, къ одному молодому человѣку. Вотъ его

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 108.

адресъ. Онъ очень свѣдуецъ по этой части. Вы скажите, что я васъ прислалъ, и онъ станетъ хорошо съ вами заниматься, а главное за свои уроки онъ возьметъ очень недорого. Меня же, старика, ужъ вы извините, я слишкомъ занятъ по службѣ.

Конечно, послѣ такой аттестаціи, любитель драматическаго искусства отправлялся къ Измайлову, который устраивалъ ему официальный пріемъ и послѣ легкой проэкзаменовки съ видомъ глубокомысленнаго профессора говорилъ:

— Извольте, я готовъ васъ учить, но предупреждаю, что беру за урокъ никакъ не меньше двухъ рублей, и при непремѣнномъ условіи, чтобы эти уроки были какъ можно чаще. Иначе я не берусь отвѣчать за ваши успѣхи.

Нѣкоторые мученики страсти, конечно, этому повиновались.

Измайловъ былъ величайшимъ комикомъ въ жизни, причѣмъ былъ не лишень наблюдательности и остроумія. Всѣ эти качества впервые открылъ въ немъ я. Такимъ образомъ, честь возведенія его «до степеней извѣстныхъ» принадлежитъ мнѣ, популяризовавшему его въ артистическомъ кружкѣ и перезнакомившему его со всѣми закулисными дѣятелями, раньше его службы при Александринскомъ театрѣ. Черезъ меня онъ сошелся и съ Сосницкимъ.

Мое знакомство съ Василиемъ Васильевичемъ началось со времени моего пребыванія въ театральномъ училищѣ, когда я проживалъ въ отдѣльной комнатѣ съ покойнымъ пѣвцомъ русской оперы Васильевымъ 2-мъ. Наша комната выходила въ корридоръ, который велъ въ церковь.

По воскресеньямъ, во время обѣдни, у насъ обыкновенно бывало не мало гостей, заходившихъ изъ церкви покурить и «поболтать». Конечно, въ большинствѣ это была молодежь.

Какъ-то, въ одинъ изъ такихъ праздничныхъ визитовъ, одинъ изъ товарищей привелъ къ намъ Измайлова, въ то время еще очень молодаго человѣка, отличавшагося, какъ про него говорили, «нескладной фізіономіей». Его и безъ того некрасивое лицо портилъ громадный носъ, который имъ безпрестанно начинался нюхательнымъ табакомъ. Эту привычку онъ усвоилъ съ ранней юности. На головѣ Измайлова торчали вихрами густые, жесткіе, рыжеватые волосы; маленькими, всегда снующими изъ стороны въ сторону глазами, онъ никогда не смотрѣлъ прямо на собесѣдника, а длинными, красными и всегда холодными руками, не гармонировавшими съ его небольшимъ ростомъ, Василій Васильевичъ возбуждалъ непріятное ощущеніе у всякаго, отвѣчавшаго ему рукопожатіемъ.

Однако, своей фізіономіей Измайловъ былъ очень занятъ и находилъ ее достаточно привлекательной. Стѣсняясь самовосхищеніемъ въ настоящемъ, Василій Васильевичъ любилъ рассказывать, какъ въ дѣтствѣ всѣ называли его красавцемъ.

— Мои волосы всегда завивали длинными локонами,—говаривалъ онъ, — и когда, бывало, въ сопровожденіи няньки я гулялъ по улицамъ, то ни одна женщина не могла пройти мимо меня безъ восторженнаго замѣчанія: «Ахъ, какой ангельчикъ!».

Измайловъ отличался оригинальнымъ складомъ ума и умѣньемъ подлаживаться къ людямъ, отъ которыхъ можно было извлечь какую либо пользу. Съ такою способностью, казалось, онъ могъ бы сдѣлать себѣ прекрасную карьеру, между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что онъ чуть ли не спился. Василій Васильевичъ могъ очаровать каждаго своимъ остроумнымъ разговоромъ, своими ловкими манерами.

При первомъ же его визитѣ, я съ нимъ сошелся, и затѣмъ мы видѣлись съ нимъ довольно часто. Онъ нравился мнѣ, и я, по силѣ возможности, ему протезировалъ. Мои старанія не пропали даромъ, и въ концѣ-концовъ онъ добился желанныхъ результатовъ.

Измайловъ разсказалъ мнѣ, что онъ бывшій вольноприходящій ученикъ нашего театральнаго училища и уже съ годъ назадъ выпущенъ на службу въ труппу нѣмецкаго театра. Свой разсказъ онъ пересыпалъ остротами и прибаутками и, между прочимъ, упомянулъ, что не знаетъ того языка, на которомъ играетъ.

— Какъ же это такъ?

— А изволите ли видѣть,—продолжалъ онъ, съ наслажденіемъ втягивая въ себя чуть не горсть нюхательнаго табаку,—я учился здѣсь долго «и танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ», но такъ какъ я ни слова не зналъ понѣмецки, что отлично было извѣстно моему ближайшему начальству и профессорамъ, то меня и выпустили въ тевтонскую труппу. Это всѣмъ имъ казалось новымъ и оригинальнымъ, изъ меня, такъ сказать, сдѣлали пионера...

— Что же вы дѣлаете въ нѣмецкомъ театрѣ? Не зная языка, вы тамъ ничего не добьетесь.

— Я это и самъ такъ думаю, но начальству съ горы виднѣе... Однако, пока я стараюсь всѣми силами походить на нѣмца и въ каникулы непременно выращу на шеѣ бороду, благодаря которой у меня получится художественный типъ бюргера. Теперь же я усердно исполняю обязанности выходнаго актера.

Улучивъ удобную минуту, Измайловъ сказалъ мнѣ однажды:

— Моя мечта—перейти въ русскую драматическую труппу, и вы сдѣлали бы для меня громадное одолженіе, познакомивъ съ Василько-Петровымъ... Не выйдетъ ли изъ меня путнаго чегонибудь подъ его руководствомъ?

Я исполнилъ его желаніе, и вскорѣ, по ходатайству Василя Петровича, Измайловъ былъ переведенъ изъ нѣмецкаго театра въ русскій, гдѣ ему и поручили обязанности помощника режиссера. Съ этого-то времени и начинается его извѣстность. Я перезнакомилъ его со всѣми, и онъ успѣшно поддержалъ мою рекомендацію. Измайловъ вездѣ былъ желаннымъ гостемъ и такъ умѣлъ всякому

понравиться, что многіе души въ немъ не чаяли. Впрочемъ, это продолжалось не долго. Владимірскій предводитель дворянства М. И. Огаревъ (мужъ артистки А. М. Читау), занимавшійся антрепризой въ г. Владимірѣ, пригласилъ Василія Васильевича къ себѣ въ качествѣ актера на первыя роли и вмѣстѣ съ тѣмъ режиссеромъ.

Во время своего краткаго пребыванія въ Александринскомъ театрѣ, Измайловъ сумѣлъ прекрасно себя зарекомендовать. Каждой актрисѣ и актеру онъ всегда находилъ сказать что нибудь пріятное. При случаѣ умѣлъ повеселить, разсмѣшить, утѣшить и услужить. И въ это же время про каждого успѣвалъ пустить въ ходъ шуточку, анекдотъ и пр.

Однажды онъ ловко переложилъ монологъ Фамусова о Москвѣ изъ втораго дѣйствія «Горя отъ ума», примѣнивъ его къ тогдашнимъ театральнымъ порядкамъ. Василій Васильевичъ замѣчательно удачно имитировалъ московскаго актера С. В. Шумскаго и петербургскаго В. В. Самойлова, въ роляхъ котораго впослѣдствіи часто выступалъ на провинціальныхъ сценахъ. Въ особенности же онъ былъ хорошъ въ большой роли Самойлова — Рিশелье, при исполненіи которой, какъ мнѣ передавали очевидцы, онъ имѣлъ всегда шумный успѣхъ.

Въ домашней жизни Измайловъ былъ тоже курьезнымъ человекомъ. Напримѣръ, будучи уже взрослымъ человекомъ, онъ боялся своей матери, съ которой никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не разставался. При ея замѣчаніяхъ и выговорахъ онъ положительно терялся и впадалъ въ глубокое уныніе. Василій Васильевичъ получилъ вполнѣ женское воспитаніе: умѣлъ шить, вязать, вышивать и пр. На женщинъ Измайловъ смотрѣлъ только идеально, и всѣ его нѣжности заключались лишь въ почтительномъ цѣлованіи ручекъ. Бывая со мной въ знакомыхъ домахъ, онъ подчасъ очень смѣшилъ своими замѣчаніями и наблюденіями надъ окружающими.

За кулисами онъ всегда отличался различными выходками и юмористичными отвѣтами. Второстепенная актриса Z., игравшая въ какой-то свѣтской комедіи роль баронессы, кровной аристократки, такъ эксцентрично вырядилась и нарядилась, что сдѣлалась по наружному виду прямо-таки неприличной особой. Передъ выходомъ на сцену она обращается къ Измайлову съ вопросомъ, напрашиваясь на комплиментъ:

— Василій Васильевичъ, какъ вы меня находите? Мнѣ все кажется, что я мало похожа на баронессу.

Тотъ осмотрѣлъ ее внимательно и пресерьезно отвѣтилъ:

— Нѣтъ-съ... отчего же?.. Бываютъ и такія...

— Мнѣ думается, что я недостаточно загримирована?

— Не скажите!.. Я даже одинъ разъ видѣлъ такую.

Прослуживъ сезонъ во Владимірѣ у М. И. Огарева, Измайловъ возвратился снова на императорскую сцену. Онъ сыгралъ на

пробномъ спектаклѣ роль Чацкаго и Жадова. Успѣхъ былъ незначительный, но тѣмъ не менѣе онъ былъ оставленъ на службѣ при Александринскомъ театрѣ. Однако ему не везло: хорошихъ ролей ему не поручали, и онъ долгое время сидѣлъ на выходахъ. На это онъ жестоко обижался, и когда, наконецъ, терпѣніе его лопнуло, онъ обратился къ режиссеру Е. И. Воронову съ требованіемъ поставить специально для него «Ришелье».

— Эхъ, г. Измайловъ, — отвѣтилъ на это Вороновъ, любившій порезонерствовать, — предоставьте намъ знать, что слѣдуетъ вамъ играть, и не просите такихъ ролей, которыхъ не сможете исполнить.

— Почему же не могу?

— Нельзя вамъ играть отвѣтственные роли, повѣрьте моею долголѣтней опытности.

— Почему же нельзя?—задорно переспросилъ Измайловъ. — Потрудитесь, Евгеній Ивановичъ, пояснить. Мнѣ это очень важно, интересно знать.

— Таланта нѣтъ!—не задумываясь отрѣзалъ режиссеръ.

Измайловъ не перенесъ равнодушія начальства, вышелъ въ отставку и началъ искать заработка на частныхъ сценахъ. Однако, заработки эти были такъ незначительны, что Измайловъ спознался съ нуждою и впалъ въ крайность. Тутъ уже безъ всякаго удержа предался онъ пьянству и въ короткое время опустился до неузнаваемости. Попытки друзей удержать его отъ этой разрушительной страсти были напрасны. Антрепренеры стали его избѣгать, потому что появляться на сценѣ «въ своемъ видѣ» онъ уже не сталъ вовсе; нерѣдко случалось, что изъ-за него приходилось отмѣнять спектакли. Пробовали съ Измайловымъ нянчиться, т. е. въ день спектакля оберегать его, но и это было бесполезно, потому что онъ всетаки изловчался къ вечеру быть въ слишкомъ высокихъ градахъ.

Однажды онъ былъ причиною такого забавнаго случая.

Устроитель спектаклей въ Царскосельскомъ клубѣ N. пригласилъ его участвовать въ какой-то драмѣ. Желая сохранить Василія Васильевича въ трезвомъ состояніи, онъ вывезъ его изъ Петербурга и привезъ въ Царское Село подъ собственнымъ присмотромъ. Приѣхавъ въ клубъ, устроитель прежде всего бросился въ буфетъ и сказалъ буфетчику:

— Есть тутъ актеръ Измайловъ... худой, тощій... старикъ... Пожалуйста, ни одной водочной капли ему не давайте...

— Слушаю!

— Если же вы отпустите ему хоть только рюмку водки, придется спектакль отложить...

Чтобы запугать буфетчика, устроитель пустился на хитрость и нагналъ на Измайлова:

— Да и, кромѣ того, онъ обладаетъ ужасно скандальнымъ правомъ: чуть выпьетъ — тотчасъ начинаетъ ни съ того, ни съ сего рамы высаживать... Всѣ стекла вамъ переколотить...

Буфетчикъ поклялся Василия Васильевича примѣтить и водки ему не давать.

Кто-то, слышавшій приказаніе устроителя, шутя и надсмѣхаясь, сообщилъ объ этомъ Измайлову, который сейчасъ же отправляется въ буфетъ и таинственно говоритъ буфетчику:

— Есть у насъ въ труппѣ актеръ Измайловъ, вы не давайте ему водки.

— Меня объ этомъ ужъ предупреждали...

— И отлично!.. А мнѣ нацѣдите-ка рюмочку, да вонъ ту, которая побольше...

Василій Васильевичъ выпилъ, закусилъ и снова заговорилъ:

— Этотъ Измайловъ удивительный пьянчуга!...

— Да-съ, говорятъ...

— И при томъ буянъ,—продолжаетъ мистифицировать Измайловъ.

— Любить стекла бить,—добавляетъ буфетчикъ.

— Вотъ именно,—соглашается Василій Васильевичъ и, перемѣняя тонъ, произноситъ, указывая на рюмку:—налейте-ка еще!

Выпиваетъ и послѣ небольшой паузы убѣдительнымъ голосомъ говоритъ:

— Такъ ужъ, пожалуйста, не давайте ему водки.

— Будьте покойны—капли не увидить.

— Пожалуйста! А то натрескается, какъ подлець, и спектакль не состоится...

— Да ужъ не беспокойтесь—къ буфету не подпущу.

— Пожалуйста, убѣдительно васъ прошу!

— Ладно, ладно...

— А мнѣ налейте-ка еще, да ужъ не въ рюмочку, а въ стаканчикъ.

Измайловъ захмелѣлъ, насупился и, послѣ еще выпитыхъ двухъ стакановъ водки, сложилъ руки на груди крестомъ и строго спросилъ буфетчика:

— Что ты надѣлалъ?

— Насчетъ чего это вы?

Измайловъ укоризненно покачалъ головой:

— Ты разстроилъ спектакль!

— Какъ же это?

— Напоилъ ты актера Измайлова! Вѣдь Измайловъ-то я самый и есть!

Буфетчикъ въ ужасѣ чуть не выронилъ изъ рукъ графина съ водкой и до прихода устроителя не могъ выговорить ни слова.

— Разбойникъ!—отчаянно возопилъ антрепренеръ.—Зарѣзалъ! Убилъ! Тебя въ Сибирь стоитъ сослать...

На репетиціи въ Дудергофскомъ театрѣ актеръ Н—ковъ познакомилъ Измайлова съ своей женой. Втроемъ они отошли въ сторонку и долго бесѣдовали.

На спектаклѣ Василій Васильевичъ по обыкновенію былъ «на взводѣ». Въ одномъ изъ антрактовъ подходитъ онъ къ Н—кову и, указывая на его жену, тихо говоритъ:

— Знакомы вы съ этой артисткой?

Н—ковъ улыбнулся и шутя отвѣтилъ:

— Нѣтъ!

— Пойдемте, я васъ представлю.

Измайловъ подводитъ мужа къ женѣ и рекомендуетъ:

— Мой лучшій другъ Н—ковъ! Онъ давно надоѣдаетъ мнѣ просьбами, чтобы я его познакомилъ съ вами... Любите его и жалуйте: онъ отличается лучшими качествами благороднаго человѣка...

Потомъ мужу аттестуетъ жену:

— Наша прелестная Надежда Павловна... Женщина добрѣйшей души и веселаго характера...

Супруги расхохотались и вывели Измайлова изъ заблужденія. Онъ отплюнулся и сказалъ:

— И чортъ васъ знаетъ, когда только вы успѣваете пережениться.

XVII.

А. Е. Мартыновъ, какъ человѣкъ и артистъ.—Безпокойство Мартынова относительно Оедорова.—Его разговоръ по этому поводу.—Его скромность.—Нужда Мартынова.—Его провинціальныя гастроли.—Докторское внушеніе насчетъ отдыха.—Красноярчивый совѣтъ Мартынова.—Участіе Мартынова въ пьесахъ Чернышева.—Послѣ представленія «Жениха изъ долговаго отдѣленія».—Вѣсть о смерти Мартынова.—Въ Павловскѣ.—Похороны Мартынова.—Надгробное слово актера З.

Будучи еще очень юнымъ, я пользовался добрымъ вниманіемъ Александра Евстаѣевича Мартынова и нерѣдко бывалъ у него въ домѣ.

Говорить объ его талантѣ, о художественной, гениальной игрѣ значитъ повторять въ тысячный разъ старую истину. Для оцѣнки его сценическаго дарованія недостаточно однихъ словъ,—они никогда не выразятъ того восхищенія, какое выносилъ каждый зритель изъ театра, когда игралъ этотъ замѣчательный артистъ. Я же, помимо сцены, былъ отъ него въ восторгѣ, какъ отъ хорошаго, доброжелательнаго, безкорыстнаго, честнаго человѣка. Съ этой стороны Мартыновъ былъ такъ же безупреченъ, какъ и со стороны артистической. Трудно представить себѣ другого артиста, при репутаціи и славѣ Александра Евстаѣевича, болѣе скромнаго и доступнаго для всякаго.

Онъ никогда не кичился своими успѣхами, не гордился своимъ положеніемъ и никогда не добивался выйти изъ-подъ власти начальства, какъ дѣлали это его знаменитые товарищи, пользовавшіеся авторитетомъ и имѣвшіе большое вліяніе на теченіе закулисныхъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи Мартыновъ былъ неподражаемъ.

Помнится, въ одну изъ субботъ, когда у него по заведенному порядку собирались гости, онъ за ужиномъ, между прочимъ, кстати сказалъ, что начальникъ репертуара сдѣлалъ ему какія-то непріятности.

— Очевидно, онъ мною недоволенъ, но почему?—недоумѣвалъ Александръ Евстаѣевичъ.—Я просто ума не приложу, чѣмъ я ему не угодилъ? Это ужасно! Я такъ боюсь неудовольствія начальника репертуара, что хоть сейчасъ бы побѣжалъ къ нему за разъясненіями.

Одинъ изъ гостей возразилъ ему на это:

— Ну, вамъ-то нечего особенно бояться...

— Какъ нечего? Что вы, что вы!.. Да вѣдь отъ начальника репертуара вся судьба моя зависитъ.

— Какъ вамъ не грѣхъ это говорить, Александръ Евстаѣевичъ? Вотъ вы все повторяете «начальникъ репертуара» да «начальникъ репертуара», а на самомъ-то дѣлѣ, что онъ значить для васъ! При вашемъ талантѣ, вамъ никто не можетъ быть страшенъ. Для васъ нѣтъ начальства и не будетъ.

— Богъ съ вами, что вы такое говорите!—почти съ ужасомъ воскликнулъ Мартыновъ.—По моему не только Павелъ Степановичъ Оедоровъ, но каждый человѣкъ въ мірѣ, который можетъ мнѣ сдѣлать гадость, есть мой начальникъ.

Имѣя большое семейство и получая ограниченное содержаніе, А. Е. Мартыновъ испытывалъ постоянные недостатки, благодаря чему часто предпринималъ путешествія въ провинцію для заработка. Онъ даже и скончался во время гастролированія въ Харьковѣ.

Хотя лечившій Мартынова докторъ и запрещалъ ему утомлять себя лѣтними экскурсіями по провинціальнымъ театрамъ, но Александръ Евстаѣевичъ не слушалъ его совѣтовъ.

— Вамъ нужно лечиться,—говорилъ ему докторъ передъ послѣдней его поѣздкой,—серьезно лечиться. Вы не имѣете права растрчивать своихъ силъ, которыхъ у васъ такъ немного. Вамъ надлежитъ отдохнуть въ полномъ спокойствіи все лѣто и непременно на югѣ. Если вы на это не согласитесь, я не отвѣчаю за возстановленіе вашего здоровья...

Въ отвѣтъ на это Мартыновъ печально улыбнулся и, ни слова не говоря, вышелъ въ сосѣднюю комнату, изъ которой тотчасъ же возвратился въ сопровожденіи своихъ подростковъ-дѣтей. Указывая на нихъ доктору, онъ сказалъ:

— Вотъ вамъ мой отвѣтъ! Не правда ли, краснорѣчивый?..

— Для нихъ-то вы и должны себя беречь!

— Нѣтъ, докторъ, объ этомъ говорить не будемъ!..

Съ бывшими своими сверстниками и товарищами по театральному училищу Мартыновъ былъ всегда въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, не смотря ни на какое ихъ ничтожное положеніе при театрѣ. Къ молодымъ, начинающимъ актерамъ Александръ Евстаѣевичъ былъ безконечно внимателенъ и ласковъ. Покойный актеръ Иванъ Егоровичъ Чернышевъ, написавшій нѣсколько удачныхъ пьесъ, всегда говорилъ, что тремя четвертями своего успѣха онъ обязанъ Мартынову, который помогаль ему не только тѣмъ, что бралъ пьесы для своихъ бенефисовъ и игралъ въ нихъ главные роли, но и тѣмъ, что до появленія ихъ въ свѣтъ дѣлалъ автору полезныя указанія и давалъ совѣты. Помню, какъ послѣ перваго представленія одноактной комедіи «Женихъ изъ долговаго отдѣленія», гдѣ Мартыновъ превзошелъ себя, играя роль Ладышкина, Чернышевъ былъ въ такомъ безумномъ восторгѣ отъ успѣха своего произведенія, что по окончаніи спектакля почти насильно потащилъ меня въ старый Палкинской трактиръ, гдѣ мы съ нимъ досидѣли чуть не до разсвѣта. Иванъ Егоровичъ все время не переставая пилъ шампанское за здоровье Мартынова съ искреннимъ пожеланіемъ ему долголѣтія...

Вѣсть о смерти Мартынова въ Харьковѣ буквально опеломила весь Петербургъ. О безвременной потерѣ Александра Евстаѣевича печалился каждый, кто его зналъ. А кто же въ Петербургѣ не зналъ Мартынова? Разсказывали, что когда эта грустная вѣсть достигла Павловска въ разгаръ гулянья, то тотчасъ же большинство публики разѣхалось и ушло съ музыки: такъ всѣмъ это горе было тяжело и близко.

Похороны Мартынова, происходившія въ Петербургѣ, были торжественны и необычайно многолюдны. Послѣ отпѣванія въ Знаменской церкви, что близъ Николаевского вокзала, въ приходѣ которой послѣдніе годы проживалъ покойный, гробъ былъ поставленъ на колесницу, лошади у которой тотчасъ же были отпряжены, и народъ на себѣ повезъ прахъ своего незамѣнимаго любимца, вплоть до самаго Смоленскаго кладбища. Такихъ трогательныхъ похоронъ мнѣ болѣе никогда не случалось видѣть. Малолѣтнія дѣти Мартынова были посажены на колесницу около гроба отца, котораго они горько оплакивали...

На могилѣ было пролито много слезъ, и произнесено было безчисленное множество прочувствованныхъ рѣчей. А одинъ изъ старыхъ товарищей покойнаго, незначительный актеръ З., съ горя выпившій малую толику хмельной влаги, подошелъ къ могилѣ, заливаясь слезами, и, бросивъ въ нее восковую свѣчу, проговорилъ:

— Сапа! Вотъ все, что могу дать тебѣ въ знакъ любви и памяти! Жди меня, скоро увидимся.

XVIII.

А. М. Максимовъ 1-й.—Баловень судьбы.—Молодость Максимова.—Кутежи и разгулы.—Надломленное здоровье.—Поѣздка по высочайшему повелѣнію за границу.—Благоговѣніе Максимова къ императору Николаю Павловичу.—Актеръ строгаго государя.—Религіозность Максимова.—Его поѣздки въ Деревяницкій монастырь.—Роли Максимова съ выписками изъ Евангелія.—Ревнивое обереганіе своего репертуара.—Попытка И. В. Самарина перейти на петербургскую сцену.—Неудача этой затѣи.—Мое участіе въ послѣднемъ бенефисѣ Максимова.—Разговоръ съ нимъ по этому поводу.—Обращеніе Максимова съ сослуживцами.—Споръ съ актрисой В.—Ея внушеніе и его рѣзкій отвѣтъ.—Недолговременная отставка Максимова.—Публичные протесты его друзей и поклонниковъ.—Его привычка идти по суфлеру.—Острота Максимова на репетиціи.

Совершенно другого характера и нрава былъ современникъ Мартынова, любимецъ императора Николая Павловича и баловень петербургской публики, Алексѣй Михайловичъ Максимовъ 1-й. Въ продолженіе 27 лѣтъ онъ не переставалъ занимать амплу перваго любовника и молодыхъ людей въ драмѣ, комедіи и водевилѣ, причѣмъ въ послѣднихъ дѣйствительно игралъ прекрасно, съ неподдѣльной веселостью и комизмомъ. Послѣ же смерти трагика В. А. Каратыгина, взялся онъ играть и «Гамлета», въ которомъ, пользуясь правами любимца, имѣлъ такъ же выдающійся успѣхъ.

По дарованію своему, Максимовъ никоимъ образомъ не могъ идти въ сравненіе ни съ Мартыновымъ, ни съ В. В. Самойловымъ, но, благодаря пристрастно относившейся къ нему публикѣ, онъ съ ними всегда могъ поспорить относительно успѣха. Никогда никого такъ много не вызывали и никому не апплодировали до неистовства такъ, какъ Максиму, чрезмѣрно этимъ гордившемуся.

Не смотря на страшную худобу Максимова и довольно невыгодную наружность для ролей пламенныхъ любовниковъ, зрительницы находили Алексѣя Михайловича очень красивымъ и интереснымъ. Это, конечно, значительно способствовало упроченію его славы и популярности.

Въ молодости Максимовъ былъ кутилой и весельчакомъ. Онъ былъ общимъ другомъ и пріятелемъ чуть не всей тогдашней кутящей молодежи, въ компаніи которой проводилъ все свое свободное время. Однако, бурно проведенная молодость не прошла для него безслѣдно, надломивъ его организмъ. Впослѣдствіи онъ постоянно хворалъ и упрекалъ себя за ненормальную жизнь. Во время загула, Алексѣй Михайловичъ былъ неукротимъ въ шалостяхъ и въ безобидныхъ, анекдотическихъ, продѣлкахъ... Однако, не смотря на свою невоздержную жизнь, Максимовъ всегда серьезно и съ уваженіемъ относился къ своимъ артистическимъ занятіямъ. Онъ не позволялъ себѣ выйти на сцену, не зная твердо

роли или не отдѣлавъ ея до мельчайшихъ подробностей, чѣмъ, кажется, и приковалъ къ себѣ вниманіе публики. Алексѣй Михайловичъ обладалъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ и былъ хорошимъ чтецомъ, причѣмъ имѣлъ оригинальную, неподражаемую дикцію, которая, впрочемъ, не всегда была умѣстна въ роляхъ драматическаго характера, но зато въ водевиляхъ, благодаря ей, Максимовъ не имѣлъ соперниковъ.

Онъ былъ очень любимъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который оказывалъ ему много милостей, а однажды Максимовъ неожиданно-негаданно былъ отправленъ по высочайшему повелѣнію на казенный счетъ за границу для поправленія здоровья. Случилось это, по рассказамъ очевидцевъ, такимъ образомъ: послѣ одного сильнаго кутежа, чувствуя себя очень не хорошо, Алексѣй Михайловичъ игралъ какую-то пьесу вяло и безцвѣтно. Государь, зайдя въ антрактѣ на сцену, взглянулъ на Максимова и, обращаясь къ директору А. М. Геденову, сказалъ:

— Я замѣчаю, что Максимовъ не совсѣмъ у насъ здоровъ. У него болѣзненный видъ. Надо будетъ его полечить... Распорядись отправить его на мой счетъ за границу...

Этого было довольно, чтобы Максимовъ совершилъ пріятное путешествіе по Франціи и Германіи, что было въ тѣ времена весьма затруднительно, въ силу дороговизны не только дорожной, но даже паспортной. Заграничный видъ на жительство тогда стоилъ пятьсотъ рублей...

За милостивое вниманіе государя къ себѣ Максимовъ боготворилъ Николая Павловича. Его портретъ онъ всегда носилъ въ медальонѣ, съ которымъ никогда не разлучался. Вся квартира его наполнена была бюстами и различными изображеніями императора, а себя Алексѣй Михайловичъ иначе не называлъ, какъ «актеромъ строгаго государя»...

Максимовъ славился глубокою религіозностью. Онъ никогда не пропускалъ праздничныхъ церковныхъ службъ и часто совершалъ паломничество въ излюбленный имъ новгородскій Деревяницкій монастырь, гдѣ и похороненъ. Своими средствами онъ поддерживалъ эту бѣдную обитель и былъ всегда тамъ желаннымъ и дорогимъ гостемъ. Когда онъ пріѣзжалъ въ этотъ монастырь, то братія, во главѣ съ игуменомъ, встрѣчала его съ такимъ же почетомъ, какъ архіерея. Наѣзжавшіе же оттуда въ Петербургъ монахи останавливались у Максимова, какъ на подворьѣ. Алексѣй Михайловичъ очень любилъ принимать участіе въ церковной службѣ и не рѣдко поѣтому въ церкви театральнаго училища читалъ псалтырь и часы. На первыхъ страницахъ всѣхъ его ролей постоянно красовались собственноручныя его выписки текстовъ изъ евангелія или какихъ нибудь молитвъ. Безъ помощи Божіей онъ никогда не принимался учить роль.

При всей своей добротѣ, Максимовъ не выносилъ соперничества съ собой на сценѣ и крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ репертуаръ своего амплуа. Каждый дебютантъ на его роли доставлялъ ему безпокойство и неудовольствіе. Онъ ворчалъ, сердился и, конечно, благодаря своему положенію при театрѣ, умѣлъ каждого сдѣлать для себя безопаснымъ. Въ давно прошедшіе годы попытался было перейти на петербургскую сцену московскій актеръ И. В. Самаринъ, который по дарованію былъ несравненно выше Максимова, но, поигравъ въ Александринскомъ театрѣ непродолжительное время, опять возвратился въ Москву, гдѣ и прослужилъ болѣе 50 лѣтъ, будучи первымъ актеромъ.

Максимовъ не терпѣлъ уступать никому своихъ ролей, это я знаю по опыту. Въ послѣдній годъ его жизни и службы, мнѣ случилось участвовать въ его бенефисѣ, и при томъ въ его законной роли. При моемъ поступленіи на сцену, Алексѣй Михайловичъ началъ сильно хворать и вслѣдствіе этого появляться въ театрѣ не иначе, какъ въ мѣховомъ полушубкѣ; играть онъ могъ рѣдко, и то только въ одноактныхъ пьесахъ, большія же роли ему были строжайше запрещены докторами. Для послѣдняго своего бенефиса онъ выбралъ переводную драму «Котка и мышка», главная роль которой была прислана мнѣ для разучиванія, хотя она вполне подходила къ силамъ и жанру самого бенефицианта. Между тѣмъ, онъ ограничился только появленіемъ въ маленькой комедіи «Разочарованіе».

Недѣли за полторы до бенефиса, Максимовъ, встрѣтившись со мной въ театрѣ, спрашиваетъ:

— Ну, что? Получилъ роль на мой бенефисъ?

— Какъ же, какъ же, получилъ, Алексѣй Михайловичъ.

— Нравится она тебѣ?

— Очень нравится... прекрасная, превосходная роль... Премного вамъ за нее благодаренъ...

— То-то, братъ... Я думаю, что благодаренъ... Она дѣйствительно не дурна... Эхъ! только нездоровье мое, а то бы не видать тебѣ этой роли, какъ ушей своихъ... Помни, что своимъ фигурированіемъ на сценѣ въ приличной роли ты всецѣло обязанъ моей болѣзни...

Въ обращеніи съ актерами онъ часто давалъ чувствовать свое преимущество и, не смотря на то, что былъ далеко не злымъ человекомъ, часто безъ малѣйшей церемоніи высказывалъ свое рѣзкое мнѣніе сослуживцамъ въ глаза, при чемъ не щадилъ даже женщинъ. Однажды, репетируя съ актрисой В., онъ поднялъ о чемъ-то споръ и въ пылу раздраженія сказалъ ей не совсѣмъ вѣжливую фразу, на которую та, конечно, обидѣлась и строго замѣтила:

— Покорнѣйше прошу васъ, Алексѣй Михайловичъ, не говорить со мной такимъ непристойнымъ тономъ... Вы забываете, что я такая же актриса, какъ и вы?!

— Нѣтъ-съ, сударыня... вы не такая!—еще рѣзче отвѣтилъ ей Максимовъ.

В. смутилась.

— Какая же по вашему?... Позвольте узнать.

— Вы... вы... скверная актриса... а я первый артистъ!—категорически отрѣзалъ Алексѣй Михайловичъ.

У Максимова было столько друзей и поклонниковъ, что когда онъ не на долгое время вышелъ въ отставку, не сойдясь въ условіяхъ съ дирекціей, то вмѣсто именъ актеровъ, игравшихъ за него, публика неистово кричала: «Максимова». Это, говорятъ, послужило къ скорѣйшему окончанію закулиснаго недоразумѣнія.

Мнѣ пришлось играть съ нимъ не долго, такъ какъ онъ умеръ въ годъ моего дебюта. Помню только, что на сценѣ онъ чувствовалъ себя совершенно, какъ дома, успѣшно пользовался своимъ обычнымъ хладнокровіемъ и имѣлъ странную привычку идти по суфлеру. Всякую роль зная буквально наизусть, онъ, однако, ни за что, выходя на сцену, не начиналъ говорить прежде суфлера, отъ котораго выжидалъ постоянно первую фразу.

На репетиціяхъ онъ любилъ шутить и острить. При постановкѣ какой-то обстановочной пьесы, у выходныхъ актеровъ и статистовъ долго не удавалась народная сцена, долженствовавшая изобразить ропотъ толпы. Послѣ нѣсколькихъ рядовыхъ повтореній выбившійся изъ силъ режиссеръ говорить:

— Господа, приложите больше усердія и вниманія. Предупреждаю васъ, что я до тѣхъ поръ не кончу репетиціи, пока эта сцена не пройдетъ гладко.

Присутствовавшій тутъ же Максимовъ замѣтилъ:

— Господа, какъ вамъ не стыдно не умѣть представить сцену ропота?! При вашемъ жалованьи вы должны были бы образцово роптать...

XIX.

В. В. Самойловъ. — Свойство его характера. — Его эгоизмъ и рѣзкость. — Разговоръ съ генераломъ S. — Шекспирилогъ. — Какъ Самойловъ щеголялъ знакомствомъ съ выдающимися людьми. — Фамильярность съ П. С. Федоровымъ при постороннихъ. — Ненависть къ Шумскому. — Каррикатуры Самойлова. — Споръ Самойлова съ графомъ Соллогубомъ. — «Старый баринъ» съ брилліантами. — Ловкій отвѣтъ графа. — Объясненіе Самойлова съ иностранцами. — Его пребываніе въ Парижѣ. — *Quelque chose extraordinaire*. — Находчивость приказчика. — Развязность Самойлова на сценѣ. — На представленіи комедіи «Отрѣзанный домотъ». — Сцена съ суфлеромъ. — Подношеніе подарка С. М. Сосновскому. — Неудачная рѣчь Самойлова. — Острота по этому поводу. — Пересказываніе анекдотовъ Самойловымъ. — Шутки Самойлова на сценѣ. — Разсѣянность актрисы Владиміровой. — Ея смущеніе въ комедіи «Чиновникъ». — Отвѣтъ бездарной любительницѣ. — Отвѣтъ самомнящему актеру. — Обращеніе Самойлова съ авторами. — Его разговоръ съ драматургомъ Дьяченко на репетиціи. — Острота Самойлова. — Сохраненіе Самойловымъ пьесы Островскаго «Воевода». — Объясненіе съ Островскимъ. — Эпиграмма П. А. Каратыгина на «Воеводу». — Его же эпиграммы на Самойлова послѣ исполненія короля Лира и Гамлета. — Похвала Каратыгина. — Отставка Самойлова. — Празднованіе его пятидесятилѣтняго юбилея. — Неосуществившееся возвращеніе Самойлова на императорскую сцену.

Василія Васильевича Самойлова, оставшагося послѣ Мартынова и Максимова первымъ актеромъ нашего театра, я знавалъ еще въ дѣтствѣ. Онъ былъ большимъ пріятелемъ моего покойнаго отца, котораго Самойловъ исправно навѣщалъ въ Москвѣ, при каждой своей поѣздкѣ въ бѣлокаменную. Однако же, не смотря на дружбу Самойлова съ моимъ отцомъ, съ Василиемъ Васильевичемъ я сблизился и сталъ посѣщать его домъ, какъ хорошій знакомый, лишь послѣ своихъ дебютовъ, то-есть когда я самъ сдѣлался присяжнымъ актеромъ.

По характеру своему Самойловъ былъ величайшимъ эгоистомъ и крайне безцеремоннымъ человекомъ. Онъ никогда не стѣснялся въ выраженіяхъ при обращеніи не только съ актерами, стоявшими ниже его по таланту и по заслугамъ, но даже съ начальствомъ и людьми, занимавшими высокое положеніе въ обществѣ. Въ особенности же Василій Васильевичъ сталъ самоувѣреннымъ и рѣзкимъ тогда, когда остался, послѣ смерти Мартынова и Максимова, во главѣ драматической труппы. Впрочемъ, сама дирекція, публика и пресса, давали ему на это широкое право, за что впослѣдствіи на него же нападали съ упреками и жалобами.

Будучи рѣзкимъ и дерзкимъ, Самойловъ никогда и ни передъ кѣмъ не сдерживалъ себя. «Оборвать», «обрѣзать» было его излюбленной привычкой...

Однажды, въ знакомомъ домѣ встрѣчается онъ съ заслуженнымъ генераломъ S., который усердно занимался литературой, переводя и комментируя Шекспира. Пользуясь своимъ давнишнимъ знакомствомъ съ Самойловымъ, генераль этотъ спросилъ его:

— Правда ли, уважаемый Василій Васильевичъ, что пишутъ про васъ въ газетахъ?

— Относительно чего?

— Относительно того-съ, что вы собираетесь изобразить намъ короля Лира?

— Правда... собираюсь...

— Такъ позвольте въ такомъ случаѣ вамъ попенять!

— За что?

— Да какъ же вамъ не грѣшно было не сообщить объ этомъ мнѣ? Вамъ вѣдь не безызвѣстно, что я много лѣтъ занимаюсь Шекспиромъ и люблю его... Я бы по старой дружбѣ могъ быть для васъ очень полезенъ. Указалъ бы и посовѣтывалъ многое, что нужно для этой роли.

— Спасибо, генераль, но долженъ вамъ замѣтить разъ навсегда, что въ этомъ я никогда не нуждаюсь. Я привыкъ работать самъ, безъ посторонней помощи, чѣмъ и горжусь.

— Пренебреженіемъ дѣльными совѣтами странно гордиться.

— Нѣтъ-съ, не странно. Я дорожу сознаниемъ, что своимъ положеніемъ я обязанъ единственно себѣ. То, чѣмъ я сдѣлался теперь на сценѣ, безраздѣльно мое...

Генераль обидѣлся, но, сдерживаясь отъ полемики въ чужомъ домѣ, онъ усмѣхаясь и полупшута спросилъ:

— Вотъ какъ вы относитесь къ своимъ доброжелателямъ?! Не похвально!.. Чѣмъ же, позвольте узнать, вы сдѣлались теперь на сценѣ?

— Да ужь, конечно, гораздо больше того, чѣмъ вы надѣтетесь когданибудь быть!—не задумываясь отрѣзалъ Самойловъ.

При разсказахъ о какихънибудь происшествіяхъ прежнихъ лѣтъ, Самойловъ, вспоминая композитора М. И. Глинку или знаменитаго художника К. П. Брюлова, съ которыми онъ былъ, по его словамъ, очень друженъ, не иначе называлъ ихъ, какъ «Мишка Глинка» или «Карлушка Брюловъ». Мартынова за глаза тоже постоянно именовалъ «Сашкой Мартыновымъ», а съ П. С. Оедоровымъ, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ, какъ тотъ, сдѣлавшись его начальникомъ, не вель съ нимъ прежней дружбы, онъ не переставалъ обращаться на ты, въ особенности же при другихъ.

Однажды Василій Васильевичъ, пріѣхавъ на званый вечеръ, гдѣ въ числѣ множества гостей находился и Оедоровъ, радушно поздоровался со всѣми присутствующими и, направляясь въ другую комнату, вдругъ точно только-что замѣчаетъ Павла Степановича которому слегка киваетъ головой и громко покровительственнымъ тономъ произносить:

— А! Павелъ!.. И ты здѣсь?!.. Здравствуй, здравствуй, а я было тебя и не примѣтилъ.

Московского актера С. В. Шумскаго Самойловъ почему-то ненавидѣлъ и фамилію его всегда умышленно перепутывалъ, говоря:

— Какъ его тамъ зовутъ? Шуйскій... Шурскій... или какъ тамъ по другому, право не знаю...

Самойловъ былъ большимъ мастеромъ рисовать каррикатуры, и многія изъ нихъ были весьма злы, мѣтки и остроумны.

Въ обществѣ онъ обыкновенно держалъ себя непринужденно, даже чрезвычайно свободно, и имѣлъ слабость обращаться за панибрата съ важными, выдающимися людьми, впрочемъ не безъ того, что изъ-за этого часто попадалъ впросакъ.

Считая своимъ большимъ пріятелемъ извѣстнаго писателя графа В. А. Соллогуба, Василій Васильевичъ спрашиваетъ его однажды на какомъ-то многолюдномъ вечерѣ у знакомыхъ:

— Скажи, пожалуйста, видѣлъ ты меня въ «Старомъ баринѣ»? Ты все вѣдь собирался посмотрѣть эту, пользующуюся большимъ успѣхомъ, талантливую пьесу?

— Какъ же видѣлъ... видѣлъ, любезный другъ!

— Ну, и что же ты скажешь?! Какъ ты меня нашелъ въ этой роли?..

— Безподобенъ... говорить нечего, что безподобенъ... Одно только, почтеннѣйшій... надо тебѣ замѣтить...

— Что такое?—удивился Самойловъ, не допуская критическихъ сужденій о своей персонѣ.

— Какъ же это ты, играя стараго барина, не снялъ съ пальца своего брилліантоваго перстня?.. Это тебѣ не простительно...

— Что за вздоръ! Зачѣмъ же мнѣ было снимать перстень?

— А зачѣмъ, мой другъ, что старый баринъ никогда не носилъ, да и не сталъ бы носить на пальцѣ такихъ крупныхъ брилліантовъ. Это вульгарно...

Завязался горячій споръ, и Самойловъ между прочимъ сказалъ:

— Ты вздоръ городишь... Кому же и носить брилліанты, какъ не барамъ?.. Я, слава Богу, на своемъ-то вѣку видывалъ баръ и отлично знаю, что такое баринъ...

— Да, ты видывалъ, я объ этомъ спорить не стану,—хладнокровно отвѣтилъ ему Соллогубъ,—а мнѣ, всетаки, лучше знать... я самъ баринъ.

Василій Васильевичъ плохо зналъ французскій языкъ, но очень любилъ, въ особенности съ иностранцами, объясняться именно по-французски, повторяя съ апломбомъ какое нибудь знакомое ему выраженіе или фразу.

Во время своего недолговременнаго пребыванія за границей, Самойловъ встрѣтился въ Парижѣ съ балетмейстеромъ М. И. Петипа, котораго упросилъ проводить его въ лучшій магазинъ, гдѣ бы онъ могъ накупить для подарковъ въ Россію какихъ нибудь изящныхъ бездѣлушекъ. Петипа любезно исполнилъ его просьбу.

— Что прикажете, мсье?—спрашиваетъ Самойлова по-французски галантный приказчикъ.

— *Quelque chose extraordinaire!* — отвѣчаетъ Василій Васильевичъ, осматриваясь кругомъ.

Приказчикъ начинаетъ показывать ему портсигары, спичечницы, табакерки, запонки, палки, ящички, зонтики, галстухи и пр., и пр., и пр. Однако, Самойловъ не находилъ ничего подходящаго и все время повторялъ одно и то же:

— *Non, ce n'est pas ça... quelque chose extraordinaire!...*

Въ концѣ концовъ приказчикъ потерялъ терпѣніе и вѣжливо съ улыбкой сказалъ:

— *Pardon, monsieur, vous voyez tous dans notre magasin... mais nous n'avons rien d'extraordinaire dans ce moment excepté vous, monsieur¹⁾.*

На сценѣ Самойловъ былъ необычайно развязенъ. Никакой роли почти никогда онъ не зналъ, не приучивъ себя къ этому въ началѣ своей артистической дѣятельности. Какъ бы ни была велика и отвѣтственна роль, Василій Васильевичъ прочитывалъ ее не болѣе пяти разъ и являлся на первую же репетицію безъ тетради, но за то по обыкновенію онъ и говорилъ то, чего вовсе не было въ пьесѣ. Онъ съ пафосомъ и съ экспрессіей произносилъ все, что Богъ на душу положить, и при томъ, впрочемъ, такъ всегда удачно, что публика почти никогда не замѣчала его импровизаторскихъ способностей. Его превосходная игра скрашивала все, и Василій Васильевичъ постоянно выходилъ побѣдителемъ, а побѣдителей, какъ извѣстно, не судятъ. Горько плакались на него лишь драматурги, по словамъ которыхъ почтенный артистъ уродовалъ ихъ мысли. Самымъ главнымъ винтикомъ театральной машины для Самойлова былъ суфлеръ, на котораго имъ возлагались большія надежды, хотя, впрочемъ, на этого же несчастнаго мученика весьма часто Василій Васильевичъ совершенно несправедливо призывалъ громы небесныя. Во всѣхъ своихъ погрѣшностяхъ на сценѣ, происходившихъ по собственной винѣ, онъ вѣчно обвинялъ суфлера, упрекая его въ неумѣннѣ поддержать увлекающагося артиста.

Однажды, при исполненіи въ Маринскомъ театрѣ комедіи А. А. Потѣхина «Отрѣзанный ломоть», усѣлся я съ Самойловымъ близъ суфлерской будки и повелъ съ нимъ сцену, въ которой, какъ оказалось, онъ былъ слишкомъ не твердъ. Почему-то на этотъ разъ онъ плохо слышалъ суфлера, хотя тотъ выходилъ изъ себя, всѣми силами стараясь угодить премьеру.

Самойловъ ведетъ со мной свою рѣчь, искоса поглядывая на суфлера и почти послѣ каждаго слова сердито покрякивая на него:

— Ну?.. Ну же?.. Ну?..

Суфлеръ еще болѣе надрыгается, а Самойловъ, всетаки, ничего не можетъ поймать изъ подаваемаго имъ. Наконецъ, послѣ слishi-

¹⁾ «Извините, м. г., вы видите все въ нашемъ магазинѣ; но мы ничего не имѣемъ необыкновеннаго въ эту минуту, исключая васъ».

комъ продолжительныхъ понуканій, Василій Васильевичъ сбился съ тона и шепотомъ проговорилъ мнѣ, взглядомъ показывая на суфлера:

— А!.. Какова скотина?!

Не смотря на свой артистическій талантъ и на импровизаторскія способности на сценѣ, Самойловъ «въ жизни» не отличался краснорѣчіемъ, хотя не прочь былъ при случаѣ произносить рѣчи, стихи, или вообще что нибудь рассказывать. Вспомнивъ, какъ онъ выбранилъ во время хода пьесы одного суфлера, кстати скажу, какъ онъ же, желая поощрить другаго, С. М. Сосновскаго, взялся подать ему подарокъ отъ труппы и при этомъ произнести нѣсколько теплыхъ словъ.

По предварительному соглашенію участвовавшихъ въ подпискѣ, подношеніе должно было состояться послѣ какого-то торжественнаго обѣда, даннаго чуть ли не въ честь А. Н. Островскаго, когда вся труппа была въ сборѣ частнымъ образомъ.

Самойловъ торжественно подошелъ къ Сосновскому и, передавая ему подносимые часы съ цѣпочкой, сказалъ очень несвязную рѣчь, въ которой послѣ каждого слова останавливался, подыскивая выраженіе, и въ концѣ-концовъ окончательно спутался.

По этому поводу за кулисами появился слѣдующій анекдотическаго характера діалогъ:

— Почему это такой великолѣпный актеръ, какъ Самойловъ, хорошо и бойко разговаривающій на сценѣ, подавая подарокъ суфлеру, сказалъ нелѣпую рѣчь?

— Оттого, что на сценѣ-то онъ всегда самъ слушаетъ суфлера, а въ данномъ случаѣ суфлеръ долженъ былъ его слушать. Вотъ и все!

Самойловъ очень любилъ слушать и рассказывать забавные анекдоты и такъ же, какъ Сосницкій, всегда перепутывалъ и забывалъ разныя обстоятельства при рассказѣ. Однажды является онъ ко мнѣ въ уборную и говоритъ:

— Ну, батюшка, вотъ уморительную-то вещь могу вамъ рассказать... прелюбопытная исторія...

И затѣмъ начинаетъ рассказывать то, что слышалъ отъ меня же наканунѣ.

— Василій Васильевичъ, — перебиваю я его, — да вѣдь этотъ анекдотъ я только что вчера вамъ рассказывалъ...

— Развѣ?!..

— Да...

— А мнѣ показалось, что это совершенно новый анекдотъ...

На сценѣ онъ не прочь былъ подшутить надъ растерявшимся почему нибудь товарищемъ. Артистка Е. В. Владимірова, обыкновенно изображавшая аристократокъ, была близорука и разсѣянна. При первой постановкѣ комедіи графа В. А. Соллогуба «Чинов-

никъ», въ которой заглавную роль игралъ Самойловъ, а графиню— Владимірова, Василій Васильевичъ жестоко подшутилъ надъ этой артисткой. Содержаніе пьесы таково: въ деревню къ графинѣ пріѣзжаетъ по дѣламъ службы чиновникъ, котораго гостепріимная хозяйка хочетъ подольше удержать у себя въ гостяхъ, не смотря на его стремленіе поскорѣе возвратиться въ столицу. Она съ нимъ кокетничаетъ и, въ одной изъ сценъ, предлагаетъ ему взять ее подъ руку и отправиться въ садъ. На репетиціяхъ Владимірова все время забывала, что ей слѣдуетъ уходить со сцены съ Самойловымъ въ дверь направо, чтобы не встрѣтиться съ другимъ персонажемъ, который тотчасъ же долженъ былъ выходить изъ противоположной двери. Каждый разъ она порывалась на правую сторону и, хотя ей указывали ея ошибку, она тѣмъ не менѣе, всетаки, направлялась не туда, куда нужно.

На спектаклѣ она опять забыла мѣстоположеніе сцены, и когда взяла Самойлова подъ руку, то сразу же растерялась. Однако, черезъ нѣсколько секундъ оправилась и громко, какъ бы по пьесѣ, спрашиваетъ Василю Васильевича, который нарочно не трогался съ мѣста:

— Въ которую же дверь мы пойдемъ?

Тотъ, не измѣняя тона роли, тоже точно по пьесѣ, отвѣчаетъ:

— Извините, графиня, я вѣдь впервые имѣю удовольствіе быть въ вашемъ домѣ, а потому и не знаю его ходовъ и выходовъ. Постарайтесь вы указать, въ которую дверь намъ лучше уйти.

Артистка смутилась и, конечно, повела его попрежнему не туда, куда надлежало по ходу комедіи. Однако, этой случайной вставки никто изъ публики не замѣтилъ.

Съ плохими актерами Самойловъ не перемонился. Случилось ему участвовать на клубной сценѣ, послѣ уже своей отставки, съ какой-то бездарной любительницей. Окончивъ роль, Василій Васильевичъ пошелъ къ себѣ въ уборную разгримировываться. По окончаніи пьесы начались вызовы. Къ уборной Самойлова подбѣгаетъ эта любительница и говоритъ:

— Г. Самойловъ, пойдите поскорѣй, насъ вызываютъ...

— Насъ?—иронически переспросилъ Самойловъ.—Коли «насъ», такъ идите и откланивайтесь.

— Нѣтъ, безъ васъ я не выйду!

— А я такъ безъ васъ выйду, — спокойно сказалъ артистъ и дѣйствительно не прихватилъ съ собой любительницы.

Въ другой разъ подходитъ къ Самойлову на репетиціи посредственный, но самомнящій актеръ Z и говоритъ:

— Василій Васильевичъ, вы слѣдите за репетиціей?

— Да, слѣжу.

— Не сдѣлаете ли мнѣ замѣчанія?

— Какое замѣчаніе?

— У меня какъ будто чего-то не хватаетъ?

— Конечно, таланта.

Съ авторами, которые въ большинствѣ случаевъ заискивали у Самойлова, какъ у лучшаго исполнителя, обезпечивавшаго успѣхъ пьесъ, Василій Васильевичъ былъ строгъ и взыскателенъ. Онъ не рѣдко заставлялъ ихъ мѣнять сцены и даже акты для большаго эффекта своей роли. И какъ иной ни противился и ни протестовалъ, въ концѣ-концовъ покорялся и дѣлалъ все угодное премьеру. Драматургъ В. А. Дьяченко не мало выносилъ различныхъ непріятностей отъ Самойлова, передъ которымъ, однако, благоговѣлъ, потому что главная роль въ каждой его пьесѣ всегда исполнялась имъ.

Какъ-то разъ, при репетированіи какой-то пьесы Дьяченко, Самойловъ, по обыкновенію путая и перевирая роль, вдругъ началъ говорить то, что было имъ исключено. Суфлеръ остановилъ его замѣчаніемъ:

— Василій Васильевичъ, эти слова зачеркнуты... вы выбросили ихъ еще на первой репетиціи...

— Да, да... я и забылъ... Удивительная у меня странность?! Постоянно помню лучше всего изъ роли то, что именно вычеркнуто...

Дьяченко подходитъ къ нему, беретъ за талию и полушутливымъ тономъ говоритъ:

— Вы бы, Василій Васильевичъ, по этой причинѣ взяли бы да перечеркнули всю роль сплошь... Дѣло-то, значитъ, пошло бы лучше...

— Ну, сударь мой, въ вашей комедіи хоть все повычеркни, а несообразностей и глупостей, всетаки, останется пропасть...

Этотъ же драматургъ, при репетированіи другой своей пьесы, зашелъ въ антрактъ въ уборную Самойлова въ то время, когда тотъ пилъ чай со сливками.

— Василій Васильевичъ,—сказалъ онъ,—вы не обидитесь, если я позволю сдѣлать вамъ маленькое замѣчаніе?

— Ну-съ?

— Я, разумѣется, не хочу васъ учить, но...

Артистъ отхлебнулъ изъ стакана и сострилъ:

— Нѣтъ, отчего-жъ меня не поучить? У меня еще молоко на губахъ не обсохло.

При постановкѣ пьесы А. Н. Островскаго «Воевода» (сонъ на Волгѣ), Самойловъ рѣшительно отказался играть главную роль, находя ее безобразно длинной и растянутой. Впрочемъ, впоследствии онъ шелъ на компромиссъ, если авторъ согласится сдѣлать крупныя, по его указанію, купюры.

Самойловъ долженъ былъ присутствовать на первой репетиціи пьесы Островскаго «Воевода», но не пріѣхалъ въ театръ. Авторъ и режиссеръ послали къ нему нарочнаго съ приглашеніемъ пожа-

ловать для личныхъ переговоровъ. Василій Васильевичъ соблаговолилъ прїѣхать. Начались долгіе споры и разъясненія. Островскому было желательно участіе Самойлова и потому, поборовъ въ себѣ самолюбіе, онъ пошелъ на уступки. По поводу одного монолога, Александръ Николаевичъ мягко замѣтилъ артисту:

— Не понимаю... почему вы, Василій Васильевичъ, требуете непременно уничтожить этотъ монологъ?.. Что васъ затрудняетъ?..

— Меня затрудняетъ то, что спящій человѣкъ не можетъ читать такіе длинные монологи, да еще въ стихахъ... Я никогда не слыхивалъ, чтобы бредили стихами...

— Почему же не можетъ?! Простите я этого не понимаю, — возразилъ авторъ.— По моему это такъ естественно. Будь я актеромъ, это меня нисколько бы не стѣснило!..

— Такъ, пожалуйста, сыграйте сами, а я посмотрю, — отвѣтилъ Самойловъ, вручая Островскому свою объемистую роль.

Дѣлать было нечего, Островскій согласился на уничтоженіе и этого монолога, но пьеса, всетаки, не имѣла успѣха и не дѣлала сборовъ.

П. А. Каратыгинъ по этому поводу написалъ тогда эпиграмму, изъ которой я помню только нѣкоторыя строчки:

«Какъ пойдетъ нашъ «Воевода»,
«Все твердили напередъ,
«То-то, то-то онъ дохода
«Намъ въ театрѣ принесеть.
.
«Появился «Сонъ на Волгѣ»,
«Да чуть всѣхъ не усыпиль.
.
«Часто сонъ бываетъ въ руку,
«А ужъ этотъ вонъ изъ рукъ».

Здѣсь кстати можно привести и другія двѣ эпиграммы Каратыгина на Самойлова, по случаю исполненія имъ «Короля Лира» и «Гамлета». Роль Лира Василій Васильевичъ игралъ съ большимъ успѣхомъ и очень нравился публикѣ, но это не помѣшало Петру Андреевичу, признававшему въ этихъ роляхъ только своего знаменитаго брата В. А. Каратыгина, написать:

Зачѣмъ Шекспира прахъ ты хочешь возмущать? —
Сказалъ бы я тебѣ, Самойловъ, безъ утайки:
На лирѣ мудрено искусство показать
Тому, кто цѣлый вѣкъ игралъ на балалайкѣ.

* * *

Когда-то дурака игралъ Самойловъ въ «Лирѣ»,
Теперь онъ взялъ другую роль,
И изъ шута вдругъ сдѣлался король!..
Вотъ такъ-то все превратно въ мірѣ.

* * *

Какъ разсудить, увѣришься въ одномъ,
 Но только это — между нами:
 Что какъ дуракъ быть можетъ королемъ,
 Такъ точно короли быть могутъ дураками.

Впослѣдствіи, когда Самойловъ игралъ Гамлета въ переводѣ Загуляева, и дана была новая богатая обстановка трагедіи на Маріинской сценѣ, Каратыгинъ написалъ:

Гамлетъ возобновленъ былъ съ роскошью большою,
 Дирекція о немъ усердно постаралась;
 Сіяло все блестящей новизной,
 Тѣнь въ транспарантѣ такъ эффектно появлялась...
 Короче, сталъ Гамлетъ совсѣмъ другой,
 И тѣня прежняго Гамлета не осталось.

И этотъ же Каратыгинъ, восхищаясь однажды Самойловымъ въ какой-то новой роли, примѣнилъ къ нему стихъ изъ Грибоѣдовскаго «Горе отъ ума»:

Бранимъ мы ихъ, а если разберемъ!..

Послѣ празднованія своего сорокалѣтняго юбилея В. В. Самойловъ вышелъ въ отставку и изрѣдка сталъ появляться на частныхъ и клубныхъ сценахъ, гдѣ всегда дѣлались ему большія оваціи, съ подношеніями подарковъ и вѣнковъ. Не входя въ подробности и не разбирая причинъ его ухода съ казенной сцены, слѣдуетъ замѣтить, что его характеръ въ послѣдніе годы жизни сталъ весьма безпокойнымъ, благодаря чрезмѣрно развившемуся въ немъ самолюбію. При реформѣ императорскихъ театровъ, въ 1882 г., Самойловъ снова появился на родной ему сценѣ, на которой въ продолженіе четырехъ десятковъ лѣтъ онъ подвизался съ громаднымъ успѣхомъ. Новая дирекція, принимая во вниманіе его заслуги и не смотря на его почти десятилѣтнюю отставку, устроила Василию Васильевичу юбилейное празднество его полувѣковой дѣятельности. Торжество происходило на сценѣ Маріинскаго театра, который въ этотъ знаменательный день былъ переполненъ народомъ, устроившимъ необычайную овацію своему старому любимцу. Весь сборъ съ этого спектакля по указанію самого юбиляра былъ отданъ на благотворительное дѣло.

Въ этомъ юбилейномъ спектаклѣ участвовали всѣ труппы императорскихъ театровъ, не исключая итальянской оперы и балета. Самъ Самойловъ, въ это время уже слабый здоровьемъ, игралъ только одинъ актъ изъ драмы «Ришелье», заглавная роль которой считалась его коронной ролью. Утромъ юбилейнаго дня ему былъ пожалованъ орденъ св. Владимира 4-й степени, и въ числѣ множества поздравленій, онъ принималъ у себя депутацію отъ Петербургской думы вмѣстѣ съ городскимъ головою.

Устройствомъ этого спектакля былъ сдѣланъ дирекціею шагъ къ примиренію. Было рѣшено вновь возвратитъ на сцену талант-

ливаго ветерана, и уже былъ заготовленъ контрактъ, но, къ сожалѣнію, этому не суждено было осуществиться, такъ какъ наканунѣ дня, назначеннаго для подписанія условій, Василю Васильевича поразилъ параличъ...

XX.

П. И. Григорьевъ 1-й.—Его актерскія и писательскія способности.—Эпиграмма Каратыгина на его комедію «Житейская школа».—Женитьба П. И. Григорьева.—Его дружба съ П. Г. Григорьевымъ 2-мъ.—Невѣста Григорьева 2-го.—Разказы Петра Ивановича про Петра Григорьевича.—Участіе Григорьева 2-го въ драмѣ «Кинь».—Увлеченіе трагика Каратыгина.—Разбитый носъ.—Шаловливость Григорьева 1-го.—Его продѣлка надъ суфлеромъ Сибиряковымъ.—Положеніе Сибирякова, раздѣятаго Петромъ Ивановичемъ въ суфлерской будкѣ.—Смѣшливость Григорьева 1-го.—Его болѣзнь и смерть.

Съ Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ и Петромъ Ивановичемъ Григорьевымъ 1-мъ я прослужилъ вмѣстѣ довольно долгое время, при чемъ всегда пользовался ихъ добрымъ расположеніемъ и дружбой. Оба они извѣстны, какъ авторы и переводчики цѣлага ряда комедій и водевилей, которые до сихъ поръ еще играютъ на сценѣ.

Григорьевъ былъ незамѣнимый актеръ на роли солдатъ, благородныхъ отцовъ и водевильныхъ «дядей». Обладая завиднымъ здоровьемъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, онъ до почтенныхъ лѣтъ сохранялъ въ себѣ веселость и живость молодого человѣка, какъ въ жизни, такъ равно и на сценѣ. Иногда любилъ пошколбничать и умѣлъ сочинять злободневные стишки, куплеты и эпиграммы, чѣмъ походилъ на своего пріятеля П. А. Каратыгина.

Имъ написано множество комедій стихами, которыя, хотя и пользовались успѣхомъ, но вовсе не отличались литературными достоинствами. Когда, на примѣръ, онъ передалъ Каратыгину для прочтенія свою новую комедію «Житейская школа», то тотъ, возвращая ее автору черезъ нѣсколько дней, сказалъ:

«Житейскую школу» я всю прочиталъ
И только въ одномъ убѣдился,
Что авторъ комедіи жизни не зналъ
И въ школѣ онъ самъ не учился.

П. И. Григорьевъ женился оригинальнымъ образомъ, и вотъ какъ онъ самъ рассказывалъ объ этомъ:

— «Съ покойнымъ Петромъ Григорьевичемъ Григорьевымъ¹⁾ я всегда былъ въ тѣсныхъ товарищескихъ отношеніяхъ; одно время мы даже жили вмѣстѣ. У меня съ нимъ было много общаго: во-

¹⁾ По сценѣ значившимся «2-мъ», авторомъ нѣсколькихъ народныхъ пьесъ и замѣчательнымъ актеромъ на роли купцовъ.

первыхъ, мы были однолѣтки, во-вторыхъ, носили одно и то же имя и, въ-третьихъ, одну и ту же фамилію... Какъ-то однажды является ко мнѣ Петръ Григорьевичъ и торжественно повѣряетъ свою сердечную тайну. Онъ мнѣ разсказалъ, что уже давно влюбленъ въ одну дѣвушку изъ знакомаго, но не артистическаго дома, и намѣренъ на ней жениться, при чемъ присовокупилъ, что вчера уже сдѣлалъ ей формальное предложеніе. Я попенялъ ему, зачѣмъ онъ раньше скрывалъ отъ меня свое сватовство. «Ахъ, Петруша,—отвѣтилъ мнѣ счастливый женихъ,—развѣ я зналъ, что дойду до такихъ результатовъ? Правда, она мнѣ всегда нравилась, но я никакъ не предполагалъ пойти съ ней подъ вѣнецъ... А теперь, когда дѣло это можно считать поконченнымъ, я убѣдительно тебя прошу быть моимъ шаферомъ. Кромѣ того, я непремѣнно хочу тебя познакомить съ ея милымъ семействомъ. Ты войдешь въ ихъ домъ, какъ мой единственный другъ и пріятель»... Конечно, я согласился на просьбу товарища, но визита къ роднымъ его невѣсты мнѣ почему-то очень не хотѣлось дѣлать, такъ что я со дня на день откладывалъ поѣздку, не смотря на то, что Петръ Григорьевичъ изъ себя выходилъ, увѣщевая, какъ можно скорѣе, представиться его будущимъ родственникамъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, я собрался съ духомъ и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ невѣстѣ, которая произвела на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Принятый всѣми домашними ея крайне ласково и радушно, я уже безъ просьбы своего пріятеля сталъ посѣщать этотъ симпатичный домъ и вскорѣ, такъ же, какъ и Петръ Григорьевичъ, влюбился въ барышню. Я такъ же ей приглянулся и, послѣ долгаго колебанія, она согласилась отдать мнѣ предпочтеніе. Когда объ этомъ узналъ мой другъ, которому по волѣ рока я отплатилъ за его ко мнѣ привязанность черною неблагодарностью, то первоначально онъ разсвирѣпѣлъ, но потомъ, по зрѣломъ размышленіи, рѣшилъ, что противъ судьбы не пойдешь. На моей свадьбѣ онъ очень весело пировалъ и подсмѣивался надъ собой, называя себя «оставнымъ женихомъ».

Про Григорьева 2-го вообще много разсказывалъ Петръ Ивановичъ, всегда вспоминаяшій своего однофамильца и друга съ большимъ уваженіемъ. Будучи еще молодымъ актеромъ, Григорьевъ 2-й изображалъ боксера въ популярной драмѣ «Кинъ» и боксировалъ на сценѣ съ знаменитымъ трагикомъ В. А. Каратыгинымъ, игравшимъ заглавную роль. Василій Андреевичъ, какъ извѣстно, сильно увлекался на сценѣ и однажды, боксируя съ Григорьевымъ, нанесъ ему такой неудачный ударъ, что у того пошла изъ носу кровь.

Въ антрактѣ Петръ Григорьевичъ подошелъ къ трагику и, держа платокъ у разбитаго носа, сказалъ:

— Василій Андреевичъ, посмотрите, какъ вы неосторожны?! Вы меня на сценѣ такъ неловко ударили, что у меня полилась кровь..

Гордый и важный Каратыгинъ, не обращая вниманія на заявленіе товарища, очень спокойно отвѣтилъ:

— Бѣда не велика... Я на сценѣ за себя не отвѣчаю... Вы сами должны быть осторожны и сторониться отъ меня, а то еще и хуже можетъ чтонибудь быть...

— Въ такомъ случаѣ, Василій Андреевичъ, и сами вы не будьте на меня въ претензіи, если въ слѣдующій разъ я тоже откажусь за себя отвѣчать и въ увлеченіи сдѣлаю вамъ то же самое.

Каратыгинъ смолчалъ и на другой же день отправился къ директору съ просьбой о замѣнѣ Григорьева 2-го въ роли боксера другимъ актеромъ, на что послѣдовало согласіе, и Петръ Григорьевичъ уже болѣе не появлялся въ этой, какъ оказывается, не без-опасной роли.

Петръ Ивановичъ Григорьевъ 1-й, какъ я уже говорилъ, любилъ школьничать, и въ этомъ отношеніи онъ былъ неподражаемъ, въ особенности же въ молодости, когда ни одинъ спектакль, ни одна репетиція не проходили безъ какойнибудь его шутки, иногда вызывавшей даже серьезныя послѣдствія. Однако, онъ былъ неукротимъ.

Одна изъ ужасныхъ его шутокъ была продѣлана имъ надъ суфлеромъ Сибиряковымъ во время спектакля въ Александринскомъ театрѣ. Шла какая-то трагедія съ В. А. Каратыгинымъ. Суфлеръ этотъ сидѣлъ въ своей будкѣ и старательно подсказывалъ реплики. П. И. Григорьевъ, окончившій свою роль во второмъ актѣ, сговорился съ однимъ изъ свободныхъ актеровъ отправиться подъ сцену во время третьяго дѣйствія и «подурачиться» надъ Сибиряковымъ. Зная, что послѣдній не имѣетъ обыкновенія запирать за собою дверь, которая ведетъ къ выходу изъ суфлерской будки, Григорьевъ смѣло отправился съ товарищемъ туда и хищнически приблизился къ своей жертвѣ, не подозрѣвавшей злаго умысла со стороны товарищей. Занятый суфлированіемъ и тѣмъ, что происходило на сценѣ, Сибиряковъ слышитъ, что его кто-то хватаетъ за ноги. Взглянувъ внизъ и увидя Григорьева, онъ шепнулъ:

— Что вамъ, Петръ Ивановичъ?

— Мы за тобой пришли... пойдѣмъ съ нами...

— Что вы, Петръ Ивановичъ?.. развѣ не видите, я занятъ...

И опять обращается къ дѣйствующимъ лицамъ на сценѣ. Григорьевъ не унимается и начинаетъ цекотать его. Тотъ снова отрывается отъ пьесы и уже сердито замѣчаетъ:

— Оставьте... не мѣшайте... Что вы дѣлаете?.. Я закричу...

— Закричи, попробуй...

— Не трогайте.. Вы собьете меня...

— Брось эти глупости, Сибиряковъ, иди къ намъ... дѣло есть... серьезное дѣло...

— Ради Бога... оставьте, господа. Вонъ Василій Андреевичъ... вышелъ... Уйдите, пожалуйста...—чуть не плача, проговорилъ суфлеръ и опять, вытягиваясь на сцену, принимается за суфлированіе..

— А если такъ... то мы тебя, любезный, сейчасъ раздѣнемъ... Я не люблю, когда меня не слушаютъ, — сказалъ Григорьевъ и при помощи товарища сталъ снимать съ Сибирякова сапоги, носки и проч., за исключеніемъ сюртука и жилета. Тотъ всячески вертѣлся и протестовалъ, но, не имѣя характера и смѣлости бросить книгу, продолжалъ суфлировать. По окончаніи же акта въ суфлерскую сбѣжалась чуть не вся труппа посмѣяться надъ несчастнымъ суфлеромъ, поспѣшно приводившимъ въ порядокъ свой костюмъ.

На сценѣ Петръ Ивановичъ былъ весьма веселъ и смѣшливъ. Его можно было разсмѣшить чѣмъ угодно, чѣмъ нерѣдко и продѣлывали надъ нимъ шутники-товарищи. Сочиняя или переводя пьесы, онъ часто дѣлалъ роли спеціально для себя. Играя превосходно на віолончели, Григорьевъ любилъ появляться съ ней на сценѣ.

Его болѣзнь поразила всѣхъ насъ. Въ короткое время изъ сильнаго, крѣпкаго человѣка онъ вдругъ превратился въ слабаго и худого. Онъ не захватилъ во время развивавшейся горловой чахотки и умеръ отъ нея, кажется, на Кавказѣ, куда по совѣту докторовъ отправился лечиться. Свое образованіе онъ получилъ въ театральномъ училищѣ, въ которомъ впослѣдствіи занималъ должность преподавателя драматическаго искусства.

А. А. Нильскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ВЕРХОВЬЯХЪ ВОЛГИ¹⁾.

(Путевые наброски).

VII.

Осташковъ.

НА ПРИСТАНИ пароходный кассиръ встрѣтилъ насъ, какъ старыхъ знакомыхъ, и отдалъ въ наше распоряженіе дамскую каюту. Пароходъ тронулся.

Мы нѣсколько времени любовались общимъ видомъ монастыря, который съ воды особенно красивъ и внушительнъ. Ъхавшіе съ нами богомольцы долго еще крестились, глядя на остававшуюся позади величавую обитель, и наконецъ чинно усѣлись по лавкамъ. Нѣкоторые изъ нихъ придвинулись поближе къ монастырскому послушнику, ѣхавшему въ городъ «по своимъ дѣламъ» и читавшему вслухъ какую-то книжку, съ приличными поясненіями и толкованіями.

Вѣтеръ послѣ полудня сталъ потише, и хотя по озеру еще расхаживали порядочныя волны, но бѣлыя гривы уже исчезли.

Пароходъ миновалъ лѣсистый островъ Городомлю, и вскорѣ направо потянулся, окруженный старою рощею, Осташковскій Житный монастырь, а впереди, омываемый съ трехъ сторонъ водами Селигера, развернулся и самъ Осташковъ съ своими домиками, церквями и колокольнями.

Недалеко отъ пристани намъ указали два городскихъ собора, помѣщающихся въ одной общей оградѣ. Узенькій переулочекъ,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 129.

только для пѣшеходовъ, ведетъ мимо ограды на большую улицу и выводитъ прямо къ почтѣ. Мнѣ надо было получить нѣсколько писемъ, адресованныхъ въ Осташковъ; товарищи мои прошли на бульваръ, который тянется вдоль улицы и примыкаетъ къ соборной оградѣ.

Выходя изъ почтовой конторы, я наткнулся на корову, преважно разлегшуюся посреди дороги. Тихая, точно заснувшая, улица, окаймленная впереди неподвижными, дремлющими деревьями бульвара, и эта корова, съ такимъ видимымъ удовольствіемъ нѣжившаяся на солнышкѣ посреди пыльной дороги, представляли довольно типичную картинку провинціальной глуши. Я достала альбомъ и стала набрасывать эту мирную сценку. Мимо меня прошелъ какой-то мѣстный житель, вѣроятно, чей нибудь работникъ. Онъ опустилъ письмо въ кружку и въ недоумѣніи остановился подлѣ меня.

— Рисуешь?—спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Рисую.

— Что же это ты рисуешь?

— Да тебѣ не разобрать.

— А нука-сь!

Онъ заглянулъ мнѣ черезъ плечо.

— Эвонъ домъ, крышу вывелъ.

— А вотъ коровы-то и не примѣтилъ.

— И впрямь корова! Гляди-ко-сь! Корова и есть! Ишь рога-то какъ обозначилъ... ишь, ишь! Ахъ ты!.. Да на что-жъ тебѣ корова-то?

— А любопытно мнѣ, какъ у васъ въ городѣ по улицамъ коровы валяются, у насъ, въ Питерѣ, этого не увидишь.

— А вы откуда?

— Изъ Питера.

— Изъ Питера?! А у васъ, говоришь, нѣтъ?

— Нѣтъ. У насъ не позволяютъ.

— Вотъ что! А почему же такъ?

— У насъ порядокъ да чистоту наблюдаютъ.

— Да, да, да. Вотъ диво-то! Ну, а ежели примѣрно кто свою корову держать?

— Тѣ за городомъ пасутъ, а то на сѣнѣ.

— На сѣнѣ? Круглый годъ?

— Круглый годъ.

— Поди-жъ ты!

Я стала складывать альбомъ.

— Списалъ?

— Списалъ.

— Ну, и ловокъ же ты! А рога-то, рога-то!

— Вотъ и ваша корова теперь въ Питеръ попадетъ.

— Ужь вѣрно такъ. Прощай!

— Проѣздомъ что ли?—крикнулъ онъ, уже отойдя нѣсколько шаговъ.

— Проѣздомъ.

Я нашелъ на бульварѣ товарищей, и мы отправились осматривать городъ. Не успѣвъ пообѣдать въ Ниловой пустыни, мы всѣ давно ощущали аппетитъ довольно солидныхъ размѣровъ; но пароходъ стоялъ въ городѣ всего 2 часа, и надо было спѣшить осмотромъ, забывая о тлѣнныхъ и бранныхъ міра сего.

Городъ Осташковъ.

Впрочемъ, осмотру не суждено было состояться. Едва мы прошли нѣсколько шаговъ, какъ хлынулъ такой дождь, что на улицѣ оставаться было невозможно. Мы освѣдомились у перваго встрѣчнаго, гдѣ лучшая гостинница въ городѣ, но до нея было довольно далеко, и мы успѣли порядкомъ промокнуть, пока наконецъ увидѣли вывѣску: «Гостинница Золотой Якорь».

Насъ попросили во второй этажъ, гдѣ есть «зало», и помѣщается старый, плохой билліардъ.

— Обѣды есть?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— А готовыя порціи?

— Тоже нѣтъ-съ!

— Что же у васъ есть?

— Приготовить можно-съ все, что угодно.

Изъ всего, что угодно, мы наскоро заказали щи и курицу.

— А скоро ли будетъ готово?

— Черезъ полчаса-съ.

— Вѣрно?

— Ужъ будьте покойны-съ.

Полчаса прошло.

— Что же обѣдъ?

— Сейчасъ будетъ готовъ-съ.

Проходитъ три четверти часа, наконецъ часъ. Время уходитъ, а половой бѣгаетъ внизъ и вверхъ, принося только одни успокоительныя извѣстія. Мы начинаемъ считать минуты. Объ осмотрѣ города уже не можетъ быть и рѣчи, теперь дай Богъ только поспѣть на пароходъ.

— Обѣдъ! обѣдъ!!—восклицаемъ мы уже съ тоскою, чуть ли не въ сотый разъ.

— Сейчасъ! сейчасъ!—суетится половой, и опять бѣжитъ внизъ и снова возвращается съ пустыми руками.

Черезъ 20 минутъ намъ надо быть на пароходѣ, а обѣда нѣтъ. Казначей поднимается съ своего мѣста и посылаетъ повару грозный ультиматумъ, что если обѣдъ не будетъ поданъ сію же минуту, мы уходимъ.

Приносятъ обѣдъ, но, увы, не смотря ни на какія пословицы, увѣряющія, что голодъ есть лучший поваръ, лучшая приправа и т. д., мы, при всемъ желаніи, должны были удовольствоваться однимъ только лицезрѣніемъ поданныхъ яствъ, до того все это было горячо и въ то же время не доварено. Схвативъ наскоро по одной, полусырой картофелинѣ, мы отдали деньги и бросились бѣжать. Кто-то попробовалъ браниться, но оказалось, что и браниться уже было некогда.

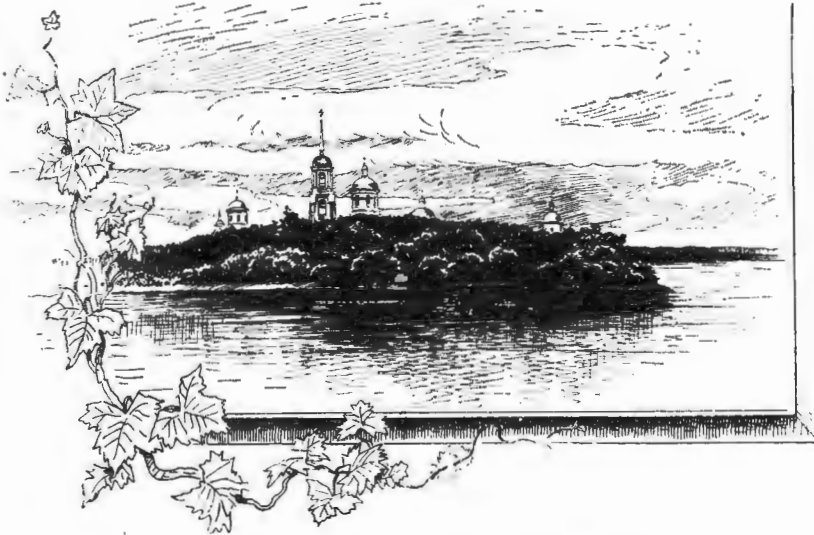
На пароходъ мы прибѣжали послѣ второго свистка, и черезъ минуту онъ отвалилъ отъ берега.

На палубѣ находилась новая толпа богомольцевъ, человѣкъ въ сорокъ; преобладали бабы. Послушникъ, ѣздившій въ городъ по своимъ дѣламъ, вѣроятно, справилъ ихъ вполне удовлетворительно, такъ какъ сидѣлъ на носу одинъ, никакой книжки болѣе не читалъ и находился въ очень веселомъ расположеніи духа. Съ нимъ-то мы и пробесѣдовали всю дорогу, такъ что не замѣтили, какъ вернулись въ монастырь.

VIII.

Березовское плесо.

Лишь только богомольцы вышли на пристань и стали подниматься къ монастырю, какъ на пароходѣ началась спѣшная выгрузка товара. Изъ большаго ящика, въ носовой части, устроеннаго, вѣроятно, для склада пожитковъ команды, появилась бутылка мадеры, за нею сверкнула на солнцѣ посудинка съ російскою свѣтланой, показались на свѣтъ Божій и другіе заключенные: нѣсколько бутылокъ пива, хересъ, наливка и т. д. Получатели

Нилова пустынь съ сѣверо-западной стороны.

товара уже поджидали на пристани и, спрятавъ его за пазуху, спѣшили въ монастырь.

Глядя на эту сцену, мнѣ невольно припомнилась заповѣдь Нектарія братія и ея результаты: «и нынѣ азъ, многогрѣшный Нектарій,—писалъ онъ въ 1666 году,—со слезами прошу и молю васъ, священники и діакони, и вся братія сея обители.... чтобъ при мнѣ во святѣй сей обители хмѣльнаго питія не было, и по смерти моей не заводите, и въ монастырь не вносите, и самимъ въ монастырѣ и внѣ монастыря, отходя, не пить же, и жить вообще». «А кто,—продолжаетъ епископъ,—забывъ милость Божию и наше благословеніе презрѣвъ, учнетъ бражничать, пить хмѣльное питіе, и что имѣти свое, а не обще, и такова бражника, и ослушника

и самолюбца отъ святаго сего мѣста изъ обители изгнать». Постановленіе объ изгнаніи было принято всею братіею, но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ преемникъ Нектарія, Германъ, уже доносилъ митрополиту Питириму о сопряженныхъ съ изгнаніемъ неудобствахъ, потому что нѣкоторые старцы, «желая пить хмѣльное питіе, а нѣкоторые и для пожитковъ, стали уходить изъ монастыря, унося съ собою платье и правильныя книги». Время было смутное; въ церкви начиналъ развиваться расколъ. Раскольники встрѣчали такихъ старцевъ, приносившихъ правильныя книги, съ распростертыми объятіями, и Питиримъ принужденъ былъ отмѣнить изгнаніе, заповѣданное Нектаріемъ, замѣнивъ его «монастырскимъ смиреніемъ, смотря по винѣ». Правда, что въ 1774 г. Платонъ, архіепископъ тверской и кашинскій, сдѣлалъ на оборотѣ Нектаріева постановленія надпись: «сіе установленіе и азъ сужду быти богоугодно и полезно», но упомянутые Германомъ «нѣкоторые старцы», вѣроятно, и до сихъ поръ не могутъ перевестись въ монастырь. А впрочемъ еще самимъ равноапостольнымъ княземъ замѣчено, что Руси веселіе—пити.

— Есть у насъ и самоварчикъ,—подошелъ къ намъ кассиръ,—какъ только выйдемъ, сейчасъ для васъ и согрѣемъ, а потомъ ужъ и сами поъемъ.

Мы поблагодарили.

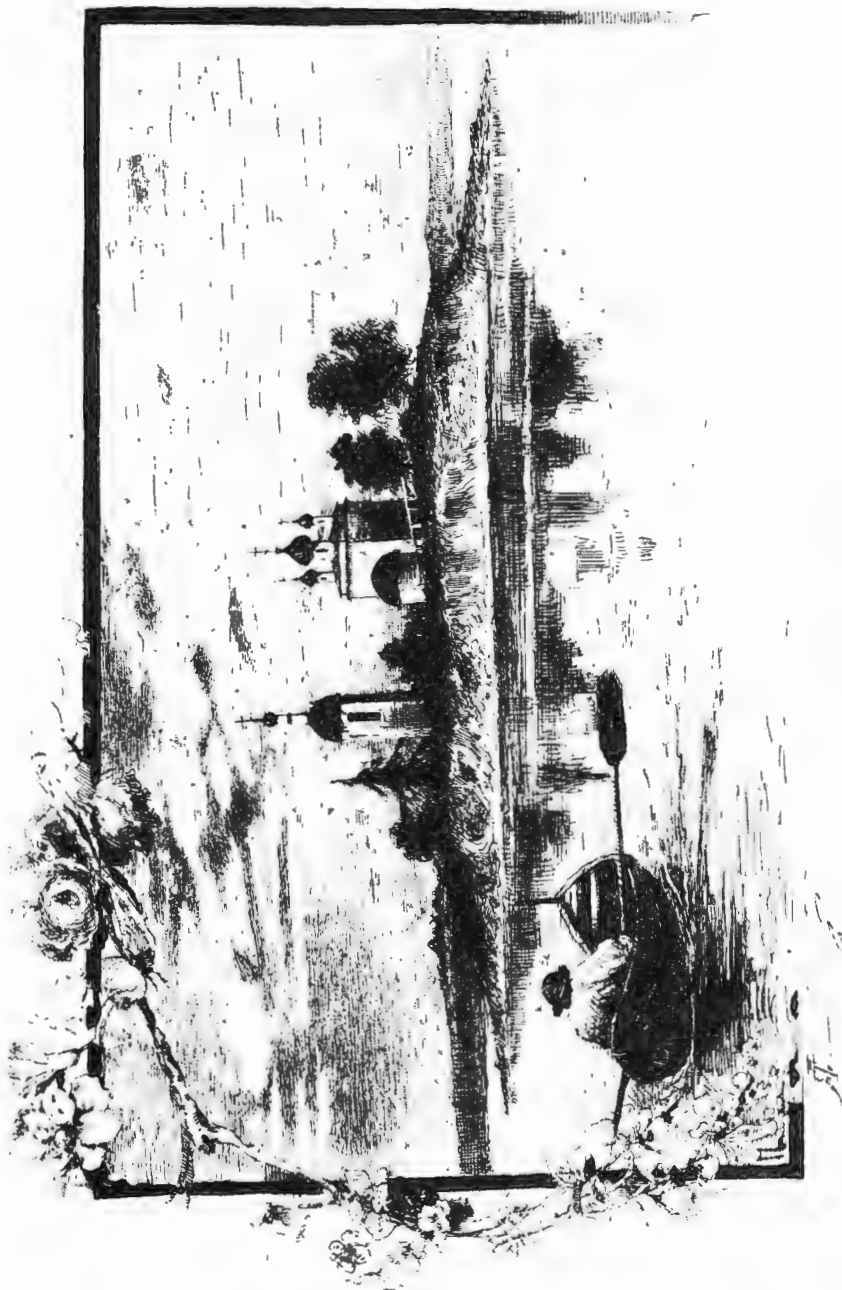
Дѣйствительно, лишь только пароходъ вышелъ изъ бухты и обогнулъ островъ, какъ самоварчикъ уже появился въ каютѣ, но намъ не хотѣлось уходить съ палубы, и мы продолжали смотрѣть на монастырь, зданія котораго долго еще виднѣлись изъ-за окружающаго бора.

На лѣвомъ берегу, на мыскѣ, показалась церковь Никола-Рожокъ. Я уже говорилъ, что въ старину здѣсь былъ монастырь, изъ котораго вышелъ основатель Ниловой пустыни, теперь же на мѣстѣ обители стоитъ уединенный, молчаливый погостъ.

Вскорѣ пароходъ вошелъ въ Березовское плесо, болѣе похожее на широкую рѣку, чѣмъ на заливъ озера. По обоимъ берегамъ протянулись большія имѣнія и усадьбы.

Мы наскоро сбѣгали напиться чаю, и черезъ нѣсколько минутъ были уже снова на палубѣ. Пароходъ приближался къ имѣнію Ёльцы на лѣвомъ берегу, съ церковью и большимъ барскимъ домомъ. Не успѣли мы развернуть свою походную карту, какъ изъ трюма появился машинистъ въ очень разговорчивомъ настроеніи духа и, подойдя къ намъ, какъ къ старымъ знакомымъ, заговорилъ, указывая на Ёльцы.

— Вонъ впереди виднѣется домъ, такъ развѣ только одно Юсуповское имѣніе съ нимъ можетъ сравниться. Было Толстыхъ, теперь Сафонова,—продолжалъ онъ, подсаживаясь къ намъ.—И чего только въ этомъ домѣ не было: и театръ, и тюрьма для крѣ-

Николо-Рожковскій погостъ.

постныхъ, — энъ, энъ, направо башня-то угловая, — и зала танцевальная, точно церковь, въ два свѣта, а на верху хоры. А садъ, такъ я вамъ скажу, какой только чертовщины тамъ нѣтъ; другой, и самый ученый человекъ, не скажетъ, зачѣмъ она.

Поговоривъ еще немного, онъ куда-то исчезъ, по всей вѣроятности, промочить горло, и минутъ черезъ пять уже снова сидѣлъ рядомъ съ нами.

— А это вотъ на правомъ-то берегу имѣние, — энъ, крыша-то видна, — ну, это тонко; а подалѣе-то еще имѣнiece видать, то и совѣмъ! слабо! А вонъ вдали лѣсъ-то виднѣется, это — Игнатьевскій, а мысы: Телка и Быкъ прозываются. Покойникъ Павелъ Павлычъ Игнатьевъ бывало все съ палкой ходилъ, и такой бѣдовый былъ на руку, что страсть! Меня разъ чуть, чуть было не отвозилъ. А вонъ налѣво имѣние Пушина гора; тамъ по близости Жизневскій нашель кости, горшокъ и копые, и утвердилъ, что тутъ былъ языческой городъ.

Онъ опять исчезъ.

— Я здѣшнія мѣста очень хорошо знаю, — снова началъ онъ по возвращеніи, — и съ помѣщиками знакомъ. Вотъ вы, къ примѣру, здѣсь сидите, а они всѣ у меня въ рубкѣ, ну, и толкуемъ. А вонъ, направо, Березовцы и двѣ церкви, это — Тарасова. А въ Березовцахъ гора, если близко подойти, такъ невысказано и подняться. Ходятъ уже съ другой стороны, тамъ поотложе. На горѣ-то церковь Вознесенія, подъ горою Преображенія, а мысъ будетъ Трунѣво.

Плесо оканчивалось; показались Свапуши. Машинистъ ушелъ, и черезъ нѣсколько минутъ пароходъ началъ сбавлять ходу. Лоцманъ далъ свистокъ. На берегу стали показываться люди. День былъ субботній; недалеко отъ воды топилась баня. Изъ нея выскочилъ какой-то красный силень, во вкусъ Рубенса, съ сѣдою бороною, совершенно лысый, — посмотрѣлъ и ушелъ.

— Ну, вотъ и подѣзжаемъ, вотъ и доставили васъ въ цѣлости, въ сохранности, — раздался позади насъ голосъ кассира.

Мы поблагодарили его и команду. Всѣ остались очень довольны и, остановивъ пароходъ, стали подводить лодку къ трапу.

— Лодочка-то у насъ плоховата, — говорилъ лоцманъ, провожая насъ по лѣстницѣ: — качкая больно. Новая, да ужъ такую смастерили, что...

И дѣйствительно, хотя до берега было не болѣе 20 сажень, мы во все путешествіе ни разу не подвергались такой опасности опрокинуться, какъ на этомъ переѣздѣ. Но дѣло кончилось благополучно. Распрошавшись съ нами низкими поклонами, пароходная команда отправилась въ обратный путь, и мы остались на берегу.

Еще вчера Николай совѣтовалъ намъ спросить въ Свапуцахъ Гуду и остановиться у него, такъ какъ и онъ, и семья его — вполне хорошие люди.

— Есть у васъ деревнѣ въ Гуда? — спросили мы крестьянъ, собравшихся толпою и недоумѣло посматривавшихъ на насъ.

— Есть Гуда.—Гуда Васильевъ. — Есть такой,—послышались голоса.—Да вотъ и сынъ его.

Изъ толпы вышелъ молодой парень, которому мы отдали вещи, и онъ повелъ насъ въ гору къ своему дому.

Мы въ послѣдній разъ оглянулись на Селигеръ, считающійся питомникомъ большинства населяющей Волгу рыбы, уже триста лѣтъ осѣняемый высокими крестами Ниловой пустыни, и сказали ему сердечное спасибо за два дня, такъ пріятно проведенные на его водахъ.

Гуда былъ въ банѣ, и насъ встрѣтилъ его сынъ Василій, который, за выдѣломъ старшаго брата Ивана, считается послѣ отца большакомъ въ семьѣ. Вскорѣ явился и самъ Гуда, оказавшійся скромнымъ, степеннымъ мужичкомъ, да и вся семья его дѣйствительно очень симпатична.

До истока Волги отсюда считаютъ 12 верстъ. Мы порядили туда на завтра двѣ пары лошадей съ тѣмъ, чтобы подводчики къ вечеру доставили насъ въ деревню Овселугъ, и, попросивъ разбудить себя съ восходомъ солнца, улеглись спать.

IX.

Истокъ Волги.

•Изъ-за лѣсу было изъ-за темнаго,
 •Изъ-подъ чуднаго креста съ-подъ Леванидова,
 •Изъ-подъ бѣлаго горюча камня Латыря,
 •Тутъ повышла, повышла, повыбѣжала,
 •Выбѣгала-вылегала matka Волга-рѣка,
 •Мѣстомъ шла она ровно три тысячи верстъ!
 •А и много же въ себя она рѣкъ побрала,
 •Да побольше того вѣдь ручьевъ пожрала,
 •Широкъ-далекъ подъ Казань прошла,
 •Шире, далѣй того да подъ Астрахань;
 •Здѣсь пускала устьѣ ровно семьдесятъ верстъ,
 •Выпадала во морюшко Хвалынское».

(Былина).

Мы проснулись въ четыре часа утра. Солнце только что поднималось надъ горизонтомъ, и косые лучи его золотистымъ свѣтомъ брызнули вдоль широкой улицы спавшей деревни. День былъ воскресный; въ переднемъ углу избы, передъ образами, теплилась свѣча. Семья Гуды была уже на ногахъ, занимаясь приготовленіями къ поѣздкѣ: кто давалъ корму лошадямъ, кто мазалъ колеса, кто возился около самовара и т. д.

Но вотъ начала просыпаться и деревня. На улицѣ появился пастухъ съ своимъ коротенькимъ рожкомъ и за окномъ полились звуки его незатѣйливой пѣсни. Въ одномъ изъ домовъ отворилась калитка, и въ ней показалась корова, сопровождаемая хозяйкою. Гдѣ-то дальше выскочилъ на улицу теленокъ и въ припрыжку пустился по улицѣ. Мало-по-малу и изъ сосѣднихъ домовъ стали появляться мѣстныя бурѣнки и сивушки. А рожокъ такъ и заливался безконечными переливами, и его гнусливыя, мелкія трели далеко разносились въ свѣжемъ, утреннемъ воздухѣ. Минутьъ черезъ десять вся улица была полна коровами, тоскливые звуки рожка смѣнились ихъ нестройнымъ мычаніемъ, и вскорѣ все стадо удалилось изъ деревни, поднявъ густыя облака пыли.

Напившись чаю, мы тронулись въ путь. Стряпухи начинали топить печи, и дымъ легкими столбиками поднимался въ недвижимомъ воздухѣ. Двое изъ нашихъ товарищей ѣхали впереди съ Васильемъ, я и казначей слѣдовали за ними; лошадьми правилъ Иванъ, старшій братъ Василя, уже успѣвшій отбыть воинскую повинность.

За околицею деревни показался большой, тѣнистый садъ барской усадьбы.

— Это Шаховскихъ,—пояснилъ нашъ Иванъ:—мы всѣ ихними крѣпостными были. Отецъ тѣ времена еще хорошо помнить.

— Онъ у васъ старикъ бодрый.

— Здоровый старикъ и память хорошая. Помнить еще, какъ Николаевскую машину строили; онъ тамъ съ тачкой не одинъ годъ работаль около Бологова. Тогда, говорить, ихъ четырнадцать челоуѣкъ господа послали изъ нашей деревни. Да и много еще кой-чего помнить. Занятный старикъ. А вы, господа, на Волгу-то, должно быть, въ первый разъ?—обратился онъ къ намъ въ свою очередь.

— Въ первый.

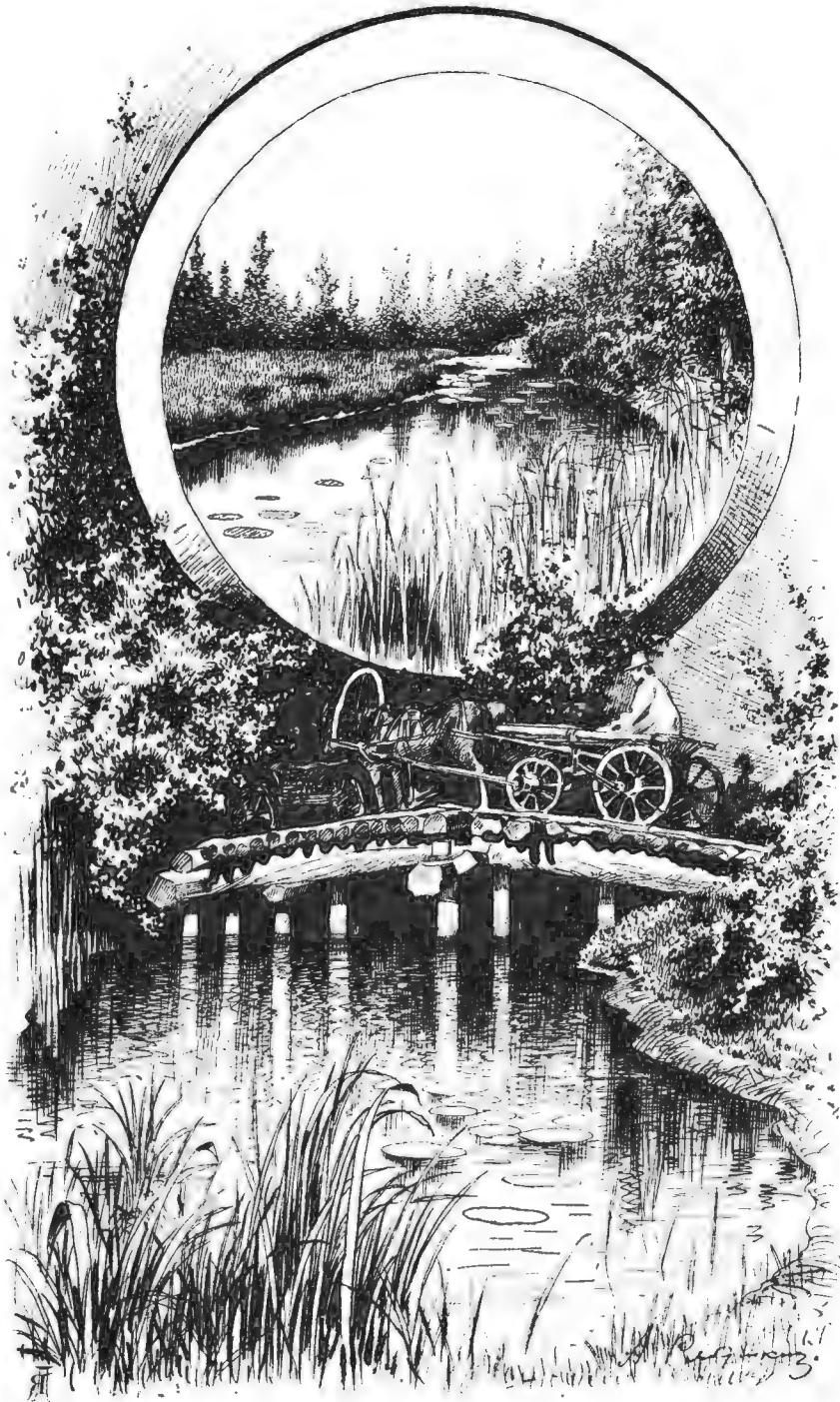
— Теперь все больше и больше туда проѣзжать начали. Одинъ помѣщикъ такъ нарочно лодку свою завель и проѣхаль до самаго Ржева, а потомъ уѣхаль въ Петербургъ, да тамъ, говорить, и померъ; хорошій баринъ былъ. Другой такъ пѣшкомъ отъ истока до самаго Стержа прошелъ,—верстъ пять-шесть будетъ,—такъ сквозь кустовнякъ и шелъ по ямамъ, по кочкамъ.

Впереди сверкнула широкая полоса воды.

— Вонъ и Стержь-озеро показалось, — замѣтилъ Иванъ: — въ него и Волга впадаетъ, а лѣвѣе, на берегу-то, деревня Коковкино.

Мы стали огибать озеро, направляясь къ виднѣвшейся на томъ берегу деревнѣ Новинкѣ съ погостомъ Петра и Павла, отъ которой идетъ дорога къ самому истоку Волги.

Путь нашъ пролегалъ по холмистой мѣстности, покрытой полями и небольшими зарослями. Спустившись съ одного пригорка,

Первый мостъ черезъ Волгу.
Въ кругѣ: видъ съ моста внизъ по Волгѣ.

мы подѣхали къ маленькой рѣчкѣ, черезъ которую былъ перекинутъ старый мостъ.

— А это какая рѣка?

— Волга.

— Какъ Волга?!

— Она самая; тутъ черезъ нее и первый настоящій мостъ построенъ.

Мы остановились и сошли на берегъ. Крохотная рѣчка скромно пробиралась подъ сѣнью густыхъ вѣтвей, нависшихъ надъ нею съ противоположнаго берега. Выйдя изъ-подъ моста и очутившись на просторѣ, она вдругъ дѣлала шаловливый изгибъ влѣво и пропала изъ глазъ за покрытымъ цвѣтами мыскомъ лѣваго берега. Для перваго знакомства съ Волгой трудно выбрать болѣе симпатичную картинку; мы ее сфотографировали.

Проѣхавъ мостъ и лѣсъ, начинавшійся на томъ берегу Волги, мы снова выѣхали на открытое мѣсто, и передъ нами, во всю длину, протянулось красивое озеро Стержъ. Новинка съ погостомъ Петра и Павла была уже недалеко. На картѣ погостъ этотъ названъ Стержемъ, но здѣсь его такъ не называютъ, и зовутъ Стержемъ только озеро.

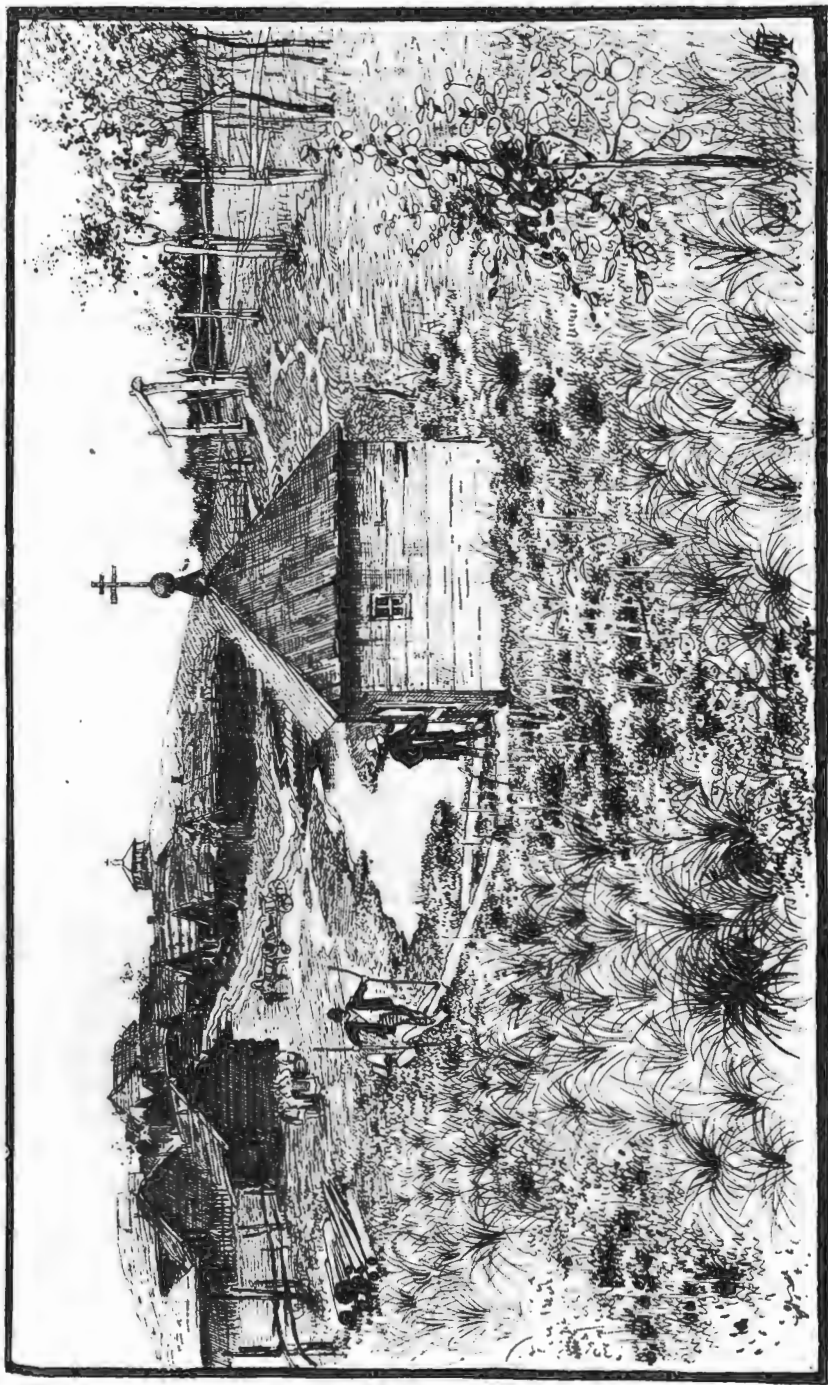
Въ Новинкѣ народъ выходилъ изъ церкви отъ заутрени. Подводчики наши остановились и начали справляться, которымъ берегомъ лучше проѣхать на обратномъ пути въ Овселугъ, такъ какъ сами тамъ не бывали. Пошли толки, пререканія, споры и, наконецъ, рѣшили, что ни тутъ, ни тамъ дорогу похвалить нельзя, но, всетаки, лучше ѣхать здѣшнимъ правымъ берегомъ. Василий начиналъ нервничать.

— Что это онъ кипятится?— спросили мы Ивана, когда снова тронулись въ путь и свернули на дорогу къ деревнѣ Волговерховью.

— Да взялся-то онъ до Овселуга немножко не подумавши. Время теперь горячее, кони заморены, завтра навозъ возить, — имъ сегодня постоять, поотдохнуть бы, а онъ сгоряча-то взялся; вотъ теперь его и разбираетъ.

Дорога потянулась холмами, большею частію по лѣсу; мѣстами на дорогѣ стояли непросохшія лужи, попадались ямы, огромные камни. Избалованные хорошими дорогами, подводчики наши приуныли. Отъ Петра и Павла до деревни Вороновой считается 5 верстъ, а оттуда 2 версты до Волговерховья, но мы тащились уже цѣлый часъ, а Воронова все нѣтъ какъ нѣтъ. Только выберемъ на полянку, а за нею опять лѣсокъ, за лѣскомъ новая полянка, снова лѣсокъ, а жилья не видно и признаковъ.

Наконецъ показалось окруженное лѣсомъ ярое поле, а за нимъ вскорѣ и само Вороново, состоящее всего изъ двухъ дворовъ. Теперь до цѣли путешествія было уже недалеко, и подводчики наши оживились.

Часовня надъ истокомъ Волги и деревня Волговерховье.

Судя по описанію, находящемуся въ книгѣ Рагозина, и по приложенному къ ней рисунку, мы думали, что намъ придется прежде заѣхать въ деревню, а оттуда уже идти къ часовнѣ надъ истокомъ Волги, одиноко стоящей гдѣ-то на болотѣ, въ сторонѣ отъ деревни, на дѣлѣ же вышло иначе.

Изъ-за кустарника, окаймлявшаго дорогу, показались съ правой стороны крыши деревни, раскинутой на довольно высокомъ пригоркѣ. Въ плетнѣ, который давно уже тянулся позади кустовъ, вправо отъ дороги, оказались ворота; мы круто свернули къ нимъ и, миновавъ ихъ, очутились на берегу маленькаго ручейка, позади котораго, на возвышеніи, была расположена деревня Волговерховье. Этотъ ручеекъ былъ Волга, а нѣсколько лѣвѣе виднѣлась на болотцѣ и часовня, поставленная надъ самымъ истокомъ великой рѣки...

Оказалось, что В. А. Раевскій, осматривавшій Волгу по порученію г. Рагозина, подѣхалъ къ Волговерховью по другой дорогѣ, а уголь зрѣнія на приложенномъ къ книгѣ рисункѣ взять очень тѣсный: видна только часовня и вокругъ нея нѣсколько деревьевъ. Чтобы дать болѣе ясное представленіе о характерѣ мѣстности, мы избрали для своего рисунка нѣсколько иную точку, съ которой видна часовня и первые шаги новорожденной красавицы, и старая кузница—первая постройка на берегахъ Волги, и мостикъ, и поднимающаяся въ гору деревня, въ которой указано и мѣстоположеніе другой часовни, поставленной въ память бывшаго здѣсь когда-то монастыря.

На берегу подлѣ кузницы стояла какая-то баба. Увидавъ, что мы остановились и хотимъ пробраться къ часовнѣ, она предложила свои услуги и начала наскоро прокладывать жерди черезъ болотце, поминутно обрываясь по колѣна въ воду. Болотная трясинка тянется отъ часовни во всѣ стороны на протяженіи 10—15 сажень.

Когда путь былъ кое-какъ насланъ, мы, вооружившись шестами, уходившими при каждомъ шагѣ на аршинъ въ воду, пустились по жердямъ къ часовнѣ. Она, какъ видно, выстроена не такъ давно и внутри совершенно пуста. У двери нѣтъ ни лѣсенки, ни приступка, такъ что въ нее приходится влѣзать, какъ въ окно. Посреди часовни сдѣланъ невысокій обручъ, въ родѣ колодца, въ которомъ ежегодно 6-го августа святится вода, и Волга, при самомъ своемъ рожденіи, является уже освященною погруженіемъ въ нее св. креста.

Едва ли не первымъ путешественникомъ, составившимъ описаніе истока Волги, былъ академикъ Озерецковскій, посѣтившій это мѣсто 10-го іюля 1814 года. Онъ засталъ здѣсь только «кладезъ» пространствомъ сажени въ полторы. «Сюда,—говоритъ онъ,—вбирается вода изъ ближняго болота, ельникомъ поросшаго, и въ семь водовмѣстилищъ, которое жители Иорданью называютъ, она

кажется стоячею; однако-жь тихо пробирается ручейкомъ въ обширный буеракъ, и дномъ онаго продолжаетъ путь свой по наклонности буерака». Надъ Иорданью въ его время лежали «вдоль и поперегъ» старыя бревна, оставшіяся «отъ бывшей нѣкогда тамъ часовни, которой изъ жителей никто не помнитъ, но извѣстно по преданіямъ, что тамъ была часовня, и вода въ кладезѣ хранилась чиста и такъ прозрачна, что опущенная въ нее булавка или полупка въ нарочитой глѣбинѣ были видны. Но когда не стало часовни, источникъ оставленъ въ небреженіи и теперь воду содержитъ черную, тинистую, которую пить не можно». Озерецковскій слышалъ, что въ старинные года «вода сія почиталась лекарственною въ глазныхъ болѣзняхъ и разныхъ наружныхъ сыпяхъ, и что изъ дальнихъ мѣстъ многіе люди пріѣзжали сюда лечиться, обмывали ею свои струпя. Есть ли бы нынѣ,—замѣчаетъ онъ,—вычистить оный источникъ и обнести его срубомъ съ кровлею, то отъ воды могло бы быть то же дѣйствіе; но и безъ того истокъ толь знаменитой рѣки заслуживаетъ быть уваженъ».

Лѣтъ 25 назадъ, другой путешественникъ, г. Поляковъ, засталъ здѣсь часовню, но уже въ полуразрушенномъ видѣ, а въ книгѣ г. Рагозина (1880 г.) приведенъ разговоръ съ девяностолѣтнимъ старикомъ, на памяти котораго успѣли обветшать на этомъ мѣстѣ двѣ часовни.

Глубина колодца въ часовнѣ около полутора аршина; вода въ немъ имѣетъ болотистый, красновато-желтоватый оттѣнокъ. Вода эта, по словамъ крестьянъ, никогда не высыхаетъ, ручеекъ же, начинающійся отъ часовни, въ жаркое время сильно мелѣетъ и даже пересыхаетъ совсѣмъ, а вода держится только по ямкамъ. Вообще же старики утверждаютъ, что прежде и вода была чище, и теченіе сильнѣе, и самое болото обширнѣе.

На стѣнахъ часовни мы нашли съ десятокъ надписей; здѣсь оставили свои автографы: какой-то землемѣръ изъ Москвы, «мимоходомъ посѣтившій матушку Волгу», инспекторъ народныхъ училищъ, нѣкій господинъ, «извѣздившій всю Волгу вдоль и поперегъ, отъ Девяти футъ до Ржева, за исключеніемъ одного маленькаго кусочка, и теперь явившійся посмотреть истокъ ея», и т. п.

Пока мы были въ часовнѣ, на берегу у кузницы уже собралось много любопытныхъ. Не смотря на то, что «господа» стали наѣзжать сюда все чаще и чаще, каждый подобный наѣздъ все еще составляетъ для волговерховцевъ своего рода событіе.

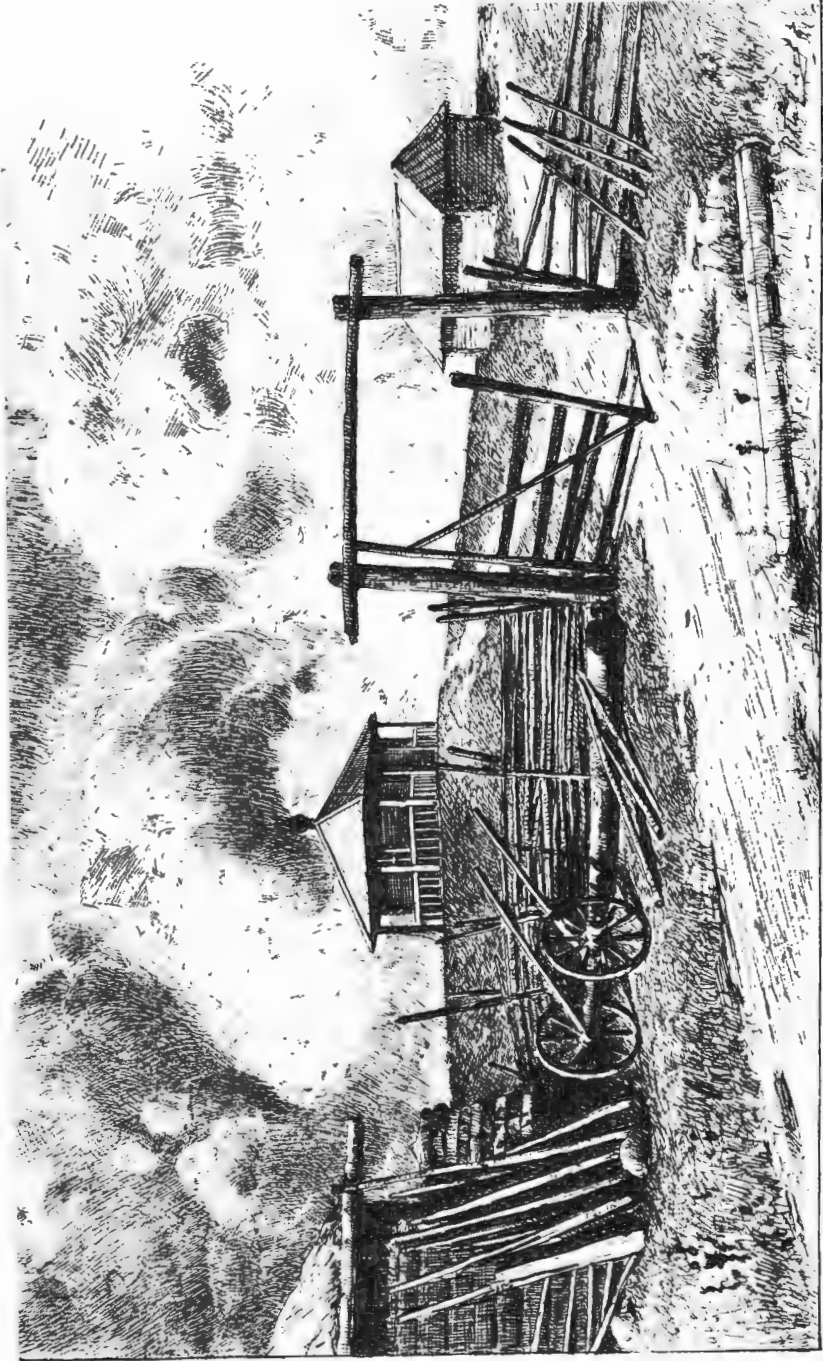
Мы освѣдомились о другой часовнѣ, на мѣстѣ упраздненнаго монастыря, и крестьяне охотно провели насъ въ деревню, гдѣ направо, за ихъ дворами, на пригоркѣ помѣщается еще не старая по виду часовня, обнесенная крытою галлерейкою. Во времена Озерецковскаго на пригоркѣ еще были замѣтны старинныя могилы; теперь ихъ уже не видно, но крестьяне говорятъ, что въ со-

сѣднихъ огородахъ и посейчасъ еще находятъ кирпичъ, вѣроятно, остатокъ монастырскихъ печей, такъ какъ зданій каменныхъ въ монастырѣ не было. Онъ былъ основанъ въ 1649 году и приписанъ къ Ниловой пустыни. Основаніе монастыря состоялось по указу царя Алексѣя Михайловича, и деревянный храмъ обители построенъ во имя Преображенія Господня съ придѣломъ въ честь св. Іоанна Предтечи. Но находясь въ сторонѣ отъ дорогъ, въ глухой, пустынной мѣстности, монастырь не могъ похвастать приливомъ богомольцевъ, что, конечно, отразилось и на его дальнѣйшей судьбѣ. Къ концу XVII столѣтія онъ даже совсѣмъ заустѣлъ, и церковь, по выраженію того времени, нѣсколько лѣтъ «стояла безъ пѣнія». Но еще до наступленія слѣдующаго вѣка монастырь былъ возобновленъ, и Петръ Великій пожертвовалъ въ него два евангелія, псалтырь, требникъ и ирмологъ. Снова въ храмѣ раздалось пѣніе и опять не надолго: въ 1724 году обитель сдѣлалась жертвою пожара; строитель и братія, въ числѣ десяти человекъ, переведены въ Нилову пустынь, а заустѣлое мѣсто сдано священнику погоста Стержи (Петра и Павла) за 16 коп. годоваго оброка. Въ 1740 году мѣстность эта, подъ названіемъ Преображенской, перешла къ Селижарову монастырю, который поселилъ здѣсь приписныхъ къ нему церковниковъ, и деревня Волговерховье, по всѣмъ вѣроятіямъ, образовалась изъ этого поселка ¹⁾.

Въ часовнѣ намъ показали старинныя, совсѣмъ уже обветшавшія, ризы. Тамъ же мы замѣтили новыя, деревянные подсвѣчники, работы самихъ крестьянъ, украшенные лучинками и мѣстами покрытые малиновымъ колеромъ.

Изъ часовни мы снова спустились къ Волгѣ, которая, обогнувъ деревню, пробирается по болотистой, поросшей ельникомъ, трупобѣ къ миниатюрному озерку Малый Верхитъ, находящемуся неподалеку отъ деревни Воронова. Волга только задѣваетъ это озеро и направляется къ другому, нѣсколько большому озерку, носящему названіе Большаго Верхита. Первый притокъ свой, ручей Персянку, она принимаетъ въ себя, еще не доходя до Малаго Верхита; здѣсь же, между двумя Верхитами, она пополняется водою своего втораго, болѣе значительнаго ручья Краснаго и сама становится шире. Изъ Большаго Верхита Волга выходитъ уже не ручьемъ, а маленькой рѣчкой; недалеко отъ ея выхода и находится тотъ первый мостъ, у котораго мы познакомились съ нею утромъ. Отъ моста она уже прямо направляется къ озеру Стержъ.

¹⁾ Лицамъ, желающимъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія отъ этой обители, рекомендую брошюрку г. Колосова: «Верховья Волги въ ихъ прошломъ и настоящемъ», которая должна выйти изъ печати въ самомъ непродолжительномъ времени. Приношу глубокую благодарность многоуважаемому А. К. Жизневскому, давшему мнѣ возможность заранѣе познакомиться съ ея содержаніемъ.

Часовня на мѣстѣ упраздненнаго монастыря въ деревнѣ Волговерховьѣ.

Обратный путь къ Стержу, по той же дорогѣ, показался намъ и короче, и легче; даже подводчики наши слегка поразвеселились. Верстахъ въ трехъ, или четырехъ, отъ Стержа мы встрѣтили на дорогѣ пеструю, разряженную толпу волговерховской молодежи, возвращавшейся домой отъ обѣдни. Видъ этихъ здоровыхъ, веселыхъ молодыхъ людей, ихъ оживленные разговоры и далеко раздававшійся по лѣсу смѣхъ наполнили душу чѣмъ-то веселымъ, праздничнымъ. Вдали снова показался Стержь, Новинка и кресты Петропавловскаго погоста.

Х.

Стерженскій крестъ.

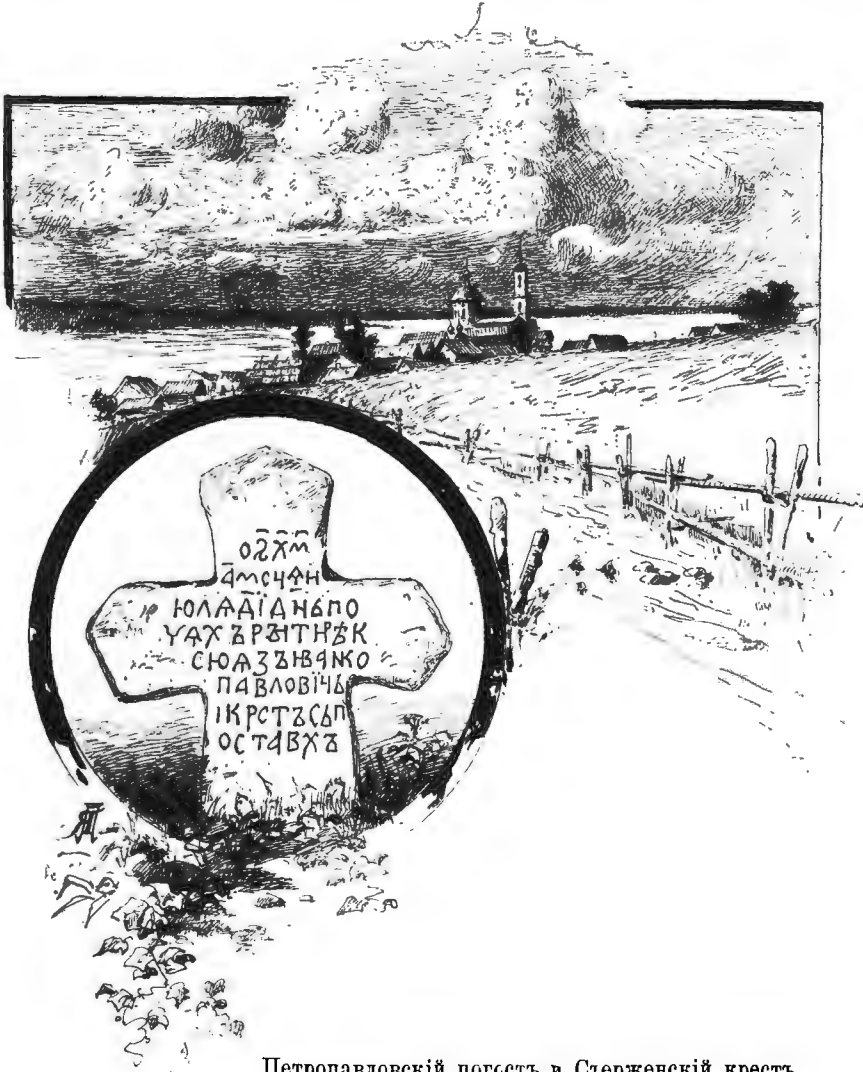
« — старикъ съдой,
 «Разваливъ стражъ полуживой,
 «Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
 «Которыхъ надпись говорить
 «О славѣ прошлой»

Лермонтовъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, на кладбищѣ Стерженской-Петропавловской церкви, надъ могилою сосѣдняго помѣщика Обернибѣсова стоялъ большой, каменный крестъ съ какою-то старинною надписью. Сюда, на могилу, крестъ былъ перенесенъ однимъ изъ потомковъ давно уже умершаго помѣщика, а ранѣе онъ находился въ двухъ верстахъ отъ погоста, при впаденіи Волги въ Стержь, гдѣ на правомъ берегу и донынѣ уцѣлѣли остатки круглаго насыпного холма (около 4 сажень высоты), носящаго въ народѣ названіе Городка. Дѣйствительно, мѣстность эта была заселена еще во времена глубокой древности и принадлежала Новгороду. О погостѣ Стержь упоминаютъ новгородскіе лѣтописцы, о немъ говорится и въ договорной грамотѣ Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ.

Долгое время никто, кромѣ мѣстныхъ жителей, и не подозрѣвалъ о существованіи древняго креста на одинокой могилѣ, но вотъ однажды на погостѣ явился о. В. П. Успенскій, неутомимый археологъ и почтенный труженикъ науки, извѣстный своими описаніями Ниловой пустыни и другихъ монастырей Осташковскаго уѣзда. Онъ обратилъ вниманіе на крестъ, понялъ его важное значеніе и описалъ эту древность въ своемъ трудѣ: «Историческія замѣтки объ Осташковскомъ уѣздѣ». Оказалось, что послѣ извѣстнаго Тмутараканскаго камня крестъ этотъ можетъ смѣло занять первое мѣсто въ ряду подобнаго рода памятниковъ. Надпись на немъ помѣчена 1133-мъ годомъ и заключается въ слѣдующихъ словахъ: «6641 мѣсяца Іюля 14 день почыхъ рыти рѣку сю язъ Иванко Павловиць и крестъ съ поставихъ».

Буквы надписи вырѣзаны на крестѣ довольно четко, но смыслъ ея разобрать не легко; лаконизмомъ своей замѣтки Иванко Павловичъ поставилъ для насъ вмѣстѣ съ крестомъ и интересный вопросительный знакъ. Мы знаемъ, что самъ онъ около этого времени

Петропавловскій погостъ и Стерженскій крестъ.

былъ посадникомъ въ Новгородѣ, знаемъ и мѣсто, гдѣ былъ поставленъ крестъ, а именно, какъ замѣчено выше, при впаденіи Волги въ Стержь, но спрашивается: для чего понадобилось новгородцамъ углублять такую маленькую, незначительную рѣчку и даже ставить крестъ въ память начала этой работы? Правда, что мѣстность

Стержа находится не далеко отъ древнихъ путей, соединявшихъ Новгородъ съ Поволжьемъ и Подвиньемъ, но Волга при впаденіи въ озеро еще такъ мала, что мысль пользоваться для сообщенія именно ею, тогда какъ вблизи находились болѣе удобныя водныя линіи, могла явиться только въ какой нибудь крайности. Вопросъ долгое время оставался открытымъ, пока не занялся имъ членъ тверской архивной комиссіи В. И. Колосовъ. Въ засѣданіи комиссіи 19-го декабря 1889 г. онъ сообщилъ о результатахъ своего изслѣдованія, и выводъ, къ которому онъ пришелъ, доказываетъ несомнѣнную даровитость почтеннаго изслѣдователя¹⁾.

Извѣстно, что новгородцы издавна посѣщали Волгу, куда, помимо колонизаціи, привлекала ихъ торговля съ волжскими болгарями. Путь ихъ къ Волгѣ сначала лежалъ, минуя верхнее Поволжье, на Ладожское озеро, Онегу, Бѣлоозеро и Шексну. Потомъ къ нему присоединился другой, болѣе короткій — изъ Ладожскаго озера на рѣку Сясь и притокъ ея Воложу (нынѣ Тихвинка), а затѣмъ волокомъ до притоковъ Мологи. Этими двумя путями, которые теперь извѣстны подъ именами системъ: первый — Маріинской, а второй — Тихвинской, шли черезъ болгарь въ Новгородъ всѣ азіатскіе товары. Оба пути, выходя къ Волгѣ, неминуемо должны были проходить по Суздальской землѣ. Вначалѣ князья, занятые Кіевомъ и южною Русью, мало интересовались этимъ новгородскимъ путемъ, шедшимъ по ихъ владѣніямъ, но когда, въ 1125 году, Суздаль выдѣлился въ особый удѣлъ съ своимъ особымъ княземъ, и этимъ княземъ сѣлъ въ Суздаль Юрій Долгорукій, положеніе дѣлъ измѣлось, и новгородцы это поняли. Не смотря на то, что въ первые годы своего княженія Юрій не выказывалъ явныхъ враждебныхъ намѣреній относительно новгородцевъ, они всетаки успѣшили проложить новый путь къ Волгѣ и уже по своимъ владѣніямъ, черезъ Мсту и Тверцу (нынѣшняя Вышневолоцкая система). Это видно изъ того, что около того времени у нихъ появляются два новыхъ городка: Новый Торгъ на Тверцѣ и Тверь при впаденіи ея въ Волгу. Но устье Тверцы было всетаки очень близко къ Суздальскимъ владѣніямъ и, въ случаѣ войны, легко могло быть захвачено непріателемъ, а между тѣмъ отношенія къ Суздалью, именно около 1133 года, стали быстро обостряться. Въ 1132 году умеръ въ Кіевѣ князь Мстиславъ Владиміровичъ, и братъ его Ярополкъ, сдѣлавшись княземъ кіевскимъ, отдалъ Переяславскій удѣлъ своему племяннику Всеволоду Мстиславичу, княжившему до того времени въ Новгородѣ. Всеволодъ явился въ Переяславль, но былъ выгнанъ изъ своего новаго удѣла Юріемъ Долгорукимъ

¹⁾ Сообщеніе г. Колосова издано отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: «Стерженскій и Лопастцкій кресты въ связи съ древними водными путями въ верхнемъ Поволжьѣ», Тверь, 1890 г.

и братомъ его Андреемъ. Всеволодъ вернулся къ новгородцамъ, и на горизонтѣ появились черныя точки. Въ 1133 году Иванко Павловичъ принялся за углубленіе Волги, а въ 1134 г. Всеволодъ уже пошелъ на Суздаль войною, но почему-то долженъ былъ вернуться съ дороги. Посадникомъ новгородскимъ въ то время былъ Петрило, который за неудачу похода потерялъ свое посадничество, и новгородцы вмѣсто него выбрали въ посадники Иванка Павловича, углублявшаго Волгу и, вѣроятно, отнюдь не принадлежавшаго къ торговой партіи, которая изъ-за своихъ интересовъ желала мира съ Суздалемъ. На слѣдующій же годъ зимою новгородцы снова тронулись въ походъ, но битва на Жданъ-горѣ была для нихъ несчастлива и окончилась ихъ полнымъ поражениемъ. Въ этой битвѣ, вмѣстѣ съ другими, сложилъ свою голову и храбрый посадникъ.

Обращаясь къ интересующему насъ вопросу о надписи, замѣтимъ, что Волга, въ самомъ своемъ верховьи, очень близко соприкасается съ притоками рѣки Пола, впадающей въ Ловать. «Не естественно ли предположить,—заключаетъ г. Колосовъ,—что новгородцы, въ виду возможности захвата ихъ водныхъ путей къ р. Волгѣ со стороны суздальскихъ князей, предъ началомъ враждебныхъ дѣйствій противъ Суздаля, озаботились о соединеніи своихъ владѣній съ верховьями Волги помимо Тверцы, чтобы обезопасить себя хотя подвозъ жизненныхъ припасовъ?».

Въ настоящее время, благодаря стараніямъ неутомимаго ревнителя старины А. К. Жизневскаго, Стерженскій крестъ помѣщенъ въ Тверскомъ музеѣ и составляетъ одно изъ главныхъ его украшеній.

ХІ.

С ю р п р и з ъ .

И залегъ ту дорогу Тугаринъ-Змѣй.

Мей.

Доѣхавъ до Новинки, мы свернули направо, вдоль по берегу Стержа, и вскорѣ миновали погостъ. Кормить лошадей рѣшено было въ имѣннѣ, близъ деревни Горка, у арендатора, жена котораго приходилась дальнею родственницею нашимъ подводчикамъ. Горка находилась приблизительно на половинѣ протяженія Стержа, который широкимъ зеркаломъ разстилался передъ нами. На противоположномъ берегу, противъ погоста, виднѣлась деревня Коккино, а далѣе тянулись почти непрерывною линіей: Бѣльково, Шелихово, Князево. Мы ѣхали, любуясь все время роскошными далями. Погода была прекрасная; около полудня, впрочемъ, набѣжала тучка, и насъ порядкомъ промочило дождемъ. Но горка была

уже недалеко; вскорѣ мы остановились передъ домикомъ арендатора. Его самого не было дома, насъ встрѣтила хозяйка съ сестрой.

— А ужъ какъ вы насъ напугали!—сказала она, отворяя дверь въ комнату.

— Чѣмъ?

— Мы думали, не разбойники ли пріѣхали.

— Да неужели у насъ такой воинственный видъ?—засмѣялся нашъ казначей.

— А развѣ вы ничего не слышали?

— О чемъ?

— О Колпакѣ-то?

— И понятія не имѣемъ.

— Вы теперь куда ѣдете?

— Въ Овселугъ.

— Да неужто вы рѣшитесь туда ѣхать? Вѣдь онъ какъ разъ теперь гдѣ-то около Овселуга находится. Облаву на него дѣлать собираются: становой проѣхалъ, урядникъ; говорятъ, вся деревня на ногахъ, теперь вы и лошадей не достанете.

— Да что же это за Колпакъ такой необыкновенный?

— Разбойникъ, и, говорятъ, самый отчаянный, — подхватила сестра хозяйки:—былъ уже сосланъ въ Сибирь и вернулся оттуда; говорятъ, онъ дмитровскій мѣщанинъ.

— Тамъ у него будто бы и жена есть,—заговорила хозяйка.—Теперь вотъ ужъ недѣли двѣ, какъ сюда на Стержь перебрался, и много ужъ народу убили: у него цѣлая шайка, кто говоритъ—семь человѣкъ, а кто и больше.

— И будто бы всѣхъ, кого онъ ограбитъ,—опять вмѣшалась сестра хозяйки,—непремѣнно убиваетъ, чтобы не оставалось свидѣтелей.

— Женѣ своей,—перебила хозяйка,—въ Дмитровскѣ чуть языкъ не отрѣзала, чтобы не могла говорить.

— И будто бы особенно любить рѣзать женщинъ; мы съ сестрою сегодня всю ночь не спали.

Дѣйствительно, обѣ онѣ были въ страшномъ возбужденіи.

Пока мы пили чай, явился и самъ арендаторъ, ѣздившій въ Залѣсье, въ волостное правленіе. Тамъ его не только не успокоили, но напротивъ напугали еще болѣе, подтвердивъ прежнія извѣстія о Колпакѣ и дополнивъ ихъ новыми подробностями.

— До сихъ поръ убили девять человѣкъ,—говорилъ онъ,—а послѣдняго зарѣзали мальчика пастушка. Тотъ пасъ лошадей подъ лѣсомъ; пришли, зарѣзали и неизвѣстно зачѣмъ. Вся шайка, говорятъ, хорошо вооружена ружьями и револьверами. Въ послѣдній разъ ихъ видали въ лѣсу подъ Овселугомъ. Теперь тамъ облава. Поймаютъ ли, нѣтъ ли, рѣшить трудно, а только вамъ, господа, теперь туда ѣхать не совѣтую. Во-первыхъ, дорога въ Овселугъ

адская,—я самъ недавно ѣздилъ,—во-вторыхъ, если даже предположить, что Колпакъ въ виду облавы нѣсколько и присмирѣлъ, то всетаки вы коней не получите: всѣ люди на облавѣ и никто не поѣдетъ.

— Такъ нельзя ли какъ нибудь объѣхать это мѣсто?

— Трудно; другихъ дорогъ нѣтъ. Самое лучшее вамъ свернуть пока на Осташковъ, а тамъ по Ржевскому тракту опять на Волгу выѣдете.

Мы призадумались. Перспектива сраженія съ Колпакомъ и его шайкою для насъ, мирныхъ гражданъ, заключала въ себѣ мало привлекательности, а сидѣть въ Овселугѣ и ожидать результатовъ облавы, которая неизвѣстно когда и неизвѣстно чѣмъ окончится, намъ тоже не хотѣлось, такъ какъ въ концѣ концовъ мы всетаки очутились бы въ рукахъ крестьянъ-подводчиковъ, а намъ уже валдайскіе ямщики достаточно ясно показали, какъ можно грабить беззащитныхъ путниковъ, вовсе даже не прибѣгая къ помощи ножа или ружья.

Выйдя въ кухню потолковать съ нашими возницами, мы нашли ихъ въ сильномъ волненіи. Оказалось, что работникъ арендатора уже сообщилъ имъ всѣ новости изъ волостнаго правленія, и теперь они просили отпустить ихъ обратно, положительно отказываясь ѣхать далѣе. Пришлось уговаривать ихъ, чтобы они довели насъ хоть до Осташкова, потому что объ Овселугѣ не могло быть и рѣчи. Наконецъ, кое-какъ поладили и часу въ 4-мъ тронулись въ путь на Осташковъ, въ очень скверномъ настроеніи духа, такъ какъ, хотя и не надолго, но всетаки приходилось отступать отъ намѣченнаго маршрута.

Миновавъ село Залѣсье, откуда арендаторъ навезъ столько тревожныхъ новостей, мы приблизились къ рѣкѣ Рунѣ, первому значительному притоку Волги, впадающему въ нее въ томъ мѣстѣ, гдѣ она переходитъ изъ Стержа въ озеро Овселугъ. Остановясь на мосту надъ Руною, я счелъ своимъ долгомъ снять съ нея фотографію, такъ какъ г. Рагозинъ относится къ Рунѣ еще съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ самой Волгѣ, и даже считаетъ истиннымъ началомъ Волги не Волгу, а именно Руну.

Подробно описавъ въ началѣ истокъ Волги у деревни Волговерховья, уже описанный ранѣе его и Озерецковскимъ, и Штукенбергомъ, и Гельмерсеномъ, и другими, именно, какъ истокъ нашей великой рѣки, Рагозинъ, въ концѣ перваго тома, заявляетъ, что упоминаемое въ книгѣ начало Волги «было признаваемо, какъ таковое, не въ силу научныхъ данныхъ, а на основаніи произвольно, и при томъ въ сравнительно недавнее время, присвоеннаго Волговерховской рѣчкѣ имени Волги». Но когда же было это сравнительно недавнее время? Г. Рагозинъ отвѣчаетъ: «Позволяемъ себѣ высказать слѣдующую догадку: намъ кажется, что рѣчка, впадаю-

щая въ сѣверный конецъ Стержа, получила названіе Волги гораздо позднѣе обрусѣнія или вытѣсненія финскихъ племенъ, населявшихъ область теперешней Тверской губерніи, а именно, во время возникновенія Волговерховскаго монастыря, когда основатели его, люди болѣе или менѣе просвѣщенные, провозгласили свою рѣчку настоящимъ началомъ Волги, такъ какъ продолженіе водной артеріи ниже Стержа—по крайней мѣрѣ, по выходѣ ея изъ озера Волго—называлось уже Волгою сыздавна, а Руна, между тѣмъ, была уже извѣстна подъ теперешнимъ ея именемъ». Выходитъ, что эти болѣе или менѣе просвѣщенные люди сначала основали монастырь неизвѣсто гдѣ и неизвѣстно зачѣмъ, а потомъ уже стали придумывать мотивы его основанія въ такой болотистой трущобѣ, на берегу незначительнаго ручейка, тогда какъ подъ-бокомъ были прекрасные берега Стержа и наконецъ та же самая Руна, которая дѣйствительно разъ въ пять длиннѣе девятиверстной—при впаденіи въ Стержь—Волги. Далѣе г. Рагозинъ ссылается на извѣстнаго географа Риттера, который хотя и не называетъ Руны, но какъ будто бы принимаетъ ее за истокъ Волги. Едва ли Риттеръ лично посѣщалъ эти мѣстности, по крайней мѣрѣ, самъ г. Рагозинъ объ этомъ не упоминаетъ, а напротивъ говоритъ, что Риттеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи карту далеко не подробную. На ней, по словамъ г. Рагозина, были обозначены: Стержь съ впадающею въ него крошечною рѣчкою, затѣмъ Руна, озера: Овселугъ, Пено и Волго, но за исключеніемъ послѣдняго всѣ безъ подписей. Понятно, что на такой нѣмой картѣ Риттеру пришлось принять за истокъ Волги болѣе длинную рѣчку, но знай онъ исконныя названія обѣихъ рѣкъ, онъ, быть можетъ, и перемѣнилъ бы свое мнѣніе. Вѣдь и Ока, сдѣлавшая до Нижняго 1.400 верстъ, преспокойно впадаетъ въ Волгу, которая даже по Рагозинскому счету (то-есть считая отъ верховьевъ Руны) прошла только 1.228 верстъ, и никому не приходитъ въ голову называть Волгу притокомъ Оки. Правда, что у г. Рагозина и относительно Оки есть свои соображенія, изъ которыхъ видно, что онъ бы не прочь перемѣнить роли обѣихъ рѣкъ и назвать дальнѣйшее теченіе Руны—Волги Окою, но въ учебникахъ географіи распределеніе ролей все еще остается старое. Ужъ, должно быть, такое счастье нашей матушкѣ-Волгѣ на роду написано, что льются въ нее все большія рѣки, и принимаетъ она въ свои счастливые берега и Каму «многоводную», и Оку, и...—да простить мнѣ г. Рагозинъ,—и Руну.

Мы тронулись далѣе и вскорѣ миновали деревню Наумово на южной оконечности Стержа. За деревнею показалась очень хорошая новая дамба и мостъ черезъ Волгу, которая здѣсь выходитъ изъ Стержа и направляется къ озеру Овселугу съ его продолженіемъ—Пено. На пригоркѣ противоположнаго берега возвышалась старая церковь Ширковскаго погоста, одинъ изъ немногихъ остат-

ковъ древняго типа деревянныхъ церковныхъ построекъ этой мѣстности. Мы поднялись на пригорокъ, и передъ нами широко развернулись дали Стержа и Овселуга, соединенныхъ Волгою. Картина была очень живописна. Вдали на островкѣ, посреди Овселуга, виднѣлись каменная церковь и колокольня Новосоловецкой пустыни, болѣе извѣстной въ окрестности подъ именемъ: «Божье дѣло». По поводу этого названія Озерецковскій пишетъ слѣдующее: «къ названію сему подалъ поводъ нѣкто, отставной солдатъ, а другіе приписываютъ какому-то монаху, который вздумалъ построить на семъ

Рѣка Руна недалеко отъ впаденія ея въ озеро Стержь.

пустомъ островѣ церковь и, не имѣя денегъ на уплату работникамъ, на требованія ихъ всегда отвѣчалъ: «Дѣло Божіе». Между тѣмъ собиралъ деньги отъ подателей и уплачивалъ работникамъ, которые терпѣливо трудились надъ дѣломъ Божіимъ и довершили церковь». Пустынь основана въ 1701 г. пустынноикомъ, монахомъ Гоилемъ, спасавшимся здѣсь на островѣ. До 1765 г. обитель пользовалась правомъ самостоятельнаго существованія и управлялась собственными строителями, но въ вышеозначенномъ году, при учрежденіи новыхъ духовныхъ штатовъ, она была назначена къ упраздненію и обращенію въ приходскую церковь. Впрочемъ, это дѣло, легко и просто рѣшенное на бумагѣ, оказалось далеко не такимъ

легкимъ къ исполненію на практикѣ: обитель, помѣщавшаяся на уединенномъ островѣ, отдѣленномъ отъ береговъ широкимъ воднымъ пространствомъ, вовсе не соответствовала понятію доступной всѣмъ и каждому приходской церкви, и приписка къ ней какого бы то ни было прихода оказывалась просто невозможною; кромѣ того, возстали и владѣльцы земель, уступленныхъ монастырю въ пользованіе. Они соглашались оставить угоды за церковью только въ томъ случаѣ, если на островѣ будутъ жить монахи. Монастырь упраздненъ не былъ, но его приписали къ Ниловой пустыни.

За Ширковскимъ погостомъ дорога повернула къ Осташкову, и мы стали удаляться отъ Волги.

Прощаясь на время съ Волгою, упомяну вкратцѣ, что изъ Овселуга она переходитъ въ озеро Пѣно, непосредственно къ нему прилегающее и составляющее съ нимъ какъ бы одно озеро, части котораго имѣютъ два разныхъ наименованія. По словамъ г. Рагозина, Овселугъ-Пѣно имѣетъ въ длину 22 версты, когда же бываетъ запертъ бейшлотъ—шлюзъ, находящійся ниже и образующій запасное водохранилище верхней волжской воды, то длина этого, и безъ того продолговатаго, озера, благодаря обилію задержанной воды, растягивается на 40 верстъ и простирается до самаго озера Волгò, послѣдняго изъ озеръ, проходимыхъ Волгою. Длина этого озера не велика—всего 7 верстъ. Отсюда Волга выходитъ уже настоящею рѣкою и безъ дальнѣйшихъ помѣхъ пускается въ свое дальнее странствіе.

Впрочемъ, недалеко отъ Волги она встрѣчаетъ еще одну преграду, но уже искусственную: это бейшлотъ, о которомъ только что упомянуто. Г. Рагозинъ рассказываетъ, что видъ его производитъ сильное впечатлѣніе: «Стихійному порядку или, лучше, безпорядку вдругъ противопоставляется разумная воля, и вмѣсто громадныхъ глыбъ гранита и коршей, безцѣльно и случайно преграждавшихъ фарватеръ, передъ взоромъ, утомленнымъ однообразіемъ пустынной природы, предстаетъ величавое гидротехническое сооруженіе. Тяжелые, прочные и высокіе устои, столбы, подпирающіе тридцатисаженный мостъ, валы, колеса, щиты—все это дѣло труда и генія человѣка, который въ своихъ цѣляхъ положилъ сдерживать напоръ слишкомъ сорока милліоновъ кубическихъ саженъ воды!». Бейшлотъ сооруженъ въ 1841 г. Волга давно уже извѣстна своими частыми мелководьями, причиняющими массу лишняго труда и потерь судоходству, и польза, приносимая въ этомъ отношеніи бейшлотомъ, несомнѣнна. При полномъ его открытіи прибыль воды замѣчается даже на разстояніи 630 верстъ, при устьѣ рѣки Мологи, гдѣ уровень воды поднимается вершка на полтора; у Калязина вода прибываетъ на 3¹/₂—5 в., у Твери—отъ 6 до 10, у Ржева на цѣлый аршинъ, а при впаденіи Селижаровки (въ 10 в. ниже бейшлота) на полтора аршина. При этомъ надобно только за-

мѣтить, что вслѣдствіе слабого уклона теченія Волги этотъ благодѣтельный избытокъ движется по рѣкѣ крайне медленно и доходить, напримѣръ, до Твери только на шестыя сутки.

Пока мы посылали мысленно горячіе упреки Колпаку, производшему овселугскую кутерьму, благодаря которой намъ не удалось видѣть ни Волгò, ни бейшлота, наши доморощенные коньки трусили да трусили отъ деревни до деревни и часу въ одиннадцатомъ вечера благополучно дотащили насъ до Осташкова.

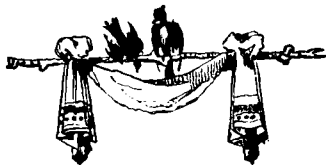
Въ темнотѣ, между кустами, снова мелькнула стальная поверхность Селигера: впереди, еле отличаемые отъ окрестныхъ деревьевъ, выросли силуэты осташковскихъ церквей и колоколенъ. Мы проѣхали подгородную слободу и поднялись въ городъ.

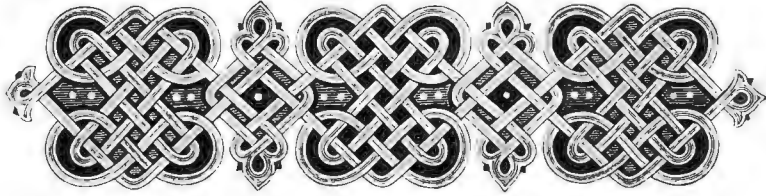
Не смотря на позднее время и мракъ, давно уже покрывавшій пустынные улицы, на завалинкахъ передъ домами и на скамейкахъ у воротъ ютилась молодежь, провожавшая воскресный день гдѣ парами, гдѣ цѣлыми кружками; у одного дома раздавались звуки гармоніи, и замѣчалось какое-то движеніе: тамъ танцовали кадрили.

Минуть черезъ десять мы подѣхали къ почтовой станціи, гдѣ и расположились на ночлегъ.

И. Тюменевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КНИГИ.

I.

ВЪ НАШЕ странное время, когда расплодилось столько книгъ, которыя невѣдомо зачѣмъ пишутся и невѣдомо кѣмъ читаются, и столько дипломированныхъ ученыхъ, которые эксплуатируютъ свое знаніе исключительно съ коммерческими цѣлями,—особенно пріятно встрѣтить книгу, написанную съ явной любовью, съ тѣмъ дѣйствительнымъ овладѣніемъ всѣми подробностями предмета, которое достигается только серьезнымъ и сознательнымъ трудомъ.

Книга эта носитъ заглавіе «Историческій обзоръ мѣрь къ высшему образованію въ Россіи», соч. П. Ферлюдина. Знакомство съ нею было для насъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что имя ея автора, на сколько намъ извѣстно, появилось въ печати впервые, да и самая книга оказывается провинціальнымъ изданіемъ.

Поистинѣ отраднo, что мы наконецъ дождались фактовъ этого порядка.

Давно ли даже университетскіе центры русской провинціи лишь очень рѣдко и скудно дарили насъ чѣмъ нибудь получше жиденькихъ журнальныхъ статей, незначительныхъ компиляцій да, пожалуй, литографированныхъ либо печатныхъ профессорскихъ «курсовъ»? И вотъ—трудъ, подобный «Историческому обзору» г. Ферлюдина, задумывается и въ значительной своей части превосходно исполняется въ заурядномъ губернскомъ городѣ, вдали отъ храмовъ патентованной науки, вдали отъ библіотекъ и справочныхъ

пособій, вдали, наконецъ, даже отъ общенія съ людьми, умѣющими оцѣнить значеніе и идею этого труда... Воля ваша, гг. пессимисты, мы, всетаки, шагаемъ впередъ довольно размашисто!

Г. Ферлюдинъ въ своей книгѣ не только съ полнымъ знаніемъ всѣхъ сторонъ дѣла, но и съ рѣдкимъ умѣніемъ, выясняетъ постепенное развитіе университетскаго преподаванія наукъ въ Россіи, удачно намѣчаетъ моменты новыхъ идей и теченій въ избранной имъ средѣ, истолковываетъ истинный смыслъ и значеніе правительственныхъ мѣропріятій, указывая на внѣшніе и внутренніе ихъ мотивы, слѣдитъ за преемственной связью явленій и фазисовъ университетской жизни, словомъ подготавливаетъ читателя къ полному, наглядному пониманію того, съ какимъ именно багажемъ научныхъ знаній и нравственнаго развитія выходили наши университетскіе питомцы на арену общественной и государственной дѣятельности въ различные періоды исторіи русскихъ университетовъ. Разумѣется, по самому смыслу своей задачи, г. Ферлюдинъ не слѣдитъ за судьбою и трудами отдѣльныхъ лицъ университетскаго міра, хотя бы даже самыхъ видныхъ; вѣдь онъ пишетъ исторію не высшихъ учебныхъ заведеній вообще, а только мѣропріятій, къ нимъ относящихся. Тѣмъ не менѣе, необычайно искуснымъ изложеніемъ и сопоставленіемъ фактовъ онъ достаточно уясняетъ, что именно могли и должны были дать университеты своимъ питомцамъ въ тотъ или другой опредѣленный моментъ своего существованія. Дѣло будущихъ историковъ заполнить эти тщательно, твердо установленныя рамки живыми образами лицъ и событій; но, конечно, ни одинъ изъ этихъ историковъ не обойдется безъ книги г. Ферлюдина и не преминетъ много разъ сказать ей сердечное спасибо.

Нельзя не отмѣтить въ произведеніи нашего автора то великое искусство, съ которымъ онъ—какъ бы не преднамѣренно и безусловно—уясняетъ читателю всю мѣру значенія знаменитаго университетскаго устава 1863 г. Оставаясь на почвѣ безстрастнаго, почти сухаго изложенія фактовъ и строго воздерживаясь отъ выраженія какихъ либо собственныхъ идей либо сужденій, онъ, однако, какъ-то умѣетъ простою группировкой всѣмъ извѣстныхъ данныхъ до такой степени ярко освѣтить истинный смыслъ устава, что затѣмъ для добросовѣстнаго о немъ спора или для искреннихъ недоразумѣній, казалось бы, не остается мѣста. Мы позволяемъ себѣ думать, что это—заслуга, и даже не малая заслуга автора передъ обществомъ. Слѣдуетъ вѣдь намъ прійти къ сознанию, что университетъ—не мастерская для выработки узкихъ спеціалистовъ, педагоговъ-ученыхъ строго опредѣленнаго масштаба, да чиновниковъ съ удовлетворительнымъ учебнымъ цензомъ. Очень можетъ быть, что та бѣдность творчества, оскудѣніе инициативы и приниженность идеаловъ, которые многими усматриваются въ современной

молодежи, имѣютъ своимъ источникомъ именно неправильную постановку университетскаго преподаванія нашихъ дней. Изготовляя школяровъ по развѣ навсегда установленному рецепту, мы не должны удивляться, если изъ нихъ не выходятъ люди съ дѣйствительно широкимъ, универсальнымъ образованіемъ, люди обобщающей мысли, орлинаго прозрѣнія въ даль, самоотверженной и высокой готовности забыть о себѣ ради торжества своихъ идеаловъ... Откуда въ самомъ дѣлѣ взять все это школьнику, вызубрившему дюжину тетрадокъ, или даже специалисту, до тонкости познавшему природу трехъ-атомныхъ спиртовъ, но нѣсколько беззаботному на счетъ всякихъ другихъ знаній и интересовъ человѣчества?

Да не подумаетъ, впрочемъ, читатель, будто мы намѣрены предложить ему обстоятельный критическій разборъ работы г. Ферлюдина или познакомить съ нею посредствомъ болѣе или менѣе удачныхъ извлеченій. Послѣднее даже довольно мудро, ибо нашъ авторъ пишетъ такъ сжато, обдуманно и содержательно, что всякое сокращеніе его текста можетъ оказаться искаженіемъ. Наша цѣль иная. Мы хотимъ нашими личными воспоминаніями иллюстрировать нѣсколько страницъ въ книгѣ г. Ферлюдина, показать, какъ велось дѣло въ одномъ изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ до устава 1863 г. Можетъ быть, мы нѣсколько облегчимъ читателю пониманіе тѣхъ условій и знакомство съ тою почвой, которая дали жизнь знаменитому уставу, подготовивъ его появленіе. Не мѣшаетъ посравнить иной разъ старое съ новымъ; оглядка оказывается не лишненною поучительности. Мы, разумѣется, не имѣемъ смѣшной претензіи утверждать, будто научный уровень современнаго университета не далеко ушелъ отъ уровня пятидесятихъ годовъ. Нѣтъ, какъ школа высшихъ наукъ, нынѣшній университетъ безспорно имѣетъ подавляющее превосходство надъ прежнимъ; но мы полагаемъ, что его воспитательное значеніе не только пошатнулось, а почти исчезло. Нужно ли говорить, какая это великая потеря?..

II.

Я, пишущій эти строки, поступилъ въ число студентовъ университета св. Владиміра въ 1855 г., а окончилъ курсъ, по историко-филологическому факультету, въ 1860-мъ. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось ознакомиться съ однимъ изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ наканунѣ, можно сказать, тѣхъ порядковъ, которые созданы были уставомъ 1863 г. Въ мое же время былъ еще въ полной силѣ уставъ 1842 г., предложенный графомъ С. С. Уваровымъ специально для кievской alma mater и нѣсколько отличный отъ устава 1835 г., которымъ тогда руководствовались всѣ остальные русскіе университеты (см. «Историческій обзоръ» г. Ферлюдина, стр. 93—98).

Я не буду говорить о достоинствахъ и недостаткахъ тогдашней организаціи высшаго преподаванія; интересующіеся этимъ вопросомъ могутъ обратиться къ цитированной мною книгѣ. Но какъ отражалась эта организація на всемъ университетскомъ міркѣ, каковы были студенты того времени, ихъ профессора, ихъ высшее, вліятельное начальство, какъ всѣ эти люди смотрѣли на себя, на свои обязанности и задачи, въ какихъ взаимоотношеніяхъ состояли они съ провинціальнымъ обществомъ, и каково было личное ихъ развитіе, ихъ нравственный подъемъ—вотъ что хотѣлось бы изобразить немногими, но ясными и характерными чертами. Люди моего времени все чаще и чаще сходятъ въ могилу... Нѣкоторые изъ нихъ оставили послѣ себя даже письменныя «воспоминанія». Къ сожалѣнію, на первомъ планѣ въ нихъ личность и біографія самихъ авторовъ. А вѣдь право грѣхъ будетъ, если никто изъ насъ не помянетъ правдивымъ и признательнымъ словомъ того заведенія, которое сумѣло когда-то подѣйствовать на насъ столь могущественнымъ образомъ, которое, можно сказать это безъ преувеличенія, нѣкоторыхъ изъ насъ пересоздало въ нравственномъ смыслѣ, а во всякомъ случаѣ на каждого изъ насъ наложило свою ничѣмъ неизгладимую печать. Про себя лично по крайней мѣрѣ, анализируя себя съ возможнымъ безпристрастіемъ, я прямо могу сказать, что все то скромное количество добра, котораго суровая жизнь не вытравивала еще изъ моей души и совѣсти, даровано мнѣ университетомъ св. Владиміра, почерпнуто изъ лекцій такихъ профессоровъ, какъ П. В. Павловъ, В. Я. Шульгинъ, Н. Х. Бунге, изъ общенія съ такими людьми, какъ М. В. Юзефовичъ, нѣкоторые профессора и бывшіе товарищи. Я счастливъ, что хотя поздно, на склонѣ жизни, мнѣ удастся публично выразить благодарность, всегда переполнявшую мое сердце.

Однако, перейдемъ къ дѣлу. И смѣю увѣрить гг. читателей, что безъ крайней необходимости я не стану болѣе беспокоить ихъ моей собственной неинтересной особой. Тѣмъ не менѣе, приступая къ описанію тогдашняго студенческаго быта, я вынужденъ упомянуть, что одна изъ его важнѣйшихъ особенностей осталась недоступною для моего личного опыта, и я могу говорить о ней, лишь какъ случайный свидѣтель со стороны.

Дѣло въ томъ, что студенты пятидесятихъ годовъ, по своему рожденію и средствамъ, въ большинствѣ принадлежали къ высшимъ слоямъ мѣстнаго общества. Они играли весьма видную роль въ свѣтскихъ гостинныхъ, представляя собою истинный цвѣтъ тогдашней молодежи, были самыми желанными гостями не только въ бальной залѣ, но и въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, и—надобно сказать правду—сами научаясь весьма многому въ этой практической школѣ жизни, привыкая къ серьезному, трезвому взгляду на дѣло и людей, они въ то же время вліяли на общество въ крайне

благотворномъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, послѣ шестидесятихъ годовъ (а пятидесятые имъ въ этомъ нисколько не уступали), никогда уже не приходилось мнѣ встрѣчать въ провинціальномъ «свѣтѣ» — столичнаго я не знавалъ — то чуткое вниманіе къ интересамъ науки и искусства, столько изящнаго и непринужденнаго оживленія, тотъ благородный и поэтической оттѣнокъ въ отношеніяхъ между молодыми людьми разнаго пола, какъ это заурядъ бывало во времена моего студенчества.

Повторяю, самъ я лично, какъ юноша безъ средствъ и связей, а въ началѣ даже и безъ знакомыхъ¹⁾, какъ бѣднякъ-студентъ наконецъ, существовавшій исключительно уроками, разумѣется, не могъ появляться въ свѣтѣ наравнѣ съ моими болѣе блестящими товарищами. Однако, такъ велико было въ то время обаяніе студенческаго мундира, а тогдашнее провинціальное общество съ такимъ благороднымъ уваженіемъ и терпимостью относилось къ адептамъ знанія, независимо отъ ихъ родоваго или имущественнаго ценза, что даже мы, студенты-пролетаріи, жившіе въ проголодь и облакавшіеся въ очень потертую «форму», въ тѣхъ случаяхъ, когда волей-неволей приходилось намъ сталкиваться со свѣтскими людьми, неизмѣнно встрѣчали съ ихъ стороны самый вѣжливый или, иной разъ, даже сердечный приѣмъ. Это, конечно, заставляло и насъ глубоко дорожить своей студенческой честью, своимъ добрымъ именемъ, заставляло изучать по мѣрѣ силъ и строго соблюдать законы благовоспитанности, заставляло, наконецъ, быть скорѣе застѣнчиво-сдержанными, чѣмъ нагло-развязными, не только въ тѣхъ немногихъ домахъ, гдѣ насъ благосклонно принимали, но даже и между собою, во взаимныхъ товарищескихъ отношеніяхъ. Могу по совѣсти засвидѣтельствовать, что студентъ, уличенный въ явно нечестномъ или неблаговидномъ поступкѣ — по отношенію къ товарищу или къ постороннему, все равно — немедленно и безжалостно изгонялся изъ университета судомъ студенческаго общественнаго мнѣнія и примѣненіемъ къ виновному самаго презрительнаго, абсолютнаго игнорированія всегда и вездѣ. Не знаю, было ли это явленіемъ похвальнымъ съ христіанской точки зрѣнія, но смѣю утверждать самымъ положительнымъ образомъ, что подобные порядки чрезвычайно высоко ставили тогдашнихъ студентовъ во мнѣніи общества. Благодаря имъ, конечно, всѣ студенты моего времени, за исключеніемъ развѣ неисправимыхъ бирюковъ и нелюдимовъ, находили себѣ искреннихъ доброжелателей и даже, можетъ быть, легче среди лицъ сравнительно высокопоставленныхъ, чѣмъ въ семействахъ такъ называемой средней руки. Истинно-развитые и гуманые люди, какъ я это испыталъ на себѣ лично и видѣлъ на

¹⁾ Я кончалъ курсъ во второй казанской гимназіи и въ Кіевѣ, до поступленія въ университетъ, никогда не былъ.

примѣръ другихъ товарищей, оставаясь настоящими представителями провинціального бомонда, какъ-то умѣли, однако, въ зависимо-мъ и неотесанномъ бѣднякѣ, студентѣ-учителѣ, разглядѣть кое-что, достойное ихъ сочувствія, и великодушно протягивали ему руку пріязни. Они понимали, что для молодаго труженика, всѣ естественныя стремленія котораго къ свѣту и радости подавлены нуждою, заботой и одиночествомъ, одинъ взглядъ сердечнаго участія, одинъ часъ дружеской, бодрящей бесѣды, гораздо дороже всякихъ «пособій» или «протекцій» и тому подобныхъ знаковъ милостиваго вниманія, которыми теперь привыкли награждать трудящихся бѣдняковъ гг. высокопоставленные меценаты. Времена, конечно, переходчивы и, можетъ быть, по нынѣшнимъ, оно именно такъ и слѣдуетъ... Но на душевное настроеніе студента пятидеся-тыхъ годовъ, право, подобное «сочувствіе» могло подѣйствовать не окрыляющимъ, а скорѣе подавляющимъ образомъ. Въ тѣ времена мы еще вѣрили, что сами кое-что стѣдимъ и кое-чего добьемся безъ подачекъ...

Едва ли нужно говорить, что, привыкнувъ къ серьезному и сознательному взгляду на собственную жизнь и поступки, мы не менѣе серьезно относились и къ своимъ учебнымъ занятіямъ. Конечно, очень немногіе изъ насъ всецѣло посвящали себя наукѣ; но, кажется, такіе люди всегда являются исключеніями. Зато и безшабашные лѣнтяи или прожигатели жизни были между нами такими же рѣдкими исключеніями. Обычный, средней руки студентъ пятидесятихъ годовъ конфузился своимъ незнакомствомъ съ новою нагрѣвшею книгою, хотя бы она оказывалась чуждою его спеці-альности. Аудиторіи извѣстныхъ профессоровъ, читавшихъ пред-меты общеобразовательнаго значенія, были всегда переполнены слушателями съ другихъ факультетовъ, причемъ нѣкоторые изъ та-кихъ слушателей появлялись не въ случайные только свободные часы, а систематически слѣдили за цѣлымъ курсомъ. Въ студен-ческихъ кружкахъ интересы науки и литературы стояли безусловно на первомъ планѣ, обсуждались съ увлеченіемъ, съ горячими спо-рами за и противъ, причемъ выяснялась такая начитанность спо-рящихъ, которая, пожалуй, немало удивила бы гг. современныхъ студентовъ.

Не спорю, что, можетъ быть, подобная «трата времени» отвле-кала студента пятидесятихъ годовъ отъ занятій своей непосред-ственной спеціальностью; очень вѣроятно, что и требованія на вы-пускномъ экзаменѣ къ нему предъявлялись меньшія, чѣмъ теперь: я, какъ человѣкъ, давно проживающій въ деревенскомъ уголкѣ, разумѣется, не могу объ этомъ судить. Но я долженъ сказать, что въ университетѣ моего времени и профессора смотрѣли на подобную трату времени очень благосклонно, и студенты придерживались ея сознательно. Мы всѣ были глубоко убѣждены, что простительнѣе

и выгоднѣе не знать какія либо второстепенныя подробности своей специальности—вѣдь не въ профессора же мы, большинство, готовились—чѣмъ вынести изъ университета полное невѣжество въ литературѣ, исторіи, основныхъ понятіяхъ естествознанія и т. под. Намъ казалось, что никакая специальность не можетъ вознаградить за отсутствіе свѣдѣній, общеобязательныхъ для образованнаго чело-вѣка. Не знаю, ошибались ли мы. Но считаю себя въ правѣ замѣ-тить, что студенты нашего типа, какъ я потомъ убѣдился на опытѣ, лучше и скорѣе примѣнялись ко всякому живому дѣлу, чѣмъ питомцы современныхъ университетовъ.

Сравнительная умственная (если не научная) зрѣлость студента пятидесятихъ годовъ, мнѣ кажется, особенно ярко выражалась въ его отношеніи къ вопросамъ внутренней политики. Горячо интере-ресуясь этими вопросами, волнуясь, иногда негодуя, иногда пре-зрительно осмѣивая, онъ, однако, былъ совершенно чуждъ бессмыс-ленному озлобленію и нелѣпому протесту *quand-même*. Извѣстная формула: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, привела бы его въ ярость. При всемъ своемъ горячемъ недовольствѣ, господствовавшимъ въ тѣ времена, порядкомъ управленія, онъ беззавѣтно любилъ родину, славу ея великихъ людей, горою стоялъ за убѣжденіе въ ея вели-кой будущности, восторгался каждымъ новымъ ея успѣхомъ, а къ концу пятидесятихъ годовъ научился даже любовно отстаивать честь и доброе имя ея высокихъ представителей... Какъ и почему все это измѣнилось впослѣдствіи столь печальнымъ образомъ, здѣсь говорить не мѣсто. Для моей задачи достаточно выяснить дѣйствительное настроеніе студентовъ моего времени. Я полагаю, что сдѣлалъ это правдиво и безпристрастно, а въ подтвержденіе ссылаюсь на свидѣтельство всѣхъ моихъ современниковъ.

Полагаю, наконецъ, почти излишнимъ упомянуть, что въ пяти-десятихъ годахъ не только весь университетъ, но и всѣ городскія вороны хохотали бы надъ студентомъ съ офицерской выправкой, въ сюртукѣ на бѣлой шелковой подкладкѣ и въ фуражкѣ гвардей-скаго покроя. Подобное явленіе было просто невысказаннымъ. Со-знаюсь, что, въ своей деревенской отсталости, я еще недавно про-тиралъ себѣ глаза какъ разъ по случаю перваго знакомства съ подобнымъ адептомъ университетской науки... Думалъ, что по ста-рости плохо вижу.

III.

Повидимому, тѣсная связь университета съ обществомъ пред-ставляетъ для обѣихъ сторонъ, а для студенчества въ особенности, такія серьезныя и безспорныя выгоды, что настаивать на подроб-номъ ихъ разъясненіи было бы лишнимъ трудомъ. За то я считаю необходимымъ указать, что первый и самый авторитетный при-

мѣръ желательнаго отношенія къ студентамъ непосредственно подаваемъ былъ ихъ собственнымъ высшимъ начальствомъ.

Въ мое время Кіевскій учебный округъ послѣдовательно имѣлъ трехъ попечителей: гг. Ребиндера, Николаи и знаменитаго Н. И. Пирогова. Но дѣятельность послѣдняго, въ высшей степени благотворная, собственно говоря, относится къ тѣмъ годамъ, когда я уже не былъ въ числѣ студентовъ, а потому я совершенно умолчу о ней. Что же касается до гг. Ребиндера и Николаи, то, нисколько не желая умалить ихъ заслуги, особливо перваго изъ нихъ, чело-вѣка въ высшей степени добросовѣстнаго и всегда стремившагося совершить возможно лучшее, все же я обязанъ сказать по совѣсти, что гораздо ближе ихъ стоялъ къ университету и студентамъ извѣстный М. В. Юзефовичъ, не смотря на свою офиціально-второстепенную роль помощника попечителя. Михаилъ Владиміровичъ впрочемъ такъ долго занималъ эту должность, а при Д. Г. Биби-ковѣ пользовался въ ней такою самостоятельностью, что на него привыкли смотрѣть, какъ на дѣйствительнаго, настоящаго главу округа не только студенты или чины министерства народнаго про-свѣщенія, но и все кіевское общество.

Гласъ народа, говорятъ, гласъ Божій! И дѣйствительно, трудно было по тѣмъ временамъ найти чело-вѣка, болѣе достойнаго управ-лять округомъ, чѣмъ М. В. Юзефовичъ. Не получивъ школьнаго высшаго образованія (онъ окончилъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ), Михаилъ Владиміровичъ, тѣмъ не менѣе, всю свою жизнь вращался въ кругу людей самаго высокаго развитія; пріятель Пушкина, единомышленникъ и близ-кій чело-вѣкъ для Хомякова, Кирѣевскаго и Аксаковыхъ, а затѣмъ начальникъ и другъ многихъ выдающихся профессоровъ универ-ситета св. Владиміра, онъ могъ поразить даже предубѣжденнаго чело-вѣка всестороннимъ образованіемъ, обширной начитанностью, истинно философскимъ складомъ ума, рѣдкой самостоятельностью мнѣній и наконецъ искренней, живой привязанностью къ наукѣ и искусству. Присоедините къ этому огромную житейскую опыт-ность, глубокое знаніе всѣхъ обстоятельствъ и условій тогдашняго общества, безукоризненную благовоспитанность и великій тактъ въ обращеніи съ людьми... Да, невольно скажешь, что подобный self-made man, въ лучшемъ, въ нравственномъ смыслѣ этого выраже-нія, дѣлалъ честь своему вѣку и, конечно, стоялъ бы на своемъ мѣстѣ, какъ попечитель учебнаго округа.

Но, говоря о характерныхъ свойствахъ М. В. Юзефовича, я преднамѣренно умолчалъ о самомъ важномъ, рѣдкомъ и драгоцѣн-номъ изъ нихъ; умолчалъ потому, что оно засвидѣтельствовано въ печати людьми, несравненно болѣе меня авторитетными, да и изо-бражено ими гораздо искуснѣе, конечно, чѣмъ удалось бы это сдѣ-лать мнѣ. Читатели, знакомые съ дневникомъ А. В. Никитенка,—

а кто же не читалъ его?—вѣроятно, еще не забыли, какими свѣтлыми и симпатичными красками рисуетъ этотъ авторъ юношескую личность М. В. Юзефовича (въ самомъ началѣ своихъ записокъ). А другой писатель, г. Кулишъ, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ излишней благосклонности къ ближнимъ, зналъ Михаила Владиміровича уже помощникомъ попечителя и въ воспоминаніяхъ своихъ, напечатанныхъ ранѣе дневника Никитенка, рисуетъ покойнаго Юзефовича именно такимъ же, какимъ его зналъ бывший профессоръ-цензоръ. Наконецъ, къ этому я позволяю себѣ прибавить и мое личное свидѣтельство, которое впрочемъ легко провѣрить показаніями кievскихъ старожиловъ. Я зналъ Михаила Владиміровича уже въ достаточно преклонномъ возрастѣ, зналъ, смѣю думать, хорошо, потому что студентомъ жилъ у него въ домѣ, къ качеству учителя одного изъ его сыновей, а затѣмъ имѣлъ счастливую возможность часто посѣщать его, до 1868 г. включительно. И вотъ, совершенно согласно съ воспоминаніями г. Кулиша, я готовъ подтвердить, что описанный въ дневникѣ А. В. Никитенка симпатичный юноша, по существу своего духа, такимъ же остался и до старости. Михаилъ Владиміровичъ сумѣлъ невредимо пронести свое свѣтлое, высоко-гуманное настроеніе черезъ всѣ житейскія невзгоды и испытанія, сумѣлъ и подъ сѣдиною сохранить пламенную вѣру идеалиста, юношескую отзывчивость на все доброе и прекрасное, сумѣлъ до могилы остаться представителемъ не показной, не модной, но самой искренней и сердечной человѣчности. Примѣръ, встрѣчающійся не слишкомъ часто, особливо въ наши мудреные дни!

Само собою понятно, что пребываніе такого лица, какъ М. В. Юзефовичъ, во главѣ учебнаго округа и въ теченіе многихъ лѣтъ не могло пройти для студентовъ безслѣдно. Сознательный врагъ всякой распушенности въ себѣ и въ другихъ, всякой поблажки нераществу или лѣни, всякой разнузданности животныхъ инстинктовъ, начальникъ, хорошо понимавшій необходимость дисциплины, наконецъ, человѣкъ безусловно равнодушный къ популярности, даже нѣсколько чуждавшійся ея,—Михаилъ Владиміровичъ, въ моментъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, всегда являлся для студентовъ строгимъ, серьезнымъ представителемъ власти и порядка. Онъ былъ грозою для трактирныхъ героевъ, уличныхъ буяновъ и неисправимыхъ лѣнтяевъ. Къ величайшему негодованію молодежи, онъ неукоснительно требовалъ даже соблюденія установленной формы въ одеждѣ, образѣ жизни и поведеніи гг. студентовъ. Но за этой внѣшней декорацией отношеній къ толпѣ скрывались личныя отношенія Михаила Владиміровича ко всѣмъ, безъ исключенія, лично ему извѣстнымъ студентамъ; подъ маской требовательнаго и строгаго начальника таилось симпатичнѣйшее лицо самаго радушнаго и деликатнаго хозяина у себя дома, самаго без-

притязательнаго, умнаго и интереснаго для молодежи собесѣдника въ чужой, случайной гостиниой. Встрѣчаясь съ студентами въ своихъ служебныхъ обязанностяхъ, Михаилъ Владиміровичъ ко всякому изъ нихъ, мало мальски человѣкообразному, относился съ такимъ снисходительнымъ и, можно сказать, любовнымъ радушіемъ, съ такимъ серьезнымъ признаніемъ его цѣли и стремленій, съ такою искреннею терпимостью къ молодымъ, незрѣлымъ идеямъ, съ такою наконецъ сердечной внимательностью и вѣжливостью, какихъ мнѣ ужъ болѣе не доводилось видѣть въ моей жизни не только со стороны начальства, но и простыхъ знакомыхъ...

Въ домѣ М. В. Юзефовича всегда бывало много студентовъ, частію родственниковъ, частію ихъ товарищей, а затѣмъ сыновей, племянниковъ и пр. лицъ изъ огромнаго круга знакомцевъ Михаила Владиміровича. Молодежь привлекало не только неизмѣнное радушіе самого хозяина, но и рѣдкая, сердечная любезность другихъ членовъ его семьи. Михаилъ Владиміровичъ, сколько я могу судить, окружалъ себя студентами вовсе не ради какой либо предвзятой мысли; да это въ тѣ времена было бы совершенно излишнимъ: студенты и такъ являлись повсюду; отношенія его къ нимъ тоже были отнюдь не преднамѣренныя, не принципиальныя: они вытекали изъ самой природы Михаила Владиміровича... Но это-то и было драгоцѣннѣйшимъ ихъ свойствомъ.

Чтобы дать читателямъ хотя нѣкоторое конкретное понятіе объ этихъ отношеніяхъ, я вынужденъ сказать нѣсколько словъ о себѣ, такъ какъ мой примѣръ является особенно характернымъ. Я жилъ въ домѣ М. В. Юзефовича въ качествѣ учителя одного изъ его сыновей. Попалъ я туда, благодаря замѣченному во мнѣ прилежанію. Прилежаніе же это объяснялось тѣмъ, что я былъ очень голоденъ, бѣденъ, какъ церковная крыса, и что жалкій, потертый мой студенческій сюртучишко представлялъ собою всѣ мои сословныя права и привилегіи. Я, собственно говоря, былъ никѣмъ: родившимся въ Россіи иностраннымъ подданнымъ. Не трудно угадать, что въ подобномъ личномъ положеніи, да еще при тогдашнихъ университетскихъ вѣяніяхъ, я не могъ чувствовать особенной нѣжности къ дворянству, не одобрялъ многого въ тогдашнихъ порядкахъ управленія и кстати вообразилъ себѣ, что я «стою выше поповскихъ предразсудковъ». Словомъ, я былъ оборванный и голодный, но тѣмъ болѣе «убѣжденный» демократъ, либераль и атеистъ. Такихъ господъ между студентами и теперь, конечно, найдется не малое число. Но много ли найдется такихъ родителей—не говорю уже, начальниковъ—которые, сами пламенно исповѣдуя православіе, глубоко приверженные къ монархическому принципу и по рожденію и воспитанію принадлежащіе къ высшимъ слоямъ общества, допустили бы, однако, голоднаго демократа громко и невозбранно выражать свои теоріи, и дали бы себѣ трудъ оспаривать

ихъ то серьезно, то съ шутивымъ добродушіемъ, но всегда и неизмѣнно съ самой идеальной терпимостью къ чужому, даже нелѣпому, мнѣнію? Между тѣмъ именно такъ поступалъ въ отношеніи ко мнѣ М. В. Юзефовичъ. Только атеистическія мои «убѣжденія» онъ выслушивалъ, почти не возражая, потому что—говорилъ онъ—въ дѣлахъ вѣры разумъ не судья, съ спокойной улыбкой онъ пророчилъ не одинъ разъ, что жизнь непремѣнно научитъ меня познавать во всемъ присутствіе и волю Творца. Слава Богу, слава вѣчному Его милосердію, предсказаніе это исполнилось въ совершенной точности. Но Михаилъ Владиміровичъ не ограничился пассивной терпимостью къ моей незрѣлой и шаблонно-пошловатой болтовнѣ. Этотъ серьезный и занятой человѣкъ находилъ время то серьезно растолковать мнѣ основныя положенія славянофиловъ, то при подходящемъ случаѣ прочесть мнѣ двѣ-три страницы Хомякова, Аксакова, Гизо или Шлегеля, то продекламировать, и наизусть (въ 1857 г.), знаменитое рукописное стихотвореніе Пушкина о крѣпостномъ правѣ, то наконецъ, по поводу какой нибудь бесѣды, снабдить меня хорошою книгою изъ своей бібліотеки... По совѣсти свидѣтельствую, что, за все долгое время моего пребыванія въ домѣ М. В. Юзефовича, ни самъ и никто изъ членовъ его семьи ни однимъ намекомъ, ни единымъ взглядомъ не дали мнѣ понять мое зависимое положеніе, хотя инья мои глупыя выходки вполнѣ того заслуживали. Такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ пріемныхъ вечеровъ Михаила Владиміровича, при большомъ стеченіи посѣтителей, я позволилъ себѣ въ высшей степени запальчиво, рѣзко (и несправедливо) спорить съ однимъ изъ самыхъ глубоко уважаемыхъ профессоровъ университета, по поводу только что объявленныхъ новыхъ «правилъ для студентовъ». Профессоръ спокойно и вѣжливо прекратилъ споръ, Михаилъ Владиміровичъ сдѣлалъ видъ, будто ровно ничего не слышалъ и не замѣтилъ; но мои старыя щеки и теперь еще покрываются румянцемъ стыда при воспоминаніи о содѣянной глупости...

Я думаю, что приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы читатели составили себѣ представленіе о томъ, какъ именно относился незабвенный помощникъ попечителя къ студентамъ. А кому же неизвѣстно, какое огромное вліяніе на общество имѣеть въсѣмъ видимый примѣръ отношеній начальства къ подчиненнымъ? Кто станетъ уважать людей, которыми явно пренебрегаетъ лицо, тѣсно связанное съ ними общимъ дѣломъ? И наоборотъ, кто рѣшится выказать высококомѣрное презрѣніе къ человѣку, котораго честная и полезная, хотя бы скромная, дѣятельность явно засвидѣтельствована уваженіемъ къ нему начальника? Съ этой точки зрѣнія, если только признать общеніе студентовъ съ интеллигентнымъ обществомъ за явленіе желательное, заслуга М. В. Юзефовича была чрезвычайно велика; тѣмъ больше, можетъ быть, что

его примѣръ и установившійся обычай не могли не подѣйствовать на гг. Ребиндера, Николаи и другое. менѣе видное студентское начальство.

IV.

Чему и какъ насъ учили?

Я не пишу исторіи университета св. Владиміра, ни даже одного изъ эпизодовъ этой исторіи. Я только пытаюсь, по мѣрѣ моихъ силъ и личныхъ воспоминаній, бѣгло очертить общую фізіономію университета въ пятидесятихъ годахъ, выставивъ на видъ ея наиболѣе характерныя особенности. Поэтому я считаю себя въ полномъ правѣ не говорить о каждомъ изъ замѣтныхъ профессоровъ того времени отдѣльно; я даже и не достаточно компетентенъ для подобной задачи. Моя цѣль будетъ совершенно достигнута, если мнѣ удастся вѣрно опредѣлить уровень тогдашняго университетскаго преподаванія, указать на задачи и стремленія тогдашнихъ профессоровъ, выдающихся своимъ дарованіемъ, и уяснить главные типы профессорскихъ чтеній. Сколько я могу судить, читателю затѣмъ не трудно будетъ составить себѣ довольно точное представленіе о характерныхъ отличіяхъ прежняго университетскаго преподаванія сравнительно съ современнымъ.

Но для удовлетворительнаго исполненія такихъ намѣреній, мнѣ кажется, будетъ вполне достаточно познакомить гг. читателей съ манерою чтенія трехъ самыхъ извѣстныхъ профессоровъ моего собственнаго историко-филологическаго факультета, которую я и доселѣ помню съ совершенной ясностью, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя возможность судить по опыту о ея результатахъ для слушателей. Этотъ выборъ оказывается тѣмъ удобнѣе, что всѣ три профессора были, во-первыхъ, яркими свѣтилами первой величины на университетскомъ горизонтѣ своего времени, а, во-вторыхъ, каждый изъ нихъ олицетворялъ собою особый типъ лектора, и подѣ одинъ изъ этихъ трехъ типовъ подходили болѣе или менѣе, на сколько мнѣ извѣстно, всѣ остальные серьезные профессора тогдашняго университета. Были, разумѣется, и не серьезные... но, я полагаю, можно о нихъ не упоминать. *Requiescant in pace.*

Николай Христіановичъ Бунге читалъ намъ политическую экономію. Курсъ его былъ необыкновенно цѣльнымъ, стройнымъ и законченнымъ зданіемъ, въ которомъ всѣ положенія тогдашней науки не только были подробно развиты и критически освѣщены самимъ профессоромъ, но сообщаемъ былъ студентамъ самый обстоятельный историческій обзоръ ихъ появленія и постепенной эволюціи до настоящаго штандпункта. Трудно вообразить себѣ лектора болѣе строго послѣдовательнаго, болѣе яснаго, болѣе точнаго въ выборѣ своихъ выраженій, чѣмъ Н. Х. Бунге. Я, по крайней мѣрѣ,

въ этомъ отношеніи не знаю не только кого либо ему равнаго, но даже и близко подходящаго. Слушатель Николая Христіановича совершенно забывалъ дать себѣ отчетъ въ томъ, краснорѣчивъ лекторъ или нѣтъ, увлекается онъ или говоритъ спокойно; слушателю было не до того. Онъ съ напряженіемъ всего своего вниманія ловилъ каждую произносимую фразу, потому что ни одна изъ нихъ не произносилась праздно, и пропускъ мимо ушей какогонибудь десятка словъ, точно въ математической выкладкѣ, нарушалъ логическое теченіе и затруднялъ пониманіе излагаемой темы. Слушаніе такихъ лекцій было очень серьезнымъ трудомъ даже для самаго подготовленнаго студента; и этимъ объясняется, почему, не смотря на громкую извѣстность профессора, въ его аудиторіи лишь очень рѣдко появлялись посѣтители съ другихъ факультетовъ. Я и до сихъ поръ помню, какъ насмѣшилъ меня одинъ изъ подобныхъ случайныхъ гостей своимъ наивнымъ удивленіемъ. «Уфъ! Вотъ такъ баня!»—воскликнулъ онъ послѣ лекціи съ достаточно растеряннымъ видомъ. «Да это, чертъ возьми, еще похуже нашей математики! Нѣтъ, надо переходить на естественный, либо юридическій, а то пропадешь»... Необходимо замѣтить впрочемъ, что только подобный способъ изложенія лекцій и давалъ возможность Н. Х. Бунге справиться со своей почти неисполнимой, собственно говоря, задачей, то-есть съ прочтеніемъ цѣлаго, полного курса политической экономіи въ томъ видѣ и объемѣ, какой онъ находилъ для себя обязательнымъ. Мы, студенты, врядъ ли даже могли оцѣнить гигантскій трудъ профессора; только теперь, припоминая прошлое, я дивлюсь изумительному его терпѣнію и самоотверженному трудолюбію. Николай Христіановичъ, повидимому, самъ хорошо сознавалъ, что усвоеніе его черезчуръ содержательныхъ лекцій не легко достается студентамъ. Поэтому онъ часто устраивалъ, помимо обычныхъ лекцій, особыя повторительныя бесѣды со студентами, въ вечерніе часы, свободные отъ занятій; а, кромѣ того, двери его дома были всегда широко открыты для всѣхъ, кто нуждался въ какихъ либо поясненіяхъ, пособіяхъ или книгахъ. Если принять въ соображеніе, что Николай Христіановичъ посвящалъ еще много труда своимъ учено-литературнымъ работамъ, то невольно задаешься вопросомъ: какъ выдерживала человѣческая природа подобную степень умственнаго напряженія? Мы удивляемся монахамъ, выстаивающимъ на молитвѣ по нѣсколькимъ часамъ сряду; мы даже заподозрѣваемъ ихъ въ притворствѣ: человѣкъ де не въ силахъ напрягать свои нервы столь долгое время, особливо ради мечты, ради абстрактнаго идеала. Ну, а цѣлая жизнь—да, цѣлая жизнь нравственнаго и умственнаго напряженія, посвященная идеалу науки, идеалу безкорыстнаго служенія человечеству—такая жизнь оказывается же возможной! Она у всѣхъ передъ глазами, она—фактъ, и даже аскетическій подвигъ этой жизни уже никакъ не меньше любого монашескаго.

Виталій Яковлевич Шульгинъ читалъ въ университетѣ св. Владиміра всеобщую исторію. Понятно, что систематическое изложеніе съ кафедръ полного курса по этому предмету совершенно немислимо, если лекторъ не желаетъ ограничиться сообщеніемъ кое-какихъ довольно жалкихъ свѣдѣній, которыя съ большей пользою и меньшимъ трудомъ можно почерпнуть изъ любого обширнаго руководства. В. Я. Шульгинъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ и даровитыхъ лекторовъ, какіе когда либо украшали кафедру русскаго университета, конечно, не могъ довольствоваться подобною мизерною программой для своихъ лекцій. Онъ никогда и не читалъ какого либо курса, кромѣ, впрочемъ, весьма подробно и тщательно составленнаго обзорѣнія «источниковъ», то-есть, литературы своего предмета, причемъ студентамъ попутно указывалось, въ какихъ книгахъ они могутъ съ наибольшей пользою почерпнуть свѣдѣнія о тѣхъ историческихъ событіяхъ и временахъ, которыя не вошли въ программу чтеній профессора. Затѣмъ В. Я. Шульгинъ уже не стѣснялся въ своемъ преподаваніи соображеніями о количествѣ прочитаннаго студентамъ матеріала, но все свое вниманіе обращалъ на качество. Онъ послѣдовательно останавливался въ своемъ изложеніи лишь на извѣстныхъ, болѣе выдающихся и характерныхъ историческихъ моментахъ, связывая ихъ между собою только самыми необходимыми и короткими указаніями. Но за то, какъ излагались эти отдѣльные моменты! Какой это былъ блестящій, ослѣпительный рядъ монографій! Правда, Виталій Яковлевичъ не изучалъ, да по обстоятельствамъ своей жизни и не могъ изучить какую либо историческую эпоху по первоисточникамъ. Поэтому, конечно, онъ и не оставилъ послѣ себя никакихъ ученыхъ трудовъ, кромѣ извѣстнаго превосходнаго курса всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Но книжная его начитанность и эрудиція были по истинѣ феноменальны; не успѣвала за границей или въ Россіи выйти какая нибудь даже плохенькая вещица исторической литературы, какъ уже Виталій Яковлевичъ оказывался съ нею знакомымъ и въ немногихъ словахъ, но съ удивительной мѣткостью, опредѣлялъ ея значеніе для назиданія студентовъ. Кромѣ своей рѣдкой начитанности, В. Я. Шульгинъ обладалъ огромнымъ, выдающимся умомъ, необыкновенно яркой художественностью изложенія и самую теплую вѣрою въ идеалъ, въ обязательный прогрессъ человѣческаго развитія, — вѣрою, которая часто поднимала его изложеніе до паэоса, до истиннаго, высокаго краснорѣчія, увлекавшаго его аудиторію въ неудержимые восторги. За то и читалъ онъ всегда въ огромной залѣ, гдѣ, однако, тѣсно было отъ постороннихъ слушателей. В. Я. Шульгинъ, оставаясь въ своемъ историческомъ изложеніи всегда и прежде всего высокимъ художникомъ, облекая въ плоть и кровь давно исчезнувшія лица и событія, являлся въ то же время и тонкимъ критикомъ историческихъ произведеній; онъ никогда не упускалъ случая показать студентамъ,

какъ должно разбираться въ цѣлой массѣ разнорѣчивыхъ и сомнительныхъ извѣстій, а также съ замѣчательной прозорливостью указывалъ на несостоятельность философскихъ обобщеній, параллелей и теорій, которыми такъ увлекались многіе изъ тогдашнихъ историковъ. Первое трезвое слово объ истинной мѣрѣ значенія Бокля я слышалъ отъ него же. В. Я. Шульгинъ отличался умомъ тонкимъ, обширнымъ, но вмѣстѣ трезвымъ и положительнымъ. Изъ него вышелъ бы, вѣроятно, очень замѣтный государственный чело-вѣкъ, что, впрочемъ, и доказывается редактированной имъ газетою «Кіевлянинъ», которая безспорно сослужила серьезную службу русскому дѣлу въ Западномъ краѣ, да повліяла достаточно и вообще на развитіе русскаго самосознанія въ нашемъ отечествѣ. Теперь, конечно, многое, о чемъ ратовалъ «Кіевлянинъ», сдѣлалось общимъ мѣстомъ, извѣстно и переизвѣстно каждому; но въ этомъ-то и состоитъ огромная заслуга «Кіевлянина». Наконецъ, чтобы довершить образъ В. Я. Шульгина, какъ вліятельнаго среди молодежи профессора, мнѣ остается сказать, что онъ былъ безусловно доступенъ для студентовъ, отличался высокой гуманностью, и что чистота его личной жизни заставляла молчать даже клевету.

Безспорно наибольшимъ вліяніемъ на студентовъ историко-филологическаго факультета пользовался Платонъ Васильевичъ Павловъ, читавшій намъ русскую исторію. Едва ли я впрочемъ ошибусь, сказавъ, что въ мое время онъ былъ самымъ популярнымъ профессоромъ между студентами всѣхъ факультетовъ университета св. Владиміра. Скамьи трещали подъ напоромъ слушателей, сбѣгавшихся на лекціи Платона Васильевича, и, конечно, въ его аудиторіи на каждого обязательнаго посѣтителя приходился чуть не цѣлый десятокъ необязательныхъ. Между тѣмъ П. В. Павловъ былъ вовсе не блестящимъ лекторомъ: въ дарѣ слова, художественности изложенія и глубинѣ критической мысли онъ далеко уступалъ, на-примѣръ, В. Я. Шульгину. Даже самый методъ его преподаванія, при всей безспорной благотворности его и пользѣ для студентовъ спеціалистовъ, вовсе ужъ не былъ рассчитанъ на то, чтобы привлекать слушателей изъ чужаго факультета. П. В. Павловъ обыкновенно прочитывалъ очень обстоятельный курсъ литературы своего предмета, входя при этомъ въ значительно большія подробности, чѣмъ В. Я. Шульгинъ, хотя, по моему личному мнѣнію, ему всетаки никогда не удавалось сообщить студентамъ такія же ясныя, мѣткія характеристики историческихъ авторовъ и ихъ произведеній, какъ это дѣлалъ Виталій Яковлевичъ, часто въ очень немногихъ словахъ. Затѣмъ П. В. Павловъ совсѣмъ уже отметалъ всякое даже подобіе какой либо программы. Онъ просто бралъ какой либо историческій моментъ и, вмѣсто обычныхъ лекцій, начиналъ, такъ сказать, вслухъ и въ присутствіи студентовъ работать надъ нимъ такъ, какъ другіе работаютъ только въ кабинетѣ. Появлялись первоисточ-

ники, сличались сомнительныя мѣста, подробно разсматривалось все, что только кѣмъ нибудь и когда нибудь было написано о данномъ предметѣ— словомъ, на глазахъ у аудиторіи возникалъ, разрабатывался и заканчивался почтенный ученый трудъ. «Студенты— не мальчики (говорилъ П. В. Павловъ), которымъ нужно вдабливать то, что они сами могутъ легко найти въ книгахъ; они добиваются ученой степени, и слѣдовательно, дѣло профессора познать ихъ съ приемами настоящей научной работы». Легко понять, однако, что подобный методъ чтенія едва ли могъ прійтись по вкусу какому нибудь захожему медику либо математику. Чѣмъ же объяснить неслыханное стеченіе студентовъ на лекціяхъ П. В. Павлова? А одною весьма интересной ихъ особенностью. Платонъ Васильевичъ какъ-то умудрялся совмѣщать преподаваніе русской исторіи съ курсомъ этики. Онъ, очевидно, родился для проповѣди, и когда говорилъ намъ о нравственныхъ вопросахъ и задачахъ всего человѣчества либо отдѣльной личности, то возвышался до такихъ поэтическихъ гимновъ истинѣ и добру, ударялъ по сердцамъ съ такой неотразимой мощью, что слушатели выходили изъ его аудиторіи въ какомъ-то сладкомъ туманѣ восторга и умиленія. Нравственное значеніе подобныхъ чтеній было громадно, неопишимо. Смѣло могу свидѣтельствовать, что десятки лицъ почти переродились подъ вліяніемъ проповѣди П. В. Павлова, значеніе которой еще усиливалось въ глазахъ студентовъ истинно аскетической чистотою жизни самого проповѣдника. Едва ли хотя одинъ изъ его слушателей смогъ когда нибудь вполнѣ отдѣлаться отъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ его аудиторіи. Я лично считаю себя счастливымъ заявить здѣсь гласно, что, послѣ Бога, я никому не обязанъ столько за свое развитіе, какъ П. В. Павлову, память о которомъ храню благоговѣнно въ глубинѣ моего сердца. И я увѣренъ, что между бывшими студентами университета св. Владиміра найду себѣ не мало товарищей въ этомъ смыслѣ ¹⁾.

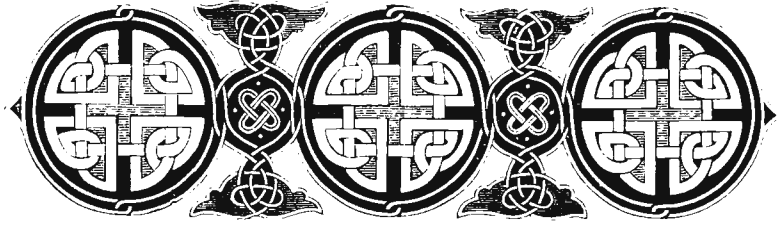
Ставлю точку.

Многое, многое хотѣлось бы еще сказать о моей дорогой сердцу alma mater. Лица, картины, событія, даже рѣчи пестрою толпой тѣснятся въ памяти, и властно просятся на бумагу. Кажется, еще разъ пережилъ бы свѣтлую пору юности. Но... но тридцати-шестилѣтній опытъ научилъ меня, что писателю съ моими силами лучше сказать меньше, чѣмъ больше.

Да, я ставлю точку.

С. Ромеръ.

¹⁾ Автору очень хорошо извѣстно, что Н. Х. Бунге и П. В. Павловъ, слава Богу, живы и здравствуютъ. Но онъ полагаетъ, что для профессорской ихъ дѣятельности давно наступило время исторіи, и потому можно писать о ней, не стѣняясь.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1860—1864 ГОДОВЪ¹⁾.

II.

На отдыхъ въ Калишъ и Серадзъ.

ПИЗОВСКІЙ пѣхотный полкъ выступилъ изъ Варшавы на квартиры въ г. Калишъ, 15-го іюня 1861 года. Перспектива отдыха въ провинціи до такой степени соблазняла офицеровъ и солдатъ, что они съ нескрываемою радостью оставляли Варшаву, гдѣ въ послѣднее время служба войскъ сдѣлалась въ высшей степени тягостной, а иногда просто невыносимой... По мѣрѣ удаленія полка отъ Варшавы, нельзя было не замѣтить рѣзко бросавшейся въ глаза разницы между настроеніемъ населенія этого города и провинціальныхъ городовъ, лежавшихъ на пути слѣдованія полка, жители которыхъ держали себя «относительно» спокойно, а въ фабричныхъ центрахъ, какъ г. Лодзь, мѣстечки Ласкъ и Побіанице (населены исключительно нѣмцами), не было и признаковъ революціоннаго движенія, и даже ношеніе траура было весьма рѣдкимъ явленіемъ. Что касается сель, то тамъ господствовало полное спокойствіе, и польскіе хлопы не выказывали никакихъ враждебныхъ выходокъ. По свойственному вообще сельскому населенію консервативному направленію, и польскій хлопь видимо старался держаться въ сторонѣ отъ революціоннаго движенія и уклонялся даже отъ всякихъ сужденій о варшавскихъ событіяхъ,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 184.

отговариваясь либо незнаніемъ, либо отдѣлываясь отъ вопросовъ упорнымъ молчаніемъ. Само собою разумѣется, что и ношеніе траура среди крестьянъ обоого пола не привилось вовсе, и тѣ изъ мѣстныхъ ксендзовъ, либо помѣщиковъ, которые старались хотя бы этимъ внѣшнимъ признакомъ «пристегнуть» крестьянъ къ революціонному движенію, потерпѣли полную неудачу. Во время вступленія или прохожденія черезъ деревни полка обыкновенно все мѣстное населеніе выходило изъ домовъ поглазѣть на солдатъ, послушать музыку, при чемъ мужчины обнажали головы, кланяясь старшему начальнику, и все населеніе отъ мала до велика держало себя вполне спокойно и прилично, не выказывая ни малѣйшаго признака враждебности къ войскамъ. Только въ одномъ изъ большихъ селъ, во время дневки полка, въ воскресный день, я замѣтилъ нѣкоторое уклоненіе отъ нормальнаго теченія крестьянской жизни, вызванное, безъ сомнѣнія, чуждымъ крестьянской средѣ, вліяніемъ... Зная по опыту, что польскій хлопь любитъ по праздникамъ выпить и потанцовать, я отправился вечеромъ къ корчмѣ взглянуть, какъ проводятъ время жители этого большого и, повидимому, очень зажиточнаго села. Къ моему удивленію, я не нашелъ у корчмы ни «мѣстнаго скрипача», ни танцующихъ. Между тѣмъ у корчмы было большое сборище, преимущественно молодежи обоого пола, и среди мужчинъ замѣчались субъекты, «изрядно выпившіе». На вопросъ мой, обращенный къ нѣсколькимъ пожилымъ крестьянамъ, сидѣвшимъ у корчмы на заваленкѣ, почему молодежь не танцуетъ, одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, что теперь по случаю рабочаго времени некогда думать о танцахъ. «Вотъ, когда уберемъ хлѣбъ съ полей,—пояснилъ онъ,—тогда можно будетъ и потанцовать». Когда же я возразилъ, что, на сколько мнѣ помнится, я видѣлъ въ прежніе годы по деревнямъ танцующихъ по праздникамъ и лѣтомъ, и что теперь далеко еще пока до уборки хлѣба, такъ какъ едва только начался сѣнокосъ, то на мое возраженіе никто изъ хлопьевъ не отвѣтилъ ни слова, но по выраженію лицъ многихъ изъ нихъ нельзя было не догадаться, что хлопья хитрятъ со мною и что причиной прекращенія въ праздникъ у корчмы музыки и танцевъ не «страдное время, а что-то другое, чего, однако, они объяснить не пожелали.

Въ началѣ похода въ полку получено было извѣстіе объ объявленіи новымъ намѣстникомъ графомъ Ламбертомъ края на военномъ положеніи и о назначеніи во всѣ уѣздные города, въ томъ числѣ и въ г. Калишъ (бывшій тогда уѣзднымъ городомъ Варшавской губерніи), военныхъ начальниковъ; а на послѣдней дневкѣ командиръ полка получилъ письмо отъ офицера, посланнаго въ Калишъ съ командой хлѣбопекоевъ, сообщавшее о томъ, что городъ принялъ крайне враждебно его команду, и что ко дню вступленія полка населеніе города подготавливаетъ большую политическую

«манifestацію», для чего будто бы прибыло изъ Варшавы въ качествѣ руководителей нѣсколько десятковъ самыхъ завзятыхъ вожаковъ революціонной партіи. Тотъ же офицеръ сообщалъ, что въ Калишѣ нѣтъ вовсе войскъ, и что назначенный калишскимъ военнымъ начальникомъ генераль-маіоръ В...овъ находится уже въ городѣ. Слухамъ о готовящейся въ Калишѣ враждебной встрѣчѣ полку не многіе повѣрили, и всѣ вообще офицеры были того мнѣнія, что слухи, о которыхъ сообщалъ начальникъ команды хлѣбопековъ, сильно преувеличены. Между тѣмъ, полку оставалось всего два перехода до Калиша, и 3-го іюля къ 11 часамъ дня весь полкъ стянулся къ городской заставѣ, гдѣ и остановился на площади для отдыха и приготовления ко вступленію въ городъ. Командиръ полка, зная о нахожденіи въ городѣ военного начальника въ чинѣ генерала, приказалъ мнѣ отправиться къ его превосходительству на квартиру и, доложивъ о прибытіи полка къ заставѣ, испросить приказанія насчетъ вступленія въ городъ. Сѣвъ на коня, я поскакалъ въ городъ и едва миновалъ заставу, какъ собравшаяся у перваго дома, въ числѣ около 20 человекъ, толпа встрѣтила меня свистомъ и шиканьемъ. Впереди меня виднѣлось на улицѣ большое сборище народа, а начиная отъ монумента, въ память маневровъ совмѣстно съ прусскими войсками въ 1839 году, по обѣимъ сторонамъ улицы стояли сплошныя стѣны изъ людей. Къ моей досадѣ я долженъ былъ сдержать лошадь, опасаясь задавить когонибудь изъ одиночныхъ людей, постоянно перебѣгавшихъ съ одной стороны улицы на другую, и направился до указанной мнѣ заблаговременно генеральской квартиры шатомъ, провожаемый на всемъ пути шиканьемъ и свистомъ, сливавшимся въ оглушительный гулъ. Едва управляясь съ лошадью, дрожавшей отъ испуга, отказывавшейся идти впередъ и становившейся на дыбы, что возбуждало дружный хохотъ толпы, я добрался наконецъ до квартиры генерала В...ова, употребивъ болѣе часа времени на проѣздъ такого разстоянія, которое при обыкновенныхъ обстоятельствахъ легко можно было проѣхать въ какіенибудь четверть часа. Оставивъ лошадь стоявшему у генеральскаго крыльца казаку, я вошелъ въ переднюю и приказалъ вышедшему на встрѣчу мнѣ лакею доложить генералу о цѣли моего прибытія. Генераль меня не принялъ, а передалъ черезъ своего адъютанта приказаніе отправляться къ полку и доложить полковому командиру, что онъ (генераль) сейчасъ прибудетъ на плацъ. Простоявъ въ нерѣшительности нѣсколько времени на крыльцѣ и замѣтивъ, что изъ воротъ двора вывели осѣдланыхъ лошадей генералу и его адъютанту, я рѣшилъ выждать выхода генерала, рассчитывая проѣхать за нимъ сквозь виднѣвшуюся передо мною сплошную толпу и избѣгнуть при помощи этого маневра новыхъ съ ея стороны оскорбленій (что я считалъ совершенно невысказаннымъ въ

присутствіи военнаго начальника), а затѣмъ, опередивъ генерала, направиться къ полку. Но ѣхать за генераломъ мнѣ не пришлось, такъ какъ онъ, выйдя на крыльцо и замѣтивъ меня, сказалъ съ видимымъ неудовольствіемъ: «что это вы, г. офицеръ, не отправляетесь на свое мѣсто»? Догадываясь, что этими словами генераль выразилъ свое нежеланіе имѣть меня за собою во время появленія его передъ толпой, питавшей (какъ сейчасъ оказалось) совсѣмъ другія къ нему чувства, я сѣлъ на коня и отправился шагомъ впередъ. На этотъ разъ, къ моему удивленію, толпа какъ будто бы не замѣтила моего появленія, и изъ рядовъ ея не раздалось по моему адресу ни одного крика. Сначала я не могъ объяснить себѣ причины этой сдержанности толпы, но когда, проѣхавъ нѣсколько десятковъ шаговъ, услышалъ позади меня крики «вивать», дружно подхваченные на протяженіи всей улицы, и повернувъ голову назадъ, увидѣлъ генерала, ѣхавшаго шагомъ и любезно раскланивавшагося направо и налево, тогда мнѣ стали ясными причины «непреслѣдованія» меня на обратномъ пути толпою криками и свистомъ и неудовольствія генерала, замѣтившаго мое желаніе проѣхать одновременно съ нимъ сквозь запрудившую улицу толпу... Прибывъ за заставу, я нашелъ полкъ уже выстроеннымъ для встрѣчи генерала, а вслѣдъ затѣмъ прибылъ на плацъ и генераль. Поздоровавшись съ баталіонами, онъ сказалъ, обращаясь къ солдатамъ, слѣдующее: «смотри, ребята, веди себя хорошо и не обижать жителей!»—а затѣмъ, объявивъ командиру полка, что, на основаніи полученнаго имъ распоряженія штаба главнокомандующаго, въ Калишѣ имѣеть остаться одинъ только баталіонъ, а остальные два баталіона на слѣдующій же день должны выступить для прикрытія артиллеріи въ ближайшіе уѣздные города Конинъ и Серадзъ, приказалъ вступать въ городъ. При этомъ нельзя не упомянуть о томъ, что за заставу не вышелъ изъ города ни одинъ обыватель, и изъ постороннихъ лицъ, во время объѣзда генераломъ В...вымъ полка, находился на площади единственный, прибывшій туда еще до появленія генерала, высокаго роста, среднихъ лѣтъ мужчина, весьма прилично одѣтый, въ бѣлой поярковой шляпѣ на головѣ. Онъ стоялъ недалеко отъ фронта, заложивъ руки въ карманъ. Долговязая фигура этого господина, съ пробритыми на бородѣ свѣтлыми бакенбардами, изобличала въ немъ англичанина, а впоследствии разнесся слухъ, что это былъ корреспондентъ лондонскаго иллюстрированнаго журнала «Graphic», нарочно прибывшій изъ Варшавы ко дню вступленія полка въ Калишъ, а слѣдовательно и знавшій заблаговременно о готовившемся въ Калишѣ приѣмѣ полка. Получивъ отъ генерала В...ова приказаніе вступать въ городъ, командиръ полка поручилъ вести полкъ старшему баталіонному командиру, а самъ сѣлъ въ экипажъ, приказавъ ѣхать боковыми улицами на отведенную

ему квартиру. Первымъ двинулся 3-й баталіонъ (рота котораго занимала въ тотъ день полковой караулъ), предшествуемый хоромъ музыки и знаменами. Я находился впереди музыкантовъ, а впереди меня ѣхалъ генераль В...овъ, имѣя позади себя своего адъютанта. Какъ только голова колонны втянулась въ городъ, раздались крики и свистъ нѣскольکو-тысячной толпы, покрывавшей сплошной массой обѣ стороны улицы; загудѣли ручные барабаны, послышался собачій лай, мяуканье кошекъ, и все это слилось въ одинъ дикій, оглушительный гулъ. По временамъ изъ толпы раздавались крики: «варшавскіе мясники!». Въ то же время на балконѣ того самаго каменнаго дома, у котораго я былъ встрѣченъ первымъ «кошачьимъ концертомъ», отправляясь за приказаніемъ къ генералу В...ову, появились двѣ молодыя дамы, держа въ рукахъ краснаго цвѣта знамена¹⁾. Генераль В...овъ ѣхалъ молча, смотрѣлъ постоянно передъ собою, поворачивая голову назадъ въ то время, когда музыканты прекращали игру, причеиъ на лицѣ его не замѣтно было никакихъ слѣдовъ душевнаго волненія. Крикнувъ «играть», генераль опять поворачивалъ голову и устремлялъ свои взоры впередъ... Музыка гремя безъ отдыха, заглушаемая криками бѣсновавшейся толпы, а съ лицъ музыкантовъ потъ лился ручьемъ. Оглядываясь во время слѣдованія нѣскольکو разъ назадъ, я видѣлъ стройное движеніе частей полка, слѣдовавшихъ «локоть къ локтю», съ соблюденіемъ полной тишины въ рядахъ, причеиъ какъ офицеры, такъ и солдаты старались смотрѣть подъ ноги, а лица ихъ были серьезны, но спокойны... пѣсенники не пѣли вовсе, играла только полковая музыка.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этотъ день Низовскій полкъ явилъ собою рѣдкій примѣръ сохраненія воинской дисциплины и высокую степень нравственной выдержки... Пройдя главную улицу, баталіоны разошлись на назначенныя имъ на предмѣстья квартиры, въ самомъ же городѣ остался полковой штабъ и 3-й баталіонъ, которому предстояло на слѣдующій день выступленіе въ городъ Серадзь.

Распустивъ людей по квартирамъ, офицеры 3-го баталіона, съ баталіоннымъ командиромъ и нѣсколькими офицерами полковаго штаба, всего въ числѣ 16-ти человекъ, отправились въ Познанскую гостинницу обѣдать. Въ обѣденномъ залѣ, куда вошли офицеры, находилось нѣскольکو молодыхъ людей, одѣтыхъ въ національные костюмы и вышедшихъ тотчасъ же въ сосѣднюю комнату, куда для нихъ и начали выносить изъ залы обѣденные приборы. Очевидно, эти господа участвовали передъ тѣмъ въ устройствѣ полку

¹⁾ Красный цвѣтъ, напоминавшій рубахи Гарибальди и его волонтеровъ, занимавшихъ въ тотъ годъ европейскую прессу, былъ въ то время и въ польскихъ губерніяхъ самымъ моднымъ, послѣ чернаго, цвѣтомъ.

вышеописанной скандальной встрѣчи и сочли для себя неприличнымъ обѣдать вмѣстѣ съ офицерами. Въ числѣ этихъ господъ находился и «долговязый» англичанинъ, присутствовавшій на плацу во время объѣзда полка генераломъ В...вымъ. Выйдя изъ залы вмѣстѣ съ остальными, джентельменъ этотъ усѣлся, не снимая шляпы, vis-à-vis дверей изъ боковой комнаты въ залъ и во все время обѣда разсматривалъ каждого изъ насъ порознь съ большимъ вниманіемъ. Какъ только на столъ подали первое блюдо и мы заняли мѣста, въ коридорѣ тотчасъ же раздалась знакомая уже намъ мелодія «кошачьяго концерта». Баталіонный командиръ, вставъ изъ-за стола, вышелъ въ буфетъ и обратился къ хозяйкѣ гостиницы съ просьбой объ удаленіи «концертантовъ» изъ коридора, но хозяйка гостиницы отказала въ исполненіи этой просьбы, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что это «мальчишки-шалуны», и выгнать ихъ изъ коридора она не можетъ. Не желая оставить заказаннаго и уже начатаго обѣда, мы принуждены были остаться въ гостиницѣ и выслушивать «кошачью серенаду» во все время обѣда. Обѣдъ прошелъ очень скучно, всѣ офицеры были въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, разговоръ не клеился, да его и нельзя было вести вслѣдствіе шума, гудѣнья и свиста въ коридорѣ. Покончивъ съ обѣдомъ, мы рѣшили отправиться въ кондитерскую, находившуюся въ городскомъ паркѣ, выпить кофе и сыграть на билиардѣ партію въ «à la guette», но едва успѣли выйти изъ гостиницы, какъ за нами двинулся и «кошачій оркестръ» и, слѣдуя за нами не далѣе 50-ти шаговъ, провожалъ насъ подъ звуки своихъ «кошачьихъ арій» вплоть до самаго входа въ паркъ.

На улицахъ въ то время большихъ сборищъ уже не было; по всей вѣроятности, толпа, «поработавшая» нѣсколько часовъ на солнцекѣ, разбрелась по домамъ отдохнуть и пообѣдать; но попадавшіяся намъ на встрѣчу одиночныя лица, какъ мужчины, такъ и дамы, останавливались на тротуарахъ и громко смѣялись, а нѣкоторые аплодировали «кошачьему оркестру» и кричали «браво!». На углу одной изъ улицъ стоялъ въ это время полицейскій нижній чинъ, и когда кто-то изъ офицеровъ обратился къ нему со словами: «Ты чего же смотришь? Разгони эту сволочь!» то блюститель порядка какъ-то глупо улыбнулся и, повернувшись спиной къ намъ, отошелъ въ сторону, какъ бы давая этимъ понять, что «не мое молъ это дѣло». Во время нашего входа въ ворота, ведущія въ паркъ, главная аллея была почти совсѣмъ пуста, но вслѣдъ за нами направлялось къ парку множество молодыхъ людей, и пока мы дошли до кондитерской, въ паркѣ собралась уже значительная толпа. Войдя въ кондитерскую, мы приказали приготовить кофе и принялись было за игру на билиардѣ, какъ вдругъ вбѣжалъ какой-то бѣдно одѣтый человекъ, повидимому, отпускной, или отставной солдатъ, и крикнувъ попольски: «господа! офицера бьютъ въ

паркѣ». Переглянувшись между собою, мы замѣтили отсутствіе штабсъ-капитана К., и нѣсколько офицеровъ, находившихся поближе къ выходу, побросавъ биліардные кіи, выбѣжали въ паркъ, гдѣ и увидѣли штабсъ-капитана К., окруженнаго толпой. Передъ К. лицомъ къ лицу стоялъ какой-то молодой человѣкъ въ національномъ костюмѣ и въ бѣлой, съ чернымъ околышемъ, конфедераткѣ. Въ тотъ моментъ, когда офицеры подбѣгали къ толпѣ, штабсъ-капитанъ К. нанесъ молодому человѣку ударъ по лицу и, безъ сомнѣнія, былъ бы смятъ толпою, если бы офицеры не обнажили сабель. Увидя сверкнувшія сабли и замѣтивъ выбѣгавшихъ изъ кондитерской еще нѣсколькихъ офицеровъ, толпа мгновенно разсѣялась, такъ что въ употребленіи въ дѣло оружія не оказалось никакой надобности, и всѣ офицеры тотчасъ же вернулись въ кондитерскую, гдѣ вырученный изъ рукъ толпы К. разсказалъ, что, отставъ случайно въ паркѣ отъ остальныхъ офицеровъ, онъ былъ окруженъ безъ всякаго повода толпой, и когда одинъ изъ толпы, какой-то молодой человѣкъ въ бѣлой конфедераткѣ, подоидя къ нему близко и дотронувшись рукою до цѣпочки отъ часовъ К., сказалъ: «это вы, вѣроятно, сняли съ кого нибудь на улицѣ въ Варшавѣ», то К. ударилъ его по лицу. Остальное намъ было извѣстно.

Выслушавъ разсказъ К., мы принялись опять за игру на биліардѣ, какъ вдругъ въ паркѣ раздались громкіе крики «вивать» и въ кондитерскую вошелъ генераль В...овъ. На немъ былъ надѣтъ лѣтній плащъ, который онъ, входя въ кондитерскую, сбросилъ съ одного плеча, чтобы открыть погонь.

Офицеры въ моментъ входа генерала играли на биліардѣ и, взглянувъ на него, игры не прекратили. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что всѣ безъ исключенія офицеры были совершенно трезвы, одѣты они были въ мундиры, какъ всегда, наглухо застегнутые, и всѣ при оружіи. Генераль, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ входа, спросилъ ближайшихъ къ нему офицеровъ: «что вы здѣсь дѣлаете?» и, получивъ отвѣтъ: «играемъ на биліардѣ», обвелъ глазами всѣхъ офицеровъ, затѣмъ, остановивъ взглядъ на баталіонномъ командирѣ, спросилъ его: «а вы?»—тотъ отвѣтилъ: «я тоже играю на биліардѣ». Въ это время въ кондитерскую вошелъ командиръ полка, полковникъ Тухолка, извѣщенный кѣмъ-то о случившемся въ паркѣ скандалѣ съ офицерами и о прибытіи туда военнаго начальника. Генераль, увидя входившаго полковаго командира, обратился къ нему со слѣдующими словами:

— Что это у васъ творять офицеры, полковникъ? Сначала они пьянствовали въ Познанской гостинницѣ ¹⁾, а затѣмъ, прійдя сюда

¹⁾ Не мѣшаетъ оговориться, что въ тотъ жаркій день въ Познанской гостинницѣ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ бутылокъ зельтерской воды, мы ровно ничего не пили.

цѣлой толпой, съ баталіоннымъ командиромъ во главѣ, допустили буйства и обнажили сабли, не пущенныя въ дѣло лишь по независѣвшимъ отъ офицеровъ обстоятельствамъ.

Командиръ полка, зная уже подробности случившагося скандала, выслушалъ съ полнымъ спокойствіемъ рѣчь генерала и сказалъ слѣдующее:

— Вашему превосходительству доложили не то, что въ дѣйствительности случилось. Вы сами изволите видѣть, что между офицерами нѣтъ ни одного въ нетрезвомъ видѣ, и смѣю васъ увѣрить, что во ввѣренномъ мнѣ полку нѣтъ вовсе офицеровъ, предающихся пьянству. Гордясь по справедливости прекраснымъ составомъ офицеровъ полка, я не могу не высказать вашему превосходительству, что послѣ всего того, что полкъ испыталъ сегодня въ Калишѣ, я больше не могу ни за кого поручиться, въ томъ числѣ и за себя; и если мнѣ нанесено будетъ оскорбленіе, подобное нанесенному капитану К., то я непременно употреблю въ дѣло носимое мною оружіе,—а затѣмъ, обращаясь къ офицерамъ, добавилъ:—пойдемъ-те, господа! Намъ здѣсь больше нечего дѣлать.

Офицеры просили командира полка повременить, пока сдѣланъ будетъ съ хозяиномъ кондитерской расчетъ, на что полковой командиръ и согласился. Этимъ временемъ воспользовался генералъ В...овъ и быстро удалился изъ кондитерской, встрѣченный въ паркѣ толпою вторично громкими «виватами». Вскорѣ вышли изъ кондитерской и офицеры съ командиромъ полка.

Передъ нами валила къ выходу толпа, провожая генерала В...ова, а оставшіяся отъ нея въ аллеѣ небольшія группы встрѣтили наше появленіе шиканьемъ и криками: «о-го! сколько ихъ здѣсь!».

Въ тотъ же день командиръ полка сдѣлалъ подробное донесеніе по начальству о встрѣчѣ полка въ Калишѣ, а также и о скандалѣ съ офицерами въ паркѣ. По всей вѣроятности, въ тотъ же день послѣдовало донесеніе и генерала В...ова, а что оно было составлено въ смыслѣ, діаметріально противоположномъ донесенію командира, о томъ намъ стало извѣстно не дальше, какъ двѣ недѣли спустя, что и будетъ рассказано ниже.

Ложные и совершенно нелѣпыя слухи о калишскихъ событіяхъ быстро распространились по всему краю, проникнувъ въ такомъ же извращенномъ смыслѣ и въ иностранную печать. Особенно неистовствовала французская печать, изображая «régiment de Nizoff» чѣмъ-то въ родѣ шайки баши-бузуковъ, и, не стыдясь, повторяла на столбцахъ своихъ газетъ гнусную клевету на полкъ, сочиненную въ Варшавѣ и состоявшую въ обвиненіи офицеровъ въ «срываніи» съ жителей часовъ, цѣпочекъ и проч. во время кроваваго столкновенія на Краковскомъ предмѣстьи 20-го февраля 1861 года, а въ одномъ изъ французскихъ журналовъ, а именно въ «Illustra-

tion universelle», помѣщенъ былъ и портретъ генерала Воронова. Калишскія событія 3-го іюля, выразившіяся въ безпримѣрно дерзкой и обидной встрѣчѣ городомъ цѣлаго полка, одновременныя съ ней оваціи населенія того же города генералу В...ову, его полное равнодушіе къ ничѣмъ не оправдываемому, дикому поведенію толпы и, кромѣ того, «генеральское напоминаніе» солдатамъ «не обижать жителей» (невольнo воскрешавшее въ памяти каждаго чина полка сочиненную въ Варшавѣ клевету на полкъ въ безчинствахъ и грабежѣ на улицахъ того города),—все это вмѣстѣ взятое произвело на офицеровъ въ высшей степени тягостное впечатлѣніе. Особенное негодованіе въ офицерахъ возбуждали толки и намеки на поведеніе чиновъ полка 20-го февраля и 26-го марта, несогласное будто бы съ требованіями чести и долга, тогда какъ въ дѣйствительности не только во время квартированія полка въ Варшавѣ, но и во все послѣдующее смутное время, доблестный полкъ явилъ собою рѣдкій примѣръ порядка, дисциплины и беззавѣтной преданности служебному долгу.

Для того, чтобы доказать полную нелѣпность и неосновательность сочиненной въ Варшавѣ и проникшей за границу на Низовскій полкъ сплетни, я позволю себѣ прервать на время мой рассказъ, съ тѣмъ, чтобы, обратившись въ прошедшее, обрисовать въ нѣсколькихъ словахъ участіе полка въ подавленіи уличныхъ безпорядковъ въ Варшавѣ.

Въ первомъ изъ нихъ участвовала 7-я рота полка, возвращавшаяся въ тотъ день (20-го февраля) съ «экстренной службы» на Саксонской площади въ казармы и случайно подвернувшаяся подъ руку шедшему по Краковскому предмѣстью генералу Заблоцкому. Командиръ роты, штабсъ-капитанъ Бычковскій, получивъ приказаніе генерала Заблоцкаго разсѣять толпу огнемъ, назначилъ для этого головное отдѣленіе роты, на флангѣ котораго находился младшій офицеръ, поручикъ Волкъ-Леоновичъ. Послѣдній завелъ отдѣленіе лѣвымъ плечомъ и, остановившись фронтомъ къ дому Мальча, подалъ команду для пальбы, при чемъ отдѣленіе сдѣлало два залпа. Остальная рота, подъ командой ротнаго командира, стояла подъ угломъ къ стрѣлявшему отдѣленію, имѣя ружья у ноги, при чемъ, само собою разумѣется, ни одинъ человекъ изъ роты не могъ оставить строя. Кромѣ 7-ой роты, всѣ остальные находились въ тотъ день либо на службѣ, либо въ казармахъ, и никакая часть отъ полка никуда не была вызываема, а слѣдовательно и въ подавленіи какихъ бы то ни было безпорядковъ участвовать не могла. Дѣйствительно, послѣ стрѣльбы по толпѣ 20-го февраля 7-й ротой, по приказанію князя Горчакова, назначено было дознаніе, но оно касалось лично генерала Заблоцкаго и не имѣло никакого отношенія къ 7-й ротѣ, а тѣмъ болѣе къ полку. Что касается кровавыхъ событій на Краковскомъ же предмѣстьи 26-го марта, то въ

то время на названномъ предмѣстїи не было ни одного солдата Низовскаго полка, такъ какъ полкъ, раздѣленный на три части, находился на площадяхъ: Красинской, Банковой и на «плацу Брони», гдѣ не было никакихъ сборищъ народа, а слѣдовательно некого было и «разгонять». Сдѣлавъ это небольшое отступленіе отъ моего разсказа съ цѣлю освѣтить факты съ истинной точки зрѣнія, возвращаюсь къ продолженію моихъ воспоминаній.

Послѣ ночлега въ Калишѣ 3-й баталіонъ выступилъ на квартиры въ г. Серадзѣ, находящейся отъ Калиша въ двухъ переходахъ.

Наканунѣ выступленія, поздно вечеромъ командиръ полка собралъ офицеровъ баталіона и сообщилъ имъ, что, по полученнымъ частнымъ путемъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ г. Серадзѣ готовится такой же прїемъ баталіону, какой былъ сдѣланъ въ Калишѣ полку, причемъ выразилъ свою увѣренность въ сохраненіи чинами баталіона полного порядка и дисциплины, столь блистательно проявленныхъ полкомъ въ Калишѣ. Однако, къ нашему удивленію, слухи, дошедшіе до полковаго командира, не подтвердились: во время вступленія баталіона въ Серадзѣ въ городѣ царствовала полная тишина и спокойствіе. Баталіонъ шелъ бодро и весело, съ пѣснями, не встрѣчая на улицахъ ни живой души. Городъ казался вымершимъ. Даже еврей-лавочники попрятались въ глубь своихъ лавочекъ, видимо избѣгая соблазна взглянуть на проходившій мимо «столь веселый» баталіонъ. На слѣдующій день мы узнали, что военный начальникъ Серадзскаго уѣзда (онъ же и командиръ 6-й артиллерійской бригады), полковникъ Зайцевъ, получивъ свѣдѣніе о калишскихъ скандалахъ и о готовящейся въ Серадзѣ враждебной встрѣчѣ баталіона, потребовалъ мѣстнаго бургомистра и приказалъ ему объявить жителямъ, что если солдаты, озлобленные прїемомъ, сдѣланнымъ имъ калишскими жителями, при повтореніи такого пріема въ Серадзѣ, будутъ вынуждены расправиться съ толпою, то онъ въ этомъ случаѣ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность.

Столъ рѣшительное и своевременное заявленіе полковника Зайцева разрушило всѣ планы зачинщиковъ «политическихъ манифестацій» и оградило баталіонъ отъ новыхъ оскорбленій со стороны толпы. Впрочемъ «безъ любезности» по адресу баталіона не обошлось: какой-то негодяй наклеилъ на фонарный столбъ у входа въ городъ пасквиль слѣдующаго содержанія: «берегитесь, граждане г. Серадза, сегодня вступаетъ въ городъ воровскій, низкій (вмѣсто Низовскій) полкъ». Пасквиль былъ сорванъ и уничтоженъ офицерами.

Городъ Серадзѣ, не большой, но чистый и опрятный, лежащій на р. Вартѣ, не смотря на пустынность улицъ, а, быть можетъ, и благодаря ей, произвелъ на офицеровъ прїятное, успокоивающее впечатлѣніе. Устроившись, благодаря вниманію и распорядительности военнаго начальника, на очень удобныхъ квартирахъ, офи-

церы совершенно замкнулись въ свой небольшой, но тѣсный кружокъ, къ которому вскорѣ примкнули и артиллеристы квартировавшей въ Серадзѣ батареи, отличавшейся прекраснымъ составомъ молодыхъ офицеровъ. Мѣстное общество держало себя въ отношеніи офицеровъ сдержанно, но холодно, и въ теченіе цѣлаго года, проведеннаго баталіономъ на квартирахъ въ Серадзѣ, ни одинъ офицеръ съ обществомъ этимъ не былъ знакомъ.

Недѣлю спустя послѣ прибытія въ Серадзѣ, я отправился по своимъ дѣламъ въ Варшаву, гдѣ и узналъ первымъ о революціи намѣстника царства на донесеніе генерала В...ова о калишскихъ скандалахъ. Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ: проходя въ день отъѣзда изъ Варшавы по Долгой улицѣ, я зашелъ въ соборъ, гдѣ въ тотъ день, не помню по какому случаю, былъ церковный парадъ. Вскорѣ послѣ меня вошелъ въ церковь генералъ Синельниковъ и, замѣтивъ меня, пожалъ мнѣ руку, сказавъ на ухо: «Вы надолго прибыли въ Варшаву?». Я отвѣтилъ, что вечеромъ уѣзжаю. Тогда генералъ сказалъ: «подождите на паперти моего выхода изъ церкви, я имѣю сообщить вамъ нѣчто весьма важное». На паперти генералъ Синельниковъ поручилъ мнѣ передать командиру полка, что, обѣдая недавно у намѣстника графа Ламберта, онъ узналъ о калишскихъ событіяхъ отъ самого графа, который, рассказывая за столомъ о «буйствѣ» въ Калишѣ офицеровъ Низовскаго полка, не скрылъ своего намѣренія: предложить всѣмъ офицерамъ въ числѣ 16-ти человекъ, бывшимъ въ паркѣ, немедленно оставить службу, причемъ графъ Ламбертъ выразилъ особенное удивленіе по поводу того обстоятельства, что въ «буйствѣ» участвовали исключительно офицеры 3-го баталіона, съ ихъ баталіоннымъ командиромъ. О поведеніи калишскихъ жителей въ день вступленія полка графъ почему-то умолчалъ. Генералъ Синельниковъ, по его словамъ, удивленный въ высшей степени обвиненіемъ графомъ Ламбертомъ офицеровъ 3-го баталіона Низовскаго полка, изъ которыхъ большая половина была ему извѣстна во время охраны 3-мъ баталіономъ зданій интендантства, горячо заступился за полкъ, а въ особенности за офицеровъ 3-го баталіона, и настоялъ на провѣркѣ на мѣстѣ какъ носившихся въ то время въ Варшавѣ слуховъ о калишскихъ событіяхъ, такъ равно и справедливости донесенія генерала В...ова. «Кланяйтесь знакомымъ моимъ, вашимъ товарищамъ,—заклучилъ свой рассказъ генералъ Синельниковъ,—и передайте какъ имъ, такъ и Александру Львовичу (командиру полка), что, по моему настоянію, намѣстникъ командировалъ въ Калишъ для производства дознанія начальника штаба генерала Батезатула, который уже долженъ быть на мѣстѣ».

Вернувшись въ Серадзѣ, я узналъ, что Батезатулъ дѣйствительно находится въ Калишѣ, и что туда вызываемъ былъ и командиръ нашего баталіона. Пробывъ три дня въ Калишѣ, Батезатулъ вы-

ѣхалъ въ Варшаву, не сообщивъ никому о собранныхъ имъ данныхъ ни одного слова. По всей вѣроятности, ему приказано было произвести дознаніе секретно. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало отчисленіе генерала В...ова отъ должности калишскаго военнаго начальника съ увольненіемъ за болѣзнію въ 4-мѣсячный отпускъ, а на его мѣсто назначенъ былъ военный начальникъ Серадзкаго уѣзда, полковникъ Зайцевъ. Офицеровъ начальство оставило въ покоѣ, и тѣмъ дѣло покончилось.

Недѣли за двѣ до отѣзда полковника Зайцева къ новому мѣсту служенія, въ Серадзскомъ уѣздѣ случилось происшествіе, возбудившее множество толковъ въ военныхъ кружкахъ и дошедшее до свѣдѣнія намѣстника царства. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: крестьяне д. Шадекъ подали черезъ посредство 8 человекъ своихъ выборныхъ полковнику Зайцеву письменный доносъ на помѣщика Добека, обвиняя его въ томъ, что, прибывъ одинъ разъ на полевая работы, онъ рассказывалъ крестьянамъ объ убійствахъ на улицахъ г. Варшавы русскими солдатами жителей и заключилъ свой рассказъ слѣдующимъ приказаніемъ: «наточите хорошенько ножи и косы, чтобы принять какъ слѣдуетъ русскихъ солдатъ, если они появятся въ нашей сторонѣ».

Полковникъ Зайцевъ, получивъ доносъ крестьянъ, назначилъ комиссію въ составѣ одного штабъ-офицера, двухъ оберъ-офицеровъ и аудитора, предписавъ предсѣдателю отправиться съ комиссіей на мѣсто и произвести по обвиненію Добека крестьянами формальное слѣдствіе. По предварительному сношенію полковника Зайцева съ командиромъ полка, всѣ члены комиссіи назначены были отъ нашего полка. Наслушавшись въ Серадзѣ невѣроятныхъ рассказовъ о чудачествахъ Добека (считавшаго себя, между прочимъ, потомкомъ польскихъ королей изъ династіи Пяста) и полагая, что слѣдствіе надъ нимъ будетъ вдвойнѣ интересно, проливъ извѣстную долю свѣта и на тогдашнія отношенія хлоповъ къ помѣщикамъ, я напросился въ члены комиссіи, на что и получилъ согласіе полковаго командира. Прибывъ въ м. Шадекъ, комиссію обязала подпиской помѣщика Добека (проживавшаго въ имѣніи въ 3-хъ верстахъ отъ мѣстечка) о безотлучномъ нахожденіи на мѣстѣ до окончанія слѣдствія, а затѣмъ, исполнивъ различныя формальности, приступила къ допросу свидѣтелей. Къ удивленію членовъ комиссіи, хлопы, подавшіе доносъ военному начальнику, на допросѣ показывали совсѣмъ не то, о чемъ писали: одни говорили, что, быть можетъ, имъ и показалось, что помѣщикъ приказывалъ точить ножи и косы на русскихъ солдатъ; два крестьянина заявили, что они приказанія помѣщика не слышали, а что имъ кто-то объ этомъ передавалъ, а одинъ изъ крестьянъ заявилъ, что содержаніе доноса онъ въ первый разъ слышитъ и никого не просилъ расписаться за себя на томъ доносѣ. Очевидно, въ намѣреніяхъ крестьянъ про-

изошелъ крутой поворотъ, вызванный какимъ-то постороннимъ вліяніемъ, но въ чемъ именно оно состояло, и кто былъ его проводникомъ, этого нельзя было добиться отъ крестьянъ никакими убѣжденіями, и только три человѣка свидѣтелей отстаивали справедливость доноса. На второй день допроса свидѣтелей вызванъ былъ въ комиссію и помѣщикъ Добекъ.

Представленіе Добека членамъ комиссіи сопровождалось на столько характерной и дерзкой съ его стороны шуткой, что я намѣренъ разсказать объ этомъ нѣсколько подробно. Подъѣхавъ къ дому, занимаемому комиссіей, въ щегольскомъ фаятонѣ, запряженномъ парюю красивыхъ лошадей, съ лакеемъ въ ливреѣ на козлахъ, Добекъ, одѣтый во фракъ, вошелъ въ комнату, гдѣ засѣдали члены комиссіи, и, остановившись у порога, хлопнулъ нѣсколько разъ въ ладони. На этотъ, очевидно, заранѣе условленный знакъ въ комнату вбѣжалъ лакей, которому Добекъ, указывая на грудь, крикнулъ: «скорѣе! скорѣе! ищи въ фаятонѣ!».

Лакей стремглавъ выскочилъ на улицу и тотчасъ же вернулся въ комнату, держа въ рукахъ темно-бронзовую медаль на Владимірской лентѣ, учрежденную въ память войны 1853 — 1856 г.г., которую и приколотъ къ фракъ своего господина. Сидѣвшіе за столомъ члены комиссіи съ недоумѣніемъ переглядывались между собою, не въ состояніи будучи понять смысла разыгрываемой Добекомъ сцены. Между тѣмъ, какъ только лакей окончилъ пригонку къ фракъ медали, Добекъ подошелъ къ столу и сказалъ попольски: «Прошу извиненія. Уѣзжая сюда, я взялъ съ собою орденъ ради того, чтобы гг. члены военной комиссіи не приняли меня за какогонибудь с . . . а сына (эти два слова сказаны были Добекомъ по-русски), но, уронивъ случайно орденъ въ фаятонѣ, я не счелъ возможнымъ представиться комиссіи до тѣхъ поръ, пока орденъ не будетъ розысканъ и пристегнуть къ моему платью. А теперь рекомендую: помѣщика Добекъ. Что вамъ, господа, отъ меня угодно?».

Только изъ этихъ словъ комиссіа поняла смыслъ сыгранной Добекомъ глупой сцены: ему вздумалось посмѣяться надъ военной комиссіей, и самая медаль названа была имъ въ насмѣшку орденомъ.

Юродствованію Добека положилъ конецъ предсѣдатель комиссіи, маіоръ Керманъ, сказавъ строго: «оставьте, г. Добекъ, роль шута и потрудитесь отвѣчать на вопросы, которые вамъ будутъ предложены слѣдственной комиссіей».

Добекъ нѣсколько сконфузился, но затѣмъ оправился, отказавшись наотрѣзъ отвѣчать на устные вопросы, вслѣдствіе будто бы совершеннаго незнанія русскаго языка, и заявивъ, что онъ дастъ письменный отвѣтъ въ томъ случаѣ, если вопросные пункты будутъ составлены на польскомъ языкѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія комиссіа согласилась исполнить просьбу Добека, и аудиторъ, написавъ вопросные пункты попольски, вручилъ ихъ Добеку. Добекъ,

взявъ въ руки врученный ему аудиторомъ листъ, повертѣлъ его въ рукахъ и, отойдя въ сторону, присѣлъ къ боковому столику, гдѣ и занялся составленіемъ отвѣта.

Пока Добекъ «работалъ» надъ составленіемъ отвѣта, члены комиссіи разсматривали его фигуру съ нескрываемымъ любопытствомъ, и ввѣшность Добека казалась до такой степени смѣшной, что, глядя на этого дѣйствительнаго или воображаемаго потомка династіи Пястовъ, представшаго передъ комиссіей въ образѣ высохшаго на подобіе муміи старичка, съ некрасивымъ и необыкновенно подвижнымъ, какъ у обезьяны, лицомъ, члены комиссіи не могли удержаться отъ хохота, прекращеннаго лишь вмѣшательствомъ предсѣдателя.

Отвѣчая письменно на предложенные ему вопросные пункты, Добекъ отрицалъ приказаніе хлопамъ: «точить ножи и косы на русскихъ солдатъ», мотивируя неправдоподобность этого обвиненія слѣдующимъ курьезомъ: «происходя по прямой линіи изъ королей моего народа, династіи Пястовъ, я не могъ ничего подобнаго задумывать противъ войска равнаго мнѣ по происхожденію царствующаго (попольски «рапијасего») лица», а затѣмъ, сознаваясь, что о варшавскихъ событіяхъ онъ съ хлопами дѣйствительно бесѣдовалъ, сдѣлалъ оговорку, что бесѣду ту онъ велъ совсѣмъ не въ тѣхъ выраженіяхъ, какія ему приписываютъ.

Въ заключеніе своего объясненія Добекъ добавилъ, что крестьяне сдѣлали на него доносъ изъ злобы за отказъ въ пользованіи пастбищами, которыми хотя они и пользовались въ прежнее время по его «милости», но юридически не имѣли права на пользованіе.

Передопросъ свидѣтелей и очная ставка съ Добекомъ не выяснили ничего новаго, при чемъ опять только три человѣка стояли твердо на первыхъ показаніяхъ; остальные же, очутившись лицомъ къ лицу съ помѣщикомъ, стушевались окончательно, и отъ нихъ ровно ничего нельзя было добиться. Только въ вопросѣ «о пастбищѣ» крестьяне огуломъ заявили, что показаніе помѣщика не вѣрно: впервыхъ, этотъ вопросъ рѣшенъ уже давно, а, ввторыхъ, они и не считали никогда того пастбища своею собственностью, зная, что пользовались имъ, какъ «панскою милостью», и, лишившись сей послѣдней, не имѣютъ къ пану никакой претензіи.

Закончивъ слѣдствіе, комиссіа представила дѣло военному начальнику, полковнику Зайцеву, при особомъ постановленіи, въ которомъ было высказано сомнѣніе въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей Добека. Къ дѣлу приложенъ былъ и курьезный отвѣтъ Добека на данные ему вопросные пункты, вмѣстѣ съ переводомъ на русскій языкъ.

Полковникъ Зайцевъ, разсмотрѣвъ дѣло, представилъ его съ своимъ заключеніемъ намѣстнику, а помѣщика Добека, потребовавъ въ Серадзѣ, заключилъ подъ стражу, въ нарочно отведенномъ

для сего, за неимѣніемъ гауптвахты, помѣщеніи. Арестъ Добека продолжался всего три дня, такъ какъ на четвертый день полковникъ Зайцевъ получилъ изъ Варшавы по эстафетѣ распоряженіе о немедленномъ освобожденіи Добека изъ-подъ ареста, при чемъ полковнику Зайцеву сообщалось, что дѣло о Добекѣ передано на рѣшеніе въ правительственную комиссію царства Польскаго.

Нѣсколько времени спустя, на основаніи резолюціи этой комиссіи, въ деревню Шадекъ прибыла на экзекуцію сотня казаковъ, которая и оставалась въ деревнѣ до тѣхъ поръ, пока хлопы не удовлетворили тѣхъ претензій помѣщика, которыя были признаны правительственной комиссіей справедливыми. Въ городѣ носились слухи, что «перенесеніемъ» дѣла съ политической почвы на аграрную Добекъ обязанъ былъ своимъ «хорошимъ» знакомымъ, состоявшимъ членами вышеназванной правительственной комиссіи. Вопросъ, возбужденный комиссіей объ умопомѣшательствѣ Добека, остался неразрѣшеннымъ и, кажется, въ правительственной комиссіи не обсуждался вовсе. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ Серадзѣ. Съ отѣздомъ полковника Зайцева въ Калишъ, военнымъ начальникомъ Серадзкаго уѣзда назначенъ былъ командиръ нашего баталіона подполковникъ Ржецкій, а на мою долю, какъ баталіоннаго адъютанта, выпало и веденіе дѣлъ по военному управленію уѣздомъ.

Работы оказалось много, но, правду сказать, толку изъ нея выходило мало. Согласно обычаю того времени, исписано было несмѣтное количество бумаги, но если поставить ребромъ вопросъ, что сдѣлано было военнымъ начальствомъ въ Серадзскомъ уѣздѣ (по всей вѣроятности, далеко не составлявшимъ исключенія) по умиротворенію или по восстановленію порядка, то на это единственнымъ отвѣтомъ будетъ: «почти ничего».

Въ управленіе (того времени) военного начальника, образованное, какъ говорятъ, «на скорую руку» и состоявшее изъ адъютанта (обремененнаго своими прямыми обязанностями въ баталіонѣ, находившемся въ отдѣлѣ отъ полка) и полуграмотнаго писаря, поступила въ самое короткое время масса всевозможныхъ инструкцій, циркуляровъ, справокъ и т. п., въ которыхъ рѣшительно невозможно было ориентироваться... Кромѣ того, еженедѣльно требовалось въ Варшаву донесеніе о состояніи умовъ въ уѣздѣ и о томъ, какъ примѣняются правила военного положенія въ краѣ. Такія донесенія составлялись на основаніи еженедѣльныхъ же донесеній бургомистровъ одиннадцати мѣстечекъ (въ томъ числѣ и уѣзднаго города), входившихъ въ составъ «территоріи» Серадзкаго уѣзда. Военный начальникъ почти никогда бургомистерскихъ донесеній не читалъ, поручивъ составленіе по нимъ общаго донесенія объ уѣздѣ мнѣ. Сознаюсь откровенно, что донесенія эти, составленные обыкновенно безъ малѣйшей разницы въ редакціи съ предыду-

щими и оканчивавшіяся всегда увѣреніемъ «въ высокой почтительности» и проч., я читалъ лишь первыя двѣ, три недѣли, а затѣмъ до такой степени изощрился въ глазомѣрѣ, что, взглянувъ на донесеніе, опредѣлялъ по числу строкъ написанныхъ на листѣ, «благополучно ли» въ данномъ мѣстечкѣ, или нѣтъ. Но случалось и такъ, что когда я прочитывалъ донесеніе, показавшееся мнѣ «болѣе длиннымъ, чѣмъ обыкновенное», то всякій разъ узнавалъ изъ него, что въ такомъ-то мѣстечкѣ случилось такое-то происшествіе, не имѣвшее, однако, ни малѣйшаго отношенія къ «военному положенію» въ краѣ. Впрочемъ и такого рода бургомистерскія донесенія составляли рѣдкое исключеніе. Обыкновенно же, бросивъ взглядъ на первый листъ каждаго донесенія и убѣдившись, что ихъ было одиннадцать штукъ, я составлялъ общее донесеніе военнаго начальника объ уѣздѣ. Операцию эту я считалъ «переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее», будучи твердо убѣжденъ, что вышеупомянутыя донесенія, какъ частныя, такъ и общія, лишены смысла и правды... Не менѣе интересна была и процедура выдачи военнымъ начальникомъ помѣщикамъ билетовъ на право имѣть охотничье ружье. На основаніи инструкціи, помѣщикъ, желавшій получить билетъ на право имѣть ружье, обязанъ былъ представить при прошеніи поручительство двухъ сосѣдей, и, кромѣ того, военный начальникъ, прежде чѣмъ выдать билетъ, долженъ былъ спросить мѣстнаго жандармскаго офицера о благонадежности въ политическомъ отношеніи просителя. Къ наступающему охотничьему сезону, къ военному начальнику поступило столько прошеній, что я съ ними рѣшительно не могъ управиться, чѣмъ и вызывалъ частыя жалобы просителей военному начальнику на медленность къ выдачѣ билетовъ. Провѣрка соблюденія вышеупомянутыхъ формальностей требовала много времени и смѣло могла быть названа «переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее». Такъ, наприимѣръ, прочитывая «поручительства» на прошеніяхъ, я замѣчалъ, что однѣ и тѣ же фамиліи мѣнялись постоянно ролями: такъ сегодняшній проситель на слѣдующемъ прошеніи одного изъ своихъ поручителей значился уже поручителемъ, а одинъ изъ его поручителей становился просителемъ и т. д. до безконечности. Происходила какая-то толчея, гдѣ Иванъ ручался за Петра, Петръ за Ивана, а какой смыслъ имѣла эта круговая порука, и на кого падала отвѣтственность въ случаѣ, если правомъ имѣть ружье воспользовался бы «неблагонадежный» человекъ, на эти вопросы никто, а въ томъ числѣ и военный начальникъ, не могъ дать никакого отвѣта... Что касается аттестаціи жандармскаго офицера, то исполнявшій въ Серадзѣ эту должность самый безобидный старичекъ изъ инвалидовныхъ капитановъ обыкновенно атестовалъ просителя билета на ружье слѣдующей казенной фразой: «ни въ чемъ продосудительномъ замѣчаемъ не былъ».

Заканчивая мои замѣтки, относящіяся ко времени квартированія 3-го баталіона Низовскаго полка въ г. Серадзѣ, я не могу не упомянуть объ одномъ оригинальномъ зрѣлищѣ, котораго былъ свидѣтелемъ въ мѣстечкѣ Ласкѣ (куда я ѣздилъ нарочно, подъ видомъ частнаго человѣка), состоявшемъ въ стрѣльбѣ на призы нѣмецкихъ рабочихъ и колонистовъ и въ выборѣ ими на годъ «стрѣлковаго короля». Послѣ стрѣльбы, поразившей меня замѣчательною мѣткостью, пальма первенства въ ней досталась мѣстному ксендзу, къ моему удивленію, принимавшему участіе въ состязаніи и удостоившемуся получить званіе «короля стрѣлковъ». На него тотчасъ же надѣли цѣпь со знакомъ и съ криками «Нос!» подъ звуки марша «Wacht am Rhein», съ торжествомъ проводили на квартиру. Не знаю почему, но на меня лично торжество это произвело весьма непріятное впечатлѣніе; глядя на эти стройные, щегольски одѣтые ряды молодыхъ людей (безъ сомнѣнія, бывшихъ уже въ строю), глядящихъ задорно и вызывающе, мнѣ показалось, что даже въ то время, когда нѣмцы были въ большой силѣ, эта нѣмецкая бравада въ мѣстечкѣ Ласкѣ, на чужой землѣ, была по меньшей мѣрѣ неумѣстна...

Квартированіе 3-го баталіона въ Серадзѣ окончилось 4-го іюля, такъ какъ въ этотъ день весь полкъ выступилъ на ст. Рокицины, откуда былъ перевезенъ по желѣзной дорогѣ въ Варшаву.

III.

Опять въ Варшавѣ.

По прибытіи въ Варшаву, Низовскій полкъ расположился лагеремъ на площадяхъ, въ трехъ пунктахъ, причемъ 3-му баталіону досталась площадь возлѣ Мировскихъ казармъ, за «Желѣзной брамой». Внѣшній видъ Варшавы, за время годичнаго квартированія полка въ провинціи, измѣнился до неузнаваемости: городъ, еще въ концѣ 1860 года веселый, кипѣвшій жизнью, а затѣмъ сдѣлавшійся на нашихъ глазахъ ареною уличныхъ безчинствъ, вызвавшихъ два кровавыхъ столкновенія съ войскомъ, ко времени нашего вторичнаго прибытія въ его стѣны принялъ мрачный, угрюмый видъ. Публичныя сады и городскія площади заняты были войсками, и вездѣ бѣлѣлись лагерныя палатки, а по улицамъ то-и-дѣло сновали конные разѣзды и пѣшіе патрули. Театры были закрыты и въ театральныхъ залахъ расположились пѣхотныя части. Всякія сборища на улицахъ были строго воспрещены, а по вечерамъ никто, кромѣ военныхъ, не имѣлъ права выйти на улицу безъ зажженнаго фонаря. Кондитерскія, кофейни, трактиры и т. п. общественныя заведенія обязательно должны были быть закрыты

къ 10 часамъ вечера. Однимъ словомъ слѣды «военнаго положенія» въ городѣ сказывались на каждомъ шагу. Не мало совершилось въ теченіе года и перемѣнъ въ высшемъ управленіи краемъ: Сухожанета смѣнилъ графъ Ламбертъ, объявившій Варшаву и весь Привислянскій край на военномъ положеніи. При немъ послѣдовало закрытіе духовенствомъ костеловъ, и по поводу этого событія между Ламбертомъ и начальникомъ штаба генераломъ Герштенцвейгомъ произошло крупное объясненіе, окончившееся «американскою дуэлью», причемъ жребій застрѣлиться выпалъ на долю Герштенцвейга, и приведенъ былъ имъ въ исполненіе. Графъ Ламбертъ уѣхалъ въ отпускъ за границу, а мѣсто его занялъ генераль Лидерсъ, который, прибывъ въ Варшаву, усилилъ мѣры строгости по отношенію къ нарушителямъ общественнаго порядка и спокойствія, приказалъ произвести многочисленные аресты, а лицъ, явно враждебныхъ правительству и уличенныхъ въ революціонныхъ проискахъ, выслалъ во внутреннія губерніи Россіи. Между тѣмъ, на жизнь генерала Лидерса, едва вступившаго въ управленіе краемъ, совершенно было въ Саксонскомъ саду покушеніе. Негодяй выстрѣлилъ по генералу сзади и нанесъ ему тяжелую рану въ затылокъ. Поймать преступника не удалось, и между военными упорно держался слухъ, что преступникъ былъ офицеръ 4-го стрѣлковаго баталіона Фенинь (успѣвшій бѣжать въ Швейцарію), мстившій генералу Лидерсу за приговоръ къ смертной казни товарищей Фенина, подручниковъ Арнгольда и Сливицкаго, разстрѣлянныхъ за политическія преступленія въ Новогеоргіевской крѣпости.

Послѣ отъѣзда Лидерса для леченія раны за границу, послѣдовало назначеніе намѣстникомъ царства его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича, а гражданское управленіе краемъ ввѣрено было графу Велепольскому.

Къ тому времени возвращеніе жителей Варшавы на путь долга и законности какъ будто совсѣмъ возстановилось: уличныя «манifestаціи» прекратились, трауръ и національная одежда исчезли, пѣніе революціонныхъ гимновъ умолкло. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ открытіе архіепископомъ Фелинскимъ варшавскихъ костеловъ, его спокойная, въ примирительномъ духѣ, рѣчь, сказанная въ костелѣ св. Яна, подѣйствовала, какъ казалось, успокоительнымъ образомъ на взволнованное политическими страстями городское населеніе, и полное умиротвореніе края казалось близкимъ. Но это только казалось. Въ дѣйствительности же революціонное «дѣло» продолжалось безостановочно, съ тою лишь разницею, что вожаки его, стѣсняемые въ дѣйствіяхъ своихъ въ костелахъ и на улицахъ «военнымъ положеніемъ», ушли для своей работы «подъ землю», не безъ основанія рассчитывая, что работать тамъ и безопаснѣе, и вѣрнѣе...

При этомъ не мѣшаетъ упомянуть и о томъ, что архіепископъ

Фелинскій, на содѣйствіе котораго въ дѣлѣ умиротворенія края правительство имѣло полное право разсчитывать, въ недалекомъ будущемъ въ дѣйствіяхъ своихъ выказалъ полное противорѣчіе съ своей рѣчью, сказанною въ день его прибытія въ Варшаву въ С.-Янскомъ костелѣ, а вслѣдъ затѣмъ и открыто сталъ во главѣ революціоннаго движенія, за чтò и понесъ вскорѣ заслуженную кару.

Великій князь намѣстникъ прибылъ въ Варшаву съ августѣйшимъ семействомъ въ половинѣ іюля мѣсяца и поселился въ Лазенковскомъ дворцѣ. Въ городѣ великаго князя можно было встрѣтить почти ежедневно ѣдущимъ въ открытой коляскѣ, при двухъ конвойныхъ линейныхъ казакахъ. Въ началѣ августа мѣсяца у подъязда Большого театра на жизнь великаго князя, садившагося въ экипажъ, произведено было покушеніе: сапожный подмастерье Ярошинскій, выстрѣливъ въ упоръ, нанесъ его высочеству незначительную, къ счастью, рану въ ключицу. Ярошинскій былъ схваченъ и приговоренъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, чтò и было исполнено на гласисѣ Александровской цитадели. Покушеніе на жизнь великаго князя произвело на войска потрясающее впечатлѣніе, и когда нѣсколько дней спустя появился на улицахъ города великій князь въ томъ же экипажѣ, при такомъ же, изъ двухъ казаковъ, конвоѣ, съ спокойнымъ, но нѣсколько блѣднымъ лицомъ, то чувство ужаса, охватившее военныхъ, смѣнилось неподдѣльною радостью. Казнь Ярошинскаго вызвала въ средѣ варшавской черни сильное волненіе, такъ какъ вожаки революціонной партіи распустили по городу сплетню, что преступникъ, стрѣлявшій по великому князю, успѣлъ скрыться, и что Ярошинскій повѣшенъ безвинно, ради удовлетворенія мести правительства. Сплетня эта была «подкрашена» разсказомъ, что будто бы во время казни невиннаго Ярошинскаго на небѣ было видно знаменіе, состоявшее въ какихъ-то кругахъ около солнца. Не подлежитъ сомнѣнію, что сплетня эта, не смотря на ея нелѣпость, сильно поддѣйствовала на воображеніе легковѣрной и невѣжественной толпы, и что изъ среды ея не мало нашлось такихъ лицъ, которымъ личность злодѣя Ярошинскаго представлялась украшенной ореоломъ мученичества... А вѣдь это и нужно было вожакамъ революціи.

Нѣсколько дней спустя послѣ покушенія на жизнь великаго князя, произошло два, одно за другимъ, покушенія на жизнь графа Велепольскаго. Оба преступника, мастерские Рыль и Ржонца, были схвачены. Велепольскій остался невредимъ. Слѣдствіе выяснило, что названныя лица наняты были на совершеніе преступленія какими-то неизвѣстными господами, при чемъ послѣдніе, отправляя Рыля и Ржонцу на указанные имъ пункты для встрѣчи Велепольскаго, «угостили» обоихъ преступниковъ пивомъ, оказавшимся подправленнымъ ядомъ, отъ котораго одинъ изъ нихъ, а именно Рыль, не могъ оправиться до самой казни.

Надъ Ржонцой судъ назначенъ былъ «генеральный» и чуть ли не въ первый разъ въ то время «гласный». Предсѣдательствоваль въ судѣ генераль-отъ-артиллеріи Мерхелевичъ, обвиняль аудиторъ штаба арміи, а защита преступника поручена была какому-то молодому человѣку, кандидату правъ, уроженцу г. Варшавы. Засѣданіе суда происходило въ залѣ губернскаго правленія, куда входъ допускался по билетамъ, мнѣ же удалось присутствовать на судѣ въ качествѣ участника почетнаго караула, наряженнаго отъ нашего полка. Преступника привезли къ зданію губернскаго правленія въ закрытой каретѣ, подъ сильнымъ конвоемъ казаковъ. Онъ былъ въ ножныхъ кандалахъ, въ сильно поношенномъ партикулярномъ платьѣ и вслѣдствіе своего малаго роста и очень молодого лица казался просто мальчикомъ. Глядя на невзрачную фигуру Ржонцы, на веселое выраженіе его лица и плутоватые глаза, быстро перебѣгавшіе съ предмета на предметъ, трудно было предполагать въ немъ преступника, посягнувшаго на убійство: до такой степени онъ не походилъ на него своею внѣшностью, напоминающею типъ уличнаго мальчишки, вскормленнаго и воспитаннаго «улицею» большого города. Войдя въ комнату, прилегавшую къ залѣ засѣданія суда, Ржонца обвелъ глазами находившихся въ ней офицеровъ и часовыхъ и, усѣвшись безцеремонно на диванъ, попросилъ у жандармскаго офицера кофе и закурилъ папиросу. Офицеръ приказалъ жандарму принести изъ ближайшей кондитерской чашку кофе, который и былъ выпить Ржонцой съ большимъ аппетитомъ. Затѣмъ, Ржонца опять принялся за куреніе, не поднимая больше глазъ и смотря все время на свои ноги. Когда же вошелъ кузнецъ, и жандармъ подвелъ преступника къ наковальнѣ для снятія кандаловъ, то онъ видимо потерялъ хранимое имъ до того времени спокойствіе, и ноги его дрожали.

Вскорѣ Ржонцу ввели въ залъ засѣданія суда, гдѣ находились и свидѣтели преступленія: кучеръ графа Велепольскаго (самъ Велепольскій къ судебному разбирательству не явился) и двое рабочихъ, задержавшихъ Ржонцу въ то время, когда онъ, занеся кинжалъ надъ головой Велепольскаго и промахнувшись, соскочилъ съ подножки фэатона и бросился бѣжать. На столѣ лежали вещественныя доказательства преступленія Ржонцы: его шляпа, потерянная съ головы во время бѣгства, и кинжалъ, намазанный, какъ оказалось, стрихниномъ. У рѣшетки, отдѣлявшей столъ отъ залы, стояла худая, бѣдно одѣтая женщина. На лицѣ ея, вооруженномъ большимъ красно-сизымъ носомъ, виднѣлись слѣды сильныхъ изліяній въ честь Бахуса. Во время чтенія обвинительнаго акта, продолжавшагося около часа, Ржонца хранилъ все время тупое равнодушіе какъ къ чтенію, такъ и къ окружавшей его обстановкѣ, и на его глуповатомъ лицѣ не было замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ душевнаго волненія. На вопросъ предсѣдателя: признаеть ли онъ себя

виновнымъ въ посягательствѣ на жизнь графа Велепольскаго?— Ржонца далъ сначала отрицательный отвѣтъ, а затѣмъ, уличаемый свидѣтельскими показаніями, сознался, заявивъ при этомъ, что онъ дѣйствительно хотѣлъ убить Велепольскаго, но не съ политической цѣлью, а ради того, чтобы быть казненнымъ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что за убійство такого важнаго лица его подвергнутъ смертной казни, желательной для него потому, что жизнь, проводимая въ нуждѣ и лишеніяхъ, сильно ему надоѣла. Когда же предсѣдатель спросилъ Ржонцу, почему онъ, принявъ такое рѣшеніе, бросился бѣжать, потерпѣвъ неудачу въ задуманномъ имъ преступленіи, то Ржонца не отвѣтилъ ничего. Защитникъ Ржонцы старался убѣдить судъ, что покушеніе на жизнь графа Велепольскаго не есть преступленіе политическое, а уголовное, вслѣдствіе чего и преступникъ подлежитъ не «генеральному», а обыкновенному, уголовному суду; а въ заключеніе своей рѣчи просилъ судъ принять во вниманіе молодость преступника, недостатокъ воспитанія и происхожденіе изъ низкой среды, выбросившей его на улицу безъ всякихъ средствъ къ существованію. Судъ, однако, съ этими доводами защитника не согласился и приговорилъ Ржонцу къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ Ржонцѣ не былъ объявленъ въ залѣ засѣданія, и, закрывая его, предсѣдатель предложилъ матери Ржонцы проститься съ сыномъ. Ржонца и при этомъ случаѣ сохранилъ полное равнодушіе, хотя нельзя было не предположить, что онъ не предвидѣлъ того, что прощаніе его съ матерью будетъ послѣднимъ. Нѣсколько дней спустя, оба виновника покушенія на жизнь Велепольскаго повѣшены были рядомъ на полигонѣ Александровской цитадели. На казни присутствовали мать и сестра Ржонцы. У другого преступника, Рыля, въ Варшавѣ не было никого изъ родныхъ.

Я остановился нѣсколько подробно на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ судъ надъ Ржонцой, во первыхъ, потому, что «гласный» судъ былъ въ то время самъ по себѣ крупнымъ событіемъ, а, во вторыхъ, съ цѣлью упомянуть о необыкновенно торжественной обстановкѣ, при которой онъ состоялся, и о присвоенномъ ему названіи «генеральнаго» суда. Эти два послѣднія обстоятельства породили среди военныхъ различныя толки, и никто не могъ себѣ объяснить причины, почему такой же судъ не былъ учрежденъ надъ преступникомъ, посягавшимъ на жизнь великаго князя намѣстника.

Съ прибытіемъ въ Варшаву 3-й гвардейской дивизіи, полкъ нашъ назначенъ былъ для занятія карауловъ въ крѣпость Новогеоргіевскъ, куда и выступилъ 29-го сентября. Въ крѣпости этой полкъ застало и польское возстаніе.

В. Щ. В.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РУССКО-ФРАНЦУЗСКІЙ СОЮЗЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

НОГДА БЫВАЮТЪ странныя историческіе контрасты и не менѣе странныя историческія совпаденія. Во время недавнихъ официальныхъ и народныхъ изліяній дружбы между Россіей и Франціей, никому не приходило въ голову, что ровно сто лѣтъ передъ тѣмъ были прекращены всякія политическія и торговыя сношенія между этими двумя странами, отозваны русскіе дипломатическіе агенты и всѣ русскіе подданные изъ Франціи, а всѣ французы, какъ официальные, такъ и частныя лица, за немногими исключеніями изгнаны изъ Россіи. Точно также мало кто вспоминаетъ, что немного ранѣе, т. е. лѣтъ девяносто тому назадъ, Россія была въ такой же модѣ въ Парижѣ, какъ за послѣдніе три года, и, быть можетъ, не многіе знаютъ, что въ ту эпоху шли переговоры о заключеніи русско-французскаго союза, проектъ котораго даже былъ написанъ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и на заключеніи котораго настаивала Екатерина. Любопытная и малоизвѣстная исторія отношеній между Россіей и Франціей при Екатеринѣ II очень ярко освѣщена недавно вышедшими во Франціи историческими трудами, которые, вмѣстѣ съ напечатанными ранѣе русскими и иностранными матеріалами, даютъ полную возможность выяснитъ, при какихъ условіяхъ произведена была эта первая попытка со стороны Франціи и Россіи заключить между собою союзъ, что привело къ ней, и почему она не удалась. Новѣйшими источниками для подобнаго очерка служатъ, вышедшія въ прошедшемъ и нынѣшнемъ году, замѣчательныя

историческія изслѣдованія Поля Фошиля «Французская дипломатія и лига нейтральныхъ государствъ 1780 г.», сочиненіе, удостоенное преміи французской академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ ¹⁾, и маркиза Баррала-Монферра «Десять лѣтъ вооруженнаго мира между Франціей и Англіей отъ 1783 по 1793» ²⁾, а также біографія принца Карла Нассау-Зигена, составленная по неизданной его перепискѣ съ женою, маркизомъ д'Арагономъ ³⁾. Главное значеніе двухъ первыхъ трудовъ заключается въ тѣхъ драгоцѣнныхъ историческихъ документахъ изъ архивовъ парижскаго, московскаго, стокгольмскаго, лондонскаго и алькальскаго, которые впервые въ нихъ обнародованы, хотя ихъ авторы, кромѣ того, старательно собрали все, что касается до изслѣдуемыхъ ими вопросовъ въ напечатанныхъ историческихъ сочиненіяхъ, мемуарахъ, сборникахъ документовъ и т. д., что дало имъ возможность придать замѣчательную полноту ихъ рельефному, интересному разсказу. Но цѣль этихъ почтенныхъ авторовъ совершенно различна: Фошиль, докторъ правъ и авторъ нѣсколькихъ трудовъ по международному и гражданскому праву, поставилъ себѣ задачей доказать, что лига нейтральныхъ державъ была общимъ дѣломъ Россіи и Франціи, такъ какъ министръ иностранныхъ дѣлъ Людовика XVI, графъ Верженъ, первый высказалъ идею о ней, а Екатерина II существовала ее въ грандіозныхъ размѣрахъ совершенно самостоятельно и съ цѣлью не только обезпечить торговлю русскую и нейтральныхъ государствъ, но и побудить Англію къ принятію ея посредничества для возстановленія мира въ Европѣ, причѣмъ графъ Панинъ далеко не былъ настоящимъ авторомъ деклараціи относительно вооруженнаго нейтралитета, какъ многіе полагали, а только исполнялъ предназначенія своей государыни. «Нашъ трудъ,—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи,—не будетъ бесплоднымъ, если мы могли пролить новый свѣтъ на нѣкоторые факты дипломатической исторіи, доселѣ темные, но служащіе къ славѣ Франціи и доказывающіе, что сто лѣтъ тому назадъ Франція и Россія уже представляли двѣ націи, предназначенныя къ сближенію и дружбѣ». Такимъ образомъ, изслѣдованіе Фошиля, трактуя объ отношеніяхъ между Франціей и Россіей въ эпоху, предшествовавшую переговорамъ о союзѣ между ними и обнимающую семилѣтіе 1776—1783 годовъ, представляетъ какъ бы вступленіе къ исторіи этого знаменательнаго эпизода. Трудъ Монферра, бывшаго дипломата и автора обстоятельнаго «Очерка дипломатической исторіи Европы

¹⁾ Bibliotheque internationale et diplomatique. La diplomatie francaise et la ligue des Neutres de 1780. (1776—1783). Par Paul Fauchille. Paris. 1893.

²⁾ Dix ans de paix armée entre la France et l'Angleterre, 1783—1793, par le marquis de Barral-Montferrat. Paris. 1894, tome I.

³⁾ Un paladin au XVIII siècle. Le prince Charles de Nassau-Siegen, d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789, par le marquis d'Aragon. Paris. 1893.

отъ 1648 по 1815 г.»¹⁾), напротивъ, не имѣеть, повидимому, ничего общаго съ отношеніями между Россіей и Франціей, а специально посвященный исторіи дипломатическихъ сношеній Франціи съ Англіей въ десятилѣтіе, протекшее отъ заключенія Версальскаго мира до новой войны между этими двумя странами послѣ смерти Людовика XVI, онъ еще имѣеть ясно высказанную авторомъ цѣль показать примѣромъ Англіи, загладившей въ пять лѣтъ тяжелыя послѣдствія Версальскаго мира и возвратившей себѣ первенствующую роль въ Европѣ, что подъ руководствомъ гениальнаго министра, и благодаря постоянной, неизмѣнной, твердой политикѣ страна, потерявшая болѣе чѣмъ Эльзасъ-Лотарингію, можетъ въ короткое время совершенно оправиться отъ нанесеннаго ей пораженія. Но блестяще доказывая свой тезисъ и рисуя широкой кистью картину дипломатической борьбы Англіи съ Франціей во всѣхъ частяхъ свѣта, Монферра посвящаетъ болѣе четверти только еще вышедшаго перваго тома своей книги исторіи отношеній Франціи къ Россіи, которую она старалась оторвать отъ союза съ Англіей и перетянуть на свою сторону. Такимъ образомъ, въ этой части его сочиненія, онъ является продолжателемъ Фошиля, тѣмъ болѣе, что его рассказъ именно начинается съ 1783 г., на которомъ послѣдній окончилъ свое изслѣдованіе. Но въ виду того, что первый томъ книги Монферра оканчивается 1787 годомъ, онъ прерываетъ свое повѣствованіе на той эпохѣ переговоровъ о франко-русскомъ союзѣ, когда, по его словамъ, «никто еще не хотѣлъ принять на себя инициативы официально предложить заключеніе союза, котораго обѣ стороны желали, но министры и посланники обѣихъ націй и Австріи, которая должна была примкнуть къ союзу, говорили о немъ постоянно, какъ о вѣроятномъ и почти вѣрномъ фактѣ». Самый разгаръ переговоровъ и ихъ неудачный, печальный конецъ совпадаетъ съ пребываніемъ въ Россіи принца Нассау-Зигена и его быстрыми поѣздками въ Парижъ, Мадридъ, Вѣну, Берлинъ, Дрезденъ и Варшаву въ качествѣ курьера и дипломатическаго агента Екатерины по дѣлу заключенія не только двойственнаго, но четвернаго союза между Россіей, Франціей, Австріей и Испаніей; однако, къ сожалѣнію, его переписка съ женой, относящаяся къ этому времени, т.-е. отъ конца 1786 года по 1789 годъ, имѣеть чисто внѣшній характеръ, и чтобъ познакомиться съ внутреннимъ содержаніемъ дипломатическихъ тайнъ, порученныхъ французскимъ и русскимъ дворами этому «странствующему рыцарю русско-французскаго союза», какъ называетъ пресловутаго авантюриста Вандаль въ своемъ блестящемъ, хотя очень краткомъ очеркѣ въ «Journal de Debats»: «Екатерина II и русско-французское сбли-

¹⁾ Etude sur l'histoire diplomatique de l'Europe, par le comte de Barral. 1 partie, 1648—1792; 2 partie, 1789—1815. Paris. 2 vol.

женіе»¹⁾, необходимо обратиться къ труду Монферра, который напечаталъ касающуюся этого предмета переписку въ 1787 г. между французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Монмореномъ и французскими послами графомъ Сегюромъ въ Петербургѣ и маркизомъ Нуалемъ въ Вѣнѣ, а что касается позднѣйшаго времени, то драгоценныя свѣдѣнія представляетъ «Сборникъ инструкцій, данныхъ французскимъ посланникамъ и резидентамъ отъ Вестфальскаго мира до революціи», два тома котораго относительно Россіи изданы съ очень интересными примѣчаніями Альфредомъ Рамбо²⁾ и заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, не только официальные депеши французскихъ министровъ, но и донесенія представителей Франціи въ Россіи съ начала царствованія Екатерины II до прекращенія всякихъ отношеній между Россіей и Франціей въ 1793 году. Если всѣ данныя, заимствованныя изъ указанныхъ источниковъ, пополнить и провѣрить «Записками графа Сегюра»³⁾, французскаго посланника въ Петербургѣ, игравшаго главную роль въ переговорахъ о русско-французскомъ союзѣ, «Дневникомъ» А. В. Храповицкаго⁴⁾, исторіей отношеній Россіи къ Англіи въ концѣ прошедшаго столѣтія въ «Собраніи трактатовъ и конвенцій»⁵⁾, а главное письмами Екатерины къ принцу Нассау-Зигену, Потемкину, Вольтеру, принцу де-Линю и г-жѣ Бьелке, рескриптами къ русскимъ посланникамъ въ Парижѣ и Лондонѣ, а также перепиской съ Гриммомъ въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго историческаго общества⁶⁾, то получится если не полная картина, то, по крайней мѣрѣ, точный абрисъ первой попытки заключенія союза между Россіей и Франціей, успѣху которой помѣшала революція 1789 г., также какъ революція 1830 года послужила помѣхой къ подписи почти уже составленнаго союзнаго трактата между императоромъ Николаемъ и Карломъ X. Только третьей французской республикѣ суждено было спустя сто лѣтъ осуществить дѣло, начатое «хорошенькимъ французомъ», какъ называлъ гр. Сегюра принцъ де-Линь, и

¹⁾ Catherine II et l'entente Franco-Russe, par Albert Vandal. Journal de Debats, 16 fevrier 1894, edition du Sais.

²⁾ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la revolution française. Russie; avec introduction et notes par A. Rambaud, t. 2 (1749—1789). Paris. 1890.

³⁾ Memoires, ou souvenirs et anecdotes, par le compte de Segur. Paris. 1826. 3 vol. Записки гр. Сегюра о пребываніи его въ Россіи. (1785—1789). Перев. съ французскаго. С.-Петербургъ. 1865.

⁴⁾ Дневникъ А. В. Храповицкаго. (1782—1793). С.-Петербургъ. 1874.

⁵⁾ Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ IX (X). Трактаты съ Англіей (1710—1801). С.-Петербургъ. 1892.

⁶⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. С.-Петербургъ. 1867—1885. Томы: 1, 10, 13, 23, 27, 33, 44, 48.

«странствующимъ рыцаремъ русско-французскаго союза», хотя еще не въ формѣ официальнаго трактата, но, быть можетъ, въ болѣе прочномъ и надежномъ видѣ народной дружбы.

I.

Съ самаго начала своего царствованія Екатерина II была очень расположена въ пользу Англіи и тотчасъ по вступленіи на престолъ поручила канцлеру гр. М. Р. Воронцову написать русскому посланнику въ Лондонѣ, что «находить себя склонной умножить и охотно утвердить согласіе между Россіей и Англіей», тѣмъ подтверждая мнѣніе англійскихъ министровъ, увѣрявшихъ тогда русскаго посланника, что «нѣтъ натуральнѣе союза, какъ между Россіей и Англіей»¹⁾, а напротивъ питала непріязненные чувства къ Франціи, которая тогда поддерживала Швецію, Польшу и Турцію противъ Россіи. Ея отношенія къ первому изъ французскихъ посланниковъ, аккредитованныхъ при ней, барону Бретелю, были такъ холодны, особенно послѣ столкновенія его съ русскимъ правительствомъ относительно придворнаго этикета, что онъ черезъ годъ просилъ Людовика XV перевести его въ Стокгольмъ, и на прощальной аудіенціи императрица прямо сказала ему: «Вы будете на своемъ новомъ мѣстѣ моимъ врагомъ», а когда онъ горячо протестовалъ и доказывалъ чистосердечную прямоту французской политики, то она прибавила: «Да, я увѣрена, что вы будете моимъ врагомъ, а если ваше министерство таково, какимъ вы его изображаете, то его чистосердечье еще новая фальшь»²⁾. На сколько Екатерина сохранила дурную память о первомъ представителѣ Франціи, съ которымъ она имѣла дѣло, доказываетъ тотъ фактъ, что почти тридцать лѣтъ спустя, когда баронъ Бретель былъ тайнымъ агентомъ Людовика XVI при прусскомъ королѣ, она писала 23-го сентября 1791 года Гримму: «Я знаю барона Бретеля, которому такъ довѣряетъ король, или королева, или они оба; это очень надменный человѣкъ, болѣе жаждущій власти, чѣмъ способный разумно ею пользоваться; онъ будетъ мраченъ и ревнивъ до крайности и станетъ считать полезными только свои мнимыя услуги, которыхъ онъ въ сущности никогда не окажетъ, а между тѣмъ помѣшаетъ другимъ оказать дѣйствительныя услуги своему королю и странѣ»³⁾. Также враждебно императрица относилась и къ его преемнику, Беранже, бывшему только повѣреннымъ въ дѣлахъ, и въ письмѣ къ гр. Панину насчетъ какого-то Митусова саркасти-

¹⁾ Собраніе трактатовъ и конвенцій, томъ IX, стр. 215.

²⁾ Recueil des instructions, t. IX, p. 218.

³⁾ Сборникъ Н. Р. Ист. Общества, томъ 23, стр. 557.

чески замѣчаетъ: «не имѣетъ ли онъ съ французами знакомства и не петиметръ ли онъ, понеже на него показанныя рефлексіи точно суть г. Беранжеровы? Cela rue du moins de lui (по крайней мѣрѣ это имъ пахнетъ)»¹⁾. Слѣдовавшіе затѣмъ: одинъ полномочный министръ маркизъ Боссэ, умершій въ Петербургѣ, и три повѣренныхъ въ дѣлахъ, Россиньоль, аббатъ д'Юсьеръ и Сабатьеръ-де-Кабрѣ, имѣли официальное и тайное порученіе отъ тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ Людовика XV, герцога Шуазеля, всячески противодѣйствовать русскому правительству, въ особенности относительно польскихъ дѣлъ, а потому неудивительно, что ихъ положеніе въ Россіи было самое незавидное, и послѣ паденія Шуазеля Екатерина писала г-жѣ Бьелке: «По истинѣ я такъ мало сержусь на г. Шуазеля, что сожалѣю объ его ссылкѣ; думая дѣлать мнѣ величайшее зло, онъ всегда ошибался... онъ былъ самый вѣтренный человекъ, а его агенты чудовища злобы, но что такое злоба? Она становится смѣшной, когда проявляется въ подобныхъ лицахъ»²⁾. Новый руководитель французской политики герцогъ, Эгильонъ, понялъ всю ошибочность дѣйствій своего предшественника и прямо говорилъ русскому повѣренному въ дѣлахъ, Хотинскому, который заявлялъ, что французское правительство оказало бы большую услугу туркамъ, русскимъ и всему человѣчеству, посовѣтовавъ первымъ быть поуступчивѣе: «Какъ можемъ мы подать туркамъ такой совѣтъ, когда мы же подстрекали ихъ. Вотъ до чего довели насъ ковы Шуазеля, тогда какъ, по положенію обѣихъ монархій, онѣ созданы, чтобъ жить въ дружбѣ къ обоюдной вашей и нашей пользѣ»³⁾. Поэтому и новому посланнику въ Петербургѣ Дюрану было поручено стараться устранить существовавшую холодность отношеній между обоими дворами; но это ему не удалось, благодаря тогдашнимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ по случаю перваго раздѣла Польши. Во время пребыванія въ Россіи этого опытнаго дипломата произошелъ совершенно рѣзкій переворотъ иностранной политики Франціи не только по вѣнжности, но и по существу: Людовикъ XV умеръ, и на престолъ вошелъ Людовикъ XVI, который сдѣлалъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графа Гравье-де-Вержена, и Дюрана, всетаки, пропитаннаго идеей борьбы съ русскимъ вліяніемъ въ Европѣ, замѣнилъ маркизомъ Жюинье. Наступила новая эпоха въ отношеніяхъ между двумя государствами, и Екатерина писала Гримму 30 іюня и 16 августа 1775 г.: «Вашъ Жюинье пріѣхалъ. Я видѣла его вчера. Этотъ не кажется вѣтраннымъ... Молю Бога, чтобъ онъ возвысилъ его умъ надъ пустыми грезами, горячечнымъ бредомъ, тяжелыми клеветами, глу-

¹⁾ Сборникъ И. Р. Ист. Общества, томъ X, стр. 247.

²⁾ Сборникъ И. Р. Ист. Общества, томъ XIII стр. 62.

³⁾ Recueil des instructions, t. IX, p. 284.

постями и разстройствомъ политическаго мозга его предшественниковъ, а главное предохранилъ его отъ постоянной болтовни послѣдняго и горечи, желчи, мрачной ипохондріи той мелкой министерской дряни (sanaïlle), которая предшествовала имъ обоимъ»¹⁾.

Съ восшествіемъ на престолъ Людовика XVI и переходомъ иностранной политики Франціи въ руки графа Вержена началась ликвидація старыхъ дипломатическихъ традицій и рутинной поддержки вѣковой дружбы съ Польшей, Турціей и Швеціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ столь же рутинной борьбы съ Россіей. Какъ новый король, такъ и его министръ, подчиняясь новымъ вѣяніемъ, побуждавшимъ въ то время европейскія государства выйти изъ прежнихъ политическихъ рамокъ и группироваться согласно національнымъ интересамъ, а не легендарнымъ предразсудкамъ, почувствовали необходимость улучшить отношенія между Франціей и Россіей, съ цѣлью главнымъ образомъ обезпечить если еще не поддержку, то хотя нейтралитетъ великой сѣверной державы въ борьбѣ Франціи съ Англіей, которая находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Россіей. Эта важная политическая перемѣна, конечно, не могла произойти мгновенно тѣмъ болѣе, что Верженъ, бывший прежде посланникомъ въ Константинополѣ, считался нѣкогда яркимъ врагомъ Россіи, и, по словамъ его новѣйшаго біографа Бонневилля де-Марсанжи, онъ въ 1768 году «путемъ ловкихъ подстрекательствъ, постояннаго возбужденія ревности и ненависти Порты, терпѣливыхъ настояній и искусной манипуляціи двинулъ массы турокъ на сѣверъ»²⁾. Поэтому въ инструкціи, данной маркизу Жюинье, Верженъ говоритъ, что «несвоевременно вступать въ политическія связи съ Екатериной, пока не произойдетъ совершеннаго переворота въ ея взглядахъ», но слѣдуетъ «уничтожить ея предразсудки и вражду къ Франціи»³⁾. Задавшись этой цѣлью, маркизь, прежде находившійся въ военной службѣ, дѣйствительно въ продолженіе своего двухлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ не только улучшилъ отношенія между двумя дворами, но сумѣлъ снискать расположеніе Екатерины, хотя его роль въ сущности ограничивалась зоркимъ наблюденіемъ за тѣмъ, что дѣлалось вокругъ него, и онъ не принималъ на себя никакой политической инициативы. Сочувственно предупрежденная въ пользу «благороднаго рыцаря», какъ она называла Жюинье, императрица сначала боялась, чтобы онъ не подпалъ подъ вліяніе «дурныхъ головъ, предшествовавшихъ ему», но чѣмъ онъ долѣе оставался при ней, тѣмъ милостивѣе она относилась къ нему; такъ, въ письмахъ къ Гримму она замѣчала: «этотъ человекъ мнѣ довольно

¹⁾ Сборникъ И. Р. Ист. Общества, томъ 23, стр. 31.

²⁾ Le chevalier de Vergennes. Son ambassade à Constantinople, par Louis Bonneville de Marsangy. Paris. 1894. 2 vol.

³⁾ Recueil des instructions, t. IX, p. 308.

подходить; онъ покладистый, мягкій, хорошаго происхожденія, безъ злобы и мрачныхъ фантазій», «вашъ маркизь человекъ честный и благородный, я полагаю, что онъ не способенъ ко лжи; къ тому же онъ служитъ министерству самому достойному и для исполненія видовъ котораго не надо, кажется, прибѣгать къ желчи и злобѣ», а когда Жюинье былъ вынужденъ, въ виду схваченной имъ лихорадки, вернуться во Францію, то она сохранила о немъ добрую память и высказывала тому же Гримму: «я всегда съ удовольствіемъ слышу его имя, такъ какъ онъ честный человекъ, и онъ именно измѣнилъ здѣсь тонъ своихъ предшественниковъ», а если не приняла его въ русскую службу, не смотря на его просьбу въ 1794 году, то лишь потому, какъ она объясняла Гримму, что «хотя онъ человекъ достойный, но я не знаю его военныхъ качествъ, и онъ, должно быть, очень старъ»¹⁾. Такимъ образомъ первый шагъ къ сближенію между Франціей и Россіей былъ сдѣланъ, хотя еще только были удалены внѣшнія преграды, мѣшавшія подобному сближенію и заключавшіяся въ упорномъ нерасположеніи императрицы и русскаго правительства къ представителямъ этой націи. Преемникъ маркиза Жюинье, хотя бывшій только повѣреннымъ въ дѣлахъ, Бурэ-де-Корберонъ, пошелъ гораздо далѣе по указанному Верженомъ пути и уже перешелъ отъ улучшенія внѣшнихъ связей къ успѣшному сближенію обѣихъ странъ въ существѣ ихъ иностранной политики. Съ его трехлѣтней дипломатической дѣятельностью въ Петербургѣ совпадаютъ три важныхъ политическихъ событія, ясно доказавшихъ, что сближеніе между Россіей и Франціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ удаленіе первой отъ своего стараго союзника Англіи, было совершившимся фактомъ, именно участіе Франціи въ предупрежденіи войны между Россіей и Турціей въ 1777 году, коллективное посредничество Россіи и Франціи для окончанія борьбы между Австріей и Пруссіей, что повело къ заключенію Тешенскаго мира, и объявленіе Екатериной вооруженнаго нейтралитета. Каждое изъ этихъ историческихъ событій представляло такой рѣзкій контрастъ со всей прежней политикой какъ Франціи, такъ и Россіи, и служило такимъ явнымъ подготовленіемъ къ возможности поставить на очередь вопросъ о русско-французскомъ союзѣ, что на нихъ слѣдуетъ остановиться поподробнѣе.

II.

Задумавъ сблизиться съ Россіей, Вержень, какъ ловкій и тонкій дипломатъ, понялъ, что лучшимъ для этого средствомъ было измѣнить политику Франціи относительно Порты и придать ей роль

¹⁾ Сборникъ И. Р. Ист. Общества, т. 23, стр. 28, 34, 38, 70, 200 и 601.

не подстрекательныя турокъ противъ Россіи, а напротивъ примирительныя этихъ двухъ державъ и даже совѣтчицы султана, въ смыслѣ необходимости уступокъ съ его стороны ради избѣжанія новой войны. Удобный случай для такой попытки не прямого посредничества, а дружескаго содѣйствія къ русско-турецкому соглашенію, представилъ стоявшій тогда на очереди вопросъ о новомъ крымскомъ ханѣ, такъ какъ обѣ державы выставляли своего кандидата, и происшедшая отъ этого борьба грозила развиться въ новую войну, которой тогда нимало не желала Екатерина, считая необходимымъ сосредоточить все свое вниманіе на внутреннихъ дѣлахъ. Поэтому французское правительство поручило своему повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ подготовить почву къ мирнымъ переговорамъ, и когда въ концѣ 1777 года оказалось, что Порта высказала на это свое согласіе, то Корберонъ сообщилъ о подобномъ результатѣ графу Панину, руководившему въ то время иностранной политикой Россіи, который, по словамъ донесеній Корберона отъ 10 и 20 марта 1778 года, зналъ уже о дѣйствіяхъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ и высказалъ, что «императрица видѣла съ значительнымъ удовольствіемъ, какой интересъ питаетъ король къ поддержанію мира, считаетъ это новое доказательство добрыхъ намѣреній короля подтвержденіемъ искренности его дружбы и желаетъ, чтобъ представился случай доказать ему свою привязанность» ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русскій посланникъ въ Парижѣ, князь Барятинскій, передалъ Вержену письмо гр. Панина, свидѣтельствовавшее, что императрица была особенно довольна дружескимъ поступкомъ короля въ этомъ отношеніи, а испанскій посланникъ въ Петербургѣ графъ Ласси доносилъ своему правительству, что «Екатерина теперь находится съ версальскимъ дворомъ въ лучшихъ отношеніяхъ, чѣмъ во все свое царствованіе» ²⁾. Конечно, чѣмъ далѣе шли переговоры между Россіей и Турціей на конференціи въ Константинополѣ, созванной по инициативѣ Франціи, тѣмъ эти отношенія все болѣе укрѣплялись, а когда, наконецъ, была заключена 21 марта 1779 года изъяснительная конвенція къ Кучукъ-Кайнарджійскому миру, по которой несогласія между обѣими сторонами были улажены, и крымскимъ ханомъ признанъ русскій кандидатъ, то, по словамъ Корберона, «произошла очень лестная революція въ взглядахъ на насъ петербургскаго двора; всѣ дышали удовольствіемъ и счастьемъ, сердце же Панина было преисполнено радостью» ³⁾, а сама Екатерина писала Гриму 11 апрѣля: «Настоящій годъ—годъ мира, потому что Абдуль-Гамидъ, благодаря добрымъ услугамъ наипрекраснѣйшаго государя Людовика XVI и его

¹⁾ La Diplomatie française et la ligue des Neutres de 1780, par T. Fauchille, p. 63.

²⁾ La Diplomatie française, p. 64.

³⁾ Ibidem, p. 271.

удивительно хорошо выбраннаго министерства, заключилъ съ нами конвенцію, подтверждающую Кайнарджійскій миръ, безъ измѣненія его статей» ¹⁾). Императрица имѣла полное право сказать, что 1779 годъ былъ годомъ мира, потому что черезъ три недѣли послѣ русско-турецкой конвенціи былъ заключенъ Тешенскій миръ между Австріей и Пруссіей, при содѣйствіи Франціи и Россіи, представителями которыхъ были: первой—баронъ Бретель, а послѣдней—посланникъ въ Вѣнѣ, князь Репнинъ. Поводомъ къ двойному русско-французскому посредничеству для окончанія борьбы, начавшейся между Иосифомъ II и Фридрихомъ II изъ-за наслѣдства баварскаго престола, послужило желаніе объ этомъ, выраженное Маріей-Терезіей, послѣ того, какъ русская государыня признала австрійскія притязанія неправильными и пригрозила, въ случаѣ упорнаго настаиванія на нихъ, послать сорока-тысячную армію на помощь своему союзнику, прусскому королю. Екатерина съ удовольствіемъ приняла на себя роль посредницы, и гр. Панинъ тотчасъ написалъ князю Барятинскому: «императрица будетъ очень рада содѣйствовать вмѣстѣ съ королемъ возстановленію мира въ Германіи, и такъ какъ она льститъ себя надеждой, что ея совмѣстное посредничество будетъ не менѣе пріятно королю, то ея императорское величество желала бы, чтобы въ возможно скорѣйшемъ времени установилось между обоими дворами соглашеніе насчетъ способа исполненія взятаго ими на себя обязательствъ» ²⁾). Но дѣло примиренія враждующихъ сторонъ оказалось нелегкимъ и стоило долгихъ усилій посредникамъ, хотя кн. Репнинъ писалъ изъ Тешена гр. Панину: «мнѣ кажется, что нашъ интересъ, наша слава и наше достоинство требуютъ, чтобы мы покончили какъ можно скорѣе это дѣло и тѣмъ утвердили вліяніе нашего двора въ Германіи» ³⁾). Наконецъ мирный трактатъ былъ подписанъ 13-го мая 1779 года, и баварскій престолъ предоставленъ прусскому кандидату, а австрійскій признанъ его наслѣдникомъ. Такимъ образомъ Вержену удалось достигнуть своей цѣли—сблизить Францію съ Россіей и предоставить Людовику XVI и Екатеринѣ роль регулирующей власти въ Европѣ. Конечно, Корберонъ, не смотря на свои молодые годы, принималъ очень дѣятельное участіе какъ въ содѣйствіи Франціи къ примиренію Турціи съ Россіей, такъ и въ русско-французскомъ посредничествѣ въ Германіи, но ему пришлось играть еще болѣе видную роль въ гораздо важнѣйшемъ для его родины дѣлѣ о невмѣшательствѣ Екатерины въ войну между Англіей и Франціей по поводу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и обнародованіи ею деклараціи относительно во-

¹⁾ Сборникъ И. Р. Ист. Общества, томъ 23, стр. 131.

²⁾ La Diplomatie française, pp. 247, 248.

³⁾ Recueil des instructions, t. IX, p. 342.

оруженнаго нейтралитета. Тутъ ему пришлось, отстаивая интересы Франціи, мѣряться силами съ хитрымъ Панинымъ, всемогущимъ Потемкинымъ и необыкновенно ловкимъ интриганомъ, а также однимъ изъ самыхъ даровитыхъ дипломатовъ того времени, англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, Гаррисомъ, впоследствии лордомъ Мальмсбери. Конечно, нельзя сказать, чтобы онъ всегда выходилъ побѣдителемъ изъ этой неравной борьбы, но въ концѣ концовъ, благодаря болѣе обстоятельствамъ, чѣмъ его усиліямъ, цѣль Франціи была достигнута: Екатерина осталась хладнокровной зрительницей англо-франко-испанской войны и создала лигу нейтральныхъ державъ, хотя такомъ видѣ, какого не желали ни французы, ни англичане. Во всякомъ случаѣ этотъ молодой дипломатъ не былъ дюжиннымъ бойцомъ на политической аренѣ, если судить по отзывамъ о немъ Екатерины, называвшей его: «un déterminé voyeur d'esprits» (рѣшительный угадчикъ умовъ), и Гарриса, который съ злобнымъ ехидствомъ временно побѣжденнаго соперника говорить о немъ въ своемъ донесеніи 20-го сентября 1779 года: «я не знаю вновь назначеннаго французскаго посланника, маркиза Верака, но слышалъ, что онъ болѣе любезенъ въ обществѣ, чѣмъ силенъ въ кабинетѣ, но если бы онъ даже снискалъ милости императрицы, то будетъ менѣе опасенъ, чѣмъ теперешній повѣренный въ дѣлахъ, кавалеръ Корберонъ, который, хотя очень посредственныхъ достоинствъ, достигъ, благодаря своему долгому пребыванію въ этой странѣ, свободнаго доступа ко всѣмъ лакеямъ и служащимъ въ большихъ русскихъ домахъ, а такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большое вліяніе на своихъ господъ, то онъ иногда вызывалъ злыхъ духовъ, когда я всего менѣе этого ожидалъ»¹⁾.

Когда возникла война между Франціей и Испаніей съ одной стороны, и Англійей съ другой, по поводу борьбы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ за независимость, то естественно непріатели старались снискать расположеніе Россіи, но въ различной формѣ: Англія добивалась союза съ Россіей и военной ея помощи, а Франція ограничивала свои желанія обезпеченіемъ нейтралитета Россіи. Въ пользу успѣха Англіи говорили ея близкія дружескія отношенія съ Россіей, постоянное расположеніе къ ней самой Екатерины и могущественнаго Потемкина, склонность къ ней, хотя и относительная, гр. Панина, который, поддерживая сѣверную систему, т. е. союзъ Россіи, Пруссіи, Давіи, Швеціи и Польши вмѣстѣ съ Англійей, болѣе питалъ дружбы къ Пруссіи, король которой Фридрихъ II ненавидѣлъ Англію, и ловкость англійскаго посланника Гарриса, который сумѣлъ снискать дружбу Потемкина, не жалѣлъ никакихъ средствъ для успѣха своихъ интригъ и держалъ открытый

¹⁾ Recueil des instructions, t. IX, p. 350.

домъ, что, по словамъ Корберона, «не было лишне при такомъ роскошномъ дворѣ, какъ русскій», тогда какъ онъ самъ «имѣлъ старую, дребезжащую колымагу и двухъ клячъ, недостаточныхъ для его многочисленной ѣзды, и не могъ угостить обѣдомъ пріятеля или нужнаго человѣка»¹⁾. При такихъ условіяхъ завязалась борьба, но вскорѣ Англія увидала съ изумленіемъ, что Екатерина не согласна принять участіе въ войнѣ, съ которой у нея не было ничего общаго, не смотря на свою англomanію, побуждавшую ее писать къ г-жѣ Бьелке: «записка англійскаго посланника (Кейта, состоявшаго прежде при Петербургскомъ, а потомъ при Копенгагенскомъ дворахъ), который называетъ меня своей дорогой императрицей, доставила мнѣ удовольствіе; я такъ привыкла къ дружбѣ англичанъ, что смотрю на каждого изъ нихъ, какъ на лице, желающее мнѣ добра, и дѣйствую, на сколько отъ меня зависитъ, соображаясь съ этимъ»²⁾, не смотря на постоянныя ея завѣренія въ сочувствіи къ Англіи и враждебности къ американцамъ, которыхъ она считала бунтовщиками, хотя въ письмѣ къ Гримму 2-го февраля 1778 г. она очень характерно говоритъ: «Я налагаю на васъ и на себя молчаніе по поводу великаго зрѣлища, представляемаго Америкой, потому что жизнь состоитъ въ противорѣчій съ субстанціей, естественныя стремленія съ ремесломъ, душа съ тѣломъ и т. д.»³⁾. Послѣ нескончаемыхъ переговоровъ и тщетныхъ усилій Гарриса привлечь ее въ лагерь Англіи, она наконецъ прямо объявила, что не только немыслима посылка въ Америку русскаго вспомогательнаго корпуса, но не можетъ быть и рѣчи о заключеніи новаго союза съ Англіей, пока не кончится война, «объектъ которой не принадлежитъ къ обоюднымъ владѣніямъ той и другой державы въ Европѣ»⁴⁾. Въ интимной аудіенціи Гарриса въ сентябрѣ 1779 г. она, доказывая невозможность вмѣшательства Россіи, между прочимъ сказала: «Какое право имѣю я вмѣшиваться въ распрю, которая меня не касается, въ дѣла, мнѣ непонятныя, и въ отношенія дворовъ, весьма отъ меня отдаленныхъ»⁵⁾. Рѣшеніе императрицы держаться абсолютнаго нейтралитета всего рельефнѣе выражено въ инструкціяхъ, данныхъ новому русскому посланнику въ Лондонѣ, Симолину, въ которыхъ между прочимъ очень знаменательно обрисовано улучшеніе отношеній Россіи къ Франціи. «Императрица обязана Франціи,—говорится въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 12-го іюня 1779 г. къ Симолину,—за добрыя при портѣ Оттоманской офиціи къ доведенію до совершенно окончательной развязки нашихъ съ ней распрей, подтвержденіемъ онаго (мира) новою и изъяснительною

¹⁾ La Diplomatie française, p. 58.

²⁾ Сборникъ И. Р. Ист. Общества, томъ 13, стр. 209.

³⁾ Сборникъ И. Р. Ист. Общества, т. 23, стр. 78.

⁴⁾ Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. IX, стр. 293.

⁵⁾ Тамъ же.

конвенціею съ Турціею. Не меньше того обяваны мы и за ту готовность и довѣренность, съ каковыми она поддалась и продолжала съ нами совокупно посредство и разбирательство распрей по бывшимъ въ Германіи замѣпательствамъ по случаю баварскаго наслѣдства... Таковымъ своимъ политическимъ сближеніемъ къ намъ и открыла Франція дверь къ дружескому теперь съ нами сношенію и къ возстановленію добраго согласія, продолженіе коихъ будетъ не только для насъ конечно пріятно, но и для дѣлъ и интересовъ нашихъ полезно». Поэтому Симолину вмѣнялось въ обязанность, «поддерживая старую дружбу съ Англіей и продолжая коммерческое сопряженіе, не показывать, однако же, ни малѣйшей пристрастности въ предосужденіе Франціи, а изъяслять только желаніе о скорѣйшемъ окончаніи нынѣшней между Англіей, Франціей и Гишпаніей войны» ¹⁾. Такимъ образомъ очевидно, что въ числѣ причинъ, побудившихъ Екатерину рѣшиться въ пользу нейтралитета, играли роль и новыя отношенія къ Франціи, но наиболѣе она руководствовалась въ этомъ случаѣ истинными интересами Россіи, которыя стойко поддерживалъ Панинъ, и возникавшимъ въ ея умѣ недовольствомъ противъ Англіи за ея интриги на Востокѣ и все усиливавшіяся «грабительства» и «наглое поведеніе» англійскихъ каперовъ, по выраженію прежняго русскаго посланника въ Лондонѣ, Мусина-Пушкина, отчего страдали торговые интересы Россіи и союзныхъ съ нею государствъ, а также, быть можетъ, и личнымъ раздраженіемъ противъ послѣднихъ англійскихъ посланниковъ въ Петербургѣ, изъ которыхъ лордъ Букингамъ предложилъ канцлеру Воронцову взятку въ 2.000 фунт. стерлинговъ за быстрое заключеніе торговаго трактата ²⁾. Сэръ Джорджъ Макартней, по словамъ депеши Панина къ Мусину-Пушкину отъ 10-го декабря 1767 года, «злоупотребилъ своимъ положеніемъ при дворѣ и соблазнилъ одну изъ фрейлинъ императрицы, принадлежавшую къ хорошему семейству и родители которой занимаютъ высокіе посты» ³⁾, а Гаррисъ надоѣдалъ императрицѣ своей назойливостью относительно заключенія съ Англіей союза и, по ея словамъ, въ письмахъ къ Гримму, былъ «интриганомъ, сплетникомъ и сварливымъ челоѣкомъ» ⁴⁾. Что касается до интригъ англичанъ на востокѣ, то Екатерина еще 3-го марта 1769 года собственноручно написала для руководства гр. Панину, на донесеніи графа Чернышева, тогдашняго посланника въ Лондонѣ: «берегитесь, чтобы эти вертуны-англичане не вздумали навязать вамъ при первомъ случаѣ мнимый миръ, который вы должны будете отвергнуть. Лучше всего бу-

¹⁾ Собраніе трактатовъ, томъ IX, стр. 295.

²⁾ Ibidem, стр. 222.

³⁾ Ibidem, стр. 261.

⁴⁾ Сборникъ И. Р. И. Общества, стр. 237, 439.

детъ просить ихъ не вмѣшиваться такимъ горячимъ образомъ. Друзья и недруги наши уже завидуютъ изъ-за выгодъ, которыя мы можемъ имѣть, и приобрѣтеніе одной только пяди земли на Черномъ морѣ совершенно достаточно для возбужденія зависти англичанъ, которые преслѣдуютъ въ эту минуту мелочные интересы и которые всегда останутся лавочниками»¹⁾. Понимая такъ хорошо своихъ друзей англичанъ, естественно, Екатерина въ особенности негодовала на нихъ за ихъ каперскія продѣлки съ нейтральными судами, и когда они начали хватать одно русское судно за другимъ, отказываясь освободить ихъ и вознаградить за причиненный убытокъ, то она рѣшила положить этому конецъ. Результатомъ подобной рѣшимости былъ знаменитый вооруженный нейтралитетъ.

Исторія происхожденія этого великаго международнаго акта, котораго, по словамъ Фридриха II, въ письмѣ къ д'Аламберу, отъ 22-го іюня 1780 г., «достаточно одного, чтобы сдѣлать имя Екатерины безсмертнымъ»²⁾, составляетъ чрезвычайно любопытный политическій эпизодъ. Какъ Англія открыто, такъ Франція тайно побуждали русское правительство составить лигу нейтральныхъ державъ, съ цѣлью поддержать ихъ интересы, а когда Екатерина дѣйствительно исполнила ихъ желанія, обнародовала декларацію о вооруженномъ нейтралитетѣ 28-го февраля 1780 года и пригласила сѣверныя государства присоединиться къ нему, то оказалось, что онъ составленъ въ пользу не Англіи и не Франціи, а въ пользу истинныхъ интересовъ нейтральныхъ государствъ, начиная съ Россіи, свободы морей и обезпеченія международной торговли. Если же эта мѣра въ сущности нанесла большее пораженіе Англіи и этимъ путемъ послужила къ торжеству Франціи, то, все-таки, послѣдняя, а слѣдовательно ея представители Верженъ и Корберонъ не могли видѣть въ ней своей побѣды, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что идея о лигѣ нейтральныхъ государствъ для достиженія свободы морей возникла во Франціи, и Верженъ всячески старался, но безуспѣшно, чтобы ее примѣнили сѣверныя государства, пока ее самостоятельно не осуществила Екатерина при помощи Павина. Но если французы, ликуя напрасно приписывали себѣ успѣхъ этого великаго дѣла, то Гаррисъ былъ вполне правъ, придя въ отчаяніе отъ неудачи всѣхъ своихъ усилій, доходившихъ до того, что, по словамъ прусскаго посланника въ Петербургѣ, графа Герца, въ депешѣ отъ 21-го сентября 1779 г., онъ кормилъ втеченіе мѣсяца «съ утра до ночи родственниковъ и креатуръ Потемкина, а на подкупы различныхъ лицъ издержалъ 36.000 фунт. стерлинговъ, изъ которыхъ 100.000 рублей внесъ самому Потемкину»³⁾.

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. Общества, т. IX, стр. 280.

²⁾ La Diplomatie française, p. 349.

³⁾ Ibidem, p. 293.

Справедливо ли это извѣстiе, или нѣтъ, но не подлежитъ сомнѣнiю, что Потемкинъ горячо поддерживалъ Гарриса, но, какъ оказалось, неуспѣшно, хотя и Корберону удалось снискать его личное расположенiе, что по проницескому его замѣчанiю, стоило ему «прекрасной коллекции эстамповъ»¹⁾. Во всякомъ случаѣ звѣзда Англии, такъ долго блестящая на петербургскомъ небосклонѣ, померкла, и Гаррисъ занемогъ отъ желтухи, по поводу чего Екатерина острила, говоря графу Герцу: «знаете, отчего Гаррисъ боленъ желтухой, вѣроятно, отъ злости»²⁾. Послѣ своего выздоровленiя онъ, однако, добился аудiенци у Екатерины, чтобы испить чашу горечи до дна, и между ними произошелъ знаменательный разговоръ, который Гаррисъ приводитъ цѣликомъ въ своей депешѣ къ лорду Сторманту отъ 24-го декабря 1780 года³⁾. Этотъ разговоръ лучше всего характеризуетъ, при какихъ условiяхъ былъ созданъ вооруженный нейтралитетъ, а потому приведемъ изъ него важнѣйшiя мѣста:

Гаррисъ. Я явился, чтобъ представить, вашему величеству, критическое положенiе, въ которомъ мы находимся, и выразить надежду, что мы не лишились вашей дружбы.

Императрица. Вы знаете, что я люблю вашу нацию; мои чувства къ ней искренны и неизмѣнны, но я встрѣтила такъ мало сочувствiя въ васъ, что, право, думаю болѣе не считать васъ въ числѣ своихъ друзей.

Гаррисъ. Наши враги сумѣли до такой степени обратить все дѣйствiя вашего величества въ свою пользу, что теперь въ Лондонѣ вѣрятъ вашему вступленiю въ тайное соглашенiе съ Францiей, съ цѣлью рѣшить судьбу войны.

Императрица. Даю вамъ мое императорское слово, что никогда не имѣла склонности къ французамъ и никогда не буду ея имѣть, но я должна сознаться, что они оказали мнѣ гораздо болѣе вниманiя, чѣмъ вы.

Гаррисъ. Они дѣйствовали только въ своихъ интересахъ, и ихъ политика всегда подозрительна, а потому ваше величество, конечно, не сравните ихъ готовность принять вашъ проектъ вооруженнаго нейтралитета съ тѣми доказательствами нашей искренней дружбы, которыя мы представили вашему величеству во время турецкой войны.

Императрица. Я признаю оказанныя вами мнѣ услуги и желала бы вамъ помочь. Но вы не хотите имѣть друзей. Вы такъ сдержаны, *si raides*, вы не оказываете мнѣ довѣрiя. Вы не хотите миритьсяся.

Гаррисъ. Ваше величество такъ не говорили бы, если бы вамъ вѣрно передавали наши чувства.

¹⁾ La Diplomatie Française, p. 246.

²⁾ Ibidem, p. 307.

³⁾ Ibidem, p. 587—594.

«истор. вѣстн.», май, 1894 г., т. LVII.

Императрица. Кто посмѣлъ бы меня обмануть?!

Гаррисъ. Вашъ первый министръ, графъ Панинъ; онъ самый опасный изъ нашихъ враговъ.

Императрица. Онъ перестанетъ быть моимъ министромъ сію минуту, если онъ меня обманываетъ.

Гаррисъ. Онъ, очевидно, къ этому стремится; онъ далъ клятву посѣять раздоръ между нашими двумя націями; имъ вполнѣ руководитъ интрига, и онъ желаетъ только одного — соединить Россію съ Франціей, и съ этой цѣлью онъ находится въ полномъ соглашеніи съ версальскимъ представителемъ.

Императрица. Не бойтесь, это не имѣетъ никакого значенія; я основательно знаю Панина; его интриги на меня не дѣйствуютъ, я не ребенокъ; никто не можетъ мнѣ помѣшать дѣлать то, что я хочу; я вижу ясно.

Гаррисъ. Ваше величество не видите, что у васъ происходитъ; графъ Панинъ покровительствуетъ французской партіи; онъ ее поддерживаетъ и вмѣстѣ служитъ болѣе прускому королю, чѣмъ вамъ. Онъ предложилъ ему пристать къ вооруженному нейтралитету.

Императрица. Я очень была бы рада, еслибъ король это сдѣлалъ; я поддерживаю свой проектъ и нахожу его полезнымъ.

Гаррисъ. Говорятъ (но я боюсь оскорбить ваше величество), что это проектъ французовъ, и что вашъ былъ совершенно иной.

Императрица. Отвратительная ложь! Вы должны знать, что я могу платить любезностью за любезность, но что я никогда не буду питать къ нимъ довѣрія. Но какой вредъ вамъ дѣлаетъ этотъ вооруженный нейтралитетъ, или, лучше сказать, это вооруженное ничтожество (*cette nuleté armée*).

Гаррисъ. Всякаго рода вредъ.

Императрица. Вы мѣшаете моей торговлѣ; вы захватываете мои суда; я придаю этому громадное значеніе, я считаю мою торговлю моимъ дѣтищемъ, и вы еще хотите, чтобъ я не сердилась.

Гаррисъ. И въ этомъ отношеніи ваше величество введены въ обманъ.

Императрица. Не будемъ объ этомъ болѣе говорить, мы поссоримся. Будьте со мной откровенны, будьте довѣрчивы, заключите миръ. Я другъ Англій по влеченію и по интересу... Но если вашъ дворъ будетъ попрежнему выражать относительно меня равнодушіе, сдержанность, надменность, то я болѣе ни во что не вмѣшиваюсь.

Гаррисъ. Ваша бесѣда дѣлаетъ мнѣ величайшую честь, и я вижу, что вы еще не предались нашимъ врагамъ.

Императрица. Я никогда не буду ихъ другомъ и никогда не перестану быть вашимъ, развѣ вы меня къ этому вынудите.

Когда происходилъ этотъ историческій разговоръ, то уже Корберонъ удалился изъ Петербурга и уступилъ свое мѣсто маркизу

Вераку, назначенному посланникомъ. При первомъ извѣстїи о выборѣ новаго представителя Франціи, Екатерина писала Гримму: «Веракъ будетъ радушно встрѣченъ, особенно avec le tembre графа Морепа; вы знаете, что я думаю о всѣхъ, занимающихъ первыя мѣста въ благословенное царствованіе Людовика XVI»¹⁾, но впослѣдствїи тому же Гримму она высказывала откровенно: «Я никогда не сомнѣвалась, что у Гарриса больше ума, чѣмъ у Верака, у котораго вовсе его нѣтъ»²⁾. Онъ три года пробылъ въ Петербургѣ и, не смотря на то, что не выказывалъ особыхъ дипломатическихъ талантовъ, и что Панинъ, склонявшійся тогда въ пользу Франціи изъ развившейся въ немъ ненависти къ Гаррису и Англїи, былъ замѣненъ графомъ Остерманомъ, въ это время сближеніе Россїи съ Франціей быстро развивалось, благодаря обстоятельствамъ и умной политикѣ Вержена. Даже пламенный англофилъ Потемкинъ сталъ благоволить къ Франціи, которой удалось еще оказать услугу Екатеринѣ, содѣйствуя присоединенію къ лигѣ нейтральныхъ государствъ: Пруссїи, Австріи, Швеціи, Голландїи и Португалїи. Въ свою очередь Екатерина принадлежала инициатива мира между Франціей и Англїей, который и заключенъ въ Версалѣ въ 1783 году. Но когда Россїя присоединила себѣ Крымъ, то Вержень не выдержалъ столь долго и съ такимъ успѣхомъ разыгрываемой имъ роли друга Россїи и, вспомнивъ свои прежніе подвиги въ Константинополѣ, вздумалъ тайно интриговать противъ русскихъ интересовъ и даже вошелъ въ сношенїя съ Англїей, но совершенно безуспѣшно. Впрочемъ Веракъ и французскій посланникъ въ Константинополѣ Сень-При, за свою дѣятельность въ прежнемъ сочувственномъ духѣ къ Россїи, потеряли свои мѣста, и въ продолженіе двухъ лѣтъ въ Петербургѣ не было посланника, должность котораго исполняли повѣренные въ дѣлахъ, Кальяръ и Колинъберъ, а Екатерина видимо будировала версальскій дворъ.

Въ такомъ положенїи находились дѣла, когда Вержень надумался въ 1785 году снова сблизиться съ Россїей, и для этой цѣли назначилъ посланникомъ графа Сегюра. Съ появленїемъ въ Петербургѣ «хорошенькаго француза», а затѣмъ съ прїѣздомъ въ Россїю и принца Нассау-Зигена, начинается новая эпоха въ сношенїяхъ между Франціей и Россїей,—эпоха, когда уже дѣло идетъ не объ одномъ сближенїи, а о русско-французскомъ союзѣ. Эта идея была въ то время вовсе не такой странной и фантастичной, какъ бы казалось, судя по оффиціальнымъ отношенїямъ обоихъ правительствъ, такъ какъ именно тогда сочувствїе между французами и русскими достигло своего апогея. Относительно франкоманїи образованныхъ русскихъ классовъ во второй половинѣ XVIII столѣтїя

¹⁾ Сборникъ И. Р. Ист. Общества, т. IX, стр. 154.

²⁾ Ibidem, стр. 431.

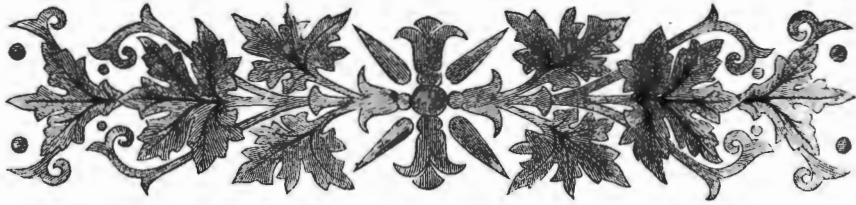
еще англійскій посланникъ въ Петербургѣ, лордъ Букингамъ, говорилъ, что «всѣ весьма пристрастны къ французской націи, обычаями и языкомъ которой они приучены восхищаться, вслѣдствіе даннаго имъ воспитанія, и только одна императрица питаетъ глубокое отвращеніе къ французской націи (she has an original rooted aversion to the french nation) ¹⁾. Но какъ бы ни относилась Екатерина къ французской націи вообще, она поддерживала самыя дружескія отношенія съ передовыми мыслителями Франціи, которые въ благодарность за ея милости устраивали ей, по мѣткому выраженію Вандаля, колоссальную рекламу. Ихъ восторженный культъ Сѣверной Семирамиды незамѣтно передавался всѣмъ ихъ соотечественникамъ, и въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Россія была въ такой же модѣ въ Парижѣ, какъ теперь. На театрахъ давали пьесы съ русскими сюжетами: «Pierre le Grand» — Дора, «Mensikoff» — Ла-Гарпа и т. д.; на вывѣскахъ красовались надписи: «Hôtel de Russie», «Café du Nord», «A L'Imperatrice de Russie», «Au Russe Galant» и тому подобныя. Гриммъ упоминаетъ о свирѣпствовавшей тогда эпидеміи подъ названіемъ: «Catharinen-Sucht» или «Nord-Minerve-Krankheit». Во время посѣщенія Парижа въ 1782 году наслѣдникомъ русскаго престола и его женой, дворъ и весь городъ лѣзли изъ кожи, чтобы достойно принять дорогихъ гостей, и этотъ радушный приѣмъ не ограничивался только столицей и официальными сферами, а какъ свидѣтельствуемъ недавно изданное Векленомъ описаніе, тогдашнимъ торговымъ старшиной Ліона, празднествъ въ этомъ городѣ по случаю пребыванія тамъ великаго князя Павла Петровича съ женой отъ 7-го по 13-е мая 1782 г., вся Франція раздѣляла руссофильскія чувства. Изъ всего этого видно, что идея о русско-французскомъ союзѣ не была официальной мечтой досужихъ дипломатовъ, а имѣла подъ собою твердую почву въ международныхъ симпатіяхъ обѣихъ націй, по крайней мѣрѣ, ея образованныхъ классовъ.

В. Тимирязевъ.

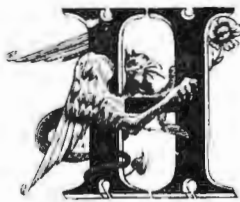
(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

¹⁾ Собраніе трактатовъ, томъ IX, стр. 221.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И КНЯЗЬ МЕНШИКОВЪ ВЪ ГАМБУРГѢ ВЪ 1713 Г

ИДАВНО появилась въ сборникѣ, издаваемомъ въ Гамбургѣ («Jahrbuch der Hamburg'sischen wissenschaftlichen Anstalten»), монографія профессора Адольфа Вольвиля (Wohlwill) о чумѣ свирѣпствовавшей въ Гамбургѣ въ 1712—1714 гг. (Hamburg während der Pestjahre 1712—1714; Hambourg, 1893, 118 стр. in—4°). Въ этомъ трудѣ, при составленіи котораго авторъ пользовался документами разныхъ архивовъ въ Гамбургѣ, Любекѣ, Бременѣ, Берлинѣ, Ганноверѣ, Дрезденѣ, Копенгагенѣ, Вѣнѣ и пр., встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія о Петрѣ Великомъ и князѣ Меншиковѣ, находившихся въ Гамбургѣ въ началѣ 1713 года.

Въ моей монографіи «Путешествія Петра Великаго за границу въ 1711 до 1717 гг.», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (т. СL—СLII, 1880—1881), я могъ сообщить лишь немногія данныя объ этомъ пребываніи Петра въ Гамбургѣ. Онъ прибылъ туда вмѣстѣ съ Меншиковымъ послѣ того, какъ шведы, разоривъ Альтону, отступили въ Голштинію. Въ Гамбургѣ Петръ жилъ у русскаго резидента Беттигера и былъ въ гостяхъ у голландскаго купца Франца Поппа и у англійскаго резидента.

Русскія войска стояли близъ Гамбурга по деревнямъ; царь осмотрѣлъ укрѣпленія города, былъ на чужестранныхъ торговыхъ корабляхъ, посѣтилъ развалины несчастнаго города Альтоны и затѣмъ отправился въ Голштинію, гдѣ происходили военныя событія, и гдѣ, напримѣръ, при Фридрихштадтѣ, онъ лично руководилъ военными дѣйствіями.

Вотъ все, что пока было извѣстно объ этомъ пребываніи Петра въ Гамбургѣ. Въ монографіи профессора Вольвиля разсказаны слѣдующія любопытныя подробности, касающіяся этого эпизода.

Въ Гамбургѣ царь и Меншиковъ были приняты самымъ торжественнымъ образомъ. Его считали какъ бы союзникомъ въ борьбѣ противъ Швеціи. Событія Сѣверной войны, Полтавская битва, вмѣшательство Петра въ дѣла Германіи, доставили ему громадное значеніе въ Европѣ. Къ тому же, гамбургскіе купцы находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россією, и ихъ коммерческіе обороты, особенно во время царствованія Петра, представляли значительныя выгоды. Благодаря этому, начальство города относилось къ Петру и къ русскимъ войскамъ особенно осторожно, не смотря на то, что русскія войска, занявъ окрестности города, обращались съ жителями деревень безцеремонно и поступали тамъ, какъ въ странѣ завоеванной. Въ Гамбургѣ опасались занятія самаго города русскими, и поэтому, при всемъ вниманіи, оказанномъ Петру и Меншикову, были приняты мѣры для защиты города. Кромѣ гарнизона, для этой цѣли была сформирована изъ гражданъ милиція.

Дѣло въ томъ, что незадолго до прибытія въ Гамбургъ Петра между нимъ и правительствомъ Гамбурга происходили столкновенія. Петръ неоднократно обвинялъ гамбургцевъ въ поддержкѣ шведовъ и, кромѣ того, былъ сильно раздраженъ появленіемъ въ Гамбургѣ памфлетовъ, направленныхъ противъ Россіи. Сенатъ города оправдывался тѣмъ, что не имѣетъ возможности препятствовать выходкамъ писателей и журналистовъ. Петръ въ 1705 г. грозилъ даже наказать проживающихъ въ Россіи гамбургцевъ въ случаѣ появленія въ гамбургскихъ газетахъ нападеній на Россію. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого, одинъ изъ гамбургскихъ купцовъ былъ арестованъ въ Россіи, вельдствие того, что въ гамбургской газетѣ «Nordischer Mercurius» появилась какая-то статья, въ которой заключались нападки на Россію. Къ тому же Петръ требовалъ, чтобы авторы такихъ статей были въ Гамбургѣ подвергнуты тѣлесному наказанію и высланы изъ города¹⁾. Понятно, что сенатъ не считалъ возможнымъ исполнить буквально строгія требованія Петра. Однако, всетаки, было сдѣлано внушеніе всѣмъ книгопродавцамъ, типографщикамъ и газетчикамъ воздерживаться отъ попытокъ оскорбленія коронованныхъ лицъ.

Не даромъ Петръ былъ сильно раздраженъ нападеніями на Россію въ нѣмецкой печати. Нуждаясь въ сотрудничествѣ иностранцевъ въ дѣлѣ преобразования, онъ былъ крайне недоволенъ публицистами, старавшимися выставить Россію въ невыгодномъ свѣтѣ. Брошюра Нейгебауера: «Посланіе знатнаго нѣмецкаго офицера къ одному вельможѣ о гнусныхъ поступкахъ москвитянъ съ чужестранными офицерами», явилась въ разныхъ изданіяхъ; ее систематически распространяли за границу; именно въ Гамбургѣ ее

¹⁾ Латинскій переводъ письма Петра къ сенату въ Гамбургѣ находится въ Гамбургскомъ архивѣ.

разносили бесплатно по домамъ ¹⁾). Петръ не могъ относиться равнодушно къ этому литературному эпизоду; онъ долженъ былъ придавать значеніе господствовавшимъ на западѣ мнѣніямъ о Россіи. Слишкомъ неблагопріятные отзывы, чрезмѣрно невыгодные взгляды, могли препятствовать сближенію Россіи съ Западною Европою, лишить Россію средствъ для дальнѣйшаго развитія. Вотъ почему онъ поручилъ Гюйсену (Huyssen) возражать на выходку Нейгебауера и, такимъ образомъ, положилъ начало, такъ сказать, русской оффиціозной печати въ Западной Европѣ. Когда, въ 1712 году, тотъ самый Роганъ-Фридрихъ Беттигеръ, который съ 1709-го года былъ русскимъ резидентомъ въ Гамбургѣ, былъ назначенъ русскимъ дипломатомъ при «нижнесаксонскомъ округѣ», ему было вмѣнено въ обязанность энергично дѣйствовать противъ враждебной Россіи печати.

Былъ еще другой поводъ къ непріятностямъ между Россіею и Гамбургомъ. Петръ обвинялъ гамбургцевъ въ 1708 году въ томъ, что у нихъ происходило вербованіе солдатъ для шведскаго войска. Сенатъ, сознавая справедливость обвиненія, оправдывался тѣмъ, что король шведскій въ качествѣ герцога Бременскаго и владѣльца другихъ территорій въ Германской имперіи имѣлъ полное право вербовать солдатъ и въ Гамбургѣ.

Наконецъ, еще наканунѣ пріѣзда Петра въ Гамбургъ, случилась непріятность съ нѣкоторыми русскими путешественниками, ограбленными шведскими солдатами на глазахъ гамбургскаго гарнизона. У этихъ путешественниковъ шведскіе солдаты отняли наличныя деньги и векселя на сумму 120.000 червонцевъ. Меншиковъ, утверждая, что гамбургская стража не только не защитила русскихъ путешественниковъ, но даже смѣялась, смотря на неистовое обращеніе съ ними шведовъ, требовалъ вознагражденія за потерю векселей, тогда какъ сенатъ, на основаніи тщательнаго разбора этого случая, доказывалъ, что было отнято не болѣе 300—400 червонцевъ, и что никакихъ векселей не было.

Кромѣ того, 20-го марта 1713 года, въ самомъ Гамбургѣ произошло слѣдующее. Находившійся въ русской службѣ баронъ Лёвенвольде намѣревался было въ экипажѣ выѣхать изъ города. У воротъ (Altonaer Thor) его задержали и сдѣлали ему внушеніе за то, что онъ не спустилъ окна кареты, между тѣмъ какъ это было вмѣнено въ обязанность всѣмъ проѣзжающимъ для лучшаго контроля въ виду опасности отъ чумы. Лёвенвольде упрямился, спорилъ, ругалъ полицейскихъ офицеровъ и гамбургское начальство, грозилъ прислать 600 русскихъ солдатъ и кнутомъ наказать виновниковъ нанесеннаго ему оскорбленія. Наконецъ, онъ выскочилъ изъ кареты и намѣревался ударить одного изъ офицеровъ палкою.

¹⁾ См. мое соч. о Петрѣ Великомъ, стр. 225.

Благодаря этому, баронъ Лёвенвольде, генераль-адъютантъ Петра, былъ арестованъ и отправленъ на гауптвахту. Тогда только узнали, съ кѣмъ имѣли дѣло. Русскій резидентъ Беттигеръ, узнавъ объ этомъ происшествіи, тотчасъ же потребовалъ освобожденія барона Лёвенвольде, который прямо съ гауптвахты отправился къ бюргермейстеру Бостелю, требуя полного удовлетворенія. Документы, относящіеся къ этому эпизоду, находятся въ гамбургскомъ архивѣ. Лёвенвольде грозилъ сенату страшнымъ гнѣвомъ Петра; сенатъ же въ письмѣ къ князю Меншикову доказывалъ, что стража у городскихъ воротъ дѣйствовала на основаніи законныхъ предписаній и пр.

Городъ Гамбургъ находился въ то время въ крайне опасномъ положеніи. Каждую минуту можно было ожидать, что Меншиковъ, пользуясь пребываніемъ русскихъ войскъ въ окрестностяхъ Гамбурга, станетъ мстить гамбургцамъ за всѣ вышеозначенныя обиды. Такъ и вышло. Князь 23-го мая (3-го іюня) 1713 года велѣлъ передать сенату чрезъ русскаго резидента посланіе, въ которомъ заключалось рѣзкое обвиненіе въ томъ, что городъ Гамбургъ относится «къ русскому народу недружелюбно». Въ разныхъ параграфахъ этого письма князь упрекалъ жителей города въ неблагоприятныхъ поступкахъ въ дѣлахъ печати, въ эпизодѣ съ ограбленными путешественниками и съ барономъ Лёвенвольде и пр. Далѣе Меншиковъ выставлялъ на видъ, будто 20.000 ружей, принадлежавшихъ русскому войску, благодаря измѣнѣ гамбургцевъ, попали въ руки шведовъ. Въ заключеніе письма, князь требовалъ отъ имени Петра удовлетворенія и полного вознагражденія за всѣ понесенные при разныхъ случаяхъ убытки. Меншиковъ говорилъ о самыхъ крайнихъ мѣрахъ, въ случаѣ неисполненія желаній Петра.

Напрасно сенатъ, составивъ подробную оправдательную записку, представилъ ее князю Меншикову чрезъ двухъ депутатовъ. Меншиковъ, не обращая вниманія на аргументацію гамбургцевъ, объявилъ, что если до 12-го іюня сумма 400.000 талеровъ не будетъ отдана русскому резиденту Беттигеру, русское войско займетъ всѣ окрестности Гамбурга, принадлежащія этому городу.

Какъ всегда бывало въ такихъ обстоятельствахъ, гамбургскій сенатъ обратился къ находившимся тамъ дипломатамъ разныхъ державъ съ мольбою о защитѣ. Ганноверскій резидентъ Графе доносилъ тогда своему правительству: «Сильнѣйшій аргументъ русскихъ заключается въ находящихся въ ихъ распоряженіи 25.000 человекъ войска. Безъ этого было бы совсѣмъ не трудно доказать всю несостоятельность ихъ обвиненій и требованій». Въ средѣ дипломатовъ образъ дѣйствій Меншикова вызвалъ общее негодованіе. Датскій посланникъ Гагедорнъ находилъ, что особенно громадность суммы, требуемой княземъ, достойна порицанія; онъ за-

мѣтилъ, что городъ не будетъ въ состояніи заплатить столько денегъ. Императорскій дипломатъ Шенборнъ совѣтовалъ сенату прямо отказать въ платежѣ означенной суммы денегъ. Онъ же обѣщаль, что со стороны императора Карла VI будетъ сдѣлано все, что только возможно, для спасенія города. Ему казалось, что императоръ долженъ заботиться о Гамбургѣ въ виду того, что иначе не можетъ разсчитывать на привязанность жителей этого города къ имперіи. Шенборнъ лично бесѣдовалъ съ княземъ Меншиковымъ объ этомъ дѣлѣ, протестуя отъ имени Карла VI противъ произвола князя въ обращеніи съ Гамбургомъ. Далѣе онъ выставлялъ на видъ, что не слѣдуетъ раздражать жителей города ради болѣе удобнаго продовольствія русскаго войска. Меншиковъ возразилъ Шенборну, что въ крайнемъ случаѣ можетъ разсчитывать на помощь датской артиллеріи, посредствомъ которой онъ легко успѣетъ «образумить» магистратъ города Гамбурга. Угроза Меншикова была хвастовствомъ, потому что представитель Даніи, Гагедорнъ, по порученію своего правительства, предлагалъ посредничество Даніи въ спорѣ Меншикова съ Гамбургомъ.

Въ Гамбургѣ серьезно думали о самыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ на случай разрыва. Однако, городъ не могъ надѣяться на помощь какихъ либо союзниковъ. Пруссія въ это время не могла поддерживать Гамбургъ въ борьбѣ противъ Меншикова. Король Фридрихъ-Вильгельмъ I, только что (въ февралѣ этого же года) вступившій на престолъ, не могъ не дорожить благоприятными отношеніями съ Россією. Поэтому Берлинскій кабинетъ, впрочемъ сильно порицавшій образъ дѣйствій Меншикова, не думалъ о принятіи мѣръ въ пользу Гамбурга.

Благодаря этому, начались переговоры о суммѣ контрибуціи, требуемой княземъ Меншиковымъ. Былъ заключенъ по этому поводу договоръ въ Вандсбекѣ. Городъ согласился заплатить 200.000 талеровъ и получилъ за это удостовѣреніе, что всѣ жалобы будутъ преданы забвенію, а прежнія торговые права гамбургскихъ купцовъ въ Россіи восстановлены ¹⁾.

Изъ документовъ, хранящихся въ Гамбургскомъ архивѣ, видно, что всѣ расходы по поводу «московскаго дѣла» (*wegen der moscovitischen Affaire*) составляли сумму 390.000 марокъ, и что князю Меншикову при этомъ былъ поднесенъ подарокъ въ размѣрѣ 60.000 марокъ.

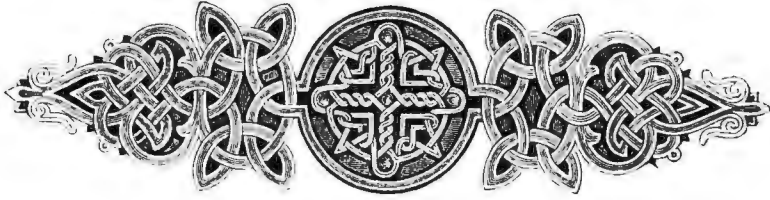
Не зная о соглашеніи, состоявшемся между городомъ Гамбургомъ и Меншиковымъ, Карлъ VI, раздраженный извѣстіями, по-

¹⁾ Договоръ напечатанъ въ изданіи проф. Мартенса *Recueil des traités et conventions conclus par la Russie avec les puissances étrangères*, V, стр. 79 и слѣдующ. Въ введеніи г. Мартенсъ указываетъ кратко на событія, предшествовавшія договору.

лученными имъ отъ Шенборна, думалъ о принятіи рѣшительныхъ мѣръ противъ князя. Въ качествѣ главы имперіи, онъ предписалъ прусскому королю, ганноверскому курфюрсту и герцогу брауншвейгскому, въ случаѣ надобности, дѣйствовать вооруженною рукою противъ Меншикова. Нельзя, однако, считать вѣроятнымъ, чтобы городъ Гамбургъ могъ надѣяться на эту помощь. Распоряженія германскаго императора обыкновенно оставались на бумагѣ. Въ посланіи Карла VI въ пользу Гамбурга сказано, что нужно оказать помощь этому городу, дабы «не могло казаться, что можно безнаказанно нарушать права и законы въ Германіи». Все это оказалось пустыми словами. Фактическая власть находилась въ рукахъ князя Меншикова, который, справившись съ Гамбургомъ, принудилъ и любчанъ заплатить значительную сумму денегъ за мнимое нарушеніе интересовъ Россіи.

А. Брикнеръ.

ПРИ НИКОЛАѢ I И ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ IV.

ЕСТЬ ЛѢТЪ тому назадъ умеръ восьмидесяти-лѣтнимъ старикомъ, въ своемъ помѣстьи Кунерсдорфъ, въ Силезіи, писатель и дипломатъ Теодоръ Бернгарди, принадлежащій къ небольшому числу нѣмцевъ, если не рожденныхъ въ Россіи, то получившихъ здѣсь образованіе и прожившихъ молодость въ Петербургѣ. Ученыя и литературныя произведенія его не отличаются особенными достоинствами, государственныя заслуги не важны, но онъ вращался въ кругу современныхъ дѣятелей и былъ близокъ со многими извѣстными личностями. Какъ умный человѣкъ, онъ дѣлалъ вѣрную оцѣнку событій своего времени, высказывалъ мѣткія сужденія о многихъ лицахъ и вносилъ свои сужденія въ дневникъ, появившійся теперь въ свѣтъ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Этотъ объемистый томъ составленъ для печати не самимъ авторомъ; рассказъ ведется другимъ лицомъ, приводящимъ только письма и выписки изъ дневника отъ 1834 по 1857 годъ. Это — только выдержки изъ обширнаго матеріала, и составитель книги поступилъ вполне рационально, не передавая потомству всего, что сообщалъ достаточно плодovitый авторъ. Можно было бы даже оставить въ портфель многое изъ того, что является въ книгѣ, гдѣ встрѣчаются подробности, интересныя развѣ для однихъ нѣмцевъ, придающихъ уже чрезчуръ много значенія Бернгарди, какъ историку и политико-экономисту. Главнымъ трудомъ его считается «Исторія Россіи и европейской политики отъ 1814 до 1831 года», первый томъ которой явился въ 1863 г., а послѣдній, третій, въ 1877 г. Въ первомъ и въ началѣ второго о Россіи говорится не больше, чѣмъ о другихъ европейскихъ государствахъ, затѣмъ исторія Россіи до

1814 г. рассказана по Карамзину и другимъ, но не новѣйшимъ источникамъ. Событія изложены безпристрастно, но передаются и анекдоты въ родѣ открытія Карамзинымъ, что Лжедмитрій былъ не самозванецъ, а настоящій сынъ Ивана IV, и что Александръ I запретилъ обнародовать это открытіе. Знакомый съ Кругомъ, Кунникомъ и другими русскими нѣмцами, Бернгарди тщательно собиралъ толки петербургскаго общества и вносилъ ихъ въ свою исторію. Лучше всего онъ изложилъ войну съ Наполеономъ и считается вообще знаткомъ военнаго дѣла. Въ 1866 г. онъ былъ посланъ Пруссіей, въ званіи военнаго уполномоченнаго, въ Италію, съ цѣлью побудить вялаго Ламармору вести болѣе энергично войну противъ Австріи. Военнымъ агентомъ былъ онъ потомъ въ Испаніи и Португаліи. Два тома написалъ онъ о Фридрихѣ II, какъ о полководцѣ, и четыре о достопамятныхъ дѣлахъ графа Толя, не совершившаго ничего особенно достопамятнаго. Но Толь былъ нѣмецъ—и этого было достаточно для его прославленія. Высоко ставя заслуги Бернгарди и въ политической экономіи, нѣмцы называютъ его представителемъ нѣмецко-русской школы, основанной въ началѣ тридцатыхъ годовъ для противодѣйствія англійскому ученію такъ называемой манчестерской школы. Теорію нѣмецко-русской экономической школы, послѣдователями которой были Шлецеръ, Шторхъ, министръ финансовъ Канкринъ, Бернгарди развилъ въ своемъ сочиненіи «Опытъ критики основаній, приводимыхъ въ пользу крупнаго и мелкаго землевладѣнія». Книга эта издана въ Петербургѣ въ 1849 году по распоряженію нѣмецко-русской академіи, но только въ 1874 г. могла явиться въ переводѣ на русскій языкъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Авторъ подробно и основательно разбираетъ системы Сея, Рикардо, Мак-Кюллоха, но собственныя изслѣдованія его началъ землевладѣнія весьма неполны и шатки. Писалъ онъ и о другихъ серьезныхъ и обыденныхъ вопросахъ, но все это не выходитъ изъ уровня заурядной посредственности. Въ мемуарахъ и корреспонденціи его встрѣчаются болѣе замѣчательныя страницы, и мы считаемъ не лишнимъ остановиться на тѣхъ изъ нихъ, которыя ближе относятся къ Россіи.

Бернгарди было 32 года, когда измѣнились его семейныя обстоятельства, и онъ долженъ былъ, послѣ обеспеченной жизни и богатой обстановки, заботиться о своемъ существованіи и пріѣхать въ Россію, къ своему вотчину, эстляндскому помѣщику Кноррингу (о годахъ своей молодости авторъ говорилъ въ первомъ томѣ своихъ записокъ, появившихся два года назадъ). Безъ средствъ, безъ видовъ на будущее, съ однѣми рекомендаціями своего вотчима, Бернгарди прибылъ въ Петербургъ искать мѣста, съ знаніемъ русскаго и французскаго языковъ. Но, конечно, одинъ только нѣмецкій языкъ открылъ ему доступъ въ канцелярію его величества, куда онъ поступилъ на службу на небольшой окладъ. Но Бернгарди зналъ

еще съ дѣтства Бенкендорфа, Толя, Крузенштерна и другихъ подобныхъ имъ русскихъ людей, и этого было достаточно, чтобы надѣяться на ихъ покровительство. Прежде всего онъ пристроился къ центру всякихъ нѣмецкихъ тенденцій и вождедѣній—академіи наукъ, пользовавшейся, по словамъ автора, нѣкоторою независимостью между придворнымъ аристократизмомъ и николаевскимъ бюрократизмомъ. Бернгарди даже говоритъ прямо: «академія, или, точнѣе (genauer), кругъ нѣмецкихъ членовъ ученаго общества, которымъ Россія одолжена лучшею частью своего образованія, а Европа—знакомствомъ съ этою сарматскою равниною». Само собою разумѣется, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и авторъ дневника рассказываетъ, какъ Ломоносовъ «и другіе предтечи сорвавшася съ цѣпи національнаго стремленія славянъ къ поискамъ за великими людьми, старались, хотя и напрасно, стереть съ лица земли этотъ западно-европейскій культурный уголокъ Васильевского острова. Усиліямъ ихъ былъ положенъ предѣлъ высокообразованнымъ и гуманнымъ Александромъ I, а Николай I подтвердилъ это рѣшеніе. Онъ никогда не былъ расположенъ къ либеральнымъ и національнымъ стремленіямъ, а послѣ декабрьскаго возстанія, въ которомъ участвовало высшее русское дворянство, недовѣрчивый повелитель нашелъ достаточныя основанія свалить либерализмъ и націонализмъ въ одинъ горшокъ и смѣшать ихъ съ революционными стремленіями». Бернгарди близко сошелся съ историкомъ Бергомъ, нумизматомъ Кругомъ, изобрѣтателемъ гальванопластики Якоби, математикомъ Фусомъ, натуралистомъ Баромъ, оріенталистомъ Бетлингомъ. Онъ помѣщалъ свои статьи въ запискахъ академіи, одну даже на русскомъ языкѣ: разборъ сочиненія барона Зедлера о военномъ искусствѣ въ среднихъ вѣкахъ.

Любопытный анекдотъ рассказываетъ авторъ объ исторіи 1812 г., написанной Михайловскимъ-Данилевскимъ, по желанію Николая I. Генералъ представилъ свой трудъ въ академію для полученія Демидовской преміи. Бернгарди называетъ эту книгу сборникомъ басенъ, но не за то, что историкъ черезчуръ расхваливаетъ русскихъ, а зачѣмъ бранить нѣмцевъ. Съ этой же точки, конечно, взглянула на книгу и академія, поставленная въ затруднительное положеніе: присудить награду нельзя, но и отказать любимцу государя неловко. Бернгарди написалъ на французскомъ языкѣ разборъ книги, и Кругъ представилъ на усмотрѣніе академіи «статью одного генерала, желавшаго остаться неизвѣстнымъ». Академія согласилась съ довольно рѣзкими, но основательными мнѣніями критика, но, не считая себя компетентною въ дѣлѣ военного искусства, представила разборъ исторіографу Фридриху фон-Шмитту, и тотъ согласился съ критикомъ. Домогательство Михайловскаго-Данилевскаго было отклонено, и академія постановила напечатать разборъ неизвѣстнаго генерала и отзывъ исторіографа. Она могла сдѣлать

это и безъ цензуры, но, всетаки, отправила обѣ статьи министру просвѣщенія, для испрошенія высочайшаго разрѣшенія на напечатаніе ихъ. Уваровъ отвѣчалъ, что не можетъ сдѣлать подобнаго доклада. Тѣмъ это дѣло и кончилось. Бернгарди не разъ доказывалъ, что можно вѣрно судить о военныхъ дѣлахъ, не бывши военнымъ. Въ 1840 г. вышла книга генерала Виллизена «Теорія большой войны». Генералы были отъ нея въ восторгѣ, но нашъ петербургскій нѣмецъ, разбирая ее, высказалъ между прочимъ слѣдующее мнѣніе: «если когда нибудь Виллизенъ будетъ имѣть вліяніе на руководство военными дѣйствіями, это будетъ величайшимъ несчастіемъ». И генераль оказался бездариѣйшимъ главнокомандующимъ въ несчастную шлезвигъ-голстинскую войну.

Составитель мемуаровъ Бернгарди, редактировавшій ихъ для печати и очень много говорящій отъ своего лица, утверждаетъ, что авторъ своею любезностью и веселостью оживлялъ петербургское общество. Но о самомъ обществѣ высказываются весьма нелестныя сужденія: «въ немъ господствовалъ антипатичный тонъ напыщеннаго самодовольства (*suffisanter Selbstzufriedenheit*), прославляющаго, какъ высшее политическое совершенство, размалеванный гробъ государственнаго устройства, основаннаго на страданіяхъ крестьянъ и произволѣ чиновниковъ, или считающаго модную французскую литературу за величайшее созданіе искусства. Въ этомъ обществѣ назывались консерваторами тѣ, кто считалъ прирожденный военный абсолютизмъ единственною жизненною формою государства, патриотами—тѣ, кто читалъ втихомолку памфлетъ «*La Russie envahie par les allemands*», просвѣщенными—тѣ, кто видѣлъ въ «Парижскихъ тайнахъ» Сю послѣднее слово цивилизаціи, безъ предразсудковъ тѣ, кто добывалъ тайкомъ «Россія въ 1839 году» Кюстина и повторялъ преувеличенныя мнѣнія маркиза, что «достаточно Николаю I чихнуть, чтобы въ Испаніи успокоились задорные пѣтухи». Подобныя мнѣнія о русскомъ правленіи и русскомъ обществѣ у этого русскаго чиновника встрѣчаются на каждомъ шагу, и это доказываетъ только въ тысячу первый разъ, что гдѣ бы ни родился нѣмецъ: въ Эстляндіи, Петербургѣ, на Волгѣ, въ Сибири—онъ всегда будетъ считать Германію своимъ настоящимъ отечествомъ, сочувствовать только ея интересамъ, а о Россіи отзываться съ пренебреженіемъ и предубѣжденіемъ.

И между тѣмъ, въ этомъ же обществѣ «легкомысленномъ, живущемъ праздною жизнью», Бернгарди принимали радушно. Но онъ называетъ только своихъ нѣмецкихъ друзей: адмирала Крузенштерна, эстляндскаго графа Толя, генерала Шуберта, даже упомянувъ о г-жѣ Барановой, не забываетъ прибавить, что она была нѣмка изъ Эстляндіи. Чтобы упрочить свое положеніе въ этомъ кругу и жениться на дочери Крузенштерна, онъ началъ писать статьи въ officialный «*Journal de S.-Petersbourg*» и помѣ-

щаль тамъ, подъ редакціею графа Сансе, разсужденія о русскихъ госпиталяхъ, о мануфактурной промышленности и т. п. Но болѣе всего онъ старался попасть съ помощью друзей въ адъюнты академіи и написалъ для этого сочиненіе о русскомъ землевладѣніи. Но книга эта, о которой мы уже говорили, не достигла своей цѣли. Безпристрастный академикъ Кеппенъ, хотъ и нѣмецъ, призналъ трудъ Бернгарди лишеннымъ всякаго научнаго значенія, при полномъ незнаніи статистики. «Дневникъ», напротивъ, расхваливаетъ эту книгу, приводя мнѣнія нѣмецкаго политико-экономиста Ропера и называя Кеппена «камералистомъ старой школы». Кругъ умеръ въ 1844 году и не успѣлъ втиснуть въ академію своего друга, а книга, печатавшаяся съ перерывами, вышла только въ 1848 г., въ самый разгаръ европейскихъ смуть. Но Бернгарди женился, всетаки, на дочери Крузенштерна, написалъ въ дерптской газетѣ «Das Inland» его некрологъ, который только черезъ 33 года могъ явиться и на нѣмецкомъ языкѣ въ томъ видѣ, какъ былъ написанъ: до того были строги даже нѣмецко-русская цензура и князь Меншиковъ, не позволившій сообщать подробностей о путешествіяхъ адмирала. Не очень молодой супругъ (онъ женился 44 лѣтъ) описываетъ свою супругу, какъ поэтическую, богато одаренную натуру.

О событіяхъ 1848 года «въ дневникѣ помѣщаются краткіе, но достойные замѣчанія отзывы», какъ, напримѣръ: «академикъ Шегренъ сообщилъ мнѣ о возстаніи въ Парижѣ. Готовится европейская война, а Германія не готова. Война касается германскихъ интересовъ, а меня не будетъ тамъ! (И объ этомъ больше всего сожалѣть русскій чиновникъ!). Императоръ доволенъ паденіемъ Луи-Филиппа. Великая княгиня Марія спросила, нельзя ли вступить за короля въ извѣстныхъ границахъ. Послѣдовалъ отвѣтъ: за французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови. Деша изъ Парижа получена была принцемъ Александромъ Гессенскимъ на балу князя Юсупова. «Что же, развѣ я не былъ всегда правъ?» — спросилъ государь. Паскевичу уже сулили титулъ графа Парижскаго и утверждали, что Николай I долженъ идти по слѣдамъ своего брата. Противъ войны былъ военный министръ Чернышевъ, неготовый къ мобилизаціи. Гвардейскіе офицеры, узнавъ, что войска не пойдутъ дальше польскихъ деревень, охладили воинственный пылъ. Всѣхъ русскихъ, бывшихъ за границею, вызвали обратно домой. Въ манифестѣ императора—скрытая угроза Германія (до того скрытая, что ее никогда и никто не заподозрѣвалъ). Даже и возможности не предвидится, чтобы хотъ одинъ русскій солдатъ вступилъ на нѣмецкую землю, а вездѣ говорятъ, что всѣ должны пасть въ страхъ на землю. Собрали безсрочно-отпускныхъ, и помѣщики, питавшіе ненависть къ свободнымъ людямъ, требовали, чтобы этихъ людей послали въ авангардъ. Предложенъ былъ конгрессъ изъ трехъ сосѣднихъ монарховъ, но король прусскій отказался въ немъ

участвовать. Это сильно поразило императора». Составитель «Дневника» дополняет это извѣстіе рѣчью Николая I петербургскому дворянству, доставленною предводителемъ его, графомъ Заводовскимъ, и не цитируемую Бернгарди.

Далѣе въ «Дневникѣ» слѣдуютъ такія же отрывочныя новости, часто преувеличенныя, основанныя на слухахъ: въ Кіевѣ крестьяне убили 16 помѣщиковъ; въ Варшавѣ повѣсили двухъ французскихъ эмисаровъ. Фрейлина Брунъ приносила автору извѣстія изъ дворца, но какія не слѣдовало бы и собирать фрейлинѣ. Императоръ былъ раздраженъ и не доволенъ «нашимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV». Какъ хорошъ этотъ «нашъ» король въ «Дневникѣ» русскаго чиновника, продолжавшаго пробираться въ русскую академію! При слухахъ о революціи въ Вѣнѣ, поднялась брань на Радецкаго. Оскаръ I, король шведскій, прислалъ Николаю I письмо, прося его помочь Дави и предлагая прислать 1.200 человекъ войска. Императоръ назвалъ его: molodez. Съ наступленіемъ лѣта и холеры, свѣдѣнія дѣлаются уже совершенно фантастичными: «Ужаснѣ всего открытыя убійства на улицахъ. Полиція потеряла всякую власть, и чернь безпрепятственно и безнаказанно убиваетъ всѣхъ, кого подозрѣваетъ въ отравленіи народа». И тутъ же прибавлено: «на другой же день послѣ одного изъ такихъ убійствъ наказывали шпицрутенами убійцу, причемъ присутствовалъ наслѣдникъ, а потомъ пріѣхалъ и государь». Авторъ усердно собираетъ и повторяетъ самыя нелѣпыя сказки: о томъ, какъ народъ явился передъ Зимнимъ дворцомъ и пожелалъ видѣть государя, а когда тотъ спросилъ, что имъ нужно, они отвѣчали: чтобы прекратилась холера и, кромѣ того, чтобы было «то же», что въ Парижѣ. Имъ приказано было явиться на Царицынъ лугъ, гдѣ ихъ окружили артилерію, и потребовали выдачи зачинщиковъ. Указаны были трое и наказаны шпицрутенами. И Бернгарди не стыдится печатать въ серьезномъ трудѣ подобныя нелѣпости, только прибавляетъ, что ихъ сообщилъ сынъ флигель-адъютанта Паткуль. Другой офицеръ, Павелъ Крузенштернъ, сообщаетъ, что на эскадрѣ, отправленной для демонстраціи и предохраненія отъ холеры въ Копенгагенъ, столько было больныхъ, что линейные корабли могли на маневрахъ стрѣлять только изъ восьми орудій, а Лазаревъ не приказалъ показывать числа заболѣвшихъ во флотѣ, гдѣ всѣ получали одинаковую пищу, и оттого смертность увеличилась. Въ Копенгагенѣ датскихъ солдатъ учили стрѣлять въ цѣль, гдѣ мишенью было сердце прусскаго офицера. И все это сообщается безъ малѣйшаго примѣчанія или сомнѣнія въ невѣрности слуха, а еще раскрашивается подробностями, какъ адмиралъ Лазаревъ, этотъ идеалъ честности и правдивости, негодовалъ (war wüthend), когда капитанъ Шипмаревъ показалъ дѣйствительное число заболѣвшихъ на своемъ кораблѣ, а капитану Караулову, отпра-

влявшемуся въ Гельсингфорсъ, запрещено было высаживать больных на берегъ. И при этомъ приводятся еще жестокия и грубыя слова распоряженія адмирала. Чему же удивляться, если нѣмцы повторяютъ объ насъ дурные слухи, сообщенные имъ такими русскими чиновниками, какъ Бернгарди?

Этотъ «русско-нѣмецкій патриотъ», какъ его называетъ составитель «Дневника», былъ очень недоволенъ развитіемъ ученія Гегеля. Не смотря на запутанныя дѣла Германіи и на шаткое положеніе «несчастнаго» Фридриха-Вильгельма IV, Бернгарди, безъ всякой застѣнчивости, высказываетъ свои желанія о «возстановленіи въ Остзейскомъ краѣ національнаго правленія подъ прусскимъ руководствомъ». Къ этому направлялись всѣ его стремленія. За подавленіе революціи въ Вѣнѣ флигель-адъютантъ баронъ Вильгельмъ Ливенъ повезъ Виндишгрецу андреевскій орденъ, а Телачичу владимірскій. Авторъ находитъ это излишнимъ, такъ какъ «въ Виндишгрецѣ и ему подобныхъ нѣтъ нѣмецкихъ чувствъ. Даже такіе благонамѣренные друзья, какъ генераль Шубертъ, считаютъ невозможнымъ объединеніе Германіи. У нея два главныхъ врага: Австрія и либералы». Того же мнѣнія и артиллерійскій генераль А. Розенъ, «истинно нѣмецкій и расположенный къ Германіи человекъ». Графиня Тизенгаузенъ рассказываетъ, что при дворѣ очень недовольны прусскою конституціею и образомъ дѣйствій короля. Даже самъ авторъ сознается, что Фридрихъ-Вильгельмъ плохо исполняетъ свою роль. О походѣ въ Венгрію собрано также много нелѣпныхъ извѣстій, какъ и о дѣлѣ Петрашевскаго. Авторъ радуется, что тутъ замѣшанъ только одинъ нѣмецъ, а все больше учителя, лицеисты, правовѣды, офицеры. О лицействѣ Беклемішевѣ, арестованномъ въ Ревелѣ за разоблаченіе продѣлокъ ревельскаго магистрата, сообщаются совершенно ложныя свѣдѣнія. Въ томъ, что по окончаніи венгерской войны Францъ-Иосифъ повѣсилъ 13 венгерскихъ генераловъ, Бернгарди обвиняетъ Гильфердинга, «этого извѣстнаго панславистскаго агитатора». Онъ служилъ тогда въ дипломатической канцеляріи Паскевича и отъ его имени написалъ императору письмо съ совѣтомъ не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Это раздражило Франца-Иосифа, и казнь генераловъ была рѣшена, хотя они сдались русскимъ военачальникамъ и считались плѣнниками русскихъ. Въ «Дневникѣ» 1850 года говорится много о реакціонныхъ мѣрахъ, объ угрозахъ Пруссіи, о семи милліонахъ талеровъ, посланныхъ Даніи, о ретроградныхъ поступкахъ Потапова, Бутурлина, Ширинскаго-Шихматова, — все люди въ русскомъ духѣ, нѣмца между ними ни одного. Австрія играла жалкую роль. Шварценбергъ писалъ Паскевичу: «судьба Европы въ вашихъ рукахъ», а комисія, подсчитывавшая военные расходы Россіи въ венгерскій походъ, выводила сумму въ 3 милліона, сумма, за которую не стоило и заниматься, прибавляетъ Бернгарди. Гайнау пи-

саль, что поляковъ въ венгерской арміи 20 тысячъ, а ихъ не оказалось и 1.200. Весь этотъ годъ Бернгарди сокрушался о положеніи Пруссіи и рѣшилъ наконецъ выйти изъ русскаго подданства, «хотя это было нелегко и считалось неблагодарностью». Каковъ былъ этотъ вѣрноподданный, видно ясно изъ его «Дневника». Въ іюлѣ 1851 года онъ уѣхалъ изъ Риги въ Штетинъ, на пароходѣ, съ женою, двумя сыновьями и сестрою жены, дочерью адмирала Крузенштерна, и поселился въ Берлинѣ. Этимъ кончилась его восемнадцати-лѣтняя служба Россіи, и оканчивается первая часть его «Дневника», озаглавленная «Петербургъ при Николаѣ». Вторая часть носитъ названіе «Подъ скипетромъ Фридриха-Вильгельма IV».

Въ новомъ положеніи, съ первыхъ строкъ своего берлинскаго «Дневника» пятидесятилѣтній русскій нѣмецъ открыто выражаетъ удовольствіе, что избавился отъ Россіи, которой прослужилъ 18 лѣтъ, хотя, по счастью, ни до чего не дослужился, государственные и національные порядки которой внушаютъ ему «отвращеніе, глубоко вкоренившееся не только послѣ многолѣтней опытности, но вслѣдствіе нравственныхъ контрастовъ въ возрѣвнн на жизнь и людей, въ виду пустоты русскихъ правящихъ круговъ и всѣхъ пріятностей русскаго общества». При этомъ Бернгарди цитируетъ своего друга, Виктора Гена, также служившаго у насъ учителемъ и бібліотекаремъ въ публичной бібліотекѣ, но не перестававшаго писать пасквили противъ Россіи, за чтѣ нѣсколько разъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ изъ балтійскихъ провинцій и Петербурга, но всегда умѣлъ вернуться и снова пріобрѣсти благосклонность начальства. Этотъ патріотъ своего отечества успѣлъ дослужиться до пенсіи и, выйдя въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, уѣхалъ подѣ старость въ Берлинъ, гдѣ послѣ его смерти издали въ нынѣшнемъ году послѣдній пасквиль его, превосходящій наглостью всѣ его прежнія писанія. И онъ до конца жизни гордился званіемъ русскаго превосходительства. Бернгарди не писалъ пасквилей на Россію, но каждая строка его «Дневника» дышитъ къ ней такою ненавистью, что по неволѣ спрашиваешь себя: да чѣмъ же мы его такъ огорчили? Жалуется онъ, что ему стало тяжело жить, и что, лишивъ свою жену и свояченицу удобствъ петербургской жизни, онъ долженъ теперь вдвойнѣ работать, но «онѣ остались, въ глубинѣ сердца, настоящими эстляндками, гражданками страны, преданной интересамъ своей родины». И его окружаютъ все такіе же непреклонные эстляндцы. Павелъ Реннекампфъ, агентъ нашего министерства финансовъ при посольствѣ въ Берлинѣ, объявляетъ, что онъ ни за что не вернется въ Россію. Приводятся въ дневникѣ бесѣды автора съ устарѣвшимъ писателемъ Лудвигомъ Тикомъ, приходившимся Бернгарди дядею, но въ разговорахъ этихъ нѣтъ ничего выдающагося.

Старикъ находить, что жизнь есть сонъ, племянникъ, что она движется не въ пассивной, а въ реагирующей средѣ. Оба жалуются на слабость короля, который могъ бы играть значительную роль, если бы не былъ такъ безхарактеренъ.

По временамъ авторъ «Дневника» возвращается и къ Россіи, конечно, не для того, чтобы сказать объ ней что нибудь пріятное, а чтобы привести замѣчаніе, что онъ «никогда не видалъ русскаго солдата съ здоровымъ, свѣжимъ цвѣтомъ лица, всегда у нихъ изъ сѣра-желтаго», или повторить сплетни, что солдатъ, собранныхъ въ лагерь въ Вознесенскѣ, плохо кормили, за то пріемный павильонъ былъ устроенъ въ лагерь съ особенною роскошью, по образцу петербургскаго, точно съ такою же обстановкою и мебелью. Лѣтомъ семья Бернгарди лечилась въ Франценсбадѣ, а на зиму онъ поселился въ Веймарѣ, хотя тамъ «вся атмосфера заражена (inficirt) русскимъ духомъ, и очень трудно уберечься отъ сплетней и доносовъ друзей Россіи». Онъ даже упрекаетъ Марію Павловну за то, что хотя она здѣсь уже пятьдесятъ лѣтъ, но считаетъ себя не германскою великою герцогинею, а русскою принцесою и имѣетъ при себѣ русскаго секретаря. Унгернъ-Штернбергъ, русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, совѣтовалъ ему явиться къ русскому посланнику въ Веймарѣ, Мальтицу, спрашивавшему уже про Бернгарди: *est-il bien pensant?* Видѣлъ онъ также и живущаго тамъ Жуковскаго, только что кончившаго свой переводъ Одиссеи. Поэтъ съ одушевленіемъ говорилъ о герцогинѣ и о томъ, что въ Веймарѣ гораздо больше воспоминаній о Гете и Шиллерѣ, чѣмъ во всей остальной Германіи. Былъ Бернгарди и на раутахъ во дворцѣ и замѣтилъ только, что герцогиня страдаетъ глухотою и называла его академикомъ. Познакомился онъ также съ княгинею Витгенштейнъ, рожденною Ивановскою, которая развелась съ сыномъ фельдмаршала, чтобы выйти за піаниста Листа. Маленькая, смуглая, некрасивая, немолодая, болѣзненная полька, заполучившая два миліона въ Россіи, жила въ ожиданіи утвержденія развода, съ длиннымъ, худощавымъ виртуозомъ, добродушнымъ, но не обладающимъ ни свѣтскими манерами, ни блестящимъ образованіемъ. Она называла Листа *cher ange* и увѣряла всѣхъ, что они живутъ только тѣмъ, что онъ зарабатываетъ своимъ искусствомъ. Великій виртуозъ былъ, однако, не маленькимъ интриганомъ и, завидуя успѣхамъ Генріеты Зонтагъ, хотѣлъ помѣшать ея пріѣзду въ Веймаръ, хотя она дала слово герцогинѣ пѣть въ концертѣ общества Гете. Но Листъ подрядилъ молодого капельмейстера Ганса Бюлова написать въ Лейпцигской музыкальной газетѣ такую рѣзкую статью противъ пѣвицы, что она взяла назадъ свое слово. Но о прославленіи своего друга Вагнера Листъ сильно заботился и поставилъ въ этомъ году въ Веймарѣ его «Лоэнгринъ». Онъ имѣлъ большой успѣхъ. Особенно наслѣдникъ престола былъ въ восторгѣ отъ оперы и го-

вориль Бернгарди, что въ музыкѣ виденъ лучъ божественнаго свѣта, увлекающій къ небу. Бернгарди возражалъ совершенно основательно, что преданіе о рыцарѣ лебеда, сынѣ валькиріи, языческаго происхожденія, что къ ней произвольно и напрасно приплетено преданіе о гралѣ (святой чашѣ съ кровью Христа), да и легенда кельтическая, а не германская, и является впервые во французскихъ сагахъ, какъ чаша волшебника Передура. Герцогъ не опровергалъ этихъ фактовъ, но настаивалъ на туманно-христіанскомъ колоритѣ музыки, о которомъ, конечно, и не думалъ атеистъ Вагнеръ.

Въ слѣдующемъ году Бернгарди переселился въ Силезію, гдѣ купилъ имѣніе близъ города Гиршберга, хотя «жизнь среди славянскихъ племенъ и не въ центрѣ Германіи была нисколько не привлекательна». Впрочемъ, и ко многимъ мѣстностямъ Германіи онъ относится нисколько не симпатично. Такъ, въ Дрезденѣ онъ не находитъ «ни одного національнаго памятника, ни малѣйшаго олицетворенія стремленій къ идеалу, составляющему потребность человѣческой природы. Все монументы придворной жизни и камергеровъ, короля Августа, графа Брюля, графини Кенигсмаркъ. Итальянская опера, иллюминаціи, балы, маскарады, карусели, кастраты, незаконныя дѣти, роскошныя, но безвкусныя и бесполезныя зданія, японскіе дворцы, католическія часовни—вотъ и всѣ историческіе памятники Дрездена. Даже картинная галерея—одно показное украшеніе придворнаго чванства: ее открываютъ только въ маѣ и за входъ берутъ два талера». Но болѣе всего саксонцы виноваты въ томъ, что они ненавидятъ пруссаковъ. Въ Дрезденской академіи его возмутила картина «Саксонскіе гусары разбиваютъ въ сраженіи прусскую пѣхоту». Изъ Кунерсдорфа онъ ѣздилъ гостить къ своимъ пріятелямъ, заѣзжалъ въ Берлинъ, въ Веймаръ, писалъ о военныхъ дѣйствіяхъ 1840—1850 годовъ и оканчивалъ книгу о генералѣ Толѣ. Авторъ распространяется объ этой книгѣ, напыщенномъ панегирикѣ весьма обыкновенному дѣятелю, пересыпанной открытыми выходками противъ русской политики 1812—1815 года и съ утвержденіями, что паденіемъ Наполеона I Европа обязана одной Пруссіи. Что касается до Наполеона III, «Дневникъ» 1853 года передаетъ не очень лестныя свѣдѣнія о его дворѣ, сообщенныя Юліемъ Крузенштерномъ, жившимъ въ Парижѣ въ кругу княгини Ливенъ: Морни, сынъ Гортензіи и графа Флаго, живетъ и является вездѣ со своимъ отцомъ; принцеса Матильда живетъ съ барономъ Ньевекерке, директоромъ музея, императрица Евгенія, бывшая львица, окруженная въ ранней молодости многочисленными поклонниками, между которыми были генеральный консулъ Фелькерзамъ и членъ посольства Куракинъ, держитъ себя слишкомъ развязно; министръ двора Фульдъ—биржевой жидъ, маршалъ Сент-Арно авантюристъ, бывший мелкій актеръ театра Ambigu. Генералъ Леффо спасъ его, когда онъ, бывши полковникомъ, про-

воровался. Сент-Арно, сдѣлавшись военнымъ министромъ, засадилъ Леффо въ тюрьму.

Великія державы признали Наполеона III императоромъ. Николай I сдѣлалъ это признаніе въ письмѣ, начинавшемся словами *mon bon ami*, вмѣсто принятой формулы *monsieur mon frèге*. Совѣтъ французскихъ министровъ не хотѣлъ принять этого письма. Киселевъ собирався оставить Парижъ, но совѣтъ одумался и нашель, что «одинъ добрый другъ лучше двухъ ложныхъ братьевъ». Опасаясь паники на биржѣ и войны, французы уладили дѣло. Но война была, всетаки, нужна авантюристу, и Россія, въ слѣдующемъ же году, дала ему поводъ вмѣшаться въ восточное дѣло. Бернгарди, конечно, видѣлъ въ посольствѣ князя Меншикова въ Константинополь одну грубость (*Brutalität*). Въ мартѣ 1854 года Бернгарди ѣздилъ въ Варшаву къ своему шурина Крузенштерну, начальнику канцеляріи у Паскевича, и рассказываетъ, какъ 70-ти-лѣтній фельд-маршалъ не хочетъ стариться, всякое утро занимается фехтованіемъ, и его растираютъ по всему тѣлу два камердинера и два казака. Князь Горчаковъ, по словамъ автора, человекъ совершенно мелочной; генераль Тулубьевъ передаетъ самыя неутѣшительныя свѣдѣнія о состояніи русской арміи, болѣзненности рекрутъ, нерасположеніи солдатъ къ войнѣ, бѣдности офицеровъ. Любимцы Паскевича, какъ графъ Ржевускій, рассказывающій на обѣдѣ фельдмаршала гривуазные анекдоты, получили три тысячи рублей «на мобилизацію» и получаютъ, сверхъ того, по три червонца «существенныхъ». Варшавская цитадель, по мнѣнію автора, въ плохомъ состояніи. Онъ написалъ даже брошюру «Россія въ мартѣ и апрѣлѣ 1854 года», но не могъ нигдѣ ее напечатать: она явилась въ свѣтъ только черезъ 24 года, въ собраніи мелкихъ сочиненій Бернгарди. Для чего понадобилось обнародовать устарѣлыя цифры, если бы даже онѣ были и вѣрны, объ этомъ надо спросить нѣмцевъ, вѣроятнo, полагающихъ, что въ четверть вѣка армія наша не сдѣлала никакихъ улучшеній.

О смерти императора Николая сообщила ему сосѣдка по имѣнію, съ длинными политическими разсужденіями о томъ, какъ это событіе отзовется въ Европѣ, въ Германіи, въ Пруссіи, о затруднительномъ положеніи его преемника и т. п. Самъ Бернгарди утверждаетъ, что императоръ былъ для Пруссіи опаснѣйшимъ врагомъ, но чѣмъ же доказывалась эта вражда втеченіе тридцатилѣтняго царствованія? Не тѣмъ ли, что нѣмецкій элементъ игралъ въ немъ преобладающую роль? Николай I вѣрилъ даже въ расположеніе Пруссіи и говорилъ умирая: «*Dites à Fritz de rester toujours le même pour la Russie et de ne pas oublier les dernières paroles de son père*». Эти слова напечатаны въ официальной прусской газетѣ, и Бернгарди очень недоволенъ этимъ. Онъ удивляется также, что не было никакихъ безпорядковъ при восшествіи на престолъ, что

отозванный Меншиковъ остался членомъ государственнаго совѣта, и что потсдамскій пасторъ Круммахеръ говорилъ въ проповѣди о смерти императора, не называя его, какъ будто всего одинъ императоръ на свѣтѣ. Изъ Россіи автору присылаютъ фантастическія извѣстія: энтузіазмъ къ войнѣ искусственный; ею довольны только славянофилы, потому что она отвѣчаетъ ихъ стремленіямъ—захватить власть въ свои руки. Ненависть въ странѣ всеобщая къ англичанамъ, которыхъ считаютъ главными виновниками войны, къ австрійцамъ и вообще къ нѣмцамъ. Владимиру Левенштерну, знакомому съ цѣлымъ свѣтомъ, говорилъ одинъ изъ вождей старорусской партіи: «знаете ли, почему мы васъ, лифляндцевъ, терпѣть не можемъ? потому что предвидимъ заранѣе, что вы будете разыгрывать въ Россіи роль вандейцевъ». Одно только вѣрное свѣдѣніе сообщаетъ «Дневникъ»: къ французамъ у русскихъ нѣтъ ни малѣйшаго озлобленія; въ нихъ видятъ друзей и союзниковъ, только случайно поставленныхъ въ непріязненныя отношенія. Объ императорѣ и придворной жизни, о крымской войнѣ, о Паскевичѣ, передаются такія извѣстія, какихъ не встрѣтишь въ серьезной печати. О паденіи Севастополя говорится только нѣсколько строкъ. Лѣтомъ Бернгарди ѣздилъ въ Бельгію и описываетъ подробно Антверпенъ, Брюссель, бельгійскія войска. Онъ познакомился съ сестрою Дибича, женою сначала русскаго нѣмца Притвицъ, потомъ прусскаго—Германа. Самъ фельдмаршалъ, не смотря на то, что былъ обязанъ Николаю I своимъ блестящимъ положеніемъ, оставался, по словамъ сестры, до конца жизни настоящимъ прусакомъ, какъ и его отецъ. Онъ цѣнилъ турецкихъ солдатъ гораздо выше русскихъ, считая ихъ такими же храбрыми, но гораздо интеллигентнѣе.

Въ 1856 году Бернгарди окончилъ сочиненіе «Россія, какою ее оставилъ Николай I». Составитель дневника, конечно, расхваливаетъ этотъ трудъ, видя въ немъ изумительное знаніе Россіи. При этомъ на всѣ эпохи историческаго существованія страны, отъ татаръ до послѣдняго времени, наложена печать азіатскаго деспотизма, располагающаго по произволу жизнью и имуществомъ подданныхъ и допускающаго небольшую свободу только церквямъ и духовенству. Отзывы о началѣ царствованія Александра II не такъ рѣзки, какъ о правленіи Николая I, и въ концѣ «Дневника» гораздо больше, чѣмъ о Россіи, говорится о Германіи, рассказывается подробно о смерти начальника берлинской полиціи Гинкельдея, убитаго на дуэли членомъ палаты Роховымъ, приводится бесѣда автора съ герцогомъ Евгениемъ Виртембергскимъ, утверждавшимъ, что въ декабрѣ 1825 года, во время переговоровъ съ цесаревичемъ Константиномъ, поднимался вопросъ о признаніи Маріи Феодоровны самодержавною императрицею (Бернгарди въ своей «Исторіи Россіи» говоритъ, что тотъ же вопросъ былъ и въ 1801 году). Гово-

рять такъ же, что еще въ 1826 году Николай поручилъ герцогу составить планъ войны съ Турціею, но не говоритъ ничего о томъ Дибичу. Вообще въ «Дневникѣ» герцогъ обрисованъ какимъ-то страннымъ типомъ. Онъ постоянно жалуется, что Александръ I и Николай I были къ нему несправедливы, что онъ принужденъ жить безъ дѣла въ Карлсруэ, когда могъ бы приносить пользу Россіи. Старшій сынъ его въ прусской службѣ и настоящій прусакъ по убѣжденіямъ, два другіе сына—въ Австріи и по духу австрійцы; дочери его также на сторонѣ Австріи. Самъ онъ сознается, что совершенно чуждъ Пруссіи. «Или у владѣтельныхъ особъ нѣтъ вовсе отечества, — прибавляетъ Бернгарди, — и принцы воспитываются такъ, чтобы считать себя центральными пунктами, о благоденствіи которыхъ должны заботиться всѣ страны и народы?» Герцогъ Евгенийъ увѣрялъ, что зналъ о планѣ Павла I заключить Марію Ѳедоровну въ монастырь, сына своего лишить престола и, выдавъ любимую дочь Екатерину за Евгенія, сдѣлать его своимъ преемникомъ. Но герцогъ прибавилъ, что былъ тогда слишкомъ молодъ, чтобы сопротивляться намѣреніямъ монарха, нерѣдко впадавшаго въ раздраженіе, но потомъ забывавшаго о своихъ странныхъ планахъ. Дибичъ пересказалъ объ нихъ Николаю I, и тотъ сталъ неблагоклонно относиться къ герцогу. Бернгарди познакомился съ нимъ и какъ съ композиторомъ, прослушавъ его оперу «Невѣста духа» и нѣсколько симфоній, но находилъ августѣйшую музыку очень скучною. Герцогъ любилъ вообще поговорить и рассказывалъ много анекдотовъ изъ своей жизни. Въ 1811 году былъ онъ въ Вильнѣ, гдѣ за нимъ очень ухаживала одна польская княгиня. На балу у Кутузова онъ потерялъ разъ драгоцѣнный солитеръ, со своей осыпанной бриліантами шпаги. Искали усердно, особенно сама княгиня съ восковою свѣчю, но камня не нашли. Ювелирамъ было дано знать о пропажѣ, такъ какъ камень легко можно было узнать по винтику, вдѣланному въ него, для укрѣпленія въ эфесѣ. Черезъ нѣсколько времени солитеръ былъ принесенъ въ одинъ магазинъ для продажи. Владѣтельницею камня оказалась княгиня, которая имѣла смѣлость написать герцогу, что купила камень за триста рублей и просила уплатить ей эту сумму. Герцогъ отвѣчалъ, что, считая солитеръ потеряннымъ, онъ давно пересталъ заботиться объ немъ. Къ княгинѣ былъ, однако, посланъ генералъ Вольцогенъ, заставившій сіятельную воровку признаться въ утайкѣ драгоцѣннаго камня.

Свои сужденія о Россіи Бернгарди основываетъ на свѣдѣніяхъ, доставляемыхъ его шуриномъ Юліемъ Крузенштерномъ, но весьма сомнительно, чтобы сенаторъ, тайный совѣтникъ такъ мало зналъ положеніе дѣлъ, что не видѣлъ въ новыхъ мѣрахъ никакой инициативы. «Много плановъ, признанныхъ важными и полезными, откладываются въ сторону, а потомъ забываются». Старый гене-

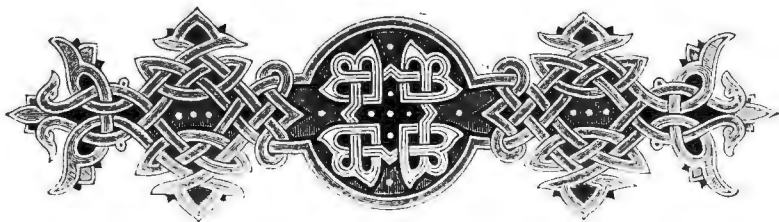
раль Ридигеръ признавалъ вреднымъ для единства дѣйствій дробленіе войска на отдѣльныя арміи. Эти идеи найдены основательными, но вскорѣ же явилось нѣсколько отдѣльныхъ армій. «Это такъ огорчило старика, что ускорило его кончину». Послѣ этого извѣстія авторъ ставитъ въ скобкахъ вопросительный и восклицательный знакъ, но зачѣмъ же и сообщать такія извѣстія. Ко всѣмъ русскимъ дѣятелямъ этой эпохи авторъ относится съ пренебреженіемъ и порицаніемъ: Андрей Карамзинъ, женившійся на вдовѣ Павла Демидова, *est un homme taré* (характеристику лицъ Бернгарди чаще всего приводитъ на французскомъ языкѣ). Паскевичъ былъ бы хорошимъ полководцемъ, *s'il avait été un meilleur homme*, Сергѣй Бутурлинъ *est poltron*, Остенъ-Сакенъ—православный ханжа, человекъ весьма ограниченный. Онъ не соглашался по плану Тотлебена построить укрѣпленія на извѣстныхъ мѣстахъ, и когда тотъ замѣтилъ ему, что тогда это сдѣлаетъ непріятель, отвѣчалъ: Богъ не допуститъ до этого. Еще нѣсколько разъ возвращается авторъ къ Россіи въ дневникѣ 1857 года, упоминаетъ о желаніи государя освободить крестьянъ, но больше всего распространяется о тяжеломъ положеніи страны послѣ войны, о разстройствѣ ея финансовъ и арміи. Гораздо больше мѣста занимаютъ разсужденія о состояніи Пруссіи, ея войска, школьнаго образованія, о религиозныхъ вопросахъ, парламентской системѣ; приводится бесѣда съ Мольтке, утверждавшимъ, что вся лютеранская Германія скоро перейдетъ въ католичество. Дневникъ оканчивается извѣстіями о болѣзни короля, съ которымъ сдѣлался ударъ, а затѣмъ послѣдовало помѣшательство, и принцъ прусскій Вильгельмъ сдѣлался регентомъ королевства. Бернгарди, сожалея о «трагической судьбѣ этого богато одареннаго умомъ монарха», сознается, однако, что умственное разстройство «бросало тѣнь на послѣдніе годы его самостоятельнаго правленія». Хороша самостоятельность у человека, который во всѣ пятнадцать лѣтъ своего царствованія, не говоря уже о послѣднихъ пяти годахъ жизни, когда онъ былъ совершенно невмѣняемъ,—не держался никакого твердаго и опредѣленнаго образа дѣйствій и то ровно ничего не дѣлалъ, то принималъ безъ всякихъ поводовъ рѣшенія, отмѣняемые черезъ нѣсколько дней безъ всякаго основанія.

Бернгарди прожилъ еще тридцать лѣтъ и, вѣроятно, продолжалъ свой «Дневникъ», хотя составитель книги не общаетъ ея обнародованія. Да врядъ ли оно и можетъ дать цѣнный матеріалъ для исторіи послѣдняго времени. Авторъ, порвавшій всякія связи съ Россіей и получающій объ ней свѣдѣнія только изъ разсказовъ лицъ, весьма мало сочувствующихъ ей, не можетъ быть ни интереснымъ комментаторомъ, ни достовѣрнымъ авторитетомъ, и намъ врядъ ли придется вернуться къ дальнѣйшимъ воспоминаніямъ автора, настроеннаго враждебно къ Россіи, пріотившей его въ тя-

желые годы его жизни. Но указать на такое направленіе этихъ «патріотовъ своего отечества» мы считали далеко не лишнимъ въ виду того, что въ Германіи не мало подобныхъ бѣглецовъ изъ нашихъ прибалтійскихъ провинцій, считающихъ своимъ долгомъ распространять враждебныя свѣдѣнія о Россіи, на основаніи личнаго знакомства съ нею. Не заподозрѣвая лойяльности всѣхъ эстляндскихъ, лифляндскихъ и курляндскихъ нѣмцевъ, мы не можемъ, однако, не обратить вниманія на то обстоятельство, что всѣ эти Ширрены, Боки, Экгардты, Дальтоны, Гены и др., принимаемые въ Пруссіи съ отверзтыми объятіями и въ унисонъ повторяющіе объ насъ всякія сплетни, клеветы, проникнуты гораздо большею ненавистью къ намъ, чѣмъ коренные германцы. Эти послѣдніе, точно также какъ и коренные русскіе, убѣждены, что между нами и ими никогда не дойдетъ до войны. Не смотря на вопли всякихъ аграріевъ и протекціонистовъ, не смотря даже на то, что нѣмцамъ не зачѣмъ будетъ наводнять нашу страну, какъ Францію, своими шпіонами,—въ этомъ благородномъ званіи будутъ имъ служить остзейскіе добровольцы,—ихъ прежде всего остановитъ мысль: куда же дѣнутся, въ случаѣ войны, всѣ эти милліоны нѣмцевъ, наполняющихъ всѣ уголки, всѣ професіи, всѣ теплыя мѣстечки въ Россіи? Каково будетъ ихъ положеніе въ обѣихъ странахъ: если имъ придется оставить гостепріимную страну, потерявъ свои занятія и средства къ жизни, или остаться тамъ, гдѣ народъ уже не будетъ относиться къ нимъ съ прежнимъ добродушіемъ и гостепріимствомъ? Одно уже переполненіе нашего отечества мирнымъ, хоть и пришлымъ элементомъ можетъ остановить вторженіе немирныхъ полчищъ. Вѣдь если такъ худо въ Россіи, лучше ли живется въ Германіи, откуда къ намъ стекаются нѣмцы со всѣхъ сторонъ? На этотъ вопросъ Бернгарди и его единомышленники не даютъ отвѣта.

Вл. Зотовъ.

ПО ПОВОДУ КРАКОВСКИХЪ „ЮБИЛЕЙНЫХЪ“ БЕЗПОРЯДКОВЪ.

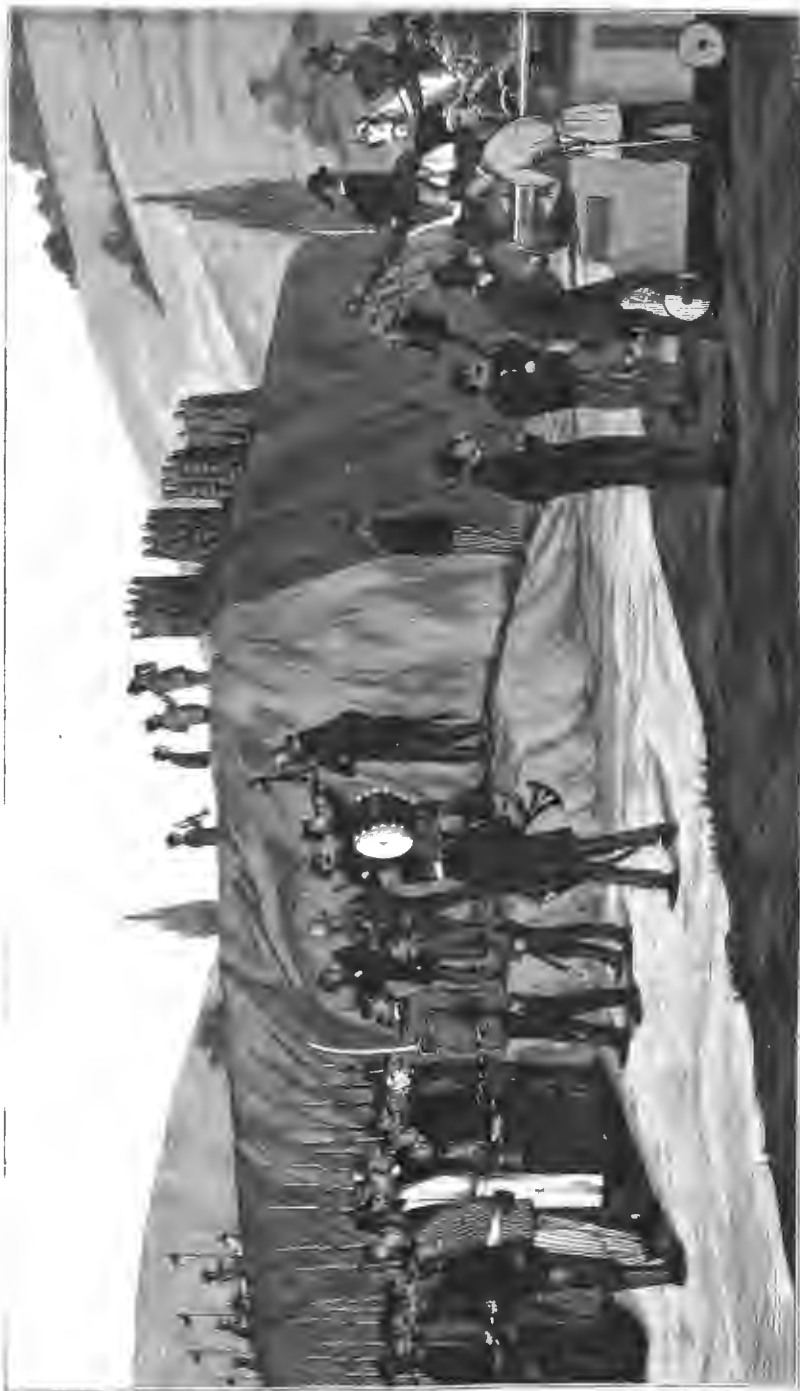
О ВРЕМЯ празднованія въ мартѣ настоящаго года столѣтія годовщины присяги Костюшки, въ Краковѣ, какъ извѣстно, возникли уличные беспорядки: битье оконныхъ стеколъ, разгромъ нѣкоторыхъ магазиновъ и т. д.

По свидѣтельству очевидца, «еще утромъ 31-го марта произошелъ страшный скандалъ на Флоріанской улицѣ; у одного изъ магазиновъ картинъ столпилась масса народа, благодаря выставленнымъ тамъ картинамъ Крушевскаго, одного изъ лучшихъ польскихъ художниковъ. Эти картины представляли польскихъ косиньеровъ¹⁾ и публику, проходящихъ передъ Костюшкой. Публикѣ не понравились позы на этихъ картинахъ, и она потребовала выдачи ихъ. Испуганный торговецъ поспѣшилъ удовлетворить этому требованію, и картины были уничтожены. Первоначально имѣлось въ виду заплатить торговцу, но сборъ складокъ далъ только 8 гульденовъ, и толпа порѣшила пожертвовать половину этой суммы на реставрацію королевскаго замка на Вавель²⁾, а другую половину на народное просвѣщеніе».

«Такимъ образомъ,—добавляетъ очевидецъ (въ «Варшавскомъ Дневникѣ»), — уже съ утра проявились коммунистическія тенден-

¹⁾ Войновъ, вооруженныхъ косами, наставленными на древкахъ, подобныхъ пикамъ, каковымъ оружіемъ были вооружены крестьяне въ войскахъ Костюшки въ 1794 году!

²⁾ Въ Краковѣ. Онъ занятъ нынѣ подъ казармы австрійскихъ войскъ; объ отдачѣ въ собственность края этихъ казармъ неоднократно просили поляки у австрійскаго императора.

Обученіе польскаго ополченія въ Галиціи.
Съ картины польскаго художника Крушевскаго.

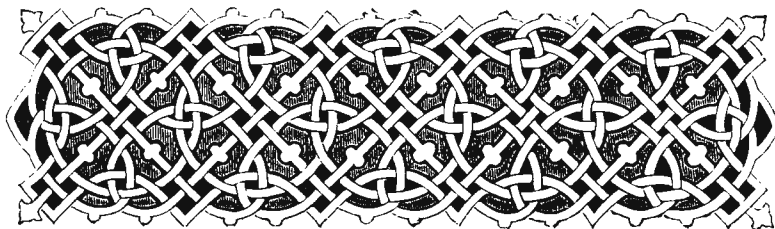
Лохоть польскаго ополченія въ Россію.
Оъ картини польскаго художника Іршувскаго.

ціи уличной толпы въ Краковѣ, и жители его со страхомъ стали ожидать вечера».

По сообщенію, полученному нами отъ очевидца этихъ сценъ, оказывается, что картины Крушевскаго ничего особеннаго и антинароднаго въ своемъ содержаніи не представляли, а изображали воиновъ лишь въ жалкомъ и смѣшномъ видѣ. Характеръ подобныхъ картинъ Крушевскаго выяснился уже давно, и никогда онѣ не возбуждали противъ себя общественнаго негодованія поляковъ, ни въ Краковѣ, ни въ Варшавѣ, не смотря на время, когда онѣ появлялись.

Такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда австрійскіе поляки особенно нервно были настроены въ ожиданіи войны съ Россіей, въ Краковѣ появилась цѣлая серія картинъ г. Крушевскаго (такихъ же акварелей, какъ и въ настоящемъ году); часть ихъ была на выставкахъ въ Краковѣ, Львовѣ и наконецъ въ Варшавѣ. На послѣдней выставкѣ двѣ изъ этихъ акварелей, какъ весьма оригинальныя по содержанію, подписанныя самимъ авторомъ и помѣченныя: «Краковъ, 1887 годъ», были куплены мною. Одна изъ нихъ представляетъ обученіе австрійскаго ландвера (ополченія) въ Галиціи, а другая—походъ его въ Россію. Въ то время я жилъ среди поляковъ Варшавы, и нѣкоторые изъ нихъ, бывшіе тогда въ Краковѣ, удостовѣрили меня въ томъ, что громадное большинство поляковъ-галичанъ, едва ли не цѣлыхъ 99 проц. тогдашняго польскаго населенія Галиціи, вовсе и не желало войны съ Россіей. Отраженіе этого мнѣнія большинства проявилось какъ въ этихъ, такъ и другихъ картинахъ г. Крушевскаго. Въ то время никто не нападалъ на Крушевскаго за эти картины; по крайней мѣрѣ мы не нашли такихъ нападокъ въ польской печати 1887—1888 годовъ; поэтому и помѣщаемъ ихъ нынѣ не въ видѣ насмѣшки надъ польскимъ ополченіемъ въ Галиціи, а лишь какъ образецъ характерныхъ картинъ г. Крушевскаго, часть коихъ уничтожена буйной толпой въ Краковѣ, во время Костюшковскаго юбилея. Лично Крушевскаго я никогда не встрѣчалъ и не знаю. На обѣихъ его картинахъ, изображающихъ польское ополченіе, предназначенное воевать съ Россіей, еврейскій элементъ Галичины представленъ въ небольшомъ количествѣ (около 10 проц.); но слѣдуетъ имѣть въ виду, что дѣйствительное отношеніе его къ общему населенію Галичины гораздо выше, и притомъ оно ежегодно все болѣе и болѣе увеличивается вслѣдствіе быстраго прироста евреевъ и, съ другой стороны, по причинѣ значительной эмиграціи славянской части населенія этой провинціи за предѣлы Австро-Венгерской имперіи. Помѣтка обѣихъ картинъ Крушевскаго Краковомъ указываетъ на то, что онѣ относятся къ западной части Галиціи, гдѣ, очевидно, русскаго населенія въ ополченіи почти вовсе нѣтъ.

А. Костромитиновъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка. Томы I, II и III-й, составилъ В. Потто, при участіи въ сборѣ матеріаловъ князя В. П. Долгорукова. Спб. 1894.

ОДИНЪ ИЗЪ САМЫХЪ славныхъ и доблестныхъ полковъ русской арміи, 44-й драгунскій Нижегородскій ево императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича полкъ, основанъ былъ подъ именемъ полка Морелія, изъ остатковъ новгородской вольницы въ 1700 г. и уже лѣтомъ 1701 г. участвовалъ въ походѣ фельдмаршала Шереметева на Ладугу. Въ недалекомъ будущемъ полкъ этотъ можетъ слѣдовательно праздновать двухсотлѣтіе своего основанія. Называясь сначала по именамъ первыхъ своихъ командировъ: полкомъ Морелія, а затѣмъ полкомъ Шомбурга, нижегородцы получили настоящее свое названіе въ 1708 г. Историкамъ нашихъ полковъ петровской арміи всегда представляется довольно трудная задача прослѣдить за постепеннымъ исчезновеніемъ основныхъ кадровъ первоначальнаго полка, за его переформированіемъ и, главное, за послѣдовательнымъ измѣненіемъ ихъ названій, при переводѣ въ разныя части арміи, что случалось у насъ почти въ каждое царствованіе. Нельзя, конечно, сказать, чтобы и Нижегородскій полкъ вполнѣ избѣгъ этой крутой ломки, но ему все же въ этомъ отношеніи посчастливилось болѣе другихъ, такъ какъ его исторія послѣдовательныхъ переформированій довольно проста. Конечно, въ короткое царствованіе Петра III нижегородцы, подобно прочимъ драгунскимъ полкамъ русской кавалеріи, стали кирасирами, но послѣ Семилѣтней войны, благодаря трудамъ Потемкина, признававшаго драгунъ самоузнѣйшимъ и лучшимъ войскомъ въ

организации кавалерии, в состав старого Нижегородского полка вошли пять эскадронов Астраханского полка, и получился карабинерный десятиэскадронный полк, но с названием Нижегородского. Бѣда же для нижегородцев началась съ 1798 г., когда по приказанію императора Павла его опять нарядили въ парики и рѣшили ввести въ составъ Нарвскаго драгунскаго полка, съ сохраненіемъ только оранжеваго подбоя старыхъ нижегородцевъ и нарвскому полку, но съ переименованіемъ полка по именамъ его шефовъ. Такъ сначала еще Нижегородскій полкъ назывался полкомъ генераль-маіора Грушецкаго, а вступивъ въ составъ стараго Нарвскаго полка, онъ сталъ именоваться полкомъ генераль-маіора Пушкина. Но это тяжелое и запутанное время продолжалось не долго. 12-го марта 1801 г. на престолъ вступилъ императоръ Александръ I и черезъ 18-ть дней уже приказалъ восстановить полки въ ихъ старыхъ названіяхъ. Такимъ образомъ, вычитая тяжелые три года конца прошлаго и начала текущаго столѣтія, нижегородцы носятъ свое названіе болѣе 180 лѣтъ.

Нѣтъ никакой возможности въ короткой библиографической замѣткѣ перечислить даже важнѣйшіе бои и сраженія, въ которыхъ почти безъ перерывовъ участвовалъ этотъ славный полкъ съ самаго момента своего образованія. Даже подъ мызой Дудеровой (теперешній Дудергофъ), гдѣ нынѣ сжигаютъ ежегодно столько холостого пороха, нижегородцы дали шведамъ серьезное сраженіе съ отличнѣмъ для себя успѣхомъ. Они же завоевали намъ Охту, строили крѣпость подъ Ямбургомъ, штурмовали Нарву второй разъ; они продѣлали весь походъ противъ Карла XII, участвовали въ Семилѣтней войнѣ и во всѣхъ польскихъ войнахъ царствованія Екатерины II. Они же ходили подъ Азовъ съ Минихомъ и на Дунай съ Румянцевымъ и Суворовымъ. Наконецъ, попавъ на Кавказъ, остаются тамъ уже болѣе вѣка, причемъ, конечно, принимали самое дѣятельное и блестящее участіе во всѣхъ сколько нибудь важныхъ дѣлахъ, экспедиціяхъ и войнахъ на Кавказѣ, въ Персіи и въ азіатской Турціи. Такимъ образомъ нижегородцы участвовали во всѣхъ активнѣхъ завоеваніяхъ російской короны. Они отвоевали Ингерманландію, Финляндію, Балтійскія провинціи, Литву, Польшу, Крымъ и Астрахань. Они же играли самую выдающуюся роль среди полковъ кавказской кавалеріи при завоеваніяхъ въ Персіи, Турціи, въ ущельяхъ Кавказа и на его плоскогорьяхъ. Неудивительно, что у этого полка есть всевозможные знаки отличія, до широкихъ георгіевскихъ лентъ на штандартахъ, отличіе, которое, кромѣ нижегородцевъ, имѣетъ еще только одинъ Сѣвскій драгунскій полкъ. Писать исторію такого полка, которая захватываетъ почти самыя интересныя и выгодныя для Россіи войны, конечно, и трудъ не малый, но и удовольствіе большое. Трудность этой работы заключается въ недостаткахъ фактическаго матеріала, такъ какъ полкъ, который вѣчно бился за интересы Россіи, не имѣлъ времени слишкомъ детально и подробно записывать свою собственную исторію. Вотъ почему историку пришлось прибѣгать къ разнымъ постороннимъ источникамъ и истратить не мало труда на ихъ отысканіе. Трудъ составителя исторіи нижегородцевъ еще далеко не конченъ, такъ какъ въ лежащихъ передъ нами томахъ заключена древняя, такъ сказать, и средняя исторія полка, доведенная до 1829 г., то-есть, до конца Персидскаго похода и занятія Эривани и Эрзерума. Новая исторія полка, то-есть, времена фельдмаршаловъ Воронцова и Бяратинскаго на Кавказѣ, война въ 1856 г., окончательное покореніе Кавказа, равно какъ

и участіе нижегородцевъ въ послѣдней кампаніи,—еще дѣло будущаго. Само собой разумѣется, что когда этотъ большой трудъ будетъ доведенъ до конца, мы почтемъ обязанностью удѣлить его разбору все то вниманіе, какого онъ по самому содержанию своему заслуживаетъ. Теперь же скажемъ, что исторія читается съ величайшимъ интересомъ, такъ какъ чисто боевые подвиги полка дополняются составителемъ интересными разсказами изъ анекдотической части исторіи про личные подвиги, проступки и поведеніе офицеровъ и командировъ этого полка, а также изъ быта полка вообще, въ различныхъ эпохи его существованія. Изданы вышедшіе томы, посвященные державному вождю русской арміи, превосходно, съ роскошью рѣдкой. Масса политипажей, гравюръ, фототипій съ картинъ боеваго содержанія, копій съ интересныхъ рисунковъ Машкова, составляющихъ собственность наслѣдниковъ князя Паскевича и касающихся времени персидскаго и малоазіатскаго похода графа Паскевича-Эриванскаго 1827—1829 гг., много увеличиваютъ значеніе, стоимость и самый интересъ этого историческаго труда. Кромѣ гравюръ и фототипій, изданіе украшено еще и хромолитографіями, изображающими послѣдовательное измѣненіе въ обмундированіи полка, а также и нѣкоторые его боевые подвиги.

Къ недостатку изданія, въ чисто историческомъ смыслѣ, слѣдуетъ отнести полное отсутствіе какихъ либо документальныхъ приложений, которые сами по себѣ могли бы имѣть громадный интересъ, какъ подлинный историческій матеріалъ не для всѣхъ въ первоисточникахъ доступный. Приложенія состоятъ только изъ сухихъ ссылокъ на документы, какими пользовался составитель исторіи нижегородцевъ. Ко всѣмъ тремъ томамъ, напечатаннымъ in—4°, приложены отличныя карты, по которымъ можно слѣдить за походами полка и его участіемъ въ различныхъ сраженіяхъ. Въ общемъ можно съ достаточною строгостью оцѣнки сказать, что нижегородцы получаютъ свою исторію изданною вполне такъ, какъ заслужили они по блеску, множеству и значительности своихъ доблестныхъ боевыхъ подвиговъ, на безконечныхъ равнинахъ сѣверной Россіи и въ глухихъ ущельяхъ Грузіи, Кабарды, Чечни и Дагестана.

В. П.

Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 года съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Главные періоды европейской исторіи. Шесть лекцій 1885 года. Съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ. Профессора Эд. Фримана. Пер. П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1893.

Переводчикъ оправдываетъ выборъ этой книги для перевода ссылкой на громадную популярность Фримана во всѣхъ странахъ англосаксонской рѣчи, которая якобы стоитъ въ странномъ противорѣчьи съ малымъ знакомствомъ русскихъ читателей съ англійскимъ ученымъ. Что Фриманъ у насъ мало извѣстенъ, это, конечно, справедливо. Не совсѣмъ вѣрно лишь то, что именно теоретическія возрѣнія его заслуживаютъ того, чтобы познакомить съ ними нашу публику. Эд. Фриманъ замѣчательный ученый, обладавшій громаднымъ запасомъ весьма разнородныхъ свѣдѣній, но въ то же время онъ, какъ философъ исторіи, далеко не выдается. Теоретическіе во-

просы о сущности исторического процесса, о факторах, слагающих исторію, и т. п. его вовсе не касались; всякую исторію опредѣлялъ онъ практически, какъ «политику прошлаго» (past politics), хотя и этотъ односторонній взглядъ не всегда находить себѣ оправданіе въ его научныхъ трудахъ. Зато съ любовью Фриманъ останавливался всегда на способѣ изученія фактовъ, на критикѣ источниковъ, толкованіи разнорѣчивыхъ данныхъ и т. д. Этому вопросу посвящены и первыя изъ переведенныхъ г. Николаевымъ 8 лекцій 1884 года. Фриману было уже болѣе шестидесяти лѣтъ, когда онъ былъ назначенъ на оксфордскую кафедру, и лекціи эти носятъ на себѣ довольно отчетливый отпечатокъ старческой словоохотливости и брюзжанія на «новое». Фриманъ выставляетъ себя, какъ представителя старой школы, отличительные признаки которой онъ видитъ, съ одной стороны, въ старательномъ, усидчивомъ и добросовѣстномъ изученіи первоисточниковъ, съ другой въ признаніи единства исторіи, признаніи неотдѣлимости судебъ греко-римскаго міра отъ судебъ Западной Европы въ болѣе новое время. Исходя изъ послѣдней мысли Э. Фриманъ, хотя и считался профессоромъ новой исторіи въ Оксфордѣ, самъ рѣшительно не признавалъ подобной спеціализаціи и говорилъ не меньше, если не больше, о древнемъ Римѣ и другихъ излюбленныхъ своихъ темахъ, чѣмъ о событіяхъ изъ новой исторіи. Нельзя отрицать того, что лекціи Фримана читаются легко и съ интересомъ: въ нихъ слышится голосъ человѣка, искренне убѣжденнаго въ важности и истинѣ того, что онъ говоритъ, притомъ человѣка остроумнаго и очень свѣдущаго, перемежающаго свои теоретическія соображенія полемическими отступленіями по адресу литературныхъ противниковъ, удачными островами и занимательными историческими сопоставленіями. Въ общемъ, однако, впечатлѣніе остается неудовлетворительное: недостаетъ логической стройности въ построеніяхъ, многіе вопросы обходятся молчаніемъ, многое несоразмѣрно растянута, частыя повторенія. Нельзя не замѣтить и того, что все главнѣйшее, на чемъ авторъ настаиваетъ, уже раньше, съ большей логикою, большимъ талантомъ и доказательностью, было сформулировано въ знаменитомъ методологическомъ трактатѣ Ранке. Между тѣмъ о самомъ Ранке въ книгѣ лишь двѣ, три строчки.

Поясненію мысли о нераздѣльности исторіи Европы посвящены 6 лекцій 1885 года. Практически эту мысль Фриманъ развилъ въ небольшой книгѣ, посвященной общей исторіи Европы, которая въ переводѣ уже извѣстна русской читающей публикѣ. Въ настоящихъ статьяхъ центръ тяжести лежитъ, по мнѣнію Фримана, на судьбахъ Рима. Римъ—центръ всего европейскаго міра. Первоначальная исторія Европы интересна главнымъ образомъ на столько, по скольку она готовила всемірно-историческую роль Рима; далѣе Римская имперія представляетъ весь цивилизованный міръ; потому слѣдуетъ переживаніе Рима въ «священно-римской имперіи нѣмецкой націи», наконецъ тотъ періодъ исторіи, характеристичнѣйшею чертою котораго, по мнѣнію Фримана, служитъ паденіе Рима. Приложенная къ лекціямъ статья о греческихъ городахъ непосредственно связана съ ними своимъ содержаніемъ: она подробно разсматриваетъ ту эпоху, «когда римскій народъ получилъ власть надъ цивилизованнымъ міромъ того времени, особенно надъ эллиническими и надъ эллинизированными странами на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря».

Было бы желательнее, чтобы на ряду съ теоретическими и полутеоретическими сочиненіями Фримана появилось на русскомъ языкѣ и то, что

составляет истинный базис его научной репутации — его капитальные историческія изслѣдованія, особенно «Исторія норманскаго завоеванія». Желательно было бы также, чтобы кто нибудь изъ переводчиковъ взялся познакомить русское общество и съ біографіей этого замѣчательнаго англійчанина, всегда съ особенною симпатіею относившагося къ судьбамъ славянскихъ народностей. Въ Англии и по сію пору помнятъ его роль во время народныхъ митинговъ, предшествовавшихъ русско-турецкой войнѣ, и знаменитыя слова: *Perish India!*

Г. Николаевъ, на сколько намъ извѣстно, переводилъ больше съ нѣмецкаго. Этимъ, кажется, объясняется нѣкоторая неумѣлость въ передачѣ собственныхъ именъ и образованныхъ отъ нихъ прилагательныхъ въ англійскомъ языкѣ. Мы замѣтили нѣсколько подобныхъ погрѣшностей, но здѣсь приведемъ лишь бросившуюся намъ въ глаза грубую ошибку. Супруга Клотара I св. Радегунда переводчикомъ почему-то превращена въ мужчину (стр. 131).

Непріятно поражаетъ въ настоящей книгѣ, какъ и въ большинствѣ изданій К. Т. Солдатенкова, изобиліе опечатокъ, особенно въ иностранныхъ словахъ, и слишкомъ уже невысокаго достоинства печать и бумага. По значенію выбираемыхъ авторовъ, по литературности переводовъ, изданія почтеннаго К. Т. Солдатенкова занимаютъ высокое мѣсто въ нашей переводной литературѣ, и издатель можетъ вполне рассчитывать на признательность ему нашей читающей публики, но, всетаки, не мѣшало бы и съ внѣшней стороны обставить изданія получше.

А. Л—нъ.

Свои—чужіе. Романъ А. В. Круглова. Изданіе І. Ф. Югансона. Кіевъ. 1894.

Эмансипація крестьянъ и всесловная воинская повинность выдвинули на сцену новые жизненные вопросы, о которыхъ прежде не было и помина. Образовательный цензъ, давшій льготы и преимущества въ военной службѣ, сталъ цѣлью стремленій не только уже одной интеллигенціи, но также и достаточныхъ низшихъ классовъ общества. Послѣдніе вскорѣ поняли все преимущество просвѣщенія и гордились «учеными» сыновьями, поставленными на барскую ногу. Съ сыновей темные отцы перенесли эмансипацію и на дочерей. Это былъ только естественный результатъ начавшагося движенія мысли. Но историческая судьба женщины сильно разилась отъ судьбы мужчины. Послѣдній вѣками сросся съ представленіемъ о свободѣ. Онъ не переставалъ мечтать объ этой свободѣ, даже находясь въ крѣпостной зависимости. О свободѣ удалаго молодца поется въ пѣсняхъ, говорится въ сказкахъ. Подавленная мужская свобода иногда прорывалась на волю съ безшабашной удалью. Совѣтъ не то видимъ съ женщиною, плѣнницею теремовъ. Рушились высокія стѣны теремовъ, она осталась на привязи семейнаго начала, узкаго произвола мужа и въ прямой и непосредственной зависимости отъ окружающей среды. То же рабство. Оно не уничтожилось, только перемѣнило форму сообразно съ духомъ времени. Подъ давленіемъ мѣщанской среды женщина обезличилась. Въ ущербъ индивидуальности развилась стадность. Образование при такихъ условіяхъ создаетъ пропасть. Сыновья, получившіе образованіе, никогда не остаются въ своей средѣ, а устраиваются на сторонѣ и примыкаютъ къ иному теченію, родственному по духу. Только

благодаря этому обстоятельству, они не ощущают на себѣ всей тяжести фе-рулы мѣщанской среды. Съ фактомъ отчужденія сыновей всё здѣсь мирятся легко. Въ силу свободы мужской личности это кажется вполне естественнымъ и понятнымъ. Но такая же женская свобода не по праву захолустнымъ родичамъ. Да и дѣвушку тянетъ домой болѣе, нежели мужчину. Поэтому естественно стремленіе ея вернуться домой, въ свою прежнюю среду. Но какъ же послѣдняя относится къ образованной дѣвушкѣ и какъ встрѣчаетъ ее? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ романъ Круглова.

Лидія Марковна Шерстобитова, по окончаніи въ столицѣ высшихъ курсовъ, вернулась въ родную семью, въ захолустный уѣздный городокъ.

Отецъ ея занималъ мѣсто бухгалтера въ городской управѣ. Это былъ человекъ добрый, мягкаго характера, но слабовольный. Семья его была поставлена на мѣщанскую ногу. Добродѣтели этой среды воплотились въ Натальѣ Григорьевнѣ (матери Лидіи) и ея креатурѣ—старшей дочери—Вѣрѣ.

Съ первыхъ же шаговъ вступленія въ семью Лидія почувствовала на себѣ гнетъ среды. Сначала это выразилось въ пустякахъ; не прилично молъ, гулять на бульварѣ ежедневно, хотя бы и для здоровья, — люди осудятъ, скажутъ, что барышнѣ дѣлать нечего. Не позволялось ей принимать въ своей комнатѣ мужчинъ. Далѣе, нѣкто Сербина устранила развивающее вліяніе Лидіи на Таню, подругу ея дѣтства. Мѣщанкамъ, молъ, не пристало читать, это ихъ только отъ работы отрываетъ.

Сумма такихъ условностей легла тяжелымъ гнетомъ на дѣвушку, которая стала мало-по-малу задыхаться въ своей средѣ. Та разумная свобода дѣйствій, котрою она пользовалась на курсахъ, здоровыя понятія о чело-вѣческихъ отношеніяхъ, выработанныя новыми условіями жизни, не могли примѣняться къ захолустному существованію. Со всёмъ, усвоеннымъ въ столицѣ, Лидія должна была проститься навсегда. Вся горечь и боль отъ сознанія своего положенія вылились у нея въ пространномъ горячемъ письмѣ къ одной петербургской подругѣ. Это было единственное существо, способное понять ея страданія. Въ родной семьѣ и средѣ она была чужая. Ея духовныя потребности здѣсь игнорировались и осуждались. А поощрялись, напротивъ, такія вещи, которыя Лидія привыкла считать безнравственными. Зять Шерстобитовыхъ, купецъ Рогачевъ, устроилъ злостное банкротство, которое, счастливо сойдя ему съ рукъ, принесло большія выгоды. За это Рогачева всё восхваляли и кадили ему. Протесты Лидіи никого не убѣдили. Сестра Вѣра, была очень довольна ловкостью и дѣловитостью своего мужа.

Зато поведеніе Лидіи вызвало страшную бурю, когда она осмѣлилась гулять, въ загородной рошѣ, съ нѣкоей Ольгой Садовой, жившей нелегально съ офицеромъ Мауринымъ. Сербина сдѣлала сцену Натальѣ Григорьевнѣ за то, что Лидія вовлекла въ эту прогулку и простушку Таню.

Шерстобитова выгнала Сербину. Уходя, та кричала за воротами:

— Ай да семейка! Дочь съ гулящими дѣвками знакомство заводитъ, а мать ее покрываетъ и честныхъ людей изъ дому выталкиваетъ. Распутница!

Репутація ученой барышни была подорвана. Ей отказали отъ урока, который она имѣла, а отцу намекнули, чтобы Лидія не рассчитывала на мѣсто городской учительницы.

Зная хорошо свою дочь, Шерстобитовъ вполне понималъ ея гуманное отношеніе къ Ольгѣ, но одобрить его также не могъ.

Былъ еще одинъ выходъ изъ тягостнаго положенія Лидіи — это замужество. Кстати къ ней сватался нѣкто генералъ Паренцовъ, дряхлый ста-

рикъ. Для родителей это была необыкновенно лестная партія. Но Лидія ужаснулась такого претендента на ея руку и отказала. Отецъ понялъ дочь, но мать была крайне обижена такою разборчивостью «невѣсты».

У Лидіи былъ въ семьѣ врагъ—братъ Сергѣй, пьяница и забуддыга. Онъ злился на дѣвушку за то, что она отняла у него комнату, и ему негдѣ было принимать товарищей. Кромѣ того, ненависть питало несомнѣнное превосходство сестры. Въ его видахъ было удалить ее. Въ его нязкой душѣ созрѣлъ подлый планъ. вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ машинистомъ Сачковымъ, котораго Лидія всегда игнорировала, они рѣшили вымазать дегтемъ ворота Шерстобитовскаго дома. Но благодарная Ольга прибѣжала почти ночью, заблаговременно предупредить объ этомъ Лидію, во избѣжаніе поговора. Лидія рѣшила на другой же день уѣхать въ Петербургъ. Своимъ отъѣздомъ она сразу клала конецъ всей этой возмутительной исторіи гоненія противъ себя.

Такъ печально окончилась попытка сближенія образованной дѣвушки съ мѣщанской средой, изъ которой она вышла.

Г. Кругловъ затронулъ очень важный современный вопросъ, и затронулъ съ той стороны, которая игнорировалась доселѣ.

Одинъ критикъ ошибочно назвалъ романъ тѣми же отцами и дѣтьми Тургенева, только при другихъ условіяхъ жизни. Это совершенно невѣрно, потому что у Тургенева и отецъ и сынъ люди оба интеллигентные, и роль ихъ—чисто идейная, привилегіальная. Въ романѣ Круглова вся мѣщанская среда воздвигаетъ гоненіе на образованную дѣвушку.

Или вѣрнѣе—невѣжество и нравственная заскоружлость ополчаются на развитіе, разумную свободу и человѣческія права. Слѣдовательно это совсѣмъ не то, что у Тургенева.

Въ данномъ случаѣ нѣтъ даже розни между дочерью и отцомъ. Онъ чловѣкъ не глупый и понимаетъ ее, соглашается съ нею. Но натура Шерстобитова пассивная. Онъ держится девиза: одинъ въ полѣ не воинъ. И Лидіи одной тоже не сокрушить закоренѣлыя предрасудки среды. Ей оставалось выбирать что нибудь одно: или пасть жертвой въ неравной борьбѣ, или укрыться за спиною перваго попавшагося жениха, или очистить поле сраженія. Она выбрала послѣднее, такъ какъ запросы здоровою жизни сильно говорили въ ней.

«Свой-чужіе» — романъ безъ любви. Весь интересъ концентрируется на бытовой сторонѣ описываемой среды, которую авторъ очень тщательно изучилъ. Исполненіе романа полно жизненной правды, искренности и той теплоты, которой проникнуты вообще всѣ произведенія разбираемаго автора. Написать романъ просто, хорошимъ литературнымъ языкомъ, безъ малѣйшей претензіи на какіе бы то ни было эффекты. Въ романѣ получилось вѣрное и безыскусственное отраженіе дѣйствительности съ ея болевыми, намучивающими сторонами. Это произведеніе—хорошій, полезный вкладъ въ литературу.

В. С.

Историческія статьи П. В. Безобразова. Выпускъ первый. Москва. 1893.

Г. Безобразовъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «публика не можетъ интересоваться спеціальными изслѣдованіями, писанными зачастую спеціальнымъ языкомъ, т. е. очень сухо и съ разными малопонятными вы-

раженіями. Съ другой стороны мы видимъ, — продолжаетъ уже не столь справедливо г. Безобразовъ, — что историческія книги, на болѣе широкія темы и написанныя хорошимъ слогомъ, пользуются у насъ успѣхомъ». Это не вполне справедливо. Попробуйте, напримѣръ, написать даже отличнымъ слогомъ трудъ о феодализмѣ: тема весьма широкая, а, между тѣмъ, много ли читателей найдеть такой трудъ, разъ онъ не будетъ пересыпанъ анекдотами, романтическими вставками и бытовыми картинками? Очень немного. Дѣло въ томъ, что широкія, но серьезныя темы не по плечу большинству нашей читающей публики. Если она за что и берется охотно, такъ это именно за статьи бытового характера, одобренныя анекдотами и романтическими сюжетиками. И г. Безобразовъ отлично постигъ эту тайну: по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ его сборникѣ мы находимъ статьи, не заключающія въ себѣ вопреки предисловію широкихъ темъ, но составленныя прямо по вышеуказанному рецепту. Вотъ, напримѣръ, «Черты византійскихъ нравовъ и культуры»; въ этой статьѣ содержатся слѣдующія главы: положеніе женщины, брачныя договоры, женское образованіе, безнравственность, пьянство, византійскій романъ и т. п. Эти сочныя сами по себѣ заглавія скрываютъ за собой премиленькіе рассказы, въ видѣ того, какъ въ чащѣ лѣса Ликенія, хорошенькая жена земледѣльца Храмиса, даетъ неопытному юношѣ Дафнису первый урокъ любви, который послѣ нѣкоторыхъ недоразумѣній оканчивается чрезвычайно удачно. И тутъ же рядомъ авторъ въ благородномъ негодованіи восклицаетъ, что въ Византіи «думали только о виѣшности; идеаль, нравственность, честность, справедливость были пустыми и забытыми словами!». Довольно смѣло ставить рядомъ пикантную скабрёзность и грусть о безнравственности византійцевъ, но несомнѣнно, что такими именно приёмами и пріобрѣтается «популярными книжками» распространённость. Одинаковымъ съ вышеуказанной статьёй характеромъ отличаются и «Очерки средневѣковой жизни» и «Знаменитыя женщины». Четвертая статья въ книгѣ г. Безобразова: «Будущее переселеніе народовъ», грозитъ Европѣ вообще и Россіи въ особенности тѣмъ, что не въ столь продолжительномъ времени китайцы сотрутъ съ лица земли всю европейскую цивилизацію. По мнѣнію г. Безобразова, противъ этой опасности одно орудіе — «самоусовершенствованіе, развитіе всѣхъ культурныхъ началъ умственныхъ и нравственныхъ, стремленіе къ истинѣ и прогрессу». Опять прекрасная фраза, но опять таки она виситъ на воздухѣ и ничѣмъ не связана съ самой статьёй. Видно, что она прямо приставлена авторомъ для красиваго слова.

Какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, П. В. Безобразовъ можетъ разсчитывать на весьма обширный кругъ читателей. С. А.—въ.

П. Г. Мижуевъ. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Изданіе журнала «Русская Школа». Спб. 1893.

Черезъ всю исторію человечества идетъ борьба женщины съ мужчиною за равноправность, и въ жизни отдѣльныхъ народовъ имѣются примѣры, что борьба эта весьма часто была успѣшна для женщины; послѣдняя, благодаря своей настойчивости и долгимъ усиліямъ, всетаки, завоевывала права. Такъ, въ древней Греціи сначала женщина была лишена политическихъ

правъ и не допускалась къ общественной дѣятельности: напримѣръ, ей запрещалось заниматься акушерствомъ, она не могла присутствовать на олимпійскихъ играхъ и т. п. Но въ послѣдствіи греческія женщины эмансипировались главнымъ образомъ въ лицѣ гетеръ, этихъ служительницъ красоты и любви, экономически самостоятельныхъ и лично независимыхъ, получили доступъ къ общественной жизни, къ занятіямъ наукой и искусствами и даже вліяли на дѣла правленія. Тотъ же процессъ эмансипаціи можно отмѣтить въ исторіи Рима. Средніе вѣка, ознаменованные стараніями феодализма и католицизма поработить женщину, были также періодомъ борьбы ея за свою свободу, за самостоятельность своей личности. Въ новое время, женщины Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки успѣшно отвоёвали себѣ тѣ существенныя права, которыя дѣлаютъ ихъ самостоятельными членами общества. Сравнительная малочисленность женщинъ въ Сѣверной Америкѣ, свободный характеръ ея учреждений, религіозно-эмансипаціонное движеніе американокъ, слабое значеніе семейной патріархальности—все это давно уже подготовило пути къ широкому и быстрому развитію женскаго вопроса въ Штатахъ.

Выше названный очеркъ г. Мижуева даетъ изображеніе того, какъ явилось въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки сознаніе необходимости одинаковаго образованія для мужчинъ и женщинъ, и съ какими усиліями американки добились участія въ общественной дѣятельности. Г. Мижуевъ пользовался для своей работы главнымъ образомъ сборникомъ «Женскій трудъ въ Америкѣ» («Woman's work in America», New-York, 1891). Нелишне указать, что въ составленіи этого сборника участвовали восемнадцать женщинъ, изъ которыхъ каждая описала современное положеніе какой нибудь отрасли женскаго труда. Кромѣ того, г. Мижуевъ обращался за матеріаломъ къ нѣкоторымъ другимъ указаннымъ имъ сочиненіямъ, изданнымъ также въ Америкѣ. Въ первыхъ трехъ главахъ очерка авторъ представляетъ исторію женскаго образованія въ Америкѣ, рассматривая этотъ вопросъ въ отношеніи къ востоку, западу и югу Соединенныхъ Штатовъ. Въ восточныхъ штатахъ съ перваго же появленія тамъ колонистовъ народное образованіе пошло быстрыми шагами. Но образованіе касалось одного мужскаго поколѣнія, женщины были лишены этого блага. Только со второй половины XVIII столѣтія начали основываться школы для совмѣстнаго обученія дѣвочекъ и мальчиковъ и спеціально женскія училища. Какъ скоро средняя школа для женщинъ была поставлена прочно, явился новый вопросъ о допущеніи ихъ къ высшему образованію. Для этой цѣли въ восточныхъ штатахъ организовалось нѣсколько колледжей съ высшимъ курсомъ для женщинъ, затѣмъ нѣкоторые университеты стали допускать женщинъ къ слушанію лекцій. На западѣ Соединенныхъ Штатовъ народное образованіе оказалось въ весьма благоприятныхъ условіяхъ, такъ какъ оно тутъ явилось предметомъ заботъ союзнаго правительства и органовъ отдѣльныхъ штатовъ, а также многихъ религіозныхъ сектъ и частныхъ лицъ. При этомъ на западѣ особенно признавалось полезнымъ совмѣстное образованіе половъ; по словамъ г. Мижуева, изъ 5,563 женщинъ, получившихъ въ 1887—1888 учебномъ году высшее образованіе, 4,400 обучались совмѣстно съ мужчинами. Только въ южныхъ штатахъ выразилось нѣсколько иное отношеніе къ народному образованію и въ частности къ женскому: до сихъ поръ на всемъ югѣ незначительная часть школъ содержится городами и штатами, а большинство ихъ находится въ рукахъ

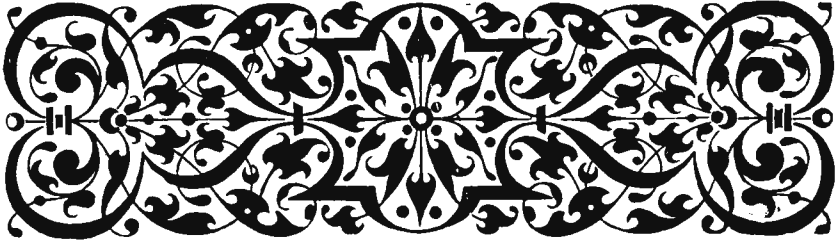
частныхъ лицъ, преслѣдующихъ только однѣ коммерческія выгоды. Въ остальныхъ шести главахъ очерка г. Мижуевъ говоритъ о различныхъ видахъ общественной дѣятельности женщинъ въ Америкѣ; тутъ онѣ представлены, какъ врачи, юристы, проповѣдницы, государственные дѣятели, журналисты, литераторы. Вообще изъ приведенныхъ авторомъ свѣдѣній можно видѣть, что женщина въ Америкѣ, благодаря большимъ успѣхамъ въ образованіи, приобрѣла себѣ обширное и самостоятельное поле для самой разнообразной дѣятельности. Мы не передаемъ подробно содержанія очерка г. Мижуева, но можемъ рекомендовать лицамъ, интересующимся женскимъ вопросомъ, непосредственно обратиться къ занимательному и полезному труду автора.

Н. О.

Н. Н. Оглоблинъ. Библіотека сибирскаго митрополита Игнатія 1700 г. Спб. 1893.

Брошюра г. Оглоблина составлена, какъ и большинство прочихъ его трудовъ, на основаніи дѣлъ Сибирскаго приказа, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ ней рассказывается про слѣдующее происшествіе. Въ 1700 г. патриархъ Адріанъ сослалъ сибирскаго митрополита Игнатія подъ началъ въ Симоновъ монастырь, потому что за поврежденіемъ ума своего онъ, Игнатій митрополитъ, учинился святѣйшему патриарху непослушенъ и противенъ. вмѣстѣ съ тѣмъ вся «рухлядь» митрополита забрана въ Сибирскій приказъ. Въ числѣ другого имущества конфискована была и библіотека Игнатія, въ которой, по описи, оказалось всего-на-всего 20 печатныхъ книгъ да 33 рукописныхъ. Но изъ числа послѣднихъ уже въ самой описи 10 отмѣчено, какъ не принадлежація митрополиту, да, кромѣ того, вскорѣ послѣ конфискаціи пришло въ Сибирскій приказъ челобитье отъ вологодскаго пѣвчаго Ивана Слободскаго, который «великому государю бьетъ челомъ: въ прошломъ, государь, 1700 г., преосвященный Игнатій, въ бытность свою въ Вологдѣ, взялъ у меня, богомольца твоего, пѣвчія нотныя 8 книгъ, а тѣ, государь, книги переплетены въ красную телятвенную кожу, и списавъ тѣ книги, хотѣлъ отдать мнѣ, богомольцу твоему, вскорѣ; а нынѣ, государь, по твоему великаго государя указу, взяты онѣ съ его архіерейской рухлядью въ Сибирскій приказъ. Милосердый великій государь, пожалуй меня, богомольца своего, вели, государь, тѣ мои нотныя книги выдать. Великій государь, смилуйся!». Это слезное прошеніе было уважено, и нотныя книги возвращены Ивану Слободскому. Остальная же библіотека Игнатія вмѣстѣ съ прочею рухлядью отдана была вновь назначенному сибирскому митрополиту Димитрію, который тотчасъ же вслѣдъ за этимъ переведенъ былъ на ростовскую кафедру, такъ что даже не успѣлъ и побывать въ Сибири; тѣмъ не менѣе скудная библіотека митрополита Игнатія имъ возвращена не была. Вотъ и все. Въ бытовомъ отношеніи, пожалуй, можетъ показаться интереснымъ.

С. А—въ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ЛИНКольнЪ, какъ историческая личность, литераторъ и человѣкъ. Какъ французы не устаютъ писать о Наполеонѣ I, такъ и американцы безъ конца пишутъ о Вашингтонѣ, но въ послѣдніе годы начинаетъ расти въ громаднѣхъ размѣрахъ и литература о Линкольнѣ, который въ глазахъ американскаго народа занимаетъ второе мѣсто послѣ отца отечества среди его національныхъ героевъ. Въ послѣднихъ двухъ книжкахъ «Century Magazine» посвящены ему три статьи, возбуждающія общій интересъ. Профессоръ Джонъ Кольманъ Адамсъ старается опредѣлить мѣсто Линкольна въ исторіи и по его словамъ въ послѣдніе годы слава Линкольна среди американцевъ такъ громадно возросла, что мало-по-малу складывается мнѣніе, выдающее въ немъ болѣе, чѣмъ въ Вашингтонѣ, вполнѣ національный типъ американскаго величія. Борьба за прогрессъ производится различными путями, и Адамсъ указываетъ, что, конечно, Линкольнъ не можетъ занять мѣста въ исторіи рядомъ съ бойцами въ пользу этого прогресса съ религіею, политической, экономической, литературной и художественной стороны, то-есть съ Лютеромъ, Гампденомъ, Кобденомъ, Шекспиромъ и Микель Анджело, но социологическая эволюція производится и путемъ великихъ войнъ, предпринятыхъ съ цѣлью достиженія мира: такъ, на поляхъ Марафонскихъ рѣшался вопросъ не о военномъ превосходствѣ персовъ или грековъ, а о торжествѣ мирнаго, культурнаго, прогрессивнаго существованія надъ дикимъ варварствомъ, въ борьбѣ Англійскихъ штатовъ съ Англійей былъ рѣшенъ вопросъ о независимости націй, а борьба между Сѣверомъ и Югомъ велась изъ-за сохраненія федеративнаго начала, при посредствѣ котораго въ Америкѣ доказывалась возможность мирно сохранять единство въ разнообразіи и разнообразіе въ единствѣ. Эту цѣль великой распри, которую американцы вынесли на своихъ плечахъ ради не только

своей родины, но и всего свѣта, вполне понялъ Линкольнъ и ей посвятилъ всю свою дѣятельность, а тѣмъ и опредѣлилъ, по словамъ Адамса, и свое мѣсто въ исторіи. Онъ съ самаго начала борьбы указалъ, что главная задача Сѣвера заключалась не въ освобожденіи негровъ, какъ ни велико было подобное дѣло, а въ торжествѣ болѣе общаго принципа о поддержаніи союза между свободными штатами, такъ какъ при сохраненіи этого союза, доказывавшаго, что возможно мирное существованіе свободныхъ самоуправляющихся крупныхъ человѣческихъ конгломератовъ подъ сѣвню федераціи, было вполне обеспечено раннее или позднее освобожденіе негровъ, а въ случаѣ уничтоженія союза его обломки преградили бы путь къ дальнѣйшему мирному прогрессу. Поставивъ себѣ цѣлью сохраненіе союза, Линкольнъ принесъ въ жертву ей всѣ матеріальныя средства страны и жизнь безконечнаго числа людей, въ томъ числѣ свою собственную, а если при этомъ онъ уничтожилъ рабство, то лишь какъ средство къ осуществленію своей основной идеи. Потому именно, доказываетъ Адамсъ, что Линкольнъ имѣлъ въ виду не одно освобожденіе негровъ, а торжество принципа федераціи, онъ одержалъ побѣду и займетъ въ исторіи мѣсто среди великихъ міровыхъ бойцовъ за миръ, цивилизацію и прогрессъ, рядомъ съ тѣми героями, которые спасли греческую культуру отъ персидскаго варварства и національную свободу Американскихъ штатовъ отъ ига Англіи. Если мы перейдемъ отъ историческаго значенія Линкольна къ его характеристикѣ, какъ человѣка, то увидимъ, что и тутъ онъ имѣлъ много общаго, не смотря на свою странную, экцентричную фигуру типичнаго янки съ классическими героями, и вполне заслуживалъ названія современнаго Аристида, которое ему даетъ Адамсъ. Въ этомъ отношеніи достоинъ полнаго вниманія разсказъ судьи Дэвиса о томъ, какъ онъ велъ себя въ качествѣ адвоката. Однажды Дэвису пришлось судить двухъ убійцъ въ Иллинойсѣ, и защитниками ихъ были Линкольнъ и Леонардъ Светтъ, извѣстный американскій криминалистъ. Процессъ длился два дня и защита, приглашенная богатыми родственниками подсудимыхъ, изощрала всѣ средства, чтобъ ихъ убѣлить, но во второй день вечеромъ къ судѣ по обыкновенію пришли адвокаты, и Линкольнъ сказалъ: «Мы всѣ трое старые товарищи и то, что мы говоримъ между собой, остается вѣчной тайной. Послѣ всего, что произошло на судѣ, я убѣжденъ въ виновности нашихъ кліентовъ и въ справедливомъ показаніи свидѣтелей обвиненія. Поэтому я полагаю, что всего лучше для подсудимыхъ завтра признать себя виновными, и тогда Дэвисъ подвергнетъ ихъ наказанію въ меньшей мѣрѣ. «На это Леонардъ Светтъ возразилъ: «Вы не знаете, Линкольнъ, что покажутъ приготовленные мною свидѣтели». — «Мнѣ рѣшительно все равно, что они покажутъ!» — воскликнулъ Линкольнъ, — такъ какъ свидѣтели обвиненія показали правду, и присяжные имъ повѣрятъ». — «Я съ вами не согласенъ, сказалъ Светтъ, — и предлагаю довести нашу защиту до конца». — «Хорошо», — отвѣчалъ Линкольнъ. На другой день процессъ продолжался, свидѣтели защиты были спрошены и показали противоположное тому, что выяснили свидѣтели обвиненія, но когда наступилъ моментъ для произнесенія рѣчей адвокатовъ, то Линкольнъ шепотомъ сказалъ Светту: «Я не могу защищать этихъ убійцъ; наши свидѣтели все лгали, и я имъ не вѣрю. Защищайте вы одни, если можете». Леонардъ Светтъ произнесъ блестящую рѣчь и присяжные оправдали подсудимыхъ. На другой день Линкольнъ пошелъ къ Светту и отдалъ ему полученные имъ отъ родственниковъ убійцъ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, говоря:

«Вот моя половина изъ платы за вашу защиту, она принадлежит вамъ» Какъ литераторъ, Линкольнъ совершенно неизвѣстенъ, и потому большой интересъ возбуждаютъ его литературные опыты, напечатанные Джономъ Николэемъ, который предпринялъ вмѣстѣ съ другимъ секретаремъ Линкольна Джономъ Геємъ издать «Полное собраніе трудовъ Араама Линкольна, состоящихъ изъ рѣчей, писемъ, государственныхъ бумагъ и т. д.». На этотъ разъ онъ довольствуется обнародованіемъ на страницахъ американскаго журнала двухъ стихотвореній Линкольна и отрывковъ изъ трехъ прочитанныхъ имъ публичныхъ лекцій. Конечно, ни одинъ изъ этихъ литературныхъ опытовъ не выдержитъ серьезной критики и не имѣетъ никакого литературнаго значенія, но все они очень характеристичны, бросаютъ яркій свѣтъ на его замѣчательную личность и объясняютъ, какъ онъ, не получивъ никакого воспитанія и зная, по его собственнымъ словамъ,¹ только «читать, писать и считать до тройного правила», могъ путемъ самообразования выработать себѣ такой блестящій, рельефный и поражающій своей силой литературный стиль, который приводитъ въ восторгъ самыхъ строгихъ критиковъ его знаменитыхъ политическихъ рѣчей и прокламацій. Первая изъ приводимыхъ Николэемъ лекцій посвящена описанію Ніагары, и въ ней замѣчательнѣе всего, въ которомъ онъ указываетъ на главную чарующую прелесть знаменитаго водопада, именно на возбуждаемое имъ сознаніе безконечности, «такъ какъ Ніагара шумѣла, пѣнила и клокотала, когда Колумбъ открылъ Америку, когда Христосъ былъ распятъ на крестѣ, когда Моисей перевелъ израильскій народъ черезъ Черное море, когда Адамъ гулялъ въ раю, и съ тѣхъ поръ она не отдыхала, не останавливалась, не спала ни минуты». Вторая лекція имѣетъ предметомъ адвокатскую карьеру, и въ ней Линкольнъ, самъ долго бывшій адвокатомъ, даетъ молодымъ людямъ, приготавливающимся къ адвокатурѣ, такіе благородные и разумные совѣты, что еслибъ имъ слѣдовали все адвокаты на свѣтѣ, то это сословіе не пользовалось бы такой дурной славой въ нѣкоторыхъ странахъ. Главныя условія для адвоката, по словамъ Линкольна, трудолюбіе, аккуратность, добросовѣстное изученіе дѣла и собраніе всехъ необходимыхъ справокъ, ненависть къ сутяжничеству, искреннее желаніе помирить тяжущихся, не доводя ихъ до суда, пламенное стремленіе возвысить нравственный тонъ своей профессіи, отвращеніе къ излишнему запрашиванію насчетъ платы за свою работу и убѣжденіе, что можно быть честнымъ адвокатомъ, такъ какъ, если «кто либо придетъ къ убѣжденію, хотя и ложному, что нельзя быть честнымъ адвокатомъ, то пусть онъ броситъ адвокатуру и останется честнымъ человѣкомъ». Третья и самая обширная лекція Линкольна посвящена прославленію великихъ открытій и изобрѣтеній, пальму которыхъ онъ отдаетъ изобрѣтенію письма и книгопечатанія, открытію Америки и изданію закона о привилегіяхъ, который развилъ дѣятельность человѣческаго ума.

— Канонизація Іоанны д'Аркъ. Почти пятьсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ католическая церковь покрыла себя поворомъ, предавъ смерти Орлеанскую дѣвственницу, и только теперь она сдѣлала первый шагъ, чтобъ снять съ себя это черное пятно. Дѣло о причисленіи Іоанны д'Аркъ къ лику святыхъ такъ подвинулось, что она уже признана блаженной, а это первая ступень въ лѣствицѣ католическихъ святыхъ, хотя, конечно, нѣсколько странно, что та самая католическая церковь, которая сожгла великую французскую патриотку, какъ кудесницу, или попросту вѣдьму,

во имя христіанской вѣры и по приговору тогдашнихъ католическихъ духовныхъ властей теперь признаетъ во имя той же вѣры и по приговору такихъ же духовныхъ властей, достойной мученическаго вѣнца, составлявшаго доселѣ удѣлъ христіанъ, убитыхъ язычниками, но не представителями христіанской вѣры. Какъ бы не замѣчая ироническаго характера своего положенія, римскіе прелаты, наконецъ, энергично взялись за дѣло, и если еще не скоро, то всетаки несомнѣнно черезъ нѣсколько лѣтъ явится новая католическая святая: св. Іоанна Орлеанская, или св. Жехайна Лотарингская по мѣстному произношенію. Канонизація въ католической церкви составляетъ очень сложную и долговременную процедуру; относительно Іоанны д'Аркъ она началась уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ по инициативѣ извѣстнаго орлеанскаго епископа Дюпанлу, и послѣ него духовное слѣдствіе продолжалось епископомъ Кулье, а когда оно было доведено до конца, то все дѣло, состоящее изъ многихъ томовъ, передано на разсмотрѣніе конгрегаціи обрядовъ въ Римѣ, состоящей изъ двѣнадцати кардиналовъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ Алоизи-Марселла. Основательно изучивъ всѣ представленные документы и сдѣлавъ всѣ необходимыя справки, а также выслушавъ обязательную критику всякой канонизаціи новаго святаго со стороны состоящаго при конгрегаціи особаго должностнаго лица, именуемаго фискаломъ святой вѣры, но болѣе извѣстнаго подъ популярнымъ прозвищемъ «адвоката діавола», конгрегація обрядовъ постановила свой приговоръ въ февралѣ мѣсяцѣ, и въ настоящее время онъ напечатанъ въ официальной ватиканской газетѣ «Le Nouveau Moniteur de Rome». Этотъ приговоръ, имѣющій форму доклада папѣ, начинается съ краткой исторіи Орлеанской дѣвы, и въ ней болѣе всего указывается на ея набожный и добродѣтельный характеръ: такъ между прочимъ говорится, что она служила нравственнымъ примѣромъ для всѣхъ, придавая ангельскій оттѣнокъ исполненію своего долга относительно Бога и ближнихъ, что она, всюду сопровождаемая своимъ духовникомъ, всячески старалась удалить изъ арміи развращающіе элементы и напротивъ развить въ ней религіозныя чувства путемъ проповѣди святыхъ отцовъ, что она никогда не наносила ударовъ врагамъ своимъ мечемъ, а видя раненыхъ на полѣ сраженія, все равно, своихъ или соперниковъ, оказывала имъ нѣжныя попеченія и на сколько могла утѣшала ихъ, что наконецъ она освободила городъ Орлеанъ отъ ужасовъ войны, возвратила обширныя области королевской власти, и по ея милости Дофинъ короновался въ Реймсѣ. Наконецъ, конгрегація пришла къ тому заключенію, что пора увѣнчать болѣе чѣмъ четырехсотлѣтнюю славу ея добродѣтелей и святости причисленіемъ ея къ лику святыхъ, а потому, выслушавъ докладъ кардинала Парокки, она представила на разрѣшеніе папы вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли подвергнуть окончательному разрѣшенію дѣло о рабѣ Божіей, дѣвственницѣ Іоаннѣ д'Аркѣ. Левъ XIII на это согласился и собственноручно подписалъ постановленіе конгрегаціи обрядовъ; этимъ путемъ, согласно правиламъ католической церкви, Орлеанская дѣва признана блаженной, но до лика святыхъ ей еще далеко, и теперь самъ папа начнетъ разсматривать всѣ представленные документы, такъ что нѣсколько лѣтъ пройдетъ прежде, чѣмъ это дѣло будетъ окончательно рѣшено. Конечно, клерикальная пресса во Франціи ликуетъ въ виду этого, во всякомъ случаѣ, значительнаго результата ея давнишнихъ усилій и 22-го апрѣля устроила въ парижскомъ соборѣ Божіей Матери тор-

жественную службу въ честь новой святой. Но и свободно мыслящіе умы во Франціи не имѣютъ ничего противъ подобнаго прославленія великой патріотки, а только стараются опередить католическую церковь и сдѣлать Іоанну д'Аркъ еще прежде «свѣтской святой» въ качествѣ спасительницы отечества и жертвы католическаго гоненія. Для этой цѣли одинъ изъ ея ревностныхъ поклонниковъ, авторъ многихъ о ней сочиненій, Фавръ, внесъ въ парламентъ предложеніе, которое и принято почти единогласно: о признаніи годовщины освобожденія Орлеана національнымъ праздникомъ во всей Франціи, наравнѣ съ 14-мъ іюлемъ, днемъ взытія Бастиліи. Не только во Франціи, но даже въ Англіи, на которой лежитъ значительная доля поворота относительно сожженія Орлеанской дѣвы, фактъ ея канонизаціи возбудилъ всеобщее сочувствіе, нашедшее отголосокъ въ лондонской прессѣ. Изъ всѣхъ статей, посвященныхъ этому предмету, заслуживаетъ наибольшаго вниманія краснорѣчивый очеркъ извѣстной защитницы женскихъ правъ, мистриссъ Фенвикъ-Миллеръ въ *Illustrated London News*. Безпристрастная исторія, по ея словамъ, скажетъ, что не англичане убили добрую, прекрасную, бѣдную Іоанну, а ея соотечественники, патеры, которые завидовали ея сверхъестественному вдохновенію даже болѣе, чѣмъ военные—ея успѣхамъ на полѣ брани. Но всѣ, не принадлежащіе ни къ духовенству, ни къ арміи, какъ тогда, такъ и теперь, чтили и чтутъ ее за благородныя ея качества и удивительныя способности. Необыкновенные военные подвиги этой народной героини почти убѣждаютъ насъ въ сверхъестественномъ происхожденіи ея генія. Она взяла Орлеанъ, который считался неприступнымъ обѣими сторонами, и упорно запретила преслѣдовать покинутыхъ городъ англичанъ, не смотря на всеобщій пылъ французовъ, а теперь достовѣрно доказано, что еслибъ подобное преслѣдованіе состоялось, то достигнутый успѣхъ былъ бы вполне уничтоженъ. Во многихъ другихъ случаяхъ она заявляла мнѣнія, не согласныя съ мнѣніями членовъ военныхъ совѣтовъ, и всегда была права. Въ сущности, она отличалась истиннымъ военнымъ геніемъ, и еслибъ она была не крестьянкой, а крестьяниномъ, и ей пришлось бы только бороться съ преградой низкаго происхожденія, а не съ большей препоной женской неравноправности, то ея судьба была бы совершенно иная, и ея ссылкамъ на небесное вдохновеніе придавали бы такое же значеніе, какъ ссылкамъ на свою «звѣзду» другого военного генія, происшедшаго изъ народа—Наполеона. Но Іоанна отличается отъ всѣхъ знаменитыхъ полководцевъ тѣмъ, что она была вмѣстѣ съ тѣмъ доброй, нѣжной женщиной. Она плакала, узнавъ, что англійскіе солдаты называютъ ее постыднымъ эпитетомъ; она носила мечъ, но никогда его не обгряла кровью и, предводительствуя отрядами, въ самомъ жару битвы всегда держала въ рукахъ только знамя. Въ то же время она предлагала прастъ на конкурсъ съ другими женщинами въ Руанѣ, чтобъ доказать, какъ свойственны ей были женскія работы. Но всѣ ея добродѣтели не могли сохранить ея отъ черной зависти, и католическая церковь, признающая ее теперь святой, подвергла ее смерти только потому, что она осмѣливалась ссылаться на небесное наитіе, безъ помощи патеровъ, а военный людъ допустилъ ея казнь, потому что она превзошла ихъ въ ратномъ дѣлѣ.

— Іезуиты. Въ послѣднее время іезуиты вошли въ моду на западѣ: о нихъ говорятъ въ парламентахъ и пишутъ въ журналахъ и газетахъ; они возвращаются послѣ двадцати-двухлѣтняго изгнанія въ Германію и во время

прошедшаго великаго поста проповѣдовали въ парижскихъ церквахъ, привлекая многочисленныхъ слушателей и въ особенности слушательницъ. Этимъ возрожденіемъ, столь ненавистный всѣмъ друзьямъ прогресса, орденъ Игнатія Лойолы обязанъ съ одной стороны «новому курсу» Вильгельма II, а съ другой — «новому духу» реакціоннаго министерства Казимира Перье. Первый для поддержанія единства Германіи, которому грозятъ партикуляристическія стремленія южныхъ ея государствъ, а также для привлеченія на сторону своего правительства польскихъ депутатовъ при обсужденіи военнаго закона и центра рейхстага для принятія торговаго трактата съ Россіей, былъ вынужденъ войти въ тайное соглашеніе съ іезуитами и не только совершенно отмѣнить послѣдствія знаменитой культурной борьбы Бисмарка, но и согласиться на открытое возвращеніе ордена Лойолы въ предѣлы Германіи, не смотря на то, что въ молодости онъ самъ ненавидѣлъ ихъ и считалъ способными отравлять враждебныхъ имъ людей, какъ свѣдѣтельствуемъ его бывшій учитель Алидей Пижонъ въ статьѣ «Императоръ Вильгельмъ II» во второй апрѣльской книжкѣ «La Vie Contemporaine». Хотя большинство въ рейхстагѣ, по различнымъ причинамъ, приняло эту непопулярную мѣру, но историческая ненависть къ іезуитамъ сохранилась въ такой сильной степени среди нѣмецкихъ протестантовъ и даже либеральныхъ католиковъ, что значительная часть германской прессы встрѣчаетъ этотъ роковой шагъ назадъ гнѣвнымъ осужденіемъ, указывая въ длинномъ рядѣ документальныхъ статей, какое безнравственное вліяніе всегда имѣли іезуиты на всѣ страны, гдѣ они только утверждались. Нѣкоторыя газеты даже прямо указываютъ на примѣръ Россіи, гдѣ іезуиты, повидимому, не могли быть очень опасными въ виду громадной силы православной церкви, но гдѣ, допущенные при Екатеринѣ II, они мало-помалу своими тайными происками дошли до обычныхъ, роковыхъ для покровительствующихъ имъ правительствъ результатовъ, слѣдствіемъ чего было изгнаніе въ концѣ царствованія Александра I этой вредной и ничѣмъ несправимой конгрегации. Но изъ всѣхъ нѣмецкихъ статей по вопросу объ іезуитахъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ двѣ большія статьи въ «Preussische Jahrbücher» графа Гансброха, который откровенно объясняетъ, почему онъ поступилъ въ іезуитскій орденъ и почему черезъ нѣсколько лѣтъ вышелъ изъ него, всетаки оставаясь ревностнымъ католикомъ. Подобная чистосердечная исповѣдь набожнаго человѣка служитъ самымъ драгоцѣннымъ историческимъ документомъ, не имѣющимъ никакого полемическаго характера и доказывающимъ воочію, какая бездна раздѣляетъ добронамѣреннаго, искренняго современнаго человѣка, даже католика, отъ послѣдователей Игнатія Лойолы. Графъ Гансброхъ поступилъ въ іезуиты двадцати шести лѣтъ отъ роду, полагая найти въ этомъ орденѣ идеалъ христіанской жизни, а черезъ тринадцать лѣтъ самаго терпливаго и точнаго исполненія всѣхъ тягостныхъ правилъ конгрегации онъ вышелъ изъ нея, признавъ невозможнымъ дальнѣйшее подчиненіе своей личности, своихъ идей, своей чести и религіи деспотическому игу ордена, не только уничтожающаго въ человѣкѣ всякую свободу воли, всякое умственное развитіе, всякій патріотизмъ и всѣ самыя естественныя, внушенныя самимъ Богомъ, по словамъ графа Гансброха, душевныя стремленія, но и предписывающаго ему такое слѣпое повиновеніе генералу ордена, что онъ долженъ совершать преступленія, если такова воля ятого генерала. Если мы перейдемъ отъ Германіи къ Франціи, то уви-

димъ, что хотя іезуитскій орденъ сохранилъ тамъ, не смотря на такъ называемое клерикалами преслѣдованіе республиканскимъ правительствомъ духовныхъ конгрегацій, нѣкоторую силу, но въ послѣдніе годы онъ пришелъ въ значительный упадокъ, тѣмъ болѣе, что, придерживаясь упорно своихъ ретроградныхъ традицій, что ясно выразилось при недавнемъ избраніи новаго генерала ордена, отца Мартена, іезуиты встали въ разрѣзъ съ своимъ основнымъ принципомъ быть воинами папы, такъ какъ нынѣшній папа высказываетъ во многихъ общественныхъ вопросахъ демократическіе и даже христіанско-соціалистическіе взгляды. Особенно уменьшило вліяніе іезуитовъ развитіе женскаго воспитанія, въ которомъ они уже все менѣе и менѣе принимали участія, распространеніе среди молодежи нео-католицизма, т. е. примиренія христіанскихъ догматовъ съ философіей и наукой, а также замѣтное пониженіе уровня среди іезуитовъ относительно духовнаго краснорѣчія, богословскихъ трудовъ, ученыхъ занятій и т. д. Но, всетаки, оказалась еще искра жизни, и при первомъ удобномъ случаѣ она снова подняла голову. Какъ только реакціонное министерство Казимира Перье и министръ народнаго просвѣщенія Спюллеръ заговорили о «новомъ духѣ», подъ которымъ разумѣется примиреніе правительства съ католическими конгрегаціями, то іезуиты начали свою открытую пропаганду, усиливая вмѣстѣ съ тѣмъ никогда въ сущности не прекращавшіяся тайныя интриги. Ихъ проповѣдники, хотя далеко не замѣчательные, отецъ Дю-Лакъ и отецъ Матиньонъ, имѣютъ значительный успѣхъ въ модныхъ парижскихъ церквахъ, а въ парижскихъ журналахъ поднять іезуитскій вопросъ, причѣмъ романистъ, Пьеръ Лотти, описывая свою побѣдку въ знаменитый монастырь Лойолы, близъ испанскаго города Зумараги, придаетъ поэтическое величіе этому памятнику роковыхъ временъ торжества іезуитизма и инквизиціи, а дипломатъ Флурансъ, восстанавливая по новымъ документамъ исторію неудачной борьбы Наполеона I съ іезуитами, совѣтуетъ Франціи примириться съ религіозными конгрегаціями, а главное съ орденомъ Лойолы, который игралъ такую важную роль въ уничтоженіи первой имперіи союзными европейскими государствами и теперь становится краеугольнымъ камнемъ не только «новаго курса» въ Германіи, но и тройственнаго союза. Первая изъ этихъ статей, помѣщенная въ «Revue de Paris», представляетъ блестящую картинку мрачной, безмолвной колыбели іезуитовъ, служащей до сего времени ихъ главной квартирой, гдѣ происходитъ избраніе генерала ордена. Этотъ громадный, великолѣпный монастырь находится вдали отъ городского, или даже деревенскаго шума и представляетъ колоссальную массу каменныхъ построекъ, окружающихъ часовню, имѣющую видъ громаднаго собора и построенную изъ бѣлаго и чернаго мрамора. Все въ монастырѣ носитъ отпечатокъ простоты, за исключеніемъ одной комнаты, служившей нѣкогда кельей Игнатія Лойолы и поражающей своимъ великолѣпіемъ, такъ какъ стѣны ея увѣшаны красной парчой, и всѣ находящіяся въ ней предметы изъ чистаго золота, въ томъ числѣ и хранилище остатковъ костей и одежды святого. Монастырь такъ великъ, что его безконечные корридоры производятъ впечатлѣніе лабиринта: стѣны ихъ выбѣлены и въ нихъ видяются безчисленныя двери, ведущія въ маленькія кельи, надъ которыми написаны имена ихъ обитателей всевозможныхъ національностей: начиная отъ испанской до французской, англійской, германской и даже русской. Но жемчужиной мрачной оби-

тели, по словамъ Лотти, представляется древній, феодальный замокъ основателя, который сохраняется въ прежнемъ, неприкосновенномъ видѣ, хотя повсюду, даже въ конюшняхъ, устроены часовни, блестящія золотомъ. Снаружи тянутся великолѣпные сады съ тѣнистыми аллеями и цвѣточными куртинами, куда доступъ открытъ для всѣхъ, также какъ и въ самый монастырь, который никогда днемъ не запирается. Художественно нарисовавъ картину, какъ онъ самъ называетъ, этой колыбели іезуитизма и инквизиціи, Лотти какъ бы забываетъ свою объективность и кратко, но рельефно высказываетъ вынесенныя имъ воспоминанія: «Смотря на обитель Лойолы, одно имя котораго какъ-то давить душу, невольно вспоминаешь о тѣхъ жестокихъ, безжалостныхъ приговорахъ, которые шепотомъ постановлялись въ этихъ стѣнахъ, а потомъ приводились въ исполненіе во всѣхъ частяхъ свѣта, тайно, безошадно; это громадное, богатое зданіе съ его тяжелой архитектурой и суровымъ, повелительнымъ характеромъ, скрытое въ горахъ и окруженное открытыми для всѣхъ цвѣточными садами, имѣетъ именно ту фязіономію, которая лучше всего соответствуетъ первоначальному іезуитскому учрежденію. Правила этого ордена дѣйствительно составляютъ самое удивительное изуродованіе христіанства, которое когда либо придумывалъ человѣческій умъ, и если имя Іисуса заключаетъ въ себѣ идеаль любви, доброты и нѣжности, то имя іезуита, которое однако производятъ отъ него, поражаетъ жестокостью, давящей душу. Восхищаясь здѣсь великолѣпными портиками, живописной мѣстностью и лазуревымъ небомъ, я чувствую въ глубинѣ своего сердца какое-то инстинктивное отвращеніе къ іезуитамъ, быть можетъ, происходящее отчасти отъ моего протестантскаго происхожденія. Конечно, я не вѣрю всему злу, которое приписываютъ имъ нѣкоторые увлекающіеся умы, и къ тому же всякое человѣческое учрежденіе должно судить только по тому количеству энтузіазма и утѣшенія, которое имъ пробуждается въ сердцахъ. Но іезуиты для меня непонятны съ суровой безличностью, служащей основой ихъ системы, и они пугаютъ меня ихъ таинственнымъ, почти безграничнымъ могуществомъ». Въ сущности и Флурансъ не сочувствуетъ іезуитамъ и не говоритъ ни одного слова въ пользу ихъ системы въ своемъ очеркѣ «Наполеонъ I и іезуиты», помѣщенномъ въ двухъ книжкахъ «Nouvelle Revue», но онъ боится ихъ и потому предлагаетъ французскому республиканскому правительству вступить съ ними въ союзъ, такъ какъ исторія доказываетъ, что борьба съ ними была не по силѣ даже такому могущественному правительству, какъ первая имперія. Дѣйствительно, очень характеристичный фактъ, что, не смотря на жестокія преслѣдованія, которымъ подвергалъ Наполеонъ іезуитовъ, скрывавшихся подъ различными именами отцевъ Святаго Сердца Христова, отцевъ вѣры, поклонниковъ Іисуса, паканаристовъ и т. д., они также процвѣтали и илѣли столько же во Франціи управляемыхъ ими духовныхъ и воспитательныхъ учрежденийъ въ эту пятнадцатилѣтнюю эпоху гоненія, т. е. отъ 1800 по 1815 гг., какъ въ эпоху ихъ наибольшаго офіціального могущества при реставраціи отъ 1815 до 1830 года.

— Наполеоніана. Собственно говоря, историческій трудъ Флуранса столько же относится къ вопросу объ іезуитахъ, сколько и къ Наполеоновской литературѣ, въ которой все еще не замѣтно ни малѣйшаго упадка, напротивъ мартовскіе и апрѣльскіе номера французскихъ журналовъ переполнены статьями о Наполеонѣ, или о Наполеоновской эпохѣ. «Correspon-

dent» помещаетъ отрывокъ изъ мемуаровъ жены маршала Удино, которая, узнавъ о томъ, что ея мужъ былъ раненъ во время войны 1812 года, при скакала къ нему въ Вильно и оттуда сопровождала его при отступленіи французовъ изъ предѣловъ Россіи; «Revue de Geographie» начала печатать обширный этюдъ Гафареля, о Наполеонѣ I и его стремленіяхъ въ Индію; «La Revue Retrospective» знакомитъ публику съ дневникомъ одного изъ офицеровъ Наполеоновской арміи во время итальянской кампаніи 1796 года. На страницахъ «Revue de Paris» Массонъ, пріобрѣтшій значительный авторитетъ относительно всего, что касается частной жизни Наполеона, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія въ статьѣ подъ заглавіемъ «Napoleon et l'etiquette» о своеобразномъ взглядѣ маленькаго капрала на придворный этикетъ. Считаая съ одной стороны необходимымъ для прочности своей династіи создать блестящій дворъ, а съ другой понимая всю безсмысленность возстанвленія послѣ революціи порядковъ старой монархіи, онъ сдѣлалъ свой дворъ точной по возможности копіей двора Карла Великаго и создалъ для него этикетъ, представлявшій амальгаму средневѣковыхъ и современныхъ обычаевъ; при этомъ онъ нимало не боялся возбудить смѣхъ такой странной смѣсью равношерстныхъ элементовъ, потому что, по его словамъ, «сила никогда не можетъ казаться смѣшной». Питая культъ силы, Наполеонъ между прочимъ чрезвычайно высоко ставилъ Петра Великаго въ ряду героевъ исторіи и, по словамъ Бюфенуара въ «L'Echo de l'Argèue», однажды въ разговорѣ съ Нарбономъ онъ высказалъ слѣдующій взглядъ на Петра Великаго: «Какую удивительную трагедію могъ бы написать истинный поэтъ изъ жизни этого гранитнаго человѣка, столь же твердаго, какъ камни, на которыхъ видѣется Кремль, и основавшаго цивилизацію въ Россіи и русское преемство во Европѣ. Я не могу достаточно удивляться, вспоминая, что Петръ двадцати лѣтъ, безъ всякихъ совѣтовъ, почти безъ воспитанія, въ виду повелительной регентши и всесильной русской партіи, задумалъ и мысленно создалъ все свое царствованіе, взялъ въ руки власть, и съ цѣлью сдѣлать Россію побѣдоносной, завоевательной державой уничтожилъ вышедшую изъ повиновенія милицію стрѣльцевъ, которая казалась единственной силой въ имперіи. Этотъ молодой государь, занимавшійся по общему мнѣнію грубыми забавами, неожиданно произвелъ придворный 18 Брюмеръ и отослалъ Софію въ монастырь, а потомъ создалъ въ одно и то же время армію, флотъ и новую столицу. Что касается до генія Петра Великаго, то его не видяиъ понимаютъ. До сихъ поръ не обращаютъ вниманія на то, что онъ придавалъ себѣ нѣчто, недостающее самому великому человѣку, родившемуся на престолѣ, именно славу достиженія его съ нисшей ступени, преодолевъ всѣ преграды. Петръ Великій добровольно сдѣлался артиллерійскимъ офицеромъ, какимъ я былъ въ началѣ моей карьеры. Это не было съ его стороны комедіей. Онъ уѣхалъ изъ своей родины и на нѣсколько времени отказался отъ престола съ цѣлью научиться жизни простаго человѣка и постепенно взойти снова на свой престолъ. Онъ самъ создалъ себя, какъ меня создала судьба. Вотъ почему онъ занимаетъ совершенно особое мѣсто среди природныхъ монарховъ». Присяжный историкъ французской республики Оларъ доказываетъ въ «Revue Bleue» всю ложность легенды о томъ, что 19-го Брюмера въ Сенъ-Клу, въ залѣ оранжереи, члены совѣта Пятисотъ грозили Бонапарту кинжалами и убили бы его, еслибъ два гренадера не заслонили его своей грудью. По его словамъ, самые достовѣрные факты и документы

подтверждаютъ, что это болѣе ничего, какъ баснословная легенда, придуманная Бонапартомъ для обезпеченія успѣха совершенному имъ государственному перевороту. 19-го Брюмера полицейскіе агенты распространили вечеромъ въ кофейняхъ и въ театрахъ слухъ о покушеніи, которому подвергся Бонапартъ, а ночью наводнили Парижъ копіями его прокламаціи, въ которой рассказывалось, какъ два гренадера, изъ которыхъ одинъ получилъ ударъ кинжала, спасли генерала, «защитника закона», отъ двадцати злодѣевъ, которые бросились на него въ засѣданіи совѣта Пятисотъ и хотѣли убить его. Въ протоколѣ засѣданія упомянуто объ этомъ событіи, а въ газетахъ объявлено, что оба гренадера Томъ и Пурэ были осыпаны милостями, что они обѣдали у генерала, что перваго изъ нихъ, у котораго рукавъ былъ порванъ кинжаломъ злодѣя, гражданка Бонапартъ поцѣловала и дала ему кольцо, стоящее 200 золотыхъ, что наконецъ они оба получили пенсію въ 600 франковъ, какъ національную награду. Хотя членъ совѣта Пятисотъ, Арена, на котораго указывали, какъ на одного изъ псевдо-убійцъ, протестовалъ въ «Journal des Republicains» на другой же день, но его заявленіе было замолчено остальной прессой, и легенда о покушеніи на жизнь Бонапарта пошла гулять по свѣту. Теперь оказывается, что въ ней не было ни слова правды, и, какъ говоритъ Оларъ, лучшимъ ея опроверженіемъ служить послѣдующая военная карьера гренадера Пурэ. Выйдя въ отставку въ 1814 г. съ чиномъ капитана и лишенный при реставраціи данной ему пенсіи за спасеніе Бонапарта, онъ подалъ просьбу Людовику XVIII о томъ, чтобъ ему возвратили эту пенсію; конечно, ему было отказано, но при разсмотрѣніи этого дѣла въ палатѣ депутатовъ 19-го іюня 1819 г. Дюпонъ, въ словахъ котораго никто никогда не сомнѣвался, торжественно сказалъ: «Я былъ тогда членомъ совѣта Пятисотъ, и все произошло при мнѣ, но клянусь честью и заявляю передъ всей Франціей, что не произошло никакого покушенія на жизнь Наполеона, что ему не было нанесено никакого удара кинжаломъ или другимъ смертоноснымъ орудіемъ, и что Пурэ никогда не заслонялъ его грудью отъ убійцъ». Эти слова были подтверждены другими членами совѣта Пятисотъ: Дону, Шабо-Латуромъ, Жардъ-Пенвилье и Жиро, а Савари черезъ нѣсколько дней напечаталъ брошюру, въ которой передаетъ свой разговоръ съ однимъ утѣрь-офицеромъ, рассказывавшимъ ему черезъ два дня послѣ государственнаго переворота, что его товарищъ гренадеръ, нечаянно разорвавшій себѣ о ручку двери рукавъ мундира, былъ неожиданно приглашенъ къ генералу, гдѣ ему объявили, что онъ спасъ Бонапарта отъ убійцъ, и осыпали милостями. Даже принцъ Евгений Богарнэ въ своихъ мемуарахъ не упоминаетъ объ этомъ покушеніи на жизнь Наполеона, хотя онъ присутствовалъ при засѣданіи совѣта Пятисотъ, но, всетаки, означенная легенда украсила страницы официальной исторіи, послѣ того какъ она сослужила большую службу Наполеону, такъ какъ солдаты, которымъ было приказано разогнать совѣтъ Пятисотъ, видимо колебались и только, когда Люсьенъ Бонапартъ объявилъ имъ, что члены совѣта хотѣли убить ихъ генерала за исполненіе воли законодательнаго корпуса, они повиновались, полагая, что поступаютъ вполне законно и какъ преданные республиканцы.

Среди новой обширной наполеоновской литературы «Мемуары канцлера Паскъ» занимаютъ очень видное мѣсто, и «La Vie Contemporaine» еще до выхода третьяго тома печатаетъ нѣсколько любопытныхъ изъ него отрывковъ, насчетъ «Ста Дней». Этотъ, по словамъ Тэна, наиболѣе свѣдущій изъ

очевидцевъ событій первой половины XIX столѣтія сообщаетъ очень важныя и совершенно новыя факты о подгототной извѣстныхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы. Такъ, впервые мы узнаемъ, что европейскія державы заранѣе предпочувствовали возможность подобнаго событія и, чтобы предупредить его, даже совѣщались объ обезпеченіи спокойствія Европы удаленіемъ Наполеона въ такое мѣсто, гдѣ онъ не могъ бы поддерживать никакихъ сношеній со своими сторонниками. Мысль объ этомъ вошла прежде всего въ голову русскому министру Поццо-ди-Борго, и онъ, переговоривъ съ Веллигтономъ и Талейраномъ, уже въ то время предлагалъ помѣстять Наполеона на островъ св. Елены. Паскъе догадывается, что Наполеонъ узналъ объ этомъ намѣреніи европейскихъ державъ и потому ускорилъ свою смѣлую экспедицію. Но наибольшимъ интересомъ и наибольшей новизной отличается любопытное разоблаченіе авторомъ мемуаровъ коварной дѣятельности Фуше въ эпоху «Ста Дней». Когда Людовикъ XVII вернулся въ Парижъ, то всѣхъ удивило, что онъ сдѣлалъ, или скорѣе, оставилъ министромъ Фуше, который занималъ важный постъ министра полиціи при Наполеонѣ, и котораго всѣ роялисты ненавидѣли, какъ одного изъ лицъ, подписавшихъ смертный приговоръ Людовику XVI. Но теперь все дѣло выясняется разсказомъ Паскъе, который блико зналъ Фуше и дѣйствовалъ заодно съ нимъ. Напротивъ, становится непонятнымъ, какъ Наполеонъ, зная его прежнія измѣны и даже предувѣдомленный объ его постоянныхъ сношеніяхъ съ бурбонами, продолжалъ довѣрять ему въ такую критическую эпоху. Паскъе разсказываетъ, что чрезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія Наполеона въ Парижъ онъ видѣлъ Фуше, и тотъ ему прямо сказалъ: «этотъ чловѣкъ (Наполеонъ) ни въ чемъ неисправимъ и такой же деспотъ, такой же безумецъ, только думающій о завоеваніяхъ, какъ всегда; вся Европа набросится на него, и ему будетъ невозможно противостоять, такъ что чрезъ четыре мѣсяца его пѣсня будетъ спѣта. Тогда я не прочь, чтобы вернулись Бурбоны; но на этотъ разъ необходимо дѣло устроить не такъ глухо, какъ сдѣлалъ въ прошедшемъ году Талейранъ: нельзя отдать имъ всѣхъ головой, а надо поставить хорошія условія и потребовать отъ нихъ вѣрныя гарантіи». Тутъ же онъ сговорился съ Паскъе, который былъ парижскимъ префектомъ при Наполеонѣ, но въ послѣднее время находился въ опалѣ и принялъ сторону Бурбоновъ, что въ рѣшительную минуту онъ явится къ нему на помощь, а пока Паскъе оставался въ тѣни, герцогъ же Отрантскій въ тайнѣ готовилъ гибель чловѣка, которому открыто служилъ. Впрочемъ, онъ дѣйствовалъ такъ смѣло и поддерживалъ сношенія съ Бурбонами въ такой прозрачной формѣ, что не только вѣрныя сторонники Наполеона предупреждали его объ этомъ, но даже однажды онъ попался съ поличнымъ. Одинъ изъ секретныхъ агентовъ Фуше былъ перехваченъ, и у него нашли письмо князя Метерниха, который вызывалъ въ Базель уполномоченнаго Фуше для важныхъ переговоровъ, а когда вмѣсто Фуше явился туда агентъ Наполеона, то присланный Метернихомъ секретарь, не подозрѣвая такой подмѣны одного лица другимъ, высказалъ ему, что Австрія не желаетъ возвращенія Бурбоновъ, а предлагаетъ, послѣ пораженія Наполеона, посадить на французскій престолъ герцога Орлеанскаго, или даже сына Наполеона, съ тѣмъ, чтобы послѣдній былъ формально исключенъ изъ числа членовъ совѣта регентства. И всетаки, не смотря на подобныя разоблаченія, императоръ съ непонятнымъ ослѣпле-

ніемъ оставилъ у власти Фуше, давая ему такимъ образомъ возможность довести до конца свои интриги. Конечно, послѣ Ватерло онъ уже снялъ съ себя маску и съ одной стороны настаивалъ на отреченіи Наполеона, а съ другой—торговался съ Людовикомъ XVIII, говоря прямо своимъ помощникамъ, въ томъ числѣ и Паскье: «главное, не торопите меня, а то вы испортите все дѣло, нельзя со дня на день переимѣнить направленіе всѣхъ умовъ, и необходимо мало-по-малу перевести на нашу сторону армію». Спустя нѣсколько дней, Фуше уже сошелся съ Веллингтономъ, торговался съ Людовикомъ XVIII, и Бурбоны возвратились въ Парижъ. Поэтому ясно, что король не могъ не сдѣлать министромъ человѣка, которому онъ былъ обязанъ престоломъ. Не менѣе интересны совершенно новыя свѣдѣнія, сообщаемыя Паскье о маршалѣ Груши, который, какъ извѣстно, былъ причиною Ватерлооскаго погрома. На военномъ совѣтѣ въ Шарлеруа Наполеонъ роздалъ всѣмъ маршаламъ корпусъ въ своей арміи, и одинъ изъ нихъ, который долженъ былъ защищать правую сторону, достался Груши, только что произведенному въ маршалы, за преданность императору въ дѣлѣ съ герцогомъ Ангулемскимъ. Но черезъ четверть часа, послѣ закрытія совѣта, маршалъ Сульть явился къ Наполеону и, отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, объявилъ ему, что Груши былъ хорошій генералъ и могъ прекрасно исполнить приказанія главнокомандующаго на полѣ битвы; но онъ не въ состояніи самъ руководить рѣшительными движеніями, отъ которыхъ могъ зависѣть исходъ битвы, а ему была поручена такая часть арміи, отъ которой будетъ зависѣть успѣхъ кампаніи. Наполеонъ призналъ всю справедливость этихъ замѣчаній, подумалъ нѣсколько минутъ и произнесъ: «вы правы, маршалъ Груши не силенъ въ дѣлѣ командованія, но что вы хотите, я далъ ему маршальскій жезлъ и не могу отказать ему въ командованіи корпусомъ; къ тому же я приставилъ къ нему лучшихъ двухъ дивизионныхъ генераловъ во всей арміи; они будутъ имъ руководить, и я самъ не спущу съ него глазъ». На это Сульть отвѣчалъ: «какъ вамъ угодно, ваше величество; мы сняли съ себя всякую отвѣтственность». И въ этомъ случаѣ, какъ относительно Фуше, Наполеонъ, подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго ослѣпленія, самъ подготовлялъ себѣ гибель. Наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ этого страннаго обстоятельства можетъ служить теорія лорда Вольслея, который попрежнему, въ новой своей статьѣ въ «Pall Mall Magazine» «Объ упадкѣ и паденіи Наполеона», посвященной кампаніи 1813 года, указываетъ, что въ послѣдніе свои года Наполеонъ былъ уже не тѣмъ, чѣмъ въ эпоху своей славы, и что его умственные и физическія силы значительно ослабли. Какъ въ предыдущей статьѣ англійскій генералъ объяснялъ этой причиною неуспѣхъ похода 1812 года, такъ и теперь, въ мастерски написанномъ очеркѣ военныхъ дѣйствій 1813 года, онъ указываетъ, что планъ ихъ былъ задуманъ Наполеономъ съ прежней смѣлостью, и вполнѣ достоинъ его военнаго генія, но въ исполненіи его онъ не выказалъ прежней рѣшительности и энергіи, а главное, послѣ перваго успѣха предоставлялъ слишкомъ много инициативы своимъ маршаламъ, которые безъ его личныхъ распоряженій оказались не на высотѣ своего назначенія. Подобнымъ образомъ лордъ Вольслей объясняетъ нерѣшительный результатъ Люценской и Бауценской битвъ, а также неуничтоженіе союзныхъ армій подъ Дрезденомъ, что должно было неминуемо послѣдовать, если бы Наполеонъ не прекратилъ преслѣдованія союзниковъ. Что же касается до двухдневной Лейпцигской битвы, побудившей Наполеона отступить

во Францію, то онъ выказалъ въ ней чудеса военного искусства, но съ одной стороны его давила многочисленность враговъ, а съ другой—погубила, въ критическую минуту, измѣна саксонцевъ и виртембергцевъ, которые во время битвы перешли на сторону непріятеля. «Въ военной игрѣ, которая теперь въ большой модѣ въ англійской арміи,—говоритъ въ концѣ своей статьи лордъ Вольслей,—обыкновенно бросаютъ жребій въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются отряды одинаковой силы, и многіе, полагая, что война математическая наука, встаютъ противъ введенія, даже въ пародію войны, элемента случайности, но люди, знающіе на опытѣ, что такое война, съ улыбкой слышатъ подобную критику, они знаютъ, что случайная боль въ животѣ, или соринка въ глазу у главнокомандующаго можетъ въ критическую минуту рѣшить исходъ битвы. Обстоятельства, ведущія къ побѣдѣ или къ пораженію, часто обязаны въ своемъ происхожденіи случаю, роль котораго исполняетъ жребій въ военной игрѣ. Въ кампанію 1813 года всѣ планы Наполеона были задуманы воплію гениально и безукоризненно, и, примѣняя ихъ, онъ не жалѣлъ своихъ силъ, пока онъ ему не измѣняли, а если, въ концѣ концовъ, счастье постоянно отъ него отворачивалось, то это происходило отъ того, что таинственный недугъ въ критическую минуту заставлялъ его бездѣйствовать и довѣрять своимъ помощникамъ; такъ было при Бородинѣ, такъ было и подъ Дрезденомъ».

Но, конечно, для насъ наибольшій интересъ изъ новѣйшихъ статей о Наполеонѣ представляетъ конецъ отрывочныхъ замѣтокъ генерала Драгомира, подъ общимъ заглавіемъ «Boutades Militaires» въ «La Vie Contemporaine». Въ этой новой части своего любопытнаго очерка о главныхъ элементахъ военного гениа Наполеона русскій генералъ прежде всего указываетъ, что для полной оцѣнки каждаго сраженія мало знать только его техническую сторону, но необходимо принимать въ соображеніе и психологическую, то-есть, то впечатлѣніе, которое это сраженіе произвело на профановъ, какъ лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе, такъ и зрителей. «Техническая сторона,—говоритъ онъ,—до того сложна, что профессиональные историки обыкновенно не идутъ далѣе и совершенно не обращаютъ вниманія на психологическую сторону, а въ ней вся суть. Что бы тамъ ни говорили, а великія дѣла дѣлаются для толпы и толпой. Она для васъ рабъ, или господинъ, смотря по тому, умѣете ли вы, или нѣтъ, влѣзть въ ея душу и овладѣть ея воображеніемъ. Я самъ болѣе или менѣе страдалъ означеннымъ грѣхомъ всѣхъ профессиональныхъ историковъ, до того дня, какъ лично совершилъ паломничество на Аустерлицкое поле битвы. Я прибылъ туда съ юга, то-есть со стороны Сатганскаго озера, которое, впрочемъ, теперь не существуетъ и представляетъ великолѣпное пастбище. Когда я спросилъ у встрѣтившагося мнѣ поселянина, не слышалъ ли онъ, что въ этой мѣстности когда-то была битва, то онъ отвѣчалъ: «конечно, мой дѣдъ мнѣ часто говорилъ объ этомъ. Онъ самъ видѣлъ сраженіе. Сначала французы были налѣво, а наши и ваши направо, а потомъ, никто не знаетъ, какимъ образомъ французы очутились направо, а ваши налѣво, и многіе изъ нихъ погибли въ озерѣ». Этотъ простой, наивный рассказъ настоящаго профана былъ для меня истиннымъ откровеніемъ. Онъ безхитростно передавалъ то, что ему говорилъ дѣдушка, но спустя шестьдесятъ лѣтъ въ этомъ рассказѣ свѣжо сохранилось впечатлѣніе, что совершилось нѣчто необыкновенное, нѣчто чудесное. Съ этой минуты я пришелъ къ тому заключенію, что для

полной оцѣнки сраженія мало знать, кто куда пошелъ, но необходимо усвоить себѣ то впечатлѣніе, которое оно произвело на очевидцевъ». Эту теорію Драгоміровъ примѣняетъ къ первой наполеоновской побѣдѣ подъ Арколею и даже объясняетъ чертежемъ, какое впечатлѣніе сверхъестественнаго чуда произвело на веронцевъ то обстоятельство, что онъ ушелъ изъ города въ одну сторону, а вернулся съ противоположной, такъ какъ сдѣланный имъ кругъ былъ для нихъ не виденъ. Переходя отъ опредѣленныхъ имъ въ предыдущей статьѣ главныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ того, что принято называть наполеоновскимъ гениемъ, къ основнымъ чертамъ его характера, Драгоміровъ замѣчаетъ, что онъ не только былъ во Франціи чужезацемъ, но, получивъ даже французское воспитаніе, принадлежалъ къ совершенно иному типу цивилизаціи, а потому, какъ корсиканецъ скорѣе четырнадцатаго, чѣмъ восемнадцатаго столѣтія, онъ смотрѣлъ на Францію, какъ на орудіе, которымъ пользовался безъ зазрѣнія совѣсти для достиженія силы и славы. Обладая такимъ орудіемъ, онъ совершилъ великія дѣла и причинилъ великія бѣдствія. Тѣ, которые имѣютъ въ виду только первыя, называютъ его великимъ человѣкомъ, а тѣ, которые сосредоточиваютъ свое вниманіе на послѣднихъ, считаютъ его бичемъ, антихристомъ, канальей, «да, канальей,—замѣчаетъ Драгоміровъ,—пусть онъ былъ каналья, но великая каналья, а это все равно, что великій человѣкъ, потому что только тотъ можетъ сдѣлать великое добро, кто въ состояніи сдѣлать великое зло. Не всякій, кто хочетъ, можетъ быть великимъ человѣкомъ. Не мало бывало наполеончиковъ въ зародышѣ, но у нихъ не хватало духа дойти до настоящаго Наполеона». Относительно бесспорнаго факта, что Наполеонъ во зло употреблялъ свой гений, русскій генералъ замѣчаетъ, что хотя считаютъ парадоксомъ идею о различіи между индивидуальной и общественной этикой, но оно всегда существовало и всегда будетъ существовать: политики и въ особенности полководцы не могутъ быть моралистами и если, по его словамъ, великой грѣшницѣ были прощены ея грѣхи за то, что она много любила, то и французскому цезарю можно многое простить за его великую смѣлость. Въ концѣ своей, во всякомъ случаѣ, любопытной статьи Драгоміровъ задаетъ себѣ два вопроса: во-первыхъ, можетъ ли быть въ будущемъ новый Наполеонъ, а, во-вторыхъ, можетъ ли имѣть вліяніе на будущую войну, при теперешнихъ ея новыхъ условіяхъ, психологическая сторона воюющихъ сторонъ? На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ, что всякій, безпристрастно изучающій исторію, долженъ придти къ заключенію, что если Цезарь, Магометъ, Чингисханъ, Атилла и Наполеонъ могли существовать въ прошедшемъ, то подобные имъ типы могутъ явиться и въ будущемъ, такъ какъ никакое развитіе цивилизаціи, никакія открытія человѣческаго ума не могутъ помѣшать подобнымъ людямъ магически дѣйствовать на массы. Что касается до втораго вопроса, возбужденнаго не самимъ авторомъ, а редакторомъ «La Vie Contemporaine», Жюлемъ Симономъ, то онъ склоняется къ тому мнѣнію, что въ войнѣ психологическая сторона ни мало не потеряла своего значенія, не смотря на всѣ новѣйшія усовершенствованія средствъ къ истребленію людей. «Въ былыя времена,—говоритъ онъ,—ружья били на 200 метровъ и пушки на 1.500, а теперь ружья бьютъ на 2.000 метровъ и пушки на 6.000; прежде войска дѣлали въ сутки 25 и 30 километровъ, а въ настоящее время въ сутки можно перевести большіе отряды на 300 и 400 километровъ. Все это, конечно, составляетъ

большую перемѣну, но она исключительно матеріальная. Побѣду одерживаютъ не одной пальбой и быстротой движенія, а въ концѣ концовъ нужно встрѣтиться грудь съ грудью, а тогда дѣло уже идетъ не о томъ, у кого лучше оружіе и кто скорѣе прибылъ на поле битвы, а кто меньше боится за свою шкуру, кто больше выкажетъ энергіи и стойкости, кто лучше умѣетъ постоять за себя, а въ случаѣ надобности и умереть. Однимъ словомъ, все сводится къ личной доблести человѣка, такъ какъ все дѣло какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время въ человѣкѣ». Далѣе, рассматривая нравственныя и физическія свойства современнаго человѣка, по отношенію къ военнымъ массамъ, русскій генералъ указываетъ, что если Наполеонъ приписывалъ три четверти успѣха въ битвѣ психологической причинѣ, а одну четверть матеріальной, то въ настоящее время первая играетъ еще большую роль такъ какъ, при краткомъ срокѣ военной службы и кратковременности войны, когда таковая вспыхиваетъ, солдаты менѣе опыты и болѣе впечатлительны, чѣмъ въ старину. Въ концѣ концовъ, Драгоміровъ приходитъ къ тому заключенію, что, вѣстакі, самое главное на войнѣ солдатъ, а для подготовки идеальнаго солдата необходима разумная система воспитанія, которая причала бы въ мирное время будущаго солдата къ совнанію того, что такое опасность и какъ ее преодолевать личной доблестью.

— Воспоминанія французскаго романиста и американки о Декабрьской имперіи. Во второй мартовской книжкѣ «Revue de Paris» напечатаны неизданныя письма Октава Фелье къ его женѣ, въ которыхъ онъ рисуетъ цѣлый рядъ блестящихъ картинокъ придворной жизни при Наполеонѣ III. Конечно, пользуясь милостивымъ вниманіемъ императора и въ особенности императрицы, модный тогда романистъ описываетъ въ очень радужныхъ краскахъ все, что онъ видѣлъ въ Компьенѣ и Фонтенебло, но, не смотря на его восторженное, хвалебное и скользющее только по виѣшней сторонѣ придворной жизни перо, въ его письмахъ встрѣчается много любопытныхъ чертъ для характеристики той роковой эпохи, за мишурный блескъ которой пришлось такъ дорого заплатить Франціи. Эти письма принадлежатъ къ двумъ, рѣзко отличающимся другъ отъ друга, періодамъ второй имперіи: письма изъ Компьена относятся къ самымъ веселымъ, счастливымъ днямъ императрицы Евгеніи, которая также неограниченно царила въ модномъ свѣтѣ, какъ ея мужъ въ политическомъ, именно къ трехлѣтію отъ 1862 до 1865 гг., а письма изъ Фонтенебло уже писаны въ 1868 году, когда, по словамъ самого Фелье, «слышались шаги быстро наступающихъ трудныхъ временъ». Въ Компьенѣ всѣ только и думали объ удовольствіяхъ, и сорокалѣтній, извѣстный писатель, а также академикъ, не находилъ страннымъ участвовать въ общемъ безумномъ весельѣ: такъ, онъ не только танцевалъ, писалъ стихи, пѣлъ и сочинялъ шарады, но игралъ въ нихъ самыя каррикатурныя роли, одѣваясь то старымъ садовникомъ, то туристомъ въ невозможномъ пестромъ костюмѣ, то клоуномъ въ трико съ блестящими и побрякушками на рукахъ и ногахъ. Успѣхъ въ этой роли придворнаго шута очень тѣшилъ автора «Monsieur de Camors», и онъ съ гордостью писалъ своей женѣ, что Понсаръ, другой извѣстный литераторъ и безсмертный, приходитъ въ отчаяніе отъ сравнительнаго фіаско сочиненныхъ имъ шарадъ. Впрочемъ не одни писатели разыгрывали подобную недостойную роль, а всѣ въ Компьенѣ, начиная отъ самой императрицы, кружились въ какой-то безумной пляскѣ св. Витта. Такъ, однажды, пригласивъ на передобѣденный чай четы-

рехъ шотландскихъ лордовъ, гостившихъ въ Компьенѣ, въ томъ числѣ стараго герцога Атоля, Евгенія стала просить, чтобъ они надѣли свой національный костюмъ и протанцовали національную пляску, а когда лорды исполнили только ея первое желаніе, то она сама вмѣстѣ съ принцессой Метернихъ и графиней Валевской проплясала безшабашный фантастическій гигъ, послѣ чего и лорды, не исключая стараго герцога, нашли нужнымъ пойти въ плясъ подъ звуки волынки, на которой игралъ одинъ изъ сопро-вождавшихъ ихъ шотланцевъ. Въ другой разъ императоръ, войдя въ комнату также во время передобѣденнаго чая, громко воскликнулъ: «Евгенія, тебя спрашиваетъ какой-то конюхъ». Съ этими словами онъ отворилъ дверь, и маленькій императорскій принцъ вошелъ въ комнату въ костюмѣ придворнаго конюха, держа на цѣпи двухъ красивыхъ бѣлыхъ собакъ. Самъ Наполеонъ иногда принималъ участіе въ общихъ удовольствіяхъ и въ тотъ день, когда было получено извѣстіе о смерти португальскаго короля, онъ обнаружилъ неизвѣстно почему чрезвычайную веселость и самъ сочинялъ одну игру за другою, причемъ, съ нарушеніемъ всякаго этикета, устроилъ между прочимъ игру, состоящую въ томъ, чтобъ держать въ рукахъ зажженную свѣчку и произносить безъ смѣха: «умеръ король мароккскій». Естественно, что при такомъ настроеніи двора съ хозяевами въ Компьенѣ обращались очень фамиллярно, и даже нѣкоторые изъ приближенныхъ лицъ къ императору позволяли себѣ самыя странныя выходки; такъ, однажды Персиньи на замѣчаніе императрицы, что она много получаетъ писемъ отъ сумасшедшихъ, отвѣчала, что сумасшедшіе всегда подчеркиваютъ многія слова, а когда она воскликнула съ беспокойствомъ: «Ахъ, не говорите этого, я сама часто подчеркиваю слова въ своихъ письмахъ», то онъ спокойно сказалъ: «Не тревожьтесь, это только первая степень сумасшествія». «А у васъ уже вторая степень», — отвѣчала гнѣвно Евгенія. Рассказывая обо всемъ этомъ женѣ въ своихъ откровенныхъ письмахъ, Октавъ Фелье не скрываетъ, что иногда имъ «овладѣвало отвращеніе къ жизни», но онъ увѣряетъ, что его утѣшала мысль о «необходимости быть философомъ», хотя онъ, очевидно, мѣшаетъ понятіе о философѣ съ понятіемъ о придворномъ шутѣ. Письма изъ Фонтенебло, гдѣ Октавъ Фелье исполнялъ должность бібліотекаря, хотя и переполнены дифирамбами императрицѣ, которую онъ называетъ «двадцатилѣтней торжествующей, воздушной, обворожительной Діаной», «нѣжной, мужественной монархиней, которая оставить въ исторіи челоуѣчества свой неизгладимый, поэтический, чарующій слѣдъ», а также восхваленіями императора за его доброту и за тогдашнія либеральныя реформы, но отличаются уже другимъ, болѣе серьезнымъ тономъ. Въ нихъ уже нѣтъ помина о безумно-веселыхъ продѣлкахъ, составлявшихъ всю суть компьенской жизни, а напротивъ встрѣчаются разговоры о политикѣ, о чемъ прежде никто и не думалъ: такъ, Фелье передаетъ, что Евгенія съ большимъ чувствомъ рассказывала о томъ, какъ во время посѣщенія императоромъ Александромъ II Фонтенебло парижскій префектъ увѣдомилъ императора, что изъ Парижа выбыла туда же извѣстный политическій злоумышленникъ, котораго, не смотря на всѣ усилія, полицейскіе агенты не могли поймать, а потому Наполеонъ III и она, опасаясь покушенія во время проѣзда въ коляскѣ съ желѣзнодорожной станціи до дворца, старались прикрыть своей особой русскаго государя отъ могущаго произойти выстрѣла, хотя они ему ни слова не сказали о грозившей ему опасности. Она также со слезами говорила о кавни Макси-

миліана въ Мексикѣ и сочувственно одобряла идеи моднаго романиста о томъ, что предпринятая императоромъ либеральныя реформы необходимо было довершить децентрализацией, т. е. противопоставленіемъ опасному господству Парижа провинціального самоуправленія, которое могло оказать императору такую же услугу, какую нѣкогда оказали свободныя общины королямъ. И съ Наполеономъ III Октавъ Фелье имѣлъ въ Фонтенебло политическіе разговоры. Самый характеристичный изъ нихъ начался по поводу тогдашнихъ либеральныхъ реформъ, и на замѣчаніе романиста, что императоръ въ этомъ отношеніи былъ вполне правъ, онъ отвѣчалъ съ меланхолической улыбкой: «Мы увидимъ, если успѣхъ увѣнчаетъ наши усилія». Октавъ Фелье повторилъ, что императоръ былъ правъ, и прибавилъ, что положеніе политическихъ дѣлъ состояло въ томъ, что императоръ и Франція принадлежали къ лѣвому центру, а большинство законодательнаго корпуса къ правому центру. Наполеонъ разсмѣялся и сказалъ: «Это вѣрно, но бѣда въ томъ, что крайности легко увлекаютъ нашу страну. Посмотрите, брошюры Рошфора расходятся въ ста тысячахъ экземпляровъ, а онъ даже не остроумны, а только осыпаютъ меня бранью. Я понимаю, что сочиненіе, въ которомъ писатель пламенно излагаетъ волнующую страну идею, можетъ имѣть большой успѣхъ, но памфлетъ, не имѣющій смысла и не выражающій справедливой идеи, не долженъ бы обращать на себя такого вниманія». Съ обычной ловкостью придворнаго Фелье замѣтилъ, что Рошфора читаютъ, но презираютъ, а императоръ сказалъ со смѣхомъ: «Вотъ то-то и бѣда, что женщину презираютъ, но снять съ нею». Послѣ этого Наполеонъ III задумался, и «трудно было сказать,—замѣчаетъ Фелье,—о чемъ онъ думалъ». Во всякомъ случаѣ предметомъ его тогдашней думы не могъ быть печальный конецъ веселой Декабрьской имперіи, который долженъ былъ наступить спустя два года.

Объ этой роковой развязкѣ восемнадцатилѣтней безумной трагикомедіи, которая довела Францію до края бездны, мы находимъ интересныя подробности въ статьѣ Анны Бикнелъ въ мартовскомъ номерѣ Century Magazine подъ заглавіемъ: «Тюльери при второй имперіи». Эта американка сама жила въ старинномъ дворцѣ французскихъ государей, хотя и неизвѣстно въ качествѣ чего, а потому первую часть своей статьи она посвящаетъ выясненію нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ сторонъ внутренней жизни въ Тюльери, которая, по ея словамъ, была очень неудобная, благодаря дурнымъ санитарнымъ условіямъ, отсутствію во время большей части царствованія Наполеона III водопроводовъ, тѣснотѣ жилыхъ комнатъ, очень низенькихъ и полутемныхъ, военной дисциплинѣ, которая требовала, чтобъ всѣ, живущіе во дворцѣ, возвращались не позднѣе двѣнадцати часовъ, постояннымъ притѣсненіямъ придворнаго управленія, посылавшаго рабочихъ для различныхъ поправокъ въ самые невозможные часы дня, и вѣчному надзору переодѣтыхъ полицейскихъ агентовъ, которые кишѣли во дворцѣ и вокругъ него. Однако, вѣншній блескъ былъ такъ великъ, что даже въ главахъ американки онъ вполне ступевывалъ оборотную сторону медали, и она увѣряетъ, что не скоро Парижъ увидитъ снова такую эпоху роскоши и великолѣпія, какъ десятилѣтіе, окончившееся всемірной выставкой 1867-го года, когда всѣ европейскіе государи перебивали въ гостяхъ у Наполеона III. Она даже старается свалить отвѣтственность за Седанскій погромъ на физическое ослабленіе, вызвавшее и упадокъ умственныхъ силъ у императора, и хотя признаетъ, что импе-

императрица подбивала мужа объявить войну, прямо говоря: «это моя война», чего Франція никогда не проститъ ей, но считаетъ, что во всякомъ случаѣ Евгенія не заслуживала, чтобъ ее такъ недостойно бросили въ критическую минуту всѣ окружающія ее лица. По словамъ Анны Бикнелъ, разыгранная 4-го сентября драма въ Тюльери была самая печальная и позорная для тѣхъ, которые пользовались всѣми благами имперіи, пока она существовала, и тотчасъ отвернулись отъ нея, какъ только наступилъ ея конецъ. Получивъ отъ Наполеона роковую телеграмму: «Армія побѣждена и въ плѣну, я самъ узникъ», императрица созвала совѣтъ министровъ, на которомъ генераль Троши торжественно объявилъ: «Я католикъ и бретонецъ и скорѣе умру у вашихъ ногъ, чѣмъ допущу васъ до какой нибудь бѣды»,— а спустя нѣсколько часовъ онъ уже былъ главой временного правительства. Всѣ министры и важныя сановники заботились только о своемъ личномъ спасеніи; даже придворные, умоляя Евгенію бѣжать изъ Тюльери, уже осажденнаго народными толпами, не предлагали ей ни малѣйшей помощи, и никто изъ нихъ не думалъ сопровождать ее въ бѣгствѣ, или даже спросить у нея, куда она удалится. Только итальянскій и австрійскій послы, явившись къ ней въ послѣднюю минуту, проводили ее вмѣстѣ съ г-жею Лебретонъ, занимавшей второстепенное мѣсто при дворѣ, чрезъ луврскія галереи на площадку, выходящую противъ церкви Saint-Germain l'Auxerrois, гдѣ они посадили обѣихъ испуганныхъ женщинъ въ наемную карету и приказали извозчику ѣхать какъ можно скорѣе, что онъ и исполнилъ изъ страха приближавшейся вооруженной толпы, кричавшей: «Да здравствуетъ республика». У Евгеніи не было денегъ, и она не знала, куда ѣхать, когда извозчикъ сталъ приставать къ ней съ подобнымъ вопросомъ. Она на удачу назвала нѣсколькихъ своихъ друзей, но всѣ они оказались не дома, и тогда ей пришло въ голову искать убѣжища у американскаго дантиста Еванса, который вмѣстѣ съ своей женой принялъ бѣгянку самымъ радушнымъ образомъ и самъ отвезъ ее въ Англію.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Книга Іенча противъ Россіи.— Французскій переводъ трехъ русскихъ драмъ.— Два англійскихъ и одинъ нѣмецкій переводы послѣдняго произведенія Л. Н. Толстого.— Англійскій переводъ записокъ Беньовскаго.— Итальянская книга о Россіи.— Жизнь и мемуары принцессы Ольденбургской.— Разоблаченіе армянскаго историка Моисея Хоренскаго.— Исторія четырехъ женъ Вильгельма Молчаливаго.— Тайна Генриха V.

ВТО ВРЕМЯ, когда благоразумные нѣмцы вмѣстѣ съ нами радуются заключенію торговаго договора, обезпечивающаго на десять лѣтъ миръ въ Европѣ, нѣмцы менѣе разумные, но зато глубокіе политики, продолжаютъ свои, хотя и безвредныя, но всетаки задорныя вылазки противъ Россіи. Передъ самымъ подписаніемъ договора, ученый Карлъ Іенчъ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Ни комунизма, ни капитализма!», въ которомъ излагаетъ свои измышленія о великой задачѣ внѣшней политики нѣмцевъ и о «странѣ, удобной для ихъ колонизаціи». Колонизовать эту сосѣднюю страну нѣмецъ сбирается не постепенными, мирными переселеніями въ нее голодныхъ соотечественниковъ, а разомъ, открытою силою занявъ ея окраины, предоставленныя самимъ Господомъ Богомъ нѣмецкому владычеству. «Россія для насъ,—говоритъ Іенчъ,—такая же земля, какою были земли славянъ къ востоку отъ Инна и Эльбы для нашихъ предковъ, она есть наша страна, предназначенная самою природою для нашей колонизаціи». Прямая миссія нѣмцевъ—просвѣщать русскихъ, а обязанность Россіи—принимать это просвѣщеніе. «Нѣмцы вливали свѣжія струи въ русское варварство, составили въ немъ интеллигенцію, насадили промышленность, наложили на страну печать европейской культуры, которая, однако, не про-

ника въ этотъ народъ; не умѣющей обработывать свою землю удобнымъ европейскимъ способомъ, между тѣмъ какъ успѣлъ же это сдѣлать тоже нецивилизованный, но дѣятельный болгарскій народъ. Положеніе русскаго крестьянина извѣстно всѣмъ: погруженный въ спиртные пары и лѣность, онъ падаетъ все ниже, и если что нибудь зарабатываетъ, то все это отнимаетъ ничего не производящій ростовщикъ, и крестьянинъ умираетъ съ голоду на самой плодородной почвѣ. Землю свою, вслѣдствіе разбойничьяго способа обработки, онъ все болѣе ухудшаетъ, вырубаетъ лѣса, оставляетъ рѣки заноситься пескомъ. Русскій служилый классъ ни къ чему не способенъ, и въ немъ всѣ поголовно взяточники; интеллигенція состоитъ изъ отчаявшихся нигилистовъ и утопистовъ». Съ цѣлью просвѣщенія Россіи Генчъ совѣтуетъ послать въ нее десять милліоновъ нѣмцевъ. Войны нечего бояться: русскіе будутъ, конечно, разбиты, а «обнищавшее русское дворянство будетъ очень радо найти покупателей и арендаторовъ для своихъ земель, и спившіеся крестьяне будутъ рады перемѣнить свое оброчное рабство на легкую службу у хозяйственныхъ господъ, которые будутъ ихъ кормить. Россія относится къ намъ, какъ варварство къ цивилизации, но долгъ носителей культуры—побѣдить варварство, и теперь это легко сдѣлать соединенными силами Германіи и Австріи». Но для расхоловавшегося аппетита носителей культуры мало одной Россіи: имъ нужна еще южная Сибирь, Малая Азія и Сирія, и Генчъ сочиняетъ такое политическое устройство: «въ Россіи и въ передней Азіи должны образоваться республики подъ номинальнымъ верховенствомъ царя и Порты, но подъ покровительствомъ германскаго императора. Восточная Европа и передняя Азія составятъ сильное нѣмецкое государство, опору европейской культуры противъ русскихъ и монгольскихъ ордъ. Нечего бояться, что нѣмцы между славянами и турками обрусѣютъ или отурчатся: горсть колонистовъ у Балтійскаго моря втеченіе вѣковъ, преслѣдуемая славянами, сохранила однако нѣмецкій языкъ, нѣмецкій духъ и нѣмецкія права». Въ заключеніе своей изумительной политической комбинаціи республики съ царемъ, турками и нѣмецкимъ императоромъ, Генчъ совѣтуетъ единоземцамъ слѣпить съ колонизаціею Россіи, такъ какъ имъ нужна ея земля, а другой взять негдѣ. И подобныя галлюцинаціи выдаются за ученныя изслѣдованія и глубокомысленно обсуждаются другими учеными мыслителями. Эти зазнавшіеся побѣдители помнятъ только Седанъ и совсѣмъ забыли, что для нихъ возможна вторая Іена. Нѣтъ, далеко еще народамъ до единенія и братства всѣхъ племенъ, и хорошо еще, что страхъ предъ разрушительнымъ дѣйствіемъ новыхъ военныхъ орудій и опасеніе страшныхъ потерь удерживаютъ эти племена въ мирномъ, хотя и вынужденномъ настроеніи.

— Французы продолжаютъ знакомить своихъ соотечественниковъ съ русской литературой. Декадентъ Метенье, ознакомившій уже соотечественниковъ въ своихъ романахъ и пьесахъ, «Нимфоманія», «Бонна для всякихъ услугъ», «Фальшивые бобры» и др. съ нравами Франціи, объявляетъ въ предисловіи къ сборнику «Три шедевра русскаго театра» (*Trois chefs d'oeuvre du théâtre russe*), что намѣренъ сдѣлать то же и по отношенію къ Россіи. Для этого онъ взялъ въ сотрудники г. Исаака Павловскаго, и они перевели и напечатали вмѣстѣ: «Власть тьмы», «Грозу» и «Василису Мелентьеву». Пьесы эти, по словамъ Метенье, «представляютъ полную картину русскаго народа: «Власть тьмы», выводъ на сцену крестьянъ, «Гроза»—бур-

жуазію, «Мелентьева», историческая драма,—дворъ и высшее общество Рос-
сіи». Начать съ того, что пьесы эти давно уже извѣстны на французскомъ
языкѣ. Новый ли переводъ помѣщенъ въ сборникѣ, или старый, этого мы
не знаемъ, такъ какъ друзья наши имѣютъ милую привычку, заимство-
ванную у нихъ и нашими беллетристами: никогда не упоминать въ сборни-
кахъ, являются ли въ нихъ произведенія въ первый разъ, или перепечаты-
ваются. Переводчики французскіе очень высоко цѣнятъ свой трудъ. Издавая
свои «Нимфоманіи» и пьесы, декадентъ очень скромно относился къ своимъ
заслугамъ, но теперь, въ предисловіи манифестѣ къ своимъ переводамъ,
распространяется въ меланхолическомъ тонѣ о величіи своего предпріятія,
о своемъ терпѣніи и борьбѣ съ людскою несправедливостью. Онъ напоми-
наетъ о горячей полемикѣ съ Гальпериномъ-Каминскимъ, также переводи-
вшимъ «Власть тьмы». Въ ней полуидіотъ Акимъ прибавляетъ къ каждой
фразѣ слово «тае», и Гальперинъ не переводитъ его, а Метенье замѣняетъ
словами: «chose, machin, ainsi». Это разногласіе повело къ перерывкѣ, и Ме-
тенье увѣряетъ, что вышелъ изъ нея побѣдителемъ, благодаря статьямъ
Вогюэ и письму дочери Л. Н. Толстого, гдѣ Метенье и Павловскій названы
gracieux seigneurs и переводъ ихъ одобренъ. Подпись графини: «готовая къ
услугамъ» (*prête à votre service*), показала даже пикантною парижскимъ
фельетонистамъ, не подумавшимъ, что условнымъ формамъ письма нельзя
придавать никакого значенія, и было бы также странно переводить ихъ обра-
щеніе: «cher monsieur!»—любезный господинъ. Такимъ же точнымъ перево-
домъ разныхъ «тае» отличается трудъ Метенье, коверкающій французскій
языкъ для того, чтобы лучше его руссифицировать: вездѣ, гдѣ въ подлинникѣ
«образъ, домъ», онъ непременно ставитъ *icone, isba*. Можетъ быть, вслѣдствіе
такого точнаго перевода, русскія пьесы и не имѣли успѣха на французской
сценѣ, за исключеніемъ «Власти тьмы», которая произвела сильное впечат-
лѣніе. Островскій, впрочемъ, очень нравится французскимъ критикамъ, но
не какъ драматургъ, а какъ поэтъ. Героевъ его пьесъ увлекаетъ фатализмъ,
и они, какъ жертвы, покорно слѣдуютъ его влияніямъ, въ то время, какъ
окружающіе близкіе относятся къ нимъ сурово, а толпа, народъ гуманно и
сочувственно. Больше, чѣмъ романы Достоевскаго и трактаты Л. Н. Тол-
стого, драмы Островскаго проникнуты духомъ кротости и покорности судьбѣ.
Въ «Грозѣ», въ «Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ», въ «Бѣдность не по-
рокъ» ни одного слова ненависти, негодованія, а только смиренныя жалобы
да состраданіе ко всѣмъ немощамъ и проступкамъ. И потому Островскій
гораздо болѣе сцениченъ, чѣмъ Ибсенъ или Гауптманъ, хотя у нихъ и болѣе
широты мыслей и драматическаго искусства. Русскій писатель любитъ всѣхъ,
кто страдаетъ, и потому болѣе доступенъ для сцены.

— Вышла любопытная «Жизнь принцессы Шарлоты-Амалии де-ла-Тре-
муайль графини Ольденбургской (1652 — 1732 г.), рассказанная ею самою»
(*Das Leben der Princessin Ch. Am. de-la-Tremouille, Gräfin von Oldenburg, erzählt von ihr selbst*). Это ея записки, приведенныя
только въ порядокъ и изданныя съ объясненіями и примѣчаніями Рейгард-
домъ Мозеномъ. Принцеса является одною изъ замѣчательныхъ женщинъ
XVIII столѣтія. Ее выдали за графа Ольденбургскаго, не безъ сильной
оппозиціи со стороны двора, но этотъ бракъ не принесъ ей счастья: мужъ
умеръ черезъ пять мѣсяцевъ послѣ женитьбы, и его дѣти отъ первой

жены затѣяли процессъ противъ вдовы, съ цѣлью отнять у ея сына часть имущества, назначенную графомъ. Пять лѣтъ тянулся постыдный процессъ, прекращенный только по волѣ австрійскаго императора. Графиня Ольденбургская удалилась въ Утрехтъ, гдѣ посвятила себя воспитанію своего сына. Тогда же она начала писать свои записки, полныя педагогическихъ наблюдений и сужденій о событіяхъ ея времени, хотя и написанныя тяжелымъ языкомъ. Герцогъ Луи-де-ла-Тремуйль издалъ ихъ въ 1876 году подъ названіемъ *Vie de la princesse de-la-Tremoille*, съ большими сокращеніями и исключеніями. Нынѣшній переводчикъ ихъ на нѣмецкій языкъ Мозенъ говоритъ, что это не подлинныя записки, хотя принцеса Вильгельмина Марія Гессенъ-Гомбургская свидѣтельствуетъ, что онѣ писаны ея рукою. Но въ дѣйствительности ей принадлежитъ только нѣсколько страницъ, а остальные исправлены ею по рукописи ея секретарей. Еще раньше писатель Лудвигъ Вехштейнъ воспользовался этими мемуарами въ своемъ романѣ «Черный графъ» (1854 г.). Конечно, лучше было бы видѣть въ печати полные мемуары на французскомъ языкѣ, но и переводъ ихъ исполненъ Мозеномъ весьма добросовѣстно и обставленъ цѣнными комментаріями. Записки Шарлоты-Амалии, заключающія въ себѣ характеристики многихъ выдающихся женщинъ ея времени: принцессы Конде, королевы шведской, Ульрики-Элеоворы датской, Элеоноры д'Ольбрёвъ и др., объясняютъ многія стороны общественной жизни конца XVII вѣка.

— Извѣстно, что армяне считаютъ своего историка Моисея Хоренскаго величайшимъ писателемъ, изображавшимъ достоинства гайканскаго племени и его огромныя культурныя заслуги. Между тѣмъ въ Вѣнѣ вышло небольшое по объему, но важное по результатамъ изслѣдованіе Карьера «Новые источники о Моисей Хоренскомъ» (*Nouvelles sources de Moïse de Khoren*), опровергающее всѣ легенды объ этомъ писателѣ. Армяне утверждаютъ, что исторія его написана между 460 и 480 годами. Но Карьеръ доказываетъ, что Моисей пользовался для своей «исторіи Арменіи» сочиненіемъ «*Acta Silvestri*» и церковною исторіей Сократа. Но армянскій переводъ латинскаго источника не могъ быть сдѣланъ раньше VI вѣка, а рукопись Сократа переведена поармянски только въ 690 году съ многочисленными вставками, которыя Моисей перенесъ въ свою рукопись, стало быть, онъ не могъ написать свою исторію ранѣе первыхъ годовъ VIII вѣка. А такъ какъ Моисей единственный изъ древнихъ историковъ Арменіи, соблюдающій хоть какую нибудь хронологію, то Карьеръ своимъ указаніемъ опровергаетъ всю армянскую хронологію. И это открытіе онъ сдѣлалъ не случайно, а послѣ систематическаго изученія источниковъ, откуда Моисей черпалъ свои извѣстія. Уже въ первомъ своемъ изслѣдованіи «О Моисей Хоренскомъ и генеалогія патріарховъ» французскій писатель доказалъ, что Моисей изображалъ армянскихъ патріарховъ по образцу библейскихъ, и весь его трудъ въ этомъ отношеніи—чистая фальсификація. Еще въ 1892 году монахъ Даниилъ въ своемъ сочиненіи «Изслѣдованіе псевдо-Каллистана», изданномъ въ армянскомъ языкѣ, доказалъ, что Моисей многое заимствовалъ въ своей исторіи изъ этого лживаго автора. Такимъ образомъ знаменитый «отецъ армянской исторіи» является, благодаря новѣйшимъ изысканіямъ, плагиаторомъ, мало заслуживающимъ вѣроятія. «Этотъ христіанскій патріотъ VIII вѣка пользуется всѣми переводами греческихъ рукописей, заимствуетъ изъ нихъ событія, какія ему нравятся, переносятъ ихъ въ Арменію, искажая

факты, передѣлывая имена и все это для того, чтобы прославить родъ Багратидовъ, который онъ ставитъ выше всѣхъ армянскихъ фамилій, упрекая своихъ царей, что они не умѣли сохранить для отечества такихъ великихъ дѣятелей. Ислѣдованіе Каррбера издано и на армянскомъ языкѣ мехитаристами, не остановившимися въ разоблаченіи наивнаго фальсификатора, обманувшаго свой народъ, гордящагося тѣмъ, что у него такое блестящее прошедшее и такой великій историкъ. Это дѣлаетъ честь безпристрастію и правдолюбію ученыхъ монаховъ, но на чемъ же, наконецъ, остановятся всѣ эти опроверженія даже первоисточниковъ, не рѣдко единственныхъ въ своемъ родѣ, какъ лѣтописи крестовыхъ походовъ, о которыхъ мы говорили въ прошломъ № «Историческаго Вѣстника», или какъ исторія Моисея Хоренскаго, признававшаяся неопровержимымъ авторитетомъ? Гдѣ же неизбежныя основанія, какими должна отличаться такая точная наука, какъ исторія?

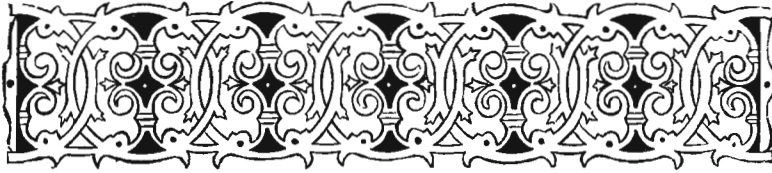
— Профессоръ исторіи въ лицѣ Фенелона, дѣвица Камю-Бюффе, издала «Главу изъ исторіи великаго человѣка. Жены Вильгельма Молчаливаго» (Un chapitre de l'histoire d'un grand homme. Les femmes du Taciturne). Семейная жизнь основателя Нидерландской независимости мало извѣстна. Этотъ освободитель своего народа, суровый протестантъ, павшій 50-ти лѣтъ подъ выстрѣломъ Вальтазара Жерарда, былъ женатъ четыре раза и имѣлъ множество дѣтей. Г-жа Камю подробно описываетъ его матримоніальныя похождения. Въ 1550 году Вильгельмъ I Нассау-Дилленбургскій 17-ти лѣтъ женился на Аннѣ д'Эгмонтѣ, 15-ти лѣтъ, дочери графа Бюренъ. Отъ этого брака родилось двое дѣтей—Филиппъ Бюренъ и Марія Нассауская. Въ 1561 году г. послѣ двухлѣтняго вдовства онъ вступилъ въ «дѣловую бракъ» съ дочерью саксонскаго электора Морица. Этотъ союзъ не былъ счастливъ, и рожденіе трехъ дѣтей не остановило принца Оранскаго развестись съ женою. Изъ этихъ дѣтей сынъ Морицъ Нассаускій раздѣляетъ съ отцомъ славу освободителя Голландіи, помрачаемую участіемъ его въ убійствѣ Барневельдга. Въ 1575 г. Вильгельмъ лыскій, усталый отъ борьбы съ Филиппомъ II, женился на 43 году на Шарлотѣ Бурбонской, 30-ти лѣтъ, дочери герцога Монпансье, бывшей игуменьѣ Жуарскаго монастыря. Въ шесть лѣтъ она родила шесть дочерей: одна изъ нихъ была матерью Тюрени, другая получила имя Эмилиі Антверпенской. Въ 1583 г., послѣ годичнаго траура и манифеста о низложеніи съ престола Филиппа II, Вильгельмъ, отецъ девяти дочерей и двухъ сыновей, женился на дочери адмирала Колиньи, убитаго въ Вароламеевскую ночь. На слѣдующій же годъ она родила сына, бывшаго потомъ штатгальтеромъ, и осталась вдовою, когда Вильгельмъ палъ подъ рукою убійцы, подосланнаго Филиппомъ II. Кромѣ законныхъ дѣтей, у Вильгельма былъ еще и незаконный сынъ Юстинъ Нассаускій, отъ фламандки Сенау. Видно, что штатгальтеръ былъ молчаливъ только съ мужчинами, а дамы увлекались его любовнымъ краснорѣчіемъ. Портреты этихъ четырехъ женъ рельефно обрисованы дѣвицей-профессоромъ, и обставлены картинами общественной и политической жизни Нидерландовъ второй половины XVI вѣка. Любопытны характеристики этихъ дамъ: Анна Эгмонтъ была фламандская хозяйка, честная и неразвѣтная, ей придали много интереса ея таинственная, скоропостижная смерть. Анна Саксонская была некрасивая, хромоногая и немного горбатая, Шар-

лота Бурбонская была женою по любви, послѣ двухъ первыхъ браковъ по расчету, но интереснѣе всѣхъ—Луиза Колинби. Она умерла въ 1620 году и послѣ смерти мужа, съ которымъ жила только годъ, играла выдающуюся роль во всѣхъ дѣлахъ Оранскаго дома. Кромѣ семейныхъ хлопотъ по воспитанію дѣтей и отдачѣ въ замужество своихъ падчерицъ, она принимала участіе и въ политико-религиозныхъ распряхъ арминіанъ и гомеристовъ. Она вела обширную кореспонденцію, и многія письма ея весьма замѣчательны. До насъ дошелъ ея портретъ, писанный Мирвельдтомъ, когда ей было уже 40 лѣтъ: въ чертахъ усталость, нѣтъ уже прежней свѣжести, ни мягкихъ контуровъ, глаза потухли, губы сжаты; въ лицѣ грустное выраженіе. Вотъ характеристика сына Вильгельма, набросанная г-жею Камю: «по странной ироніи природы, это дитя женщины, ненавидившей своего мужа, имѣло всѣ черты и весь характеръ своего отца. Съ молодыхъ лѣтъ онъ отличался твердымъ умомъ, любовью къ труду, рассудительностью, напоминавшею молодость Молчаливаго. Въ то же время онъ обладалъ упрямствомъ, сухимъ эгоизмомъ своей матери и своеобразною грубостью, обличавшею его саксонское происхожденіе».

— Странныя книги появляются по временамъ подъ предлогомъ историческихъ изслѣдованій. Лепенглѣ-Дегей издалъ «Тайну Генриха V» (*Le secret de Henri V*), гдѣ рѣшаетъ вопросъ, почему графъ Шамборъ не принялъ короны Франціи, когда могъ спокойно сдѣлать [это въ благоприятную минуту, и почему донъ Карлосъ не заявилъ своихъ правъ на наследство дяди? Это, видите ли, оттого, что оба они вѣрили въ существованіе Людовика XVII и его прямыхъ наследниковъ. Это-то и есть «Тайна Генриха V», которую сообщилъ автору генералъ Жиранденъ, когда ему было 84 года, а ему передала ее герцогиня Ангулемская. Мы рассказывали недавно, какъ послѣдній бурбонскій король явился въ Сѣверной Америкѣ, но легитимисты съ негодованіемъ отвергаютъ эту сказку и упорно держатся старой легенды, что настоящій Людовикъ XVII—часовщикъ Наундорфъ, хотя его еврейское происхожденіе не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Но Лепенглѣ доказалъ, по крайней мѣрѣ, неопровержимыми документами тотъ фактъ, что герцогиня имѣла свиданіе съ Наундорфомъ въ 1844 году, незадолго до его смерти, когда умственные способности его были равстроены. Вынесла ли дочь Людовика XVI изъ этого свиданія убѣжденіе, что полупомѣшанный нѣмецкій еврей ея братъ,—это авторъ утверждаетъ положительно все на основаніи словъ того же генерала, сдѣлавшагося почему-то на старости лѣтъ конфидентомъ герцогини. Можно было бы сдѣлать вопросъ, почему же герцогиня вздумала такъ поздно признавать свое родство съ малообразованнымъ плутомъ, съ трудомъ объяснявшимся пофранцузски? Да и не одинъ подобный вопросъ возникаетъ въ интересахъ истины. Наундорфъ является въ Берлинѣ въ 1810 году, и тогда же начинается яатрига въ его пользу. Но онъ никогда не могъ категорически объяснить, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ въ теченіе 15-ти лѣтъ, со времени его мнимаго бѣгства изъ Тампля. Провенсъ, въ своей двухтомной исторіи Наундорфа, приводитъ три копии съ писемъ тюремнаго надсмотрщика Лорана, излагающихъ всю нить заговора объ освобожденіи плѣнника. Письма эти очень наивны: никогда заговорщики не высказывались такъ открыто о цѣли своего замысла и средствахъ привести его въ исполненіе. Притомъ никто не видалъ подлин-

никовъ этихъ писемъ. Провенсъ говоритъ, что въ 1795 году Баррасъ и всѣ окружавшія его лица, кромѣ Карно, знали о бѣгствѣ и не мѣшали ему. Для Карно, вѣроятно, сдѣлано исключеніе изъ любезности къ его внуку, президенту республики. Но допустивъ даже, что тогдашнее правительство знало о заговорѣ, съ какою цѣлью оно выпускало на свободу претендента на тронъ? Все это до того несообразно и неправдоподобно, что не заслуживаетъ опроверженій. Къ книгѣ Лепенглѣ приложены два письма наследника Наундорфа, въ которыхъ онъ ожидаетъ отъ Франціи званія ея гражданина и «другого вознагражденія». Но вѣдь не престола же просить этотъ разлакомившійся гражданинъ. И какъ не стыдно серьезной литературѣ поддерживать такія нелѣпыя рассказы и претензіи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Царская резолюція.

ПОКОЙНЫЙ родственникъ мой, дивизионный докторъ Василій Алексѣевичъ Игнатъевъ, прослужившій въ 7-й пѣхотной дивизіи почти полстолѣтія, много рассказывалъ о бытовыхъ особенностяхъ и военныхъ событіяхъ изъ жизни своей родной дивизіи.

Хотя частыя передвиженія большихъ воинскихъ единицъ входили при императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ систему военнаго воспитанія, при всеѣхъ томъ, на долю 7-й дивизіи приходилось часто и подолгу квартировать въ царствѣ Польскомъ. Въ одномъ уѣздномъ городѣ царства, гдѣ былъ расположенъ полковой штабъ съ двумя баталіонами, смѣтливый жидокъ-корчмарь, въ видахъ конкуренціи съ многочисленными питейными заведеніями, повѣсилъ въ распивочномъ «залѣ» большой портретъ государя Николая Павловича (тогда на это еще не было запрещенія). И дѣйствительно расчетъ корчмаря оправдался: портретъ сталъ привлекать къ себѣ нижнихъ чиновъ предпочтительно предъ всеѣми другими корчмами. Тогда солдатская лямка тянулась 25 лѣтъ. Находясь на чужой сторонѣ среди инороднаго населенія съ его особою рѣчью и вдали отъ всего того, что дорого сердцу непосредственнаго русскаго человѣка, солдаты наши, по крайней мѣрѣ, въ первыя 15 лѣтъ службы, пока суровый режимъ не притупилъ еще прежнихъ привязанностей, живо чувствовали тоску по далекой родинѣ, и потому все то, что напоминало имъ свое русское, имѣло обаятельную прелесть. Въ давномъ случаѣ портретъ государя имѣлъ магнитную силу еще и потому, что покойный императоръ, какъ извѣстно, обладалъ сверхестественнымъ свойствомъ электризовать войска на сматрахъ и представлялся поэтому земнымъ богомъ. Понятно благоговѣніе всякаго бывалаго служаки къ царскому облику, къ которому чувствовалось любовное притяженіе, и потому. если у солдата завелась конейка, и есть

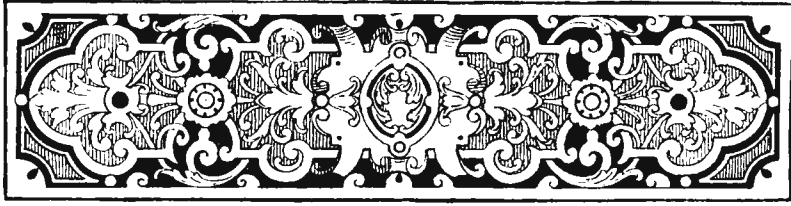
свободная минута, то онъ шелъ отвести душу не къ Иоселю, не къ Сурѣ или «Пржигодѣ», а только въ «царскій кабачекъ».

И вотъ рядовой Агаѳонъ Сулейкинъ, получивъ дельги изъ дому, пригласилъ нѣскольکو товарищей въ излюбленный кабакъ справлять свои именины. Сначала все шло чинно: пили за здоровье именинника, потомъ всѣ стали предъ портретомъ и пили за царское здоровье. Но подъ конецъ обильныхъ возліаній именинникъ впалъ въ буйство, сталъ придирается къ корчмарю и създилъ въ ухо товарища. Когда его стали усовѣщивать, что дескать не годится безчинствовать въ присутствіи царскаго портрета, то Сулейкинъ неожиданно раскричался: «что мнѣ патреть, я самъ патреть», и, продѣлавъ мыслете къ изображенію, сталъ плевать въ него. Товарищи пришли въ ужасъ, схватили безумца и общими силами доставили въ казарму. Подвыпившіе солдаты начали совѣтоваться: какъ быть, въ виду необычнаго происшествія—скрыть опасно, объявить страшно. Замѣтивъ, что случилось нѣчто неладное, фельдфебель допросилъ пьяныхъ солдатъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, при вечернемъ рапортѣ доложилъ ротному командиру.

Разумѣется, Сулейкинъ былъ арестованъ, произвели слѣдствіе и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ (при оскорбленіи величества), дѣло представлено на высочайшее усмотрѣніе. Полковныя власти сами боялись и ждали рѣшенія съ большимъ безпокойствомъ. Богъ знаетъ, какъ посмотреть на дѣло строгій государь. Быть можетъ, отвѣтственность падеть не только на прямого виновника, но и на тѣхъ, кто обязанъ воспитывать солдатъ въ добрыхъ правилахъ и смотрѣть за ихъ поведеніемъ. А ужъ о Сулейкинѣ и говорить нечего. Томясь въ заключеніи, онъ не столько страшился ожидавшей его участи въ видѣ «прогулки по зеленой улицѣ», сколько терзался мыслью о томъ, какъ это онъ, богобоязненный челоѣкъ и всегда исправный солдатъ, любящій своего царя, могъ совершить такое неслыханное, такое гнусное кощунство. «Ни за что сгубила меня проклятая водка»,— постоянно думалъ онъ. Наконецъ, царская конфирмація пришла. Рыцарская рука начертала: «объявить передъ фронтомъ рядовому Агаѳону Сулейкину, что я самъ на него плюю. А такъ какъ этотъ несчастный въ пьяномъ видѣ не вѣдалъ, что творилъ, то дѣло прекратить». Властямъ даже выговора не послѣдовало.

Высочайшая резолюція приведена въ исполненіе съ подобающею торжественностью. Выстроились ряды, били барабаны, виновный поставленъ передъ фронтъ, и объявлена милостивая конфирмація, мѣтко направленная въ самую суть солдатскаго пониманія. По окончаніи всей обрядности, Сулейкину приказано стать во фронтъ своей роты, съ которою онъ и возвратился въ казарму. Нужно ли прибавлять, что послѣ пережитыхъ потрясеній, столь счастливо кончившихся; Агаѳонъ Сулейкинъ въ первое же воскресенье поставилъ въ полковой походной церкви большую свѣчку передъ образомъ святителя Николая и никогда послѣ того не бралъ въ ротъ ни капли водки.

И. Любарскій.

СМѢСЬ.

ЛЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ юбилей Д. А. Ровинскаго. 26 го мая исполняется 50 лѣтъ службы сенатора, тайнаго совѣтника, Дмитрія Александровича Ровинскаго.

Если полувѣковая служебная дѣятельность и является завиднымъ и почетнымъ удѣломъ, доставляя немногимъ избранникамъ, достигающимъ его, всеобщее уваженіе и извѣстность, то для Дмитрія Александровича она лишь въ слабой степени участвовала въ той широкой популярности, какую пользуется его имя у насъ и за границей. Сенатора Ровинскаго знаютъ сравнительно немногіе, но зато большинство знаетъ, что имя это носить извѣстный знатокъ и неутомимый собиратель гравюръ.

Любовь къ собиранію портретовъ и гравюръ зародилась въ Дмитріи Александровичѣ еще съ дѣтства. Развиваясь съ годами, она вызвала его побѣдки за границу съ цѣлью пріобрѣтенія гравюръ и покупки извѣстныхъ собраній: Ахметьева, Дмитріева, Гассинга, Бекетова и Большакова, что дало возможность собрать почти всѣ листы Шмидта, всѣ гравюры Радига, Валькера, Скородумова, Чемесова, Грекова, Колпашикова, Вортмана, Уткина, Берсенева и другихъ—однимъ словомъ составить замѣчательнѣйшее собраніе, завѣщанное имъ послѣ смерти Московскому Румянцевскому Музею.

Съ цѣлью возбудить въ обществѣ интересъ къ русскимъ гравюрамъ, а также, чтобы сохранить послѣднія отъ конечной гибели, Д. А. рѣшился составить «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», изданный академіей наукъ въ 1872 г. Вслѣдъ за этимъ словаремъ явилась монографія «Русскій граверъ Чемесовъ» (Спб., 1878 г.), а затѣмъ капитальнѣйшій трудъ: «Русскія народныя картинки» (1881 г.), заключающій 5 книгъ текста и 4 тома атласа (дополнительный къ нему томъ изданъ въ 1893 г.). За «Народными картинками» послѣдовалъ рядъ изданій: «Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія», съ 33-мя гравюрами (Спб., 1884 г.); «Федоръ Ивановичъ Гурданъ». «Одиннадцать гравюръ И. В. Берсенева» (Спб., 1886 г.),

«Достоверные портреты московских государей», съ 47-ю гравюрами, «Виды Соловецкаго монастыря», 51 доска (1884 г.), «Двадцать видовъ изъ Привислянскихъ губерній» и, наконецъ, громаднѣйшіе 12 томовъ съ 480 гравюрами: «Матеріалы для русской иконографіи» (Спб., 1884—1886 г.).

Къ этому времени словарь, изданный въ 1872 г., оказался уже не достаточно полнымъ, и Д. А. выпустилъ «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» въ 4-хъ томахъ съ 700 фототипіями, Спб., 1886—1889 г., (другое изданіе безъ фототипій). Въ этотъ новый словарь вошло до 2.000 отдѣльныхъ лицъ, а число портретовъ достигаетъ 10.000. Составляя его, Д. А. задался цѣлью помѣстить по возможности все русскіе гравированные портреты независимо отъ того, какое общественное положеніе занимало то или другое лицо. «Мнѣ все равно,—пишетъ г. Ровинскій въ предисловіи: —гевій ты, или замѣчательный шутъ; великанъ или карликъ; разбойникъ, ученый, самодуръ самоучка; сдѣлалъ ты что замѣчательное въ жизни, или просто промытарилъ ее—есть съ тебя гравированный портретъ, ну, и ступай въ мой словарь и ложись тамъ подъ свою букву».

Черезъ годъ по выходѣ словаря, Д. А. далъ новое замѣчательное изданіе: «Полное собраніе гравюръ Рембрандта»—1.000 фототипій безъ ретуши, Спб., 1890 г., 1 томъ текста и 3 тома атласа въ листъ (два изданія), и какъ бы въ дополненіе къ нему, въ 1893 г.—«Полное собраніе гравюръ учениковъ Рембрандта и мастеровъ, работавшихъ въ его манерѣ»—2 тома въ листъ съ 478 фототипіями.

Чтобы заполнить перечень трудовъ его, укажемъ еще: «Исторію русскихъ школъ иконописанія до конца XVII-го вѣка», Спб., 1856 г.—первый его большой трудъ; 2) «Русскіе граверы и ихъ произведенія», съ 70 гравюрами, М., 1870 г.; 3) «В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія», Спб., 1892 г., и 4) «Сборникъ сатирическихъ картинокъ», 2 тома въ листъ, Спб., 1893 г.

Кромѣ того, въ настоящее время находятся въ печати еще три изданія Д. А.: 1) «Русская гравюра на мѣди и деревѣ и словарь русскихъ граверовъ 1564—1884 г.» (болѣе 700 фототипій); 2) «И. П. Мартосъ, его жизнь и произведенія» и 3) «Русскія народныя картинки»—изданіе въ одномъ огромномъ томѣ, съ множествомъ картинокъ черныхъ и въ краскахъ. Предполагаемая баснословно дешевая цѣна послѣдняго—три рубля—справедливо заставляетъ считать его «подаркомъ публикѣ», какъ называетъ его Дмитрій Александровичъ.

Не смотря на весьма значительную цѣну большинства изданій Д. А., многія изъ нихъ распроданы, какъ, напр.: 1) «Исторія школъ иконописанія» (3 рубля); 2) «Русскіе граверы» (ц. съ атласомъ 42 рубля), 5) «Словарь гравированныхъ портретовъ» (2 рубля); 4) «Народныя картинки» (три изданія: въ 210, 100 и 70 рублей); 5) «Ө. И. Иорданъ»; 6) «Портреты московскихъ государей» (25 рублей); 7) «Подробный словарь» (изд. съ портретами 40 рублей). Вѣроятно, такая же участь скоро ожидаетъ и «Собраніе гравюръ Рембрандта» (125 рублей), разошедшеся уже въ 230 экземплярахъ.

Дмитрій Александровичъ Ровинскій родился 16-го августа 1824 года въ Москвѣ, гдѣ отецъ его, Александръ Павловичъ, былъ въ то время полицеймейстеромъ, и происходить изъ старинной польско-русской фамилии, владѣвшей въ XVII вѣкѣ обширными помѣстьями въ Смоленскомъ воеводствѣ, часть которыхъ и понынѣ сохранилась въ родѣ Ровинскихъ. Мать Дм. Ал., Анна Ивановна, дочь лейбъ-медика императрицы Екатерины, Ивана Мессинга, принесла за собою въ приданое большое состояніе, и такимъ образомъ родители Дм. Ал. обладали значительными средствами; это обстоятельство и позволило послѣднему предпринять рядъ своихъ замѣчательныхъ изданій.

Получивъ первоначальное образованіе и воспитаніе дома, молодой Ровинскій вскорѣ былъ отданъ въ Императорское Училище Правовѣднія. Слособности и прилежаніе скоро выдвинули его въ число лучшихъ учени-

ковъ, и въ 1844 году, окончивъ полный курсъ наукъ, Д. А. былъ выпущенъ изъ училища съ чиномъ ІХ-го класса (26 мая 1844 года).

Назначенный товарищемъ прокурора, онъ довольно долго исполнялъ эту обязанность въ провинціи, а затѣмъ 13 лѣтъ былъ прокуроромъ въ Москвѣ. Кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, Дмитрій Александровичъ былъ редакторомъ проекта выкупной операціи и участвовалъ въ комиссіяхъ, собранныхъ для составленія судебныхъ уставовъ и для отмены тѣлесныхъ наказаній; инициатива созыва послѣдней комиссіи почти исключительно принадлежитъ Ровинскому. Въ 1870 году онъ назначенъ сенаторомъ уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената.

Полувѣковой юбилей Г. П. Ткачева. Въ Ростовѣ-на-Дону праздновалось 50-лѣтіе дѣятельности одного мѣстнаго доктора Г. П. Ткачева. Этотъ медикъ много послужилъ обществу не только медицинскими знаніями, но и своею отзывчивостью на всѣ общественныя нужды. Не довольствуясь медицинскою помощью бѣдному люду и видя отсталость этого люда въ сельскохозяйственныхъ знаніяхъ, онъ рѣшился дать примѣръ для крестьянъ. Онъ взялъ въ аренду у правительства участки земли въ 1.500 десятинъ въ уѣздѣ, съ обязательствомъ ввести въ немъ лучшія современныя орудія, образцовое скотоводство, птицеводство, овцеводство и другія отрасли сельскаго хозяйства. Взялся и выполнялъ, потративъ на это массу энергіи. Докторъ медицины первый ввелъ въ этомъ богатомъ краѣ сѣялки, косилки, жатвенныя машины — лучшія, какія появлялись на западѣ. Онъ по недѣлямъ не слѣзалъ съ лошади, объѣзжая поля. Это былъ рѣдкій, дорогой человѣкъ для края, но глухая провинція не выносить такихъ несродныхъ ей типовъ: на Ткачева былъ доносъ въ Петербургъ. Приѣхала комисія, произвела слѣдствіе, въ результатѣ котораго, по повелѣнію покойнаго государя, арендованный Ткачевымъ участокъ отъ правительства былъ отданъ ему въ полную собственность, какъ заслуженному просвѣтителю и благодѣтелю края. Обвиненія были блистательно опровергнуты, а доказаны лишь заслуги. Въ ростовской думѣ Г. П. Ткачевъ сталъ на защиту общественныхъ интересовъ и вооружилъ противъ себя всѣ партіи. Иногда онъ одинъ составлялъ оппозицію всей думѣ—и выходилъ побѣдителемъ. Ему удалось раскрыть цѣлый рядъ городскихъ злоупотребленій; какъ живая совѣсть, онъ не умолкалъ, не пропуская ни одного засѣданія, кромѣ случаевъ тяжелой болѣзни. Далеко не легко доставалась ему побѣда; бывали горькіе дни; во всѣ правительственныя учрежденія летѣли на него жалобы и доносы; онъ объяснялся съ генераль-губернаторомъ, и случалось, ничего не могъ сдѣлать. Дума сплошною стѣной одолевала его. Однажды въ подобномъ случаѣ онъ бросилъ все, уѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ здѣсь 7 мѣсяцевъ, пока не добился, что по высочайшему повелѣнію ростовскій городской голова, извѣстный Байковъ, былъ смѣщенъ съ должности, а въ Ростовъ, также по высочайшему повелѣнію, была назначена слѣдственная комисія, вшедшая цѣлымъ рядомъ неправильностей въ дѣйствія головы. Ткачевъ оставилъ свое состояніе на народное образованіе: именно 75 тысячъ рублей Харьковскому университету (на стипендіи) и нѣсколько десятковъ тысячъ на школы въ Ростовѣ. Изъ его біографіи молодое поколѣніе могло бы научиться: что можетъ сдѣлать даже и «одинъ въ полѣ», если онъ достаточно энергиченъ и безкорыстенъ, если онъ воинъ «безъ страха и упрека».

Юбилей А. М. Снабичевскаго. Друзья и почитатели чествовали Александра Михайловича Скабичевского по случаю тридцатипятилѣтія его литературной дѣятельности. Былъ устроенъ обѣдъ въ ресторанаѣ «Медвѣдь», на которомъ участвовали многіе выдающіеся писатели и ученые. Передъ началомъ обѣда В. П. Острогорскій произнесъ по адресу юбиляра привѣтственную рѣчь. Тутъ же А. М. были вручены подарки отъ почитателей: небольшой золотой жетонъ-альбомъ; на страницахъ альбома вырѣзаны изданія, въ которыхъ прини-

маль участіе А. М., и серебряный приборъ: на крышкѣ чернильницы фигура крестьянскаго мальчика съ раскрытой книжкой на колѣняхъ, въ знакъ любви юбиляра къ простому народу. За обѣдомъ не было недостатка въ тостахъ и рѣчахъ. Гг. Спасовичъ и Михайловскій провозгласили тосты за русскую литературу. Г-жа Шапиръ привѣтствовала юбиляра, какъ покровителя писательницъ, всегда видѣвшаго въ нихъ не дамъ, а женщинъ; г. Далматовъ обрисовалъ отношеніе А. М. къ сценѣ; затѣмъ слѣдовали рѣчи г-жи Калмыковой, гг. Гуревича, Градовскаго, Тимирязева и мн. др. Редакція «Новостей», явившаяся въ полномъ составѣ, поднесла своему критику адресъ въ шагреневомъ, золотомъ тисненомъ переплетѣ. Г. Градовскій поздравилъ его отъ лица правленія «Кассы взаимопомощи литераторамъ», учредителемъ которой состоятъ Скабичевскій. Обѣдало 126 человекъ. За недостаткомъ мѣста въ залѣ, распорядители юбилея должны были многимъ, желавшимъ въ немъ участвовать, отказать. Изъ Москвы «Общество любителей русской словесности», редакція «Русскихъ Вѣдомостей», «Русской Мысли», «Артиста», Московское отдѣленіе кассы взаимопомощи литераторамъ, гг. Крыловъ, Мачтетъ, педагогъ Дм. Тихоміровъ и друг. прислали поздравительныя телеграммы. Изъ разныхъ провинціальныхъ городовъ получено болѣе 25 телеграммъ. Письмами поздравили гг. Зотовъ, Засодимскій, Терпигоревъ, Гольцевъ и др.

Характеристика Ивана Грознаго у русскихъ историковъ. Въ помѣщеніи высшихъ женскихъ курсовъ профессоръ С. Ѳ. Платоновъ прочелъ съ благотворительною цѣлью лекцію на тему «Иванъ Грозный въ новѣйшей литературѣ». Лекторъ началъ съ изложенія старыхъ взглядовъ на этого государя. Еще Щербатовъ характеризовалъ Грознаго, какъ сложную личность: «часто не однимъ человѣкомъ является». Переломъ, совершившійся въ царѣ къ худшему, историкъ этотъ объясняетъ притворствомъ для болѣе удобнаго достиженія задуманныхъ цѣлей. Славянофилы дѣлали попытки психологической характеристики Грознаго. Карамзинъ называетъ личность Ивана Грознаго загадкою. Онъ—слабая личность: сначала образецъ добродѣтели, а потомъ кровопійца. Ю. Самаринъ далъ наиболѣе цѣльную и талантливую характеристику царя. Онъ — богато одаренная, но загадочная личность, страдающая безсиліемъ воли. К. Аксаковъ считаетъ Грознаго натурой художественной, мыслившей образами. Онъ не былъ актеромъ, но строилъ вокругъ себя театральную обстановку. Въ силу этого онъ пересталъ быть искреннимъ и потерялъ нравственное чувство. Сначала онъ увлекался хорошими картинами, а затѣмъ сталъ увлекаться и мрачными. Онъ былъ богато одаренъ умомъ, но бѣденъ волею. Костомаровъ соглашался съ славянофилами и опредѣлялъ Грознаго, какъ человѣка безхарактернаго и не умнаго, но и не безусловно глупаго и сумасброднаго тирана. Соловьевъ осуждалъ всѣ предшествующія характеристики, держался того мнѣнія, что историкъ—не моралистъ, и провѣлъ мысль, что подъ мрачными чертами Грознаго-мучителя можно видѣть иногда скорбныя черты жертвы. Кавелинъ, представитель историко-юридической школы, видѣлъ въ Иванѣ IV сознательнаго и благороднаго представителя государственнаго порядка и передоваго человѣка, боровагося съ укладомъ вѣчевого порядка. Это мнѣніе—почти панегирикъ. Но полный панегирикъ Грозному воспѣтъ Бестужевымъ-Рюминымъ. По его мнѣнію, Иванъ Грозный былъ натура созерцательная. Онъ избиралъ извѣстную идею по внутренней и вѣшной политикѣ, но ошибался въ выборѣ исполнителей этой идеи. Стремясь къ завоеванію береговъ Балтійскаго моря, онъ палъ, но все же онъ былъ—великій человѣкъ, носитель великой политической идеи. Новѣйшіе писатели гг. Ярошъ и Ковалевскій стараются воскресить старые взгляды на Грознаго. Ярошъ видитъ въ немъ воспримчиваго, впечатлительнаго человѣка съ слабой волей теоретика и подводитъ его подъ типъ психопата, а профессоръ Ковалевскій смотритъ на него, какъ на душевнобольнаго, страдающаго однопредметнымъ помѣшательствомъ — паранойка и мо-

номана. Иловайскій характеризуетъ царя, какъ даровитую, но испорченную натуру. Онъ — рабъ грубыхъ страстей, впечатлительнъ, жестокъ, недалекъ-новиденъ, тиранъ и трусъ, у котораго не было ничего святого. Грозный—продуктъ татарскаго ига. Приватъ-доцентъ Форстенъ признаетъ Грознаго, не смотря на его ошибки, крупнѣйшей политической силой, прозорливымъ и человѣкомъ, умѣвшимъ найти удобную минуту для проведенія своихъ идей.

Новѣйшіе историки гг. Ждановъ, Чечулинъ, Лапо-Данилевскій и другіе въ своихъ статьяхъ даютъ рядъ новыхъ темъ, разработка которыхъ проливаетъ иной свѣтъ на царствованіе Ивана Грознаго. Лекторъ указалъ на четыре такія темы. По мнѣнію историковъ, царь былъ невѣжественъ и необразованъ. Новѣйшія изысканія въ области московской интеллигенціи XVI в. показываютъ, что наоборотъ Иванъ IV былъ литературно образованный человѣкъ. Царь сдѣлалъ реформу въ пользу земскаго самоуправленія. Это происходило какъ разъ во времена опричины и показываетъ, что государственный строй и правительственная среда были одни и тѣ же во все время царствованія Грознаго, не смотря на терроръ казней и опричину. Завоевывать Балтійскій край царь рѣшился самостоятельно, вопреки совѣтамъ ближайшихъ помощниковъ. Не смотря на неудачный исходъ войны, на другомъ концѣ Россіи въ то же время воздвигался цѣлый рядъ крѣпостей, составившихъ пограничную линію отъ вторженія крымскаго хана. Не такъ ужъ виноватъ Грозный въ неудачахъ Ливонской войны, какъ это ему приписываютъ. Стефанъ Баторій, принужденный нанимать войска и дѣлать займы, одержалъ побѣду потому, что у Грознаго опустѣли города и усадьбы. Съ завоеваніемъ Казани и Астрахани служилые люди и землепашцы стали эмигрировать въ новыя земли, и защищать старыя было некому. Иванъ IV виноватъ въ томъ, что онъ поздно замѣтилъ этотъ переселенческій кризисъ. Это до сихъ поръ историками не было замѣчено. Вообще, — резюмировалъ лекторъ, — специальная разработка матеріаловъ XVI вѣка не увеличиваетъ данныхъ для сужденія о личныхъ свойствахъ Грознаго, но изученіе правительственной системы его есть единственный путь къ правильному представленію о политическихъ идеалахъ и способностяхъ Грознаго и его правительства. Это изученіе въ недалекомъ будущемъ должно пролить новый свѣтъ на описываемую эпоху и личность московскаго царя.

Археологическая коммисія. Въ археологической коммисіи состоялось засѣданіе отдѣленія русскаго археологическаго общества, посвященное обзорѣннѣ выставки древностей, постуившихъ въ археологическую коммисію при Эрмитажѣ въ теченіе минувшаго 1893 года. Объясненія давали А. А. Спшцынъ и Н. И. Веселовскій. На выставкѣ, въ общемъ чрезвычайной богатой, обращаютъ на себя особое вниманіе коллекціи серебряныхъ сасанидскихъ блюдовъ изъ Пермской и Вятской губерній и собраніе копій съ замѣчательныхъ фресокъ собора исковскаго Мирожскаго монастыря, относящихся къ половинѣ XII вѣка и открытыхъ академикомъ В. В. Сусловымъ. При обзорѣ выставки нельзя обойти молчаніемъ цѣлый рядъ изданій коммисіи, вышедшихъ въ послѣднее время (1892 и 1893 гг.) подъ общимъ заглавіемъ матеріаловъ по археології Россіи. Сюда относятся: византійскій памятникъ, найденный въ Керчи въ 1891 году, изслѣдованіе І. Стрижевскаго и Н. В. Покровскаго; греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1889—1891 гг., съ объясненіями В. В. Латышева; лядинскій и темниковскій могильники Тамбовской губерніи, изслѣдованіе В. Н. Ястребова; раскопки въ странѣ древлянъ В. В. Антоновича; раскопки Херсонеса; изслѣдованіе А. Л. Бертъе-Делагарда; люцинскій могильникъ.

Отчетъ совѣта Общества попеченія о начальномъ образованіи въ городѣ Омскѣ за 1893 годъ. Общество попеченія о начальномъ образованіи въ истекшемъ году имѣло въ своемъ составѣ по 1-е января 1894 года 443 члена. По сравненію съ 1892 года число членовъ увеличилось на 99 человѣкъ. Обще-

ство въ отчетномъ году имѣло одно общее собраніе и 10 засѣданій совѣта, который главнымъ образомъ посвящалъ труды на пріисканіе матеріальныхъ средствъ для содержанія своихъ двухъ начальныхъ школъ, общественной и народной бібліотеки и на развитіе другихъ сторонъ дѣятельности Общества.

Учрежденныя въ 1890 году такъ называемыя смѣнныя школы имѣли въ отчетномъ году: мужская 50 учениковъ, женская 60 ученицъ, принадлежащихъ по преимуществу къ бѣднѣйшему классу городского населенія. Существованіе этихъ школъ вызывается дѣйствительною потребностью. Всѣ приходскія училища переполнены, и въ началѣ 1893 учебнаго года 15 мальчиковъ и 31 дѣвочка получили отказъ въ принятіи ихъ въ школы за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ. Омская городская дума обратила вниманіе на недостатокъ начальныхъ школъ и въ смѣтѣ 1894 года ассигновала 400 рублей въ пособіе Обществу попеченія о начальномъ образованіи, если оно найдетъ возможнымъ принять этихъ 46 дѣтей въ свои школы или открыть 3-ю смѣнную школу. Этотъ вопросъ, въ связи съ данными о крайнихъ неудобствахъ смѣнныхъ послѣобѣденныхъ школъ, вызвалъ въ совѣтѣ обсужденіе вопроса объ устройствѣ для своихъ школъ особаго зданія. Для этой цѣли у общества имѣется особый капиталъ въ количествѣ 1.223 рублей. Къ сожалѣнію, этой суммы далеко недостаточно для постройки зданія школы. Для начала дѣла въ Общество въ отчетномъ году поступило 100 рублей, вырученныхъ отъ вечера, устроеннаго попечительницей всѣхъ женскихъ начальныхъ школъ г. Омска. Совѣтъ выражаетъ надежду, что общими усилиями всѣхъ членовъ возможно двинуть это хорошее дѣло и, по примѣру своего старшаго собрата Томскаго общества, заняться устройствомъ мужскихъ руководѣльныхъ классовъ и устройствомъ женской кулинарной школы. Учительскій персоналъ школъ Общества состоялъ изъ восьми лицъ: четырехъ въ мужской школѣ и столько же въ женской. Вторымъ дѣломъ, на которое особенное вниманіе обращалъ совѣтъ, и которое потребовало значительныхъ средствъ, является общественная бібліотека. Помощь ученикамъ одеждою, обувью и учебными пособиями достигла значительныхъ размѣровъ. Учебныхъ пособій и матеріаловъ было выдано на 120 рублей, одежды и обуви куплено на 160 рублей. Кромѣ того, внесена плата за 15 бѣднѣйшихъ учениковъ уѣзднаго училища въ размѣрѣ 37 рублей 50 коп., и ассигновано этому же учебному заведенію на переплетное мастерство 25 рублей. Помощь учебными книгами и матеріалами была оказана, кромѣ приходскихъ училищъ, и существующей въ г. Омскѣ перковно-приходской школѣ. Матеріальныя пособія оказывались безъ замедленій, по дѣйствительному выясненію нужды. Независимо отъ этой дѣятельности, совѣтъ Общества остановилъ свое вниманіе на вопросѣ о физическомъ развитіи дѣтей и образовалъ особый фондъ въ размѣрѣ 122 рублей, собранныхъ съ народнаго гулянья ($\frac{1}{5}$ сбора), для устройства подвижныхъ игръ на свѣжемъ воздухѣ. Ради этой же цѣли совѣтомъ устроенъ на рѣкѣ Оми, въ центрѣ города, обширный катокъ съ двумя теплыми бараками, съ свѣговою горюю. Всѣ учащіеся пользовались каткомъ бесплатно съ 2 до 5 час. въ будни и съ 12 до 5 часовъ въ праздники. Средства Общества состояли: изъ капитала, оставшагося отъ прошлаго года, изъ годичныхъ взносовъ членовъ, изъ денежныхъ пожертвованій разныхъ лицъ, доходовъ отъ гуляній и спектаклей, устраиваемыхъ въ пользу общества. Изъ абонементной платы за пользованіе книгами и журналами изъ бібліотеки общества и др. Совѣтъ свелъ свой бюджетъ безъ убытка для капитала общества и даже увеличилъ его на 130 рублей. Однимъ изъ новыхъ способовъ пріобрѣтенія въ кассу общества денегъ является устройство нѣсколькихъ копилочекъ, розданныхъ восьми лицамъ. Цѣль этихъ копилочекъ при случаѣ собирать мелкія суммы въ пользу Общества. Копилки, вскрытыя въ Совѣтѣ, дали въ отчетномъ году 70 руб. 36 коп. Главная часть этой суммы

составилась изъ денегъ за карты. Въ приходѣ, по балансу на 1-е января 1893 года состояло: запаснаго капитала 1.998 рублей 14 коп., расходнаго 2.234 рубля 44 коп. Итого 4.232 р. 58 коп. Затѣмъ въ отчетномъ году поступило 7.114 рублей 54 коп., отчислено въ запасной капиталъ 177 р. 22 коп. Въ расходѣ было 2.752 рублей 54 коп. На 1-е января 1894 года состоитъ всего 4.362 рубля. До 26-го февраля отчетнаго года Общество имѣло только народную библіотеку, а въ этотъ день послѣдовало открытіе «Общественной Библіотеки», съ преобразованиемъ народной библіотеки въ «бесплатный отдѣлъ книгъ для народнаго чтенія». Къ 1893 году состояло въ библіотекѣ книгъ 1.988 томовъ. Поступило втеченіе года 1.576 томовъ. Въ настоящее время библіотека имѣетъ 3.564 тома. Библіотека зарегистрировала втеченіе отчетнаго года 29.638 выдачъ книгъ, считая въ этомъ числѣ журналы и газеты. По сравненію съ минувшимъ годомъ число выдачъ превышаетъ на 14 сличкомъ тысячъ. Кромѣ того, бесплатный для всѣхъ абонементахъ подписчиковъ кабинетъ для чтенія, въ которомъ находились свѣжіе журналы и газеты, всегда привлекалъ достаточное число читателей. Число выдачъ книгъ изъ бесплатнаго народнаго отдѣла (13.431) менѣе выдачъ 1892 года (15.538) сличкомъ на двѣ тысячи. По платной общественной библіотекѣ съ 26-го февраля 1893 г. по 1-е января 1894 г. считалось 300 абонементовъ.

Отчетъ по управленію Домомъ трудолюбія въ Нижнемъ Новгородѣ, съ 22-го іюля 1893 г. по 1-е января 1894 г. На Руси нигдѣ никогда не велась регистрація нищихъ, наполняющихъ улицы нашихъ городовъ, осаждающихъ своими просьбами и причитаніями о подаяніи у храмовъ, на кладбищахъ и при всякихъ скопленіяхъ публики; но врядъ ли есть городское поселеніе гдѣ бы ихъ было больше Нижняго Новгорода относительно къ общему числу жителей города. Счастливыя географическія условія—сліяніе Волги и Оки, предоставляющихъ легкой и дешевой, а частью и даровой приѣздъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, расположенныхъ въ районѣ этихъ рѣкъ, въ связи съ репутаціей податливости къ подаянію русскаго купечества, какъ постоянно живущаго въ Нижнемъ Новгородѣ, такъ и свѣзжающагося отовсюду на ярмарку, манять сюда и истинно нуждающагося въ помощи, и лѣнтяя, предпочитающаго труду собираніе щедро раздаваемой милостыни. Во многихъ богатыхъ купеческихъ домахъ по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ раздаются гривенники, пятиалтынные, а иногда и двугривенные, всякому, безъ разбора, пришедшему за милостыней. Неподдалеку отъ Нижняго есть села и деревни, гдѣ нищенство составляетъ специальность населенія. Въ нихъ пѣнятся люди по способностямъ выпрашиванія. При такихъ условіяхъ борьба съ нищенствомъ представляла здѣсь особенно много затрудненій. Обычный способъ выдачи пособій нуждающимся отъ общества вспоможенія бѣднымъ не вліялъ на уменьшеніе нищихъ. 28-го октября 1891 г. это общество открыло убѣжище для нищенствующихъ дѣтей на 100 человекъ. Это было первое дѣло въ борьбѣ съ нищенствомъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Затѣмъ въ 1893 г. избрана была комисія для выработки проекта оказанія лучшаго способа помощи бѣднымъ; остановились на мысли устройства въ Нижнемъ Новгородѣ Дома Трудолюбія, гдѣ бы нуждающіеся могли найти работу. На первоначальные расходы по устройству Дома имѣлось пожертвованіе купца Курепина въ 1.000 рублей. Городское управленіе предоставило въ распоряженіе комитета безвозмездно Печерскія казармы. 22-го іюля 1893 г. Нижегородскій домъ трудолюбія былъ открытъ. За нѣсколько дней передъ этимъ нищія, не принадлежащіе ни къ городскимъ сословіямъ Нижняго Новгорода, ни къ крестьянамъ ближайшихъ къ Нижнему селеній, въ числѣ около 800 человекъ, были высланы на родину. Нищимъ же нижегородцамъ и изъ крестьянъ ближайшихъ къ городу деревень и селеній объявлено о началѣ работъ въ домѣ трудолюбія. Съ тѣмъ вмѣстѣ заготовленъ матеріалъ для самыхъ легкихъ работъ: щипкѣ пакли и ческѣ мочала. На первое время

назначена была поденная плата въ 20 копеекъ на человѣка, причемъ предоставлялось желающимъ, съ платою 5 копеекъ, тамъ же обѣдать. Въ первый день на работу явилось только 18 мужчинъ и 14 женщинъ, но 31-го іюля работало уже 99 человѣкъ. До 1-го августа всего работало 590 человѣкъ, что составляетъ по 74 человѣка ежедневно. За работу выдано 89 рублей 30 коп. и, сверхъ того, отпущено 790 обѣдовъ. Въ августѣ работало 2.798 человѣкъ, что составляетъ по 117 человѣкъ въ рабочей день. За работу и слабымъ выдано 453 рубля 30 коп. Обѣдавшихъ въ августѣ было 3.209 человѣкъ. Изъ средствъ дома трудолюбія было израсходовано на вознагражденіе рабочихъ 393 рубля 77 коп. Такой расходъ не входилъ въ расчетъ управленія. Оказалось, что при поденной платѣ рабочіе подъ всякими предлогами старались какъ можно болѣе времени проводить въ праздности. Въ сентябрѣ рабочимъ объявлено, что каждый будетъ получать вознагражденіе за работу издѣльно. Дѣло пошло гораздо успѣшнѣе. Администрація дома и служащіе къ 1-му января 1894 г. стояли 142 рубля 15 коп. въ мѣсяцъ. Весь приходъ съ 22-го іюля 1893 г. по 1-е января 1894 г. составлялъ 6.853 р. 49 коп., расходъ 4.805 руб. 91 коп., остатокъ 2.047 руб. 58 коп. Если присоединить къ этой послѣдней суммѣ оставшіяся непроданными издѣлія, оцѣниваемые въ 852 рубля 50 коп., и имѣющіеся еще не обработанный матеріалъ на 409 руб., 78 коп., а всего на 1.262 рубля 28 коп., оказывается, что весь расходъ на домъ трудолюбія за 5 мѣсяцевъ и 8 дней выразится въ суммѣ 3.543 рубля 63 коп. и въ расходѣ пожертвованій вещами и припасами, показанными въ приложенныхъ къ отчету вѣдомостяхъ.

† Въ Ялтѣ генераль-отъ-инфантеріи Александръ Ивановичъ Лаврентьевъ. Онъ въ продолженіе 20-ти лѣтъ, съ 1872 года, былъ главнымъ редакторомъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ». Какъ дѣятель, получившій общее образованіе и спеціальное въ академіи генеральнаго штаба, А. И. посвящалъ редактированію военныхъ періодическихъ изданій массу времени, заботясь путемъ газеты и журнала познакомить читателей, преимущественно изъ военнаго міра, съ военными усовершенствованіями, съ состояніемъ нашихъ войскъ и съ текущими новостями дня. При немъ «Русскій Инвалидъ» сдѣлался спеціальнымъ органомъ для военныхъ, въ которомъ печатались приказы и распоряженія военнаго министерства. «Литературныя приложенія» къ «Русскому Инвалиду» исчезли еще при предшественникѣ покойнаго. Перу генерала Лаврентьева принадлежало много спеціально-военныхъ статей. Среди военныхъ писателей онъ пользовался извѣстностью своими обстоятельными и подробными военно-статистическими работами. Какъ редакторъ, А. И. умѣлъ ладить съ сотрудниками, обогащать составъ ихъ новыми силами и пользовался среди товарищей по занятію большимъ уваженіемъ. Помимо редактированія журнала и газеты, онъ былъ членомъ военно-ученаго комитета главнаго штаба. По окончаніи курса въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ служилъ во 2-й кирасирской дивизіи, затѣмъ состоялъ для особыхъ порученій при генеральномъ штабѣ и при главномъ управленіи штаба. Умеръ онъ на 64-мъ году.

† Въ Москвѣ писатель Александръ Федоровичъ Свѣчинъ—оригинальная и замѣчательная личность въ русской белетристикѣ. Ему было около шестидесяти лѣтъ, а литературой онъ занимался меньше года. Шестидесятилѣтній дебютантъ, баринъ стараго закала, членъ видной въ московской аристократіи фамиліи представлялъ странную фигуру въ современномъ російскомъ Парнасѣ. Такому поздному появленію новичка былъ только одинъ примѣръ въ исторіи русской литературы: дебютъ престарѣлаго С. Т. Аксакова «Семейною хроникой». Эти дебютанты-патріархи похожи другъ на друга и по направленію талантовъ. Въ своихъ маленькихъ отрывкахъ-рассказахъ Свѣчинъ явился эпикомъ наивнымъ и свободнымъ, совершенно по аксаковскому образцу. Всѣ темы его заимствованы изъ семейныхъ воспомина-

ній или пережитыхъ лично событій, встрѣчъ, охотничьихъ сценъ и т. п. Онъ съ полнымъ равнодушіемъ сознавался, что его герои—портреты, какъ герои Алсакова, снятые со стѣнъ фамильной галереи, что не мѣшаетъ имъ быть историческими типами прошлаго русскаго быта. Я не умѣю писать о томъ, чего самъ не видалъ,—говорилъ онъ. Его рассказы,—лишь маленькія сценки съ маленькимъ внутреннимъ значеніемъ. Не чуждый тенденціозности, онъ не былъ способенъ выжимать общественную идею изъ выѣденнаго яйца. Свѣчина лучшее произведеніе «Исповѣдь бывшей душевно больной», напечатанное въ прошлой сентябрьской книжкѣ московскаго научнаго изданія «Вопросы философіи и психологіи». Эта исповѣдь—точное воспроизведеніе навязчивыхъ идей, одолѣвавшихъ одну изъ родственницъ Свѣчина, страдавшую душевною болѣзнію—*folie raisonnée*. Исповѣди Свѣчинъ предпослалъ предисловіе, гдѣ рассказываетъ всѣ случаи душевныхъ болѣзней, какіе приходилось ему наблюдать, а ихъ было много, такъ какъ Свѣчинъ пятнадцать лѣтъ былъ предводителемъ дворянства въ Ефремовѣ и Тулѣ и, слѣдовательно, обязанъ былъ присутствовать при множествахъ освидѣтельствowanій, не говоря уже о ревизіяхъ губернской земской больницы. Предисловіе Свѣчина интересно, какъ впечатлѣніи человѣка, совершенно чуждаго наукъ психіатріи, но удивительно внимательнаго наблюдателя за самымъ процессомъ психоза, который онъ излагаетъ послѣдовательно, подробно и съ рѣдкою сердечною теплотою. Его терминологія ошибочна, возрѣнія наивны, съ фізіологіей сумасшествія онъ слабо знакомъ и считаетъ это знакомство излишнимъ, придавая черезчуръ много вѣса мѣрамъ психическаго воздѣйствія на больныхъ. Но матеріалъ, собранный Свѣчиннымъ, благодаря безпристрастности изложенія, богатая коллекція интереснѣйшихъ фактовъ; психіатръ сумѣетъ въ нихъ съ пользою для себя разобраться; белеетристъ, охочій до анализа аномалій человѣческаго духа, можетъ выбрать изъ нихъ много интересныхъ указаній.

† 31-го марта, въ Одессѣ скоропостижно скончался деканъ историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ, докторъ всеобщей исторіи, Василій Карловичъ Надлеръ. Онъ родился въ 1841 г., кончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, которому, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ лѣтъ, посвятилъ всю свою ученую дѣятельность. Большею извѣстностью изъ его многочисленныхъ трудовъ пользуется пятитомное сочиненіе: «Императоръ Александръ I и идея священнаго союза».

† Русская электротехника понесла тяжелую утрату: въ Саратовѣ внезапно умеръ Павелъ Николаевичъ Яблочковъ. Имя покойнаго, какъ изобрѣтателя электрической свѣчи, пользовалось большою извѣстностью. Онъ былъ однимъ изъ передовыхъ и лучшихъ представителей русскихъ электротехниковъ. Электрическая свѣча Яблочкова, начиная съ 1877 года до изобрѣтенія Эдисоновскихъ лампъ, обошла всѣ лучшіе европейскіе города. Будучи въ 70-хъ годахъ начальникомъ телеграфа на одной изъ станцій Московско-Курской желѣзной дороги, П. Н. занялся изученіемъ прикладной физики вообще и отдѣломъ электричества, который непосредственно касался порученнаго ему дѣла. Молодой инженеръ, питомецъ Николаевскаго инженернаго училища, успѣлъ ориентироваться въ литературѣ изысканія способа дробленія электрическаго свѣта и побѣдилъ трудности пракческаго осуществленія этой задачи, разрѣшивъ ее изобрѣтеніемъ электрической свѣчи. Изобрѣтатель отправился въ Москву и Петербургъ, пропагандировать свою идею электрическаго освѣщенія, но ему вездѣ былъ оказанъ холодный приемъ. Русскіе псевдо-ученые электротехники, вмѣсто того, чтобы оказать поддержку Яблочкову, занялись критикой мелочныхъ и легко удалимыхъ неудобствъ его свѣчи. Русскіе капиталисты не рѣшались разстаться съ небольшою долей своихъ богатствъ на пустое, по ихъ мнѣнію, предпріятіе. Яблочковъ при-

нужденъ былъ уѣхать въ Парижъ, гдѣ встрѣтилъ поддержку ученыхъ представителей электричества и образовалъ солидную коммерческую компанію для эксплуатаціи электрической свѣчи. Однако и французской компаніи не пришлось осуществить идею Яблочкова во всей ея широтѣ. П. Н. уѣхалъ въ Лондонъ. Здѣсь въ іюнѣ 1877 г., на просторномъ дворѣ вест-индскихъ доковъ, произведены были первые опыты электрическаго освѣщенія по идеѣ покойнаго. Опыты удались вполне, и электрическая свѣча нашла себѣ широкое примѣненіе. Яблочковъ родился въ 1847 г. Первоначальное образованіе получилъ въ саратовской гимназіи, затѣмъ кончилъ курсъ въ инженерномъ училищѣ, былъ выпущенъ подпоручикомъ въ одинъ изъ саперныхъ баталіоновъ кievской бригады. Но военная служба не соответствовала желаніямъ покойнаго. Онъ вышелъ въ отставку и поступилъ на службу въ общество Московско-Курской желѣзной дороги. Какъ человекъ, онъ обладалъ энергіей и смѣлливостью. Помимо электрической свѣчи, ему принадлежатъ многія другія изобрѣтенія, какъ гальваническій элементъ, рѣзко отличавшійся отъ употреблявшихся въ практикѣ отсутствіемъ жидкостей. Элементъ этотъ состоялъ изъ чугунаго цилиндра, въ который вливалась расплавленная селитра, и опускалась проволочная корзина съ коксомъ. Элементъ давалъ сильный токъ, далеко превосходящій по своей силѣ токъ элемента Бунзена.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Маленькое объясненіе.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатанъ рассказъ молодого, начинающаго писателя, Н. О. Лѣскова, подъ заглавіемъ: «Умеръ натуральной смертью». Въ виду совпаденія этой фамиліи съ фамиліей извѣстнаго писателя Н. С. Лѣскова, въ газетахъ «Недѣля» и «Русская Жизнь» появились статьи невѣдомыхъ въ литературѣ (одна изъ нихъ принадлежитъ какому-то г. Дужану, другая «Мечтателю») блюстителей чистоты ея правовъ, которые обвиняютъ меня въ безтактности, мистификаціи и даже фальсификаціи и любезно преподаютъ мнѣ указанія, какъ я долженъ обращаться съ сотрудниками. Такъ какъ эти господа главнымъ образомъ возстали на меня во имя защиты якобы попраднаго фамильнаго права Н. С. Лѣскова, то это обстоятельство вынуждаетъ меня сдѣлать небольшое объясненіе.

Въ началѣ прошлаго, 1893 г., я получилъ черезъ контору журнала небольшую рукопись, озаглавленную: «Двѣ рѣшины. Страницка изъ путешествія по нашему сѣверу», съ подписью Н. О. Лѣсковъ. Рассказъ мнѣ понравился. Авторомъ его оказался студентъ здѣшней духовной академіи Николай Теофилактовичъ Лѣсковъ. Объяснивъ ему при свиданіи, что охотно готовъ помѣстить его рассказъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», я, вмѣстѣ съ тѣмъ, указалъ на неудобное для него совпаденіе фамиліи съ извѣстнымъ писателемъ и посоветовалъ напечатать рассказъ, подписавъ его лишь инициалами, на что онъ безпрекословно согласился. Рассказъ этотъ появился въ іюньской книжкѣ журнала за прошлый годъ.

Въ январѣ нынѣшняго года, во всѣхъ газетахъ напечатанъ отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Географическаго Общества, гдѣ, между прочимъ, объявлено, что этому самому Н. О. Лѣскову, за его полезныя труды и изслѣдованія, сдѣланныя по порученію отдѣленія этнографіи, среди кореловъ Олонецкаго края, присуждена серебряная медаль. Вскорѣ затѣмъ г. Лѣсковъ принесъ мнѣ новую статью: «Умеръ натуральной смертью», которая была написана еще лучше первой. Мнѣ было жаль обезличивать молодого, способнаго писателя, такъ прекрасно начинавшаго свою научную и литературную дѣятельность, и уговаривать его опять отказаться отъ своей фамиліи только потому, что она одинакова съ фамиліей заслуженнаго литератора. Примѣровъ одноименности писателей въ нашей литературѣ множество. Недавно, въ одно и то же время, писали четверо Аксаковыхъ, трое Михайловскихъ и трое Майковыхъ, различаясь лишь начальными буквами своего имени, двое Крестовскихъ, двое Успенскихъ, двое Градовскихъ и т. д. Въ настоящее время пишутъ: извѣстный С. В. Максимовъ и братъ его Н. В. Максимовъ; Л. Н. Толстой и сынъ его Л. Л. Толстой; двое Немировичей-Данченко; двое Соловьевыхъ; двое Чеховыхъ; двое Полонскихъ и т. д. Подобныхъ примѣровъ можно найти не мало и въ иностранной литературѣ: укажемъ хотя бы на трехъ Доде. Всѣ они подписываются своими фамиліями, и ни они сами, ни редакціи, гдѣ они печатаютъ свои произведенія, не требуютъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ не подписывался вовсе, или подписывался бы псевдонимомъ, или, наконецъ, ставилъ послѣ своей фамиліи цифры: первый, второй и т. д. Однако я изъ деликатности обратился къ Н. С. Лѣскову съ моимъ недоумѣніемъ относительно его однофамильца. Н. С. отвѣтилъ мнѣ (письмо его у меня сохранилось), что ему до этого нѣтъ никакого дѣла, и что онъ удивляется, почему я отказываю его однофамильцу въ томъ, на что онъ имѣетъ право.

На основаніи всего сказаннаго, я и рѣшилъ, печатая рассказъ «Умеръ натуральной смертью», оставить подъ нимъ дѣйствительную фамилію автора: «Н. О. Лѣсковъ». Кажется, дѣло очень просто. Чего же ради всполошились всѣ эти горячіе поклонники и ревнители Н. С. Лѣскова? Или имъ хочется, чтобы редакціи, гдѣ будетъ печататься свои статьи Н. О. Лѣсковъ, всякій разъ прибавляли къ его имени оговорку: «однофамилецъ извѣстнаго автора «Некуда» и «Соборянъ»? Вѣдь это было бы смѣшно. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ непосредственно касается лишь одного Н. С. Лѣскова, и господъ «Дужаны», «Мечтатели» и имъ подобные «литераторы» совершенно напрасно выступаютъ непрошенными защитниками человѣка, который самъ въ состояніи говорить за себя. Если же они почему нибудь считаютъ, что это вопросъ принципиальный, то пусть обсуждаютъ его, но не въ той формѣ и не съ тѣми приемами, къ которымъ прибѣгаютъ въ своихъ легкомысленныхъ статьяхъ.

С. Шубинскій.

II.

Поправка къ біографіи Саріоти.

Однофамилецъ мой въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ «Къ біографіи артиста Саріоти», изъ двухъ лицъ, Сироткина и Свѣчина, создавъ одного Саріоти, перемѣшалъ и обстоятельства, сопровождавшія ихъ на пути жизни.

Я зналъ ихъ обоихъ, они посѣщали мою семью, а Николай Дмитріевичъ Свѣчинъ былъ даже дальнимъ родственникомъ по роднымъ моей жены.

Вотъ нѣкоторыя подробности, мнѣ хорошо извѣстныя о томъ и другомъ.

Младенецъ Михаилъ былъ подрошенъ къ квартирѣ бездѣтныхъ супруговъ Саріоти, жившихъ въ то время на Офицерской улицѣ, въ домѣ, стоящемъ какъ-разъ противъ Малой Мастерской улицы (въ Коломнѣ). На углу сей послѣдней помѣщался одноэтажный домъ, принадлежавшій военному министерству и занимавшійся чиновниками этого вѣдомства.

Угловую квартиру въ этомъ домѣ занимали мои родственники, а въ тридцатыхъ годовъ въ сосѣднюю квартиру переехало семейство Саріоти съ малолѣткомъ Мишей: ему тогда было около пяти лѣтъ. Родственники мои переѣхали на вольную квартиру въ 1842, г. и до 1843 г. намъ не удалось его видѣть, когда уже въ этомъ году онъ явился на сценѣ и далѣе сталъ, но только изрѣдка, посѣщать насъ. Онъ хвалился намъ, что общество, въ которомъ проводить время, самое отборное, образованное, наиболѣе все военныя,—и потомъ съ грустью прибавлялъ: «жаль, что веселье моихъ сообщниковъ быстро развиваетъ во мнѣ теченіе моей болѣзни» (собственныя его слова). Фамилію Свѣчина онъ никогда не принималъ и былъ, какъ извѣстно, впоследствии русскій оперный пѣвецъ. Когда Мишѣ было около семи лѣтъ, Николай Дмитріевичъ Свѣчинъ возвратился изъ Италіи; онъ посѣтилъ также всѣ музыкальныя европейскіе города. Въ это время онъ былъ въ порѣ вполне молодого человѣка и всѣхъ, кто слышалъ его, увлекалъ своею высоко-артистическою игрою на скрипкѣ: она у него не играла, а пѣла. Происхожденіе его описано у однофамильца моего вѣрно, но дѣвица была не полька, а уніатка М. Ф. В ко. По пріѣздѣ, онъ, посѣтивъ меня, рассказывалъ, что судьбу его устроить взялся отставной лейтенантъ Павелъ Ѳедоровичъ Миллертъ, и дѣйствительно въ скоромъ послѣ того времени онъ получилъ мѣсто первой скрипки въ оперномъ оркестрѣ съ обѣщаніемъ, по открытіи вакансіи, получить мѣсто дирижера. Но когда его обманули, т. е. не дали дирижерскаго мѣста, онъ вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ Константинополь на иждивеніе пенсіи, получаемой имъ по ордену Нишавъ-Ифтигаръ, дарованному ему турецкимъ султаномъ въ бытность его, до пріѣзда въ Петербургъ, въ Константинополь.

В. А. Васильевъ.

что у васъ крылья. Ну, нечего терять времени, слѣзайте внизъ. Именемъ императора, сдавайтесь!

Жандармы прицѣлились и только ждали команды, чтобы выстрѣлить. Но Роанъ не вздрогнулъ и продолжалъ стоять неподвижно; какая-то странная улыбка освѣщала его лице.

— Слышите,— снова воскликнулъ Пиприакъ:— слѣзайте внизъ. Я не стану долго ждать и терять напрасно словъ. Вы проиграли, и мы убили вашу послѣднюю карту. Спускайтесь къ намъ, Роанъ Гвенфернъ, и не заставляйте насъ даромъ ждать.

Голосъ стараго сержанта громко раздавался среди пустыхъ стѣнъ собора. Внизу все находилось въ тѣни, но наверху утесы блестѣли, какъ зеркало, и одинъ лучъ солнца, словно отдѣлившись отъ своихъ товарищей, игралъ на лицѣ Роана, его золотистыхъ кудряхъ и босыхъ ногахъ.

— Что вамъ надо?—спросилъ онъ, наконецъ, глухимъ голосомъ.

— Что намъ надо?—отвѣчалъ злобно Пиприакъ:— какъ вамъ это нравится, господа! Мы его ищемъ повсюду на землѣ и въ землѣ, а онъ спрашиваетъ, что намъ надо. Да, вы смѣтаетесь надъ нами! Повторяю, именемъ императора, сдавайтесь.

Всѣ жандармы, стуча ружьями, повторили:

— Сдавайтесь.

— Вы напрасно теряете время,— произнесъ яснымъ, рѣшительнымъ голосомъ Роанъ:— вы никогда не возьмете меня живымъ.

Пиприакъ поднялъ голову и посмотрѣлъ съ изумленіемъ на преслѣдуемаго дезертира, который казался какимъ-то страшнымъ звѣремъ, котораго затравили.

— Довольно болтать вздоръ!— воскликнулъ гнѣвно сержантъ:— сходите внизъ, или мы придемъ за вами.

— Приходите,—отвѣчалъ Роанъ.

Пиприакъ, не смотря на свое добродушіе, плохо скрываемое его грубыми, рѣзкими манерами, не терпѣлъ, чтобы его ставили въ глупое положеніе, а теперь онъ находился въ самой непріятной дилемѣ; съ одной стороны онъ жалѣлъ бѣднаго юношу, который былъ сыномъ его друга, а съ другой — онъ не хотѣлъ, чтобы его обвинили въ недостаткѣ служебной ревности, и, кромѣ того, онъ жаждалъ какъ можно скорѣе вернуться домой и выпить, наконецъ, обычную чарку водки. Поэтому онъ вышелъ изъ себя отъ послѣднихъ словъ Роана и, схвативъ у одного изъ жандармовъ ружье, прицѣлился.

— Если вы черезъ минуту не сдадитесь,— воскликнулъ онъ:— то я васъ убью, какъ сороку на вышкѣ. Не будьте дуракомъ, вѣдь для васъ нѣтъ спасенія.

Роанъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія и пристально смотрѣлъ на своихъ преслѣдователей.

— Еще разъ приказываю вамъ именемъ императора сдаться,— произнесъ старый сержантъ.

— Я никогда не сдамся,—отвѣчалъ спокойно Роанъ.

Черезъ мгновеніе раздался выстрѣлъ, но когда облако дыма разсѣялось, то всѣ увидали съ изумленіемъ, что Роанъ стоитъ по-прежнему на своемъ мѣстѣ. Пуля ударилась въ утесъ рядомъ съ нимъ, но худо ли мѣтила Пиприакъ, или нарочно выстрѣлили такъ, чтобы пуля не попала въ дезертира, осталось его тайной. Но во всякомъ случаѣ, если онъ хотѣлъ выстрѣломъ напугать Роана, то цѣль его не была достигнута.

Видя неуспѣхъ сержанта, жандармы въ свою очередь прицѣлились, но Пиприакъ громко воскликнулъ:

— Погодите. Ну, что же, вы остались живы,— снова произнесъ онъ, обращаясь къ Роану:—и теперь, можетъ быть, станете благоразумнѣе. Сходите внизъ и надѣйтесь на милосердіе императора; я ничего не обещаю, но... сдѣлаю все, что могу. Во всякомъ случаѣ вы не можете избѣгнуть вашей судьбы, и мы уже теперь не выпустимъ васъ изъ рукъ. Ну, сдавайтесь.

— Я никогда не буду солдатомъ.

— Теперь уже поздно, — сказалъ Мишель Гральонъ, впервые нарушая молчаніе и обращаясь къ Пиприаку: — къ тому же онъ трусь.

Услыхавъ эти слова, Роанъ снова хотѣлъ броситься на шпіона, но попрежнему удержалъ свой порывъ.

— Повторяю, что вы напрасно теряете время,— произнесъ онъ, смотря только на Пиприака:— быть можетъ, я трусь, какъ говоритъ Мишель Гральонъ, но я никогда не пойду на войну и не сдамся живымъ.

— Живымъ или мертвымъ вы будете нашимъ. Вамъ нѣтъ спасенья.

— Можетъ быть, спасенье найдется.

— Нѣтъ, всѣ пути къ бѣгству вамъ закрыты, и вы окружены со всѣхъ сторонъ.

— Это правда.

— Ага, вы, наконецъ, становитесь благоразумнымъ. Право, послушайте совѣта стараго Пиприака и сдайтесь безъ дальнѣйшихъ проволокъ.

Роанъ отвѣчалъ на эти слова ироническимъ смѣхомъ и, указывая рукой на ворота св. Гильда, сказалъ:

— Если я окруженъ, то и вы также.

Пиприакъ и жандармы быстро обернулись, но Мишель Гральонъ первый понялъ, въ чемъ дѣло.

— Пресвятая Богородица! — воскликнулъ онъ: — Роанъ правъ, приливъ начался.

Дѣйствительно вода поднялась и бѣшено клокотала передъ во-

ротами. Еще нѣсколько минутъ, и она залила бы соборъ, отрѣзавъ имъ отступленіе.

— Идемте отсюда, нельзя терять ни минуты,—воскликнулъ Мишель, бросаясь къ воротамъ, но Пиприакъ никогда не терялъ головы въ критическіе моменты.

Онъ спокойно посмотрѣлъ на отверстіе пещеры, но въ немъ уже никого не было. Роанъ исчезъ.

— Чортъ возьми,—произнесъ сержантъ, грозя кулакомъ невидимому дезертиру:—все равно дайте залпъ.

Жандармы дружно выстрѣлили, и весь соборъ затрясся. Потомъ они бросились бѣгомъ къ воротамъ. Но уже вода была такъ высока, что имъ пришлось огибать утесъ за соборомъ по поясъ въ волнахъ.

У подножія лѣстницы св. Трифина бѣглецовъ встрѣтила большая толпа кромлэйцевъ, которая собралась туда, чтобы поскорѣе узнать о результатѣ военныхъ дѣйствій Пиприака. Тутъ были между прочимъ Аленъ, Яникъ и Марселла.

Молодую дѣвушку привлекло туда невольное желаніе услышать правду, какъ бы ужасна она ни была. Спустившись съ лѣстницы, она увидала, что море подходило къ воротамъ св. Гильда, и остановилась, испуганная выстрѣлами въ соборъ. Что означали эти выстрѣлы? Нашли ли Роана и стрѣляли ли по немъ? Она въ ужасѣ опустилась на песокъ и не обращала вниманія на окружающую ее толпу. Когда же явился Пиприакъ съ своими жандармами, то она вскочила и вопросительно смотрѣла на ихъ гнѣвные лица. Толпа же осыпала ихъ нетерпѣливыми вопросами, но они быстро шли по дорогѣ въ Кромлэ и не отвѣчали ни слова.

Мишель Гральонъ слѣдовалъ за ними также молча, но вдругъ кто-то схватилъ его за руку. Онъ хотѣлъ сердито освободиться отъ такой задержки, когда, обернувшись, увидалъ передъ собою Марселлу.

— Скажите, Мишель Гральонъ, что они сдѣлали?—воскликнула она, съ сверкающими неестественнымъ огнемъ глазами:—нашли его? Убили его?

Мишель покачалъ головой и съ какой-то странной улыбкой, которой онъ тщетно старался придать выраженіе сочувствія, произнесъ:

— Онъ живъ и невредимъ въ соборѣ св. Гильда.

— Въ соборѣ?

— Наверху въ пещерѣ.

Хотя эти слова относились къ одной Марселлѣ, но ихъ слышали окружающіе, и тотчасъ вся толпа громко загудѣла. Марселла выпустила руку Мишеля Гральона, и онъ быстро послѣдовалъ за Пиприакомъ.

Отойдя отъ толпы, молодая дѣвушка старалась привести въ порядокъ свои мысли. Долго сдерживаемая въ глубинѣ ея сердца,

любовь къ Роану теперь воскресла съ новой силой. Все было забыто, кромѣ того, что Роанъ живъ и борется одинъ со всѣми властями; она даже забыла объ императорѣ и о томъ, что Роанъ возсталъ противъ него. Она сознавала только одно, что Роанъ былъ живъ. Нѣсколько часовъ передъ тѣмъ она находилась подъ тяжелымъ бременемъ мрачнаго отчаянія, а теперь все ея существо было преисполнено надежды. Не безъ гордости она думала, что любимый ею человѣкъ до сихъ поръ успѣшно боролся съ своими многочисленными врагами и, не смотря на всѣ ихъ усилія, побѣдоносно избѣгалъ ихъ преслѣдованія. Его жизнь казалась очарованной и, быть можетъ, милосердый Господь взялъ его подъ свое покровительство.

Между тѣмъ толпа шумно обсуждала удивительное спасеніе Роана Гвенферна и тотъ странный фактъ, что онъ проводилъ ночи за ночами въ соборѣ св. Гильда, куда никто не смѣлъ проникать изъ опасенія призраковъ. Тамъ не разъ видали св. Гильда, не разъ слышали стоны нечестивыхъ монаховъ, которыхъ святой на вѣки заковалъ въ желѣзныя цѣпи, и въ этомъ проклятомъ мѣстѣ могъ безопасно находиться человѣкъ, только отдавшій свою душу дьяволу, или состоявшій подъ особымъ покровительствомъ св. Гильда. Въ которомъ изъ этихъ двухъ положеній былъ Роанъ, составляло спорный вопросъ для толпы, но хотя меньшинство и полагало, что онъ продался дьяволу, который его и спасъ отъ человѣческихъ преслѣдованій въ чортовомъ гнѣздѣ, какъ обыкновенно называли пещеру, громадное большинство, напротивъ, склонялось къ тому мнѣнію, что онъ находился подъ покровительствомъ неба и св. Гильда, такъ какъ въ послѣднее время кромлейское общественное мнѣніе стало замѣтно отвертываться отъ Наполеоновской политики и склоняться въ пользу дезертира.

Что касается до Пипріака, то, избѣгнувъ толпы, онъ остановился съ своими жандармами и собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено тотчасъ отправить гонца въ Сень-Гурло съ просьбой о высылкѣ подкрѣпленій, а до тѣхъ поръ строго охранять всѣ выходы изъ собора. Старый сержантъ былъ убѣжденъ, что дезертиръ не можетъ скрыться изъ своего убѣжища, если его будутъ старательно караулить на берегу и на утесахъ.

— Онъ попался въ западню,—произнесъ Пипріакъ:— и только Богъ, или дьяволъ могутъ его спасти.

XXXI.

Въ пещерѣ.

Пока его преслѣдователи совѣтывались о томъ, какъ лучше устроить на него облаву, Роанъ Гвенфернъ спокойно оставался въ своемъ убѣжищѣ, не пытаясь бѣжать оттуда. По временамъ онъ

прислушивался, но единственные звуки, долетавшіе до него, были плескъ моря, наводнявшаго соборъ. Онъ былъ въ полной безопасности, по крайней мѣрѣ, на время, такъ какъ внизу клокотала вода, а сверху никто не могъ достигнуть до него.

Онъ находился въ большой выбитой природой пещерѣ среди гранитной массы и полуосвѣщенной солнечными лучами, проникавшими чрезъ узкое отверстіе. Надъ его головой виднѣлись большіе эллиптическіе своды, покрытые красноватымъ мхомъ и черными, какъ сажа, грибами, а по сторонамъ возвышались стѣны, украшенныя завѣсой лишайныхъ растений, блестявшихъ отъ струившихся во многихъ мѣстахъ потоковъ воды. Эта пещера была такъ велика, и въ ней царилъ такой полумракъ, что невозможно было охватить глазомъ ея величины, подобно тому какъ взглядъ теряется подъ сводами воздвигнутыхъ человѣческими руками соборовъ. Воздухъ былъ сырой, холодный; онъ вредно отозвался бы на человѣкѣ болѣе нѣжнаго сложенія, но Роанъ дышалъ имъ безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Въ одномъ углу пещеры онъ устроилъ себѣ ложе изъ сухаго тростника и теперь лежалъ на немъ. Подлѣ него находились палка птицелова, деревянные башмаки и краюшка чернаго хлѣба, а надъ нимъ въ расщелинѣ стѣны висѣла маленькая жестяная лампа.

Тутъ совершенно въ одиночествѣ и часто въ полномъ мракѣ, онъ провелъ много ночей и спокойно спалъ, какъ ни бушевало море въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Онъ привыкъ къ подобной жизни, и на его могучей физической натурѣ нимало не отражалось постоянное существованіе на чистомъ воздухѣ; дѣйствительно, еслибъ его умъ не терзался вѣчнымъ безпокойствомъ, то онъ нисколько бы не измѣнился. Но даже животныя, какой бы силой они ни обладали, худѣютъ подъ вліяніемъ страха и преслѣдованій, поэтому и Роанъ походилъ теперь только на тѣнь того, чѣмъ онъ былъ прежде; его исхудалая фигура, большіе сверкашіе глаза и блѣдное страдальческое лице напоминали затравленнаго звѣря. Его одежда, бывшая не новой въ минуту бѣгства, превратилась въ лохмотья, среди которыхъ виднѣлось обнаженное тѣло; волосы падали на его плеча безпорядочной массой; борода и усы торчали во всѣ стороны; все его тѣло было покрыто синяками и шрамами отъ полученныхъ ушибовъ во время его скитанія по утесамъ. Одна его нога опухла, и онъ едва могъ ступать на нее.

Мишель Гральонъ былъ правъ, подозрѣвая, что Роанъ питался съѣстными припасами, которые приносила ему старая больная мать. Два или три раза въ недѣлю она тайно доставляла ему пищу, которую приготавливала собственными руками: онъ получалъ эти съѣстные припасы или прямо изъ ея рукъ, или по веревкѣ, спущенной съ вершины утесовъ. Безъ помощи матери онъ положительно умеръ бы съ голода, такъ какъ невозможно было физически существо-

вать на моллюскахъ и креветкахъ, которыхъ онъ собиралъ на морскомъ берегу.

Въ настоящую минуту онъ находился въ пещерѣ не одинъ. Коза Янедикъ безпокойно ходила вокругъ него, держась на приличномъ разстояніи отъ отверстія, по которому только что былъ данъ страшный залпъ. Отъ времени до времени она подходила къ нему и терлась мордой объ его руку, какъ бы спрашивая объясненія неожиданно разыгравшейся поразительной сцены.

Посѣщенія козой убѣжища ея хозяина были постоянныя, не менѣе одного раза въ день; она случайно нашла его, странствуя по утесамъ, а потомъ ея визиты все болѣе и болѣе учащались. Они приносили большое утѣшеніе Роану, который чувствовалъ себя въ ея присутствіи не одинокимъ. Къ тому же она служила ему тайнымъ средствомъ сообщенія съ матерью, и ея густая шерсть не разъ скрывала вѣсточки.

Прошло около часа послѣ ухода Пиприака съ его отрядомъ; Роанъ всталъ и вышелъ изъ пещеры. Все было тихо; зеленая вода наполняла соборъ, и какой-то тюлень быстро кружился на ея поверхности, тщетно отыскивая сухаго пристанища въ его стѣнахъ.

До сихъ поръ Роанъ ощущалъ гордое самодовольство, сознавая, что онъ успѣшно сопротивляется непреодолимой силѣ. Слабый, одинокій онъ возсталъ противъ Наполеона, бросилъ ему перчатку и позвалъ себѣ на помощь землю и море; первой онъ сказалъ: «скрой меня», а послѣднему: «охраняй меня». Тотъ и другой зовъ не оказались тщетными. Правда онъ пострадалъ отъ этой борьбы, такъ какъ всѣ возстающіе противъ силы должны пострадать, но пока еще онъ не подвергся ничему, кромѣ естественныхъ въ его положеніи непріятностей. Онъ повиновался голосу своей совѣсти и былъ доволенъ, такъ какъ считалъ, что этотъ голосъ выражалъ волю Божію.

Въ эти мрачные дни мысль о Марселлѣ тревожила и утѣшала его: тревожила потому, что она, повидимому, болѣе его не любила, приняла сторону его враговъ и считала его измѣнникомъ и трусомъ, а утѣшала по той причинѣ, что онъ постоянно вспоминалъ объ ихъ прежней любви и каждую ночь видѣлъ ее во снѣ. Но, всетаки, ясно было, что онъ лишился ея навсегда. Онъ избралъ долю отверженцевъ, которые отрекаются отъ всего міра и влекутъ свое несчастное существованіе вдали отъ родныхъ, друзей, дома, отечества. Отрекаясь отъ Наполеона, онъ совершилъ въ лицѣ людей еще большее преступленіе, чѣмъ еслибъ онъ отрекся отъ Бога, такъ какъ Богъ былъ далеко, а могучая рука Наполеона тяготѣла надъ всѣми. Единственная его надежда была на природу и на самого себя, а въ крайности онъ могъ умереть.

Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, онъ все болѣе и болѣе ненавидѣлъ войну и оправдывалъ свой живой протестъ противъ

нея. Даже еслибъ теперь было мыслимо его примиреніе съ Наполеономъ подъ условіемъ, чтобъ онъ поступилъ въ его армію, то онъ еще мужественнѣе отказался бы отъ этого, чѣмъ прежде, такъ какъ съ усиленіемъ въ его душѣ увѣренности въ своей правотѣ, росло и физическое отвращеніе къ войнѣ. Въ одиночествѣ и мракѣ своего убѣжища онъ вызывалъ передъ собой страшные призраки войны; все, что онъ читалъ, или о чемъ онъ думалъ, принимало живые образы, которые носились вокругъ него, наполняя его сердце ужасомъ и отчаяніемъ.

Въ концѣ концовъ, надо сознаться, что Роанъ въ извѣстномъ смыслѣ былъ трусомъ и ощущалъ то нервное содроганье всего внутренняго существа, которое составляетъ характеристическую черту трусости. Его впечатлительная натура была такъ чутка, что въ своей отдаленной пещерѣ онъ чувствовалъ смрадъ поля битвы, усѣяннаго мертвыми тѣлами, слышалъ стоны раненыхъ, видѣлъ слезы вдовъ и сиротъ, однимъ словомъ, переживалъ всѣ ужасы войны. Каждый человѣкъ имѣетъ въ глубинѣ сердца свой Дантовскій адъ, и Роанъ Гвенфернъ не представлялъ исключенія.

Спустя нѣсколько времени, вода стала медленно удаляться изъ собора, и Роанъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ постепенно осушались гранитныя глыбы. Теперь онъ началъ обдумывать всѣ шансы на дальнѣйшую свою безопасность. Конечно, до пещеры можно было добраться, но съ большимъ трудомъ и съ большой опасностью, особенно для человѣка съ оружіемъ въ рукахъ. Къ тому же его преслѣдователи могли только проложить себѣ дорогу къ его убѣжищу одинъ за другимъ. Положительно пещера была неприступной, пока онъ находился насторожѣ.

Между тѣмъ Янедикъ покинула своего хозяина и стала спокойно подыматься на вершину утесовъ. Ея путь сначала шелъ по той же тропинкѣ, по которой недавно пробирался Роанъ, а потомъ ей пришлось лѣзть, какъ мухѣ, по отвѣсной стѣнѣ. Наконецъ, ни разу не спотыкнувшись, она исчезла изъ виду.

Небо заволочлось тучами, и пошелъ дождь. Роанъ не обращалъ на это вниманія тѣмъ болѣе, что дождь былъ теплый. Онъ стоялъ въ отверстіи пещеры и смотрѣлъ, какъ вода убываетъ, прислушивался къ стуку дождя о гранитъ, къ завываніямъ вѣтра. Наконецъ полъ въ соборѣ совершенно просохъ, и только оставшіяся по угламъ лужи напоминали о томъ, что тутъ недавно было море.

Неожиданно до ушей Роана долетѣли отдаленные звуки человѣческихъ голосовъ. Его преслѣдователи возвращались. Онъ спокойно ушелъ въ пещеру.

Пириакъ и его жандармы теперь явились не одни, а въ сопровожденіи большой толпы встревоженныхъ мужчинъ и женщинъ. Не смотря на всѣ усилія сержанта отогнать ихъ, они слѣдовали за нимъ, и когда онъ вошелъ въ соборъ, то около шестидесяти, или восьмидесяти человѣкъ ринулись туда за нимъ.

Оставаясь въ темнотѣ и невидимый для лицъ, бывшихъ внизу, Роанъ могъ вполне рассмотреть эту разношерстную группу, состоявшую изъ жандармовъ съ ружьями и поселянъ въ ихъ пестрой одеждѣ. Но вдругъ сердце его дрогнуло: онъ увидаль впереди всѣхъ Марселлу, которая спокойно смотрѣла на верхъ. Онъ ясно различалъ ея блѣдное лицо, въ чепцѣ шафраннаго цвѣта, и блескъ ея большихъ глазъ. Зачѣмъ она явилась сюда? Неужели для того, чтобъ увидѣть, какъ его схватятъ, а, можетъ быть, убьютъ?

Долго стоялъ Пиприакъ въ тревожномъ раздумьи, прежде чѣмъ предпринять что нибудь противъ затравленнаго звѣря. Онъ самъ не думалъ пробраться въ пещеру и тщетно предлагалъ это сдѣлать всѣмъ, въ томъ числѣ и Мишелю Гральону.

— Ей, дезертиръ!—кричалъ онъ, внѣ себя отъ гнѣва:—выходи! Слышишь!

Отвѣта не было.

— Проклятіе!—продолжалъ сержантъ:—неужели онъ бѣжалъ?

— Это невозможно,—отвѣчалъ Мишель Гральонъ:—если онъ не призракъ, то онъ здѣсь.

— А кто можетъ поручиться, что онъ не призракъ,—воскликнулъ Пиприакъ.—Ты, рыбакъ, осель. Еслибъ только у насъ была лѣстница! Ей дезертиръ, Роанъ Гвенфернъ!

Только эхо повторило его слова. Поселяне посматривали другъ на друга съ улыбкой, а Марселла мысленно молилась, совершая крестное знаменіе.

XXXII.

О с а д а.

Необходимо точно опредѣлить время, когда происходили описываемыя событія. Та ночь, въ которую рыбаки приняли издали Роана и Янедикъ за св. Гильда и врага человѣческаго рода, тотчасъ слѣдовала за іюньскимъ праздникомъ, но прошло три мѣсяца, прежде чѣмъ Мишель Гральонъ отыскалъ Роана въ соборѣ. Такимъ образомъ начало открытыхъ военныхъ дѣйствій со стороны Пиприака для поимки дезертира совпадаетъ съ концомъ сентября 1813 года.

Это была памятная эпоха не только для уединеннаго, мирнаго Кромлэ, но и для всего свѣта. Грозная буря поднималась и грозила разразиться надъ головой великаго колосса, угнетавшаго весь міръ. На Рейнѣ Наполеонъ остановился и, поднявъ руку, подобно королю Кануту противъ набѣгавшихъ враждебныхъ человѣческихъ волнъ, сказалъ: «До сихъ поръ, и ни шагу далѣе». Но къ его удивленію волны все подымались и напирали на него. Неужели онъ поглотятъ его? Неужели геній наконецъ измѣнитъ ему? Вотъ

вопросы, которые задавалъ себѣ весь свѣтъ осенью 1813 года. Весь свѣтъ былъ противъ него, но онъ столько разъ поработалъ весь свѣтъ, что этотъ подвигъ могъ повториться еще разъ; его слово попрежнему имѣло мощную силу, его присутствіе все еще вдохновляло армию, его тѣнь все еще была злымъ рокомъ. Онъ могъ еще побороть нахлынувшія на него человѣческія волны, и тогда истекавшему кровью свѣту оставалось только умереть, такъ какъ онъ не могъ болѣе терпѣть подобнаго ига.

Намъ еще не предстоитъ описывать движенія великихъ армій и борьбу Наполеона со всѣмъ свѣтомъ, но, приступая къ разсказу объ осадѣ въ миниатюрѣ, мы не можемъ не указать на ея сходство со всѣми осадами, какъ бы громадны онѣ ни были.

Борьба въ Кромлѣ происходила между однимъ человѣкомъ и всѣми; до сихъ поръ она была безкровной, и на сколько это зависѣло отъ одинокаго бойца, то не была бы пролита кровь и до самаго конца.

Наконецъ храбрый Пипріакъ собралъ свои военныя силы и вступилъ въ рѣшительный бой съ преслѣдуемымъ человѣкомъ; теперь онъ уже нисколько его не сожалѣлъ: жестокія страсти взяли въ немъ верхъ надъ всѣмъ, и онъ жаждалъ только одного— побѣды надъ врагомъ; онъ задыхался отъ злобы, и его глаза были налиты кровью. Онъ, представитель императора, не могъ долѣе терпѣть, чтобъ надъ нимъ издѣвался простой, невооруженный рыбакъ, презрѣнный дезертиръ, отказывавшійся отъ защиты своей родины, шуанъ и трусъ, за поимку котораго была обѣщана награда. Неужели никто не влѣзетъ въ пещеру и не стащить его оттуда?

— Андрэ, Пьеръ, Хоель, взбирайтесь на верхъ!—кричалъ онъ внѣ себя:—чортъ возьми, между вами нѣтъ ни одного храбраго человѣка. Еслибъ я не былъ такимъ старикомъ, то показалъ бы вамъ, негодяямъ, что такое храбрость.

Побуждаемый проклятьями сержанта, Пьеръ снялъ башмаки, взялъ въ ротъ штыкъ и началъ взлѣзать по почти перпендикулярной склизкой стѣнѣ, въ которой, однако, были расщелины, за которыя можно было ухватиться руками и ногами. Всѣ смотрятъ на него съ лихорадочнымъ волненіемъ, но вотъ нога его скользитъ, и онъ падаетъ на каменный полъ; по счастью онъ еще не высоко поднялся, и полученные имъ ушибы не серьезны.

Теперь очередь за Андрэ: это—загорѣлый, рѣшительный на взглядъ дѣтина, съ очень развитыми мускулами. Онъ карабкается на верхъ гораздо успѣшнѣе Пьера; вотъ онъ уже на половинѣ дороги, но вдругъ въ толпѣ раздается крикъ. Онъ поднимаетъ голову и видитъ надъ собой двѣ руки, а въ нихъ громадный камень. Кромѣ того, на него убійственно смотрятъ два сверкающіе глаза Роана Гвенферна. Теперь было не трудно застрѣлить

дезертира, но тогда что бы сдѣлалось съ Андре? На него упалъ бы камень, и, конечно, онъ уплатилъ бы жизнью за свою смѣлость. Ему оставалось только одно: поскорѣе спуститься внизъ, и онъ это сдѣлалъ. Когда же онъ очутился снова на полу, то лицо Роана исчезло.

— Проклятіе!—воскликнулъ Пипріакъ:—дезертиръ хочетъ бороться.

И онъ скомандовалъ: «пли!».

Раздался ружейный залпъ, и пули, ударившись о сводъ отверстія, упали сплюсненныя на то самое мѣсто, гдѣ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ стоялъ Роанъ. Эхо повторяетъ выстрѣлы, а поселяне вскрикиваютъ отъ страха, но порохъ сожженъ безъ всякаго результата.

Также безуспѣшно были новыя попытки забраться въ пещеру. Одинъ изъ жандармовъ при этомъ едва не убитъ падавшимъ камнемъ, который оторвался отъ стѣны. Пипріакъ произноситъ страшныя проклятія, и снова ружейный залпъ слѣдуетъ за залпомъ. Осада производится по всѣмъ правиламъ, но не ведетъ ни къ чему, такъ какъ Роанъ насторожѣ.

Солнце уже начало садиться, а дѣло обстоитъ все также неутѣшительно для осаждающихъ. Дождь продолжаетъ падать, и всѣ они мокры до костей. Поселяне, а въ ихъ числѣ и Марселла, видимо довольны, что власти терпятъ неудачу за неудачей.

Наконецъ приливъ вторично наполняетъ водой соборъ, и всѣ удаляются, угрожая продолжать свое дѣло на другой день съ новыми силами. Но когда всѣ исчезли, то Марселла, оставшись одна въ уединенномъ, безмолвномъ соборѣ, подбѣжала къ стѣнѣ подъ самое отверстие пещеры и тихо промолвила:

— Роанъ, Роанъ!

Отвѣта не было.

— Роанъ, — произнесла она громче, со слезами на глазахъ, — отвѣчай мнѣ, развѣ ты меня не слышишь?

Безмолвная тишина не нарушалась ни малѣйшимъ звукомъ, и молодая дѣвушка, понутивъ голову, направилась къ воротамъ. Море уже такъ высоко поднялось, что наводняло соборъ, и ей пришлось идти по колѣно въ водѣ.

Роанъ слышалъ голосъ Марселлы и, нагнувшись изъ мрачнаго отверстія, видѣлъ ея блѣдное, столь горячо любимое имъ лицо. Но теперь онъ не довѣрялъ даже ей и потому не откликнулся на ея зовъ. А когда она удалилась, то онъ долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ съ нѣмымъ отчаяніемъ, словно находясь во снѣ. Наконецъ его нервы не вынесли, онъ бросился на свое ложе изъ тростника и зарыдалъ.

На глазахъ сильнаго человѣка также трудно вызвать слезы, какъ капли сырости изъ камня, или желѣза; онъ плачетъ не отъ горя, не отъ самосожалѣнія, но отъ напряженія нервовъ. Увидавъ

Марселлу, Роанъ неожиданно созналъ все, что было имъ потеряно, созналъ, какое счастье могло его ожидать, и какая мрачная судьба теперь тяготѣла надъ нимъ.

— Марселла, Марселла, — громко стоналъ онъ, и безжалостное эхо повторяло этотъ крикъ его наболѣвшаго сердца.

Между тѣмъ наступила ночь, въ продолженіе которой враги оставили его въ покоѣ, но онъ хорошо зналъ, что всѣ выходы изъ собора были старательно охраняемы. Впрочемъ онъ и не думалъ бѣжать, такъ какъ не могъ нигдѣ найти болѣе безопасности, какъ въ соборѣ, и къ тому же онъ чувствовалъ сильную боль въ ногѣ. Онъ тихо лежалъ въ окружавшемъ его мракѣ и слышалъ только шелестъ крыльевъ летучихъ мышей, которыя кружились надъ нимъ. Около полуночи вода начала убывать, и онъ ожидалъ, что вскорѣ вернуться осаждатели, но они не приходили. Показавшаяся на небѣ луна залила соборъ своими серебристыми лучами.

Теперь онъ принялся за подготовку своей защиты, собралъ большіе и мелкіе камни, которые, оторвавшись отъ стѣнъ, валялись въ пещерѣ, снесъ или подкатилъ ихъ къ отверстию и устроилъ такимъ образомъ себѣ арсеналъ убійственныхъ снарядовъ, которые, падая съ высоты, могли лишить жизни даже быка. Покончивъ съ этой работой и въ кровь изрѣзавъ себѣ руки острыми камнями, онъ бросился на свою импровизованную постель и заснулъ.

Когда онъ открылъ глаза, то былъ уже день, и солнечные лучи освѣщали отверстие пещеры. Внизу слышался громкій говоръ, и какой-то повелительный голосъ называлъ его по имени. Роанъ подползъ къ отверстию, теперь частью закрытому наваленными имъ камнями, и увидалъ толпу людей въ военныхъ мундирахъ съ ружьями; впереди всѣхъ стоялъ человѣкъ высокаго роста, съ сѣдой бородой, въ которомъ онъ узналъ мэра Сень-Гурло.

— Я здѣсь, — произнесъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

Толпа заколыхалась, послышалось бряцанье оружія, и снова раздался голосъ мэра:

— Тише! Гвенфернъ, вы меня слышите?

— Да.

— Вы знаете меня?

— Да.

Роанъ говорилъ ясно, громко, но старательно скрывалъ свою фигуру во мракѣ пещеры.

— Вы попали въ число рекрутовъ, — продолжалъ мэръ: — и стояли первымъ номеромъ, но вы уклонились отъ исполненія вашего долга. Теперь, несчастный, васъ нашли, какъ находятъ всякаго бѣглеца. Именемъ императора я требую, чтобы вы сдались.

Роанъ ничего не отвѣчалъ.

— Слышите, — прибавилъ мэръ: — неужели вы не имѣете ничего мнѣ отвѣчать?

— Имѣю.

— Такъ говорите.

— Если я сдамся, то что будетъ со мной?

— Конечно, васъ разстрѣляютъ въ примѣръ другимъ.

— А если не сдамся?

— Васъ казнятъ. Понимаете, для васъ нѣтъ спасенія. Лучше сдавайтесь безъ дальнѣйшихъ хлопотъ.

— Я никогда не сдамся, пока живъ.

Мэръ передалъ сержанту Пиприаку какую-то бумагу, которую держалъ въ рукахъ, словно говоря: «я исполнилъ свой долгъ и умоваю руки».

Затѣмъ они долго совѣщались вполголоса, и наконецъ мэръ громко произнесъ, насунивъ брови:

— Остальное ваше дѣло. Вы должны взять его живымъ, или мертвымъ; это, конечно, не трудно, такъ какъ онъ одинъ, а васъ много.

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, — отвѣчалъ Пиприакъ: — въ пещеру можетъ влѣзть и то съ опасностью жизни только одинъ человекъ, такъ какъ у насъ нѣтъ лѣстницъ.

— Всетаки,—замѣтилъ мэръ съ безжалостной злобой въ глазахъ,—его надо взять, чего бы это ни стоило. Неужели нѣтъ въ селеніи лѣстницъ?

— Для того, чтобы добраться до пещеры, необходимы очень высокія лѣстницы,—возразилъ Пиприакъ,—и всетаки...

Въ эту минуту къ мэру подошелъ Мишель Гральонъ и, снявъ шляпу, сказалъ:

— Господинъ мэръ...

— Кто это такой?—спросилъ мэръ, обращаясь къ Пиприаку.

— Онъ сдѣлалъ первый доносъ.

— Что вамъ надо, говорите?

— Простите, господинъ мэръ, но есть вѣрное средство покончить съ дезертиромъ.

— Какое?

— У него нѣтъ средствъ къ пропитанію, и рано, или поздно онъ умретъ съ голода.

XXXIII.

Голодъ и холодъ.

Мишель Гральонъ вѣрно угадалъ, что какъ бы успѣшно Роанъ ни защищался отъ осаждающихъ въ своей, повидимому, неприступной позиціи, но рано или поздно, не имѣя продовольствія, онъ долженъ былъ отъ голода или сдаться, или умереть. Для достиженія этой цѣли необходимо было только отрѣзать ему всѣ средства къ полу-

ченію стѣстныхъ припасовъ, что уже было сдѣлано Шиприакомъ; дѣйствительно всѣ окрестные утесы какъ внизу, такъ и наверху были охраняемы часовыми, такъ что весь вопросъ заключался въ томъ, взять ли приступомъ пещеру, или подождать сдачи Роана, а если не сдачи, то смерти отъ голода. Шиприакъ, человекъ рѣшительный, стоялъ за немедленный приступъ, и потому тотчасъ было послано въ селеніе за лѣстницами, но когда таковыхъ не оказалось, то онъ увидалъ невозможность вести дѣло круто и долженъ былъ согласиться извести дезертира долговременной, пассивной осадой. Но во всякомъ случаѣ старый сержантъ такъ или иначе овладѣетъ въ концѣ концовъ дерзкимъ поселяниномъ, который смѣлъ издѣваться надъ нимъ, хотя бы это стоило ему двадцатилѣтнихъ усилій.

Между тѣмъ онъ послалъ въ Сень-Гурло за лѣстницами, которыя во всякомъ случаѣ должны были понадобиться, чтобъ достать изъ пещеры дезертира если не живымъ, то мертвымъ. А пока онъ, какъ главнокомандующій большой арміи, основалъ свою главную квартиру въ соборѣ св. Гильда, откуда только удалялся во время прилива и для осмотра расположенныхъ вокругъ него пикетовъ.

Прошли сутки, а осажденный не выходилъ изъ своего убѣжища.

Излишне описывать всѣ дѣйствія осаждающихъ. Они то громко окликали его, то, выйдя съ большимъ шумомъ изъ собора, возвращались туда тихо, ползкомъ, надѣясь обмануть его. Ночью часовые были удвоены при всѣхъ выходахъ изъ собора, и для большаго спокойствія Шиприакъ приказалъ не пускать никого къ осажденной мѣстности. Два раза Марселла Дюваль была удалена чуть не съ помощью штыковъ, потому что жандармовъ выводило изъ себя нетерпѣніе. Никто не зналъ, куда она шла, но подозрѣвали, что она несла пищу для дезертира.

На второй день поднялась на морѣ страшная буря съ проливнымъ дождемъ и продолжалась двое сутокъ. Но жандармы продолжали караулить свою жертву и только чаще перемѣнялись на своихъ постахъ, да по наступленіи темноты постоянно держали въ рукахъ зажженные фонари.

Во мракѣ ночи и среди разсвирѣпѣвшей бури Роанъ, конечно, могъ бы бѣжать, но онъ и не думалъ объ этомъ, такъ какъ въ открытой странѣ его могли легко поймать, и онъ не зналъ другаго болѣе вѣрнаго убѣжища. Дважды съ большой опасностью онъ въ темнотѣ пробрался къ тому мѣсту утесовъ, гдѣ его впервые увидалъ Мишель Гральонъ, и въ послѣдній разъ, какъ прежде, чья-то рука опустила ему по веревкѣ чернаго хлѣба и сыра. Такимъ образомъ онъ еще не умиралъ съ голода.

Когда стихла буря, наступили тихіе дни и свѣтлыя, лунныя ночи. Осаждающіе не производили никакихъ нападеній; очевидно, они рѣшились уморить голодомъ дезертира.

На пятую ночь съ начала осады они сдѣлали важную поимку. Часовые на вершинѣ утесовъ замѣтили, что какая-то фигура пробиралась почти ползкомъ по самому краю, то останавливаясь, то быстро двигаясь. Сначала ихъ объялъ суевѣрный ужасъ, и они стали креститься, думая, что передъ ними призракъ, но потомъ видя, что фигура все пробирается ближе къ собору св. Гильда, одинъ изъ жандармовъ послѣдовалъ за ней также ползкомъ и, догнавъ ее, схватилъ обѣими руками.

Призракъ оказался человѣческимъ существомъ. Товарищи сбѣжались на его зовъ, и при свѣтѣ фонарей всѣ узнали вдову Гвенфернъ.

На ней нашли веревку и съѣстные припасы. Нѣкоторые изъ жандармовъ подобрѣе хотѣли ее отпустить, но другіе, поревнивавше къ своей службѣ, прогнали ее домой ружейными прикладами. Съ тѣхъ поръ стали еще строже караулить, такъ что никто изъ селенія не могъ тайно подойти къ осажденной мѣстности.

Прошло еще двадцать четыре часа. Былъ вечеръ, и старуха Гвенфернъ сидѣла въ своей хижинѣ рядомъ съ Марселлой.

— Онъ умретъ!—тихо лепетала она сквозь слезы.

— Нѣтъ, мама, не тревожьтесь, онъ не умретъ,—отвѣчала молодая дѣвушка.

— Нѣтъ ему спасенія! Проклятый Пиприакъ! проклятые жандармы!

— Будемъ молиться Богу! Онъ намъ поможетъ.

— Зачѣмъ молиться! Богъ и Наполеонъ противъ насъ! Мой сынъ умретъ.

Несчастная старуха была внѣ себя отъ отчаянія. Ея жилище теперь караулили жандармы, и она не могла болѣе оказывать помощи своему сыну, который умиралъ съ голода. То, что она прежде носила ему, поддерживало хоть немного его физическія силы, но въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ всѣ ея усилія достигнуть до него были тщетны. За каждымъ ея шагомъ слѣдили и ее постоянно возвращали домой. А бѣдный сынъ ея въ пещерѣ мучился голодомъ.

Дѣйствительно положеніе Роана достигло роковаго кризиса. Наканунѣ ночью онъ съѣлъ послѣднюю остававшуюся у него корку хлѣба, и болѣе ему неоткуда было взять никакой пищи. Со времени осады онъ благоразумно дѣлилъ получаемые имъ тайно съѣстные припасы на самыя маленькія порціи и поглощалъ ихъ лишь въ крайности, но теперь всему наступилъ конецъ. Онъ два раза въ темнотѣ ходилъ на опредѣленное мѣсто среди утесовъ, но никто не доставлялъ ему пищи. На берегу онъ могъ бы найти моллюсковъ, но туда опасно было пробраться, такъ какъ всюду ходили часовые. Ему приходилось сидѣть въ пещерѣ и ждать голодной смерти.

Смотря теперь среди ночнаго мрака на отдаленное море и чувствуя жестокія страданія, которыя могло утолить только то, чего

у него не было—пища, Роанъ находился въ какомъ-то забытьѣ. То у него кружилась голова, то въ глазахъ темнѣло, то на него нападала дремота, то онъ открывалъ глаза, дрожа всеѣмъ тѣломъ.

— Роанъ! Роанъ!—послышалось неожиданно внизу. Онъ вздрогнулъ и дико оглянулся. Боже милостивый! На водѣ, наполнявшей соборъ, виднѣлось что-то черное, а въ немъ что-то бѣлое. Слишкомъ было темно, чтобъ ясно рассмотреть этотъ странный предметъ, но онъ узналъ дорогой ему голосъ, хотя онъ говорилъ тихо, шепотомъ.

— Роанъ! Роанъ!

Да, это былъ не сонъ! Онъ пристально сталъ смотрѣть внизъ и наконецъ увидаль лодку подъ самымъ отверстіемъ пещеры.

— Роанъ, ты здѣсь? Это я, Марселла. О, я теперь тебя вижу. Говори шепотомъ. Вездѣ часовые.

— Кто съ тобой?

— Янъ Горонъ. Мы незамѣтно пробрались сюда, но нельзя терять ни минуты. Мы принесли тебѣ ѣды.

Роанъ нагнулся внизъ, и глаза его дико заблестѣли. Но въ эту самую минуту послышался отдаленный шумъ весель на морѣ.

— Вонъ! вонъ!—воскликнулъ несчастный:—убирайтесь скорѣе, а то васъ поймають. Бросьте пищу на тотъ выдающійся камень и убирайтесь!

Дѣйствительно одинъ камень возвышался сухимъ надъ водою, и на него Марселла положила привезенные съѣстные припасы. Потомъ она инстинктивно подняла обѣ руки къверху, какъ бы желая обнять смотрѣвшаго на нее Роана, а Янъ Горонъ нѣсколькими взмахами весель направилъ лодку къ воротамъ.

Но не успѣли они очутиться въ открытомъ морѣ, какъ послышался громкій голосъ:

— Кто плыветъ?

Въ ту же минуту большой катеръ пересѣкъ дорогу лодкѣ, и въ немъ ясно виднѣлись при лунномъ свѣтѣ штыки и тесаки.

— Чортъ возьми, это женщина!—воскликнулъ тотъ же голосъ.

Произносившій эти слова былъ Пиприакъ, и, ухватившись рукою за лодку, онъ прибавилъ:

— Дайте сюда фонарь, посмотримъ, кто она такая.

Одинъ изъ жандармовъ досталь со дна катера фонарь и освѣтилъ имъ лице Марселлы. Ее и Горона тотчасъ всѣ узнали, а Пиприакъ воскликнулъ:

— Это измѣна! Проклятіе! Что вы тутъ оба дѣлаете въ ночное время? Вѣдь если вы оказывали помощь дезертиру, то вы за это заплатите головой оба, даже вы, Марселла, не смотря на то, что вы дѣвушка, ребенокъ!

— А развѣ нельзя свободно кататься по морю, сержантъ Пиприакъ?—спросила Марселла твердымъ голосомъ, хотя сердце ея тревожно билось.

— Говори такой вздоръ рыбамаъ, — отвѣтилъ Пиприакъ: — а не старому служакамаъ. Обыскать лодку, — прибавилъ онъ, обращаясь къ жандармамаъ.

Одинъ изъ нихъ съ фонаремъ въ рукахъ перепрыгиваетъ съ катера на лодку и, старательно осмотрѣвъ ее, ничего не находитъ. Пиприакъ сердито качаетъ головой и ворчитъ себѣ подъ носъ, но когда подчиненные спрашиваютъ его, какъ поступить — арестовать, или отпустить пойманныхъ лицъ, онъ отвѣчаетъ рѣзко:

— Чортъ ихъ возьми, пусть убираются. Но смотри, Жанъ Горонъ, я буду за тобой слѣдить, да и ты, Марселла, не попадайся мнѣ болѣе подъ руку. Ну, убирайтесь.

Марселла и Горонъ, отпущенные на свободу въ сущности добрымаъ, хотя жестокимаъ на видъ, Пиприакомаъ, быстро удалились, и вскорѣ ихъ лодка пристала къ берегу у жилища вдовы Гвенфернъ.

Бросивъ взглядъ въ ворота и убѣдившись, что въ соборѣ все тихо, Пиприакъ также приказалъ гребцамаъ направиться къ берегу, и черезъ нѣсколько минутъ катеръ исчезъ изъ вида.

Когда шумъ весель замеръ во мракѣ, то какая-то фигура стала медленно опускаться изъ пещеры къ тому камню, на который Марселла положила принесенную пищу. Взявъ ее, фигура быстро возвращается на верхъ. Такимъ образомъ Роанъ Гвенфернъ былъ спасенъ хоть на время отъ голодной смерти.

XXXIV.

Четырехногая благодѣтельница.

Осада продолжалась около двухъ недѣль, и всетаки дезертиръ не сдавался. Никто не могъ понять, чѣмъ онъ существовалъ, такъ какъ все пути снабженія съ пещерою были блокированы, и ни одно человѣческое существо не могло оказать ему помощи ни съ моря, ни съ суши. Еслибъ по временамъ не видѣли издали его фигуры, то можно было бы предположить, что онъ уже умеръ. Но онъ былъ живъ и не только не обнаруживалъ желанья сдаться, а постоянно былъ насторожѣнъ. Терпѣннѣе осаждающихъ готово было лопнуть, и Пиприакъ въ глубинѣ своей суевѣрной души начиналъ уже думать, что дѣйствительно имѣлъ дѣло съ призракомъ, потому что никакой человѣкъ не могъ такъ успѣшно противостоять закону, Пиприаку, Наполеону. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что никакая человѣческая рука не приносила пищи дезертиру, и всетаки онъ былъ живъ, а чтобъ жить, онъ долженъ былъ ѣсть, откуда же онъ доставалъ пищу? Или его таинственно питала рука ангела, чтобъ не сказать — дьявола, или онъ самъ былъ существомъ сверхъестественнымъ, и тогда борьба съ нимъ была тщетной, нелѣпой.

Пища въ наше время не падаетъ съ неба, и нельзя было ее найти въ пещерѣ или на утесахъ. Какимъ же образомъ дезертиръ доставалъ себѣ средства къ пропитанію? Этотъ вопросъ ставилъ всѣхъ втупикъ.

То, чего не могъ отгадать прямой, простодушный солдатъ, горячій характеръ котораго не допускалъ хладнокровныхъ подозрѣній, выяснилъ хитрый, злобный Мишель Гральонъ. Все это время онъ не покидалъ осаждающихъ и постоянно являлся къ нимъ, продолжая исполнять взятую на себя роль шпіона. Пиприакъ смотрѣлъ на него съ презрительнымъ отвращеніемъ, но у него былъ мѣднѣйшій лобъ, и онъ на это не обращалъ вниманія. Онъ теперь думалъ только объ одномъ, какъ дезертиръ продолжаетъ жить, а не умираетъ съ голода, что давно сдѣлалъ бы всякій на его мѣстѣ. Такъ какъ Гральонъ не былъ суевѣренъ, то онъ былъ убѣжденъ, что Роанъ получалъ пищу простую, физическую и простымъ, естественнымъ путемъ, но какъ, откуда и съ помощью кого?

Неожиданно этотъ трудный вопросъ былъ разрѣшенъ Гральономъ, когда онъ однажды увидалъ, что по крутизнѣ утесовъ спустилась коза по направленію къ пещерѣ.

— Смотрите, сержантъ, смотрите,—воскликнулъ онъ, подбѣгая къ Пиприаку, который, насупивъ брови, сидѣлъ на камнѣ среди своихъ жандармовъ.

Пиприакъ посмотрѣлъ на него очень нелюбезно и гнѣвно послалъ его къ чорту.

— Смотрите,—повторилъ Мишель:—вонъ идетъ коза.

— Ну, такъ чтожъ?

— Она постоянно ходитъ изъ хижины вдовы Гвенфернъ въ пещеру и обратно. Она очевидно носить пищу дезертиру, а мы, дураки, этого до сихъ поръ не сообразили.

— Пустяки,—произнесъ Пиприакъ съ презрительной улыбкой.

— Нѣтъ, я увѣренъ, что подъ ея шерстью скрываютъ для него пищу, хоть бы корку хлѣба. Посмотрите, она спустилась прямо въ пещеру.

Пиприакъ пристально посмотрѣлъ на Мишеля Гральона, поворчалъ что-то и, поднявшись на ноги, собралъ военный совѣтъ, который рѣшилъ подвергнуть козу строгому осмотру.

На слѣдующее утро Янедикъ остановили и старательно обыскали, но ничего не нашли и потому отпустили на свободу. На другой день Пиприакъ, однако, былъ счастливѣе, и самъ отыскалъ подъ бородой козы привязанный веревкой вокругъ шеи маленькій коробокъ, сплетенный изъ тростника, съ двумя кусками чернаго хлѣба и сыра. Очевидно Мишель Гральонъ былъ правъ, и Янедикъ снабжала дезертира съѣстными припасами.

— Ее слѣдовало бы застрѣлить за измѣну императору,—произнесъ одинъ изъ жандармовъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Пиприакъ,—пустите ее, она не знаетъ, что дѣлаетъ, но,—прибавилъ онъ про себя,—она сегодня не будетъ такимъ желаннымъ гостемъ, какъ всегда, въ пещерѣ.

Жандармы со смѣхомъ съѣли хлѣбъ и сыръ, а Пиприакъ еще болѣе насупилъ брови, такъ какъ въ сущности ему стыдно было за себя, хотя долгъ побуждалъ его исполнять свою обязанность.

Съ этихъ поръ стало уже невозможнымъ превращать Янедикъ въ гонца съ припасами: жандармы день и ночь караулили хижину бѣдной вдовы. Имъ приказано слѣдить болѣе всего за козой, которая теперь очень рѣдко и на короткое время отлучалась изъ дома, потому что маленькій козленокъ требовалъ ея постоянныхъ попеченій. Когда же однажды ночью козленокъ околѣлъ, то жандармы не обратили на это никакого вниманія.

День шель за днемъ, а дезертиръ все не умиралъ отъ голода. Вѣтеръ страшно дулъ на берегу, море волновалось, шель дождь и градъ; осаждающіе все болѣе и болѣе выходили изъ себя: они, вѣрные слуги императора, промокали до костей, а онъ, измѣнникъ, укрывался отъ непогоды въ своемъ убѣжищѣ. Неужели не будетъ этому конца?

Карауля дезертира днемъ и ночью, Пиприакъ и жандармы получали отъ времени до времени извѣстія о движеніяхъ Наполеоновской арміи. Великому императору что-то не везло въ послѣднее время: онъ потерялъ нѣсколько легкихъ неудачъ, и нѣкоторые изъ его старыхъ друзей отвернулись отъ него; но Пиприакъ и жандармы презрительно смѣялись надъ безумцами, которые вздумали покинуть императора, и довѣрчиво ждали вѣстей о новой большой побѣдѣ.

Однажды Мишель Гральонъ по обыкновенію присоединился къ осаждающимъ и, указывая на вершину утесовъ, сказалъ:

— Эта проклятая коза опять стала часто посѣщать пещеру.

— Ну, такъ что же, если она теперь не можетъ переносить пищи; мы за этимъ строго слѣдимъ. Ты просто оселъ.

— Какъ вы не умны, сержантъ,—отвѣчала Мишель, дрожа отъ злобы:—но вы одного не предусмотрѣли.

— Чего?

— Коза потеряла свое дѣтище, а кто-то каждый день ее сосетъ.

— Проклятье! — воскликнулъ Пиприакъ: — Мишель Гральонъ самъ дьяволъ. Но вѣдь человѣкъ не можетъ жить на одномъ козлиномъ молокѣ.

— На время молока можетъ хватить. Проклятое животное! На нашемъ мѣстѣ я уже давно покончилъ бы съ нимъ.

Въ эту минуту коза медленно прошла по утесамъ надъ ихъ головами.

Адскій огонь блеснулъ въ глазахъ сержанта.

— Ты умѣешь стрѣлять, рыбакъ?—спросилъ онъ у Мишеля Гральона.

— Да.

— Хоель, дай ему ружье.

Жандармъ повиновался, и Мишель, взявъ ружье, посмотрѣлъ вопросительно на Пиприака.

— Стрѣлай.

— Куда?

— Въ козу. Покажи свою прыть; я держу пари, что ты промахнешься. Ну, пли!

Мишель Гральонъ мрачно насушилъ брови, опустилсѣ на одно колѣно и прицѣлился.

— Да, чортъ возьми, будешь ли ты стрѣлять!—воскликнулъ съ нетерпѣніемъ Пиприакъ.—Пли!

Раздался выстрѣлъ. Въ первую минуту казалось, что пуля попала въ цѣль, и коза вздрогнула отъ неожиданнаго треска и оставилась какъ ни въ чемъ не бывало.

Хоель выхватилъ у Мишеля ружье съ презрительнымъ смѣхомъ.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ однако Пиприакъ:—онъ попалъ. Коза застрѣлена.

Но она только упала на колѣна, хотя очевидно была ранена, и чрезъ мгновеніе поднялась и быстро побѣжала къ пещерѣ.

XXXV.

Приступъ.

Вторично Мишель Гральонъ отгадалъ вѣрно: два дня и двѣ noci Роанъ Гвенфернъ питался только молокомъ козы. Послѣ того какъ околѣлъ дѣтенышъ у Янедикъ, она, какъ безумная, бѣгала во всѣ стороны по скаламъ, страдая отъ тяжести накопившагося у нея молока, а умиравшій съ голода Роанъ нашелъ исходъ для нихъ обоихъ; онъ сталъ сосать ея молоко, и съ той минуты Янедикъ возвращалась по нѣсколько разъ въ день въ пещеру, съ цѣлью питать несчастнаго отверженца и освобождать себя отъ готившаго ее молока.

Однако Гвенфернъ чувствовалъ, что конецъ приближался. Рука смерти была на немъ; отъ него теперь оставались только кожа и кости. Никто безъ слезъ не могъ бы видѣть его: такъ онъ страшно измѣнился; щеки его провалились, глаза тихо сверкали. Отъ времени до времени, онъ въ отчаяніи взывалъ къ Богу, и ему часто казалось, что вокругъ него носятся какіе-то странные образы. Но какъ только доносились до него снизу звуки, доказывавшіе присутствіе его враговъ, онъ инстинктивно собиралъ свои быстро

упадавшія силы и снова былъ насторожѣ, снова былъ готовъ сопротивляться ненавистному Наполеону.

Однажды вечеромъ онъ лежалъ почти въ забытьѣ на своемъ жесткомъ ложѣ, какъ неожиданно къ нему приблизилась Янедикъ и легла рядомъ съ нимъ. Нѣсколько времени онъ не обращалъ на нее вниманія, пока она не начала тихо стонать. Онъ взглянулъ на нее и съ ужасомъ увидалъ въ полумракѣ, что у нея была большая рана въ боку, изъ которой текла кровь.

Страданія безсловесныхъ животныхъ еще страшнѣе человѣческихъ. Они инстинктивно чувствуютъ приближеніе смерти, и въ ихъ столахъ ясно слышится непреодолимое желаніе жить.

Для Роана эта бѣдная коза приносила не только физическую помощь, но и нравственное утѣшеніе; она была его единственнымъ другомъ и товарищемъ. Пока она его посѣщала, онъ не сознавалъ себя совершенно одинокимъ. Часто обнималъ онъ ее своими исхудалыми руками и плакалъ о тѣхъ дорогихъ ему существахъ, которыхъ она напоминала своимъ присутствіемъ.

А теперь она лежала у его ногъ, истекая кровью, и жалобно смотрѣла на него своими потухающими глазами.

— Янедикъ, Янедикъ! — воскликнулъ онъ въ безумномъ отчаяніи.

Коза знала свое имя и стала тихо лизать его руку; потомъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, поникла головой и околѣла.

Наступила ночь, а Роанъ все еще стоялъ на колѣняхъ передъ бездыханнымъ трупомъ своего друга, и блѣдное лицо выражало дикую ярость. Онъ забылъ на время всѣ свои физическія страданія и видѣлъ въ бѣдномъ животномъ невинную жертву человѣческой жестокости. Онъ громко проклиналъ своихъ неумолимыхъ враговъ, и самыя безумныя идеи о мести наполняли его голову.

Ночь была бурная, и луна холодно освѣщала клокотавшія внизу волны. Часъ шель за часомъ. Роанъ все находился въ какомъ-то столбнякѣ.

Наконецъ онъ вскочилъ и прислушался. Наступилъ уже отливъ, и море, очистивъ соборъ, шумѣло вдали, но какіе-то странные звуки примѣшивались къ знакомому реву волнъ. Онъ бросился къ отверстию пещеры и увидалъ, что соборъ былъ полонъ людей. Полученныя послѣ столь долгаго ожиданія лѣстницы были связаны веревками и приставлены къ стѣнѣ. По нимъ лѣзли жандармы.

Когда Роанъ показался надъ ними, то они вскрикули отъ ужаса, словно увидали призрака. Но черезъ минуту они продолжали подниматься къ пещерѣ.

XXXVI.

П о б ѣ д а.

Въ одно мгновенье Роанъ опрокинулъ обѣ лѣстницы, но по счастью для осаждающихъ они забрались не высоко и могли соскочить, не причинивъ себѣ большаго вреда. Тогда Роанъ сталъ бросать внизъ собранные имъ у отверстія камни. Раздались крики, стоны, проклятія; жандармы быстро ретировались. Но послышался громкій голосъ: «Пли!» И дождь пуль посыпался на дезертира, но ни одна не попала въ него.

Ясно было, что Пипріакъ потерялъ всякое терпѣніе и рѣшилъ покончить дѣло приступомъ. Снова подъ прикрытіемъ ружейнаго огня жандармы приблизились къ стѣнѣ и приставили лѣстницы, но снова имъ пришлось отступить, благодаря падавшимъ на ихъ головы камнямъ. Казавшійся скорѣе дикимъ звѣремъ, чѣмъ человѣческимъ существомъ, Роанъ быстро двигался въ отверстіе пещеры и безъ устали бросалъ внизъ камень за камнемъ; его голодные взгляды были пристально устремлены на жестокія лица многочисленныхъ враговъ, и онъ не обращалъ никакого вниманія на свистѣвшія вокругъ него пули. Хотя его фигура представляла цѣль значительныхъ размѣровъ, но жандармы были такъ взволнованы, что не могли хорошо мѣтить, а потому онъ оставался цѣлымъ и невредимымъ.

Наконецъ жандармы отступили къ воротамъ и, какъ бы убѣдившись въ тщетности своихъ усилій, собрали военный совѣтъ. За ними виднѣлась толпа поселянъ обоого пола, которые громко выражали свой ужасъ и удивленіе. Видя, что его безопасности уже болѣе ничего не грозитъ, Роанъ удалился внутрь пещеры.

Но терпѣніе осаждающихъ окончательно лопнуло, и перерывъ въ атакѣ не былъ продолжителенъ. У нихъ теперь были лѣстницы и другія необходимыя орудія атаки, а потому они рѣшили во что бы ни стало покончить съ человѣкомъ, который одинъ такъ долго сопротивлялся имъ. Живой, или мертвый онъ долженъ былъ попасть въ ихъ руки, и, конечно, въ эту самую ночь. Свирѣпствовавшая извнѣ буря не мѣшала ихъ военнымъ дѣйствіямъ, а напротивъ способствовала имъ; отъ времени до времени луна скрывалась за тучи, и тогда подъ покровомъ мрака можно было идти на приступъ съ большими шансами на успѣхъ.

Въ третій разъ подъ прикрытіемъ ружейнаго залпа нѣсколько жандармовъ возобновили атаку. На этотъ разъ Роанъ не показывался, а лежалъ на животѣ, такъ что его не было видно снизу, началъ попрежнему бросать большіе и мелкіе камни на осаждающихъ. Но они уже привыкли къ этому новому роду снарядовъ и

стали ловко уклоняться отъ нихъ. Такимъ образомъ ни одинъ изъ жандармовъ не былъ серьезно раненъ, и только нѣкоторые получили маловажные ушибы. Поэтому имъ удалось приставить къ стѣнѣ лѣстницы, по которымъ они стали быстро подниматься на верхъ. Тогда Роанъ вскочилъ на ноги, взявъ громадный камень и, напрягая всѣ свои силы, бросилъ его на одну изъ лѣстницъ. По счастью для осаждающихъ они еще не достигли верхнихъ ступень, но лѣстница раскололась въ щепы и съ шумомъ упала на каменный полъ, увлекая за собой всѣхъ, которые находились на ней.

— Пли! пли!—раздался голосъ Пиприака, покрывая стоны раненныхъ, но прежде, чѣмъ эта команда была исполнена, Роанъ снова исчезъ въ пещерѣ.

— Чортъ! Дезертиръ! Шуанъ!—кричалъ внѣ себя сержантъ, грозя кулаками невидимому врагу: — мы тебя доставимъ живымъ, или мертвымъ! Ну, ребята, еще разъ на приступъ.

И еще разъ возобновился необыкновенный поединокъ между однимъ осажденнымъ и массой осаждающихъ.

Зрѣлище, которое теперь происходило въ соборѣ, было во всѣхъ отношеніяхъ поразительное. Въ полумракѣ раздавались бряцаніе оружія, выстрѣлы, крики, стоны; вдали у воротъ гудѣла уstraшенная толпа поселянъ; на верху въ отверстіи пещеры виднѣлась человѣческая фигура, быстро двигавшаяся взадъ и впередъ, какъ страшный призракъ; а надъ нимъ на мрачномъ небѣ повременамъ выходила луна, освѣщая своимъ серебристымъ свѣтомъ эту странную картину, на заднемъ фонѣ которой бушевало море.

Борьба становилась все упорнѣе, и только неприступность его позиціи спасала Роана, такъ какъ его силы стали видимо ослабѣвать. Часъ шель за часомъ, и хотя все еще ему удавалось удерживать своихъ враговъ, но руки его были изрѣзаны въ кровь острыми камнями, его голова кружилась, въ глазахъ темнѣло, и онъ скорѣе слышалъ, чѣмъ видѣлъ осаждающихъ. Не надо забывать, что отъ голода, холода и утомленія у него не оставалось и десятой части его прежней гигантской силы.

Однако приступъ продолжался, и наконецъ сдѣланъ былъ новый, не предвидѣнный Роаномъ, тайный маневръ. Когда онъ еще нѣсколько разъ опрокинулъ оставшуюся невредимой лѣстницу, жандармы не только снова приставили ее къ стѣнѣ и полѣзли по ней, но двое изъ нихъ, снявъ башмаки, стали незамѣтно взбираться съ обѣихъ сторонъ лѣстницы по разсѣлинамъ утесовъ. Роанъ узналъ объ этомъ, только неожиданно увидавъ у своихъ ногъ два дико улыбающихся лица. Съ громкимъ крикомъ онъ нагнулся и сбросилъ внизъ одного изъ этихъ смѣльчаковъ. Несчастный полетѣлъ въ пространство и не былъ убитъ только потому, что упалъ на руки стоявшей внизу толпы. Его товарищъ, боясь такой же судьбы, сталъ быстро спускаться.

Но въ эту минуту новый отрядъ осаждающихъ пошелъ на приступъ. Роанъ находился уже въ полномъ изнеможеніи; онъ рѣшительно ничего не видѣлъ передъ собой и машинально бросалъ камни, которыхъ у него уже оставалось очень мало. Наконецъ онъ схватилъ громадный осколокъ утеса и бросилъ его внизъ. Подъ тяжестью этого удара лѣстница грохнулась среди отчаянныхъ криковъ и стоновъ. Но Роанъ болѣе ничего не сознавалъ: онъ лишился чувствъ.

Долго ли продолжался этотъ обморокъ, онъ самъ не зналъ, но когда открылъ глаза, то увидалъ себя все въ той же пещерѣ у самаго ея отверстія. Извнѣ попрежнему завывалъ вѣтеръ, и шумѣло море, но внутри собора все было тихо. Онъ осторожно выглянулъ и съ изумленіемъ увидалъ, что никого не было внизу. Луна ярко свѣтилась на безоблачномъ небѣ, и море быстро наполняло соборъ. Теперь ясно было, почему наступила безмолвная тишина: осаждающіе удалились передъ напоромъ прилива.

Борьба была окончена, и онъ остался побѣдителемъ; еслибъ у него былъ запасъ пищи, то онъ могъ бы попрежнему защищаться въ своей неприступной позиціи, хоть отъ ста человѣкъ. Но, увы, силы ему измѣняли; голодъ и холодъ окончательно извели его. Онъ теперь, дрожа всѣмъ тѣломъ, смотрѣлъ вокругъ себя съ полнымъ отчаяніемъ. Онъ храбро защищался до сихъ поръ, но сознавалъ, что далѣе защита была немыслима. На время его оставили въ покоѣ, но осаждающіе должны были снова вернуться, и тогда его гибель была неминуема. Весь свѣтъ и самъ Богъ были дѣйствительно противъ него, какъ онъ подозрѣвалъ съ самаго начала.

Дико, почти бессмысленно смотря внизъ, онъ неожиданно увидалъ что-то черное, неподвижно лежавшее на выдавшейся гранитной глыбѣ подъ самой пещерой. Вода его еще не покрыла, но быстро поднималась къ нему.

Сердце Роана замерло, и онъ сталъ съ лихорадочнымъ волненіемъ опускаться внизъ.

XXXVII.

Миражъ Лейпцигской битвы.

Когда Роанъ очутился на еще сухой гранитной глыбѣ, то море быстро и съ страшнымъ шумомъ вторгалось въ ворота. Серебристая луна освѣщала что-то бѣлое, лежавшее на этой глыбѣ. Роанъ невольно вздрогнулъ: это было блѣдное человѣческое лицо, обращенное къ небу.

Онъ отскочилъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Черезъ минуту онъ снова посмотрѣлъ на страшный, но притягивавшій его къ себѣ предметъ. Блѣдное лицо было все также освѣщено луной, и Роанъ

теперь ясно видѣль, что передъ нимъ находился человѣческій трупъ, уже частью залитый водой.

Одинъ изъ камней, брошенныхъ имъ сверху, попалъ въ этого человѣка и, причинивъ ему мгновенную смерть, лежалъ на его груди до сихъ поръ. Одна рука его высовывалась изъ-подъ камня, а страшное лицо смотрѣло на небо съ открытыми глазами.

Нельзя описать словами тѣ чувства, которыя теперь наполняли сердце Роана Гвенферна. Какое-то странное ощущеніе, подобное физическому холоду, парализовало его послѣднія силы; онъ зашатался и едва не упалъ; сердце его было словно придавлено такимъ же камнемъ, какъ тотъ, который лежалъ на груди умершаго. Глаза его были налиты кровью, и ему казалось, что вокругъ него все пылало огнемъ. Онъ прислонился къ утесу, тяжело переводя дыханіе, какъ пораженный смертельными страданіями.

Порывъ жестокаго, кровожаднаго гнѣва, возбужденный нападеніемъ цѣлой толпы на него одного, прошелъ съ той минуты, какъ ему не приходилось болѣе защищаться. Битва кончилась, и онъ остался побѣдителемъ на полѣ сраженія, а у его ногъ лежалъ убитый. Если бы въ эту минуту его преслѣдователи вернулись и возобновили борьбу, онъ снова вступилъ бы въ кровавый бой, снова наносилъ бы своимъ врагамъ смертельные удары, но судьбѣ было угодно, чтобы его побѣда была полная, и чтобы его противники, оставившіе въ его рукахъ своего убитаго товарища, болѣе не возвращались въ эту ночь.

Роанъ былъ давно знакомъ со смертью, но при другихъ, лучшихъ, обстоятельствахъ. Онъ видалъ, какъ умирали мужчины и женщины отъ болѣзни или старости, какъ они трогательно прощались со всѣми окружающими и уходили на тотъ свѣтъ, напущенные святою церковью; онъ съ любовью слушалъ древнее кельтское пѣніе за упокой души покойника. Тогда его руки не были обогреты кровью, а теперь онъ долженъ былъ впервые узнать и въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ то чувство, которое возбуждаетъ смерть въ убійцахъ и войнахъ. Теперь онъ видѣль передъ собою роковое доказательство, что онъ собственными руками уничтожилъ ту таинственную загадку, которая называется человѣческой жизнью. Положимъ, его оправдывали обстоятельства, и онъ убилъ врага въ самозащитѣ, но что могло значить такое оправданіе для души Роана, столь же чуткой, какъ щупальцы морской медузы. Онъ сознавалъ только одно и то въ смертельной агоніи, что онъ, полный любви и доброты, никогда не поднимавшій руки противъ какого бы то ни было живаго существа, убилъ ближняго. Для него не было никакого оправданія. Съ этой минуты жизнь его была отравлена. Таковъ былъ роковой конецъ всѣхъ его мечтаній о всеобщей любви, о всеобщемъ мирѣ.

Прошло нѣсколько времени, и Роанъ наконецъ собрался съ силами, чтобы посмотрѣть, кого онъ убилъ. Въ глубинѣ души онъ

молили небо, чтобы это былъ его злѣйшій врагъ Мишель Гральонъ, потому что тогда совершенное имъ убійство имѣло бы хоть тѣнь оправданія. Но одного взгляда было ему достаточно, чтобы прийти въ совершенное отчаяніе. Убитый былъ въ мундирѣ, и у него виднѣлись сѣдые волосы. Это былъ Пиприакъ.

Хотя старый сержантъ предводительствовалъ осаждающими, но Роанъ никогда не считалъ его своимъ врагомъ. Онъ былъ веселымъ товарищемъ его отца, всегда отличался добродушіемъ подъ маской военной суровости и въ сущности только исполнялъ свою обязанность, стараясь поймать дезертира живымъ, или мертвымъ. Роанъ даже былъ увѣренъ, что онъ съ радостью узналъ бы о спасеніи преслѣдуемаго имъ человѣка, если бы только это было возможно.

Смерть придаетъ какое-то достоинство самому обыкновенному лицу, и черты Пиприака имѣли теперь что-то почтенное, величественное. Бѣдный старикъ! Наступилъ конецъ всѣмъ его грубымъ шуткамъ и проклятіямъ. Ему уже болѣе не услаждать своей жизни бутылкой вина, или фляжкой водки. Онъ также, какъ тысячи и тысячи людей, принесъ себя въ жертву Титану, повелѣвавшему всѣмъ міромъ, и хотя онъ палъ не со славой на полѣ битвы, но всетаки погибъ, исполняя свой долгъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ хорошій человѣкъ, съ добрымъ сердцемъ, хотя и съ грубыми манерами. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Роанъ Гвенфернъ, печально смотря на его лицо, освѣщенное луной.

Боже мой, какой ужасъ убить человѣка! Лучше было лежать мертвымъ, какъ Пиприакъ, чѣмъ испытать страшную агонію, которая наполняла сердце Роана.

Тяжелый камень все еще лежалъ на груди убитаго. Роанъ теперь подошелъ ближе, поднялъ камень и бросилъ его въ воду. Мертвое тѣло, освободившись отъ давившей его тяжести, перевернулось и тихо колыхалось на волнѣ у ногъ Роана.

Между тѣмъ, море все прибывало и уже достигало до его колѣнъ. Приливъ долженъ былъ еще продолжаться болѣе часа. Бросивъ послѣдній взглядъ на мертваго, Роанъ медленно вернулся въ свою пещеру. Очувившись тамъ, онъ сталъ прислушиваться. Высоко надъ нимъ слышался отдаленный говоръ человѣческихъ голосовъ. Тутъ впервые онъ понялъ свое новое положеніе. Хотя онъ убилъ человѣка въ самозащитѣ, но, всетаки, онъ былъ убійцей въ глазахъ закона и рано, или поздно долженъ искупить свое преступленіе казнью. Съ ужасомъ напрягаетъ онъ глаза, чтобы разглядѣть, видно ли на водѣ мертвое тѣло. Теперь море совершенно наполняетъ соборъ, и на тусклой его волнѣ колыхнется при лунномъ свѣтѣ бездыханный трупъ Пиприака. Роанъ вскрикиваетъ отъ отчаянія и бросается на колѣни.

Онъ молить Бога, но не о прощеніи, а о мести, о справедливости. «Я невиненъ въ смерти этого человѣка, Всеправосудный Господь,—произносить онъ:— не на моей головѣ его кровь, а на

головѣ того, кто преслѣдовалъ меня, какъ дикаго звѣря, и довелъ меня до убійства,—того, чей мечъ набрасываетъ тѣнь на весь міръ. Онъ сдѣлалъ меня проклятымъ, и да будетъ онъ самъ проклятъ. Воздай ему, Господи, по дѣламъ его!».

Произнеся эти слова, Роанъ вскочилъ на ноги и, уже не думая о своей безопасности, въ какомъ-то дикомъ порывѣ бросился на тропинку, которая вела на вершину утесовъ.

Эта ночь была памятна всему міру. Она слѣдовала за Лейпцигской битвой 19-го октября 1813 года.

Обстоятельство, которое мы теперь расскажем читателямъ, различно передается людьми, близко знающими исторію Роана Гвенферна. Одни болѣе суевѣрные считаютъ, что онъ въ этомъ случаѣ былъ очевидцемъ небеснаго видѣнія, другіе хотя и допускаютъ существованіе подобнаго видѣнія, но утверждаютъ, что оно было плодомъ умственного и психическаго расстройства, слѣдствіемъ болѣзненной игры воображенія подъ вліяніемъ укоровъ совѣсти, а третьи, наиболѣе скептическіе, увѣряютъ, что это видѣніе было возбуждено его разстроеннымъ воображеніемъ только въ послѣдующіе года, когда всѣ его воспоминанія смѣшивались въ одну туманную картину. Какъ бы то ни было, онъ самъ торжественно удостоверялъ, что въ ту ночь, когда онъ бѣжалъ изъ пещеры послѣ убійства Пиприака, онъ видѣлъ на небѣ удивительный миражъ.

Луна неожиданно спряталась за облака, и передъ глазами устранившаго Роана густыя облака, заволакивавшія небо, приняли странныя чудовищныя формы великой арміи, двигавшейся чрезъ большую рѣку и по громадному полю битвы, усѣянному мертвыми тѣлами. Полки шли за полками, кавалерійскіе эскадроны слѣдовали за эскадронами, батареи скакали за батареями, а среди нихъ виднѣлась гигантская тѣнь человѣка, который, сидя на лошади, указывалъ рукою путь своимъ бѣгущимъ легіонамъ. Лицо его было блѣдное, какъ смерть, а взглядъ его холодныхъ потухшихъ глазъ выражалъ полное отчаяніе. Роанъ узналъ въ немъ того, кто безжалостно преслѣдовалъ его, и котораго онъ видѣлъ нѣсколько времени тому назадъ во снѣ—Наполеона.

Дѣйствительно въ эту самую ночь, 13-го октября 1813 года, французская армія, подъ предводительствомъ Наполеона, отступала отъ Лейпцига.

XXXVIII.

Жертва приступа.

Когда осаждающіе вернулись въ соборъ послѣ отлива, то нашли трупъ Пиприака у самыхъ воротъ, куда его смыла вода. Не безъ страха они еще разъ подставили къ стѣнѣ лѣстницы и полѣзли къ пещерѣ. Но теперь они не встрѣтили никакого сопротивленія и,

обыскавъ всю пещеру, не нашли въ ней никого. Очевидно, Роанъ, испуганный совершеннымъ преступленіемъ, бѣжалъ, куда, они не знали, и въ сущности теперь это ихъ нимало не интересовало, такъ какъ все ихъ вниманіе было сосредоточено на неожиданной смерти Пипріака.

Между тѣмъ наступила утренняя заря, и буря стихла. Жандармы, окруженные толпой поселянъ, вынесли на рукахъ тѣло своего начальника изъ собора, и печальная процессія двинулась по лѣстницѣ св. Трифина и по зеленой полянѣ къ селенію. Не смотря на всѣ его недостатки, сержанта всѣ любили, а потому роковая катастрофа, окончившая такъ внезапно его жизнь, возбудила всеобщее сожалѣніе, и всѣ, сопровождавшіе его мертвое тѣло, были чрезвычайно грустны, мрачны.

Достигнувъ кабачка въ Кромлэ, жандармы внесли въ кухню свою ношу и положили ее на большой деревянный столъ; одинъ изъ нихъ снялъ съ себя шинель и покрылъ ею не только туловище, но и блѣдное, забрызганное кровью лицо покойника. Бѣдный Пипріакъ! Какъ часто въ этой кухнѣ онъ пилъ вино, курилъ трубку и полупьяный любезничалъ съ рыжей служанкой Ивонной. Теперь уже все это кончено навсегда.

Вскорѣ кабачекъ наполнился народомъ, такъ какъ вѣсть о случившемся быстро распространилась повсюду, и въ числѣ другихъ явился патерь. Блѣдный, какъ полотно, онъ опустился на колѣни и произнесъ безмолвную молитву. Потомъ онъ всталъ и спросилъ у жандармовъ:

— А Роанъ гдѣ? Его взяли?

— Нѣтъ, и его никогда не возьмутъ живымъ,—отвѣчалъ жандармъ Пьеръ:—мы обыскали пещеру и всѣ окрестные утесы, но все тщетно. Его охраняетъ самъ дьяволъ.

Одобрительный гулъ пробѣжалъ въ толпѣ.

— Какъ все это случилось?—спросилъ снова патерь:—вы хотѣли его схватить, и онъ убилъ Пипріака въ самозащитѣ, не правда ли?

Всѣ жандармы наперерывъ стали рассказывать, какъ дьяволы, которымъ продалъ душу Роанъ, энергично ему помогали защищаться и бросали на осаждающихъ такія громадныя гранитныя глыбы, которыя были бы не подъ силу простому смертному. Этотъ рассказъ былъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ, потому что онъ вполне соответствовалъ суевѣрію поселянъ и удовлетворительно объяснялъ столь продолжительную борьбу вооруженнаго отряда съ однимъ человѣкомъ.

Въ числѣ послѣднихъ лицъ, явившихся въ кабачекъ, былъ старый капралъ, съ оставшимися у него Маккавеями.

— Упокой, Господи, его душу, онъ былъ храбрый человѣкъ,—сказалъ ветеранъ:—онъ исполнилъ свой долгъ въ отношеніи императора, и милосердый Господь его вознаградитъ.

— Къ тому же,—прибавилъ патерь въ полголоса:—онъ погибъ въ честномъ бою, все равно что на полѣ брани.

— Нѣтъ,—воскликнулъ капраль твердымъ голосомъ:—это не такъ. Онъ былъ измѣннически убитъ трусомъ и шуаномъ, котораго Господь покараетъ за его преступленія. Я это говорю, хотя онъ мнѣ, увы, и родственникъ.

— Конечно,—отвѣчалъ патерь, грустно качая головой.—Все это произошло отъ его сопротивленія волѣ императора, но онъ защищалъ свою жизнь, и еслибъ не убилъ Пиприака, то его схватили бы и подвергли смерти. Къ тому же это была борьба неравная: онъ былъ одинъ, а ихъ много.

— Онъ не одинъ, а за него стоитъ тысяча чертей,—воскликнули нѣсколько жандармовъ.

— Онъ былъ не правъ съ самаго начала, — продолжалъ философствовать патерь:—одинъ человекъ не можетъ перевернуть весь свѣтъ по своему, хотя бы весь свѣтъ и ошибался; долгъ всякаго повиноваться Богу, закону, императору. Онъ не хотѣлъ исполнить своего прямого долга, и вотъ онъ пролилъ кровь ближняго, а за это рано, или поздно Господь всегда покараетъ.

Слушавшая его толпа крестилась съ лихорадочной дрожью, и никому не приходила въ голову мысль, что Роанъ Гвенфернъ въ глазахъ неба былъ такимъ же убійцей, какъ всѣ, принимающіе участіе въ войнѣ, съ той только разницей, что онъ дѣйствовалъ одинъ и только защищался, а войска дерутся на войнѣ въ числѣ десятковъ и сотенъ тысячъ людей. Но такова человѣческая справедливость, и тѣ самые люди, которые поклонялись Наполеону, какъ великому гению, чуть не божеству, отворачивались отъ Роана, какъ отъ гнуснаго преступника.

Въ это самое время Марселла сидѣла въ хижинѣ вдовы Гвенфернъ и тщетно старалась ее утѣшить.

— Это все правда, тетя Лоиза, — говорила она, заливаясь слезами:—Пиприакъ убитъ, и его тѣло принесли въ кабачекъ, но Роанъ еще живъ. Онъ убилъ Пиприака.

— Что-жъ ему было дѣлать?—отвѣчала старуха, всхлипывая:—онъ долженъ же былъ защищаться.

— Но теперь никто не будетъ сожалѣть о немъ, такъ какъ его руки обагрены кровью; никто его не пріютитъ и не дастъ ему куска хлѣба. Чтобъ примириться съ Богомъ, ему необходимо сдаться властямъ и очистить свою душу покаяніемъ.

— Такъ ли, Марселла?

— По крайней мѣрѣ, такъ всѣ говорятъ, даже отецъ Роанъ, при всей его добротѣ. Но я увѣрена, что это неправда, что онъ не убійца.

— Конечно, это не правда. Виноваты его преслѣдователи, а не онъ, бѣдный мальчикъ. Господь его проститъ за то, что онъ убилъ ближняго въ самозащитѣ и въ безумномъ порывѣ.

Но, не смотря на убѣжденіе въ невинности Роана, обѣ женщины признавали, что убить представителя великаго императора было святотатствомъ, и что къ человѣку, совершившему такое преступленіе, какъ бы оно ни оправдывалось обстоятельствами, люди не могли чувствовать никакой жалости. Съ этой минуты Роанъ становился навсегда отверженцемъ, и ничья рука не протянулась бы къ нему для оказанія помощи.

Пока онѣ обѣ горевали и плакали, въ хижину вошелъ Янъ Горонъ и объяснилъ, что, не смотря на всѣ поиски, не могутъ отыскать Роана, который во время переполоха въ предыдущую ночь бѣжалъ и, вѣроятно, нашелъ новое невѣдомое еще убѣжище.

— Я слышалъ и другія новости, — сказалъ молодой человѣкъ, желая перемѣнить разговоръ. — Саксонскій король измѣнилъ императору, и французская армія стянута къ Лейпцигу. Нѣкоторые увѣряютъ, что счастье, наконецъ, отвернулось отъ императора, и что всѣ короли отвернулись отъ него. Конечно, онъ привыкъ глотать за завтракомъ съ полдюжины королей и, по всей вѣроятности, теперь сдѣлаетъ то же.

Въ другое время подобныя вѣсти взволновали бы Марселлу, но въ настоящую минуту онѣ потеряли для нея всякій интересъ. Судьба Франціи и Наполеона совершенно ступевывалась въ ея глазахъ передъ ея личнымъ горемъ. Но, всетаки, она пожала плечами при одной мысли, что императоръ могъ потерпѣть поражение, и сказала:

— Вы говорите, наша армія теперь въ Лейпцигѣ; тамъ находятся, значить, Хоель и Гильдъ. Мы получили отъ нихъ письмо на прошедшей недѣлѣ. Они оба здоровы и невредимы, хотя три раза были въ огнѣ. Они близко видѣли императора и находятъ, что онъ очень постарѣлъ. Какъ жаль, что Роанъ не съ ними и не служитъ здоровымъ, невредимымъ великому императору.

Она горько зарыдала, и вдова Гвенфернъ вторила ея рыданіямъ.

Наступила ночь, мрачная, бурная; вѣтеръ, утихшій днемъ, снова дико завывалъ, и на морѣ разразилась буря, какъ наканунѣ. Маленькая хижина матери Роана содрогалась отъ сильныхъ порывовъ вѣтра, а проливной дождь стучалъ въ окна. Марселла осталась ночевать у бѣдной старухи и послала домой вѣсточку, что она не вернется раньше утра.

Торфъ подъ очагомъ почти весь сгорѣлъ, и хижина освѣщалась только маленькой лампой, висѣвшей съ потолка. Обѣ женщины сидѣли, близко прижавшись другъ къ другу, и то молча плакали, то шепотомъ изливали свое горе, чувствуя, что весь міръ былъ противъ нихъ. Неожиданно среди завываній вѣтра и проливнаго дождя послышался стукъ въ окно.

Марселла вскочила. Стукъ повторился и на этотъ разъ въ дверь, которая была заперта.

— Откройте,—произнесъ голосъ, который болѣзненно откликнулся въ сердцахъ старухи и молодой дѣвушки.

Первая поднялась, блѣдная, какъ смерть, а Марселла подбѣжала къ двери и отворила ее.

Въ хижину быстро, безмолвно вошелъ человѣкъ. Обѣ женщины знали, кто онъ, прежде чѣмъ взглянули на него, прежде чѣмъ схватили его за руки. Сердце инстинктивно подсказало имъ, что это было существо, которое онѣ любили болѣе всего на свѣтѣ.

Не теряя головы, Марселла заперла дверь и опустила занавѣсъ на окнѣ, а Роанъ приблизился къ едва пылавшему подъ очагомъ огню. Въ лохмотьяхъ, полуобнаженный, весь мокрый и забрызганный грязью, съ растрепанными волосами, потухшимъ взглядомъ, съ блѣдными впавшими щеками, онъ дико озирался кругомъ.

— Хлѣба,—произнесъ онъ, наконецъ, глухо, вмѣсто всякаго привѣтствія.

Обѣ женщины, смотрѣвшія на него съ безмолвнымъ ужасомъ, вспомнили теперь, что онъ умиралъ съ голоду. Марселла быстро принесла пищи и поставила противъ него; онъ набросился на нее, какъ дикій звѣрь. Тутъ материнское сердце не выдержало; несчастная опустилась на колѣни подлѣ сына и, схвативъ его лѣвую руку, стала покрывать ее поцѣлуями.

— Дитя мое, дитя мое,—лепетала она, всхлипывая.

Но Роанъ не обращалъ на нее никакого вниманія; онъ думалъ только о пищѣ, видѣлъ только пищу, и лишь когда онъ выпилъ водки, которую принесла Марселла, онъ какъ бы впервые узналъ ее.

— Это ты, Марселла,—промолвилъ онъ глухимъ голосомъ.

Она ничего не отвѣчала, но глаза ея были полны слезъ.

— Я умиралъ съ голоду и пришелъ поѣсть,—продолжалъ Роанъ съ дикимъ хохотомъ:—жандармы теперь заняты другимъ и не придутъ, а если и придутъ, то я готовъ ихъ встрѣтить. Вы слышали о Пиприакѣ? Старый дуракъ получилъ свой расчетъ, вотъ и все. Ну, ужъ дочка!

Его голосъ звучалъ такъ странно, такъ бессознательно, что обѣ женщины невольно содрогались.

— А ты все попрежнему красавица,—произнесъ онъ снова, смотря на Марселлу.—Впрочемъ ты не голодаешь. Если бы не этотъ проклятый голодъ, то мнѣ жилось бы очень весело. Но теперь, посмотри, на мнѣ только кожа и кости. Если бы ты встрѣтила меня на чистомъ воздухѣ, то приняла бы за призракъ. Я вижу, что и теперь я пугаю тебя, Марселла. Боже мой, ты меня боишься!

— Нѣтъ, Роанъ, я тебя не боюсь,—отвѣчала молодая дѣвушка, заливаясь слезами.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее и схватился рукой за свое сердце.

— Скажи,—промолвилъ онъ:— зачѣмъ ты такъ нехорошо смотришь на меня? Развѣ ты ненавидишь меня теперь?

— Нѣтъ, нѣтъ. Богъ съ тобой!

Она опустилась на колѣни рядомъ со старухой, и пока послѣдняя цѣловала его лѣвую руку, Марселла схватила правую и припала къ ней лбомъ. Онѣ обѣ плакали, а онъ сидѣлъ, какъ бы очарованный, не зная, былъ ли онъ на яву, или во снѣ. Неожиданно онъ вырвалъ свои руки и громко произнесъ:

— Вы съ ума сошли. Вы не знаете, до кого вы прикасаетесь, кого вы ласкаете? Я убійца. Люди и самъ Богъ противъ меня. Я убилъ Пиприака, стараго товарища моего отца. Ахъ, если бы вы видѣли его трупъ! Страшно вспомнить, какъ камень раздавилъ ему грудь. Я убилъ старика, а отецъ мой такъ любилъ его!

Онѣ рыдали сильнѣе прежняго и еще ближе прижимались къ нему; руки его были мокры отъ ихъ слезъ. Сердце отверженца смягчилось, и глаза его стали влажными. Онъ крѣпко обнялъ ихъ и промолвилъ:

— Мама! Марселла! Вы не боитесь меня, не питаете ко мнѣ ненависти?

Онѣ посмотрѣли на него, и глаза ихъ одинаково свѣтились любовью; онъ былъ для нихъ теперь еще дороже, благодаря его горю, даже его грѣхамъ. Онъ впился взглядомъ въ Марселлу, отъ которой не ожидалъ такой пламенной преданности. Въ головѣ его воскресло счастливое прошедшее и, закрывъ лицо руками, онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, но почти безъ слезъ, потому что голодъ осушилъ ихъ источникъ.

Но вдругъ онъ векочилъ и сталъ со страхомъ прислушиваться. Не смотря на вѣтеръ и дождь, его чуткое ухо услышало шаги подлѣ хижины.

Прежде, чѣмъ они успѣли произнести хоть одно слово, кто-то постучалъ въ дверь.

— Погасите огонь,—прошептала Марселла.

И Роанъ немедленно исполнилъ ея приказаніе.

Въ хижинѣ стало совершенно темно; онъ скрылся въ углу, а Марселла подошла къ двери.

— Кто тамъ? Откликнитесь!—произнесъ громкій голосъ извнѣ.— Не держите христіанской души цѣлую ночь на дождѣ.

— Вы не можете войти,—отвѣчала Марселла:— уже поздно, и мы лежимъ въ постелѣ.

— Я знаю по голосу, что это вы, Марселла Дерваль. Я пришелъ сюда именно, чтобы поговорить съ вами. Я имѣю сообщить вамъ кое-что. Отворите дверь. Это я—Мишель Гральонъ.

— Кто бы вы ни были,—отвѣчала Марселла:— уходите.

— Уйти! Нѣтъ, я не уйду, пока не увижу васъ, пока не поговорю съ вами. Отоприте дверь, или я сломаю ее.

И онъ сталъ изо всей силы бить кулаками по двери, которая была заперта на маленькую задвижку. Еще нѣсколько минутъ, и дверь съ шумомъ отворилась. Старуха Гвенфернъ вскрикнула отъ ужаса, а блѣдная, какъ смерть, Марселла оттолкнула ввалившася въ хижину Мишеля Гральона.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?—воскликнула она:—ни шагу далѣе. Если бы тутъ были мои братья, или даже дядя, то вы не поспѣли бы это сдѣлать. Ступайте вонъ, или я ударю васъ.

Юноша захохоталъ, и Марселла теперь только замѣтила, что онъ былъ пьянъ.

— Бей! — дерзко произнесъ онъ нетвердымъ голосомъ: — твоя ручка не ударить больно; впрочемъ, ты только капризничаешь, милашка. Наше дѣло покончено, твой дядя согласенъ, да и ты не станешь болѣе противиться теперь, потому что твоего труса доканали. Вѣдь Марселла Гральонъ лучше звучитъ, чѣмъ Марселла Дерваль.

Пошатываясь со стороны на сторону, онъ приблизился къ ней и обнялъ ее; она ударила его кулакомъ по лицу, но онъ только засмѣялся.

— Отпустите меня, ради Бога отпустите,—промолвила она, но не громко, боясь, чтобы ея крики не заставили Роана покинуть свое убѣжище.

Она напрягла всѣ свои силы и вырвалась на свободу, отталкивая отъ себя Мишеля Гральона, который очутился передъ старухой, которая стояла среди хижины, словно призракъ.

— А, это вы,—воскликнулъ онъ:—вы слышали, что надѣлалъ вашъ негодяй? Онъ убилъ Пиприака, и когда его поймають, то предадутъ страшной пыткѣ. Вотъ что значитъ рожать на свѣтъ трусовъ, старуха. Мнѣ жаль васъ, но вы во всемъ виноваты.

— Молчите, Мишель Гральонъ,—произнесла Марселла, дрожа отъ страха:—ради Бога молчите и уходите поскорѣе.

— Я пришелъ за тобой и не оставляю тебя подъ этимъ кровомъ,—закричалъ онъ во все горло и съ громкимъ хохотомъ снова обнялъ молодую дѣвушку:—ты скоро будешь Марселлой Гральонъ, и тебѣ не мѣсто въ домѣ шуана и труса. Не упрямься, а то я разсержусь, я, который такъ люблю тебя.

Онъ нагнулся къ ней и хотѣлъ ее поцѣловать, но въ эту минуту чья-то рука схватила его за горло и оттолкнула назадъ. Онъ съ изумленіемъ взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ человѣка, и сердце его дрогнуло.

— Помогите! Дезертиръ! Помогите! — заревѣлъ онъ, но Роанъ одной рукой стиснулъ ему горло, а другой замахнулся на него.

— Молчать,—произнесъ онъ тихо, но ясно,—ты теперь попался въ мои руки, Мишель Гральонъ. Если ты умѣешь молиться, то не теряй минуты: я тебя убью. Ты, негодяй, затравилъ меня, какъ собаку, ты заставилъ меня голодать, ты болѣе виноватъ передо

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ <НОВАГО ВРЕМЕНИ>

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ АПРѢЛѢ 1894 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 8-й.

Агеенно, В. Взаимныя отношенія живыхъ существъ (явленія симбіоза). Сиб. 1894 г. Ц. 50 к.

Адриановъ, П. Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Перев. съ латинскаго. Т. II, книги VI—X. Москва. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Александровъ, Д. А. Что читать и что пѣть. Т. VI. М. 1894 г. Ц. 60 к.

Альбовъ, М. Н. День да ночь. Эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Амичишъ, Эдм. Очерки Марокко. Со многими рисунками и хромолитографіями. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Андерсенъ. Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзент. Т. I, вып. IV. Цѣна по подпискѣ 6 р., съ перес. 8 р.

— „Мать“. Сказка на двадцати двухъ языкахъ. Съ портретомъ автора, грав. на деревѣ В. Матъ; рисунокъ обложки М. Дальевича. Содержаніе: датскій подлинникъ. Переводы: русскій, малороссійскій, польскій, чешскій, словацкій, сербскій, исландскій, шведскій, нѣмецкій, ниже-германскій, голландскій, англійскій, французскій, испанскій, итальянскій, ново-греческій, армянскій, финскій, венгерскій, татарскій, древне-еврейскій. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Annuaire Diplomatique de L'empire de Russie pour l'année 1894 г. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Артистъ. Журналъ изящныхъ искусствъ и литературы. № 35. Мартъ. 1894 г. Ц. 2 рубля.

Байронъ, лордъ. Донъ Жуанъ. Поэма въ 16-ти пѣсняхъ. Переводъ А. Соколовскаго (Дешевая Библіотека, Суворина, № 306). Ц. 65 к.

Баранцевичъ, Н. Тихое счастье и другія повѣсти. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бентювскій, А., и Вольфъ, баронъ А. Краткое руководство и словарь для ве-

денія офіціальной переписки на французскомъ языкѣ. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блонъ, М. Матери великихъ людей. Перев. съ франц. Съ рисунками. Сиб. 1894 г. Ц. 60 к.

Богуславскій, А. Аксиомы ариметики по Гельмгольцу и Лобачевскому. М. 1894 г. Ц. 20 к.

— Исчисленіе положенія алгебры плоскости и пространства. Харьковъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Боровскій, И. Процессъ и гигиена дыханія. Одесса. 1892 г. Ц. 30 к.

Брентамо, Луио. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Одесса. 1894 г. Ц. 15 к.

Брюль, Н. Л. Льготный проѣздъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ правительств. должностн. лицъ и ихъ семействъ, офицерск. чиновъ, учащихся, переселенцевъ и желѣзнодорожн. служ. Изданіе неофіціальное. Сиб. 1894 г. Ц. 40 к.

Буа-Реймонъ. „Современная наука“. Вып. VI. Естественное и искусство. Сиб. 1894 года. Ц. 25 к.

Бурже, Поль. Святой. Сиб. 1894 г. Ц. 50 к.

Бѣлокуровъ, С. Арсеній Сухановъ. Исслѣдованіе. Ч. 2-я. Сочиненія Ар. Суханова. Вып. 1-й. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Васюковскій, С. В. Учебникъ гражданскаго права. Вып. 1-й. Введеніе и общая часть. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

Вернь, Жюль. Плавающій городъ. Съ 26 рис. Изданіе 2-е. Ц. въ переплѣтѣ 1 р. 60 к., въ папкахъ 1 р. 25 к. и 1 р. 15 к.

Виво-де, Д. Итальянско-русскій словарь. Одесса. 1894 г. Ц. 6 р.

Виноградовъ, П., проф. Московск. унив. Учебникъ всеобщей исторіи. Ч. I. Древній міръ. Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 60 к.

- Виноградовъ, П.**, проф. Ч. II. Средніе вѣка. М. 1894 г. Ц. 90 к.
- Временникъ Эстляндской губерніи.** Ревель. 1894 г. Ц. 2 р.
- Гальперинъ-Каменскій, И. Д.** Общая польза авторскаго права. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Гауптманъ, Гергаты.** Гаппеле, фантастическія сцены въ двухъ частяхъ. Пер. съ нѣм., съ предисловіемъ А. С. Суворина. Спб. 1894 г. (Дешевая Библиотека, Суворина, № 307). Ц. 10 к., въ папкѣ 20 коп.
- Гассельблатъ, А.** О сокращенномъ обозначеніи единицъ мѣръ, вѣсовъ и т. п. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Георгиевскій, П. И.** Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Гитдичъ, П. П.** Второй томъ комедій. Viola Tricolor. — Перекаги-поле. — Ненастье. — Встрѣчи. — Венецейскій истуканъ. — Бракъ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Голубовъ, Н. Ѡ.** О направленіяхъ въ русской клинической медицинѣ. М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Гофманъ, Э. Т. А.** Необычайныя мученія одного театральнаго директора. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Григоровскій, С.** О родствѣ и свойствѣ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Гриневъ, С. А.** Скобелевъ за Дунаемъ. Киевъ. 1894 г. Ц. 50 к.
- Гюи-де-Мопассанъ.** Собраніе сочиненій. Томъ IV. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. (не по подпискѣ).
- Дени, Л.** Для чего жизнь? Философское разрѣшеніе задачи существованія. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Джаншиевъ, Гр.** Вопросъ о литературной конвенціи съ Франціей съ точки зрѣнія юридической. М. 1894 г. Ц. 10 к.
- О защитѣ на предварительномъ слѣдствіи. М. 1894 г. Ц. 15 к.
- Дзюбинъ, М. А.** Крымскія яблоки. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Динкенсъ, Чарльзъ.** Полное собраніе сочиненій, въ 10 томахъ. Томъ седьмой. Николай Никльби. — Святочные рассказы. Изд. Павленкова. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Душистая весна.** Романъ изъ корейскаго быта. М. 1894 г. Ц. 50 к.
- Dujardin-Beaumez.** Лечение остраго сочленовнаго и хроническаго ревматизма. Rosenbach. О показаніяхъ къ назначенію двууглекислаго натра и злоупотребленіе имъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Енегодникъ министерства иностранныхъ дѣлъ 1894 г.** (Тридцать первый годъ). Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Жасминовъ, Алексисъ, графъ (В. П. Бурунинъ).** Пшча и Пуся, или горе отъ любви. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Жизнь замѣчательныхъ людей.** Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Жоржъ-Зандъ. — Г. С. Бахъ. — С. В. Ковалевская. — А. Ѡ. Писемскій. Цѣна каждой биографіи 25 к.
- Жуновскій, В. П.** О развитіи англійской болѣзни среди дѣтей рабочаго населенія гор. С.-Петербурга (съ 86 рис. въ текстѣ), Диссертация на степень доктора медицины. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Жукъ, В.** Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Изд. 5-е. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.
- Замыцкая, А. А.** Полиглотъ. Разговоры на русскомъ и французскомъ яз. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.
- Захарьинъ, Г. А., проф.** Клиническія лекціи. Выпускъ 4-й. Москва. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Звонаревъ, А. А.** Стихотворенія. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.
- Югель, М. Н.** Потерянный рай. Повѣсть. М. 1894 г. Ц. 1 р., съ пересылкою 1 р. 30 коп.
- Ибсенъ, Генрикъ.** Привиденія. Драма въ 3 актахъ. Пер. съ норвежскаго. Москва. 1894 г. Ц. 50 к.
- Каллетъ, М.** Мужество Алисы. Рассказъ для дѣтей. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Карповъ, И. И.** Руководство къ изученію практической фотографіи для начинающихъ и любителей. Съ рис. Изд. 5-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 35 к.
- Клоповъ, А. А.** Очеркъ мукомольно-крупчатной промышл. въ Приволжѣ. Тверь. 1894 г. Ц. 2 р.
- «Книжный Вѣстникъ», № 3, 1894 г.** мартъ. Спб. Ц. 30 к.
- Корнуновъ, Н. М.** Указъ и законъ. Исслѣдованіе. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Корнигъ, Т. Г., д-ръ.** Первый вѣкъ. Одесса. 1894 г. Ц. 40 к.
- Краткій путеводитель по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ.** Изд. Горнаго Департамента. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Кудрявцевъ, Н. Ф.** Старица Параскева Ивановна Ковригина. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Куно-Фишеръ.** Артуръ Шопенгауэръ. Первая половина. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Куторга, Михаилъ Семеновичъ.** Собраніе сочиненій. Т. I. Спб. 1894 г. Ц. съ билетомъ на окончаніе 9 р.
- Лаврентьева, С. И.** Въ Крыму съ дѣтьми. 50 рис. въ текстѣ. Спб. Цѣна въ красивой хромолитогр. папкѣ 1 р., въ бумажкѣ 75 к.
- Лавровъ, А. М.** Спутникъ фотографа. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Лауръ-Гайе, Ж.** Историческія чтенія. Исторія новаго времени (1610—1789 г.). Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Леви, В., и Николаевъ, С.** Повторитель-

ный курсъ по аналитической геометріи. Ч. I. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Левитовъ, И. Сибарскіе коршуны. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.

Левитскій, В. Ф. Предметъ, задача и методъ науки полицейскаго права. Харьковъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Левинскій, Н. Справочная книжка по тактикѣ. Изд. 13-е. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Либровичъ, С. Ф. Какъ жилось маленькой мушкѣ въ Москвѣ-старушкѣ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 15 к.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Въ 3-хъ отдѣлахъ. Съ 83 рис. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Логашевъ, П. Нѣсколько словъ о крупномъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ. Экономическій этюдъ. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Лукинъ, В. Навигація. Таганрогъ. 1893 г. Ц. 2 р.

Лытнина, Е. А. Повѣсти. Съ рис. Е. Лансере. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мансимовичъ. Положеніе о сельскомъ состояніи. Общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Марануевъ, В. Н. Салаты, шпинаты и прочіе листовые овощи (съ рисунками). М. 1894 г. Ц. 15 к.

Маргаритъ, Поль. На закатѣ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Мартыновъ, Н. Уставъ дисциплинарный. Спб. 1894 г. Ц. 50 к., въ коленк. перепл. 75 к.

— Уставъ военно-судебный, разъясненный и дополненный по 1-е января 1894 г. Изд. 6-е. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р.

Месковскій, Ал. Образцовый самоучитель англійскаго языка. Вып. I. Подписная цѣна за всѣ десять выпусковъ 3 р. (Отдѣльно выпуски не продаются).

Минжуева, О. М. Приключенія трехъ козятъ. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

Михѣевъ, В. М. Художники. Очерки и рассказы. Москва. 1894 г. Ц. 1 р.

Молассанъ, Гюм. Собраніе сочиненій. Т. III. Гора Оріолъ. Романъ. Повѣсти и рассказы. Спб. 1894 г.

Мордовцевъ, Д. Л. Безъ титула. Были и рассказы. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

Мосивичъ, Гр. Практическій путеводитель по Крыму. Изд. 3-е. Одесса. 1894 г. Ц. 1 р.

Нейштубе, С. Т. Куриное яйцо и значеніе его въ экономическо-промышленномъ отношеніи. Спб. 1894 г. Ц. 15 к.

Ненрасовъ, П. А. Термодинамика и электричество. По поводу изслѣдов. кн. Б. Голицына по математич. физикѣ. М. 1894 г. Ц. 20 к.

Нечаевъ, А. Пиръ. Философская поэма любви. Опытъ поэтическаго изложенія Платона. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.

Николаевъ, Н. Стихотворенія. М. 1894 г. Ц. 40 к.

Общій таможенный тарифъ по европейской торговлѣ. Изданіе Д-та Таможенн. Сборовъ. Дополнено по 25 марта 1894 г. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Ольшевскій, Н. Святѣйшій Правительствующій Синодъ при Петрѣ Великомъ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р.

Опыты культуры сельско-хозяйственныхъ растений на поляхъ орошенія города Одессы. Одесса. 1893 г. Ц. 75 к.

Павловская, Р. А., д-ръ. Стебельчатые тромбы, или „истинные полипы“ сердца. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

— Къ симптоматологіи и казуистикѣ палинотозныхъ новообразованій лѣваго предсердія. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Петербургскія гадали, знахары, яродивые и проч. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Плиссскій, Н. Н. Домашнія животныя и ихъ умъ и любовь къ человѣку. Съ рис. бар. А. М. Клодта. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Поваренное руководство. Роспись завтраковъ на 7 дней. Приложеніе: итальянская кухня. Вып. XXIII. М. 1894 г. Ц. 10 к.

Полезная бібліотечка. Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Переводъ подъ редакц. и съ предисл. С. П. Глазенапа. Ц. 25 к.—Подъ водою. Исторія водолазнаго дѣла и подводнаго плаванія. Съ 22 рис. Ц. 25 к.—Научныя развлеченія. (Съ 104 рис.). Ц. 25 к.

Потопенно, И. Н. Звѣзда. Романъ. Москва. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Пронудинъ, В. А. Систематическій сборникъ кратчайшихъ тарифныхъ разстояній въ прямыхъ сообщеніяхъ между всѣми станціями ж. д. Вып. I. Таблица Балтійской и Псково-Рижской ж. д. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Расинъ, Говоіа (Athalie). Трагедія въ 5 д. Перев. съ франц. Одесса. 1893 г. Ц. 35 к.

Ростовцевъ, П. В. Разведеніе спаржи. Спб. 1894 г. Ц. 15 к.

Русскія былины старой и новой записи. Подъ редакц. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русско-германскій торговый договоръ. 1894 г. Ц. 20 к.

Сенкевичъ, Генрихъ. Побѣдитель. Пов. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сказки русскихъ писателей. Съ 9 рисунками. Кіевъ. 1894 г. Ц. 35 к.

Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Составлено подъ редакціей А. Н. Чудинова. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

- Соболевскій, А. И.** Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Рѣчь. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Соколовъ, С. И.** Уставъ объ акцизныхъ сборахъ. Спб. 1894 г. Ц. 5 р.
- Соловьевъ, С. М.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга 2-я. Т. VI—X. Спб. 1894 г. Цѣна по подпискѣ за всѣ 6 книгъ 15 р.
- Смѣльницкій, Ю. М.** Охота на утрянныхъ утиныхъ сидкахъ въ устьяхъ Камы. Казань. 1894 г. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Станюковичъ, Н. М.** Въ морѣ! Повѣсть. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Степановъ, Ѳ. В.** Пиротехнія. Курсъ фейерверочнаго искусства. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1894 г. Ц. 5 р.
- Стендаль, Г.** Жертва предрасудковъ. М. 1894 г. Ц. 50 к.
- *) **Сто великихъ людей.** Книга 1-я. Зороастръ, Будда, Конфуцій, Магометъ (Дешевалъ Библ. А. С. Суворина, № 261). Ц. 20 к.
- Тоже на велевой бумагѣ (отпечатано 100 экз.). Ц. 75 к.
- Сувестръ, Э.** Философъ на чердакѣ, пер. съ французскаго. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Суворовъ, Ѳ. М.** Объ основаніяхъ геометріи Лобачевского. Рѣчь. Казань. 1894 г. Ц. 20 к.
- *) **Сю, Евгений.** Вѣчный жидъ. Томы III, IV и V (ранѣе вышли т. I и II). Первый, полный, безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Ц. каждого тома 60 к. Цѣна за всѣ пять томовъ 3 р.
- Таубе, М., баронъ.** Исторія зарожденія современнаго международнаго права (средніе вѣка). Т. I. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Тернеръ, Г. И., д-ръ.** Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Съ рисунками В. П. Шрейбера. Ц. 1 р.
- Тизенгаузенъ, А. Е., бар.** Военно-статистическое обозрѣніе Британской монархіи. Спб. 1894 г. Ц. 4 р.
- Тимаевъ, Н.** Посохъ христіанина. Церковь и св. таинства церковныя. М. 1894 г. Ц. 80 к.
- Толстой, Левъ.** Смерть Ивана Ильича. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Троицкій, Іоаннъ.** Совѣты приходскимъ священникамъ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Трудъ по ученію и примѣру Христа Спасителя.** Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Туганъ, Лидія.** Миша Вершинскій. Повѣсть для дѣтей. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.
- Ушинскій, К. Д.** Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.
- О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи. Спб. 1894 г. Ц. 15 к.
- Фаусень, В.** За морскимъ горизонтомъ. Очерки плаванія по Средиземному морю. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Фудель, I., свящ.** Основы церковно-приходской жизни. М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Хинъ, Р. М.** Силуэты, очеркъ. Москва. 1894 г. Ц. 2 р.
- Цитовичъ, П. П.** Гражданскій процессъ. Изд. 4-е. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Конспектъ торговаго права. Кіевъ. 1894 г. Ц. 35 к.
- Обязательства по русскому гражданскому праву. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р.
- Русское гражданское право. Кіевъ. 1894 г. Ц. 80 к.
- Цитовичъ, П.** Опытъ рациональной пиротехники. Руководство для изученія теоріи и практики фейерверочнаго искусства. Въ двухъ частяхъ, съ большимъ атласомъ чертежей и историческимъ очеркомъ пиротехніи. Спб. 1894 г. Ц. 5 р.
- Шараповъ, С.** Франція и славянство. Рѣчь. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Шахматовъ, А.** Исслѣдованія въ области русской фонетикѣ. Варшава. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- *) **Шахматы.** Журналъ, посвященный шахматной игрѣ. Изданіе А. С. Суворина. №№ 6 и 7. Ц. каждого № 30 к. Годовая подписка на 24 №№ 5 р.
- *) **Шеллеръ, А. И. (А. Михайловъ).** Полное собраніе сочиненій. Т. II и III. Ц. каждого тома 2 р.
- Шелли.** Сочиненія. Переводъ съ англ. К. Д. Вальмонта. Вып. 1-й. Изд. 3-е. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Штейнфельдъ, П., горн. инж.** О единствѣ причинъ всѣхъ явленій природы. Екатеринбургъ. 1893 г. Ц. 75 к.
- Энгель, А.** Формулы и теоремы любви. Самара. 1894 г. Ц. 1 р.
- Эртель, А. И.** Двѣ пары. Москва. 1894 г. Ц. 60 к.
- *) **Яновлевъ, И. (И. Я. Павловскій).** Парижскіе очерки и этюды. Серія 1-я. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Матазиновъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1899 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Аленсъвъ, С. Н. Мировая болѣзнь. Малокровіе мужчинъ и женщинъ, блѣдная немочь, обмороки, мигрени, головокруженія. Предупрежденіе, распознаваніе и различныя способы лѣченія. М. 1899. Ц. 25 к.

Аполлонскій. Альбомъ стиховъ. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Акшарумовъ, Д. Д. Поэма о рожденіи, жизни и смерти человѣка. Полтава. 1898. Ц. 1 р.

Беннетъ, Джонъ. Жаворонокъ. Разсказъ. Перев. съ англ. А. Н. Рождественской. М. 1899. Ц. 50 к.

Берсъе. Избранныя бесѣды. Пер. А. Забѣлицъ. Спб. 1899. Ц. 80 к.

Биндеръ, Т., д-ръ мед. Гигіена половой жизни. Перев. съ нѣмец. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Бобровниковъ, Н. А. Инородческое населеніе Казанской губерніи. Вып. I. Татары, вотяки, мордва. Казань. 1899. Ц. 50 к.

— Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями. Казань. 1898. Ц. 50 к.

Борзовъ, И. Устройство и улучшеніе желѣзнодорожныхъ водоснабженій. Вып. I. Приемники, очистители, храненіе и распределеніе воды на станціяхъ. Спб. 1898. Ц. 4 р. 50 к.

* **Боровиковскій, А.** Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената. Изд. 4-е (исправл. и дополненное). Спб. 1899. Ц. 6 р. 50 к.

Боровичъ, Л. Основныя начала устройства электрической энергіи. Элементарное практическое руководство для техникумовъ, мастеровъ, монтеровъ и проч. М. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Бриссо (E. Brissaud), проф. Гигіена и лѣченіе астматиковъ. Пер. съ франц. С. Е. Себренинниковъ. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Бѣлелюбскій, Н. Желѣзное продольное строеніе отъ 50 саж. Полупараболическія фермы. Бѣзда по низу. Свободныя поперечныя балки. Желѣзныя дороги: Самаро-Златоустовская, Западно-Сибирская. Спб. 1899. Ц. 5 р.

Бѣлелюбскій, Н., и **Богуславскій, Н.** Подборъ

поперечныхъ сѣченій и исчисленіе вѣса металлическихъ сооружений. Пособіе по составленію проектовъ мостовъ, стропиль и другихъ металлическихъ сооружений. Изд. 4-е, вновь пересмотрѣнное и дополнено. Спб. 1899. Ц. 1 р. 60 к.

Вагнеръ, Германъ, Въ полѣ и на лугу. Разсказы о разныхъ животныхъ, растенійхъ и камняхъ. Перев. съ нѣмец. В. М. Велічкиной. М. 1899. Ц. 45 к., въ папѣ 60 к.

Введенскій, С. Мессіанское значеніе искушеній Господа дьяволомъ въ пустынь. М. 1899. Ц. 20 к.

Венгеровъ, С. А. Русскія книги. Т. III. Богатырь-Вавилонъ. Спб. 1899. Ц. 3 р. 50 к.

— Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. Спб. 1899. Ц. 20 к.

Вернь, Жюль. Въ странѣ мѣховъ. Романъ въ 2-хъ ч. М. 1899. Ц. 75 к.

— Паровой домъ. Романъ въ 2-хъ ч. М. 1899. Ц. 60 к.

Верховецъ, Я. Д. Григорій Саввичъ Скворода. Украинскій философъ-проповѣдникъ. Спб. 1899. Ц. 5 к.

— **Иванъ Тихоновичъ Мосопковъ,** Бытописатель и экономистъ. Спб. 1899. Ц. 2 к.

— **Петръ Телушкинъ,** Необыкновенный подвигъ русскаго крестьянина. Спб. 1899. Ц. 3 к.

— **Ододъ Григорьевичъ Солнцева,** Художникъ-археологъ. Спб. 1899. Ц. 5 к.

Винклеръ, фонъ П. Изъ исторіи монетнаго дѣла въ Россіи. Молдаво-валахская монета (1771—1774). Мѣдныя рубли (1770—1778). Спб. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Воейковъ, А. И., **Пастернацкій, Ф. И.,** **Сергѣевъ, М. В.** Черноморское побережье. Спб. 1899. Ц. 3 р.

Вознесенскій, А., и **Гусевъ, Ф.** Житіе и чудеса Св. Николая чудотворца, архіепископа мурлякискаго, и слава его въ Россіи. Спб. 1899. Ц. 3 р.

Вольфъ, А. (A. Wolff), проф. Учебникъ кожныхъ болѣзней. Съ 71 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣмец. д-ра Ф. А. Дербека. Съ дополн., прилѣжч. и предисловіемъ О. В. Петерсена. Спб. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

- Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1899 годъ. Цѣна въ переплетѣ 3 р.
- «Вѣстникъ права». Журналъ Юридическаго общества при Императорскомъ Спб. университетѣ. Январь, № 1. Ц. 2 р.
- Вѣтринскій, Ч. Въ сороковыхъ годахъ; историко-литературные очерки и характеристики: Дореформенное время. Вѣдинскій, Грановскій, Искандеръ, Воткинъ, Кольцовъ, Гоголь, Пикитенко и П. Аксаковъ. Кн. В. Одоевскій, Щенкинъ. М. 1899. Ц. 2 р.
- Гаане, Вильгельмъ. Происхожденіе животного міра. Вып. 3 и 4. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Гаррисонъ. Развитие силы и нарощеніе мышцъ пирами. Съ рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 35 к.
- Гединъ, С. Въ сердцахъ Азии: Памиръ, Тибетъ, Восточный Туркестанъ. Вып. II. Спб. 1899. Ц. по подшивкѣ (6 вып.) 5 р. 50 к.
- Гейне, Генрихъ. Собраніе сочиненій. Т. IV. Спб. 1899. Ц. 1 р. 75 к.
- Гейнце, Н. Въ чаду измѣны. Историческій романъ конца XVII столѣтія, въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- Гельвальдъ, Фр. Земля и ея народы. Переводъ съ нѣмец. подъ ред. Ф. Груздева. Т. I. Живописная Америка. Съ 2 карт. и 160 рис. Т. II. Живописная Азія. Съ картою и 130 р. Спб. 1899. Ц. каждого тома 2 р.
- Гельзенъ, фонъ. Карлъ. Гигіена новобрачныхъ (Die Hygiene der Flitterwochen). Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 30 к.
- Герасимовъ, П. Усердіе не по разуму. Спб. 1898. Ц. 10 к.
- Копечку бросишь—рубль подобрешь. Спб. 1898. Ц. 30 к.
- Дома и у турокъ. Рассказъ отставнаго солдата. Спб. 1899. Ц. 30 к.
- Нахаль и чуть не выхаль. (Рассказъ фельдфебеля). Спб. 1899. Ц. 10 к.
- Грѣхъ и покаяніе Петра Безлицаго. Спб. 1899. Ц. 15 к.
- Гете, Вольфгангъ. Эгмонтъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Кіевъ. 1898. Ц. 25 к.
- Гетчинсонъ, Г. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англ. З. Н. Журавской. Съ приложеніемъ библиографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Головачевъ, Д. Высочайше утвержденная подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина комсія для изслѣдованія землевладѣнія и земледѣльствованія въ Забайкальской области. Материалы. 16 вып. Спб. 1898. Ц. за 16 вып. 15 р.
- Голубевъ, С. Къ исторіи киевской трехъ-святительской церкви за вторую половину XVII столѣтія. Кіевъ. 1899. Ц. 40 к.
- Гольшевъ, И. А. Собраніе сочиненій. Подъ ред. А. Д. Мальбергъ. Т. I. Вып. I. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Гофманъ, К. Ботаническій атласъ по системѣ де-Кандоля. 30 хромолит. табл. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 12 р.
- Гофманъ-фонъ, Эд. Послѣ смерти. Популярная лекція. М. 1899. Ц. 30 к.
- Грель, А. Краткія наставленія о выращиваніи всевозможныхъ сбмьянъ огородныхъ и двѣточныхъ. М. 1898. Ц. 20 к.
- Грефъ, Мансъ. Альбомъ рисунковъ мебели въ стилѣ «рококо». Современная мебельовка комнатъ. М. 1898. Ц. 3 р.
- Гупиль. Руководство къ живописи масляными красками съ приложеніемъ небольшого трактата о реставрированіи картинъ. Перевелъ, передѣлалъ и дополнилъ Пав. Марковъ. Изд. 3-е. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Данилевскій, В. Я. Народный домъ и его общественно-воспитательное значеніе. Харьковъ. 1898. Ц. 25 к.
- Двадцатипятилѣтіе введенія Мартеновскаго производства въ Россію, 1870—1895. Сборникъ статей по Мартеновскому дѣлу (съ 3-мя графур. и атласомъ черт.). Спб. 1898. Ц. 3 р.
- Днеромъ Н. Днеромъ. Шесть разсказовъ. Пер. съ англ. С. Займовскаго. Кіевъ. 1898. Ц. 50 к.
- О женихахъ и невѣстахъ. Пер. съ англ. Спб. 1899. Ц. 20 к.
- Донучаевъ, В. В., проф. Къ ученію о зонахъ природы. Горизонтальныя и вертикальныя почвенныя зоны. Спб. 1899. Ц. 50 к.
- Доуел. Хирургическая техника. Пер. съ франц. съ предисл. проф. Г. Е. Рейна. Кіевъ. 1899. Ц. 35 к.
- Дудышкинъ, С. Т. По Западной Европѣ. Картины и очерки природы и жизни народовъ Западно-Европ. государствъ. Книга для чтенія въ семьѣ и школѣ. М. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Дювернуа, Н. Л., проф. Пособіе къ лекціямъ по гражданскому праву. Ч. особенная. Вып. I (права вѣщныя, право авторское и промышленное). Спб. 1899. Ц. 1 р. 25 к.
- Дюга, Л. Заслѣгчивость. Перев. съ франц. В. Никитинъ. М. 1899. Ц. 60 к.
- Дюма-сынъ, А. «Дама съ камеліями». Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Пер. съ франц. М. 1898. Ц. 50 к.
- Еске-Хоинскій, Теодоръ. Последніе римляне. Историч. романъ възвѣжъ Феодосія Великаго. Перев. съ польскаго. Петра Таврова. М. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Жуновскій, В. П. Phlebitis umbilicalis. Случай гнойнаго воспаленія пупочной вены, съ пораженіемъ суставовъ и піеміей. Спб. 1899. Ц. 30 к.
- Загоскинъ, М. Н. Полное собраніе сочиненій. Т. VI и VII. Спб. 1899. Ц. по подл. на полн. экз. (10 т.) 15 р.
- Загоскинъ, Н. П. Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣд. по исторіи русскаго права. Т. I. Казань. 1899. Ц. 3 р.
- Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Ч. VI. Критика о Пушкинѣ В. Г. Вѣдлинскаго. М. 1899. Ц. 1 р.
- Земятченскій, П. А. Желѣзныя руды центральной части Европейской Россіи (Южная часть Московскаго каменноугольнаго бассейна). Спб. 1899. Ц. 2 р.
- Краткій учебникъ кристаллографіи. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Зиммель, Г., и Нитцше, Ф. Дарвинизмъ и

- теорія познанія (Дарвинист. бібліотека. Вып. I). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Златчанскій, П.** Прямолинейная тригонометрія для средних учебныхъ заведеній. 3-е улучш. изд. Одесса. 1899 г. Ц. 75 к.
- Ивановъ, И. И.** Императоръ Александръ II. Биографич. очеркъ. М. 1899 г. Ц. 45 к.
- Иннокентій, іеромонахъ.** Пастырское богословіе въ Россіи за XIX вѣкъ. Троицкая Сергіева лавра. 1899 г. Ц. 2 р.
- Навелинъ, К. Д.** Собраніе сочиненій. Т. III. Наука, философія и литература. Спб. 1899. Ц. 4 р.
- Нарелинъ, Н. Жанъ Жакъ Руссо.** Опытъ характеристики его общественныхъ идей. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Наталогъ газетъ, журналовъ и другихъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи и за границей на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, польскомъ и другихъ языкахъ на 1899 годъ, на которые принимается подписка въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.** Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Ненинггэмъ, В.** Современная цивилизація въ нѣкоторыхъ ея экономическихъ проявленіяхъ. Пер. съ англ. М. В. Лучицкой подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ, 1899 г. Ц. 60 к.
- Нернеръ Ф.-Марилаунъ.** Жизнь растений. Вып. 14—15. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Ниччевъ, П. И.** Законъ и жизнь. (Изъ воспоминаній бывшаго адвоката). М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Кобденъ, Ричардъ.** Лига и борьба противъ хлѣбныхъ законовъ. — Рѣчи Кобдена въ парламентѣ и на митингахъ. Пер. Е. Н. Каменецкой. (Вибл. экономистовъ. Вып. X). М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Новалевскій, П. И.** Наполеонъ I и эпилепсія. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Т. IV. 1899 г. Ц. 1 р.
- Ноломинъ, Петръ.** Краткія свѣдѣнія по типографскому дѣлу. (Съ 450 рис.). Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- Нольбъ, Г. Фр.** Исторія человѣческой культуры. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. А. Рейнгольда. Кіевъ. 1899 г. 2 т. Ц. 3 р. 50 к.
- Коннъ, Г. И.** Два міра. Листки изъ дневника крещенаго еврея. Типы и картинки съ натуры. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Корелли, Марія.** Новая женщина (My wonderful wife). Повѣсть. М. 1899 г. Ц. 30 к.
- Корнановъ, В.** Краткій практическій курсъ геометрическаго черченія и землемѣрія въ связи съ необходимыми свѣдѣніями изъ геометріи. 490 черт. въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Приборы и пособія, необходимые для уроковъ геометрическаго черченія и краткаго курса землемѣрія въ народныхъ школахъ. 182 чертежа въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 45 к.
- Красновъ, А. Н., проф.** Изъ колыбели цивилизаціи. Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Красновъ, П. Н.** Казаки въ Африкѣ. Дневникъ начальника конвоя Россійской Императорской миссіи въ Абиссинію въ 1897—1898 году. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Крестовскій, Вс. Вл.** Собраніе сочиненій. Т. III. Ц. по подпискѣ (8 т.) 10 р.
- Кругловъ, А. В. Вабай.** Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 10 к.
- Генеральскій Прохоръ. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Женскій Аонъ. Очерки историческаго уголка. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 25 к.
- Любовь и истина (Духовные мотивы). М. 1899 г. Ц. 25 к.
- На господскую ногу. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 25 к.
- Приятный мужикъ. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Пчела. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Степанъ Бѣлыхъ. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Умственный мужикъ. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Шалыганъ. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Крыловъ, В., и Литвинъ, С.** Сыны израиля. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Кулаковскій, Юліанъ.** Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ. Кіевъ. 1899. Ц. 1 р.
- Куницкій, С. К.** Начала статистики сооруженій. Построеніе деформацій. Цѣпи упругихъ стержней съ шарнирными соединеніями. Съ 20 полиптикахъ въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Курчинскій, М. А.** Союзы предпринимателей. Экономическій этюдъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кусторубовъ, М. Максимилианъ Робеспьеръ.** (Опытъ характеристики). М. 1899 г. Ц. 25 к.
- Лашкаревъ, А. Ю.** Иллюстрированная классификація главнѣйшихъ сортовъ луговыхъ травъ съ краткимъ описаніемъ каждой травы въ отдѣльности. Вып. IV (18 хромолит. табл.). Спб. 1898 г. Ц. за все изд. (6 вып.). 24 р.
- Ленлеръ, Максъ.** Народные университеты въ Англіи. Перев. Ф. Латернера съ предисл. И. Н. Потапенко. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- * **Леонардъ, Н.** Новый торговый и промышленный уставъ съ относящимися къ нему законоположеніями, распоряженіями и разъясненіями. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Лоренцъ, Н. Ф.** Орнаменты всѣхъ временъ и силей. Вып. 8-й. Спб. 1899 г. Ц. по подпискѣ на все сочин. (10 вып.). 15 р.
- Майеръ, Адольфъ.** Ученіе о питаніи зеленыхъ растений, изложено въ 25 лекціяхъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. С. Н. Ростовцева. М. 1898 г. Ц. 3 р. 25 к.
- Майръ, Георгъ.** Закономѣрность въ общественной жизни. Пер. съ нѣм. Н. Н. Романова. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Максвель, Дж. Клеръ.** Матерія и движеніе. Пер. съ англ. подъ ред. В. П. Дейнберга. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Общій любимецъ публики. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Уральскіе разсказы. Т. III. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

- Манасинъ, І. Миръ міра. Мысли непосвященнаго по поводу современныхъ событій международной политики. Спб. 1899 г. Ц. 30 коп.
- Марренъ, П., д-ръ. Гипнотизмъ въ теоріи и на практикѣ. Пер. съ франц. А. Аванасьева. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Матеріалы къ пересмотру общаго тарифа жел. дорогъ I и II группъ. Отд. IV, ч. II. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.
- Медвѣдовъ, Л. М. Мирныя пѣсни. Стихотворенія. М. 1899 г. Ц. 35 к.
- Меллоуъ, В. X. Соціальное равенство. Пер. съ англ. А. А. Величина. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Мельничій, П. Н. Флоты. Морская война и Англія (съ конференціи о разоруженіи). Изложеніе популярное. Одесса. 1899 г. Ц. 35 коп.
- Мельшинъ, Л. Кобылка въ пути. Рассказъ. (Изъ жизни ссыльныхъ). М. 1898 г. Ц. 15 к.
- Меренновскій, Д. С. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Миль, Дж. С. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми примѣненіями къ общественной философіи. Пер. съ англ. Е. М. Остроградской подъ ред. О. Н. Остроградскаго. Кіевъ, 1899 г. Ц. 3 р.
- Миноръ, Л. С. Основы лѣченія табетической атаксіи по способу Френкеля. М. 1899 г. Ц. 35 к.
- Моржовъ, А. Ц. Общедоступное руководство къ счетной линейкѣ, съ приложеніемъ чертежа линейки. Вятка. 1898 г. Ц. 20 к.
- Мэхэнъ, А. Т. Вліяніе морской силы на французскую революцію и Имперію. Въ 2-хъ томахъ. Пер. съ англ. подъ ред. П. П. Азбелева. Т. II. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Научно-энциклопедическій словарь. Вып. 6-й. Спб. 1899 г. Ц. 30 к. Подписная цѣна за все изд. (въ 18 вып.) 4 р., съ перес. 5 р.
- Нащенинъ. Проклятіе. Повѣсть изъ временъ царя Алексѣя Михайловича. М. 1899 г. Ц. 75 к.
- Неврологическій Вѣстникъ. Органъ общ. невропатол. и психіатровъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. VI, вып. 4. Казань. 1898 г. Ц. 2 р.
- Невѣжинъ, П. Промчавшаяся невзгода. Повѣсть. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Немировъ, Г. А. Разсыпанная хранина. Статьи по вопросамъ организаціи государств. промышленнаго управленія. I. Главное управл. торг. и промышленности и мѣстные органы (промышленныя палаты). Спб. 1899 г. Ц. 40 к.
- Нетынсъ, М. А. Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Новицій, А. П. Исторія русскаго искусства. Вып. I. М. 1899 г. Ц. по подпискѣ на всѣ сочин. (12 вып.) 10 р.
- Нордау, Мансъ. Битва трутней. Романъ. Пер. съ нѣм. А. В. Перельгиной. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Обзоры и новости медицины за 1898 годъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Образованіе. Педагогическій и научно-поп.
- пуд. журналъ. 1899 г. № 2. Февраль. Ц. 75 к.
- Одесса въ карманѣ. Иллюстрированный путеводитель г. Одессы и ея окрестностей и календарь на 1899 г. съ прил. новѣйш. плана г. Одессы. Одесса. 1898 г. Ц. 40 к.
- Одесская купля-продажа, справочный и тарифный указатель, Зимнее грузовое движеніе 1899—99 г. Одесса. 1898 г. Ц. 60 к.
- Онешно, Э. О равноправности женщинъ передъ лицомъ знанія, труда и человѣческаго достоинства (открытое письмо къ нѣмкѣямъ женщинамъ). Пер. Ст. Собанской. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Оллендорфъ, Г. Г. Новый способъ выучиться въ 72 урока читать, писать и говорить по-английски. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Олышанинъ, Дм. Невмѣняемые. Романъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Орнешно, Э. Приключенія Яси. Рассказъ. (Пер. съ польск. Г. С.) Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Орловъ, Михаилъ. Liber Pontificalis, какъ источникъ для исторіи римскаго папства и полемики противъ него. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Остроумовъ, А. Элементарные уроки пѣнія. Методическое руководство для учителей начальныхъ училищъ и воспитанниковъ учительск. семинарій. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Отравленіе. Признаки отравленія, лѣченіе отравленій. Составлено подъ ред. д-ра мед. В. П. Раммъ. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Павленка, Н. И. Законъ и административное распоряженіе. Кіевъ. 1898 г. Ц. 20 к.
- Сущность административной юстиціи и основныя черты ея организаціи въ европейскихъ государствахъ. Кіевъ. 1898 г. Ц. 20 к.
- Пантельевъ, В. П. Сухая перегонка дерева. Переработка подсмольной воды на уксусную кислоту, уксуснокислые соли, метиловый спиртъ, ацетонъ, хлороформъ и іодоформъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Перцовъ, П. Философскія теченія русской поэзіи. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Петропавловскій, Іоаннъ. Общедоступныя статьи въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія. Вып. I. Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Петрункевичъ, А. М. Маргарита Ангулемская и ея время. (Историческій очеркъ изъ эпохи возрожденія во Франціи). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Плещеевъ, Александръ. Нашъ балетъ (1673—1899). Балетъ въ Россіи до начала XIX столѣтія и балетъ въ С.-Петербургѣ до 1899 г. Изд. 2-е, съ предисловіемъ К. А. Скальковскаго. 180 портр. и рис. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.
- Поврежденіе на судахъ и ихъ исправленія судовыми средствами. Составлено подъ редакціей великаго князя Александра Михайловича. Т. II. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Полевой, П. Н. Непокупное. Повѣсть. Съ 55 ориг. рис. Е. П. Самокиши-Судковской. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р.
- Полетаевъ, Н. Возникновеніе обязательствъ. Ц. 15 к.
- Граница уголовной отвѣтственности душевно-больныхъ. Ц. 40 к.

- Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака. Ц. 25 к.
- Искъ о признаніи наличности юридическихъ отношеній и его предѣлы. Ц. 30 к.
- Малоизвѣстные наказанія прежняго времени въ Англіи и Америкѣ. Ц. 10 к.
- Наказъ Императрицы Екатерины II. Ц. 20 к.
- Ответственность акціонернаго общества и его органы предъ отдѣльными акціонерами. Ц. 25 к.
- Предѣлы вѣчнаго иска. Ц. 20 к.
- Ученіе Дарвина и смертная казнь. Ц. 10 к.
- Поповъ, П. Русско-китайскій словарь. Изд. 2-е, испр. и дополн. Пекинъ. 1898 г. Ц. 9 р.
- Попугай. Популярная настольная книжка для любителей этихъ птицъ. Сост. Г. Я. Одесса. 1898 г. Ц. 40 к.
- Потапенко, И. Н. Повѣсти и рассказы. Т. XII. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Продана дѣвушка въ дома разврата и мѣры къ ея прекращенію. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Продовольственный вопросъ въ 1897—1898 г. Обсужденіе продовольственнаго вопроса въ Общихъ Собраніяхъ И. В. Э. О. 12, 13, 14, 19 и 26-го марта 1898 г. (съ прилож. 6 картограммъ). Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Пясновскій, Николай. Болѣзни вѣка. Лекція. М. 1899 г. Ц. 30 к.
- Рачинскій, С. А. Сельская школа. Сборн. статей. Изд. 3-е, дополн. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Рейнгардъ, Н. В. Необходимая оборона. Казань. 1898 г. Ц. 60 к.
- Рескинъ, Джонъ. Воспитаніе. Книга. Женщина. Перев. Л. Н. Никифорова. М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Риктеръ, Д. И. Опытъ раздѣленія Европ. Россіи на районы по естественнымъ и экономическимъ признакамъ. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- «Русскій Вѣстникъ». 1899 г. № 2. Февраль. Ц. 1 р. 50 к.
- «Русскій трудъ». № 5. Ц. 20 к.
- «Русское экономическое обозрѣніе». Январь. 1899 г. Ц. 1 р.
- «С.-Петербургъ». Иллюстрированный еженедѣльный журналъ. № 4. Цѣна за годъ съ доставкой и пересылкой 2 р.
- Сахаровъ, А. По русской землѣ. Географическіе очерки и картины для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изд. 3-е, дополн. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сводъ законовъ Россійской имперіи (неоф. изд.). Всѣ 16 тт. со всѣми относящимися къ нимъ продолженіями въ одной книгѣ. Подъ ред. А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Ч. I и II. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 12 р.
- Сергій, архим. Православное ученіе о спасеніи. Изд. 2-е. Казань. 1898 г. Ц. 1 р.
- Сергѣенко, П. А. Сестра милосердія. Повѣсть. М. 1899 г. Ц. 40 к.
- Сеславинъ, Д. Н. Русско-нѣмецкій словарь. Спб. 1899 г. Ц. 85 к.
- Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослыхъ по методу Туссэна и Лангеншейдта. Вып. 3-й. Ц. по подпискѣ за весь курсъ 2 р.
- Самоучитель англійскаго языка для взрослыхъ по методу Туссэна и Лангеншейдта. Вып. 5. Ц. по под. за весь курсъ 3 р.
- Самоучитель французскаго языка для взрослыхъ по методу Туссэна и Лангеншейдта. Вып. 9-й. Ц. по подп. на первый курсъ 3 р.
- Симоновъ, М. Забѣтки къ юбилейной по случаю двадцатипятилѣтія Лубенской женской гимназіи запискѣ. Киевъ. 1898 г. Ц. 20 к.
- Силловскій, в. в. Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ. (Изъ литературной жизни Пушкина на югѣ Россіи). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Сирябучинскій. Самоучитель строительнаго искусства. Въ 5-ти част., съ 216 черт. и съ прил. атласа на 64 страницахъ. Изд. 7-ое, испр. М. 1899 г. Ц. 3 р.
- Смирновъ, Н. М. д-ръ. Домашній женскій врачъ. Уходъ за здоровьемъ женщины и самолеченіе женскихъ болѣзней. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Смоленскій, П. О. д-ръ мед. Простѣйшіе способы изслѣдованія и оцѣнки доброкачественности състныхъ припасовъ, напитковъ, воздуха, воды, жилищъ и проч. Съ 110-ю рис. въ текстѣ. Изд. 3-е испр. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- Соболевъ, М. Н. Очерки изъ исторіи всемірной торговли, въ связи съ развитіемъ экономической жизни. М. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Соколовъ, В. Государственное положеніе религіи въ Германіи по дѣйствующему праву. Казань. 1899 г. Ц. 2 р.
- Соколовъ, Н. М. Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Справочная книжка для больныхъ на 1898—1899 г. М. 1898 г. Ц. 20 к.
- Статьи Тамоменнаго Устава о взысканіяхъ и наказаніяхъ, налагаемыхъ по приговорамъ судебныхъ мѣстъ за нарушенія таможенныхъ постановленій. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Строевъ, П. Н. Руководство по культурѣ американскихъ виноградныхъ лозъ. Съ 132 рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Стэнли-ленъ-пулъ. Мусульманскія династїи. Хронологическія и генеалогическія таблицы съ историческими введеніями. Пер. съ англ. В. Бертольдъ. Спб. 1899 г.
- Субботинъ, Н. Исторія такъ называемаго австрійскаго или бѣлокринцакаго священства. Вып. II. М. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Переписка раскольническихъ дѣятелей. (Матеріалы для исторіи бѣлокринцакаго священства). Вып. III. М. 1899 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Таубе, М. Принципы мира и права въ маждународныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ (т. II «Исторія зарожденія современнаго маждународнаго права»). Харьковъ. 1899 г. Ц. 2 р.
- Терапевтический Вѣстникъ журнала «Современная медицина и гигиена». II-й полутомъ (съ 19 рис. въ текстѣ). Спб. II. 3 р.
- Техническій Ежегодникъ, Справочная кни-

- га для инженеровъ, архитекторовъ, судостроителей, механиковъ и студентовъ, Сост. по Uhland'y Ssaton'y, Markow'y и др. Спб. 1899 г. Ц. съ приложеніемъ Техническаго календаря на 1899 г. 3 р. Отдѣльно Технической Календарь 1 р.
- Тихомандрицій, М.**, проф. Курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Съ примѣрами для упражненій. Изд. 2-е, испр. Вып. I. Харьковъ. 1899 г. Ц. съ билетомъ на получ. II-го вып. 2 р. 50 к.
- Тихомировъ, Л.** Земля и фабрика (къ вопросу объ экономическомъ политикѣ). М. 1899 г. Ц. 30 к.
- Тищенко, Ѳ.** Хлѣбъ насущный. Ржаной хлѣбушка—калачу дѣдушка. 1898 г. Ц. 20 к.
- Трубиновъ, Н. В.** Печать, какъ власть настоящаго надъ будущимъ. Спб. 1899 г. 30 к.
- Тузанъ-Барановскій, М. И.** Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи (съ диаграммой). Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- 1750 Практическихъ техно-химическихъ рецептовъ.** Изд. 3-е. дополн. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Уманецъ, С. И.** Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ и балтійскіе очерки. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Уставъ Уголовнаго судопроизводства** съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами, разъясненіями Прав. Сената и циркулярами министра юстиціи. Составленъ подъ ред. М. Шрамченко В. Широковымъ. Спб. 1899 г. Ц. 4 р.
- Филипповъ, М. М.** Историческія повѣсти. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Фингеръ, Э.** Безсиліе и безплодіе мужчины. Причины, формы проявленія и способы леченія. Пер. съ нѣм. Одесса. 1899 г. Ц. 60 к.
- Финогѣевъ, В. И.** Полное руководство для городскихъ и уѣздныхъ полицейскихъ управленій, волостныхъ правленій, станovýchъ приставовъ и полицейскихъ надзирателей. Одесса. 1899 г. Ц. 2 р.
- Фирсовъ, В.** Женское дѣло въ семьѣ и хозяйствѣ. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Флери, Львѣ** и ея лѣченіе. Пер. съ франц. д-ра В. К. Андреева. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Фулье, Альфредъ.** Контъ и Кантъ. Этюдъ. Перев. Л. Варона. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Фурнье, А. (Alfred Fournier)**, проф. Руков. къ патологій и терапій сифилиса. Вып. II. Пер. съ франц. д-ра С. В. Орѣкина. Съ предисл. проф. В. М. Гарновскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фюрстъ, Ливій.** Спутникъ женской гігіены. Одесса. 1898 г. Ц. 30 к.
- Ханыновъ, В. Н.** Къ вопросу о женскомъ ремесленномъ трудѣ въ Россіи. М. 1898 г. Ц. 15 к.
- Чеховъ, Антонъ.** Пестрые рассказы. Изд. 13. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Хмурые люди. Рассказы. Изд. 9-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Цесельскій, Т.** Пчеловодство, основанное на наукѣ и многолѣтней практикѣ, или доходное пасѣчное хозяйство. Ч. I. Природа пчелъ. 57 рис. Перев. съ польскаго. Ориг. Н. В. Любарскій. Изд. 2-е. Казань. 1899 г. Ц. 1 р.
- Шантели-де-ля-Соссей, Д. П.** Иллюстрированная исторія религій. Вып. VIII. М. 1898 г. Ц. по подпискѣ (за 10 вып.) 4 р.
- Шейнъ, П. В.** Сборникъ народныхъ дѣтскихъ пѣсенъ, игръ и загадокъ. М. 1898 г. Ц. 25 к.
- Шелли.** Сочиненія. Перев. съ англ. К. Д. Бальмонта. Вып. 6. Освобожденный Прометей. Лирич. драма. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Шляпкинъ, И. А.** 1799—1898 г. Къ біографіи А. С. Пушкина (малозвѣстныхъ и не извѣстныхъ документальныхъ данныхъ). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Шопенгауэръ, Артуръ,** О геніи. Переводъ В. М. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Шуфъ, Владиміръ.** Крымскія стихотворенія. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Щегловъ, Иванъ** ¹⁾. Милліонъ терзаній,— юмористическій романъ. Дачный мужъ.— юмористическіе очерки. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Энгельсъ, Дор.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. Перев. П. Бошнякъ, подъ редакціей Н. Спиридонова. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Юбилейный Альбомъ** журнала «Резвлеченіе» (XI). М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Я. П.** Стихотворенія. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Яхонтовъ, Александръ.** Житія святыхъ, какъ образовательно-воспитательное средство, и ихъ значеніе для русской школы съ древнихъ временъ. Симбирскъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ-Давыдовъ, А. А.** Шуркина затѣя и другіе рассказы; сказки и стихотворенія. М. 1899 г. Ц. 60 к.

¹⁾ Изданіи А. С. Суворина.

Томики „Дешёвой Библиотеки“ А. С. Суворина,

внесенныя въ «Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія. Изд. 2-е 1896 г. и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.»

- 45 и 46. Карамзинъ, Н. М. Письма русскаго путешественника. Со статьею О. И. Буслаява, съ портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.
16. — Великій князь Димитрій Иоанновичъ, прозваніемъ Донской. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.
17. — Царствованіе Феодора Иоанновича. — Правленіе Бориса Годунова. — Убіеніе царевича Димитрія. — Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
20. — Царствованія Бориса Феодоровича и Лжедимитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.
24. — Царствованіе Василія Иоанновича Шуйскаго и междоусловіе. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 72а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.
- 72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 77а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
- 77б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
- 70а и 70б. Нвитна-Основаенно, Гр. О. Панъ Халаявскій. Изд. 2-е. Ц. за двѣ части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ переплетѣ 75 к.
79. Нозловъ, И. Три поэмы: Чернецъ. — Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая. — Безумная. Съ биографіей и портрет. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.
239. Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ биографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплетѣ 25 к.
- То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слоновой бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к. и 300 экз. на веленовой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.
149. Корнель, П. Горацій. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 27 к.
222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
28. Мохановская. Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.
29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.
318. Крыловъ, Васни. Полное собраніе. Съ биографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.
7. Исавье-де-Местръ. Параша-Сибирячка. Рассказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
9. Кунольничъ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 1-я (Асдотья Лихончиха. — Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленев. бум. 30 к.
10. — То же. Кн. 2-я (I. Сказаніе о снѣжизеленомъ сукнѣ. — II. Часовой). Съ портретомъ князя И. О. Долгорукова. Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.
11. — То же. Кн. 3-я (Позументы. — Новый годъ). Съ гравюрой: солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.
14. — То же. Кн. 4-я (Чернышевскій миръ. — Осталъ и Ульяна. — Старый хламъ). Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленовой бумагѣ 30 коп.
18. — То же. Кн. 5-я (Запорожцы. Историческая быль времени Екатерины Великой). Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
33. — То же. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно. — Вольный гетманъ папъ Савва. — Староста Меланья). Изданіе 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.
100. Ламартинъ, А. Иоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
6. Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и биограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.

183. Марш Аврелий Антонинъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.
19. Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ). Ама-лагъ-бекъ. Кавказская быль. Съ портрет. автора. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
21. — Страшное гаданье. — Два вечера на бивуакѣ. — Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
22. — Мулла-Нуръ. Быль. Изд. 3-е. Цѣна 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
23. — Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ. — Красное покрывало. — Ночь на кораблѣ. — Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
25. — Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
26. — Мореходъ Никитинъ. — Романъ и Ольга. — Замокъ Эвзентъ. — Шахъ Гуссейвъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.
32. — Наѣзды. Повѣсть 1613 г. — Измѣнникъ. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
74. — Лейтенантъ Бѣлосоръ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.
75. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.
4. Мерзляновъ и Цыгановъ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обонхъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга 1-я, части 1-я, 2-я и 3-я. 2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я. 3. — Три мушкетера. Ром. Книга 1-я. 4. — То же. Книга II-я. 5. Бальзакъ. Шагренавая кожа. Романъ. 6. Прэво, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гриэ. Ром. 7. Крэмъ, А. Д. Эмилій. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Переводъ съ англійскаго. 8. Мингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старой личиною. Романъ. Томъ I-й. 9. — То же. Томъ II. 10. Жюль-Зандъ. Орасъ. Романъ. 11. Мериме, П. Жаверія. Сцены изъ феодальныхъ временъ. 12 и 13. Динненсъ, Ч. Лавка древностей. Ром. 14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром. 15. Басанинъ, Марш. Клубъ козицкаго дворянства. Романъ. 16. Фильдингъ. Исторія Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й. 17. — То же. Томъ II-й. 18. — То же. Томъ III-й. 19. Ясинскій, Іер. Старый другъ. Романъ. 20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й. 21. — То же. Томъ II-й.	22. Золя, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром. 23. Бульверъ, Эдвардъ. лордъ Литтонъ. Последние дни Помпей. Ром. Томъ I-й. 24. — То же. Томъ II-й. 25. Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведенія Джоржа Вуллена. Томъ I-й. 26. — То же. Томъ II-й. 27. Сю, Евгений. Вѣчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й. 28. — То же. Томъ II-й. 29. — То же. Томъ III-й. 30. — То же. Томъ IV-й. 31. — То же. Томъ V-й. 32. Бальзакъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром. 33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Бовари. Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц. 35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М. 36. Ямушинъ, П. Великъ Богъ земли русскои и другіе разсказы. 37 и 38. Грандъ, Сара. Небесныя близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ. 39 и 40. Поэ, Эдгаръ. Необыкновенныя разсказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергія Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮНЬ, 1894 г.

	СТР.
I. Юрьева могила. XII—XXIV. (Продолженіе). И. И. Ясинскаго . . .	593
II. Воспоминанія М. Ф. Каменской . VIII. (Продолженіе)	621
III. Идеалы въ искусствѣ. И. Антокольскій . Р. И. Сементковскаго . .	634
IV. Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго . XXI—XXV. (Продолженіе)	650
Иллюстраціи: Портретъ Петра Андреевича Каратыгина.	
V. Въ верховьяхъ Волги. (Путевые наброски). XII—XV. (Окончаніе). И. Ф. Тюменева	679
Иллюстраціи 1) Житный монастырь близъ Осташкова: общій видъ монастыря со стороны города и св. ворота. — 2) Селижаровскій посадъ со стороны Осташкова. — 3) Слияніе Волги съ Селижаровкою. — 4) Свято-Троицкій монастырь въ Селижаровскомъ посадѣ. — 5) Волга у деревни Кривцовы дворы. — 6) Городъ Ржевъ: а) князь-Федоровская сторона съ соборомъ. б) часть князь-Дмитровской стороны съ церковью Владимирской Божіей Матери, в) церковь св. Николая на князь-Федоровской сторонѣ. — 7) Старинный уголокъ въ городѣ Ржевѣ на князь-Дмитровской сторонѣ. — 8) Изображеніе преподобнаго Діонисія, архимандрита Троице-Сергіевой лавры.	
VI. Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства (1846—1848 гг.). По архивнымъ источникамъ. I—II. И. Г. Попруженко	708
VII. Воспоминанія о польскомъ восстаніи 1860—1864 годовъ. (Окончаніе). IV. Сероцкій отрядъ въ 1863—1864 годахъ. В. Щ. В.	725
VIII. Русскіе Кортцы. С. А. Адрианова	752
IX. Противникъ Петра Великаго въ Турціи. (Русскіе на Прутѣ). А. Н. Петрова	771
X. Изъ исторіи сектантства. И. Л. Юдина	791
XI. Еще одна попытка по исторіи русской архитектуры. П. Н. Полеваго	807
XII. Дневникъ принцессы Алисы. И. В. Т.	814
XIII. Критика и библиографія	830

1) Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова. Въ четырехъ частяхъ, съ 13-ю снимками. Составилъ архимандритъ Леонидъ. Москва. 1893—1894. Е. П. — 2) Д-ръ А. Елифеевъ. «По бѣлу свѣту». (Очерки и картинки изъ путешествій). Сиб. 1893. **Н. В. Соронина**. — 3) Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1892—1893 гг Сиб. 1894. **И. Р. Л.** — 4) **И. Бракенгеймеръ**. 'Αλεξάνδρου Κορυνηοῦ ποιήματα παραμετιχόν въ сравненіи съ русскимъ Домостроемъ. Одесса. 1893. **В. Б.** — 5) Историческій очеркъ Свято-Троицкой

См. слѣд. стр.

общины сестер милосердія въ С.-Петербургѣ за пятидесятилѣтіе 1844—1894 гг. Спб. 1894. А. И. Фаресова.—6) Саратовскій историческій сборникъ, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссіей въ память трехсотлѣтія города Саратова. Первый томъ. Изданъ подъ редакціей дѣйствительнаго члена комиссіи В. П. Соколова. Саратовъ. 1893. В. Б.—7) Учебный историческій атласъ. Составилъ баронъ Н. Н. Торнау. Спб. 1894. В. Б.—8) Путеводитель по Волгѣ, Г. П. Демьянова. Изданіе 2-е. Нижній Новгородъ. 1894. С. Ш.

XIV. Историческія мелочи	843
1) Женщины-солдаты во время французской революціи. — 2) Наполеонъ, какъ двоженецъ и романтистъ.—3) Последняя любовь Гете.—4) Викторіевскій вѣкъ въ англійской литературѣ. — 5) Гейне и леди Дuffъ Гордонъ. — 6) Мемуары солдата-философа.—7) Нѣмцы въ роли цивилизаторовъ.	
XV. Заграничныя историческія новости	860
XVI. Смѣсь	868
1) Открытіе памятника императору Александру II въ Гельсингфорсѣ. — 2) Отчетъ Саратовскаго общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ съ 19 мая 1891 года по 22-е декабря 1893 года. — 3) Отчетъ Пензенской общественной имени М. Ю. Лермонтова бібліотеки за 1893 годъ.—4) Некрологи: Д. К. Лизандеръ; Э. О. Тютчева; Н. П. Соколовъ.	
XVII. Третейскій судъ по дѣлу профессора В. И. Модестова съ редакціей журнала «Сѣверный Вѣстникъ»	874
XVIII. Замятки и поправки	880
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) А. А. Нильскій въ роли Иоанна Грознаго.—2) Подъ тѣнью меча. (The Shadow of the Sword). Романъ изъ эпохи Наполеона I. Роберта Буканана. Переводъ съ англійскаго. XXXIX—XLVI. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1894 года).

	СТР.
Via facti. Историческій романъ (1771—1773 гг.). X—XI. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліса	5
Воспомяніа М. Ѳ. Каменской. VI—VIII. (Продолженіе). 18, 329, 621	
Ѳединька Донъ-Кихоть. Быль. Р. И. Сементковскаго	44, 355
Первые шаги. (Изъ воспомяній). А. В. Круглова.	84, 389
Воспомяніа артиста А. А. Нильскаго. XIV—XXV. Продолженіе)	108, 409, 650
Иллюстраціи: 1) Иванъ Ивановичъ Сосницкій.—2) Петръ Андреевичъ Каратыгинъ.	
Въ верховьяхъ Волги. (Путевые наброски). И. Ф. Тюмевна.	128, 485, 679.

Иллюстраціи: 1) Схематическій чертежъ мѣстности, занимаемой оз. Селигеромъ и его окрестностями.—2) Село Короцкое.—3) Село Полново: церковь и пристань на берегу Селигера.—4) На Селигерѣ: Полновское плесо, Сосница, Егорьевскій островокъ.—5) Кравотынское плесо.—6) Рѣзное изображеніе преподобнаго Нила Сорскаго.—7) Нилова пустынь (съ юго-восточной стороны).—8) Нилова пустынь: башня-маякъ и полуостровъ Свѣтица.—9) Икона XVII столѣтія съ изображеніемъ Ниловой пустыни между 1641—1648 годами.—10) Городъ Осташковъ.—11) Нилова пустынь съ сѣверо-западной стороны.—12) Николо-Рожковскій погостъ.—13) Первый мостъ черезъ Волгу.—Видъ съ моста внизъ по Волгѣ.—14) Часовня надъ истокомъ Волги и деревня Волговерховье.—15) Часовня на мѣстѣ упраздненнаго монастыря въ деревнѣ Волговерховьѣ.—16) Петропавловскій погостъ и Стерженскій крестъ.—17) Рѣка Руна недалеко отъ впаденія ея въ озеро Стержь.—18) Жытныи монастырь близъ Осташкова: общій видъ монастыря со стороны города и св. ворота.—19) Селижаровскій посадъ со стороны Осташкова.—20) Слияніе Волги съ Селижаровкою.—21) Свято-Троицкій монастырь въ Селижаровскомъ посадѣ.—22) Волга у деревни Кривцовы дворы.—23) Городъ Ржевъ: а) князь Ѳеодоровская сторона съ соборомъ, б) часть князь-Дмитровской стороны съ церковью Владимирской Божіей Матери, в) церковь св. Николая на князь-Ѳеодоровской сторонѣ.—24) Старинный уголокъ въ городѣ Ржевѣ на князь-Дмитровской сторонѣ.—25) Изображеніе преподобнаго Діонисія, архимандрита Троице-Сергіевой лавры.

Первыя русскія стальныя пушки. Исторія одного изобрѣтенія. П. П. Падучева.	161
Иллюстрація: Павелъ Матвѣевичъ Обуховъ.	
Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1860—1864 годовъ. I—IV. В. Щ. В.	184, 478, 725
Сенаторъ Н. П. Синельниковъ. (Биографическій очеркъ). П. П. Суворова.	203
Архіепископъ Иннокентій Херсонскій. (По воспоминаніямъ его келейника). Священника М. Попова.	221
Борьба за Балтійское побережье въ XVI вѣкѣ. А. Л.	229
Преемники Гладстона. В. Т.	237
Иллюстраціи: 1) Графъ Розбери.—2) Сэръ Вильямъ Гаркортъ.	
По поводу одной книги. Θ. Э. Ромера.	462
Русско-французскій союзъ при Екатеринѣ Второй. I—II. В. А. Тимирязева	499
Петръ Великій и князь Меншиковъ въ Гамбургѣ въ 1713 году. А. Г. Бригнера	517
При Николаѣ I и Фридрихъ-Вильгельмъ IV. В. Р. Зотова	523
По поводу Краковскихъ «юбилейныхъ» безпорядковъ. Н. Костромитинова.	538
Иллюстраціи: 1) Обученіе польскаго ополченія въ Галиціи. Съ картины польскаго художника Крушевскаго.—2) Походъ польскаго ополченія въ Россію. Съ картины того же художника.	
Идеалы въ искусствѣ. І. Антокольскій. Р. И. Сементковскаго. Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства (1846—1848 гг.). По архивнымъ источникамъ. I—II. И. Г. Попруженко.	634
Русскіе Кортецы. С. А. Адрианова	708
Противникъ Петра Великаго въ Турціи. (Русскіе на Прутѣ). А. Н. Петрова	752
Изъ исторіи сектантства. П. Л. Юдина	771
Еще одна попытка по исторіи русской архитектуры. П. Н. Полеваго.	791
Дневникъ принцессы Алисы. І. В. Т.	807
	814

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

- 1) Полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера (А. Михайлова). Томъ I. Спб. 1894. А. И. Фаресова.—2) Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ III. 1704—1705 гг. Спб. 1894. С. Ш.—3) Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній. Томъ второй. Спб. 1894. Р. С.—4) Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края. Съ 35 таблицами и 11 снимками картъ. Астрахань 1893. И. О.—5) Н. П. Боголюбовъ. Графъ Моритц Бенъовскій. Историческая быль. Москва. 1894. С. Ш.—6) Л. М. Савеловъ. Опытъ библиографическаго указателя по исторіи и генеалогіи російскаго дворянства. Москва. 1893. В. Б.—7) О положеніи ученыхъ въ правленіе Домиціана. Повѣсть въ стихахъ римской поэтессы Сульпиціи. (Введеніе, текстъ, переводъ и примѣчанія). Составилъ П. Черняевъ. Казань. 1893. А. М.—8) Я. Амосъ Коменскій. Великая дидактика. Черевель съ латинскаго А. Щепинскій. Спб. 1893. С. Т.—9) А. А. Титовъ. Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости. Неоф-

фіціальна часть. Списокъ и указатель статей, помѣщенныхъ въ Вѣдомостяхъ за все время ихъ существованія 1860—1892 гг. Сергіевъ Посадъ. 1893. В. Б.—10) Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка. Томы I, II и III. Составилъ В. Потто, при участіи въ сборѣ матеріаловъ князя В. П. Долгорукова. Спб. 1894. В. П.—11) Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 г. съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Главные періоды европейской исторіи. Шесть лекцій 1885 года. Съ приложеніемъ статьи о греческихъ городахъ подъ римскимъ управленіемъ. Профессора Эд. Фримана. Переводъ П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1893. А. Л—на.—12) Свои-чужіе. Романъ А. В. Круглова. Изданіе Г. Ф. Югансона. Кіевъ. 1893. В. С.—13) Историческія статьи П. В. Безобразова. Выпускъ первый. Москва. 1893. С. А—ва.—14) П. Г. Мижуевъ. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Изданіе журнала «Русская Школа». Спб. 1893. Н. О.—15) Н. Н. Оглоблинъ. Библіотека сибирскаго митрополита Игнатія 1700 г. Спб. 1893. С. А—ва.—16) Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова. Въ четырехъ частяхъ, съ 13-ю снимками. Составилъ архимандритъ Леонидъ. Москва. 1893—1894. Е. П.—17) Д-ръ А. Елисеѣвъ. «По бѣлу свѣту». (Очерки и картинки изъ путешествій). Спб. 1893. Н. Соронина.—18) Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1892—1893 гг. Спб. 1894. К. Р. Л.—19) П. Бракенгеймеръ. *Αλεξιοῦ Κορνιουοῦ ποιήμα παραχρησίων* въ сравненіи съ русскимъ Домостроемъ. Одесса. 1893. В. Б.—20) Историческій очеркъ Свято-Троицкой общины сестеръ милосердія въ С.-Петербургѣ за пятидесятилѣтіе 1844—1894 гг. Спб. 1894. А. И. Фарсова.—21) Саратовскій сборникъ, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссіей въ память трехсотлѣтія города Саратова. Первый томъ. Изданъ подъ редакціей дѣйствительнаго члена комиссіи В. П. Соколова. Саратовъ. 1893. В. Б.—22) Учебный историческій атласъ. Составилъ баронъ Н. Н. Торнау. Спб. 1894. В. Б.—23) Путеводитель по Волгѣ, Г. П. Демьянова. Изданіе 2-е. Нижній Новгородъ. 1894 г. ш. 258, 542, 830

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

1) Филонъ Александрійскій. — 2) Откуда пришли американскіе индѣйцы? — 3) Политическія отравленія въ Венеціанской республикѣ. — 4) Старческая любовь герцога Веллингтона. — 5) Первый бракъ Альфонса XII. — 6) Древнѣйшій англійскій родъ и его жилище. — 7) Пятисотлѣтній юбилей Генриха Мореплавателя. — 8) Смерть Кошута. — 9) Археологическія открытія. — 10) Канонизація Іоанны д'Аркъ. — 11) Иезуиты. — 12) Наполеоніана. — 13) Воспоминанія французскаго романиста и американки о Декабрьской имперіи. — 14) Женщины-солдаты во время французской революціи. — 15) Наполеонъ, какъ двоеженецъ и романистъ. — 16) Последняя любовь Гете. — 17) Викторіевскій вѣкъ въ англійской литературѣ. — 18) Гейне и леди Дuffъ Гордонъ. — 19) Мемуары солдата-философа. — 20) Нѣмцы въ роли цивилизаторовъ 273, 552, 843

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ 290, 570, 860

СМѢСЬ:

1) Семидесятипятилѣтіе Петербургскаго университета. — 2) Домикъ Петра Великаго въ Борисовкѣ. — 3) Историческое общество. — 4) Столѣтняя годовщина рожденія И. И. Сосницкаго. —

5) Пятидесятилѣтній юбилей Д. А. Ровинскаго. — 6) Полувѣковой юбилей Г. П. Ткачева. — 7) Юбилей А. М. Скабичевскаго. — 8) Характеристика Ивана Грознаго у русскихъ историковъ. — 9) Археологическая коммисія. — 10) Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ городѣ Омскѣ за 1893 г. — 11) Отчетъ по управленію Домомъ трудолюбія въ Нижнемъ Новгородѣ, съ 22 юлія 1893 г. по 1 января 1894 г. — 12) Открытіе памятника Императору Александрѣ II въ Гельсингфорсѣ. — 13) Отчетъ Саратовскаго общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ съ 19 мая 1891 года по 22 декабря 1893 года. — 14) Отчетъ Пензенской общественной имени М. Ю. Лѣрмонтова библиотеки за 1893 годъ. — 15) Некрологи: Ф. М. Дмитріевъ; П. Я. Левенсонъ; Е. К. Альбрехтъ; И. А. Шмаковъ; А. И. Лаврентьевъ; А. Ф. Свѣчинъ; В. К. Надлеръ; П. Н. Яблочковъ; Д. К. Лизандеръ; Э. Ф. Тютчева; Н. И. Соколовъ 298, 581, 868

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) Къ біографіи пѣвца Саріоти. Н. Арнольди. — 2) Маленькое объясненіе. С. Н. Шубинскаго. — 3) Поправка къ біографіи Саріоти В. А. Васильева. — 4) Отъ Редакціи 304, 590, 880

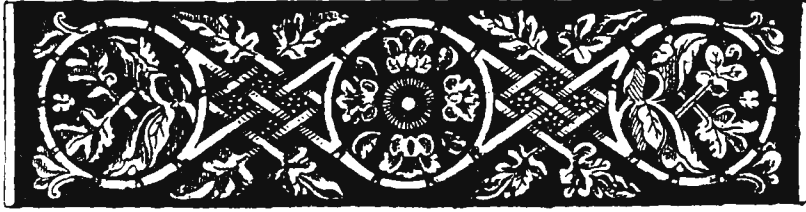
Третейскій судъ по дѣлу профессора В. И. Модестова съ редакціей журнала «Сѣверный Вѣстникъ» 874

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты Н. П. Синельникова, графа Сегюра и А. А. Нильскаго въ роли Іоанна Грознаго. 2) Подъ тѣнью меча. (The Shadow of the Sword). Романъ изъ эпохи Наполеона I. Роберта Буканана. Переводъ съ англійскаго. XXI — XLVI. (Продолженіе). 3) Объявленія книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

А. А. НИЛЬСКІЙ въ роли Іоанна Грознаго.

ДОВ. ЦЕНЗ. СПБ., 27 мая 1894 г.

ЮРЬЕВА МОГИЛА ¹⁾.

ПОЧТИ СОВСѢМЪ стемнѣло, когда Кондратій Захарычъ, прійдя по обыкновенію посидѣть съ трубкой на крылечко, увидѣлъ, робко появившуюся во дворѣ, чью-то тѣнь. Собаки съ отчаяннымъ лаемъ кинулись на тѣнь, а она стала присѣдаться и наконецъ закричала благимъ матомъ, стуча по землѣ палкой, какъ молотильнымъ цѣпомъ. Кондратій Захарычъ отозвалъ собакъ и громко спросилъ:

— А кто тамъ?

— Нохимъ!

— Иди, не бойся. Съ чѣмъ пришелъ?

Еврей сталъ переходить дворъ, опасливо оглядываясь направо и налево и, при малѣйшемъ ворчаніи псовъ, лихорадочно опускаясь на землю.

— Говорю, не бойся!

Нохимъ приблизился къ особѣ пана и снялъ картузь.

— Принесъ?

— Такъ есть.

— Но если не всё принесъ, собаками затравлю, смотри!

Нохимъ съежился и произнесъ:

— Только половину!?

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVІ стр 305.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1894 г., т. LVІ.

Кондратій Захарычъ сдѣлалъ гримасу и почесалъ въ затылкѣ.

— А ну! Эй ты! Гаршинка! А позови Павла Иваныча!

Еврей съ недоумѣніемъ отправилъ руку въ боковой карманъ за деньгами. Бѣлая борода его острымъ клиномъ выдѣлялась на черномъ ластику его кафтана и слегка дрожала.

— Собаками травить не стану, Богъ съ тобой,—пояснилъ Кондратій Захарычъ,—а я хочу показать тебя профессору.

— Можно поздравлять васъ съ будущимъ зятемъ?

Кондратій Захарычъ махнулъ рукой.

— Порода жидкая.

— А, что жидкая порода! Псс!.. Что значить наше паршивое тѣло? Мы все равно что моль: сегодня живемъ, а завтра гніемъ. Остаются только дѣла наши!

— Павелъ Иванычъ!—принимая отъ еврея деньги, обратился Кондратій Захарычъ къ молодому человѣку, подошедшему вмѣстѣ съ Еленой.

— Рекомендую—Нохимъ Волькенманъ изъ Глубокой... За Каменнымъ Бродомъ есть такая еврейская земледѣльческая колонія. Хозяинъ онъ плохой: не сѣетъ и не жнетъ, а сдаетъ свою землю въ аренду крестьянамъ, самъ же покупаетъ хлѣбъ, когда понадобится, у меня, какъ и всѣ колонисты. Я какъ-то былъ въ его хатѣ. Среди жидовъ онъ большимъ авторитетомъ пользуется.

Пока Кондратій Захарычъ говорилъ, Нохимъ, скромно улыбаясь, кланялся.

— Очень пріятно,—сказалъ ученый.—Вы давно живете въ Глубокой?

— Съ 1848 года; а самъ я витебскій. Мнѣ было всего пятнадцать лѣтъ, и я тогда только что женился... Ахъ, давнія времена!

— Отчего же вы не занимаетесь земледѣліемъ?

— Оттого, что я преподаю еврейскую грамоту. Чтобъ вы знали, я меламедъ.

— А! Много же у васъ настоящихъ хозяевъ?

— Правду сказать, зажиточныхъ хозяевъ всего три человѣка. Но они живутъ оборотомъ—арендуютъ запасный участокъ и занимаютъ у бѣдняковъ землю по пяти рублей, а берутъ по десяти и по пятнадцати. Прости имъ, Богъ!

— Остальные какъ же... бѣдствуютъ?

— Бѣдствуютъ. Они занимаются переплетнымъ ремесломъ.

— Кому-жъ они переплетаютъ?

Нохимъ чмокнулъ губами и вздохнулъ.

— Никому. Я тоже числюсь переплетчикомъ.

— Бѣдная колонія, не приведи, Богъ!—сказалъ Кондратій Захарычъ.—Вонъ, рвань и голь. Но золото любятъ.

— Золото надо собирать,—печально и съ убѣжденіемъ произнесъ меламедъ.

— Почему же надо!—спросила Елена Кондратьевна.—Папаша, можно ему състь?

— Садись, Нохимъ.

— Благодарю васъ.

Еврей сълъ и началъ:

— Когда евреи соберутъ столько золота, что будетъ величиною, какъ Сионъ, то наши князья сдѣлаютъ изъ него одинъ скипертъ—большой рогъ съ цвѣтами—и начнется владычество Израиля.

— Откуда вы вычитали?

— Слыхали вы про еврейскій всемирный союзъ?—простоудушно спросилъ Нохимъ.

— Конечно.

— Въ нашу колонію тоже пришла бумага отъ господина Цеви Гирша Калишера. Онъ германскій докторъ.

— Я встрѣчалъ имя Калишера и знаю его брошюру.

— Знаете!?—радостно вскричалъ Нохимъ. Картузь его съѣхалъ на затылокъ, и онъ заговорилъ:

— Но развѣ у насъ мало другихъ знаменитыхъ умовъ въ Вильнѣ, въ Минскѣ, въ Одессѣ, въ Кіевѣ, въ Санктъ-Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Ковно, въ Динабургѣ и въ Новоалександровскѣ? А сколько великихъ умовъ за границей? А чего стоитъ баронъ Ротшильдъ? А графъ Биконсфильдъ, который, къ сожалѣнію, уже покойникъ? А докторъ Лива, который извѣстенъ въ Англии? А парижскій раввинъ Альбертъ Конъ? А господинъ Страшунъ, который есть настоящій виленскій аристократъ и знаетъ талмудъ, какъ вы самого себя? А отчего же мы не упомянули о Монтефіори? А Моисей Арансонъ, который живетъ себѣ въ Америкѣ? Великій Богъ! А баронъ Гиршъ? Что-жъ они всѣ думаютъ и чего они требуютъ отъ братьевъ своихъ? Они утверждаютъ, что не силою мы построимъ наши дома рядомъ съ домами замѣчательныхъ европейскихъ государей, а процвѣтающимъ золотымъ рогомъ!

— Ничего не понимаю,—сказалъ Кондратій Захаровичъ.—Золотой рогъ—жезлъ, что ли? Такъ вѣдь у Аарона онъ былъ миндальный. Развѣ что у современныхъ жидовъ и золото забутонится! анаемы! (Прости, Нохимъ, къ тебѣ не относится).

— Ругайтесь на здоровье. Мы знаемъ, что вы добрый панъ!

— Ахъ, шутъ гороховый! Не правда ли, интересный жидъ? Онъ намъ всѣ жидовскіе секреты выложить. О всемирномъ союзѣ жида скрываютъ.

— Глупо скрывать,—отвѣчалъ Нохимъ презрительно.—Теперь уже, слава Богу, не тѣ времена, чтобы скрывать. У насъ столько хабуръ, сколько у пана черныхъ волосъ на головѣ. Хабура все равно, что братство. Хабура ссудная, хабура мимодотъ—для чтенія молитвъ, хабура для пробужденія дремающихъ еврейскихъ личностей... за-былъ больше.

- И ты, Нохимъ, къ какойнибудь хабурѣ принадлежишь?
- И я.
- Къ какой же хабурѣ?
- Къ непогасимой лампадкѣ: чтобъ въ синагогѣ всегда лампадка горѣла, за этимъ надо смотрѣть.
- Такъ что у тебя нѣтъ секретовъ отъ насъ?
- Хе! Секреты! Тотъ не желаетъ добра евреямъ, кто скажетъ, что у нихъ есть секреты.
- А человѣческую кровь евреи употребляютъ?
- До свиданія вамъ,—упавшимъ голосомъ сказалъ меламедъ.
- Куда же ты? Отвѣтъ на вопросъ!
- Зачѣмъ отвѣчать, когда я не знаю что. Я слыхалъ, что есть такіе русскіе... Только ихъ за это не хвалятъ и называютъ раскольниками. А у евреевъ нѣтъ подобныхъ мерзавцевъ.
- Постой, Нохимъ... Съ какой же стати молва идетъ?
- Сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ уходить, — взмолился еврей.—Пускай дѣвочка проводить меня отъ собакъ. Будьте великодушны, отпустите. Я очень разстроены, я сдѣлался боленъ отъ того страха, который я испытывалъ.
- Отпустите его, папаша,—сказала Елена Кондратьевна.—Мы къ вамъ прїѣдемъ, Нохимъ, въ Глубокую. Мнѣ хочется посмотреть на вашихъ дочерей.
- Просимъ!—подобострастно отвѣчалъ Нохимъ, извиваясь.—Для меня будетъ большого счастья ваше посѣщеніе. На этомъ прощайте, сдѣлайте милость.

Гарпинка проводила еврея, и вскорѣ онъ исчезъ въ темнотѣ.

XIII.

- Вы обидѣли Нохима,—сказала Елена Кондратьевна, садясь возлѣ отца.—Я должна была поправить впечатлѣніе любезностью.
- Пустяки! Мой дѣдъ, бывало, призоветъ жидовъ, дастъ по червонцу и склеитъ имъ бороды расплавленной смолой. Терпѣли. А скажите, Павелъ Ивановичъ, неужели же наука отрицаетъ, что евреи употребляютъ христіанскую кровь для религіозныхъ цѣлей своихъ?

Павелъ Ивановичъ подумалъ и осторожно сказалъ:

- Было время, когда у евреевъ существовали человѣческія жертвоприношенія. Обрѣзаніе представляетъ собою слѣдъ древняго кроваваго обычая. Во время исхода израильтянъ изъ Египта были истреблены первенцы у притѣснителей избраннаго народа. Возможно, что среди евреевъ есть послѣдователи фанатической старины—какаянибудь секта въ родѣ нашей хлыстовщины, имѣющей отдаленную связь съ жидовствомъ, которое, въ формѣ антитрини-

таріанства, одно время сильно волновало южную Россію и Польшу. Но это только гипотеза. Какъ-то невольно цѣпенѣтъ языкъ, когда поднимается вопросъ объ употребленіи евреями человѣческой крови. Дышитъ чѣмъ-то средневѣковымъ и варварскимъ отъ такихъ разговоровъ. Мы вооружаемся противъ тѣхъ ученыхъ, которые не только тенденціозно, а совершенно безпристрастно рѣшились бы приподнять завѣсу съ тайнъ еврейскаго быта и еврейскихъ религіозныхъ воззрѣній. Мы бессознательно помогаемъ еврейству преслѣдовать его враговъ, причисляя къ нимъ нерѣдко и нашихъ собственныхъ друзей. Лично я, на примѣръ, не вѣрю въ то, чтобъ евреи употребляли христіанскую кровь. Но я помню одинъ разговоръ свой съ покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ. Онъ находилъ, что есть много историческихъ фактовъ, и даже почти современныхъ намъ, которыхъ нельзя опровергнуть.

— А какіе же факты?—спросилъ Кондратій Захарычъ.

Подожель Николай Кондратьевичъ. Онъ молча облокотился о перила и сталъ слушать. Выраженія его лица нельзя было видѣть; но Павелъ Иванычъ почувствовалъ, какъ по тѣлу его пробѣжала странная дрожь физическаго отвращенія къ этому человѣку. Ему было уже извѣстно, что Николай Кондратьевичъ большой сторонникъ евреевъ. Можетъ быть, онъ ограничился бы указаніемъ на нѣсколько фактовъ. Но теперь ему захотѣлось выдвинуть всѣ невыгодныя для евреевъ данныя, начиная отъ самой глубокой древности и кончая новѣйшими временами, воскресивъ въ своей памяти даже средневѣковые процессы, когда никто не сомнѣвался въ способности жидовъ пить кровь христіанскихъ младенцевъ.

XIV.

Профессоръ ровнымъ голосомъ началъ, словно онъ читалъ лекцію въ аудиторіи по готовой тетрадкѣ:

— Литература этого вопроса обширна. Если бы была подъ рукой моя бібліотека, я могъ бы привести цѣлый списокъ сочиненій. Въ пятомъ вѣкѣ въ Сиріи, не помню, въ какомъ городкѣ, было казнено за распинаніе дѣтей нѣсколько евреевъ. Въ XI въ Прагѣ шесть евреевъ были зашты въ мѣшкахъ и утоплены за то, что искололи младенца иголками. Тогда же были обнаружены еще подобныя случаи во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, въ Швейцаріи и въ другихъ странахъ. Такихъ случаевъ можно насчитать десятки. По свидѣтельству хроникъ того времени, евреи убивали дѣтей, но не пренебрегали и взрослыми молодыми людьми и дѣвущками. Замѣчательный процессъ былъ въ 1420 году въ Вѣнѣ. Расправы съ евреями, употреблявшими христіанскую кровь для религіозныхъ цѣлей, были иногда ужасны. Такъ, нѣсколько лѣтъ спу-

стя въ Вѣнѣ же было сожжено триста евреевъ за умерщвленіе троихъ дѣтей. Религіозныя преступленія евреевъ освѣщались зловѣщимъ свѣтомъ нерѣдко благодаря самимъ же ихъ единовѣрцамъ. Принявъ крещеніе, раввины обличали передъ судомъ своихъ братьевъ. Странна типичность убійствъ: кровь выпущена, тѣло исколото, трупъ выброшенъ куда нибудь за городъ, въ лѣсъ. Такъ за границей, такъ и въ Польшѣ, и въ Малороссіи. Не надо забывать, что въ Западной Европѣ евреевъ ненавидѣли, но въ Польшѣ ихъ не только терпѣли, а всячески имъ покровительствовали. Польша была ихъ новой Палестиной, Краковъ ихъ новымъ Іерусалимомъ. Въ Польшѣ былъ свой еврейскій синодъ, постановленія котораго уважались свѣтскими властями. Талмудисты написали въ Польшѣ самыя смѣлыя свои сочиненія. Казалось бы, если обвиненія евреевъ въ убійствахъ христіанскихъ дѣтей были слѣдствіемъ религіозной и національной ненависти къ евреямъ, меньше всего они могли возникать въ Польшѣ. Но исторія говоритъ противное. Въ Краковѣ при королѣ Ягеллѣ были опустошены еврейскіе дома, и всѣ евреи выгнаны изъ города за надругательство надъ христіанскимъ ребенкомъ. Хотя по поводу таинственнаго убійства ребенка въ Бѣльскѣ король Сигизмундъ нашель, что нелѣпо обвинять евреевъ въ употребленіи христіанской крови, оправдалъ предполагаемыхъ убійцъ и объявилъ, что на будущее время онъ самъ станетъ вѣдать этого рода дѣла, но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ принужденъ былъ, однако, казнить смертью евреевъ за то, что они замучили въ Вильнѣ пятерыхъ дѣтей. Черезъ годъ загорѣлся новый процессъ—евреи замучили подъ Шидловцемъ троихъ младенцевъ. Въ Красноставцахъ они выпустили кровь изъ студента. Въ томъ же Шидловцѣ кровью замученнаго христіанскаго ребенка была окроплена еврейская школа. Въ 1598 году снова убиты евреями три младенца. Преступники судились въ люблинскомъ трибуналѣ. Мальчикъ былъ найденъ въ лѣсу, весь исколотый, словно искусанный пчелами. На слѣдствіи было обнаружено, что хоронить свои жертвы евреямъ нельзя—обрядъ требуетъ бросать ихъ, какъ собакъ. Снова въ Шидловцѣ въ 1610 году евреи были схвачены въ ту самую минуту, когда они истязали ребенка. Ихъ четверговали, а тѣло мученика было выставлено въ часовнѣ. Я пропускаю множество фактовъ, которые всѣ похожи одинъ на другой. Именно нигдѣ такъ много не поднималось дѣлъ по обвиненію евреевъ въ страшныхъ религіозныхъ преступленіяхъ, какъ въ Польшѣ, которая самими евреями называлась «жидовскимъ раемъ». Въ годъ возстанія Богдана Хмельницкаго въ Иванишкахъ евреи замучили и искололи ребенка, а раны его залили воскомъ. Близъ Слупска есть Свято-троицкій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи младенца Гавріила, замученнаго евреями. Это было приблизительно въ то время, какъ подъ Черниговомъ, по розысканіямъ Костомарова, были вытянуты евреями жилы изъ студента Кіевской духовной академіи за то,

что онъ въ спорѣ о талмудѣ побѣдилъ раввина, и можно было ожидать, что онъ будетъ великимъ обличителемъ и гонителемъ еврейства. Почти тогда же въ Вильнѣ были казнены евреи за мученическое убійство нѣсколькихъ младенцевъ. Въ 1753 году евреи убили въ Житомирѣ трехлѣтняго мальчика Стефана Студзинскаго. Сначала они накормили его хлѣбомъ, размоченнымъ въ крѣпкомъ сладкомъ медѣ, отчего ребенокъ заснулъ. Потомъ зажали ему клещами ротъ и, держа надъ лоханью, истыкали иглами. Ихъ казнили. Раввину Полоцкому и пяти другимъ евреямъ, обмотавъ смолистой пенькой, сожгли руки подъ висѣлицей, вырѣзали по три ремня изъ спины и всѣхъ четвертовали. Съ прекращеніемъ политической самобытности Польши, почти всѣ дѣла, возбуждавшіяся противъ евреевъ по обвиненію ихъ въ обрядовомъ пролитіи христіанской крови, стали прекращаться. Въ 1817 году послѣдовало высочайшее повелѣніе, запрещающее даже принимать подобныя подозрѣнія на евреевъ. Тѣмъ не менѣе, дѣла, хотя и прекращавшіяся, постоянно возникали. Въ 1850 году между кавказскимъ намѣстникомъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Воронцовымъ, и извѣстнымъ филантопомъ Монтефіори происходила переписка по поводу того, что въ Сурамѣ недалеко отъ Тифлиса евреи истязали ребенка и трупъ его бросили въ лѣсу. Монтефіори утверждалъ, что ребенокъ былъ закусанъ пчелами. Воронцовъ старался угодить просвѣщенному европейцу, потому что и самъ былъ просвѣщенный человѣкъ, и освободилъ обвиняемыхъ, отдавъ ихъ на поруки. Но онъ удостовѣрился въ дѣйствительности убійства, и всѣ евреи были осуждены и сосланы, а также отдана подъ судъ и первоначальная врачебная комиссія, тенденціозно смѣшавшая въ пользу убійцъ уколы пчелинымъ жаломъ съ надрѣзами острымъ ножомъ. Въ Саратовѣ въ 1853 году были зарѣзаны евреями два мальчика. Трупы ихъ были найдены съ явными признаками истязанія и совершеннаго надъ ними обрѣзанія. Евреи были осуждены и сосланы на каторжныя работы только въ 1868 году, черезъ пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ тянулось дѣло. Такимъ образомъ, русская судебная практика, не смотря на все свое отвращеніе къ обвиненію евреевъ въ религиозныхъ преступленіяхъ, должна была дважды пойти противъ своего принципа. Конечно, все болѣе и болѣе распространяющаяся мягкость нравовъ, съ одной стороны, должна неотразимо вліять на отношеніе наше къ еврейскому міросозерцанію; а съ другой, подъ вліяніемъ той же причины, должно видоизмѣняться въ благопріятномъ смыслѣ само еврейское міросозерцаніе. Если существуетъ до сихъ поръ кровавая еврейская секта, то сами евреи, не принадлежащіе къ ней, всячески, вѣроятно, стараются задушить ее. Можетъ быть, съ этой цѣлью они такъ упорно молчатъ о ней и даже отрицаютъ ея существованіе. Къ тому же, историческимъ опытомъ они могли прійти къ заключенію, что за злодѣяніе двухъ-

трехъ евреевъ всегда страдали еврейскія массы, не имѣвшія съ преступниками ничего общаго. Какъ бы то ни было, а все, что я сказалъ, не выдуманно мною. Особенныхъ положительныхъ выводовъ изъ изложенныхъ мною фактовъ я не намѣренъ дѣлать. Но ихъ нельзя игнорировать, разъ зашла у насъ рѣчь объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей. Исторія ничего не забываетъ, хотя все прощаетъ. Кажется, вы, Николай Кондратьевичъ, выражаете нетерпѣніе и нѣсколько разъ порывались меня прервать. Возражайте мнѣ, если можете — факты останутся фактами. Въ средніе вѣка много было нещастей съ нашей точки зрѣнія. Можно допустить, что пролитіе евреями христіанской крови не обуславливалось религіозными цѣлями. Но, въ такомъ случаѣ, всѣ эти безчисленные младенцы—я назвалъ только нѣкоторыхъ— были замучены безцѣльно? Но и безцѣльные истязанія дѣтей, совершаемыя кѣмъ либо, тоже должны быть объяснены... Не объясните ли вы ихъ особаго рода помѣшательствомъ?

XV.

— Я не знаю такъ хорошо исторіи... Я даже совсѣмъ не знаю... Но все же я кое-что читалъ, а главное, думалъ надъ тѣмъ, о чемъ вы сейчасъ такъ авторитетно бесѣдовали, и докажу вамъ, что вы, подъ видомъ безпристрастія или же по односторонности, то-есть безъ злого умысла, умолчали объ очень важномъ!—горячо сказалъ Николай Кондратьевичъ.

— Послушай, Николай,—наложивъ и закуривъ новую трубку, замѣтилъ Кондратій Захарычъ:—не забудь, что ты имѣешь передъ собой специалиста, котораго я, ей-Богу, вотъ какъ сталъ уважать... Этакая память! Въ естественныхъ наукахъ ты собаку съѣлъ, но что ты можешь смыслить въ жидахъ? А меня только сконфузишь, когда Павелъ Иванычъ тебя хорошенько побьетъ.

— Ничего!

— Говори. Можетъ, и ты, Лелька, что нибудь ляпнешь? Форменный диспутъ!

— Папаша, не мѣшайте... Что же пропущено Павломъ Иванычемъ?—спросила Елена.

— Я не съ тобой... Много ты смылишь!—рѣзко оборвалъ сестру Николай Кондратьевичъ. А почему, Павелъ Иванычъ, вы ни словомъ не обмолвились объ іезуитахъ? — какъ-то странно возвысивъ голосъ и наступая на профессора, началъ молодой человѣкъ.— Іезуиты поднимали въ Европѣ всѣ эти мерзкія дѣла противъ евреевъ вплоть до закрытія ордена! До тѣхъ поръ, пока іезуитовъ не было въ Польшѣ, евреи дѣйствительно благоденствовали. Но какъ только Сигизмундъ призвалъ іезуитовъ, и пошла писать гу-

бернія. Въ набросанной вами картинѣ число процессовъ возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія политическаго могущества іезуитовъ въ Польшѣ. Что это значить? А то, что іезуиты виновники всей смуты. А перешла Польша къ Россіи, да, кстати, закрыли іезуитовъ — и шабашъ! Послѣ, хоть орденъ и возобновился, но іезуитская власть въ Россіи не имѣетъ значенія. Нѣтъ, не та музыка! Вы только вспомните, кто защищалъ евреевъ въ самую мрачную эпоху гоненій на нихъ, когда іезуиты искажали талмудъ своей цензурой и потребовали, наконецъ, окончательнаго его истребленія на кострѣ? Эразмъ Роттердамскій! Шутка сказать!

— Вы кончили?—вѣжливо спросилъ Кленовичъ.

— Достаточно... кончилъ!..

— Собственно говоря, вы только начали, — сказалъ профессоръ. — Но я понимаю вашу мысль, и ваше возраженіе заслуживаетъ вниманія. Чтобъ показать вамъ, что я безпристрастенъ, я даже постараюсь продолжить вашу реплику. Почти тысячелѣтіе преслѣдовался Талмудъ, и власти, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, короли и епископы, папы и императоры издавали декреты и эдикты, повелѣвая уничтожить этотъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательный памятникъ еврейской народной мудрости. Интересно, однако, что въ тѣ темныя времена нашелся такой папа, какъ Климентъ V, который потребовалъ, чтобъ его ознакомили съ книгой, долженствовавшей подвергнуться его осужденію. Но никто не могъ. Папа учредилъ три кафедръ еврейскаго, халдейскаго и арабскаго языковъ, при четырехъ университетахъ въ надеждѣ, что будетъ, наконецъ, сдѣланъ переводъ таинственной книги. Переводъ не былъ сдѣланъ ни христіанами, ни евреями, такъ какъ онъ для первыхъ представлялъ громадныя трудности, а для вторыхъ — не было расчета знакомить христіанъ съ талмудомъ во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ. Надо же принять въ соображеніе не только римско-католическій фанатизмъ, но и еврейскій. Въ царствованіе Максимилиана еврей Пфеферкорнъ, поссорившись съ единовѣрцами, возобновилъ вопросъ о конфискаціи талмуда. Императоръ подписалъ приказъ о конфискаціи, но вступился за талмудъ Рейхлинъ, какъ за произведеніе, написанное, по его выраженію, «близкими родственниками Іисуса Христа». Помните, извѣстный эллинизмъ! Но гебраистъ онъ былъ плохой и, объявивъ, что ничего не смыслить въ Талмудѣ, высказался и противъ враговъ этой книги, которые тоже ничего не понимаютъ. Онъ рѣшилъ дѣло разумно—нечего сжигать литературное произведеніе, и посоветовалъ, изучивъ его, опровергнуть. Поднялся крикъ, что Рейхлинъ ренегатъ. Тогда Рейхлинъ самъ принялся за ознакомленіе съ талмудомъ и сталъ его защищать. Парижскій богословскій факультетъ посвятилъ Рейхлину больше сорока засѣданій. Его осудили, но онъ нашелъ поддержку въ такъ называемыхъ гуманистахъ, его сторону взяли и Эразмъ

Роттердамскій, и Ульрихъ фонъ-Гутенъ, и Сикингенъ, и курфюрстъ Фридрихъ. Талмудъ не былъ сожженъ, и напечатано было первое полное изданіе его въ 1520 году. Въ талмудѣ есть много смѣшного и жалкаго, но есть и великія страницы. Наука поэтому весьма обязана Рейхлину. Кромѣ того, ему обязана въ данномъ случаѣ свобода мысли и свобода совѣсти. Таковъ, если не ошибаюсь, вашъ взглядъ? Прекрасно. Ни вы, ни я не читали подлиннаго талмуда, но примемъ за достовѣрное, что между талмудомъ и тѣми евреями, которые убивали христіанскихъ дѣтей, нѣтъ ничего общаго. Вы думаете, что іезуиты возбуждали процессы. То-есть, вы хотите сказать, что они дѣлали это съ цѣлью уронить талмудъ? Пусть они ошибались или клеветали. Вѣроятно же всего, что клеветали. Но факты? Неужели они фальсифицировали факты? Но процессы были, когда еще іезуитовъ не было. Наконецъ, почему среди русскихъ могутъ быть сектанты-дѣтогубы, а среди евреевъ не могутъ? И откуда взялись іезуиты въ новѣйшее время въ Сурамѣ и въ Саратовѣ? Роль іезуитовъ, по моему, сводилась въ Польшѣ къ роли слѣдователей или ищеекъ. До іезуитовъ процессы были рѣдки, потому что ни у кого не было такихъ зоркихъ глазъ, какъ у іезуитовъ, къ тому же естественныхъ враговъ еврейства, своей организаціей сильно напоминавшаго организацію ордена Іисуса. Еще, Николай Кондратьевичъ, два слова. Въ вашихъ наукахъ, присвоившихъ себѣ по праву названіе точныхъ, такъ ведется, что если какая нибудь теорія только одного факта не въ состояніи объяснить, значитъ, она никуда не годится. А, положи руку на сердце, ваша іезуитская теорія всѣ мои данныя можетъ объяснить? Напротивъ, она можетъ присвоить себѣ только небольшое число данныхъ. А какъ же быть съ остальными? Исторія тоже стремится быть точной наукой.

— Разбить, какъ шведъ подъ Полтавой, не я говорилъ?—сказалъ Кондратій Захаровичъ, вставая.—Но оставимъ жидовъ. Много чести для нихъ такъ спорить! Что-то, какъ будто пахнетъ гречаными галушками съ саломъ? Авдотья Ивановна, не пора ли ужинать?

Авдотья Ивановна выглянула изъ-за стеклянной двери и произнесла:

— Пора, Кондратій Захаровичъ! Уже съ полчаса какъ столъ накрытъ, Кондратій Захаровичъ!

— Пожалуйте! — сказалъ Кондратій Захаровичъ и пропустилъ впередъ профессора.

XVI.

Николай Кондратьичъ молча ѣлъ и, повидимому, съ большимъ аппетитомъ; но глаза его горѣли. Онъ враждебно смотрѣлъ на сестру и на ея жениха. Конечно, изъ уваженія къ отцу онъ сдерживалъ

себя. Какъ только встали изъ-за ужина, и отецъ отправился спать, Николай Кондратычъ вышелъ въ садъ. Онъ рассчитывалъ встрѣтить Павла Иваныча одного въ аллеѣ, ведущей отъ дому къ флигельку, передѣланному изъ бани, нарочно для гостя.

Звѣзды ярко мерцали въ темносинихъ небесахъ, благоухали цвѣты, и невысокія деревья съ какой-то затаенной лаской протягивали свои сумрачныя вѣтки въ сонномъ воздухѣ.

Николай Кондратычъ снялъ шляпу. Ему было душно, возбужденное настроеніе мало-по малу улеглось.

Вдругъ онъ услышалъ голоса Павла Иваныча и сестры. Они гуляли, какъ и вчера, передъ окномъ материнской спальни. Молодой человѣкъ невольно прислушался.

— Упрекъ, который вы считаете похвалою, я принимаю къ свѣдѣнію,—говорилъ профессоръ.—Братъ мой, занимаясь философіей, столько накапливаетъ матеріала естественно-научнаго, юридическаго, богословскаго, не говоря ужъ о специально философскомъ, что разобратъ въ немъ онъ, по моему, не успѣетъ до конца жизни. Исторія уже философіи. Но и она необъятна. При всей систематичности моей, я хватаюсь за все и часто не доканчиваю начатыхъ трудовъ. О еврейяхъ я кое-что знаю, и факты удерживаетъ моя память такъ ясно потому, что въ прошломъ году мнѣ хотѣлось написать большой трудъ о малороссійскихъ жидахъ. Въ концѣ концовъ, меня остановило незнаніе еврейскаго языка. Правда, чтобы установить болѣе или менѣе вѣрный взглядъ на историческія судьбы евреевъ въ нашемъ краѣ, можно было бы не прибѣгать къ талмуду, а ограничиться тѣми специальными сочиненіями объ этой книгѣ, которыя имѣются на русскомъ и другихъ языкахъ. Должно же быть какое нибудь раздѣленіе труда. Но, по свидѣтельству еврейскихъ писателей, всѣ подобныя сочиненія недобросовѣстны или ошибочны. Сами же евреи ни хотятъ насъ знакомить съ талмудомъ во всемъ его объемѣ. Все это ставитъ нашего брата, ученаго, въ крайне затруднительное положеніе. Есть адвокаты, есть прокуроры, а подсудимый на днѣ колодца. Сегодня зачерпнете—вода, завтра—грязь. Поневолѣ приходится ограничиться только внѣшней исторіей южно-русскаго еврейства, которая представляетъ его въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Кто же пожелаетъ стать на еврейскую точку зрѣнія, тотъ долженъ руководствоваться субъективнымъ чувствомъ, что всегда ошибочно.

Молодой Корицкій вышелъ изъ темноты. Песокъ захрустѣлъ подъ его ногами. Елена Кондратьевна вдрогнула, оглянулась и сказала:

— Николай! Что тебѣ надо, Николай?

Онъ хотѣлъ извиниться, но непріязненный тонъ вопроса раздражилъ его, и онъ рѣшилъ, что можно оставить въ сторонѣ условную вѣжливость.

— Послушайте, профессоръ!—запальчиво началъ онъ.—Вы про-

тивъ субъективнаго чувства! А я вамъ скажу, что объективное чувство никуда не годится!

— А вы полагаете, есть объективное чувство?—съ разстановкой спросилъ Павелъ Ивановичъ.—Впрочемъ, вы разумѣли, очевидно, субъективный методъ. Именно по какому поводу, позвольте узнать, вамъ угодно было замѣтить, что субъективное чувство вамъ кажется главнымъ чувствомъ?

— А по такому поводу, профессоръ, что всѣ ваши факты, противъ которыхъ я ничего не могъ возразить,—ложь! Если вы мнѣ покажете самыя книги и дѣла, я и тогда скажу: ложь. Я не могу вѣрить, не хочу! Ложь!—закричалъ онъ и, повернувшись, быстро удалился.

Павелъ Ивановичъ не успѣлъ обмѣняться съ Еленой нѣсколькими словами, какъ Николай Кондратьевичъ снова подбѣжалъ къ нимъ и кротко произнесъ:

— Такъ порядочные люди не ведутъ споровъ—простите меня.

— Въ вашей манерѣ спорить есть что-то семитическое, чтѣ, впрочемъ, вамъ должно быть пріятно,—сказалъ профессоръ и холодно пожалъ протянутую ему руку.—Спокойной ночи!

XVII.

Разставшись съ Еленой, профессоръ не тотчасъ легъ, а долгое время разсматривалъ рукописи, хранившіяся въ зеленомъ портфельчикѣ. Онъ вторично перечиталъ рассказъ о разрушеніи Каменнобродской крѣпости и о гибели защищавшихъ ее поляковъ и евреевъ. Въ концѣ рассказа, написаннаго тяжелымъ стариннымъ, неяснымъ языкомъ, была приписка: «Змѣй великій огнистый въ шведскомъ панствѣ съ неба спалъ, и былъ виденъ отъ всѣхъ, а летѣлъ головою на землю, яко въ Полщѣ, въ Вѣлой Руси, тако и у насъ на Украинѣ...». Послѣ приписки слѣдовалъ рядъ другихъ отмѣтокъ и росчерковъ пера: «Алексій властной рукой... Голубецъ на славу... Алексій и на обиденъе и на полуданъе...». Росчерки съ пожелтѣвшаго синяго листа бумаги переходили на твердую пергаментную четвертушку, которая вся оказалась въ рыжихъ, выцвѣтшихъ еврейскихъ вокабулахъ.

Павелъ Ивановичъ отложилъ пергаментъ и подумалъ: «Елена хорошо сдѣлала, что пообѣщала мелаamedу пріѣхать въ гости, такъ какъ онъ, вѣроятно, можетъ перевести мнѣ, что написано на пергаментѣ».

Съ мыслью о пергаментѣ молодой ученый заснулъ. Онъ ему снился: изъ пергамента выступали красныя пятна, какъ капли пота... Павелъ Ивановичъ сталъ стирать ихъ рукою, и кровь запачкала руку.

XVIII.

Онъ проснулся—по низенькой комнаткѣ, служившей ему спальней и погруженной въ зеленую тѣнь деревьевъ, съ солнечными тамъ и сямъ просвѣтами и зыблящимися пятнами, осторожно ступаль приказчикъ Кондратія Захарыча, Никита Бовтунъ. Лицо у Бовтуна было смѣшное—необыкновенно самоувѣренное и хитрое; не смотря на свои сорокъ пять лѣтъ, онъ былъ еще такой же черный, какъ и Кондратій Захарычъ. Въ янтарно-смугломъ цвѣтѣ его кожи, въ продолговатыхъ мокрыхъ глазахъ и въ сутуловатыхъ плечахъ сказывалось еврейское происхожденіе, хотя онъ былъ православный во второмъ или третьемъ колѣнѣ. Одѣтъ онъ былъ, какъ и баринъ, въ холщевую пиджачную пару: въ рукѣ онъ держалъ простую соломенную шляпу съ широчайшими полями и съ низенькой круглой тульей.

Замѣтивъ, что Павелъ Ивановичъ открылъ глаза, онъ остановился посреди комнаты и сказалъ:

— А добрый день вамъ! Видѣлъ я вчера, что вы рано проснулись—думалъ, такъ и сегодня будетъ. Мой папаша фельдшеромъ былъ; онъ всегда говорилъ: кто рано встаетъ, тому Господь Богъ даетъ!

— Что вамъ надо? Кто вы такой?—спросилъ профессоръ.

— Я называюсь Бовтунъ. Къ услугамъ пана! Кондратій Захарычъ приказали наблюдать, чтобъ у васъ все было, какъ слѣдуетъ. Извините, что молоко простыло, но оно было парное, когда Фимка его принесла и поставила. Купайте на здоровье. Отчего не купаете? Городской катаръ? Мой папаша лечилъ всѣ желудочныя болѣзни молокомъ и ягодами. Я же, къ сожалѣнію, едва грамотенъ, потому что до пятнадцати лѣтъ меня считали идиотомъ. А между тѣмъ, по моему сознанію, что выше образованнаго челоука? Пусть мнѣ скажутъ: вотъ князь, а вотъ профессоръ: кого предпочитаете? Ваше превосходительство, я просилъ бы наградить профессора.

— И поеврейски вы не читаете?—спросонья освѣдомился профессоръ, можетъ быть, и потому, что ему рѣшительно нечего было сказать въ отвѣтъ на лестныя слова незваннаго ранняго гостя.

— Поеврейски нѣтъ, и пофранцузки тоже. Я не на столько счастливъ,—поклонившись сказалъ Бовтунъ.—Но я способенъ къ быстрому развитію. Мнѣ такъ сдается, что я бы въ три мѣсяца всему научился! Я, господинъ профессоръ, очень жадеиъ. Я ѣмъ тоже много—сразу и все, что подадутъ. Если не желаете, я могу выпить молоко!

Павелъ Ивановичъ протеръ глаза и внимательно посмотрѣлъ на Бовтуна.

— Я встану и буду одѣваться,—сказалъ онъ.

— Вставайте себѣ, не стѣсняйтесь. Кажется, слава Богу, я мужчина. Повѣрьте, что я такъ радъ вамъ. Но тутъ я долженъ признаться, что на еврейскую пасху я совершилъ кражу, а именно, въ бытность свою по мукомольному дѣлу въ Каменномъ Бродѣ и оставшись одинъ въ приемной, пока выйдетъ ко мнѣ Шлемка, изъ любопытства, которое такъ естественно, развернулъ маленькую книжку, лежавшую на шахматномъ столикѣ, и уже не могъ удержаться, чтобы не спрятать ея въ карманъ. Что дѣлать! Жену, книжку и собаку можно уворовать—это была любимая поговорка покойнаго папаши, осмѣлюсь доложить господину профессору! Сначала я предполагалъ вручить Николаю Кондратьичу для ученаго рассмотрѣнія, потому что на меня ужасъ нашель, и я три ночи не спалъ отъ мученій бѣднаго юноши, который стоитъ въ большомъ тазу, а изъ него пускаютъ кровь. Онъ же, между тѣмъ, разсуждаетъ руками. Но Николай Кондратьичъ на меня гнѣвается за то, что я подсмотрѣлъ ихъ свиданіе съ Саркой съ донесеніемъ Кондратію Захарычу. А вы сразу, какъ меня увидѣли, первымъ дѣломъ спросили, читаю ли я поеврейски. Что значитъ дипломъ! Профессоръ похожъ на пророка, только на кончикѣ не похожъ... замѣйте: «соръ» и «рокъ». Я тоже понимаю!

Онъ досталъ изъ кармана небольшой томикъ въ телячьемъ переплетѣ, съ тонкими золотыми украшеніями на корешкѣ.

— Извольте взглянуть и высказать мнѣніе, что означаетъ приложенная картинка?

— А какъ вы думаете сами?—спросилъ профессоръ, принимая книжечку и перелистывая ея.

— Я не осмѣливаюсь думать.

— По крайней мѣрѣ, вы знаете, что за книжка?

— На еврейскомъ языкѣ. Изъ молодого юноши пущена кровь, а раввины сидятъ вокругъ и записываютъ его слова. Вдали плачутъ. Но нельзя ли прочесть? Въ такомъ случаѣ вы бы сдѣлали большое одолженіе Кондратію Захаровичу.

— Причемъ тутъ Кондратій Захарычъ?

— Шлемку надо проучить. Я бы представилъ книжку уряднику.

— Это сочиненія философа Сенеки, а картинка изображаетъ самого Сенеку, который умеръ, отворивъ себѣ жилы. Кругомъ не раввины, а мудрецы разныхъ странъ, записывающіе слова Сенеки. Такая картинка называется фронтисписомъ. И во всякомъ случаѣ вы напрасно украли книжку, какая бы она ни была. Я вамъ со вѣткою возвратить ея.

— Такъ... понимаю... недовѣрчиво проговорилъ Бовтунъ.—Но въ подобныхъ обстоятельствахъ не могу ли прозентовать вамъ ея?

— Возьмите книжку и уходите!

Бовтунъ низко поклонился и, пятясь къ двери, пробормоталъ:

— Мое уваженіе не находитъ границъ. Не основательно... Николай Кондратьичъ чего наговорилъ—не вѣрьте... Конечно, мы люди маленькіе, но и насъ можно понять!

Быть можетъ, онъ говорилъ бы еще и даже вернулся бы объясняться, если бы не услышалъ голоса Кондратія Захарыча, распекавшаго за что-то садовника. Онъ замолчалъ и безшумно исчезъ. Профессоръ же пожалъ плечами и долго старался «понять» Бовтуна, но такъ и не понялъ.

XIX.

Весь день Николай Кондратьевичъ гдѣ-то «пропадалъ». Его ждали къ завтраку и къ обѣду. Вымпель прибѣжалъ домой одинъ. Вѣроятно, охотникъ былъ раздраженъ, придрался къ се-теру, поколотилъ его и прогналъ. Томительно зноенъ былъ день. Только передъ вечеромъ, когда жара спала, Павелъ Ивановичъ и Елена Кондратьевна сѣли въ плетеный шарабанчикъ и поѣхали въ Глубокую. Молодая дѣвушка правила сама.

Еврейская земледѣльческая колонія расположена была въ балкѣ, т. е. въ оврагѣ, впадавшемъ въ рѣку Синюху.

Профессоръ былъ пораженъ удручающимъ видомъ Глубокой. Она представляла собою кучу полуразвалившихся лачугъ и землянокъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ бѣлыми и веселыми малороссійскими хатами. Дворовъ не было. Жилища напоминали бараки накого-то кочующаго племени, рѣшившагося во что бы то ни стало, загрязнивъ балку, сняться современемъ съ мѣста и разбить новый лагерь въ другой странѣ. Ни одного деревца, ни одного кустика. Виднѣлся только бурьянъ, да и тотъ былъ скуденъ. Казался порядочнымъ одинъ домикъ съ чистенькими кисейными занавѣсками на окнахъ и съ цвѣтникомъ, обнесеннымъ палисадникомъ. Но Елена объяснила жениху, что это нѣмецкій дворъ, и принадлежитъ онъ мустеръ-вирту, т. е. образцовому хозяину.

Мустеръ-вирты были поселены въ каждой еврейской колоніи. Но судьба ихъ постигла такая же, какъ и мустеръ-виртовъ Глубокой.

— Въ Глубокой было пять мустеръ-виртовъ,—сказала Елена.— Двое повѣсилось, одинъ умеръ отъ тоски, четвертый бѣжалъ за границу, и вотъ остался только этотъ. Онъ сжился съ евреями, дружить съ ними, но презираетъ ихъ, какъ хозяевъ.

— Мнѣ кажется, ни одной собаки нѣтъ во всей колоніи,—замѣтилъ профессоръ.

— Евреи боятся собакъ и не держатъ.

Спускаясь съ пригорка, молодые люди нагнали толстаго еврея, ѣхавшаго въ телѣгѣ. Маленькая мохнатая лошаденка мышиною масти везла телѣгу и вдругъ, испугавшись шарабана, стала бры-

каться. Еврейскій мальчикъ слѣзъ съ телѣги, соблазняя лошадку клокомъ сѣна. Жирный еврей, между тѣмъ, дергалъ возжами. Лошадка, подпрыгивая и вытянувъ морду, пустилась внизъ. Мальчикъ съ сѣномъ бѣжалъ за нею и кричалъ. Внизу толстякъ остановилъ лошадь, а мальчикъ надулъ ее и бросилъ сѣно въ телѣгу. Лошадка обидѣлась и снова начала бить задомъ, стоя на одномъ мѣстѣ, какъ механическая, съ фатальнымъ упрямствомъ.

— Здѣсь всѣ лошади перепорчены,—сказала Елена,—евреи не умѣютъ обращаться съ ними.

На встрѣчу попадались евреи въ длиннополыхъ ластиковыхъ сюртукахъ и еврейки, которыя были одѣты погородскому. Рѣдко у которой не было зонтика.

Посрединѣ колоніи возвышалось непривѣтливое зданіе—сарай, заражавшій воздухъ зловоніемъ. Это была синагога. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея въ досчаномъ домикѣ съ покосившимися окнами, изъ которыхъ одно было заткнуто старымъ драповымъ пальто, жилъ меламедъ Нохимъ Волькенманъ.

Онъ появился на крыльцѣ, застегивая на ходу кафтанъ. Широкая улыбка блаженно разливалась на его худомъ, морщинистомъ лицѣ, и, подбѣжавъ къ гостямъ, онъ сталъ наклоняться къ нимъ, какъ бы цѣлуя ихъ руки.

— Какъ вы скоро вспомнили старика!—говорилъ онъ.—Даже птицы въ воздухѣ смѣются надъ скрягой и надъ тѣмъ, кто не радуется гостямъ! Сдѣлайте вашего гостепріимства, пожалуйста въ домъ бѣднаго еврея, которому—о, чтобъ я сдохнулъ!—будетъ завидовать вся колонія! Будьте здоровеньки! Крыльцо сгнило, но оно не всегда проваливается... Не бойтесь, съ Божьей помощью! Охъ, и чѣмъ же мнѣ угощать васъ?—печально спросилъ онъ въ передней.—Станемъ пить чай? Съ сахаромъ?

XX.

Комната, куда вошли гости, была длинная и довольно высокая. Вдоль стѣнъ стояли грязные плетеные стулья. Деревянный диванчикъ съ рѣшетчатой спинкой занималъ почетное мѣсто. На окнахъ зеленѣли фуксіи. Три шкафа, съ пузатыми основаниями и стеклянные вверху, были наполнены посудой и еврейскими книгами, скверно позолоченные корешки которыхъ тускло блестѣли подъ лучами заходящаго солнца. На одномъ изъ шкафовъ краснаго дерева имѣлось наверху рельефное изображеніе двухъ рукъ. Странный, непріятный запахъ, казалось, отдѣлялся всѣми предметами, бывшими въ комнатѣ. Пергаментный свертокъ, прибитый наискосокъ у дверей, былъ засиженъ мухами и, можетъ быть, служилъ пріютомъ еще болѣе отталкивающимъ насѣкомымъ. Темная занавѣ

вѣска отдѣляла залу отъ другой комнаты—спальни, гдѣ виднѣлась кровать съ перинами и подушками. На восточной стѣнѣ висѣла картина, вышитая бисеромъ — мизрахъ. Рядомъ съ ней портретъ барона Гирша. Самоваръ, вычищенный по случаю приближающаго шабеса, блестѣлъ, какъ золотой, и стоялъ на отдѣльномъ столикѣ, вмѣстѣ съ цѣлой коллекціей мѣдныхъ подсвѣчниковъ.

— Вы видите въ моемъ лицѣ одного изъ очень и очень немногихъ осѣдлыхъ меламедовъ,—сказалъ Нохимъ, усаживая гостей и смахивая полой своего скюртука пыль съ дивана.—Въ другихъ колоніяхъ бродячіе мелаеды. Приближается тишре, придется распустить моихъ мальчиковъ. Будемъ немножко отдыхать.

— Что значить тишре?—спросилъ профессоръ.

— Тишре нашъ сентябрь мѣсяцъ, чтобы вы знали,—съ поклономъ сказалъ меламедъ.—У меня учатся читать, а нѣкоторые переводятъ хумешъ, что значить пятикнижіе... вы слышали? Такъ какъ въ началѣ осени мы празднуемъ рошъ-гашану—новый годъ и десять дней каемся въ своихъ безчисленныхъ грѣхахъ, то некогда меламедствовать... Соня, что ты такъ долго возишься? Ты развѣ не понимаешь, что нельзя заставлять ожидать гостей? Прикажи наймычкѣ самоваръ взять! Есть ли у насъ сахаръ?.. Другая дочка моя, Лейка, которая помоложе, въ гостяхъ у фактора Гершка, извините, пожалуйста.

Нохимъ говорилъ быстро, съ сильнымъ акцентомъ, съ придыханіями и мѣшая малороссійскія и русскія слова, трясъ бородой и корчился. Но, не смотря все это, въ немъ было что-то привлекательное, живописное, возбуждавшее вниманіе и любопытство. Въ его черныхъ глазахъ, окруженныхъ морщинами, не было лукавства, присущаго евреямъ; казалось, что онъ искренній, правдивый и безусловно честный человекъ. Быть можетъ, его религіозно-педагогическая дѣятельность и невольное удаленіе отъ плутовскихъ мелочей торговопромышленной жизни отразились благопріятно на его нравственной физиономіи.

Пока профессоръ думалъ это о Нохимѣ, изъ спальни вышла высокая молодая еврейка съ такими же черными глазами, какъ у отца, съ горбатымъ носомъ и съ длинными бѣлыми зубами, которые были видны, благодаря широкой привѣтливой улыбкѣ.

— Здравствуйте, Соня,—сказала Елена.—Какъ вы выросли! Я не видала васъ лѣтъ восемь.

— Мы страшно давно не видались,—съ увлеченіемъ произнесла еврейка и больно пожала протянутую ей руку.—Папаша, я сама возьму самоваръ. Йосель, положительно, какъ сумасшедшій, побѣжалъ къ Тарновицу, когда замѣтилъ знаменитаго господина профессора. Посмотри на улицу, бывало ли когда нибудь, чтобы Тарновицъ такъ скоро шкандыбалъ?

Нохимъ подбѣжалъ къ окну, сталъ барабанить по стеклу и что-то отчаянно кричать поеврейски. Тарновицъ въ отвѣтъ махалъ рукой и, сильно прихрамывая, направлялся къ крыльцу. Онъ какъ-то садился на одну ногу, а другую, согнувъ въ колѣнѣ, далеко выставлялъ впередъ. Это былъ молодой человѣкъ въ рыжемъ котелкѣ и широкомъ клѣтчатомъ пиджакѣ, заплатанномъ на локтяхъ сѣрымъ сукномъ. Лицо его, едва покрытое на подбородкѣ и на щекахъ рѣдкой растительностью, было блѣдно: очевидно, онъ былъ взволнованъ, потрясенъ извѣстiемъ, принесеннымъ ему Иоселемъ, и не шадилъ своихъ хромыхъ ногъ.

— Какъ ты могла позволить Иоселю увѣдомлять этого изувѣрнаго Тарновица?—сердито спросилъ Нохимъ у дочери, когда крикъ его не привелъ ни къ чему, и хромой молодой человѣкъ уже взбирался на крыльцо.

Соня, взявъ самоваръ, засмѣялась.

— Многіе не любятъ Тарновица за то, что онъ знаетъ хорошо талмудъ и вообще такой образованный еврей, какихъ, я думаю, мало даже за границей,—съ гордостью пояснила она.—Ему хочется поговорить съ ученымъ, онъ самъ ученый, отчего-жъ его не впустить? Попросите, Елена Кондратьевна, моего папашу, Тарновицъ не злой. Это свѣтлая личность здѣшнихъ мѣстъ!

Елена Кондратьевна догадалась, что «свѣтлая личность здѣшнихъ мѣстъ» любитъ Соню, а Соня его боготворить—не такія же ли точно отношенія между профессоромъ и ею? Пожалуй, Нохимъ, вдобавокъ, противится желанію дочери выйти замужъ за Тарновица, который бѣденъ... Романъ готовъ.

— Понятно, мы ничего не можемъ имѣть противъ господина Тарновица,—поспѣшила она сказать.

— А если Тарновицъ основательно знаетъ еврейскій языкъ, то я обращусь не только къ вамъ, но и къ нему за одной важной для меня услугой,—проговорилъ Павелъ Ивановичъ.

— Если я прогоню его въ дверь, онъ проберется черезъ трубу, чтобъ онъ былъ здоровъ. Что дѣлать, пусть мы два къ услугамъ панскимъ!—сказалъ Нохимъ съ сердцемъ.

Дверь отворилась, и вошелъ колченогій еврейскій ученый, равнаго которому нѣтъ за границей.

XXI.

— Здравствуйте, господинъ профессоръ!—прерывистымъ голосомъ сказалъ Тарновицъ. Онъ тяжело переводилъ дыханіе и вытиралъ потъ, катившійся со лба. Лице его выражало собою смѣсь самоувѣренности и какой-то страстной любознательности. Полукруглыя морщины надъ переносьемъ придавали ему глубокомысленно-

изумленный видъ, двѣ морщинки въ родѣ кавычекъ у праваго угла рта—насмѣшливый. Множество пятенъ на отворотахъ пиджака свидѣтельствовали о томъ, что онъ лишенъ возможности пользоваться салфетками, а зубы—что онъ много курить.

— Сейчасъ я узналъ, что вы обладаете глубокими познаніями въ талмудѣ... — началъ профессоръ, но былъ прерванъ Тарновицемъ.

— Вамъ старый сказалъ? Онъ? Какъ онъ можетъ утверждать, что я въ совершенствѣ знакомъ съ талмудическими писаніями, ежели онъ простой меламедъ?

У Нохима вспыхнули глаза отъ ненависти.

— Я такихъ галгановъ, какъ ты, сотни обучалъ, а у тебя еще молоко на губахъ не обсохло, скверный жидокъ!—мрачно проговорилъ старикъ.

Соня выглянула изъ дверей, улыбаясь, и сейчасъ же скрылась, занятая самоваромъ. Нохимъ замолчалъ и отошелъ въ сторону.

— Онъ думаетъ, что я отобью отъ него учениковъ,—объяснилъ поведеніе Нохима Тарновицъ и подмигнулъ въ его сторону.—Но пусть я не доживу до сентября, если у меня есть хоть малѣйшее намѣреніе оставаться дольше полгода въ этой проклятой колоніи. Мой хлѣбъ по свѣту гуляетъ; гдѣ я, тамъ и деньги. Я даже могу очень хорошіе стихи сочинять и уже составилъ словарь русскихъ риѣмъ, который принесетъ громадную пользу нашей упадающей литературѣ. У меня имѣются также повѣсти на еврейскомъ жаргонѣ, цѣль которыхъ поднять общій умственный уровень еврейства и разсѣять мракъ ихъ суевѣрства. «Изъ мрака крадется спасеніе во Израиль»—такъ начинается мое одно большое поэтическое сочиненіе... Но я не могъ докончить его, такъ какъ предпринялъ находженіе въ талмудической литературѣ тамъ и здѣсь и въ разныхъ мѣстахъ римскихъ и греческихъ словъ, искажившихся отъ гебраизаціи или принявшихъ другой смыслъ. Слава Богу, я кончилъ раввинское училище.

— Я простой, а ты бродячій меламедъ,—сплюнувъ, произнесъ Нохимъ.—Ты въ моемъ же домѣ меня позоришь.

— Я нисколько не позорю васъ, реббе Нохимъ,—саркастически сказалъ Тарновицъ.—Но жизнь есть свободное озеро, и сѣти можетъ закидывать каждый желающій.

— Каждый желающій — кому дозволено. Хезкать-ишубъ развѣ забылъ?—спросилъ Нохимъ.

— У меня свободный духъ, я не признаю хезкать-ишубъ. Я давно уже вступилъ во всеобъемлющее бореніе съ кагальными неправдами.

— У тебя много познаній, щенокъ, но ты подобенъ дубу, у котораго есть вѣтки, а крысы съѣли его корни... Что ты хорошаго сдѣлалъ?

— Замѣтите, господинъ профессоръ, виданное ли дѣло, чтобы крысы объѣдали корни у такого крѣпкаго дерева, какъ дубъ? Во-первыхъ, это не верба—это дубъ, и самое слово уже внушаетъ намъ представленіе о крѣпости. Во-вторыхъ, онѣ сломали бы себѣ зубы. Это, впрочемъ, вытекаетъ изъ предыдущаго. Въ-третьихъ, крысы не живутъ въ землѣ. Наконецъ, въ-четвертыхъ, если бы онѣ жили въ землѣ, подражая кротамъ, то были бы безглазыми существами. Такъ ли я говорю?—побѣдоносно обратился онъ къ Павлу Ивановичу.

— Скажите, вы хорошо знаете еврейскій языкъ?—освѣдомился тотъ вмѣсто отвѣта.

— Если у насъ есть какой нибудь недостатокъ, то мы сами должны объ этомъ объявлять. Такъ требуетъ талмудъ. Я хромой—это правда, и какъ я могу скрыть такое печальное обстоятельство? Но вы можете быть увѣрены, что языкъ отцовъ моихъ есть мой родной.

Онъ крѣпко прижалъ кулакъ къ сердцу и вызывающе посмотрѣлъ на всѣхъ.

— Вообще нельзя спрятать шила, и шестидесятилѣтняя женщина такъ же восхищается музыкой, какъ и шестилѣтнее дитя!—сказалъ Тарновицъ, самодовольно разсмѣялся и продолжалъ:

— Зачѣмъ вамъ надо еврейскаго языка?

— Перевести одинъ документъ,—отвѣчалъ профессоръ.—Впрочемъ, не знаю, можно ли назвать документомъ... просто ключекъ еврейской рукописи, содержаніе мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть, пустяки, а, можетъ, имѣетъ значеніе для вопроса, занимающаго меня въ настоящее время.

— Для какого вопроса?

— Пока считаю нужнымъ умолчать.

— Что нибудь касающееся до употребленія евреями христіанской крови?

— Ша! Зачѣмъ ты такъ говоришь въ моемъ домѣ?—сердито замѣтилъ Нохимъ.

— Кажется, я употребляю явную насмѣшку!—огрызнулся Тарновицъ и произнесъ еще нѣсколько словъ на жаргонѣ, должно быть, очень мѣткихъ, потому что Нохимъ плюнулъ, поднялъ плечи, закатилъ глаза и потрясъ руками.

— Нѣтъ, я не буду говорить съ вами о крови,—сказалъ профессоръ.

— Вы читали сочиненіе знаменитаго и всѣми уважаемаго...

— Нѣтъ, нѣтъ. Намъ надо слѣшать ѣхать, и я не намѣренъ вступать съ вами въ дебаты по поводу спорныхъ пунктовъ еврейскаго вѣроученія и еврейской морали. Я попросилъ бы васъ безъ дальнихъ разговоровъ перевести мнѣ немедленно вотъ...

Профессоръ вынулъ изъ бокового кармана зеленый портфельчикъ и досталъ пергаментный манускриптъ.

Тарновицъ бросился къ пергаменту, схватилъ его и, глубокомысленно прищуривъ одинъ глазъ и уронивъ голову на плечо, воззрился въ рукопись.

— Очень старинная рукопись,—опредѣлили онъ.

— А именно?

— Семнадцатый вѣкъ.

— Что вы еще скажете?

— Я былъ бы шарлатанъ, если бы, желая сдѣлать угодное вамъ, сталъ сейчасъ переводить манускриптъ.

— Разумѣется, будетъ заплачено.

— Не стоитъ большихъ денегъ, а маленькія совѣстно брать,—криво улыбнувшись, возразилъ Тарновицъ.—Но я не къ тому, чтобы сомнѣвался въ вашемъ безкорыстїи, а по причинѣ трудности стараго еврейскаго письма, на что потребуется, по крайней мѣрѣ, день размышленїй. Вы оставьте пергаментъ—не опасайтесь.

— Но если я оставлю рукопись, то не иначе, какъ за поручительствомъ рабби Нохима.

Вошла Соня съ чайной посудой. Тарновицъ заговорилъ съ ней поеврейски. Она покраснѣла и покачала головой.

— О, нѣтъ, вы можете смѣло положиться на господина Тарновица,—промолвила она.—Будь даже свитокъ царя Соломона, онъ остался бы вашей собственностью.

Нохимъ, въ свою очередь, вступился за ненавистнаго ему единовѣрца.

— Дай сюда пергаментъ,—сказалъ онъ Тарновицу.—Мы съ тобою вмѣстѣ потрудимся, и, такъ какъ я ничего не знаю, какъ ты увѣряешь, а ты очень письменный и былъ въ раввинской школѣ, то я научусь отъ тебя премудрой грамотности.

— Хорошо, возьми его. Мы, какъ пѣтухъ и сова, оба будемъ ждать дневнаго свѣта. Впрочемъ, солнце уже само взойдетъ, безъ помощи одного изъ насъ. Разбѣ Нохимъ, угадай, безъ чьей помощи?

— Не хвастайся, молодой человекъ! Научись языкъ держать на привязи. Развѣ не сказано: «не знаю лучше, чѣмъ знаю».

— Соня, подай же сахару, если есть!

Началось угощенїе. Было подано молоко. Елена отвела еврейку въ сторону и подарила ей маленькій футлярчикъ съ аметистовыми сережками, которыхъ не носила сама, потому что не любила лилового цвѣта. Соня такъ была тронута, что поцѣловала у барышни руку, тутъ же открыла ей сердце и шепотомъ сообщила:

— Вы какъ будто предчувствовали, что я собираю приданое. Тарновицъ мой женихъ, и онъ ухаживаетъ за мною, какъ сумасшедшїй, а я тоже отъ него съ ума схожу. Папаша его не любить, какъ вы могли замѣтить. Но Тарновицъ крупная голова, и онъ побѣдитъ папашу. Тарновицъ хорошаго рода, его нельзя поро-

чить, и никто не может переговорить его въ спорѣ. Ему одно слово, а онъ двадцать и даже сорокъ. Раввинъ Бѣшацъ пригласилъ его жить къ себѣ, но его дочери еще тринадцать лѣтъ, и потому я спокойна.

— Вы ревнивы?—спросила Елена.

— Я загрызу его своими зубами,—страстно прошептала еврейка, пряча футлярчикъ въ карманъ платья.—Я сегодня очень счастлива. Я хотѣла бы перецѣловать каждый вашъ волосокъ. Изъ всѣхъ писателей я люблю больше всего Тургенева, потому что онъ подмѣтилъ одно благородное свойство еврейской природы — благодарность. Еслибъ вы знали, какъ я не люблю пархатыхъ жидовъ! Но Тарновицъ совершенно въ другомъ родѣ. Я обязана ему своимъ развитіемъ. Онъ на столько меня подготовилъ, что я могу поступить въ акушерки.

Павель Ивановичъ поднялся съ мѣста. И онъ, и Елена Кондратьевна задыхались въ тяжелой атмосферѣ. Евреи удерживали ихъ и объясняли краткость ихъ визита дурнымъ угощеніемъ.

— Завтра или послѣзавтра я приѣду къ вамъ на хуторъ и привезу переводъ, какъ честный человекъ!—воскликнулъ Тарновицъ, кланаясь вслѣдъ удаляющемуся шарабану. Когда экипажъ скрылся за угломъ, Тарновицъ еще нѣкоторое время постоялъ безъ шляпы, простился съ невѣстой и направился домой скорымъ шагомъ. Тамъ онъ написалъ корреспонденцію въ одну изъ одесскихъ газетъ о посѣщеніи еврейской колоніи Глубокой великимъ другомъ и знатокомъ еврейства, славнымъ и знаменитымъ профессоромъ Кленовичемъ, который, узнавъ о пребываніи въ колоніи одного скромнаго знатока талмуда, не замедлилъ самъ приѣхать въ колонію поглядѣться съ нимъ для блага науки.

XXII.

Тарновицъ не обманулъ. На другой день передъ вечеромъ громкій лай собакъ возвѣстилъ о появленіи во дворѣ посторонняго человека. Странная манера ходить поразила, однако, храбрыхъ деревенскихъ псовъ, и они образовали кругъ около пришельца, держась на приличномъ отъ него разстояніи. Разумѣется, они сейчасъ же были разогнаны, и Гарпинка или Фимка взяли подъ свою защиту Тарновица. Черезъ минуту Бовтунъ сообразилъ, что профессоръ Кленовичъ «имѣетъ съ жидами шапни»: онъ видалъ, какъ Тарновицъ былъ встрѣченъ Павломъ Ивановичемъ на порогѣ флигеля. «Ага!»

— Я привезъ переводъ, который стоилъ мнѣ большаго умственного напряженія,—началъ Тарновицъ, опускаясь на стулъ.—Уфъ! Но такъ какъ вы обѣщали заплатить, то я это предоставляю ва-

пему усмотрѣнню, по причинѣ теперешней моей бѣдности.—Онъ печально улыбнулся.—Объ этомъ не слѣдовало говорить; впрочемъ кстати пришлось. Получите обратно пергаментный манускриптъ.

Онъ положилъ на столъ еврейскую рукопись и свой переводъ, сдѣланный карандашомъ на неопрятной сѣрой бумагѣ.

— Предварительно всего я въ правѣ вамъ объяснить, что клочекъ этотъ, который вы мнѣ дали, представляетъ собою отрывокъ, судя по отмѣткѣ внизу страницы, изъ еврейской книги 1649-го года, подъ заглавiемъ: «Садъ вопросовъ и отвѣтовъ» раввина Цеви Цивеса, повидимому, готовившейся гдѣ нибудь въ печать. Но была ли она издана, или нѣтъ—неизвѣстно. Равнинъ же Цеви Цивесъ мнѣ тоже неизвѣстенъ. Весьма вѣроятно, что вы сдѣлали научное открытiе. Я попросилъ бы васъ въ своемъ историческомъ изслѣдованiи объ этомъ отрывкѣ еврейскаго манускрипта упомянуть о моемъ скромномъ имени—Льва Тарновица. Затѣмъ, я рѣшительно отказываюсь понимать и чувствую себя несостоятельнымъ въ вопросѣ. А именно, я вамъ прочитаю вслухъ буква въ букву... Позвольте разрѣшенiя закурить, не обижайтесь, пожалуйста!

Профессоръ подвинулъ ему ящикъ съ папиросами. Бѣдный еврейскiй ученый судорожно схватилъ папироску и съ наслажденiемъ затянулся душистымъ дымомъ.

— Будемъ слушать, что ли?—пригласилъ онъ, еще нѣсколько разъ затянулся торопливыми, сладострастными затяжками и началъ:

— «Номеръ шестьсотъ тринадцатый. Почему вы, доблестный господинъ Самуиль Йоселевъ сынъ, завладѣли вещами рыцаря Берки?—Отвѣтъ. Оттого, что насъ было тридцать, служившихъ въ войскѣ. Еврей же Берка, сынъ святаго Менделя изъ Каменнаго Брода, замученнаго его мостью гетманомъ Конецпольскимъ въ Полтавѣ, служившiй на трехъ лошадяхъ, выскакалъ три раза къ казацкому войску, какъ это обычно на войнѣ. Но казаки одолѣли, и храбрый отскочилъ назадъ, а изъ лѣсу стрѣляли ему вслѣдъ. Я видѣлъ, какъ пуля воткнулась ему въ спину, и какъ Берка палъ на сѣдло и, желая держаться за лошадиную гриву, онъ шатался туда и сюда, и лошадь понесла его по дорогѣ, но я не видѣлъ его во время бѣгства нашего войска. Во время паденiя рыцаря на лошадь дымъ выступилъ у него изо рта; я находился тогда близко отъ него. Затѣмъ, мы бѣжали вслѣдъ за войскомъ. Тогда я уже видѣлъ лошадь его безъ всадника, а сѣдло висѣло криво; я же хорошо зналъ его лошадь. Вслѣдъ затѣмъ военачальникъ приказалъ собрать разсѣянное войско посредствомъ барабаннаго боя, и народъ началъ разговаривать про войну. И многiе говорили: «о, Боже, какъ жалко, что рыцарь еврей Берка такъ плачевно скончался!». На другой день мы опять имѣли сраженiе съ врагомъ Израиля атаманомъ Пилою, и на этотъ разъ побѣда склонилась въ нашу сторону, такъ что мы даже взяли маленькую добычу, между прочимъ также лошадь и

шапку, которую я хорошо зналъ, и его мечъ, который хорошо былъ извѣстенъ непріателямъ. Я хотѣлъ получить вещи Берки, потому что видѣлъ, какъ пуля воткнулась ему въ спину. Но десятникъ началъ спорить со мною. И тогда насъ разсудило коло, предоставивъ мнѣ вещи рыцаря Берки. Вотъ почему я вернулся на родину съ его вещами. Да незабвенно будетъ имя его, коварно сраженнаго во время бѣгства отъ злаго преслѣдователя. Аминь».

— Все кончено? Больше не имѣется этого любопытнаго матеріала?—спросилъ Тарновицъ, вручая профессору свой трудъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Но, какъ вы думаете, не вытекаетъ ли изъ вышеозначенныхъ данныхъ, что въ древнѣйшія времена Малороссіи и Польши евреи имѣли свое войско?

— Нисколько не вытекаетъ. Но и тогда, какъ теперь, ихъ вербовали въ солдаты.

— Въ воины,—поправилъ Тарновицъ.—Солдатъ есть нѣчто грубое, тогда какъ воинъ возвышенное. «Ахъ, зачѣмъ я не жилъ въ прежніе вѣка!»—какъ говоритъ поэтъ.

— Довольно съ васъ будетъ пяти рублей?

— Черезчуръ даже щедро. Благодарю васъ. Будьте такъ добры, я еще закурю папирску. Скажите, вы за еврейскую черту осѣдлости?

— Меня не касается,—отвѣчалъ профессоръ, пробѣгая переводъ манускрипта.

— Кого же касается?

— Министра внутреннихъ дѣлъ.

— А какого вы мнѣнія о еврейской равноправности?

— Лично я ничего не имѣю противъ равноправности. Вѣдь тоже не моя специальность. Затѣмъ, господинъ Тарновицъ, позвольте поблагодарить васъ и въ случаѣ надобности еще разъ обратиться. А пока... У меня такъ много работы.

Тарновицъ вскочилъ, торопливо простился и быстро исчезъ.

XXIII.

Опять Корицкіе пили вечерній чай въ бесѣдкѣ. Павелъ Ивановичъ успѣлъ уже подѣлиться содержаніемъ еврейскаго манускрипта съ Кондратіемъ Захарычемъ и съ невѣстой.

— Характерно, что пуля воткнулась въ спину, — замѣтилъ Кондратій Захарычъ.

— А дымъ изъ рта?

— Нельзя сомнѣваться, что рукопись переведена точно, — сказалъ Кленовичъ.

— А знаете, способный народъ жидки, — началъ Кондратій Захарычъ, выслушавъ рассказъ дочери о Тарновицѣ и о его антаго-

низмѣ съ старымъ меламедомъ.—Ползаетъ раскорякой, а потомъ, смотришь, лѣтъ черезъ десять или двадцать помѣщикомъ сталъ, фабрикантомъ, царькомъ. Я знаю одного богатаго жида, которому принадлежитъ цѣлый городъ. Но главное жида къ музыкѣ склонны.

— Евреи музыкальный народъ,—процѣдилъ сквозь зубы профессоръ.—Но въ произведеніяхъ музыкальныхъ еврейскихъ знаменитостей чувствуется что-то отрицательное, разлагающее. Рихардъ Вагнеръ невысокаго мнѣнія объ еврейской музыкѣ. Ихъ поэзія тоже отрицательная. Съ другой стороны, вліяніе ихъ на всѣ стороны человѣческаго духа несомнѣнно, и въ будущей исторіи міра они сыграютъ не послѣднюю роль.

— Неизвѣстно, какую роль они сыграютъ, а какую играли—извѣстно,—возразилъ Корицкій.—Церкви на откупъ держали, чего лучше!

— Фактъ, составляющій достояніе каждаго элементарнаго учебника русской исторіи,—пояснилъ профессоръ.—Не смотря на безчисленныя казни, которыя совершались надъ евреями со временъ Хмельницкаго, они продолжали цѣпляться за православный крестъ, рассчитывая поживиться его позолотой. Не успѣли окончиться казачія войны окончательнымъ порабоженіемъ правобережной Украины, какъ сыновья церковныхъ арендаторовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять берутъ въ аренду купели для крещенія младенцевъ и другія требы и церковные обряды. Это упрямство и выносливость евреевъ, не смотря на ихъ нервность и трусливость, дѣлаютъ ихъ удивительнымъ народомъ.

— Не разберешь, вы за евреевъ или противъ?—спросилъ Кондратій Захарычъ со смѣхомъ.

— Ни за, ни противъ евреевъ; я за исторію,—отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ.

Николая Кондратыча не было.

Дѣвчонка привела въ садъ къ дверямъ бесѣдки казака въ смушковой шапкѣ съ желтой выпушкой и въ синихъ шароварахъ.

Онъ поклонился и подалъ профессору письмо.

— Отъ кого?

— Отъ графа.

«Спѣшу увѣдомить васъ, глубокоуважаемый профессоръ, что о желаніи вашемъ осмотрѣть подвалъ съ мертвецами я тогда же сообщилъ Соломону Борисовичу, на что Соломонъ Борисовичъ изъявилъ свое полнѣйшее согласіе, и васъ покорнѣйше проситъ оказать ему честь пожаловать завтра въ Каменный Бродъ къ одиннадцати часамъ для осмотра феномена, а затѣмъ къ нему на завтракъ. Примите и пр. Графъ Станиславъ Потоцкій».

— Побѣжайте,—сказалъ Кондратій Захарычъ, самъ взявъ изъ рукъ профессора письмо и пробѣжавъ его.—Только тамъ не завтракайте. Ступай, Хведоръ. А что хорошо у жида служить?—строго спросилъ онъ.

- Чѣмъ же дурно? Жидь, но деньги платить.
 — А сала вдоволь получаешь?
 — Получаемъ, сколько требуется.
 — А что у тебя желтое изъ шапки торчить?
 — Желтое? То графскія выдумки.
 — А ты знаешь, что онъ вовсе не графъ?
 — А намъ какое дѣло! Что намъ приказано, то мы исполняемъ.
 До остального намъ дѣла нѣтъ. Бывайте здоровы, пане!

XXIV.

Луна вошла, и полосы ея серебрянаго свѣта потянулись поперекъ аллея. Павелъ Ивановичъ зажегъ у себя лампу и хотѣлъ приняться за свои замѣтки и бумаги. Но, не смотря на раскрытыя окна флигеля, ему не сидѣлось въ комнатѣ. Его влекла къ себѣ эта спокойная, мерцающая, свѣтозарная ночь. Онъ вышелъ въ садъ, чтобъ обдумать, гуляя, порядокъ дальнѣйшихъ занятій, нарушенный—онъ долженъ былъ признаться—сватовствомъ и отчасти подневольной жизнью на хуторѣ.

Онъ ходилъ, какъ лунатикъ, и думалъ... Было уже двѣнадцать часовъ. Домъ спалъ. Стояла тишина. Издали доносилось только кваканье лягушекъ, и гдѣ-то журчалъ ручеекъ. Днемъ его не было слышно—онъ просыпался ночью.

Высокая фигура въ широкомъ сѣромъ ватерпруфѣ и съ открытой головой осторожно спустилась по ступенькамъ террасы и громкимъ шепотомъ произнесла:

— Павелъ Иванычъ!

Шепотъ разнесся по аллеѣ, профессоръ вздрогнулъ. Онъ обернулся и увидѣлъ Елену.

Передъ этимъ онъ попрощался съ нею. Ему не понравилось это полночное свиданіе; онъ почувствовалъ необычное бѣненіе сердца въ своей груди.

— Что вы хотите, Елена, сказать?—тихо спросилъ онъ, останавливаясь.

Она ускорила шагъ, взяла его руку и, ничего не отвѣтивъ, пошла съ нимъ рядомъ. Дыханія своего она не могла сдержать—и серьезнаго жениха оно пугало.

— Въ комнатахъ такъ душно,—начала Елена, когда они отошли далеко отъ дома.

— О, да!—промолвилъ профессоръ, — воображаю! Я тоже не могъ усидѣть въ флигелѣ... Насъ заставили встрѣтиться, значить, однѣ и тѣ же причины,—стараясь быть холоднымъ, закончилъ онъ.

Но Елена попрежнему дышала неровно.

— А комары кусаются?—спросила она.—Они не даютъ спать.

— Помогаетъ персидскій порошокъ, — посовѣтовалъ профессоръ. — Стоитъ обсыпать стѣны, и комары, побившись носомъ, падаютъ замертво на землю.

— Въ самомъ дѣлѣ? Надо попробовать.

Они удалились еще дальше и очутились возлѣ бесѣдки.

— Войдемте сюда, — сказала Елена, увлекая жениха. — Посидимте.

Онъ повиновался; она плечомъ прижалась къ его плечу.

— Знаете, что я сейчасъ видѣла, Павелъ Ивановичъ? — сказала Елена, вся дрожа.

— Что нибудь страшное?

— Нѣтъ. Я бы не испугалась... Я не отъ того дрожу... Я завидую...

— Кому и чему?

— Разставшись съ вами, я долго думала о томъ, что васъ такъ интересуешь, и знаю, какъ вамъ пріятно освѣтить какой нибудь фактъ и объяснить историческое событіе. Потомъ мнѣ стало нестерпимо въ спальнѣ, и я испугалась, что будетъ обморокъ: до того разгорѣлась голова, и стало тоскливо на сердцѣ. Я одѣлась и пошла дворомъ къ Юрьевой могилѣ. Въ садъ не пошла, потому что мама уже спитъ, а часъ тому назадъ я еще не рѣшалась встрѣтиться съ вами здѣсь ночью. Сначала показалось мнѣ, что стучитъ мельница. Я остановилась за изгородью и стала прислушиваться. Но это скакали на лошадяхъ. Мнѣ Богъ знаетъ что представилось. Такая чудесная, сумасшедшая ночь, что приходятъ въ голову несбыточныя мысли, и разыгрывается воображеніе... Не будете меня презирать? Была секунда, когда я ждала, что увижу запорожскій отрядъ. (Она стала нервно смѣяться). Физически я даже какъ будто больше васъ, но на самомъ дѣлѣ я еще дѣвчонка. Сдѣлайте мнѣ выговоръ... Развѣ можно надоѣдать вамъ такими пустяками? Но слушайте дальше. Неслись во весь карьеръ Николай и Сарра. Меня можно было бы замѣтить, если бы не кустъ орѣшника. У самой Юрьевой могилы Николай спрыгнулъ съ лошади, Сарра наклонилась, и они громко поцѣловались. Они думали, что никто не услышитъ ихъ поцѣлуя. Потомъ Сарра взяла за поводъ освободившагося коня, ударила хлыстомъ и умчалась назадъ. Николай прошелъ мимо меня, что-то весело напѣвая. Счастливецъ, конечно! И она счастливица! Изъ всѣхъ звуковъ, какіе бываютъ въ мірѣ, самый пріятный звукъ поцѣлуя.

Коса ея полурасплелась, лунный свѣтъ обливалъ ея разрумянившееся лицо, лобъ поблѣднѣлъ, слегка прищуренные, темные, теперь совсѣмъ темные глаза ловили взглядъ Павла Ивановича.

Онъ потупился.

— Скажите, Елена, — началъ онъ: — неужели вы одобряете поведеніе вашего брата и... этой дѣвушки?

Она какъ-то слабо содрогнулась, хотѣла засмѣяться, закрыла рукавомъ лицо и, когда отняла руку, по щекамъ ея катилась слезинка.

— Извините меня, Павелъ Ивановичъ, — сказала она. — Должно быть, вы будете обо мнѣ дурно думать. Но я больше не буду. Спокойной ночи!

Она порывисто встала и убѣжала; но скоро вернулась. Павелъ Ивановичъ продолжалъ сидѣть въ бесѣдкѣ, протянувъ ноги и повернувъ голову въ сторону, туда, гдѣ безконечною далью простиралась степь, сливаясь съ синими ночными небесами. Казалось, если бы на самомъ горизонтѣ появилось живое существо, его можно было бы увидѣть и опредѣлить, кто оно: волкъ или человекъ — такъ прозраченъ и ясенъ былъ этотъ лунный воздухъ. Но степь была пустынна.

— Павелъ Ивановичъ!

— Вы возвратились? — спросилъ профессоръ. — Ложитесь спать, дитя мое. О васъ я буду всегда думать хорошо. Вы не тревожьтесь, я никогда не разлюблю васъ.

— Вы любите меня, какъ можете, и вѣрю, что это прочная любовь, — сказала Елена. — Минутная слабость, и ничего больше. Вотъ что, вы были бы способны теперь посвятить меня въ какойнибудь отдѣлъ исторіи, съ которымъ я недостаточно знакома?

— Въ вашемъ вопросѣ звучитъ что-то ироническое, — произнесъ онъ.

— Нисколько. Мнѣ нуженъ образчикъ твердости и силы, которыхъ у меня мало. И, наконецъ, хотѣлось бы оставить по себѣ пріятное впечатлѣніе... Навѣрно исторію вы любите больше меня, это во всякомъ случаѣ?

— Исторія и вы — двѣ вещи соединимыя, но несоизмѣримыя, — сказалъ профессоръ. — Но вы лучше успокойтесь. Милая, прошу васъ! Идите спать!

Они разстались.

I. Ясинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

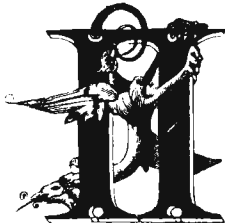

ВОСПОМИНАНІЯ М. Ѳ. КАМЕНСКОЙ ¹⁾.

VIII.

Возвращеніе въ Петербургъ. — Анекдотъ. — Братья Чернецовы. — Переѣзны въ кругу нашихъ знакомыхъ. — Карлики Ромулъ и Софронъ Осиповичъ. — Забавы княгини Васильчиковой. — Отношенія моихъ родителей къ крѣпостнымъ. — Медвѣженокъ и А. Н. Оленинъ. — Милостивое обращеніе императора Николая Павловича съ моимъ отцомъ. — Нога славянина. — Доброта И. П. Мартоса. — Академическая церковь и ея причтъ. — Свадьба дочери И. П. Мартоса. — Кончина бабушки и дяди.

П О ПЕРЕѢЗДѢ изъ Нарголова въ Петербургъ, па пенька усердно принялся за обычную работу: всякое утро усаживался въ кабинетъ у окна вырубать свои медали. Но его часто отрывали отъ занятій; почти ежедневно къ нему приходили съ просьбами о принятіи въ ученики академіи какихъ-то мальчиковъ, и это отнимало у него много времени. По этому поводу маменька рассказывала намъ забавный анекдотъ, въ которомъ ей самой пришлось играть роль.

Мать какого-то мальчика, вѣроятно, подумала, что пріемъ ея сына въ академію будетъ вѣрнѣе, если она забѣжитъ впередъ попросить покровительства графини Анны Ѳеодоровны. Такъ она и сдѣлала. Забралась прежде къ маменькѣ и стала слезно умолять ее упросить супруга своего принять въ число учениковъ академіи ея бѣднаго сына.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 329.

— Отчего же вы, моя милая, не обратились прямо къ графу? Я, право, тутъ ничего не могу... Это совсѣмъ не мое дѣло,—отвѣтила этой женщинѣ маменька.

— Ваше сіятельство, заставьте за себя вѣчно Бога молить! Вѣдь всѣ говорятъ, что коли вы за кого супруга вашего попросите, то того они непременно примуть... А мальчикъ у меня такой смиренный, богобоязненный!..

— Да вѣдь не въ томъ дѣло, милая моя; надо знать, имѣетъ ли сынъ вашъ способности къ художеству?—спросила мать моя.

— Къ художеству?—съ испугомъ вскрикнула несчастная мать:—къ художеству? да избави, Боже!.. благодѣтельница моя! никакихъ у моего сына способностей къ художествамъ нѣтъ... Онъ у насъ вѣдь въ страхѣ Божиемъ воспитанъ, онъ у насъ вѣдь не дуракъ какойнибудь, онъ у насъ въ школѣ, онъ ужъ очень ученый: всю эту ашетрію, манетрію и фицъ подъ фискаль¹⁾ давно ужъ прошелъ, а насчетъ художествъ — Богъ помиловаль! онъ у насъ ихъ и въ головѣ не держить...

Такъ я и не знаю, взяли ли тогда этого ученаго мальчика безъ художествъ въ ученики академіи.

А вотъ въ другой разъ, на моихъ глазахъ, пришли къ папенькѣ два крестьянскіе мальчика въ лаптяхъ и старенькихъ кафтанишкахъ,—такъ эти сразу завоевали сердце отца моего.

— Чего вы желаете, ребята? Что я могу для васъ сдѣлать? — ласково спросилъ у нихъ папенька.

— Мы рисовать хотимъ,—отвѣтили въ одинъ голосъ оба мальчика.

— Да вы развѣ умѣете рисовать?

— Умѣемъ.

— Что же вы рисуете?

— Корову—такъ корову, лошадь—такъ лошадь: что видимъ, то и рисуемъ.

— Что же вы принесли мнѣ показать ваши рисунки?

— На чемъ принести-то? у насъ бумаги вѣдь нѣтъ...

— Такъ на чемъ же вы до сихъ поръ рисовали?—продолжалъ съ удивленіемъ допрашивать мальчиковъ отецъ мой, а они безъ запинки ему отвѣчали:

— Да на заборѣ мѣломъ, али на стѣнѣ въ сараѣ... Только за это батька очень больно бьетъ, чтобы мы стѣнъ не пачкали, и сейчасъ же все, что мы нарисуемъ, смывать заставляетъ... Вотъ одинъ баринъ намъ сказалъ, что здѣсь въ академіи за то, что мы будемъ рисовать, насъ бить не будутъ и бумаги и карандашъ дадутъ... Вотъ мы изъ деревни убѣжали и сюда пришли. Этотъ же баринъ и денегъ намъ на дорогу далъ и приказалъ намъ идти въ Питеръ. А вотъ по этой бумажкѣ мы и академію нашли и тебя спросили,—

¹⁾ Геометрію, дифференціалы и интегралы.

добавилъ мальчикъ, который былъ постарше, и подалъ папенькѣ запачканную бумажку, на которой былъ написанъ адресъ академіи художествъ и имя графа Ѳ. П. Толстого.

Нечего и говорить, что эти два самородка-художника были приняты въ число учениковъ академіи, блистательно окончили въ ней курсъ, сдѣлались извѣстными пейзажистами братьями Чернецовыми, которымъ въ послѣдствіи давались въ распоряженіе казенные пароходы, на которыхъ они объѣхали всю Волгу, Крымъ, Кавказъ и составили свои знаменитые альбомы, такъ долго хранившіеся въ кабинетѣ покойнаго государя Николая Павловича. Гдѣ находятся теперь эти альбомы, я не знаю, но знаю, что папенькѣ, въ благодарность за его заботы о нихъ, оба брата Чернецовы поднесли двѣ картины своей работы, написанныя масляными красками, два деревенскіе вида, которые висѣли у насъ въ залѣ и которыми, я помню, отецъ мой очень дорожилъ. И вѣрно онъ Чернецовыхъ очень любилъ, коли принялъ отъ нихъ этотъ подарокъ.

Въ это же лѣто, пока мы жили въ Парголовѣ, въ кругу нашихъ знакомыхъ случились маленькія перемѣны. Во-первыхъ, Михаилъ Евграфовичъ Лобановъ, вѣроятно, окончивъ давать уроки императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, вышелъ въ отставку, купилъ себѣ дачу съ большимъ садомъ, на Карповкѣ, стѣна объ стѣну съ дачею старика балетмейстера Дидло, переѣхалъ туда съ женою своею Александрой Антоновной на вѣчное житіе, гдѣ уже на собственной землѣ занялся своимъ излюбленнымъ ученымъ садоводствомъ.

Потомъ еще нашъ другъ m-r Liosun въ это же лѣто успѣлъ слетать на родину въ Швейцарію и привезъ себѣ оттуда прехорошенькую молодую женку, m-me Louise Liosun de Vevey, какъ она всегда подписывалась подъ своими письмами. Эта Louise Liosun вскорѣ сдѣлалась въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ модной учительницей французскаго языка, а въ послѣдствіи была даже воспитательницей цѣлаго поколѣнія дѣтей въ аристократическомъ кругу. У насъ въ домѣ по мужу m-me Louise скоро стала своимъ членомъ.

По субботамъ, какъ и въ розсвомъ домѣ, мы съ сестрой собирали къ себѣ дѣвочекъ изъ пансіона m-me Ловофъ и кадетиковъ изъ 1-го кадетскаго корпуса, а къ теткамъ моимъ аккуратно приѣзжала отъ княгини Васильчиковой ночевать Анна Николаевна Рускони; ее привозили въ большой каретѣ съ двумя гайдуками и съ нею кстати всегда посылали провѣтриваться малюсенькаго карлика Ромула, старичка лѣтъ 70-ти. Его запросто звали Ромушкой. Помню, что онъ составлялъ мое блаженство. Бывало какъ только завизжу Васильчиковскую карету съ желтыми колесами, такъ и бѣгу въ переднюю и жду: войдетъ Анна Николаевна, и покуда одинъ верзилище, выѣздной лакей, разоблачаетъ ее изъ салона, а тетки

и маменька цѣлуются съ ней, я во всё глаза гляжу на какой-то комочекъ, укутанный въ дамскія шали, котораго другой лакей держалъ на рукахъ, ну, ни дать ни взять, какъ маленькую, сморщенную обезьяну. Это и былъ знаменитый Ромулъ, любимецъ княгини Васильчиковой. Ему маменька и тетки мои жмутъ ручки и разговариваютъ съ нимъ, какъ съ настоящимъ кавалеромъ, а онъ отвѣчаетъ имъ тоненькимъ, тоненькимъ голоскомъ... Но у насъ его никогда не раздѣвали, а тотчасъ же уносили опять въ карету и увозили домой, а зимою этого Ромула всегда привозили въ собольемъ мѣшкѣ, завязанномъ подъ горло, и въ такой же собольей фуражечкѣ. Былъ у нихъ еще и другой карликъ, Софронъ Осиповичъ; но этотъ былъ уже человѣкъ самостоятельный, лѣтъ пятидесяти и ростомъ съ семилѣтняго мальчика. Этого привозили къ намъ часто обѣдать по воскресеньямъ. Одѣтъ онъ былъ всегда во фракъ отъ самаго перваго портного въ Петербургѣ и при часахъ, только лицо, какъ печеное яблоко. Софронъ Осиповичъ былъ человѣкъ грамотный и большого ума, но, какъ всё карлики, очень золь. Разъ у насъ послѣ обѣда нашъ родственникъ, кадетъ старшаго класса, Барановскій, позволилъ себѣ какъ-то неосторожно подшутить надъ карликомъ, но не успѣлъ еще большой кадетъ досказать свое *bon mot*, какъ Софронъ Осиповичъ подпрыгнулъ, схватилъ его за ухо и повисъ на немъ... Барановскій вскрикнулъ отъ боли, папенька кинулся разнимать ихъ, но Софронъ Осиповичъ, не выпуская уха изъ рукъ, побагровѣвъ отъ злости, сказалъ отцу моему:

— Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, научить этого большого болвана, какъ онъ долженъ уважать людей старше себя...

Про Софрона Осиповича еще рассказывали анекдотъ, какъ онъ имѣлъ счастье войти въ большую милость къ государю Николаю Павловичу. Пятидесятилѣтній малютка, кромѣ своего ума, остроты и находчивости, былъ еще страстный охотникъ, ловкій и мѣткій стрѣлокъ. Вотъ князю Иларіону Васильевичу Васильчикову разъ и пришла въ голову мысль взять съ собою на царскую охоту своего Софрошу и потѣшить имъ государя. Выдумка князя имѣла успѣхъ: Софроша на охотѣ не далъ почти ни одного промаха и ловкими своими словцами смѣшилъ Николая Павловича. За завтракомъ, говорятъ, государь посадилъ карлика около себя и, милостиво трепля его по плечу, спросилъ:

— Ну, что, маленькій человѣчекъ, доволенъ ты сегодняшнимъ днемъ?

— Безмѣрно счастливъ, ваше величество, и не забуду этого дня до послѣдняго моего вздоха...

— Ну, такъ научи меня, Софронъ Осиповичъ, какъ бы мнѣ ознаменовать этотъ день, когда мы охотились вмѣстѣ съ тобою, такъ чтобы ты никогда не забылъ его.

— Примите меня на службу въ вашу охоту, ваше величество,

и дозвольте мнѣ носить ея мундиръ. Тогда, если-бъ я и могъ забыть сегодняшній день, то это будетъ мнѣ невозможно...

Государь расхохотался и тотчасъ приказалъ князю Васильчикову зачислить забавнаго карлика въ свою охоту и велѣлъ нарядить его въ мундиръ.

Анна Николаевна нѣсколько разъ рассказывала при мнѣ, что у ея друга княгини Васильчиковой въ деревнѣ происходила какая-то особенность: очень часто родились карлицы и карлики, что разъ княгинѣ захотѣлось поженить такую парочку уродцевъ между собою, и что на это желаніе деревенскій священникъ долго не соглашался и говорилъ ей:

— Помилуйте, ваше сіятельство, что вы хотите дѣлать? Вѣдь это будетъ вамъ большой грѣхъ, если вы будете распложать на свѣтѣ уродовъ...

— Ахъ, батюшка, не говорите мнѣ этого!—отвѣчала огорченная противсрѣчіемъ священника княгиня:—вѣдь если мы ихъ соединимъ, то дѣти ихъ родятся законными, и въ этомъ никакого грѣха не будетъ. Гораздо же грѣшнѣе будетъ если у этихъ несчастныхъ родятся дѣти безъ брака...

И переспорила княгиня своего деревенскаго пастыря: онъ сдѣлалъ удовольствіе своей барынѣ и обвинчалъ такую парочку... А она стала играть, какъ въ игрушки, со своими молодыми. Выстроила имъ у себя въ саду особый крошечный домикъ, приставила карликамъ въ прислугу подростковъ мальчиковъ и дѣвочекъ, велѣла для нихъ сдѣлать маленькую телѣгу, купила пони, завела полное хозяйство въ миниатюрномъ видѣ и водила всѣхъ гостей своихъ смотрѣть на свои чудеса. Восторгамъ княгини Васильчиковой и ея гостей, которые лазали въ маленькій домикъ смотрѣть на семейное счастье маленькихъ супруговъ,—не было конца.

Да, хотя эти проказы творились далеко до появленія моего на свѣтѣ, но, всетаки, съ трудомъ вѣрится, чтобы та же самая женщина, которая играла живыми божьими созданіями, какъ игрушками, могла быть вмѣстѣ съ тѣмъ въ полномъ смыслѣ добродѣтельной княгиней Васильчиковой, которую уважалъ весь Петербургъ. Неужели же тогда даже всѣ прекраснѣйшіе люди своихъ крѣпостныхъ за людей не считали?... Какъ это странно! Слава Богу, что я у насъ въ домѣ никогда ничего подобнаго не видѣла. Мои дорогіе отецъ и мать, съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ помню, кажутся, были немного помѣшаны на желаніи: какъ можно скорѣе отпустить всѣхъ своихъ крѣпостныхъ людей на волю. Да вотъ бѣда, отъ нихъ никто уходитъ не хотѣлъ. Да и маменька сама себя ихъ подбавляла: какъ только узнаетъ, что на Васильевскомъ островѣ какой нибудь баринъ или барыня тиранятъ человѣка, такъ и начнетъ мучиться, какъ бы ей выкупить несчастнаго; займетъ, бывало, денегъ у дяди Константина Петровича и выкупить. Помню, что

сестрѣ Лизанькѣ и мнѣ въ наши именины она всегда дарила чьюнибудь вольную и приказывала отнести и подарить вновь выкупленному человѣку. Такъ выкупила маменька нашего кривоногого повара Филипа и чудную дѣвушку Анну Васильевну, которая вольной отъ насъ не приняла и до глубокой старости была горничной дѣвушкой тети Нади. Случалось, что маменька и сама не отпускала на волю ни на что неспособнаго человѣка изъ боязни, что на волѣ онъ умретъ съ голоду. Былъ у насъ такой Иванъ, которому по глупости его даже должности придумать не могли. Только разъ передъ самымъ переѣздомъ нашимъ изъ розоваго дома въ академію онъ самъ явился къ маменькѣ съ просьбой:

— Ваше сіятельство, отпустите меня на волю, я жениться хочу...

Разумѣется, вольную ему дали. Онъ ушелъ, женился на такой же дурѣ, какъ онъ самъ, и долго о немъ не было ни слуху, ни духу... Прошло года полтора, и вдругъ онъ сдѣлалъ маменькѣ сюрпризъ; не спросивъ у нея даже позволенія, пришелъ къ намъ назадъ съ женой, люлькой и маленькой дочкой. И, какъ будто такъ и надо, объявилъ маменькѣ:

— Ваше сіятельство! Я опять къ вамъ, возьмите насъ, мы съ женою и ребенкомъ на волѣ съ голоду умираемъ.

И что же?—маменька вмѣсто одного рта приняла назадъ три.

Но я увлекаюсь, поднимаю всю милую мнѣ старину, а, можетъ быть, мои рассказы про мою святую мать интересны только мнѣ... Да, по правдѣ сказать, въ концѣ 1828 года, ничего особенно знаменательнаго, кромѣ кончины императрицы Маріи Феодоровны, не случилось, но о ней я подробностей никакихъ не знаю. Слышала только, что всѣ казенныя заведенія, о которыхъ государыня заботилась, какъ родная мать, были въ страшномъ горѣ. Старикъ Иванъ Петровичъ Мартосъ, который въ молодые свои годы, по заказу императрицы, украшалъ Павловскъ своими произведеніями, часто имѣлъ счастье видѣть государыню и любилъ ее до обожанія, — долго былъ неутѣшенъ... И въ его домѣ, и у всѣхъ профессоровъ празднествъ въ этомъ году никакихъ не было; осень и зима прошли совсѣмъ тихо. Наступила весна, и въ академіи начали готовиться къ ежегодной выставкѣ, на которой была выставлена и наша семейная картина, одобренная совѣтомъ академіи, и которая такъ понравилась публикѣ...

Не помню, кто-то подарилъ папенькѣ презабавнаго маленькаго медвѣдя, который, бѣгая по нашей квартирѣ, потѣшалъ всю семью нашу. И мало того, что забавлялъ нашу семью, онъ скоро сдѣлался любимцемъ самого президента академіи А. Н. Оленина, который передъ выставкой часто заходилъ поговорить съ отцомъ моимъ о дѣлахъ. Приѣдетъ, бывало, Алексѣй Николаевичъ, войдетъ къ папенькѣ въ кабинетъ и вмѣсто того, чтобы совѣщаться съ нимъ о чемънибудь нужномъ, по цѣлымъ часамъ, тихо хихикая, любитъ на малень-

каго Мишку, какъ онъ, обхватывая лапами толстыя ноги биллиарда, влѣзаетъ на полотно биллиарда, бѣгаетъ и кувыркается по зеленому сукну, а когда захочется ему опять на полъ, онъ неловко полѣзетъ внизъ, тяжелое туловище перетянетъ его, онъ оборвется и упадетъ на паркетъ, какъ мягкая подушка. Папенька въ это время начиналъ нѣсколько разъ заговаривать о дѣлѣ:

— Алексѣй Николаевичъ, не забудьте приказать, чтобы...

— Погодите, погодите, графъ, дайте мнѣ поглядѣть на эту престель...—не слушая, что говорить ему мой отецъ, разсѣянно отвѣтитъ президентъ.

А то маленькій звѣренокъ обхватить лапами ногу маленькаго генерала и полѣзетъ на него, какъ на биллиардъ, тогда Алексѣй Николаевичъ начнетъ и хохотать, и кричать:

— Графъ, возьмите его, возьмите! Я его боюсь!..

Итакъ пройдетъ все утро; о дѣлахъ Оленинъ не промолвитъ и полъ-слова, а только уѣзжая скажетъ:

— Нѣтъ, графъ, теперь ужъ поздно! Я завтра приѣду къ вамъ поговорить о дѣлѣ. Только спрячьте этого престельнаго Мишу, а то я опять съ вами ничего путнаго не сдѣлаю.

А на другой день приѣдетъ и прежде всего спроситъ:

— А гдѣ же Мишка? Покажите мнѣ его хоть на одну минутку...

Заговоривъ о дружескомъ тонѣ съ папенькой его прямого начальства, не могу кстати не рассказать о томъ, какъ несказанно милостивъ и ласковъ былъ къ отцу моему самъ государь Николай Павловичъ.

Разъ ожидали государя на выставку. Папенька съ утра одѣлся, и такъ какъ былъ очень разсѣянъ, то маменька осмотрѣла, все ли на немъ въ порядкѣ, положила около него носовой платокъ и сказала:

— Théodore, смотри, вотъ я тутъ положила тебѣ чистый носовой платокъ.

Это напоминаніе необходимо было сдѣлать, потому что папенька обыкновенно, рисуя акварельными красками, вытиралъ свои кисти объ носовой платокъ, такъ что платки его вѣчно были перепачканы.

Въ ожиданіи государя, отецъ мой опять присѣлъ порисовать немного. Вдругъ вбѣжалъ нашъ академическій полицеймейстеръ съ извѣстіемъ, что его величество ѣдетъ.

Папенька бросилъ работу и поспѣшилъ встрѣчать императора на парадный подъѣздъ. Государь милостиво поздоровался со всѣми, кто его ожидалъ. Подымаясь по лѣстницѣ, государь тихо сказалъ ему:

— Федоръ Петровичъ, у меня до тебя просьба. Знаешь, кромѣ баталической живописи, я не довѣряю моему толку въ картинахъ; а мнѣ надо купить что нибудь на выставкѣ, и я боюсь ошибиться. Такъ ты не отходи отъ меня, и если какая нибудь картина будетъ

стоитъ того, чтобъ я ее купилъ, ты мнѣ глазами покажи на нее, я куплю...

Такъ папенька и сдѣлалъ, и государь приказалъ оставить за нимъ какія-то двѣ картины.

У папеньки на бѣду въ этотъ день былъ сильный насморкъ, и онъ, показывая государю выставку, часто вынималъ изъ кармана платокъ и сморкался... При этомъ Николай Павловичъ, смотря на него, всякій разъ не могъ удержаться отъ улыбки. А между тѣмъ деликатный отецъ мой уже успѣлъ обидѣться, и всегдашняя его вспыльчивость работала въ немъ...

— Чего онъ смѣется? что во мнѣ онъ видитъ такого смѣшного?—задавалъ папенька себѣ вопросъ, и на лицѣ его было видно, что онъ недоволенъ. Государь это замѣтилъ и, какъ только папенька опять вытащилъ платокъ изъ кармана, поймалъ его руку, поднялъ кверху и, засмѣявшись, спросилъ:

— Толстой, скажи мнѣ на милость, какой это у тебя флагъ? Я что-то не разберу...

Папенька поднялъ глаза и увидѣлъ, что у него въ рукѣ весь выпачканный красками платокъ.

— Простите, ваше величество, виноватъ! Вѣдь жена мнѣ положила чистый платокъ, а я второпяхъ и по разсѣянности захватилъ вчерашній грязный и съ нимъ прибѣжалъ къ вашему величеству,—весь вспыхнувъ отъ стыда, заговорилъ папенька.

— Ахъ ты мой, художникъ!—расхохотавшись, сказалъ государь и ласково потрепалъ по плечу отца моего.

И всякій разъ, какъ пріѣдетъ бывало государь въ академію, папенька точно нарочно по своей разсѣянности счудить чтонибудь... Разъ какъ-то тоже ждали въ академію государя. Въ то время отецъ мой былъ уже занятъ гравированіемъ на мѣдныхъ доскахъ сочиненныхъ имъ въ греческомъ вкусѣ иллюстрацій къ поэмѣ «Душенька» Богдановича. Не могу сказать для чего, но только помню, что папенька, когда не работалъ, мѣдную доску, по которой гравировалъ, всегда покрывалъ бѣлой лайкой, съ мохнатою стороны густо обсыпанной мѣломъ. Такъ какъ отецъ мой безъ работы не могъ просидѣть ни минуты, то и въ тотъ день, когда ждали Николая Павловича, онъ не утерпѣлъ, чтобы совсѣмъ одѣтому не пойти къ себѣ въ кабинетъ посмотрѣть на свою работу. Усѣлся къ столу, откинулъ лайку къ себѣ на колѣни, смотрѣлъ, смотрѣлъ, потомъ увлекся, прилегъ грудью къ доскѣ и началъ гравировать, забывъ все на свѣтѣ... Неожиданно его спугнулъ кто-то, крикнувъ въ дверь: «Ваше сіятельство, государь пріѣхалъ!..». Отецъ мой вздрогнулъ, точно съ просонья выбѣжалъ въ переднюю, вѣстовой накинулъ ему на плечи его старую камлотовую шинель, онъ помчался по корридору, на парадной лѣстницѣ сбросилъ кому-то на руки шинель, влетѣлъ въ круглую залу и очу-

тился прямо передъ лицомъ государя, который стоялъ тамъ съ Ленинымъ и профессорами. Не успѣлъ папенька отвѣсить его величеству поклонъ, какъ государь разразился громкимъ хохотомъ. Отецъ весь вспыхнулъ... «Опять смѣется! чему?»—забродило у него въ головѣ: «Платокъ у меня чистый, да я еще и не вынималъ его изъ кармана, а онъ ужъ смѣется...»,—все болѣе и болѣе конфузясь, думалъ папенька.

— Здравствуй, Толстой!—протянувъ руку, со смѣхомъ сказалъ Николай Павловичъ:—скажи мнѣ, давно ли ты у меня въ мельники пошелъ?

— Въ мельники?..—не понимая, что этимъ хочетъ сказать императоръ, съ удивленіемъ переспросилъ папенька.

— Да посмотри на себя, вѣдь ты весь въ мукѣ!..—проговорилъ государь, дотрогиваясь пальцемъ до груди графа.

Папенька опустилъ голову и увидалъ, что весь передъ его платья выпачканъ мѣломъ...

— Простите, ваше величество, я гравировалъ и не замѣтить, что выпачкался мѣломъ!..—совсѣмъ успокоившись, извинился отецъ мой.

— То-то гравировалъ! Ахъ ты чудакъ! ну, стой смирно, я тебя вычищу...

И государь, вынувъ носовой платокъ, началъ выколачивать мѣлъ съ вице-мундира своего вице-президента...

Когда Николай Павловичъ уѣзжалъ, на парадной лѣстницѣ много рукъ протянулось подавать ему шинель, но онъ остановилъ ихъ и приказалъ:

— Нѣтъ, надѣньте прежде шинель моему мельнику; я боюсь, что онъ простудится, а онъ мнѣ дорогъ...

Когда государь уѣхалъ, добрякъ Оленинъ крѣпко пожалъ руку отцу моему, а всѣ профессора были поражены, видя такую великую милость монарха къ ихъ вице-президенту...

Кромѣ этихъ свиданій съ государемъ въ академіи художествъ, папенька часто рано по утрамъ ходилъ къ нему въ Зимній дворецъ и носилъ показывать свои проекты, нарисованные перомъ для новой медали войны 1812 года, которую онъ собирался начать лѣпить. Безъ одобренія Николая Павловича онъ никогда не приступалъ къ этой работѣ.

Лучше сказать теперь же, что за всѣ 20 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ отецъ мой сочинялъ, лѣпилъ и вырубалъ свои медали, государь всего только одинъ разъ остался не совсѣмъ доволенъ рисункомъ отца моего и, разсмотрѣвъ его внимательно, сказалъ ему:

— Послушай, Ѳедоръ Петровичъ, воля твоя, а колѣно у твоего славянскаго воина повернуто неправильно!..

— Нѣтъ, правильно, ваше величество!—съ увѣренностью отвѣтилъ папенька.

— А я тебѣ говорю, что неправильно,—настаивалъ на своемъ императоръ:—вотъ посмотри, я стану въ такую же позу, какъ твоя воинь...

И государь точно сталъ передъ зеркаломъ въ позу воина.

— Вотъ видишь, отъ самага колѣна ты отвелъ ногу въ сторону, а такъ она твердо стоять не можетъ. Славянскій воинъ манерничать, по моему, не будетъ; онъ поставитъ ступню вотъ такъ...

И Николай Павловичъ, смотря въ зеркало, передвинулъ ногу и сталъ прямо и твердо на всю ступню ноги. Потомъ присѣлъ къ письменному столу и тутъ же на папенькиномъ рисункѣ легонечко нарисовалъ карандашемъ ногу такъ, какъ ему казалось, что она будетъ стоять правильно.

— Вотъ, возьми домой, посмотри хорошенько; и если я правъ, такъ поправь,—сказалъ государь, отдавая рисунокъ графу.

Но съ того момента, какъ Николай Павловичъ сталъ поправлять рисунокъ отца, въ папеньку успѣла вступить его всегдашняя горячка: онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ и не въ состояніи былъ разсуждать ни о чемъ, а только взялъ свой рисунокъ и, молча, вышелъ изъ кабинета государя. Всю дорогу, покуда папенька, задыхаясь, летѣлъ отъ Зимняго дворца до академіи художествъ, въ разгоряченной головѣ его не переставало бурлить:

— Вотъ какъ нынче!.. Я уже не въ состояніи нарисовать ноги правильно... меня надо учить! Да еще рисуютъ на моемъ рисункѣ. Какъ это вѣжливо!..

Вбѣжавъ въ свой кабинетъ, папенька заперся изнутри на ключъ, проворно раздѣлся догола и началъ передъ своимъ трюмо становиться въ разныя позы. По мѣрѣ того, какъ онъ провѣрялъ себя, горячка его разомъ оставила: онъ вдругъ чего-то застыдился... Проворно одѣлся и, открывъ дверь, громко кликнулъ маменьку. Она сейчасъ же къ нему прибѣжала.

— Аннета, поищи, пожалуйста, гдѣ у меня тутъ стоитъ баночка съ лакомъ, подай мнѣ ее скорѣй...

— Что съ тобой? Отчего у тебя такое перекофуженное лицо? Не случилось ли съ тобой во дворцѣ чего нибудь непріятнаго?— съ участіемъ начала спрашивать маменька.

— Ничего со мною не случилось. Я самъ виноватъ, виноватъ такъ, какъ въ жизни никогда не былъ... Вотъ посмотри, у меня въ этомъ рисункѣ медали, въ правой ногѣ у воина, прокралась ошибка; я ея самъ не замѣтилъ, а отъ государя она съ перваго взгляда не ускользнула. Каковъ молодецъ, какова у него вѣрность взгляда, а я, скотъ этакій, еще обозлился на него... А онъ правъ, тысячу разъ правъ! Гляди: это государь самъ поправилъ мнѣ правую ногу... Что-жъ ты мнѣ не даешь лаку? Я покрою имъ карандашъ его величества и сохранию эту рѣдкость потомству...

Про эту поправку ошибки отца моего самимъ государемъ Ни-

колаемъ Павловичемъ я слышала отъ папеньки милліоны разъ и видѣла своими глазами покрытую лакомъ поправку государя на рисунокѣ отца, который онъ хранилъ до конца жизни, какъ зѣницу своего ока. Не знаю, существуетъ ли теперь этотъ старенькій лоскутокъ бумажки, на который съ такимъ сладкимъ чувствомъ воспоминанія о быломъ до глубокой старости порою заглядывался мой отецъ. И если существуетъ еще эта бумажка, то придаетъ ли ей тотъ, кому она досталась, ту же цѣну, какую придавалъ во время оно первый русскій медальеръ, графъ Ѳеодоръ Толстой? Ничего этого я не знаю. Знаю только, что папенька тогда же исправилъ по указанію Николая Павловича рисунокъ своей медали и съ повинной головой отнесъ его въ Зимній дворецъ показать государю. И оба они, и царь и художникъ, остались очень довольны другъ другомъ...

Покуда это все творилось, время себѣ шло да шло, и незамѣтно насталъ великій постъ, пришла пора молиться и каяться въ грѣхахъ. Всѣ академическіе начали поочередно говѣть.

Серьезнѣе всѣхъ, кажется, принялся за это религиозное дѣло Иванъ Петровичъ Мартосъ (не даромъ онъ происходилъ изъ духовнаго званія). Онъ мало того, что говѣлъ съ дочерью своей Катенькой въ академической церкви, но послѣ службы уводилъ свою Катеньку будто бы гулять, а самъ потихоньку отъ домашнихъ водилъ любимую дочь по тюрьмамъ и больницамъ навѣщать заключенныхъ и страждущихъ и тамъ давалъ ей деньги, чтобы она дѣлала вклады и помогала неимущимъ... И всѣ домашніе знали, куда Иванъ Петровичъ повелъ дочь, но всѣ молчали, потому что старичекъ хотѣлъ, «чтобъ это было тайно»... Кромѣ этого тайнаго добра, которому старичекъ Мартосъ научалъ свою дочь, у него явно домъ биткомъ былъ набитъ бѣдными его и жениными родственниками, которые жили у него на полномъ его иждивеніи... Да, можно сказать, что Иванъ Петровичъ былъ истинный христіанинъ.

Какая была наша академическая церковь простенькая, не золоченая, съ темненькимъ военно-походнымъ иконостасомъ, оставшимся, кажется, еще послѣ императора Павла. Но что было истинно прелестно и грандіозно въ нашей старой церкви, это—въ самомъ алтарѣ, надъ престоломъ, что-то въ родѣ отдѣльнаго круглаго храма на шести гранитныхъ колоннахъ съ бронзовыми базами и капителю и куполомъ, писаннымъ масляными красками, изображающимъ голубое небо, облака и въ немъ св. Духа въ видѣ бѣлаго голубя въ сіяніи. Помню, рассказывали тогда, что подъ этимъ величественнымъ храмомъ въ Петропавловскомъ соборѣ было выставлено тѣло государыни Елисаветы Петровны, и что послѣ ея похоронъ Екатерина II отдала это погребальное украшеніе въ даръ академіи художествъ на вѣчную память о первой ея строительницѣ.

Священникомъ академіи въ то время былъ отецъ Василій Виноградовъ, очень умный, ученый и красивый собою молодой человекъ, неизвѣстно почему всегда грустный и задумчивый. По этому поводу всевѣдущая академическая хроника рассказывала, что у отца Василія еще до поступленія его въ духовный санъ священника былъ сердечный романъ, что еще въ семинаріи онъ былъ безъ памяти влюбленъ въ свѣтскую прелестную барышню, но принужденъ былъ разлучиться съ любимой дѣвушкой, потому что ему дали мѣсто скончавшагося священника академіи художествъ, вмѣстѣ съ которымъ ему обязательно надо было взять за себя въ замужество дочь его предшественника, не любимую имъ и некрасивую дѣвицу, что таковъ стародавній законъ духовнаго вѣдомства. И вотъ отецъ Василій и грустенъ всегда потому, будто бы, что никакъ не можетъ забыть свою возлюбленную барышню.

Отецъ дьяконъ академіи художествъ Тамаринскій, напротивъ того, былъ нрава веселаго, живой, проворный, обожающій свою жену и дѣтей. Кромѣ того, Тамаринскій былъ и художникъ, очень недурно писалъ образа и всегда находилъ способъ прирабатывать что нибудь на пользу семьи своей. Не знаю, помнитъ ли кто нибудь въ академіи, какъ отецъ дьяконъ проворно и ловко сумѣлъ воспользоваться долетѣвшею до Петербурга вѣстью о томъ, что въ Воронежѣ открылись мощи святаго Митрофанія. А я такъ очень хорошо помню. Какъ только отецъ дьяконъ узналъ эту новость, то, не теряя ни минуты времени, поѣхалъ, накупилъ себѣ много кипарисныхъ дощечекъ, на которыхъ пишутъ образа, привезъ къ себѣ домой, оставилъ ихъ въ линію въ длину своей комнаты, вооружился своей палитрою, кистями и началъ гулять взадъ и впередъ и писать много Митрофаніевъ сразу. Разъ прошелъ — написалъ всѣмъ лбы; другой прошелъ — всѣмъ брови; въ третій — глаза, а тамъ и пошелъ, и пошелъ тѣмъ же порядкомъ писать носъ, ротъ, бороду и, наконецъ, одѣяніе. Все это было сдѣлано такъ живо, что работа была готова, просохла и поступила въ продажу тогда, когда во всемъ Петербургѣ ни за какія еще деньги нельзя было вымѣнять себѣ образъ новаго святителя, а спросъ на него былъ большой. Говорили тогда, что Тамаринскій этой аферой сколотилъ себѣ порядочныя деньги.

Закончу настоящую главу моихъ воспоминаній бракомъ дочери Ивана Петровича Мартоса. Онъ самъ пріѣхалъ объявить отцу моему, что дочь его, Екатерина Ивановна, просватана за прекраснѣйшаго человека, архитектора Василія Алексѣевича Глинку.

Папенька былъ знакомъ съ Глинкой, зналъ, что онъ дѣйствительно прекрасный человекъ, но, всетаки, не могъ не подумать, что пятидесятилѣтній мужъ далеко не пара пятнадцатилѣтней дочери Мартоса.

Но въ то время браки совершались обыкновенно по предвари-

тельному соглашенію родителей невѣсты и жениха. Старикъ Мартосъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что обожаемая имъ дочь будетъ гораздо счастливѣе въ замужествѣ, если онъ самъ, столь опытный въ жизни, выберетъ ей мужа. И точно выбралъ ей человѣка, уже пожившаго на свѣтѣ, умнаго, богатаго и занимающаго видное мѣсто. Чтобы хотя немного ознакомить между собой жениха и невѣсту, онъ устроилъ имъ у себя въ домѣ нѣсколько свиданій, а затѣмъ состоялось и сватовство. Оно совершилось весьма оригинальнымъ образомъ.

Въ одинъ прекрасный день Мартосъ, надѣвъ парикъ, академическій мундиръ и всѣ регалии, ожидалъ Глинку. Когда тотъ пріѣхалъ, въ гостиную была позвана дочь, и отецъ торжественно сказалъ ей:

— Катенька! Вотъ почтеннѣйшій Василій Алексѣевичъ дѣлаетъ намъ честь просить твоей руки. Я и маменька за это очень ему благодарны и даемъ ему наше согласіе. Теперь дѣло только за тобой, скажи: согласна ты, или нѣтъ?

Старикъ, вопросительно глядя на дочь, ждалъ отвѣта. Женихъ, въ сильномъ волненіи, готовился услышать рѣшеніе своей участи.

Катенька, вся покраснѣвъ до ушей, упорно молчала.

— Молчаніе—знакъ согласія! Человѣкъ! Шампанскаго!—громко и радостно крикнулъ радостный отецъ.

Лакей тотчасъ же подалъ подносъ съ виномъ. Иванъ Петровичъ и Авдотья Аванасьевна первые, съ бокалами въ рукахъ, поздравили жениха и невѣсту. Старикъ залпомъ опорожнилъ свой бокалъ, опрокинулъ его на свой парикъ и началъ цѣловать дочь и будущаго зятя. Затѣмъ, въ гостиную были приглашены домочадцы, начались поздравленія, цѣлованіе, обниманіе, шампанское полилось рѣкой, и веселію не было конца. Болѣе всѣхъ былъ счастливъ самъ Мартосъ тѣмъ, что устроилъ прочное счастье своей любимой дочери. Одна только Катенька продолжала молчать. Такимъ образомъ, она, не промолвивъ ни «да» ни «нѣтъ», едва доживъ до пятнадцати лѣтъ, сдѣлалась невѣстой пятидесятилѣтняго, некрасиваго Василя Алексѣевича Глинки.

На свадьбу ихъ изъ нашихъ никто не попалъ, потому что въ это время насъ поразило большое горе: умерла моя добрая бабушка, Марья Степановна. Но этимъ наши бѣды не кончились. У всѣми обожаемаго дяди Александра Ѳедоровича Дудина развилась чахотка, и онъ, прохворавъ около полугода, скончался къ величайшему огорченію всѣхъ насъ и въ особенности маменьки и тетокъ, которыя потеряли въ немъ не только любимаго брата, но и человѣка, который всю жизнь заботился о нихъ, какъ отецъ.

М. Каменская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИДЕАЛЫ ВЪ ИСКУССТВѢ.

I. Антокольскій.

ВѢЧНЫЯ сѣтованія на отсутствіе идеаловъ составляютъ теперь общее мѣсто. Выходить, какъ будто мы недавно еще находились въ полномъ обладаніи ясными и осуществимыми идеалами, но внезапно убѣдились въ ихъ несостоятельности и теперь томительно ищемъ новыхъ, которыхъ намъ, однако, никакъ не удастся найти. Быть можетъ, положеніе дѣлъ не такъ безнадежно, какъ оно многимъ представляется; быть можетъ, хаотическое состояніе умовъ уже скоро прекратится, и, къ общему удивленію, вдругъ восторжествуетъ одно изъ теченій общественной мысли, уже зародившееся, уже довольно широкое, но еще не оцѣненное, не понятое во всей полнотѣ его громаднаго значенія для народной жизни и для благополучія каждаго отдѣльнаго человѣка; быть можетъ, это теченіе, не исключющее ни религіи, ни науки, ни здравыхъ общественныхъ и политическихъ стремленій, напротивъ объединяющее ихъ ко благу родины, уже быстро назрѣваетъ и находится тамъ, гдѣ его менѣе всего привыкли искать. Вы старались указать на ясные признаки такого нарождающагося теченія, подвергая анализу основное содержаніе современной нашей беллетристики ¹⁾. Спрашивается, отличается ли и искусство современное наше какими нибудь особенными характеристическими чертами, или же

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», апрѣль, 1892 г., статья: «Шестидесятые годы и современная беллетристика».

наши художники даютъ намъ произведенія въ этомъ отношеніи совершенно безразличныя. Въ предлагаемомъ здѣсь этюдѣ мы попытаемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

Между современными русскими художниками наибольшую извѣстностью пользуются не только у насъ, въ Россіи, но и за границею, Антокольскій и Рѣпинъ. Мы и остановимся на ихъ творчествѣ, чтобы выяснитъ занимающій насъ вопросъ.

Но необходимо сперва сдѣлать оговорку. Дѣло въ томъ, что когда рѣчь заходитъ о выборѣ сюжетовъ (а только эта сторона вопроса насъ въ данномъ случаѣ и интересуетъ, потому что она одна бросаетъ свѣтъ на сущность творчества, на тѣ идеальныя стремленія, которыми руководствуется художникъ въ своей дѣятельности), то между художниками пера, съ одной стороны, и художниками рѣзца и кисти, съ другой, существуетъ все еще большая разница. Только борзописцы, бумагомаратели подчиняются въ выборѣ сюжетовъ чисто внѣшнимъ побужденіямъ; только они пишутъ по заказу, имѣютъ въ виду спросъ на тѣ или другіе сюжеты. Истинный художникъ пера подчиняется только внутреннему побужденію, внутреннему влеченію: даже, еслибъ его произведеніе не встрѣтило никакого сочувствія, нисколько не вознаградило бы его ни въ матеріальномъ отношеніи, ни въ смыслѣ доставленія ему славы, онъ, всетаки, будетъ творить, потому что къ этому его влечетъ съ неотразимою силою внутренняя потребность. Совершенно другое приходится сказать о скульпторѣ и живописцѣ. Они до сихъ поръ очень рѣдко отказываются отъ работъ по заказу. Въ поэзіи работы по заказу или къ случаю признаются недостойными уважающаго себя художника. Въ живописи и пластикѣ онѣ практикуются всѣми, но не въ нихъ, понятно, слѣдуетъ искать лучшихъ проявленій, сокровеннѣйшихъ замысловъ даннаго таланта. Конечно, иногда работа по заказу можетъ соответствовать внутреннему настроенію художника и быть болѣе или менѣе удачною. Но заказъ, какъ внѣшній поводъ или внѣшнее побужденіе, глубоко противорѣчитъ требованіямъ свободнаго искусства. Время одъ, именинной поэзіи навсегда миновало для сколько нибудь значительныхъ поэтическихъ дарованій. Но портреты и бюсты изготовляются по заказу живописцами и скульпторами, даже первоклассными. Есть, кромѣ того, такія произведенія, которыя до извѣстной степени могутъ быть причислены къ той же категоріи, потому что и они созданы не по внутреннимъ, а по внѣшнимъ побужденіямъ. Побужденія эти могутъ быть весьма разнообразны, но они болѣе или менѣе коренятся въ той же почвѣ. Когда работа дѣлается по заказу, то имѣется въ виду получить опредѣленную плату. Это — самая простая и грубая форма внѣшняго побужденія къ творчеству; но, если

художникъ избираетъ данный сюжетъ въ расчетъ, что онъ при такихъ-то вкусахъ, понятіяхъ или модѣ, царящихъ въ обществѣ, долженъ имѣть успѣхъ, то это будетъ также чисто внѣшнее побужденіе, не имѣющее ничего общаго съ истиннымъ творчествомъ. Когда художникъ творитъ совершенно независимо отъ такого рода побужденій, онъ остается вполне вѣренъ себѣ, даетъ наиболѣе полное выраженіе своей художественной натурѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ его творчество приобретаетъ ясный, опредѣленный характеръ. Наоборотъ, когда художникъ болѣе подчиняется внѣшнимъ, а не внутреннимъ побужденіямъ, онъ постоянно измѣняетъ себѣ, выбираетъ сюжеты, далеко не всегда соотвѣтствующіе роду его дарованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сильно вредитъ своему таланту, и творчество его лишается ясности и опредѣленности.

Эту оговорку надо одинаково имѣть въ виду при оцѣнкѣ творчества какъ Антокольскаго, такъ и Рѣпина. Всякому бросается въ глаза, что оба они работали не мало по заказу, изготовляя бюсты и портреты. Кромѣ того, какъ мы постараемся выяснитъ, они избирали многіе изъ своихъ сюжетовъ по чисто внѣшнимъ побужденіямъ.

Остановимся сперва на Антокольскомъ. Онъ самъ очень просто рѣшаетъ вопросъ о выборѣ сюжетовъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ г. Стасову онъ говоритъ: «Что же касается до выбора сюжетовъ, то это зависитъ чисто отъ степени интеллектуальности человѣка, его чувства, такта и гармоніи». Самъ Антокольскій, однако, руководствуется въ выборѣ сюжета не только этими мотивами, но и платою, иногда, на примѣръ, изготовляетъ бюсты или надгробные памятники по заказу. Кромѣ того, къ перечисленнымъ Антокольскимъ условіямъ выбора сюжета надо прибавить и нѣкоторые другіе, быть можетъ, еще болѣе существенные. Тутъ на первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ вліянія, которымъ подвергалось творчество художника преимущественно въ молодости, когда формировался человѣкъ и художникъ, когда складывались всѣ тѣ элементы, которые въ концѣ концовъ и создали его художественный обликъ. И чувство, и тактъ, и гармонія, и интеллектуальность — все это обуславливается этими вліяніями, какъ и физическою природою художника, его натурою, темпераментомъ. Слѣдовательно, мы можемъ выразиться яснѣе и проще, сказавъ, что выборъ сюжетовъ опредѣляется, какъ первопричинами, натурою художника и вліяніями, которымъ онъ подвергался преимущественно въ томъ возрастѣ, когда складывалось его дарованіе, когда онъ избиралъ себѣ опредѣленный путь.

Каковы же были эти вліянія по отношенію къ Антокольскому? Онъ самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ чрезвычайно любопытномъ отрывкѣ изъ своей автобіографіи. Она, правда, посвящена преимущественно разъясненію тѣхъ неприглядныхъ условій, которыми были обставлены его ученическіе годы въ нашей академіи

художествѣ. Но, кромѣ того, въ ней встрѣчаются и странички, бросающія яркій свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Что собственно сильнѣе всего занимало и волновало Антокольскаго въ тѣ дни, когда онъ впервые задумывался надъ своимъ призваніемъ, когда старался дать себѣ ясный отчетъ въ вѣрности пути, избраннаго имъ, такъ сказать, бессознательно, въ силу даннаго ему природою художественнаго таланта? Это были для Антокольскаго, какъ и для Рѣпина, очень мучительные дни. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ юношею, получившимъ весьма недостаточное образованіе, пріѣхалъ, потому что чувствовалъ въ себѣ талантъ, вѣрилъ въ него и хотѣлъ во что бы то ни стало дать ему развитіе, предугадывая, что въ этомъ вся его будущность. И вотъ этотъ мало образованный юноша попадаетъ въ среду интеллигентной столичной молодежи. Какія рѣчи онъ тутъ слышитъ? Какъ относится эта молодежь къ искусству, которымъ живетъ и дышитъ Антокольскій? Она, эта передовая молодежь, эта надежда будущаго, повторяя громкіе лозунги своихъ учителей, поучаетъ виленскаго еврея, что искусство—вздоръ, баловство, забава людей, разбогатѣвшихъ на счетъ бѣдствующей народной массы. Это говорится въ докторальномъ тонѣ, не допуская возраженія, это выдается за послѣднее слово науки, за проявленіе самаго передоваго міросозерцанія. Понятно, что эти рѣчи должны были смутить Антокольскаго, какъ онѣ смущали и его товарища и сверстника Рѣпина, также получившаго очень недостаточное образованіе. Требовалась очень сильная художественная натура, чтобы противостоять этимъ рѣчамъ, чтобы продолжать идти по избранному пути, не пасть духомъ, не отказаться отъ своего призванія. Антокольскій вышелъ побѣдителемъ изъ этой тяжелой внутренней борьбы, но она сильно отразилась на немъ, затормозивъ правильное развитіе его дарованія. Мѣсяцы, годы, которые онъ провелъ надъ рѣшеніемъ мучительной загадки: что такое искусство, нужно ли оно человѣчеству, не является ли оно въ самомъ дѣлѣ одною праздною забавою баловней счастья,—были отняты у него; самое драгоцѣнное время, когда рѣшительнѣе всего складывается талантъ, было употреблено на мучительную внутреннюю борьбу. Велись безконечныя бесѣды, читались книги не о томъ, какое направленіе избрать, какимъ сюжетамъ себя посвятить, а о томъ, нужно ли вообще искусство, не слѣдуетъ ли отъ него отказаться, какъ отъ дѣятельности, недостойной развитаго человѣка. Неудовлетворительная постановка академическаго образованія еще ухудшила дѣло. Въ самой академіи Антокольскій руководителей почти не находилъ, какъ не нашелъ онъ ихъ въ дѣтствѣ на родинѣ. Онъ былъ предоставленъ самому себѣ, и вдобавокъ ему еще приходилось бороться не только съ этими невыгодными условіями, но и съ матеріальною небезопасностью, доходившей до горькой нужды, до нищеты, до отсутствія куска хлѣба насущнаго.

Какъ же все это отразилось на творчествѣ Антокольскаго въ смыслѣ выбора имъ сюжетовъ? Когда въ мальчикѣ Антокольскомъ впервые пробудилось желаніе творить, онъ избираетъ сюжеты изъ окружающей его дѣйствительности. Первымъ его произведеніемъ было вырѣзанное изъ дерева изображеніе еврея-портного. Затѣмъ онъ старается изобразить скупого, считающаго деньги, подбираетъ еврейскіе типы для большой группы: «Споръ о талмудѣ». Мы видимъ далѣе, что, переселившись въ Петербургъ и работая въ академіи художествъ, онъ все еще занятъ тѣми впечатлѣніями, которыя вынесъ изъ жизни въ ранней молодости. Онъ, очевидно, вдумывается въ судьбу своего племени, потому что въ академіи онъ много трудился надъ группою, изображающею: «Нападеніе инквизиціи на евреевъ во время пасхи». Само собою разумѣется, что, создавая и эту группу, онъ руководствовался впечатлѣніями, непосредственно вынесенными изъ жизни: фигуры, входившія въ ея составъ, были главнымъ образомъ евреи, да и самая мысль создать подобную группу, свидѣтельствовала о вдумчивомъ отношеніи художника къ судьбѣ народа, въ которомъ онъ родился. Но на ряду съ этими сюжетами изъ еврейскаго быта Антокольскій уже съ первыхъ шаговъ въ академіи начинаетъ выбирать совершенно другіе сюжеты. Онъ рѣшетъ изъ дерева головы Христа и Богоматери, и за эти произведенія получаетъ право посѣщать скульптурный классъ; затѣмъ онъ по заказу за плату дѣлаетъ распятіе и постепенно совершенно отказывается отъ работъ изъ еврейскаго быта. Такимъ образомъ правильное развитіе его творчества какъ бы обрывается. Онъ вдругъ перескакиваетъ съ однихъ сюжетовъ на другіе, не имѣющіе съ ними ничего общаго. Само собою разумѣется, что онъ рѣзалъ изъ дерева головы Христа и Богоматери или дѣлалъ распятіе не по внутреннему побужденію, а по чисто внѣшнимъ мотивамъ: ему надо было зарабатывать деньги, чтобы бороться съ горькою нуждою или заручиться правомъ посѣщать скульптурный классъ, чтобы докончить свое образованіе и выйти въ люди. О свободномъ выборѣ подобныхъ сюжетовъ не могло быть и рѣчи не только потому, что Антокольскій — еврей, но и потому еще, что тѣ кружки, въ которыхъ онъ вращался и идеями которыхъ увлекался, были настроены далеко не религиозно. Если бы у Антокольскаго были хорошіе руководители, то они, можетъ быть, указали бы своему ученику на необходимость поставить творчество въ органическую связь съ впечатлѣніями, вынесенными изъ самой жизни, разъяснили бы ему, что художественное творчество даетъ наиболѣе богатые плоды, когда образы не являются результатомъ одной головной работы, т. е. отвлеченной мысли, а выхватываются изъ самой дѣйствительности, пережитой и продуманной художникомъ. Но такихъ руководителей у Антокольскаго не было. Такимъ образомъ, подчиняясь тяжелому закону борьбы за существованіе,

онъ сталъ творить не по внутреннимъ побужденіямъ, а ради предложенія себѣ дороги въ жизни, слѣдуя указаніямъ отчасти своихъ академическихъ учителей, т. е. избирая христіанскіе религіозные сюжеты, отчасти же — того многоголового учителя, который требовалъ и въ искусствѣ прежде всего протеста, а затѣмъ ложно понятаго реализма. Въ этомъ отношеніи существуетъ поразительная аналогія между Антокольскимъ и Рѣпинымъ. Оба они пріѣзжаютъ въ Петербургъ безъ всякихъ средствъ къ существованію, и оба они, и бывший богомазъ, и бывший рѣзчикъ фигуръ изъ еврейскаго народнаго быта, чтобы проложить себѣ дорогу въ жизни, посвящаютъ свои молодыя силы изображенію религіозныхъ сюжетовъ. Мало того, оба они, какъ бы сговорившись, переходятъ отъ религіозныхъ сюжетовъ къ изображенію фигуры Ивана Грознаго. Различіе между ними заключается только въ томъ, что Рѣпинъ проявляетъ видимую склонность къ бытовымъ или жанровымъ сюжетамъ, между тѣмъ какъ Антокольскій совершенно бросаетъ сюжеты этого рода и посвящаетъ всѣ свои силы другимъ сюжетамъ. И тутъ вѣншіе мотивы играли несомнѣнно большую роль. Это было время либеральныхъ вѣяній, сильно отразившихся на еврейскомъ вопросѣ. Отношенія между христіанами и евреями не обострились, какъ впоследствии, а напротивъ настала какъ бы эра братскаго слиянія всѣхъ національностей, общечеловѣческія тенденціи взяли верхъ надъ національными стремленіями. Къ тому же, воспроизводя фигуры изъ еврейскаго быта, Антокольскій остался бы художникомъ нашего гетто, т. е. мѣстностей, включенныхъ въ черту осѣдности, а онъ стремился къ другой славѣ, къ всероссійской или даже европейской. Кончилось дѣло тѣмъ, что онъ пожертвовалъ бытовыми сюжетами и избралъ общечеловѣческіе.

Въ совершенно иномъ положеніи находился Рѣпинъ, который могъ, подчиняясь тенденціямъ 60-хъ годовъ, рассчитывать на особенную популярность среди публики. Мы и видимъ, что онъ отъ религіозныхъ сюжетовъ и отъ историческихъ переходитъ прямо къ бытовымъ въ духѣ тенденцій 60-хъ годовъ. Онъ почти одновременно пишетъ свое «Воскрешеніе дочери Іаира» и своихъ «Бурлаковъ на Волгѣ», т. е. удовлетворяетъ и требованіямъ академіи и вкуса и тенденціямъ широкой публики. Но оба они, и Антопольскій, и Рѣпинъ, проявляютъ какое-то особенное пристрастіе къ личности Ивана Грознаго, и этотъ фактъ, по нашему мнѣнію, въ высшей степени характеренъ, потому что, кромѣ двухъ названныхъ художниковъ, и многіе другіе, въ томъ числѣ и такой крупный, какъ Рубинштейнъ, вдругъ останавливаются на Иванѣ Грозномъ и стараются изобразить его въ звукахъ, перомъ, рѣзцомъ, кистью. Даже публицисты, избѣгающіе историческихъ темъ, и тѣ начинаютъ заниматься личностью грознаго царя. Мы тутъ имѣемъ, слѣдовательно, очевидно дѣло съ модою, и весьма не-

трудно понять, почему такая мода могла народиться. Если бы возможны были сомнѣнія на этотъ счетъ, то достаточно было бы бросить взглядъ на работы нашихъ художниковъ, чтобы сразу понять, почему эта мода возникла. Кровожадность, лютость, насиліе— вотъ что они почти исключительно отмѣчаютъ, игнорируя другія стороны дѣятельности грознаго царя. Намъ нечего останавливаться на этомъ очевидномъ фактѣ, но мы должны были его привести, чтобы пояснить нашу мысль. За картонъ «Іоаннъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына» Шварцу была присуждена серебряная медаль; за эскизъ «Митрополитъ Филиппъ, изгнанный Іоанномъ Грознымъ» Рѣпину объявлена благодарность академическаго совѣта; слѣдовательно въ сферѣ художественной можно было соединить официальный успѣхъ съ успѣхомъ неофициальнымъ. Въ это же время матеріальное положеніе Антокольскаго было почти отчаянное: онъ во что бы то ни стало долженъ былъ создать произведеніе, которое обратило бы на него общее вниманіе, и вотъ онъ принимается за своего Ивана Грознаго.

Такимъ образомъ и въ созданіи этого произведенія внѣшніе мотивы играли большую роль. Во всякомъ случаѣ оно во многихъ отношеніяхъ повліяло на дальнѣйшее развитіе его творчества. Быть можетъ, Иванъ Грозный не удался бы ему въ такой значительной степени, если бы статуя эта не была задумана и исполнена въ такую минуту жизни, когда художнику пришлось проявить весь запасъ своихъ силъ, чтобы побороть и серьезный физическій недугъ, и рутину своихъ преподавателей, и окружавшее его общее равнодушіе, когда пришлось постоять за себя и рѣшить вопросъ: быть или не быть? Потребовалось много сосредоточеннаго упорства и необычайной энергіи, чтобы выйти побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ условій. У Антокольскаго тогда буквально не было гроша за душою. Его дальнѣйшая карьера представлялась сомнительной, онъ былъ тяжело боленъ и, не смотря на все это, онъ создалъ произведеніе, которое доставило его таланту общее признаніе. Вѣроятно, можно даже сказать, несомнѣнно, фигура Ивана Грознаго, вышедшая изъ-подъ его рѣзца, производитъ такое значительное впечатлѣніе именно потому, что ему удалось воплотить въ этой фигурѣ энергію, таившуюся въ собственной душѣ. Если выборъ сюжета и объясняется внѣшними мотивами, то успѣхъ произведенія, конечно, вызванъ преимущественно тѣмъ обстоятельствомъ, что художникъ воплотилъ въ фигурѣ Ивана Грознаго частицу собственной души. Мы останавливаемся на этой сторонѣ вопроса, потому что, какъ мы сейчасъ постараемся выяснитъ, она играетъ громадную роль въ творествѣ Антокольскаго, такъ сказать, является руководящею нитью при оцѣнкѣ сравнительныхъ достоинствъ въ идейномъ отношеніи его произведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ успѣха.

Съ Иваномъ Грознымъ кончаются ученическіе годы Антокольскаго, и онъ пріобрѣтаетъ возможность трудиться на избранномъ поприщѣ совершенно самостоятельно. Классифицируя созданныя имъ за это двадцатипятилѣтіе произведенія, мы убѣждаемся, что они представляютъ довольно значительное разнообразіе, но, тѣмъ не менѣе, легко могутъ быть подведены подъ извѣстныя рубрики. Бытовые сюжеты совсѣмъ устранены художникомъ. Въ этомъ отношеніи онъ, въ отличіе отъ другихъ художниковъ, совершенно страхнулъ съ себя вліяніе 60-хъ годовъ. Тенденціозность въ духѣ того времени также уже не замѣчается въ дальнѣйшихъ его произведеніяхъ. Но въ одномъ отношеніи эта эпоха наложила на него совершенно явственный отпечатокъ, именно Антокольскій на ряду со многими другими русскими художниками составилъ себѣ совершенно ложное понятіе о реализмѣ, и въ его произведеніяхъ замѣтна та характеристическая черта, что, когда вдохновеніе ему измѣняется, онъ всегда восполняетъ его псевдо-реалистическими увлеченіями. Затѣмъ мы отмѣтили уже, что Иванъ Грозный былъ навѣянъ идеею протеста въ духѣ 60-хъ годовъ. Между тѣмъ статуя эта имѣла большой успѣхъ и до извѣстной степени опредѣлила такимъ образомъ творчество Антокольскаго, весьма часто избирающаго историческіе сюжеты, и притомъ исключительно изъ русской исторіи. Такимъ образомъ мы получаемъ первую категорію произведеній Антокольскаго. Сюда относятся: «Петръ Великій», «Ярославъ Мудрый», «Несторъ», «Ермакъ» и т. д. На ряду съ этой категоріей произведеній мы находимъ другую, именно у Антокольскаго проявляется расположеніе изображать философовъ. Такъ, онъ намъ изобразилъ «Умирающаго Сократа» и «Спинозу». Трудно уяснить себѣ, чѣмъ собственно вызванъ у художника выборъ подобнаго рода сюжетовъ. Мы сейчасъ выяснимъ, что они въ идейномъ отношеніи принадлежатъ къ числу самыхъ слабыхъ, не смотря на то, что въ свое время надѣлали не мало шума. Неудовлетворительность ихъ въ идейномъ отношеніи служитъ доказательствомъ, что художникъ не можетъ ими овладѣть. Поэтому намъ думается, что выборъ этого рода сюжетовъ обусловливается чертою, свойственною многимъ интеллигентнымъ евреямъ, именно ихъ пристрастіемъ къ философствованію и къ философамъ. И заурядный еврей любить, покончивъ съ дѣлами, предаваться отвлеченнымъ размышленіямъ, такъ сказать, отдохнуть въ области абстрактной мысли отъ прозы жизни, а у интеллигентныхъ евреевъ мы наблюдаемъ сплошь и рядомъ тотъ фактъ, что они проявляютъ особенное пристрастіе къ философіи и философамъ.

Третью категорію произведеній Антокольскаго составляютъ сюжеты религіозные, и притомъ любопытенъ тотъ фактъ, что онъ постоянно возвращается къ изображенію Христа или же христіанскихъ чувствъ («Не отъ міра сего»). Какъ мы сейчасъ укажемъ,

и эта категория произведений Антокольскаго принадлежит къ наименѣе удачнымъ. Онъ, именно, только пытается возсоздать божественный обликъ Спасителя, какъ бы чего-то ищетъ, чего онъ найти не можетъ, и, самъ недовольный своею работою, вѣчно ее передѣлываетъ. Быть можетъ, это очень трогательная черта въ творчествѣ Антокольскаго, быть можетъ, она свидѣтельствуетъ о томъ, что нашъ художникъ старается въ образахъ уяснить себѣ то громадное значеніе, которое имѣлъ для всего міра нашъ Божественный Учитель. Но даже сторонники Антокольскаго признаютъ, что ему не удалось въ этомъ отношеніи создать по идеѣ что либо законченное или дѣйствительно прекрасное. Это не болѣе, какъ простые поиски.

Остается затѣмъ еще одна категория произведеній, весьма впрочемъ немногочисленная, обнимающая тѣ произведенія, которыя изображаютъ какую нибудь отвлеченную идею, на примѣръ, духъ отрицанія и скептицизма въ фантастическомъ образѣ Мефистофеля. Что касается до бюстовъ и надгробныхъ памятниковъ, то вторые принадлежатъ къ только что упомянутой категоріи, а первые совершенно нами устраняются изъ нашихъ соображеній не только потому, что, какъ мы уже указывали, они принадлежатъ къ работамъ, сдѣланнымъ по заказу и слѣдовательно не допускающимъ свободнаго выбора, но и потому, что всѣ бюсты Антокольскаго не удовлетворяютъ даже самому элементарному требованію этого рода произведеній, т. е. представляютъ лишь очень отдаленное сходство съ оригиналами, такъ что зритель не узнаетъ оригинала, не справившись предварительно въ каталогѣ. (Напомнимъ для примѣра о бюстахъ Тургенева или гр. Д. А. Толстого). Такъ смотря на дѣло громадное большинство лицъ, оцѣнивавшихъ этого рода произведенія Антокольскаго.

Такимъ образомъ мы видимъ, что историческіе и философскіе или идейные сюжеты составляютъ, такъ сказать, основу творчества Антокольскаго. Мысль его слѣдовательно занята не низменными вопросами: его произведенія посвящены сюжетамъ возвышеннымъ, занимающимъ умы, волнующимъ сердца въ теченіе вѣковъ или тысячелѣтій. Творецъ высшей этической системы, божественная личность Спасителя, титаны человѣческой мысли, Сократъ и Спиноза, крупныя историческія фигуры, Иванъ Грозный, Петръ Великій. Несторъ, чувства, вызываемыя этими великими людьми, преданность идеѣ, жизнь для духа, для вѣры—вотъ вокругъ чего, повидимому, постоянно вертится, къ чему постоянно возвращается мысль нашего художника. Одиъ иностранный писатель (Анатоль Леруа-Больё) замѣчаетъ по этому поводу, что Антокольскій все одухотворяетъ, даже плоть и мышцы, что онъ вездѣ ищетъ присутствія духа, дуновенія той силы, которою живетъ человѣкъ, если когда онъ этого названія дѣйствительно заслуживаетъ. Въ виду

этого постоянного исканія присутствія духа во всемъ, нельзя удивляться, что онъ питаетъ особенное расположеніе къ героямъ чело-вѣческой мысли, посвящаетъ свой талантливый рѣзецъ, такъ сказать, ихъ пропагандѣ, напоминаетъ намъ о великихъ борцахъ за идею, старается воскресить ихъ образы, возбудить къ нимъ наши симпатіи, приобщить насъ къ ихъ возвышенной жизни.

Еслибъ этотъ взглядъ на Антокольскаго былъ вѣренъ, то мы получили бы ключъ къ его творчеству, поняли бы, чѣмъ собственно живетъ художникъ, какова его руководящая идея, для чего онъ трудится и борется. Но стоитъ только присмотрѣться къ произведеніямъ Антокольскаго, чтобы убѣдиться, какъ мало этотъ взглядъ соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей. Остановимся для выясненія нашей мысли хотя бы на крупномъ произведеніи категориіи религиозныхъ сюжетовъ, на «Спасѣ Многомилостивомъ». Стоитъ только бросить взглядъ на эту громадную бронзовую статую, чтобы понять намѣреніе художника: онъ хочетъ выразить отрѣшенность отъ міра, безконечную доброту, а между тѣмъ вы получаете такое впечатлѣніе, какъ будто Спаситель, сидя неустойчиво, боится упасть и простертыми впередъ руками, какъ и всѣмъ выраженіемъ лица, ищетъ, за что бы ухватиться въ случаѣ паденія. Не знаю, совершена ли тутъ какая либо техническая ошибка, дѣйствительно ли поза Христа не естественна и потому производитъ такое нежелательное впечатлѣніе. Но для всякаго зрителя ясно, что въ обликѣ Христа отсутствуетъ сосредоточенность мысли, а безъ этой сосредоточенности, на чемъ бы мысль Христа ни останавливалась, мы себѣ его и представить не можемъ. Возьмемъ другой примѣръ, изъ категориіи философовъ, хотя бы знаменитаго Спинозу. Глядя на эту статую, каждый скажетъ себѣ: да, это, можетъ быть, философъ, но, можетъ быть, и просто добродушный старикъ, если не старушка, отдыхающая въ креслѣ послѣ обѣда. И если таково впечатлѣніе громаднаго большинства зрителей, то почему же эта статуя названа Спинозой? Защитники Антокольскаго говорятъ, что она замѣчательно вѣрно воспроизводитъ одно изъ уцѣлѣвшихъ изображеній великаго пантеиста. Допустимъ, но въ такомъ случаѣ мы отказываемся понять, почему Антокольскій посвятилъ свой талантливый рѣзецъ столь неблагодарной задачѣ, какъ воспроизведеніе имѣющагося уже изображенія Спинозы. Это не творческая работа; это была бы простая копія, а оригиналь всегда лучше копіи. Вѣдь для того, чтобы статуя Спинозы могла произвести впечатлѣніе по идеѣ, а не только въ силу техническихъ своихъ достоинствъ, художникъ долженъ до извѣстной степени въ душѣ прожить то, что пережилъ великій философъ. Вся внутренняя и внѣшняя жизнь послѣдняго, вѣроятно, наложила на него опредѣленную печать: своеобразная жизнь часто даетъ и своеобразный внѣшній обликъ. Уловить этотъ обликъ и составляетъ задачу худож-

ника, воспроизвести его и есть истинный реализмъ. Если внѣшній обликъ ничего особеннаго не представляетъ, то онъ не можетъ служить сюжетомъ для пластическаго искусства. Но Антокольскій въ своихъ произведеніяхъ, посвященныхъ мыслителямъ, понимаетъ, очевидно, реализмъ совершенно иначе.

Возьмемъ другой примѣръ, еще болѣе характерный въ этомъ отношеніи, именно «Умирающаго Сократа». Статуя Спинозы, кромѣ добродушія, ничего не изображаетъ. Вы видите только добродушную особу, довольно неопредѣленнаго пола и возраста, не дающую вамъ никакого представленія ни о великомъ мыслителѣ, ни даже о томъ, что Спиноза былъ еврей. Умирающій Сократъ изображенъ слѣдующимъ образомъ. Сидитъ онъ, или, лучше сказать, полулежитъ, въ креслѣ несомнѣнно древне-греческомъ. Носъ у него пуговкою, лысина во всю голову; повисшія руки, далеко протянутыя и раскряченныя ноги свидѣтельствуютъ о томъ, что Сократъ находится въ ненормальномъ состояніи, но, можетъ быть, онъ спитъ, можетъ быть, онъ умираетъ, можетъ быть, онъ лишнее выпилъ (Сократъ, какъ извѣстно, страдалъ пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ),—это остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ представленіе о Сократѣ намъ даютъ только носъ пуговкою и лысина во всю голову, да развѣ еще древне-греческіе аксессуары. Можетъ быть, Сократъ дѣйствительно имѣлъ именно такой видъ, когда умиралъ, но вѣдь въ сознаніи всякаго человѣка живетъ мысль, что смерть Сократа была явленіемъ трагическимъ. Эта мысль до такой степени реальна, что мы не можемъ себѣ представить смерть Сократа иначе, какъ именно трагическимъ событіемъ, хотя прекрасно знаемъ, что у Сократа былъ носъ пуговкою, лысина во всю голову, и что, умирая, онъ могъ походить на пьянаго человѣка. Неужели, однако, воспроизведеніе этихъ реальныхъ чертъ соответствуетъ тому, что мы называемъ реализмомъ въ искусствѣ? Если физическая личность Сократа была всегда комична (что противорѣчитъ всѣмъ историческимъ даннымъ), если тотъ внутренній огонь, то воодушевленіе, та глубина мысли, та чистота помысловъ, которыя сдѣлали изъ Сократа одну изъ самыхъ благородныхъ, возвышенныхъ, идеальныхъ личностей, когда либо существовавшихъ на землѣ, ничѣмъ не отразились на его тѣлесномъ обликѣ, то забудемъ этотъ обликъ, потому что онъ намъ всегда будетъ казаться нереальнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Сократъ не долженъ служить сюжетомъ для вдохновеннаго, истиннаго художественнаго творчества: поэзіи отъ него отказываться нечего, потому что въ ея распоряженіи находится слово, но для живописи, для пластики, онъ въ такомъ случаѣ не существуетъ, ибо для насъ, живущихъ болѣе двухъ тысячелѣтій послѣ Сократа, дорога не смертная его оболочка, а вѣчный его духъ.

Мы видимъ, слѣдовательно, что Антокольскій составилъ себѣ

совершенно ложный взглядъ на реализмъ въ искусствѣ. Между тѣмъ по отношенію къ другимъ его произведеніямъ этотъ ложный взглядъ нисколько не проявился. Не изобразилъ намъ художникъ, напримеръ, Петра Великаго дремлющимъ послѣ сытнаго обѣда или Ермака безсильно умирающимъ съ раскаряченными ногами. Тутъ художникъ понялъ, что и въ Петрѣ и въ Ермакѣ главная характеристическая черта—сила. Но неужели сила жива только въ тѣхъ, кому дана власть, или кто совершаетъ физическіе подвиги? Развѣ слабъ былъ Спиноза, отказавшійся отъ всѣхъ благъ земныхъ, чтобы свободно жить для духа; развѣ слабъ былъ Сократъ, спокойно давшій отпоръ цѣлому народу и умершій въ сознаніи своей правоты? Чѣмъ же объяснить себѣ этотъ крупный недочетъ въ творчествѣ Антокольскаго? Почему онъ такъ далекъ отъ великаго сократовскаго правила: познай самого себя? Почему у него проявляется иногда такая неумѣлость въ выборѣ сюжетовъ, соответствующихъ роду его дарованія?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, возьмемъ другой рядъ примѣровъ. Увидѣвъ Ермака, вы долго не можете оторвать отъ него взгляда: онъ васъ поражаетъ, прельщаетъ, даже вдохновляетъ. Я убѣжденъ, что не мало лицъ, видѣвшихъ на выставкѣ горельефъ, изображающій Ярослава Мудраго, живо заинтересовались этою историческою личностью и, если память имъ измѣняла, заглядывали по возвращеніи домой въ историческія книги, желая ближе ознакомиться съ жизнью и дѣятельностью этого забытаго правителя. Но и безъ всякихъ справокъ, по одному изображенію, всматриваясь въ этотъ сосредоточенный, умный, красивый взглядъ (у статуи Антокольскаго глаза иногда положительно говорятъ), вы невольно думаете: да, это—Ярославъ Мудрый, потому что таковъ долженъ быть внѣшній обликъ человѣка, который былъ и всѣми признанъ мудрымъ. Не менѣе сильное впечатлѣніе производитъ и Ермакъ, даже совершенно независимо отъ аксессуаровъ: костюма, доспѣховъ и т. д. Необычайная сила чувствуется во всей фигурѣ покорителя Сибири. Взглядъ его устремленъ вдаль, онъ чего-то тамъ ищетъ, ищетъ, быть можетъ, чего-то неопредѣленнаго, но опредѣленны тѣ чувства, которыми наполнена душа этого сильнаго человѣка. Онъ побѣдитъ, онъ найдетъ то, чего ищетъ, онъ выйдетъ съ торжествомъ изъ всѣхъ препятствій, онъ собрался въ долгій путь, но цѣль его будетъ достигнута: вамъ стоить только взглянуть на фигуру Ермака, и вы перестанете въ этомъ сомнѣваться. Сколько ума во взглядѣ Ярослава, сколько энергіи во всей фигурѣ Ермака или Петра, сколько мрачной сосредоточенности въ Иванѣ Грозномъ, и въ то же время какъ мало насъ удовлетворяютъ изображенія Христа, не смотря на лихорадочные поиски художника за вѣрнымъ выраженіемъ лика Божественнаго нашего Учителя, какъ незначительны намъ кажутся и «Христіанская мученица», и «Спиноза»,

и «Умирающій Сократъ!» И кажутся они намъ незначительными, не смотря на то, что и наши чувства, и наше воображеніе приходятъ на помощь художнику и готовы подъ влияніемъ религіознаго настроенія или уваженія къ героямъ человѣческой мысли скрасить и дополнить то, что въ его произведеніяхъ есть недосказаннаго или неудачнаго.

Положительно, сравнивая впечатлѣніе, которое въ идейномъ отношеніи производятъ эти различныя произведенія Антокольскаго, можно подуматъ, что они принадлежатъ не одному рѣзцу. Форма, быть можетъ, одинаково удовлетворительна или совершенна, но, очевидно, у художника не хватаетъ средствъ для осуществленія одного замысла, между тѣмъ какъ онъ располагаетъ ими въ полной мѣрѣ для осуществленія другого, или же одинъ замыселъ удаченъ, вполне соотвѣтствуетъ внутренней природѣ художника, его творческимъ силамъ, другой неудаченъ, не соотвѣтствуетъ этимъ силамъ, фальшивъ или не вѣренъ уже самъ по себѣ. Мы тутъ наталкиваемся на основной вопросъ, подлежащій нашему обсужденію.

Извѣстный австрійскій поэтъ Анценгруберъ написалъ стихотвореніе, въ которомъ встрѣчается строфа, гласящая въ прозаическомъ переводѣ: «Кто создалъ великое, отвоевалъ его у самого себя: мягко ли оно и нѣжно или сильно и величественно, только если ты въ свое твореніе вложилъ часть своей души, оно можетъ быть удачнымъ». Этотъ стихъ слѣдуетъ твердо помнить каждому художнику. Самая совершенная техника является только средствомъ для выраженія идеи. Безъ идеи художественное произведеніе немислимо. Антокольскій обладаетъ, по общему признанію, замѣчательною техникою. Она можетъ имѣть большую цѣну въ формальномъ отношеніи для искусства, но только съ точки зрѣнія средствъ, которыми оно располагаетъ, не съ точки зрѣнія идеи, которыя оно воплощаетъ. Произведенія Антокольскаго могутъ возбуждать восторгъ или признаніе со стороны специалистовъ; для человѣка же вообще они представляютъ интересъ, лишь на сколько они успѣшно воплощаютъ въ себѣ тѣ или другія идеи, успѣшно же они могутъ воплощать въ себѣ только такія идеи, которыя соотвѣтствуютъ умственному кругозору художника, его душевному настроенію, его художественному темпераменту. Мы видѣли, какимъ влияніемъ подвергался Антокольскій въ своей жизни. Въ виду крайне недостаточнаго образованія, умственный его кругозоръ не могъ быть широкъ. Мало того, когда онъ рѣшительно вступалъ на избранный имъ путь художественнаго творчества, онъ подвергся самымъ неблагоприятнымъ влияніямъ: умѣлыхъ руководителей онъ не нашелъ; въ кружкахъ, въ которыхъ онъ вращался, и которые имѣли для него, въ виду недостаточнаго его образованія, особенную привлекательность, особенное обаяніе, ему говорили, что искусство—вздоръ,

пустая забава, если оно не служить политикѣ, общественнымъ тенденціямъ. Такимъ образомъ онъ былъ сбить съ пути нормальнаго своего развитія. Къ этому прибавилась горькая борьба за существованіе, и это заставило его творить по чисто внѣшнимъ побужденіямъ. Извнѣ же ему была навѣяна и мысль о томъ произведеніи, которое доставило ему славу. По случайнымъ причинамъ это былъ сюжетъ историческій. Достигнутый этимъ сюжетомъ успѣхъ повліялъ на дальнѣйшее его творчество. Историческія фигуры его особенно начали прельщать, но въ выборѣ этихъ фигуръ онъ часто ошибается, далеко не всегда останавливаясь на такихъ, которыя соотвѣтствовали бы его умственному кругозору и художественному темпераменту. Темпераментъ этотъ сложился подъ вліяніемъ условій, которыхъ мы также уже коснулись. Тяжелую борьбу пришлось вынести почти нищему виленскому еврею, чтобы проложить себѣ дорогу къ славѣ. Въ этой борьбѣ крѣпла его энергія, удвоивались его силы, и поэтому нельзя считать явленіемъ случайнымъ, что только тѣ произведенія Антокольскаго въ идейномъ отношеніи удачны, въ основаніи которыхъ лежитъ энергія, сила, какъ нельзя считать явленіемъ случайнымъ, что выраженіе противоположныхъ чувствъ—отрѣшенности отъ міра, доброты, всепрощенія,—ему не удастся. Подчиняясь занимавшимъ его мыслямъ, временнымъ вѣяніямъ или вліянію ученическихъ своихъ лѣтъ, наконецъ, желанію заработать деньги, онъ можетъ избирать религиозные сюжеты, но они въ идейномъ отношеніи всегда оказываются у него неудачными. Ни по своему происхожденію, ни по жизненнымъ условіямъ, ни по темпераменту, онъ, очевидно, не въ состояніи проникнуться христіанскою моралью на столько, чтобы воплотить ее въ прекрасномъ художественномъ произведеніи, и всѣ его попытки въ этомъ отношеніи ни къ чему не приводятъ, какъ не успѣшны его попытки воплотить въ художественномъ образѣ героевъ духа, когда для этого требуется не одно выраженіе умственной и физической силы. Мы должны отмѣтить еще одну характеристическую черту творчества Антокольскаго, объясняемую, вѣроятно, также его художественнымъ темпераментомъ. Тонкая наблюдательность—не его дѣло: онъ, очевидно, слишкомъ живетъ собственными чувствами, чтобы объективно и внимательно относиться къ чувствамъ другихъ. Мы уже указывали, что бюсты его даже лишены внѣшняго сходства, на сколько оно обуславливается не однимъ точнымъ воспроизведеніемъ оригинала, а умѣнемъ улавливать самыя характеристическія черты данной личности. Этимъ также объясняется то обстоятельство, что только выраженіе субъективныхъ, глубоко вкоренившихся въ немъ чувствъ одухотворяетъ его произведеніе, а всѣ остальные чувства не даютъ у него бронзы или мрамору жизни.

Итакъ, не смотря на все разнообразіе сюжетовъ Антокольскаго, мы должны признать, что талантъ у него односторонній, что онъ

не обладает тою объективностью, которая дает художнику возможность вполне проникнуться чужими чувствами и претворить их въ собственной душѣ. Возвращаясь къ глубокому афоризму Анценгрубера, мы скажемъ, что въ душевной жизни Антокольскаго звучитъ сильно лишь одна струна, что душа его представляетъ собою инструментъ, пригодный только для воспроизведенія героическихъ мотивовъ, и что поэтому, какъ бы разнообразны ни были избираемые имъ сюжеты, онъ удачно ихъ исполняетъ только въ томъ случаѣ, когда они соотвѣтствуютъ основному и исключительному его настроенію. Тогда онъ вѣрно угадываетъ идейную сторону избраннаго имъ сюжета. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ создаетъ въ идейномъ отношеніи вещи посредственныя, даже явно несостоятельныя, какъ ясно показываютъ примѣры «Спинозы» или «Сократа». Въ этихъ случаяхъ онъ восполняетъ недостатокъ вдохновенія тою или другою художественною теоріею, преимущественно ложно понятою теоріею о реализмѣ въ искусствѣ. Тутъ идеи 60-хъ годовъ сильно повліяли на Антокольскаго: простое копированіе дѣйствительности, и притомъ воображаемой, а не реальной, составляетъ отличительную черту произведеній Антокольскаго, не соотвѣтствующихъ душевному его настроенію. Сбитый съ толку ложными и неясными художественными идеалами, господствовавшими въ нашемъ обществѣ, когда талантъ его формировался, а еще болѣе громкими, но не продуманными похвалами цѣнителей, восторгавшихся имъ единственно потому, что онъ принадлежитъ яко бы къ русской школѣ, художникъ возмечталъ о себѣ, что онъ можетъ избрать любой сюжетъ, что все ему доступно, и далъ этому чувству выраженіе въ письмѣ, въ которомъ заявляетъ докторально, что выборъ сюжета является дѣломъ болѣе или менѣе случайнымъ. Удивляетъ насъ, однако, не то, что Антокольскій могъ договориться до подобной мысли; поражаетъ насъ, что никто не указалъ ему на всю ея несостоятельность. По заказу можно писать портреты, лѣпить бюсты, по случайнымъ мотивамъ можно создавать произведенія въ техническомъ отношеніи удовлетворительныя или даже совершенныя, но только по глубокому внутреннему влеченію, вызванному художественнымъ темпераментомъ, всѣми условіями, въ которыхъ выросъ и окрѣпъ данный талантъ, и сознаніемъ солидарности съ жизнью своего народа и человѣчества можно создать художественное произведеніе. Тутъ для случайности нѣтъ мѣста. Не случайностью было, что въ вѣкъ Перикла греческая пластика, достигшая наивысшаго своего процвѣтанія, поражала величественностью своихъ фигуръ, что затѣмъ во второй періодъ своего процвѣтанія ея произведенія отличались нѣжнымъ и граціознымъ характеромъ, какъ не было случайностью, что въ вѣкъ грандіозныхъ войнъ Торвальдсенъ достигъ славы, изображая героическія фигуры Язона, Александра Македонскаго, Ахиллеса, какъ не было случайностью,

что Раухъ въ славную для Германіи эпоху, когда она народила знаменитыхъ полководцевъ, мыслителей и поэтовъ, вложилъ всю свою душу въ изготовленіе бюстовъ Фридриха Великаго, Блюхера, Канта, Гёте съ Шиллеромъ. Если художникъ понимаетъ духъ своего времени, если онъ имъ самъ воодушевленъ, то въ избраніи сюжетовъ случайности быть не можетъ: свидѣтелями тому являются всѣ великія художественныя произведенія, начиная съ «Иліады» и «Одиссеи» и кончая хотя бы «Евгеніемъ Онѣгинымъ». Не были случайными явленіями, зависѣвшими отъ «интеллектуальности, такта или вкуса», ни «Жизнь за Царя», ни даже жанровыя картины Ѳедотова или тенденціозныя иллюстраціи Верещагина къ послѣдней русско-турецкой войнѣ. Выборъ всѣхъ этихъ сюжетовъ имѣлъ глубокое основаніе въ солидарности художника съ задачами и вѣяніями своего времени или задачами своего народа, и поэтому всѣ они находили живой откликъ среди современниковъ и являются глубоко поучительными и интересными. Относительно же такихъ художниковъ, какъ Антокольскій, какого совершенства они ни достигли бы въ техническомъ отношеніи, нельзя не замѣтить, что ихъ сюжеты дѣйствительно какъ бы поставлены внѣ времени и пространства: сегодня художникъ изображаетъ одно, завтра другое. Въ какомъ отношеніи находятся избираемые имъ сюжеты не только къ задачамъ времени, но даже и къ личности самого художника,—остается вопросомъ открытымъ: сюжеты изъ еврейскаго быта смѣняются христіанскими религіозными сюжетами, отъ послѣднихъ художникъ переходитъ къ сюжетамъ изъ русской исторіи, затѣмъ изображаетъ намъ Мефистофеля или Офелію, Сократа или Спинозу, графа Д. А. Толстого или Тургенева, или вдругъ, покончивъ, какъ теперь, со всѣми этими сюжетами, обращается къ бытовымъ картинкамъ и вдохновляется подвигами сестеръ милосердія, ухаживающими за ранеными солдатами. Это какой-то винегретъ сюжетовъ, въ которомъ нельзя уловить ни духа времени, ни идеаловъ, воодушевляющихъ художника, ни даже умственного и душевнаго его настроенія. Очевидно, современные наши художники плывутъ «безъ руля и безъ вѣтриль» по теченію беспорядочной общественной мысли. Въ прежнее время значительные художники, работали ли они кистью, перомъ или рѣзцомъ, служили своего рода маяками, указывавшими обществу, куда оно плыветъ или куда ему слѣдуетъ плыть; теперь они напоминаютъ собою неприкрѣпленные буйки, иногда очень красивые, но носимые вѣтромъ по разнымъ направленіямъ и поэтому только сбивающіе путниковъ, жадно высматривающихъ желанную пристань.

Р. Сементковскій.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

XXI.

П. А. Каратыгинъ.—Наша уборная.—Разнообразіе дарованій Каратыгина.—Его эпиграммы.—Мнѣніе Каратыгина о своихъ острогахъ.—Хроника театровъ по стихамъ Каратыгина.—Пародія романа на вигилистокъ.—Придирчивость Каратыгина къ драматургамъ.—Куплетъ изъ водевиля.—Эпиграмма на П.тѣхныхъ.—Скептическій взглядъ на дебютантовъ.—Эпиграмма на актрису Сибирскую въ передней Сосницкаго.—Эпиграмма на дебютантку Горскую.—Гастроли актрисы Вестфалли.—Ея исполненіе роли Гамлета.—Эпиграмма на нее.—Четверостишіе на газетную полемику.—Остроты Каратыгина.—Авторъ С—инъ.—На представленіи комедіи «Виноватая».—Мнѣніе Каратыгина о драмѣ «Въ сторонѣ отъ большаго свѣта».—Встрѣча съ балетоманомъ.—Разсказъ Каратыгина о похоронахъ С.—Актеръ Д—иль и шляпа.—«Паутина».—Отвѣтъ графу Соллогубу на предложеніе сотрудничества.—Балетный фигурантъ, торгующій порошками.—Страсть актера Л—ова къ сочинительству стиховъ.—Эпиграмма на него.—Рецензентъ Перець.—На великопостномъ концертѣ.

СЪ ИЗВѢСТНЫМЪ острякомъ и водевилистомъ Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ я одѣвался въ одной уборной Александринскаго театра около двадцати лѣтъ подъ-рядъ, то-есть съ самаго перваго дня моего поступленія на сцену и до его кончины, послѣдовавшей осенью 1879 года. Конечно, мнѣ болѣе всѣхъ остальныхъ моихъ товарищей доводилось пользоваться его пріятнымъ обществомъ и одному изъ первыхъ приходилось слушать его мѣткія остроты и эпиграммы.

Петръ Андреевичъ, какъ и И. И. Сосницкій, считался ветераномъ русскаго драматическаго театра, которому прослужилъ вѣрою

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 409.

и правдою болѣе пятидесяти лѣтъ, за что былъ награжденъ такою же медалью, какъ и Иванъ Ивановичъ. Кругъ дѣятельности Каратыгина былъ чрезвычайно обширенъ и разнообразенъ: онъ былъ одновременно хорошимъ актеромъ, замѣчательнымъ водевилстомъ и прекраснымъ преподавателемъ драматическаго искусства въ томъ самомъ театральномъ училищѣ, въ которомъ и самъ получилъ свое образованіе. Это былъ складъ всевозможныхъ дарованій: помимо актерства, онъ успѣшно занимался литературой и художествомъ. Послѣ него осталось множество различныхъ сочиненій въ формѣ драматической, повѣствовательной и піитической, а такъ же не мало сохраняется его альбомовъ съ портретами современниковъ и карриатурами на нихъ же. Но особенно славою пользуются его сатирическіе стихи и эпиграммы, на сочинительство которыхъ Каратыгинъ былъ положительно неистощимъ. Къ сожалѣнію, они не всѣ сохранились, большинство ихъ забыто и затеряно. Впрочемъ, нѣкоторые попадали въ печать еще при жизни ихъ талантливаго автора, и послѣ его смерти такъ же кое-гдѣ появлялись въ періодической прессѣ выдающіяся его произведенія, приводившіяся для болѣе полной характеристики покойнаго. Однако, все это имѣло отрывочный видъ и въ большинствѣ случаевъ не комментировалось, что умаляло ихъ несомнѣнное достоинство. Не имѣя подъ руками этихъ печатныхъ источниковъ, я не могу провѣрить настоящей главы моихъ воспоминаній, посвященный незабвенному Петру Андреевичу; все нижеприводимое здѣсь мною почерпнуто исключительно изъ одной моей памятной книжки и, слѣдовательно, съ сохраненіемъ той первоначальной редакціи, въ которой мнѣ приходилось слышать отъ самого Каратыгина.

Своими остротами и эпиграммами Петръ Андреевичъ иногда наживалъ враговъ, въ чемъ постоянно раскаивался.

— Языкъ мой—врагъ мой,—говаривалъ онъ, какъ бы оправдываясь въ своей эпиграмматической невоздержности.

Если бы была возможность собрать всѣ его стихотворенія, касавшіяся сцены, то составила бы чудесная хроника русскаго театра за полвѣка его лучшей эры. Буквально не было ни одной пьесы, ни одного актера или дебютанта, которому не посвятилъ бы онъ нѣсколько мѣткихъ и правдивыхъ строкъ. Впрочемъ, Петръ Андреевичъ не былъ глухъ и къ общественнымъ событіямъ, и къ политическимъ движеніямъ, и къ мелочамъ повседневнои жизни,— все находило откликъ въ этомъ остроумномъ челоѣкѣ. Напримѣръ, во времена появленія въ Россіи первыхъ нигилистокъ, ратовавшихъ за равноправность съ мужчинами, Каратыгинъ написалъ слѣдующее, пародируя популярный въ то время романсъ:

Не шей ты мнѣ, матушка,
Дѣвичій нарядъ.
Я одѣнусь иначе
Съ головы до пятъ.

Платье мы по новому
 Образцу сошьемъ,
 Чтобъ съ мужчиной разницы
 Не было ни въ чемъ.
 Надошло косу мнѣ
 Мыть да заплетать,
 Лучше ее попросту
 Взять да окарнать.
 «Экія фантазіи!...
 Говорить ей мать:—
 «Вотъ чему въ гимназіи
 «Стали обучать...
 «Ну, придетъ пора тебѣ
 «Замужъ выходить,
 «Что тутъ люди добрые
 «Ставуть говорить?!»
 — Вотъ еще что вздумали!..
 Мнѣ все тринь-трава.
 У дѣвицъ съ мужчинами
 Равныя права!
 Это все казенщина:
 «Кольца да вѣнецъ»...
 Буду жить по-своему,
 Вотъ вамъ и конецъ.

Но чаще всего Каратыгинъ обрушивался на драматурговъ, къ которымъ былъ чрезвычайно строгъ и взыскателенъ, впрочемъ, не болѣе, чѣмъ къ деютантамъ. Доказательствомъ его придирчивости къ «сочинителямъ пьесъ», какъ онъ называлъ драматурговъ, можетъ послужить одинъ изъ его куплетовъ, помѣщенный въ водевилѣ «Заемныя жены».

Въ нашъ вѣкъ всеобщаго займа
 Мы платимъ долгъ одной натурѣ.
 И хоть нельзя занять ума,
 Но есть займы въ литературѣ.
 Всякъ нынче въ авторы полѣзъ,
 Но если разберемъ мы строго:
 Заемныхъ множество пьесъ,
 А занимательныхъ немного.

Извѣстнымъ драматургамъ А. А. и Н. А. Потѣхинымъ, изъ которыхъ первый написалъ драму «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», а второй комедіи «Дока на доку нашель» и «Быль молодцу не укорь», Петръ Андреевичъ посвятилъ слѣдующія строки:

Есть два Потѣхина. О старшемъ напередъ:
 Онъ написалъ «Добро чужое въ прокъ нейдетъ».
 Меньшой въ чужомъ добрѣ нашель довольно проку
 И ловко за свое чужое выдаетъ.
 Хоть критики его и распеки за «Доку»,
 Да онъ пословицу другую имъ въ отпоръ:
 «Быль молодцу де не укорь».

На долю А. Н. Островскаго такъ же не мало доставалось отъ Каратыгина, который признавалъ его выдающійся талантъ, но постоянно придирался къ какимъ нибудь деталямъ. Это было его вѣчною слабостью, хотя, впрочемъ, очень часто справедливою.

На дебютантовъ, появившихся «съ воли», то-есть не изъ театрального училища, Петръ Андреевичъ смотрѣлъ почему-то скептически. Нужно было быть очень талантливымъ, чтобы угодить

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ.

этому беспощадному критику, строго охранявшему традиціи родного театра.

И. И. Сосницкій, такъ же, какъ и Каратыгинъ, не пропускалъ ни одного дебюта. Но однажды почему-то онъ не могъ присутствовать на первомъ выходѣ въ Александринскомъ театрѣ провинціальной артистки г-жи Сибирской, пріѣхавшей въ Петербургъ, какъ тогда говорили, изъ Сибири, гдѣ она подвизалась не безъ успѣха. Сосницкій принималъ въ ней участіе и весьма заинтересо-

вался результатами ея дебюта, почему и упросил Петра Андреевича высказать ему на другой же день его компетентное мнѣніе относительно ея. Каратыгинъ на слѣдующее утро прїѣзжаетъ къ Сошническому съ докладомъ, но не застаётъ его дома. Въ прихожей беретъ онъ клочекъ бумаги и пишетъ:

Сибирская стройна, красива, высока,
Есть недостатки въ ней, но кто же безъ порока?
И хоть пришла она издалека,
Но здѣсь ужъ не уйдетъ далеко.

На дебютантку, г-жу Горскую, выступившую сначала въ какой-то драмѣ, въ роли барыни, а потомъ въ водевилѣ «Служанка-госпожа», Петръ Андреевичъ написалъ:

Зачѣмъ, не слушая молвы,
Вы не въ свои садитесь санки?
Играли роль вы госпожи,
Теперь вы взяли роль служанки.
Что время попусту губить,
Что спорить вамъ съ судьбой тиранкой?
На сценѣ вѣрно вамъ не быть
Ни госпожею, ни служанкой.

Нѣмецкой актрисѣ Вестфалли, отличавшейся полнотою, вздумалось сыграть роль Гамлета. Ея гастроли въ Михайловскомъ театрѣ поэтому были сенсаціонны. Присутствовалъ на нихъ и Каратыгинъ, по окончаніи спектакля экспромптомъ сказавшій:

Скажите мнѣ, мамзель Вестфалли,
Зачѣмъ Гамлета вы играли?
Вѣдь эта штука не легка!
Въ «Гамлетѣ» вы намъ показали
Одни вестфальскіе окорока,
А принца Датскаго мы вовсе не видали...

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ двѣ столичныя газеты вели ожесточенную полемику другъ противъ друга. Ежедневно, какъ въ той, такъ и въ другой газетѣ, появлялись рѣзкія, задорныя статьи, полныя инсинуацій и откровенныхъ выраженій. Каратыгинъ долго слѣдилъ за ихъ перебранкой и, наконецъ, посвятилъ имъ такое четверостишіе:

Пора бы поуняться вамъ
Печатной ругатней клеймить другъ друга.
Пріятно-ль слушать господамъ,
Когда въ людской ругается прислуга?

Однажды въ нашу уборную вошелъ актеръ С—инъ, авторъ нѣсколькихъ неудачныхъ пьесъ, ввязался въ общій разговоръ, происходившій до него, и между прочимъ спросилъ Каратыгина:

— А помните ли вы, Петръ Андреевичъ, мою драму, въ которой и сами принимали участіе?

— Это которую же?—спросилъ Каратыгинъ.

— «Царскую милость»,—съ гордостью произнесъ авторъ названіе своего дѣтища.

— Ну, еще бы, мой другъ: я вѣдь злопамятенъ.

Остроты и каламбуры Каратыгина пользовались громкою извѣстностью и быстро облетали не только закулисный мірокъ, но проникали даже и въ публику. На этомъ поприщѣ онъ стяжалъ себѣ неуваждаемую славу и до сихъ поръ не имѣетъ преемника.

Въ комедіи А. А. Потѣхина «Виноватая» я игралъ черезчуръ говорливаго молодого человѣка. Однажды, эта пьеса шла вмѣстѣ съ какимъ-то водевилемъ, въ которомъ участвовалъ Петръ Андреевичъ. Онъ все время томился ожиданіемъ окончанія комедіи и скучно прохаживался за кулисами, гдѣ, случайно столкнувшись со мной, спросилъ:

— Скоро ли вы съ этимъ дѣломъ покончите?

— Скоро.

— Который же это актъ?

— Четвертый.

— Какая же это у васъ будетъ теперь сцена?

— Мое объясненіе съ сестрой.

— Ахъ, да... да... да... помню... знаю... Это гдѣ она шьетъ, а вы порете... дичь.

Какъ-то спрашиваютъ у Петра Андреевича:

— Какъ понравилась вамъ новая драма «Въ сторонѣ отъ большаго свѣта»?

— Весьма оригинальное сочиненіе,—отвѣтилъ Каратыгинъ съ присущимъ ему сарказмомъ.—Первое дѣйствіе происходитъ въ селѣ, второе—въ городѣ, а всѣ остальные акты написаны ни къ селу, ни къ городу.

Въ одинъ изъ свободныхъ вечеровъ Каратыгинъ поѣхалъ въ Большой театръ на балетное представленіе. Въ антрактѣ подошелъ къ нему заядлый балетоманъ Г. и сталъ жаловаться на упадокъ хореографическаго искусства. Петръ Андреевичъ терпѣливо выслушалъ его искреннія сѣтованія и отвѣтилъ:

— Вы правы, ваши жалобы имѣютъ глубокое основаніе... Въ былое время красовались Пери, Вилисы, а теперь и тѣ и другія перевелись.

Послѣ торжественныхъ похоронъ казацкаго офицера С., въ свое время извѣстнаго картежника, спрашиваютъ у Каратыгина:

— Были вы на его погребеніи?

— Какъ же, какъ же, присутствовалъ... Это вѣдь мой давнишній и хорошій знакомый.

— Какъ вамъ понравилась похоронная процессія?

— О, она вполнѣ соответствовала его постоянному занятію.

— Какъ такъ?

— Сперва ѣхали казаки съ «пиками», за ними музыканты съ «бубнами», потомъ шло духовенство съ «крестами» и, наконецъ, слѣдовалъ самъ С. съ «червями». За нимъ шли дамы, тузы, вслѣдъ за которыми тащились двойки, тройки и четверки...

Въ Маринскомъ театрѣ шель водевилъ Каратыгина «Заемныя жены». Актеръ Д—инъ, игравшій въ немъ второстепенную роль водевильнаго любовника, хотѣлъ было выйти на сцену безъ шляпы, хотя по ходу дѣйствія въ рукахъ его обязательно она должна быть. Я во время это замѣтилъ и почти насильно навязалъ ему свою шляпу. Петръ Андреевичъ засталъ конецъ нашего разговора, и когда Д—инъ удалился за павильонъ, онъ спросилъ меня:

— Что у васъ произошло?

— Да вотъ Д—инъ намѣревался выйти безъ шляпы. Я принудилъ его взять мою, на что онъ согласился послѣ продолжительнаго протеста. Онъ все время увѣрялъ меня, что это напрасно...

— Вотъ это мило!—полусердито замѣтилъ Каратыгинъ.—«Напрасно!»... Да какъ же это можно выходить безъ шляпы, если онъ является прямо съ улицы?

— Но вы не безпокойтесь, онъ, всетаки, захватилъ мою шляпу.

— Спасибо вамъ, мой добрый другъ... Впрочемъ, ему-то можно было обойтись и безъ этого. Я и позабылъ совсѣмъ, что у него нѣтъ головы, такъ значить ему не зачѣмъ и шляпа...

Въ одно изъ представленій комедіи И. А. Манна «Паутина» на сценѣ Маринскаго театра, Каратыгинъ въ качествѣ зрителя сидѣлъ въ креслахъ. Въ антрактѣ подходитъ къ нему одинъ изъ знакомыхъ и замѣчаетъ:

— Что это значить, Петръ Андреевичъ?

— Что такое?—тревожно спросилъ Каратыгинъ.

— Гдѣ публика? Залъ совершенно пустъ?

— Да развѣ вамъ неизвѣстно, мой добрый другъ, что паутина всегда бываетъ въ пустомъ залѣ!

Извѣстный писатель графъ В. А. Соллогубъ, при своемъ посѣщеніи Каратыгина, между прочимъ сказалъ:

— Давайте-ка, Петръ Андреевичъ, напишемъ вмѣстѣ какую нибудь пьесу?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ острякъ и, взявъ въ руки пещицу, прибавилъ:—вы пишете, а я начну засыпать...

Встрѣчаетъ однажды Каратыгинъ на улицѣ, близъ гостинаго двора, давно знакомаго ему стараго отставнаго балетнаго фигуранта, который во время своего пребыванія за театральными кулисами отличался тѣмъ, что во всѣхъ балетахъ неизмѣнно предводительствовалъ воинами и чертями, то-есть на его обязанности лежало выводить на сцену статистовъ и указывать имъ мѣста, положеніе и пр. На этотъ разъ онъ стоялъ съ лоткомъ, на которомъ были навалены груды какихъ-то порошковъ и спецій.

— Мое вамъ низжайшее почтеніе, Петръ Андреевичъ, — низко кланаясь произнесъ торговецъ, останавливая Каратыгина.

— А!.. Кого я вижу!? Это вы, мой добрый другъ? Какъ поживаете?.. Давно я васъ не видѣлъ?.. Чѣмъ это вы теперь занимаетесь?

— Да, вотъ-съ... многуважаемый Петръ Андреевичъ... по бѣдности... торговать началъ... въ коммерсанты записался...

— Что это у васъ на лоткѣ?

— Разное снадобье-съ... порошки отъ таракановъ, клоповъ, блохъ... Самъ составляю и вывожу...

— Доброе дѣло, мой добрый другъ... Ничего не подѣлаешь съ судьбой и обстоятельствами... Хотя времена и перемѣнчивы, но вы, какъ видно, не измѣняете своему призванію. Прежде-то, помнится, вы выводили въ балетѣ солдатъ да чертей, а теперь выводите клоповъ да таракановъ! Ну, что-жъ, по нынѣшнимъ временамъ и то хорошо,—закончилъ Петръ Андреевичъ.

Актеръ Л—овъ былъ страстный любитель сочинять стихи и при случаѣ читать ихъ публично на всякихъ торжествахъ. Они были убійственны, но, не смотря на это, однажды попали въ печать. Почтенный авторъ одно изъ своихъ произведеній прочелъ на торжественномъ обѣдѣ въ рѣчномъ яхтъ-клубѣ при открытіи сезона. На другой день эти вирши были воспроизведены въ газетѣ. Въ нихъ попадались такіе достойные удивленія куплеты:

«Вечеръ будетъ восхитителенъ,
«Когда пожалуетъ Никитинъ».

Или:

«Прочность будущихъ сезоновъ
«Поддержать Чистяковъ и доблестный Сазоновъ».

Или:

«Русалка запоетъ намъ пѣсню на рѣкѣ,
«Когда пріѣдетъ Тидеке»¹⁾.

Когда все это попало на глаза Каратыгину, усердно читавшему почти всѣ столичныя газеты, то изъ-подъ его пера вылилось такое четверостишіе:

«Поэтъ яхтъ-клуба водяной,
«Безграмотность свою не выводи наружу.
«Хоть море цѣлое воды передъ тобой²⁾.
«Но что ни скажешь ты, какъ въ лужу!»

Въ давно прошедшее время существовалъ въ Петербургѣ газетный рецензентъ, нѣкто Перець, происходившій изъ евреевъ. Въ своихъ статьяхъ онъ былъ крайне рѣзокъ и придирчивъ. Петръ

¹⁾ Нѣмецкій актеръ.

²⁾ Яхтъ-клубъ помѣщается у самаго взморья на Крестовскомъ островѣ.

«истор. вѣстн.», июнь, 1894 г., т. LVІ.

Андреевичъ, будучи недоволенъ какимъ-то его сужденіемъ о своей пьесѣ, написалъ на него эпиграмму, изъ которой мнѣ извѣстны только двѣ первыя и одна послѣдняя строки. Начинаясь она такъ:

«Есть у жидовъ обычай пресмѣшной,
«Когда бьютъ одного, кричитьъ всегда другой».

А оканчивалась каламбуромъ:

«Гдѣ соль нужна, тамъ не годится перецъ».

Въ былое время въ Александринскомъ театрѣ устраивались великопостные концерты въ пользу какихъ нибудь актеровъ. По обыкновенію гг. артисты, принимавшіе «благосклонное участіе», часто обманывали бенефициантовъ и не пріѣзжали въ назначенный день, чѣмъ повергали устроителей въ крайне неловкое положеніе. Однажды сидитъ Каратыгинъ въ партерѣ и равнодушно смотритъ на сцену, на которой подвизались спеціальные великопостные исполнители. Вдругъ въ одно изъ явленій незнакомый сосѣдъ по креслу обращается къ нему съ вопросомъ:

— Позвольте васъ спросить, что это значитъ: въ программѣ сказано, что сейчасъ долженъ пѣть г. Z. оперную арію, а между тѣмъ вышелъ какой-то неизвѣстный господинъ и играетъ на тромбонѣ? Что же это такое?

— А это, изволите ли видѣть, бенефисная обычная неудача, — спокойно отвѣтилъ Петръ Андреевичъ. — Несчастливаго бенефицианта надуваютъ всячески: сперва его, должно быть, надулъ Z., а теперь вотъ этотъ надуваетъ...

XXII.

Появленіе трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго». — Мечты о бенефисѣ. — Мой первый бенефисъ. — Начало хлопотъ. — И. А. Гончаровъ. — Его посредничество. — Знакомство съ графомъ А. К. Толстымъ. — Его характеристика. — Первая бесѣда съ нимъ. — Распредѣленіе ролей. — Мнѣніе Толстого о П. В. Васильевѣ. — Отказъ В. В. Самойлова отъ роли Грознаго. — Передача этой роли Васильеву. — Репетиціи. — Хлопоты автора. — Мой визитъ къ министру двора графу В. Ө. Адлербергу. — Его совѣтъ. — Разрѣшеніе.

Въ 1866 году, въ журналѣ «Отечественныя Записки» была напечатана трагедія графа А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго», сдѣлавшаяся на весьма продолжительное время злобою дня. О ней очень много говорили, писали, и знатоки предсказывали ей большой успѣхъ при постановкѣ на императорской сценѣ.

Трагедія произвела сенсацію, и, конечно, многіе изъ артистовъ драматической труппы начали о ней втихомолку мечтать. Въ числѣ такихъ мечтателей оказался, разумѣется, и я. Меня неотступно сталъ мучить вопросъ: какъ бы пріобрѣсти ее для своего бенефиса?

Но это было весьма затруднительно по той причинѣ, что я былъ почти самымъ молодымъ актеромъ Александринскаго театра. Старшіе же и старѣйшіе, какъ извѣстно, всегда пользуются предпочтеніемъ, въ виду чего мои поползновенія были чрезвычайно рискованны и слабо мотивировались извѣстною русскою поговоркою: «попытка—не шутка, а спросъ—не бѣда». Кромѣ этого, затрудняли еще и тѣ предположенія, что къ моему бенефису, какъ къ бенефису начинающаго актера, начальство отнесется равнодушно и откажетъ въ соответствующей обстановкѣ, безъ которой появленіе «Смерти Грознаго», однако, было немислимо и по отсутствію историческаго правдоподобія, и по вѣроятному протесту автора противъ невнимательности къ его произведенію. Эти предположенія имѣли то основаніе, что когда я въ первый свой бенефисъ поставилъ историческую хронику Н. А. Чаева «Дмитрій Самозванецъ», то въ декоративномъ, костюмерномъ и бутафорномъ отношеніи она заставляла желать много лучшаго. Все было убого и жалко. Весь персонажъ, за исключеніемъ, конечно, В. В. Самойлова, изображавшаго заглавную роль и игравшаго въ костюмахъ, былъ почти въ лохмотьяхъ. Пьеса имѣла большой успѣхъ, выдержала массу представленій, но лучшей обстановки не видѣла. Разумѣется, въ этомъ прежде всего сказалось мое скромное положеніе за кулисами театра. Я обязанъ былъ за все быть благодарнымъ и не имѣлъ права претендовать на невниманіе къ своей персонѣ...

Опасаясь повторенія небрежной постановки исторической пьесы, я обратился къ кое-кому изъ знакомыхъ, служившихъ къ дирекціи. Они мнѣ говорили въ голосъ, что осуществленіе моей мечты невозможно.

— Почему?

— Потому, что «Смерть Іоанна Грознаго», требующая сложной обстановки и тѣмъ вызывающая крупные расходы, пойдетъ въ казенный спектакль.

— Такъ рѣшено?

— Да, поговариваютъ...

А ужъ если поговариваютъ, то нечего и сомнѣваться, что обстановка будетъ блестящая. Для такого автора, какъ графъ А. К. Толстой, занимавшаго видный придворный постъ, скупиться на декораціи и костюмы было неудобно. Это извѣстіе еще болѣе окрылило мои надежды, и я съ усиленной энергіей принялся за бенефисныя хлопоты.

— Полно, ну, гдѣ тебѣ оттягать этакую трагедію, — говорили мнѣ, знавшіе о моемъ замыслѣ.

— Отчего же? Можетъ быть, и удастся.

— Никогда!

— Это слишкомъ увѣренно.

— Подумай, съ какой стати уступить тебѣ дирекція свою пьесу, успѣхъ которой обезпеченъ.

Меня сталъ занимать не обычный матеріальный интересъ бенефиса, а его торжественность, чрезвычайно лестная для молодого актера. Я былъ увѣренъ, что первое представленіе пьесы обратитъ вниманіе высокопоставленныхъ особъ, которые непременно посѣтятъ мои театральныя именины...

Графъ Толстой проживалъ въ то время въ Римѣ. Это извѣстіе первоначально меня разочаровало, но вскорѣ я узналъ, что передъ своимъ отъѣздомъ онъ поручилъ свою трагедію Ивану Александровичу Гончарову, черезъ посредство котораго она и попала въ «Отечественныя Записки».

Пользуясь своимъ знакомствомъ съ знаменитымъ писателемъ, отправляюсь къ нему и прошу его ходатайства передъ графомъ.

— Да о постановкѣ трагедіи на сценѣ, на сколько мнѣ извѣстно, Алексѣй Константиновичъ вовсе еще пока и не думаетъ, — отвѣтилъ Гончаровъ.

— Но противъ ея появленія на подмосткахъ онъ ничего не будетъ имѣть?

— Вѣроятно, ничего. Впрочемъ, я могу по этому поводу войти съ нимъ въ переписку.

Я попросилъ Ивана Александровича оказать мнѣ протекцію и упросить графа отдать пьесу для моего бенефиса.

— Хорошо! Я его попрошу... Черезъ мѣсяцъ пріѣзжайте за отвѣтомъ.

Въ назначенный срокъ пріѣзжаю къ Гончарову, радостно объявившему мнѣ, что графъ Толстой, вполне довѣряя аттестаціи обо мнѣ Ивана Александровича, даетъ полное свое согласіе на постановку пьесы въ мой бенефисъ.

— Впрочемъ, — сказалъ романистъ, — погодите торжествовать. Сперва повидайтесь съ авторомъ. Онъ пишетъ, что желаетъ съ вами познакомиться и предварительно все касающееся его произведенія совмѣстно обсудить.

— Но это, можетъ быть, затянется?..

— О, нѣтъ. Графъ уже въ дорогѣ и надняхъ будетъ въ Петербургѣ. Объ его пріѣздѣ, а равно и о днѣ свиданія съ нимъ я васъ извѣщу.

Черезъ нѣсколько дней дѣйствительно получаю приглашеніе пожаловать въ «Hôtel de France», гдѣ графъ временно поселился. Онъ занималъ небольшой, съ скромной обстановкой, номеръ. Въ назначенный часъ я явился въ гостиницу. Меня встрѣтилъ услужливый камердинеръ и просилъ подождать возвращенія Алексѣя Константиновича, который отправился на выходъ въ Зимній дворецъ.

— Они скоро вернуться, а вы извольте посидѣть. Вотъ сегодняшнія газеты.

Через полчаса пріѣхалъ графъ. Онъ былъ въ блестящемъ егермейстерскомъ мундирѣ.

— А! Очень радъ! — привѣтливо сказалъ онъ, протягивая обѣ руки. — Простите, что заставилъ ждать. Впрочемъ, встаете подождите ужъ за одно и еще одну минуту: я моментально разоблачусь...

Рѣдко приходилось мнѣ встрѣчать такихъ безконечно симпатичныхъ, высокообразованныхъ и безгранично добрыхъ людей, каковымъ былъ графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой. Это была воплощенная добродѣтель, личность во всѣхъ отношеніяхъ образцовая и свѣтлая. При своемъ общественномъ положеніи, богатствѣ и поэтическомъ талантѣ, онъ былъ самымъ простымъ, доступнымъ, обязательнымъ человѣкомъ. Всякій бы другой при этихъ условіяхъ непроизвольно сталъ бы въ рамки недосягаемой персоны, а графъ Толстой сумѣлъ блестящимъ образомъ усвоить себѣ искреннюю простоту и тѣмъ располагать къ себѣ всѣхъ окружающихъ.

Черезъ пять минутъ нашей бесѣды, я уже былъ въ равной степени съ нимъ непринужденъ и откровененъ. Наше знакомство завязалось съ вопроса Алексѣя Константиновича:

— Кого же вы желали бы играть въ трагедіи? Я совсѣмъ не знаю вашихъ средствъ и дарованій, такъ какъ никогда не видалъ васъ на сценѣ.

— Пожалуйста, графъ, не стѣсняйтесь, — скромно отвѣтилъ я. — Буду благодаренъ за любую роль, которая бы мнѣ ни досталась, и постараюсь оправдать моимъ посильнымъ исполненіемъ ту честь, которую вы дѣлаете, отдавая пьесу для моего бенефиса.

— Я уже видѣлся со многими изъ театральнаго и литературнаго міра, — сказалъ Толстой, — и всѣ мнѣ совѣтуютъ главные роли поручить Самойлову и Павлу Васильеву. Первому, конечно, Іоанна, а второму — Годунова. Вамъ же, какъ мнѣ кажется, подходитъ больше всего роль Сипцаго. Хотя она и не велика, но очень выигрышная и эффектная.

— Я повторяю вамъ, графъ, что буду искренно благодаренъ за всякую роль, которую вамъ угодно будетъ мнѣ назначить, не говоря уже про такую, какъ Сипцаго. Она чрезвычайно хороша.

Послѣ небольшой паузы Толстой спросилъ меня:

— Что вы скажете насчетъ исполненія Васильевымъ роли Годунова?

— Васильевъ безспорно талантливый комическій актеръ на бытовыхъ роли, очень любимъ публикой, но на сколько хорошо онъ можетъ читать стихи въ трагедіяхъ и играть роль Годунова, мнѣ неизвѣстно. Я ни въ чемъ подобномъ никогда его не видалъ.

— Что касается стиховъ, — возразилъ графъ, — то я уже имѣлъ случай слышать его чтеніе въ одномъ знакомомъ домѣ, гдѣ мнѣ его представили. И, знаете ли, онъ съ большимъ чувствомъ и экс-

прессіей передавалъ монологи Шекспировскаго «Гамлета». Всѣ были въ восторгѣ, и мнѣ тоже очень понравилось. Вообще онъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, и право, я удивляюсь, отчего бы ему не выступить публично въ этой знаменитой роли. Впрочемъ, онъ говорилъ, что намѣревается ее сыграть въ недалекомъ будущемъ.

— Въ такомъ случаѣ, значитъ, все будетъ хорошо, и роль Годунова выиграетъ въ его исполненіи.

— Да, я думаю, что онъ ее выдвинетъ.

Итакъ, рѣшено было, что Грознаго будетъ играть В. В. Самойловъ, а Годунова—П. В. Васильевъ.

Кстати Толстой передалъ мнѣ, что онъ уже видѣлся съ директоромъ театровъ, графомъ Борхомъ, и что постановка трагедіи утверждена.

— Декорации уже готовятся, — прибавилъ онъ, — лучшими мастерами, а именно Шишковымъ и Бочаровымъ, которые строго придерживаются исторической вѣрности. Такъ же будетъ поступлено съ костюмами и аксессуарами.

Что же касается до заявленія въ дирекцію о томъ, что авторъ отдаетъ пьесу на мой бенефисъ, онъ предоставилъ на мой выборъ: я ли о томъ заявлю первый, или онъ.

— Какъ вамъ удобнѣе?—спросилъ графъ.

— Доверяйте благодѣяніе до конца! Заявите объ этомъ сами и не откажитесь сообщить результатъ. Я убѣжденъ, что начальникъ репертуара Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ, гнѣвающійся на меня за то, что я получилъ контрактъ съ бенефисомъ прямо отъ министра, безъ его содѣйствія, будетъ противъ вашего желанія.

— То-есть?

— Станетъ отклонять васъ отъ намѣренія постановки трагедіи въ мой бенефисъ.

— Не знаю, что ожидаетъ насъ въ дирекціи, но будьте увѣрены, что я сдѣлаю все зависящее отъ меня, чтобы сдержать свое слово.

Вскорѣ начались мытарства и безпокойства по поводу постановки.

Ни директоръ, ни Ѳедоровъ, ничего положительно не отвѣтили графу на его предложеніе поставить пьесу въ мой бенефисъ. Впрочемъ, Ѳедоровъ, какъ передавалъ мнѣ Алексѣй Константиновичъ, всетаки не выдержалъ до конца своей нейтралитетной роли и сказалъ:

— Мы думали, ваше сіятельство, «Смерть Іоанна Грознаго» поставить въ бенефисъ Самойлова, такъ какъ онъ будетъ самое главное дѣйствующее лице, на которомъ зиждется вся трагедія. Кромѣ того, Самойловскій бенефисъ обезпеченный. Ему выдаетъ дирекція 3.000 рублей. Постановка же пьесы будетъ стоить больше

тридцати тысячъ. Согласитесь, что намъ выгоднѣе дать ее именно въ бенефисъ его.

На этотъ разъ графъ не особенно возражалъ, и предварительные разговоры окончились ничѣмъ. На сценѣ же начались приготовления. Состоялось распредѣленіе ролей, и я получилъ Сипцаго, такъ же какъ Самойловъ—Грознаго, а Васильевъ—Годунова.

Кому извѣстна была постоянная вражда Самойлова и Васильева, тотъ, разумѣется, нисколько не удивится, что Василій Васильевичъ во всеуслышаніе и категорично объявилъ, какъ только узналъ распредѣленіе ролей, что онъ ни за что не будетъ играть съ Павломъ Васильевичемъ, который ничѣмъ не подходитъ къ роли Годунова.

— Это будетъ не трагедія, а фарсъ,—возмутился Самойловъ.— Я вовсе не хочу быть въ комедіантской обстановкѣ. Онъ будетъ жалокъ и смѣшонъ.

Графъ Толстой отказомъ Самойлова отъ роли былъ очень огорченъ и не зналъ, какъ поступить. Васильевъ же вполне успѣлъ воспользоваться его расположеніемъ, чему не мало способствовали общіе знакомые и друзья, успѣвшіе убѣдить Алексѣя Константиновича, что Васильевъ большой трагическій талантъ. И вотъ, во время первой же считки, въ фюз Александринскаго театра, куда Самойловъ прислалъ форменный отказъ, сіятельный авторъ обратился къ Васильеву съ предложеніемъ играть вмѣсто «капризнаго артиста». Какъ ни было удивительно предложеніе, но удивительнѣе всего было то, что Павелъ Васильевичъ отъ роли Грознаго не отказался и тотчасъ же передалъ мнѣ свою, Годунова.

Присяжный трагикъ Л. Л. Леонидовъ очень обидѣлся и не стѣсняясь высказалъ автору свое недоумѣніе, но тотъ былъ непоколебимъ... Васильеву, разумѣется, льстило такое отношеніе къ нему автора, однако было очень замѣтно, что онъ смущался и не надѣялся на свои силы вынести на плечахъ эту отвѣтственную роль. Если хватало, какъ казалось ему, таланта, то во всякомъ случаѣ не хватало физическихъ средствъ. Никто не могъ себѣ представить Васильева съ его фигурой и интонаціей въ роли царя Иоанна.

Въ свою очередь, Самойловскимъ инцидентомъ былъ доволенъ и я. Во-первыхъ, досталась роль Годунова, во-вторыхъ рушились препятствія къ постановкѣ трагедіи въ мой бенефисъ. Не могъ же Ѳедоровъ дать бенефисъ Самойлову, безъ его участія въ главной пьесѣ?

Хотя графъ Толстой былъ и на моей сторонѣ, однако положительно рассчитывать на его пьесу я не могъ. Для выясненія же окончательныхъ результатовъ, въ одинъ прекрасный день, я отправился къ Ѳедорову и официально просилъ его разрѣшить въ мой бенефисъ первое представленіе трагедіи графа Толстаго, который съ своей стороны на это даетъ полное согласіе.

Федоровъ съ напускною любезностью и совершенно наивнымъ тономъ отвѣтилъ, не подозрѣвая, что мнѣ уже все извѣстно:

— Постановка пьесы, на которую вы испрашиваете разрѣшенія, пока еще никѣмъ не рѣшена. Мнѣ даже неизвѣстно, можетъ ли она быть поставлена. Достанетъ ли у дирекціи средствъ на такіе расходы, какіе требуются для этой черезчуръ сложной трагедіи?.. Я не понимаю, почему вы обращаетесь ко мнѣ.

— Я обращаюсь къ вамъ, ваше превосходительство, какъ къ начальнику репертуара, а главнымъ образомъ, какъ къ человѣку, отъ котораго зависитъ многое у насъ въ театрѣ. Къ кому же прикажете обратиться?

— Къ кому хотите, только не ко мнѣ!—отвѣчалъ Федоровъ съ обычной гримасой.—Къ директору, къ министру, я же въ этомъ послѣдняя спица въ колесницѣ.

Покойный Павелъ Степановичъ любилъ обыкновенно оставаться въ сторонѣ и все совершавшееся имъ или по крайней мѣрѣ по его инициативѣ вваливать на «старшихъ». Онъ во всемъ «умывалъ руки», во всемъ былъ чистъ и непороченъ. Но подъ дружеской привѣтливой улыбкой часто скрывалась ложь, зависть и ненависть...

Переговоры съ Федоровымъ, конечно, не могли меня удовлетворить, но я не терялъ присутствія духа и не унывалъ.

Начались репетиціи, которыхъ въ общемъ было болѣе тридцати. Всѣ онѣ происходили въ Маріинскомъ театрѣ. Васильевъ свою роль читалъ постоянно шепотомъ, такъ что никто не могъ вообразить себѣ, какъ онъ появится въ ней на спектакль. Актеры косо и насмѣшливо посматривали на Павла Васильевича, а графъ Толстой при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ старался его поддержать и чуть не за каждую сцену ему аплодировалъ и всячески хвалилъ. Онъ даже увозилъ его въ свою деревню «Пустыньку» (близъ станціи Саблино, Николаевской желѣзной дороги) и тамъ проходилъ съ нимъ «характеристику» царя Грознаго.

Моимъ чтеніемъ авторъ былъ постоянно доволенъ и однажды даже просилъ прочесть въ присутствіи большого общества сцены Годунова и Грознаго, совмѣстно съ покойнымъ романистомъ Б. М. Маркевичемъ, который считался замѣчательнымъ чтецомъ.

Однако, не взирая на благорасположеніе ко мнѣ графа, я былъ, всетаки, въ неизвѣстности относительно своего бенефиса, приближеніе котораго уже стало меня беспокоить. Быть или не быть? Дадутъ или не дадутъ? Толстой, съ свойственной ему предупредительностью, ходатайствовалъ за меня передъ директоромъ, но его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ.

— Все зависитъ отъ министра,—отвѣтилъ ему директоръ.—Ваша пьеса подняла такой переполохъ, что я просто таки отказываюсь отъ вмѣшательства. И Павелъ Степановичъ того же мнѣнія: пусть

ею распорядится высшее начальство, чтобы никто не посмѣлъ претендовать на насъ.

Было очевидно, что директоръ говорилъ словами Ѳедорова, вліяніе котораго тяжело сказывалось на всемъ. Было не трудно понять, что начальникъ репертуара по собственной инициативѣ затягиваетъ вопросъ о моемъ бенефисѣ и трагедіи Толстого. Кромѣ того, и со стороны приходили извѣстія, что Павелъ Степановичъ не одобряетъ автора за то, что тотъ настаивалъ объ отдачѣ своего произведенія на мой бенефисъ.

Основательно опасаясь за успѣхъ своего бенефиса, я рѣшилъ лично обратиться къ графу В. Ѳ. Адлербергу, нашему тогдашнему министру. Это былъ весьма добрый, милостивый, доступный начальникъ. Подчиненный могъ смѣло искать съ нимъ свиданія и просить его о чемъ угодно, напередъ будучи увѣреннымъ, что графъ поступитъ справедливо и ободритъ своимъ участливымъ отношеніемъ.

Я былъ принятъ графомъ Владиміромъ Ѳедоровичемъ часовъ въ 7 утра въ его кабинетѣ, на Фонтанкѣ, между Симеоновскимъ и Цѣпнымъ мостами. Онъ пригласилъ меня сѣсть и, выслушавъ мою просьбу, отвѣтилъ:

— Мнѣ все извѣстно. Графъ Толстой уже не разъ говорилъ и просилъ меня, но я не рѣшался исполнить его просьбу, жалѣя васъ.

— Какъ жалѣя меня?—воскликнулъ я съ изумленіемъ.

— Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ донесъ, что вы слишкомъ молоды, и вамъ еще рано получать въ бенефисы подобныя пьесы. Вы, вѣроятно, помните, что тѣ же резоны онъ представлялъ мнѣ относительно и самаго назначенія вамъ бенефиса по контракту. А вѣдь я вамъ его разрѣшилъ только потому, что вамъ его обѣщали и поставили васъ въ крайнее положеніе. Положимъ, что, кромѣ вашей молодости, другихъ препятствій не имѣется, но согласитесь, что будутъ говорить ваши товарищи, когда увидятъ чрезмѣрное вниманіе къ вамъ начальства? Во-первыхъ, обвинятъ насъ въ пристрастіи, во-вторыхъ, будутъ коситься на васъ, что ни для той, ни для другой стороны не выгодно. Благодарите Бога, что бенефисъ-то получили, а ужъ о пьесахъ предоставьте пока заботиться самой дирекціи... Желая вамъ отъ души добра, я не могу не посовѣтывать вамъ быть болѣе осмотрительнымъ и осторожнымъ. Вамъ, на примѣръ, извѣстно, что ваше ближайшее начальство противъ постановки этой трагедіи въ вашъ бенефисъ, и хотя мнѣ ничего не стоитъ исполнить желаніе графа Толстого и вашу просьбу, но подумайте, что можетъ ожидать васъ впослѣдствіи? Ѳедоровъ вамъ этого не проститъ, а вы не всегда будете имѣть возможность обращаться ко мнѣ, такъ же какъ и я, вѣроятно, не всегда буду въ состояніи исполнять ваши просьбы. Я не могу нарушать мое довѣріе къ лицамъ, поставленнымъ мною въ управленіе театрами, а эти люди,

какъ ближайшее ваше начальство, могутъ всегда надѣлать вамъ бездну огорченій... Итакъ совѣтую, мой другъ, отказаться отъ своей затѣи...

— Не знаю, какъ благодарить ваше сіятельство за участіе, но отступить отъ своей просьбы я не могу. Примите во вниманіе мое настоящее положеніе. Дѣло зашло слишкомъ далеко: я, понадѣявшись на содѣйствіе автора и его ходатайство передъ вами, громко говорилъ объ обѣщаніи графа Толстого отдать свое сочиненіе именно на мой бенефисъ. Многіе же, знавшіе отношенія ко мнѣ Ѳедорова, не стѣсняясь говорили, что «тому не бывать». Я увѣрялъ всѣхъ и спорилъ. Если же теперь я не восторжествую, то окончательно пропаду какъ по службѣ, такъ равно и отъ насмѣшекъ нерасположенныхъ ко мнѣ людей.

— Если такъ—извольте; но предупреждаю, что ни за какія послѣдствія я не ручаюсь. Пеняйте на самого себя. Такъ же помните и то, что, только уважая просьбу графа Толстого, я разрѣшаю вамъ въ бенефисъ поставить впервые его «Смерть Іоанна Грознаго».

Не помня себя отъ радости, я вышелъ отъ графа Адлерберга и прямо поѣхалъ къ Толстому подѣлиться съ нимъ послѣднею новостью. Алексѣй Константиновичъ встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Не правда ли, получено благопріятное извѣстіе?

— Да... А вамъ кто сказалъ?

— Никто. По вашему торжествующему виду не трудно понять.

— Представьте, самъ министръ далъ свое согласіе.

— Ну, и отлично. Радъ очень за васъ.

— Этимъ я обязанъ исключительно только вамъ. Графъ Адлербергъ такъ и сказалъ.

— Что?—воскликнулъ Толстой.—Мнѣ? Ну, такъ я вамъ долженъ сказать, что я величайшій въ мірѣ взяточникъ и этой своей услуги я не прощу. Извольте вознаградить меня... чтеніемъ. Прочтите чтонибудь изъ «Іоанна».

Я началъ декламировать...

XXIII.

Козни П. С. Ѳедорова.—Даровые зрители.—Записи.—Спектакль.—Успѣхъ.—Вызовы автора.—Графъ Борхъ не пускаетъ его на сцену.—Посвѣтители репетицій.—Отецъ Михайлъ В—бовъ.—Его мнѣніе о трагедіи.

Вскорѣ послѣ этого, какъ одному мнѣ было извѣстно, Ѳедоровъ получилъ бумагу о разрѣшеніи постановки «Смерти Іоанна Грознаго» въ мой бенефисъ. Этотъ документъ онъ скрывалъ отъ всѣхъ до послѣдней возможности и только тогда обнаружилъ его, когда пришлось выпускать мою бенефисную афишу.

Федоровъ на меня разгнѣвался сильно и, чтобы досадить мнѣ, устроилъ такъ, что весь театръ во время генеральной репетиціи былъ переполненъ даровой публикой. Впрочемъ, его расчеты были ошибочны. Эти бесплатные зрители не могли подорвать сбора, который былъ обезпеченъ предварительною записью. Недѣли за двѣ до бенефиса графъ Толстой передалъ мнѣ большую тетрадь съ именами лицъ, желавшихъ имѣть мѣсто на первое представленіе. Кромѣ того, поступали требованія къ самому директору, который также передалъ мнѣ обширный списокъ, такъ что въ концѣ-концовъ удовлетворить всѣхъ было невозможно.

Въ Маріинскомъ театрѣ, гдѣ состоялся мой бенефисъ, было недостаточно ложъ, требованія на которыя были велики на столько, что пришлось прибѣгнуть къ разверсткѣ и даже къ жребію. Очень многимъ пришлось отказать. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и австрійскій посланникъ, секретарь котораго, предлагавшій мнѣ за ложу 300 р., былъ весьма удивленъ, когда я даже и за такую крупную сумму не могъ удѣлить ему билета.

Федоровъ былъ мстителемъ. Онъ не ограничился впускомъ даровыхъ зрителей на генеральную репетицію, но придумалъ еще взять съ меня половину сбора, отчисляемую въ казну, не по цѣнамъ драматическихъ спектаклей, а по цѣнамъ русской оперы, что въ общемъ составило довольно порядочный излишекъ. Однако, не смотря на это, на мою долю очистилось почти пять тысячъ рублей, не считая тѣхъ «призовъ», которые мною были получены частнымъ образомъ. Въ матеріальномъ отношеніи бенефисъ былъ блестящимъ.

Въ день спектакля, 12-го января 1867 года, рано утромъ пріѣхалъ ко мнѣ графъ А. К. Толстой съ радостнымъ извѣстіемъ, что государь императоръ, котораго онъ только что видѣлъ, обѣщалъ вечеромъ присутствовать на представленіи «Смерти Іоанна Грознаго» со всей фамиліей, кромѣ императрицы, которая къ общему сожалѣнію была не совсѣмъ здорова. Толстой кстати передалъ, что государь очень интересовался обстановкой пьесы и спрашивалъ его, доволенъ ли онъ исполнителями.

Наконецъ, наступилъ вечеръ. Театръ былъ переполненъ изысканной публикой. Не говоря о самомъ государѣ, все высшее общество, дипломатическій корпусъ, министры, литераторы находились въ полномъ составѣ. Пьеса прошла при живѣйшемъ вниманіи зрителей. Рукоплесканій было много, особенно по адресу автора, который пожелалъ было вмѣстѣ съ нами, участвующими, выйти на сцену, но былъ удержанъ директоромъ графомъ Борхемъ.

— Нельзя! Вамъ нельзя!

— Почему?

— Вы, какъ придворный чинъ, не имѣете права показываться на сценѣ, а можете откланяться публикѣ только изъ директорской ложи.

— Но это стѣсненіе?

— Правило-съ!

Дѣлать нечего, Алексѣй Константиновичъ долженъ былъ покориться требованію директора и показаться усердно аплодировавшимъ ему зрителямъ изъ директорской ложи.

Въ общемъ спектакль прошелъ благополучно, и черезъ нѣсколько дней я лично отъ графа Борха получилъ пожалованный мнѣ императоромъ великолѣпный брилліантовый перстень.

На репетиціи являлось множество извѣстныхъ ученыхъ, художниковъ и музыкантовъ. А. Н. Сѣровъ написалъ даже музыку для хора скомороховъ, а историкъ Н. И. Костомаровъ посѣтилъ, должно быть, до десяти репетицій и всегда внимательно вслушивался въ актерское чтеніе... Такъ глубоко былъ интересъ къ произведенію Толстого, что на генеральную репетицію явился даже протоіерей нашей театрально-училищной церкви, отецъ Михаилъ Б—бовъ. Его помѣстили въ закрытой ложѣ и, конечно, изъ публики его никто не могъ видѣть.

На другой день послѣ генеральной репетиціи его спрашиваетъ кто-то въ школѣ:

— Ну, какое впечатлѣніе произвела на васъ трагедія?

— Весьма хорошее. Очень пріятно провелъ время, — отвѣтилъ о. Михаилъ.

— Кто же вамъ болѣе всего понравился?

— Конечно, авторъ. Ловко разработалъ старину матушку.

— А изъ актеровъ?

— Всѣ хороши. Павелъ Васильевичъ такъ совсѣмъ молодецъ, — замѣчательно былъ похожъ на одного знакомаго священника, а Нильскій былъ въ родѣ камергера.

— Почему именно камергера?

— Это я ему лицу! Вѣдь онъ бенефициантъ...

XXIV.

Визитъ къ министру и графу Толстому. — Его разочарованіе въ Васильевѣ. — Его вниманіе къ своему произведенію. — Письмо графа ко мнѣ о перефразировкѣ. — Его заботы объ эффектахъ. — Самойловъ въ роли Грознаго. — Его перемѣны и оговорки. — Отказъ Самойлова отъ роли. — Эпиграмма Д. Д. Минаева. — Нижегородскія гастролы. — Мое появленіе въ роли Іоанна въ Нижнемъ Новгородѣ. — Мой дебютъ въ роли Іоанна въ Петербургѣ. — Вниманіе гр. Толстого. — Эпиграмма на меня П. А. Каратыгина.

На слѣдующій послѣ бенефиса день я отправился благодарить министра и графа Толстого. Алексѣй Константиновичъ тогда жилъ у графа А. П. Бобринскаго, на Большой Итальянской, въ домѣ, гдѣ въ послѣдствіи помѣщался англійскій клубъ.

Конечно, главной темой нашей бесѣды былъ вчерашній спектакль, разговаривали преимущественно объ актеряхъ.

— Какъ вы нашли Васильева?—между прочимъ спросилъ я.— Скажите откровенно, графъ, довольны ли вы его игрой?

Толстой пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Я все время героически стоялъ за Павла Васильевича и, поручивъ ему роль Грознаго, хотѣлъ убѣдить и себя и всѣхъ, что въ этомъ нѣтъ ошибки, но теперь скажу только одно, что я буду премного благодаренъ каждому изъ артистовъ, кто возьмется сыграть за него.

Смерть Іоанна Грознаго сдѣлала много полныхъ сборовъ, не смотря на то, что критика отнеслась къ этой трагедіи слишкомъ строго и насмѣшливо къ своему любимцу Васильеву. Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ въ рецензіяхъ говорилось (худо ли, хорошо ли—это безразлично) только о Павлѣ Васильевичѣ, а всѣхъ остальныхъ замалчивали, между тѣмъ Леонидовъ былъ очень хорошъ въ роли Захарыина, незамѣтный до того актеръ Душкинъ прекрасно изобразилъ царевича Федора и, наконецъ, народная сцена четвертаго дѣйствія всегда вызывала бурю аплодисментовъ.

Графъ Толстой часто посѣщалъ послѣдующія представленія своей трагедіи и внимательно слѣдилъ за всѣми дѣйствующими лицами. Его интересовало исполненіе, и малѣйшая неточность вызывала въ немъ, какъ онъ самъ выражался, ощущеніе сильной боли. У меня до сихъ поръ сохраняется его письмо, въ которомъ онъ дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе о перестановкѣ словъ въ рѣчи Годунова.

«Я совершенно забылъ сказать вамъ при послѣднемъ свиданьи,— пишетъ Толстой,— что вы два раза, т. е. на двухъ представленіяхъ, проговорились въ роли Годунова, когда онъ говоритъ къ народу изъ окна. Вы оба раза сказали:

«Великій царь и князь всея Руси.

«Вмѣсто:

«Великій князь и царь всея Руси:

«Послѣднее есть официальный титулъ нашихъ царей, отъ котораго нельзя отступать. Это, конечно, бездѣлица, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы были во всемъ безгрѣшны. Вороновъ ¹⁾ общалъ мнѣ продѣлать для васъ боковую дверь, въ послѣдней сценѣ, изъ которой вамъ будетъ возможно выйти съ отвѣтомъ Іоанну такъ, чтобы ваше появленіе было тотчасъ замѣчено публикой. Это дастъ вамъ возможность продлить ту важную сцену, единственную въ трагедіи, которую слѣдуетъ длить. Пусть публика видитъ, что вы пришли не даромъ, пусть она ожидаетъ отъ васъ чего нибудь необыкновеннаго, роковаго, пусть Іоаннъ, увидя васъ, испугается вашего медленія, пусть и самимъ вамъ будетъ нѣсколько жутко играть ва—

¹⁾ Режиссеръ Александринскаго театра.

банкъ съ такимъ господиномъ, какъ Іоаннъ. Если публика увидитъ, какъ вы входите, какъ вы готовитесь, какъ вы медлите, это дастъ вамъ поводъ къ такой мимикѣ, что вы заставите замереть сердце публики; а причиной тому будетъ боковая дверь, тогда какъ теперь вовсе не видать, какъ вы входите».

Вотъ съ какою родительскою заботливостью слѣдилъ графъ Толстой за своимъ произведеніемъ. Ему было недостаточно успѣха въ толпѣ, онъ хотѣлъ прежде всего быть самъ вполне удовлетвореннымъ своимъ трудомъ.

Послѣ нѣсколькихъ представленій начали ходить и въ публикѣ и за кулисами разсужденія о томъ, что какъ бы хорошо было, еслибы роль Грознаго сыгралъ Самойловъ. Трагедіи предвѣщали еще большій успѣхъ. Василию Васильевичу эти слухи льстили, и вскорѣ онъ согласился выступить въ роли Іоанна. Артистка Владимірова воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и въ свой бенефисъ возобновила трагедію съ участіемъ Самойлова. Опять всеобщій интересъ и опять очень удачный сборъ, что и требовалось доказать. Самойловъ заранѣе былъ увѣренъ въ своемъ триумфѣ. Онъ началъ съ того, что на первой же репетиціи сталъ мѣнять мѣста, всѣми исполнителями уже усвоенныя, а также и сценическую обстановку. Такъ, напримѣръ, въ первое свое появленіе во второй картинѣ, гдѣ Іоаннъ долженъ сидѣть въ креслѣ и терзаться раскаяніемъ, онъ пожелалъ выходить изъ боковой двери и всю сцену вести въ непрерывномъ движеніи. Когда же ему замѣтили, что это неудобно, онъ раздраженно отвѣтилъ:

— Что вы мнѣ разсказываете! Гдѣ же Грозному сидѣть, при такихъ мукахъ, — онъ себѣ не можетъ найти мѣста. Его мучитъ преступленіе, вѣдь онъ убилъ своего сына.

И это обстоятельство помогло добрымъ друзьямъ его кричать о своеобразномъ пониманіи типа, объ оригинальности, и засыпать его вѣнками при первомъ представленіи пьесы съ его участіемъ.

Сыгралъ онъ Грознаго, безъ сомнѣнія, лучше Васильева, не смотря на то, что роли онъ твердо не зналъ и часто оговаривался. Особенно ему не удался выходъ во второмъ дѣйствіи. Каждый разъ онъ освѣдомлялся у сценаріуса:

— Что я говорю?

Тотъ, посмотрѣвъ въ книгу, отвѣчалъ:

— Вы выходите съ словами: «что дѣлаешь ты здѣсь?».

Василій Васильевичъ выходилъ и непременно произносилъ:

— «Зачѣмъ ты пришелъ сюда?»

Графъ Толстой отъ этой перефразировки приходилъ въ отчаяніе.

Большія надежды возлагались на Самойлова, но, увы, и онъ не вполне удовлетворялъ своимъ исполненіемъ, хотя онъ былъ неизменно лучше своего предшественника. Василій Васильевичъ не могъ пожаловаться на неуспѣхъ, — наоборотъ въ роли Грознаго его очень

горячо принимали зрители, былъ доволенъ имъ и самъ авторъ, однако чувство собственной неудовлетворенности сказалось чрезъ нѣсколько представленій, и Самойловъ сталъ видимо тяготиться участіемъ въ этой эффектной трагедіи. Самолюбивый артистъ началъ говорить, что громадная роль Іоанна слишкомъ тяжела, что она подрываетъ его силы, и, въ концѣ концовъ, совершенно отказался отъ нея.

— Кто-жъ васъ замѣнить?—спрашивали его поклонники.

— Кто угодно,—отвѣчалъ Василій Васильевичъ,—но я болѣе ни за какія блага не соглашусь выступать въ этой трагедіи.

И онъ сдержалъ слово. Его убѣждали въ слѣдующемъ сезонѣ поиграть Грознаго, но онъ категорически отказался.

Кстати припоминается экспромтъ Д. Д. Минаева, произнесенный имъ въ буфетѣ Александринскаго театра въ одно изъ представленій «Смерти Іоанна Грознаго». Подходить онъ къ одному театральному рецензенту и говорить:

Къ тебѣ обращаюсь съ мольбою я слезной:

Скажи ты мнѣ чистосердечно, на что ихъ игра вся похожа?

Я Павла Васильева вижу, Василья Васильича—тоже,

Но гдѣ же Иванъ-то Васильевичъ Грозный?

Весною 1867 года пріѣхалъ ко мнѣ нижегородскій антрепренеръ Ѳедоръ Константиновичъ Смольковъ съ просьбою походатайствовать передъ графомъ Толстымъ о разрѣшеніи поставить его трагедію въ Нижнемъ Новгородѣ. Я охотно исполнилъ его просьбу и выхлопоталъ желанное согласіе автора. Смольковъ убѣдилъ меня пріѣхать къ нему и посодѣйствовать въ постановкѣ этой сложной пьесы, а такъ же сыграть роль Годунова. Когда же я пріѣхалъ въ Нижній, почтенный антрепренеръ ошеломилъ меня требованіемъ исполнить роль Грознаго.

— Я не могу!

— Больше никому, выручайте, ради Бога разучите и играйте.

Послѣ продолжительныхъ увѣщеваній я склонился и принялся за изученіе роли. Помня всѣ замѣчанія автора про исполненіе Іоанна Васильевымъ и Самойловымъ, я серьезно отнесся къ своей задачѣ, тѣмъ болѣе пріятной, что характеръ грознаго царя давно меня занималъ, и я втихомолку мечталъ объ исполненіи этой роли когда нибудь въ далекомъ будущемъ...

Смольковъ не жалѣлъ расходовъ и обставилъ трагедію превосходно. Декораціи были сдѣланы по рисункамъ императорскаго театра, костюмы шиты новые, и даже были на сценѣ лошади, взятая «на разовыя» у одного изъ актеровъ, который въ часы досуга ими барышничалъ. На мою долю выпалъ большой успѣхъ, которому я, конечно, не придавалъ цѣннаго значенія, объясняя его снисходительностью провинціальныхъ зрителей, еще никого не видавшихъ въ этой прекрасной роли.

По возвращеніи моемъ на службу въ Петербургъ, «Смерть Іоанна Грознаго» не была даваема вовсе. Ее сняли съ репертуара за отсутствіемъ исполнителя заглавной роли. Весною 1868 года пріѣхалъ въ столицу великій герцогъ Веймарскій, у котораго въ Веймарѣ трагедія эта была представлена на нѣмецкомъ языкѣ въ переводѣ Павловой. Онъ выразилъ желаніе видѣть ее въ русскомъ театрѣ, но при возобновеніи ея встрѣтились затрудненія: ни Васильевъ, ни Самойловъ, не соглашались вновь выступить въ роли Грознаго. По обыкновенію началась суетня. Кто-то вспомнилъ, что я игралъ Іоанна въ Нижнемъ Новгородѣ. Поспѣшно призываютъ меня въ дирекцію и предлагаютъ появиться въ Грозномъ.

Тутъ, въ свою очередь, сталъ было отказываться и я, не довѣряя своимъ силамъ въ изображеніи такой отвѣтственной роли.

— Но вы отказываться не имѣете права,—предупредительно замѣтили мнѣ.

— Почему?

— Вы Іоанна уже играли въ Нижнемъ.

— Но вѣдь вы не знаете, какъ я игралъ?

— Попробуйте!

Дѣлать было нечего, согласился, но съ тѣмъ, чтобы испросили на это разрѣшеніе автора. Толстой тотчасъ же далъ утвердительный отвѣтъ, и вскорѣ появилась афиша съ моею фамиліей въ заглавной роли.

Алексѣя Константиновича сильно заинтересовало мое исполненіе Іоанна. Онъ пріѣхалъ въ Маринскій театръ за два часа до начала спектакля, все время сидѣлъ у меня въ уборной и наблюдалъ, какъ гримировалъ меня А. А. Штакеншнейдеръ (нынѣ актеръ Александринскаго театра Костровъ), котораго я просилъ объ этомъ, какъ хорошаго художника. Въ то время я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о характерномъ гримѣ... Однако, въ первое представленіе, не смотря на стараніе искуснаго художника, гримъ мой вышелъ не совсѣмъ удачнымъ, о чемъ упоминаетъ самъ Толстой въ своемъ письмѣ къ Ростиславу¹⁾.

Спектакль же прошелъ очень благополучно. Присутствовалъ государь съ герцогомъ Веймарскимъ, который въ одномъ изъ антрактовъ посѣтилъ мою уборную вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. На сценѣ же императоръ Александръ Николаевичъ осчастливилъ меня милостивыми вопросами о постановкѣ пьесы въ Нижнемъ Новгородѣ.

Послѣ этого представленія роль Іоанна осталась за мною, и только единственный разъ была сыграна Леонидовымъ въ его бенефисъ. Роль же Годунова перешла къ Малышеву.

¹⁾ Ростиславъ—псевдонимъ извѣстнаго писателя и журналиста Ѳ. М. Толстого, однофамильца графа Алексѣя Константиновича.

Не обошлось, разумѣется, безъ достаточной критики на мое исполненіе со стороны журналистовъ, но самая злая эпиграмма была написана Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ, который въ то время былъ со мной немного не въ ладахъ. Постѣ похвалы графа Толстого въ письмѣ къ Ростиславу ¹⁾, онъ помѣстилъ въ «Пе-

¹⁾ Письмо графа А. К. Толстого было напечатано въ 1868 г., кажется, въ газетѣ «Голосъ». Въ немъ почтенный авторъ съ величайшей похвалой отзывается объ исполненіи мною роли Иоанна. Письмо это содержитъ въ себѣ массу любопытнаго матеріала и характеризуетъ авторскую внимательность и любовь къ своему дѣтищу. Вотъ почему я считаю не лишнимъ привести его цѣликомъ. Графъ Толстой писалъ:

«Вы принимали такое живое участіе въ трагедіи «Смерть Иоанна Грознаго» съ самой ея постановки на сцену (ваши журнальныя статьи служатъ тому доказательствомъ), что я чувствую потребность высказать вамъ мое мнѣніе объ игрѣ г. Нильскаго въ роли Иоанна. По моему убѣжденію, ни одинъ изъ русскихъ артистовъ не передалъ этого характера такъ удовлетворительно, какъ г. Нильскій. Я знаю, что многіе со мной не согласятся и скажутъ, что я подкупленъ тѣмъ, что г. Нильскій всегда твердо знаетъ свою роль. Сознаюсь, что обстоятельство это расположило меня въ пользу Нильскаго съ перваго моего съ нимъ знакомства. Въ одной французской поварской книгѣ сказано: чтобы сдѣлать соусъ изъ зайца, нужно прежде всего достать зайца. Изреченіе мудрое, которое можно перефразировать такъ: чтобы хорошо сыграть свою роль, нужно прежде всего ее выучить. Г. Нильскій выучилъ объ свои роли (Годунова и Иоанна) почти безукоризненно. Я говорю почти и этимъ заявляю мое безпристрастіе, но и нѣкоторыя вкравшіяся неправильности въ роляхъ г. Нильскаго доказываютъ только одно: что преданіе строгой драматической школы на нашей сценѣ потеряно. Ни самъ авторъ, ни большинство публики не поражаются перестановкой словъ, искажающей стихъ и глубоко оскорбляющей метрическое ухо.

«Изъ всѣхъ нашихъ артистовъ (за исключеніемъ Леонидова) Нильскій одинъ зналъ свою роль наизусть и тѣмъ исполнилъ первое условіе, требуемое отъ драматическаго артиста.

«Но онъ не ограничился однимъ знаніемъ: онъ проникнулся характеромъ представляемаго имъ лица, не пренебрегъ ни одной его чертой и разрѣшилъ трудную задачу соединить царственность со всѣми видами страсти. Нѣкоторыя мѣста вышли у него потрясательны. Такъ, напримѣръ, при чтеніи синодика онъ превосходно сказалъ:

«Пятнадцать?

«Ихъ было болѣе—двадцать запиши!»

Это мѣсто не только не вызвало у зрителей улыбки, какъ случалось на разныхъ сценахъ, гдѣ давали «Смерть Иоанна», но произвело глубокое впечатлѣніе.

«Слушая Нильскаго, я вспомнилъ, что сказалъ веймарскій актеръ Лефельдъ, когда я, опасаясь неудачи, предложилъ выпустить это мѣсто.

— «Ни за что!»—возразилъ Лефельдъ. — Ich werde ihnen schon das Lachen vertreiben! (Я отобью у нихъ охоту смѣяться!). Дѣйствительно, никто не улыбнулся. У Лефельда несравненно болѣе природныхъ средствъ, чѣмъ у Нильскаго; но въ томъ-то и заключается заслуга Нильскаго, что онъ воспользовался всѣми своими средствами, которыя впрочемъ далеко не малы.

«Прекрасно выразилъ онъ ужасъ Иоанна въ словахъ:

«Что такъ скребетъ въ подпольѣ?»

«истор. вѣстн.», июнь, 1894 г., т. LVII.

6

тербургской Газетъ» ¹⁾ слѣдующее стихотвореніе безъ всякой подписи:

Іоаннъ IV.

(Настоящій).

Ивана Грознаго играли три актера ²⁾,
 Но трудно автору имъ было угодить;
 Четвертый эту роль, какъ яблоко раздора,
 По мнѣнью автора, могъ только раскусить.
 Соперниковъ своихъ надѣвъ костюмъ потертый,
 Онъ грознаго царя изобразилъ,
 А такъ какъ Грозный самъ былъ Іоаннъ четвертый,
 По счету, стало быть, онъ настоящій былъ.
 Хоть критика его не очень одобряетъ,
 Но что судъ публики предъ авторскимъ судомъ?
 Вънокъ четвертому самъ авторъ присуждаетъ,
 И мы предъ авторомъ склоняемся челомъ...
 Но Грознаго смотрѣть ужъ больше не пойдемъ.

Прекрасно упалъ на колѣни передъ боярами и прекрасно прервалъ Шуйскаго словами:

«Молчи, холопъ!»

за которыми произнесъ первыя строки своего покаянія голосомъ гнѣва и угрозы. Это намѣренное противорѣчіе голоса съ содержаніемъ словъ произвело эффектъ сильный, психически вѣрный и совершенно новый. Очень тонко выразилъ Нильскій въ сценѣ Іоанна съ волхвами то чувство, которое овладѣваетъ Іоанномъ въ присутствіи недоброй силы. Онъ ее и вызываетъ, и отрекается отъ нея, и боится ее, и хочетъ ее наказать. Все это слышалось въ его голосѣ и видѣлось на его лицѣ. Такихъ тонкихъ чертъ у Нильскаго было много, но были также и недостатки.

«Въ сценѣ съ Гарабурдою онъ показался мнѣ нѣсколько однообразенъ. Когда Гарабурда бросилъ ему перчатку, онъ долженъ былъ, по моему мнѣнію, помолчать и потомъ начать совершенно тихо и сдержанно, почти шепотомъ:

«Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?

«Ты иль король? Къ чему перчатка эта?»

а затѣмъ уже дать волю своему гнѣву и дойти до бѣшенства.

«Въ пятомъ актѣ, когда его вносятъ на креслахъ, онъ былъ недоволенъ хилъ и изнуренъ. Въ самой послѣдней сценѣ онъ добровольно лишилъ себя такого огромнаго эффекта, которымъ такъ удачно воспользовался Лефельдъ, когда, уже лежа на полу, отъ увидалъ скомороховъ и отпаялъ отъ нихъ въ ужасѣ.

«Гримированъ былъ Нильскій, въ день своего дебюта, неудовлетворительно; но зато въ слѣдующій разъ нельзя было желать лучшей фигуры и лучшей маски. Вы видите, что я говорю о Нильскомъ безпристрастно, про и contra. Повторяю, что, по моему мнѣнію, онъ былъ на русской сценѣ лучшій изъ всѣхъ Іоанновъ, и предсказываю ему вообще, какъ трагическому актеру, блистательную

¹⁾ 1868 г., № 64.

²⁾ Васильевъ, Самойловъ и Шуйскій (въ Москвѣ).

Примѣч. П. А. Каратыгина.

XXV.

Встрѣча съ графомъ Толстымъ въ Берлинѣ. — Его припадки. — Впрыскиваніе морфія. — Мое чтеніе его произведеній. — Курьезный случай. — Визитъ къ графу Шувалову. — Отецъ Іосифъ Васильевъ. — «Посадникъ».

Мое знакомство съ графомъ Толстымъ продолжалось до самой его кончины. Незадолго до смерти его, мы встрѣтились съ нимъ въ Берлинѣ, на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, при возвращеніи въ Рос-

будущность, если онъ при своемъ пониманіи и при своихъ средствахъ выработаетъ въ себѣ ту строгую школу, безъ которой не возможна серьезная драма. Какъ ни велики дарованія актера, онъ не достигаетъ совершенства однимъ вдохновеніемъ, какъ не достигаетъ его и пѣвецъ при самомъ прекрасномъ голосѣ безъ школы и метода. Естественность въ искусствѣ, конечно, необходима; всякое появленіе въ его области, къ какой бы отрасли оно ни принадлежало, должно быть естественно, т. е. должно согласоваться съ законами правды; но сущность искусства есть высшая красота, или высшая правда (что одно и то же), и потому не всякое естественное проявленіе годится въ искусствѣ, которое отвергаетъ все случайное, все ненужное и сохраняетъ только то, что ведетъ прямо къ цѣли, т. е. къ выраженію заданной идеи.

«Фотографія, воспроизводящая всѣ случайности природы, никогда не войдетъ въ область искусства; но живопись, игнорирующая бесполезныя подробности и признающая только тѣ черты подлинника, которыя составляютъ его характеръ, есть одно изъ высшихъ выраженій искусства. Въ сценическомъ воспроизведеніи характеровъ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ, должно держаться одного необходимаго, одного ведущаго къ цѣли. Сценическое искусство менѣе, чѣмъ всякое другое, допускаетъ случайности. Каждое лишнее движеніе (я уже не говорю о движеніяхъ фальшивыхъ) не только бесполезно, но и вредно. Рама, въ которой вращается драматическое представленіе, такъ узка, время, ему удѣленное, такъ ограничено, что каждая минута драгоценна для артиста, каждое его движеніе знаменательно. Онъ не имѣетъ права не только на что нибудь ложное, но и на что нибудь индифферентное. Индифферентизмъ на сценѣ есть потеря времени, которая ничѣмъ не вознаграждается. Мѣста, произносимыя актеромъ безцвѣтно или въ которыхъ онъ встаетъ, или садится, или ходитъ взадъ и впередъ безъ надобности, равняются мѣстамъ, вычеркнутымъ изъ его роли, если (что еще вѣроятнѣе) они не наводятъ скуки на зрителей.

«Сказать, что г. Нильскій вполне созналъ всю важность этого правила, значило бы отклониться отъ истины; но я смѣю утверждать, что онъ созналъ его лучше, чѣмъ другіе, видѣнные мною Иоанны. Могу сказать такъ же, что если не всѣ мѣста были переданы имъ равно знаменательно, то онъ ни одного не передалъ фальшиво.

«Видѣть и слышать Нильскаго доставило мнѣ художественное наслажденіе, и я сожалѣлъ только объ одномъ, что, пріобрѣвъ въ немъ замѣчательнаго Иоанна, публикѣ лишилась замѣчательнаго Годунова, котораго она не цѣнила по заслугамъ, но котораго достоинство почувствуется чрезъ его потерю.

«Гр. А. Толстой».

Это авторское признаніе, всетаки, считалось пристрастнымъ, и весьма многіе не хотѣли согласиться съ графомъ Толстымъ, между тѣмъ кому были ближе интересы успѣха трагедіи, какъ не ему, кто могъ болѣе понимать царя Иоанна, какъ не онъ, художественно воспроизведшій сложную натуру Грознаго въ своей талантливой драматической поэмѣ?

сію. Онъ выглядѣлъ очень нехорошо; исхудалый, скучный, онъ жаловался на припадки нервнаго разстройства.

— Одолѣвають они меня, мучать.

Сначала мы встрѣчались съ нимъ только на станціяхъ, такъ какъ онъ ѣхалъ въ первомъ классѣ, а я во второмъ, но потомъ умѣстились въ одномъ вагонѣ.

— Я вѣдь сижу въ купѣ совершенно одинъ, — сказалъ мнѣ какъ-то графъ. — И душевно бы желалъ ѣхать съ вами вмѣстѣ, но я боюсь за васъ. Вамъ, можетъ быть, будетъ неприятно быть въ обществѣ больного человѣка? Вы не испугаетесь приступовъ невралгій?

— Я ничего не боюсь, графъ, — поспѣшилъ я отвѣтомъ. — Напротивъ, не говоря объ удовольствіи бесѣдовать съ вами, я, можетъ быть, пригожусь въ качествѣ сидѣлки во время припадка.

— Если такъ, то я самъ буду очень доволенъ вашей компаніей. Пересаживайтесь.

Я перешелъ въ его купѣ.

Мы много говорили о театрѣ, объ его будущихъ литературныхъ замыслахъ, о желаемой имъ постановкѣ «Донъ-Жуана», «Царя Θεодора», запрещеніе котораго его очень огорчало. Онъ надѣялся современемъ выхлопотать разрѣшеніе...

Наступила ночь. Мы уснули. Въ вагонѣ было совершенно темно... Вдругъ я чувствую прикосновеніе дрожащихъ рукъ и какой-то невнятный шепотъ. Быстро вскакиваю и спрашиваю:

— Что? Что такое?

— Спичку! Ради Бога, спичку.

Освѣщаю вагонъ. Графъ наклоняется къ дорожной сумкѣ, достаетъ изъ нея какой-то футляръ, роется въ стѣлянкахъ и моментально дѣлаетъ себѣ подкожное впрыскиваніе морфія, какъ потомъ оказалось.

— Ну, слава Богу! — сказалъ облегченно графъ. — Теперь, кажется, все обошлось благополучно. Захватилъ въ-время. Припадокъ не успѣлъ разразиться...

Затѣмъ мы доѣхали до станціи. Въ послѣдній разъ простился я съ нимъ. Онъ отправился къ себѣ въ имѣніе, гдѣ и умеръ въ самый день предполагаемаго отъѣзда своего въ Парижъ.

Упомянувъ какъ-то о томъ, что графъ Толстой всегда былъ доволенъ моимъ чтеніемъ его стиховъ, я не упомянулъ, что онъ часто поручалъ мнѣ чтеніе его произведеній вмѣсто себя. Благодаря этому, я приобрѣлъ много великосвѣтскихъ знакомствъ. Графъ приглашалъ меня съ собою въ аристократическіе дома, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ я декламировалъ монологи и діалоги изъ «Смерти Іоанна Грознаго» или изъ другихъ его пьесъ. Даже на первой считкѣ въ Александринскомъ театрѣ я читалъ трагедію для актеровъ, такъ какъ самъ онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

Однажды мое постоянное лекторство толстовских произведений было причиной курьезнаго случая. Какъ-то вечеромъ, будучи незанятымъ въ театрѣ, возвращаюсь я къ себѣ домой часовъ въ восемь и застаю въ гостиной жандармскаго офицера. Эта неожиданная встрѣча меня смутила, и я неровнымъ голосомъ спросилъ:

— Что вамъ угодно?

Онъ объявилъ, что присланъ за мною шефомъ жандармовъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ, къ которому я долженъ немедленно явиться.

— Хорошо... я сейчасъ приѣду.

— Со мной пожалуйста... Я обязанъ доставить васъ лично.

— Что? Почему? Зачѣмъ?

— Ровно ничего не знаю. Получилъ приказаніе доставить васъ къ его сіятельству и болѣе мнѣ ничего неизвѣстно.

Я попросилъ у него позволенія переодѣться во фракъ, потомъ отправился въ парикмахерскую бриться, наконецъ, заѣхалъ въ магазинъ купить перчатки. Все это было мнѣ разрѣшено, и онъ всюду меня сопровождалъ. Наконецъ, приѣхавъ въ домъ бывшаго Третьяго Отдѣленія, гдѣ жилъ графъ Шуваловъ, офицеръ сдалъ меня съ рукъ на руки швейцару. Тотъ, въ свою очередь, доставилъ меня еще въ одинъ передаточный пунктъ—въ прихожую, гдѣ приняли меня лакеи. Ничего не понимая, я отдался во власть многочисленной челяди, и по лѣстницѣ лакеи начали официально передавать другъ другу извѣстіе о моемъ прибытіи; наконецъ, меня проводили до гостиной графини, куда я и вошелъ.

Графиня Шувалова привѣтливо протянула мнѣ руку и сказала:

— Пожалуйста, извините меня и моего мужа, что потревожили васъ. Графъ Алексѣй Константиновичъ разрѣшилъ намъ просить васъ его именемъ не отказать сдѣлать удовольствіе и прочесть его пьесу «Царь Борисъ», послушать которую всѣ сегодня собрались къ намъ. Самъ же Толстой простудился и совершенно безъ голоса. Онъ долженъ сейчасъ приѣхать. Мой мужъ очень извиняется, что у него сегодня комитетъ министровъ, онъ никакъ не могъ остаться дома; но заранѣе просилъ благодарить васъ, если вы не откажетесь прочесть.

Изъ присутствующихъ мнѣ бросился въ глаза, прежде всего, пожилой священникъ съ короткими волосами, въ шелковой цвѣтной рясѣ, со звѣздою на груди. Онъ курилъ папиросу и отлично говорилъ пофранцузски. Это былъ отецъ Іосифъ Васильевъ, извѣстный настоятель русской церкви въ Парижѣ.

Вскорѣ приѣхалъ графъ Толстой, вслѣдъ за нимъ еще кѣе-кто, и когда общество оказалось въ полномъ составѣ, началось чтеніе, длившееся довольно долго. Въ антрактахъ разсуждали о достоинствѣ пьесы, о ея исторической вѣрности, о будущей ея постановкѣ на сценѣ. По окончаніи чтенія, авторъ подарилъ мнѣ экземпляръ

пьесы, по которому я читалъ, и тутъ же сдѣлалъ на немъ лестную для меня надпись. Эта книга, какъ вещественный знакъ благо-расположенія ко мнѣ Толстого, хранится у меня до сихъ поръ...

Съ памятью графа Алексѣя Константиновича связано многое, что происходило въ моей театральной карьерѣ... Послѣ исполненія роли Іоанна Грознаго я сразу получилъ высшее содержаніе и, не смотря на свою молодость, былъ сравненъ по получаемой въ то время разовой платѣ со старѣйшими артистами.

Даже послѣ смерти графа Толстого мнѣ пришлось вѣдаться съ его произведеніями. Пьеса его «Посадникъ» была передана мнѣ вдовою его и поставлена въ мой же бенефисъ на сценѣ того же Маріинскаго театра, гдѣ ставилась впервые «Смерть Іоанна Грознаго».

Этимъ заканчиваются мои воспоминанія о графѣ Алексѣѣ Константиновичѣ Толстомъ.

А. А. Нильскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ВЕРХОВЬЯХЪ ВОЛГИ ¹⁾.

(Путевые наброски).

ХІІ.

Опять въ Осташковѣ.

Новоторы — воры, да и Осташи хороши.

Народная поговорка.

ОСТАШКОВЦЫ — ершеѣды, издавна говоритъ народъ о жителяхъ этого города, и дѣйствительно въ старину они, еще будучи крестьянами патриаршей слободы, не мало покушали на своемъ вѣку и ершей, и всякой другой рыбки, ибо, еще во времена Михаила Ѳеодоровича, Селигеръ «съ плесами, и съ луками, и со всякими угоды» былъ отданъ «въ домъ Успенія Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа». Далѣе въ грамотѣ говорится: «и тѣми рыбными ловлями владѣютъ патриарши-жъ домовые осташковскихъ слободъ крестьяне и сторонніе люди изъ оброку, а помѣщикомъ, и вотчинникомъ, новгородцамъ, ржевичемъ, которые живутъ около того озера Селигера, опричь боярина нашего князя Бориса Михайловича Лыкова, въ томъ озерѣ Селигерѣ рыбы ловить не указано». Жалованная грамота Михаила Ѳеодоровича сгорѣла во время пожара слободы въ

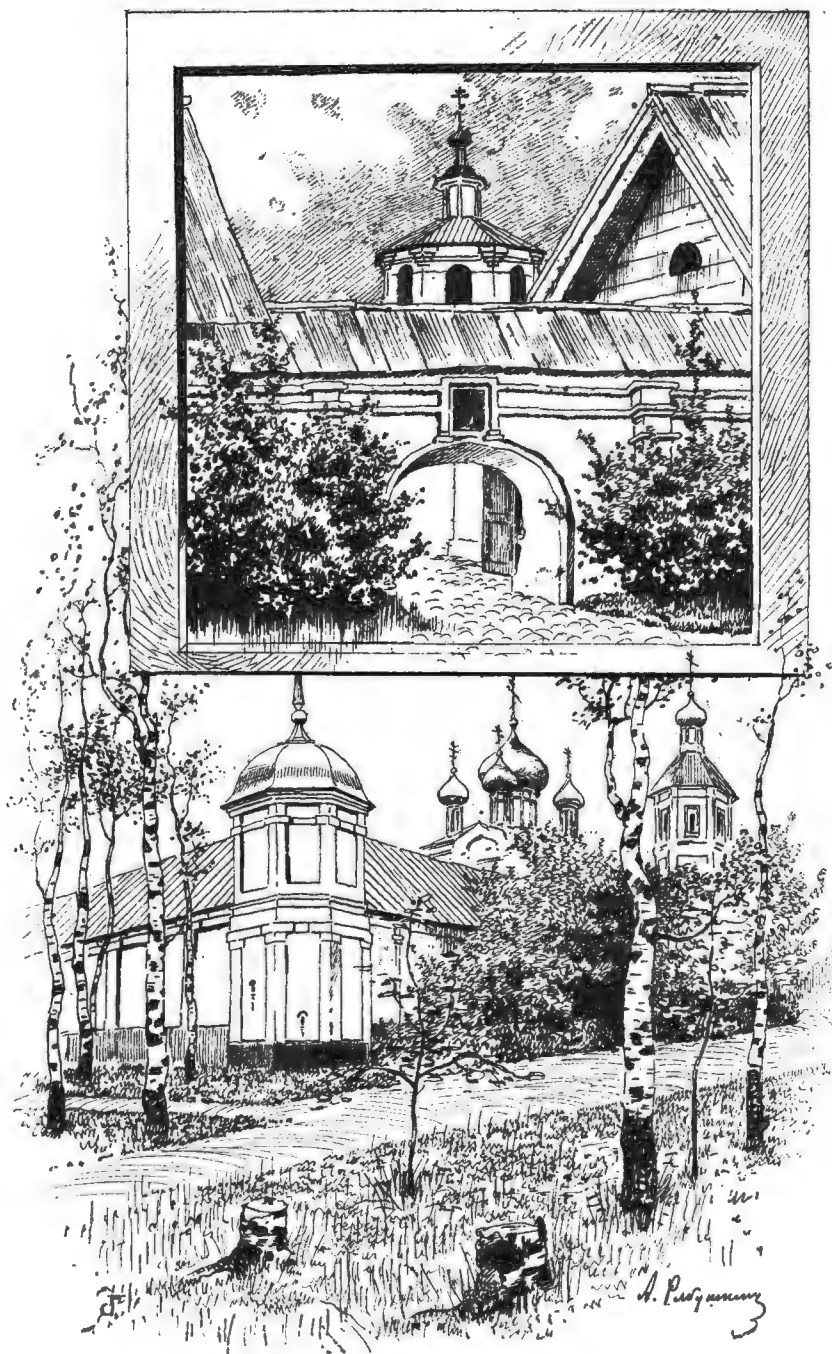
¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Бѣстникъ», т. LVI, стр. 485.

1653 г. и въ слѣдующемъ же году замѣнена новою, выданною царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ на имя патріарха Іосифа. Озерецковскій, приводящій дословно эту вторую грамоту, говоритъ, что еще въ его время дворяне и обыватели Селигера не могли ловить рыбу противъ своихъ селеній, такъ какъ право ловли принадлежало однимъ Осташамъ. Впрочемъ, выше, при описаніи Ниловой пустыни, я замѣтилъ, что съ 1720 по 1734 г. ей было дано право собирать оброкъ съ селигерскихъ рыбаковъ въ свою пользу. Въ 1772 г. слобода Осташковская обращена въ городъ, который до 1775 г. причислялся къ Новгородской губерніи, а нынѣ, какъ извѣстно, находится въ предѣлахъ Тверской. Построенъ онъ въ крайне правильныхъ линіяхъ. Говорятъ, что этою правильностью онъ обязанъ императрицѣ Екатеринѣ II. Въ ея царствованіе страшный пожаръ почти совершенно истребилъ Осташковъ, и когда императрицу спросили, по какому плану устраивать снова городъ, она, будто бы, сама начертила нѣсколько параллельныхъ и перпендикулярныхъ къ нимъ линій, указавъ держаться этого прямоугольнаго чертежа.

Проснувшись утромъ, мы рѣшили до отъѣзда походить по городу, осмотрѣть соборъ и оба монастыря—мужской и женскій.

Пока намъ готовили чай, мы стали разглядывать картины, развѣшанныя по стѣнамъ комнаты. Двѣ изъ нихъ, несомнѣнно работа осташковскихъ мастерицъ добраго стараго времени, были очень искусно вышиты шелкомъ и изображали сидящихъ на вѣткахъ птицъ. На противоположной стѣнѣ помѣщались два фамильныхъ портрета какого-то купца и его супруги, у которой на головѣ красовался богатый, старинный головной уборъ. Къ нашему удивленію, и портреты оказались крайне недурными, особенно по рисунку. Вообще надо замѣтить, что въ осташковцахъ замѣчается какая-то несомнѣнно художественная жилка. О церкви Воздвиженія въ Ниловой пустынѣ, украшенной осташковскими мастерами, я уже говорилъ и могу прибавить, что и здѣсь въ городѣ, въ убранствѣ церквей, замѣтенъ особый, своеобразный характеръ, влеченіе къ свѣтлому, разноцвѣтному, веселому. На домахъ то-и-дѣло попадаются разныя порѣзки, украшенія, даже въ окнахъ, среди цвѣтовъ, нерѣдко выставлены для услады зрѣнія прохожихъ картинки, гипсовые бюстики, даже игрушки, и все это подобрано и разставлено съ претензій на своего рода изящество. Присутствіе этой жилки составляетъ, на мой взглядъ, замѣтный штрихъ въ характеристикѣ городка.

Сначала мы отправились въ женскій Знаменскій монастырь, основанный при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1673 году, на полѣ Большое Струговище, уступленномъ подъ обитель патріаршими крестьянами. Теперь онъ уже давно находится въ чертѣ города. Здѣсь насъ поразило отсутствіе большихъ строеній для помѣщенія мона-

Житный монастырь близъ Осташкова.
Общій видъ монастыря со стороны города и св. ворта.

пештующихъ. Оказывается, что монахини живутъ каждая въ своемъ особомъ домикѣ съ дворомъ и палисадникомъ, вслѣдствіе чего обитель получаетъ видъ маленькаго городка съ улицами, переулками и церковью посрединѣ. Церковь здѣсь новая, каменная и отличается щеголеватостью какъ во внутренней, такъ и въ наружной отдѣлкѣ. Монастырь славится во всей окрестности изготовленіемъ иконъ въ готовыхъ ризахъ изъ золотой и серебряной ткани, украшенныхъ разноцвѣтными стеклами и камешками. Въ сущности вся икона и состоитъ изъ одной этой ризы, строго воспроизводящей всѣ контуры подлинника; пишутся для нея только ликъ и руки, которые и вставляются на соотвѣтственные мѣста. Цѣна такихъ иконъ начинается отъ двухъ-трехъ рублей и кончается нѣсколькими десятками, смотря по убранству ризы и тонкости работы, которую особенно въ дорогихъ иконахъ можно прямо назвать изящною.

Изъ монастыря мы прошли мимо рынка и базарной площади къ соборамъ. Одинъ изъ нихъ, Воскресенскій, построенный въ 1689 г., обновленъ въ 1890, другой, во имя св. Троицы, построенъ восемью годами позднѣе перваго, а именно въ 1697 г. Въ немъ пять престоловъ: три въ рядѣ, въ главной части храма, и два въ притворѣ. Средній большой иконостасъ богато вызолоченъ, на мѣстныхъ иконахъ блестятъ дорогія ризы. Композиція литыхъ царскихъ вратъ довольно своеобразна: евангелисты помѣщены рядомъ, а надъ ними, вмѣсто Благовѣщенія, Спаситель, вручающій Петру и ученикамъ ключи царствія небеснаго. На западной стѣнѣ главнаго храма помѣщаются двѣ работы академика Щетинина, помѣченныя 1858 годомъ: св. апостолъ Матвей, пишущій Евангеліе, и копія съ картины Рейтерна: жертвоприношеніе Исаака. Раскраска стѣнъ пестра, но въ высокоомъ храмѣ много свѣта и дышится какъ-то особенно легко. Въ 1857 году храмъ былъ заново украшенъ внутри купцомъ Абабковымъ, какъ гласитъ о томъ пространная надпись въ правомъ придѣлѣ. Въ тонѣ этой надписи и похвалахъ украсителю храма опять чувствуется задушевная нотка любви къ красотѣ и благолѣпію; видно, что составитель надписи былъ самъ въ душѣ художникъ. Въ притворѣ, гдѣ помѣщаются два остальныхъ придѣла, многія иконы интересны своею древностью, какъ, напримѣръ, образъ Святителя Николая колоссальныхъ размѣровъ въ ризѣ 1788 года. Здѣсь же находится плащаница съ рѣзнымъ изображеніемъ почившаго Спасителя. Въ этой фигурѣ, не смотря на наивность работы, схвачено много жизненныхъ штриховъ, и общее впечатлѣніе получается крайне удовлетворительное. Входъ въ соборъ устроенъ въ видѣ крытаго фонарика, увѣнчаннаго золотою короною.

— Не знаете ли, въ память чего поставлена эта корона?—спросилъ я проходившаго мимо осташковца.

— Корона-то? Да безо всякой памяти поставлена, собственно для красоты. Ишь, какъ горитъ! Смотрѣть любо!

Мы тронулись къ мужскому Житному монастырю, расположенному на островкѣ подлѣ города и соединенному съ нимъ широкою дамбою. Когда мы подъѣзжали къ Осташкову на пароходѣ, монастырь не произвелъ на насъ особенно сильнаго впечатлѣнія, теперь же, приближаясь къ нему по дамбѣ, усаженной въ четыре ряда высокими, старыми березами, мы пришли въ восторгъ отъ живописности его мѣстоположенія среди массы густой, сочной растительности. Особенно красивы показались намъ видъ отъ угловой башни и св. ворота. Мы сдѣлали съ нихъ наброски въ путевые альбомы, но, разумѣется, сочетанія красокъ, переливы тоновъ въ окружающей зелени и чарующая прелесть общей картины, освѣщенной яркими лучами солнца, не могли быть схвачены однимъ карандашемъ.

Скромный, небогатый монастырекъ, кромѣ своего внѣшняго вида, ничѣмъ особеннымъ не замѣчателенъ. Построенъ онъ не далѣе, какъ въ началѣ прошлаго столѣтія, на мѣстѣ какого-то житнаго двора, отсюда и названіе. Послѣ того, какъ Осташковъ сдѣланъ городомъ, сюда было переведено духовное правленіе, въ которомъ предсѣдательствовалъ архимандритъ Ниловой пустыни. Главная святыня монастыря, икона Смоленской Божіей Матери, находилась прежде на осташковской городской стѣнѣ и оттуда перенесена въ обитель.

Обойдя монастырь, мы прошли въ старую рощу на мысу острова. Здѣсь недалеко отъ монастырской стѣны на расчищенной площадкѣ возвышался стройный обелискъ. На цоколѣ памятника виднѣлись слѣды бывшихъ здѣсь каменныхъ или металлическихъ досокъ, очевидно, съ надписями, и я обратился за разъясненіемъ къ монаху, шедшему съ ведрами на берегъ.

— Тутъ вся исторія нашего монастыря была описана,—отвѣчалъ онъ:—да вотъ о Пасхѣ мальчишки здѣсь баловались, такъ и оборвали доски-то.

Мы вернулись въ городъ, гдѣ, между прочимъ, намъ показали домъ Савина, уже знакомаго намъ и по слухамъ, и по разсказу Николая Занѣгина объ его благотвореніяхъ и внезапной кончинѣ. Знаменитый осташковскій заводъ Савиныхъ, основанный еще въ 1792 г., извѣстенъ за границую не менѣе, чѣмъ въ Россіи. На немъ изготовляются и красятся самые тонкіе сорта красной и палевой юфти, не имѣющіе себѣ равныхъ даже въ заграничныхъ издѣліяхъ. Сорта эти, законтрактованные иностранными фирмами, почти цѣликомъ уходятъ за границу, откуда возвращаются къ намъ въ видѣ бумажниковъ, портмоне, портсигаровъ и пр., причеиъ цѣна ихъ возрастаетъ, конечно, не въ ариѣметической, а въ геометрической прогрессіи.

Кромѣ своей юфти, Осташковъ славится еще, такъ называемыми, остапами, большими, желтыми сапогами изъ грубой кожи, которые далеко расходятся по Россіи и имѣютъ большой сбытъ въ городахъ и деревняхъ балтійскаго побережья. Но не одни кожевники сумѣли доставить своему городку широкую извѣстность; кузнецы осташковскіе тоже въ долгу не остаются, и ихъ топоры и косы сверкающими радіусами далеко раскидываются по лицу земли православной.

Вернувшись на почтовую станцію, я еще разъ остановился передъ портретомъ купчихи и полюбовался ея типичнымъ головнымъ уборомъ. Быть можетъ, уборы эти и посейчасъ еще хранятся гдѣ нибудь на двѣ сундуковъ осташковскихъ красавицъ, быть можетъ, которая нибудь и рѣшается изрѣдка надѣвать ихъ, но время стариннаго русскаго костюма, очевидно, даже въ глухой провинціи, переходитъ въ область преданій. По крайней мѣрѣ мы, исходивъ весь городъ, нигдѣ не встрѣтили хотя бы одной женщины въ старомъ русскомъ костюмѣ. Во времена Озерецковскаго было иначе: «Женщины, — пишетъ онъ, — носятъ кокошники съ высокими очельями, унизанными жемчугомъ по парчѣ или другой дорогой ткани, такъ что одинъ кокошникъ цѣною бываетъ въ 4.000 рублей, да и посредственный стоитъ не менѣе тысячи рублей. У дѣвицъ на головахъ широкія ленты, или вѣнцы такой же цѣны; сверхъ сихъ уборовъ покрываются длинными фатами, по большей части бѣлыми. Въ душегрѣйкахъ и фезеяхъ (по тамошнему «стапники»), обшитыхъ «плетенькомъ» (кружевомъ), по воскреснымъ днямъ ходятъ прогуливаться подъ вечеръ вокругъ Знаменскаго монастыря; погулявши тамъ, сходятся на площадь «беззаботную», гдѣ, до ночи прохаживаясь, поютъ пѣсенки и, какъ станетъ темно, расходятся по домамъ своимъ, каменнымъ и деревяннымъ. На сихъ прогулкахъ всегда бываютъ и мужчины, которые одѣваются въ хорошіе кафтаны». «Мужчины», какъ мы видѣли вчера вечеромъ, и въ наше время являются на прогулки аккуратно, но уже не въ кафтанахъ, а въ нѣмецкихъ пиджакахъ и по домамъ расходятся значительно позднѣе своихъ бабушекъ и дѣдушекъ.

Послѣ обѣда мы снова тронулись въ путь, по направленію къ Волгѣ.

ХІІІ.

Селижаровскій посадъ.

Среди дубравы блеститъ крестами
Храмъ пятиглавый съ колоколами.

Гр. А. Толстой.

Дорога изъ Осташкова на Ржевъ бросается въ глаза своею шириною. Ямщикъ объяснилъ намъ, что въ старину по ней гоняли большіе гурты скота; теперь это прекратилось. Верстахъ въ шести

отъ города онъ указалъ намъ влѣво двѣ деревни: Рудино Верхнее и Рудино Мокрое. Обѣ, какъ оказалось, лежать все на томъ же Селигерѣ, который узкимъ заливомъ тянется вдаль параллельно дорогѣ еще верстѣ на пятнадцать. Около Верхняго Рудина отъ ржевской дороги отдѣляется трактъ на Вышній-Волочекъ. Черезъ нѣсколько верстѣ встрѣтилась хорошая усадьба, раскинутая по обѣимъ сторонамъ дороги.

— Чья это?

— Нила угодника.

Усадьба, говорятъ, приноситъ хорошій доходъ монастырю.

Селижаровскій посадъ со стороны Осташкова.

Мы продолжали разговаривать съ ямщикомъ и какъ-то случайно коснулись Савина. Оказывается, что панегирики ему поются не только на водѣ, но и на сушѣ: народъ не забылъ своего благодѣтеля.

— Добрый человекъ былъ покойничекъ, — заговорилъ ямщикъ, — ужъ такой-то добрый, что и сказать нельзя, всему краю кормилецъ. Случился у насъ какъ-то неурожай, такъ онъ по деревнямъ мѣшковъ семьсотъ хлѣба одного въ долгъ роздалъ. Бдетъ бывало самъ, а за нимъ и хлѣбъ везуть; а денегъ ужъ всегда у него полный карманъ набить. Долго не забудутъ у насъ Федора-то Кондратьича, — вздохнулъ онъ, — долго!..

Около погоста Верхнія Кюсицы (на картѣ: Котицы) дорога почти вплотную подходит къ Селигеру, который недалеко отсюда и оканчивается, посылая отъ себя навстрѣчу Волгѣ гонца — рѣку Селижаровку. И бѣжитъ этотъ гонецъ къ Волгѣ, по полямъ, по доламъ, несетъ ей привѣтъ отъ стараго Селигера и нагоняетъ ее подъ монастыремъ въ Селижаровскомъ посадѣ, который можетъ считаться первымъ значительнымъ селеніемъ, раскинувшимся на берегу молодой красавицы.

До посада мы добрались около 7 часовъ вечера и рѣшили остаться здѣсь на ночь.

У крыльца почтовой станціи насъ встрѣтилъ древній старикъ, содержатель почты.

— Можно у васъ переночевать?

— Сколько угодно! Пожалуйте! У насъ свѣтличка особая для прїѣзжающихъ имѣется.

Свѣтелка была довольно просторная, съ тремя окнами на улицу. Оставивъ въ ней свой багажъ, мы спѣшили воспользоваться промежуткомъ времени, оставшимся до заката, чтобы засвѣтло осмотрѣть посадъ.

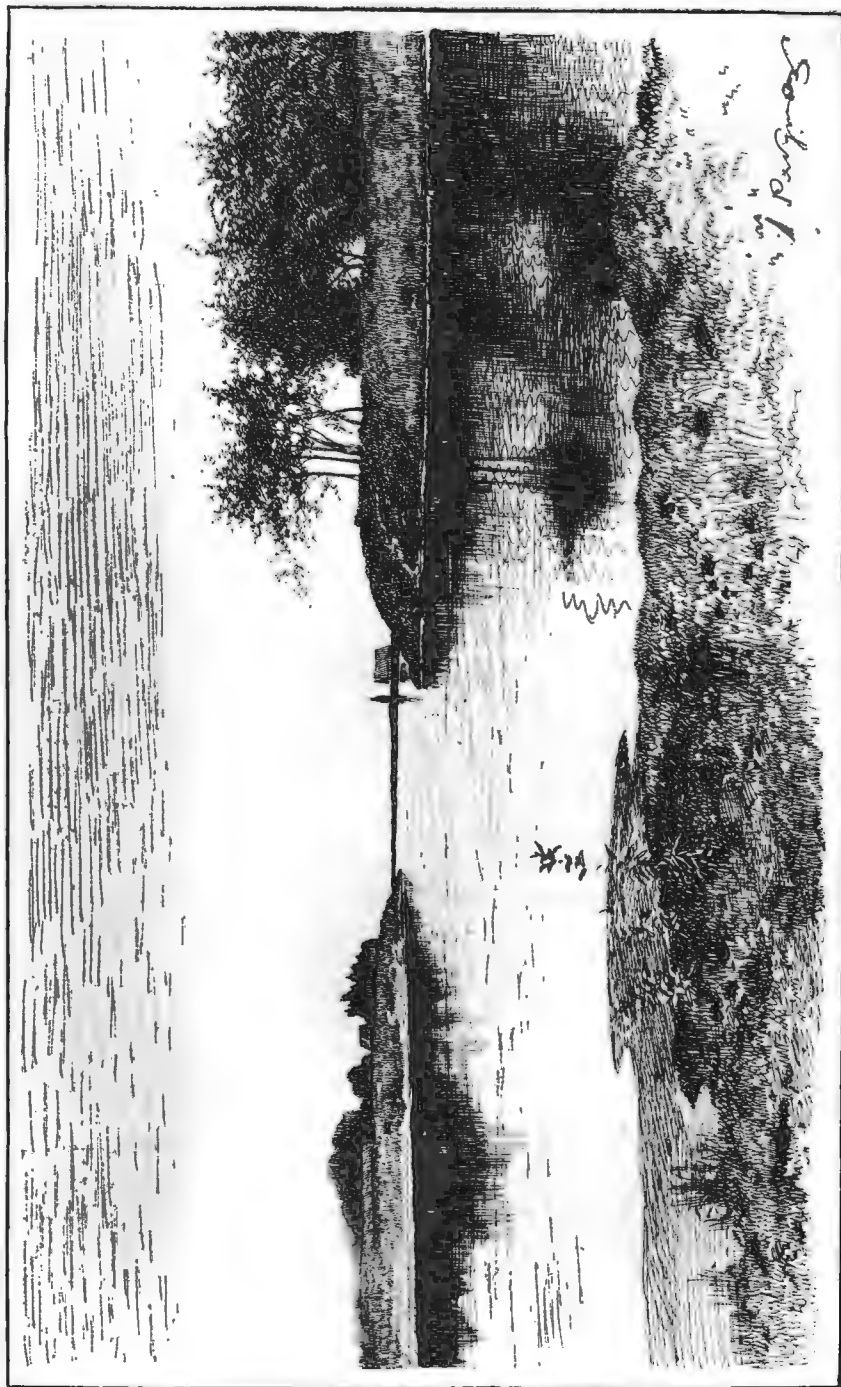
Почтовая станція находилась на углу большой площади, черезъ которую пролегалъ ржевскій трактъ, спускавшійся къ мосту надъ Селижаровкою. Вся правая сторона площади была занята высокою, каменною стѣною Троицкаго монастыря, построеннаго надъ самымъ слияніемъ Волги съ Селижаровкою. Подъ защитою этой крѣпкой, каменной твердыни, со временемъ, образовался и самый посадъ, носившій прежде скромное названіе монастырской слободы и названный посадомъ только въ 1862 году.

Первымъ долгомъ мы захотѣли взглянуть на оставленную нами подъ Овселугомъ Волгу и, перейдя мостъ, пустились берегомъ Селижаровки къ мѣсту слиянія обѣихъ рѣкъ. На противоположномъ берегу, полуприкрытая зеленью старыхъ, вѣковыхъ деревьевъ, тянулась бѣлая монастырская стѣна, отражаясь въ тихихъ водахъ Селижаровки.

Дойдя до мыска, мы остановились: навстрѣчу намъ плавно, не спѣша двигалась полная, широкая рѣка, залитая золотистымъ отблескомъ, опускавшагося къ горизонту, солнца. Это была Волга, которую мы такъ недавно оставили почти новорожденнымъ ребенкомъ. Съ какимъ-то величавымъ спокойствіемъ принимаетъ она въ себя воды Селигера, отражающія старинную роцу и каменные стѣны обители.

Но долго любоваться этою картиною намъ не пришлось: надо было спѣшить въ монастырь, пока не заперли ворота.

Сдѣлавъ набросокъ внѣшняго вида обители, со стороны моста, мы поднялись на площадъ и вошли въ монастырскія ворота, надъ которыми возвышается высокая колокольня въ казенномъ стилѣ

Слияніе Волги съ Селджаровкою.
(Волга течетъ изъ глубины на зрителя и проходитъ влѣво; на первомъ планѣ, справа, — устье Селджаровки).

первой четверти нашего столѣтїя, окончательно не гармонирующая ни со стѣною, ни съ окружающими башнями. Посреди монастыря находится довольно обширный храмъ св. Троицы конца XVII вѣка, съ крыльцомъ, отличающимся очень интересною архитектурною обработкою. Эта же обработка, въ еще болѣе разработанномъ видѣ, видна на другомъ крыльчкѣ при входѣ въ монастырь съ западной стороны.

Монаховъ никого не было видно, и вообще монастырь внутри казался какъ будто пустымъ. Я присѣлъ на полузаросшую могильную плиту и сталъ набрасывать крыльцо Троицкаго собора; товарищи мои съ походными альбомами разсѣялись по монастырю. Кругомъ было тихо, ни звука, ни шороха, и я весь погрузился въ свое занятіе.

За спиной моей послышались шаги. Подошелъ какой-то субъектъ въ пиджакъ и смазныхъ сапогахъ, по всей вѣроятности, подосланный невидимыми монахами.

— Съ какой цѣлью собственно вы планы снимаете? — обратился онъ ко мнѣ.

— Съ самую похвальною, — отвѣчалъ я, не желая подвергаться дальнѣйшему допросу.

— Однако?

— Много будете знать — скоро состаритесь.

Субъектъ отошелъ и направился къ воротамъ, подлѣ которыхъ помѣщались флигеля для братїи. Я полагалъ, что мои не совсѣмъ вѣжливыя отвѣты нѣсколько охладятъ любопытныхъ иноковъ, но оказалось, что они наоборотъ произвели цѣлую сенсацію. Обо мнѣ было доложено игумену, который только что вернулся откуда-то и, выйдя изъ тарантаса, прямо направился ко мнѣ.

— Что вы тутъ дѣлаете? — раздался позади меня его властный голосъ.

— Рисую, какъ видите, — отвѣчалъ я.

Онъ заглянулъ въ альбомъ.

— Для себя рисуете, или будете помѣщать въ журналъ?

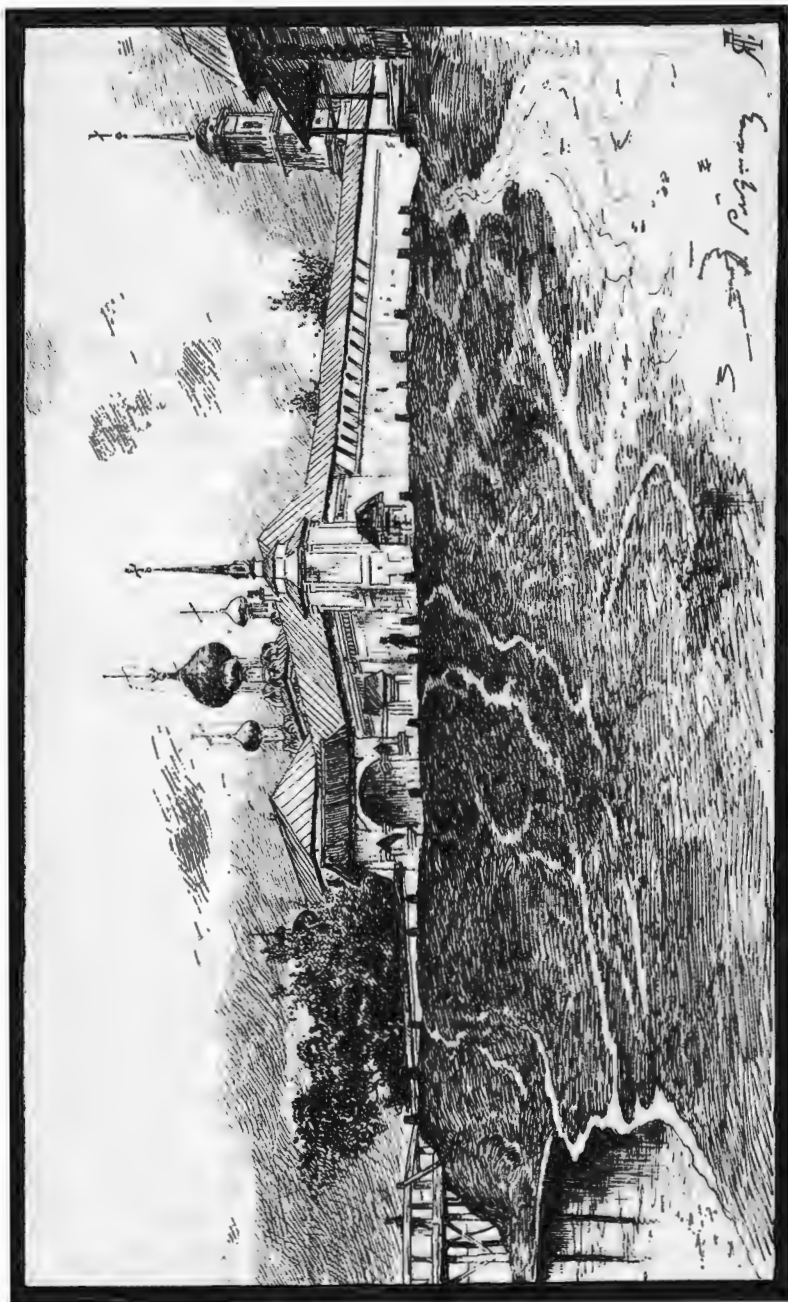
— Для себя; а тамъ, не знаю, можетъ быть, и помѣщу.

Игуменъ перемѣнилъ тонъ и оказался довольно любезнымъ человекомъ.

— Да у насъ тутъ мало интереснаго-то, — заговорилъ онъ, — соборъ этотъ не старый, всего лѣтъ двѣсти будетъ. Построенъ онъ въ 1675 году. Есть другая церковь, въ углу надъ Селижаровкой, та подревнѣе будетъ, только и въ ней ничего особеннаго нѣтъ.

Онъ обвелъ меня вокругъ собора и показалъ на церковь, построенную у самой стѣны.

— Рядомъ-то съ нею прежде колокольня была, да обветшала, а въ 1825 году и совсѣмъ обвалилась. Черезъ пять лѣтъ, въ тридцатомъ году, выстроили новую, вотъ что надъ воротами-то.

Свято-Троицкий монастырь въ Селижаровскомъ посадѣ.

— А когда основанъ монастырь?

— Неизвѣстно. Первое упоминаніе о немъ въ грамотахъ относится къ 1504 году, такъ что, вѣроятно, онъ основанъ въ концѣ XV столѣтія, а, можетъ быть, и раньше, только отъ тѣхъ временъ ничего древняго не сохранилось.

Пока мы осматривали монастырь, солнце уже закатилось, и, не желая задерживать привратника, мы поспѣшили раскланяться съ о. игуменомъ.

Въ свѣтелкѣ, на почтовомъ дворѣ, въ образницѣ, я опять уви-дѣлъ икону, которая часто встрѣчается въ здѣшней мѣстности и даже изображена на наружной стѣнѣ собора въ Осташковѣ. Композиція иконы довольно оригинальна: на ней изображенъ пейзажъ съ кустами, посреди котораго стоятъ два дерева, и на каждомъ изъ нихъ помѣщено по образу: на правомъ—изображеніе креста, на лѣвомъ—Богоматерь съ Младенцемъ и св. Николай.

— Что это за икона у васъ? — спросилъ я, принесшую самоваръ, хозяйку.

— Это Окдвецкая Божія Матерь,—отвѣчала она,—развѣ вы о ней не слыхивали?

— Нѣтъ, не приходилось.

— Ее всѣ верстъ на двѣсти кругомъ знаютъ.

И хозяйка начала рассказывать, что эта икона составляетъ мѣстную святыню Ржева и его окрестностей, что иногда даже и называется Ржевскою, что постоянно икона находится въ селѣ Окдвцахъ, въ 25 верстахъ отъ Селижаровскаго посада, что тамъ въ честь ея выстроенъ большой каменный храмъ, при которомъ содержатся три священника, и т. д.

— А почему она изображается на деревьяхъ?

— Ужъ не могу вамъ сказать. Да, впрочемъ, объ ней и книжка есть, тамъ навѣрно все прописано.

Впослѣдствіи мнѣ удалось достать и книжку, которая дѣйствительно объяснила мнѣ необычную композицію Окдвецкой иконы. Въ книжкѣ помѣщенъ русскій переводъ славянской рукописи XVII вѣка, составитель которой пользовался другимъ, болѣе древнимъ источникомъ, какъ кажется, современнымъ явленію самой иконы. По словамъ рукописи, событіе это произошло въ XVI столѣтіи, именно въ 1539 году. Въ дремучемъ Оковскомъ лѣсу, между деревьями Дрябки и Клочки, протекала (и понынѣ существующая) рѣка Пыршня; на ней стояло какое-то небольшое заброшенное городище, противъ котораго, за рѣкою, находились деревни вотчинника Ивана Повадина. Въ одной изъ этихъ повадинскихъ деревень жили крестьяне Иванъ Пономаревъ и родной его дядя Ермолай, занимавшіеся воровствомъ и конокрадствомъ. Въ деревнѣ Клочкахъ, по сую сторону рѣки, проживали также два конокрада, и однажды повадинскіе, сойдясь съ клочковскими, уговорились со-

вершить двойной грабежъ и размѣняться добычею въ лѣсу, на условленномъ заранѣ мѣстѣ. Клочковцы должны были украсть двухъ коней и передать повадинцамъ за рѣку, а повадинцы обѣщались привести имъ за коней двухъ коровъ. Иванъ и Ермолай удачно справились съ своимъ дѣломъ и привели коровъ на указанное мѣсто, къ Пыршенскому городищу; клочковцевъ тамъ не было: имъ не удалось похитить коней. Въ ожиданіи ихъ повадинцы стали бродить около городища и вдругъ на одной соснѣ увидѣли стоящую икону съ изображеніемъ св. Креста. Явленіе образа въ лѣсу показалось имъ на столько необычайнымъ, что они даже заподозрѣли въ этомъ какое-то наважденіе и поспѣшили перебраться обратно за рѣку, замѣтивъ другъ другу: «видно, не чужими животами намъ мѣнять, а своими головами отвѣтить придется». Черезъ нѣсколько времени они гдѣ-то повстрѣчались съ клочковцами. Тѣ прямо накинулись на нихъ: «Какой у васъ умыселъ на насъ былъ? Зачѣмъ на городищѣ крестъ цѣловали? Тамъ и образъ стоитъ... Гдѣ же ваша правда?». Повадинцы клялись, что никакого зла не замыслили и образа не приносили. Клочковцы удовлетворились и пошли дальше, а Ермолай сказалъ племяннику: «пройдемъ на городище, посмотримъ, что за причина; нѣтъ ли тамъ клада подъ иконою?». Они пришли на знакомое мѣсто: икона попрежнему неподвижно стояла на деревѣ; она оказалась прибитою къ нему гвоздемъ. Такъ какъ мѣстность находилась на той же сторонѣ, гдѣ и Клочково, то повадинцы отправились туда заявить объ иконѣ. Пришли къ городищу клочковцы всею деревней, подумали, подумали и рѣшили послать за священниками къ Спасу на погостъ (вѣроятно, нынѣшній погостъ Солодомля), но священники были гдѣ-то на праздникѣ, и посланный, встрѣтивъ нѣкоего монаха Стефана, по всей вѣроятности, изъ Селижарова монастыря, пригласилъ его слѣдовать за собою. За ними тронулось въ путь населеніе окрестныхъ деревень въ числѣ болѣе ста человекъ. Дѣло было въ самый Духовъ день. Придя на городище, инокъ и люди начали молиться новоявленной иконѣ. Между тѣмъ поднялся сильный вѣтеръ, грозовая туча кругомъ обложила небо, и только на городищѣ было свѣтло. Деревья качались отъ непогоды, и Стефанъ, взглянувъ на сосѣдную сосну, стоявшую саженьяхъ въ трехъ отъ образа, увидѣлъ на ней другую икону съ изображеніемъ Богоматери, Предвѣчнаго Младенца и святителя Николая. Отъ иконы начались обильныя исцѣленія. Стефанъ отправился съ извѣщеніемъ въ Москву, куда вслѣдъ за нимъ прибыли священникъ Григорій и четыре выборныхъ изъ Окдвецкой области. Дѣло было доложено молодому царю Ивану Васильевичу, который, удостовѣрившись, чрезъ своихъ посланныхъ изъ Москвы людей, въ истинѣ сообщеннаго ему событія, велѣлъ построить на мѣстѣ явленія иконъ двѣ церкви и пожелалъ, чтобы самыя иконы были на время перенесены въ Мо-

скву. 11-го января 1540 г. онѣ прибыли въ первопрестольную и пробыли здѣсь до іюля мѣсяца. Памятью пребыванія ихъ въ Москвѣ и до нашихъ дней остался, построенный въ 1686 г., храмъ во имя Ржевской Божіей Матери у Пречистенскихъ воротъ и другой въ Поварскомъ переулкѣ, на мѣстѣ остановки иконъ при перенесеніи ихъ въ Москву. Со времени построения церковей на Пыршенскомъ городищѣ, мѣстность эта стала называться Окѣвцами и первое лѣтописное упоминаніе о ней находится подъ 1547 годомъ. Когда возставшій народъ убилъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ князя Юрія Глинскаго, братъ его Михаилъ съ княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ побѣжали было въ Литву, но были задержаны въ Ржевской области княземъ Петромъ Шуйскимъ. Привезенные въ Москву, они, оправдываясь передъ царемъ, заявили, что «ѣхали въ Окѣвецъ помолиться Пречистой». Въ эпоху смутнаго времени иконы для безопасности были перенесены въ Новгородъ и возвращены оттуда только въ 1667 году. По поводу этого возвращенія въ Осташковѣ существуетъ преданіе, что иконы были везены по зимнему пути озерами, что новгородцы не хотѣли отдавать ихъ и устроили даже погоню, но будто бы ледъ позади поѣзда трескался, и на озерахъ дѣлались такія полыньи, которыя совершенно преграждали путь новгородцамъ. Размѣръ иконы Окѣвецкой Богоматери очень невеликъ, всего 1¹/₂ вершка въ квадратѣ. Въ настоящее время она ежегодно совершаетъ круговыя путешествія по окрестнымъ городамъ и деревнямъ. И теперь, по словамъ хозяйки, икона находилась гдѣ-то въ отсутствіи.

До Ржева намъ хотѣлось добраться пораньше, и мы попросили разбудить себя на другой день въ 4 ч. утра.

XIV.

До Ржева.

«Порой ручей, порой оврагъ,
«А тамъ поля, опять поля!
«И въ золотыхъ опять волнахъ
«Съ холма на холмъ влетаетъ я»...

А. Н. Майковъ.

Вчерашній старецъ, такъ любезно проводившій насъ въ свѣтелку, оказался существомъ довольно коварнымъ. Утомленные пѣшимъ хожденіемъ въ Осташковѣ, тряскою въ телѣгахъ и разнообразіемъ испытанныхъ впечатлѣній, мы съ вечера заснули богатырскимъ сномъ, но не прошло и трехъ часовъ, какъ мы, всѣ четверо, уже снова были на ногахъ посреди комнаты, съ ужасомъ по-

глядывая на свои покинутыя ложа. На каждомъ изъ нихъ по разнымъ направленіямъ двигались цѣлыя полчища кровожадныхъ неприятелей и притомъ въ такомъ громадномъ количествѣ, какое, вѣроятно, не снилось и самому Ксерксу, когда онъ замышлялъ походъ противъ грековъ. Силы были крайне неравны, и мы принуждены были уступить, проклиная и старика и свѣтелку. Ничего не оставалось дѣлать, какъ подѣсть къ окнамъ и глядѣть на пустую улицу: было только 2 часа утра и все вокругъ спало глубокимъ сномъ. Такъ прошелъ часъ. Торжествующіе неприятели давно уже распозлились по своимъ жилищамъ, а мы все сидѣли у оконъ, боясь пошевелиться. Мало-по-малу деревня начала просыпаться. По улицѣ прошелъ пастухъ, и потянулось стадо въ поле. Мимо оконъ, степенно похрюкивая, прошла свинья, мужикъ провелъ на водопой свою лошадь, рядомъ съ нею на длинныхъ ножкахъ важно выступалъ жеребенокъ.

Дверь отворилась, въ свѣтелку вошла хозяйка съ самоваромъ.

— Да вы ужъ и встали?—удивилась она и, выслушавъ наши жалобы, только покачала головою.

— Да,—замѣтила она,—ужъ кто на нашей станці разокъ поспитъ, въ другой разъ не захочетъ. Они и насъ-то самихъ давно уже отсюда выжили,—прибавила она въ утѣшеніе.

Черезъ полчаса мы уже выѣзжали на знакомую площадь и начали спускаться къ мосту. Въ монастырѣ благовѣстили къ заутренѣ. Солнце поднималось надъ горизонтомъ.

Выѣзжая изъ посада, мы миновали за рѣкою мѣстный трактиръ съ заманчивою вывѣскою:

«Пожалуйте,— на прощаніе

«Есть для васъ угощеніе».

Почти противъ посада, за Селижаровкою, раскинутъ погостъ Сергій, какъ назвалъ его ямщикъ. На нашемъ наброскѣ Селижаровскаго посада, со стороны Осташкова, церковь этого погоста видна на краю справа.

Снова мимо насъ потянулись деревни: Будаево, Голубово, Тальцы,—Тальцы впрочемъ село. Вчера еще за нѣкоторыми деревнями въ полѣ мы не разъ видѣли новыя досчатыя часовни. Однѣ изъ нихъ были кругомъ обшиты тесомъ, другія только съ трехъ сторонъ и казались неоконченными. Сегодня за Тальцами опять встрѣтилась такая же постройка.

— Что это за часовни у васъ по уѣзду строятся?—обратился я къ ямщику.

— А это, баринъ, на случай,—тайнственно подмигнулъ онъ.

— На какой случай?

— Говорятъ, моръ будетъ. Слышь, какая-то бѣлая женщина являлась.

— У васъ?

— Нѣтъ,—далеко гдѣ-то. А только ждутъ навѣрное!

— Неужели?

— Вѣрно, говорятъ, будетъ; у насъ готовятся. Сказываютъ такъ: если кто тогда въ деревнѣ захвораетъ, и сейчасъ его, слышь, въ эту холодную снесутъ, на поле, чтобы отъ него въ деревнѣ заразы не было.

Легенда, дѣйствительно возникшая раннею весною на югѣ о бѣлой женщинѣ, являвшейся казаку и предсказавшей урожай, который некому будетъ собирать, такъ какъ деревни запустѣютъ отъ мора,—отчасти оправдалась въ послѣдствіи появленіемъ холеры, но въ это время (іюнь 1892) о холерѣ еще ничего не было слышно, и эти предупредительныя мѣры показались намъ довольно характерными.

На 20-й верстѣ отъ посада мы проѣхали погостъ Ильи Пророка, при которомъ устроена школа въ память чудеснаго событія 17 октября 1888 года.

Недалеко отъ погоста показалось имѣніе извѣстнаго московскаго фабриканта Морозова на рѣкѣ Большой Кошѣ, впадающей въ Волгу, которая все тянется въ правой сторонѣ отъ дороги, и то скрывается, то снова показывается вдали серебристою лентою.

Въ двухъ верстахъ отъ Большой Коши протекаетъ другой притокъ Волги, Малая Коша, служащая границею между Осташковскимъ и Ржевскимъ уѣздами.

Переѣхавъ черезъ мостъ, мы, дѣйствительно, вскорѣ замѣтили, что находимся въ другомъ уѣздѣ. Верстовыя столбы исчезли, ихъ замѣнили экономическія надписи на телеграфныхъ столбахъ, ведущія счетъ верстамъ не отъ станціи до станціи, какъ обыкновенно, а отъ Ржева до границъ уѣзда. Надписи эти на столько мелки, что на трехъ-четырехъ верстахъ, при всемъ желаніи, еле успѣваешь разглядѣть цифры развѣ на одной дощечкѣ. На мостахъ появились своеобразныя украшенія въ видѣ рѣзныхъ столбовъ, ничего не подпирающихъ, и какъ-то бессмысленно торчащихъ въ небо своими острыми верхушками. Такихъ столбовъ на каждый мостъ приходилось по 8 штукъ.

— Такъ вотъ куда ржевцамъ верстовыя-то столбы понадобились!—засмѣялся одинъ изъ моихъ спутниковъ:—они предвидѣли, что глазъ путника устанетъ, разбирая ихъ петить на телеграфныхъ столбахъ, и рѣшили вознаграждать его на каждомъ мосту умилительнымъ зрѣлищемъ торчащихъ въ небо бревенъ.

Моровыя бараки за деревнями также исчезли.

Нѣсколько выше границы обоихъ уѣздовъ на Волгѣ начинаются небольшіе пороги, изъ которыхъ самымъ значительнымъ считается Бенскій (верстахъ въ 20 отъ границы) близъ деревни Митьково, лежащей нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги.

За станціей Озеренка мы имѣли случай лишній разъ подмѣтить всѣмъ извѣстную характерную черточку русскаго человѣка

Дорога въ этомъ мѣстѣ была недавно починена и покрыта еще не совсѣмъ укатаннымъ щебнемъ. Мальчикъ, правившій въ переднемъ тарантасѣ, поѣхалъ по этому щебню, но нашъ ямщикъ, взрослый, задержалъ лошадей, свернулъ черезъ канаву, причемъ чуть не опрокинулъ тарантаса, и поѣхалъ стороною по дорожкѣ, кое-какъ проложенной въ кустарникѣ.

— Что же ты свернулъ?—спрашиваю.

— Да, вишь, дорога-то не укатана.

— Ты ямщикъ?

— Ямщикъ, а то какъ же?

Волга у деревни Кривцовы дворы.

— Вѣдь тебѣ больше всѣхъ по ней ѣздить придется.

— Это вѣрно.

— Такъ кто же ее будетъ наѣзжать, если ты первый норовишь объѣхать?

Смѣется.

Наконецъ мы заѣхали въ такія ямы, что лошади еле-еле вытаскивали тарантасъ, а колеса начали поскрипывать.

— Ничего!—ободрялъ себя ямщикъ,—это вотъ только тутъ одно мѣстечко...

Передній тарантасъ давно уже проѣхалъ щебень и былъ далеко впереди, а мы все еще ныряли по ямамъ, пока наконецъ, ухнувъ напоследки въ канаву, выбрались опять на дорогу.

— Тамъ для коней-то неспособно, — замѣтилъ уже вполголоса ямщикъ, кивнувъ на лежавшій позади щепень, а кони плелись шагомъ, опустивъ головы и еле переводя духъ отъ усталости.

Миновавъ станцію Сытъково, недалеко отъ деревни Кривцовы дворы, мы выѣхали наконецъ на самый берегъ Волги. Она только что оставила позади себя прекрасный, сосновый боръ, густо покрывшій ея правый берегъ, и, весело сверкая на солнышкѣ, подходила къ Кривцовымъ дворамъ. Ширина ея какъ будто еще прибавилась. Пройденная ею линія казалась прямою, какъ стрѣла, но впереди уже виднѣлся новый, капризный изгибъ вправо, и красавица опять исчезала за береговымъ мысомъ.

Сдѣлавъ набросокъ, мы тронулись далѣе, и снова передъ нами потянулись знакомыя картины деревень, окруженныхъ полями небольшихъ перелѣсковъ, и время отъ времени встрѣчавшихся господскихъ небольшихъ усадебъ.

Наконецъ, за станціей Бахмутово, часовъ около 5 вечера, впереди показалась высокая, бѣлая колокольня.

— Ржеви! — обернулся къ намъ ямщикъ.

— А сколько верстъ до него осталось?

— Да еще верстъ семь будетъ. Ее далеко видать, высокая.

Панорама Ржева съ оставшковской дороги не представляетъ ничего интереснаго. На первомъ планѣ станція Ржевско-Вяземской желѣзной дороги, болѣе извѣстной въ народѣ подъ именемъ «Новоторки», за нею ряды деревянныхъ домиковъ, раскинувшихся на довольно широкое пространство, и только. Церквей почти не видно, и лишь одна соборная колокольня бѣлѣетъ на синевато-сизомъ фонѣ неба.

Проѣхавъ предмѣстье, мы очутились на большой площади съ неизмѣнными торговыми рядами и скверомъ, обнесеннымъ деревянною рѣшеткою; скверъ былъ запертъ. Ямщики круто свернули къ Волгѣ, и вскорѣ мы остановились у чугуннаго подѣзда гостиницы Некрасова.

Первое впечатлѣніе, произведенное Ржевомъ, было далеко не въ его пользу, но видъ на городъ, открывавшійся изъ оконъ нашего номера, сразу заставилъ насъ перемѣнить мнѣніе. Почти подъ самыми нашими ногами высокій берегъ крутымъ обрывомъ спускался къ Волгѣ, по которой между стоявшими большими лодками сновали челночки, и мѣрно двигался яликъ на перевозѣ. Вправо тянулася набережная, усаженная молодыми деревцами, влѣво, среди зелени, виднѣлась церковь св. Николая и далѣе, на особомъ холмѣ, соборъ съ своею высокою колокольнею. Противоположный, правый берегъ Волги, напоминавшій Замоскворѣчье въ миниатюрѣ, широко раскидывался по отлогому склону къ рѣкѣ съ своими церквами, гостиннымъ дворомъ и базарною площадью, пестрѣя разноцвѣтными стѣнами и кровлями своихъ домиковъ, линіи которыхъ мѣ-

стами перебивались зеленю садовыхъ деревьевъ; вдали на горизонтѣ синѣли лѣса. Но главную красоту картины составляла Волга, извивавшаяся внизу плавнымъ, подковообразнымъ движеніемъ. Пройдя подъ мостомъ, соединяющимъ оба берега, она не спѣша сворачивала въ правую сторону и скрывалась отъ глазъ за зеленой рощицей лѣваго берега, посреди которой красовалась небольшая церковь Владимірской Божіей Матери.

Ржевъ первый городъ, который Волга встрѣчаетъ на своемъ пути, и, любясь имъ изъ своихъ оконъ, мы должны были отдать ему справедливость: онъ достойно начинаетъ славную линію приволжскихъ городовъ, извѣстныхъ своею чисто русскою красотою и живописностью мѣстоположенія.

XV.

Ржевъ.

«Осѣлъ Святославъ Ржевку, городъць Мстиславль».

Новгородская лѣтопись.

Роль первого города, поставленнаго въ верховьяхъ великаго воднаго пути, принадлежитъ Ржеву издавна. О немъ упоминается еще въ одной грамотѣ XII-го вѣка, а въ началѣ XIII-го онъ былъ уже замѣтнымъ городкомъ въ предѣлахъ Торопецкаго княжества и, когда настало время, честно сослужилъ службу князю своему, извѣстному Мстиславу Мстиславичу Удалому. Когда Мстиславъ, въ 1216 г., отправился въ Новгородъ оборонять домъ св. Софіи отъ притѣсненій суздальскихъ князей, братъ ихъ, Святославъ Всеволодовичъ, съ 10.000 воиновъ вошелъ въ Торопецкій удѣлъ и «осѣлъ Ржевку, городъць Мстиславль», гдѣ въ то время находился нѣкто Ярунъ съ сотнею защитниковъ. Мстиславъ съ братомъ Владиміромъ въ это время двигался по Селигеру къ суздальскимъ предѣламъ и, узнавъ на верховьяхъ Волги объ осадѣ своей Ржевки, спѣшно пустился съ пятью стами мужей (больше у нихъ съ братомъ и не было) на выручку города. Но ржевцы уже отбились отъ непріятеля, и Мстиславъ не нашелъ враговъ подъ стѣнами. Въ 1225 г. въ Ржевѣ княжилъ князь Владиміръ, по всѣмъ вѣроятіямъ, братъ Мстислава¹⁾. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, позднѣйшее названіе города—

¹⁾ Въ описаніяхъ Ржева говорится, что князь этотъ былъ Владиміръ-Дмитрій Всеволодовичъ, получившій Ржевъ, вмѣстѣ съ Москвою, по распоряженію брата его, великаго князя Константина Всеволодовича, но этотъ Владиміръ-Дмитрій умеръ еще въ 1224-мъ году. См. «Описаніе Тверскаго музея», сост. А. К. Жизневскимъ.

Ржева-Володимірова—произошло отъ этого князя. Другіе же полагаютъ, что приставка явилась только во времена Донскаго, когда городъ, переходившій изъ рукъ въ руки, присоединенъ окончательно къ Москвѣ и названъ Владиміровымъ въ честь куликовскаго героя, Владиміра Андреевича Храбраго. При постройкѣ соборной колокольни, въ 1832 году, найдены были остатки крѣпости, воздвигнутой во времена этого князя. Въ XV столѣтіи здѣсь княжилъ и Шемяка, и сынъ Василя Темнаго—Борисъ, оставившій городъ въ удѣлъ своимъ сыновьямъ: Ѳедору и Ивану, причемъ князю Ѳедору достался лѣвый берегъ, а князю Ивану — правый. Съ тѣхъ поръ берега получили свои особыя названія: князь-Ѳедоровской и князь-Дмитровской стороны (послѣдняя по князю Дмитрію, преемнику Ивана). Къ Тверской губерніи Ржевъ причисленъ только въ 1775 году и теперь считается ея лучшимъ уѣзднымъ городомъ.

За Волгой, на князь-Дмитровской сторонѣ, ударили гдѣ-то въ колоколь.

— Это у Владимірской, ко всенощной,—объяснилъ слуга, подававшій намъ обѣдъ:—тамъ теперь каждый день всенощныя служаются.

— Почему?

— Икона у нихъ стоитъ, Окѡвецкая Божія Матерь.

— Да развѣ она здѣсь?

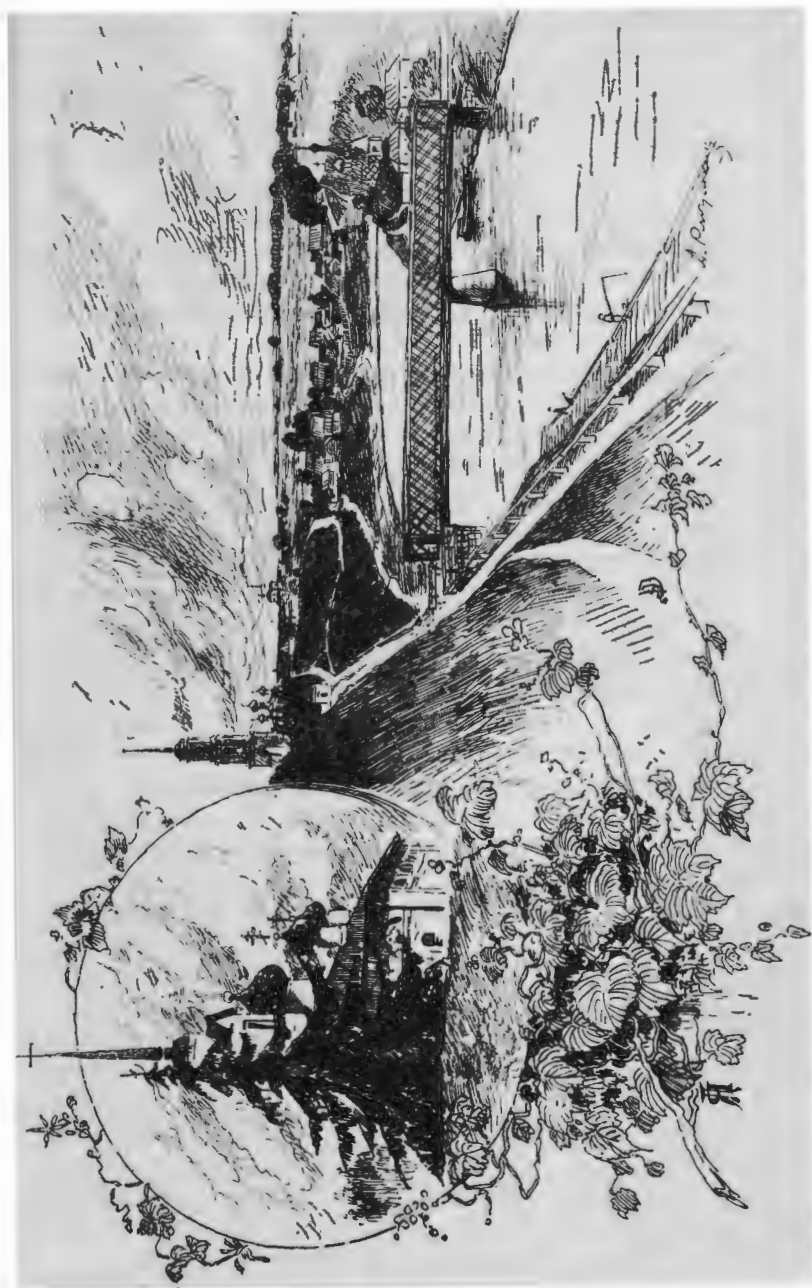
— Здѣсь. Ее теперь каждый годъ къ намъ въ городъ приносятъ, съ самаго 1875-го года. Это покойничекъ Евграфъ Васильевичъ Берсенева намъ выхлопоталъ; онъ тогда городскимъ головою былъ. И несутъ ее, Матушку, къ намъ по правому берегу Волги, а обратно, въ Окѡвцы, по лѣвому, чтобы во всѣхъ деревняхъ могли ее встрѣтить и принять въ дома. Славный былъ человекъ этотъ Евграфъ Васильевичъ, много для города сдѣлалъ.

Между тѣмъ, колоколь продолжалъ гудѣть надъ Волгою, призывая жителей на молитву.

Мы рѣшили начать осмотръ города съ князь-Дмитровской стороны и прежде всего побывать за всенощной во Владимірской церкви, которая, замѣчу въ скобкахъ, прежде и называлась Окѡвецкой, а потомъ, почему-то, переименована во Владимірскую.

Спустившись съ крутого обрыва къ Волгѣ, мы вступили на мостъ, который издали, судя по конструкціи, казался намъ желѣзнымъ, на дѣлѣ же былъ деревянный. Внизу, подъ нашими ногами плавно протекала Волга; ширину ея у Ржева опредѣляю въ 20—25 сажень.

Съ моста мы повернули влѣво и вскорѣ подошли къ оградѣ Владимірской церкви. У воротъ и внутри ограды, въ рощицѣ, окружающей церковь, толпился народъ, преимущественно женщины въ пестрыхъ, праздничныхъ нарядахъ; на лицахъ у всѣхъ какое-то особое, благоговѣйное выраженіе. Одни входили въ церковь,

Городъ Ржевъ.

Надѣво—князь-Федоровская сторона съ соборомъ, направо—часть князь-Дмитровской стороны съ церковью Владимирской Божіей Матери.—Въ кругу: церковь св. Николая, на князь-Федоровской сторонѣ.

другіе выходили, третьи сидѣли со знакомыми на скамеечкахъ, иные просто прохаживались между деревьями въ ожиданіи чего-то. Масса нищихъ толпилась у воротъ и вдоль дорожки, проложенной къ паперти. Въ церкви было тѣсно и душно. Служба шла въ главномъ храмѣ, впереди, и звуки еле долетали въ притворъ, гдѣ, впрочемъ, стояла главная масса народа. Въ низкомъ притворѣ было темно отъ деревьевъ, окружающихъ церковь, и въ этой темнотѣ яркимъ свѣтовымъ пятномъ выдѣлялся, въ лѣвой сторонѣ, массивный подсвѣчникъ передъ иконою, уставленный десятками пылавшихъ свѣчей. По лѣсенкѣ, ведущей къ образу, двигались сплошною толпою прикладывавшіеся богомольцы. На мѣстѣ чудотворной иконы стояла теперь копія, также украшенная богатою ризою, сама же икона еще не возвращалась изъ города, гдѣ ей служились молебны по домамъ.

Мы вышли изъ церкви и не успѣли сойти съ паперти, какъ на улицѣ, у воротъ, началось движеніе, которое тотчасъ же передалось и толпѣ внутри оградъ. Всѣ зашевелились, засуетились, спѣша къ дорожкѣ и, въ то же время, расчищая путь къ церкви. Черезъ минуту въ воротахъ показался протодіаконъ въ облаченіи, съ кадиломъ въ рукѣ. За нимъ сверкнула въ воздухѣ золотая риза чудотворной иконы, которую высоко надъ землею несли два ржевича въ длинныхъ кафтанахъ, сзади показался старичекъ священникъ, сопровождаемый громадною толпою народа. Шествіе подвигалось быстро. Народъ, бывшій въ оградѣ, бросился теперь на самую средину дорожки и началъ подходить подъ икону. На дорожкѣ мгновенно образовалась длинная линія колѣнопреклоненныхъ мужчинъ и женщинъ всякаго званія и состоянія, и надъ ними высоко въ воздухѣ проносилась сверкавшая богатымъ убранствомъ икона, направлявшаяся къ церкви. Эта чисто-русская картина, окруженная зеленою березъ и освѣщенная вечерними лучами солнца, произвела на насъ глубокое впечатлѣніе.

Проводивъ икону, народъ началъ расходиться. Мы вышли за ограду.

Неподалеку находилась длинная, прямая улица, которая вела въ гору, къ высокой каменной церкви. На половинѣ этой улицы намъ встрѣтился уголокъ, до того своеобразный, что при взглядѣ на него невольно припоминалось время чуть не Алексѣя Михайловича, когда и въ самой Москвѣ существовали такіе, теперь уже давно исчезнувшіе, уголки. Въ улицу упирался узенькій, узенькій переулочекъ, тянувшійся вдоль бревенчатыхъ стѣнъ какого-то амбара. Его окружали старинныя деревянныя постройки, а самый уголокъ переулочка составляла ветхая амбарушка, поставленная не въ линію, а наискось къ остальнымъ строеніямъ. Отъ всего уголка вѣяло такую стариною во всей ея неприкосновенности, что я не утерпѣлъ и, присѣвъ на тумбу, досталъ альбомъ.

Мгновенно меня окружила цѣлая толпа ребятъ; начали остана-вливаться и взрослые. Ближе всѣхъ ко мнѣ помѣстилась древняя старушка, вѣроятно, ровесница угловой амбарушкѣ, такъ важно повернувшейся бокомъ къ улицѣ.

— А какъ у васъ эта улица называется?—обратился я къ старушкѣ.

— А Притатеицкая, кормилецъ.

— Какъ?

— Притатеицкая.

Названіе звучало крайне странно; я записалъ его.

— А какая это церковь на горѣ, въ концѣ улицы?

— А это у насъ Иванъ Притатеичъ.

Я догадался: улица была—Предтеченская.

Старинный уголокъ въ городѣ Ржевѣ, на князь-Дмитровской сторонѣ.

Поднявшись на гору къ Ивану Притатеичу, мы свернули вправо и пошли по верхней улицѣ вдоль князь-Дмитровской стороны. Улица приходилась уже почти на окраинѣ, по ней тянулись деревянные домики и заборы.

Пройдя нѣсколько сажень, мы встрѣтили на правой сторонѣ дороги подобіе широкихъ воротъ, поставленныхъ вдоль улицы. Во всю длину большой перекладки, утвержденной на двухъ столбахъ, тянулся правильный рядъ желѣзныхъ крючьевъ. Поровнявшись съ воротами, мы увидѣли, что противъ нихъ, по ту сторону дороги, находился въ промежуткѣ между двумя домами небольшой дворикъ. На немъ оказалась цѣлая линия такихъ воротъ, поставленныхъ другъ за другомъ, такъ что подъ ними образовывался длинный и широкій проходъ до самаго конца дворика. Мы остановились и никакъ не могли понять, что бы это значило.

Подошелъ мѣстный житель.

— Фабрику нашу смотрите?—спросилъ онъ.

— Да развѣ это фабрика?

— По-нашему фабрика называется,—улыбнулся житель:—тутъ у насъ нитки для канатовъ дѣлаются.

— А для чего эти крючья?

— А то какъ же? По крючьямъ-то нитки и тянутъ. Вотъ тутъ, напримѣръ, на каждой перекладинѣ по 64 крючка,—это двойная. Здѣсь рабочіе дѣлятся на двѣ артели, по 32 человекъ, выходятъ, и идутъ рядами, одна артель, скажемъ, немножко впереди, а другая за ней, чтобы тѣсноты не было. Тянутъ нитки, каждый человекъ по своимъ крючкамъ, по линіи, значить. Одинъ, скажемъ, по крайнимъ, другой по вторымъ, третій по третьимъ и такъ дальше. Бываютъ фабрики и поменьше,—на одну артель, на 32 человекъ, а есть заводы и въ 3 ряда: выходятъ, значить, 96 крючковъ; только такихъ совѣтъ мало.

— Куда же собираются нитки?

— А ихъ тамъ въ концѣ на барабанъ такой наматываютъ.

— Велика длина такой нитки?

— Полагается 100 сажень; дѣлаютъ и длиннѣе, да рѣдко. Вообще теперь это дѣло упадать стало, годъ отъ году все меньше да меньше.

— Что же такъ?

— Да все паровыя пошли; канатные заводы завелись. У насъ работа ручная, а тамъ машина; вотъ тутъ и сообрази! Работаютъ и наши, да только мало, противъ прежнихъ лѣтъ куда меньше. Должно, скоро и конецъ придетъ,—махнулъ онъ рукою и тронулся дальше.

Улица привела насъ въ единовѣрческую часть города, съ высокою бѣлою церковью, болѣе похожею на домъ съ башнею, чѣмъ на церковь. Говорятъ, въ Ржевѣ очень много раскольниковъ, чуть ли не больше половины всего населенія, и все по преимуществу поповцы; другихъ сектъ здѣсь, кажется, не слышно. С. В. Максимовъ въ «Крылатыхъ словахъ» рассказываетъ, что, помимо своей яблочной и ягодной пастилы, Ржевъ, хотя и подъ большимъ секретомъ, извѣстенъ еще погребальными колодами, т. е. гробами, «выдолбленными изъ цѣльнаго отрубка древеснаго съ особеннымъ изголовьемъ (въ отличіе отъ колоды вяземской), за которыя истые старовѣры платятъ большія деньги».

Мы повернули къ Волгѣ и спустились къ церкви Преображенія, близъ которой находится гостинный дворъ и базарная площадь князь-Дмитровской стороны. Но лавки были заперты, и площадь пуста.

Начинало замѣтно темнѣть, и мы вернулись въ гостиницу.

На другой день мы обошли князь-Федоровскую сторону. Главное ея украшеніе составляетъ соборъ, высокая колокольня котораго,

Изображение преподобнаго Діонисія, архимандрита Троице-Сергіевоі лавры.
Съ старинной иконы XVII вѣка.

какъ я уже говорилъ, видна на нѣсколько верстъ кругомъ. Въ иконостасѣ главнаго храма замѣчательны древнія иконы: Спаса Нерукотвореннаго и Успенія Божіей Матери. Здѣсь же, у праваго клироса, находится небольшой іерусалимскій крестъ, очень изящной работы, съ частицею древа креста Господня, пожертвованный въ соборъ урожденцемъ города Ржева, Третьимъ Ивановичемъ Филипповымъ, занимающимъ въ настоящее время важный постъ государственнаго контролера. Но, помимо государственныхъ заслугъ, Третій Ивановичъ достоинъ уваженія и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Онъ извѣстенъ, какъ писатель по церковнымъ вопросамъ, въ особенности по расколу. Статьи его, помѣщавшіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и собранныя въ одну книгу подъ заглавіемъ: «Современные церковные вопросы», составляютъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу нашей духовной литературы. Кромѣ того, Третій Ивановичъ принадлежитъ къ числу немногихъ истинныхъ любителей и знатоковъ русской народной мелодіи, и любовь свою къ ней доказалъ изданіемъ прекраснаго сборника, гармонизованнаго Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ.

Въ числѣ иконъ, помѣщающихся въ лѣвомъ, трапезномъ, придѣлѣ собора, обращаютъ на себя вниманіе два образа св. Параскевы Пятницы. Иконы эти до того цѣнились въ древности, что, при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ, ихъ брали даже въ Москву для снятія копій, которыя были поставлены «въ Пятницкой церкви, недалеко отъ Покрова» (какъ гласитъ надпись), а оригиналы возвращены обратно въ соборъ.

До 1745 года была здѣсь и еще одна достопримѣчательность, нынѣ уже не существующая, о которой не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ.

Въ Ржевѣ и до нашихъ дней сохраняется древнее преданіе о неустанномъ защитникѣ города, князѣ Владимірѣ, похороненномъ подъ соборомъ вмѣстѣ съ княгинею Агриппиною. Въ смутныя времена Московскаго государства, когда къ городу подходила враждебная литва, на высококомъ берегу Волги, точно изъ земли, выросталъ бѣлый богатырскій конь, управляемый статнымъ всадникомъ. Вмѣсто всякаго оружія всадникъ держалъ въ рукѣ одинъ бѣлый платъ, и только, бывало, взмахнетъ онъ этимъ платомъ въ воздухъ, какъ устрешенная литва въ смятеніи бѣжитъ отъ города. Всадникъ этотъ былъ князь Владиміръ. Литва уходила, а витязь не прекращалъ своей заботливости о городѣ: каждую ночь онъ непременно поднимался изъ могилы и обходилъ пѣшкомъ городскія стѣны. Настали мирныя времена, но обходы князя продолжались попрежнему. Каждый вечеръ къ его могилѣ жители ставили новую пару сапоговъ, чтобъ князь не натрудилъ себѣ ногъ во время обхода, и на утро подошвы оказывались стоптанными. Такъ продолжалось долгіе, долгіе годы. Но вотъ однажды пожалѣли рже-

вичи новых сапогъ и къ стоптаннымъ накануне сдѣлали только новыя подметки. Обувь поутру оказалась нетронутою. Раскалялись жители и поспѣшили исправить свою вину, но князь уже болѣе не поднимался изъ могилы; обидѣлся онъ на жадность людскую и перешель, будто бы, изъ Ржева въ Новгородъ.

Дѣйствительно, до половины прошлаго столѣтія въ соборѣ, на право отъ входа, находилась гробница съ рѣзною, позолоченною сѣнью, надъ мѣстомъ могилы князя Владиміра и княгини Агриппины, почитавшихся святыми. На гробницѣ была положена и громадная икона въ сажень длины съ изображеніемъ князя и княгини. Икона эта, находящаяся теперь въ Тверскомъ музеѣ, была написана на средства стольника, князя Абернибесова, бывшаго воеводою въ Ржевѣ въ 1698 г. Въ честь святыхъ была составлена особая служба, и празднованіе имъ совершалось 15-го іюля.

Въ 1745 году, тверской архіерей сдѣлалъ распоряженіе объ изслѣдованіи княжескихъ гробницъ. Коммиссія изъ настоятелей монастырей: Желтиковскаго, Селижаровскаго и Иваницкаго, явилась въ Ржевъ и приступила къ раскопкѣ 9-го сентября. Копали долго, но ничего, кромѣ отдѣльныхъ череповъ и костей, не находили. Наконецъ, послѣ двухъ дней работы, на двухсаженной глубинѣ, увидѣли и княжескія гробницы. По словамъ акта, составленнаго на мѣстѣ, онѣ были дубовыя, выдолбленныя и «обиты кругомъ сколою березовою». Гробницы были открыты, но въ нихъ оказались только однѣ полуистлѣвшія кости. Надгробная икона увезена въ Тверь, гробница и сѣнь, разобранныя во время копанія, болѣе не возобновлялись, и теперь соборный сторожъ даже не знаетъ ничего о прежнемъ существованіи мощей. Указалъ онъ намъ только небольшой колодезь подлѣ сѣверной стѣны храма, будто бы выкопанный руками князя Владиміра. Но кто же были эти князь Владиміръ и княгиня Агриппина? Достовернаго объ нихъ ничего неизвѣстно. Можно только предполагать, что, по всеѣмъ вѣроятіямъ, это и есть братъ Мстислава Удалого, Владиміръ Мстиславичъ, первый извѣстный намъ князь ржевскій, а княгиня Агриппина, похороненная рядомъ съ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ почитаемая и изображенная на одной съ нимъ иконѣ, была его близкою родственницею или даже супругою.

Втеченіе своего долготѣннаго существованія Ржевъ подарилъ родинѣ не одного полезнаго дѣятеля. Упомянемъ, для примѣра, хоть о Терентіѣ Ивановичѣ Волосковѣ (1744—1807), бывшемъ здѣсь первымъ городскимъ головою. Волосковъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ самородковъ. Онъ былъ и богословъ, и астрономъ, и химикъ, и механикъ-самоучка. Будучи сыномъ раскольника, онъ, благодаря чтенію сочиненій св. Димитрія Ростовскаго, обратился въ православіе и впослѣдствіи самъ написалъ нѣсколько духовно-полемическихъ сочиненій, изъ которыхъ особенно замѣчательны:

обличеніе на расколъ Михайлы Калмыка, попа Стародубской слободы, и переписка его съ новоторжскимъ городскимъ головою Адрианомъ Морозовымъ, котораго онъ изъ раскола обратилъ въ православіе. Отецъ Терентія Ивановича зналъ способъ изготовленія малиновой краски, извѣстной подъ названіемъ кармина. Сынъ довель ея производство до высокой степени совершенства, такъ что фунтъ волосковскаго кармина, въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, продавался по 42 рубля серебромъ и нашель себѣ сбытъ даже за границую. Расширивъ свои торговыя дѣла и пріобрѣтя значительный достатокъ, Терентій Ивановичъ посвятилъ свободное время механикѣ. Онъ устроилъ зрительную трубу въ 7 футовъ длиною и часы «сколокъ мірозданія», надъ которыми трудился нѣсколько лѣтъ. Часы эти, находящіяся нынѣ въ Тверскомъ музеѣ, показывали года, мѣсяцы, числа, дни, минуты, секунды. На нихъ двигалась серебряная луна, проходившая всѣ свои фазы, вращалось золотое солнце по голубому небосводу, который сжимался и расширялся по мѣрѣ убавленія и прибавленія дня. Часы, кромѣ того, были замѣчательны еще нѣкоторыми подробностями: такъ, напримѣръ, числовая стрѣлка сама собою безошибочно переходила съ послѣдняго числа мѣсяца на первое число слѣдующаго; они показывали годы простые и високосные, что даетъ возможность предположить въ нихъ существованіе такого колеса, которое обращалось вокругъ своей оси только одинъ разъ въ четыре года, а такой механизмъ свидѣтельствуетъ о замѣчательной точности и отчетливости въ работѣ.

Переносясь изъ прошлаго столѣтія въ XVI-е, встрѣчаемъ другаго урожденца Ржева, преподобнаго Арсенія, который, переселясь въ Новгородъ, былъ свидѣтелемъ страшной расправы царя Ивана Васильевича съ предполагаемыми новгородскими измѣнниками. Узнавъ о святомъ, Грозный лично отправился къ нему съ дарами, но отшельникъ не принялъ ихъ, замѣтивъ только: «Много невинныхъ послалъ ты въ царство небесное», и грозный царь смолчалъ. Покончивъ съ Новгородомъ и отправляясь казнить Псковъ, Иванъ Васильевичъ снова пришелъ къ святому за напутственнымъ благословеніемъ. «Завтра»,—сказалъ старецъ,—«готовъ и я въ путь свой». Царь обрадовался, полагая, что святой хочетъ сопровождать его, но на другой день узналъ о кончинѣ старца. Есть много предположеній для объясненія не совсѣмъ понятнаго факта, что поднятая надъ Псковомъ разящая рука Грознаго вдругъ неподвижно замерла въ воздухѣ. Кто знаетъ, быть можетъ, и эта неожиданная кончина Арсенія была одною изъ причинъ, повліявшихъ устрашающимъ образомъ на впечатлительную душу царя?

Но болѣе всѣхъ оказалъ услугъ родинѣ уроженецъ Ржева Давидъ Ѳедоровичъ Зобнинскій, въ монашествѣ Діонисій, извѣстный въ послѣдствіи архимандритъ Троице-Сергіевой лавры, правая рука

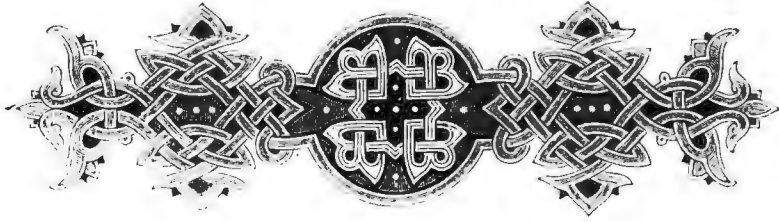
патріарха Гермогена, горячій патріотъ, разсылавшій вмѣстѣ съ Палицинымъ окружныя грамоты и благословившій Пожарскаго, на горѣ Волкушѣ, на трудный подвигъ освобожденія Москвы отъ поляковъ. Въ качествѣ свѣдущаго человѣка, онъ, съ двумя товарищами, былъ назначенъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для просмотра и провѣрки требника, напечатаннаго въ 1602 году. Справки нашли въ немъ до 40 ошибокъ. Но крутицкій митрополитъ Іона не хотѣлъ признать ихъ и объявилъ Діонисія еретикомъ. Троицкаго архимандрита присудили сослать на заточеніе въ дальній Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, но такъ какъ пути еще были заняты поляками, то его вернули съ дороги въ Москву и заперли въ Новоспасскій монастырь. Здѣсь его били, подвергали всяческимъ оскорбленіямъ, сорокъ дней мучили въ дыму на полатахъ, заставляли, помимо церковныхъ службъ, класть ежедневно по тысячѣ поклоновъ, но Діонисій прибавлялъ къ нимъ еще другую тысячу отъ себя и съ рѣдкостнымъ великодушіемъ переносилъ гоненіе. «Господинъ мой и отецъ, преподобный Іона митрополитъ»,—говорилъ онъ,—«свыше всѣхъ человѣковъ сотворилъ мнѣ добро; по дѣламъ моимъ онъ меня смиряетъ: это искушеніе къ просвѣщенію души моея». Но съ пріѣздомъ въ Москву іерусалимскаго патріарха Ѳеофана правда наконецъ восторжествовала. Страдалецъ оправданъ и возвращенъ въ свою лавру, коею управлялъ до самой смерти. Ко гробу его собрались многіе иконописцы, чтобы закрѣпить для потомства черты уважаемаго старца.

Въ ржевской Владимірской церкви хранится икона святого, написанная въ XVII вѣкѣ, вскорѣ послѣ его смерти, и, по всей вѣроятности, близко передающая общій обликъ этой замѣчательной исторической личности.

Обойдя городъ, мы вечеромъ еще разъ полюбовались съ соборнаго холма красивымъ видомъ мѣстности, оживленной серебристою лентою красавицы рѣки, и отправились въ гостинницу.

Наступала ночь, послѣдняя, которую мы въ этомъ году проводили на берегахъ Волги. Городъ затихалъ, ночная мгла незамѣтно окутывала все болѣе и болѣе объ его историческія стороны. Я подошелъ къ окну и долго наслаждался нѣгою теплой, лѣтней ночи. Внизу, между засыпавшими берегами, тихо протекала Волга. На князь-Дмитровской сторонѣ слышался чей-то пріятный голосъ, пѣвшій пѣсню. Задушевная мелодія глубоко проникала въ душу. Пѣсня замерла вдали, и снова все стихло. Огоньки въ домахъ начинали гаснуть одни за другими. Городъ заснулъ, и только по временамъ кое-гдѣ раздавался отдаленный лай собакъ, да изрѣдка слышались на прибрежномъ бульварѣ спѣшные шаги запоздалаго обывателя.

И. Тюменевъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛЬСКАГО КРЕСТЬЯНСТВА.

(1846—1848 гг.).

(По архивнымъ источникамъ).

I.

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ броженіе, охватившее въ 1840-хъ годахъ Западную Европу и приведшее затѣмъ къ революціи 1848 года, не могло не отразиться и у насъ въ самомъ слабомъ мѣстѣ русской окраины — царствѣ Польскомъ, гдѣ еще не успѣли изгладиться первые слѣды возстанія 1831 года.

Извѣстно, что по окончаніи этого возстанія польскіе эмигранты толпами устремились за границу, главнымъ образомъ во Францію, только что пережившую іюльскую революцію и сочувственно относившуюся къ мысли о возстановленіи Польши.

Очутившись такимъ образомъ у самага очага революціи, польскіе эмигранты тотчасъ же бросились въ открывшіяся передъ ними водоворотъ политическихъ заговоровъ и съ лихорадочною поспѣшностью принялись за подготовленіе новаго возстанія. Первымъ шагомъ ихъ въ этомъ направленіи была попытка возжечь мятежь въ царствѣ Польскомъ при помощи партизанскихъ отрядовъ, дѣятельно вооружавшихся въ Галиціи князьями Любомирскими, графомъ Реемъ и другими лицами.

Дѣйствительно, въ началѣ 1833 года нѣсколькимъ шайкамъ подъ начальствомъ Заливскаго, Бялковскаго, Лубинскаго и другихъ удалось вторгнуться въ воеводства Люблинское, Калишское и Подлясское; но всѣ онѣ были тогда же разсѣяны или совершенно уничтожены нашими войсками. Впрочемъ, эмиграція и не особенно рассчитывала на успѣхъ этихъ вторженій, такъ какъ въ это же самое время работала уже надъ другимъ проектомъ, предложеннымъ польскимъ демократическимъ обществомъ, которое было открыто въ Парижѣ 5-го (17-го) марта 1832 года и уже успѣло приобрести большое вліяніе среди эмигрантовъ.

Исходя изъ той мысли, что причиною неудачи возстанія 1831 года было участіе въ немъ одного только привилегированнаго класса, и что до тѣхъ поръ, пока весь народъ польскій не возьмется за оружіе, всѣ возстанія будутъ безуспѣшны, демократическое общество въ изданной имъ прокламаціи къ польскому народу требовало радикальнаго измѣненія существовавшихъ до того времени ненормальныхъ отношеній между «паномъ» и «хлопомъ» и призвало ко всеобщему возстанію во имя свободы, равенства, братства.

«Развѣ угнетенная масса народа,—говорилось въ этой прокламаціи,—составлявшая, точно вещь или животное, собственность дворянства, развѣ она могла, подобно вольнымъ людямъ, дохнуть святымъ восторгомъ независимости?! Убийственное, ненавистное неравенство сословій раздѣлило народъ на два класса: на привилегированный, или дворянство, у котораго были свои земли, и на подвластный, т. е. крестьянъ, у которыхъ не было ни клочка своей земли, бѣдныхъ и угнетенныхъ».

Указавъ затѣмъ, что въ этомъ неестественномъ отношеніи между собою двухъ сословій и кроется упадокъ Польши, демократическое общество убѣждаетъ польскій «народъ» уничтожить всѣ сословныя различія и слиться въ одно цѣлое. «Только заслуги головы или рукъ должны давать преимущества однимъ передъ другими. Крѣпостная же зависимость (poddanie) должна быть во что бы то ни стало уничтожена, съ надѣленіемъ крестьянъ землею въ неотъемлемую ихъ собственность, безъ всякаго кому бы то ни было вознагражденія».

Въ самомъ дѣлѣ нигдѣ въ Европѣ крѣпостное право не было столь ужасно, какъ въ Польшѣ и особенно въ литовско-русскихъ областяхъ ея, входящихъ нынѣ въ составъ губерній Сѣверо- и Юго-Западнаго края. Шляхетское государство смотрѣло на крестьянъ, какъ на рабочій скотъ, и не даромъ за польскимъ хлопомъ издавна установилось презрительное названіе «быдла». Жизнь, честь, имущество, однимъ словомъ, все, что только могло быть у крестьянина,—принадлежало пану. А за паномъ стоялъ ржондца (управляющій), а за ржондцей—ксендзъ, владѣвшій душою крестьянина и исправно отбиравшій у него десятину, подъ угрозю, что десятая курица у

него непременно издохнетъ, если не будетъ отдана духовному пастирю, десятый снопъ сгнѣтъ и т. д. Наконецъ, повади всѣхъ этихъ господъ стоялъ жидъ, сумѣвшій въ концѣ концовъ прибрать къ своимъ рукамъ не только хлопа, но и пана. Не даромъ въ старинныхъ виршахъ какого-то польскаго латиниста сказано, что «свѣтлое царство поляковъ есть небесное царство для пановъ, рай для жидовъ и адъ для крестьянъ»:

«Clarum regnum Polonorum
Est coelum nobiliorum,
Paradisus Judaeorum
Et infernus rusticorum».

Конечно, въ польскомъ обществѣ встрѣчались благородныя личности, выступавшія въ защиту человѣческихъ и социальныхъ правъ польскаго крестьянина, но ихъ голосъ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Извѣстно, напримѣръ, что въ числѣ многихъ проектовъ и соображеній, присланныхъ королю Станиславу-Августу разными лицами до «четырехлѣтняго сейма», открытаго 5-го ноября 1788 г., а также во время самаго сейма, были такіе, въ которыхъ развивалась мысль о необходимости освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости съ надѣленіемъ ихъ землею. Между прочимъ, холмскій каштелянъ Полетилло, излагая свой взглядъ по этому предмету, писалъ королю: «главнѣйшая забота наша должна состоять въ томъ, чтобы оказать справедливость нашимъ кормильцамъ, съ которыми ни одинъ народъ не поступаетъ такъ безжалостно (niemiłosiernie), какъ поступаемъ мы съ ними»¹⁾.

Костюшко, на котораго ойчизна возлагала всѣ свои надежды, также напрасно ратовалъ за «братьевъ, кровавымъ потомъ которыхъ обдѣланная земля виждетъ народъ» (których krwawym potem uprawiona rola ozywiała rod)²⁾. Его универсалъ отъ 7 мая 1794 года объ освобожденіи крестьянъ, съ надѣленіемъ ихъ землею, былъ встрѣченъ злобнымъ шипѣніемъ шляхты и, конечно, ни къ чему не привелъ...

Наконецъ, четверть вѣка спустя послѣ перваго раздѣла Польши, наполеоновская конституція, данная 22 іюля 1807 года герцогству Варшавскому, уничтожила крѣпостное состояніе³⁾. Но это было только на бумагѣ; на самомъ же дѣлѣ конституція еще болѣе ухуд-

¹⁾ Цитировано по статьѣ г. Е. Л. «Польша и поляки при Станиславѣ Понятовскомъ» («Korrespondencya krajowa Stanisława Augusta z lat 1784 do 1794, Poznań, 1872»), «Вѣстникъ Европы», 1874 г.

²⁾ Архивъ Виленскаго генераль-губернаторства, изд. А. Энгелемъ, Вильно, 1870 г., т. 2, ч. 1.

³⁾ «L'esclavage est aboli. Tous les citoyens sont égaux devant la loi; l'état des personnes est sous la protection des tribunaux (art. 4). Dziennik praw X. Warsz., 1810, 1.

шила положеніе крестьянъ, такъ какъ они получили свободу безъ земли и, продолжая нести барщину, попрежнему оставались въ административной и судебной зависимости отъ помѣщиковъ. Помѣщикъ, какъ войтъ гмины и какъ господинъ земли, на которой сидѣлъ крестьянинъ, могъ дѣлать съ послѣднимъ все, что хотѣлъ,— и такимъ образомъ полноправность, дарованная крестьянамъ наполеоновскою конституціею, оказывалась не чѣмъ инымъ, какъ законодательною фикціею.

Матеріальное положеніе крестьянъ съ каждымъ годомъ становилось все хуже и хуже. Земли, которыя они обрабатывали прежде, отнимались у нихъ помѣщиками и присоединялись къ фольварочнымъ (помѣщичьимъ) землямъ, или же отдавались нѣмецкимъ колонистамъ, являвшимся преимущественно изъ Пруссіи и предлагавшимъ за нихъ болѣе высшіе чинши, чѣмъ платили крестьяне. Безчисленные поборы, какъ денежные, такъ и натуральные, а также произвольно налагаемыя повинности, совершенно разорали крестьянъ. Обезземеленные крестьяне, называвшіеся коморниками, халупниками, загородниками и т. п., представляли собою многочисленный крестьянскій пролетаріатъ, ютившійся по задворкамъ помѣщичьихъ фольварковъ и, какъ особою милостію, пользовавшійся правомъ засѣвать небольшую полоску въ помѣщичьемъ полѣ, или же содержать на дворѣ помѣщика корову или свинью, съ обязанностию за это постоянно работать на владѣльца¹⁾. И если прибавить къ этому тотъ ужасный гнетъ, который крестьяне испытывали отъ своихъ помѣщиковъ, ихъ управителей, экономовъ, приказчиковъ и т. п. лицъ, то не трудно будетъ догадаться, какія именно чувства должны были таиться въ груди крестьянъ. И шляхта это хорошо понимала. Призракъ хлопскаго возстанія постоянно тревожилъ воображеніе ея, рисуя ей всѣ ужасы гайдамачины, уманьской рѣзни и колівщины...

Какимъ же образомъ между этими двумя сословіями могло состояться примиреніе, и было ли хотя малѣйшее основаніе надѣяться, чтобы они слились въ одно цѣлое, когда интересы ихъ были диаметрально противоположны другъ другу, и вѣковая вражда, какъ пропасть, разъединяла ихъ? Понимали ли это демократы, когда обращались къ «народу» съ извѣстнымъ воззваніемъ, или же громкія фразы прокламаціи прикрывали собою нѣчто другое,— неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ мы отмѣтимъ здѣсь слѣдующій фактъ. На общемъ собраніи польскихъ эмигрантовъ въ г. Руанѣ, 2 марта 1845 года, эмигрантъ Андржейковичъ высказалъ, что ему стоитъ только увѣрить крестьянъ въ возможности для нихъ свободы и для

¹⁾ И. Л. Горемыкинъ, Очеркъ исторіи крестьянъ въ Польшѣ, Спб., 1869 г. Также Сборникъ правит. расп. по Учредит. Комитету царства Польскаго, т. I. (1864 г.).

примѣра повѣсить перваго встрѣчнаго пана, какъ крестьяне тотчасъ же вырѣжутъ всю шляхту. Андржейковичъ видѣлъ въ этомъ единственное спасеніе Польши...

Не вдаваясь въ подробности подготовленія новаго мятежа, постараемся въ краткихъ чертахъ обрисовать главные моменты революціонной дѣятельности демократовъ и затѣмъ перейдемъ къ изложенію обстоятельствъ, явившихся результатомъ этого «возстанія» въ царствѣ Польскомъ, на сколько, конечно, позволяютъ имѣющіеся у насъ матеріалы.

Въ Парижѣ или, вѣрнѣе сказать, въ Версали былъ учрежденъ центральный демократическій комитетъ, которому были подчинены всѣ филиальныя отдѣленія его какъ за границею, такъ и въ польскихъ провинціяхъ. Возстающая Польша была раздѣлена въ географическомъ и административномъ отношеніяхъ на пять намѣстничествъ: 1) герцогство Познанское, 2) Галицію съ Краковомъ, 3) Русь (Малороссія), 4) Литву (Сѣверо-Западный край) и 5) Корону (собственно Польшу въ границахъ, присвоенныхъ ей Вѣнскимъ конгрессомъ). Множество агентовъ и эмиссаровъ было разослано въ эти провинціи съ самыми радужными надеждами и увѣреніями, а также для того, чтобы узнать, какой именно «духъ» существуетъ въ этихъ провинціяхъ.

По словамъ извѣстнаго дѣятеля польскаго возстанія 1831 года, а впоследствии убѣжденнаго русскаго патріота и православнаго архимандрита, о. Владимира Терлецкаго ¹⁾, вольный городъ Краковъ, задумавшій сдѣлаться центромъ возстановленія Польши, кишѣлъ эмигрантами, спеціально дѣйствовавшими на Галицію, царство Польское и губерніи Волынскую и Подольскую, и съ свойственнымъ полякамъ легкомысліемъ увлекавшимися несбыточными мечтами о возстановленіи Польши отъ Балтійскаго моря до Чернаго.

Въ Парижѣ и Брюсселѣ печаталась масса революціонныхъ воззваній и брошюръ, въ которыхъ преобладала одна и та же мысль, что Польша можетъ воскреснуть при помощи общихъ народныхъ силъ, печатались, для возбужденія патріотизма, портреты мучениковъ «за ойчизну»: Конарскаго, Завиши, Воловича и др., разныя патріотическія картины и молитвы объ освобожденіи Польши и Литвы изъ неволи, а также фабриковались разныя предметы въ родѣ часовъ, колець, табакерокъ, съ польскими и литовскими гербами, всевозможными эмблемами и надписями: «wolność», «rowność», «niepodległość», «wiążmy się», «l'union fait la force» и т. п. на разныхъ языкахъ.

Въ Бѣловѣжской пущѣ и другихъ мѣстахъ предполагалось формировать партизанскіе отряды, которые должны были соединиться съ галиційскими колоннами повстанцевъ. Собирались свѣдѣнія о

¹⁾ См. Записки о. Терлецкаго въ «Русской Старинѣ» за 1889 г.

родахъ оружія, дизлокаціи и численности нашихъ войскъ. Молодежь, подъ предлогомъ охоты и конскихъ скачекъ, съѣзжалась для приготовленія себя и лошадей къ кавалерійской службѣ. Повсюду собирались денежные складки и заготовлялось оружіе. Эмигранты, разсѣянные по всему свѣту, должны были собраться въ назначенный срокъ подъ знамена Мирославскаго и т. д. При этомъ, конечно, большія надежды возлагались на европейскія державы и главнымъ образомъ на Францію...

Въ концѣ 1843 года нетерпѣніе демократовъ, желавшихъ скорѣйшаго возстанія, дошло до крайности. Поляки не въ состояніи были уже сдерживать свои патріотическія чувства, которыя проявлялись у нихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ, на примѣръ, 29 января 1844 года въ Сѣдлецкомъ уѣздномъ управленіи былъ вечеръ, на которомъ молодые кавалеры и дамы были одѣты въ костюмы краковскихъ крестьянъ. Интересно, что въ числѣ этихъ кавалеровъ были и чиновники подляскаго губернскаго правленія. 20 фѣвраля того же года, въ м. Блашкахъ, Калишскаго уѣзда, былъ большой балъ, на который съѣхалось много помѣщиковъ, даже изъ княжества Познанскаго. И здѣсь многіе изъ гостей были одѣты въ крестьянское платье; одинъ шляхтичъ былъ въ «революціонномъ» мундирѣ, а другой, 70-ти-лѣтній старикъ, въ старо-польскомъ костюмѣ. На балу въ г. Шадкѣ въ такомъ же костюмѣ былъ 85-ти-лѣтній шляхтичъ. Въ томъ же февралѣ, въ г. Калишѣ, одинъ ксендзь сказалъ проповѣдь о необходимости защищать отечество, потому что «такое теперь наше положеніе». Другой ксендзь въ г. Вольбромѣ Олькушскаго уѣзда придумалъ выражать свой патріотизмъ такимъ образомъ: всякій разъ, какъ былъ высокаторжественный день, ксендзь, вмѣсто соотвѣтственной случаю церковной службы, старался совершать въ этотъ день какой нибудь обрядъ, который такъ или иначе придавалъ церкви траурный видъ, и т. п.

Наконецъ, въ 1844 году, распространился слухъ о томъ, что Галиція и княжество Познанское совершенно готовы къ возстанію. Нужно замѣтить, что австрійское и прусское правительства весьма снисходительно смотрѣли на революціонную дѣятельность у себя поляковъ, въ полной увѣренности, что она направлена исключительно на Россію.

О царствѣ же Польскомъ и Западномъ краѣ нельзя было сказать, что они готовы. Не говоря уже о бдительности властей, большинство поляковъ, на примѣръ, въ Литвѣ, не вѣрило въ успѣхъ возстанія. Что же касается крестьянъ, то они оставались равнодушными ко всѣмъ разглагольствованіямъ демократовъ, хотя мысль о возможности для нихъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, несомнѣнно, должна была пустить глубокіе корни въ ихъ умахъ и въ будущемъ дать свои результаты.

Центральный демократическій комитетъ, взвѣсивъ всѣ эти об-

стоятельства, рѣшилъ отсрочить возстаніе еще на нѣкоторое время. Но тутъ на сцену выступилъ ксендзъ Сцѣбгенный, съ своимъ девизомъ: «*Volenti nihil difficile!*».

Происходя изъ крестьянъ Кѣлецкой губерніи, ксендзъ Сцѣбгенный уже давно распространялъ среди нихъ демократическія идеи, а также вымышленную имъ самимъ папскую буллу (*List Papieža*), объявлявшую отпущеніе грѣховъ на 15 лѣтъ каждому, кто приметъ участіе въ освобожденіи отечества. Теперь же, подѣ влияніемъ слуховъ о готовности къ возстанію Галиціи и Познани, Сцѣбгенный, въ порывѣ энтузіазма, рѣшился на самостоятельныя дѣйствія, помимо центрального комитета.

Возстаніе должно было послѣдовать 15-го (27-го) октября 1844 года. Сцѣбгенный предполагалъ сказать въ этотъ день зажигательную проповѣдь въ Кѣлецкомъ костелѣ и, затѣмъ, предводительствуя воодушевленными слушателями, напасть на мѣстную гауптвахту, обезоружить караульныхъ, арестовать начальство и, наконецъ, учредить демократическое правленіе.

Въ такомъ же духѣ должны были дѣйствовать и другіе ксендзы Кѣлецкой губерніи. Затѣмъ мятежники должны были соединиться съ галиційскими повстанцами и уже совмѣстно съ ними продолжать начатое возстаніе. При этомъ имѣлось въ виду такъ устроить, чтобы въ Варшавѣ ничего не знали о возстаніи въ провинціи, а потомъ окружить ее и кончить дѣло переговорами. Заговоръ, однако же, былъ открытъ. При этомъ обнаружено было, что коморникъ, (судебный приставъ) гражданскаго трибунала Радомской губерніи Заржицкій распространялъ демократическія идеи среди горнозаводскихъ крестьянъ и проектировалъ истребленіе войскъ и занятіе крѣпостей въ тотъ же день, какъ и Сцѣбгенный, т. е. 15-го (27-го) октября 1844 года.

Интересно, что истребленіе войскъ и гарнизоновъ предполагалось посредствомъ отравленія пици и питья. Осеннее время года казалось наиболѣе удобнымъ для этого истребленія, такъ какъ новыя войска не успѣли бы скоро прибыть изъ Россіи, а между тѣмъ мятежники, рассчитывая захватить въ свои руки 500 орудій и до 50 тысячъ оружія, надѣялись въ двѣ недѣли сформировать изъ бывшихъ польскихъ солдатъ нѣсколько десятковъ тысячъ войска и т. п.

Тогда же было обнаружено, что въ Варшавѣ существуетъ заговоръ, къ которому принадлежало болѣе 3.000 человекъ, и что заговорщики предполагали взять цитадель, напасть на королевскій замокъ съ цѣлю умерщвленія намѣстника и вырѣзать все войско въ Варшавѣ.

Затѣмъ, въ началѣ 1845 года, въ Галиціи и у насъ въ пограничныхъ губерніяхъ начинаютъ появляться среди крестьянъ эмиссары, переодѣтые ксендзами, и дѣятельно возбуждаютъ крестьянъ къ возстанію.

Въ простомъ народѣ все болѣе и болѣе обнаруживается духъ своеволія и неповиновенія.

Въ ноябрѣ 1845 года австрійскія власти едва успѣваютъ предупредить въ Тарновскомъ округѣ (въ Галиціи) готовый было вспыхнуть крестьянскій бунтъ...

Наконецъ, все это раздражается ужасною катастрофой.

9-го (21-го) февраля 1846 года, должно было, по рѣшенію центрального демократическаго общества, послѣдовать всеобщее возстаніе во всѣхъ пяти «намѣстничествахъ». Это былъ послѣдній карнавальнй день, обыкновенно весело заканчивавшійся шумными балами. Въ этотъ разъ онъ долженъ былъ закончиться Варооломеевскою ночью.

Демократы были увѣрены, что одновременно съ Познанью, Краковомъ и Галиціею, возстанутъ также Богемія, Венгрія, Швейцарія, Италія, Пруссія, и что подъ шумъ и трескъ этого всеобщаго кавардака имъ удастся возстановить свое погибшее королевство. Но всѣ эти замыслы, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣли никакого успѣха. Въ княжествѣ Познанскомъ правительство напало на слѣдъ заговора и успѣло предупредить бунтъ, а въ Краковѣ бунтъ хотя и вспыхнулъ, но прибывшія войска разогнали бунтовщиковъ, бросившихся въ Галицію и встрѣтившихъ тамъ противъ себя всѣхъ поселянъ ¹⁾. Предусмотрительное австрійское правительство успѣло пустить слухъ среди крестьянъ, что шляхта сопротивляется надѣленію ихъ землею, и, понятно, крестьяне еще болѣе озлобились противъ своихъ господъ. Имѣются также свѣдѣнія, что мѣстныя власти прямо обратились къ галиційскимъ крестьянамъ за помощью, обѣщая имъ щедрую награду за cadaго убитаго или плѣннаго шляхтича ²⁾.

Трудно себѣ представить, что произошло тогда въ Галиціи, именно въ Тарновскомъ, Бохенскомъ, Ржешовскомъ и другихъ округахъ ея. Возстаніе шляхтичей было буквально потолено въ потокахъ ихъ собственной крови, въ пожарахъ и всевозможныхъ неистовствахъ разнузданнаго хлопства. Между прочимъ, въ числѣ погибшихъ былъ и графъ Рей, о которомъ мы упоминали выше. Одна изъ шаекъ, состоявшая изъ экономовъ, сельскихъ писарей, лѣсниковъ и тому подобнаго сброда, встрѣтивъ графа Рея, ѣхавшаго съ семействомъ, по всей вѣроятности, въ ближайшій городъ, чтобы укрыться тамъ отъ разсвирѣпѣвшихъ мужиковъ, потребовала, чтобы онъ принялъ на себя начальство надъ нею; когда же онъ отказался, то ему сначала отрубили палець, на которомъ былъ перстень, а затѣмъ послѣ разныхъ мученій изрубили всего въ куски...

¹⁾ Записка кн. И. О. Паскевича о польской смутѣ 1846 года, «Русская Старина», 1885 г., ноябрь.

²⁾ Нилъ Поповъ, «Вольный городъ Краковъ» (1815—1846), «Вѣстникъ Европы», 1875 г., июнь.

7-го (19-го) февраля, —говорить Шлоссеръ ¹⁾), —толпа вооруженныхъ крестьянъ вошла въ Тарновъ и привела съ собою длинный поѣздъ телегъ, нагруженныхъ плѣнными дворянами, и представила искаженные мученическою смертью трупы убитыхъ. Чиновники принуждены были принять и тѣхъ и другихъ ²⁾).

Что касается царства Польскаго, то здѣсь возстаніе выразилось въ нападеніи въ ночь съ 8-го на 9-ое февраля мелкихъ шаекъ на пять или шесть пограничныхъ таможенныхъ постовъ, а также на Иголомійскую и Михаловицкую таможи, при чемъ была захвачена часть оружія и нѣсколько лошадей, и затѣмъ въ ночь на 10-е февраля на городъ Сѣдлецъ. Здѣсь, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ и убивъ инвалида, стоявшаго на часахъ у гауптвахты, заговорщики принуждены были разбѣжаться, а черезъ нѣсколько дней всѣ были перехвачены и представлены куда слѣдуетъ тѣми самыми крестьянами, которыхъ такъ старались вовлечь въ заговоръ ³⁾).

Результатомъ всего этого было объявленіе царства Польскаго на военномъ положеніи, равно какъ и губерній Волынской, Подольской, Виленской, Ковенской и Гродненской, съ подчиненіемъ ихъ главнокомандующему дѣйствующею арміею и намѣстнику въ царствѣ Польскомъ, князю И. Ѡ. Паскевичу. Краковъ былъ занятъ союзными войсками, а въ Варшавѣ всѣ пушки Александровской цитадели были повернуты на городъ съ угрозою, что, при первомъ выстрѣлѣ на улицахъ, Варшава перестанетъ существовать...

II.

Галиційская рѣзня, явившаяся ужаснымъ эпилогомъ грустной фанфаронады бѣдныхъ мечтателей, не замедлила оказать свое дѣйствіе и у насъ, прежде всего, конечно, въ пограничныхъ съ Га-

¹⁾ «Всемирная исторія», т. VII, стр. 343.

²⁾ По вѣроятнѣйшимъ исчисленіямъ, результатомъ галиційской рѣзни было до 10.000 жертвъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ; изъ этого числа болѣе 4.000 относится къ одному Тарновскому округу (д-ръ Лоренцъ, «Исторія новѣйшаго времени», Спб., 1871).

³⁾ Нападеніе на городъ Сѣдлецъ подробно описано Н. В. Бергомъ въ его «Запискахъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ» (Москва, 1873).

Въ прокламаціи, найденной 10-го февраля 1846 года въ Сѣдлецѣ, говорится, между прочимъ, слѣдующее: «революціонное правленіе, приглашая жителей къ вооруженному возстанію, ручается имъ за свободу, равенство правъ и участіе въ дѣлахъ государственныхъ и жалуется всѣмъ поселянамъ земли, нынѣ въ ихъ владѣніи находящаяся, въ потомственное владѣніе, безъ всякаго вознагражденія помѣщикамъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы явились на общую защиту народной свободы», и т. д.

лицією мѣстностяхъ. Польскому крестьянину, озлобленному противъ шляхетскаго сословія, представлялся благопріятный моментъ отомстить за то вѣковое угнетеніе, въ которомъ его держали польскіе паны, и вмѣстѣ съ тѣмъ добыть себѣ болѣе или менѣе независимое положеніе.

Каждый слухъ, шедшій съ «того берега», подхватывался, что называется, на лету, обсуждался и комментировался крестьянами съ разныхъ сторонъ, причемъ главнымъ мѣстомъ обмѣна новостей и принятія тѣхъ или иныхъ резолюцій была, конечно, корчма.

Извѣстно, что корчма—это своего рода клубъ для простаго народа. По выраженію Крашевскаго (въ повѣсти «Ульяна») — это «мѣсто сходки, совѣта, веселья». «Корчма — это сердце деревни, какъ церковь—ея голова, а господскій дворъ—ея желудокъ». «Нѣтъ такой деревни, — говоритъ польскій писатель, — гдѣ бы не было корчмы. Еще можно обойтись безъ господскаго дома, кое-гдѣ безъ церкви, но гдѣ же найдется деревня безъ корчмы? Была бы эта тварь безъ сердца!»...

И какого только народа не поребывало въ описываемое время въ корчмахъ: «венгерцы» съ товарами, итальянцы съ гипсовыми фигурами, шарманщики, нищіе, «друцяжи» съ мышеловками. Не мало проскользнуло между ними и эмиссаровъ. А тамъ появились такъ называемые флисы, или флисаки (плотовщики), обыкновенно приплывавшіе къ намъ по Вислѣ съ солью и другими продуктами. Эти стали хвастать, что «теперь жены ихъ носятъ золотыя кольца», что «евреи давали имъ за жемчугъ по тысячѣ и по двѣ злотыхъ», и что «для пріобрѣтенія этихъ драгоценностей они не только убивали самихъ помѣщиковъ, но и разрывали дѣтей ихъ на куски»...

— Перерѣзавъ пановъ, мы теперь сами паны, — съ гордостью говорили гости, стараясь при этомъ склонить своихъ слушателей послѣдовать примѣру ихъ.

За флисами появились горали (крестьяне изъ окрестностей Карпатовъ). Они обыкновенно приходятъ сюда съ наступленіемъ сѣнокоса, для заработковъ. Раздѣлившись на партіи, человекъ по 30 и болѣе, горали, вооруженные косами, странствовали по краю, ища работы и также, какъ флисы, рассказывали повсюду о происходившихъ въ Галиціи событіяхъ.

Можно себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ выслушивали всѣ эти рассказы разные халупники, коморники, копяржи, загородники. И дѣйствительно вскорѣ и въ царствѣ Польскомъ заговорило крестьянство: «нашъ де императоръ хочетъ, по примѣру австрійскаго, позволить крестьянамъ перерѣзать помѣщиковъ», или что «теперь крестьянамъ дозволяется каждого помѣщика ловить въ петлю и доставлять правительству», и что «въ награду за это крестьяне получаютъ помѣщичьи земли»... Потомъ откуда-то взылись слухи о близкомъ нашествіи французовъ и неизбѣжной рѣзвѣ ими

нѣмцевъ, а также о томъ, что «Варшаву имѣють (?) разобрать на три части», или что къ 1-му мая вся шляхта, находившаяся въ царствѣ Польскомъ, будетъ «взята» въ Варшаву, гдѣ ей «дадутъ балъ (?)», и т. п.

Въ концѣ апрѣля 1846 года, въ Галиціи появляется какой-то мужикъ, по имени Шелина, объявляющій себя «королемъ» крестьянскимъ, а также множество эмисаровъ, переодѣтыхъ въ мужицкое платье. Дѣйствуя главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Галиціи, гдѣ не было бунта, эмисары стараются возмутить народъ увѣреніями, что жители Тарновскаго, Бохенскаго, Ржешовскаго и другихъ округовъ, въ которыхъ происходила рѣзня пановъ, освобождены правительствомъ отъ всѣхъ податей и, сверхъ того, бесплатно получаютъ отъ казны соль. Рядомъ съ этимъ распространяется слухъ, что папа освободилъ отъ грѣховъ всѣхъ крестьянъ, востающихъ противъ своихъ помѣщиковъ.

Помѣщики въ ужасѣ бросаютъ свои помѣстья или сдаютъ ихъ въ аренду жидамъ на какихъ угодно условіяхъ. Но скоро и жида отказываются брать помѣщичьи имѣнія. Начинаются поджоги, грабежи, истребленіе лѣсовъ и озимыхъ всходовъ на помѣщичьихъ поляхъ и т. п. Графъ Тарновскій, проживавшій въ двухъ миляхъ отъ города Сандомира, въ деревнѣ Дзиковѣ, укрѣпляется въ своемъ замкѣ, избѣгшемъ нападенія крестьянъ въ прошлый разъ. Не увѣренный, однако же, въ безопасности и тревожимый ужасными слухами о новой гайдамачинѣ, графъ собирается бѣжать на лѣвый берегъ Вислы, куда также бѣгутъ и другіе помѣщики.

Помѣщичьи имѣнія совершенно падаютъ въ цѣнѣ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили беспорядки. Тѣмъ временемъ изъ Германіи, особенно изъ Пруссіи, начинаютъ наѣзжать покупщики на имѣнія и первымъ дѣломъ требуютъ отъ правительства командированія военныхъ командъ въ покупаемыя ими имѣнія, для обезпеченія новыхъ владѣльцевъ...

Въ нашихъ пограничныхъ лѣсахъ происходятъ тайныя собранія крестьянъ, подъ руководствомъ какихъ-то таинственныхъ незнакомцевъ, внезапно появляющихся изъ прусскихъ и галиційскихъ лѣсовъ и также внезапно или, лучше сказать, во-время исчезающихъ. Неповиновеніе помѣщикамъ, отказъ отъ отбыванія «панцизны» и исполненія разныхъ повинностей дѣлаются почти повсемѣстнымъ явленіемъ.

Тяжелое положеніе крестьянъ царства Польскаго на владѣльческихъ земляхъ не ускользнуло отъ вниманія нашего правительства, и первымъ законодательнымъ актомъ, положившимъ основаніе улучшенію быта этихъ крестьянъ и ограниченію произвола помѣщиковъ, былъ высочайшій указъ 26-го мая (7-го іюня) 1846 года ¹⁾.

¹⁾ «Дневникъ законовъ царства Польскаго», т. 38.

Этимъ указомъ было установлено, что всѣ крестьяне, пользующіеся участками земли не менѣе трехъ морговъ, должны впредь пользоваться ими, подѣ условіемъ исполненія разѣ навсегда установленной повинности, и затѣмъ владѣльцы не имѣютъ права по своему произволу удалять ихъ изъ своихъ имѣній или отнимать и уменьшать предоставленнаго каждому поселянину участка и угодія, ни увеличивать установленныхъ повинностей. Напротивъ того, крестьяне могутъ оставлять свои усадьбы, предваривъ о томъ владѣльца заблаговременно. На оставленные же крестьянами участки владѣльцы обязаны не позже двухъ лѣтъ прискаты и водворить другихъ поселенцевъ, отнюдь не присоединяя этихъ участковъ и усадебъ къ собственнымъ господскимъ землямъ. Кромѣ того, указъ предписалъ совѣту управленія въ царствѣ Польскомъ уничтожить съ 20-го декабря 1846 года всѣ поборы и произвольно наложенныя повинности, извѣстныя подѣ названіемъ даремщинъ и принудительныхъ наймовъ, которые, по разсмотрѣніи, окажутся не имѣющими законнаго основанія. Затѣмъ, для разбирательства и разрѣшенія взаимныхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами, повелѣно было издать соотвѣтственныя правила, взаимнѣ существовавшихъ «процессныхъ формъ», признанныхъ отяготительными для крестьянъ. Вообще указъ поручалъ интересы крестьянъ «неусыпному наблюденію административной власти».

Слухъ объ изданіи закона въ пользу крестьянъ успѣлъ проникнуть въ народъ еще до обнародованія его оффиціальнымъ путемъ и породилъ массу недоразумѣній. У крестьянъ явилось твердое убѣжденіе, что отъ шляхты отберутъ всѣ имѣнія и раздѣлятъ ихъ между ними, а помѣщикамъ оставятъ только по двѣ уволоки земли, которую тѣ и должны будутъ обрабатывать сами, такъ какъ имъ не дозволено будетъ даже слугъ имѣть. Когда же правительственная коммиссія внутреннихъ дѣлъ приступила къ обнародованію высочайшей воли, то со стороны крестьянъ послѣдовало всеобщее разочарованіе. Крестьяне утверждали, что новый законъ не объемлетъ всѣхъ всемилостивѣйше дарованныхъ имъ льготъ и милостей, что они кругомъ обмануты и т. п., и что работать они болѣе не будутъ. По ночамъ крестьяне сходились по лѣсамъ и другимъ укромнымъ мѣстамъ на тайныя совѣщанія, собирали денежные складки и затѣмъ посылали въ Варшаву уполномоченныхъ отъ себя лицъ, которымъ поручали хожденіе по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и собираніе справокъ о положеніи своего дѣла. Между прочимъ, крестьяне Замойскаго уѣзда собирали складку на уплату за издаваемое въ м. Щебрешинахъ какимъ-то мѣщаниномъ постановленіе объ улучшеніи быта крестьянъ. По разслѣдованію оказалось, что это была просто афера, такъ какъ мѣщанинъ въ компаніи съ другими двумя продавалъ крестьянамъ по 12—20 злотыхъ копіи съ высочайшаго указа 26-го мая, увѣряя, что подлин-

ный указъ получилъ изъ Петербурга прямо отъ самого государя, и что по силѣ этого указа крестьянамъ не слѣдуетъ отработывать никакихъ повинностей ¹⁾. Въ Липновскомъ же уѣздѣ мѣстный житель Юзефъ Славинскій уговаривалъ крестьянъ не отработывать барщины, потому что въ противномъ случаѣ всѣ они будутъ наказаны правительствомъ, и при этомъ увѣрялъ, что ему это достоверно извѣстно «отъ такого же мудраго челоуѣка, какъ и чиновники» ²⁾. Въ то же время крестьяне и сами отъ себя и чрезъ уполномоченныхъ осаждали намѣстника прошеніями, въ которыхъ жаловались на претерпѣваемые ими притѣсненія отъ своихъ владѣльцевъ и на потворство, оказываемое послѣднимъ мѣстными властями. Дѣйствительно, помѣщики, во избѣжаніе исполненія высочайшаго указа 26-го мая, всѣми способами старались заключать съ крестьянами «добровольныя» якобы условія, которыми возлагали на нихъ тѣ же самыя повинности, которыя крестьяне несли до восполнѣдованія указа 26-го мая, или же въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ, отнимали у крестьянъ земли и луга, запрещали имъ пользоваться угодьями и т. п. Помѣщики тѣмъ болѣе имѣли возможность притѣснять крестьянъ, что указъ 26-го мая распространялся только на тѣхъ крестьянъ, которые во время восполнѣдованія его отбывали барщину натурою; всѣ же очиншеванные до изданія этого указа крестьяне, то-есть откупившіеся отъ личныхъ работъ (денежный оброкъ), остались въ прежнемъ положеніи, и въ облегченіе ихъ ничего не было сдѣлано.

На основаніи Наполеоновскаго кодекса помѣщики могли заключать съ своими крестьянами формальныя договоры, безъ всякаго на то согласія со стороны крестьянъ и даже безъ вѣдома ихъ. Отъ крестьянъ не требовалось, чтобы они прикладывали руки къ договорамъ или же поручали росписываться за себя людямъ, которымъ довѣряли. Помѣщику достаточно было приказать двумъ изъ своихъ официалистовъ ³⁾ росписаться на договорѣ въ качествѣ полноправныхъ свидѣтелей и затѣмъ приказать заступающему его мѣсто по званію гминнаго войта утвердить такой приговоръ, съ приложеніемъ казенной печати, или же попросить о томъ нотариуса ⁴⁾. Уничтожить такой контрактъ можно было только судебнымъ порядкомъ. Но развѣ крестьянинъ могъ воспользоваться судомъ для защиты и восстановленія своихъ правъ? Въ судахъ сидѣла та же самая шляхта, только вооруженная разными кодексами, знаніемъ которыхъ и пользовалась для отстаиванія интере-

¹⁾ Донесеніе начальника III округа корпуса жандармовъ графа Нессельроде намѣстнику въ царствѣ Польскомъ отъ 29-го іюня 1847 г. за № 2363.

²⁾ Донесеніе его же намѣстнику отъ 6-го іюля 1847 г. за № 2463.

³⁾ Слуги вышшаго разряда: управляющіе, экононы, камердинеры и др.

⁴⁾ Сборникъ правительственныхъ распоряженій по Учредительному комитету въ царствѣ Польскомъ, т. I (1864 г.), Варшава, 1867 г.

совъ своего же брата-шляхтича, но никакъ не хлопа. Для перваго пускались въ ходъ и изощрялись всѣ *arises juris*, для втораго же... Но это былъ совсѣмъ не интересный субъектъ... А онъ, этотъ бѣдный хлопьъ, зная, что во всякое время можетъ быть удаленъ изъ своей усадьбы, и стараясь поэтому удержать ее за собою и предупредить заселеніе ея заграничными колонистами (нѣмцами), принималъ на себя всевозможныя обязательства. Какъ примѣръ, можно привести здѣсь очиншеваніе Ренчайскаго имѣнія, принадлежавшаго графу Замойскому. Разслѣдованіемъ, произведеннымъ по жалобѣ крестьянъ, поданной намѣстнику, оказалось, что, кромѣ платежа денежнаго оброка по 90 коп. сер. съ морга земли вообще, не исключая и занятой подъ строенія, а также пустошей, крестьяне приняли на себя еще цѣлый рядъ отяготительныхъ для нихъ условій. Такъ, помѣщикъ оставилъ за собою между крестьянскими землями негодные выселки, заросшіе кустарниками, и за всякое поврежденіе этихъ зарослей, котораго, по расположенію земель, избѣжать было трудно, возложилъ отвѣтственность на крестьянъ. Крестьяне же, обязавшись другъ за друга круговою порукою, подчинили себя экзекуціи самого владѣльца, съ предоставленіемъ ему права наказанія ихъ, по его усмотрѣнію. Затѣмъ, изъ отданныхъ крестьянамъ земель помѣщикъ отдѣлилъ 6 морговъ для содержателя корчмы и для кузнеца, а уплату чинша за эти 6 морговъ возложилъ на крестьянъ. И въ такомъ родѣ цѣлый рядъ условій, «добровольно» принятыхъ на себя крестьянами. Крестьяне даже не оговорили для себя какой либо помощи со стороны владѣльца въ несчастныхъ случаяхъ, напримѣръ, при неурожаѣ, падежѣ скота и т. п.¹⁾

Безучастность помѣщиковъ къ нуждамъ своихъ крестьянъ была тѣмъ болѣе прискорбна, что въ описываемое время крестьяне уже второй годъ испытывали большой недостатокъ вслѣдствіе неурожаевъ, особенно въ Радомской, Плоцкой и Варшавской губерніяхъ²⁾. О размѣрахъ бѣдствія можно судить уже потому, что въ Радомской губерніи, напримѣръ, дано было въ 1847 году пособіе на посѣвъ въ казенныхъ и подуховныхъ имѣніяхъ болѣе чѣмъ 15 тысячъ хозяевамъ; въ частныхъ же имѣніяхъ болѣе чѣмъ у 35 тысячъ хозяевъ поля остались незасѣянными, и затѣмъ около 100 тысячъ лишено было средствъ къ пропитанію до новаго урожая³⁾. Люди

¹⁾ Докладная записка намѣстнику главнаго директора правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ, сенатора Стороженка, отъ 28-го октября 1847 г., «о положеніи поселянъ въ частныхъ имѣніяхъ, очиншеванныхъ въ прежнее время».

²⁾ Отношеніе намѣстника къ завѣдующему гражданскою частью въ царствѣ Польскомъ кн. Горчакову отъ 12 (24) февраля 1848 г. за № 31.

³⁾ Журналъ совѣта управленія въ царствѣ Польскомъ отъ 7 (19) мая 1847 г. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что государь императоръ при чтеніи постановленія совѣта управленія о мѣрахъ, принятыхъ къ обезпеченію продовольствія жителей

болѣли и умирали отъ голода¹⁾. «Чрезвычайная нужда», по выраженію кн. Паскевича, была причиною «чрезвычайной смертности»²⁾. Въ Стопницкомъ уѣздѣ, Радомской губерніи, въ дер. Волицы былъ найденъ мертвый человѣкъ, у котораго въ желудкѣ оказалась, по вскрытіи, глина, смѣшанная съ пескомъ³⁾. Въ гминахъ Ганчѣ и Шидловѣ того же уѣзда были случаи, что крестьяне откапывали изъ земли палый скотъ и ѣли мясо его⁴⁾. Корець (3 пуд.) ржи стоилъ 40 золотыхъ (6 р. с.), корецъ пшеницы—50 золотыхъ (7 р. 50 к. с.), ячменя—36 золотыхъ (5 р. 40 к. с.), гороху—40 золотыхъ (6 р. с.), картофеля—11 золотыхъ (1 р. 65 к. с.)⁵⁾. Въ осадѣ Яблонкѣ, гмины Тыборы-Тржцянка, Ломжинскаго уѣзда показывается холера⁶⁾, въ гминѣ Щавино, Остроленскаго уѣзда, Плоцкой губерніи — тифозная горячка («Tyfus cerebralis» и «Tyfus abdominalis»)⁷⁾; въ Велюнскомъ уѣздѣ (Калишск. губ.), Мѣховскомъ (Кѣлецкой) и Пултусскомъ (Ломжинской)—изнурительный кровавый поносъ. Послѣдній явился результатомъ нездоровой пищи, приготовлявшейся изъ травы, ягодъ и разной зелени⁸⁾. Единственно полезный суррогатъ хлѣба, картофель, гибнетъ вслѣдствіе какой-то неизвѣстной болѣзни, обнаруживавшейся преимущественно въ низменныхъ мѣстахъ. Листья картофеля, начинали чернѣть, стволъ становился вялымъ, болѣзнь проникала во внутрь плода и дѣлала его совершенно негоднымъ къ употребленію⁹⁾. Скотъ также болѣлъ и падалъ. Въ Велюнскомъ

Радомской губерніи, наиболѣе нуждающихся въ пропитаніи (раздача денежныхъ пособій, питательные пункты) и обмеженія полей, а также въ доставленіи бѣдному классу заработковъ (постройка шоссе, осушеніе болотъ, возведеніе валовъ по берегамъ Вислы и др.), извоились собственноручно начертать: «сообразить, нѣтъ ли возможности устроить въ царствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, на положеніи учрежденныхъ въ Россіи» (Журналъ совѣта управленія отъ 8 (20) іюня 1847 г.).

¹⁾ Канцелярія намѣстника статсъ-секретарю при совѣтѣ управл. О. О. Лебрену 24 февраля (8 марта) 1847 г. за № 1380.

²⁾ Намѣстникъ главному директору внутр. дѣлъ 18 (30) октября 1847 г. за № 6339.

³⁾ Донесеніе военн. нач. Радомской губ. кн. Паскевичу отъ 12 (24) апрѣля 1847 г. за № 3692.

⁴⁾ Донесеніе нач. стопницкой жанд. команды начальнику III отдѣла III окр. корп. жанд. отъ 10 іюня 1847 г. за № 285.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Донесеніе помощника военн. нач. Августовской губ. кн. Паскевичу отъ 28 іюня (10 іюля) 1847 г. за № 3535.

⁷⁾ Сообщенія военн. нач. Плоцкой губ. въ канцелярію намѣстника отъ 11 (23) и 18 (30) сентября 1847 г. за №№ 6499 и 6680.

⁸⁾ Рапортъ велюнскаго уѣзд. нач. въ канцелярію намѣстника отъ 12 (24) августа 1847 г. за № 16600.

⁹⁾ Донесенія нач. III окр. корп. жанд. гр. Нессельроде кн. Паскевичу отъ 16 сентября 1846 г. за № 4004, 26 іюля и 14 августа 1847 г. за №№ 2731 и 2936 и отъ 18 іюля 1848 г. за № 3023.

уѣздѣ появляется чума ¹⁾, а въ Ломжинскомъ и Калишскомъ—сибирская язва ²⁾...

Казалось бы, всѣ эти бѣдствія должны были сблизить помѣщиковъ съ своими крестьянами и смягчить взаимныя отношенія ихъ, но все оставалось попрежнему. Попрежнему помѣщики угнетали своихъ крестьянъ, сгоняли ихъ съ земель и проч., и всегда оставались правы, благодаря своимъ отношеніямъ къ «подлежащимъ» властямъ ³⁾. Напримѣръ: арендаторъ имѣнія Кошовская воля, Радомской губерніи, Аркушевскій, совершенно безбоязненно раздѣляетъ «насиленнымъ образомъ» между своими крестьянами мясо павшихъ у него во дворѣ воловъ, взямая за него по 3 коп. сер. за фунтъ. Бѣдные крестьяне, хотя въ началѣ и отказывавшіеся брать такое мясо, съ голоду наѣдаются его и, разумѣется, заболѣваютъ ⁴⁾. Крестьянинъ им. Скульска, Конинскаго уѣзда, Кржавинскій бросается въ озеро, чтобы избѣгнуть наказанія розгами. Еле живого его вытаскиваютъ изъ воды и приносятъ домой. Помѣщикъ Жехлинскій, однако же, не унимается: забираетъ у несчастнаго послѣднюю корову, нанося при этомъ женѣ его сильные побои. Въ отчаяніи крестьянинъ кое-какъ сползаетъ съ постели, добирается до чердака и тамъ вѣшается. Когда же вдова его, обезумѣвъ отъ горя, отправляется жаловаться на помѣщика, послѣдній «угрозами и насиліемъ» заставляетъ ее показывать, что мужъ ея лишилъ себя жизни въ состояніи помѣшательства ⁵⁾. Другой помѣщикъ, Грубешовскаго уѣзда, Добржелецкій, наноситъ своему крестьянину такіе удары палкою, что тотъ черезъ нѣсколько дней умираетъ, успѣвъ,

¹⁾ Донесеніе военн. нач. Калишской губ. управляющему гражд. частью въ царствѣ Польскомъ кн. Горчакову отъ 6 (18) сентября 1847 г. за № 7729.

²⁾ Нач. III окр. корп. жанд. гр. Нессельроде кн. Паскевичу отъ 8 ноября 1847 г. за № 4039.

³⁾ Интересную аттестацію тогдашняго низшаго, а, пожалуй, и средняго чиновничества находимъ въ «Трудахъ этнографической экспедиціи въ Юго-Западный край (материалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинскимъ, т. VII, стр. 225—230)». Собственно говоря, эта аттестація сдѣлана для чиновниковъ Западнаго края; но съ полною основательностью можетъ быть примѣнима и къ чиновничеству царства Польскаго. Чиновникъ для особыхъ порученій при министрѣ внутр. дѣлъ г. Воронинъ пишетъ: «чиновничья орда, имѣвшая непосредственное отношеніе къ народу, набиралась изъ послѣднихъ осадковъ нашей бюрократіи и бѣдной необразованной шляхты. Всякая жалоба крестьянъ на несправедливость и жестокость обращенія признавалась ослушностью, неповиновеніемъ и бунтомъ и влекла за собою еще большее угнетеніе. Полицейскіе, да и другіе чиновники, являвшіеся для разбора жалобъ крестьянъ на своихъ пановъ, всегда были на сторонѣ послѣднихъ, и потому народъ привыкъ считать ихъ подкупленными слугами пановъ, какими они въ дѣйствительности и бывали»...

⁴⁾ Донесеніе нач. III окр. корп. жанд. гр. Нессельроде кн. Паскевичу отъ 27 января 1846 г. за № 355.

⁵⁾ Нач. III окр. корп. жанд. гр. Нессельроде кн. Паскевичу отъ 24 мая 1846 г. за № 2354.

впрочемъ, заявить свою жалобу уѣздному начальнику. Но послѣдній оставляетъ ее безъ всякихъ послѣдствій¹⁾. Помѣщикъ Бяльскаго уѣзда, Венжикъ, подозрѣвая своего крестьянина въ воровствѣ ягненка, наказываетъ его плетми съ завязанными на концахъ узлами до того жестоко, что разсѣкаетъ несчастному тѣло до костей. Возбужденное по этому поводу дѣло прекращается на томъ же основаніи, что «обиженный» крестьянинъ призналъ наказаніе справедливымъ, удовлетворенія не требуетъ и вообще отказывается отъ всякихъ претензій къ помѣщику²⁾. И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Немудрено, что рассказы о томъ, какъ въ Галиціи крестьяне избавились отъ своихъ «притѣснителей», находятъ въ крестьянахъ царства Польскаго и западныхъ губерній самыхъ усердныхъ распространителей, открыто высказывавшихъ, что «убить одного шляхтича значить осчастливить сто мужиковъ»...

Въ сел. Кашперовкѣ, Таращанскаго уѣзда, Киевской губерніи, крестьяне говорятъ, что 13-го іюня 1847 г., во время ярмарки, въ м. Татіевѣ «будутъ выбирать куколь изъ пшеницы», т. е. «рѣзать пановъ и ляховъ», о чемъ будто бы имѣется уже «два указа»³⁾. Въ Липовецкомъ, Уманьскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ крестьяне собираются истребить не только всѣхъ поляковъ, но и жидовъ. Въ Бердичевскомъ уѣздѣ пономарь Дзюнковской церкви, Гвяздовскій, повторяя народныя толки, утверждаетъ, что «рѣзня» непременно послѣдуетъ въ самомъ скоромъ времени. Тамъ же у крестьянина Ѳедюка оказывается статья изъ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1846 годъ (№ 13): «О наѣздахъ гайдамаковъ», которую крестьяне перетолковываютъ по своему, совершенно въ превратномъ смыслѣ⁴⁾. И такъ далѣе...

Иліодоръ Попруженко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

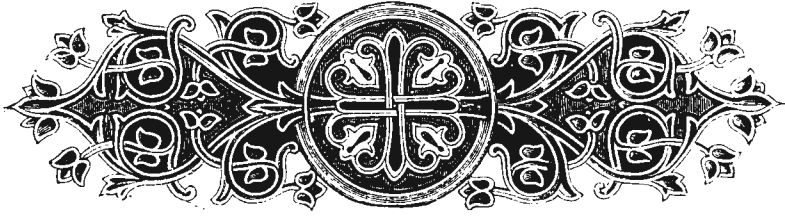
¹⁾ То же отъ 31 августа 1846 г. за № 3246.

²⁾ Главный директоръ правит. комиссіи внутр. дѣлъ директору канцеляріи намѣстника отъ 9 (21) ноября 1847 г. за № 38229—21263.

³⁾ Рапортъ кіевского генераль-губернатора, ген.-адъют. Бибикова кн. Паскевичу отъ 19-го іюля 1847 г. за № 122.

⁴⁾ То же отъ 2-го августа 1847 г. за № 6405.

По этому предмету имѣются интересныя разъясненія въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1885 г. (сентябрь), въ статьѣ г. Петрова: «Общественно-политическія броженія въ Киевской губ. въ 1846 и 1847 годахъ».

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1860—1864 ГОДОВЪ¹⁾.

IV.

Сероцкій отрядъ въ 1863—1864 годахъ.

ВЪ НАЧАЛѢ 1863 года, какъ извѣстно, вспыхнуло польское возстаніе. Невидимый и никому неизвѣстный «центральный» революціонный комитетъ избралъ предлогомъ къ возстанію объявленный въ царствѣ Польскомъ рекрутскій наборъ и издалъ прокламацію, призывающую поляковъ къ оружію. На призывъ этотъ прежде всѣхъ откликнулись, подлежавшіе принятію въ рекруты, молодые люди изъ мѣщанъ города Варшавы и стали выходить оттуда, направляемые неизвѣстною рукою въ различные, по всей вѣроятности, заблаговременно намѣченные «центральнымъ комитетомъ», пункты. Такіе молодые люди, въ составѣ небольшихъ группъ изъ 5—6 человекъ, проходили и черезъ крѣпость Новогеоргіевскъ, направляясь черезъ м. Закрочимъ въ предѣлы Плоцкой губерніи, а на вопросы: куда и зачѣмъ они идутъ, отдѣльвались обыкновенно уклончивыми отвѣтами, въ родѣ: «мы сами ничего не знаемъ, насъ послали», и т. п. Выходившихъ изъ Варшавы молодыхъ людей власти не задерживали ни на заставахъ, ни въ городахъ и мѣстечкахъ, черезъ которыя они проходили, и всѣ были того убѣжденія, что эта эмиграція молодежи изъ Варшавы происходитъ свѣдома

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 478.

правительства, по плану, составленному будто бы Велепольскимъ, съ цѣлю очистить Варшаву отъ безпокойнаго элемента населенія, съ которымъ въ провинціи не трудно будетъ справиться. Принялъ ли графъ Велепольскій при составленіи этой мудреной комбинаціи во вниманіе то обстоятельство, что «безпокойный» элементъ варшавскаго населенія, разлившись волною по всему краю, неизбѣжно занесетъ съ собою туда и революціонную пропаганду,—на этотъ вопросъ, конечно, никто, кромѣ самого графа, не могъ дать никакого отвѣта...

Между тѣмъ, событія того времени слѣдовали съ необыкновенной быстротой одно за другимъ, и едва прошло нѣсколько дней со времени начала движенія изъ Варшавы молодыхъ людей, какъ въ крѣпости разнеслись слухи о формированіи въ лѣсахъ Плоцкой губерніи вооруженныхъ шаекъ; а вслѣдъ затѣмъ получено было извѣстіе объ убіеніи повстанцами командира Муромскаго полка (квартировавшаго въ г. Плоцкѣ), полковника Козлянинова, отправившагося съ небольшою командой солдатъ для рекогносцировки лѣса.

Нѣсколько дней спустя, въ крѣпостной госпиталь прибылъ изъ м. Плонска транспортъ раненныхъ солдатъ Муромскаго полка и повстанцевъ, и оффиціально стало извѣстно о ночномъ нападеніи послѣднихъ на роту этого полка, квартировавшую въ м. Плонскѣ, отбитомъ съ большимъ урономъ для повстанцевъ, причѣмъ захваченъ былъ и ихъ предводитель, нѣкто Пострихъ, привезенный въ крѣпость и тамъ же послѣ суда надъ нимъ и разстрѣлянный. Втеченіе января и февреля мѣсяцевъ въ крѣпость ежедневно приводили взятыхъ въ плѣнъ повстанцевъ и задержанныхъ рекрутовъ. Вскорѣ въ крѣпости набралось ихъ такое множество, что всѣ свободныя зданія, въ томъ числѣ и арсенальное строеніе (никогда до того времени не бывшее обитаемымъ), были ими биткомъ набиты. Рекруты долго въ крѣпости не задерживались: ихъ наскоро одѣвали и отсылали въ Варшаву для отправленія на службу во внутреннія губерніи Россіи.

Уже съ самаго начала возстанія можно было предвидѣть, что полкъ нашъ, застигнутый возстаніемъ въ крѣпости, въ случаѣ оставленія его тамъ на дальнѣйшее квартированіе, не будетъ имѣть возможности принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ повстанцевъ, а что послѣдніе будутъ держаться подалеже отъ крѣпостей и вообще отъ такихъ мѣстъ, гдѣ были сосредоточены значительныя военныя силы,—это было болѣе чѣмъ вѣроятно. И дѣйствительно, простоявъ въ Новогеоргиевскѣ самый разгаръ возстанія, Низовскій полкъ выведенъ былъ изъ крѣпости въ г. Плоцкъ къ концу его, и за все время возстанія только одна рота полка, а именно 12-я, попавъ случайно въ отрядъ командира донскаго казачьяго полка, участвовала въ пораженіи соединенныхъ бандъ Тромбчинскаго и Кольбе, близъ мѣстечка Рожаны. Въ этомъ дѣлѣ командиръ казачьяго полка, полковникъ Валуевъ, былъ тяжело раненъ въ голову. Онъ

былъ единственнымъ штабъ-офицеромъ, получившимъ за отличіе въ дѣлѣ съ повстанцами георгіевскій крестъ. Полковникъ Валуевъ принадлежалъ къ типу тѣхъ, въ настоящее время сдѣлавшихся уже достояніемъ исторіи, старыхъ казаковъ, которые обязаны были всей своей служебной карьерой «острію казачьей пашки».

Это былъ «рубака», французскій «sabreur», прошедшій всю свою молодость на Кавказѣ, гдѣ онъ и изощрился «въ рубкѣ» на головахъ и спинахъ кавказскихъ горцевъ.

Подвигаясь, однако, медленно на поприщѣ боевой службы, онъ едва на 60 году жизни дослужился до чина полковника.

Польское возстаніе 1863—1864 гг. застало Валуева командиромъ Донскаго казачьяго полка, квартировавшаго въ городѣ Плоцкѣ.

Какъ человекъ, Валуевъ, не смотря на несимпатичныя его манеры, грубость въ обращеніи и недостатокъ образованія, отличался сердечной добротой и прямодушіемъ, вслѣдствіе чего и пользовался любовью не только своихъ подчиненныхъ, но и всѣхъ знавшихъ его близко.

Разгромленіе подъ Рожанами въ іюнѣ мѣсяцѣ 1864 г. соединенныхъ повстанскихъ бандъ Тромбчинскаго и Кольбе, доходившихъ числомъ до 5.000 человекъ, исполнено было Валуевымъ «мастерски» и при томъ съ нѣкоторой, какъ тогда говорили, «казачьей хитростью», и хотя Валуевъ поплатился въ этомъ дѣлѣ весьма серьезной раной въ голову, но зато получилъ и высокую (единственную при усмиреніи мятежа) награду: георгіевскій крестъ.

По составленному въ Плоцкомъ военномъ отдѣлѣ предположенію, имѣлось въ виду уничтожить собравшихся въ Млавскихъ лѣсахъ повстанцевъ соединенными силами трехъ отрядовъ, высланныхъ одновременно изъ Пултуска, Остроленки и Плонска. Изъ сего послѣдняго мѣстечка направленъ былъ къ Рожанамъ отрядъ полковника Валуева, въ составѣ двухъ ротъ пѣхоты, гвардейской ракетной команды и сотни казаковъ.

Отъ нашего полка назначена была 12 рота подъ командою капитана Суворова.

Всѣ три отряда должны были сосредоточиться у деревни Шиги и оттуда произвести соединенными силами атаку позиціи повстанцевъ у мѣстечка Рожаны. Но Валуевъ распорядился иначе: выступивъ изъ Плонска, онъ двинулся безостановочно по указанному направленію и, не ожидая прибытія къ сборному пункту остальныхъ двухъ отрядовъ, ударилъ съ бывшими въ его распоряженіи небольшими силами на повстанцевъ и разбилъ ихъ на голову. Общая молва утверждала, что Валуевъ «поторопился» покончить съ повстанцами «на свой страхъ», разсчитавъ не безъ основанія, что, по соединеніи отрядовъ, главное начальство ускользнетъ изъ его рукъ, такъ какъ однимъ изъ отрядовъ, назначенныхъ для дѣйствій, начальствовалъ генералъ.

Самый Рожанскій бой, по рассказамъ офицеровъ 12-й роты Низовскаго полка, участвовавшихъ въ томъ дѣлѣ, разыгранъ былъ Валуевымъ весьма оригинальнымъ образомъ: подойдя съ отрядомъ на разстояніе около 2.000 шаговъ къ опушкѣ лѣса, занятого повстанцами, Валуевъ разомкнулъ пѣхоту въ нѣсколько линій, съ промежутками въ нѣсколько шаговъ между рядами, послалъ казачью сотню въ обходъ лѣса, а ракетной командѣ приказалъ обстрѣливать лѣсъ.

Устроивъ этотъ странный боевой порядокъ, Валуевъ обратился къ солдатамъ съ слѣдующимъ приказаніемъ: «перебѣги 50 шаговъ и залягъ, пострѣлай коли нужно и опять бѣги 50 шаговъ, потомъ опять залягъ и т. д., пока я не скажу на уру!». Когда же старшій капитанъ въ отрядѣ заявилъ сомнѣніе въ возможности наступленія пѣхотой, построенной на подобіе «казачьей лавы» и не имѣющей вовсе резерва, то Валуевъ отвѣтилъ: «въ резервѣ буду я и уланы». Уланъ этихъ, находившихся при Валуевѣ, было всего на-всего 20 человекъ, и они составляли что-то въ родѣ его конвоя. При этомъ не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ 1863 г., когда поиски и преслѣдованіе повстанцевъ производились чаще всего внезапно, составъ отрядовъ, поднимаемыхъ для той цѣли, впопыхахъ, зачастую ночью, бывалъ самый разношерстный, и перепутанныя части войскъ нерѣдко поступали подъ начальство не только лицъ, принадлежавшихъ къ другому роду оружія, но и такихъ, которыхъ имъ приходилось въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни видѣть.

Увидя перебѣжки наступавшей пѣхоты, повстанцы, занимавшіе опушку лѣса, открыли дальній ружейный огонь. Пули повстанскихъ стрѣлковъ, вооруженныхъ лютихскими штуцерами, видимо не знакомыхъ съ употребленіемъ прицѣла, перелетали черезъ ряды перебѣгавшей пѣхоты, не нанося ей никакого вреда, тогда какъ повстанцы терпѣли большой уронъ какъ отъ ружейныхъ пуль, такъ и отъ бросаемыхъ въ лѣсъ конгревовыхъ ракетъ.

Въ то время, когда наша пѣхота находилась не далѣе 300 шаговъ отъ опушки лѣса, на лѣвомъ флангѣ наступавшей пѣхоты появилась толпа косиніеровъ, которая, выйдя изъ лѣса, пробѣжала нѣсколько десятковъ шаговъ и залегла за холмомъ. Замѣтивъ это, находившійся, по его словамъ, «въ резервѣ» полковникъ Валуевъ бросился на косиніеровъ съ своимъ конвоемъ. Что было причиною, почему уланы, посаженные на большихъ лошадей, на столько отстали отъ скакавшаго впереди ихъ на маленькой казачьей лошади полковника Валуева, что допустили его очутиться одному передъ толпой косиніеровъ, трудно опредѣлить; извѣстно только то, что, очутившись въ такомъ положеніи, полковникъ Валуевъ взмахнулъ два раза пашкой и, оставшись послѣ втораго взмаха съ одной рукояткой въ рукѣ, получилъ ударъ косою по головѣ. Въ этотъ

моментъ къ толпѣ косиніеровъ подскочили уланы и подхватили упавшаго съ лошади Валуева. Косиніеры побросали косы и разбѣжались. Одновременно съ этимъ эпизодомъ пѣхота заняла опушку лѣса, такъ какъ повстанцы атаки не дождались и бросились бѣжать, оставивъ на опушкѣ множество раненыхъ и убитыхъ. Равнымъ образомъ спаслась бѣгствомъ и повстанская кавалерія, состоявшая изъ нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, однообразно одѣтыхъ и посаженныхъ на отличныхъ, но совсѣмъ невыѣзжанныхъ лошадяхъ.

Казаки рассказывали, что «гиканье» ихъ, во время преслѣдованія повстанцевъ, навело на этихъ послѣднихъ невообразимый страхъ; они удирали что есть мочи, а лошади ихъ отъ казачьихъ выстрѣловъ вдогонку взвивались на дыбы и сбрасывали всадниковъ. Въ числѣ послѣднихъ упалъ съ лошади и какой-то довудца «толстый, пузатый панъ» (по словамъ казаковъ), тутъ же приколотый гаврилычемъ. Потеря отряда состояла въ 4-хъ убитыхъ (въ томъ числѣ рядовой 12-й роты Низовскаго полка Евдокимовъ) и 12-ти, кажется, раненыхъ. Уронъ повстанцевъ былъ громадный. Кромѣ множества раненыхъ, сползшихся въ кучу на поляну въ лѣсу и забранныхъ войсками, взяты были въ плѣнъ цѣлыя толпы косиніеровъ, побросавшихъ косы и не успѣвшихъ укрыться въ лѣсу.

Взятые въ плѣнъ повстанцы показали, что они вторыя сутки оставались безъ горячей пищи, утоляя голодь и жажду черникой, которой въ лѣсу томъ оказалось необыкновенное изобиліе. И дѣйствительно у всѣхъ повстанцевъ, какъ у живыхъ, такъ и у мертвыхъ, были совершенно синія отъ черники губы. Тѣ же повстанцы рассказывали, что довудца ихъ (фамиліи котораго они не знали) развѣзжалъ верхомъ по цѣпи стрѣлковъ, держа въ рукѣ «портретъ» (вѣроятно, фотографическую карточку) казачьяго полковника, и, показывая портретъ лучшимъ стрѣлкамъ, общалъ большую награду тому, кто убьетъ такого полковника, но вскорѣ самъ былъ раненъ пулею въ бокъ и, поддерживаемый на конѣ съ одной стороны «адъютантомъ», а съ другой фельдшеромъ, уѣхалъ въ находившуюся вблизи деревушку, указанную повстанцами же.

Вскорѣ получено было извѣстіе о самоубійствѣ раненаго довудцы въ деревнѣ Шиги, въ домѣ мѣстнаго ксендза, куда онъ дѣйствительно былъ увезенъ съ поля сраженія своими приближенными. Повстанскій довудца, оказавшійся бѣглымъ офицеромъ 22-го пѣхотнаго Нижегородскаго полка, поручикомъ Тромбчинскимъ, застрѣлился, лежа на кровати, вслѣдъ затѣмъ, когда вбѣжавшая въ комнату прислуга заявила, что въ деревнѣ появились казаки, и что за ними идутъ по дорогѣ изъ Пултуска войска. Тромбчинскій приказалъ, находившемуся при немъ, фельдшеру выйти во дворъ удостовѣриться, дѣйствительно ли въ деревню идутъ войска по пултуской дорогѣ, и, не дождавшись возвращенія посланнаго, выстрѣдилъ изъ бывшаго при немъ револьвера себѣ въ лобъ.

Фельдшеръ засталъ Тромбчинскаго бившимся въ предсмертныхъ судорогахъ. Догадавшись, что къ деревнѣ Шиги подходитъ, квартировавшій въ Пултускѣ, Нижегородскій полкъ, Тромбчинскій видимо не хотѣлъ пережить позора признанія бывшими товарищами по полку его личности и покончилъ свои расчеты съ жизнью самоубійствомъ. Тромбчинскаго я зналъ съ 1861 г. Это былъ молодой, бѣлокурый (почти бѣловолосый), очень недурный собою молодой офицеръ, исполнявшій въ Нижегородскомъ полку должность жалонернаго офицера. Въ то время на большихъ маневрахъ къ начальникамъ отрядовъ назначался отъ каждаго пѣхотнаго полка изъ числа молодыхъ офицеровъ, служившихъ въ строю верхомъ, постоянно одинъ и тотъ же ординарецъ. Кромѣ «расторопности» (достоинства, по мнѣнію тогдашняго начальства, не всѣмъ офицерамъ присущаго), офицеръ, назначаемый ординарцемъ, обязанъ былъ имѣть быстрого и красиваго коня и умѣть смѣло и ловко ѣздить верхомъ. Будучи наряжаемъ такимъ ординарцемъ отъ своего полка, я въ числѣ моихъ сотоварищей по этому наряду встрѣтилъ въ первый разъ во время большихъ маневровъ у Паршова (подъ Варшавой) въ числѣ прочихъ ординарцевъ и поручика Тромбчинскаго, состоявшаго вмѣстѣ со мной и еще двумя офицерами: однимъ отъ уланскаго полка и другимъ отъ артиллеріи, при начальникѣ сѣвернаго отряда генераль-лейтенантѣ Веселитскомъ; при этомъ я невольно обратилъ вниманіе на незнакомаго мнѣ красивой наружности офицера Нижегородскаго полка, ловко и смѣло управлявшаго статнымъ, рыжей масти конемъ.

Въ тотъ разъ я обмѣнялся съ Тромбчинскимъ нѣсколькими словами, и мы познакомились. Съ тѣхъ поръ я встрѣчался съ нимъ еще два или три раза на ординарцахъ во время маневровъ и замѣчалъ, что начальникъ дивизіи генераль Веселитскій относился къ Тромбчинскому съ особеннымъ вниманіемъ. Откуда былъ родомъ Тромбчинскій, объ этомъ я не справлялся и только впоследствии, когда стало извѣстно о побѣгѣ его изъ полка въ повстанскую банду и о командованіи имъ соединенными повстанскими толпами подъ мѣстечкомъ Рожанами, я узналъ о томъ, что Тромбчинскій былъ уроженцемъ города Варшавы и образованіе получилъ въ одной изъ тамошнихъ гимназій. Не смотря на это, Тромбчинскій владѣлъ русскою рѣчью до того чисто и правильно, что заподозрѣтъ въ немъ офицера не русскаго происхожденія не было ни малѣйшаго основанія. Кто бы могъ тогда предполагать, что этотъ красивый, скромный, мало говорившій и какъ будто подавленный какою-то думой, молодой офицеръ сдѣлается черезъ два года однимъ изъ корифеевъ польскаго повстанія и измѣнитъ чести и присягѣ, совершивъ постыдный побѣгъ изъ-подъ знамени, службу которому онъ принялъ на себя добровольно?..

Кромѣ 12-й роты, еще одна рота полка, а именно 9-я, выслана

была изъ крѣпости въ составъ Сероцкаго отряда, получившаго специальное назначеніе: охраненіе мостовъ и переправъ на рѣкахъ Наревѣ и Бугѣ. Испросивъ разрѣшеніе командира полка на назначеніе меня въ составъ этого отряда, я отправился въ первыхъ числахъ мая изъ крѣпости въ мѣстечко Сероцкъ (находящееся въ 40-верстномъ разстояніи отъ нея) съ военной «оказіей», конволируемой сотнею казаковъ. Шоссейная дорога отъ Новогеоргиевска до Сероцка пролегла по мѣстности, сначала открытой, а затѣмъ, съ половиннаго разстоянія отъ крѣпости, поросшей большимъ дремучимъ лѣсомъ. Выступивъ изъ крѣпости на разсвѣтѣ, «оказія» наша, вслѣдствіе наступившаго необыкновенно жаркаго дня, двигалась черепашымъ шагомъ и, пройдя къ 12 часамъ около 20 верствъ, остановилась на отдыхъ.

Скучное и утомительное слѣдованіе съ этой оказіей, состоявшей изъ нѣсколькихъ повозокъ, нагруженныхъ огнестрѣльными припасами, отправленными изъ крѣпости въ полки, и десятковъ двухъ солдатъ, выздоровѣвшихъ и слѣдовавшихъ изъ госпиталя къ своимъ частямъ, до такой степени мнѣ надоѣло, что я рѣшилъ уѣхать впередъ и скоро оставилъ далеко за собою оказію, углубившись на нѣсколько верствъ въ лѣсъ. Замѣтивъ въ сторонѣ отъ дороги жилой домъ и отстегнувъ предварительно револьверную чухку и ощупавъ въ карманѣ запасные патроны, я направился къ этому дому, рѣшивъ подождать возлѣ него прибытія оказіи. Свернувъ съ шоссе, я тотчасъ же замѣтилъ, что на одной половинѣ дома были закрыты ставни, и что вблизи дома не видѣлось ни одного живаго существа. Всмотриваясь со вниманіемъ въ чащу лѣса, гдѣ, кромѣ щебетанія мелкихъ пташекъ, не слышно было ни шороха, ни подозрительнаго звука, я подъѣхалъ къ той половинѣ дома, гдѣ окна не были закрыты, и, не слѣзая съ коня, крикнулъ подъ окномъ, вызывая хозяина. На мой зовъ въ дверяхъ появился человѣкъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, повидимому, принадлежавшій къ мѣщанскому сословію, и на вопросъ, кто онъ такой, что это за домъ, и есть ли въ немъ, кромѣ него, еще кто нибудь,—отвѣтилъ, что онъ корчмарь, а домъ этотъ корчма, и что въ ней въ настоящее время нѣтъ ни живой души. На вопросъ мой, что находится на той половинѣ дома, гдѣ закрыты ставни, назвавшійся корчмаремъ и оказавшійся очень неглупымъ и словоохотливымъ рассказчикомъ, сообщилъ мнѣ слѣдующее: «въ корчмѣ этой я проживаю около двухъ лѣтъ совершенно одинокимъ, такъ какъ у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, ни кого бы то ни было изъ родныхъ. Въ прошломъ году ко мнѣ напросился въ жильцы отставной унтеръ-офицеръ Максимовъ, русскій, служившій въ части, квартировавшей въ крѣпости, и по выходѣ въ отставку, не знаю почему, не вернувшійся на родину. Я съ удовольствіемъ отдалъ въ наймы за 1½ рубля въ мѣсяцъ половину корчмы, гдѣ

Максимовъ и поселился съ женою. Дѣтей у него не было. Максимовъ очень любилъ охоту и, кромѣ того, занимался плетеніемъ изъ ивы корзинъ, съ которыми, а иногда и съ настрѣлянной имъ дичью, онъ отправлялся по воскресеньямъ въ мѣстечко Закрочимъ какъ для сбыта тѣхъ предметовъ, такъ и для свиданія со своимъ знакомыми, съ которыми Максимовъ любилъ побалагурить за чаркой водки. Когда началось «повстанье», и до насъ дошли слухи о нападеніи въ мѣстечкѣ Плонскѣ повстанцевъ на русскія войска, то Максимовъ передавалъ мнѣ, что ему совѣтовали его русскіе знакомые перебраться на жительство въ крѣпость; но онъ совѣта этого не послушался и, продолжая жить у меня, не измѣнилъ ни въ чемъ своего образа жизни: ходилъ на охоту и попрежнему посѣщалъ мѣстечко Закрочимъ, гдѣ, сходясь съ своими знакомыми въ кабакѣ, любилъ поболтать съ ними о возстаніи, насмѣхаясь надъ нимъ и ругая повстанцевъ. Вскорѣ онъ былъ убитъ. Убіеніе совершилось въ февралѣ мѣсяцѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ темную ночь раздался стукъ въ окно занимаемой мною половины дома, съ требованіемъ отворить двери. Полагая, что стучится кто нибудь изъ проѣзжающихъ, я вышелъ въ сѣни и впустилъ туда незнакомаго мнѣ молодого человѣка, темнорусаго, одѣтаго въ новую, на мѣху, венгерку. Молодой человѣкъ, войдя въ сѣни и не притворивъ дверей на дворъ, спросилъ меня, дома ли унтеръ-офицеръ Максимовъ. Отвѣтивъ ему, что Максимовъ дома и, должно быть, уже спитъ, я отправился на свою половину и слышалъ, какъ неизвѣстный человѣкъ, постучавъ въ двери квартиры Максимова, сказалъ порусски: «отвори скорѣе, выпьемъ водки!». Послѣ этого послышался стукъ двери, отворяемой Максимовымъ, потомъ моментально послѣдовалъ выстрѣлъ, и раздался крикъ жены Максимова. Выбѣжавъ въ сѣни, я увидѣлъ Максимова, лежавшаго на полу съ прострѣленною головою и корчившагося въ предсмертныхъ судорогахъ, а около корчмы раздался топотъ нѣсколькихъ лошадей, удалявшихся въ лѣсъ. Произведенное по поводу убійства Максимова слѣдствіе не обнаружило преступника, и подозрѣніе пало на двухъ мѣщанъ мѣстечка Закрочима, ушедшихъ въ повстанье. Съ того времени,—заклучилъ свой рассказъ корчмарь,—повстанцы не заглядывали въ корчму ни разу, и о томъ, чтобы они были по близости въ лѣсу, я ничего не слышалъ». Слушая рассказъ корчмаря, я все время держался насторожѣ, слѣдя за каждымъ движеніемъ этого страннаго, весьма неглупаго человѣка, ведущаго жизнь схимника среди дремучаго лѣса, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья, и не разставшагося со своей лагугой даже послѣ совершившейся въ ней, на его же глазахъ, ужасной кровавой драмы. . . . и съ нетерпѣніемъ поджидалъ прибытія къ корчмѣ «оказіи». Вскорѣ въ виду корчмы появился казачій разъѣздъ, а затѣмъ подошла и «оказія». Командиръ сотни, пожуривъ

меня за неосторожность, вслѣдствіе которой я подвергался опасности быть захваченнымъ повстанцами и повѣшеннымъ (по его выраженію) «на первомъ деревѣ», назначилъ мнѣ двухъ казаковъ въ конвой, съ которыми я отправился впередъ и прибылъ безъ всякихъ приключеній поздно вечеромъ въ мѣстечко Сероцкъ.

Сероцкъ—небольшое мѣстечко (посадъ), состоявшее всего изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, съ населеніемъ около 2000 человекъ, изъ которыхъ большая половина евреевъ, находясь въ 40-верстномъ разстояніи отъ кр. Новогеоргіевска, въ вершинѣ угла, образуемаго двумя шоссевыми дорогами (изъ которыхъ одна ведетъ въ ту крѣпость, а другая въ Варшаву), и, кромѣ того, при слияніи р.р. Нарева и Буга, считался довольно важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Значеніе Сероцка въ военномъ отношеніи признано было еще при польскомъ правительствѣ, а во время наполеоновскихъ войнъ Сероцкъ былъ сильно укрѣпленъ со стороны р. Нарева. Слѣды земляныхъ укрѣпленій сильной профили ясно были замѣтны еще во время нашего квартированія въ Сероцкѣ, и выборъ мѣста для возведенія ихъ сдѣланъ былъ весьма удачно, давая возможность обстрѣливать открытый берегъ р. Нарева почти на двѣ версты. На берегу этой же рѣки оставались въ то время и слѣды зимнихъ бараковъ, нѣкогда вмѣщавшихъ въ себѣ цѣлую дивизію польскихъ войскъ. Выше было уже мною упомянуто, что для охраненія мостовъ и переправъ на рѣкахъ Наревѣ и Бугѣ, къ которымъ прилегалі обширные Зегржинскіе и Радзиминскіе лѣса, въ Сероцкѣ выставленъ былъ особый отрядъ. Въ составъ его, кромѣ одной роты нашего полка, назначена была сначала рота саперъ, а впослѣдствіи рота Новогеоргіевскаго крѣпостнаго полка, при 20-ти казакахъ и офицерѣ. Начальство надъ отрядомъ поручено было маіору нашего полка Керману. На мѣстѣ я узналъ, что на долю этого отряда, по смыслу данной начальнику его инструкціи, выпала совершенно пассивная роль въ происходившихъ въ то время военныхъ дѣйствіяхъ противъ повстанскихъ бандъ, такъ какъ, охраняя мосты и переправы, отрядъ не имѣлъ права выступить съ мѣста расположенія для поисковъ за повстанцами, не получивъ на это особаго приказанія. Независимо отъ вышеупомянутаго спеціальнаго назначенія, на обязанность отряда возложено было также конвоированіе плѣнныхъ и осужденныхъ повстанцевъ, пересылавшихся изъ Пултуска и Остроленки въ г. Варшаву, и выставленіе въ нѣсколькихъ случаяхъ сильныхъ заставъ около моста у деревни Зегржъ; и только позднею осенью, когда уже переправамъ черезъ названныя рѣки не могла угрожать серьезная опасность, дѣятельность Сероцкаго отряда закончилась поисками въ Бранщичскихъ лѣсахъ, причемъ отрядъ наткнулся на послѣднюю, державшуюся еще въ лѣсахъ этой мѣстности конную банду «Соловья», о чемъ и будетъ разсказано ниже.

Лѣто для Сероцкаго отряда прошло въ относительномъ бездѣйствіи, если не считать содержанія постоянныхъ патрулей и разъѣздовъ къ двумъ мостамъ и еженедѣльнаго конвоированія повстанцевъ до г. Варшавы. Одинъ только разъ весь отрядъ поднять былъ на ноги, вслѣдствіе полученнаго по эстафетѣ приказанія о поддержаніи конвоя, сопровождавшаго ремонтныхъ лошадей для сумскаго гусарскаго полка, на которыхъ будто бы готовилось нападеніе нѣсколькихъ соединенныхъ бандъ изъ Островскихъ и Радзимицкихъ лѣсовъ. Тревога, однако, оказалась фальшивой, и «ремонтъ» прослѣдовалъ къ мѣсту назначенія вполне благополучно. Что касается препровожденія въ Варшаву повстанцевъ и политическихъ преступниковъ, то въ немъ принимали участіе всѣ чины отряда, не исключая и офицеровъ, смотря по числу и важности ихъ. Въ числѣ повстанцевъ былъ самый разношерстный сбродъ: ксендзы, мѣщане, весьма рѣдко косиніеры изъ крестьянъ, а иногда и иностранцы, называемые, не знаю почему, казаками «сургентами» (инсургентами) въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ, величаемыхъ ими по просту мятежниками. Изъ женщинъ, на сколько мнѣ помнится, черезъ Сероцкъ была перевезена въ Варшаву всего одна—нѣкая Плихта, молодая, очень не дурная собою дѣвушка, служившая въ нѣсколькихъ повстанскихъ бандахъ «курьеромъ» (чѣмъ-то въ родѣ ординарца), развозившая распоряженія «народоваго ржонда» и приговоренная къ ссылкѣ въ Оренбургскую губернію.

Жизнь офицеровъ Сероцкаго отряда (которыхъ было въ отрядѣ 8 человекъ) проходила весьма скучно и монотонно: о какихъ бы то ни было знакомствахъ съ мѣстными жителями не могло быть и рѣчи, для чтенія ровно ничего не было, не было въ отрядѣ и любителей карточной игры. Единственнымъ мѣстомъ сборища офицеровъ была почтовая станція, содержатель которой, нѣкто Краснодембскій, человекъ семейный, большой балагуръ и хлѣбосоль, радушно принималъ у себя всѣхъ офицеровъ, не брезгуя вовсе русскимъ обществомъ. Къ нему собирались почти ежедневно всѣ офицеры, у него обѣдали и ужинали, а желающіе могли составить и партію въ преферансъ. Старикъ Краснодембскій съ семействомъ своимъ видимо держался въ сторонѣ отъ «повстанья» и при случаѣ любилъ рассказывать, что, отвѣдавъ въ 1831 году (не помню по какому случаю) «вкуса» казачьихъ плетей, далъ себѣ клятву: во всю жизнь не принимать участія ни въ какихъ возстаніяхъ. Рассказъ этотъ смѣшили офицеровъ до слезъ, и они каждый разъ повторяли Краснодембскому, что «наука въ лѣсъ не идетъ», и что благодаря ей онъ остался и цѣлъ и спокоенъ.

Въ началѣ осени послѣдовало назначеніе военнымъ начальникомъ двухъ уѣздовъ: Пултускаго и Остроленскаго, стараго знакомаго нашего полка за время квартированія въ городахъ Калишѣ и Серадзѣ, полковника Зайцева, заявившаго уже себя въ тѣхъ

городахъ энергическими и своевременными дѣйствіями. Въ то же время къ мѣстечку Сероцку присоединено было 8 ближайшихъ гминъ, а начальникъ отряда поступилъ въ подчиненіе къ полковнику Зайцеву подъ названіемъ: «частнаго военнаго начальника Сероцкаго участка». Одновременно съ прибытіемъ полковника Зайцева въ городъ Пултускъ, послѣдовало распоряженіе свѣше о принятіи самыхъ строгихъ мѣръ къ окончательному подавленію возстанія, и всѣ «частные начальники» вновь образованныхъ въ Пултускомъ и Остроленскомъ уѣздахъ участковъ потребованы были въ Пултускъ, гдѣ полковникомъ Зайцевымъ лично было вмѣнено имъ въ обязанность: употребить всѣ усилія къ уничтоженію, державшихся еще кое-гдѣ въ лѣсахъ, небольшихъ повстанскихъ бандъ, не стѣсняясь въ семъ случаѣ никакими инструкціями и приказаніями, а руководствуясь при выборѣ для намѣченной цѣли средствъ собственной инициативой. Одновременно съ этимъ приказаніемъ, полковникъ Зайцевъ поручилъ начальникамъ участковъ немедленное приведеніе въ исполненіе слѣдующихъ мѣръ: 1) устройство сельской стражи съ возложеніемъ на ея обязанность ловли одиночныхъ повстанцевъ, 2) учрежденіе въ деревняхъ «заставъ» изъ крестьянъ и выставленіе на выѣздахъ караульщиковъ и 3) производство тщательнаго обыска помѣщичьихъ усадьбъ, застѣнковъ и всѣхъ жилыхъ строеній въ глухихъ мѣстахъ, съ цѣлью открытія складовъ военной контрабанды и ареста подозрительныхъ или безпаспортныхъ лицъ, если-бы таковыя тамъ оказались.

Между тѣмъ, какъ бы наперекоръ вышеупомянутымъ мѣрамъ, а также не смотря на раннюю, холодную осень, въ обширныхъ Островскихъ лѣсахъ продолжала держаться довольно сильная конная банда, предводимая рыбакомъ изъ деревни Бранщика, называвшимъ себя «Соловьемъ». «Соловей» этотъ, отлично знакомый съ мѣстностію, покровительствуемый жителями лежащихъ на лѣвомъ берегу рѣки Буга деревень, наwerbовавъ въ свою банду около 40 человекъ «сорви-головъ», посадилъ ихъ на отличныхъ, поставленныхъ помѣщиками лошадей и держался все лѣто въ сосѣднихъ съ рѣкою Бугомъ лѣсахъ, появляясь то на одномъ, то на другомъ берегу рѣки, затѣмъ переходилъ въ Радзиминскіе лѣса и продѣлывалъ тотъ же маневръ на рѣкѣ Наревѣ, ускользая отъ самыхъ настойчивыхъ преслѣдованій высылаемыхъ противъ него летучихъ отрядовъ и уклоняясь отъ всякой съ ними стычки.

Полковникъ Зайцевъ, рѣшивъ уничтожить банду Соловья во что бы то ни стало, устроилъ на нее облаву, выславъ одновременно изъ нѣсколькихъ пунктовъ летучіе отряды, въ томъ числѣ и одну роту при всѣхъ наличныхъ казакахъ изъ нашего отряда. Нашъ летучій отрядъ долженъ былъ произвести поиски черезъ мѣстечко Вышковъ, деревню Бранщикъ и далѣе до рѣки Буга, всего на протяженіи около 60 верстъ. Одновременно съ нашей колонной

высланы были по разнымъ направлєніямъ отряды изъ города Пултуска, мѣстечекъ Макова, Острова и города Остроленки.

Согласно сдѣланному полковникомъ Зайцевымъ распоряженію, цѣль экспедиціи летучихъ колоннъ должна была сохраняться въ строжайшей тайнѣ, и никто изъ чиновъ отряда, кромѣ его начальника, не долженъ былъ знать ни цѣли движенія, ни направленія, по которому оно будетъ произведено.

24-го ноября, на разсвѣтѣ, летучій отрядъ нашъ въ составѣ одной роты и 15 казаковъ при офицерѣ выступилъ подъ начальствомъ маіора Кермана изъ Сероцка по Бѣлостокскому шоссе. Пройдя большой, находившійся въ 8 верстахъ отъ Сероцка, лѣсъ, отрядъ вышелъ на ровную, открытую мѣстность. Впереди, верстахъ въ двухъ отъ опушки лѣса и въ $\frac{1}{4}$ версты вправо отъ шоссе, виднѣлись каменные постройки имѣнія Сломянка, принадлежавшаго французскому подданному барону Пюджету. Правѣ имѣнія, въ котловинѣ, обозначались на горизонтѣ сѣрые силуэты деревянныхъ крышъ небольшой деревушки, окаймленной густымъ сосновымъ лѣсомъ, который, охвативъ какъ ее, такъ и усадьбу, длинной лентой уходилъ впередъ, опять приближаясь къ шоссе и теряясь вдаль на необозримое пространство. Впереди имѣнія видно было на нѣсколько верстъ шоссе, въ видѣ бѣлѣвшей черезъ лѣсъ просѣки. Утро было очень сырое, бѣдное свѣтомъ; на виднѣвшемся передъ нами горизонтѣ не было замѣтно ничего подозрительнаго, а на пути не попадались на встрѣчу ни ѣдущіе, ни пѣшеходы. Маленькій отрядъ послѣ безъ сна проведенной ночи и подъ вліяніемъ сырости, пронизывавшей «до мозга костей», шелъ вяло, а немногочисленные состоявшіе при колоннѣ казаки, едва справляясь съ дремотой, небрежно покачивались въ сѣдлахъ.

Они двигались впереди колонны, держась отъ нея слишкомъ близко, выславъ впередъ развѣздъ изъ двухъ всадниковъ. Развѣздъ этотъ въ противоположность головному казачьему отряду ушелъ быстро впередъ и скоро исчезъ изъ вида головного отряда. Дойдя до поворота въ имѣніе, казаки, бывшіе въ развѣздѣ (какъ это оказалось впослѣдствіи), свернули съ шоссе и направились во дворъ помѣщицѣй усадьбы. Въ это время рота начала выходить изъ лѣса и едва отодвинулась на нѣсколько десятковъ шаговъ отъ опушки, какъ вблизи мызы раздался выстрѣлъ, и мы увидѣли, какъ казаки головного отряда, опустивъ пики, понеслись въ карьеръ по направленію къ мызѣ, а одинъ изъ нихъ, держа надъ головою винтовку и указывая ею на мызу, мчался во всю прыть на встрѣчу отряду. Начальникъ отряда поскакалъ на встрѣчу казаку и, узнавъ отъ него, что мыза занята повстанцами, приказалъ направить роту вправо отъ шоссе, съ тѣмъ, чтобы, занявъ деревушку, отрѣзать, если это окажется возможнымъ, повстанцамъ путь бѣгства къ лѣсу. Пробрѣжавъ около четверти версты по за-

сѣянному на зиму полю, рота спустилась въ котловину, и когда поднялась на противоположный скатъ ея, то казаки были уже у опушки лѣса, гдѣ вскорѣ и исчезли. Очевидно, они гнались за повстанцами, успѣвшими бѣжать передъ казаками въ лѣсъ. Запыхавшаяся отъ бѣга по вязкому полю, рота была остановлена у мызы, и одинъ взводъ (по теперешнему дѣленію роты, полурота) направленъ былъ въ лѣсъ для поддержанія, въ случаѣ надобности, казаконъ, а другой получилъ приказаніе занять мызу. Первый изъ нихъ, пройдя лѣсомъ около версты, остановился въ узлѣ дороги, расходившихся по тремъ направленіямъ, простоялъ тамъ около часу и, не слыша вдали ни крика, ни выстрѣловъ, вернулся на мызу, занятую уже къ тому времени другимъ взводомъ, командиръ котораго, поручикъ Баженовъ, производя обыскъ строеній, захватилъ осѣдланную повстанскую лошадь, розыскалъ зарывнагося въ солому, не успѣвшаго бѣжать, повстанскаго трубача и арестовалъ двухъ какихъ-то молодыхъ людей, назвавшихся гостями помѣщика, и самого помѣщика.

Вскорѣ въ комнату, гдѣ помѣстили этихъ господъ, привели и войта гмины, нѣкоего Бартошевича, раненаго въ голову казакомъ, настигшимъ его во время бѣгства съ мызы къ деревнѣ.

На кухнѣ помѣщика варился обѣдъ въ огромныхъ кострюляхъ, а на столахъ лежали большіе запасы разной провизіи: великолѣпные экземпляры рыбы, цѣлыя горы булокъ, овощей и прочее. Изъ собранныхъ на мѣстѣ свѣдѣній оказалось, что конная повстанская банда въ числѣ 36 всадниковъ прибыла въ мѣстечко Сломанку передъ разсвѣтомъ.

Предводительствовалъ бандой Соловей, среднихъ лѣтъ мужчина, высокаго роста, съ лицомъ, изрытымъ оспою. Одѣтъ онъ былъ въ венгерку русскаго гусарскаго офицера. Повстанцы имѣли прекрасныхъ, рослыхъ лошадей, одѣты были въ крытые темноголубымъ сукномъ полушубки и всѣ были вооружены саблями и двустолками. Въ Сломанкѣ Соловей полагалъ дать своей бандѣ отдыхъ, но откуда пришелъ и куда намѣревался отправиться, объ этомъ никому ничего не говорилъ. Прибывъ въ имѣніе, повстанцы поставили лошадей подъ навѣсъ (находившійся шагахъ въ 50-ти позади и нѣсколько влѣво отъ жилага помѣщичьяго дома) и, не оставивъ ни одного человѣка ни у лошадей, ни на часахъ у выѣзда, отправились къ помѣщику обогрѣться и покушать. Въ это время во дворъ имѣнія въѣхали два казака. Одинъ изъ нихъ остановился у молотилки и вступилъ въ разговоръ съ бабами, работавшими у машины, а другой направился къ дому и, подѣбхавъ къ нему, не слѣзая съ лошади, заглянулъ въ окно.

Повстанцы въ тотъ моментъ сидѣли въ гостиной спинами къ окнамъ, и случилось такъ, что противъ окна, въ которое заглянулъ казакъ, сидѣлъ начальникъ банды. Казакъ, замѣтивъ въ

залѣ «гусарскаго офицера» и полагая, что у помѣщика гостятъ офицеры квартировавшаго въ 18 верстахъ отъ имѣнія, въ г. Пултускѣ, Сумскаго гусарскаго полка, и разсчитывая (какъ онъ самъ чистосердечно сознался), что помѣщикъ не откажетъ «поднести» ему и его товарищу водки, крикнулъ оставшемуся у молотильни казаку: «эй! подъѣзжай сюда, здѣсь у пана наши господа въ гостяхъ!». На крикъ этотъ въ окнахъ залы появилось нѣсколько головъ, а вслѣдъ затѣмъ по залѣ начали бѣгать люди. Казакъ, увидя за спинами бѣгавшихъ двустолки и сообразивъ, какіе это «гусары изъ Пултуска», быстро повернулъ коня и, сдѣлавъ выстрѣлъ на воздухъ, усакалъ со своимъ товарищемъ со двора мызы. Повстанцы, воспользовавшись этимъ временемъ, быстро расхватили лошадей (кромѣ одного, трубача) и понеслись что есть мочи въ лѣсъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе слабости разѣзда (всего изъ двухъ человѣкъ), а также «донъ-жуанства» одного изъ казаковъ, завязавшаго разговоръ съ бабами, и ротозѣйства другого, занятаго мыслью о «панской водкѣ», лошади повстанцевъ, стоявшія не далѣе 50-ти шаговъ въ сторонѣ отъ панскаго дома, остались не замѣченными, и повстанцы, выигравъ всего около четверти часа времени и воспользовавшись быстротою своихъ отборныхъ лошадей, успѣли передъ носомъ отряда убѣжать въ лѣсъ. Казачій офицеръ, преслѣдовавшій повстанцевъ, вернувшись въ Сломянку поздно вечеромъ, доложилъ начальнику отряда, что онъ гналъ ихъ по пятамъ, но, проскакавъ лѣсомъ до того мѣста, гдѣ дорога развѣтвлялась въ три стороны, не могъ разобрать, которые лошадиные слѣды свѣжіе (до такой степени всѣ дороги были истоптаны лошадьми взадъ и впередъ), и бросился «на авось» по средней дорогѣ. Доскакавъ до р. Буга, уже на сильно измученныхъ лошадяхъ, офицеръ, убѣдился, что ему нужно было преслѣдовать повстанцевъ не по средней дорогѣ, а по той, которая вела влѣво, что подтвердилъ и захваченный имъ на берегу рѣки рыбакъ, показавшій, что, занимаясь съ утра рыбной ловлей, онъ видѣлъ, какъ человѣкъ 35 или 40 повстанцевъ прискакали на взмыленныхъ лошадяхъ къ Бугу, перешли его вплавъ и, не отдыхая на противоположномъ берегу, направились рысью къ Радзиминскимъ лѣсамъ. При этомъ, рыбакъ указалъ офицеру и мѣсто переправы повстанцевъ, оказавшееся лѣвѣе и не далѣе 300 шаговъ отъ пункта, къ которому прибыли казаки. Офицеръ, располагая всего 15 всадниками на измученныхъ и некормленныхъ лошадяхъ, отъ переправы черезъ рѣку (покрытую уже въ то время сильнымъ ледоходомъ) весьма основательно отказался и вернулся къ отряду. Поздно вечеромъ того дня я получилъ приказаніе начальника отряда отвести въ Пултускъ и сдать военному начальнику арестованныхъ въ Сломянкѣ: владѣльца имѣнія, двухъ его гостей и раненаго войта гмины. Для нихъ запряжены были два экипажа, а для меня

и конвоя въ числѣ 20-ти лучшихъ стрѣлковъ изъ роты помѣщикъ далъ три огромныя телѣги, запряженныя четверками. Переѣздъ 18-верстнаго разстоянія по проселочной дорогѣ до г. Пултуска я долженъ былъ совершить съ такимъ расчетомъ времени, чтобы къ 8 часамъ утра вернуться въ Сломянку для присоединенія къ отряду, имѣвшему выступить въ дальнѣйшій путь не позже 9 часовъ утра. Исполнить, однако, это на дѣлѣ оказалось совершенно невозможнымъ, какъ по случаю отвратительной дороги, порчи въ пути одной изъ повозокъ (связанной въ кромѣшную тьму, за немѣнимъ веревки, солдатскими поясами), такъ равно и по причинѣ весьма трудной переправы на паромѣ черезъ р. Наревъ, сплошь покрытую крупными льдинами, что задержало меня до 2-хъ часовъ по полуночи.

Сдавъ арестованныхъ и помѣстивъ на ночлегъ солдатъ, я отправился на указанную мнѣ въ кондитерской квартиру, но едва успѣлъ вздремнуть, какъ былъ разбуженъ посланнымъ военнымъ начальникомъ унтеръ-офицеромъ, вручившимъ мнѣ донесеніе военному начальнику бургомистра м. Вышкова о томъ, что конная банда Соловья въ числѣ 35-ти всадниковъ прошла черезъ м. Вышковъ поздно вечеромъ и, не останавливаясь въ мѣстечкѣ, потянулась по направленію къ Островскимъ лѣсамъ. На донесеніи бургомистра полковникъ Зайцевъ написалъ своею рукою: «получено въ 2 часа 45 минутъ. Принять это донесеніе офицеру, прибывшему съ арестованными, къ свѣдѣнію.»

На основаніи этого донесенія можно было прийти къ тому выводу, что Соловей, бѣжавшій утромъ передъ нашимъ отрядомъ изъ Сломянки за р. Бугъ, перешелъ эту рѣку обратно вблизи м. Вышкова и очутился вторично впереди нашего отряда и именно въ томъ направленіи, по которому нашей колоннѣ предстояло дальнѣйшее движеніе. Послѣ не болѣе 5-часоваго отдыха, съ разсвѣтомъ я отправился съ моими солдатами въ обратный путь пѣшкомъ и, отойдя отъ Пултуска 10 верстъ, потребовалъ въ первой, попавшейся на пути, деревнѣ 5 обывательскихъ подводъ, на которыхъ и прибылъ съ проголодавшимися и усталыми солдатами въ м. Сломянку около къ 12 часамъ дня. Тотчасъ же послѣ моего прибытія, отрядъ задержанный на мѣстѣ моимъ запоздавшимъ возвращеніемъ, двинулся дальше и прибылъ на ночлегъ въ м. Вышковъ. Явившійся къ начальнику отряда бургомистръ заявилъ, что по слухамъ, прослѣдовавшая наканунѣ вечеромъ черезъ м. Вышковъ, банда Соловья перешла за Бугъ и скрылась въ Островскихъ лѣсахъ. Къ этому бургомистръ добавилъ, что лошади повстанскія во время слѣдованія черезъ м. Вышковъ были до такой степени измучены, что едва волочили ноги. Что же касается предводителя банды, Соловья, лично извѣстнаго почти всѣмъ жителямъ мѣстечка, то онъ, повидимому, находился въ самомъ угнетенномъ настроеніи духа, ни съ

кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ не здоровался и никому не сказалъ ни одного слова. По прибытіи въ м. Вышковъ, казаки, не успѣвшіе даже накормить лошадей, тотчасъ же были высланы по дорогѣ въ м. Черноводы и, пройдя около 10-ти верстъ отъ Вышкова, вернулись къ отряду поздно ночью, съ добытымъ ими, посредствомъ разспросовъ, положительнымъ свѣдѣніемъ о переходѣ банды Соловья на противоположный берегъ р. Буга.

На слѣдующій день всѣ жилия и холодныя строенія въ мѣстечкѣ, а также костелъ, синагога и лавки, были самымъ тщательнымъ образомъ обысканы, но ничего такого, что бы могло быть названо военной контрабандой, найдено не было. Простоявъ въ Вышковѣ двое сутокъ, отрядъ выступилъ въ д. Бранщикъ, гдѣ находился повстанскій лазаретъ.

Лѣтомъ въ Бранщицкихъ лѣсахъ скиталась довольно долго сильная повстанская банда, предводимая нѣкимъ Лютынскимъ, тамъ же формировалась и команда жандармовъ-вѣшателей, которою начальствовалъ мѣщанинъ Карпинскій, повѣсившій собственноручно пять человѣкъ. Артиста этого мѣся привелось видѣть мѣсяць спустя при весьма оригинальной обстановкѣ, о чемъ и будетъ рассказано ниже.

Поздно вечеромъ отрядъ подошелъ къ имѣнію Бранщикъ, совершивъ весь переходъ подъ непрерывнымъ дождемъ, не оставившимъ на насъ сухой нитки. До прихода отряда имѣніе уже было занято педшими впереди казаками, «обѣжавшими», по ихъ выраженію, всѣ закоулки и выставившими на выѣздахъ конныхъ часовыхъ. Огромный помѣщичій домъ глядѣлъ мрачно и пустынно, и только въ одномъ окнѣ видѣлся слабый, едва мерцавшій, свѣтъ. Ни во дворѣ имѣнія, ни въ виднѣвшихся въ недалекомъ разстояніи отъ жилого дома помѣщеніяхъ для службъ, не замѣтно было никакого движенія, и все имѣніе казалось какъ бы вымершимъ.

Пока ротный командиръ занимался отысканіемъ пріюта для солдатъ и разстановкой часовыхъ, остальные офицеры отряда, пройдя изъ передней черезъ большой, совершенно пустой залъ, направились въ слѣдующую комнату на виднѣйшійся сквозь щели дверей свѣтъ и очутились въ комнатѣ, занятой ранеными повстанцами. На ближайшей къ двери кровати лежалъ мальчикъ, показавшійся намъ совершеннымъ ребенкомъ. Надъ нимъ на кровати натянута была обручъ, прикрытый сѣрымъ, суконнымъ одеяломъ. На вопросы, обращенные къ нему офицерами, мальчикъ-повстанецъ рассказалъ, что ему отъ роду 15 лѣтъ, что онъ родомъ изъ г. Варшавы, гдѣ у него осталась вдова-мать, раненъ при разбитіи банды Лютынскаго пулею въ ногу, вслѣдствіе чего и подвергся ампутаціи ея. На вопросъ начальника отряда, давно ли повстанцы посѣщали лазаретъ, мальчикъ отвѣтилъ, что банда Соловья была у нихъ около двухъ недѣль тому назадъ, а третьяго дня тотъ же Соловей прислалъ

съ «жандармомъ» сахару, чаю и нѣсколько нумеровъ газетъ. Когда же кто-то изъ офицеровъ спросилъ, какія газеты прислалъ Соловей, то мальчикъ засунулъ руку подъ тюфякъ и, вытащивъ оттуда нѣсколько старыхъ нумеровъ революціонной газеты «Вольный Голосъ», передалъ ихъ офицеру.

Бойкіе и смѣлые отвѣты мальчика, его дѣтски-наивное и добродушное лицо мгновенно расположили къ нему всѣхъ офицеровъ. При этомъ не обошлось безъ сцены, не лишенной извѣстной доли комизма: казачій офицеръ, слушавшій съ большимъ вниманіемъ рассказъ мальчика, замѣтилъ на его столикѣ папиросу и, вынувъ изъ своего кисета горсть табаку, положилъ на столикъ и сказалъ, «Ахъ, ты, щенокъ! Да тебѣ не воевать, а кашу ѣсть слѣдовало бы! Ну, на тебѣ! Покури». Мальчикъ слегка улыбнулся и склонилъ голову въ знакъ благодарности. Обращеніе казачьяго офицера къ мальчику-калѣкъ, высказанное, не смотря на кажущуюся рѣзкость въ словахъ, съ оттѣнкомъ такого добродушія, на которое способенъ только русскій, по природѣ незлобивый человѣкъ, произвело на всѣхъ офицеровъ сильное впечатлѣніе... Другой раненый, тоже съ ампутированной ногой, назвалъ себя фельдшеромъ банды Лютынского. Среднихъ лѣтъ, атлетъ по тѣлосложенію, фельдшеръ этотъ, кромѣ огнестрѣльной раны въ ногу, получилъ двѣ штыковыя раны въ грудную клѣтку и сабельный ударъ по головѣ: оставившій на лбу глубокую впадину. Вслѣдствіе этой послѣдней раны, по словамъ повстанца, онъ лишился на одинъ глазъ зрѣнія. Видъ этого субъекта, казавшагося, послѣ перенесенія такихъ тяжелыхъ пораненій, совершенно здоровымъ, вызвалъ общее удивленіе офицеровъ. Во время разговоровъ офицеровъ съ повстанцами въ комнату вошла пожилая, прилично одѣтая дама, отрекомендовалась хозяйкой имѣнія и заявила при этомъ, что, кромѣ нея, подростка-фельдшера и четырехъ раненыхъ повстанцевъ, въ имѣніи нѣтъ ни живой души. Взглянувъ мелькомъ на двухъ, совсѣмъ уже здоровыхъ, хлопковъ-косиньеровъ, мы отравились съ хозяйкой въ слѣдующую комнату, названную ею «аптечкой» (хотя тамъ ничего не было, кромѣ шкапа съ нѣсколькими кусками ветоши), гдѣ и провели нѣсколько времени въ бесѣдѣ съ хозяйкой, оказавшейся весьма симпатичной и интеллигентной старухой. Отъ нея мы узнали слѣдующія подробности, относящіяся до существованія Бранцицкаго повстанскаго лазарета: лазаретъ существуетъ съ самаго начала восстанія и съ вѣдома правительства, такъ какъ съ разрѣшенія великаго князя намѣстника, движимаго чувствомъ челолюбія, открыто было нѣсколько такихъ лазаретовъ въ разныхъ пунктахъ царства Польскаго. Въ Бранцицкомъ лазаретѣ перебивало множество тяжело-раненыхъ повстанцевъ, изъ которыхъ выздоровѣло очень немного. Состоя въ родствѣ съ помѣщицей и принявъ послѣ выѣзда ея съ дѣтьми въ Варшаву добровольное попеченіе о ране-

ныхъ, старуха приняла на себя и завѣдываніе имѣніемъ, пришедшимъ въ скоромъ времени въ полнѣйшее разстройство. Послѣ бѣгства помѣщицы въ Варшаву, разбѣжалась постепенно вся дворня, а затѣмъ бѣжалъ и находившійся при лазаретѣ вольнопрактикующій врачъ, а раненые (которыхъ къ тому времени въ лазаретѣ было немного) остались на попеченіи хозяйки-старухи и фельдшера-подростка. По словамъ хозяйки, лазаретъ существовалъ на случайныя добровольныя пожертвованія, причѣмъ значительною долею послѣднихъ раненые повстанцы обязаны были начальникамъ отрядовъ, проходившихъ почти ежедневно черезъ Бранщикъ въ Островскіе и Бранщицкіе лѣса для уничтоженія повстанскихъ бандъ; а одинъ изъ начальниковъ такихъ отрядовъ, именно командиръ Кексгольмскаго гренадерскаго полка генераль Ралль, оставилъ въ пользу раненныхъ повстанцевъ 25 рублей.

— За 9 мѣсяцевъ я многое видѣла и многое пережила здѣсь, — добавила старуха. — Отвѣшивая поклоны сегодня начальникамъ войскъ, а завтра повстанскимъ «довудцамъ», могу сказать одно, что я во все то время никого и ничего не боялась. Когда всѣ разбѣжались, я осталась одна, поддерживаемая увѣренностью, что мои сѣдые волосы оградятъ меня отъ всякаго насилія. И дѣйствительно никто меня пальцемъ не тронулъ.

На вопросъ начальника отряда, не находится ли въ имѣніи какихъ нибудь запрещенныхъ предметовъ, старуха заявила, что, кромѣ одежды, оставшейся отъ умершихъ повстанцевъ и сложенной на чердакѣ, она не знаетъ ничего о какихъ бы то ни было складахъ запрещенныхъ предметовъ.

Первый ночлегъ въ Бранщикомъ имѣніи надолго остался у каждаго изъ насъ въ памяти, и теперь, по прошествіи 30-ти лѣтъ, онъ живо сохранился въ моей памяти, и я не могу вспомнить о немъ безъ содроганія. Въ пустомъ, холодномъ бывшемъ помѣщичьемъ домѣ мы не нашли ни кровати, ни стола, ни стула, ни соломы на подстилку, ни куска хлѣба. У хозяйки, кромѣ кувшина молока, пріобрѣтеннаго ею днемъ гдѣ-то въ деревнѣ, не оказалось ровно ничего съѣстнаго. Чѣмъ она питалась со своими ранеными среди этой «мерзости запустѣнія», трудно было понять... Само собою разумѣется, что къ предложенному ею молоку никто не рѣшился прикоснуться, а между тѣмъ, выступивъ съ мѣста налегкѣ, израсходовавъ все, что было взято съ собою съѣстнаго, и ошибочно рассчитавъ на возможность достать на пути все необходимое для продовольствія, офицеры очутились на ночлегѣ въ бранщикомъ лазаретѣ въ положеніи худшемъ, чѣмъ это могло случиться въ разоренной непріятельской странѣ. Посылать людей въ сосѣднія деревни (изъ которыхъ ближайшая находилась въ 3-хъ верстахъ) въ темную ночь за провизіей было по многимъ причинамъ неудобно, и оставалось удовольствоваться «пустымъ» чаемъ. Солдаты также остались голод-

ными, пообѣдавъ съ утра въ м. Вышковъ и уничтоживъ выданную имъ фунтовую порцію мяса на привалѣ. Но у нихъ были съ собою сухари и соль, и положеніе солдатъ, въ сравненіи съ офицерами, было относительно лучшее. Отложивъ вопросъ объ утоленіи голодадо слѣдующаго раза, оставалось позаботиться о разведеніи огня, что также оказалось не легкимъ. За недостаткомъ дровъ, солдатами снято было въ темнотѣ не знаю ужъ съ какихъ строеній нѣсколько дверей, которыя тутъ же были разломаны и положены въ каминъ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, выразившагося шипѣньемъ и трескомъ, отсырѣвшіе куски дверей запылали наконецъ яркимъ пламенемъ, и мы принялись поочередно за просушку платья и сапоговъ, усѣвшись на полу передъ каминомъ. Вопросъ о томъ, какъ устроиться для сна за недостаткомъ подстилки, такъ и остался вопросомъ открытымъ: кто-то изъ офицеровъ предложилъ было воспользоваться повстанской одеждой, сложенной по заявленію хозяйки на чердакѣ, но посланный туда съ фонаремъ казакъ сбросилъ на полъ въ сѣняхъ нѣсколько «форменныхъ» куртокъ и полушубковъ, испачканныхъ кровью и облѣпленныхъ приставшими къ ней сухими листьями, однимъ словомъ оказавшихся въ такомъ отвратительномъ видѣ, что употребить ихъ на подстилку никто не рѣшился ¹⁾. Вскорѣ около камина образовался полукругъ изъ офицеровъ, лежавшихъ на полу, ногами къ камину, въ надѣтыхъ въ рукава шинеляхъ, казавшихся какъ бы дымившимися, вслѣдствіе выдѣленія изъ нихъ паровъ.

Не смотря на печальную обстановку ночлега и пустоту желудковъ, офицеры сохранили непринужденно-веселое настроеніе духа, шутили и смѣялись. Только ротный командиръ, недавно женившійся, хранилъ упорное молчаніе и, усѣвшись на добытой откуда-то трехногой скамьѣ, смотрѣлъ мрачнымъ взоромъ на пылавшій въ каминѣ огонь. Въ 12 часовъ ночи, взявъ съ собою унтеръ-офицера, я отправился для повѣрки часовыхъ, выставленныхъ отъ моего взвода, и зашелъ въ занятый для помѣщенія солдатъ флигель, гдѣ засталъ солдатъ и казаковъ, спавшихъ вперемежку на полу, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись клоки Богъ вѣсть откуда натасканной солдатами полугнилой соломы. Во флигелѣ было холодно, сыро, и во многихъ окнахъ недоставало стеколъ. На дворѣ въ это время разыгрывалась чисто-адекая оргія: дождь лилъ потоками, ревѣлъ вѣтеръ, потрясая и стуча дверьми и окнами пустыхъ зданій, а тьма стояла такая, что въ двухъ шагахъ нельзя было замѣтить человѣка. Наталкиваясь то на деревья, то на заборы, я обогнулъ паркъ и, подбодривъ, гдѣ оказалось нужнымъ, часовыхъ, попалъ обратно въ занятый офицерами «повстанскій лазаретъ», только благодаря свѣту, виднѣвшемуся изъ оконъ правой половины

¹⁾ Всею эту одежду, по приказанію начальника отряда, на слѣдующій день казаки сложили въ костеръ и сожгли.

дома. «Лазареть», утонувшій въ мракѣ осенней мглы, со слабо освѣщенными тремя, или четырьмя окнами, наблюдаемый издали, имѣлъ какой-то зловѣщій видъ и казался самымъ подходящимъ мѣстомъ для «шабаша вѣдьмъ»...

На слѣдующій день, посланной въ близлежавшія деревни цѣлой компаніей денщиковъ, закуплено было все, что можно было найти у крестьянъ съѣстнаго, и у насъ къ завтраку оказался хлѣбъ, яйца и нѣсколько десятковъ картофеля, а къ обѣду поспѣли, супъ изъ куръ и такое же жаркое.

Въ тотъ же день, передъ вечеромъ, казачій разѣздъ захватилъ двухъ повстанцевъ изъ банды Соловья, пробиравшихся черезъ кустарники, покрывающіе лѣвый берегъ р. Буга, къ Бранщицкимъ лѣсамъ. Повстанцы эти показали, что они были въ имѣніи Сломьянкѣ въ то время, когда передъ окнами помѣщичьяго дома появился казакъ, и что, переплывъ р. Наревъ и дойдя до Радзимицкихъ лѣсовъ, они повернули назадъ и, перейдя обратно вплавъ черезъ рѣку выше Сломьянки, прошли черезъ м. Вышковъ въ Островскіе лѣса, совершивъ недалеко отъ этого мѣстечка третью переправу вплавъ уже черезъ р. Бугъ. Въ Островскихъ лѣсахъ Соловей распустилъ банду, посовѣтовавъ своимъ подчиненнымъ зарыть оружіе и снаряженіе въ лѣсу, а лошадей забрать съ собою. Совѣту этому, по словамъ повстанцевъ, почти никто не послѣдовалъ, и они разбрелись по лѣсу, бросая оружіе и оставляя на произволъ судьбы совсѣмъ «загнанныхъ» лошадей, изъ которыхъ нѣсколько въ тотъ же день пало. Соловей объявилъ имъ, что уходитъ въ Пруссію.

Въ «повстанскомъ бранщицкомъ лазаретѣ» отрядъ простоялъ три дня, производя обыски и арестовавъ нѣсколько челоувѣкъ, заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ бандой Соловья, а затѣмъ вернулся для дальнѣйшихъ поисковъ на правый берегъ р. Нарва.

Обойдя и обыскавъ всѣ имѣнія, лежавшія вдоль праваго берега р. Нарва, начальникъ отряда арестовалъ и отправилъ въ Пултускъ помѣщика Кляuze, у котораго подъ крышкою рояля найдены были квитанціи повстанскихъ «довудцевъ» въ принятіи поставленнаго помѣщикомъ въ банды овса. Рѣшеніемъ военнаго начальника полковника Зайцева, Кляuze приговоренъ былъ къ мѣсячному аресту и къ уплатѣ денежнаго штрафа въ размѣрѣ 500 рублей, такому же взысканію подвергнутъ былъ и владѣлецъ Сломьянки баронъ Пюджетъ, за принятіе у себя банды Соловья.

Пробывъ около двухъ недѣль въ экспедиціи, отрядъ вернулся въ м. Сероцкъ 6-го декабря. Къ тому времени формированіе сельской стражи было окончено, и она вступила въ исполненіе своихъ обязанностей, а одновременно съ тѣмъ послѣдовало распоряженіе объ учрежденіи во всѣхъ заштатныхъ городахъ и мѣстечкахъ должности военныхъ полицеймейстеровъ, съ добавочнымъ содержаніемъ по 50 коп. въ сутки. Уступая убѣдительною просьбѣ началь-

ника отряда, я принялъ должность военнаго полицеймейстера въ м. Сероцкѣ. Дѣятельность свою въ этой новой, въ высшей степени несимпатичной мнѣ, должности я началъ повѣркой мужского населенія мѣстечка, истребовавъ для сего изъ мѣстнаго магистрата книги и списки и тщательно провѣривъ ихъ съ каждымъ хозяиномъ дома порознь. При этомъ оказалось, что изъ мѣстнаго христіанскаго населенія, числомъ около 800 взрослыхъ мужчинъ, ушло въ повстанскія банды всего 2 человѣка. Изъ евреевъ въ возстаніе не ушелъ никто, а жертвою его сдѣлался одинъ человѣкъ, нѣкій Шмерко, служившій во время лѣта у начальника отряда лазутчикомъ и повѣщенный повстанцами вблизи мѣстечка за нѣсколько дней передъ выступленіемъ нашего отряда въ экспедицію. Еврей этотъ отличался крайнею осторожностью и втеченіе лѣта не отлучался изъ мѣстечка ни на одинъ шагъ. Осенью же, рассчитывая, что въ окрестностяхъ Сероцка не появятся больше повстанцы, отправился въ д. Побуково, лежащее въ 2-хъ верстахъ отъ мѣстечка, и на обратномъ пути оттуда былъ схваченъ и повѣшенъ возлѣ самой дороги. Къ «лапсердаку» Шмерки! на груди приколотъ былъ клочекъ бумаги съ надписью попольски: «за шпіонство». Трупъ повѣшеннаго замѣченъ былъ казачьимъ разъѣздомъ въ сумерки уже совсѣмъ похолодѣвшимъ, причемъ одна рука покойнаго была за спиной, а другая застыла у шеи на веревкѣ. Повидимому, «операцию» вѣшанья производили два человѣка, изъ которыхъ одинъ надѣвалъ петлю, а другой держалъ вѣшаемаго за руки, загнутыя за спину, и одной изъ рукъ Шмерко схватился за веревку уже во время агоніи.

Окончивъ повѣрку населенія, я составилъ для каждаго дома отдѣльно именныя списки проживавшихъ въ домѣ мужчинъ и роздалъ хозяевамъ. На основаніи инструкціи исполняющимъ должность военныхъ полицеймейстеровъ, списки эти должны были быть вѣшаны на видномъ мѣстѣ, для того, чтобы во всякое время можно было провѣрить какъ находящихся въ домѣ мужчинъ, такъ равно и отсутствовавшихъ. Во всякомъ случаѣ на хозяина дома возлагалась строгая отвѣтственность за принятіе въ домъ, хотя бы на непродолжительное время, лица, не снабженнаго паспортомъ отъ военнаго начальника, или «легитимаціонной» книжкой, выдаваемой только однимъ крестьянамъ.

Одновременно съ повѣркой населенія, на выѣздахъ изъ мѣстечка учреждены были дежурства изъ избранныхъ вновь изъ роты для полицейской службы солдатъ, на обязанность которыхъ возложенъ былъ осмотръ экипажей и повозокъ, слѣдовавшихъ черезъ мѣстечко. Въ то же время солдаты эти отбирали отъ всѣхъ проѣзжающихъ паспорта и книжки и предъявляли ихъ мнѣ для сличенія примѣтъ и освидѣтельствованія.

Безъ соблюденія этихъ формальностей никто не могъ ни пройти,

ни проѣхать, черезъ мѣстечко, а съ 9 часовъ вечера всякое движеніе въ мѣстечкѣ, а также въѣздъ или выѣздъ изъ него, безусловно воспрещались. Исполненіе этихъ мѣръ, тяжелыхъ, безъ сомнѣнія, для мѣстнаго населенія, не легко доставалось и мнѣ, отнимая очень много времени, такъ какъ я, кромѣ безотлучнаго нахожденія какъ днемъ, такъ и ночью, на квартирѣ, долженъ былъ еще являться два раза въ день для повѣрки проѣзжающихъ на почтовую станцію къ приходу изъ Варшавы и Пултуска почтоваго дилижанса.

Вскорѣ послѣ возвращенія сероцкаго отряда изъ поисковъ за р. Наревомъ, начальникъ отряда получилъ увѣдомленіе, что изъ Варшавы командированъ состоящій при штабѣ арміи генеральнаго штаба подполковникъ К. для повѣрки дѣйствій начальниковъ отрядовъ (частныхъ) и для поисковъ въ Браншицкихъ лѣсахъ, то-есть въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ недавно произведены были поиски нашимъ отрядомъ, и что въ м. Сероцкѣ подполковникъ К. пробудетъ однѣ сутки.

Нѣсколько дней спустя К. совершилъ «въѣздъ» въ Сероцкѣ верхомъ, во главѣ 50-ти казаковъ, одѣтый въ рѣдкое въ то время непромокаемое пальто, держа въ рукѣ, не смотря на довольно сильный морозъ, раскрытую книгу, которую, какъ казалось, читалъ съ большимъ вниманіемъ. Встрѣченный на отведенной ему квартирѣ мною и начальникомъ отряда, подполковникъ К., обмѣнявшись съ послѣднимъ нѣсколькими словами, просилъ объ оставленіи меня въ его распоряженіи, обѣщавъ все, въ чемъ онъ встрѣтитъ надобность, сообщать мнѣ, для доклада, если нужно будетъ, начальнику отряда. По уходѣ послѣдняго, когда мы ослались tête-à-tête съ подполковникомъ, онъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Прежде всего, попрошу васъ розыскать къ моей кровати ширму, а затѣмъ получите отъ меня списокъ нѣсколькихъ лицъ, проживающихъ въ принадлежащей къ сероцкому участку Зегржинской гминѣ, которыхъ прикажете арестовать и доставить ко мнѣ на квартиру завтра къ 8 часамъ утра». Послѣ этого вступленія К. занялся розысканіемъ въ своемъ сакъ-воязѣ списка и, вручая таковой мнѣ, распространился подробно о наиболѣе надежномъ способѣ захвата указанныхъ въ списокѣ лицъ, высказавъ при этомъ свои предположенія о затрудненіяхъ, съ которыми будетъ сопряжено исполненіе ареста, въ виду чего рекомендовалъ избрать для сего самыхъ ловкихъ и расторопныхъ казаковъ, совершить арестъ непременно ночью и пр. «Нужно устроить, — заключилъ свою длинную тираду подполковникъ, — ночной набѣгъ, а о томъ, чтобы онъ вышелъ быстро и успѣшно, предоставляю позаботиться вамъ, подъ вашею личною отвѣтственностью».

Взявъ списокъ, я взглянулъ, воспользовавшись удобной минутой, на заглавіе лежавшей на столѣ раскрытой книги (оказавшейся

памфлетомъ подъ заглавіемъ «Les amours de Napoleon III») и, раскланявшись съ подполковникомъ, ушелъ къ себѣ на квартиру, вынеся изъ разговора съ нимъ, убѣжденіе, что придется имѣть дѣло съ однимъ изъ «mon-chér-овъ», съ которымъ, однако, нужно быть весьма осторожнымъ.

Придя на квартиру и разсмотрѣвъ внимательно имѣвшійся у меня списокъ подозрительныхъ и замѣшанныхъ въ возстаніе лицъ (за которыми приказано было слѣдить и въ случаѣ появленія въ участкѣ немедленно арестовать), я, къ моему удивленію, не нашелъ въ немъ ни одной фамиліи, похожей на тѣ, которыя были указаны въ запискѣ, врученной мнѣ подполковникомъ К. Объ этомъ обстоятельстве я счелъ нужнымъ тотчасъ же доложить начальнику отряда, упомянувъ при томъ о заглавіи книги, чтеніемъ которой развлекался подполковникъ, сидя на конѣ, и о приказаніи достать къ его кровати ширму.

— Это онъ вамъ читалъ лекцію изъ «теоріи малой войны»,— сказалъ со свойственной ему рѣзкостью маіоръ Керманъ:— не нужно никакихъ набѣговъ, а тѣмъ болѣе ночныхъ. Поплите съ казакомъ списокъ этотъ къ войту гмины и передайте ему отъ меня приказаніе, чтобы люди, поименованные въ запискѣ, были къ 8 часамъ утра на вашей квартирѣ, а вы ихъ отведете къ К.

Надъ приказаніемъ подполковника «доставить ширму» Керманъ зло подсмѣялся, высказавъ предположеніе, что К., начитавшемуся дорогой о «Наполеоновскихъ амурахъ», понадобилась ширма для собственныхъ «амурныхъ» цѣлей. Предположеніе маіора Кермана на этотъ разъ не оправдалось, и съ трудомъ добытыя въ мѣстечкѣ и поставленныя у кровати К. ширмы послужили, какъ это мы сейчасъ увидимъ, совсѣмъ для другой цѣли.

На слѣдующее утро всѣ названныя въ запискѣ лица, въ числѣ 6 человекъ, были у моей квартиры.

Они были крестьянами деревни Зегрже, хозяевами, людьми уже не первой молодости; никуда втеченіе лѣта изъ деревни не отлучались и въ возстаніи ни малѣйшаго участія не принимали. Забравъ крестьянъ съ собою, я отправился къ подполковнику К. и доложилъ ему о прибытіи всѣхъ ихъ безъ исключенія.

— А попались молодчики!—весело воскликнулъ подполковникъ К.,—значить, ночной набѣгъ нашъ былъ отлично задуманъ и также исполненъ. Съ этими господами иначе нельзя: они самого чорта проведутъ. Прикажете, пожалуйста, конвойнымъ (которыхъ, кстати сказать, вовсе не было) впускать сюда по одному человекъ по мѣрѣ моего вызова, а сами, если желаете, оставайтесь послушать показанія этихъ молодцовъ».

Я едва удержался отъ смѣха, слушая эту болтовню подполковника К., и счелъ за лучшее не разсѣивать его заблужденія на счетъ виновности приведенныхъ къ допросу крестьянъ, умолчавъ

и о томъ, посредствомъ какого «ночнаго набѣга» они были доставлены въ Сероцкъ. Приглашеніемъ же подполковника К. присутствовать при допросѣ «молодцовъ» я воспользовался съ удовольствіемъ и, получивъ разрѣшеніе присѣсть, занялъ мѣсто у столика, у котораго имѣлъ происходить допросъ. Вызванный изъ сѣней подполковникомъ К. первымъ, довольно пожилой и видимо глуповатый хлопъ отозвался полнымъ невѣдѣніемъ на всѣ сдѣланные ему вопросы: ни о складахъ оружія, ни о мѣстѣ, гдѣ держался «довудца» банды Соловей и т. п., онъ ровно ничего не зналъ, а «Соловья» не только никогда не видѣлъ, но даже не слыхалъ, былъ ли гдѣ нибудь такой «Соловей — довудца». Равнымъ образомъ ничего не зналъ и о начальникѣ жандармовъ вѣшателей Карпинскомъ. Приказавъ выйти опрошенному, подполковникъ К. побѣждалъ за ширму и тамъ обмѣнялся съ кѣмъ-то вполголоса нѣсколькими словами попольски. Догадавшись, что за ширмою скрывается лазутчикъ, я понялъ, для какого назначенія она была нужна подполковнику К. Процедуру допроса подполковникъ К. продѣлалъ со всѣми 6-ю человекѣми поочередно совершенно одинаковымъ образомъ, причемъ показанія допрашиваемыхъ оказались вполнѣ одинаковыми. Только два изъ нихъ заявили, что какъ-то, въ половинѣ лѣта, въ деревню пріѣзжали верхомъ нѣсколько человекъ повстанцевъ, отъ которыхъ они спрятались въ огородѣ. Повстанцы взяли изъ деревни одного «хозяина» (*gospodarza*) и увели его съ собою. Съ тѣхъ поръ хозяинъ этотъ пропалъ безъ вѣсти. Послѣ ухода повстанцевъ они слышали, какъ крестьяне рассказывали, что начальствовалъ надъ повстанцами панъ Карпинскій. Покончивъ съ послѣднимъ допрашиваемымъ и приказавъ отпустить всѣхъ крестьянъ по домамъ съ обязательствомъ находиться безотлучно на мѣстѣ ихъ жительства, подполковникъ К. крикнулъ попольски. «Можешь выйти! Пока ты мнѣ не нуженъ». На это приказаніе изъ-за ширмы вышелъ казакъ. Проходя мимо, онъ окинулъ меня быстрымъ, пронзительнымъ взглядомъ, и я успѣлъ рассмотреть его наружность: брюнетъ, не болѣе 25-ти лѣтъ отъ роду, со смуглымъ, правильнаго очертанія лицомъ, небольшими черными усами, казакъ этотъ показался мнѣ замѣчательнымъ красавцемъ. Особенно хороши были его большіе глаза, горѣвшіе какимъ-то особеннымъ блескомъ. Привзглядѣ на его коротко остриженные волосы, мнѣ почему-то показалось, что это не казакъ, а загримированная женщина, и я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на подполковника К. Понявъ значеніе моего взгляда, подполковникъ К. засмѣялся и сказалъ: «Вамъ кажется, что это женщина, и вы не можете объяснить себѣ никоимъ образомъ разговора моего съ казакъ на польскомъ языкѣ. Это не женщина и не казакъ, а перодѣтый въ казачье платье Карпинскій,—тотъ самый (если вы слыхали), который формировалъ въ Бранщицкихъ лѣсахъ жандар-

мовъ-вѣшателей и самъ собственноручно вѣшалъ людей. Передъ наступленіемъ осени онъ явился съ повинною въ Варшаву, обѣщавъ выдать своихъ сообщниковъ и указать мѣста, гдѣ зарыто оружіе. Теперь я его веду на мѣсто подвиговъ. Посмотримъ, что онъ мнѣ укажетъ. Во всякомъ случаѣ, по возвращеніи въ Варшаву, Карпинскій будетъ приговоренъ къ повѣшенію, а пока онъ состоитъ у меня подъ надзоромъ, и'я имѣю съ нимъ не мало хлопотъ. Представьте себѣ: казаки не только не хотятъ съ нимъ говорить и останавливаться на одной квартирѣ, но даже никто изъ нихъ во время слѣдованія не соглашается ѣхать съ нимъ рядомъ». Слова эти произнесены были К. нервно, скороговоркой, и онъ казался взволнованнымъ и сконфуженнымъ результатомъ допроса крестьянъ. О томъ, откуда имъ добытъ списокъ вѣржинскимъ крестьянамъ, К. не сказалъ ни слова, но для меня стало яснымъ, что списокъ тотъ былъ составленъ по указаніямъ Карпинскаго, вводящаго обвиненія на ни въ чемъ неповинныхъ людей, съ цѣлью умалить этимъ путемъ тяготѣвшія надъ нимъ преступленія, а, можетъ, быть и «оттянуть» еле возможно время окончательной расплаты съ правосудіемъ... На слѣдующій день подполковникъ выступилъ изъ Сероцка въ тотъ самый Бранщикъ, откуда недавно вернулся нашъ отрядъ, гдѣ и пробылъ нѣсколько дней. На обратномъ пути въ Варшаву К. ночевалъ вторично въ Сероцкѣ, обѣдалъ на почтовой станціи, но о результатахъ своихъ поисковъ и повѣрокъ не говорилъ ничего и только какъ-то въ бесѣдѣ о Карпинскомъ проговорился нечаянно слѣдующимъ образомъ: «этотъ прохвостъ, кажется, водилъ меня понапрасну. Я собирался было его выпоротъ. Ну, да чортъ съ нимъ: ему и такъ не много осталось жить». Изъ этихъ словъ можно было заключить, что результаты, добытые подполковникомъ К. по открытію складовъ оружія, обнаруженія лицъ, причастныхъ къ возстанію и проч., оказались «не изъ важныхъ». Тѣмъ не менѣе, появленіе подполковника К. въ предѣлахъ нашего участка не осталось вполне безплоднымъ и имѣло собственно для мѣстечка нѣкоторое чисто «мѣстнаго характера» значеніе. Дѣло состояло въ томъ, что во время пребыванія въ Сероцкѣ подполковникъ К. познакомился случайно съ дѣвицей Г., замѣчательной красоты брюнеткою. Обмѣнявшись съ ней нѣсколькими словами, К. воспылалъ къ барышнѣ «великою страстью», въ чемъ и проболтался передъ знакомыми ему уже офицерами отряда. При этомъ не мѣшаетъ пояснить, что дѣвица Г. проживала въ Сероцкѣ при родителяхъ, будучи ихъ единственною дочерью. Отецъ ея, неизвѣстной «профессіи» старикъ, существуя на неизвѣстныхъ же средствахъ въ Сероцкѣ, велъ совершенно праздную жизнь, занимаясь иногда на почтовой станціи игрой въ преферансъ «въ долгъ». Нѣсколько времени спустя послѣ отбытія подполковника К. изъ Сероцка, дѣвица Г., получивъ отъ началь-

ника отряда билетъ на проѣздъ, ѣздила въ Варшаву, а вскорѣ послѣ ея возвращенія оттуда послѣдовало, къ общему удивленію жителей мѣстечка, назначеніе отца дѣвицы мѣстнымъ бургомистромъ... Однако «бургомистрованіе» Г. въ Сероцкѣ продолжалось не болѣе двухъ мѣсяцевъ: по требованію слѣдственной комиссіи надъ политическими преступниками, учрежденной въ Варшавѣ, онъ былъ смѣщенъ съ должности и посаженъ въ тамошнюю слѣдственную тюрьму.

Рождественскій сочельникъ ознаменовался неожиданнымъ событіемъ въ окрестностяхъ мѣстечка Сероцка, переполошившимъ населеніе и поднявшимъ на ноги нашъ отрядъ. Событіе это было послѣднимъ кровавымъ «подвигомъ» признанныхъ уже несуществующими повстанцевъ и состояло въ слѣдующемъ: поздно вечеромъ, въ деревню Янки, принадлежащую помѣщику Скаржинскому и находящуюся въ 6-ти верстахъ отъ мѣстечка Сероцка, пришла конная банда изъ 20 повстанцевъ, спасавшаяся, какъ оказалось впоследствии, по льду черезъ Бугъ отъ преслѣдованія Радзимиинскаго отряда. Предводитель банды, бывшій управляющій имѣніемъ сенатора Муханова, нѣкто Янковскій (онъ же Шидловскій), разстрѣлялъ изъ револьверовъ, у самой деревни, одного изъ повстанцевъ, приказавъ зарыть трупъ въ своемъ присутствіи и, забравъ съ собою силою двухъ молодыхъ крестьянъ и пару лошадей, ушелъ обратно за рѣку Бугъ, предупредивъ крестьянъ, что если они дадутъ знать въ Сероцкѣ о его бытности въ деревнѣ раньше двухъ часовъ, то онъ сожжетъ деревню дотла. Крестьяне исполнили приказаніе Янковскаго въ точности, такъ какъ по сдѣланному нами вычисленію, именно по прошествіи двухъ часовъ, въ Сероцкѣ прискакалъ на неосѣдланной лошади солтысъ и доложилъ начальнику отряда о случившемся. Не смотря на очевидную запоздалость извѣстія о появленіи въ деревнѣ Ярки повстанцевъ, для преслѣдованія ихъ выслана была изъ Сероцка на обывательскихъ, дежурныхъ подводахъ полурота пѣхоты въ сопровожденіи казаковъ, и одновременно отправленъ былъ эстафетъ начальнику радзимиинскаго отряда съ извѣщеніемъ о переходѣ Янковскаго за Бугъ.

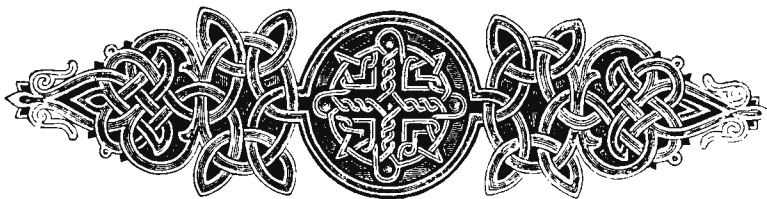
Погоня за повстанцами, какъ и слѣдовало ожидать, осталась безплодной, но на третій день послѣ описаннаго происшествія предводитель банды Янковскій, пробиравшійся въ одиночку къ Млавскимъ лѣсамъ, пограничнымъ съ Пруссією, схваченъ былъ въ лѣсу у деревни Непорента казаками, состоявшими подъ начальствомъ маіора Самогитскаго гренадерскаго полка Гофштетера, высланнаго съ отрядомъ для поисковъ изъ города Радзимины. Янковскій отвезенъ былъ въ Варшаву, гдѣ и подвергся смертной казни черезъ повѣшеніе. Онъ былъ послѣднимъ изъ предводителей повстанцевъ, появившихся время отъ времени въ Сероцкомъ участкѣ.

Послѣ новаго 1864 года въ отрядѣ нашемъ произошли перемѣны: числительность его уменьшена была до одной роты, казаки отправлены были къ своему полку, бывший начальникъ отряда майоръ Керманъ назначенъ былъ командиромъ баталіона, а временное завѣдываніе «Сероцкимъ участкомъ» возложено было на ротнаго командира оставшейся въ мѣстечкѣ роты. Въ то же время упраздненъ былъ «Пултуско-Остроленскій» отдѣлъ, и въ каждый изъ уѣздныхъ городовъ назначенъ былъ особый военный начальникъ. 19-го февраля послѣдовалъ высочайшій манифестъ объ устройствѣ быта крестьянъ царства Польскаго, торжественно объявленный на площади нарочно для сего собраннымъ въ Сероцкѣ представителямъ всѣхъ гминъ, входившихъ въ составъ Сероцкаго участка. Въ началѣ марта мѣсяца я получилъ предписаніе новаго военного начальника Пултускаго уѣзда образовать въ гминахъ Сероцкаго участка гминные и сельскіе сходы и наблюсти за выборами крестьянами лавниковъ (сельскихъ судей) и войтовъ гминъ. Ознакомившись съ «положеніемъ объ устройствѣ крестьянъ царства Польскаго», я объѣхалъ всѣ гмины и втеченіе двухъ недѣль, переѣзжая изъ деревни въ деревню, окончилъ возложенное на меня порученіе. При этомъ я имѣлъ возможность убѣдиться въ полномъ спокойствіи и безопасности на всемъ пространствѣ Сероцкаго участка, а о повстанцахъ въ то время не было уже, какъ говорится, ни слуху, ни духу. Къ выборамъ и вообще къ свсему новому положенію крестьяне отнеслись съ полнымъ вниманіемъ, и только выбранные въ войты гмины высказывали нѣкоторую боязнь по поводу предстоявшей имъ на новомъ положеніи дѣятельности, полагая, что должность войта гмины будетъ «хлопу не по силамъ».

4-го іюля должности военныхъ полицеймейстеровъ въ заштатныхъ городахъ были уничтожены, а вслѣдъ затѣмъ и «Сероцкій отрядъ» прекратилъ свое существованіе. Рота нашего полка, бывшая въ составѣ этого отряда болѣе года, выступила въ мѣстечко Плонскъ на присоединеніе къ полку, и одновременно съ ней я оставилъ Низовскій полкъ и Привислянскій край навсегда.

В. Щ. В.

РУССКІЕ КОРТЕЦЫ.

ИДАВНО появились въ свѣтъ три новыхъ труда профессора Харьковскаго университета П. Н. Буцинскаго: «Крещеніе остяковъ и вогуловъ при Петрѣ Великомъ», «Мангазея и Мангазейскій уѣздъ» и «Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ». Всѣ эти труды, какъ видно уже изъ заглавій, посвящены исторіи Сибири и составляютъ какъ бы продолженіе вышедшаго въ 1889 г. большаго труда того же автора: «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ». Работа почти исключительно по неизданнымъ архивнымъ матеріаламъ, профессоръ Буцинскій имѣлъ возможность сосредоточить въ своихъ трудахъ такъ много новыхъ и интересныхъ данныхъ по исторіи Сибири, что мы считаемъ не лишнимъ ознакомить читателей «Историческаго Вѣстника» хотя бы отчасти съ прошлымъ бытомъ сибирскаго населенія на основаніи, главнымъ образомъ, работъ профессора Буцинскаго.

I.

Въ концѣ XV вѣка вся сѣверо-восточная Русь была объединена подъ властью московскаго великаго князя. Междоусобія прекратились, но юное государство было со всѣхъ сторонъ окружено врагами — съ юго-востока и юга его беспокоили татары и мятежные инородцы Поволжья, съ запада шла постоянная борьба съ Литовско-Польскимъ государствомъ и Ливонскимъ орденомъ — могучими врагами, которые чувствовали, что Москва грозитъ самому ихъ существованію, и потому всѣми способами старались уничтожить

Русское царство. Въ XVI вѣкѣ къ этимъ врагамъ присоединилась еще Швеція, которая со временъ Александра Невскаго не безпокоила русскихъ предѣловъ. Борьба со всѣми этими врагами требовала громаднаго напряженія всѣхъ силъ Московскаго государства, принуждала его къ жертвамъ тяжкимъ, но неизбѣжнымъ, потому что борьба шла не на животъ, а на смерть. А между тѣмъ средства Московскаго государства были крайне ограничены, и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствовали тяжести и сложности задачъ, которыя выставлялись на очередь историческимъ ходомъ событій. Такое несоотвѣтствіе быстро привело юную державу къ страшному экономическому кризису, который особенно тяжело отозвался на тяжлыхъ (податныхъ) классахъ населенія. Разные экстраординарные поборы, въ родѣ, на примѣръ, пятинныхъ денегъ, и другія «великія государевы службы» въ конецъ разоряли крестьянъ и посадскихъ — и вотъ «государевы людишки бредутъ врозь и дворишки свои мечютъ», бѣгутъ массами за предѣлы Московскаго государства. На Волгѣ и Донѣ образовались значительныя скопленія казаковъ, часть которыхъ продолжала и здѣсь заниматься хлѣбопашествомъ, а другая разбилась на отдѣльныя банды, разбойничавшія на большихъ торговыхъ путяхъ, либо учинявшія набѣги на сосѣднее населеніе, при чемъ одинаково плохо приходилось и подданнымъ московскаго царя, и татарамъ, и персамъ, и всѣмъ, кто только подъ руку попадался. Но скоро царскіе воеводы показали и на Волгѣ. Казачимъ шайкамъ пришлось плохо, и онѣ роспрыснулись во всѣ стороны. Часть казаковъ, подъ начальствомъ Ермака, бѣжала на сѣверъ, въ бассейнъ Камы, а оттуда перевалила за Уралъ и вторгнулась въ Сибирь. Но удалый казацкій атаманъ взялся рубить дерево не по силамъ. Правда, онъ не разъ разбилъ сибирскія полчища, онъ занялъ самую столицу хана Кучума, но въ концѣ концовъ и самъ онъ, и почти всѣ его товарищи сложили, свои буйныя головы подъ ударами татарскихъ кривыхъ сабель. Однако дорога въ богатое Зауралье была уже показана. Положимъ, и прежде торговые и промышленные люди новгородскихъ волостей бывали въ Сибири, но, во-первыхъ, они проникали только въ сѣверную ея часть, къ устьямъ Оби и Таза, и, во-вторыхъ, путь въ эти мѣста, шедшій по Ледовитому океану и по тундрамъ полуострова Ялмала, былъ далекъ, да и мало кому извѣстенъ. Предпріятіе же Ермака показало торную дорогу въ эту страну соболей и чернобурыхъ лисицъ. Вслѣдъ за удалымъ атаманомъ двинулись царскіе воеводы и превратили владѣнія Кучума въ московское воеводство. За воеводами потянулись въ Сибирь разные «пріобрѣтатели», торговые и промышленные люди, которые вскорѣ опередили воеводъ, стараясь пробраться въ такія мѣста, куда еще не успѣли проникнуть ясачные сборщики — здѣсь торговля съ инородцами и охота за пушнымъ звѣремъ были безпрепятственнѣе и выгоднѣе. По пятамъ за ними

слѣдовали казаки, облагавшіе инородцевъ ясакомъ въ пользу царя, но не забывавшіе и себя. Побрелъ въ Сибирь и обездоленный «гулящій» человѣкъ, которому дома терять было нечего. Сталъ проस्कальзывать за Уралъ окольными дорожками и бѣглый тягелецъ, дворянскій холопъ. И всѣ они находили тамъ ласковый пріемъ. Правительство понимало, что только усиленіемъ русскаго элемента можно укрѣпить за собой новую «дальнюю государеву вотчину», и что безъ русскихъ насельниковъ нельзя будетъ, какъ слѣдуетъ, эксплуатировать всѣ богатства Сибири. И вотъ изъ Москвы приказывали сибирскимъ воеводамъ утилизировать гулящій людъ — либо верстать его въ государеву службу, либо сажать на пашню, при чемъ на первое обезаедеіе давались порядочныя подможныя деньги. Но, всетаки, Сибирь, этотъ громадный пустырь съ непривѣтливой природой и враждебными туземцами, пугала русскаго человѣка, и только крайняя нужда могла заставить его по собственной инициативѣ переселиться сюда съ родины. Поэтому правительство само заботилось о томъ, чтобы организовать въ Россіи переселенческія партіи, давало переселенцамъ большія суммы на подъемъ, даровой проѣздъ въ Сибирь, харчи на все время пути и разныя льготы. Такъ пополнялся крестьянскій классъ въ Сибири; къ тѣмъ же мѣрамъ приходилось прибѣгать, чтобы привлечь туда и духовенство, въ которомъ вновь присоединенный край терпѣлъ большой недостатокъ. Точно также и служилыхъ людей правительство прибирало въ Европейской Руси и отправляло въ Сибирь большими партіями, иногда человѣкъ по 500 и болѣе. Эти «приборные» служилые люди свое путешествіе въ Сибирь сопровождали страшными разбоями и грабежами. Движеніе этихъ переселенцевъ напоминало русскимъ людямъ татарскихъ баскаковъ во времена монгольскаго ига. Едва только дѣлалось извѣстнымъ приближеніе казаковъ и стрѣльцовъ къ городу или селу, какъ жители запирали дома, прятали женъ и дочерей, угоняли въ лѣса скоть и съ ужасомъ ожидали этой орды. Наконецъ, она прибывала, населеніе встрѣчало ее, поило, кормило, давало «поминки» натурой и деньгами въ видѣ откупа, словомъ дѣлало все для этихъ ужасныхъ гостей, лишь бы поскорѣй отъ нихъ отдѣлаться. Но гости не спѣшили, иногда жили на извѣстной стоянкѣ по недѣлѣ и болѣе и кутили на счетъ жителей, ничѣмъ не стѣсня своего разгула, а на прощанье разграбляли имущество своихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Такъ, въ 1593 г. «сынъ боярскій съ атаманомъ и съ казаками, ѣдучи въ Сибирь, воровали; въ отчинѣ боярина Д. И. Годунова крестьянъ били и грабили, женъ крестьянскихъ соромотили, убили изъ пищали крестьянина, а у иныхъ многихъ крестьянъ животину, коровъ, свиней побили и платье пограбили...». Еще лучше вели себя 500 холмогорскихъ стрѣльцовъ, посланныхъ въ 1635 г. въ Тюмень, подъ начальствомъ Прохора Данилова и Андрея Кубасова. Путь этой партіи

лежалъ черезъ Соль Вычегодскую. Жители Соль-Вычегодской волости поторопились собрать 920 подводъ, которыя по подорожной обязаны были выставить стрѣльцамъ, и цѣлую недѣлю ожидали отрядъ. Стрѣльцы прибыли, но продолжать путешествіе не торопились, а прежде всего схватили всеуѣзднаго земскаго старосту Василія Юрьева, посадскихъ цѣловальниковъ, волостныхъ крестьянъ и земскаго дьячка, привели ихъ во дворъ и стали «бить и увѣчить на правезѣ ослопами на смерть»; такими мученіями стрѣльцы добились «великихъ поминокъ, денегъ 220 рублей». Затѣмъ переведенцы для своей бездѣльной корысти прожили на посадѣ болѣе недѣли, били и держали на правезѣ схваченныхъ должностныхъ лицъ, дома разорили и разграбили и множество лишнихъ подводъ доправили. Отъ такихъ непомѣрныхъ смертныхъ правезей старосты, цѣловальники и дьячекъ попробовали укрыться въ сѣзжей избѣ, у воеводы Головачева, но стрѣльцы проникли и туда съ пищалями, саблями, пшлагами и ослопами и опять ихъ били, а воеводу ругали «всякими ма..... словесы». Наконецъ, 28 марта стрѣльцы двинулись далѣе, подвергая по деревнямъ крестьянъ побоямъ и мученіямъ, забирая коровъ, свиней, овецъ и всякое имущество, ломая житницы и выбирая хлѣбъ. И отъ тѣхъ грабежей и насильствъ волости Усольскаго уѣзда запустѣли и крестьяне оскудѣли. Другіе уѣзды также подвергались опустошенію. Такъ, въ Устюжскомъ уѣздѣ стрѣльцы доправили на крестьянахъ рублей 300 и болѣе, въ Важскомъ—тоже. Когда начальникъ стрѣльцовъ попробовалъ ихъ унять отъ воровства, то «стрѣльцы, скопясь съ товарищи, учали его лаять ма....., всякою неподобною лаею и хотѣли убить до смерти, а потомъ они поѣхали впередъ и по деревнямъ воровали, крестьянъ убивали и грабили». Разсказанные факты нельзя считать исключительными: сохранилась масса челобитныхъ на подобные грабежи и разбой переведенцевъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще прибавляется, что казаки или стрѣльцы по деревнямъ насилывали женъ и дочерей крестьянъ, а нѣкоторыхъ даже уводили съ собой въ Сибирь. По жалобамъ челобитчиковъ царь обыкновенно приказывалъ воеводѣ того сибирскаго города, куда переводились служилые люди, «сыскать накрѣпко и виновныхъ бить батогами, сажать въ тюрьму до указа, животы ихъ ограбить, а пуцаго вора повѣсить». Но подобнаго приказа сибирскій воевода, если бы и хотѣлъ, не могъ бы исполнить: грабили и разбойничали всѣ — и головы, и сотники, и рядовые служилые люди; значитъ, воеводѣ приходилось наказывать всю свою команду, а на это у него не хватало силы. Обыкновенно дѣло оканчивалось отпиской воеводы, что онъ «въ тюрьму виновныхъ по сыску сажалъ и, изъ тюрьмы вынявъ, кнутомъ билъ». Даже если воевода отписывалъ правду и дѣйствительно подвергалъ виновныхъ такому наказанію, то во всякомъ случаѣ потерпѣвшимъ грабежъ и разореніе отъ этого было

не легче. Подобные факты ясно показываютъ, каковъ былъ нравственный уровень служилыхъ людей, хозяйничавшихъ въ Зауральи, и нечего удивляться послѣ этого тому, что и въ Сибири они были не носителями порядка, а его разрушителями.

Вслѣдъ за покореніемъ Кучумова царства московское правительство стало практиковать еще одинъ способъ заселенія Сибири русскими. Это была ссылка. Ссылали въ Сибирь военноплѣнныхъ: литву и черкасъ (малороссовъ), поляковъ и шведовъ, ссылали и русскихъ преступниковъ. Часть ссыльныхъ зачислялась въ ряды служилыхъ людей, а другая сажалась на пашню. Тутъ кстати будетъ замѣтить, что втеченіе почти всего XVII вѣка карательная сторона ссылки была совершенно заслонена и почти уничтожена колонизаціонными стремленіями правительства, какъ то ясно доказалъ профессоръ Буцинскій. Въ самомъ дѣлѣ, въ грамотахъ Михаила Ѳеодоровича не рѣдкость встрѣтить, что ссылается разбойникъ и душегубецъ, у котораго на родинѣ ни кола, ни двора. За его преступленіе по тогдашнимъ законамъ слѣдовало казнить, а между тѣмъ царь ссылаетъ его въ Сибирь и велитъ воеводѣ или поверстатъ его на службу и дать царское денежное и хлѣбное жалованье наравнѣ съ другими рядовыми служилыми людьми, или устроить въ пашенные крестьяне, при чемъ преступникъ надѣляется значительнымъ кускомъ земли, получаетъ деньги для перваго хозяйственнаго обзаведенія и «мѣсячину» изъ царскихъ житницъ до тѣхъ поръ, пока будетъ имѣть хлѣбъ со своей пашни, а первыя сѣмена на эту пашню ссыльный получаетъ также изъ царскихъ житницъ. Да вѣдь это скорѣе благодѣяніе, чѣмъ наказаніе для тяжкаго преступника! Но ссыльные преступники плохо цѣнили это благодѣяніе: они часто кидали свою пашню, соединялись въ большія шайки и начинали разбойничать. Только тогда правительство, по неволѣ, стало строже относиться къ ссыльнымъ и запираетъ ихъ въ тюрьмы. Этотъ поворотъ произошелъ въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Мало дорожили своимъ положеніемъ и ссыльные, попавшіе на государеву службу. Для ознакомленія съ этимъ классомъ сибирскихъ насельниковъ, мы приведемъ исторію одной подобной ссыльной партіи. Въ 1619 г. алатырскій воевода (въ теперешней Симбирской губерніи) доносилъ въ Москву, что присланные въ Алатырь 50 человекъ выѣзжихъ запорожскихъ черкасъ ходятъ въ городъ со всякимъ боемъ и чинятъ великій задоръ; а по которымъ дворамъ они стоятъ, и тѣ дворники приходятъ къ нему и говорятъ, что тѣ черкасы похваляются всякимъ лихимъ, злымъ умысленіемъ и выпрашиваютъ, сколь далече къ Дону. А къ Алатырю прилегла степь, дикое поле, а тѣ черкасы всѣ конны, а лошади у нихъ добры, а Алатырскій городъ безлюденъ»... Михаилъ Ѳеодоровичъ распорядился выбрать изъ этой буйной ватаги 40 человекъ и сослать ихъ въ Тобольскъ, гдѣ этихъ

черкасы должны были поверстать въ пѣшіе казаки и дать имъ денежное и хлѣбное жалованье наравнѣ съ послѣдними. Отправили ихъ подѣ конвоемъ изъ русскихъ служилыхъ людей. Какъ эти удалцы вели себя во время пути—неизвѣстно, но вообще жалобы на грабежи и разбои ссыльныхъ были довольно часты, и особеннымъ буйствомъ отличались черкасы; иногда и сами конвойные присоединялись къ ихъ безчинствамъ. Какъ бы то ни было, алатырскіе запорожцы прибыли въ Сибирь, но недолго просидѣли тамъ вольнолюбивые сыны Сѣчи: въ 1621 г. часть ихъ, отправленная за солью на Ямышево озеро, измѣнила царю и убѣжала къ калмыкамъ, какъ доносилъ тюменскій воевода. Еще раньше, въ 1620 г., сбѣжало изъ Тобольска 18 человѣкъ той же партіи. Дѣло было такъ. Надо было переслать въ Томскъ изъ Тобольска хлѣбные запасы и 560 рублей денегъ. Воевода нагрузилъ хлѣбъ на суда и отправилъ на мѣсто назначенія подѣ конвоемъ изъ 18 алатырскихъ черкасъ, съ Первухой Шершнемъ во главѣ, и 19 литовскихъ военноплѣнныхъ, а для надзора за ними прибавлено было нѣсколько томскихъ казаковъ. Деньги были отправлены съ другой партіей томскихъ служилыхъ людей. Но едва хлѣбный караванъ дошелъ до впаденія Иртыша въ Обь, какъ ссыльные черкасы и литовцы перебили всѣхъ томскихъ казаковъ, а затѣмъ, дождавшись тѣхъ служилыхъ людей, которые везли деньги, избили и ихъ, деньги захватили и бѣжали внизъ по Оби, рѣшивъ черезъ бассейны Печоры, Сѣверной Двины и Онѣги скрыться въ Литву. Хлѣбъ они покинули на мѣстѣ побоища, и двѣ какихъ-то женки, видѣвшія все, что случилось, успѣшили воспользоваться этимъ хлѣбомъ и стали его выгружать. Но тутъ ихъ накрылъ случайно проѣзжавшій мимо томскій казакъ, которому они рассказали все, что знали про Шершня и его шайку. Казакъ поскакалъ въ Тобольскъ и сообщилъ про погромъ воеводѣ, который немедленно послалъ въ Березовъ приказъ, во что бы то ни стало, перенять бѣглецовъ. Но бѣглецы благополучно перебрались за Уралъ, успѣвъ еще по пути ограбить встрѣтившихся съ ними торговыхъ людей, отнявъ у нихъ 180 рублей и 20 золотниковъ жемчуга. Березовскіе же казаки, посланные за Шершнемъ, не поймали его, потому что сами предпочли напасть на другую партію купцовъ и пограбить ихъ, а затѣмъ вернулись домой. Только одинъ тобольскій сынъ боярскій съ 5-ю казаками не отказался отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, но догнать бѣглецовъ ему такъ и не удалось: они все время шли впереди его на нѣсколько дней пути, и шли безостановочно, отдѣлываясь отъ всякихъ задержекъ то взяткой, то дерзостью. Такъ, пустозерскій воевода Акинфовъ, встрѣтившій ихъ возлѣ Печеры, обошелся съ ними очень ласково: напоилъ ихъ, накормилъ, продалъ имъ нѣсколько склянницъ вина и даже парилъ въ банѣ. Впослѣдствіи онъ объясняетъ такое гостепримство незнаемъ: онъ де спросилъ бѣг-

лецовъ: «куда они идутъ и за какимъ дѣломъ», а они отвѣтили, что они томскіе казаки и идутъ къ государю съ великимъ дѣломъ, на спѣхъ. Но крестьяне тамошніе утверждали, что воры, Шершень съ товарищами, собравъ между себя денегъ 50 рублей, дали воеводѣ Акинфову, чтобы онъ пропустилъ дальше. И, конечно, мужики говорили правду. Въ другой разъ, мимо города Яренска, что на р. Вычегдѣ, бѣглецы проѣхали «въ половину дни»; воевода, староста и цѣловальники видѣли ихъ и спрашивали, что они за люди и куда идутъ, а они отвѣчали: «а вамъ де какое дѣло, что мы за люди и куда идемъ!». Такимъ образомъ Шершень успѣлъ добраться до Каргопольскаго уѣзда, но тутъ отъ него сбѣжали одинъ казакъ и одинъ проводникъ и извѣстили о бѣглецахъ воеводу и окрестныхъ крестьянъ. Многіе крестьяне и 50 человекъ каргопольскихъ стрѣльцовъ бросились въ погоню и настигли бѣглецовъ въ лѣсу. Завязалась жаркая схватка. Часть «воровъ» полегла костью, часть была захвачена въ плѣнъ, и только Шершень съ 4-мя товарищами успѣлъ скрыться. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна, но очень возможно, что онъ дѣйствительно добрался до Литвы.

Такъ вотъ изъ какихъ элементовъ сложилось сибирское население: бѣглый холопъ, обездоленный пролетарій, буйный стрѣлецъ, ссыльный преступникъ, безсовѣстный «приобрѣтатель». Ясно, что Сибирь, съ самаго начала занятія ея русскими, стала резервуаромъ для всякихъ отбросовъ Европейской Руси. Понятно, что изъ такихъ нездоровыхъ элементовъ не могло сложиться здоровое общество. А условія жизни въ Сибири были таковы, что не только не могли оказать оздоравливающаго вліянія на весь этотъ сбродъ, но даже наоборотъ — вліяли на него еще болѣе развращающимъ образомъ.

II.

Корыстолюбіе воеводъ тяжело отзывалось на подвластныхъ имъ людяхъ и въ Европейской Руси. Но въ Сибири лихоимство и вымогательства ихъ доходили положительно до геркулесовыхъ столповъ. Этому способствовала, конечно, отдаленность Сибири отъ Москвы, а, кромѣ того, весьма широкія полномочія, которыми были облечены сибирскіе воеводы: они соединяли въ своихъ рукахъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, власть административную, судебную и исполнительную. Воевода собиралъ всякія пошлины съ торговыхъ и промышленныхъ людей, ясакъ съ инородцевъ, налагалъ на жителей оброки и повинности по своему усмотрѣнію, чинилъ судъ и расправу, имѣлъ право пытать виновныхъ, а иногда и казнить—словомъ, ему предоставлялось «дѣлать всякія дѣла по своему высмотру, и какъ Богъ на душу положить». И воеводы хорошо

умѣли пользоваться своей властью «для своей бездѣльной корысти». Еще по дорогѣ въ Сибирь они позволяли себѣ всякіе грабежи и насилія, не хуже холмогорскихъ стрѣльцовъ или ссыльныхъ черкесовъ, о которыхъ мы говорили выше. Такъ въ 1635 г. нѣсколько вновь назначенныхъ воеводъ проѣзжало черезъ Устюгъ. По подорожнымъ имъ полагалось 171 подвода, но они «доправили», т. е. мученіями принудили ямского старосту дать имъ 64 лишнихъ подводъ, да еще деньгами взяли порядочно. Плохо пришлось и посадскимъ людемъ: проѣзжіи воевода приказалъ своимъ спутникамъ у дворовъ ворота ломать, у избъ и у клѣтѣй двери высѣкать, и посадскихъ людей и матерей ихъ, и женъ, и дѣтей велѣлъ бить чеканами, обухами и плетями, а животы ихъ грабить; и отъ того насильства и бою произошелъ шумъ, крикъ и всполохъ, и начали бить въ колокола набать.

Въ Сибири воеводы, очевидно, стѣснялись еще меньше, чѣмъ по дорогѣ. И дѣйствительно, масса челобитныхъ, сохранившихся до нашего времени, ясно показываютъ, что воеводы ничѣмъ не пренебрегали, лишь бы пополнѣе набить свою кошну. Приходить, напримѣръ, инородецъ съ ясакомъ, и воевода вынудить у него великіе поминки, да еще и соболей его опѣнить гораздо ниже дѣйствительной стоимости, чтобы потомъ подмѣнить ихъ худыми. Надо торговому человѣку уплатить казенную пошлину, и тутъ воевода разными прижимками и придирками добьется хорошихъ поминокъ. Выгодаетъ онъ и изъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья служилымъ людемъ, наложить дань и на государеву казну. Придетъ къ нему инородческій князекъ для переговоровъ въ доброй шубѣ, а уйдетъ чуть не голый и т. п. А вотъ мангазейскій воевода Иванъ Биркинъ и кабаки держать не погнушался: послалъ на продажу въ Туруханъ свое вино и медъ и взялъ за то вино и медъ больше восьми тысячъ рублей, сумма по тогдашнимъ временамъ громадная. Да и прежніе воеводы тѣмъ же корыстовались. А енисейскій воевода Голохвастовъ занялся отдачею на откупъ не только «зерни и корчмы, но и безмужныхъ женъ на блудъ, и отъ того откупу бралъ себѣ рублей по сту и больше, и тѣмъ блуднымъ женамъ велѣлъ наговаривать на торговыхъ и проѣзжихъ и промышленныхъ людей, напрасно, для взятки». Хороши были и Григорій Кокоревъ да Андрей Палицынъ, воеводы мангазейскіе. Палицынъ доносилъ на своего товарища, что, когда самоѣды привозятъ ясакъ, то Кокоревъ ихъ спаиваетъ, и такимъ образомъ и ясакъ и деньги переходятъ въ его руки. Затѣмъ онъ часто устраиваетъ пиры, на которые яства должно было приносить населеніе Мангазеи, разумѣется, безвозмездно. Но подарки эти должны были быть хорошими, а не то они бросались прямо въ лицо приносителю, котораго при этомъ выгоняли толчками. Богатаго человѣка, почему либо не угодившаго воеводѣ, неожиданно назначали на службу въ далекія тундры,

и только добрая взятка могла спасти богача отъ такого непріятнаго мѣстопробыванія. Иногда на Кокорева находила блажь, и онъ начиналъ корчить изъ себя судію праведнаго и нелицепріятнаго. Распалится онъ великимъ гнѣвомъ на какого нибудь посадскаго, и тотъ, чуя бѣду, спѣшитъ къ воеводѣ, чтобы добрыми поминками умиловитъ его. А Кокоревъ еще хуже разгнѣвается: что де я тебѣ за взяточникъ, и прогонитъ посадскаго отъ себя. Идетъ бѣдняга грустный отъ воеводы, а навстрѣчу ему попъ, пріятель Кокорева. Разспрашиваетъ, въ чемъ бѣда, и совѣтуетъ обратиться ко всемірной заступницѣ, т. е. къ женѣ воеводы. Та беретъ взятку и улаживаетъ дѣло. Вотъ что доносилъ Палицынъ на Кокорева. Но и Кокоревъ доносилъ на своего товарища, что онъ де корчму держитъ, всѣхъ спаиваетъ и грабитъ. Пока въ Москвѣ разбирали доносы воеводъ мангазейскихъ, они дошли въ своей враждѣ до того, что, наконецъ, чуть не настоящую войну затѣяли. Между обоими администраторами произошла стычка, въ которой было убито нѣсколько посадскихъ.

Такъ вотъ каковы были сибирскіе воеводы. Не лучше ихъ были и подчиненные имъ служилые люди: дѣти боярскіе, казаки и стрѣльцы. Они также не пренебрегали никакими способами обогащенія, какъ бы желая вознаграждать себя этимъ за всѣ трудности сибирской службы. А служба была дѣйствительно нелегкая: на каждомъ шагу грозила смерть либо отъ суровой природы, либо отъ враждебныхъ инородцевъ. Для иллюстраціи расскажем нѣсколько фактовъ изъ исторіи города Мангазеи. Лѣтомъ 1600 года изъ Тобольска была отправлена экспедиція для основанія города на устьяхъ рѣки Таза, среди самоѣдскаго племени Мангазеи. Начальники экспедиціи, князь Миронъ Шаховской и Данило Хрипуновъ, спустились по Оби до г. Березова и оттуда, во главѣ 150 служилыхъ людей, отправились на 10 судахъ по Обской и Тазовской губамъ къ устьямъ Таза. Съ ними было много съѣстныхъ припасовъ и товаровъ. Но едва только они выплыли въ море, какъ потерпѣли жестокое крушеніе: 3 судна были совсѣмъ разбиты, два, прибитыя къ берегу, затоплены водой, мука и толокно въ нихъ подмочены, а крупа и соль потонули. Далѣе продолжать путь было нельзя, да и заморозки уже начались. Экспедиція высадилась на берегъ и зазимовала въ Пантуевѣ городкѣ, временномъ пріютѣ русскихъ промышленниковъ и торговцевъ, иногда бывавшихъ въ этихъ мѣстахъ. Но, желая всетаки исполнить государевъ указъ и добраться до устьевъ Таза, воеводы послали казаковъ къ мирнымъ осяткамъ и самоѣдамъ съ просьбою отвезти ихъ въ Мангазею сухимъ путемъ, на оленяхъ; дѣйствительно, скоро къ Пантуеву городку явились самоѣды съ оленями и взяли везти грузъ, а войско двинулось по необозримымъ тундрамъ въ трескучіе морозы на лыжахъ. Но на пути на русскихъ напали мангазейскіе самоѣды и

разгромили ихъ: 30 казаковъ было убито, князь Шаховской раненъ, но, всетаки, спасся съ 60 служилыми людьми, а «про Данила (Хрипунова) не вѣдаютъ—раненъ ли, или не раненъ». Но, всетаки, въ концѣ концовъ, испытавъ крушеніе, голодъ, холодъ, наладеніе инородцевъ, часть экспедиціи добралась до устьевъ Таза и исполнила государевъ указъ—заложила городъ Мангазею. Но, заброшенный на далекомъ сѣверѣ, городъ этотъ постоянно нуждался въ доставленіи всякихъ припасовъ изъ Тобольска. Сообщение шло черезъ Обь и Обскую губу, и даже при самой благоприятной погодѣ путь совершался только въ два съ половиною мѣсяца. Но проплыть Обскую губу было чрезвычайно трудно: если дулъ сѣверный вѣтеръ, то суда прибывало къ южному берегу, выбрасывало и разбивало ихъ. Особенно часто происходили крушенія гдѣ-то подъ Черными горами: погибали суда, хлѣбъ и другіе запасы и даже люди. Рѣдкое крушеніе обходилось безъ того, чтобы въ это время не появлялись самоѣды, не разграбляли оставшіеся хлѣбные запасы и не убивали спасшихся отъ крушенія служилыхъ людей. Такъ, крушеніе 1642 г. кончилось совершеннымъ истребленіемъ кочей (такъ назывались морскія суда), хлѣба и гибелью массы людей. Мангазейскій воевода писалъ объ этомъ въ Москву такъ: «въ прошломъ году, государь, на морѣ подъ Черными горами волею Божіей твои государевы и торговыхъ людей кочи съ хлѣбными запасами и на которомъ кочѣ я, холопъ твой, шель—все разбито безъ остатку, и въ Мангазеѣ твоихъ государевыхъ и торговыхъ людей запасовъ нѣтъ ни одной четверти. А которые, государь, торговые и промышленные люди съ морского разбою остались, и они пришли въ Мангазею не всѣ, и сказали они мнѣ, холопу твоему: зимовали де они на рѣкѣ Пурѣ и зимою ходили на тотъ морской разбой ради хлѣбныхъ запасовъ и своихъ товаровъ, но на томъ походѣ погибло ихъ больше 70 человекъ, а оставшіеся люди въ избушкѣ на рѣкѣ Пурѣ частію перебиты самоѣдами, частію погибли отъ цынгилей». Не дошли до Мангазеи хлѣбные запасы и въ слѣдующемъ 1643 г. Также и въ 1644 году едва кочь съ хлѣбомъ вышла въ Обскую губу, какъ его поломало льдомъ. Пришлось вернуться въ Обдорскъ. Служилые люди выгрузили здѣсь хлѣбъ въ амбары и остались караулить до слѣдующей весны. Но какъ-то разъ, когда служилые люди вошли въ избу поужинать, нагрянули самоѣды, заперли сѣни и завалили двери щитами и снѣгомъ. Пока казаки выбирались изъ избы, самоѣды успѣли выбить дверь въ амбарѣ и похитить до 10 четвертей муки. Кинулись служилые люди въ погоню за грабителями, нагнали ихъ, но хлѣба вернуть не могли: самоѣдовъ было много, они смѣло вступили въ бой, ранили четырехъ человекъ и благополучно ушли съ награбленнымъ хлѣбомъ. Такимъ образомъ Мангазея три года оставалась безъ хлѣба, и понятно, что настала страшная голодъ. Жители питались юколой и «собачьимъ

костью». Юкола—это, такъ сказать, остяцкіе консервы изъ рыбы. Приготавлилась юкола такъ: плохо высушенную рыбу складывали въ бураки изъ древесной коры и сохраняли въ ямахъ, гдѣ юкола, конечно, перегнивала и принимала видъ вонючей, густой жидкости. Такъ вотъ этой-то юколой, которой обыкновенно кормили собакъ, и питались мангазейскіе служилые люди цѣлыхъ три года. Къ довершенію несчастія, въ 1643 году, городъ почти весь выгорѣлъ, и тогда бѣдствія мангазейцевъ дошли до крайнихъ предѣловъ. Воевода писалъ въ Москву, что голодъ страшный, что дьякъ Одогуровъ, бросивъ государевы дѣла, убѣжалъ, а ѣхавшій на его мѣсто дьякъ Теряевъ, не доѣхавъ до Мангазеи, застрѣлъ въ р. Тазѣ и умеръ голодной смертію; что промышленные люди побрели еще осенью въ Туруханъ и Енисейскій острогъ, а многимъ стрѣleckимъ женамъ, мужья которыхъ разосланы на службы въ дальнія зимовья, придется съ дѣтьми помереть отъ голоду, потому что въ Туруханъ они брести не могутъ, а изъ Турухана зимой прислать хлѣбные запасы въ Мангазею невозможно.

Такимъ бѣдствіямъ подвергались служилые люди въ Мангазеѣ. Не лучше жилось имъ и въ Нарымѣ, стоявшемъ на берегу Оби. Въ 1630 году, нарымцы писали въ Москву, что вода смыла берегъ возлѣ острога, и уже острожное мѣсто весенней водою снимаетъ, и острогъ ломаетъ, и башни сноситъ. Служилые и всякіе люди ежегодно поправляютъ острогъ и ставятъ башни, а людей немного, да и тѣ бываютъ по службамъ и по посылкамъ, а дома ихъ разоряются до основанія: хоромы водою сноситъ и ломаетъ, животно тонетъ и съ голоду помираетъ, а которую отвозятъ на сухое мѣсто, ту звѣрь поѣдаетъ. Да еще появилась въ Нарымѣ болѣзнь, оспа, отъ которой жены и дѣти мрутъ, а хоронить въ острогѣ нельзя, отвозятъ мертвыхъ въ пустыя мѣста, гдѣ звѣри выкапываютъ ихъ изъ могилъ и поѣдаютъ.

Много бѣдствій приходилось испытывать служилымъ людямъ и отъ бунтовъ инородцевъ, которые возставали очень часто, выведенные изъ терпѣнія всевозможными прижимками и грабежами какъ воеводъ, такъ и самихъ служилыхъ людей. Во время такихъ возстаній много казаковъ платилось жизнью за свое корыстолюбіе, другіе выдерживали долговременныя и тяжелыя осады.

Но, не смотря на всѣ неудобства сибирской службы, она, все-таки, была очень выгодна. Казаки, не смотря на строгій запретъ, вели постоянно съ инородцами торговлю, которая давала имъ хорошій барышъ, особенно въ мѣстахъ окраинныхъ, потому что тутъ она соединялась съ самымъ безошаднымъ грабежемъ. Такъ, на Лену являлись служилые люди съ товарами «и приманивали тѣхъ землицъ людей торговать, и имали у нихъ женъ и дѣтей, и животы ихъ, и скотъ грабили, и насилства имъ чинили многія; и оттого обогатѣли они великимъ богатствомъ». Точно также, если

служилому человѣку поручали собрать ясакъ, то онъ многою мягкою рухлядью собираючи самъ корыстовался, а иногда и всѣ собранные мѣха утаивалъ, заявляя воеводѣ, что инородцы почему либо ясака не дали. Разумѣется, что въ виду этого каждый острогъ стремился расширить свой ясачный районъ, захватывая новыя, еще необъясаченныя земли. Этимъ стремленіемъ и объясняется въ значительной степени та быстрота, съ которою совершалось поступательное движеніе русскихъ по направленію къ Великому океану. Но часто въ одну и ту же землю одновременно проникали ясачные сборщики изъ двухъ различныхъ остроговъ. Тогда между ними возникала непримиримая вражда, доходившая сплошь и къ ряду до кровопролитій и отзывавшаяся очень тяжело на инородцахъ. Такъ, въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, на рѣкѣ Ленѣ столкнулись казаки тобольскіе, енисейскіе и мангазейскіе, вслѣдствіе чего поднялись страшныя неурядицы. «По отпискамъ изъ Сибири, изъ Тобольска и изъ Мангазеи, и изъ Енисейскаго острогу воеводѣ, у тѣхъ служилыхъ людей, для своей бездѣльной корысти, межъ себя бываютъ бои, другъ друга побиваютъ до смерти, а ясачнымъ людямъ чинятъ сумнѣнье и тѣсноту и смуту, и отъ государя ихъ прочь отгоняютъ. Во 143 (1635) г. енисейскіе служилые люди, которые посланы изъ Енисейскаго острогу для ясачнаго сбора съ атаманомъ съ Ивашкомъ съ Галкинымъ, сподчеса на Ленѣ рѣкѣ съ мангазейскими служилыми людьми, съ ясачными сборщиками съ Степаномъ Корытовымъ да съ Осташкомъ Черкашевиномъ вмѣстѣ, и межъ себя учинили бой, четырехъ человѣкъ свою братью служилыхъ людей казаковъ убили изъ пищалей до смерти, а иныхъ многихъ служилыхъ же и промышленныхъ людей переранили. И аманатовъ, подъ которыхъ емлютъ государевъ ясакъ, другъ у друга отнимаютъ, и емлютъ съ иноземцевъ ясакъ вдвое: одинъ емлютъ въ Мангазеѣ, а другой въ Енисейскомъ, и чинятъ иноземцамъ тѣсноту и обиду великую, и женъ ихъ и дѣтей къ себѣ емлютъ. И оттого въ Якуцкой землѣ учинилась смута великая». Подобныя недоразумѣнія и смуты происходили въ Сибири часто.

Иногда казаки превращались совершенно въ разбойниковъ и дѣлали опустошительныя набѣги на инородцевъ. Въ 1651 г. одинъ внукъ Кучума, Девлетъ, сдѣлалъ набѣгъ въ русскіе предѣлы. Тарскіе воеводы снарядили отрядъ для наказанія Девлета, подъ начальствомъ Власа Чередова, который 1½ недѣли гонялся по степи за царевичемъ, но не могъ его найти. Храброго предводителя взяла досада, что врагъ не дается въ руки, и онъ, чтобы отвести душу и дать поживу казакамъ, напалъ на улусъ мирнаго калмыцкаго тайши (князька) Эшкеца, который уже много лѣтъ велъ торговлю съ русскими. Казаки разграбили этотъ улусъ въ конецъ и увели 30 верблюдовъ, 300 лошадей и 500 головъ рогатаго скота. Граби-

тели не были наказаны, хотя тайша и жаловался на нихъ кому слѣдуетъ. Въ другомъ отрядѣ, отправленномъ противъ того же Девлета, произошло возмущеніе, 150 казаковъ отдѣлились и пошли назадъ; при чемъ по дорогѣ разорили татаръ Аялинской волости, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ.

Не гнушались служилые люди и покойниковъ грабить. Въ 1610 году Березовскіе остяки били челомъ царю на нѣсколькихъ казаковъ, которые остяцкія могилы раскопали и утварь, положенную въ гробы съ покойниками, поимали. А по остяцкой вѣрѣ выходитъ, что это серебро отнимаютъ отъ шайтановъ (боговъ) и шайтановъ грабятъ.

Грабили казаки и русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Вотъ, на примѣръ, челобитная Прокофья Соковнина на тобольскаго сына боярскаго Меньшова Ремезова: «Бѣхаль я изъ Енисейскаго къ Москвѣ и встрѣтилъ я, холопъ твой, твои государевы хлѣбные запасы (которые конвоировалъ Ремезовъ) на Кети, и тѣ, государь, тобольскіе служилые люди наворотили на дощаничишку мое твоими государевыми дощаниками (плоскодонныя суда), и учили по мнѣ, холопѣ твоемъ, и по людишкамъ моимъ стрѣляти изъ пищалей, и къ дощаничишку моему приступали, хотѣли, государь, меня, холопа твоего, и людишекъ моихъ побить до смерти и животишки мои пограбить; и убили до смерти человѣка моего Иванова, а иныхъ людишекъ переранили изъ пищалей; и какъ я, государь, съ дощаничишкомъ моимъ ихъ погребъ, и они сѣли въ малыя суда, а иные вышли на берегъ съ пищалами, и изъ малыхъ судовъ ко мнѣ приступали, и съ береговъ по мнѣ и по людишкамъ моимъ стрѣляли изъ пищалей, и гнались за мною долгое время, хотѣли меня убить до смерти». Но Соковнинъ еще успѣлъ убѣжать отъ казаковъ, а обыкновенно бывало такъ, что служилые люди захватятъ встрѣчный дощаникъ и всѣ товары съ него заберутъ, а людей, въ случаѣ сопротивленія, перебьютъ.

Распущенная ватага грабителей, которую составлялъ сибирскій служилый людъ, само собой не могла особенно соблюдать военной дисциплины и безпрекословно повиноваться своимъ начальникамъ. Казачьи бунты въ Сибири были явленіемъ обыденнымъ и часто происходили по самымъ пустячнымъ причинамъ. Такъ, въ 1625 году атаманъ Василій Алексѣевъ былъ посланъ изъ Енисейска собирать ясакъ съ тунгусовъ. Исполняя это порученіе, онъ безъ всякаго повода убилъ нѣсколько инородцевъ, а нѣкоторыхъ забралъ плѣнными. Воевода енисейскій хотѣлъ за это наказать Алексѣева, но у него оказалось среди казаковъ много сторонниковъ, которые заступились за него. Произошла ссора, гарнизонъ и горожане раздѣлились на двѣ партіи, и оппозиція воеводѣ оказалась сильнѣе, такъ что ему угрожала гибель. Къ его счастью, въ городъ какъ разъ въ это время пришла команда изъ Тобольска, и при ея помощи воевода справился съ бунтовщиками.

Позволяли себѣ казаки иногда вольнодумныя рѣчи и относительно царя. Событія, волновавшія Европейскую Русь, становились, конечно, извѣстными и въ Сибири и вызывали среди здѣшняго служилаго класса оживленные толки и замѣчанія, не лишеныя иногда мѣткости. Въ концѣ 1608 года, томскій воевода доносилъ, не безъ ужаса, царю Василю Ивановичу Шуйскому, что «томскій казакъ Якушко Осокинъ про тебя государя царя и великаго князя Василя Ивановича всеа Руси сказывалъ невмѣстимое слово, чего въ умъ нельзя взять, что тебѣ государю не многолѣтствовать на царствѣ, а быть недолго на царствѣ». И Якушко Осокинъ былъ правъ — недолго этотъ выкрикнутый царь просидѣлъ на престолѣ всеа Руси.

Интересны также проникнувшіе въ Сибирь слухи о Петрѣ Великомъ. Ссылный стряпчій изъ дворцовыхъ волостей Терентій Копытовъ рассказывалъ, что Петръ печется не о народѣ, а о нѣмцахъ, потому что самъ нѣмецъ и не царскаго корня. Дѣло въ томъ, что царица Наталья Кирилловна рожала все царевенъ, чѣмъ Алексѣй Михайловичъ былъ крайне недоволенъ и передъ послѣдними родами сказалъ ей: ежели де будетъ царевна, я де тебя постригу. Царица повѣдала эту тайну Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, и когда у нея дѣйствительно родилась дочь, Матвѣевъ подмѣнилъ ее мальчикомъ, взятымъ отъ кого-то въ нѣмецкой слободѣ.

III.

Переходя затѣмъ къ торговымъ и промышленнымъ людямъ, мы не можемъ не привести той блестящей характеристики этого класса сибирскихъ насельниковъ, которую дѣлаетъ профессоръ Бупинскій въ своемъ послѣднемъ трудѣ: «Мангазея и Мангазейскій уѣздъ». «Слѣдя за предпріятіями русскихъ промышленныхъ партій, историкъ не можетъ не поражаться ихъ смѣлостью, терпѣніемъ, настойчивостью, доходящею до упорства, умѣніемъ ориентироваться среди незнакомой и дикой мѣстности, способностію легко и скоро изучать инородческіе языки и уживаться съ людьми иного происхожденія, иныхъ вѣръ, нравовъ и обычаевъ. Торговые и промышленные люди шли всегда впереди тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовало правительство: они пролагали дороги, отыскивали инородцевъ, заводили съ ними торговлю, а иногда даже налагали на нихъ ясакъ отъ имени Бѣлаго царя, и затѣмъ уже появлялись въ тѣхъ мѣстахъ правительственные острожки и зимовья. Уже въ первой четверти XVII вѣка русскіе промышленники выплывали изъ устьевъ Енисея и Лены, плавали по Ледовитому океану, открывали на немъ острова и занимались тамъ промыслами. Удивительно въ данномъ случаѣ то, что русскіе мореплаватели совершали свои

плаванія по Ледовитому океану безъ всякихъ морскихъ картъ, даже безъ компаса и при томъ на небольшихъ судахъ, такъ называемыхъ кочахъ. «Поговоря съ товарищи, да помолясь Богу, государь, мы поплыли»... Куда же и на чемъ? Въ Ледовитый океанъ и на своихъ утлыхъ челнахъ — необыкновенная смѣлость! Въдъ достаточно было одной ничтожной льдины, чтобы превратить эти суденышки въ щепы. И дѣйствительно, какъ показываютъ документы, русскіе люди во время этихъ смѣлыхъ экспедицій погибали цѣлыми партіями въ 50 и 100 человекъ, но это не останавливало другихъ: составлялись новыя партіи, шли по слѣдамъ своихъ предшественниковъ и дѣлали новыя и новыя открытія на страшномъ Ледовитомъ океанѣ. А какія лишенія они испытывали во время этихъ предпріятій! По цѣлому году не вѣдали огня и питались юколою, падалью и собачьимъ кормомъ.

«Я не раздѣляю того мнѣнія, что будто бы алчность къ наживѣ вела русскихъ промышленниковъ все далѣе и далѣе въ глубь Сибири... Нѣтъ, помимо матеріальныхъ интересовъ ими руководили необыкновенный духъ предпримчивости, страсть къ рискованному предпріятіямъ, жажда знанія, что таится въ невѣдомыхъ мѣстахъ».

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что беззавѣтная удаля и безответное стремленіе въ даль играли громадную роль въ предпріятіяхъ сибирскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Но не совсѣмъ правъ профессоръ Буцинскій, отрицая значеніе страсти къ наживѣ въ этомъ изумительномъ движеніи. Торговые и промышленные люди были, всетаки, прежде всего пріобрѣтатели и ничуть не уступали воеводамъ и казакамъ въ неразборчивости средствъ къ наживѣ. Мы знаемъ, что они спаивали инородцевъ и за безцѣнокъ пріобрѣтали у нихъ мѣха, что они съ успѣхомъ практиковали систему современныхъ кулаковъ—дѣлали инородцевъ своими неоплатными должниками и затѣмъ ежегодно отбирали у нихъ всѣ лучшіе мѣха. Иногда, проникнувъ въ какую нибудь новую страну, торговые и промышленные люди собирали тутъ дань въ свою пользу, а инородцамъ сказывали, что собираютъ ясакъ на государя; иногда они просто грабили несчастныхъ дикарей. Разумѣется, подобныя беззаконія удобнѣе было творить въ тѣхъ странахъ, куда еще не проникли воеводы,—и вотъ, мы видимъ, что промышленники всѣми способами стараются задержать правительственное движеніе въ глубь Сибири. Такъ, мы уже упоминали, что самоѣды разгромили экспедицію, посланную для постройки г. Мангазея. Тобольскіе воеводы доносили въ Москву, что этотъ погромъ произошелъ не только по наущенію торговыхъ и промышленныхъ людей, но эти послѣдніе даже сами участвовали въ нападеніи на правительственную экспедицію.

Любопытенъ также и слѣдующій фактъ: въ 1607 г. Митька Широкой да Жданко Ушаковъ съ товарищи, двадцать пять человекъ,

уличенные въ контрабандной торговлѣ съ инородцами, посланы были подъ конвоемъ въ Березовъ, но по дорогѣ ограбили конвойныхъ казаковъ и кинули ихъ въ тундрѣ, а сами побѣжали; и тѣхъ казаковъ нашла на тундрѣ ясачная самоядъ нагихъ и голодныхъ и вывезли ихъ въ Носовой городокъ еле живыхъ. Такъ расправлялись торговые и промышленные люди съ представителями администраціи, ставшими имъ поперекъ дороги въ погонѣ за наживой.

Итакъ, не отрицая необыкновенной энергіи промышленниковъ, мы должны, всетаки, отмѣтить, что страсть къ пріобрѣтательству наложила свое клеймо и на этотъ классъ и сильно понизила ихъ нравственный уровень.

IV.

Даже духовенство въ Сибири заразилось этой всеобщей страстью къ любостыжанію. Не будемъ говорить о монастыряхъ,—они и въ Европейской Руси безкорыстіемъ не отличались,—а укажемъ только вкратцѣ на поведеніе сибирскихъ архіепископовъ, на обязанности которыхъ лежало бороться съ безобразнымъ нравственнымъ растлѣніемъ въ Сибири. Архіепископъ Нектарій постоянно посылалъ въ Москву челобитья, въ которыхъ жаловался на крайнюю скудость средствъ архіепископскаго дома и просилъ разныхъ льготъ и пожалованій, заключая каждую челобитную жалобнымъ припѣвомъ: «государь, смилуйся, пожалуй, чтобъ отъ хлѣбной скудости намъ, нищимъ твоимъ богомольцамъ, въ конецъ не погибнуть и врозь не разбрестись, и твое царское богомолье безъ службы не стало-бъ». А въ подвалахъ и кладовыхъ у этого «нищаго богомольца» хранилось 39.100 пудовъ разнаго хлѣба, да соотвѣтствующее количество другихъ запасовъ—масла, соли, меду, вина, пива, были даже лимоны (110 штукъ); въ сушильняхъ висѣли сотни осетровъ, стерлядей, нельмъ, шукъ; въ селахъ и деревняхъ была масса лошадей и рогатаго скота. Врядъ ли при такихъ запасахъ государевымъ богомольцамъ приходилось голодать. А вотъ и одна любопытная челобитная, которая яркими красками рисуетъ, какими средствами въ архіепископскихъ житницахъ собирались десятки тысячъ пудовъ хлѣба, а въ казнѣ появлялись тысячи рублей. Бьютъ челомъ царю на архіепископа Герасима закладчики его и говорятъ: «Се нынѣ невозможно стало жить за архіепископомъ, притѣсненія и налоги великіе какъ отъ самого архіепископа, такъ и его дворовыхъ людей: дѣтей нашихъ берутъ насильно во дворъ, дочерей нашихъ насильно выдаютъ замужъ за своихъ пашенныхъ крестьянъ, а за твоихъ государевыхъ людей отдавать не велятъ, накладываютъ на насъ, сиротъ, налоги не въ мѣру, заставляють насильно пахать свои пашни, архіепископъ торговать не велить и изъ Тобольска

не пускаетъ, а мы люди торговые, а не пашенные, и отъ тѣхъ притѣсненій, государь, одинъ изъ нашей братіи сбѣжалъ, бросивъ жену и дѣтей, другой, Михалко огородникъ, отъ его мученья удавился, а одного закладчика жена удавилась же отъ его же архіепископскаго мученья». Комментаріи къ этой челобитной излишни, — замѣчаетъ профессоръ Буцинскій, — по поводу ея можно только вспомнить нѣкоторыхъ крѣпостныхъ помѣщиковъ XVIII в., въ родѣ знаменитой Салтычихи.

Такое любостыжаніе архіепископовъ переходило, конечно, и на ихъ подчиненныхъ. Вотъ, на примѣръ, архіепископскіе десятильники, на обязанности которыхъ лежало производство суда по преступленіямъ противъ нравственности. Эти десятильники не только чинили многое разореніе и обиды и налоги, но побоями заставляли бабъ и дѣвокъ ложно доказывать на мірскихъ людей блудное воровство, чтобы съ оговоренныхъ людей брать взятки. Чтобы вынудить ложный оговоръ, бабъ раздѣвали догола, давили имъ груди до крови; тѣхъ бабъ и дѣвокъ, которыя, не смотря на мученія, не соглашались на ложный доносъ, продавали самымъ послѣднимъ людямъ. Эти же десятильники продавали по деревнямъ вино и другіе заповѣдныя товары.

Такъ вотъ какую страшную разнузданность породила въ Сибири погоня за наживой. Рука объ руку съ забвеніемъ всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ изъ-за лишняго рубля шла страшная развращенность. Профессоръ Буцинскій, на основаніи грамоты патріарха Филарета къ первому сибирскому митрополиту Кипріану, рисуешь слѣдующую картину сибирскихъ нравовъ въ первой половинѣ XVII в. Какъ среди свѣтскаго общества, такъ и въ монастыряхъ изобилуютъ факты крайне отвратительнаго разврата: многіе православные люди живутъ съ некрещеными инородками, какъ бы со своими женами, и дѣтей отъ нихъ приживаютъ; иные женятся на сестрахъ двоюродныхъ и родныхъ, на дочеряхъ своихъ, блудомъ посягаютъ на своихъ матерей и дочерей, чего и въ поганныхъ и незнающихъ Бога не обрѣтается, о чемъ не только писать, но и слышать гнусно. Многіе служилые люди, отправляясь по дѣламъ службы въ Москву или въ другіе города, закладываютъ своихъ женъ на сроки, а тѣ люди, у которыхъ онѣ бываютъ въ закладѣ, живутъ съ ними и блудъ творятъ беззаворно до тѣхъ поръ, пока мужья ихъ не выкупятъ. Если же по истеченіи срока мужья ихъ не выкупятъ, то кредиторы продаютъ женъ на воровство и на работу всякимъ людямъ. Нѣкоторые же бѣдныхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ безпомощныхъ для воровства берутъ къ себѣ насильно и у мужей, работныхъ людей, женъ отнимаютъ и держатъ у себя для воровства и крѣпости на нихъ воровскія берутъ заочно; а тѣ люди бѣгаютъ, у которыхъ женъ поотнимаютъ, отдаются въ холопы, въ неволю всякимъ лю-

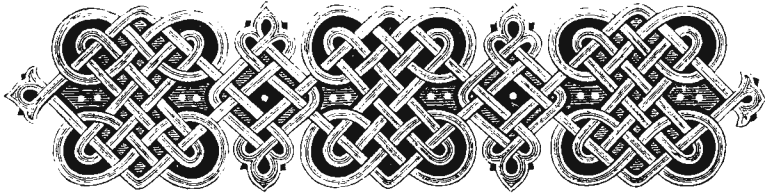
дямъ и женятся на иныхъ женахъ, а отнятыхъ женъ выдаютъ за другихъ мужей или продаютъ, или отдаютъ въ закладъ и въ холопы всякимъ людямъ. А попы сибирскихъ городовъ, черные и бѣлые, не только такія беззаконія не запрещаютъ, но и говорятъ молитвы, а иныхъ вѣнчаютъ безъ знаменъ, не по христіанскому закону. До пріѣзда Кипріана монахи и монахини жили вмѣстѣ, въ одномъ и томъ же монастырѣ, отчего появился страшный развратъ: монахини развратничали и съ монахами и съ мірскими людьми. Многіе монахи и монахини снимали съ себя чернецкое платье и жили въ однихъ домахъ съ мірскими людьми, въ своей жизни ничѣмъ отъ нихъ не отличаясь. Служилые люди, когда пріѣзжаютъ въ Москву съ государевой казною, то подговариваютъ многихъ женокъ и дѣвокъ, привозятъ ихъ въ сибирскіе города и держатъ вмѣсто женъ, а иные продаютъ литовцамъ, нѣмцамъ и татарамъ. А воеводы того не берегутъ и тѣхъ людей отъ такого воровства, беззаконныхъ и скверныхъ дѣлъ не унимаютъ и не наказываютъ, покрывая ихъ для своей бездѣльной корысти, и иные же воеводы и сами такимъ ворами потакаютъ и попамъ приказываютъ говорить имъ молитвы и вѣнчать ихъ насильно. Да и сами воеводы подавали примѣръ къ разврату. Такъ, нарымскій воевода женъ служилыхъ людей бралъ насильно къ себѣ на постель, а когда мужья ихъ хотѣли писать на него челобитье и обратились съ этою цѣлью къ своему попу, то воевода билъ кнутомъ и попа и служилыхъ людей.

И вотъ кучки этихъ безнравственныхъ людей, опьяненныхъ жаждой наживы, съ изумительной быстротой подвигались по тундрамъ и дѣвственной тайгѣ къ Великому океану. Съ тѣхъ поръ, когда Ермакъ первый показалъ путь въ Зауралье, до того времени, когда Иванъ Москвитинъ основалъ первое русское зимовье на Охотскомъ морѣ, прошло всего 60 лѣтъ, а еще черезъ 60 лѣтъ Володимиръ Атласовъ привелъ подъ высокую государеву руку послѣднюю сибирскую область—Камчатку. Но мало было этихъ безшабашныхъ и буйныхъ шаекъ, чтобы Сибирь обрусѣла и такимъ образомъ сплотилась съ Русью въ одно цѣлое. Нѣтъ, казаки и промышленники оставались чужды новой государевой вотчинѣ, потому что смотрѣли на нее только, какъ на средство обогащенія, и притомъ обогащенія хищническаго, разбойничьяго. А слѣдомъ за ними шла тихо-тихо та всемогущая сила, которая создала центръ русской жизни въ странахъ, нѣкогда сплошь заселенныхъ финнами,—шель русскій мужикъ-земледѣлецъ, прочно осѣдающій на своей кормилицѣ мать-сырой землѣ, потомъ и кровью зарабатывающій свой кусокъ хлѣба. Этотъ вѣковѣчный труженикъ поднималъ сибирскую новь, сумѣлъ поладить съ инородцемъ, котораго безжалостно эксплуатировали всѣ другіе классы, научилъ его русскому языку,

русскимъ нравамъ и обычаямъ, заставилъ его мало-по-малу отъ шаманства перейти къ русской національной религіи. Трудная это и медленная работа. Больше 300 лѣтъ прошло со времени Ермака, а еще не вся Сибирь обрусѣла, какъ слѣдуетъ: покорить страну оказалось куда легче, чѣмъ поднять ее до культурнаго уровня побѣдителя. Но мужичекъ потихоньку, всетаки, дѣлаетъ свое дѣло и рано ли, поздно ли доведетъ его до конца. И вся будущность Сибири зависитъ не отъ чего либо другого, а именно отъ усиленія въ ней русскаго мужицкаго элемента, который мирно растворитъ въ себѣ инородческія туземныя племена, а не искоренитъ ихъ сифилисомъ, пьянствомъ и оспой—дары, коими наградили туземцевъ казаки, промышленники и др.

С. Адриановъ.

ПРОТИВНИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ ТУРЦІИ.

(Русскіе на Прутѣ).

НОСЛѢ Полтавскаго погрома Карль XII едва успѣлъ лично бѣжать въ Турцію, въ сопровожденіи Мазепы и нѣсколькихъ конныхъ всадниковъ, перебравшихся вплавъ за Днѣпръ. Шведская армія перестала существовать. Остатки ея, до 14.000 чел., при Левенгауптѣ, сдались девяти-тысячному отряду Меншикова на переправѣ у Переволочны, куда Меншиковъ, по слѣдамъ отступавшихъ, прибылъ съ 5.000 чел. конныхъ войскъ, посадивъ, при томъ, рядомъ съ кавалеристомъ по одному простому солдату¹⁾. Узнавъ объ этой сдачѣ, Карль сказалъ: «я охотнѣе услышалъ бы, что Левенгауптъ со всею арміею былъ изрубленъ въ куски, но такъ, чтобы смерть каждаго шведа недешево досталась русскимъ, чѣмъ узнать о капитуляціи, хотя относительно и выгодной»²⁾.

Болѣе всего боялся Карль быть захваченнымъ русскими въ плѣнъ. Русскіе конные отряды были посланы въ степь по разнымъ направленіямъ розыскивать Карла и его спутниковъ. Бѣжать въ Польшу представлялось опаснымъ: хотя король Станиславъ Лещинскій и былъ другомъ Карла, но тамъ было много сторонниковъ лишеннаго имъ престола Августа. Къ тому же, болѣзнь Карла требовала скорѣйшаго успокоенія, почему онъ и направился въ Турцію, имѣя, къ тому же, и другую цѣль. Онъ надѣялся поднять

¹⁾ Рукопись Z., 1720 г., которая была подробно описана мною въ № 7 «Историческаго Вѣстника» 1893 г., въ статьѣ «Противникъ Петра Великаго».

²⁾ Тамъ же, стр. 85.

Турцію противъ Россіи и руководить дѣйствіями турокъ, для полученія реванша за Полтаву.

Въ этихъ видахъ онъ героически перенесъ физическія стрададанія, быстро направился въ Очаковъ, слѣдуя безводною степью и не имѣя никакихъ запасовъ продовольствія. Прибывъ къ р. Бугу, противъ Очакова, Карлъ отправилъ посланнаго къ коменданту крѣпости, Магомету-пашѣ, съ просьбою немедленно перевезти его со всѣми спутниками въ Очаковъ, такъ какъ русскіе отряды неотступно двигаются по слѣдамъ бѣглецовъ и каждый часъ могутъ появиться передъ ними. Но Магометъ-паша не рѣшился взять на себя отвѣтственность за впускеніе шведовъ въ турецкую крѣпость и потому испрашивалъ разрѣшеніе отъ Бендерскаго сераскира, которому былъ подчиненъ.

Сознавая же опасность, которой могъ лично подвергнуться шведскій король, комендантъ Очакова выслалъ, собственно для него, одну только лодку. Карлъ былъ этимъ очень возмущенъ, но каждая минута была дорога—русскіе конные отряды уже были замѣчены въ степи и быстро приближались. Карлъ, Мазепа и всѣ, кто могъ, бросились въ лодку, которая до того переполнилась, что едва не черпала воды бортами. Едва Карлъ отчалилъ отъ берега, какъ русскій летучій отрядъ былъ уже на берегу у мѣста переправы и на глазахъ отплывшихъ перебилъ всѣхъ оставшихся на берегу. Но и отплывшіе на лодкѣ не были въ безопасности. Вода начала проникать въ лодку, чрезмѣрно переполненную, и въ которой, къ тому же, на дно было поставлено нѣсколько боченковъ съ золотомъ, все достояніе Мазепы, которое онъ могъ собрать и увезти съ собою. Золото это, на которое рассчитывалъ и Карлъ, зная продажность административныхъ лицъ въ Турціи, могло бы очень пригодиться послѣднему, ибо вся казна Карла подъ Полтавой была захвачена русскими, а безъ денегъ трудно было рассчитывать на возможность побудить Турцію къ войнѣ съ Россіей, такъ какъ султанъ Ахметъ III не былъ сторонникомъ войны и не желалъ ея. Но опасность затопленія лодки была такъ велика, что пришлось пожертвовать золотомъ и сбросить боченки съ нимъ въ рѣку¹⁾.

Наконецъ, спутники прибыли въ Очаковъ. Мегметъ паша встрѣтилъ Карла изъясненіемъ сожалѣнія о всемъ случившемся; на это Карлъ отвѣчалъ бранью, которой, вѣроятно, паша до того не слыхивалъ. Вскорѣ явился посланный изъ Бендеръ съ приглашеніемъ Карлу прибыть въ эту крѣпость и съ обѣщаніемъ устроить все нужное для его пріема.

Для Карла разбита была великолѣпная палатка; вся его свита размѣщена и снабжена всѣмъ необходимымъ.

¹⁾ Рук. 1720 г.

Таковъ былъ первый актъ той драмы, въ которой Карлу пришлось разыгрывать столь видную роль, за все время его пребыванія въ Турціи. Не имѣя уже собственной силы для борьбы съ Петромъ, но обладая несокрушимою энергіей, Карлъ рассчитывалъ сломить своего противника съ помощью турецкихъ армій и въ этомъ смыслѣ тотчасъ же началъ дѣйствовать.

Иаъ Бендеръ Карлъ отправилъ султану письмо отъ 2 (13) іюля, въ которомъ просилъ о временномъ убѣжищѣ въ его владѣніяхъ, полагаясь вполнѣ на его великодушіе. Почва для него еще не была подготовлена, и султанъ не зналъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ, такъ какъ Порта находилась въ дружбѣ съ Россіей. Отвѣтъ замедлился до сентября, къ величайшей досадѣ Карла, положеніе котораго съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Денегъ нѣтъ; безъ нихъ ничего предпринять нельзя. Дѣла въ Польшѣ измѣнились: на помощь Станислава Лещинскаго рассчитывать было невозможно, такъ какъ сверженный король Польши Августъ II, въ виду измѣнившихся послѣ Полтавы обстоятельствъ, объявилъ заключенный имъ въ Тревендалѣ миръ съ Швеціей недѣйствительнымъ, а себя королемъ Польши. Лещинскому самому пришлось спасаться бѣгствомъ, и всѣ шведскіе отряды очистили Польшу. Съ другой стороны Петръ торжествовалъ, и при въѣздѣ въ Москву плѣнные шведы, связанные по десяткамъ, уныло дополняли торжество побѣдителя, къ великому огорченію Карла, который сказалъ: «это было сдѣлано мнѣ въ отмщеніе за то, что я плѣнныхъ при Нарвѣ русскихъ генераловъ и солдатъ также приказалъ вести въ торжественной процессіи въ Стокгольмъ»¹⁾.

Такимъ образомъ надежда на помощь со стороны Польши исчезла, такъ какъ Карлъ только и могъ рассчитывать на преданность Лещинскаго, теперь лишеннаго престола. На сочувствіе же поляковъ не могло быть никакой надежды, ибо шведы оставили по себѣ плохую память. Въ манифестѣ, обнародованномъ Августомъ II къ жителямъ Польши, было, между прочимъ, сказано: «шведскіе офицеры не придерживались ни мѣры, ни вѣса, брали что хотѣли и, сверхъ раціоновъ, требовали за нихъ еще и деньги. Весь лучшій скотъ въ Саксоніи, экипажи, крестьянскія телѣги, шведы взяли безвозмездно и увезли съ собою за предѣлы Саксоніи». Узнавъ объ этомъ манифестѣ, Карлъ сказалъ: «клянусь, что я еще возвращусь въ Саксонію, которая вмѣстѣ съ Августомъ еще лучше узнаютъ меня!»²⁾.

Но для выполненія своихъ плановъ, какъ относительно Августа, такъ и относительно Петра, Карлу прежде всего не доставало денегъ.

¹⁾ Рукоп. Z., 1720 г., стр. 86—87.

²⁾ Рукоп. 1720 г. Z., стр. 89.

Однако Карлъ имѣлъ въ Константинополь и доброжелателей. Въ особенности посоль Франціи де-Сальеръ былъ ему полезенъ въ столицѣ Порты. Подъ вліяніемъ его внушеній султану, послѣдній приказалъ Бендерскому сераскиру оказывать Карлу королевскія почести, прислалъ ему въ подарокъ дорогихъ лошадей, 100.000 ефимковъ золотомъ, опредѣлилъ ему на содержаніе по 500 ефимковъ въ день и приказалъ назначить къ нему почетный карауль изъ 1.000 янычаръ.

Получивъ деньги, Карлъ сталъ дѣйствовать, начавъ съ того, что отправилъ къ султану своего совѣтника, Нейбауера, съ благодарственнымъ письмомъ, снабдивъ притомъ посланнаго и значительною суммою денегъ, для пріобрѣтенія сторонниковъ войны противъ Россіи.

Нейбауеръ съ ловкостью приступилъ къ дѣлу; но, почти одновременно съ нимъ, прибылъ въ Константинополь и посланный Петромъ тайный совѣтникъ Толстой, съ богатыми подарками визирию и другимъ сановникамъ Порты и также съ значительною суммою денегъ, отбитыхъ при Полтавѣ.

Въ письмѣ Петра къ султану, врученномъ Толстымъ, было сказано, что, давая убѣжище Карлу, Порта нарушаетъ существующій между нею и Россіей дружескій договоръ, по которому обѣ державы взаимно обязались не давать убѣжища врагамъ другой державы. Поэтому Петръ просилъ о высылкѣ Карла и о выдачѣ Мазепы.

Но Нейбауеръ также не дремалъ. Онъ заручился содѣйствіемъ нѣкоего Фонсека, родомъ еврея изъ Португаліи, который былъ главнымъ докторомъ при сералѣ султана и пользовался особенными милостями его матери.

Онъ выставлялъ ей Карла въ образѣ легендарнаго героя и до того успѣлъ возбудить ея воображеніе и поклоненіе къ Карлу, что она не называла его иначе, какъ мой левъ, и всѣми силами покровительствовала ему у султана. Поэтому и отвѣтъ султана на привезенное Толстымъ письмо не былъ благопріятенъ. Султанъ объявилъ Толстому, что Карлъ есть король, и потому къ нему не можетъ быть примѣненъ пунктъ трактата объ укывательствѣ. Что же касается Мазепы, то выдать его запрещаетъ коранъ, обязывающій оказывать гостепрѣимство тѣмъ, которые его просятъ.

Такой отвѣтъ предвѣщалъ скорый разрывъ съ Турціей, о чемъ такъ дѣятельно старался де-Сальеръ. Онъ старался внушить султану опасенія насчетъ Россіи. Всѣ христіане въ Турціи,—говорилъ онъ,—съ восторгомъ приняли вѣсть о Полтавской побѣдѣ, и это, по его словамъ, доказываетъ, что Петръ, рассчитывая на христіанскихъ подданныхъ Порты, не замедлитъ угрожать Константинополю. Подъ вліяніемъ такихъ внушеній и подкуповъ, султанъ продолжалъ покровительствовать Карлу, хотя верховный визирь

былъ противъ него, а на сторонѣ Толстого. Нужно было предпринять что нибудь противъ визиря, а для этого опять требовались деньги, большею частью уже израсходованныя. Поэтому Нейбауеру поручено было занимать на имя Карла, у кого только можно и сколько возможно, денегъ на векселя, по какимъ угодно процентамъ. Нашлись евреи и даже греки, соблазненные громадными процентами, которые рѣшились вручить Нейбауеру значительныя суммы. Эти суммы были Карлу крайне необходимы не только для интригъ въ Константинополѣ, но и для того, чтобы создать себѣ нѣкоторую самостоятельную обстановку въ Бендерахъ. Поэтому онъ щедро надѣляя деньгами состоявшихъ при немъ янычаръ и старался заручиться ихъ любовью къ себѣ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Кромѣ 1.000 янычаръ, у него сошлись къ Бендерамъ еще до 3.000 человекъ поляковъ, казаковъ и шведовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ Полтавы и бродившихъ частью въ Польшѣ, частью въ Молдавіи и Валахіи. На содержаніе этого отряда также нужны были деньги. Но денегъ оказалось достаточно, и получались еще субсидіи изъ Франціи, такъ что Карлъ могъ приступить къ осуществленію еще новой своей мысли. Желая имѣть при себѣ хоть немного, но преданныхъ людей, онъ вознамѣрился изолировать ихъ отъ мѣстнаго населенія и жить съ ними отдѣльною жизнью. Для этого онъ рѣшился вывести своихъ людей изъ Бендеръ, гдѣ онъ не былъ полнымъ хозяиномъ, и расположиться отдѣльнымъ лагеремъ въ нѣсколькихъ верстахъ выше Бендеръ, на берегу Днѣстра. Сюда начали стекаться торговцы разными продуктами, и скоро лагерь принялъ видъ отдѣльнаго базара или ярмарки. Многіе пріѣзжали изъ Бендеръ посмотреть на новую резиденцію Карла, который приказалъ здѣсь же построить для себя большой домъ. Отсюда же онъ велъ обширную переписку съ Парижемъ, Константинополемъ, Стокгольмомъ, Помераніей и Польшей, гдѣ у него были еще кое-какіе сторонники, бывшіе приверженцы Станислава. Но важнѣе всего было веденіе интригъ въ Константинополѣ, куда Карлъ послалъ другого ловкаго интригана, Понятовскаго. Послѣдній, не жалѣя денегъ, вскорѣ достигъ того, что визирь Куршумли-Али, сперва бывшій противъ Карла, сказалъ теперь Понятовскому:

— Я возьму короля Карла одною рукою, а съ саблей въ другой рукѣ поведу его въ Москву, во главѣ 200.000 арміи ¹⁾.

Но Толстому удалось отразить ударъ Понятовскаго. Не жалѣя съ своей стороны подарковъ и денегъ, онъ скоро достигъ того, что Куршумли-Али позабылъ уже о своей 200.000 арміи и сдѣлался сторонникомъ мира, для сохраненія котораго совѣтовалъ султану приличнымъ образомъ выселить Карла изъ Турціи, обезпечивъ ему со стороны Россіи и Польши свободный проѣздъ въ

¹⁾ Voltaire, p. 195.

Швецію. Понятно, какъ должна была подѣйствовать на Карла эта переѣна во взглядахъ визиря. Въ намѣреніи погубить его, онъ отправилъ письмо къ султану, доказывая въ немъ продажность визиря. Но послѣдній принялъ заблаговременно мѣры, приказавъ перехватывать и доставлять ему всѣ письма Карла и никого не допускать до аудіенціи съ султаномъ, безъ своего личнаго разрѣшенія. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, натурально, старался скорѣе устроить высылку Карла и явно принялъ сторону Толстого, что не замедлилъ проявить открыто, и къ чему представился скоро случай. У Толстого было, въ числѣ домашней прислуги, пять человекъ изъ плѣнныхъ шведовъ. Зная о прибытіи Нейбауера въ Константинополь, эти плѣнные бѣжали въ его посольскій домъ. Толстой требовалъ ихъ возвращенія, на что Нейбауеръ отвѣчалъ отказомъ и грозилъ защищать ихъ въ своемъ домѣ силою. Дѣло дошло до визиря, который приказалъ прислать къ себѣ всѣхъ бѣжавшихъ изъ русскаго посольства шведовъ, подъ предлогомъ лично опросить ихъ. Когда же бѣжавшіе прибыли къ нему, то онъ приказалъ имъ принять мусульманство и оставилъ при себѣ, такъ какъ коранъ не дозволяетъ мусульманамъ служить христіанамъ.

Этотъ случай еще болѣе вооружилъ Карла противъ визиря. Заключенный же 6-го (17-го) января 1710 года между Россіей и Портой новый мирный договоръ, служившій продолженіемъ прежняго, бывшаго уже близко къ разрыву, былъ новымъ и тяжелымъ ударомъ для Карла¹⁾. Но онъ не потерялъ энергіи, а напротивъ съ новыми силами принялся за дѣло низверженія ненавистнаго ему визиря.

Возобновленіе мирнаго договора съ Россіей принудило султана просить Карла оставить его владѣнія. Не желая прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, султанъ намѣревался поступить деликатно. Поэтому въ апрѣлѣ 1710 г. онъ прислалъ ему въ подарокъ тридцать превосходныхъ арабскихъ лошадей на дорогу. Съ своей стороны визирь прислалъ ему отъ себя еще 15 коней, при чемъ, препровождая ему письмо отъ султана, совѣтовалъ отъ себя выдать Мазепу и указывалъ на то, что, принимая письмо султана, онъ долженъ поцѣловать находящуюся на немъ печать.

Не находя нужнымъ исполнять эту церемонію, Карлъ не принялъ и присланныхъ ему визиремъ лошадей, приказавъ передать ему на словахъ, что «Карлъ не принимаетъ подарковъ отъ враговъ своихъ»²⁾.

Принявъ султанскій подарокъ, Карлъ былъ, однако, далекъ отъ намѣренія оставить Турцію и не терялъ надежды возбудить Порту къ войнѣ съ Россіей. Онъ твердо рѣшился также не выдавать

¹⁾ Рукоп. №., 1720 г., стр. 93.

²⁾ Тамъ же.

Мазепу. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился этотъ вопросъ, если бы внезапная смерть Мазепы, послѣдовавшая какъ разъ въ то время, когда была визиремъ потребована его выдача, не избавила Карла отъ затрудненія защищать Мазепу.

Что же касается до возбужденія войны противъ Россіи, то въ этомъ отношеніи, кромѣ де-Сальера, Карлъ приобрѣлъ еще другого сторонника, въ лицѣ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, всегда готоваго воевать съ цѣлью грабежа и потому недовольнаго визиремъ, усиліями котораго былъ продолженъ съ Россіей миръ. Карлъ пригласилъ хана въ Бендеры.

— Я принялъ хана,—говорилъ Карлъ,—облокотясь на столъ и не сдѣлавъ шага къ нему на встрѣчу, и потомъ не провожалъ его, чтобы не уронить своего королевскаго достоинства ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе ханъ дружески расстался съ Карломъ и отправился въ Константинополь, съ цѣлью способствовать паденію визиря. Съ своей стороны Карлъ отправилъ султану письмо, въ которомъ обвинялъ визиря въ томъ, что онъ согласился на подкупъ, почему и настаивалъ на продолженіи мира съ Россіей, вопреки интересамъ Порты. Вопросъ состоялъ теперь въ томъ, чтобы доставить письмо по назначенію, вопреки принятыхъ мѣръ визиремъ. При содѣйствіи Понятовскаго и Сальера, письмо было переведено на турецкій языкъ. Вскорѣ было извѣстно, что султанъ, окруженный свитою, проѣдетъ въ мечеть. Одинъ грекъ взялъ на себя порученіе передать султану письмо Карла. Во время шествія процессіи онъ пробрался на видное мѣсто и, когда султанъ поровнялся съ нимъ, поднялъ надъ головою письмо, которое и было принято. Послѣдствіемъ было паденіе визиря Куршумли и его ссылка; въ іюнѣ 1710 г. Куршумли изъ ссылки бѣжалъ, но былъ пойманъ и казненъ ²⁾, а на его мѣсто назначенъ, при содѣйствіи крымскаго хана, Кіуперли-паша, сторонникъ войны.

Такимъ образомъ, положеніе Карла измѣнилось къ лучшему, и надежда на возбужденіе войны противъ Россіи получила новые шансы на успѣхъ. Вопросъ о выѣздѣ Карла изъ предѣловъ Турціи былъ отсроченъ, и султанъ послалъ ему вновь въ подарокъ 25 лошадей, лучшихъ породъ, и 40 мѣшковъ денегъ ³⁾.

Между тѣмъ, Петръ письменно изъявлялъ султану свою претензію по поводу отсрочки высылки Карла и жаловался на то, что татары, вопреки мирному договору, производятъ вторженія въ наши южные предѣлы.

Султанъ обѣщалъ, что выѣздъ Карла послѣдуетъ черезъ 40 дней, и что для сопровожденія его будетъ ему приданъ конвой. Петръ

¹⁾ Тамъ же, стр. 94.

²⁾ Тамъ же, стр. 95.

³⁾ Мѣшокъ содержитъ около 2.500 сѣмковъ.

заявилъ при этомъ, что конвой не долженъ превышать 3.000 человекъ, и обѣщалъ не задерживать Карла на его возвратномъ пути въ Швецію, черезъ Польшу.

Не желая раздражать Петра, султанъ дѣйствительно отправилъ Карлу письмо, въ которомъ, въ выраженіяхъ хотя и любезныхъ, указывалъ ему на необходимость его выѣзда изъ Турціи, обѣщая дать ему и конвой, для безопасности въ пути.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на дорогу султанъ прислалъ ему 100.000 ефимковъ. Но Карлъ объявилъ, что ранѣе первыхъ чиселъ сентября 1710 г. онъ не можетъ выѣхать изъ Турціи, причѣмъ указывалъ на то, что конвой его долженъ состоять не менѣе, какъ изъ 50.000 человекъ, не считая татаръ, которые также должны сопровождать его.

Такимъ образомъ, въ его распоряженіи оказалось бы болѣе 100.000 турецкихъ и татарскихъ войскъ, съ которыми онъ, подъ видомъ конвоя, намѣревался вступить въ Польшу и тамъ увеличить еще свои силы. Съ этою цѣлью онъ послалъ приказаніе шведскому отряду Красова, бывшему въ Помераніи, вступить въ Польшу, соединиться тамъ съ магнатами, сторонниками павшаго короля Станислава и противниками Августа II, и вмѣстѣ съ ними идти къ нему на встрѣчу, имѣя въ виду возстановить снова Станислава на престолѣ и пройти черезъ Польшу «тріумфаторомъ».

Разсчитывая на содѣйствіе хана и визиря, Карлъ предавался блестящимъ надеждамъ и снова мечталъ помѣряться съ Петромъ. «Но, какъ потомъ говорилъ онъ, человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! Въ то время, когда я предавался своимъ счастливымъ мечтамъ, меня поразила вѣсть, что визирь Кіуперли посланъ на островъ Негропонтъ. Я не могъ понять причины его паденія. Говорятъ, что султанъ рѣшился на это изъ опасенія за чрезвычайную популярность этого человека и общей народной любви къ нему. Всѣ стали говорить, что султанъ дѣлаетъ только то, чего желаетъ визирь, а это не нравилось ему»¹⁾).

Какъ бы то ни было, съ паденіемъ Кіуперли-паши на его мѣсто былъ назначенъ Мегметъ-паша, бывшій нѣкогда дровосѣкомъ и человекъ вовсе не воинственный. Всѣ сторонники войны были удалены, но не надолго. Посоль Франціи успѣлъ убѣдить султана въ необходимости войны. По его словамъ, Петръ, разгромивъ Карла, не замедлитъ овладѣть Крымомъ, а потомъ и Константинополемъ.

Турецкіе сановники, не хотѣвшіе войны, представляли султану такія соображенія. «Законъ,—говорили они,—запрещаетъ тебѣ нападать на царя, который тебя ничѣмъ не обидѣлъ; но законъ же требуетъ отъ тебя поддержать Карла, который въ несчастіи обратился къ твоему великодушію». Поэтому они совѣтовали султану предоставить Карлу возможность отправиться на дружественномъ

¹⁾ Рук. Z., 1720 г., стр. 96.

французскомъ кораблѣ въ Марсель и оттуда въ Швецію, минуя Польшу, такъ что нѣтъ надобности давать ему въ конвой огромную армію, что неминуемо встревожило бы Австрію и вызвало бы ее на войну съ Турціей, при содѣйствіи, въ качествѣ союзниковъ, Россіи и Польши.

Но эти здравыя сужденія не привели ни къ чему. Карлъ продолжалъ неутомимо дѣйствовать на хана и французское посольство въ Константинополь, имѣвшее прочныя и вліятельныя связи въ сералѣ. Къ ихъ усиліямъ присоединились еще и муфтіи, получившіе внушеніе изъ серала, и султанъ рѣшилъ объявить Россіи войну, которая и была объявлена 9-го (20-го) ноября 1710 года.

Черезъ два дня приказано собрать армію изъ 120.000 турокъ и 100.000 татаръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выработанъ и самый планъ войны: турецкая армія вступитъ въ предѣлы Россіи въ двухъ направленіяхъ—одна съ юга, а другая, при которой будетъ находиться и Карлъ, — со стороны Польши, и соединится тамъ съ сторонниками Станислава.

Съ этою радостною для Карла вѣстью ханъ спѣшилъ въ Бендеры. На этотъ разъ Карлъ устроилъ ему встрѣчу съ полнымъ почетомъ, и, говорилъ онъ: «я до того былъ радъ, что выбѣжалъ къ нему на встрѣчу и горячо обнялъ его»¹⁾.

Объявивъ Россіи войну, Порта заключала вмѣстѣ съ тѣмъ союзъ съ Карломъ съ тѣмъ, «чтобы не заключать мира до тѣхъ поръ, пока Петръ не будетъ лишень престола (!), а Станиславъ не утвердится на престолѣ Польши; при чемъ Порта не будетъ считать Рѣчь Посполитую своимъ другомъ»²⁾. Этотъ договоръ ясно показываетъ, что его редакторомъ былъ не кто другой, какъ Карлъ.

Тотчасъ по объявленіи войны, русскій посоль Толстой былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, равно какъ и нѣмецкій офицеръ, посланный Августомъ къ султану, и польскій генералъ Рубинскій, отправленный къ Карлу съ извѣщеніемъ, что Августъ объявилъ себя снова королемъ Польши³⁾.

Въ отвѣтъ на это увѣдомленіе Карлъ издалъ отъ себя манифестъ къ полякамъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что онъ скоро «съ Божіею помощію» съ турецкою и татарскою арміями вступитъ въ Польшу, приглашая всѣхъ поляковъ пристать къ нему для утвержденія власти Станислава.

Разрывъ съ Турціей произошелъ такъ неожиданно, что Петръ былъ изумленъ объявленіемъ войны. До разрыва онъ писалъ нѣсколько дружественныхъ султану писемъ, увѣряя его въ своихъ мирныхъ, относительно Порты, намѣреніяхъ. Но ни одно изъ этихъ

¹⁾ Рукоп. Z., 1720 г., стр. 98.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

писемъ не дошло по назначенію: сторонникъ войны, крымскій ханъ, приказывалъ перехватывать всѣхъ курьеровъ, слѣдующихъ изъ Россіи. А, между тѣмъ, война уже объявлена, и татары ограбили окрестности Азова.

Принимая вызовъ, Петръ рѣшилъ дѣйствовать безотлагательно и быстро, зная, что турки обыкновенно собираются медленно, и потому дорогъ былъ каждый часъ—весь расчетъ былъ на захватъ инициативы и пораженіи турокъ по частямъ, пока они не собрались въ грозную силу. Но войскъ, готовыхъ къ походу, было очень мало, разстояніе велико, и все зависѣло отъ быстроты выполнения операцій. Немедленно направлены были къ границамъ Порты войска, способныя выступить въ походъ. Все, что только было можно, выступило изъ Лифляндіи, отъ Путивля, Кіева и другихъ городовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, король Августъ вступилъ съ своими войсками въ Польшу, а датскій король, нарушивъ вынужденный у него Карломъ миръ, отправилъ 20.000 армію въ Шененъ (въ Швеціи) и другую армію въ Норвегію.

Многолѣтнее отсутствіе Карла изъ Швеціи какъ бы приучило шведовъ къ мысли, что у нихъ нѣтъ короля. Къ тому же, дѣлаемые изъ Бендеръ распоряженія Карла почти никогда не доходили до Стокгольма. Въ Польшѣ и въ германскихъ земляхъ множество переодѣтыхъ шпионовъ выслѣживали и задерживали всѣхъ курьеровъ, слѣдовавшихъ въ Швецію или изъ Швеціи. Это заставило Карла установить посылку корреспонденціи кружнымъ и весьма медленнымъ путемъ—на Рагузу, Анкону, Римъ, Венецію и Аугсбургъ¹⁾.

Такимъ образомъ приказанія Карла получались всегда слишкомъ поздно, когда ихъ исполнить уже было нельзя; къ тому же сенатъ и не торопился исполнять ихъ, если это почему либо было неудобно, боясь ответственности передъ странюю, признававшею власть сената и отвыкшею отъ власти короля.

Такъ, на примѣръ, Карлъ требовалъ вступленія шведскихъ войскъ изъ Помераніи въ Польшу, тогда какъ еще 20-го (31-го) марта 1710 г. въ Гагѣ состоялось международное соглашеніе, въ которомъ приняты участіе Англія, Данія, Голландія, Австрія, Пруссія, Россія и Польша, въ силу котораго было постановлено, въ видахъ нейтрализаціи германскихъ земель, потребовать отъ воюющихъ сторонъ, чтобы войска ихъ, находящіяся на театрѣ войны, оставались на занимаемыхъ ими мѣстахъ и не вступали ни изъ Помераніи въ Польшу, ни изъ Польши въ Померанію. Нарушившаго это постановленіе положено считать нарушителемъ нейтралитета и направить противъ него особую охранительную армію, которая составитъ изъ войскъ всѣхъ договорившихся державъ²⁾.

¹⁾ Рукоп. 1720 г., стр. 101.

²⁾ Ibidem, стр. 107.

Это постановленіе было сообщено стокгольмскому сенату, который и принялъ его, чѣмъ возбудилъ чрезвычайный гнѣвъ Карла, сказавшаго при этомъ, что, по возвращеніи его въ Швецію, «многіе сенаторы поплатятся своими головами». Эта угроза разными путями дошла до Стокгольма и, быть можетъ, была одною изъ причинъ, по которой сенатъ не особенно желалъ возвращенія Карла, а потому и не торопился исполнять его приказанія, къ тому направленныя.

Съ другой стороны Австрія объявила Портѣ, что не можетъ допустить вступленіе въ Польшу турецкихъ силъ и татарскихъ ополченій, которыя, предавъ всю Польшу разгрому и разоренію, не преминутъ появиться и въ пограничныхъ съ Польшей австрійскихъ владѣніяхъ. Боясь возбудить Австрію къ войнѣ, Порта отмѣнила предполагаемое вступленіе въ Польшу, и Карлу пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ. Теперь рѣшено было всѣ боевыя силы Турціи направить противъ Россіи, почему турецкія войска и начали собираться къ Адрианополу, для слѣдованія къ Дунаю и для перехода за Дунай.

Потерявъ надежду разсчитаться сперва съ Августомъ, какъ того хотѣлъ, Карлъ съ свойственной ему энергіей увлекся теперь мыслью, отомстить Петру за пораженіе подъ Полтавой. Имѣя за себя хана крымскаго, Карлъ убѣдилъ его настаивать на томъ, чтобы всѣ силы Турціи были направлены къ Бендерамъ, гдѣ къ нимъ присоединятся до 8.000 чел., бывшихъ при Карлѣ, выходцевъ. При этомъ онъ просилъ султана о дозволеніи руководить дѣйствіями турецкихъ войскъ, высланныхъ противъ Петра, и указывалъ на крайнюю необходимость не медлить, какъ то дѣлали турки всегда, но быстро идти впередъ, на встрѣчу русскимъ. Указанія эти, какъ увидимъ, не остались безъ послѣдствій, опредѣлившихъ исходъ нашего Прутскаго похода. Что же касается до предложенія руководить операціями турецкихъ войскъ, то визирь нашелъ это несогласнымъ съ указаніями корана, не позволяющими христіанину распорядиться мусульманами. Поэтому Карлу было указано лично оставаться въ Бендерахъ; находящіяся же при немъ войска онъ можетъ присоединить къ турецкимъ.

Разсчитывая на то, что турецкая армія, какъ то бывало всегда, собирается изъ Азіи и Африки къ Адрианополу очень медленно, небольшими частями, и затѣмъ долго еще остается для отдыха и подготовки къ дальнѣйшему походу къ Дунаю; что для перехода черезъ эту рѣку также требуется много времени, и зная свойственную вообще туркамъ медленность, Петръ слѣшилъ занять Бессарабію и быстро двинулся внизъ по р. Пруту, считая визиря еще за Балканами. Но на этотъ разъ турки измѣнили своему прежнему правилу. Войска, собранныя у Адрианополя, вмѣсто отдыха, въ теченіе пяти и даже шести недѣль, простояли тамъ всего два дня

и быстро направились къ Исакчи. Также быстро была произведена здѣсь переправа черезъ Дунай, и визирь немедленно двинулся вверхъ по Пруту. Встрѣча съ русскими произошла скоро.

Скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ Петра¹⁾. Манифестъ о войнѣ съ Турціей послѣдовалъ 8 (19) марта 1711 г. Особая армія кн. Голицына выслана въ Крымъ и нанесла поражение сыну хана Девлетъ-Гирея. Главныя силы Петра направились съ разныхъ сторонъ къ Днѣстру, имѣя въ авангардѣ фельдмаршала Шереметева²⁾. Перейдя Днѣстръ въ іюнѣ, армія Петра продолжала движеніе къ Пруту. Турокъ въ Бессарабіи не было вовсе. Только у Карла было около Бендеръ до 8.000 чел., съ которыми онъ пытался задержать русскихъ на Днѣстрѣ, выславъ отъ Бендеръ отрядъ подъ начальствомъ поляка Кіовскаго. Но послѣдній былъ разбитъ Шереметевымъ и потерялъ до 500 чел. Самъ Карлъ едва не былъ захваченъ на правомъ берегу Днѣстра. Вступивъ въ Молдавію, Петръ былъ введенъ въ ошибку ложными свѣдѣніями о противникѣ и слишкомъ понадѣялся на заявленія молдавскаго господаря Кантемира и валахскаго—Бранкована. Оба они увѣряли, что турецкая армія къ войнѣ не готова, и обѣщали содѣйствовать Петру людьми и припасами. Имѣя въ виду эти заявленія и обѣщанія, Петръ, всегда рѣшительный, но и осторожный, не рѣшился дожидаться прибытія всѣхъ назначенныхъ на войну съ Турціей 150.000 чел., а имѣя лишь при себѣ 55.000, спѣшилъ съ ними впередъ, съ цѣлью выиграть время. При этомъ и продовольственныя средства арміи не были обезпечены, такъ какъ объ этомъ должны были озаботиться Кантемиръ и Бранкованъ, которые, боясь появленія турокъ, просили Петра скорѣе перейти Прутъ и вступить въ Молдавію. Перейдя Прутъ у Скулянъ, армія Петра вступила въ Яссы. Но ожидаемыхъ запасовъ не оказалось въ Молдавіи. По заявленію Кантемира, всѣ запасы страны, до появленія русскихъ, были уже забраны турками, которые имѣютъ огромные ихъ склады въ Галацѣ. Поэтому Петръ рѣшился быстро слѣдовать внизъ по правому берегу Прута къ Галацу, выславъ для этого Шереметева, въ авангардѣ, къ Фальчи, а самъ слѣдовалъ за нимъ въ разстояніи одной мили. вмѣстѣ съ тѣмъ генераль Рене съ отрядомъ высланъ къ Браилову. Подойдя къ Фальчи, Шереметевъ былъ атакованъ превосходными силами турокъ; спѣшивъ своихъ драгунъ, онъ съ трудомъ успѣлъ отступить на главныя силы. Это столкновеніе выиснило дѣло. Оказалось, что около Фальчи находятся на правомъ берегу Прута вся 120.000 армія визиря и 70.000 татаръ. Получивъ,

¹⁾ Мы не намѣрены излагать здѣсь подробности прутскаго похода Петра и упоминаемъ только о томъ, что по сіе время не было извѣстно и о чемъ говорится въ рукописи 1720 года.

²⁾ Шереметевъ перешелъ Днѣстръ 30 марта (10 апрѣля).

это неожиданное извѣстіе, Петръ рѣшился отступить отъ Фальчи, вверхъ по правому берегу Прута. Но непріятель, имѣя много конныхъ войскъ, неотступно слѣдовалъ за нимъ и могъ атаковать на маршѣ. Сознывая невозможность продолжать дальнѣйшее отступление, Петръ рѣшился дать сперва сильный отпоръ противнику¹⁾.

Въ нѣсколькихъ верстахъ выше Фальчи находится на берегу Прута урочище, извѣстное подъ названіемъ Новое Станелище. Имѣя здѣсь лѣсъ и воду, Петръ расположилъ свою армію на правомъ берегу Прута, прикрываясь съ тыла этою рѣкою и лѣсомъ на флангахъ, упиравшихся въ рѣку.

Такимъ образомъ армія Петра образовала выпуклую дугу, хорду которой составляла р. Прутъ. Такое расположеніе, тылъ котораго обезпечивался рѣкою, давало возможность имѣть больше войскъ съ фронта и уравнивать неравенство силъ. Но зато армія лишалась пути отступления въ случаѣ неудачи. Положеніе оказалось крайне опаснымъ. Для усиленія обороны позиціи ее обнесли съ поля рогатками. Но главнымъ оплотомъ русскихъ былъ высокій духъ воиновъ и геройская твердость великаго царя.

Едва армія наша стала за своими рогатками, какъ 9 (20) іюля 120.000 армія визиря окружила ее на правомъ берегу Прута; а 70.000 татаръ и спаговъ, переправясь вплавь на лѣвый берегъ рѣки, окружили ее съ этого берега. Путь отступления былъ, такимъ образомъ, отрѣзанъ, равно какъ и всѣ сообщенія съ Молдавіей, откуда только и можно было надѣяться получить хотя нѣкоторые продовольственные припасы, которыхъ при арміи уже почти не было. Положеніе было дѣйствительно критическое. Люди уже четвертый день не варили пищи, а лошади объѣдали кору деревьевъ и питались ихъ листьями²⁾. Боевыхъ запасовъ также оставалось очень мало; армія, ослабленная дезертированіемъ, насчитывала не болѣе 38.000 чел. и была окружена 190.000 непріателемъ. Гибель ея казалась неизбѣжной, и Карлъ, находясь въ Бендерахъ, предавался по этому случаю ликованіямъ.

«При такихъ обстоятельствахъ,—говорилъ Карлъ,—я каждую минуту ожидалъ извѣстія, что врагъ мой сдался, и уже представлялъ себѣ, съ какою неописанною радостью увижу я его, лежащаго у ногъ моихъ. Но, Боже мой!.. ко мнѣ прискакалъ посланный отъ Кіовскаго съ увѣдомленіемъ, что визирь готовится заключить миръ съ царемъ! Радость моя смѣнилась печалью и гнѣвомъ. Я не зналъ, что предпринять, и, вскочивъ на лошадь, поскакалъ въ турецкій лагерь»³⁾.

¹⁾ Къ этому его принудило то обстоятельство, что въ теченіе всего 8 (19) іюля татары и спаги дѣлали постоянныя нападенія на наши бывшія въ движеніи войска, при чемъ успѣли отбить много телѣгъ съ провіантомъ и порохомъ, въ которыхъ уже чувствовался большой недостатокъ.

²⁾ Рук. 1720 г., стр. 113.

³⁾ Ibidem.

Чтобы понять, почему визирь согласился на заключеніе мира съ Петромъ, необходимо вникнуть въ нѣкоторыя подробности.

Мы видѣли, что во весь день 8 (19) іюня татары и спаги неоступно нападали на отступавшія отъ Фальчи наши войска, которыя, поэтому, не находя возможнымъ продолжать отступление, остановились 9 (20) іюня на избранной позиціи и приготовились къ отпору. Все 10 (21) число визирь громилъ нашъ лагерь своею артиллеріей. Мы отвѣчали на выстрѣлы, но очень слабо, сберегая снаряды, которыхъ уже оставалось немного, для рѣшительной минуты, которая вскорѣ и наступила. Судя по слабости нашего огня, визирь заключилъ, что бомбардировка уже достаточно достигла цѣли, и что насталъ моментъ нанесенія русскимъ окончательнаго удара. 20.000 лучшаго войска, отборныхъ янычаръ, къ вечеру, 10 (21) числа, двинулись на штурмъ. Не смотря на всю его энергію, штурмъ былъ дважды отбитъ, съ огромными для янычаръ потерями ¹⁾.

Это обстоятельство сильно подняло геройскій духъ русскихъ и охлаждающимъ образомъ подѣйствовало на визиря, человѣка, какъ было уже сказано, не воинственнаго. Еще при своемъ назначеніи онъ сказалъ султану: «ты знаешь, что я въ дѣтствѣ учился дѣйствовать топоромъ (прежде онъ былъ дровосѣкомъ), а не саблею и командованію надъ арміей. Я постараюсь честно служить тебѣ. Но если не сумѣю, то помни, что я предупреждалъ тебя, и не обвиняй меня» ²⁾.

Слова эти достаточно характеризуютъ личность визиря, какъ главнокомандующаго, не обладающаго ни особеннымъ талантомъ, ни энергіей. Въ данномъ положеніи это было напимъ спасеніемъ. Геройское отраженіе штурма не могло не охладить дальнѣйшей предпріимчивости визиря и не понизить духа его войскъ, какъ это всегда бываетъ съ турками при неудачѣ. Нужно помнить, что турки (особенно прошлаго вѣка) прежде всего фанатики. При всякой удачѣ они предпріимчивы и смѣлы до дерзости, потому что видятъ въ этомъ заступничество пророка, по волѣ котораго все должно пасть прахомъ предъ его послѣдователями. Напротивъ того, испытавъ неудачу, они считаютъ дальнѣйшую борьбу немислимою и бесполезною, потому что, значить, мусульмане чѣмъ нибудь возбудили гнѣвъ пророка, и онъ допустилъ ихъ пораженіе ³⁾. Поэтому дальнѣйшая борьба означала бы противленіе волѣ пророка, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не превратитъ гнѣва на милость.

Эти вѣрованія мусульманъ и спасли нашу армію на Прутѣ. Прежде всего янычары, отбитые на штурмѣ и сильно пострадавшіе, объявили, что болѣе на штурмъ они уже не пойдутъ, и тре-

¹⁾ Погибло болѣе 7.000 человѣкъ.

²⁾ Рук. 1720 года.

³⁾ Ибрагимъ-эфенди, турецкій тактикъ, о тактикѣ турокъ.

бовали, чтобы визирь «поскорѣе заключилъ миръ»¹⁾). Требованіе янычаръ раздѣляла и вся турецкая армія, тѣмъ болѣе, что въ тотъ же день, 10-го (21-го) іюля, до нея дошла вѣсть, что русскій отрядъ генерала Рене, посланный, какъ сказано, Петромъ еще изъ Яссы къ Браилову, овладѣлъ этимъ городомъ и его крѣпостью.

О такомъ настроеніи визирской арміи объявили на допросѣ плѣнные турки, и это возбудило у насъ, въ нѣкоторыхъ лицахъ, по крайней мѣрѣ, надежду на возможность выйти изъ критическаго положенія.

Что касается Петра, то онъ не вѣрилъ въ возможность заключить миръ при настоящей обстановкѣ положенія, невольно ставя себя на мѣсто визиря, имѣвшаго на своей сторонѣ всѣ преимущества въ данную минуту. Поэтому онъ рѣшился мужественно пробить себѣ дорогу, во что бы то ни стало, на другой же день. Съ этою цѣлью онъ отдалъ соотвѣтствующія приказанія Шереметеву и велѣлъ сжечь всѣ повозки съ рогатками и весь лишній багажъ, чтобы облегчить маршъ арміи, и чтобы ничто не досталось непріятелю. Отъ страшнаго напряженія всей нервной системы, въ виду предстоящаго вопроса быть или не быть, Петръ сильно страдалъ въ этотъ день мигренью и, чтобы приготовить весь запасъ силъ на рѣшительное завтра, удалился въ свою палатку, запретивъ, кому бы то ни было, входить къ нему.

Твердая рѣшимость царя умереть или проложить себѣ путь съ честью, сожженіе багажа и проч. утвердили въ войскахъ убѣжденіе въ неизбежности катастрофы, но не привели ихъ въ робость. Всѣ рѣшились идти за царемъ и, если то неизбежно, пасть смертью героевъ. Но въ русскомъ лагерѣ было много женщинъ, которыя пришли въ совершенное отчаяніе.

Нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе приближенныя къ бывшей такъ же въ походѣ будущей императрицѣ Екатеринѣ I, обратились къ ней съ мольбой войти въ ихъ положеніе, которое, при томъ, ставило ихъ въ необходимость сжечь свои экипажи и пѣшкомъ слѣдовать за войсками. Нѣкоторые изъ генераловъ такъ же указывали ей на возможность кончить дѣло, не доводя его до крайностей.

Въ то время, когда Петръ сидѣлъ въ своей палаткѣ и предавался тяжелымъ думамъ, Екатерина собрала къ себѣ на совѣтъ высшихъ чиновъ арміи, а такъ же пригласила и дипломата, вице-канцлера Шафирова. Послѣдній сказалъ, что есть надежда на заключеніе мира, и что во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сдѣлать попытку. На это Шереметевъ замѣтилъ:

— Попытка къ заключенію мира просто глупа, если же визирь заключитъ этотъ миръ, то будетъ еще глупѣе того, кто предлагаетъ подобную попытку.

¹⁾ Рук. 1720 г.

«истор. вѣстн.», июнь, 1894 г., т. LVI.

Шереметевъ разсуждалъ, какъ воинъ, Шафировъ— какъ дипломатъ, и оба были правы. Шафировъ зналъ, что въ Турціи все можно сдѣлать при посредствѣ подарковъ и денегъ.

Впослѣдствіи это подтвердилъ и Фридрихъ Великій, сказавъ, что «турки за деньги продадутъ и своего пророка». Убѣжденная Шафировымъ, Екатерина, нарушивъ запретъ Петра, вошла въ его палатку, изложила ему надежды Шафирова и умоляла сдѣлать попытку къ замиренію. Не вѣря въ благоприятный исходъ этого дѣла, Петръ не желалъ получить отказа и потому не согласился начать переговоры отъ своего имени. Тѣмъ не менѣе онъ дозволилъ Шереметеву, какъ фельдмаршалу, снестись съ визиремъ только отъ себя.

Въ ночь на 11-е (22-е) іюля одинъ капитанъ изъ татаръ, въ сопровожденіи трубача, былъ отправленъ Шереметевымъ къ визирю съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что настоящая война возникла противъ желанія царя и султана, и что потому «заблагоразсудилъ я вашему сіятельству предложить сію войну прекратить возобновленіемъ прежняго покоя, который можетъ быть обѣимъ сторонамъ полезенъ. Буде же къ тому склонности не учините, то мы готовы и къ другому, и Богъ взыщетъ то кровопролитіе на томъ, кто тому причиною, и надѣмся, что Богъ поможетъ нежелающему. На сіе ожидать буду отвѣта и посланнаго сего скорого возвращенія» ¹⁾.

Но этотъ посланный былъ задержанъ татарами, не хотѣвшими замиренія, и письмо не было доставлено визирю ²⁾. Прождавъ два часа и не получая отвѣта, Шереметевъ отправилъ визирю второе письмо, такъ какъ отвѣтъ въ томъ или другомъ видѣ былъ необходимъ, потому что въ случаѣ отказа немедленно предстояло, пока еще не разсвѣло, ввести войска въ бой. Въ этомъ второмъ письмѣ было сказано, что, не получивъ отвѣта на первое письмо: «Желаемъ отъ васъ, какъ наискорѣйшей резолюціи — желаете ли мира съ нами возобновленія, которое мы съ вами можемъ, безъ дальняго пролитія человѣческой крови, на полезнѣйшихъ кондиціяхъ учинить. Но ежели не желаете, то требуемъ скорой резолюціи, ибо мы, съ своей стороны, къ обоему готовы и принуждены воспріять крайнюю резолюцію. Однако сіе предлагаемъ, щадя человѣческаго кровопролитія, и будемъ ожидать нѣсколько часовъ отвѣта» ³⁾. Письмо это было послано съ полковникомъ, въ сопровожденіи трубача, и дошло по назначенію. Твердый тонъ его и высказываемая рѣшимость дѣйствовать сообразно съ намѣреніями визиря давали ему понять, что русскіе сумѣютъ постоять за себя, и что туркамъ

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XVI, стр. 83.

²⁾ Рук. 1720 г., стр. 114.

³⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 84.

дорого обойдется даже побѣда, которая, къ тому же, хотя и была вѣроятна, но дѣло могло кончиться и неудачей, подобно штурму 10-го (21-го) юля. Зная при томъ настроеніе своей арміи, требовавшей «скорога замиренія», визирь охотно принялъ предложеніе и приказалъ передать посланному, чтобы для переговоровъ было прислано высокопоставленное лицо, снабженное письмомъ отъ самого царя, чтобы знать, что въ томъ его воля.

Тогда Шафировъ заготовилъ отъ имени Петра слѣдующее письмо, которое не находится ни у кого изъ русскихъ историческихъ писателей, и которое мы приводимъ поэтому дословно изъ рукописи 1720 г., на которую такъ часто уже ссылались¹⁾.

«Преславный и великодушный генераль!

«Я не былъ никогда такого мнѣнія, чтобы султанъ гнушеніе какое надо мною приключать (желаль?), понеже я себѣ всегда за великую честь почитаю съ нимъ въ союзѣ обрѣтаться и новое пріятельство содержать; ибо весьма ни для него, ниже для подданныхъ его князей, армію возстановилъ, но токмо безопасности ради моихъ собственныхъ земель; а ежели ему кто и кое-что подговаривалъ, и я нечаянно несчастенъ, что онъ противъ меня недовольство какое имѣеть, то во мгновеніе ока все оное возвратить (готовъ?), въ чемъ его величество не доволенъ; и вы, великодушный генераль, сами усмотрите, какъ я согласенъ всякую сатисфакцію дать, во всѣхъ важныхъ жалобахъ, ради которыхъ для войны противъ меня предвозвѣстили и декларировали, ежели вы изволите, на нѣсколько дней перемиріе (армистиціумъ) позволить, о чемъ и прилежно прошу. Въ такомъ времени я моихъ офицеровъ въ закладъ пошлю вящшаго довѣрія ради нашихъ цесарскихъ словъ, которыя я влагалъ и вамъ отослать хочу чрезъ сего письма, подписаннаго нашею собственною рукою и съ моею тайною, великою печатью укрѣпленнаго, и великодушный генераль отнюдь болѣе одержать не можетъ, или Оттоманскому государству важнѣе услугу чинить, нежели сію войну въ самомъ началѣ чрезъ заключеніе мира окончить, понеже я кондиціи въ вашей волѣ поставляю, въ надеждѣ, что вы такъ великодушны будете, что мнѣ непристойныхъ требованій ни предписать, наименьше же оныхъ далѣе распространять, нежели они въ военной деклараціи отъ его освященнаго высочества сочинены.

«Сего для уповалъ я, что вы преостерегать будете болѣе кровопролитіе, нежели доннынѣ бывало; при томъ же прошаючи, чтобы изволилъ немедленно повелѣть перестать отъ паленія артиллеріи, понеже я уже при своей арміи приказалъ, чтобы не чи-

¹⁾ Содержаніе этого письма, согласное съ настоящимъ, приводится только у Nordberg, въ его Hist. de Charles XII, и напечатано только въ 1742 году.

нить какое непріятельство, и воспріемлють закладныя особы, которыя я къ вамъ отослать готовъ, и того для Всемогущаго Бога призывать буду, чтобы на васъ свое изобильное благословеніе изливать даль, и весь свѣтъ вамъ честь оказалъ. Дано въ нынѣшнемъ лагерѣ надъ рѣкою Прутъ, іюля 22-го дня, 1711 году. Петръ»¹⁾.

Такимъ образомъ Петръ изъявлялъ желаніе, удовлетворить лишь требованіямъ Порты, находящимся въ предѣлахъ причинъ, побудившихъ ее къ войнѣ и которыхъ собственно не существовало, такъ какъ главною причиною войны Порты выставляла мнимое посягательство царя на ея владѣнія, чему не было никакихъ доказательствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ не допускалось никакихъ предло-женій непріятели, непристойныхъ воинской чести.

Съ этимъ письмомъ былъ отправленъ Шафировъ, получившій отъ царя точныя указанія на тѣ пункты, на которые можно согласиться. Чтобы сдѣлать визиря сговорчивѣе, Шафировъ обѣщалъ ему, по заключеніи мира, выдать 150.000 рублей²⁾. Другимъ вліятельнымъ лицамъ такъ же обѣщаны промессы. Сверхъ того, Екатерина собрала всѣ свои драгоценности и поручила передать ихъ визирю въ подарокъ отъ себя. Ея примѣру послѣдовали и всѣ дамы, бывшія въ лагерѣ, а такъ же «царь, генералы его и всѣ оберъ (вышіе) офицеры мало что не все приносили, что у нихъ было»³⁾.

Переговоры приняли вполнѣ благопріятный ходъ, и уже на другой день 12-го (23-го) іюля миръ былъ подписанъ на весьма умѣренныхъ условіяхъ. О выдачѣ Карла въ договорѣ не было упомянуто; да и вообще о немъ забыли. «Я чаю, что на него плюнули», — доносилъ Шафировъ царю отъ 13-го (24-го) іюля. Только по просьбѣ Понятовскаго, потомъ уже было внесено въ договоръ дополненіе, по которому Карлу предоставленъ свободный проѣздъ въ Швецію какъ черезъ Россію, такъ и черезъ Польшу.

Что же дѣлалъ въ это время Карлъ? Мы видѣли, что онъ, одинъ безъ свиты, поскакалъ верхомъ изъ Бендеръ, какъ только получилъ свѣдѣнія о начавшихся съ визиремъ переговорахъ. Во что бы то ни стало онъ хотѣлъ помѣшатель имъ. Подскакавъ къ лѣвому берегу Прута, гдѣ не было никакихъ переправъ, и зная, что армія визиря расположена на правомъ берегу, Карлъ бросился въ рѣку и хотя чуть не утонулъ, но успѣлъ верхомъ переплыть рѣку и попалъ, какъ разъ, въ русскій лагерь. Но, нисколько не потерявшись, онъ проскакалъ черезъ него въ карьеръ и прибылъ въ турецкій лагерь.

¹⁾ Рук. Z., 1720 г., стр. 114 и 115.

²⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 84. По рукоп. 1720 года, одинъ только каймаканъ (совѣтникъ) визиря получилъ 100.000 червонцевъ.

³⁾ Рукоп. 1720, стр. 115.

Отыскавъ Понятовскаго, онъ узналъ отъ него, что миръ уже подписанъ, и что въ тотъ же день, 12-го (23-го) іюля, русскіе уже свободно выступаютъ съ музыкой и развернутыми знаменами ¹⁾).

Приведенный этимъ извѣстіемъ въ совершенную ярость, онъ отправился къ визирю и иронически поздравилъ его съ заключеніемъ мира. Визирь такъ же насмѣшливо принялъ поздравленіе и просилъ Карла сѣсть.

— Я былъ страшно сердитъ,—говорилъ Карль:—и загрызъ бы его зубами, если бы имѣлъ возможность ²⁾).

При всемъ томъ Карль сдерживался и началъ уговаривать визиря не позволять русскимъ свободнаго выхода, а воспользоваться случаемъ, который въ другой разъ уже никогда не представится. Онъ говорилъ, что, не потерявъ ни одного солдата, визирь можетъ заставить царя, съ всею его арміею, положить оружіе.

— Дайте мнѣ только 12 или 15 пушекъ,—сказалъ онъ:— и разрѣшите открыть пальбу.

Но визирь не обращалъ вниманія на его слова. Тогда Карль попытался застрашать его. Онъ указывалъ ему на отвѣтственность, которая падала на него за то, что, имѣя возможность взять въ плѣнъ всю русскую армію, онъ упустилъ этотъ случай.

— Я имѣю власть,—отвѣчалъ ему визирь:—продолжать войну, или заключить миръ.

— Но вѣдь ты можешь взять въ плѣнъ всю русскую армію,—сказалъ Карль.

— Нашъ законъ,—возразилъ визирь:—повелѣваетъ намъ мириться съ непріателемъ, который насъ проситъ о мирѣ.

— А повелѣваетъ ли тебѣ законъ,—вскричалъ Карль,—заключать плохой миръ, когда ты могъ потребовать, чего только хочешь? Развѣ не отъ тебя зависитъ представить царя плѣнникомъ въ Константинополь?

Желая уколоть Карла, визирь сказалъ, улыбаясь:

— О, кто же тогда сталъ бы управлять его странною, въ его отсутствіе? Нельзя же, чтобы всѣ правители были не у себя дома!..

Карль понялъ намекъ на себя и горько улыбнулся. Затѣмъ онъ подсѣлъ къ визирю вплотную на диванъ и, смотря на него въ упоръ, протянулъ ногу и умышленно задѣвъ шпорой за одежду визиря, оборвалъ ее, всталъ и молча вышелъ ³⁾).

Полагаемъ, что сдѣланнаго очерка достаточно для составленія понятія о личности Карла, какъ противника Петра, и его вліянія на ходъ событій Сѣверной войны, отъ Полтавы до Прута. Самая

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem, стр. 116.

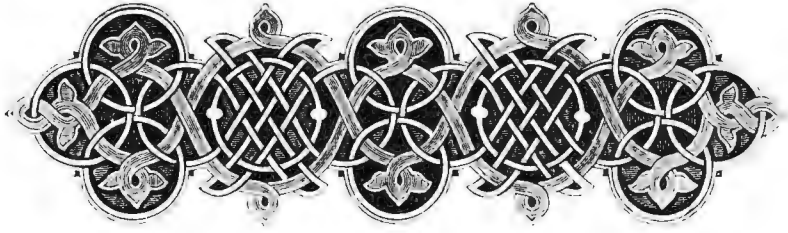
³⁾ Voltaire, p. 227.

эта война съ Турціей и критическое положеніе на Прутѣ были дѣломъ Карла, которому, однако, не удалось помѣшать намъ выйти изъ этого положенія. А кто знаетъ, чѣмъ бы могъ окончиться для насъ этотъ Прутскій походъ, если бы Карлу не было отказано въ его просьбѣ руководить дѣйствіями турецкихъ войскъ? Но этому, главнымъ образомъ, воспрепятствовало сложившееся о немъ у турокъ мнѣніе, что при своей дерзкой смѣлости, погубивъ всю шведскую армію, онъ тѣмъ болѣе будетъ равнодушенъ къ потерямъ мусульманъ, не останавливаясь ни предъ какими самыми рискованными предпріятіями.

Дальнѣйшее пребываніе Карла въ Турціи, его сопротивленіе турецкимъ властямъ и потомъ бѣгство, переодѣваніе въ костюмъ, съ накладнымъ парикомъ и прочее, до самой его загадочной смерти, незадолго до которой онъ хотѣлъ сдѣлаться другомъ Петра, уже не относится къ нашему очерку, хотя все это полно легендарныхъ сказаній.

А. Н. Петровъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ СЕКТАНТСТВА.

I.

СЕКТАНТСТВО, или расколъ, какъ мы его называемъ, т. е. отдѣленіе отъ единства церкви, или расторгеніе союза церковнаго, составляетъ явленіе не новое въ исторіи христіанской вѣры. Съ самыхъ первыхъ временъ христіанства были не рѣдки примѣры раздора между отщепенцами Христа стада. Таковы, между прочимъ, расколы, волновавшіе церковь коринѣскую еще въ первомъ вѣкѣ христіанства ¹⁾. Таковы же раскольники, извѣстные подъ именемъ козаровъ ²⁾, а далѣе новатіане и донатисты. Тѣ и другіе, не смотря на различіе ихъ ученія о церкви, сходились въ одномъ общемъ для всѣхъ пунктѣ отступленія неповиновенія власти церковной.

То же неповиновеніе власти церковной, то же расторгеніе союза церковнаго, составляетъ сущность и духъ русскаго раскола, приняшаго потомъ характеръ открытаго возмущенія не только противъ власти церковной, но и гражданской. Чтобы подтвердить это, достаточно указать на мятежи стрѣлецкій и соловецкій, на то ученіе нѣкоторыхъ сектъ, которое отвергаетъ молитвы за царя и царствующій домъ, допускаетъ уклоненіе отъ исполненія многихъ по-

¹⁾ Посланіе св. Климента Римскаго къ коринѣянамъ, гл. 44, см. Христіанское Чтеніе, 1824 г., гл. 44.

²⁾ Памятники древней христіанской церкви, т. IV, гл. VII.

винностей и дозволяетъ, или, лучше сказать, предписываетъ своимъ послѣдователямъ странническую или бродяжническую жизнь и т. п.

Церковь и правительство со дня появленія раскола борются съ нимъ. Принимались различныя мѣры, чтобы вернуть въ лоно церкви православной ея отщепенцовъ. Первое время расколъ преслѣдовался и преслѣдовался часто силой. Это еще больше озлобляло раскольниковъ. Они, вполне убѣжденные въ правотѣ своихъ ученій и думая, что «терпятъ гоненія за истинную вѣру», слышать не хотѣли разумныхъ убѣжденій и законныхъ требованій правительства, направленныхъ къ ихъ же благополучію, и толпами уходили или въ отдаленныя мѣстности обширной Россіи, или на такія окраины, о которыхъ еще и правительство не знало, что онѣ принадлежали Русскому государству, а больше всего за границу, въ Турцію и Польшу.

Высочайшій манифестъ, данный императрицей Екатериной II, 4-го декабря 1762 года, позволилъ раскольниковъ снова возвратиться въ отечество. Имъ даны были для поселенія удобныя и привольныя мѣста близъ Иргиза, гдѣ они впослѣдствіи основали нѣсколько скитовъ мужскихъ и женскихъ, и съ соизволенія императрицы, давшей имъ полную свободу совершать богослуженія по ихъ обрядамъ, построили нѣсколько церквей. Въ Иргизскихъ скитахъ были свои попы, наставники и уставщики.

Но широкое право такой свободы послужило только на пагубу самимъ же старообрядцамъ. Среди скитниковъ и скитницъ, прикрываемыя исповѣданіемъ вѣры, творились такія безобразія, которыя заставили уничтожить потомъ этотъ разсадникъ противоправославныхъ и противоправительственныхъ ученій.

Въ лѣтописяхъ иргизскаго раскола извѣстны два болѣе характерныхъ случая (можетъ быть, ихъ было больше, но до насъ дошли только эти), проливающіе яркій свѣтъ на нравственное состояніе скитскихъ обитателей, почти со дня появленія ихъ на Иргизѣ.

Вскорѣ по прибытіи на Иргизъ, въ 1771 году, извѣстнаго инока Сергія, когда онъ общимъ голосомъ скитниковъ, какъ человекъ начитанный, былъ избранъ настоятелемъ Верхне-Преображенскаго монастыря и успѣлъ на столько возвысить значеніе Иргиза среди раскольниковъ, что онъ сдѣлался единственнымъ мѣстомъ «истиннаго благочестія» для нихъ, произошелъ такой казусъ, который такъ повліялъ на Сергія, что онъ изъ яраго борца раскола сталъ искреннимъ приверженцемъ единовѣрія.

Однажды скитское духовенство въ сопровожденіи многочисленной толпы народа совершало крестный ходъ на водосвятіе. Сергій такъ же присутствовалъ на немъ. Тѣснота, давка были страшныя. Вдругъ, когда священники съ хоругвями и иконами остановились для молебствія, изъ толпы вышла какая-то женщина и съ дикимъ крикомъ, съ бранью набросилась на одного изъ поповъ, упрекая

его всенародно въ невѣрности къ ней и прочихъ неблаговидныхъ поступкахъ. Хотя случай этотъ на толпу особеннаго впечатлѣнія не произвелъ, благодаря Сергѣю, который сумѣлъ поставить дѣло такъ, что женщину эту признали за порченную; но самъ онъ усомнился въ чистотѣ распространяемой имъ вѣры ¹⁾, что и заставило его впоследствии искать соединенія съ св. церковью.

Другой почти подобный случай былъ гораздо позднѣе: въ концѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Всѣ иргизскіе скиты мужскіе и женскіе составляя какъ бы одну духовную артель, не чуждались, конечно, и старовѣрами окрестныхъ деревень и, кромѣ поста и молитвы, «сплачивались во едино» еще и другимъ болѣе тѣснымъ общеніемъ; особенно дружили между собой молодые чернецы и черницы съ крестьянскими дѣвушками и парнями. Сердечныя стремленія, не сдерживаемыя ничѣмъ, тѣснѣе соединяли ихъ, а жажда любви и удовлетворенія страстей заставляла сближаться и сердцемъ и душой.

Живя такъ дружно, молодые люди, послѣ дневныхъ трудовъ и вечерней молитвы, часто, въ лѣтнія ясныя ночи, подъ предлогомъ «бить лягушекъ» ²⁾ на озерѣ Колыванѣ, близъ деревни Пузановки, удалялись отъ монастырской суеты въ густыя дебри иргизскихъ лѣсовъ и здѣсь при улыбающейся въ небѣ лунѣ и подъ пріятный шелестъ листьевъ вѣковыхъ дубовъ, наслаждались чарующей нѣгой ночи. Воздухъ, налитый ароматами лѣсныхъ пахучихъ травъ, такъ ласково, такъ пріятно щекоталъ нервы, волновалъ, разжигалъ молодую кровь и заставлялъ трепетать сердца, что молодые люди, парочками пріютившись подъ тѣнью зеленой листвы, должны были пылъ страстей умѣрять любовными лобзаніями.

Знали ли объ этихъ пріятныхъ времяпрепровожденіяхъ скитскіе заправилы—неизвѣстно. Надо думать, что старые раскольники вѣдали объ амурныхъ похожденіяхъ чернецовъ, но смотрѣли на это сквозь пальцы, такъ какъ и сами были не безгрѣшны. Порокъ страстей у нихъ не признавался за грѣхъ и не преслѣдовался, какъ величайшее зло. Но такія дѣла, конечно, не могли пройти незамѣченными. Развратъ уже перешелъ всѣ границы нравственности. Пагубная и запрещенная страсть готовилась всплыть наружу.

Какъ-то выдалась одна изъ чрезвычайно суровыхъ зимъ, какихъ и старожилы не запомнятъ. Рѣки и озера покрылись такимъ толстымъ слоемъ льда, что начали вскрываться только въ концѣ апрѣля. Озеро же Колыванъ стояло полузамерзшимъ до Троицына дня, и только въ маѣ ледъ на немъ сталъ мало-по-малу таять, изда-

¹⁾ Подробности см. въ «Исторіи раскола», Исаповскаго. I, 220.

²⁾ Точное выраженіе, записанное со словъ окрестныхъ жителей.

вая въ то же время зловоніе. Вода окрасилась въ зеленоватый цвѣтъ. Отъ употребленія ея между жителями открылись разныя болѣзни, началась смертность. Изъ скитовъ десятками вырывались жертвы. Кругомъ стояли стонъ и плачь. Народъ волновался. Прекратить заразу домашними средствами не было никакой возможности. Скитскіе заправилы старались не допустить зараженіе въ сосѣднія деревни и скрыть несчастіе отъ глазъ правительства. Однако какъ ни скрывались старообрядцы, а слухъ дошелъ до Саратова. На мѣсто происшествія губернскимъ начальствомъ тотчасъ же была наряжена слѣдственная коммиссія, и дѣло началось.

Прежде всего рѣшено было освидѣтельствовать озеро. Слѣдователи пришли въ ужасъ. Въ немъ оказалась масса труповъ новорожденныхъ младенцевъ, частію уже погнившихъ. Вслѣдствіе этого, какъ опредѣлили врачи, и озеро такъ долго не вскрывалось, ибо вода въ немъ промерзла до дна такъ, что нѣкоторые трупы были во льду, чѣмъ и задерживалось таяніе льда. Изъ слѣдствія выяснилось потомъ, что иргизскіе монастыри служили не разсадникомъ старообрядческаго «благочестія», а мѣстомъ безконтрольнаго разврата.

Послѣднее обстоятельство и было, какъ кажется, главной побудительной причиной уничтоженія всѣхъ иргизскихъ скитовъ. Помимо того, со времени смерти Прохора, преемника Сергія, въ скитахъ стало замѣчаться броженіе умовъ. Одни изъ старовѣровъ хотѣли присоединиться къ единовѣрію, другіе же всѣми мѣрами старались удержать въ своихъ рукахъ Иргизъ. Затѣмъ и взгляды правительства на раскольниковъ стали уже не тѣ. Такъ, указомъ 26-го марта 1822 г. не разрѣшалось строить вновь не только церквей, но и часовенъ, воспрещалось имѣть бѣглыхъ поповъ. Въ силу же высочайшаго указа 19-го іюля 1825 г. браки, повѣнчанные въ старообрядческихъ часовняхъ, признавались недѣйствительными¹⁾. И наконецъ послѣдовало повелѣніе обратить иргизскіе скиты въ единовѣрческіе.

Обращеніе началось съ 1828 года, съ Нижне-Воскресенскаго мужскаго скита, и къ концу 1830 года всѣ мужскіе монастыри были присоединены къ единовѣрію. Только оставались въ расколѣ женскіе скиты до 1841 года, когда 27-го апрѣля послѣдовало высочайшее повелѣніе объ уничтоженіи ихъ и объ обращеніи черницъ по мѣстамъ ихъ жительства «въ ихъ прежнія сословія по принадлежности».

Благая мысль единовѣрія или принятія раскольниками благословеннаго священства, предложенная правительству въ концѣ прошлаго столѣтія знаменитыми старцами изъ раскольниковъ: Никодимомъ Стародубскимъ и Сергіемъ Иргизскимъ, и имѣвшая цѣлію

¹⁾ См. дѣло Оренбургск. центр. архива, № 344.

соединить рекомыхъ старообрядцевъ съ православною церковью, подъ управленіемъ одной законной іерархіи, была тогда же бурно принята большинствомъ раскольничьихъ уставщиковъ, видѣвшихъ въ этомъ нововведеніи прекращеніе своего вліянія на невѣжественный народъ, такъ что Сергій долженъ былъ оставить свою Иргизскую обитель и скрыться въ Стародубскихъ слободахъ, гдѣ единовѣріе было поддержано разумнымъ вліяніемъ митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго Гавріила.

Хотя въ Заволжскомъ краѣ единовѣріе и начинало упрочиваться около 1800 года трудами и любовію ученаго архіепископа астраханскаго Никифора, но послѣ бѣгства Сергія упало совершенно, и расколъ сталъ развиваться съ ожесточеніемъ и силою.

Если иргизскіе монастыри и были обращены въ единовѣріе, а съ ними вмѣстѣ приняли благословенное священство ближайшія раскольническія села, то это еще было не достаточно, чтобы уничтожить расколъ. Меньшинство приняло единовѣріе, а большинство осталось въ расколѣ и, разсѣявшись по частнымъ домамъ родныхъ и знакомыхъ своихъ, продолжало не только держаться раскола, но и совращать другихъ въ него. Да и обращеніе въ единовѣріе было болѣе наружнымъ, чѣмъ внутреннимъ и постояннымъ. Много примѣровъ и до сихъ поръ еще, что тысячи поселянъ, причисленныхъ къ единовѣрью, упорно держатся раскольническихъ заблужденій и не оставляютъ ихъ, не смотря на убѣжденія мѣстнаго духовенства.

Въ Уральскомъ войскѣ и въ Златоустовскомъ округѣ, какъ мѣстахъ, болѣе зараженныхъ расколомъ, было построено нѣсколько единовѣрческихъ церквей, и раскольники приняли благословенное священство, но въ душѣ и частной жизни пребывали и пребываютъ тѣми же раскольниками.

Въ церквахъ этихъ священники и діаконы рукоположены, хотя и нашими архіереями, но по большей части изъ простыхъ мужиковъ, раскольниковъ же, и часто неграмотныхъ, которые сами-то не понимаютъ догматовъ религіи, а не только что вразумлять или наставлять заблудшихъ; ихъ самихъ-то еще надо учить и утверждать въ правилахъ вѣры. Нашихъ же священниковъ единовѣрцы принимаютъ неохотно по недостатку довѣрія къ нимъ, а больше потому, что они не исполняютъ церковныхъ уставовъ въ богослуженіи.

При такихъ условіяхъ трудно было вѣрить, чтобы единовѣріе въ Заволжскомъ краѣ принесло когда либо ожидаемыя отъ него успѣхи, особенно въ пятидесятихъ годахъ, когда раскольникамъ удалось добыть себѣ лже-епископовъ и лже-іереевъ, которые, какъ наемники, покоряясь народной волѣ, сами направляли эту волю, сообразно съ своими видами, къ неповиновенію властямъ и, извращая такимъ образомъ прекрасную, всегда покорную натуру русскаго человѣка, отрывали отъ русской семьи цѣлыя селенія.

Такое злонамѣренное дѣйствіе раскольничьихъ поповъ съ одной стороны, преступное покровительство (какъ увидимъ дальше) земскихъ и «градскихъ» полицій богатымъ раскольникамъ съ другой и, наконецъ, равнодушіе и корыстолюбіе большей части приходскихъ священниковъ при сношеніяхъ съ раскольниками поколебали окончательно довѣріе старообрядцевъ и даже православныхъ къ властямъ какъ духовнымъ, такъ и гражданскимъ, и отдѣлили, такъ сказать, непроходимой стѣной народъ отъ духовенства, а еще больше отъ сословій, носящихъ званіе чиновника и дворянства.

По несчастію, къ уврачеванію этой болѣзни въ Заволжскомъ краѣ принимались «полумѣры», болѣе вредныя, нежели полезныя. Такъ, напримѣръ, въ 1853 году, министерство внутреннихъ дѣлъ прислало сюда своего чиновника, который, не изучивъ жизни простого народа, не имѣя никакого понятія о вуждахъ народныхъ, началъ преслѣдовать расколъ. Полицейскіе чиновники, желая выказать свое усердіе, наполняли остроги раскольниками, днемъ печатавали часовни, а ночью за деньги пускали туда богомольцевъ; словомъ, много было надѣлано бесполезнаго шума. Раскольники озлобились пуще прежняго и стали скрытнѣе и осторожнѣе.

Такія дѣйствія командированнаго чиновника какъ разъ шли въ разрѣзъ съ основными видами правительства, которое, поселивъ раскольниковъ въ Заволжскомъ краѣ, воспрещало преслѣдовать ихъ за религіозныя мнѣнія, а лишь поставило въ обязанность мѣстнымъ властямъ слѣдить только, чтобы православные не были совращаемы въ расколъ. Исполненіе этихъ краткихъ и чадолубивыхъ взглядовъ правительства лежало, конечно, на обязанности приходскихъ священниковъ и на массѣ полицейскихъ чиновниковъ. Но, къ сожалѣнію, масса эта не способна была сдѣлать ничего хорошаго, если не видѣла надъ собой бдительнаго и непрерывнаго надзора высшаго начальства, и корыстными дѣйствіями своими безнаказанно разрушала довѣріе простаго народа къ закону и его блюстителямъ.

Стеченіе такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ было не только причиною быстрого распространенія раскола въ этомъ краѣ, но и сближенія различныхъ сектъ раскольничьихъ, въ былые годы враждебныхъ между собою. Поповцы и безпоповцы соединились во взглядахъ, стали почитать святыми соловецкихъ бунтовщиковъ временъ царя Алексѣя Михайловича и молиться имъ, между тѣмъ какъ въ святость этихъ бунтовщиковъ вѣрили одни только безпоповцы. Ни одна изъ сектъ въ Заволжскомъ краѣ не молилась за государей, кромѣ поповщинцевъ, которые при эктеніяхъ поминали царя «въ правѣ-сіяющаго», не признавая особы императора православнаго, а тутъ перестали молиться и поповцы. Среди раскольниковъ всѣхъ сектъ появилось окружное посланіе, присланное изъ Австріи какимъ-то бѣжавшимъ туда мастеровымъ Міяскаго завода,

которымъ увѣщевались здѣшніе раскольники соединиться съ бѣлокриницкою іерархіей.

Мастеровой этотъ съ однимъ уральскимъ казакомъ Яковомъ Васильевымъ и московскимъ купцомъ Жаровымъ, въ 1848 году, былъ рукоположенъ во епископы и назывался Кириломъ. Въ бытность его въ Заволжскомъ краѣ старообрядцы всѣхъ сектъ толпами стекались къ нему на поклоненіе. Многихъ изъ крестьянъ, избранныхъ раскольниками, онъ рукоположилъ во священники и діаконы.

Часто также между раскольниками заволжской стороны являлся какой-то пріѣзжій раскольникъ, выдававшій себя за епископа, то подъ именемъ Израила, то подъ именемъ Софронія, хотя это было одно и то же лицо, котораго признавали не только послѣдователи бѣлокриницкой секты, но и поповцы и бѣглопоповцы. Райономъ его вѣдѣнія была низовая Волга отъ Самары и Приуральскій край, постоянное же мѣстопробываніе — Саратовская губернія, почему раскольники заволжской стороны находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ саратовскими старообрядцами и время отъ времени посылали туда своихъ избранниковъ для рукоположенія въ попы.

«По счастью, — говоритъ въ своей «конфидеціальной запискѣ» подполковникъ Кузьминъ-Караваевъ ¹⁾, — до сихъ поръ здѣсь вращается одинъ только лже-епископъ; ибо если бы ихъ было двое, то они, чтобы упрочить свою незаконную іерархію, непременно поставили бы новыхъ епископовъ, руководствуясь апостольскимъ правиломъ: «два или три епископа составляютъ уже соборъ».

Дѣломъ особенной важности было не допустить поэтому раскольниковъ добыть себѣ новаго епископа и уничтожить существующаго. Чтобы напасть на слѣды этого лже-епископа Кузьминъ-Караваевъ предложилъ совершить поѣздки по деревнямъ Белебеевскаго, Бугурусланскаго, Бузулукскаго и Николаевскаго уѣздовъ и по частнымъ заводамъ Оренбургской губерніи, гдѣ расколъ наиболѣе развитъ, и, скрывая тщательно званіе чиновника, прислушиваться къ говору народа, который всегда болтливъ и охотно высказывается при умѣннй расположить его къ откровенности, проѣхать отъ Самары до Уральскихъ предѣловъ по коммерческому тракту, гдѣ ходятъ обозы, и, останавливаясь ночевать по постоялымъ дворамъ, прислушиваться къ разговорамъ уральскихъ казаковъ, которые, напиваясь, имѣютъ обыкновеніе толковать съ извозчиками о вѣрѣ, и по пути въ городахъ осмотрѣть остроги, но не обнаруживая, что они осматриваются съ цѣлію видѣть содер-

¹⁾ Подполковникъ Кузьминъ-Караваевъ состоялъ офицеромъ въ распоряженіи оренбургскаго генераль-губернатора генераль-лейтенанта Александра Андреевича Катенина, которому поручалось собраніе свѣдѣній о мѣстномъ расколѣ. См. въ дѣлѣ за 1857 г. Оренбургск. центр. архива, подъ № 193, его записку отъ 24-го августа того же года.

жащихся тамъ раскольниковъ, и, если понадобится, просмотрѣть производящіяся о нихъ дѣла.

Оренбургскій генераль-губернаторъ согласился съ такимъ мнѣніемъ, и Кузьминъ-Караваевъ былъ командированъ сначала въ Самарскую губернію.

II.

Неотрадныя вѣсти были доставлены Кузьминымъ-Караваевымъ въ первую его поѣздку, въ сентябрѣ 1857 года. Во всѣхъ деревняхъ Бузулукскаго, Самарскаго и Николаевскаго уѣздовъ, которыми онъ проѣзжалъ, расколъ развился до невѣроятной степени и проповѣдывался открыто. Мѣстныя власти вслѣдствіе «развращенности народной нравственности» совершенно игнорировались раскольниками.

Особенное вниманіе обращало на себя положеніе удѣльныхъ крестьянъ Николаевскаго уѣзда, подчиненныхъ Саратовской удѣльной конторѣ.

Люди эти, находясь подъ гибельнымъ вліяніемъ какого-то удѣльнаго чиновника Гуськова, извѣстнаго въ народѣ за взяточника и покровителя всякаго рода преступленій, совершенно утратили довѣріе къ служащимъ и къ закону и почти всѣ заражены язвою раскола.

Видимо, власти сами потворствовали и прикрывали дѣла раскольниковъ.

Начиная съ 1832 года, въ Саратовской губерніи скрывался нѣкто Абрамъ Абрамовъ, по фамиліи Телицынъ, одинъ изъ вліятельныхъ лицъ между раскольниками Приволжскаго края. Жилъ онъ постоянно въ городѣ Хвалынскѣ подъ покровительствомъ тамошней купчихи Анны Кузьминишны, занимался лѣсной торговлей и съ паспортомъ отъ хвалынскаго общества разѣзжалъ по приволжскимъ городамъ, бывалъ и въ Вятской и Пермской губерніяхъ, но особенно часто въ Саратовѣ, Симбирскѣ, Самарѣ, Николаевскѣ и въ деревняхъ этихъ уѣздовъ. Въ Симбирскѣ у него былъ покровителемъ купецъ Вандышевъ, въ Самарѣ — Абазинъ и въ Николаевскѣ — Михайлъ Трофимовичъ Мальцевъ, извѣстный закоренѣлый раскольникъ поповщинскаго толка.

Прежде Абрамовъ состоялъ казначеемъ Спасопреображенскаго Иргизскаго монастыря, но съ введеніемъ на Иргизѣ единовѣрія онъ ушелъ оттуда, какимъ-то образомъ добрался до Австріи, получилъ тамъ отъ извѣстнаго буковинскаго лже-митрополита Амвросія посвященіе и снова явился въ Хвалынскъ подъ именемъ уже епископа Аѳанасія. Съ 1834 года онъ открыто по всей губерніи проповѣдуетъ свое раскольническое ученіе, съ 1849 года тайно епископствуетъ, а въ 1855 году явно именуетъ себя архіереемъ. И за

это время успѣлъ посвятить въ попы: бугурусланскаго купца Василія Михѣева, николаевскаго мѣщанина Ивана Михайлова и крестьянина с. Поганки (Николаевскаго уѣзда) Петра Абросимова, которые свободно совершали между раскольниками духовныя требы.

Личности поставленныхъ имъ поповъ и знакомыхъ ему купцовъ Мальцева и Абазина обращаютъ на себя особенное вниманіе тѣмъ гибельнымъ вліяніемъ, какое они имѣли на распространеніе раскола: первые своею лукавою проповѣдью, а послѣдніе двое огромнымъ богатствомъ и монополіею въ дѣлѣ хлѣбопашества и въ хлѣбной торговлѣ въ Самарской губерніи.

Само собою разумѣется, что, обладая значительными капиталами, эти двое раскольническихъ тузовъ не только могли замазать глаза кому слѣдуетъ, но главное держали въ рукахъ все окрестное населеніе, которому, зависѣвшему въ большинствѣ случаевъ отъ нихъ же, волей не волей приходилось, хотя бы наружно, переходить въ расколъ, лишь бы быть подъ покровительствомъ такихъ богачей и получить при случаѣ какую нибудь работишку.

Для распространенія своихъ вѣроученій пропагандистамъ Заволжскаго края было открыто широкое поле. Церквей православныхъ было очень мало. Встрѣчались такіе приходы, къ которымъ приписано было по 16 тысячъ душъ, и прихожане жили за 40 и болѣе верстъ отъ храма Божія. При этомъ понятно, что русскій человѣкъ, неспособный оставаться безъ религіи и ея священныхъ таинствъ, отдается первой приходящей къ нему духовной особѣ, будетъ ли то истинный іерей, или лжепопъ. А какъ наши священники посѣщали свои приходы только въ большіе праздники, и то чтобы собрать съ прихожанъ деньги, то и православные принимали въ силу необходимости лжепоповъ, которые къ тому же даромъ совершали у нихъ всѣ требы и мнимымъ безкорыстіемъ своимъ и лукавствомъ легко пріобрѣтали въ свою незаконную паству все больше и больше новыхъ членовъ.

Полиція, на обязанности которой лежало прекращать такое зло, конечно, зная о дѣйствіяхъ лжепоповъ, молчала и бездѣйствовала, пользуясь случаемъ набить покрѣпче «мошну».

Городничій г. Хвалынска полковникъ Насѣкинъ такъ «благоразумно» и сдѣлалъ. Онъ открыто принималъ у себя лжеепископа Аѳанасія и не стыдился пировать на крестинахъ и свадьбахъ раскольниковъ, зная хорошо, что вѣнчаніе совершено тѣми же раскольничьими попами.

Богатый казанскій купецъ Санинъ женился на дочери одного изъ богатыхъ раскольниковъ г. Хвалынска. Свадьба была пышная. Молодыхъ вѣнчалъ самъ Аѳанасій. Городничій не отказался присутствовать при обрядѣ вѣнчанія, пировалъ на свадьбѣ и въ заключеніе получилъ въ подарокъ пятьсотъ рублей сереб. (вѣроятно, въ силу укоренившихся обычаевъ). Мало того, Насѣкинъ принималъ самое

дѣятельное участіе въ защитѣ раскольниковъ. Онъ бралъ изъ Хвалынскаго острога на поручительство нѣкоторыхъ, конечно, богатыхъ раскольниковъ, замѣшанныхъ въ черезчуръ неблаговидныхъ поступкахъ, а однажды, взявъ на поручительство какого-то бѣглаго попа, далъ ему случай бѣжать изъ Хвалынска.

Такое болѣе чѣмъ халатное отношеніе полиціи къ дѣлу давало возможность и Аеанасію производить безпрепятственно свои «архіерейскія» служенія по всему Поволжью.

Живя на самой границѣ Саратовской и Самарской губерній, онъ часто переѣзжалъ Волгу и, проживая по нѣскольку дней въ деревняхъ Николаевскаго уѣзда: Балаковѣ, Криволучьѣ, Каменкѣ, Яблоновкѣ, Поганкѣ, Тягломъ озерѣ, Хворостянкѣ и другихъ, служилъ всенощныя и литургіи, благословляя народъ обѣими руками (право епископа).

1-го августа 1857 г. онъ, между прочимъ, служилъ обѣдню на такъ называемыхъ Купеческихъ хуторахъ, причемъ должность крилошанъ исполняли старицы. Освятивъ воду, онъ приказалъ одной изъ старицъ кропить собравшихся богомольцевъ. Но народъ воспротивился этому, какъ противному церковнымъ уставамъ нововведенію. «Не долѣтъ бо бабѣ кропить народъ св. водой». И у нѣкоторыхъ послѣ этого родилось сомнѣніе въ правотѣ Аеанасьевскаго ученія.

Однако такой случай не убавилъ числа его послѣдователей. Простой народъ относился къ нему попрежнему съ уваженіемъ. Общая молва говорила о немъ, что онъ, имѣя благодать отъ митрополита Амвросія и обладая частицами святыхъ мощей, добытыхъ имъ во время его странствованій, можетъ учреждать церкви и ставить поповъ. При посвященіи въ іереи онъ только не давалъ «ставленныхъ» грамотъ, а дѣйствительность поставленія каждаго изъ нихъ свидѣтельствовали пять старцевъ изъ тѣхъ приходоѡ, для которыхъ попъ ставился.

По общимъ отзывамъ, человекъ онъ былъ весьма умный, хорошо зналъ священное писаніе, былъ знакомъ и съ духовною литературою того времени, обращался съ людьми кротко, въ бесѣдахъ былъ пріятенъ и очень увлекалъ слушателей своимъ краснорѣчіемъ и силою характера. Впрочемъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ нѣкоторыми (до принятія лжеепископскаго сана) онъ не разъ сознавался, что остается въ расколѣ только по привычкѣ, но что видѣть всю нелѣпость основаній, на которыхъ зиждется расколъ.

Проживая въ Хвалынскѣ, онъ постоянно носилъ рясу и волосы на головѣ длинные, а въ поѣздкахъ по городамъ одѣвался купцомъ. Иногда онъ отлучался на продолжительные сроки въ Москву и за границу и принималъ дѣятельное участіе въ соборахъ раскольниковъ для избранія епископовъ, какъ средства соединить всѣхъ старообрядцевъ и упрочить ихъ самостоятельность подъ управленіемъ одной лжеіерархіи, имѣвшей резиденцію въ Буковинѣ.

Помимо Аѳанасія, въ Приволжскомъ краѣ были еще два лже-іерарха, также буковинскаго посвященія: уральскій казакъ Яковъ Васильевъ Бредневъ, проживавшій въ Бударинскомъ скиту, что на р. Уралѣ, подъ именемъ Израиля, не обнаруживая явно своего сана, и, кажется, не признававшійся уральскими казаками за епископа, и бугурусланскій купецъ Василій Михѣевъ, выдававшій себя за епископа въ г. Казани, но послѣдняго народъ не особенно долюбливалъ за разныя продѣлки. Онъ былъ извѣстенъ «неумѣренно» торговлею бѣглыми попами еще до появленія лжеепископа Аѳанасія, къ которому потомъ и обратились всѣ не только послѣдователи бѣлокриницкой ереси, но и поповцы и безпоповцы. Лишь въ нѣкоторой степени подрывали его авторитетъ такъ называемыя старицы, рассказывавшія простолюдинамъ, что онѣ имѣютъ св. дары еще изъ иргизскихъ скитовъ, но имъ почти никто не вѣрилъ.

III.

Получивъ такія свѣдѣнія, начальникъ края «по важности обстоятельствъ» не замедлилъ съестись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ на новую командировку Караваева, съ тѣмъ, чтобы ему позволено было произвести розыски Аѳанасія и въ Саратовской губерніи, которая не была подчинена оренбургскому генераль-губернатору.

Министръ согласился, предписалъ саратовскому губернатору дѣйств. статск. сов. Игнатьеву «чинить всякое угожденіе» подполковнику Караваеву для поимки преступника, и въ концѣ января 1858 года подполковникъ снова двинулся чрезъ Самарскую губернію на поиски слѣдовъ лжеепископа, куда вскорѣ вслѣдъ за нимъ посланъ для этой же цѣли еще адъютантъ Катенина, поручикъ Крашенинниковъ.

По пути къ Николаевску, 6-го февраля, неожиданный случай свелъ Караваева съ крестьяниномъ Егоромъ Гавриловымъ Исаевымъ, бывшимъ въ продолженіе восьми лѣтъ келейникомъ у Аѳанасія, когда они вмѣстѣ жили въ иргизскихъ монастыряхъ, и принявшимъ потомъ единовѣріе, и съ другимъ — Федоромъ Семеновичемъ Таганцевымъ, также единовѣрцемъ, посвятившимъ всю свою жизнь на изученіе священнаго писанія и оставившимъ расколъ, имѣя самое искреннее убѣжденіе, что Аѳанасій и подобныя ему самозванцы, морочившіе народъ, «подвизаются» не изъ религіозныхъ стремленій, а изъ страсти къ властолюбію и стяжанію. Оба эти единовѣрца съ радостію согласились помогать Караваеву въ поимкѣ Аѳанасія.

Отъ нихъ онъ, между прочимъ, узналъ, что верстахъ въ 20-ти отъ Николаевска на такъ называемыхъ Вдовушкиныхъ хуторахъ,

принадлежащихъ купцамъ Шикинымъ, проживаетъ одинъ изъ хозяевъ, Павелъ Шикинъ, поставленный Аѳанасіемъ въ іеромонахи. Егоръ Исаевъ былъ посланъ туда для исправы¹⁾, причѣмъ ему было приказано притворно склониться вновь къ расколу, чтобы тѣмъ добиться свиданія съ Аѳанасіемъ.

Уловка эта удалось исполнѣ. Непризнанный іеромонахъ повѣрилъ въ искренность Исаева и въ ту же ночь увезъ его къ Аѳанасію въ Хвалынскъ.

Слѣдомъ за ними на другой день, т. е. 8-го февраля, выѣхалъ и Караваевъ вмѣстѣ съ Крашенинниковымъ и съ николаевскимъ исправникомъ.

На слѣдующій день къ Караваеву явился Исаевъ и сообщилъ, что Аѳанасій служитъ обѣдню въ 4-хъ верстахъ отъ Хвалынска, въ домѣ купчихи Анны Кузьминихны Михайловой. Караваевъ, немедля нимало, захвативъ съ собой непремѣннаго засѣдателя²⁾, восемь понятыхъ и девять конвойныхъ солдатъ, на четырехъ тройкахъ, полетѣлъ туда и прибылъ къ 10 часамъ утра какъ разъ во время, въ самый разгаръ старообрядческаго служенія.

Но всѣ входы въ домѣ оказались запертыми, окна частію закрыты ставнями, частію завѣшаны гардинами, и никого изъ людей не было видно на дворѣ. На зовъ: «отпереть», никто не откликнулся. Прошло около полчаса въ безплодномъ ожиданіи. Караваевъ хотѣлъ было ломать двери. Наконецъ, какой-то мужикъ отперъ дверь въ людскую избу, изъ сѣней которой былъ найденъ скрытный ходъ въ темный корридоръ, и затѣмъ отворили двери въ жилые покои. На встрѣчу слѣдователямъ вышла сама хозяйка дома, Анна Кузьминихна, невѣстка ея Татьяна Матвѣевна, племянница Татьяна Толстикова и нѣсколько дѣвокъ прислуги.

На спросъ Караваева: «гдѣ Аѳанасій?»— всѣ хоромъ, точно по заказу, и грубо отвѣчали, что онъ только сейчасъ уѣхалъ, но куда не знаютъ.

Нахальство старовѣрковъ было непомѣрное. Анна Кузьминихна, толстая, дебелая баба, типъ замоскворѣцкой купчихи, сама еще напустилась на Караваева.

— Кто ты такой? что за лицо? — кричала она: — какое такое право имѣешь въ чужой домъ входить, честныхъ людей «пужать». Что, ежели мы Богу молимся?.. Намъ государь императоръ по стариннымъ книгамъ не запрещаетъ молиться..

Пока Караваевъ возился съ показаніями, Крашенинниковъ съ нѣсколькими понятыми успѣлъ взломать крѣпкіе наружные и

¹⁾ Исправою называется обрядъ, совершаемый надъ православнымъ или еднновѣрцемъ при обращеніи его въ расколъ.

²⁾ Городничій Пасѣкинъ выѣхалъ на этотъ разъ изъ города.

внутренніе запоры у дверей, ведущихъ въ темный корридоръ съ чуланчикомъ, изъ котораго была еще дверь въ мезонинъ.

Открывъ дверь одного изъ чулановъ, понятые нашли брошенные въ беспорядкѣ омофоръ, палицу, два пояса съ потоками, два полныхъ архіерейскихъ облаченія, два облаченія священническія, два діаконовыхъ, стихари для причетниковъ, два кадила, трикири и дикири, два креста благословляющіе, крестъ и двѣ запрестольныя иконы для походной церкви, металлическій ковчегъ и кипарисный ящикъ, въ которомъ хранились: частицы святыхъ мощей, святые дары и священное муро, много богослужебныхъ книгъ и другихъ вещей.

На верху въ мезонинѣ оказались еще три женщины въ монашескомъ платьѣ въ двухъ особыхъ комнатахъ, въ которыхъ была устроена церковь. Одна изъ комнатъ отдѣлялась отъ другой сплошной, отъ пола до потолка, ширмой изъ березоваго дерева подъ лакомъ: она составляла алтарь. Въ ширмѣ были устроены царскія двери изъ двухстворчатыхъ половинокъ, а по бокамъ—сѣверныя и южныя, одностворчатыя. Другая комната также раздѣлялась ширмою, только не доходящею до потолка, которую удобно можно было двигать одной рукой, смотря по надобности: то къ иконостасу, чтобы маскировать его, то къ задней стѣнкѣ комнаты, чтобы во время богослуженія отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ.

Внутри алтаря, надъ царскими вратами, найденъ былъ багетъ для завѣсы, а сваружи предъ вратами блокъ для лампады. Ни на иконостасѣ, ни на стѣнкахъ образовъ не было. Иконы заключались въ трехъ кіотахъ, изъ коихъ одинъ былъ въ углу алтаря и два по угламъ церкви. Кромѣ того, до сорока образовъ и нѣкоторыя богослужебныя книги лежали въ беспорядкѣ въ углу и на окнахъ. На одномъ изъ оконъ стояло еще полбутылки краснаго вина и бутылъ съ деревяннымъ масломъ. Въ заднемъ углу лежалъ смятымъ прекрасный коверъ и на немъ тонкое и еще сырое полотенце, коимъ, вѣроятно, Аванасій при богослуженіи вытиралъ руки. Тутъ же было: свѣчей церковныхъ 2 пуда 15 фунтовъ, ящики съ ладаномъ, лестовки, вѣнчики, отпустительныя молитвы для умершихъ, два табурета: одинъ для горняго мѣста, другой для облаченія.

Не смотря на скорость предпринятаго обыска, три лжемонахини подъ руководствомъ Феклы Толстиковой, въ то время, пока обыскъ производился внизу, видимо старались дать церкви видъ кладовой. Но все, однако, обнаруживало совершавшееся незадолго богослуженіе. На иконостасѣ и стѣнкахъ еще оставались гвоздики отъ висѣвшихъ на нихъ иконъ. Церковь была натоплена и сильно накурена ладаномъ, даже въ кадилѣ остались непотухшіе угли. Крестовая фелонь, въ которой служилъ лжеепископъ, не успѣла еще просохнуть отъ пота и, когда ее вынесли на дворъ, она замерзла. Въ захваченномъ дубовомъ ящикѣ не оказалось, какъ ви-

дно по гнѣздамъ: потира, дискоса, звѣздицы, лжицы, копія, тарелочекъ и евангелія.

Все указывало на недавнее присутствіе здѣсь лжеепископа, но, при самомъ тщательномъ обыскѣ дома и надворныхъ строеній, Аѳанасія нигдѣ не могли найти. Онъ точно въ воду канулъ.

Потерявъ всякую надежду отыскать тутъ старообрядческаго лжеіерарха, Караваевъ снова обратился къ хозяйкѣ дома и ко всѣмъ ея соучастницамъ, прося выдать Аѳанасія для представленія правительству, угрожая въ противномъ случаѣ заключить ихъ въ тюрьму.

Такой пріемъ, казалось, подѣйствовалъ на дѣвицу Оеклу Толстикову, и она, отозвавъ Караваева въ особую комнату, сообщила, что за четверть часа до его пріѣзда они были извѣщены «полиціей», почему Аѳанасій постѣшиль скрыться; при этомъ она обѣщала указать мѣсто, гдѣ онъ находится, если только Караваевъ «не сдѣлаетъ имъ сраму» заключеніемъ въ острогъ.

Слѣдователь даль сроку до слѣдующаго утра, но на другой день Толстикова, какъ и нужно было ожидать, отказалась отъ своего намѣренія. Караваевъ поэтому, въ присутствіи депутатовъ отъ города и чиновника земской полиціи, сдѣлалъ вторичный обыскъ, причемъ забралъ нѣкоторыя бумаги, въ томъ числѣ поминаніе, на первой страницѣ котораго значились записанными «за здравіе» какой-то архіепископъ Антоній (должно быть, московскій) и епископъ Аѳанасій «болящій».

Отобравъ дополнителныя показанія ото всѣхъ находившихся въ домѣ Анны Михайловой, Караваевъ передалъ дѣло для дальнѣйшаго производства командированному начальникомъ Саратовской губерніи титулярному совѣтнику князю Лобанову-Ростовскому, предварительно сдѣлавъ распоряженіе о заключеніи Михайловой и Толстиковой подъ стражу, а самъ выѣхалъ изъ Хвалынска для розыска Аѳанасія; всѣ же захваченныя при обыскахъ вещи были посланы съ Крашенинниковымъ въ Оренбургъ. Богослужебныя старообрядческія книги потомъ генералъ-адъютантомъ Катенинымъ были пересланы барону Модесту Андреевичу Корфу для помѣщенія въ Императорскую Публичную бібліотеку, а церковная утварь и облаченія сданы въ церковь Неплюевского кадетскаго корпуса.

Къ сожалѣнію, попытка подполковника Кузьмина-Караваева не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ. Еще мѣсяць почти (до 2-го марта) рыскалъ онъ по Саратовской и Самарской губерніямъ, но поймать Аѳанасія не могъ: онъ скрылся безслѣдно, такъ что Караваеву пришлось воротиться въ Оренбургъ ни съ чѣмъ. Только успѣлъ онъ какими-то судьбами раздобыть рукописи о соборномъ дѣяніи Бѣлокриницкаго монастыря, на которомъ раскольники приняли себѣ лжемитрополита Амвросія, и замѣчанія старообрядцевъ

поповщинскаго толка, служащія къ опроверженію этого дѣянія въ каноническомъ смыслѣ, въ отношеніи власти лжеепископовъ.

Рукописями этими чрезвычайно дорожатъ старовѣры. Онѣ и до сихъ поръ не утратили значенія и почитаются старообрядцами за святыню. Добыть ихъ нужно было много энергіи и ловкости ¹⁾.

IV.

Начальникъ Оренбургскаго края генераль-адъютантъ Катенинъ остался очень доволенъ дѣйствіями Кузьмина-Караваева, не смотря на неудачу въ поимкѣ Аѳанасія, и представилъ его къ высочайшей наградѣ, какъ вдругъ 3-го апрѣля того же года отъ министра внутреннихъ дѣлъ, Сергѣя Степановича Ланскаго, получается копія съ представленія начальника Саратовской губерніи отъ 28-го февраля, въ которомъ д. с. с. Игнатьевъ обвинялъ Караваева въ медлительности дѣйствій при обыскѣ дома Михайловой, ибо, прибывъ въ Хвалынскъ вечеромъ 8-го февраля, Караваевъ сдѣлалъ обыскъ только на другой день въ 10 часовъ утра, слѣдствіемъ чего (какъ объяснялъ губернатору князь Лобановъ-Ростовскій) было то, что лжеепископъ успѣлъ скрыться, и въ незаконномъ якобы арестованіи купчихи Михайловой.

По предложенію генераль-губернатора, Кузьминъ-Караваевъ долженъ былъ по этому поводу представить оправданія, что онъ не могъ поступить иначе, не имѣя точныхъ данныхъ о мѣстонахожденіи Аѳанасія, подтверждая свои доводы свидѣтельскими показаніями. Что же касается до ареста Михайловой, то ее необходимо было заключить подъ стражу, какъ укрывательницу, сообщницу лжеепископа и распространительницу раскола.

Саратовскій губернаторъ, однако, не дождавшись отвѣта отъ министра внутреннихъ дѣлъ и не представивъ слѣдственнаго дѣла на просмотръ Оренбургскому генераль-губернатору, какъ то слѣдовало бы, прямо изъ саратовскаго совѣщательнаго комитета направилъ его въ сенатъ, высказавъ при этомъ свое мнѣніе о привлеченіи Караваева къ отвѣтственности. Сенатъ, соображаясь съ обвиненіемъ одного только Игнатьева, указомъ 10-го апрѣля 1863 г. опредѣлилъ: привлечь Кузьмина-Караваева къ уголовной отвѣтственности. И только тогда, когда начальникомъ Оренбургскаго края были представлены туда оправданія Караваева, сенатъ 19-го марта 1864 года отмѣнилъ это рѣшеніе.

Въ оправданіяхъ своихъ Кузьминъ-Караваевъ, между прочимъ, писалъ:

¹⁾ Обѣ эти рукописи въ подлинникѣ изъ дѣла посылаются для соображенія въ редакцію «Историческаго Вѣстника».

«Если въ теченіе многихъ лѣтъ для начальства Саратовской губерніи невозможна была поимка лжеепископа Аѳанасія, то для посторонняго чиновника есть дѣло нелегкое, особенно, когда Аѳанасій защищенъ отъ преслѣдованія и мѣстнымъ начальствомъ, и капиталами богатыхъ приволжскихъ купцовъ. Не знаю, до какой степени справедливъ слухъ, будто бы самъ начальникъ Саратовской губерніи весной 1857 года пріѣзжалъ въ Хвалынскъ съ чиновниками своими ловить Аѳанасія, и что въ мезонинѣ дома, гдѣ помѣщался его пр—ство со своею свитою, лежалъ въ то же время Аѳанасій больной: ему ставили пѣвки къ ногамъ, а потомъ незамѣтно вывезли»¹⁾.

Всѣ эти обстоятельства, извѣстныя Караваеву еще до пріѣзда его въ Хвалынскъ, удерживали его довѣриться кому либо изъ тамошнихъ служащихъ, почему онъ и запасся своими агентами: Исачевымъ и Татанцевымъ.

Собственно весь сыръ-боръ загорѣлся, какъ въ послѣдствіи оказалось, потому, что князь Лобановъ-Ростовскій взнесъ на Караваева такую клевету, по ходатайству богатыхъ старовѣровъ (навѣрно, дѣло не обошлось безъ смазки), съ тою цѣлью, чтобы, обвинивъ его, скорѣе выгородить Михайлову, и дѣйствительно достигъ этого: Михайлова была освобождена²⁾, и дѣло сведено на нѣтъ.

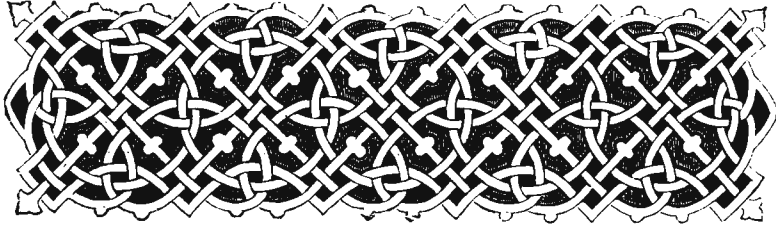
Такимъ образомъ человѣкъ, исполнявшій свято присягу и относившійся съ усердіемъ къ порученному ему дѣлу, благодаря различнымъ полицейскимъ интригамъ, по проискамъ богатыхъ раскольниковъ, едва-едва, вмѣсто ожидаемой награды, не отданъ былъ подъ судъ.

П. Юдинъ.

¹⁾ См. дѣло Оренбургскаго центрального архива за 1857 г., № 193, стр. 178.

²⁾ Михайлова почти не сидѣла въ острогѣ, а была на порукахъ. Толстиковъ же была освобождена княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ тотчасъ послѣ отъѣзда Кузьмина-Караваева.

ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ¹⁾.

«Бѣда, колы широгы» и т. д.

ЛУЧАЛОСЬ ЛИ вамъ, читатели, бывать на нашихъ археологическихъ сѣздахъ? Если случалось, то васъ, конечно, пріятно поражало то множество «ученыхъ археологовъ», которое вы тамъ видѣли, та «бездна премудрости», которая вскрывалась въ безчисленныхъ рефератахъ этихъ ученыхъ мужей, тотъ интересъ, съ которымъ публика за этими рефератами слѣдила, иногда понимая лишь очень немногое въ этихъ темныхъ вѣщаніяхъ именитыхъ мужей науки... Вамъ казалось, что эти мужи вотъ-вотъ сейчасъ двинуть археологическую науку на полвѣка впередъ, что они удивятъ міръ своими открытіями, которыя, чего-добраго, заставятъ измѣнить взглядъ на ту или другую эпоху исторіи нашей, или освѣтятъ ея загадки, или хоть оживятъ сухія страницы нашихъ историческихъ монографій какими нибудь яркими бытовыми чертами. Но сѣздъ кончался, ученые мужи разѣзжались, а года черезъ три-четыре являлся томъ «Трудовъ» сѣзда—и вы не узнавали въ немъ ученыхъ мужей, которыхъ нѣкогда слышали на сѣздѣ: такъ это все было мелко, плохо, безталанно и сухо! Такъ вѣяло отъ всего этого школьной рутинной или непроходимымъ педантизмомъ! Но бываютъ разочарованія и хуже этого: одинъ изъ ученыхъ мужей сѣзда, помимо «Трудовъ», вдругъ разрѣшится монографіей—ученой монографіей!—и вы въ ней не узнаете того са-

¹⁾ По поводу книги академика А. М. Павлянова: «Исторія русской архитектуры», Москва, 1894 г.

мага человѣка, котораго вы слышали на съѣздѣ: тамъ онъ казался вамъ и толковымъ, и знающимъ, и способнымъ къ серьезному изслѣдованію того или другого вопроса по памятникамъ, а въ книгѣ онъ представляется вамъ человѣкомъ, неспособнымъ къ самому простому логическому выводу, и ученымъ, не знающимъ краткаго учебника Иловайскаго. Вотъ именно такое разочарованіе испытали мы, взявъ въ руки книгу академика Павлинова, вышедшую въ свѣтъ, два мѣсяца тому назадъ, подъ громкимъ и заманчивымъ заглавіемъ: «Исторія русской архитектуры».

Подъ именемъ «исторіи» того или другого предмета мы привыкли разумѣть изложеніе фактовъ въ прагматической связи и въ хронологическомъ порядкѣ. Само собою разумѣется, что, для появленія всякой подобной «исторіи», необходимо предварительное, тщательное собраніе матеріала сырого, документальнаго, а затѣмъ изученіе литературы предмета и усвоеніе себѣ извѣстнаго, опредѣленнаго взгляда на тотъ путь, которымъ можно или должно вести правдивое, критически-вѣрное изложеніе будущей «исторіи». Въ этомъ смыслѣ «исторія архитектуры» представляетъ еще болѣе трудностей, нежели всякая иная, потому что тутъ сырымъ, документальнымъ матеріаломъ является зданіе, которое приходится изучать сначала въ отдѣльности, такъ сказать, въ его самобытности, а затѣмъ—изучать его исторію по письменнымъ документамъ, по записямъ, по преданіямъ и т. д. И если въ такой степени трудною является «исторія архитектуры» даже и тѣхъ странъ, гдѣ всѣ памятники давно уже разслѣдованы, измѣрены, описаны и оцѣнены съ разныхъ сторонъ учеными знатоками и критиками искусства, то какую же трудность должно представить выполненіе такой задачи, какъ «исторія русской архитектуры», для которой еще такъ мало собрано матеріала, въ которой еще столько пробѣловъ и столько загадокъ!

На нашъ взглядъ, въ настоящее время такая задача просто невыполнима, потому что сырой матеріалъ для нея не разработанъ, не подготовленъ въ достаточномъ количествѣ, и какъ бы ни былъ талантливъ архитекторъ-археологъ, который бы принялся за разработку «исторіи русской архитектуры», какъ бы ни былъ обширенъ лично имъ собранный матеріалъ,—этотъ талантливый ученый могъ бы только дать своему труду скромное заглавіе «Матеріалы для исторіи русской архитектуры»... Но г. Павлиновъ пишетъ «Исторію русской архитектуры» — и смѣло приступаетъ къ дѣлу, которое на его взглядъ не представляетъ, само по себѣ, никакихъ особенныхъ затрудненій¹⁾. Не смотря на то, что, по собственному признанію г. Павли-

¹⁾ Впрочемъ, для г. Павлинова и не можетъ быть никакихъ научныхъ затрудненій послѣ того, какъ онъ написалъ и помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ» за 1887 г. статью «О доисторической порѣ искусства на почвѣ Россіи» — пѣчто въ родѣ трактата о философіи въ каменномъ вѣкѣ. Любопытно, что г. Павлиновъ и въ своей «Исторіи» имѣетъ смѣлость ссылаться на эту статью, какъ на матеріалъ.

нова, «много есть еще и не тронутаго» (въ матеріалѣ «для исторіи русской архитектуры»), онъ полагаетъ, «что теперь уже настала пора начать обобщенія и дѣлать возможные выводы»... Какъ авторъ понимаетъ эти обобщенія и выводы, мы это видимъ уже съ первыхъ страницъ книги, въ которой онъ изложеніе своей исторіи дѣлитъ совершенно произвольно на періоды: «домонгольскій, монгольскій, періодъ процвѣтанія и паденія». Называемъ это дѣленіе «произвольнымъ» уже потому, что монголы ни малѣйшаго вліянія на нашу архитектуру не оказали (что признаетъ и самъ г. Павлиновъ), и, слѣдовательно, для двухъ важныхъ періодовъ развитія русской архитектуры—для Кіевского и Владиміро-Суздальскаго—названіе взято отъ чисто-внѣшняго условія, и притомъ такое, которое ни въ какомъ смыслѣ не характеризуетъ оба эти періода. Точно также произвольно періодомъ процвѣтанія русскаго искусства называется «періодъ XV—XVII вѣковъ, когда Русь стремится къ самодержавію, а призванные иностранные мастера учатъ насъ строительному дѣлу и производству (?) строительныхъ матеріаловъ¹⁾, не отступая отъ формъ, завѣщанныхъ нашей стариной» (стр. 130). Тутъ—что ни слово, то путаница. Къ періоду процвѣтанія отнесенъ XV вѣкъ и начало XVI, «когда иностранные мастера учатъ насъ строительному дѣлу», такъ какъ, по исторіи г. Павлинова (стр. 117), въ монгольскій періодъ «русскіе разучились каменному зодчеству» ...«храмы ихъ скоро падали; падали обыкновенно главы и своды»... И тѣмъ не менѣе, тотчасъ вслѣдъ за этимъ наступаетъ не періодъ «обученія искусству у иностранныхъ мастеровъ», а прямо «періодъ процвѣтанія». Любопытно и то, что иностранные мастера, призванные насъ обучать простой каменной кладкѣ и самымъ элементарнымъ правиламъ строительнаго дѣла, «не отступали при этомъ отъ формъ, завѣщанныхъ нашей стариной»...²⁾. Эта странная загадка объясняется только уже на стр. 138—140, гдѣ оказывается, что въ «храмахъ монгольскаго и до-монгольскаго періода мы должны признать византійскую основу, византійскій планъ и византійскія массы ...«но вмѣстѣ съ тѣмъ (?) съ приходомъ къ намъ итальянцевъ у насъ начинается постройка храмовъ совершенно другого рода, не имѣющихъ ничего общаго со всѣми выше разсмотрѣнными...». И авторъ переходитъ къ описанію церкви Вознесенія въ с. Коломенскомъ (близъ Москвы), которое заканчивается такимъ выводомъ:

«Типъ церкви (столпообразной) очевидно (?) взятъ съ древнихъ деревянныхъ церквей подобнаго рода (?), какихъ въ то время было

¹⁾ Какъ могли иностранные мастера учить «насъ производству строительныхъ матеріаловъ»—это ужъ секретъ г. Павлинова.

²⁾ Не забудьте, что при этомъ самъ г. Павлиновъ на стр. 134 называетъ Архангельскій и Успенскій соборы «итальянскими постройками».

много (?), къ тому же и детали на стѣнахъ: лопаты по угламъ и косяги тяги напоминають деревянные роскосы, а украшенія на шатрѣ похожи на конструкцію стропилъ. Все это приводитъ къ заключенію, что эта церковь представляетъ массы чисто-русской деревянной церкви, хотя, всматриваясь въ детали карнизовъ, капителей и другія профили, нельзя не признать итальянскаго вліянія»... Читая это, невольно вспоминаешь гоголевское: «хотя съ одной стороны,... но зато съ другой стороны», и спрашиваешь себя: неужели же г. Павлиновъ считаетъ это за историческое изслѣдованіе? Въ концѣ концовъ выходитъ, конечно, что періодомъ процвѣтанія русской архитектуры явился только XVII вѣкъ, къ которому относятся классически-прекрасныя церковныя постройки въ Москвѣ, въ Ростовскомъ кремлѣ, въ Ярославлѣ и отчасти въ Костромѣ, и что XV и XVI вѣка такъ какъ-то сами припутались въ «періодъ процвѣтанія»: что называется, «языкъ сболтнулъ сдуру». Однако же это нимало не мѣшаетъ г. Павлинову утверждать и нѣсколько разъ повторять въ своей книгѣ, что, «призывая къ себѣ западныхъ мастеровъ, свѣдущихъ въ дѣлѣ каменнаго зодчества, мы подчиняемъ ихъ мѣстнымъ требованіямъ. Они строятъ намъ церкви, переводя формы исконнаго русскаго стиля съ дерева на камень, и такимъ образомъ увѣковѣчиваютъ самобытныя созданія русскаго народа» (стр. 95). Выходитъ однимъ словомъ такъ: мы призываемъ къ себѣ иностранныхъ мастеровъ, потому что не знаемъ простѣйшихъ приемовъ каменной кладки, не умѣемъ выводить сводовъ и даже растворять цементъ, но мы уже навязываемъ этимъ мастерамъ свои планы, свои требованія, свой стиль (исконный, русскій!!) и заставляемъ ихъ «увѣковѣчивать самобытныя созданія русскаго народа» (несуществующія?). Ученики учатъ учителей! Послѣ чтенія этихъ измышленій г. Павлинова, какъ не прійти въ восторгъ отъ гениальности русскаго народа!

Но заглянемъ же немного поглубже въ то, что самъ г. Павлиновъ называетъ «самобытнымъ русскимъ творчествомъ». Этой самобытности г. Павлиновъ не видѣлъ въ домонгольскомъ періодѣ, гдѣ церкви на Руси строились византійскими зодчими и по планамъ, принесеннымъ изъ Византіи. Но уже строительная дѣятельность владиміро-суздальскихъ князей наводитъ автора на различныя фантастическіе домыслы и разсужденія.

На стр. 93, дѣлая общій выводъ изъ вышесказаннаго о церквахъ домонгольскаго періода, г. Павлиновъ раздѣлилъ ихъ «на два типа: кубическій и крестовый», по основному ихъ плану; а на страницѣ 55, говоря о церквахъ владиміро-суздальскихъ, утверждаетъ, что онѣ «значительно разнятся» отъ церквей кievскихъ, новгородскихъ и черниговскихъ, построенныхъ иноземными византійскими зодчими. Эта «значительная разница» заключается въ томъ, что онѣ похожи на тѣ церкви: «всѣ онѣ принадлежать къ кубиче-

скому типу и имѣють то же расположеніе, какъ и вышеописанные храмы (sic!). Различіе выражается въ деталяхъ». Вотъ на эти-то детали, т. е. на богатые, нерѣдко фантастическія, украшенія церковныхъ стѣнъ съ внѣшней стороны, г. Павлиновъ и обрушается всею тяжестью своихъ ученыхъ, художественно-фантастическихъ доводовъ, и бесплодные усилія, путемъ которыхъ онъ хочетъ прійти къ своему выводу, ужасно напоминають намъ усилія Крыловскаго механика въ баснѣ «Ларчикъ». Собственно говоря, ларчикъ отпирается очень просто. Памятники владиміро-суздальскаго строительнаго періода отличаются отъ памятниковъ кievскаго періода именно тѣмъ, что они носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ романскаго стиля; и тѣ богатые украшенія внѣшнія, которыми покрыты многіе изъ владиміро-суздальскихъ храмовъ, составляли также принадлежность многихъ романскихъ построекъ. Къ тому же и лѣтопись говоритъ прямо о князѣ Андрѣ Боголюбскомъ, что «по вѣрѣ бо его приведе ему Богъ отъ всѣхъ земель мастера». На основаніи этихъ данныхъ, предшествовавшіе г. Павлинову изслѣдователи (и весьма почтенные, какъ, напр., гр. Уваровъ, Даль, Артлебенъ, гр. Строгановъ) дерзнули утверждать, что въ постройкѣ храмовъ владиміро-суздальскаго періода принимали участіе романскіе мастера, которые могли сюда проникнуть съ Запада, черезъ Псковъ и Новгородъ.

Не такъ думаетъ г. Павлиновъ. Чтобы рѣшить вопросъ о появленіи украшеній на стѣнахъ храмовъ владиміро-суздальскаго періода, г. Павлиновъ начинаетъ громоздить «Оссу на Пеліонъ». На четырехъ страницахъ (73—76) онъ говоритъ о военныхъ походахъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III, о томъ, что «не далеко отъ насъ (?) была Булгарія, куда призывались индійскіе мастера», вспоминаетъ Виолле-ле-Дюка и его заключенія о вліяніи армянскаго искусства на русское, говоритъ о русскихъ князьяхъ, которые женились на грузинскихъ царевнахъ, мимоходомъ роняетъ и такой намекъ, что молъ «нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что при постройкѣ суздальскихъ церквей работали и армянскіе мастера» (стр. 74), потомъ припоминаетъ о переселеніи армянъ въ Византію, о намѣреніи Святослава Храбраго «перенести свою столицу въ Переяславль», и о томъ, что Юрій населилъ свои города въ Суздальскомъ княжествѣ «южанами»¹⁾. И послѣ всего этого приходитъ въ такой паоосъ, что заявляетъ прямо: «Присутствіе (замѣтьте: ничѣмъ не доказанное) такого множества художественныхъ элементовъ разнаго рода въ архитектурѣ храмовъ Суздальскаго края не позволяетъ сдѣлать общаго вывода объ

¹⁾ Сколько до сихъ поръ извѣстно, всѣ сѣверныя и сѣверо-восточныя русскія княжества, не исключая и земли Новгородской, были заселены славяно-русскимъ племенемъ, двигавшимся по рѣкамъ съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ, слѣдовательно, тоже южанами.

ея происхожденіи отъ одного какого либо искусства земнаго шара» (стр. 75). Но вы, пожалуйста, не довѣряйте этому паѳосу г. Павлинова: это не паѳосъ, а только ораторскій пріемъ, которымъ онъ понемногу приводитъ васъ къ чрезвычайно оригинальному ученому выводу, а именно къ тому, что въ архитектурѣ владиміро-суздальскихъ храмовъ понемногу участвовали всѣ народы, когда либо жившіе на почвѣ Россіи, и даже — кто бы, вы думали? — сама баба-яга! Не вѣрите? Откройте книгу г. Павлинова и читайте на стр. 75—76: «Съ переведеніемъ столичнаго города изъ Кіева во Владиміръ, вліяніе Константинополя уменьшается (?); церкви приобрѣтаютъ свою особенную архитектуру¹⁾, въ которой, преимущественно въ деталяхъ, есть много такого, что изстари существовало на русской почвѣ, что составляло достояніе ея обитателей еще въ язычествѣ. Фантастическія изображенія животныхъ, насѣкомыхъ, людей и птицъ у народовъ, обитавшихъ на почвѣ Россіи, были извѣстны еще во времена Геродота. У чуди изображенія разныхъ змѣй и животныхъ встрѣчаются на предметахъ каменнаго и бронзоваго періодовъ; потомъ у гунновъ они переходятъ на дерево (?), разрабатываются славянами и позднѣе являются въ ихъ языческихъ капищахъ (?). Въ легендахъ о бабѣ-ягѣ, жилище которой стоитъ на фантастическихъ лапахъ, слышится отголосокъ вышесказаннаго (?). То же самое (sic!) напоминаютъ декоративные мотивы владиміро-суздальскихъ церквей, — тѣ животныя, которыя поддерживаютъ колонки главнаго пояса»...

Мы привели эту длинную выписку изъ труда г. Павлинова, чтобы окончательно уяснить для читателя его научныя понятія и методъ изслѣдованія. Если къ этому ужасному сумбуру вы добавите рядъ описаній храмовъ съ чисто-архитектурной точки зрѣнія, — описаній, пересыпанныхъ крупными промахами историческими и дѣтски-наивными опредѣленіями, то вы получите полное понятіе о томъ, что г. Павлиновъ рѣшается назвать «Исторіей русской архитектуры». Чтобы дать понятіе объ этихъ промахахъ и курьезахъ, припомнимъ, что на стр. 209, приступая къ обзору «Деревяннаго зодчества»²⁾, г. Павлиновъ говоритъ, будто «свѣдѣнія о деревянныхъ церквахъ уходятъ въ доисторическую даль»; на стр. 117 онъ же увѣряетъ, будто «Софія Палеологъ вышла замужъ за русскаго царя Іоанна III», между тѣмъ какъ до сихъ поръ первымъ царемъ считается внукъ Іоанна III; на стр. 82, въ извѣстномъ пророчествѣ Іезекіиля, гл. IX, 4, слово знаменіе прямо истолковываетъ «крестомъ», между тѣмъ какъ оно и въ древне-русскомъ

¹⁾ Прямое противорѣчіе тому, что говорилось на стр. 55 и 93.

²⁾ Любопытно, что въ отдѣлѣ «Деревянное зодчество» ни однимъ словомъ не упомянутъ замѣчательнѣйшій памятникъ его: 300-лѣтняя церковь Старое Вознесеніе въ Торжкѣ, прекрасно сохранившаяся и донынѣ.

и народномъ языкѣ имѣеть значеніе просто знака (такъ, напримѣръ, лѣсники и охотники въ лѣсу ходять по «знаменьямъ на деревьяхъ») ¹⁾. Сухарева башня почему-то отнесена къ описанію «древнихъ укрѣпленій» и т. д.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора книги г. Павлинова пожелаемъ только одного: чтобы въ будущихъ «исторіяхъ русскаго искусства» вообще и «исторіяхъ русской архитектуры» въ частности авторы выказывали побольше положительныхъ историческихъ знаній, побольше логической осторожности въ выводахъ и поменьше того «самобытнаго русскаго творчества», которымъ изобилуетъ книга г. Павлинова.

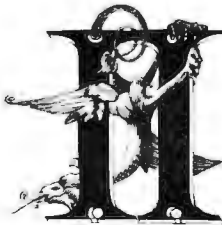
П. Полевой.

¹⁾ Такъ передано это слово и въ новѣйшемъ переводѣ Библіи (1875 г.).

ДНЕВНИКЪ ПРИНЦЕССЫ АЛИСЫ ¹⁾.

ПРЕДСТОЯЩЕЕ бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича съ принцессой Алисой Гессенъ-Дармштадтской обращаетъ вниманіе всей Россіи на Высоконареченную Невѣсту и возбуждаетъ всеобщее любопытство къ той семейной жизни, которую она вела до сихъ поръ въ родительскомъ домѣ. Для знакомства съ этой жизнью мы имѣемъ драгоценный матеріалъ въ дневникѣ матери будущей русской цесаревны, хотя, въ виду ея преждевременной кончины, этотъ дневникъ ярко освѣщаетъ только младенческіе годы «Солнышка», какъ всегда называется на его страницахъ маленькая принцесса. Но если фактически мы находимъ въ дневникѣ принцессы Алисы только свѣдѣнія о самомъ раннемъ дѣтствѣ ея любимой четвертой дочери, то общій его тонъ и содержаніе даютъ намъ какъ нельзя лучшее понятіе о той нравственной атмосферѣ, въ которой развилась юная принцесса, и о тѣхъ высокихъ душевныхъ качествахъ, которыя завѣщала ей достойная во всѣхъ отношеніяхъ дочь королевы Викторіи и принца Альберта. Кромѣ того, этотъ дневникъ рельефно рисуетъ симпатичную личность ея автора, скромной, доброй, высокообразованной и чутко отзывчивой ко всему хорошему, женщины, образцовой дочери, жены и матери, а потому самъ по себѣ, какъ простой, правдивый, искренній, безъ всякихъ са-

¹⁾ Alice, Grand Duchesse of Hesse, Princess of Great Britain and Ireland. Letters to her Majesty the Queen, with a memoir by Princesse Christian (Алиса, великая герцогиня Гессенская, принцесса Великобританіи и Ирландіи. Ея письма къ английской королевѣ и біографія, составленная принцессой Христианой), Leipzig, Tauchnitz, 1885, 2 vol.

моллюбивыхъ претензій, разсказъ о шестнадцатилѣтней семейной жизни современной принцессы, принимавшей участіе въ историческихъ событіяхъ нашего времени, заслуживаетъ занять видное мѣсто въ обширной литературѣ новѣйшихъ мемуаровъ. Эти простыя, навѣянные чистосердечной любовью къ семьѣ, своей странѣ и всему человѣчеству страницы производятъ самое отрадное впечатлѣніе и возбуждаютъ невольное сочувствіе къ принцессѣ, сумѣвшей въ придворной обстановкѣ остаться женщиной и еще истинной, совершенной женщиной, какъ мѣтко характеризуетъ ее сестра ея, принцесса Елена, жена принца Христіана Шлезвигъ-Гольштинскаго, которая приложила къ послѣднему изданію дневника принцессы Алисы очень любопытную ея біографію. Хотя по формѣ этотъ дневникъ составляетъ собраніе ея писемъ къ матери, но по ихъ содержанію и внутреннему характеру они представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ дневникъ, полнотѣ котораго мѣшаетъ только обстоятельство, что онъ напечатанъ не отъ строчки до строчки, а съ пропусками, по той причинѣ, что, какъ выражается принцесса Елена, «преждевременно обнародовать всѣ его подробности, а главное всѣ взгляды принцессы Алисы на европейскія дѣла, которые отличались удивительной широтой и здравомысліемъ». Какъ бы то ни было, и въ теперешнемъ его видѣ этотъ дневникъ заслуживаетъ общаго вниманія, особенно въ настоящее время, и потому не лишне познакомить читателей какъ съ его содержаніемъ, такъ и съ симпатичной личностью его автора, рельефно характеризуемой составительницей ея біографическаго очерка, принцессой Еленой ¹⁾).

Вторая дочь королевы Викторіи, Алиса Модъ, родилась 25-го апрѣля 1843 года въ Лондонѣ, въ Букингамскомъ дворцѣ, и уже двѣ недѣли спустя ея мать писала бельгійскому королю Леопольду: «Я очень горжусь нашимъ бѣби; она чрезвычайно большая, необыкновенно развитая для ея возраста и такая хорошенькая, что, по общему мнѣнію, она будетъ красой всей семьи». Нѣсколько позже, именно 2-го іюня, описывая тому же родственнику крестины ребенка, Викторія говоритъ: «Все обошлось очень блестяще, и трудно себя представить что нибудь болѣе *anständig*, а маленькая Алиса вела себя удивительно хорошо». Когда же ей минулъ годъ, то отецъ принцъ Альбертъ подтверждалъ, что она краса семьи, и признавалъ ее за «удивительно добрую и веселую дѣвочку», а мать прибавляла, что она была «чрезвычайно суетной маленькой особой». Черезъ годъ королева записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Алиса дѣйствительно сокровище, милѣйшее и уморительнѣйшее, маленькое существо, какое я когда либо видывала; она такая толстенъкая, такая подвижная, такая славная, что она наша общая любимица; у нея пресмѣшное

¹⁾ Русскій переводъ дневника принцессы Алисы подготавливается къ печати и вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ.

длинное личико, нѣжный звонкій голосокъ, очень независимыя манеры и ласковый характеръ». Дѣтство принцессы, также какъ всѣхъ ея братьевъ и сестеръ, было самое счастливое, а ихъ воспитанье какъ физическое, такъ и умственное, производилось подъ постояннымъ, личнымъ руководствомъ родителей, такъ какъ, по словамъ Викторіи въ ея запискѣ о воспитаніи королевскихъ дѣтей, помѣченной 4 мартомъ 1844 года, «главный педагогическій принципъ заключается въ томъ, чтобъ дѣти были ведены какъ можно проще и подомашнему, чтобъ за исключеньемъ уроковъ они какъ можно больше находились съ родителями и научились бы довѣрять имъ во всемъ». Выйдя изъ рукъ нянекъ, они поступали на попеченье трехъ гувернантокъ, англійской, французской и нѣмецкой, за которыми постоянно слѣдила наставница, прежде лэди Литльтонъ, а потомъ лэди Барингтонъ, но каждая изъ нихъ сообщала родителямъ о всѣхъ мелочахъ ихъ ежедневной жизни. Принцесса Алиса училась очень хорошо, обнаруживала большой талантъ къ музыкѣ и рисованью; по словамъ ея старшей сестры, «она писала отличнымъ почеркомъ, держала свои тетрадки въ прекрасномъ порядкѣ» и была «веселымъ, забавнымъ, живымъ, шаловливымъ ребенкомъ». Кромѣ того, она отличалась въ гимнастикѣ, въ катаньѣ на конькахъ, верховой ѣздѣ, театральныхъ представленіяхъ и живыхъ картинахъ, которыя устраивались королевскими дѣтьми по случаю семейныхъ праздниковъ. Особенный успѣхъ имѣла принцесса Алиса, когда ей было девять лѣтъ, въ отрывкѣ изъ «Athalie» Расина въ двухъ роляхъ, первосвященника и Иозафеты; сама Викторія свидѣтельствуетъ въ своемъ дневникѣ, что она «играла удивительно, и ее нельзя было узнать подъ сѣдинами первосвященника, а во второй роли она была очень хорошенькая». Съ годами стали развиваться серьезныя стороны ея характера, въ особенности доброта, наблюдательность и способность привлекать къ себѣ всѣхъ, такъ что она была любимицей семьи, а сама такъ обожала отца, что культъ къ нему сохранила до минуты своей смерти и умирая произносила его дорогое имя. Ей еще не минуло пятнадцати лѣтъ, когда старшая сестра вышла замужъ за принца Фридриха-Вильгельма Прусскаго, и она заняла въ семьѣ ея мѣсто, со всѣми связанными съ нимъ обязанностями и отвѣтственностью. До тѣхъ поръ она дѣлила ученье и удовольствія съ сестрой, а теперь вступила въ болѣе близкія дружескія отношенія съ родителями, въ особенности съ отцемъ, который лично руководилъ ея занятіями музыкой и рисованіемъ, и, кромѣ того, постоянно знакомилъ ее съ современными политическими вопросами и внушалъ ей, какъ и всѣмъ другимъ своимъ дѣтямъ, что безъ честнаго, искренняго отношенія ко всему невозможно занимать своего мѣста въ жизни достойно и счастливо. Въ слѣдующемъ году она конфирмовалась, причемъ прекрасно выдержала установленный экзаменъ въ законѣ Божіемъ, и 25 апрѣля ея мать

записала въ своемъ дневникѣ: «Сегодня милой, нѣжной Алисѣ минуло шестнадцать лѣтъ; я просто этому не вѣрю. Она большое сокровище и такой ребенокъ, что служить только для насъ утѣшеніемъ и радостью. Да оставить ее Господь долго съ нами и да благословить, сохранить и помилуетъ онъ ее. Мы оба горячо поздравили другъ друга и одѣвшись пошли къ Алисѣ, дали ей букетъ цвѣтовъ и отправились вмѣстѣ съ ней и дѣтьми къ утреннему завтраку». Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ юная принцесса была уже обручена съ принцемъ Людвигомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ, племянникомъ великаго герцога и императрицы Маріи Александровны. Впервые она познакомилась съ нимъ лѣтомъ, когда онъ съ братомъ гостилъ въ Виндзорѣ по случаю аскотскихъ скачекъ, всегда привлекающихъ гостей съ континента въ королевскую семью, а когда онъ вернулся въ Англію осенью, то подъ 30 ноября мы читаемъ въ дневникѣ Викторіи: «Послѣ обѣда, разговаривая съ мужчинами, я замѣтила, что Алиса и Людвигъ бесѣдовали у камина съ бѣльшимъ жаромъ, чѣмъ обыкновенно, а когда я прошла мимо нихъ, направляясь въ другую комнату, то они оба приблизились ко мнѣ: Алиса сказала мнѣ въ большомъ волненіи, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе, а онъ просилъ благословить ихъ. Я могла только пожать ему руку и сказать «конечно», прибавивъ, что я увижусь съ нимъ попозже въ своей комнатѣ. Мы докончили вечеръ съ трудомъ. Алиса пришла въ нашу комнату, смущенная, но спокойная. Альбертъ позвалъ Людвига въ кабинетъ и, поговоривъ съ нимъ, послалъ за мной и Алисой... У Людвига теплое, благородное сердце. Мы горячо поцѣловали нашу Алису и очень хвалили ее жениху. Онъ пожалъ мнѣ руку и поцѣловалъ ее, а я обняла его. Поговоривъ немного, мы разстались; это былъ очень трогательный и въ моихъ глазахъ священный моментъ». Бракъ юной принцессы былъ основанъ исключительно на любви и по словамъ ея отца въ письмѣ къ старшей своей дочери: «Алиса и Людвигъ были такъ счастливы, какъ только могутъ быть смертные, а мое родительское сердце, конечно, радуется за нихъ». Но злой судьбѣ было угодно отравить блаженство невѣсты и впервые омрачить горемъ счастливую королевскую семью. Въ мартѣ мѣсяцѣ умерла, любимая всѣми дѣтьми, бабушка, принцесса Кентская, и тутъ молодая Алиса обнаружила ту удивительную способность утѣшать и раздѣлять горе, забывая себя, которая возбудила къ ней уваженіе всей страны, когда королевскую семью посѣтило еще большее несчастіе. «Милая, добрая Алиса была полна чувства и нѣжныхъ заботъ,—писала Викторія въ своемъ дневникѣ:—она не покидала меня ни на минуту». Въ продолженіе года женихъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Англію и въ Шотландію; парламентъ единогласно назначилъ принцессѣ приданое въ 30.000 фунтовъ стерлинговъ и по 6.000 ежегоднаго пансіона, а свадьба была уже назначена, и всѣ приготовленія

почти окончены, когда неожиданно тяжело занемогъ принцъ Альбертъ и умеръ 14-го декабря 1861 года. «Свѣтъ померкъ въ королевскомъ жилищѣ, гдѣ дотолѣ всѣ были такъ счастливы,—разсказываетъ принцесса Елена, но Алиса, сраженная смертью отца, котораго она обожала, не думала о себѣ, а всецѣло жила для матери. То, чѣмъ она была для королевы въ первыя страшныя недѣли горя, извѣстно всей Англiи, и въ то время въ передовой статьѣ «Times» говорилось: «Невозможно слишкомъ высоко цѣнить силу воли и самопожертвованiе, выказанныя принцессой Алисой въ эти ужасные дни: она поняла, что ея долгъ служить помощью и поддержкой матери въ ея великомъ несчастiи, и въ значительной мѣрѣ благодаря ей, королева была въ состоянiи перенести съ удивительной покорностью судьбѣ неожиданную, невознаградимую потерю». Всячески, на сколько это зависѣло отъ нея, Алиса старалась предохранить мать отъ всего тяжелаго и помочь ей преодолѣть то, что было неизбѣжно. Послѣ смерти отца въ ней проявились необыкновенная сила характера и удивительный тактъ; она замѣняла королеву въ сношенiяхъ съ министрами и заботливо готовила для нея неизбѣжныя государственныя дѣла; поддерживала ее своею твердостью и съ неимовѣрнымъ искусствомъ утѣшала ее; а когда, по совѣту бельгiйскаго короля, королева уѣхала изъ Виндзора въ Осборнъ черезъ нѣсколько дней послѣ смерти мужа, то лишь Алиса могла ее уговорить на такую жертву. По свидѣтельству великой княгини Баденской, Алиса въ это время выказала необыкновенную практическую способность къ организаціи и любовь къ постояннымъ занятiямъ, которыя въ послѣдствiи отличали ея общественную и частную жизнь. Свадьбу осиротѣвшей принцессы, однако, нельзя было безсрочно откладывать. Она произошла 1-го iюля 1862 года при самой скромной, печальной обстановкѣ. Первые дни медоваго мѣсяца молодые провели въ виллѣ лэди Гаркортъ въ Райдѣ, на островѣ Вайтѣ, гдѣ ихъ посѣтила королева и нашла, что «милая Алиса была очень счастлива, спокойна, росѣе, но очень грустна». 8-го iюля юная чета уѣхала въ Дармштадтъ, и горючая мать закончила первый періодъ жизни своей второй дочери слѣдующими трогательными словами въ ея дневникѣ: «Я наединѣ поговорила съ Людвигомъ, и онъ очень здраво рассуждалъ о здоровьѣ Алисы; я вполне увѣрена, что она будетъ счастлива; прiятно смотрѣть на нихъ, они такъ хорошо обходятся другъ съ другомъ и такъ оба довольны, хотя Алиса очень серьезна; но я боюсь за ея здоровье, такъ какъ она очень похудѣла. Людвигъ не выказываетъ ни малѣйшаго эгоизма, не закабалитъ ее себѣ и очень милъ со мною, а она хвалитъ его безъ конца и находить, что онъ разумный человѣкъ, съ широкими взглядами и безъ предрасудковъ. Потомъ я пошла въ комнату Анисы, присутствовала при ея туалетѣ и, наконецъ, увела ее къ себѣ. Тутъ намъ пришлось проститься. Она была чрезвы-

чайно взволнована, но я старалась ее поддержать и не много плакать. Я благословила ее и утѣшала тѣмъ, что вскорѣ увидимся. Людвигъ былъ очень тронутъ, и я сказала, что отдаю ему Алису съ полнымъ довѣріемъ. Снова я соединила ихъ руки и поцѣловала обоихъ. Они уѣхали, и я осталась совсѣмъ одна».

«Мое сердце было такъ переполнено, когда я прощалась съ вами и всѣми милыми, оставшимися дома, что я не имѣла мужества сказать ни слова, но ваше любящее сердце понимаетъ, что я чувствовала». Вотъ первыя слова, которыми открывается дневникъ принцессы Алисы 9 июня 1862 г. на королевской яхтѣ, а затѣмъ по приѣздѣ въ Дармштадтъ она описываетъ устроенный молодымъ радушный приѣмъ. «На каждой станціи (въ Гессенѣ), — пишетъ она, — насъ торжественно встрѣчали, и мы должны были со всѣми говорить. Въ Майнцѣ играла прекрасная австрійская музыка, пока мы пережидали дождь, который, однако, прекратился лишь по достиженіи Дармштадта. На послѣдней станціи насъ встрѣтили очень любезно и сердечно великій герцогъ, принцъ Карлъ, съ женой и дѣтьми, а также принцъ Александръ съ женой. Весь городъ красиво разукрашенъ, бюргеры ѣхали вокругъ нашего экипажа; безчисленное число молодыхъ дѣвушекъ были въ бѣлыхъ платьяхъ и всѣ были такъ добры, такъ преданны; во всѣхъ рѣчахъ очень трогательно упоминалось о васъ и нашемъ тяжеломъ горѣ. Я полагаю, что здѣшній народъ еще никого не встрѣчалъ такъ задушевно. Мы вдвоемъ проѣхали черезъ весь городъ; всюду насъ привѣтствовали радостными криками и забрасывали цвѣтами. Мы остановились передъ домомъ принца Карла, гдѣ собралась вся семья. Мы тотчасъ удалились въ свои комнаты, которыя очень малы, но мило устроены съ удивительнымъ вкусомъ моимъ дорогимъ Людвигомъ; онѣ совершенно на англійскій манеръ. Потомъ мы обѣдали въ Бесунгенѣ *en famille*. Я глубоко тронута добротой и энтузіазмомъ всего народа, которые, говорятъ, совершенно необыкновенны. Передъ нашимъ домомъ всегда стоитъ толпа и постоянно насъ привѣтствуетъ, въ чемъ участвуютъ и солдаты... Вся семья Людвига очень любезна со мной, а принцъ Александръ (братъ императрицы Маріи Александровны) чрезвычайно умный и пріятный человѣкъ. Я искренно стараюсь исполнять свои новыя обязанности и дѣлаю все, что слѣдуетъ и что было бы пріятно моему папѣ». Эта мысль о дорогомъ отцѣ наполняетъ не только первыя страницы, но и весь дневникъ, а съ пламенными выраженіями, въ которыхъ она высказываетъ свой культъ къ нему, можетъ сравниться только съ тѣмъ, что она говоритъ о своей любви къ матери и мужу. Въ послѣднемъ отношеніи, по ея словамъ, она чувствовала, что ея любовь ежедневно, ежечасно возростала. «Что была моя жизнь въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она сдѣлалась теперь?—говоритъ она:—быть его женой, быть постоянно съ нимъ наполняетъ

мое сердце блаженнымъ миромъ и чувствомъ полного спокойствія; онъ такъ меня любитъ, такъ нѣженъ со мной и мы вдвоемъ составляемъ отдѣльный міръ, который никто и ничто не можетъ осквернить своимъ вмѣшательствомъ. Моя судьба блаженная, и, однако, чѣмъ я заслужила теплую пламенную любовь, которую питаетъ ко мнѣ мой дорогой, мой добрый, мой благородный Людвигъ?». Далѣе она описываетъ ихъ простую, скромную жизнь преимущественно въ Кранихштейнѣ, гдѣ они вставали въ половинѣ осьмаго, гуляли до завтрака, занимались потомъ чтеніемъ англійскихъ книгъ, писаніемъ писемъ и приемомъ посѣтителей, въ четыре часа обѣдали, вечеръ посвящали музыкѣ и прогулкамъ, а въ половинѣ одиннадцатаго ложились спать, «не теряя, по словамъ принцессы, ни одной минуты во весь день». Осенью англійская королева съ нѣкоторыми изъ своихъ дѣтей провела нѣсколько недѣль съ молодыми въ Рейнгардсбрунѣ, тюрингенскомъ замкѣ герцога Кобургскаго, а на зиму они перебрались въ Виндзоръ, гдѣ оставались до весны, и 5-го апрѣля 1863 г. у нихъ родилась дочь, Викторія, впоследствии вышедшая замужъ за принца Людвига Батенбергскаго, старшаго сына принца Александра Гессенскаго отъ морганатическаго его брака съ графиней Юліей Гауке, получившей титулъ принцессы Батенбергской. Лѣтомъ они вернулись уже втроемъ въ Дармштадтъ, и ихъ скромная жизнь потекла попрежнему, но естественно, что дневникъ уже теперь переполненъ восторженными замѣчаніями молодой матери объ ея неопѣненномъ бѣби, которымъ всѣ, по ея словамъ, восторгаются. Упомянувъ о своихъ ежедневныхъ занятіяхъ, какъ личныхъ, такъ и съ ея секретаремъ, докторомъ Бекеромъ, прежде исполнявшимъ эту обязанность при ея отцѣ, она впервые начинаетъ говорить о политикѣ, хотя и сожалѣетъ, что приходится ежедневно читать газеты, что отнимаетъ у нея время отъ серьезнаго чтенія, музыки и рисованія. Мало-по-малу она познакомилась съ членами обѣихъ палатъ мѣстнаго парламента и отзывается съ нѣкоторой ироніей о верхней, гдѣ, напримѣръ, только одинъ ея мужъ подалъ голосъ за проектъ либеральнаго большинства нижней палаты насчетъ преобразованія законовъ о печати. Стоявшій тогда на очереди шлезвигъ-голландскій вопросъ, повидимому, очень интересовалъ ее, но признавая, что Германія была права въ своей распрѣ съ Даніей, она прямо говоритъ въ своемъ дневникѣ: «Все лучше, чѣмъ война, которая была бы грустнымъ бѣдствіемъ для Германіи, и конецъ которой никто не можетъ предвидѣть». Это не мѣшало ей, однако, сожалѣть, что «Англія, стоящая за свободу всѣхъ странъ и оказавшая помощь Италиі, имѣвшей менѣе причинъ для изгнанія своихъ законныхъ государей, принимаетъ мѣры противъ освобожденія Шлезвигъ-Голландіи отъ ига короля, который не имѣетъ на нихъ никакого права, и

только владѣть ими потому, что добродушные нѣмцы позволяютъ себя притѣснять». Вмѣстѣ съ интересомъ къ политикѣ пробудилось въ принцессѣ Алисѣ и вниманіе къ различнымъ добрымъ дѣламъ на пользу Дармштадта и всего Гессена; такъ, 5-го марта 1864 года она пишетъ: «Я расскажу о томъ, что сдѣлала вчера, хотя объ этомъ знаютъ здѣсь только Людвигъ и мои придворныя дамы. Я состою патронессой «Heidenreich Stiftung», дамскаго общества, имѣющаго цѣлью раздавать бѣлье и пищу нуждающимся, но трудолюбивымъ женщинамъ. Обо всѣхъ случаяхъ, заслуживающихъ помощи, докладываютъ мнѣ, а вчера я рѣшилась пойти инкогнито съ Христой (баронессой Христиной Шенкъ) въ старую часть города. Мы съ трудомъ розыскали жилище бѣдной семьи, которую я хотѣла посѣтить; оно находилось на грязномъ дворѣ, по темной лѣстницѣ и состояло изъ одной маленькой комнатки, гдѣ лежала на постелѣ больная женщина съ груднымъ ребенкомъ, а подлѣ нея находились мужъ и четверо другихъ дѣтей. Но я должна сказать, что въ комнатѣ не было грязно и не было зловонія. Я послала Христу внизъ съ дѣтьми, а сама съ помощью мужа бѣдной женщины прибрала комнату, переслала постель, умыла лице ребенку, приготовила кое-какую пищу и вообще занялась хозяйствомъ. Никто не зналъ, кто я, и это были славные, горячо привязанные другъ къ другу, хотя бѣдные люди. Мужъ не имѣлъ работы, дѣти были слишкомъ малы, чтобъ ходить въ школу, а когда жена родила, то во всей семьѣ было лишь четыре крейцера. Горько смотрѣть на такую нищету, но если никогда не видѣть бѣдности, а постоянно жить въ холодномъ, придворномъ кружкѣ, то добрыя чувства совершенно изсякнутъ въ сердцѣ, а потому я рѣшилась посѣщать бѣдныхъ и дѣлать то малое добро, которое для меня доступно». Въ концѣ года, послѣ новой поѣздки въ Англію, родилась у принцессы вторая дочь Елизавета, находящаяся теперь замужемъ за великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, который, по странной игрѣ случая, посѣтилъ Дармштадтъ передъ самымъ рожденіемъ будущей жены, вмѣстѣ съ своей августѣйшей семьей, которая провела нѣсколько времени въ Югенгеймѣ. Объ этомъ событіи, нарушавшемъ монотонную, но счастливую жизнь принцессы, она упоминаетъ только въ нѣсколькихъ словахъ, говоря, что вся велико-герцогская семья встрѣтила русскаго императора на желѣзной дорогѣ, что императрица прислала ей драгоценный браслетъ, и что «маленькій Сергѣй просто влюбился въ баби». Около этого времени въ дневникѣ встрѣчаются слѣдующія нравственныя размышленія: «Тѣмъ болѣе изучаешь и стараешься понять великіе законы, правящіе міромъ, тѣмъ болѣе удивляешься тому, что намъ не понятно, и съ тѣмъ болѣшимъ уваженіемъ преклоняешься передъ нимъ; меня всегда поражаетъ, что могутъ быть недовольные и жалующіеся на судьбу люди въ этомъ прекрасномъ мірѣ, который еще слишкомъ

хорошъ для насъ, и гдѣ мы только обязаны исполнить нашъ долгъ, твердо надѣясь, что насъ ждетъ другая блаженная жизнь съ тѣми, кого мы любимъ, вдали отъ всякаго горя и всякихъ заботъ». Въ январѣ слѣдующаго года, она съ мужемъ провела нѣсколько недѣль въ Берлинѣ у своей сестры, которая, по ея словамъ, служила отраженіемъ свѣтлаго ума ихъ отца. «Король,—разсказываетъ она,—очень любезенъ съ нами и радъ нашему пріѣзду, а Людвигъ чрезвычайно доволенъ очутиться въ средѣ своихъ старыхъ военныхъ товарищей, чему и я рада, такъ какъ наша скромная, уединенная жизнь можетъ быть иногда скучной такому живому молодому человѣку, какъ онъ». Черезъ нѣсколько времени послѣ ихъ возвращенія домой, русская императорская семья снова посѣтила Югенгеймъ, но на этотъ разъ въ страшномъ горѣ отъ только что тогда послѣдовавшей въ Ниццѣ смерти наслѣдника цесаревича, и отзывчивая на всѣ несчастія добрая принцесса записываетъ въ дневникъ: «Императоръ и императрица съ дѣтьми пріѣзжаютъ въ понедѣльникъ. Какая грустная встрѣча! Они прямо отправятся въ Югенгеймъ, гдѣ въ прошедшемъ году были такъ счастливы. Говорятъ, императрица, которая такъ любила своего сына, столь замѣчательно походившаго на нее, совершенно истощена физически и нравственно, но она настаиваетъ на прекращеніи своего леченія и хочетъ черезъ двѣ недѣли продолжать путь въ Петербургъ, чтобъ встрѣтить тамъ останки своего ребенка и оказать ему послѣдній христіанскій долгъ. Людвигъ боится, что ея ослабѣвшія силы не будутъ въ состояніи перенести всего, тѣмъ болѣе, что въ греческой церкви службы очень длинныя, а она, конечно, захочетъ ихъ слушать до конца». 11-го мая она прибавляетъ: «императоръ, императрица и дѣти уѣхали вчера; мнѣ такъ жаль было съ ними разставаться! Богъ, знаетъ когда мы опять встрѣтимся съ ними. Мы часто ихъ видѣли и такъ интимно, что я очень привязалась къ нимъ, и меня огорчаетъ мысль о долгой разлукѣ съ ними. Вообще нельзя не чувствовать, что жизнь наша не надежна, и что необходимо въ виду этого какъ можно болѣе развивать въ себѣ самопожертвованье, любовь къ добрымъ дѣламъ и другія хорошія качества. О, еслибъ я только могла умереть, исполнивъ свой долгъ и не чувствуя себя грѣшной въ самомъ легко совершаемомъ грѣхѣ, именно упущеніи дѣлать добро». Лѣтомъ принцесса Луиза съ мужемъ и дѣтьми совершила пріятную поѣздку въ Швейцарію, гдѣ она съ радостью восторгалась красотами природы, въ особенности Гисбахомъ и Риги, а осень, какъ всегда, провела въ Англіи и Шотландіи.

1866 годъ былъ печальной годиной для принцессы, благодаря прусско-австрійской войнѣ, въ которой ея мужъ принялъ участіе, и дневникъ ея, служа отголоскомъ той смутной эпохи, пріобрѣтаетъ интересъ историческаго документа. Впрочемъ, въ началѣ года она была занята двумя мирными дѣлами—однимъ частнаго, а другимъ общественнаго характера. Ихъ новый домъ, который едва ли можно

назвать дворцемъ по его скромнымъ размѣрамъ, наконецъ былъ готовъ, и хотя ей грустно было расставаться съ маленькимъ жилищемъ, гдѣ протекли ея первые счастливые замужніе годы, но, всетаки, она была очень рада гораздо болѣе удобному и красивому дому, который былъ устроенъ по англійскому образцу и даже напоминалъ ей Осборнъ и Бальмораль. Общественное предпріятіе, начатое по инициативѣ принцессы Алисы, состояло въ учрежденіи въ Дармштадтѣ пріюта для идиотовъ. Для собранія необходимыхъ къ тому финансовыхъ средствъ, она открыла громадный базаръ, въ которомъ приняли участіе, по ея настоянію, представительницы аристократіи и буржуазіи на совершенно равной ногѣ; онъ удался какъ нельзя лучше и принесъ 16.000 флориновъ, которые и послужили основой капитала для постройки пріюта, благоденствующаго донынѣ. Что касается войны, то первый ея отголосокъ слышится въ записи дневника отъ 2 апрѣля: «Мы находимся въ большомъ безпокойствѣ и страхѣ,—говоритъ принцесса:— война въ настоящемъ случаѣ была бы слишкомъ ужасна, такъ какъ пришлось бы братьямъ воевать съ братьями и друзьямъ съ друзьями. Дай Богъ, чтобъ подобное бѣдствіе миновало. Въ Дармштадтѣ, Франкфуртѣ и Майнцѣ гарнизоны смѣшанные, и мы должны принять ту, или другую сторону. Страшно подумать, что въ одной арміи будутъ сражаться Генрихъ (братъ ея мужа) и Фрицъ, а въ другой Людвигъ и его остальные родственники. Что бы сказалъ на это папа?» Спустя мѣсяць, она прибавляетъ: «Война все кажется неизбѣжнѣе, и ужасныя ея послѣдствія для бѣдной Германіи уже осуществляются въ коммерческомъ кризисѣ. Большіе заводы и фабрики сокращаютъ число своихъ рабочихъ и распродаютъ за ничто заготовленный товаръ. Эта междоусобная борьба уже теперь крайне непопулярна во всѣхъ классахъ. Если она дѣйствительно разразится, то чтѣ я сдѣлаю безъ Людвига, который пойдетъ въ походъ съ его бригадой? Конечно, я надѣюсь на Господа, который такъ долго и незаслуженно съ моей стороны осыпалъ меня своими неизреченными милостями. Въ такія критическія времена невольно дѣлаешься серьезной и видишь для себя единственную поддержку въ увѣренности, что Господь все устроитъ къ лучшему. Жизнь только пилигримство, и все равно передъ вѣчностью немного болѣе или немного менѣе перенести горя, но ожиданіе зла почти также мучительно, какъ самое зло, и такъ какъ моя натура всегда была безпокойная, то я не могу изгнать изъ своей головы печальныхъ мыслей о грозящей войнѣ... Людвигъ, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, займетъ мѣсто въ своей бригадѣ въ 8 корпусѣ австрійской арміи подъ начальствомъ дяди Александра, и онъ надняхъ уѣзжаетъ въ Берлинъ, чтобъ объяснить Фрицу, какія обстоятельства обязываютъ его обнажить мечъ противъ Пруссіи и для защиты своей родины. Все это ужасно, а въ особенности

невозможность въ моемъ положеніи (она должна была вскорѣ родить) слѣдовать за нимъ на войну, хотя бы издали. Неужели европейскія державы не вмѣшаются и дозволяютъ братьямъ рѣзать другъ друга въ подобной неестественной чудовищной войнѣ. Вѣдь въ сущности нѣтъ никакой для нея причины, и всѣмъ она ненавистна. Каждый день до насъ доходятъ слухи о томъ, что пруссаки, даже военные, не хотятъ этой войны, и всюду происходятъ безпорядки, особенно въ ландверѣ. Сороколѣтняго семьянина берутъ на военную службу вмѣстѣ съ его сыновьями и лошадьми, если у него есть таковыя; жена и дѣти, оставаясь дома, не могутъ воздѣлывать земли, или продолжать того дѣла, которымъ онъ занимался. Такимъ образомъ, значительное число семействъ разоряется, и общій ропотъ все усиливается. Если это долго продлится, то неминуема революція... Я молю Бога, чтобъ онъ побудилъ короля внять добрымъ совѣтамъ, нисколько не нарушающимъ его достоинства, и передать ненавистный вопросъ о герцогствахъ рѣшенію Германскаго союза, но я боюсь, что онъ не сдѣлаетъ этой уступки. Еслибъ онъ только приступилъ къ разоруженію, то вся Германія радостно послѣдовала бы его примѣру, забывъ о всѣхъ понесенныхъ убыткахъ въ виду обезпеченія мира. Австрія не можетъ долго вынести теперешняго положенія, и вся страна чрезвычайно возбуждена противъ прусскаго короля и Бисмарка, такъ что императоръ менѣе способенъ на уступки и на обезпеченіе мира». Прошелъ еще мѣсяць, положеніе дѣлъ мало прояснилось, и снова усиливалась угроза войны; все это ярко отражалось въ дневникѣ принцессы Алисы. 25-го мая она пишетъ: «если такъ продлится еще нѣсколько времени, то мы вскорѣ будемъ нищими; недовольство и нужда усиливаются ужасно, но я, всетаки, надѣюсь, что не дойдетъ до войны, и мы будемъ здѣсь держаться оборонительной роли»; но 13-го іюня она замѣчаетъ: «отчего бы Австріи и Пруссіи не сразиться одной на одну?—нѣтъ, первая прикрывается Германскимъ союзомъ и настаиваетъ, чтобъ союзъ шелъ съ ней, а въ этомъ случаѣ наши войска и Людвигъ пойдутъ первые; настало страшное время, и я боюсь, что оно приведетъ къ уничтоженію маленькихъ государствъ». Наконецъ, въ срединѣ іюня война вспыхнула, и пруссаки переступили границу, принцесса Алиса отправила въ Англію своихъ дѣтей, а ея мужъ долженъ былъ идти на защиту родины. Въ какомъ отчаянномъ положеніи находилась какъ она сама, такъ и ея новое отечество, очень рельефно изображаетъ этотъ правдивый, искренній дневникъ, изъ котораго мы приведемъ нѣсколько отрывковъ:

«18 іюня. Нельзя описать, въ какомъ мы находились волненіи. Войска проходятъ мимо Дармштадта и сосредоточиваются въ Франкфуртѣ. Два дня тому назадъ Германскій союзъ вызвалъ по телеграфу дядю Александра, такъ какъ пруссаки наступали; мы, конечно, не были готовы, и произошла ужасная сумятица, но, слава Богу, они отступили, узнавъ, что собираются противъ нихъ войска».

«24 іюня. Положеніе дѣлъ отчаянное: постоянно получаютъ роковыя и ложныя извѣстія. Пруссаки идутъ отъ Ветцлара или Вингена; всѣ суетятся и принимаютъ мѣры къ защитѣ. Бригада Людвигъ стоитъ въ Франкфуртѣ, и онъ туда ѣздитъ каждое утро, а вечеромъ возвращается ко мнѣ, что ему дозволено въ виду моего болѣзненнаго состоянія. Я осталась здѣсь, чтобъ быть поближе къ нему, и теперь послѣ отъѣзда дѣтей я ничего не боюсь за себя, а опасуюсь только за жизнь моего дорогаго мужа... Всюду собираютъ необходимые предметы для полевыхъ лазаретовъ и солдатъ. Въ виду наступившихъ жаровъ, болѣзни и раны примутъ очень опасный характеръ. Нельзя достаточно набрать тряпокъ, и я работаю безъ устали, собираю старыя рубашки, простыни и т. д. Кромѣ того, выписала изъ Англіи, по желанію докторовъ, перевязки и бинты, а сама шью для больныхъ рубашки и халаты».

«25 іюня. Увы, Людвигъ уходитъ далѣе, и ему нельзя часто пріѣзжать. Онъ въ авангардѣ и первый подвергнется опасности. Боже мой, какое тяжелое испытаніе! Мое мужество начинаетъ измѣнять мнѣ, но, всетаки, я стараюсь поддержать его, и онъ дѣлаетъ тоже относительно меня. Ему ужасно тяжело сражаться противъ своихъ соотечественниковъ, среди которыхъ онъ служилъ. Вообще всѣ и даже пруссаки идутъ на эту войну «à contre-cœur».

«1 іюля. Прощаніе было раздирающее. Онъ такъ глубоко чувствуетъ нашу разлуку, и я едва пишу. А еще сегодня годовщина нашей свадьбы, послѣ четырехъ лѣтъ безоблачнаго счастья. Бѣдная Вики (наслѣдная принцесса Прусская, тогда потерявшая своего малолѣтняго сына Сигизмунда), точно ей недостаточно было одного горя—знать, что мужъ на войнѣ. Эта ужасная война разрываетъ всѣ фибры моего сердца. Сколько жертвъ попустому, и чѣмъ все это кончится?! Всѣ наши войска ушли, и мы не знаемъ, гдѣ они, такъ какъ не существуетъ ни почты, ни телеграфа, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ Людвигъ».

«6 іюля. Говорятъ, что есть шансы на перемиріе. Дай Богъ, чтобъ вѣсть объ этомъ осуществилась, и чтобъ вслѣдъ затѣмъ заключили миръ. О колоссальныхъ потеряхъ людьми съ обѣихъ сторонъ за послѣднія двѣ недѣли (отъ Находа до Садовы) страшно подумать. Бѣдная Австрія, ей пришлось плохо. Но такъ какъ она согласна уступить Венецію, то, по крайней мѣрѣ, итальянская война прекратится. Вѣроятно, нейтральныя державы не дозвоятъ Австріи и Пруссіи возобновить борьбу послѣ перемирія; это слишкомъ ужасно. Остальная Германія должна подчиниться, но это лучше, чѣмъ проливать столько крови въ надеждѣ добиться первенства. Я получила нѣсколько словъ отъ милаго Людвигъ съ сѣвера Гессена. Онъ здоровъ, и я надѣюсь, что дѣло не дойдетъ тамъ до сраженій».

Тутъ наступаетъ въ дневникѣ двухнедѣльный перерывъ, въ продолженіе котораго принцесса Алиса родила третью дочь Ирену,

въ настоящее время жену принца Генриха Пруссаго, брата императора Вильгельма II, и, къ ея величайшему счастью, во время ея родовъ присутствовалъ мужъ, который случайно вернулся домой на три дня; а затѣмъ снова возобновляется любопытная хроника этой памятной исторической эпохи.

«19 іюля. Людвигъ уѣхалъ, и когда онъ достигъ Ашафенбурга, тамъ уже сражались. Мы здѣсь слышали пальбу. Пруссаки стрѣляли съ крышъ домовъ и продолжали борьбу на улицахъ; должно быть, рѣзня была ужасная. Наши войска отступили (какъ было заранѣе рѣшено) въ полномъ порядкѣ. На другой день намъ привезли раненыхъ. 13-го и 14-го происходили битвы, и въ послѣдней принималъ участіе Людвигъ; съ тѣхъ поръ я его не видала, и Богъ знаетъ, когда снова увижу, но я получила сегодня отъ него письмо изъ Оденвальда. Онъ старается соединить свои войска съ баварцами, но ихъ нельзя нигдѣ отыскать. Пруссаки взяли Франкфуртъ и распоряжаются въ Дармштадтѣ, какъ дома. Они запрещаютъ доставку сюда газетъ и писемъ. Трудно себѣ представить, въ какомъ мы находимся бѣдственномъ и безпокойномъ положеніи. Многіе трусы и дураки бѣгутъ отсюда.

«27 іюля. Только что имѣла извѣстіе о Людвигѣ. Они опять сражались, и двѣ ночи онъ провелъ въ полѣ, а пытался въ продолженіе двухъ сутокъ маленькимъ хлѣбомъ. Пруссаки заключили миръ съ Австріей, но не хотятъ съ нами мириться и идутъ на насъ съ трехъ сторонъ. Я едва пишу: такъ сердце мое полно тревоги, зная, что дорогой Людвигъ подвергается ежеминутной опасности. Всѣ въ восторгѣ отъ его храбрости и нѣжныхъ заботъ о страждущихъ, но онъ говоритъ, что всѣ желаютъ мира, осуждаетъ мелкія нѣмецкія государства, которыя не хотятъ подчиниться Пруссіи, и просилъ меня употребить все мое вліяніе на дядю Людвигу (великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго) съ цѣлью уговорить его согласиться на прусскія предложенія, что одно можетъ прекратить кровопролитіе. Со всѣхъ сторонъ меня умоляютъ о томъ же. Паника и сумятица здѣсь неописанныя; ни у кого нѣтъ денегъ, и всѣ нуждаются въ помощи. Такъ какъ пруссаки грабятъ направо и налево, то я сохраняю въ своемъ домѣ вещи многихъ постороннихъ лицъ. Несчастныя матери и жены раненыхъ осыпаютъ меня просьбами розыскать ихъ сыновей и мужей, а я сама не знаю, что въ эту минуту творится съ моимъ голубчикомъ. Невозможно описать все, что я перестрадала, и все, что теперь переношу. Если мы останемся живы, и возобновится миръ, то намъ придется уѣхать отсюда, хотя мы будемъ, вѣроятно, совершенно разорены. Трудно себѣ представить, до чего можетъ довести война такую маленькую страну, какъ Гессенъ-Дармштадтъ. Городъ полнъ пруссаковъ. Я надѣюсь, что они останутся не долго, такъ какъ они ни за что не платятъ, и бѣдные обыватели терпятъ много убытковъ.

«13 августа. Страшно. Тѣ, кто воочию видятъ все зло войны

и всѣ причиняемыя ею бѣдствія, только могутъ понять, какой это бичъ. Да хранить Господь нашу бѣдную Германію отъ повторенія этой напасти. Людвигъ уѣхалъ въ Берлинъ къ Фрицу, который, я увѣрена, сдѣлаетъ все, что можетъ; его послали туда, такъ какъ вся страна надѣется, что онъ предупредитъ возобновленіе войны. Но его положеніе тѣмъ болѣе трудное, что онъ не признанъ наслѣдникомъ престола. Юлія Баттенбергская мнѣ писала, что ея мужъ добился отъ великаго герцога удаленія генерала Пергласа, такъ дурно командовавшаго войсками, и назначенія на его мѣсто Людвига, который, по свидѣтельству принца Александра, сдѣлалъ себѣ прекрасную репутацію и заслужилъ общую любовь. Это назначеніе очень видное для такого молодого и мало опытнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ, долго ли продлится миръ.

«17 августа. Мы теперь въ Нирштейнѣ, между Вормсомъ и Майнцемъ, гдѣ сосредоточены всѣ наши войска, начальство надъ которыми привялъ Людвигъ, вернувшись изъ Берлина съ большими надеждами на сохраненіе Оберъ-Гессена, одна мысль о потерѣ котораго сводила съ ума моего тестя. Я увѣрена, что папа гордился бы имъ: такъ добросовѣстно и безкорыстно онъ исполняетъ свой долгъ. Прощаясь съ своей бригадой, онъ просилъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ быть крестными отцами нашего ребенка, родившагося во время его перваго похода въ качествѣ ихъ начальника. Они въ восторгѣ, и мы подождемъ возвращенія войскъ домой для крестинъ.

«21 августа. Завтра кончается перемиріе, и до сихъ поръ нѣтъ никакого извѣстія ни объ его продолженіи, ни о заключеніи мира. Но то или другое необходимо. Отдѣльная война съ Пруссіей для насъ невозможна и нелѣпа. Прусскія войска попрежнему стоятъ во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ. Эта мѣстность чрезвычайно богата и плодородна; селенія отличаются чистотой и прекрасными домами, а у всѣхъ поселянъ необыкновенное число дѣтей. Это самая густо населенная часть Германіи, и въ ней приходится на квадратную милю болѣе жителей, чѣмъ въ Англіи. Воздухъ здѣсь удивительный и совершенно другой, хотя отсюда до Дармштадта всего два часа. Домъ, въ которомъ мы живемъ, стоитъ на самомъ берегу Рейна, и мимо насъ постоянно проходятъ солдаты, которые прекрасно поютъ свои мелодичныя пѣсни, особенно «Der gute Kamerad». Вообще нѣмцы народъ простой, добрый, *gemüthlich*. Чѣмъ больше живешь съ ними, тѣмъ больше научаешься ихъ цѣнить. Это прекрасная нація, дай Богъ, чтобы настоящая война, создавшая столько героевъ и стоившая столько благородныхъ жизней, оказалась не безцѣльной, а напротивъ привела бы къ образованію могущественной Германской державы. Она тогда будетъ первой страной въ свѣтѣ, распространяющей всюду великія идеи, а когда нѣмцы достигнутъ политической свободы, то они станутъ навсегда счастливой, единой націей. Но теперь положеніе дѣль самое печальное.

«8 сентября. Наконецъ миръ заключенъ, хотя еще не ратификованъ. Условія его не такъ дурны, какъ можно было опасаться. Мы лишаемся Гинтерланда и Гессенъ-Гомбурга, всего шестьдесятъ тысячъ душъ, и платимъ три милліона контрибуціи, кромѣ того, что содержаніе большой части прусской арміи въ продолженіе шести недѣль стоило намъ 25.000 флориновъ ежедневно. Въ качествѣ государя Оберъ-Гессена великій герцогъ входитъ въ составъ сѣверо-германскаго союза, и половина его арміи будетъ находиться подъ прусскимъ начальствомъ. Это послѣднее обстоятельство породитъ такую сумятицу, что Людвигъ предпочелъ бы, чтобъ вся армія находилась подъ прусскимъ главенствомъ, особенно въ виду, увы, предстоящей войны. Желѣзныя дороги, почты и телеграфы становятся также прусскими; кромѣ того, отъ насъ требуютъ коллекцію драгоцѣнныхъ книгъ, рукописей и картинъ, которыя нѣкогда принадлежали Кельнскому собору, а потомъ подарены Дармштадту. Въ замѣнъ Гомбурга намъ дають нѣсколько маленькихъ городковъ, между прочимъ Румпенгеймъ.

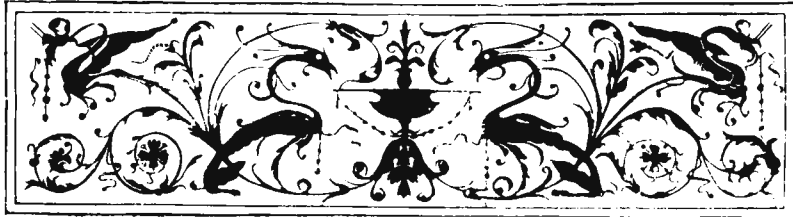
«24 сентября. Мы снова въ Дармштадтѣ; наши войска вернулись, и великій герцогъ съ ними. Войска съ Людвигомъ во главѣ встрѣчены жителями очень радушно и заброшены цвѣтами. Мы смотрѣли на нихъ изъ замка, и намъ было очень грустно замѣтить, что не доставало много знакомыхъ лицъ. Всего мы потеряли 800 человекъ изъ 8.000 и 11 офицеровъ, которые, какъ нарочно, были очень дружны съ пруссаками и пламенно желали, чтобъ Германія объединилась подъ главенствомъ Пруссіи. Сегодня вечеромъ мы посѣтили бѣдныхъ раненыхъ, изъ которыхъ многіе очень плохи. Сколько страданій и горя переносятъ люди, совершенно неповинные въ этой несчастной войнѣ. Еслибъ только мелкіе государи забыли свою антипатію къ Пруссіи и причиненное имъ зло этой страной и думали только объ одномъ отечествѣ, то можно было бы предупредить повтореніе этихъ бѣдствій. Бѣдные гомбургцы маршировали среди войскъ въ послѣдній разъ, и ихъ слезы смѣшивались съ нашими слезами. Они уже вернутся въ свои дома пруссаками. Конечно, расширенная Пруссія—не соединенная Германія, но германскіе государи, не смотря на все, должны тянуть къ Пруссіи, чтобы вынудить ее присоединиться къ Германіи, а то при первомъ удобномъ случаѣ ихъ владѣнія войдутъ въ составъ Пруссіи».

На этомъ кончается все, что сказано въ дневникѣ принцессы Алисы о прусско-австрійской войнѣ, и только 30 декабря она, возвращаясь къ событіямъ окончившагося года, говоритъ: «Испытанія, перенесенныя въ нынѣшнемъ году, должны принести вмѣстѣ съ съ горемъ и благо для отдѣльныхъ лицъ и общества; дай Богъ, чтобы мы всѣ извлекли пользу изъ полученнаго урока и все болѣе и болѣе научались возлагать надежду на справедливость и милосердіе Божіе». Хотя съ восстановленіемъ мира и возвращеніемъ дѣтей потекла для нея прежняя скромная, тихая жизнь,

полная занятій и домашнихъ заботъ, но еще долго слышались отголоски войны. Такъ, принцу Людвигу было очень трудно уговорить своего дядю, великаго герцога, подчиниться Пруссіи, и только его прямой отказъ отъ командованія гессенской арміей побудилъ упорнаго ненавистника Пруссіи покориться судьбѣ. Съ другой стороны, принцесса Алиса основала, по примѣру германскаго Краснаго Креста, «Дамское Общество», для помощи раненымъ и больнымъ во время войны; она, какъ предсѣдательница главнаго комитета, состоявшаго изъ семи дамъ и четырехъ докторовъ, энергично заботилась о подготовленіи сестеръ милосердія, которыя потомъ очень пригодились во время франко-прусской войны. Первые симптомы приближенія этой войны отмѣчены въ дневникѣ принцессы уже въ началѣ 1867 года; такъ, 5-го апрѣля она писала: «На прошедшей недѣлѣ общее волненіе достигло апогея, и всѣ ожидали, что вспыхнетъ война съ Франціей по поводу Люксембурга; да сохранить насъ Господь отъ такого бѣдствія, но я боюсь, что рано или поздно оно неизбежно»; черезъ двѣ недѣли она прибавляетъ: «Мнѣ кажется, что дѣло вовсе не въ Люксембургѣ, а въ томъ, что Франція ревнуетъ Германію, сдѣлавшуюся помимо ея воли независимой и могущественной, и боится потерять свое первенство въ Европѣ; съ другой стороны, нѣмцы, чувствуя перемѣну своего положенія, энергичнѣе отстаиваютъ свои права, и ни одна изъ націй не желаетъ уступить другой. Подобная война была бы, однако, совершенно безцѣльна и привела бы только къ безконечнымъ распрямъ и къ народной ненависти между двумя сосѣдями, которые должны ради себя и всего человѣчества жить между собой въ мирѣ и дружбѣ. Видя, что каждый международный вопросъ выдвигается на остріѣ меча, невольно возникаетъ мысль, что мы возвращаемся къ среднимъ вѣкамъ. Это очень грустно, и милый папа не одобрилъ бы многого, что случилось послѣ его смерти». Однако, опасеніе войны между Франціей и Пруссіей, а также не сочувственное отношеніе къ французамъ, не помѣшали ей лѣтомъ того же года посѣтить вмѣстѣ съ мужемъ Парижъ, по случаю всемірной выставки, и отзываться не только съ восторгомъ о всемъ, что она тамъ видѣла, но и очень симпатично объ императорѣ и императрицѣ, которые были, повидимому, съ ней очень добры и любезны. Во время ея кратковременнаго пребыванія въ Парижѣ произошло покушеніе на жизнь императора Александра II, и принцесса Алиса упоминаетъ объ этомъ событіи въ слѣдующихъ словахъ: «Покушеніе на русскаго императора было ужасно, и мы тогда находились подлѣ него; императрица Евгенія не можетъ успокоиться, и не оставляетъ теперь дядю Сашу ни на минуту, а всегда возить его въ своемъ экипажѣ».

В. Т.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова. Въ четырехъ частяхъ, съ 13-ю снимками. Составилъ архимандритъ Леонидъ. Москва. 1893—1894.

НОКОИНОМУ намѣстнику Троице-Сергіевой лавры, извѣстному любителю и знатоку нашей письменной старины, архимандриту Леониду, не пришлось дожидаться выхода въ свѣтъ одного изъ капитальнѣйшихъ своихъ трудовъ по части описанія рукописей, заглавіе котораго выписано выше. Въ предисловіи къ этому поистинѣ монументальному изданію, помѣченномъ октябрѣмъ 1888 года, авторъ сообщаетъ, что онъ приступилъ къ описанію рукописнаго собранія гр. Уварова съ 1885 года; въ концѣ 1888 года оно было закончено, и немедленно было приступлено къ его печатанію, чѣмъ и занимался архимандритъ Леонидъ до самой своей кончины, послѣдовавшей 22-го октября 1891 г. Окончено печатаніе этого труда было уже заботами другихъ. Собраніе рукописей графа А. С. Уварова, находящееся теперь во владѣніи его просвѣщенной супруги графини П. С. Уваровой, хранится въ с. Порѣчьѣ (Можайскаго уѣзда) и состоитъ въ настоящее время изъ 2.250 №№ рукописей, изъ которыхъ славянскихъ — 2.241, латинскихъ—1, греческихъ—2, арабскихъ—1, нѣмецкихъ—2; сюда же не совсѣмъ точно отнесены описателемъ и 3 старопечатныхъ книги. Это, конечно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ, если не самое замѣчательное, изъ частныхъ собраній этого рода, какъ по количеству номеровъ, такъ особенно по качеству и научной цѣнности находящихся въ немъ экземпляровъ. Основаніе ему было положено пріобрѣтеніемъ гр. А. С. Уварова отъ наслѣдниковъ извѣстнаго любителя

книжной старины И. Н. Царскаго превосходной рукописной коллекціи послѣдняго, описаніе которой издано П. М. Строевымъ въ 1848 году. Позднѣе приобрѣтены были гр. Уваровымъ рукописи И. П. Сахарова, А. С. Норова, Хлѣбникова и др.; наконецъ, сильно увеличивалъ свое книгохранилище владѣлецъ и мелкими покупками черезъ своихъ коммисіонеровъ на ярмаркахъ и въ другихъ мѣстахъ. Явившаяся результатомъ этихъ продолжительныхъ усилій и значительныхъ матеріальныхъ жертвъ рукописная коллекція распределѣна архимандритомъ Леонидомъ, при описаніи, на 18 отдѣловъ, которые и размѣщены описателемъ въ четырехъ огромныхъ томахъ.

Приемы описанія рукописей въ настоящемъ трудѣ архим. Леонида тѣ же, что и въ другихъ его описаніяхъ: это—описаніе почти исключительно перечневое, безъ изслѣдовательнаго элемента, съ весьма немногими, краткими и вполнѣ случайными, такъ сказать, замѣтками палеографическаго, историческаго или библиографическаго характера; въ этомъ отношеніи покойный описатель ограничивался, по всей видимости, лишь тѣми соображеніями или данными, которыя приходили ему въ голову при работѣ, не пускаясь вообще въ сколько нибудь отдаленныя изслѣдованія или справки; исключеніе сдѣлано только относительно весьма немногихъ экземпляровъ, особенно заинтересовавшихъ описателя, какъ № 965 Патерикъ Печерскій XV в., № 1303 Палея Толковая исх. XV в., № 1321 Повѣсть о Царьградѣ XVII в., № 1381 Лѣтопись Литовская и Русская исх. XV в., и нѣкоторые другіе, гдѣ библиографическія справки и историческія соображенія полнѣе обычнаго, и приведены даже довольно значительныя выдержки: см. Описаніе, III, 18—20, 67—74; IV, 549—555. Изъ общаго распределенія всего состава рукописей по отдѣламъ и форматамъ можно видѣть, что самое большое число въ собраніи гр. Уварова приходится на долю «Сборниковъ» (317 №№), описаніемъ которыхъ занятъ почти весь IV томъ труда архимандрита Леонида; затѣмъ идутъ «Житія святыхъ» (303 №№), «Богослужбныя книги» (256 №№), «Матеріалы для исторіи» (241 №№) и т. д.; всего менѣе рукописей по отдѣлу «Догматическаго богословія» (29 №№). Вообще можно сказать, что главнѣйшая цѣнность собранія гр. Уварова заключается въ его историческихъ и историко-литературныхъ матеріалахъ. Каждый отдѣлъ въ описаніи архимандрита Леонида предваренъ «общими замѣчаніями», въ которыхъ находятся: а) общее число нумеровъ даннаго отдѣла, съ распределеніемъ рукописей по форматамъ; б) распределеніе рукописей по предметамъ содержанія, съ указаніемъ въковы, когда онѣ писаны; в) перечень рукописей съ годами; г) перечень рукописей, писанныхъ на пергаментѣ и бомбицинтѣ. Описаніе снабжено при каждомъ томѣ особыми указателями именъ и предметовъ, и, кромѣ того, какъ особенность даннаго описанія, въ концѣ каждого тома ко всѣмъ почти отдѣламъ присоединенъ перечень пергаментныхъ (а частію бомбицинтныхъ и бумажныхъ) рукописей петербургскихъ и московскихъ библиотекъ, которыя по своему содержанію имѣютъ отношеніе къ описаннымъ рукописямъ собранія гр. Уварова. Намъ думается, что, по краткости и случайности такихъ перечней, они едва ли могутъ имѣть какое либо дѣйствительно научное значеніе, и пользу ихъ присоединенія къ описанію оправдать было бы весьма трудно. При описаніи рукописей изъ собранія И. Н. Царскаго архимандритъ Леонидъ вполнѣ воспользовался трудомъ Строева и перенесъ его въ свое описаніе безъ всякихъ измѣненій, сокращеній или дополненій.

Тѣмъ не менѣе, при нѣкоторыхъ своихъ недостаткахъ, огромный трудъ покойнаго нашего археографа является весьма важнымъ вкладомъ въ русскую литературу описанія древне-русскихъ рукописей. Онъ даетъ очень хорошее и весьма полное представленіе о рукописномъ собраніи гр. А. С. Уварова и, вѣроятно, долго будетъ служить незамѣнимымъ пособіемъ при пользованіи самыми рукописями. Отнынѣ, благодаря самоотверженному труду архимандрита Леонида, богатое собраніе гр. Уварова, и безъ того уже извѣстнаго ученому міру, сдѣлается еще болѣе извѣстнымъ и доступнымъ, особенно при той готовности и томъ просвѣщенномъ участіи нынѣшней владѣлицы этого собранія графини П. С. Уваровой, которыя, безъ сомнѣнія, памятны и хорошо знакомы всѣмъ, имѣвшимъ случай обращаться къ этому книгохранилищу непосредственно. Е. П.

Д-ръ А. Елисеѣвъ. «По бѣлу свѣту». (Очерки и картинки изъ путешествій). Спб. 1893.

Автору посчастливилось найти издателей своихъ странствованій. Редакція журнала «Природа и Люди» выпустила въ свѣтъ первый томъ путешествій и украсила его изящными рисунками лучшихъ нашихъ иллюстраторовъ. Виньетки, сцены и картинки, сдѣланныя перомъ и карандашомъ, придають книгѣ чрезвычайно нарядный видъ. Что же касается до текста, то нельзя не указать на непонятные промахи почтеннаго доктора.

Въ своемъ предисловіи д-ръ Елисеѣвъ сознается, что онъ не можетъ похвалиться особымъ обиліемъ полученныхъ имъ научныхъ результатовъ (стр. 7), и объясняетъ это слѣдующими обстоятельствами: пробирался онъ обыкновенно въ одиночку или съ однимъ проводникомъ, нерѣдко неся на себѣ весь свой багажъ, дѣлая цѣлыя сотни верстъ пѣшкомъ, частенько голодая и пр., и пр. «При такихъ условіяхъ,—говоритъ докторъ,—я, разумѣется, не могъ и думать вести съ собой различные снаряды и приборы для производства тѣхъ или другихъ научныхъ наблюденій» (стр. 8). «Какая тутъ можетъ быть рѣчь о разныхъ аппаратахъ,—прибавляетъ онъ,—когда мнѣ нерѣдко приходилось изъ своего скуднаго дорожнаго багажа выбрасывать даже единственную смѣну бѣлья для того, чтобы помѣстить туда записки или лишнюю бутылку воды?! Можно ли при такихъ условіяхъ думать о съемкахъ, даже глазомѣрныхъ, о барометрическихъ наблюденіяхъ, о фотографированіи видѣнныхъ народовъ и странъ, а тѣмъ болѣе о коллектированіи?» (ibid.).

Д-ръ Елисеѣвъ, однако, на слѣдующей же страницѣ заявляетъ, что результаты, всетаки, у него имѣются, и что часть ихъ уже изложена въ различныхъ спеціальныхъ изданіяхъ, но «многое еще не тронуто и ждетъ своей очереди, когда уходятся мои молодые силы, и годы заставятъ меня заняться не новою добычею, а обработкою накопленнаго раньше матеріала» (стр. 9).

Но такъ какъ весь матеріалъ сводится къ запискамъ, то придется автору воспроизводить детали всего видѣннаго по памяти; на память же путешественнику никогда нельзя полагаться, иначе можетъ явиться путаница.

Это я говорю на основаніи изданнаго тома путешествій д-ра Елисеѣва. Несомнѣнно, что текстъ писался по воспоминаніямъ, а не на основаніи точныхъ ежедневныхъ записей, обязательныхъ для каждаго, попадающаго

въ малоислѣдованную страну. Не смѣю сомнѣваться въ разсказъ почтеннаго автора, касающагося мѣстностей, мнѣ лично неизвѣстныхъ, но позволю себѣ указать на ошибки, по всей вѣроятности, невольно вкравшіяся въ описаніе сѣвернаго Урала, а именно Чердынскаго края. Ничѣмъ другимъ не хочу объяснить себѣ промахи доктора.

Лѣтомъ прошлаго года я былъ командированъ Обществомъ естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ на Полюдовъ Камень. Книги д-ра Елисеѣва я не имѣлъ подъ руками и, уже подъѣзжая къ Чердыни, благодаря любезности капитана парохода, снабдившаго меня нѣсколькими выпусками «По бѣлу свѣту», мнѣ удалось прочесть все, что касается до интересующей меня мѣстности. Къ этому долженъ прибавить, что Уралъ, и при томъ сѣверный, былъ мнѣ уже знакомъ раньше по вогульской экспедиціи, совершенной мною двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1872 году. Но тогда мнѣ пришлось извѣдять восточный склонъ Урала и прожить лѣто среди дивихъ вогуловъ, а теперь предстояло посѣтить западную часть хребта. Такимъ образомъ, благодаря случайности, я какъ нельзя болѣе кстати прочелъ повѣствованіе д-ра Елисеѣва о его приключеніяхъ въ лѣсахъ и болотахъ, по которымъ водилъ его какой-то Федоръ.

Въ Чердыни, Ныроби и на Полюдовомъ Камнѣ я разспрашивалъ своихъ проводниковъ о многомъ, о чемъ говорится въ текстѣ «По бѣлу свѣту», и оказалось, что многое изложено неточно.

Начать съ того, что д-ръ Елисеѣвъ, повидимому, не подготовился къ путешествію на Уралъ. Онъ говоритъ (стр. 122), что въ этомъ виноваты плохія карты, что онъ не могъ ориентироваться, и что они съ Федоромъ блуждали по лѣсамъ болѣе двухъ съ половиною недѣли. Мало этого: почтенный авторъ прямо заявляетъ, что самъ не можетъ себѣ дать отчета, по какимъ мѣстамъ водилъ его Федоръ (ibid).

Преслѣдуя археологическія цѣли, д-ръ Елисеѣвъ отыскивалъ чудскія могилы и пещеры. Тотъ же Федоръ вялся ему показать и то, и другое. Но авторъ, повидимому, скоро разочаровался въ своемъ проводникѣ, такъ какъ у него вырывается такая фраза: «Быть можетъ, мой Федоръ и не зналъ никакихъ чудскихъ могилъ и пещеръ, и водилъ меня просто по глухимъ и топкимъ лѣсамъ для того, чтобы погулять самому, да къ тому же и добыть дровъ, но я, всетаки, не жалѣю объ этихъ блужданьяхъ и считаю ихъ одними изъ самыхъ интереснѣйшихъ въ моей кочевой жизни. Пусть я не достигъ своей цѣли, ради которой пошелъ на Уралъ, но зато я въ эти долгія, тяжкія блужданія научился многому у такого опытнаго охотника, какимъ несомнѣнно былъ мой Федоръ» (ibid).

Позволю себѣ, однако, обратить вниманіе вотъ на какое обстоятельство.

Жители Чердынскаго края, такъ же, какъ и вообще люди, живущіе въ лѣсахъ Урала, занимаются, какъ извѣстно, охотой. Это занятіе доставляетъ имъ хлѣбъ, даетъ возможность существовать. Какихъ нибудь авантюристовъ, кочующихъ отъ нечего дѣлать съ ружьемъ и собакой по лѣсамъ и болотамъ, никогда никто не встрѣчалъ; каждый охотникъ знаетъ только свой районъ. Колвинецъ ни подъ какимъ предлогомъ не пойдетъ на Вишеру, точно такъ же, какъ вишерецъ не явится на берега Колвы. Мало этого: охотники, изучившіе каждую ямку, каждый ручеекъ въ лѣсахъ, лежащихъ по берегамъ Вишеры, совершенно не знаютъ и не могутъ знать пещеръ на Колвѣ. Оно и понятно. Огромное пространство раздѣляетъ обѣ

рѣки, огромное на столько, что колвинцу достаточно и тѣхъ природныхъ богатствъ, которыя встрѣчаются около его рѣки; зачѣмъ ему забираться на Вишеру?

Спрашивается: какимъ же образомъ спутникъ д-ра Елисеѣва, Ѳеодоръ, съ такимъ нахальствомъ рѣшился вести путешественника въ Дивью пещеру на Колвѣ и затѣмъ повелъ его на Полюдовъ Камень, Говорливый и Золотой?

Дивья пещера лежитъ около деревни Ветлана. Только ея жители знаютъ ходъ въ нее и только ихъ берутъ въ проводники путешественники, захавшіе въ эти края. Въ деревнѣ, однако, охотника Ѳеодора, водившаго д-ра Елисеѣва, не существуетъ; это я знаю отъ урядника, живущаго уже много лѣтъ въ с. Ныробѣ, А. Н. Береженцева.

Такимъ образомъ, мнѣ думается, доктору представился какой-то авантюристъ, выдавшій себя за всезнающаго человѣка, и неопытный путешественникъ дался въ обманъ.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что всезнающій Ѳеодоръ никакимъ образомъ не могъ быть хорошимъ проводникомъ по Вишерѣ, если онъ жилъ около Ныроба (какъ объ этомъ говоритъ докторъ). Относительно ямъ, выложенныхъ камнями, въ которыхъ, по словамъ мѣстныхъ охотниковъ (?), нѣкогда обитали погребавшіе себя заживо люди и которыя показавъ все тотъ же ловкій Ѳеодоръ, — не смотря на всѣ мои разспросы, никто ничего припомнить даже не могъ.

Д-ръ Елисеѣвъ описываетъ одну такую яму и говоритъ, что Ѳеодоръ на его глазахъ нашелъ въ ней остатокъ каменнаго вѣка — «совершенно круглый шаръ, камень, сдѣланный, очевидно, человѣческой рукою, со слѣдами начатаго, недоконченнаго сверленія». Двѣ другія ямы, лежавшія неподалеку отъ первой, представляли, по словамъ д-ра Елисеѣва, видъ обыкновенныхъ копанцевъ, какіе вырываются для ловли крупныхъ звѣрей, а также для сидѣнія дегтя. Тѣмъ не менѣе, сообразительный Ѳеодоръ «увѣрялъ, однако, что эти ямы были нѣкогда жилищемъ чуди, и приводилъ тому оригинальное доказательство изъ своей собственной охотничьей жизни, когда онъ въ подобной ямѣ, выложенной сухими листьями и мхомъ, прожилъ болѣе недѣли, заплутавшись на верховьяхъ Вишеры» (стр. 121).

Ужъ изъ этихъ словъ д-ра Елисеѣва можно заключить, что за человѣкъ водилъ его по лѣснымъ трущобамъ.

Путешественникъ отъ Дивьей пещеры вдругъ перескочилъ на Вишеру и въ восьми строкахъ описываетъ Полюдовъ Камень; мало того, эта интересная гора даже изображена въ видѣ скалы, обрубленной на одномъ концѣ.

Здѣсь мнѣ остается кое-что непонятнымъ. Авторъ глухо говоритъ, что они съ немалымъ трудомъ добрались до Камня, но были ли на немъ, изъ краткаго описанія не видно. Скорѣе можно предположить, что не были, изъ слѣдующихъ словъ: «Массивъ Полюдова Камня возвышается почти на цѣлыхъ полверсты, и съ его вершины можно обозрѣвать обширный видъ кругомъ, а въ ясную погоду, говорятъ (?), замѣтны даже золоченные кресты Чердыни». Очень жаль, что докторъ не потрудился посѣтить вершины, иначе не стоило и добираться до Камня. Наконецъ, интересно бы знать, съ какого мѣста сдѣланъ рисунокъ горы. Я не могу догадаться и думаю, что въ такомъ видѣ Полюдъ представиться не можетъ. Непонятно также слѣдующее мѣсто въ этомъ краткомъ описаніи: «Одну топъ мы не могли пройти даже по поясъ въ грязи,

такъ что пришлось прибѣгнуть къ помощи широкихъ лыжъ изъ сосновой коры (?), поддерживавшихъ ноги, которыя глубоко тонули въ жидкой грязи».

Извѣстно, что во время лѣтнихъ странствованій лыжи никогда не употребляются.

На стр. 122 д-ръ Елисеѣвъ пишетъ: «Пробираясь по дикимъ, скалистымъ берегамъ Вишеры, мы часто встрѣчали небольшія пещеры и еще чаще—такъ называемые *abgi*, или навѣсы скаль, которые также могли служить пріютомъ для первобытнаго человѣка. Подъ ними и въ настоящее время нерѣдко ютятся заблудившіеся охотники, да и мы сами не разъ прибѣгали къ помощи каменныхъ выступовъ нависшей надъ тропинкой скалы».

Описываемые *abgi* до такой степени обыкновенны на Уралѣ, что ихъ легко встрѣтить почти на каждой верстѣ. Особенно хорошъ такой камень на самой вершинѣ Полюдова Камня, который образуетъ обширный, не высокій навѣсъ, подъ которымъ я прожилъ трое сутокъ. Но, считать такіе выступы за пріюты первобытнаго человѣка, мнѣ кажется, совершенно излишне, а тѣмъ болѣе обозначить ихъ особеннымъ терминомъ.

Д-ръ Елисеѣвъ описываетъ очень поверхностно Золотую гору «у с. Акчима», лежащую на Вишерѣ (стр. 122), и передаетъ легенду, по которой названіе дано ей, благодаря скрытымъ въ ея нѣдрахъ кладамъ и сокровищамъ чуди; что будто «духи горы въ часы полуночной тишины» пересыпаютъ золото, которое при этомъ звенитъ, и что звонъ можно даже слышать.

О такой легендѣ никто не слыхалъ, и, по всей вѣроятности, сочинилъ ее Ѳедоръ. Что же касается до самой горы, то 1) она отстоитъ отъ деревни (а не села) Акчима, вверхъ по Вишерѣ на 10—15 верстъ; 2) подъ Золотой горой надо подразумевать цѣлый краѣжъ, носящій три названія, и 3) гора стоитъ не на берегу Вишеры, а въ 5—10 верстахъ отъ нея.

Около горы вниманіе путешественника привлекла огромная куча камней и возлѣ нея дерево съ нѣсколькими, очевидно умышленно навѣшанными тряпками. По словамъ Ѳедора, это дерево пользовалось особеннымъ уваженіемъ въ окрестности и, быть можетъ, каменная груда служила остаткомъ древняго капища вогуловъ или чуди, обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ (стр. 123).

Но опять таки все это фантазія Ѳедора: о деревьяхъ, украшенныхъ тряпками, на Вишерѣ никто никогда не слыхивалъ.

Д-ръ Елисеѣвъ недалеко отъ Акчима встрѣтилъ партію вогуловъ; онъ произвелъ краниометрическое измѣреніе надъ шестью субъектами, угостилъ ихъ чаемъ и бесѣдовалъ «благодаря Ѳедору, немного говорившему поволжски». Безъ него однимъ словомъ ничего не обходится!

Я, однако, сильно сомнѣваюсь, чтобы инородцы эти были вогулами.

Дѣло въ томъ, что они, какъ извѣстно, живутъ по ту сторону Урала и только изрѣдка по нѣскольку человѣкъ пріѣзжаютъ зимою въ Чердынъ. Сколько я ни толкался между ними, ни одного не видѣлъ курящимъ, а эти просили у д-ра Елисеѣва табаку курительнаго, и «Ѳедоръ удѣлилъ имъ половину своего кисета». Вогулы употребляютъ только нюхательный табакъ. По описанію автора, одинъ инородецъ имѣлъ сѣровато-зеленые глаза и рыжіе волосы, остальные же были съ черными волосами и такими же глазами. Типъ этотъ также не подходитъ подъ настоящихъ вогуловъ, у которыхъ волосы на головѣ прямые, русые (см. мое Путешествіе къ вогуламъ, 1873, стр. 29). Наконецъ, по словамъ д-ра Елисеѣва, «наши вогулы возвращались

(откуда?) домой, совершивъ удачную мѣну своей пушнины, но, не смотря на это (?), при нихъ были ружья, топоры, силки и ихъ вѣрные лайки, собаки».

Все крайне непонятно. Куда ходили вогулы? гдѣ они мѣняли свою пушнину? почему это они дѣлали лѣтомъ, когда никто ничего подобнаго не совершаетъ?—все покрыто мракомъ неизвѣстности. А самое главное, что лѣтомъ настоящіе вогулы кочуютъ по ту сторону Урала и очень далеко отъ мѣстъ, гдѣ странствовалъ докторъ Елисеѣвъ.

Страннымъ кажется и быстрота, съ которою передвигался уважаемый авторъ съ загадочнымъ Ѳеодоромъ. Такъ, напримѣръ, устье Вишеры лежитъ ниже Чердыни, деревня же Черепанова отстоитъ отъ городка въ 127 верстахъ, сухимъ путемъ; если же ѣхать водянымъ путемъ, то будетъ вдвое (если не больше) верстъ. И все это огромное пространство пройдено въ трое сутокъ.

Указанные недостатки и промахи, мнѣ кажется, объясняются тѣмъ, что описаніе путешествія въ Чердынскій край дѣлалось по памяти, которая измѣнила во многихъ мѣстахъ почтенному автору. А, кромѣ того, бѣда въ томъ, что докторъ попалъ въ руки такого проходимца, какъ Ѳеодоръ.

И удивительно, что, не смотря на самые тщательныя розыски, мнѣ не удалось ни въ Чердыни, ни въ Ныробѣ, ни въ Бахарахъ напасть на слѣдъ этого ловкаго человѣка.

Н. Сорокинъ.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1892—1893 гг. Спб. 1894.

Съ каждымъ годомъ это изданіе дирекціи Императорскихъ театровъ, подъ редакціей А. Е. Молчанова, все болѣе и болѣе улучшается и начинаетъ обращать на себя вниманіе, какъ одна изъ выдающихся книгъ по исторіи нашего театра. Надо отдать полную справедливость редактору, относящемуся къ своему дѣлу съ величайшей добросовѣстностью и заботящемуся о немъ не только въ основныхъ его качествахъ, но и во всѣхъ мелочахъ. Для читателя, поверхностно перелистывающаго эту книгу, конечно, пропадаетъ та тщательная кропотливая работа, которая вложена въ каждую статистическую статью этого труда; но будущему историку не только нашего театра, но и вообще нашей общественной жизни, эта лѣтопись, если она и впредь будетъ также продолжаться, представитъ богатый, систематическій матеріалъ. Однимъ изъ крупныхъ нововведеній вышедшей книги составляетъ обозначеніе количества сбора каждаго спектакля за весь сезонъ. Эти цифры довольно ясно показываютъ, что именно въ сезонѣ наиболѣе привлекало публику, и для будущей разработки культуры нашего времени даютъ свою каплю меду. Съ рѣдкой тщательностью разработаны біографія актера Сосницкаго (къ столѣтней годовщинѣ его рожденія) и перечень ролей пѣвца Мельникова (по поводу 25-лѣтія его артистической дѣятельности). Здѣсь собрано все, что когда либо было исполнено этими двумя артистами, съ обозначеніемъ, когда именно что играно. Даже въ обзорѣ сезона, при помѣткѣ каждаго возобновленія пьесы, въ скобкахъ указано, когда пьеса шла въ первый разъ.

Вообще матеріалъ по исторіи театра начинаетъ пріобрѣтать большіе размѣры въ «Ежегодникѣ». Редакторъ, такъ сказать, придирается ко всякому

случаю, чтобы напечатать какую нибудь замѣтку, биографію, воспоминаніе и т. п. По поводу 175-ти-лѣтней годовщины дня рожденія Сумарокова въ «Ежегодникѣ» напечатана статья объ этомъ первомъ нашемъ драматическомъ писателѣ (В. О. Солнцева); кромѣ того: обстоятельный неврологъ П. И. Чайковскаго (Лароша), биографическій очеркъ Ц. А. Кюи, очеркъ о пѣвцѣ Мельниковѣ (М. М. Иванова) и проч. Большой интересъ представляютъ также новые матеріалы для биографіи композитора Глинки. Извѣстная и любимая сестра Глинки, Людмила Ивановна Шестакова, всю жизнь страстно относившаяся къ творческой дѣятельности своего гениальнаго брата, доставила «Ежегоднику» нѣсколько любопытныхъ страницъ воспоминаній о дѣтствѣ композитора. Статья В. В. Стасова о самой Шестаковой рисуетъ то же время и представляетъ очень характерную картину его; наконецъ, здѣсь же впервые напечатаны, найденныя въ бумагахъ князя Одоевскаго, два письма къ Стасову (почему-то не отосланныя) по поводу оперъ: «Жизнь за Царя» и «Русланъ и Людмила». Князь Одоевскій ярко описываетъ способъ творчества Глинки, писавшаго свои оперы прежде текста, такъ что стоило большого труда подъ эту музыку подрабатывать либретто. Князь особенно выхваляетъ поэта барона Розена, не только умѣвшаго ловко выполнить такой капризъ композитора, но и прилагавшаго къ этому дѣлу много энергіи и трудолюбія. «Барону Розену,—пишетъ князь,—мы всѣ русскіе, любящіе искусство, обязаны вѣчною благодарностью: безъ него опера «Жизнь за Царя» не существовала бы». Это очень знаменательныя слова, тѣмъ болѣе знаменательныя, что вообще до сихъ поръ къ барону Розену относились довольно несправедливо.

Съ вѣншей стороны «Ежегодникъ» тоже значительно улучшился: всѣ статьи украшены изящными и разнообразными вишѣтками, изданіе переполнено портретами, сценами изъ пьесъ, рисунками декорацій, и т. п. Большинство этихъ рисунковъ сдѣланы за границей. Мы слышали, что въ будущемъ году предполагается нѣсколько расширить рамки «Ежегодника». Изданіе будетъ выходить въ 4 или 5 книгахъ, такъ какъ въ немъ будетъ данъ большой просторъ статьямъ по исторіи театра, биографіямъ, воспоминаніямъ и т. п. Пожелаемъ ему успѣха. «Ежегодникъ» несомнѣнно уже приноситъ свою пользу театральному дѣлу: провинціальныя театры не мало пользуются его иллюстраціями при своихъ постановкахъ, и у любителей театра «Ежегодникъ» дѣлается настольной справочной книгой.

К. Р. Л.

П. Бракенгеймеръ. *Ἀλεξίου Κομνηνοῦ ποίημα παρανετιχόν* въ сравненіи съ русскимъ Домостроемъ. Одесса. 1893.

Назидательное сочиненіе Алексѣя Комнена, не императора, а его племянника, написанное для поученія Никифора Врѣнскаго, по своимъ задачамъ и формѣ напоминаетъ «Домострой», разнаго рода «Почученія», «Наказанія», «Завѣщанія» и т. д. Какъ памятникъ своего времени, эпохи упадка византійской литературы, сочиненіе Алексѣя Комнена, конечно, имѣетъ значеніе, и нельзя не поблагодарить г. Бракенгеймера за переводъ его на русскій языкъ. Думаемъ только, что г. Бракенгеймеръ ставитъ его ужъ слишкомъ высоко. Онъ, напримѣръ, видитъ въ этомъ произведеніи зачатки экономическихъ теорій фивіократовъ, сближаетъ автора по «живой, вѣч-

но, какъ море, волнующейся сердечности» съ такими писателями, какъ Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевскій и др. Этимъ объясняется и тотъ слишкомъ ужъ «доподлинный» разборъ, которымъ сопровождается переводъ этого довольно незначительнаго по объему памятника. Г. Бракенгеймеръ для уясненія значенія своего памятника далъ общій историческій очеркъ предшествовавшей византійской литературы, повторивъ мнѣнiе, въ настоящее время отвергнутое, что «великое Возрожденiе обявано Византiи», перечислилъ всѣ дидактическiя произведенiя Италiи, Францiи, Германiи, Англии. Затѣмъ каждое отдѣльное наставленiе Алексѣя Комнена, выраженное въ большинствѣ случаевъ кратко, рассказалъ «своими словами», объяснилъ значенiе каждаго такого наставленiя, указалъ на однородныя по содержанiю мѣста въ Священномъ Писанiи, Коранѣ, въ произведенiяхъ древне-русской словесности, въ сочиненiяхъ Гомера, Аристотеля, Горация, Шиллера, Гете, Державина, Карамзина, Жуковскаго, Тургенева и мн. др. Характеристика самого Алексѣя Комнена занимаетъ сравнительно, не много мѣста и основана главнымъ образомъ на впечатлѣнiи, которое произвели на г. Бракенгеймера мысли, выраженный въ «*Ποίημα παρανετητικόν*». Опѣнки этого памятника, т. е. опредѣленiя его источниковъ и отношенiя къ другимъ памятникамъ современной византійской литературы, г. Бракенгеймеръ, однако, не сдѣлалъ, хотя и замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ, что дидактическая поэма Алексѣя Комнена «интересна для насъ, какъ сводъ научныхъ воззрѣнiй извѣстнаго времени». вмѣсто этого онъ почему-то счелъ нужнымъ сравнить сочиненiе Алексѣя Комнена съ русскимъ Домостроемъ. Можно было бы думать, что результатомъ этого сравненiя будетъ указанiе на какую нибудь зависимость между двумя памятниками, что нашъ Сильвертъ при составленiи Домостроя пользовался творенiемъ Алексѣя Комнена. Ничего такого сравненiе г. Бракенгеймера не даетъ. Въ результатѣ его оказалось, что эти два произведенiя «имѣютъ много разницы между собою», что дѣяныя главы русскаго Домостроя нерѣдко встрѣчаютъ въ «*Ποίημα παρανετητικόν*» «лишь слабенькiя весьма выраженiя, въ формѣ туманнаго намека, не вполне яснаго указанiя», однимъ словомъ почти не похожи. Г. Бракенгеймеръ въ концѣ книги замѣчаетъ, что по своей обширности нашъ «Домострой» «легко поддается» сравненiю не только съ сочиненiемъ Алексѣя Комнена, но и съ другими произведенiями такого рода литературъ—чешской, нѣмецкой, итальянской и др. Конечно, все можно сравнивать. Нужно только совзаться, что сравненiе Домостроя съ сочиненiемъ Алексѣя Комнена по своему характеру напоминаетъ тѣ сравненiя, которыя дѣлаютъ ученики въ гимназiи для того, чтобы доказать свое знакомство съ тѣмъ или другимъ памятникомъ литературы. Они совершенно свободно могутъ сравнивать Поученiе Владимира Мономаха съ Домостроемъ, и даже съ «Отеческимъ Завѣщанiемъ» Посошкова. Сравненiе же, сдѣланное г. Бракенгеймеромъ, хотя и заняло треть его книжки (стр. 196—297), но ни къ какимъ результатамъ не привело и потому является совершенно излишнимъ.

В. Б.

Историческiй очеркъ Свято-Троицкой общины сестеръ милосердiя въ С.-Петербургѣ за пятидесятилѣтiе 1844—1894 гг. Спб. 1894.

Въ день полулѣтковаго существованiя Троицкой общины сестеръ милосердiя, 9-го марта текущаго года, появился «Историческiй очеркъ» возникновенiя и дальнѣйшаго процвѣтанiя «сердобольнаго заведенiя», какъ оно пер-

воначально называлось. Принцесса Терезія Ольденбургская посѣтила въ 40-хъ годахъ въ Варшавѣ дѣтскую больницу, въ которой помощницами врачей издавна были сестры милосердія. Принцесса съ величайшимъ сочувствіемъ относилась къ скромнымъ труженицамъ и, по прїѣздѣ въ Россію, начала хлопотать объ учрежденіи подобнаго заведенія. «Цѣлью новаго учрежденія было постановлено призрѣніе страждущихъ и сиротъ женскаго пола. Что же касается характера, который должна была получить община сестеръ милосердія, то имѣлось въ виду воспользоваться примѣромъ общинъ діакоניםъ... Въ 1844 году 9-го марта учрежденіе открыло свои дѣйствія, имѣя слѣдующія отдѣленія: 1) сестеръ милосердія, 2) женская больница, 3) богадѣльня для неизлечимыхъ, 4) пансіонъ, 5) пріютъ для приходящихъ дѣтей, 6) исправительная дѣтская школа и 7) отдѣленіе кающихся или магдалинъ. Такимъ образомъ, община сначала преслѣдовала нѣсколько цѣлей, но затѣмъ мало-по-малу специализировалась, сосредоточивъ вниманіе преимущественно на врачебномъ дѣлѣ. Прежде чѣмъ сдѣлаться сестрой милосердія, женщина остается годъ въ «испытуемыхъ» и потомъ уже принимаетъ званіе сестры, обязуясь присягой къ образу жизни, имѣющему почти монастырскій характеръ. «Менѣ одной трети сестеръ въ состояніи вывести эту службу долѣе 10 лѣтъ»,—говоритъ «Очеркъ». Противъ такого исключительнаго образа жизни «сестры» въ общинѣ горячо возставалъ нѣкогда Н. И. Пироговъ, доказывая, что ему нужны у постели больного не обезличенные «Уставомъ» «тартюфы» въ юбкахъ, а практически подготовленные къ медицинскимъ обязанностямъ женщины, съ собственнымъ разумомъ и правами дѣловаго человѣка (см. «Историческій Вѣстникъ»: «Загробный свидѣтель за женщинъ», статья Н. Лѣскова). При общинѣ имѣется больница, въ которой со дня ея основанія пользовалось около 16 тысячъ больныхъ, имѣя смертность не болѣе 7,6%. Амбулаторная лечебница была первымъ въ Россіи примѣромъ поданія помощи «приходящимъ» больнымъ; аптека въ настоящее время отпускаетъ однихъ лекарствъ болѣе 300 въ день; въ богадѣльнѣ покоятся устарѣлыя сестры милосердія; пансіонъ для дѣтей въ 1885 г. закрытъ, просуществовавъ сорокъ одинъ годъ и воспитавъ 275 дѣвицъ разнаго званія, изъ которыхъ одѣя остались служить сестрами милосердія, другія поступили въ сельскія учительницы, третьи — фельдшерицами и учительницами нянекъ въ воспитательномъ домѣ, а прочія были взяты родителями и родственниками. Одновременно съ пансіономъ закрыта и четырехклассная женская школа, существовавшая 10 лѣтъ; точно также закрывались въ разное время пріютъ для приходящихъ дѣтей бѣдныхъ родителей, исправительная школа для дѣвочекъ, а также и отдѣленіе «кающихся», существовавшее 19 лѣтъ и пріютившее до 700 «магдалинъ», изъ которыхъ, какъ свидѣтельствуется очеркомъ, большинство было несчастными женщинами, быстро пріучившимися къ правильному и постоянному труду. Интересно, что пятидесятилѣтнее существованіе общины обусловлено исключительно частной благотворительностью. Жертвователи были щедры: принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій далъ свыше 130.000 рублей, М. В. Мезенцевъ болѣе 800.000 р. и, наконецъ, въ день пятидесятилѣтія Государь Императоръ приказалъ министру финансовъ ежегодно отчислять въ пользу общины 5.000 рублей. Общая сумма пожертвованій составляетъ болѣе полутора милліона, съ полумилліономъ процентныхъ денегъ за все время. Кромѣ того, плата за воспитаницъ, за уходъ сестеръ въ частныхъ домахъ, церковные доходы и кружечный сборъ составили сумму болѣе двухсотъ тысячъ

рублей, и наконецъ правительственныя субсидіи... Такимъ образомъ, денежныя средства общины указываютъ «сочувствіе русскаго общества благому дѣлу попеченія о страждущихъ». Въ «Историческомъ очеркѣ» помѣщены перечень личнаго состава управленія общины текущаго года, списокъ членовъ дамскаго комитета въ 1844 г. для завѣдыванія общиной, списокъ сестеръ милосердія, списокъ жертвователей, врачей, фармацевтовъ, таблица движенія больныхъ по годамъ, по болѣзнямъ и т. д. Къ книгѣ приложены портреты главныхъ дѣятелей общины, съ краткими біографіями и рисунками зданій общины въ 1844 и въ 1894 гг.

А. Фаресовъ.

Саратовскій историческій сборникъ, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссіей въ память трехсотлѣтія города Саратова. Первый томъ. Изданъ подъ редакціей дѣйствительнаго члена комиссіи В. П. Соколова. Саратовъ. 1893.

Объемистый томъ «Сборника», изданнаго Саратовской архивной комиссіей, заключаетъ въ себѣ два дневника, содержащихъ въ себѣ походныя записки, начиная съ 1762 года и кончая 1825 г. Дневники эти принадлежатъ первому дьячку-самоучкѣ Герасиму Алексѣевичу, а второй его сыну протоіерею Николаю Герасимовичу Скопинымъ, и представляютъ интересъ отчасти по даннымъ для біографіи этихъ двухъ личностей, отчасти же и какъ историческій источникъ. Въ самомъ дѣлѣ, любопытный фактъ устанавливается первымъ дневникомъ. Дьячекъ-самоучка, бѣднякъ, живущій въ глуши, ухитряется какимъ-то образомъ выписывать на свои гроши газеты, покупать «хорошія» книжки, даетъ своему сыну семинарское, академическое образованіе, заботится о своемъ самообразованіи, ведетъ дневникъ. Отправившись на богомолье въ Кіевъ, онъ не ограничивается главной цѣлью своего путешествія, по дорогѣ ведетъ «дневникъ» (путевыя записки тоже напечатаны въ сборникѣ), описываетъ разныя достопримѣчательности, разспрашиваетъ, ведетъ бесѣды съ раскольниками и все это заноситъ въ свою тетрадку. Нужно принять еще во вниманіе, что все это дѣлалъ человѣкъ, который шелъ нѣшкомъ цѣлый день, шелъ очень скоро и, какъ видно изъ того же дневника, питался исключительно выпрошеннымъ хлѣбомъ да квасомъ, купленнымъ «на денежку». Дневникъ, какъ историческій источникъ, имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, для исторіи Саратова. Факты, сообщаемые въ немъ, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ словъ о Пугачевѣ, носятъ ужъ очень мѣстный характеръ. Дневникъ его сына, какъ человѣка болѣе образованнаго, отличается и большимъ интересомъ. Сюда, помимо метеорологическихъ наблюденій, записывавшихся авторомъ очень аккуратно, попадали очень часто факты изъ общественной жизни какъ мѣстной, такъ и общегосударственной. Такъ, на примѣръ, здѣсь сообщается о предзнаменованіяхъ, предшествовавшихъ смерти Екатерины II, о заговорѣ противъ Павла I при его вступленіи на престолъ, сообщаются нѣкоторые интересные факты изъ этого царствованія. Въ мартѣ 1797 года, протоіерей Скопинъ рассказываетъ о слѣдующемъ фактѣ. «Нѣкто полковникъ Копіевъ разжалованъ былъ въ солдаты и простоялъ 3 дня на часахъ безсмынно; послѣ сего велѣно ему было дать 10 ударовъ палкою и возвратитъ полковничій чинъ... Причина была та, что вдумалъ критиковать уборъ государевъ надъ солдатами: съ

раструбами сшилъ себѣ сапоги до пояса, рукавицы до плечъ, косу привязалъ толщиною въ руку..., завивъ оную раза въ три и пр., то-есть уборъ прусской, любимый государемъ, представилъ въ смѣшномъ видѣ» (стр. 103). Нѣсколько дальше онъ говоритъ о каррикатурахъ на Архарова, Тутолмина, Салтыкова и, между прочимъ, Павла I. «Представленъ государь сидящимъ съ министрами; вправо—служители, держащіе въ рукѣ ножницы, а въ другой фракѣ и жилеты, а влѣво — французы и прочіе враги Россіи. Изъ устъ государя надпись такая: со всѣми сими (указывая на французовъ) помирюся, но съ ними (фраками) никогда...» (стр. 168). «...Должно примѣтить,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—что находящемуся городовымъ штаб-лекаремъ Григ. Ѳеодоровичу Якубинскому государь императоръ приказалъ перемѣнить фамилію и избрать другую. Причина, думаютъ, та, что она имѣетъ сходство съ якобинцами, первыми возмутителями во Франціи» (стр. 224). По поводу смерти Павла и вступленія на престолъ Александра I авторъ замѣчаетъ: «утѣшилась Россія послѣ почти пятилѣтняго стenanія отъ строгости покойнаго государя» (стр. 244). Кромѣ того, въ дневникѣ не мало фактовъ, характеризующихъ недостатки администраціи того времени, ввяточничество, волокиту, бѣдственное положеніе крестьянъ, нравы общества. Болѣе всего фактовъ находимъ въ дневникѣ для изображенія быта духовенства конца XVIII и начала XIX вѣка. Судя по этимъ фактамъ, духовенство того времени далеко не стояло на высотѣ своего призванія, отличалось необразованностью, грубостью, нетрезвой жизнью. Въ дневникѣ сплошь и рядомъ встрѣчаемъ записи, что тотъ или другой священникъ не служилъ обѣдни «за пьянствомъ» или «за гуляньемъ», въ родѣ того, что «священникъ Вязовскій пьянствовалъ болѣе недѣли, и прежде сего тоже недѣли съ двѣ былъ совсѣмъ безъ чувствъ» (стр. 591), и т. д. Изъ этихъ выдержекъ можно видѣть, что дневники, напечатанные въ сборникѣ, дѣйствительно имѣютъ значеніе, и потому нельзя не поблагодарить Саратовскую архивную комиссію за ихъ обнаруженіе. В. Б.

**Учебный историческій атласъ. Составилъ баронъ Н. Н. Торнау.
Спб. 1894.**

Вышедшій недавно атласъ барона Торнау представляетъ собой очень цѣнный вкладъ въ нашу учебную литературу. До сихъ поръ, собственно говоря, у насъ не было ни одного сколько нибудь удовлетворительнаго учебнаго историческаго атласа. Употребляющіеся въ гимназіяхъ въ настоящее время атласы Иордана и Добрякова, извѣстные своими внутренними и вѣшними недостатками, только допускались за неимѣніемъ ничего лучшаго. Атласъ барона Торнау является этимъ «лучшимъ» и поэтому современемъ навѣрное вытѣснитъ изъ употребленія старыя атласы. Онъ состоитъ изъ 72 картъ, составленныхъ по лучшимъ иностраннымъ пособіямъ. Задавшись цѣлью дать учебный, а не ученый атласъ, баронъ Торнау воспользовался только, исправивъ, впрочемъ, не мало ошибокъ, атласами Киперта, Дройзена, проф. Замысловскаго и нѣкоторыми другими. Приняты авторомъ также и результаты, добытые новѣйшими изслѣдователями. Такимъ образомъ, со стороны содержанія атласъ барона Торнау можетъ быть названъ вполне удовлетворительнымъ. Цѣнность его, какъ учебнаго пособія, уве-

личивается еще благодаря слѣдующему приему, принятому авторомъ: «При выборѣ картъ,—говоритъ онъ въ предисловіи,—мы руководствовались слѣдующими соображеніями. Историческій атласъ долженъ наглядно показывать театр историческихъ событій и территоріальныя измѣненія государствъ въ различныхъ эпохи. Последнее не можетъ быть изображено въ учебномъ атласѣ во всей полнотѣ, такъ какъ для этого потребовалось бы слишкомъ большое количество картъ. Поэтому слѣдуетъ ограничиться изображеніемъ лишь тѣхъ эпохъ, когда произошли крупныя измѣненія государствъ». Для того, чтобы подробности не затемняли текста, на карты нанесены только тѣ данныя, которыя встрѣчаются въ наиболѣе распространенныхъ учебникахъ. Горныя хребты, какъ извѣстныя ученикамъ изъ географіи, опущены; изъ рѣкъ нанесены только имѣющія историческое значеніе. Съ внѣшней стороны карты тоже очень хороши: напечатаны на хорошей бумагѣ, географическія очертанія изображены вѣрно, названія напечатаны четкимъ, яснымъ шрифтомъ (карты печатались въ Лейпцигѣ у Брокгауза). Кромѣ того, авторъ значительно облегчилъ пользованіе своимъ атласомъ — указателемъ, приложеннымъ въ концѣ, чего до сихъ поръ русскіе издатели атласовъ почему-то не дѣлали. Вышелъ атласъ въ двухъ изданіяхъ: первое, стоящее 1 рубль 50 копеекъ, заключаетъ въ себѣ только карты, второе (цѣна 2 рубля) даетъ тѣ же карты, но съ приложеніемъ сжатаго конспекта всеобщей и русской исторіи. Текстъ помѣщенъ авторомъ рядомъ съ соответствующими картами. Все это дѣлаетъ трудъ барона Торнау чрезвычайно полезнымъ и важнымъ пособіемъ при прохожденіи курса всеобщей исторіи.

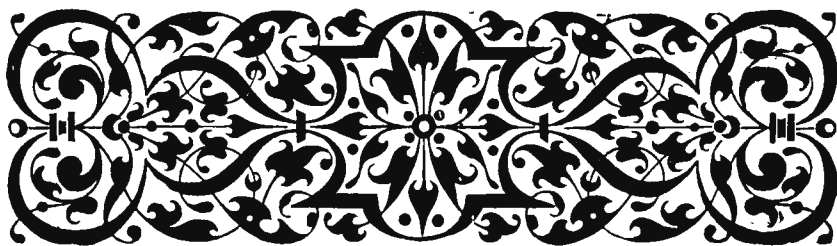
Въ заключеніе остается пожелать, чтобы автору удалось также хорошо издать и атласъ, посвященный исключительно русской исторіи, который онъ обѣщаетъ въ своемъ предисловіи къ изданному теперь атласу.

В. Б.

Путеводитель по Волгѣ, Г. П. Демьянова. Изданіе 2-е. Нижній Новгородъ. 1894.

Поѣздка по Волгѣ составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ, удобныхъ и довольно дешевыхъ путешествій. Каждое лѣто многіе жители Петербурга и Москвы, не имѣющіе почему либо возможности жить на дачѣ, или располагающіе короткимъ временемъ отдыха отъ служебныхъ занятій, принимаютъ, для освѣженія силъ и впечатлѣній, прогулки по Волгѣ, любясь ея живописными берегами и развлекаясь интересной для городского обывателя дѣятельностью, которая кипитъ на ея водахъ. Но для того, чтобы эти прогулки были болѣе осмысленны и не представляли бы лишь одно развлеченіе, нужно знать исторію тѣхъ мѣстностей, осмотрѣть которыя можно въ теченіе болѣе или менѣе продолжительной остановки пароходовъ. Въ этомъ отношеніи хорошій, толковый «Путеводитель» является необходимымъ подспорьемъ, и мы смѣло можемъ рекомендовать книжку г. Демьянова, вышедшую уже вторымъ изданіемъ. Въ ней читатель найдетъ сжатую исторію и практическія указанія, касающіяся всѣхъ чѣмъ либо замѣчательныхъ мѣстъ, начиная отъ Твери до Астрахани. Кромѣ того, книга снабжена многими рисунками, поясняющими текстъ, составленный весьма добросовѣстно и съ знаніемъ предмета.

С. Ш.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

КЕНЩИНЫ-СОЛДАТЫ во время французской революціи. Недавно умершій, французскій генераль Тома помѣстилъ во 2-ой апрѣльской книжкѣ «La Vie Contemporaine», подъ заглавіемъ «Les femmes-soldats», любопытную характеристику нѣсколькихъ храбрыхъ французскихъ патріотокъ, которыя въ солдатскихъ мундирахъ покрыли себя славой въ рядахъ революціонныхъ армій. Одна изъ нихъ, Роза Бульонъ, жена волонтера 6-го батальона Верхней Соны, послѣдовала за мужемъ на войну и, записавшись волонтеромъ, участвовала вмѣстѣ съ нимъ во всѣхъ битвахъ до сраженія подъ Лимбахомъ, въ которомъ онъ былъ убитъ, а затѣмъ она продолжала нести военную службу до той минуты, какъ получила извѣстіе, что некому ухаживать за двумя ея дѣтьми, оставшимися дома. Донося 22-го августа 1793 года о геройскомъ поведеніи Розы Бульонъ, вынужденной семейными обстоятельствами подать въ отставку, генераль Шауенбургъ просилъ конвентъ назначить ей пенсію, и дѣйствительно ей и ея дѣтямъ была назначена отъ благодарнаго отечества довольно значительная для того времени пенсія въ 600 ливровъ. Исторія Маріи Анжелики Дюшеменъ еще замѣчательнѣе. Выйдя замужъ 17-ти лѣтъ за солдата и оставшись черезъ три года вдовой съ маленькой дѣвочкой, она пришла въ такое отчаяніе, что рѣшилась замѣнить мужа въ его полку. Дѣйствительно, она быстро научилась военнымъ приемамъ, сдѣлалась солдатомъ и такъ хорошо исполняла свои обязанности, что въ 1793 году была произведена въ квартирьеры, но, раненая нѣсколько разъ и очень серьезно, она была вынуждена спустя семь лѣтъ искать убѣжища въ Домѣ Инвалидовъ, гдѣ жила до своей смерти въ 1854 году. Въ воспоминаніе ея военныхъ подвиговъ, она при реставраціи получила чинъ подпоручика, а Наполеонъ III наградилъ ее, уже девяностолѣтнюю старуху, ор-

деномъ Почетнаго Легіона. Марія Барбъ Паренъ поступила солдатомъ въ первый батальонъ 75-го полка и выказала необыкновенное мужество въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, но, какъ только начальство узнало, что этотъ храбрый солдатъ былъ женщиной, ее удалили изъ рядовъ арміи. Этотъ фактъ былъ, повидимому, единичный, такъ какъ о всѣхъ другихъ женщинахъ, носившихъ солдатскій мундиръ, было хорошо извѣстно ихъ начальникамъ, и они не считали женскій полъ помѣхой для прохожденія ими военной службы. Такъ, въ архивахъ французскаго военнаго министерства сохраняется отпускъ, данный полковымъ командиромъ гражданкѣ Жюневьевѣ Протѣ, волонтеру 1-ой роты 5-го батальона Уавы. Однако, не одинъ патріотизмъ побуждалъ женщинъ защищать свое отечество отъ непріятелей: къ нему примѣшивались болѣе нѣжныя чувства; такъ Луиза Белль, дочь парижскаго лавочника, изъ любви къ одному артиллерійскому капитану нарядилась канониромъ и отправилась съ нимъ въ армію. Массена рассказываетъ трагическій конецъ этого романа: по его словамъ, однажды, во время битвы онъ увидалъ молодаго солдата, который отчаянно защищался отъ цѣлой массы непріятелей, и тотчасъ послалъ на его выручку офицера съ нѣсколькими рядовыми, но было уже поздно, и къ нему принесли только мертвое тѣло, покрытое тридцатью ранами. Къ его величайшему удивленію, этотъ храбрый солдатъ оказался красивой молодой дѣвушкой. Но всего интереснѣе были военныя похожденія двухъ сестеръ Фелиситы и Теофилы Ферникъ. Дочери отставнаго эльзасскаго унтеръ-офицера, близко знавшаго Вольтера, онѣ съ дѣтства были приучены отцомъ къ чисто мужскимъ физическимъ занятіямъ, къ верховой ѣздѣ, охотѣ, маршировкѣ и т. д., такъ что никто не удивился, когда онѣ въ солдатскихъ мундирахъ приняли участіе въ маневрахъ, произведенныхъ отцемъ въ маѣ мѣсяцѣ 1792 г., въ качествѣ начальника національной гвардіи, въ обитаемомъ имъ селеніи Мортань, на берегу Шельды. Но для него самого было совершеннымъ сюрпризомъ, когда, отправившись съ своимъ отрядомъ національной гвардіи на войну, онъ неожиданно открылъ, что въ рядахъ командуемыхъ имъ солдатъ находились его двѣ дочери, тайно послѣдовавшія за нимъ и мужественно принимавшія участіе во всѣхъ стычкахъ съ непріятелемъ. Онъ былъ вынужденъ, однако, въ виду ихъ пламенныхъ просьбъ согласиться на то, чтобы онѣ продолжали военную службу, и обѣ сестры вскорѣ приобрѣли громкую популярность во всѣхъ войскахъ, стоявшихъ въ Мольтскомъ лагерѣ, подъ начальствомъ генерала Дюмурье, а въ газетѣ «Argus», издававшейся въ городѣ Валансьеннѣ, не разъ упоминается о храбрыхъ подвигахъ дѣвицъ Ферникъ; но еще большимъ доказательствомъ, что онѣ играли значительную роль въ аванпостной борьбѣ, служить угроза австрійцевъ захватить юныхъ героинь живыми или мертвыми, а ихъ жилище предать грабежу. Конечно, эта угроза не только не утратила сестеръ, но онѣ выпросили у Дюмурье отрядъ въ 600 человекъ и сдѣлали ночью смѣлый набѣгъ на австрійскія позиціи, причемъ нанесли много потерь непріятелю, взяли значительное число плѣнныхъ и захватили изъ ихъ лагеря денежныя ящики, а также большое количество важныхъ документовъ. Когда Дюмурье былъ переведенъ въ Седанъ на мѣсто Лафайета и вызвалъ для защиты Сентъ-Менгульда часть сѣверной арміи подъ начальствомъ Берновилля, то приказалъ послѣднему непременно взять съ собою сестеръ Ферникъ, такое значеніе онъ придавалъ чувству сореваванія, которое возбуждали въ солдатахъ эти мо-

лодыя героини. Дѣйствительно, Бернонвилль представилъ ихъ Дюмуре наканунѣ знаменитой битвы подъ Вальми, въ которой онѣ покрыли себя такой славой, что народныя представители при арміи: Карра, Пріеръ и Силлери, писали въ своемъ донесеніи конвенту: «эти два ребенка во все время битвы находились въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, и если въ царствованіе Карла VII одна знаменитая дѣва возвратила королю престолъ, то теперь мы имѣемъ двухъ дѣвъ, которыя сражаются за насъ, помогая нашему освобожденію отъ вѣками угнетавшихъ насъ тирановъ». вмѣстѣ съ этими народными представителями Дюмуре предложилъ сестрамъ званіе помощника адъютанта въ его главномъ штабѣ, а батальонъ, въ которомъ онѣ служили, хотѣлъ единогласно представить ихъ къ чину поручика, но онѣ изъ скромности отказались отъ подобныхъ почестей и только заявили согласіе состоять при главномъ штабѣ, однако подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ихъ всегда посылали на аванпосты. Такъ какъ ихъ домъ въ Мортанѣ былъ уничтоженъ непріятелемъ, то національное собраніе постановило выстроить имъ новый на счетъ государства, и хотя это постановленіе никогда не было исполнено, но сѣверный департаментъ подарилъ ихъ семьѣ новый домъ въ Брюэ, близъ Валенсіенна. Въ битвѣ подъ Жемапомъ сестры Ферниѣ по обыкновенію обварижили необыкновенную храбрость и, по словамъ очевидца, Теофила убила изъ пистолета одного нѣмецкаго солдата, набросившагося на нее, и взяла въ плѣнъ другого, а также онѣ обѣ вмѣстѣ съ генераломъ Егалитѣ (герцогомъ Шартрскимъ) привели въ порядокъ отрядъ французовъ, обратившійся въ бѣгство отъ убійственнаго огня враговъ. Слѣдуя за Дюмуре въ его движеніи на Брюссель, Фелиситѣ участвовала въ авангардной схваткѣ при Андерлехтѣ и спасла жизнь одному бельгійскому офицеру, который, серьезно раненный, отчаянно защищался отъ напавшихъ на него двухъ австрійцевъ. Это былъ богатый молодой человекъ, по фамилии Вандерваленъ; она подняла его съ земли умирающаго, доставила въ лазаретъ, а потомъ въ Брюссель, во все время пребыванія тамъ Дюмуре, она посѣщала его въ больницѣ и только рассталась съ нимъ, когда генералъ двинулся въ Голландію. Тамъ обѣ сестры приняли участие въ цѣломъ рядѣ сраженій, послѣднее изъ которыхъ было подъ Нервинденомъ и въ которомъ одна изъ нихъ остановила своимъ геройствомъ бѣжавшихъ солдатъ, объятаыхъ минутной паникой; не довольствуясь словами, она начала ударять ихъ шпагой, но какой-то солдатъ обернулся и сталъ грозить ей штыкомъ, тогда она раскрыла свою грудь и громко воскликнула: «убей, если смѣешь, женщину, призывающую тебя къ исполненію твоего долга». Товарищи набросились на негодяя, котораго защитила молодая героиня, и батальонъ, сомкнувъ ряды, пошелъ снова на враговъ. Этимъ кончилась военная карьера храбрыхъ сестеръ, такъ какъ, ничего не подовѣвая дурнаго, онѣ послѣдовали за Дюмуре, во время его перехода на сторону непріятеля, и только потомъ, узнавъ объ его измѣнѣ, онѣ подали въ отставку и вернулись въ свой родной Мортанъ. Но тамъ ихъ приняли очень дурно, такъ какъ всѣ считали ихъ сообщницами измѣнника, и даже товарищи солдаты судили ихъ застрѣлить; имъ оставалось одно: покинуть военную службу. Онѣ это и сдѣлали, снова вернулись къ женской одеждѣ и стали трудомъ снискивать себѣ пропитаніе. Фелиситѣ открыла въ Брюсселѣ лотерейную контору и черезъ нѣсколько лѣтъ вышла замужъ за спасеннаго ею бельгійскаго офицера, а Теофила занималась продажей предметовъ женскаго туалета на бельгійскихъ

ярмаркахъ. По словамъ одного очевидца, послѣдняя превосходила сестру красотой и талантами; у нея были роскошныя каштановыя волосы, удивительно бѣлыя зубы, маленькія, хорошенькія руки, благородная осанка и выразительныя, блестящія глаза; она очень мило пѣла и съ чувствомъ играла на скрипкѣ, а еслибъ обстоятельства благопріятствовали, то она, вѣроятно, прославилась бы, какъ поэтъ, потому что сохранилось нѣсколько стихотвореній, обнаруживающихъ въ ней недюжинный поэтический талантъ. Сестрами Ферникъ заканчиваетъ генераль Тома свою галерею женщинъ-солдатъ, хотя ихъ число было гораздо больше въ рядахъ революціонныхъ армій, какъ доказываетъ недавно вышедшая книга Эмиля Сера: «*Madame Sans-Gêne et les femmes-soldats*», въ которой рассказываются военные подвиги Терезы Фигеръ, прозванной «*dragon Sans-Gêne*», которая служила солдатомъ двадцать два года съ 1793 года и умерла въ 1861 г., поручика Анжелики Брюленъ, Виржини Гескьеръ, извѣстной подъ названіемъ «хорошенькаго сержанта», и т. д.

— Наполеонъ, какъ двоеженецъ и романистъ. 3-го мая въ засѣданіи Французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ прочитанъ докладъ Кольмэ-де-Сантерра, декана юридическаго факультета въ Парижскомъ университетѣ, о второмъ бракѣ Наполеона I. По словамъ этого ученаго юриста, гражданскій бракъ Наполеона и Жозефины былъ расторгенъ сенатскимъ постановленіемъ 16-го декабря 1809 года на основаніи обоюднаго согласія супруговъ, но ни одна изъ формальностей, требуемыхъ Наполеоновскимъ кодексомъ для развода по обоюдному согласію, не была исполнена, именно не представлено согласія на разводъ родственниковъ, которые, согласившись на бракъ, сдѣлали его законнымъ и, не повторено супругами въ теченіе года каждае три мѣсяца своего желанія развестись: кромѣ того, по закону разводящаяся жена не должна быть старше сорока пяти лѣтъ, а Жозефина переступила черезъ этотъ предѣльный возрастъ. Чувствуя, вѣроятно, шаткость мотива, основаннаго на взаимномъ согласіи, сенатское постановленіе еще указывало на другой доводъ—бесплодность Жозефины, но никогда французскій законодатель не признавалъ причиной для развода бесплодность жены, и никакой обыкновенный судъ не разрѣшилъ бы развода на подобномъ основаніи. Поэтому Наполеонъ обратился къ сенату, но по конституціи и по гражданскимъ законамъ сенатъ не былъ въ этомъ компетентенъ. Сенатъ не могъ исполнять должности ни гражданскаго чиновника, ни судебного мѣста; къ тому же никакой гражданскій чиновникъ не имѣлъ права нарушать бракъ безъ судебного постановленія, и сенатъ зналъ очень хорошо, что онъ не могъ постановлять судебныхъ приговоровъ, а потому сдѣлалъ постановленіе законодательнаго характера по частному вопросу гражданскаго права (*Senatus-consulte*). Такимъ образомъ Кальмэ-де-Сантерръ приходитъ къ заключенію, что съ юридической точки зрѣнія разводъ Наполеона и Жозефины былъ не законнымъ и представляется лишь актомъ политическаго деспотизма, а слѣдовательно, вступивъ вторично въ бракъ съ Маріей-Луизой, Наполеонъ совершилъ въ глазахъ закона преступленіе, называемое двоеженствомъ.

До сихъ поръ были только извѣстны спеціальныя сочиненія Наполеона, политическая брошюра его юности «Бокерскій банкетъ» и «Мемуары св. Елены», но теперь оказывается, что онъ молодымъ человѣкомъ писалъ много, и что въ честолюбивомъ артиллерійскомъ офицерѣ скрывался зародышъ романиста. Эту находку сдѣлалъ старательный вслѣдователь всего того, что касается до Наполеона, Фредерикъ Массонъ; дѣло въ томъ, что, отправляясь

въ Рошфоръ съ цѣлью отдаться въ руки Англіи послѣ Ватерло, Наполеонъ поручилъ на храненіе своему дядѣ, ліонскому архіепископу, кардиналу Фешу, запечатанный ящикъ съ его частной перепиской и нѣсколькими рукописными сочиненіями, относившимися къ его молодости, къ эпохѣ отъ 1786 г. по 1792 годъ. Послѣ смерти кардинала въ 1839 г. этотъ ящикъ достался аббату Ліонна, который вскрылъ его въ присутствіи принца Шарля Бонапарта, сына Люсьена, и продалъ найденныя тамъ бумаги извѣстному Либри, который, получивъ отъ Гизо порученіе обозрѣть всѣ бібліотеки во Франціи, ограничивалъ свою дѣятельность тѣмъ, что присвоивалъ себѣ самыя драгоцѣнныя въ нихъ сокровища. Въ 1842 г. онъ объявилъ въ *Revue de Deux Mondes* о добытыхъ имъ рукописяхъ и только что намѣревался эксплуатировать ихъ, когда ему пришлось бѣжать отъ судебныхъ преслѣдованій въ Англію, гдѣ онъ продалъ рукописи лорду Ашбурну за 8.000 ф. стерл. Въ бібліотекѣ этого богатаго англичанина онѣ оставались до 1882 года, когда Фредерикъ Массонъ узналъ объ ихъ существованіи и предложилъ ихъ купить Леопольду Делимо, управляющему національной бібліотекой въ Парижѣ, но тотъ не согласился дать просимой цѣны, и онѣ были приобрѣтены Королевской Лорентинской бібліотекой въ Флоренціи. Въ настоящее время бібліотекаръ этого замѣчательнаго книгохранилища, Гвидо Біаджи, приступилъ къ изданію на французскомъ языкѣ интересныхъ рукописей съ введеніемъ и примѣчаніями Массона подъ заглавіемъ: *Napoleon inconnu (1786—1792), écrits de la jeunesse de Napoleon, publiés pour la première fois d'après les manuscrits inédits de la bibliothèque Laurentienne, par le commandeur Guido Biagi* (Неизвѣстный Наполеонъ, сочиненія, относящіяся къ молодости Наполеона и впервые напечатанныя по неизданнымъ рукописямъ Лорентинской бібліотеки Гвидо Біаджи). Но еще до выхода въ свѣтъ этой любопытной книги, которая будетъ имѣть два тома, Массонъ напечаталъ въ апрѣльской книжкѣ издающагося въ Англіи и Америкѣ журнала «*Cosmopolitan*» маленькій рассказъ, или скорѣе отрывокъ изъ рассказа, принадлежащій перу Наполеона. Подобный опытъ будущаго великаго полководца въ роли романиста представляетъ такой живой интересъ, что мы приводимъ его цѣликомъ, какъ любопытный историческій документъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ вполне отражается пламенная корсиканская душа автора:

«Я сѣлъ въ Ливорно на корабль, отправлявшійся въ Испанію, но противные вѣтры заставили насъ пристать къ Горгонѣ, скалистому острову, имѣющему около мили въ окружности. Это нежелательное убѣжище, но въ нашемъ опасномъ положеніи мы не могли выбирать, такъ какъ наше судно обнаружило течъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Рѣдко встрѣтить такую живописную мѣстность, какъ этотъ островъ, отдѣленный отъ материка широкимъ пространствомъ моря и окруженный скалами, о подножье которыхъ разбиваются бѣшенныя волны. На немъ иногда ищутъ себѣ спасеніе моряки, напуганные бурей, но чаще онъ служитъ мѣстомъ крушенія многочисленныхъ судовъ. Утомленный перенесенными тревоженіями на морѣ, я вышелъ на берегъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими матросами. Они никогда не бывали на этомъ островѣ и не знали, обитаемъ ли онъ, или нѣтъ, но посвятить всѣ оставшіяся у меня силы на изслѣдованіе Горгоны, я скорѣ убѣдился, что никто никогда не жилъ на этомъ бесплодномъ уголкѣ земли. Однако это было заблужденіе, и я неожиданно увидалъ передъ собой нѣчто въ родѣ стѣны, полуразрушенной временемъ. Эта руина, казалось, существовала, нѣсколько столѣтій,

и получія растенія такъ всецѣло ее покрывали, что невозможно было отличить ея камней. Я разбилъ палатку на мѣстѣ, гдѣ когда-то возвышались дома, и остался одинъ на островѣ, потому что матросы вернулись ночевать на судно. Мысль, что я одинъ среди маленькаго замкнутаго міра, въ которомъ, конечно, должны были найтись средства къ существованію, вдали отъ соблазновъ, честолюбивыхъ замысловъ и человѣческихъ страстей, сначала меня забавляла. Отчего мнѣ было тутъ не жить, если не счастливо, то по крайней мѣрѣ спокойно, мирно? Размышляя такимъ образомъ, сравнивая себя съ Робинзономъ Крузо и считая себя, какъ онъ, королемъ острова, я наконецъ заснулъ. Но вскорѣ меня разбудили громкій крикъ и свѣтъ зажженныхъ факеловъ. Мое удивленіе перешло въ страхъ, когда я услышалъ голосъ, восклицавшій поитальянски: «Несчастный, ты умрешь!» У меня не было никакого оружія, кромя палки. Я схватилъ ее, соскочилъ съ своего ложа и сталъ искать двери изъ палатки, но она была закрыта. Не зная, на что рѣшиться, я увидалъ, что палатку зажгли, и тотъ же голосъ произнесъ: «Такъ погибаютъ всея человѣческія существа!». Я вдрогнулъ отъ страшнаго тона, которымъ была произнесена эта угроза, но, собравшись съ силами и задыхаясь отъ дыма, я кое-какъ спасся изъ горѣвшей палатки. Конечно, первой моей мыслью было отыскать гнуснаго врага, который такъ жестоко хотѣлъ меня погубить, но я не видѣлъ передъ собой никого и не слышалъ вокругъ ничего. Представьте себѣ мое положеніе! Еще подъ впечатлѣніемъ грозившей мнѣ опасности и боясь, что меня могло ожидать еще худшее, почти голый и дрожа отъ сильнаго вѣтра, я съ ужасомъ озирался по сторонамъ. Вдали шумѣли морскія волны, и ночь была темная, но при свѣтѣ догорающей палатки я видѣлъ передъ собою развалины, какъ будто говорившія мнѣ: «Все погибаетъ въ природѣ, и ты долженъ погибнуть». Прошло съ четверть часа, и я вдругъ услышалъ шаги; ко мнѣ приближались два человѣческихъ существа. Не имѣя оружія, я спрятался за стѣну, въ надеждѣ узнать, почему эти люди были столь жестоки, такъ какъ я не могъ вѣрить, чтобъ безъ какихъ нибудь уважительныхъ причинъ они ненавидѣли все человѣчество. Къ моему величайшему удивленію, вотъ что я услышалъ: «Дочь моя, ты подвергла твоего отца, стоящаго на краю могилы, горькимъ укорамъ совѣсти. Боже мой! Услышь молитву нашей печальной жертвы! Она взываетъ къ Творцу, столь долго сохранившему нашу жизнь. Что ты сдѣлала, дочь моя? Можетъ быть, ты принесла въ жертву памяти нашихъ опочившихъ соотечественниковъ кого нибудь, принадлежащаго нашей расѣ, или одного изъ тѣхъ благородныхъ англичанъ, которые теперь оказываютъ покровительство нашимъ изгнанникамъ. Нѣтъ, моя душа не можетъ этого вытерпѣть. Я перенесъ все: несчастья родины, семьи, свои собственныя, пока невинность царица въ моемъ сердцѣ. Но теперь мои сѣдины обогрѣны кровью. Увы, моя дочь, я долженъ искупить твою вину. Да, пламя очиститъ меня. Я тебя прощаю. Живи, дочь моя, чтобъ отомстить за отца. Никогда не мирись съ тиранами, губящими нашу родину, и пусть смерть твоего отца будетъ новымъ преступленіемъ на ихъ совѣсти». Эти слова придали мнѣ храбрости, и я бросился къ ногамъ добродѣтельнаго старика: «Отецъ!— воскликнулъ я:— я дѣйствительно англичанинъ и вашъ другъ; то, что я слышалъ, примиряетъ меня съ несчастнымъ случаемъ, который едва не стоилъ мнѣ жизни». Старикъ выразилъ мнѣ свою радость, повелъ меня въ подземелье, гдѣ онъ жилъ, и сказалъ: «Милости просимъ, если вы англичанинъ

то все здѣсь принадлежитъ вамъ». Слишкомъ было бы долго передавать весь нашъ разговоръ, но когда я попросилъ его повѣдать мнѣ тѣ обстоятельство, которыя побудили его покинуть общество людей, онъ разсказалъ слѣдующее: «Я родился въ Корсикѣ и съ дѣтства отличался пламенной любовью къ моей несчастной странѣ, къ ея независимости. Мы тогда находились подъ тираническимъ гнетомъ генуэзцевъ. Мнѣ было только двадцать лѣтъ, когда я впервые поднялъ знамя свободы, и моя юная, безбоязненная рука одержала надъ тиранами побѣды, которыя прославлялись соотечественниками еще десять лѣтъ тому назадъ. Спустя немного времени наши тираны призвали себѣ на помощь иѣмцевъ. Что сдѣлали мы этимъ иѣмцамъ, зачѣмъ они пошли на насъ войной? Однако, они явились, и мы не разъ видѣли, какъ ихъ императорскіе орлы улетали передъ нашими горцами. На этомъ свѣтѣ злые люди всегда находятъ друзей, и французы послѣдили на помощь нашимъ врагамъ. Сначала мы нанесли имъ пораженіе, но потомъ они завоевали весь островъ. Города и деревни подчинились имъ. Но я искалъ убѣжища среди тѣхъ, которые поклялись не пережить гибели нашей національной свободы. Послѣ многихъ перипетій, Паоли-ди-Ростино былъ провозглашенъ генераломъ и начальникомъ страны. Мы изгнали нашихъ тирановъ и стали свободными, счастливыми. Но французы, которые, говорятъ, враги всякой свободы, снова вернулись и принудили огнемъ и мечемъ Паоли искать спасенія въ бѣгствѣ, а всю нашу націю подчиниться ихъ игу. Я и мои друзья вели борьбу въ продолженіе восьми лѣтъ. Въ это время я видѣлъ казнь сорока моихъ товарищей. Въ одинъ прекрасный день мы рѣшились отомстить за себя. Насъ тогда оставалось только шестьдесятъ защитниковъ свободы, и мы, спустившись съ горъ, захватили въ плѣнъ сотню французовъ. Мы повели ихъ въ свои жилища, но эти жилища оказались уже въ рукахъ французскихъ войскъ. Я покинулъ своихъ товарищей и бросился на помощь къ моему отцу. Я засталъ его въ предсмертной агоніи; онъ истекалъ кровью, но, всетаки, имѣлъ достаточно силы, чтобы сказать: «Сынъ мой, отомсти за меня. Это первый законъ природы. Умри, какъ я, если это необходимо, но никогда не признавай французовъ своими господами». Я побѣждалъ отыскивать мою мать и нашелъ ее, обнаженную, покрытую ранами и въ самой позорной повѣ. Мою жену и моихъ трехъ братьевъ повѣсили на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ поймали. Семь моихъ сыновей, изъ которыхъ трое были моложе пяти лѣтъ, постигла та же судьба. Наши хижины были преданы огню, нашъ скотъ былъ уничтоженъ. Я искалъ тщетно моей дочери, и ея нигдѣ не оказалось. Въ безумномъ отчаяніи, я хотѣлъ также умереть отъ руки убійцы моей семьи, но товарищи меня удержали. Мы похоронили нашихъ мертвецовъ и рѣшились бѣжать съ того несчастнаго острова, гдѣ царили тигры. Наше судно перевезло насъ на Горгону. Я нашелъ, что этотъ дикій уголокъ вполне подходитъ къ моимъ чувствамъ, и тамъ остался съ тремя ружьями и четырьмя боченками пороха. Мои товарищи продолжали свой путь въ Италію, и я разстался съ ними безъ всякаго сожалѣнія. У меня было съѣстныхъ припасовъ на три дня, и я зналъ, что нѣтъ на свѣтѣ мѣста, гдѣ человѣкъ не нашелъ бы себѣ пропитанья. Развалины, среди которыхъ была только что раскинута ваша палатка, представляютъ остатки стараго монастыря, и его цистерна сохранилась въ хорошемъ положеніи. Насѣкомыя, рыбы и желуди окружающихъ васъ зеленыхъ дубовъ доставляютъ мнѣ пищу. Птицъ здѣсь много, но я ихъ не убиваю, такъ какъ я не могу ихъ видѣть. Несчастья, отравившія мою

жизнь, сдѣлали мнѣ невыносимымъ лицеизрѣніе солнца. Оно никогда болѣе не блеститъ для меня. Я выхожу изъ своего подземелья только ночью и этимъ избѣгаю зрѣлища земли, пѣкогда свободнаго жилища моихъ предковъ. Сосновый лѣсокъ, находящійся перелѣ вами, доставляетъ мнѣ необходимое топливо. Ловъ рыбы производится мною при свѣтѣ факела, который менѣе блеститъ, чѣмъ свѣтъ солнца, но, по крайней мѣрѣ, освѣщаетъ только справедливыя дѣла. Прошелъ годъ подобной жизни, и я считалъ себя диктаторомъ маленькой республики, какъ неожиданно въ одну декабрьскую ночь я увидалъ подлѣ цистерны огни, доказывавшіе присутствіе людей. Я незамѣтно подкрался къ нимъ и увидалъ, что это были семь турокъ, которые при мнѣ предали смерти одного изъ трехъ закованныхъ узниковъ, а другихъ двухъ бросили и сами удалились. Полагая, что это были не французы, я рѣшился дать имъ убѣжище и, вернувшись въ свою пещеру, развелъ большой огонь. Этотъ свѣтъ вскорѣ привлекъ къ себѣ плѣнныхъ, и я, къ величайшему своему изумленію, узналъ въ одномъ изъ плѣнниковъ мою дочь. Но ея товарищъ оказался французомъ, и я сказалъ ему: «Знайте, что я врагъ вашей расы, и поклялся именемъ Бога подвергать смерти всѣхъ вашихъ соотечественниковъ, которые попадутся мнѣ въ руки, но изъ любви къ дочери я дѣлаю исключеніе въ вашу пользу и дарую вамъ жизнь. Найдите на этомъ островѣ потаенное убѣжище какъ можно далѣе отсюда и никогда не выходите оттуда, пока солнце свѣтитъ. Если вы нарушите это условіе, то заплатитеъ жизнью». Впродолженіе трехъ лѣтъ я не видалъ этого человѣка и не зналъ, живъ ли онъ, или умеръ. Наконецъ, я принялъ мѣры къ его розысканію, но не нашелъ и слѣдовъ его. Мнѣ неизвѣстно, что случилось съ нимъ, но я благодарю небо, что оно освободило меня отъ его присутствія на моемъ островѣ. Шесть лѣтъ тому назадъ я услыхалъ пушечные выстрѣлы. Солнце было еще высоко, и не смотря на все мое желаніе нарушить данную мною клятву, я подождалъ до ночи. Когда же стемнѣло, то я развелъ большой огонь и пошелъ осматривать мое царство. Вскорѣ я увидалъ семь человѣкъ, лежавшихъ на землѣ и еще четырехъ, которые караулили своихъ товарищей. Эти послѣдніе набросились на меня, и я былъ достаточно безуменъ, чтобы не защищаться. Они осыпали меня бранью, стали дергать меня за бороду, называть дикаремъ и требовать, чтобы я указалъ имъ, гдѣ находится источникъ воды. Я не удовлетворилъ ихъ желанія, чтобы наказать за жестокое обращеніе со мной. Конечно, это были французы. Моя дочь вскорѣ явилась мнѣ на выручку и, видя, въ чьей дѣло, застрѣлила изъ ружья двухъ разбойниковъ, а остальные бѣжали, оставивъ своихъ больныхъ товарищей, которыхъ они караулили. Я крикнулъ имъ въ слѣдъ, чтобы они вернулись за своими соотечественниками, но они прислали другихъ трехъ человѣкъ съ корабля, который не могъ подойти близко къ берегу, и я дозволилъ имъ безопасно убрать своихъ больныхъ. Но такова человѣческая неблагодарность, что, вернувшись на корабль, они открыли огонь по влѣпшимъ развалинамъ, принимая ихъ за мое жилище. Тогда я еще разъ поклялся никогда не оказывать сожалѣнія къ французамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ два французскихъ судна потерпѣли крушеніе въ виду Горгоны и нѣсколько матросовъ приплыли сюда на берегъ. Мы спасли ихъ, какъ людей, а потомъ убили, какъ французовъ. Въ прошедшемъ году одинъ изъ кораблей, поддерживающихъ торговныя сношенія между Франціей и Корсикой, набѣжалъ на мель вблизи отсюда. Страшные вопли несчастныхъ тронули мое сердце. Я потомъ часто

упрекалъ себя въ этой слабости, но я все же человекъ, и чтобы достичь суровости правителей, надо уничтожить въ себѣ всѣ чувства, соединяющія насъ съ природой, а я еще только одиннадцать лѣтъ царствую на своемъ островѣ. Я развелъ огонь на томъ самомъ мѣстѣ берега, гдѣ можно было безопасно высадиться, и этимъ спасъ имъ жизнь. Но, вы думаете, что они были мнѣ за это благодарны? Нѣтъ, чудовища приняли на себя тонъ повелителей. Среди нихъ находились два солдата, которые сопровождали преступника, оставленнаго ими на кораблѣ. На мой вопросъ, что онъ сдѣлалъ, они отвѣчали, что это былъ проклятый корсиканецъ, и что всѣхъ корсиканцевъ слѣдовало повѣсить. Вы можете себѣ представить мой гнѣвъ. Но меня ожидало еще худшее: узнавъ, что я корсиканецъ, они объявили, что я достоинъ четвертованія, и рѣшили увести меня съ собою, а пока сковали меня подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы была назначена награда за мою поимку. Я чувствовалъ, что погибъ и долженъ былъ заплатить жизнью за нарушение клятвы мстить врагамъ моей расы. Но небо видѣло мое раскаяніе и спасло меня. Корабль только черезъ семь дней снялся съ мели, и въ виду недостатка воды мои враги расковали меня и настаивали, чтобы я указалъ имъ источникъ. Я тотчасъ вонзилъ кинжалъ въ сердце двухъ изъ нихъ. Тогда я впервые увидалъ солнце. Боже мой, какъ оно прекрасно сіяло, но неужели оно хладнокровно лицезрѣетъ такіе ужасы? Моя дочь была также въ оковахъ, но по счастью враги не открыли ея пола. Что мнѣ было дѣлать? Я переодѣлся въ мундиръ одного изъ убитыхъ мною солдатъ, и захвативъ его два пистолета, отправился на корабль. Тамъ я убилъ капитана и остальныхъ матросовъ, перетащилъ на островъ ихъ трупы и сжегъ ихъ при помощи своей дочери. Этотъ ѳиміамъ, казалось, расположилъ въ мою пользу Провидѣніе».

Последняя любовь Гете. Въ 9 номерѣ «Ueber Land und Meer» помѣщена очень любопытная замѣтка объ Ульрихѣ Леветцовѣ, которой только что минуло девяносто лѣтъ. Ей посвятилъ Гете «Die Marienbader Elegie», прелестное стихотвореніе, въ которомъ онъ выражаетъ свою теорію любви вообще и свою любовь къ Ульрихѣ Леветцовѣ въ особенности. Онъ сравниваетъ ее съ «Божьимъ миромъ, превосходящимъ всякое человѣческое понятіе», и описываетъ ее, какъ «удивительное существо, передъ которымъ умолкаетъ всякая распря». Эта Ульрика была дочерью Мекленбургскаго гофмаршала фонъ-Леветцова, и она послѣ смерти отца проводила лѣтніе мѣсяцы съ матерью и двумя сестрами въ Мариенбадѣ, гдѣ въ 1822 г. прожилъ нѣсколько недѣль Гете, живя въ одномъ съ ними домѣ. Ей тогда было восемнадцать лѣтъ, и она произвела сильное впечатлѣніе на поэта. На слѣдующее лѣто Гете вернулся въ Мариенбадъ, и его дружба съ семьей Леветцовъ стала еще тѣснѣе; онъ все болѣе и болѣе сознавалъ въ себѣ страстную любовь къ Ульрихѣ, хотя пытался охарактеризовать ее привязанностью дяди къ племянницѣ. Но онъ ясно понималъ, что былъ слишкомъ старъ и не могъ жениться на ней, а потому старался побороть свою страсть, но это ему стоило очень многихъ усилій. «Только благородному искусству музыки удавалось, по его словамъ, заглушить страданія сердца отъ подобной потери». Великолѣпная игра г-жи Шимановской утѣшала его въ минуты горькаго самопожертвованія, и въ благодарность за это онъ посвятилъ русской пианисткѣ свое стихотвореніе «Aushönnung», гдѣ описываетъ силу музыки и снова распространяется о «страданіяхъ тревожной любви». Въ августѣ того же

года г-жа фонъ-Леветцовъ уѣхала съ дѣтьми въ Карлсбадъ, и Гете не только послѣдовалъ туда за ними, но снова поселился въ одномъ съ ними домѣ. Онъ оставался тамъ двѣнадцать дней, и эти-то дни описываетъ съ такимъ восторгомъ въ элегіи. Онъ постоянно сидѣлъ у своихъ друзей, читалъ имъ свои поэмы, изучалъ съ ними звѣзды, рассказывалъ имъ о своихъ изслѣдованіяхъ въ метеорологіи и минералогіи. По вечерамъ, Ульрика читала въ слухъ романъ Вальтера-Скотта «The black dwarf». 28-го августа былъ день рожденія Гете, и онъ пожелалъ провести его тихо, а потому вся семья Леветцовъ поѣхала съ нимъ въ Ельбогенъ, гдѣ молодыя дѣвушки поднесли ему стаканъ, который до сихъ поръ сохраняется въ Веймарскомъ музеѣ. Естественно, что отношенія Гете къ Ульрикуъ возбудили значительное волненіе въ Карлсбадѣ, и распространился слухъ, что маститый поэтъ сдѣлалъ предложеніе молодой дѣвушкѣ съ разрѣшенія великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго. Сама Ульрика впоследствии говорила: «Я была тогда слишкомъ молода, чтобъ понимать великій умъ друга, который обращался со мной такъ любезно и съ такой отцовской привязанностью, но это время для меня было самымъ прекраснымъ, самымъ счастливымъ». 5-го сентября Гете уѣхалъ, и съ тѣхъ поръ Ульрика уже никогда болѣе его не видала. Она осталась старой дѣвой и постоянно живетъ въ Триблицкомъ замкѣ.

— Викторіевскій вѣкъ въ англійской литературѣ. Одинъ изъ лучшихъ и передовыхъ публицистовъ Англіи, позитивистъ Фредрикъ Гаррисонъ, въ блестящемъ очеркѣ «Англійская литература въ Викторіевскомъ вѣкѣ», появившемся въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Forum», подводитъ итогъ литературной дѣятельности главныхъ англійскихъ писателей нашего времени. По его словамъ, достойно вниманія, что царствованіе Викторіи обнимаетъ собою выходъ въ свѣтъ за немногими исключеніями всѣхъ сочиненій Тенисона, Браунинговъ, Теккерея, Диккенса, сестеръ Бронти, Джорджа Эліота, Кинслея, Тролоппа, Спенсера, Миля, Дарвина, Роскина, Грота, Маклея, Фримана, Фруда, Лекки, Мильмана, Грина, Мэна, Матью Арнольда, Симонса, Розетти, Свинборна, Морриса и Джона Морлея, не говоря уже о молодыхъ авторахъ, которые или находятся въ разцвѣтѣ своихъ силъ или подають большія надежды. Какъ широко ни отличаются другъ отъ друга всѣ эти писатели, но ихъ общее отличіе отъ ихъ предшественниковъ эпохи Гете и Вальтеръ-Скотта еще громаднѣе. Викторіевскій вѣкъ, по опредѣленію Гаррисона, начинается съ 1832 года, когда умерли Гете и Вальтеръ-Скоттъ, и продолжается понынѣ; великой матеріальной эволюціи послѣднихъ шестидесяти лѣтъ, видѣвшихъ распространеніе желѣзныхъ дорогъ и промышленныхъ успѣховъ, соответствуетъ и подобная же литературная эпоха. Самая замѣчательная и прямо бросающаяся въ глаза особенность Викторіевской литературной эпохи заключается въ разнovidности литературныхъ формъ. Прежде каждая страница англійскаго прозаика, или поэта, могла быть безошибочно отнесена по ихъ стилю къ соответственному поколѣнію писателей, а Викторіевская литература представляетъ до дюжины различныхъ стилей, и каждый авторъ избираетъ себѣ ту форму, которую считаетъ себѣ подходящей, такъ Тенисонъ отличается утонченной отдѣлкой стиха подобно Виргилію, Расину и Мильтону, а Браунингъ представляетъ совершенную антитезу Тенисона своимъ грубымъ, могучимъ, юмористическимъ стихомъ. Подобное же разнообразіе стилей замѣчается и въ прозѣ. Рядомъ съ изящной литературной формой Теккерея, Джорджа Эліота, Матью Арнольда, Джона

Морлея, Лекки и Фруда встрѣчается эксцентричный, темный, часто доходящій до карикатурныхъ крайностей, слогъ Карлайля, этого литературнаго диктатора Викторіевской прозы, и научное, нехудожественное, лишенное всякой красоты, изложеніе Миля и Спенсера. Хотя Гукслей и Тиндаль писали чрезвычайно энергичнымъ и картиннымъ слогомъ, но большинство ученыхъ Викторіевской эпохи старалось только нагромоздить въ своихъ сочиненіяхъ массы фактовъ, не заботясь о формѣ, а историки думали только о томъ, чтобы познакомить своихъ читателей со всей массой своихъ изслѣдованій, не обращая вниманія на то, что ихъ произведенія можно было читать съ трудомъ. Вообще Гаррисонъ дѣлит Викторіевскую литературу на два періода: къ первому изъ нихъ онъ относитъ время отъ 1832 по 1863 годъ, а ко второму — тридцатидухлѣтіе отъ 1863 по 1894 годъ. Поэзія, романъ и критика составляли главную черту перваго періода, а философія, наука, политика и исторія—господствуютъ въ послѣднемъ. Въ настоящее же время характеристической особенностью англійской литературы служатъ энтузіазмъ къ социологіи и полное равнодушіе къ высшимъ видамъ литературной фантазіи.

— Гейне и лэди Дуффъ Гордонъ. Кромѣ безконечнаго ряда женщинъ, которыхъ любилъ знаменитый авторъ «Reisebilder», начиная отъ маленькой Вероники, умершей, когда ему было однадцать лѣтъ, рыжей Зефсхенъ, дочери Вестфальскаго палача, его двоюродной сестры Молли, Фредерики Роберъ, «прекрасной какъ Венера», знаменитой Рахили Варигагевъ и т. д. до его жены Матильды, всегда остававшейся для него любовницей, какъ рельефно изображаетъ Морисъ Палеологъ въ своемъ очеркѣ «Любовь Гейнриха Гейне» въ «Revue de Paris», у него были и женщины друзья. Въ числѣ этихъ послѣднихъ видное мѣсто занимала англичанка, лэди Люси Дуффъ Гордонъ, и Сигмундъ Мюнцъ сообщаетъ во второмъ апрѣльскомъ номерѣ «Vom Fels zum Meer» любопытныя подробности объ этой исторической дружбѣ. Въ первый разъ они встрѣтились въ августѣ 1833 года, въ Булонѣ; Люси Остенъ было тогда двѣнадцать лѣтъ, и она отличалась большими карими глазами и чудными волосами. Однажды за общимъ столомъ она обратила на себя вниманіе Гейне, благодаря тому, что бѣгло разговаривала съ матерью понѣмецки. Онъ вступилъ съ нею въ бесѣду и сказалъ: «Когда вы вернетесь въ Англію, то будете въ состояніи сказать своимъ друзьямъ, что вы видѣли Гейнриха Гейне». — «А кто такой Гейнрихъ Гейне?» — отвѣчала она къ величайшему удовольствію ея собесѣдника, который объяснилъ, что онъ нѣмецкій поэтъ. Послѣ этого они очень подружались и проводили часы за часами на берегу; дѣвочка пѣла ему англійскія баллады, а Гейне рассказывалъ ей безконечныя сказки о русалкахъ и о старомъ французскомъ скрипачѣ, который купался три раза въ день съ своимъ чернымъ пуделемъ, прислушиваясь къ привѣтствіямъ, которыя ему приносили съ далекаго сѣвера водяные духи. Одно изъ стихотвореній въ его «Buch der Lieder», именно «Wenn ich an deinem Hause, des Morgens vorübergehe» посвящено имъ своему другу-ребенку. Послѣ этого прошло восемнадцать лѣтъ, Люси вышла замужъ за сэра Дуффа Гордона, и уже тридцатилѣтней женщиной, въ 1851 году, она гостила въ Парижѣ у Бартелеми-Сентъ-Илера, когда случайно узнала, что Гейне жилъ по сосѣдству въ Алстердамской улицѣ и былъ не только бѣденъ, но и боленъ. Она послала къ нему спросить, помнитъ ли онъ ребенка, которому рассказывалъ чудныя сказки

въ Булонѣ, и можетъ ли она посѣтить его. Умирающій поэтъ отвѣчалъ, что желаетъ ее видѣть какъ можно скорѣе, и ихъ немедленное свиданье, конечно, было посвящено воспоминаніямъ объ ихъ веселыхъ булонскихъ дняхъ. Онъ припоминалъ ей тѣ баллады, которыя она пѣла восемнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, а она была очень тронута его страданіями. Его голосъ былъ очень слабъ, хотя онъ говорилъ съ пламенной живостью. Очевидно, его умъ пережилъ тѣло. Съ трудомъ приподнявъ длинными бѣлыми пальцами свои тяжело опускавшіяся вѣки, онъ сказалъ: «У Люси все тѣ же большіе глаза, но она выросла и замужемъ; это странно!». Потомъ онъ спросилъ, довольна ли она своей жизнью и счастлива ли теперь также, какъ когда она была веселымъ ребенкомъ. На ея отвѣтъ, что она не такъ весела, какъ въ дѣтствѣ, но счастлива и довольна, онъ замѣтилъ: «Это хорошо. Приятно видѣть женщину, у которой сердце не проситъ исцѣленія у всякаго попавшагося мужчины, какъ у французеновъ, хотя въ сущности у нихъ вовсе нѣтъ сердца, и онѣ не знаютъ, что у нихъ болитъ». Спустя четыре года, леди Дуффъ Гордонъ снова провела два мѣсяца въ Парижѣ, и Гейне, перебравшійся въ Елисейскія Поля, гдѣ остановилась и она, написалъ ей карандашемъ, какъ только узналъ объ ея пріѣздѣ: «Высокоуважаемая богиня Великобританіи, я посылаю къ вамъ человѣка съ вѣсточкой, что я жду ваше божество во всякое время и въ любой день. Но я тщетно все жду вашего небеснаго появленія. Не откладывайте долѣе своего прихода. Приходите сегодня, завтра, какъ можно чаще. Вы живете такъ близко отъ бѣднаго призрака въ Елисейскихъ поляхъ. Не заставляйте меня ждать слишкомъ долго. Посылаю вамъ четыре первые тома французскаго изданія моихъ несчастныхъ трудовъ, а пока остаюсь вашего божества послушный поклонникъ—Гейрихъ Гейне». Спустя нѣсколько минутъ, его англійскій другъ былъ у него. Онъ лежалъ все на томъ же матрацѣ, какъ и три года тому назадъ и казался мертвецомъ, но страданіе и горе придавали его лицу, дѣйствительно напоминавшему призракъ, особую красоту. Онъ привѣтствовалъ ее слѣдующими словами: «Я теперь примирился со свѣтомъ и съ Богомъ, который прислалъ васъ ко мнѣ, какъ прекраснаго ангела смерти. Я, конечно, скорѣе умру. Я, право, не знаю, почему я не любилъ англичанъ, хотя въ сущности не питалъ къ нимъ ненависти. Я только разъ былъ въ Англіи и никого тамъ не зналъ; Лондонъ показался мнѣ очень грустнымъ, а люди на улицахъ невыносимыми. Но Англія отомстила за себя, пославъ мнѣ славныхъ друзей: васъ, добраго Мильнса и нѣкоторыхъ другихъ». Мильнсъ, о которомъ говорилъ Гейне, былъ извѣстный поэтъ и политическій дѣятель, впоследствии лордъ Гугтонъ. Леди Дуффъ Гордонъ выдалась съ Гейне по нѣсколько разъ въ недѣлю. Онъ всемъ интересовался, но въ особенности желалъ, чтобы его сочиненія явились въ хорошемъ англійскомъ переводѣ, и уговаривалъ своего друга, чтобы она взяла на себя этотъ трудъ, предлагалъ ей въ видѣ подарка право на переводъ, изъявлялъ согласіе на какія угодно сокращенія и даже составилъ планъ внутренняго расположенія его поэмъ. Съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ онъ торопилъ ее приняться за переводъ и совѣтывалъ попробовать прозаическую форму; она долго колебалась, но когда наконецъ перевела «Альманзоръ», то онъ пришелъ въ восторгъ и еще больше сталъ настаивать на продолженіи ея труда. Она дѣйствительно перевела нѣсколько жемчужинъ изъ «Buch der Lieder», «Neue Gedichten», «Lyrisches Entermeezzo» «Henn Kehr», а ея дочь мистриссъ Джанета Россъ, авторъ «Три поколѣнія англійскихъ

женщинъ», «Воспоминанія о раннихъ дняхъ» и т. д., недавно напечатала нѣкоторые изъ этихъ переводовъ. Лэди Дюффи Гордонъ свидѣтельствуешь, что Гейне переносилъ съ удивительнымъ мужествомъ свои страданія. Ему было пріятно видѣть на ея глазахъ слезы сожалѣнія къ его участи, но еще болѣе его радовали ея шутки, отъ которыхъ онъ весело смѣялся. Говоря по-нѣмецки, онъ обращался къ ней на «ты», а по-французски на «вы». Особенное удовольствіе приносилъ ему ея смѣхъ и онъ часто замѣчалъ, что она смѣется отъ чистаго сердца, на что не способны француженки. Когда лэди Дюффи Гордонъ уѣхала изъ Парижа, то Гейне просилъ ее не прощаться съ нимъ на вѣки, и общалъ посѣтить ее въ Англіи, куда онъ хотѣлъ отправиться для примиренія съ тѣмъ народомъ, который былъ предметомъ его самыхъ убійственныхъ сарказмовъ. Но ему не суждено было болѣе видѣть своего англійскаго друга, и вскорѣ затѣмъ онъ умеръ.

— Мемуары солдата-философа. Жюль Симонъ въ 1-омъ майскомъ номерѣ «La Vie Contemporaine» забавно рассказываетъ свои воспоминанія о двадцати годахъ, проведенныхъ имъ въ качествѣ солдата французской національной гвардіи. Въ настоящее время эта національная гвардія временъ Луи Филиппа и Февральской республики до того забыта, что память о ней сохранилась лишь въ карикатурахъ Гаварни, но при ея существованіи она пользовалась общимъ уваженіемъ, въ ея составъ обязательно входили всѣ способные къ военной службѣ люди отъ двадцати до шестидесяти лѣтъ, ея офицеры и даже полковники при республикѣ выбирались солдатами и какъ Луи-Филиппъ, такъ историкъ Кинэ, министръ графъ Монталивэ, и многіе другіе извѣстные общественные дѣятели считали за честь носить мундиръ полковника національной гвардіи. Свою дѣятельность въ качествѣ національнаго гвардейца Жюль Симонъ началъ въ провинціальномъ городѣ Каенѣ, а затѣмъ продолжалъ ее въ Парижѣ, до 1-го мая 1848-го года, когда былъ избранъ въ депутаты, но по его собственнымъ словамъ онъ рѣдко исполнялъ свои военныя обязанности и почти постоянно замѣнялъ себя привратникомъ, служившимъ въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, по имени Корнелемъ. Хотя подобное замѣстительство было запрещено, и привратникъ долженъ былъ играть роль профессора, но всѣ смотрѣли на это сквозь пальцы, а самъ Корнель очень ловко выходилъ изъ затрудненій, порождаемыхъ его замѣстительствомъ, которое приносило ему за каждое дежурство по пяти франковъ. «Однажды, — рассказываетъ Жюль Симонъ, — онъ меня очень перепугалъ, объясняя, что одинъ національный гвардеецъ, принимая его за меня, спросилъ его мнѣніе о томъ, измѣнена ли Филопеменомъ пятая Кунейда Плотена. «Что же вы отвѣчали, — воскликнулъ я со страхомъ, — но онъ спокойно произнесъ: «Я отвѣчалъ, что я философъ въ Сорбонѣ, а національный гвардеецъ на дежурствѣ». Однако иногда молодой профессоръ вынужденъ былъ надѣвать свой мундиръ, и являться на ученія; такъ, на одномъ изъ нихъ во времена Іюльской монархіи, когда національной гвардіей командовалъ маршалъ Лобо, послѣдній узналъ его и саркастически произнесъ: «у вашего ружья вѣтъ погоннаго ремня и потрудитесь помнить, господиновъ спиритуалистъ, что ружье безъ погоннаго ремня то же, что тѣло безъ души». Оканчивая свои «Мемуары солдата», занимающіе лишь нѣсколько страницъ и написанные съ цѣлью побудить его товарищей по академіи украсить его гробницу эпитафіей, столь часто встрѣчавшейся въ старину на Парижскихъ кладбищахъ: «хорошій мужъ, хорошій гражданинъ, хорошій національный гвардеецъ», Жюль Си-

монъ разсказываетъ о своемъ участіи въ Іюньскихъ дняхъ, когда онъ уже былъ депутатомъ, но имѣлъ забавное столкновенье съ національнымъ гвардейцемъ. На площади Водуаэ при началѣ улицы Сентъ-Антуанъ была воздвигнута громадная баррикада, доходившая до втораго этажа сосѣднихъ домовъ, и Каваньякъ открылъ по ней огонь изъ двухъ пушекъ; бой на этомъ мѣстѣ былъ кровавый, но не продолжительный, и защитники барикады вскорѣ ее покинули, разбѣжавшись во все стороны. «При этомъ жаркомъ дѣлѣ,—разсказываетъ Жюль Симонъ,—присутствовали три депутата: Корбонъ, Давидъ изъ Анжера и я, а когда солдаты одержали побѣду, то мы рѣшили забраться на барикаду, откуда нельзя было болѣе опасаться выстрѣловъ, но это было не легко, такъ какъ она состояла изъ большого числа самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Я съ трудомъ прокладывалъ себѣ дорогу съ помощью рукъ и ногъ, какъ неожиданно почувствовалъ, что меня кто-то тянетъ за скюртукъ. Я съ безпокойствомъ обернулся, но увидалъ за собой толстаго національнаго гвардейца, который, продолжая тянуть меня изо всей силы, добродушно улыбался. «Что вы дѣлаете,—сказалъ я полусуштя, полу-сердито:—оставьте мой скюртукъ, а то вы его разорвете». «Гражданинъ,—отвѣчалъ онъ самымъ любезнымъ образомъ:—вамъ здѣсь не мѣсто; вы можете быть убиты какой нибудь шальной пулей изъ-за угла безъ всякой пользы, тогда какъ вамъ предстоитъ оказать родинѣ столько услугъ». Эти слова, конечно, мнѣ польстили, и я произнесъ смягченнымъ тономъ: «вы меня знаете?»—«Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—но я вижу по вашей трехцвѣтной перевязи, что вы депутатъ, и я васъ спасу отъ опасности, даже противъ вашей воли».—«Довольно,—сказалъ я:—я не пойду назадъ, а вы только мнѣ мѣшаете и оскорбляете меня.. Къ тому же вѣдь и вы подвергаете себя опасности».—«Я дѣло другое,—воскликнулъ онъ, показывая ружье:—я исполняю свое ремесло, а у васъ другое ремесло». Онъ еще нѣсколько разъ дернулъ меня за скюртукъ, и я едва не упалъ, потерявъ равновѣсье, но, наконецъ, видя, что моя рѣшимость непоколебима, онъ отсталъ, но предварительно сунулъ мнѣ въ руку свою карточку. На слѣдующее утро я брился, еще не оправившись отъ вчерашней усталости, какъ мнѣ подали карточку г. Мерлена, золотыхъ дѣлъ мастера. «Ну, его къ черту,—воскликнулъ я:—скажите, что меня нѣтъ дома». Черезъ минуту эта карточка вернулась съ надписью карандашемъ: «Національный гвардеецъ». Тогда я подумалъ: это товарищъ, но насъ такъ много въ батальонѣ, что я не могу всехъ принимать. Однако въ передней г. Мерленъ кричалъ во все горло: «Скажите ему, что я спасъ ему вчера жизнь на барикадѣ площади Водуаэ». Нельзя было прогнать своего спасителя, и онъ вошелъ ко мнѣ съ сіяющимъ добродушнымъ лицомъ, привѣтливими улыбками и почтительными поклонами.—«Ну, что вамъ нужно?»—спросилъ я. «Табачную лавочку,—отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ заравѣ написанную докладную записку на бланкѣ:—я знаю теперь, кто вы; вы другъ министра Гудшо, и онъ вамъ не откажетъ въ такомъ пустякѣ. Вотъ видите...». Я прервалъ его краснорѣчье словами: «хорошо я разскажу Гудшо о вашемъ подвигѣ, но не забывайте, что много желающихъ получить патентъ на табачную лавочку». Оказалось, что онъ имѣлъ право на подобную милость правительства, тѣмъ болѣе, что революція произвела временное замѣшательство въ его ремеслѣ, а потому Гудшо исполнилъ его желанье. Такимъ образомъ мнѣ удалось сдѣлать счастливымъ этого достойнаго чело-вѣка».

— Нѣмцы въ роли цивилизаторовъ. Редакція нѣмецкаго журнала «Neue Deutsche Rundschau» въ апрѣльскомъ своемъ номерѣ помѣстила анонимный «Дневникъ нѣмца въ Камерунѣ» и прямо заявляетъ, что хотя авторъ его извѣстенъ нѣмецкому правительству, но она не только принимаетъ на себя всю отвѣтственность за напечатанную статью, но обязуется представить компетентнымъ властямъ всѣ доказательства достовѣрности обнаруживаемыхъ ею фактовъ относительно тѣхъ звѣрствъ, которыя совершаются такъ называемыми цивилизаторами мрачной Африки. Поэтому означенный дневникъ приобретаетъ значеніе историческаго документа, интереснаго не только для современныхъ читателей, слѣдящихъ за европейскою политикою, но и для будущихъ историковъ нашей эпохи, столь кичащейся своей цивилизаціей. Какъ извѣстно, Камерунъ находится въ западной Африкѣ, между владѣніями французовъ на Конго и англичанъ въ верхней Гвинее; въ немъ 28.000 километровъ поверхности и полмилліона жителей. Онъ присоединенъ къ Германіи въ 1884 году извѣстнымъ путешественникомъ Нахтигалемъ, и съ самаго начала нѣмцы поставили себѣ цѣлью доказать туземцамъ все превосходство германской культуры: въ 1884 и 1886 г. нѣмецкія власти бомбардировали жилища короля Иона и сожгли резиденцію короля Белла. Какъ они поступаютъ въ настоящее время относительно дикарей, которыхъ предприняли цивилизовать, рельефно изображаетъ анонимный авторъ дневника, подробно описывающій все, что онъ видѣлъ въ Камерунѣ въ продолженіе 1893 года, начиная отъ чудесъ природы до злодѣйствъ людей. Повидимому, онъ самъ исполнялъ должность смотрителя мѣстнаго арсенала. Вотъ самыя поразительныя изъ записей въ этомъ дневникѣ, налагающемъ позорное пятно не только на нѣмцевъ, но по ихъ милости на всѣхъ европейцевъ:

«13 марта 1893 г. Я получилъ очень интересныя подробности о возстаніи въ Бакоко... Ассессоръ Веланъ, начальникъ экспедиціи, приказалъ не только сжечь всѣ жилища туземцевъ, но и отрубить головы старухамъ... Утомленные, ужасно избитые и покрытые ранами узники, преимущественно старики, старухи и дѣти, были отведены въ тюрьму... Повидимому, трое изъ узниковъ умерли съ голода у подножья дровка съ германскимъ знаменемъ... Пльнныхъ заставляють работать въ портѣ, но они всѣ поочередно умирають отъ перемѣны въ образѣ ихъ жизни.

«17 марта. Я собралъ еще новыя свѣдѣнія объ экспедиціи въ Бакоко.. Дѣйствительно произведены большія жестокости. Узники были прикованы къ палубѣ судна и оставались въ этомъ положеніи въ самые страшные жары. Въ ихъ окровавленныхъ тѣлахъ завелись черви, и имъ не давали даже воды, чтобъ утолить переносимыя ими пытки... Когда же у нихъ наступала предсмертная агонія, то ихъ застрѣливали, какъ дикихъ звѣрей.

«31 марта. Во время моей недавней болѣзни фонъ-Веланъ вернулся изъ своей новой кампаніи... Онъ не привелъ съ собою плнныхъ.. «Такъ какъ они всѣ умирають здѣсь,—говорилъ онъ за обѣденнымъ столомъ:—то я предпочелъ убить ихъ по дорогѣ. У солдатъ и особенно у одного изъ нихъ прекрасный способъ сдиранія шкуры съ непріятелей: дѣлается разрѣзъ ножомъ на нижней челюсти, потомъ накусъ зубами и кожа легко сходитъ съ лица»...

«26 апрѣля. Фонъ-Веланъ, повидимому, снова возстановилъ порядокъ въ Викторіи. Докторъ Прейсъ разсказалъ все, что тамъ произошло, въ письмѣ къ одному изъ своихъ товарищей.

«1 мая. Фонъ-Веланъ постановляетъ приговоры. Нѣсколько примѣровъ краснорѣчиво докажутъ царствующіе здѣсь порядки. Негритянка жалуется на жестокое обращеніе своего мужа. Его приговариваютъ къ пятидесяти палочнымъ ударамъ, не требуя отъ него никакихъ объясненій, а отъ обвинительницы никакихъ доказательствъ, и приговоръ немедленно исполняютъ. Негра обвиняютъ въ кражѣ часовъ и ему приказываютъ сознаться, а то грозятъ подвергнуть его 50 ударамъ. Онъ твердитъ: «Я не укралъ». Ему даютъ пятьдесятъ ударовъ. Онъ сознается въ кражѣ, и его приговариваютъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію, 100 маркамъ штрафа и ежемѣсячному наказанію по 10 палокъ. Ассессоръ Веланъ заподозрѣлъ своего слугу въ кражѣ сигаръ; его схватываютъ и подвергаютъ пятидесяти ударамъ. Не возможно себѣ представить результата подобной операціи, если самъ не присутствовалъ при этомъ: тѣло становится какамъ-то крошевомъ.

«20 іюня. Съ нѣкоторыхъ поръ я ничего не записываю въ свой дневникъ... Не къ чему и записывать. Тутъ происходитъ все то же. Фонъ-Аттенъ заходилъ ко мнѣ сегодня и рассказывалъ, что повѣсили трехъ узниковъ. Машинистъ Гебгардъ съ корабля «Nachtigal» говорилъ мнѣ, что негровъ зарѣзали ударами ножей.

«13 августа. Совѣтникъ Лейстъ, исполняющій должность губернатора, приказалъ привести къ себѣ трехъ женщинъ изъ тюрьмы и оставилъ ихъ у себя на ночь; въ числѣ этихъ узницъ была прекрасная Нюмбѣ. На другое утро ихъ вернули въ тюрьму, а Нюмбѣ получила въ награду 5 марокъ. Ночью у Лейста былъ также поручикъ Рекертъ.

«2 октября. Меня разбудилъ ночью крикъ въ тюрьмѣ. Онъ до того усилился, что я послѣдшилъ на мѣсто и увидалъ, что одинъ изъ тюремныхъ сторожей ссорился съ тремя неграми. На мой вопросъ, въ чемъ дѣло, мнѣ объяснили, что губернаторъ Лейстъ потребовалъ женщину изъ тюрьмы. Я ушелъ домой и легъ въ постель, но не могъ заснуть отъ женскихъ воплей и мужскихъ ругательствъ. Я вышелъ на верхъ, гдѣ засталъ главнаго казначея Геринга, и мы оба видѣли, какъ три негра, схвативъ одну женщину, потащили ее къ губернатору.

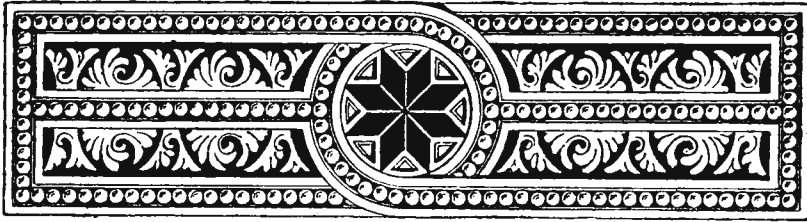
«30 октября. Губернаторъ Лейстъ приказалъ привести къ нему танцовщицъ изъ тюрьмы, и половина ихъ оставлена имъ у себя на ночь.

«25 декабря. Сегодня Рождество, но какъ все измѣнилось въ странѣ, съ тѣхъ поръ какъ я писалъ въ послѣдній разъ. Разореніе и смерть уничтожили всѣ плоды нашихъ трудовъ за столько лѣтъ... Въ понедѣльникъ (15 декабря) мы, всѣ чиновники, ужинали, какъ послышался страшный шумъ... Спустя нѣсколько минутъ, пули засвистѣли въ нашей столовой. Туземные солдаты стрѣляли въ насъ... Мы разбѣжались по своимъ жилищамъ. Ассессоръ Рыбау убитъ наповалъ. Въ моей комнатѣ я засталъ инженера Дреса и Гунига; мы забрали всѣ патроны, находившіеся у меня, и отправились къ губернаторскому дому. Но мое жилище было окружено туземцами, пули летѣли со всѣхъ сторонъ. Надо было сражаться до послѣдней капли крови. Всѣ другіе чиновники уже находились въ губернаторскомъ домѣ, и туда сбѣгались всѣ торговцы въ городѣ... Была ночь, и темнота усиливала ужасъ нашего положенія... (Далѣе авторъ дневника подробно рассказываетъ, какъ нѣмцы съ помощью своихъ кораблей ослепили туземцевъ, хотя схватки продолжались три дня, и всѣхъ перевѣшали, а ихъ жилища сожгли, но интереснѣе его объясненіе причинъ возстанія). Около полудня 15 декабря

совѣтникъ Лействъ приказаль подвергнуть публично тѣлесному наказанію женъ туземныхъ солдатъ подѣ предлогомъ, что онѣ неприлежно работаютъ. Мужья, выстроенные въ двѣ шеренги, должны были присутствовать при этой экзекуціи; каждой женщинѣ было приказано отпустить по десяти палочныхъ ударовъ. Лействъ самъ распоряжался исполненіемъ своего приказа. Вопли и стоны несчастныхъ жертвъ наполняли воздухъ... Ярость солдатъ, не получавшихъ никакого жалованья за свою службу, кромѣ палочныхъ ударовъ, дошла до апогея, и возстанье вспыхнуло.. Но овладѣвъ арсеналомъ и видя, что больной нѣмецкій офицеръ Стейнке старается спасти свою жизнь бѣгствомъ, возставшіе сказали ему: «вернитесь спокойно въ свою постель, мы не убьемъ больныхъ, мы жаждемъ только смерти губернатора»...

«31 декабря. Офицеры принесли съ корабля «Гавна» мелкіе подарки, и мы разыграли ихъ въ лоттерейю. Вечеръ провели тихо, мирно (*gemüthlich*). Въ двѣдцать часовъ будемъ праздновать новыи годъ».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Походъ Россіи на Индію. — Воспоминанія французскаго министра о Крымской кампаніи. — Швейцарскій походъ Суворова. — Дипломатическія воспоминанія лорда Лофтуса 1860—1870 годовъ. — Мемуары принца Жуанвильскаго. — Французскій романъ съ русскими героями, шигилями и окультизмомъ.

ИНДІЙСКІЙ ОФИЦЕРЪ», пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, издалъ двухтомную книгу «Походъ Россіи на Индію», съ новою картою Центральной Азіи (Russia's march towards India, by an indian officer). Индѣецъ этотъ объясняетъ появленіе своей книги недостаткомъ на англійскомъ языкѣ сочиненій, излагающихъ историческій ходъ движенія Россіи отъ Урала на Оксусъ. А между тѣмъ онъ приводитъ длинный списокъ источниковъ по этому предмету, умалчивая впрочемъ о главномъ: книгѣ Генри Гоурта «Исторія монголовъ», гдѣ подробно изложенъ ходъ всѣхъ русскихъ завоеваній въ Азіи. Кромѣ того, позднѣйшія сочиненія Раулинсона, Шюйлера, Керзона, достаточно разъясняютъ всѣ наши военныя и политическія дѣйствія въ средне-азиатскихъ земляхъ, но индѣйскій офицеръ считаетъ своею обязанностью повторять длиннѣйшія и утомительныя реляціи обо всѣхъ нашихъ стычкахъ съ киргизъ-кайсаками, узбекскими ханствами и проч. Даже англійская критика въ серьезныхъ журналахъ находитъ, что незначѣмъ поднимать всѣ эти старыя исторіи о томъ, отозванъ ли генераль Черняевъ въ 1866 году оттого, что «превысилъ свои инструкціи», или оттого, какъ полагаетъ индѣецъ, что не взялъ Джизака. Въ географіи страны авторъ также не ссылаясь, перепутываетъ мѣстныя названія, Сарыколь и Борзияла-Джай, по своему толкуетъ англо-русское соглашеніе 1873 года, отмежевываетъ значительную часть

Большихъ Памировъ Китаю, утверждаетъ, что Шугнанъ и Дарвазъ составляли всегда часть Бадахшанскаго ханства, принадлежащаго Афганистану, п т. п. Высказываетъ авторъ и совершенно дикія сужденія, въ родѣ того, что «по смерти Якубъ-бека китайцы совершили замѣчательную кампанію, возвративъ подъ свою власть западный Туркестанъ, что поставило Китай, какъ могучій факторъ, на ряду съ двумя великими державами, обладающими Азією». Кто же не знаетъ, что при жизни Якубъ-бека китайцы, хотя и держали многочисленную армію на границахъ владѣній, отнятыхъ у нихъ кашгарскимъ ханомъ, но не смѣли двинуться противъ него, и знаменитая кампанія ограничилась тѣмъ, что когда начались, по смерти Якуба, внутренніе раздоры въ странѣ, китайцы, двинувъ наконецъ свою армію, заняли безъ боя и безъ выстрѣла столицу ханства. Наконецъ индѣйскій офицеръ описываетъ даже небывалыя битвы близъ Памировъ: «въ Акташѣ, занятомъ афганцами, ихъ пригласили русскіе очистить укрѣпленіе, но, получивъ отказъ, бросились въ атаку, и всѣ, кто спасся отъ русскихъ пуль, принуждены были бѣжать». Но дѣло въ томъ, что въ Акташѣ не было никогда ни одного афганца, и русскіе, получивъ приказаніе уничтожить бывшее тамъ старое укрѣпленіе, очень спокойно совершили это, въ присутствіи дюжины китайцевъ, не оказавшихъ, конечно, никакого сопротивленія. Критикъ журнала «Academy» Стефенъ Уилеръ дѣлаетъ даже строгій выговоръ индѣйскому автору книги за то, что, состоя на службѣ англійскаго правительства, онъ не долженъ заподозрѣвать лояльности русскихъ въ ихъ договорахъ и утверждать, что всѣ заключаемыя съ ними условія не стоятъ бумаги, на которой они написаны. «Даже неуступчивость Россіи не должна служить извиненіемъ англійской глупости», — прибавляетъ критикъ.

— Бывшій морской министръ, французскій вице-адмиралъ Крантцъ, печатаетъ въ журналѣ «La Vie Contemporaine» морскія воспоминанія о Крымской кампаніи (Souvenirs maritimes). Ничего особенно замѣчательнаго нѣтъ въ этихъ воспоминаніяхъ, но они читаются съ интересомъ, потому что написаны безъ претензій и добросовѣстно. Особенно тяжела была для союзниковъ зима 1855—1856 года. Колодезная вода въ лагерѣ у Керченскаго пролива была не хороша, пришлось привозить опрѣснительные аппараты изъ Камыша. Суда продовольствовались водою въ 65—66 верстахъ отъ города, но когда наступившіе морозы сдѣлали невозможнымъ сообщеніе съ берегомъ, пришлось растапливать свѣгъ, чтобы добыть воду. Свѣстныя припасы получались сначала также съ берега, но когда русскіе очистили Анапу, это сдѣлалось невозможнымъ. Оставалось довольствоваться лагернымъ пайкомъ: свѣжее мясо потреблялось два раза въ недѣлю, но втеченіе четырехъ мѣсяцевъ не было ни листка капусты; добываніе рыбы прекратилось съ наступленіемъ холода: изъ рѣки ловили нѣсколько костистыхъ сельдей, изъ которыхъ варили супъ. Дичи было много, но изъ лагеря нельзя было выходить за черту передовыхъ постовъ. Во время густыхъ зимнихъ тумановъ казаки не разъ захватывали смѣлыхъ охотниковъ. Три офицера съ корабля «Коршунъ» были захвачены такимъ образомъ, и капитанъ получилъ отъ одного изъ нихъ письмо съ извѣщеніемъ, что они находятся въ плѣну, въ Каффѣ, гдѣ съ ними обходятся хорошо, но у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни приличнаго платья. Русскій генералъ позволилъ все привезти имъ моромъ, съ парламентаромъ. Крантцъ, бывшій тогда лейтенантомъ на кораблѣ «Тенаръ», отправленъ былъ парламентаромъ съ вещами и деньгами. На встрѣчу ему изъ

гавани Каффа вышла лодка съ русскимъ офицеромъ, указавшимъ мѣсто, гдѣ можно высадиться, но взявшимъ съ Крантца обязательство не снимать плана береговыхъ батарей. Въ крѣпости его принялъ полковникъ генеральнаго штаба и нѣсколько офицеровъ, между которыми были и плѣнные французскіе моряки. Ему позволили переговорить съ ними, подъ условіемъ не принимать отъ нихъ никакихъ письменныхъ сообщеній и вообще свѣдѣній, относящихся къ оборонѣ мѣстности. Крантцъ отвѣчалъ, что свѣдѣнія эти давно имѣются во французской арміи, и брался указать на чертежѣ укрѣпленій всѣ мѣста, гдѣ воздвигнуты береговыя батареи. Парламентера угощали чаемъ съ ромомъ, толковали о мирѣ, распечатали для формы письма плѣнныхъ, пересылаемыя къ роднымъ, и разрѣшили французскому судну, въ виду бурной ночи, остаться въ гавани до разсвѣта. Когда совершенно окрѣпнулъ ледъ вокругъ стоявшихъ въ проливѣ пяти судовъ, разнесся слухъ, что съ берега будетъ сдѣлана попытка захватить ихъ или сжечь. Это была бы очень рискованная попытка, но, тѣмъ не менѣе, были приняты всѣ мѣры предосторожности. 26-ти-градусныя морозы и снѣжныя мятели ставили часто въ критическое положеніе французскія суда. Когда въ мартѣ ледъ началъ раскочиваться, Крантцу удалось со своимъ судномъ вывести изъ затруднительнаго положенія фрегатъ «Севострисъ», и вмѣстѣ съ нимъ они спасли потомъ корабль «Кафарелли», которому угрожало крушеніе. Много подобныхъ мелкихъ, но характерныхъ случаевъ описано въ воспоминаніяхъ вице-адмирала.

— Отто Гартманнъ издалъ книгу «объ участіи русскихъ въ швейцарскомъ походѣ 1799 года» (*Der Antheil der Russen am Feldzug von 1799 in der Schweiz*). Главное достоинство книги заключается въ томъ, что авторъ былъ самъ въ мѣстахъ, по которымъ прошла армія Суворова, хорошо знакомъ съ окрестностями Цюриха и полемъ битвы подъ этимъ городомъ, съ Констанцемъ и всею мѣстностью между Рейномъ и Андельфингеномъ. Онъ изучилъ всѣ документы, относящіеся къ этому походу, и поэтому книга его гораздо полнѣе, чѣмъ «Описаніе сраженія подъ Цюрихомъ» Вильгельма Мейера, не говоря уже о пустомъ фразерѣ Бернгарди, подробно изложившемъ эту кампанію въ «біографіи Толля». Но Мейеръ относится пристрастно къ Корсакову, Бернгарди, хотя и опровергнулъ легенду о битвѣ въ ущельѣ Ури, но приплетаешь къ разсказу много вовсе не идущаго къ дѣлу. Даже историкъ Зибель, хорошо изложившій планъ атаки русскихъ, прибавляетъ малодостоверныя свѣдѣнія. Гартманнъ, напротивъ, ясно освѣщаетъ всѣ эпизоды похода. Такъ онъ изслѣдуетъ причины атаки на Готардъ, битвы у Чортова моста, отступленіе изъ ущелья Паникса. Онъ доказываетъ, что Суворовъ имѣлъ основаніе негодовать на австрійцевъ, заставившихъ его замедленіемъ присылки муловъ въ Таверне бездѣйствовать нѣсколько дней, отчего и произошелъ неуспѣхъ экспедиціи. Авторъ говоритъ, что Суворовъ пошелъ черезъ Готардъ, потому что не признавалъ никакихъ препятствій и затрудненій для осуществленія своего плана и былъ убѣжденъ, что преодолеетъ всѣ опасности. Гартманнъ порицаетъ безразсудный планъ Корсакова (*Korpfoses Behnemen*), его безпечность и невнаніе дѣла. Авторъ доказываетъ, что французамъ не защищали Урнерлоха, и показанія Толля и Тивенгаузена въ этомъ отношеніи предпочтительнѣе романтическихъ описаній Милютина и фантастическихъ разсказовъ австрійцевъ. Лекурбъ очень поздно вздумалъ защищать и взорвать Чортовъ мостъ и не рѣшался на это, опасаясь наступленія Ауфенберга. Гартманнъ передаетъ подробно, какъ Суворовъ, послѣ долгихъ

колебаній, рѣшился на отступленіе и напрасно не направился къ Валленштадтскому озеру. Но и въ конечныхъ выводахъ авторъ остается все тѣмъ же нѣмцемъ, неисправимымъ руссофобомъ, и утверждаетъ, что русскіе, кромѣ случаяевъ, когда ими предводительствовалъ Суворовъ, никогда не одерживали замѣчательныхъ побѣдъ надъ европейскими арміями. «Храбрость русскихъ неоспорима,—заключаетъ онъ,—но ихъ тактика ошибочная, а неумное командованіе ими ведетъ всегда къ пораженіямъ». И это говорится очень спокойно послѣ побѣдъ надъ величайшими полководцами Европы: Карломъ XII, Фридрихомъ II и, въ отечественную войну, Наполеономъ I.

— Вышли два новые тома «Дипломатическихъ воспоминаній лорда Августа Лофтуса» (*Diplomatic reminiscences of lord Augustus Loftus*). Въ прошломъ году мы говорили о первыхъ томахъ этихъ замѣчательныхъ мемуаровъ; появившіеся нынѣ относятся къ шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ нынѣшняго столѣтія и включаютъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей о причинахъ и ходѣ трехъ главныхъ войнъ того времени: прусско-австрійской, франко-прусской и русско-турецкой. Въ книгѣ, сверхъ того, помѣщены выдающіяся характеристики дѣятелей этой эпохи: Бисмарка, князя Горчакова, Росселя, Салисбери и др. Въ концѣ 1862 года Лофтусъ былъ посланникомъ въ Мюнхенъ и говоритъ, что три года его дипломатической службы при баварскомъ дворѣ были для него настоящимъ отдыхомъ. Онъ описываетъ съ ироніей несчастную страсть Людовика II къ музыкѣ будущаго и ея изобрѣтателю Вагнеру, отъ которыхъ Лофтусъ спасался только въ бесѣдахъ съ Либихомъ объ изобрѣтенномъ этимъ химикомъ мясномъ экстрактѣ и о системѣ, введенной имъ въ агрономическіе институты южной Германіи и состоящей въ томъ, что землѣ необходимо возвращать, въ формѣ навоза, всѣ тѣ химическіе элементы, которые находятся въ растеніяхъ, выросших на обработанной почвѣ. Въ началѣ 1866 г. лордъ отправился посломъ въ Берлинъ, гдѣ Бисмаркъ начиналъ уже угрожать Австріи, съ цѣлью лишить ее гегемоніи въ австро-германскомъ союзѣ. Напрасно французскій и даже англійскій министры иностранныхъ дѣлъ старались уладить этотъ вопросъ, Бисмаркъ понималъ, что это самое удобное время для захвата власти Пруссіею, и лордъ Лофтусъ соглашается съ тѣмъ, что это—«идея патріота и государственнаго дѣятеля». Онъ только не ожидалъ такого быстраго и рѣшительнаго ея осуществленія. «15-го іюня,—говоритъ посолъ,—я былъ у графа Бисмарка съ вечернимъ визитомъ. Мы бесѣдовали въ саду, и я не замѣтилъ, какъ пробило полночь. Бисмаркъ вынулъ вдругъ часы и сказалъ: въ эту минуту наши войска входятъ въ Ганноверъ, Саксонію и Гессенъ-Кассель. Дѣло это серьезное. Пруссія можетъ проиграть его, но во всякомъ случаѣ будетъ дѣйствовать честно и твердо. Если мы будемъ разбиты, я не вернусь сюда больше, а останусь гдѣ нибудь на полѣ послѣдней схватки. Лучше умереть, чѣмъ быть побѣжденнымъ». Въ какой степени одинъ дипломатъ повѣрилъ другому, неизвѣстно, но Бисмаркъ всегда говорилъ Лофтусу, что въ исторіи остаются имена только военныхъ людей, что даже Аттила выше Джона Брайта, а Веллингтонъ замѣчательнѣе, какъ военачальникъ, а не какъ государственный дѣятель. Въ Берлинѣ онъ ходилъ всегда въ генеральскомъ мундирѣ и въ каскѣ, которая у него всегда была подъ рукою. Однажды на обѣдѣ у него посланникъ Бенедетти, примѣривъ ее, замѣтилъ: голова графа гораздо больше моей. Лофтусъ находить, что это совершенно справедливо во всѣхъ отношеніяхъ. Поводы къ франко-прусской

войнѣ англійскій посоль приписываетъ Луи-Наполеону и графу Грамону. Лофтусъ всегда былъ на сторонѣ Германіи, но когда, въ іюлѣ 1870 года, предложилъ, отъ имени своего правительства, принять на его попеченіе взятыхъ въ плѣнъ французовъ, обѣщая такое же покровительство ч нѣмецкимъ плѣннымъ во Франціи, Бисмаркъ отвѣчалъ, что въ этомъ предложеніи всѣ нѣмцы увидятъ пристрастіе Англии къ французамъ. Лофтусъ заботился, однако, о 300.000 плѣнныхъ. Суммы на содержаніе плѣнныхъ опредѣлялись самыя незначительныя, но ими всѣ довольствовались, исключая маршала Базена, который, привезенный въ Кассель, тотчасъ же потребовалъ полного содержанія, соответствовавшаго его званію и написалъ объ этомъ Лофтусу очень плохимъ англійскимъ языкомъ. По окончаніи войны Лофтусъ былъ переведенъ посломъ изъ Берлина въ Петербургъ, гдѣ пробылъ съ 1872 по 1879 годъ, когда промѣнялъ дипломатическое поприще на губернаторство въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Пребываніемъ его при петербургскомъ дворѣ оканчиваются мемуары, но въ этой части ихъ преобладаютъ официальные документы. Лофтусъ не былъ тонкимъ наблюдателемъ и сообщалъ своему двору только совершившіеся факты. Восточный вопросъ онъ мало разрабатывалъ, а въ событіяхъ центральной Азіи и совершенно путался. Онъ былъ усерднымъ поклонникомъ князя Горчакова и писалъ своему министру Дерби: «петербургскій дворъ блестящій и держитъ себя превосходно. Въ немъ есть какое-то восточное величіе. Придворныя балы блестятъ черкесскими костюмами и разнообразіемъ мундировъ, неграми у каждаыхъ дверей, живописнымъ нарядомъ казаковъ, роскошью дамскихъ туалетовъ отъ Ворта и блескомъ ихъ драгоценностей — брилліантовъ, сафировъ и бирюзы. Освѣщеніе восковыми свѣчами какого я не видѣлъ ни при одномъ дворѣ. Ихъ величества встрѣчаютъ своихъ гостей съ такою граціею и любовью, что праздники Зимняго дворца никогда нельзя забыть. Особенно блистателенъ «балъ пальмъ», когда залы дворца превращаются въ пальмовую рощу. Около каждаго дерева накрывается столъ для ужина, и эти громадныя деревья привозятся всякій разъ изъ царскосельскихъ оранжерей, страдая, конечно, отъ этой перевозки. На этомъ праздникѣ чай, на который были приглашены послы всѣхъ державъ, сервировали въ апартаментахъ дворца, гдѣ происходили самыя веселыя праздники временъ Екатерины». О войнѣ Россіи съ Турціею Лофтусъ говоритъ немного и вмѣсто затруднительныхъ разсужденій о томъ, какъ исполнять предписанія министерства относительно движенія англійскаго флота къ Константинополю, отдѣливается такими анекдотами: «у императора есть любимый догъ по имени «Милордъ», никогда его не оставляющій. Послѣ одного обѣда, въ небольшомъ кружкѣ приглашенныхъ, императоръ отошелъ въ нишу и повалъ громко: «Милордъ!» Думая, что онъ зоветъ меня, я подошелъ къ нему, но онъ звалъ свою собаку и, смѣясь надъ моей ошибкой, показалъ мнѣ номеръ «Понча», гдѣ въ карикатурѣ были представлены европейскіе монархи, играющіе въ вистъ, и русскій императоръ поднялъ высоко вверхъ карту. «Объясните мнѣ это»,—сказалъ онъ. Я затруднился, но отвѣчалъ: «политическое положеніе Европы изображено партіею виста, и ваше величество должны рѣшить—продолжать игру, или нѣтъ». Подобныхъ анекдотовъ не мало въ мемуарахъ Лофтуса.

— Не лишены также интереса мемуары принца Жуанвильскаго (*Vieux Souvenirs*, 1818 — 1848). Автору ихъ уже 76 лѣтъ, и сынъ Луи-Филиппа разсказываетъ просто, безъ претензій, свою жизнь, начиная съ 5-ти-лѣтняго

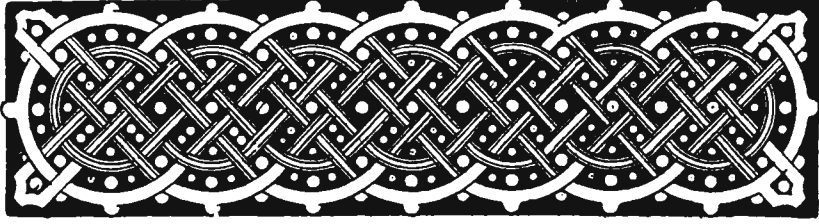
возраста до 1848 года. Онъ самъ иллюстрировалъ ея сцены, какъ хорошій рисовальщикъ. Многое пришлось пережить принцу, обѣдавшему съ Людовикомъ XVIII въ Тюльери, видѣвшему коронацію въ Реймсѣ, потомъ, въ званіи капитана фрегата, привезшему во Францію прахъ Наполеона, затѣмъ пережившему въ изгнаніи своего отца, вторую республику, вторую имперію и 24 года третьей республики. Принцъ касается, конечно, многихъ политическихъ событій, но о многомъ умалчиваетъ. Такъ, остается не разъясненною загадочная смерть принца Конде и участіе въ ней г-жи Фёшеръ, получившей по завѣщанію часть состоянія Конде. Встрѣчаются у него и комическіе анекдоты, какъ, напримѣръ, сцена, когда принцъ Жуанвильскій, видѣвшій на ярмаркѣ Нельи, какъ на публичномъ балу гвардейскіе офицеры отплясывали съ прачками новоизобрѣтенный танецъ канканъ, вздумалъ обучать ему сестеръ своихъ, герцогиню Виртембергскую, королеву Бельгійскую и строгую герцогиню Клементину Орлеанскую. Онъ рассказываетъ также, что во время посѣщенія имъ церкви гроба Господня въ Иерусалимѣ органъ вздумалъ заиграть, въ честь принца, Марсельезу. Покушенія на жизнь короля были такъ часты, что послѣ одного изъ такихъ случаевъ принцъ обратился къ министру двора съ вопросомъ: не слѣдуетъ ли идти къ королю и поздравить его съ избавленіемъ отъ опасности. «Непремѣнно,—отвѣчалъ министръ,—это всегда дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ». Онъ приводитъ также слова Талейрана, предсказавшаго участь орлеанской династіи: она покончится не кинжаломъ, не пистолетомъ, а просто камнями, которые свалятся на нее съ верху въ одинъ прекрасный день. Принцъ долго служилъ съ честью во флотѣ. Онъ не очень сочувственно относится, однако, къ англичанамъ. Довольно интересны его наблюденія во время посѣщенія имъ Сѣверной Америки. Въ Филадельфіи когда онъ вздумалъ побывать тамъ въ театрѣ, на афишахъ напечатали крупными буквами: въ половинѣ девятаго будетъ принцъ Жуанвильскій. Авторъ подробно описываетъ переворотъ, изгнавшій Карла X. Узнавъ объ ордонасахъ короля, Луи-Филиппъ сказалъ: «дураки, ихъ опять прогонятъ. Я уже дважды испыталъ изгнаніе, съ меня этого довольно, я останусь во Франціи». Но принцъ не рассказываетъ, какъ прогнали самого Луи-Филиппа, вздумавшаго также при подобныхъ обстоятельствахъ разыгрывать роль самодержца. Увѣренія автора, что Луи-Филиппъ примкнулъ къ народному движенію съ цѣлью возвести на престолъ Генриха V также весьма сомнительны. У него много воспоминаній и о своихъ братьяхъ. Герцогъ Орлеанскій былъ большой любитель прекраснаго пола и часто подвергался опасностямъ во время своихъ походовъ. Однажды, въ пустынной улицѣ, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ хорошенькой швейкой, ихъ настигла толпа инсургентовъ, принявшихъ устраивать барикаду. Герцогъ поднялъ воротникъ своего пальто и впрягся въ карету, которую тащили, чтобы опрокинуть на барикаду. Онъ такъ усердно помогаль воздвигать ее, что обезоруживалъ всякое подозрѣніе, но потомъ, воспользовавшись удобной минутой, скрылся, а черезъ часъ уже въ мундирѣ на конѣ командовалъ атакой на барикаду, которую только что сооружалъ. О 1848 годѣ говорится очень немного. Съ братомъ своимъ герцогомъ Омальскимъ принцъ былъ тогда въ Алжирѣ и долженъ былъ оставить Францію. Онъ прожилъ въ Англіи 22 года, вернулся на родину во время комюны. Въ концѣ мемуаровъ онъ возстаетъ противъ плебисцитовъ и всенароднаго голосованія и говоритъ, что только монархіи могутъ противостоять революціоннымъ движеніямъ, а

не прибавляетъ, что орлеанская династія, имущества которой захватилъ Луи-Наполеонъ, вытребовала ихъ отъ республики, ограбленной Пруссією и потерпѣвшей столько бѣдствій, но уплатившей еще 50 милліоновъ франковъ орлеанской фамиліи.

— Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о новомъ французскомъ романѣ, произведемъ впечатлѣніе въ литературномъ мірѣ, и героями котораго являются наши соотечественники. Намъ уже не разъ приходилось замѣчать, что французская публика съ интересомъ набрасывается на романы изъ русской жизни, и беллетристы стараются, конечно, угождать современному вкусу и направленію. Теперь также мода на все таинственное, на гипнотическія, окултическія и т. п. явленія, и вотъ сынъ извѣстнаго историка Огюстена Тьерри соединилъ всѣ эти стремленія и написалъ сенсаціонный романъ «Марфа» (Marfa). Онъ уже и прежде писалъ сочиненія въ духѣ декадентовъ, символистовъ и окултистовъ, хотя и пускался также въ историческія изслѣдованія XVII вѣка, 1813 года и второй имперіи. Нынѣшній романъ его относится къ 1884 году и написанъ въ строго документальномъ, почти протокольномъ тонѣ. Ученый Шераваль, изслѣдователь санскритскихъ корней въ славянскихъ нарѣчійхъ, посылается министромъ просвѣщенія въ департаментъ верхней Сены, въ замокъ, купленный русскимъ эмигрантомъ Волкинымъ. Этотъ замокъ выстроенъ на мѣстѣ абатства, разрушеннаго въ 1793 году и въ библиотекѣ котораго хранится рѣдкій палимпсестъ съ псалмами X вѣка, написанными на греческомъ пергаментѣ II вѣка, заключавшемъ въ себѣ миллезійскія сказки Луція Патрасскаго. Британскій музей хочетъ также приобрести этотъ палимпсестъ, вмѣстѣ со всею библиотекою Волкина, и дѣло состоитъ въ томъ, чтобы предупредить англичанъ. Князь Владиміръ Ивановичъ Волкинъ, богатый херсонскій помещикъ, 65 лѣтъ, долго жившій во Франціи, купилъ тамъ имѣніе съ развалинами бывшаго абатства и собралъ въ немъ коллекцію рѣдкихъ вещей и книгъ. Волкинъ мизантропъ и нигилистъ, но правительство относится къ нему снисходительно. Въ 1882 году онъ ѣздилъ въ свое херсонское имѣніе и умеръ тамъ въ то время, когда жена его жила въ купленномъ имъ французскомъ имѣніи. Шераваль отправляется туда и попадаетъ въ замокъ наканунѣ свадьбы. Вдова Волкина выходитъ замужъ за сына мирового судьи, пользовавшагося дружбою ея покойнаго мужа. Они познакомились еще въ Россіи, когда французъ былъ консуломъ въ Херсонѣ. Марфа влюблена въ своего жениха, хотя онъ подверженъ сомнамбулизму и галлюцинаціямъ. Въ домѣ Волкиной живетъ раскольничій попъ-полудіотъ, фанатикъ, наносящій себѣ раны и терзающій свою плоть въ чаяніи будущихъ благъ. У мирового судьи есть врагъ—слѣдственный судья, который, однако, приглашенъ, какъ свидѣтель при брачномъ обрядѣ. Шераваль узнаетъ въ замкѣ, что библиотека уже продана англичанамъ, и драгоцѣнный палимпсестъ пропалъ, но онъ, все-таки, роется въ рукописяхъ и надѣется отыскать въ нихъ слѣды миллезійскихъ сказокъ. Въ ту минуту, когда надо садиться въ экипажъ, чтобы отправляться въ мерію, женихъ приглашаетъ всѣхъ гостей въ библиотеку и тамъ начинаетъ рассказывать имъ дикую исторію. Съ первыхъ же словъ онъ объявляетъ, что въ Херсонѣ, познакомившись съ женою Волкина, сдѣлался ея любовникомъ. Онъ уже собрался уѣхать изъ Херсона, когда получилъ извѣстіе, что въ эту же ночь должны арестовать Волкина, жившаго въ своемъ имѣніи въ 30-ти верстахъ отъ города. Необходимо было спасти

его, хотя въ то же время, если бы онъ былъ взятъ, Марфа сдѣлалась бы свободною. Послѣ недолгаго колебанія консуль поѣхалъ, однако, вечеромъ въ имѣніе по степи, покрытой свѣгомъ. Волкинь согласился бѣжать съ нимъ; они сѣли вдвоемъ въ сани и поскакали въ городъ, гдѣ Волкинь нашелъ бы убѣжище въ консульствѣ. По дорогѣ на нихъ напали волки, они бросались на лошадей, и консуль нѣсколько разъ хватался за свой револьверъ. Волкинь говорилъ ему съ насмѣшкой: «ты вѣрно думаешь о томъ, если его съѣдятъ волки, я женюсь на его вдовѣ». Тогда любовникъ выстрѣлилъ, но не въ волковъ, а въ мужа и сбросилъ его съ саней. Падая, онъ вскричалъ: «ты не женишься на Марфѣ: въ день твоего брака ты расскажешь судьямъ о своемъ преступленіи». И послѣ этого разсказа слѣдственный судья отправляется за жандармами, чтобы взять преступника; отецъ, Марфа, уговариваютъ его бѣжать, но ихъ остававливаетъ раскольничій попъ, говоря, что только одна смерть можетъ искупить ихъ преступленіе. И онъ подаетъ имъ ядъ въ деревянной чашѣ. Въ виду двухъ труповъ жандармы берутъ попу въ тюрьму, гдѣ онъ и повѣсился. Странной является вся эта исторія гипнотическаго внушенія, сдѣланнаго убійцѣ, перемѣшаннаго съ его лунатическими припадками, во время которыхъ онъ бродилъ по библіотекѣ,нося съ собой палимпсестъ, соскабливая съ него греческій подлинникъ. Несообразностей бездна, но интересъ къ таинственному, хотя и нелѣпому, увлекаетъ французовъ. «Къ чему напрасно спорить съ вѣкомъ!» — сказалъ уже давно русскій поэтъ.

СМѢСЬ.

ОТКРЫТИЕ памятника Императору Александру II въ Гельсингфорсѣ. Въ первый день пасхи и день рожденія Александра II финскій народъ открылъ въ столицѣ Финляндіи сооруженный имъ памятникъ русскому императору. На это народное торжество со всѣхъ концовъ Финляндіи съѣхались народные представители; присутствовавшихъ было около тридцати шести тысячъ человѣкъ. Въ вокзалѣ встрѣчалъ пріѣзжихъ полицеймейстеръ города и по его приказу размѣщали пріѣзжихъ по частнымъ квартирамъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы наемная плата не была чрезмерной, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Наканунѣ торжества городъ украсился флагами, транспарантами съ инициалами Александра II, гирляндами и цвѣтами. На лучшихъ улицахъ не было окна, гдѣ бы не красовался портретъ императора. Всѣ шведскія и финскія газеты вышли наканунѣ торжества съ портретами императора и руководящими статьями, гдѣ разъяснялось великое для народа событіе. Сенатская площадь была убрана флагами, нестрѣвими между гирляндами хвоя съ яркими розами. Вокругъ памятника, покрытаго синею пеленою, были устроены мостки для высшихъ представителей страны и земскихъ чиновъ. По правую сторону памятника высилась ораторская трибуна. По лѣвой сторонѣ, передъ университетомъ—большая эстрада для оркестровъ музыки и пѣвческихъ хоровыхъ обществъ. День открытія памятника начался богослуженіемъ въ Николаевскомъ лютеранскомъ соборѣ, куда собрались сенаторы, губернаторы финляндскихъ губерній, начальники отдѣльныхъ учреждений и войскъ, иностранные консулы и пр. За земскими чинами, ближе къ каедрѣ, были отведены мѣста для представителей печати. За ними сидѣли депутаты изъ разныхъ мѣстъ Финляндіи и служащіе въ правительственныхъ учрежденияхъ. Молебствіе началось пѣніемъ псалма, который былъ пропѣтъ подъ аккомпаниментъ органа, стоя. По окончаніи пѣнія на каедрѣ взшелъ абос-

скій архіепископъ Ренваль и сказалъ сначала на финскомъ, затѣмъ на шведскомъ языкахъ проповѣдь о значеніи дня, связаннаго съ памятью императора и великаго князя Финляндіи, благодѣтеля и защитника финскаго народа и края. Послѣ проповѣди всѣ вновь поцѣялись съ своихъ мѣсть и пропѣли псалмы за страну и народъ.

По окончаніи пѣнія, сенаторы, земскіе чины сейма и собравшіяся въ соборѣ лица, помѣстившись на приготовленныхъ мѣстахъ вокругъ памятника. Въ сенатъ въ это время изъ собора пришли сенаторы и финляндскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ графъ Э. Л. Гейденъ. Генераль-губернаторъ, въ предшествіи оберъ-церемоніймейстера и сенаторовъ, вышелъ въ сопровожденіи генераловъ и адъютантовъ и направился къ памятнику, гдѣ для него было приготовлено мѣсто съ лѣвой стороны памятника. Хоры музыки и пѣвцовъ исполнили «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» и затѣмъ хоралъ Лютера «Eine feste Burg ist unser Gott». Когда музыка и пѣніе стихли, на громадной площади сената наступила тишина. Всѣ ждали слова монарха, сына того государя, котораго чествовалъ весь финскій народъ. Генераль-губернаторъ, выступивъ впередъ ближе къ памятнику и ораторской трибунѣ, прочелъ рескриптъ государя. Послѣ этого предсѣдатель судебного департамента сената баронъ Пальменъ прочелъ переводы на финскій и шведскій языки этого рескрипта. Крики «ура» были отвѣтомъ на слова монарха. Когда все опять смолкло, ландмаршалъ Геленсъ, взоидя съ ландмаршалскимъ жезломъ на трибуну, обратился къ генераль-губернатору за разрѣшеніемъ снять завѣсу съ памятника.

Ровно въ 1 часъ 15 мин. дня завѣса спала, и глазамъ собравшихся представилась статуя Александра II, стоящаго на коричневаго цвѣта гранитномъ пьедесталѣ, въ той позѣ, въ какой онъ находился во время открытія сейма въ 1863 году. Прекрасно отлитая изъ темной французской бронзы, статуя замѣчательно похожа на покойнаго императора. Онъ стоитъ съ непокрытой головою. На немъ свитскій мундиръ, цѣпь ордена Андрея Первозваннаго и лента ордена св. Владиміра. Нижнюю часть постамента окружаютъ бронзовыя аллегорическія фигуры: «Справедливое правосудіе, охраняемое царственною силою», «Просвѣщеніе и искусства», «Миръ» и «Трудъ». Вокругъ памятника четыреobeliska съ фонарями. На трибуну взошелъ представитель городского сословія сейма, комерціи совѣтникъ Куртгёнъ, изъ города Вааы и обратился къ собравшимся со слѣдующими словами на шведскомъ языкѣ:

«Многуважаемые сограждане! Для чествованія памяти незабвеннаго благодѣтеля своего императора Александра II и для сохраненія образа благороднаго и обожаемаго монарха для грядущихъ поколѣній, финскій народъ воздвигъ памятникъ, съ котораго только что спала завѣса. Если только когда нибудь можно сказать про памятникъ, что онъ вылился изъ народнаго сердца, то, безъ сомнѣнія, такъ случилось съ этимъ памятникомъ». Далѣе ораторъ передалъ исторію сооруженія памятника, авторомъ котораго былъ сынъ знаменитаго финляндскаго поэта Вальтеръ Рунебергъ, и затѣмъ перешелъ къ событіямъ царствованія Александра II.

«Великое дѣяніе, исполненное императоромъ Александромъ II въ Россіи, за которое онъ приобрѣлъ названіе Царя-Освободителя, должно возбудить у каждаго человека, къ какой-бы онъ нація ни принадлежалъ, удивленіе и уваженіе. Онъ былъ также и нашимъ великимъ княземъ. Онъ отечески заботился и думалъ также и о насъ. При этихъ заботахъ о Финляндіи отъ его яснаго взгляда не могло укрыться, что право принимать участіе въ законодательствѣ и въ завѣдованіи своими внутренними дѣлами издревле принадлежало финскому народу. Онъ нашелъ у этого народа хорошую почву, на которой можно было строить по его плану, и тѣмъ осуществитъ надежды народа. Онъ возбудилъ поэтому къ новой жизни народное

представительство въ Финляндіи. Отъ него исходила инициатива всёхъ тѣхъ успѣховъ, которые достигнуты были въ Финляндіи за послѣднія три десятилѣтія посредствомъ совмѣстной дѣятельности правителя и народа въ законодательствѣ и въ мѣропріятіяхъ къ духовному и матеріальному развитію народа». Ораторъ привелъ далѣе слова, которыя монархъ высказалъ при открытіи сейма въ 1863 году, и которыя обнаружили его чувства и довѣріе къ финскому народу: «Съ моей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между государемъ и народомъ. Я желаю, чтобы согласіе это послужило и впредь залогомъ благопріятныхъ отношеній, установившихся между мною и честнымъ и вѣрнымъ финскимъ народомъ. Онъ будетъ могущественно содѣйствовать благосостоянію края, столь близкаго моему сердцу, и послужитъ для меня новымъ побужденіемъ созывать васъ въ опредѣленные сроки». Эти слова дадутъ самое краснорѣчивое объясненіе возникновенію этого памятника.

Послѣ этой рѣчи на трибуну взошелъ тальманъ крестьянскаго сословія на сеймѣ, крестьянинъ Вярри, и обратился къ собранію съ рѣчью на финскомъ языкѣ:

«Возстанъ, благородный, кроткій монархъ, благословенную память котораго твой финскій народъ сегодня правдууетъ. Возстанъ передъ глазами нашими свидѣтелемъ чувствъ любви и благодарности, коими мы были къ тебѣ привязаны! Прими отъ насъ подтвержденіе твоихъ собственныхъ великодушныхъ словъ, которыя мы, собравшіеся на это торжество законные представители финскаго народа, отъ всего сердца повторяемъ: «съ твоей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между государемъ и народомъ».

Далѣе шли восторженныя восхваленія монарха. Онъ кончилъ рѣчь слѣдующими стихами:

И мудрость измѣняется, корона власти падаетъ.
 Минутные боги будутъ зарыты въ могилу забвенія,
 *Одно лишь устоитъ вѣчнымъ въ камень:
 «Любовь народа».

Рѣчь крестьянина Вярри произвела сильное впечатлѣніе.

Послѣ привѣтственныхъ рѣчей, оркестръ и хоры исполнили гимнъ «Боже, Царя храни» и финляндскій гимнъ «Vartland» (наша страна). Какъ только раздались первые звуки гимна, студенты склонили свои знамена, а всѣ присутствующіе обнажили головы. Вслѣдъ затѣмъ ландмаршалъ Геленсъ, какъ предсѣдатель дворянскаго сословія на сеймѣ, взошелъ на трибуну и сказалъ рѣчь на финскомъ языкѣ:

«Финскій народъ! Присутствуя здѣсь среди представителей твоихъ, ты прислалъ сюда также свидѣтелей изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ. Подъ твою заботливую, вѣрную охрану ввѣряется нынѣ этотъ дорогой намъ памятникъ благороднѣйшему государю, и твоей горячей любви предоставляется свидѣтельствовать передъ современниками и потомствомъ и повѣствовать граду душнымъ поколѣніямъ, какъ государь, великодушный, мудрый, правдивый, искренній, добрый и кроткій, приобрѣлъ лучшую награду монарховъ, свободную, глубокую и почтительную любовь своего народа! Гельсингфорская община! тебѣ досталось почетное довѣріе—быть ближайшимъ хранителемъ памятника. Столица Финляндіи, оставайся вѣчно достойной такого довѣрія. Не забывай, что взгляды всей Финляндіи обращены на тебя».

Предсѣдатель гласныхъ Гельсингфорса, Мехелинъ, въ черномъ фракѣ, съ лентою ордена Станислава черезъ плечо, взоидя на трибуну, снялъ съ головы цилиндръ и обратился къ ландмаршалу съ слѣдующими словами:

«Господинъ ландмаршалъ! Открытіе памятника, воздвигнутаго финскимъ народомъ императору и великому князю Александру II, привѣтствуется жителями столицы съ глубокою, душевною радостью. Нынѣшнимъ и будущимъ поколѣніямъ царскій памятникъ будетъ говорить на своемъ нѣмомъ, но тѣмъ не менѣе краснорѣчивомъ языкѣ о славномъ царствованіи Александра II, о многостороннемъ развитіи отечества, начавшемся въ Финляндіи при возстановленіи государемъ нашихъ сеймовъ,—о преданной любви, составляющей отвѣтъ народа на довѣріе монарха. Отъ земскихъ чиновъ края столица съ благодарностью и почтеніемъ принимаетъ на себя почетное порученіе пещись объ этой драгоцѣнной національной собственности».

Послѣ этого студенческое и другія хоровыя общества исполнили написанный къ этому случаю Арви Геннесомъ гимнъ и патріотическія пѣсни. Въ это время на подножіе памятника были возложены вѣнки—предсѣдателями: судебного департамента сената барономъ Пальменъ и хозяйственнаго департамента шталмейстеромъ сенаторомъ Н. Туднеръ—отъ сената, ландмаршаломъ Геленсъ и графомъ Крейцъ—отъ рыцарей и дворянъ, аббасамъ архіепископомъ Реваль и куопіоскимъ епископомъ Йогансеномъ—отъ духовнаго сословія; комерціи совѣтникомъ г. Куртинъ—отъ городского сословія, крестьяниномъ Вярри—отъ крестьянскаго сословія; генераль-маіоромъ Синнербергомъ и барономъ Сильверсванъ—отъ финскаго гвардейскаго батальона. Флигель-адъютантомъ полковникомъ Савоніусъ—отъ 1 нюландскаго стрѣлковаго батальона и г-жами Оманъ, Нюстремъ Палинъ, Пальменъ, Руннебергъ и Сетене и дѣвицами Аспелинъ, Естландеръ, Мерманъ, Нюбергъ и Токеліусъ—отъ гельсингфорскихъ дамъ и дѣвицъ. Когда всѣ вѣнки были возложены, музыка заиграла торжественный маршъ. Студенты и студентки дефилировали мимо памятника, преклоняя предъ нимъ свои знамена. Этимъ и закончился обрядъ открытія памятника.

Отчетъ Саратовскаго Общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ съ 19-го мая 1891 года по 22-е декабря 1893 г. За 1891—1893 г. въ Обществѣ числилось: почетныхъ членовъ 1, пожизненныхъ 1, дѣйствительныхъ 15, членовъ соревнователей 4, а всего 21. За 1893 г. не внесли платы пять членовъ. Въ отчетномъ періодѣ Совѣтомъ произведены: одна выдача пособия семьѣ умершаго писателя въ 25 рублей и четыре ссуды четыремъ лицамъ по 25 рублей каждая. А всего со времени возникновенія Общества, за всѣ шесть лѣтъ, ссуды выданы были 14 лицамъ; изъ нихъ 4 лицамъ 2 раза. Всего въ ссуды было выдано 457 рублей. Возвращены ссуды полностью двумя лицами; не полностью возвращались тоже двумя. Въ числѣ возвратившихъ полностью одинъ бралъ ссуду два раза и оба раза возвратилъ. Всего возвращено ссудъ на сумму 210 рублей. Въ долгахъ по ссудамъ Общество имѣетъ 247 рублей. Что касается занятій Совѣта по увеличенію средствъ Общества, обращено было вниманіе на изданіе «Путеводителя по Волгѣ» Я. П. Кучина, уступленнаго въ пользу Общества вдовою автора. Рѣшено было «Путеводитель», выдержавшій уже два изданія, вновь переиздать, пополнивъ его необходимыми свѣдѣніями; а для собиранія послѣднихъ было постановлено асигновать 150 рублей лицамъ, которыя бы взялись за работу по доставкѣ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе, задуманное изданіе доселѣ не осуществилось. С. С. Гусевъ получилъ отъ совѣта 110 рублей, но доселѣ не сообщилъ свѣдѣній, обѣщая ихъ доставить. Другой членъ по служебнымъ обязанностямъ не могъ выполнить своего обѣщанія. Совѣту удалось осуществить другое предпріятіе: изданіе сборника по исторіи Саратовскаго края. Эта работа, очень сложная, требовала и много времени, и много труда, и достаточныхъ затратъ. Но Совѣтъ обѣщаль изданіе сборника, нужно было сдержать слово. Плодомъ работъ явился рукописный фоліантъ, изъ котораго составила бы книга въ 4° до 60-ти печатныхъ листовъ. Весною 1892 г. этотъ полновѣсный фоліантъ былъ отправленъ въ Московскую цензуру, гдѣ на просмотръ его было упо-

треблено время до половины зимы 1892—1893 г.; здѣсь сборникъ значительно утратилъ свой объемъ: семь статей совсѣмъ осталось въ цензурномъ комитетѣ; остальные были урѣзаны, сокращены, частью исправлены. Въ новомъ видѣ сборникъ представлялъ меньшей интересъ, тѣмъ не менѣе Совѣтъ рѣшилъ его печатать. Типографія губернскаго правленія согласилась печатать по 14 рублей съ печатнаго листа. Въ маѣ сборникъ наконецъ вышелъ изъ печати въ количествѣ 600 экземпляровъ, подъ заглавіемъ: «Саратовскій край. Историческіе очерки, воспоминанія и матеріалы. Изданіе Саратовскаго Общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ». Сочувственно высказалась о «Саратовскомъ краѣ» и столичная пресса, ея крупные представители, какъ «Вѣстникъ Европы». По декабрь 1893 г. книга разошлась въ количествѣ 134 экземпляровъ, на сумму 161 руб. 13 коп. Съ мая 1891 г. до конца 1893 г. Общество израсходовало 736 рублей 88 коп. Въ настоящее время имѣеть: на лицо 1173 руб. 46 к., въ долгахъ 357 рублей и, кромѣ того, до 400 непроданныхъ экземпляровъ книги «Саратовскій край».

Отчетъ Пензенской общественной имени М. Ю. Лермонтова библиотеки за 1893 г. Въ пензенскомъ обществѣ давно уже назрѣвала мысль объ учрежденіи въ Пензѣ общественной библиотеки, такъ какъ частныя библиотеки, существовавшія въ городѣ, не могли удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ общества. Какъ коммерческія предпріятія, эти библиотеки руководились коммерческими соображеніями и пополняли одинъ только беллетристическій отдѣлъ, почти совсѣмъ не заботясь о приобрѣтеніи книгъ серьезнаго научнаго содержанія, въ которыхъ, однако, чувствовалась значительная потребность. Удовлетворить этой потребности общества могла только общественная библиотека. Именно такого рода библиотека открылась въ концѣ 1890 года въ Харьковѣ, и уставъ ея, ознакомивъ пензенское общество съ организаціей этого новаго и симпатичнаго учрежденія, послужилъ поводомъ къ образованію небольшого общества, поставившаго себѣ задачей учрежденіе подобной библиотеки въ Пензѣ. На этихъ основаніяхъ былъ выработанъ учредителями уставъ Пензенской общественной имени М. Ю. Лермонтова библиотеки и 7-го октября 1891 года утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ съ весьма значительными измѣненіями, изъ которыхъ особенно существенно недопущеніе лицъ женскаго пола къ непосредственному участию въ общихъ собраніяхъ членовъ библиотеки. Первое собраніе членовъ библиотеки состоялось въ 1892 году, всего только изъ 30 лицъ, избравшихъ изъ своей среды правленіе. Не имѣя ни капитала, ни запаса книгъ, правленіе должно было начать новое дѣло буквально съ ничего. Поэтому прежде всего оно занялось изысканіемъ средствъ, которыя должно было доставить мѣстное общество. Въ мѣстныхъ «Вѣдомостяхъ» и въ столичныхъ газетахъ были напечатаны приглашенія къ пожертвованіямъ книгами и деньгами и разосланы по 244 адресамъ болѣе извѣстнымъ лицамъ, имѣвшимъ какія либо отношенія къ Пензѣ, также къ авторамъ, ученымъ обществамъ и т. д. Результатомъ этихъ мѣръ было поступленіе 440 рублей денежныхъ пожертвованій (въ томъ числѣ мѣстныхъ 115 руб. 15 коп.) и 1.319 книгъ въ 2.182 томахъ. Кромѣ того, мѣстная городская дума постановила приобрѣсти на 1.000 рублей книгъ и передать ихъ въ пользованіе библиотеки. Открыта Лермонтовская библиотека для публики 1-го октября 1892 года. Ко дню открытія число ея членовъ возросло до 107, въ настоящее время оно доходитъ до 195. Цифра эта, принимая во вниманіе 45.000 населеніе города, обнаруживаетъ слишкомъ ничтожный процентъ лицъ, интересующихся учрежденіями такого рода, какъ Лермонтовская библиотека. На 1893 годъ было выписано на русскомъ языкѣ 23 ежемѣсячныхъ журнала, 11 еженедѣльныхъ и 10 ежедневныхъ газетъ, 4 журнала на французскомъ языкѣ, 2 на нѣмецкомъ и 1 на польскомъ, а всего вмѣстѣ съ пожертвованными 53 названія въ 79 экземплярахъ. Кромѣ

газетъ, правленіе выписало втеченіе 1893 года слишкомъ на 630 руб. книгъ. Библіотека, кромѣ абонементной платы, получила слишкомъ 1.000 рублей изъ постороннихъ источниковъ, что дало ей возможность, не смотря на значительныя затраты, закончить первый годъ своего существованія не только безъ дефицита, но даже съ остаткомъ въ 900 рублей. Кромѣ денежныхъ пожертвованій, въ бібліотеку поступило также нѣсколько крупныхъ пожертвованій книгами. Въ отчетномъ году въ бібліотеку пожертвовано книгъ 1.286 названій въ 2.257 томахъ, что вмѣстѣ съ оставшимися отъ прошлаго года и приобретенными составляетъ 7.567 томовъ; слѣдовательно количество книгъ въ бібліотекѣ возросло втеченіе отчетнаго года на 50% слишкомъ. Общее число подписчиковъ къ 1-му декабря 1892 г. составляло 189 (средняя цифра); къ 1-му октября 1893 года число ихъ возросло до 400 слишкомъ. Количество выданныхъ книгъ достигаетъ до 13.088 въ годъ, т. е. за вычетомъ 41 табельнаго дня, когда бібліотека бываетъ закрыта, приходится по 40 выдачъ книгъ въ день, не считая періодическихъ изданій и требованій изъ читальнаго зала. Большое количество требованій приходится на журналы: «Русская Мысль», «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ» и «Историческій Вѣстникъ», затѣмъ «Русскій Вѣстникъ», «Русское Богатство», «Русская Старина» и т. д. Но если взять цифру требованій на журналы текущаго года и раздѣлить ее на количество выписываемыхъ экземпляровъ журнала, тогда первое мѣсто по количеству требованій займетъ «Наблюдатель» (116), затѣмъ «Историческій Вѣстникъ» (111), «Сѣверный Вѣстникъ» (110), «Русское Обозрѣніе» (107), «Русское Богатство» (101), «Вѣстникъ Европы» (82), «Русская Мысль» (78), «Русскій Вѣстникъ» и «Русская Старина» (76).

† Въ Москвѣ авторъ многихъ стихотвореній Дмитрій Карловичъ Лизандеръ. Онъ принадлежалъ къ числу старыхъ русскихъ поэтовъ. Его первое литературное произведеніе: поэма «Запорожцы», появилось въ 1840 году. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ однимъ изъ замѣтныхъ сотрудниковъ, стихотворныя произведенія которыхъ печатались въ «Библіотекѣ для Чтенія». Его стихотворенія изданы въ 1845 г. отдѣльнымъ сборникомъ, затѣмъ появились въ печати его «Лучи и тѣни». Въ 1892 г. онъ выпустилъ послѣдній сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Передъ закатомъ». Д. К. умеръ 70-ти лѣтъ.

† 17-го апрѣля Эрнестина Федоровна Тютчева на 85-мъ году. Урожденная баронеса Пфэффель, по первому мужу баронеса Дорнбергъ, изъ семейства болѣе французскаго, чѣмъ нѣмецкаго, происходившаго изъ Эльваса, вышла вторымъ бракомъ замужъ въ 1839 г. за нашего поэта Ф. И. Тютчева, служившаго тогда при русскомъ посольствѣ въ Мюнхенѣ. Въ біографіи Ф. И. Тютчева И. С. Аксаковъ говоритъ, что Э. Ф. «была женщиной замѣчательной красоты и ума». Замѣчательный умъ и доброе сердце она сохранила до послѣднихъ дней жизни. Ея стараніямъ русскіе читатели обязаны изданіемъ сборника статей и стихотвореній Ф. И. Тютчева. Иностранка по рожденію, изъ любви къ мужу поэту, она изучила русскій языкъ на столько, что могла наслаждаться поэтическими красотами твореній нашихъ лучшихъ поэтовъ. Она пережила своего мужа на 21 годъ и похоронена рядомъ съ нимъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, куда ее проводили знакомые и тѣ, кому она помогала, посвящая свои средства дѣламъ благотворительности.

† Скоропостижно извѣстный профессоръ по кафедрѣ внутреннихъ болѣзней Ниль Ивановичъ Соколовъ. Онъ пользовался прекраснымъ здоровьемъ, былъ въ расцвѣтѣ силъ и еще въ день смерти производилъ переходные экзамены для студентовъ 3-го курса. Утромъ профессоръ экзаменовалъ съ 10^{1/2} до 12^{1/2}, потомъ, вечеромъ, съ 8 до 11 и чувствовалъ себя весь день очень хорошо. Въ двѣнадцатомъ часу вечера Н. И. уѣхалъ изъ академіи домой

вполнѣ здоровымъ и въ прекрасномъ настроеніи духа. Что было причиной смерти покойнаго—трудно объяснить, потому что Н. И. ни на что не жаловался, равнѣ только немного на сердце, что, впрочемъ, объяснялъ небольшою усталостью, и еще наканунѣ, по окончаніи экзамена, говорилъ: «ну, слава Богу, теперь можно будетъ и отдохнуть мѣсяца два, три». Онъ принадлежалъ къ числу учениковъ профессора С. П. Воткина, былъ знаткомъ внутреннихъ болѣзней, и его мнѣніе на консилиумахъ имѣло большую цѣнность. Какъ ученый и профессоръ, онъ отличался большими знаніями и любовью къ научнымъ изслѣдованіямъ и наблюденіямъ. Будучи впродолженіе 10 лѣтъ главнымъ врачомъ Александровской барачной больницы въ память Воткина, Н. И. принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ петербургскими эпидеміями. Составленные имъ клиническіе обзоры инфлуэнцы, гриппа, холеры и друг. болѣзней изданы на счетъ городского управленія и представляютъ собою солидный вкладъ въ медицинскую литературу. Онъ былъ первымъ главнымъ врачомъ барачной больницы. Она при немъ строилась и, благодаря его энергіи и дѣловитости, достигла замѣчательнаго благоустройства. При больницѣ, по его инициативѣ, были устроены практическіе курсы для врачей, и организовано общество, задавшееся цѣлью помогать больнымъ. Его лекціи, медицинскія сочиненія и диссертациі пользуются большою извѣстностью въ ученомъ мѣрѣ.

Третейскій судъ по дѣлу профессора В. И. Модестова съ редакціей журнала «Сѣверный Вѣстникъ»¹⁾.

Приговоръ литературнаго третейскаго суда, состоявшагося 7 мая 1894 г. въ С.-Петербургѣ, по требованію профессора Василія Ивановича Модестова, по предмету обвиненія имъ издательницы журнала «Сѣверный Вѣстникъ», Любови Яковлевны Гуревичъ, въ неблаговидномъ образѣ ея дѣйствій по отношенію къ нему, какъ сотруднику этого журнала. Въ третейскомъ судѣ принимали участіе со стороны В. И. Модестова: редакторъ «Историческаго Вѣстника» Сергѣй Николаевичъ Шубинскій и литераторъ Ипполитъ Ѳедоровичъ Василевскій, со стороны Л. Я. Гуревичъ: присяжные повѣренные, литераторы, Владимиръ Даниловичъ Спасовичъ и Сергѣй Аркадьевичъ Андреевскій. Общимъ посредникомъ и предѣвателемъ суда избранъ редакторъ «Энциклопедическаго Словаря» и сотрудникъ «Вѣстника Европы», Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.

Сущность возникшаго между сторонами спора изложена была ими въ слѣдующемъ за ихъ подписями вопросномъ листѣ:

1) Имѣла ли основаніе редакція «Сѣвернаго Вѣстника», сама предложившая профессору Модестову написать статью о С.-Петербургскомъ университетѣ и предоставившая ему полную свободу въ обработкѣ предмета, сдѣлать потомъ въ этой статьѣ сокращенія и измѣненія, вслѣдствіе несогласія ея взглядовъ на предметъ съ взглядами автора?

¹⁾ Профессоръ В. И. Модестовъ просить насъ напечатать въ «Историческомъ Вѣстникѣ» рѣшеніе третейскаго суда, состоявшагося, по его желанію, для разрѣшенія недоразумѣній, возникшихъ между нимъ и издательницей журнала «Сѣверный Вѣстникъ», Л. Я. Гуревичъ, по поводу статьи о Петербургскомъ университетѣ. Исполняемъ просьбу г. Модестова, такъ какъ вопросы, подлежащіе обсужденію суда, имѣютъ отчасти принципиальный, а не исключительно только личный характеръ, и потому не лишены общелитературнаго интереса. *Ред.*

2) Имѣла ли право редакция «Сѣвернаго Вѣстника» безъ вѣдома и согласія профессора Модестова сократить статью и издать ее въ такомъ видѣ, тогда какъ со стороны ея автора заявлено ей было категорическое требованіе или печатать статью цѣликомъ, или не печатать ее вовсе?

3) Заключало ли первое печатное возраженіе профессора Модестова противъ этого образа дѣйствія, помѣщенное въ № 38 «Новостей», что либо несогласное съ литературными обычаями и оскорбительное для редакціи «Сѣвернаго Вѣстника»?

4) Имѣла ли право редакция «Сѣвернаго Вѣстника» напечатать конецъ статьи профессора Модестова въ видѣ документа въ безобразномъ видѣ, съ опечатками и невозможными знаками препинанія?

и 5) Замѣчается ли въ предисловіи со стороны редакціи къ напечатанному въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» концу статьи профессора Модестова нѣчто для него оскорбительное или несовмѣстное съ добрыми литературными правами?

Обстоятельства, относящіяся къ настоящему спору между профессоромъ Модестовымъ и Л. Я. Гуревичъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ началѣ ноября 1893 г. редакция «Сѣвернаго Вѣстника», озабоченная приобрѣтеніемъ статьи къ предстоящей 8 февраля 1894 г. 75-ти-лѣтней годовщинѣ С.-Петербургскаго университета, обратилась, по совѣту члена редакціи Леонида Александровича Полонскаго, къ профессору В. И. Модестову съ предложеніемъ взять на себя этотъ трудъ, «не стѣняясь условными соображеніями всякаго рода» (т. е. цензурными условіями, какъ это выяснилось при объясненіяхъ сторонъ на судѣ). Профессоръ Модестовъ составилъ не одну, а двѣ статьи, и первую прислалъ редакціи 3 декабря, за которую получилъ выраженіе признательности отъ Л. Я. Гуревичъ въ ея письмѣ отъ 15-го декабря. Вторая статья, окончательная, для февральской книжки «Сѣвернаго Вѣстника», долженствовала имѣть, по словамъ Л. Я. Гуревичъ, публицистическій характеръ и представить настоящее университета, препровождена въ редакцію 15-го декабря; она была прямо отправлена въ наборъ и потомъ въ цензуру безъ предварительнаго ея прочтенія редакціею (письмо Л. Я. Гуревичъ отъ 11-го января). Когда, 10 января, профессоръ Модестовъ предложилъ пополнить статью нѣкоторыми числовыми данными, полученными имъ отъ ректора С.-Петербургскаго университета, то ему данъ былъ того же числа отвѣтъ, что статья уже въ машинѣ, и что нельзя дѣлать въ ней исправокъ, послѣ того, какъ она прошла нетронутую въ цензуру. Л. Я. Гуревичъ предлагала В. И. Модестову помѣстить новыя данныя въ видѣ особаго письма, въ концѣ февральской книжки, и желала, чтобы въ этомъ же письмѣ нашелъ мѣсто отвѣтъ автора по первой статьѣ на возраженія двухъ лицъ, не согласившихся съ ролью, какую авторъ приписывалъ въ университетскомъ движеніи 1861 г. студентамъ полякамъ. Письмо отъ 10 января Л. Я. Гуревичъ послужило началомъ недоразумѣній, возникшихъ между издательницею и авторомъ относительно конца второй статьи. Издательница сообщила, что редакция рѣшила вынуть изъ статьи нѣкоторыя фразы, предназначенныя, очевидно, какъ ей казалось, для уравновѣшенія страны, не встрѣтившихъ никакаго затрудненія въ цензурномъ отношеніи. Въ письмѣ отъ 11-го января профессоръ Модестовъ, смущенный этимъ заявленіемъ, требовалъ присылки оттиска, изъ котораго онъ могъ бы убѣдиться, что именно выкинуто изъ статьи безъ его на то согласія. Посылая ему тотчасъ оттискъ, издательница, въ письмѣ отъ 11-го января, объяснила, что вынутыя мѣста имѣли, очевидно, совсѣмъ условный характеръ, что еслибъ они пошли въ такомъ видѣ въ публику, то сообщили бы статьѣ извѣстную типично-консервативную окраску, противорѣчающую направленію журнала, редакция же не должна быть индифферентной посредницей между авторомъ и публикой. Прочитавъ оттискъ, В. И. Модестовъ выразилъ въ письмѣ отъ 12 января, что онъ при-

шелъ въ ужасъ, до того его статья искалѣчена во имя какого-то особаго рода либерализма и поставилъ на выборъ редакціи: либо напечатать статью безъ всякихъ измѣненій, какъ она написана и пропущена цензурою, либо вынуть ее изъ книжки журнала. *Tertium non datur* выражено въ письмѣ.

Когда это письмо получено было редакціею, то уже были отпечатаны 10 страницъ (55 — 64 статьи, листъ 4-й февральской книжки). Вынуть эти страницы и замѣнить ихъ чѣмъ либо инымъ представлялось еще вполнѣ возможнымъ до срока выпуска февральской книжки. Дальнѣйшее печатаніе было приостановлено, но въ редакціи, по предложенію Л. А. Полонскаго, явилась мысль о возможности нижеслѣдующаго соглашенія съ авторомъ. Предположено прервать вторую статью о С.-Петербургскомъ университетѣ на томъ мѣстѣ, съ котораго начинаются недопускаемые авторомъ существенныя, по его мнѣнію, купюры, то-есть на довольно сильной критикѣ университетскаго устава 1884 г., въ оцѣнкѣ котораго авторъ и редакція вполнѣ сходились съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшая затѣмъ исторія университета за послѣднія 10 лѣтъ вошла въ третью статью, подлежащую помѣщенію въ мартовской книжкѣ журнала, статью о содержаніи которой послѣ переработки ея авторомъ велись бы переговоры. «Что касается до окончанія,—пишетъ Л. Я. Гуревичъ,—то эта часть остается въ вашемъ распоряженіи, если вы не пожелаете принять нашихъ соображеній». Въ письмѣ отъ того же числа (14-го января) профессоръ Модестовъ, не соглашаясь на предложеніе, представилъ на размышленіе издательницѣ, сообразно ли съ обычаями поступать такимъ образомъ съ нимъ, какъ съ лицомъ, приглашеннымъ къ написанію статьи, и злоупотреблять такимъ образомъ оказаннымъ имъ довѣріемъ. «Я настаиваю на своемъ,—писалъ онъ,—или печатать все или не печатать ничего». Л. Я. Гуревичъ тогда же (14-го января) отвѣтила, увѣдомляя автора, что 15-го или 16-го января къ нему зайдетъ кто либо изъ членовъ редакціи для окончательныхъ переговоровъ по вопросу.

Совѣщаніе устроилось такимъ образомъ, что самъ г. Модестовъ зашелъ въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» 15-го января, засталъ тамъ А. Л. Флексера, и только по окончаніи переговоровъ пріѣхала Л. Я. Гуревичъ. Профессоръ Модестовъ согласился, наконецъ, на требуемую отъ него уступку; условлено, что въ оглавленіи статьи будетъ поставлено слово *Продолженіе вѣсто Окончаніе*. Профессоръ Модестовъ взялъ рукопись и первоначальный корректурный оттискъ для написанія, если только найдетъ возможнымъ это сдѣлать, третьей статьи.

Съ тѣхъ поръ произошелъ перерывъ въ перепискѣ, продолжавшейся до 27-го января и предшествовавшей выходу въ свѣтъ февральской книжки журнала. Л. Я. Гуревичъ, желая выяснитъ свои будущія отношенія къ профессору Модестову по случаю недоразумѣній относительно содержанія третьей статьи, 27-го января отправила къ нему письмо, прося о немедленной присылкѣ теперь же этой третьей части, такъ какъ она должна занимать первое по порядку мѣсто въ мартовской книжкѣ; кромѣ того, издательница заявила о необходимости личнаго совѣщанія по поводу присланнаго для помѣщенія въ журналѣ отвѣтнаго письма профессора Модестова и: возраженія нѣкоторыхъ лицъ, относящихся къ участию поляковъ въ университетскихъ беспорядкахъ 1861 г. Послѣдняя просьба была принята г. Модестовымъ недружелюбно, и отвѣтное письмо его отъ того же числа начиналось словами: «Значитъ, затрудненіе и съ письмомъ?»... Что касается третьей части главнаго труда, то В. И. Модестовъ сообщилъ, что онъ его еще не занимался, притомъ онъ выразилъ сомнѣнія насчетъ возможности поладить съ редакціею: «рѣшительно не знаю, какъ мы можемъ устроить компромиссъ въ этомъ пунктѣ». Это письмо убѣдило окончательно редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» въ томъ, что соглашеніе относительно различія взглядовъ на предметъ автора и редакціи состояться не можетъ. Л. Я. Гуревичъ

распорядилась, не предупреждая о томъ В. И. Модестова, издать февральскую книжку журнала безъ условленной перемены въ оглавленіи ея «Продолженіе», а съ оставленіемъ при наборѣ съ рукописи прежняго слова: «Окончаніе». На желтой обложкѣ книжки стоитъ только статья вторая, безъ упоминанія, что она послѣдняя. Изъ устныхъ объясненій профессора Модестова передъ судомъ оказывается, что главнымъ образомъ его оскорбило это именно дѣйствіе, противное соглашенію 15-го января, которое, какъ онъ выразился, ставило его передъ публикою въ безвыходное положеніе. Немедленно по выходѣ книжки, того же 1-го февраля, онъ заявилъ письмомъ, что отнынѣ всякое его общеніе съ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ» прекращается, и требовалъ возвращенія ему его отвѣтнаго письма, предназначавшагося для «Сѣвернаго Вѣстника» противъ возражателей на первую статью. Когда Л. Я. Гуревичъ отвѣтила на это письмо заявленіемъ 5-го февраля, что разногласія, давшія поводъ къ пререканіямъ, были чисто принципиальныя, а сокращенія, совершенно неизбѣжныя, сдѣланы были въ общемъ собраніи редакціи, профессоръ Модестовъ перенесъ полемику съ редакціею «Сѣвернаго Вѣстника» въ печать, гдѣ она велась въ газетѣ «Новости» (№№ 38, 97—101) и въ газетѣ «Русская Жизнь» (№№ 41, 47 и 49). Первый печатный протестъ профессора помѣщенъ въ № 38 «Новостей» отъ 7-го января 1894 г., въ которомъ онъ заявилъ, что статья его о Петербургскомъ университетѣ писана имъ была не *proprio motu*, а по просьбѣ редакціи, что она представлена въ редакцію, просмотрѣна авторомъ въ корректурѣ и пропущена цензурою вся до послѣдняго слова. Если въ февральской книжкѣ журнала напечатанъ только отрывокъ, ничѣмъ въ сущности не заканчивающійся, то отвѣтственность за это всецѣло падаетъ на редакцію журнала. «Съ своей стороны могу сказать,—писалъ г. Модестовъ,—что дѣйствительный конецъ статьи не появится на страницахъ журнала «Сѣверный Вѣстникъ». Въ № 41 (12-го февраля) «Русской Жизни» Л. Я. Гуревичъ объяснила, въ чемъ заключаются разногласія ея съ г. Модестовымъ во взглядахъ на предметъ. Въ № 44 «Новостей» (13-го февраля) В. И. Модестовъ назвалъ эти объясненія не дѣйствительными, а мнимыми причинами неоявленія конца его статьи. Тогда Л. Я. Гуревичъ въ № 47 (18-го февраля) «Русской Жизни» поставила В. И. Модестову слѣдующій вопросъ: желаетъ ли онъ, чтобы въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» было помѣщено окончаніе его статьи въ ея первоначальномъ видѣ, какъ документъ, по которому люди, дорожащіе интересами русскихъ университетовъ, судили бы о томъ, могъ ли уважающій себя журналъ, съ совершенно опредѣленной внутренней программой, принять на себя отвѣтственность за подобную исторію университетской жизни послѣдняго десятилѣтія?

В. И. Модестовъ принялъ этотъ вызовъ, хотя онъ сознавалъ, что его согласіе на предложеніе должно повести его, по мнѣнію вызывающей издательницы, къ нѣкоторому аффронту, а редакціи журнала дать аттестатъ въ необыкновенной чистотѣ ея взглядовъ на самые скользкіе вопросы внутренней политики. Въ № 49 «Русской Жизни» (20-го февраля) онъ принялъ предложеніе, какъ вполнѣ вѣрное средство, при помощи котораго публика можетъ произнести въ столь обострившемся недоразумѣніи свое сужденіе и такимъ образомъ инцидентъ будетъ законченъ.

Инцидентъ не былъ, однако, законченъ появленіемъ въ апрѣльской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» конца статьи профессора Модестова, потому что редакція предпослала этой части его труда предисловіе, которое онъ считалъ для себя оскорбительнымъ и которое состояло въ слѣдующемъ: «часть статьи профессора Модестова не была нами своевременно напечатана, какъ не относящаяся къ дѣлу и притомъ не разработанная на основаніи всѣхъ имѣющихся свидѣтельствъ. Газетныя заявленія г. Модестова побуждаютъ насъ предать гласности эти нѣсколько страницъ, не въ качествѣ статьи

журнала, а въ качествѣ интереснаго и притомъ нуждающагося въ комментаріяхъ документа».

Получивъ апрѣльскую книжку «Сѣвернаго Вѣстника», В. И. Модестовъ задался вопросомъ, что ему дѣлать, и въ письмѣ того же числа предложилъ Л. Я. Гуревичъ пойти на литературный третейскій судъ, котораго опредѣлили бы поведеніе и его и редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» въ исторіи съ печатаніемъ статьи о С.-Петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ въ № 97 «Новостей» (8-го апрѣля), не получая отвѣта, но предполагая, что молчаніе не есть знакъ согласія, онъ формулировалъ свое обвиненіе въ 5 вопросахъ, тождественныхъ, если не дословно, то по содержанію, съ пятью пунктами въ вопросномъ листѣ, приведенными въ началѣ настоящаго приговора, послѣ исключенія, по желанію суда, изъ первоначальной редакціи выраженій рѣзкихъ или обстоятельствъ, непосредственно къ дѣлу не относящихся. Л. Я. Гуревичъ запоздала отвѣтомъ, потому что находилась въ Москвѣ, и, прибывъ 9-го апрѣля въ С.-Петербургъ, тотчасъ же изъявила согласіе на третейскій «судъ чести» (№ 100 «Новостей» 11-го апрѣля).

Третейскій судъ, познакомившись съ статьями профессора В. И. Модестова въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и со всею какъ перепискою, такъ и полемикою сторонъ по поводу этихъ статей въ газетахъ, а равно выслушавъ какъ объясненія сторонъ, такъ и показанія двухъ приведенныхъ Л. Я. Гуревичъ свидѣтелей, членовъ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника»: Леонида Александровича Полонскаго и Акима Львовича Флексера (Волынскаго), пришелъ единогласно къ нижеслѣдующимъ заключеніямъ по предложеннымъ ему на разрѣшеніе вопросамъ.

По первому вопросу судъ признаетъ, что повременный органъ печати не можетъ не быть послѣдователенъ и не держаться своей программы, слѣдовательно, не смотря на то, что доставляемыя ему статьи написаны по приглашенію со стороны редакціи, и не смотря на то, просила ли она автора дѣйствовать совершенно свободно, не стѣсняясь никакими соображеніями, за нею остается несомнѣнное право не печатать ничего противнаго ей принципиальнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ, если разногласія ея съ авторомъ не на столько существенны, чтобы можно было либо ограничиться помѣщеніемъ за выносками своихъ примѣчаній съ оговорками, либо прибѣгнуть къ сокращеніямъ и измѣненіямъ, полагаясь на то, что авторъ ихъ одобритъ. Въ данномъ случаѣ никакихъ затрудненій не встрѣтилось съ первою статьею профессора Модестова; что касается второй статьи, то серьезныхъ и существенныхъ пререканій не имѣется во всемъ томъ, что помѣщено изъ этой статьи въ февральской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Къ коренному разномыслию подалъ поводъ только конецъ статьи, въ февральской книжкѣ не напечатанный. Итакъ, по первому вопросу третейскій судъ даетъ отвѣтъ, что редакція имѣла оспариваемое у нея право.

По второму вопросу, третейскому суду представляется очевиднымъ и вполне безспорнымъ, что никакая редакція не вправе, вопреки прямой волѣ автора, сократить его статью, напимѣръ, отсѣчь ея конецъ, и что на категорически поставленное ей авторомъ альтернативное предложеніе: либо напечатать все, какъ есть, либо ничего не печатать, если она не считала возможнымъ первое, то въправѣ была избрать только второе, то-есть воздержаться отъ помѣщенія всей статьи въ журналѣ. Отъ соблюденія требованія автора редакція не могла бы быть освобождена ни неудобствами и издержками, которыя повлекла бы за собою вырѣзка уже напечатанной статьи, ни даже задержкою въ срочномъ выпускѣ въ свѣтъ книжки журнала, потому что вполне отъ редакціи зависѣло ознакомиться заблаговременно съ содержаніемъ статьи не послѣ пропуска ея цензурою, но еще до сдачи ея въ типографію.

Но въ данномъ случаѣ приведенныя выше соображенія остаются безъ

примѣненія, потому что, получивъ письмо отъ профессора Модестова 14 января, Л. Я. Гуревичъ приостановила печатаніе статьи и по совѣту другихъ членовъ редакціи предложила автору помѣстить въ февральской книжкѣ журнала только начало второй статьи, въ которомъ не было разномыслія редакціи съ авторомъ, конецъ же второй статьи обратить въ третью статью, которую авторъ переработаетъ послѣ окончательныхъ переговоровъ съ редакціею. Предложеніе редакціи было искреннее, то-есть безъ всякой предвзятости мысли ни въ какомъ случаѣ не печатать конца статьи. Профессоръ Модестовъ принялъ предложеніе редакціи, допустилъ печатаніе неоконченнаго труда во второй статьѣ, а относительно третьей части взялся подумать и что возможно сдѣлать. Предстоявшее соглашеніе не подвигалось, однако, ни на шагъ впередъ. Въ теченіе всей второй половины января профессоръ Модестовъ, зная изъ личныхъ объясненій 15 января, чѣмъ собственно стѣснялась редакція по отношенію къ отложенному печатанію конца второй статьи, не приступалъ къ работѣ по третей статьѣ и въ письмѣ отъ 27 января усомнился въ самой возможности компромисса. Редакція была бы вполне права, если бы, напечатавъ въ февральской книжкѣ неоконченный трудъ профессора Модестова, поставила въ оглавленіи слово Продолженіе. Она была бы равнымъ образомъ права, если бы помѣстила не оконченную статью безъ всякаго упоминанія въ оглавленіи, есть ли она Продолженіе или Окончаніе, и исключила только слово: «Окончаніе», ничѣмъ его не замѣнивъ. Но вполне уже убѣдившись, что между нею и авторомъ существуетъ не одно только недоразумѣніе, а коренное различіе во взглядахъ, издательница Л. Я. Гуревичъ рѣшилась, чтобы положить конецъ неопредѣленности, оставить слово «Окончаніе» въ статьѣ, въ противность тому, что было условлено съ авторомъ, чѣмъ несомнѣнно выразила по отношенію къ нему, что никакого компромисса не будетъ, а по отношенію къ публикѣ она поставила автора въ неловкое положеніе, заставляя читателей предполагать, что онъ предложилъ ей въ видѣ полнаго цѣлаго то, что не имѣетъ собственно ни конца, ни заключенія, и не содержитъ въ себѣ всего послѣдняго десятилѣтія жизни С.-Петербургскаго университета, что обнаруживало бы въ его трудѣ, публикуемомъ, какъ законченное цѣлое, известную неполноту или даже известный недостатокъ. Третейскій судъ признаетъ въ этомъ образѣ дѣйствій издательницы Л. Я. Гуревичъ нарушеніе литературныхъ обычаевъ и приличій, послѣдствіемъ котораго и былъ вполне понятный, законный и съ его точки зрѣнія вполне цѣлесообразный протестъ профессора Модестова въ № 38 «Новостей».

Въ заключительномъ выводѣ отвѣта на второй вопросъ содержится уже въ сущности и разрѣшеніе третьяго вопроса о печатномъ возраженіи профессора Модестова въ 38 № «Новостей» противъ помѣщенія его второй статьи въ усѣченномъ видѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Этою мѣрою профессоръ Модестовъ полагалъ конецъ толкамъ и невыгоднымъ сужденіямъ читателей о его статьѣ, возбуждаемымъ ея необъяснимою безъ этого протеста незаконченностью. Возраженіе профессора Модестова даже и со стороны издательницы Л. Я. Гуревичъ не признается въ какомъ бы то ни было отношеніи для нея оскорбительнымъ. Третейскій судъ считаетъ его вполне согласнымъ съ его формъ съ литературными обычаями.

По четвертому вопросу третейскій судъ находитъ, что публикованіе конца второй статьи профессора Модестова въ апрѣльской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» произошло по взаимному соглашенію сторонъ, выразившемуся какъ въ предложеніи Л. Я. Гуревичъ опубликовать этотъ конецъ не въ видѣ статьи журнала, а въ видѣ «документа», по которому могла бы судить публика о томъ, кто правъ въ возникшемъ литературномъ пререканіи, а г. Модестовъ согласился на такое опубликованіе, хотя и зная, что оно предлагается съ цѣлью доказать чистоту взглядовъ редакціи на скользкіе

вопросы внутренней политики. Разсмотрѣнію третейскаго суда подлежить не фактъ опубликованія «документа», а лишь фактъ отпечатанія его, по словамъ г. Модестова, въ безобразномъ видѣ, съ опечатками и несоблюденіемъ правилъ о знакахъ препинанія. Конецъ статьи г. Модестова по объясненіямъ редакціи напечатанъ по имѣвшемуся въ типографіи не совсѣмъ исправному корректурному листу. Въ немъ есть опечатки, но онѣ, по заключенію третейскаго суда, не существенны и не умысленны со стороны редакціи, значить не введены въ статью, съ цѣлью умалить достоинство г. Модестова, какъ писателя.

Наконецъ по пятому вопросу третейскій судъ находитъ, что наиболѣе рѣзкое сужденіе о ненапечатанномъ въ февральской книжкѣ журнала концѣ второй статьи профессора Модестова содержится въ № 47 «Русской Жизни» въ видѣ вопроса (г-жи Гуревичъ) о томъ, могъ ли принять на себя отвѣтственность уважающій себя журналъ съ совершенно опредѣленною внутреннею программой за подобную исторію университетской жизни. Вышеупомянутое сужденіе покрывается тѣмъ, что г. Модестовъ самъ принялъ вызывающее на оглашеніе конца статьи предложеніе редакціи и что онъ не претендуетъ на редакцію за это сужденіе, въ опѣнку котораго третейскій судъ входитъ не можетъ, такъ какъ разрѣшеніе принципиальнаго равномыслия между авторомъ и редакціею не предоставлено ему сторонами. Что же касается до предисловія къ концу статьи В. И. Модестова въ апрѣльской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника», то, по мнѣнію третейскаго суда, редакція легко могла бы избѣжать необходимости критическаго сужденія по существу о печатаемомъ отрывкѣ въ виду того, что статья была написана лицомъ, которое было редакціею приглашено написать эту статью; редакція могла ограничиться только заявленіемъ своего несогласія во взглядахъ съ содержаніемъ отрывка. Однако, въ немногихъ критическихъ словахъ, которыми сопровождался печатаемый отрывокъ, третейскій судъ не замѣчаетъ ничего не только оскорбительнаго, но и даже противнаго добрымъ литературнымъ правамъ и приличіямъ. Документъ признанъ редакціею интереснымъ, онъ очевидно требуетъ комментаріевъ, коль скоро заявлено, что съ нимъ нельзя согласиться. Мотивы несогласія, можно сказать, смягчены противъ указанныхъ въ 47 № «Русской Жизни» и сведены только къ тому, что въ печатаемомъ отрывкѣ есть свѣдѣнія, не относящіяся къ дѣлу (студентскіе безпорядки, отъ времени до времени въ російскихъ университетахъ повторяющіеся и составляющіе въ университетской жизни явленіе преходящее и поверхностное), и что эти свѣдѣнія, составленныя по официальнымъ даннымъ, не разработаны на основаніи всѣхъ имѣющихся свидѣтельствъ, что можетъ быть сказано почти о всякомъ историческомъ трудѣ. Итакъ въ предисловіи къ печатаемому концу статьи третейскій судъ не находитъ никакой со стороны Л. Я. Гуревичъ вины.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Окончаніе статьи «Русско-французскій союзъ при Екатеринѣ II» отложено до слѣдующей кѣйки, въ виду того, что ее необходимо дополнить нѣкоторыми любопытными свѣдѣніями изъ только что появившейся въ журналѣ «Le monde Latin et le monde Slave» и составленной на основаніи новыхъ документовъ статьи маркиза Барраля-Монферра «Une tentative d'alliance Franco-Russe au XVIII siècle».

мною, чѣмъ Пириакъ, и теперъ наступила твоя послѣдняя минута.

Мишель Гральонъ тщетно старался освободить себя изъ сильныхъ рукъ Роана, и дѣйствительно ему пришелъ бы конецъ, еслибъ объ женщины не стали умолять о пощадѣ. Ихъ просьбы заставили Роана прійти въ себя и сознать свое опасное положеніе. Онъ оттолкнулъ Гральона и быстро направился къ двери.

Очутившись на свободѣ и видя, что Роанъ намѣренъ искать спасенія въ бѣгствѣ, Мишель снова громко закричалъ:

— Помогите! Дезертиръ! Помогите!

Но эти слова замерли на его губахъ; въ ту же минуту Роанъ схватилъ его объими руками и бросилъ съ такой силой на полъ, что онъ потерялъ сознаніе. Взглянувъ еще разъ на мать и Марселлу, бѣдный отверженецъ выбѣжалъ въ дверь и исчезъ въ окружающемъ мракѣ.

XXXIX.

Мадонна Ненависти.

Осень 1813 года была мрачной, бурной годиной; на землѣ происходила чудовищная борьба между императорами и королями, между многочисленными враждебными арміями, а на небѣ боролись черныя тучи, наводняя дождемъ почву, пропитанную кровью. И на землѣ и на небѣ не было просвѣта.

Среди этой общей бури, и физической и политической, Наполеонъ быстро ретировался къ предѣламъ Франціи; передъ нимъ видѣлись изумленные, испуганные лица его соотечественниковъ, за нимъ слышались гнѣвные крики враговъ; съ каждымъ шагомъ его положеніе становилось отчаяннѣе. А между тѣмъ, по свидѣтельству очевидцевъ, онъ былъ спокоенъ; его лицо было безчувственное, хладнокровное. Его не преслѣдовали призраки пятидесяти тысячъ французовъ, погибшихъ въ Лейпцигѣ, а если и преслѣдовали, то онъ отгонялъ ихъ отъ себя. Но зато его окружали, тревожили и тяготили призраки живыхъ голодныхъ, обезумѣвшихъ французовъ, призраки прежней его славы и могущества. Такимъ образомъ онъ достигъ Эрфурта, гдѣ еще недавно предсѣдательствовалъ на памятномъ конгрессѣ государей. Все теперь измѣнилось, и онъ самъ видѣлъ, что наступило начало конца, что кровавая волна, набѣжавшая на Европу, пошла на убыль, оставляя за собой массы труповъ и обломковъ престоловъ. Всѣ силы земныя мало-по-малу покидали его, и онъ, словно лютаѣ смерть на бѣломъ конѣ шелъ на встрѣчу своего злого рока, а надъ нимъ витала, какъ всегда среди окружавшихъ его призраковъ, страшная тѣнь меча.

25 октября, по словамъ одного изъ современниковъ, онъ выѣхалъ изъ Эрфурта «въ такую же бурю физическую, какъ та, которая клокотала въ политическомъ мірѣ».

Мрачно, бурно было и въ отдаленной Бретани, на морскомъ берегу, въ окрестностяхъ уединеннаго Кромлэ. Свинцовыя тучи заволакивали небо, дождь лилъ ливня, и соленыя морскія брызги заносились вѣтромъ на разстояніе многихъ миль отъ берега. Кромлэ дрожалъ на своихъ твердыхъ устояхъ, и подъ нимъ грохотала невидимая, подземная рѣка.

Однажды вечеромъ, въ темнотѣ, медленно пробиралась по равнинѣ, простирающейся къ сѣверу изъ Кромлэ, одинокая человѣческая фигура. Она направляла свои шаги къ селенію, которое еще отстояло на нѣсколько миль и скрывалось отъ глазъ облаками дождя и морской пѣны, которыя неистово кружили въ воздухѣ вѣтеръ, бушевавшій весь день, а теперь перешедшій въ ураганъ.

Это былъ старикъ; одежда на немъ была крестьянская, а за спиной виднѣлся мѣшокъ, какъ у нищихъ; онъ едва подвигался отъ вѣтра и непогоды, тяжело опираясь на дубовый посохъ.

При каждомъ его шагѣ буря усиливалась, и темнота становилась непроницаемѣе; онъ шелъ словно среди нависшихъ тучъ. По временамъ мимо него проносилась, какъ бы призракъ, устрешенная скотина, искавшая убѣжища, или передъ нимъ тускло свѣтились мокрые друидскіе камни. Наконецъ онъ остановился въ колебаніи; въ ухахъ у него раздавался словно отдаленный шумъ волнъ. Онъ посмотрѣлъ по сторонамъ и увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя, среди уединенной равнины, какое-то зданіе, мрачно выглядывавшее изъ туманной мглы. Съ радостью направился онъ къ нему и черезъ минуту стоялъ передъ его дверью.

Зданіе было полуразрушенное; почернѣвшія отъ времени стѣны и часть крыши сохранились въ прежнемъ видѣ, но дверь и окна исчезли, быть можетъ, отъ насильственнаго прикосновенія человѣческихъ рукъ во время революціи. На переднемъ фасадѣ виднѣлась надпись: «Notre Dame de la Haine» (Мадонна Ненависти).

Странникъ вздрогнулъ, но потомъ съ странной улыбкой вошелъ въ часовню и, опустившись на каменную скамью у самой двери, сталъ осматривать ея внутренность. Дѣйствительно это была часовня, но заброшенная и никогда, повидимому, не посѣщаемая богомольцами. Такихъ часовенъ не мало въ Бретани и до сихъ поръ; онѣ служатъ живымъ доказательствомъ, до чего можетъ дойти религія въ минуты дикаго, безумнаго фанатизма. Въ сущности и эта часовня не была всѣми покинута, какъ казалось по внѣшнему ея виду; напротивъ, сюда являлись мужчины и женщины въ минуты отчаянія и тутъ выливали свою накипѣвшую злобой душу, осыпая проклятіями своихъ враговъ. Всѣ они молили Мадонну Ненависти отомстить за нихъ и послать смерть ненавистному существу «вте-

ченіе года». Такъ видоизмѣнилась въ ихъ сердцахъ, переполненномъ мрачными человѣческими страстями, свѣтлая, вселюбящая христіанская вѣра, и эта Мадонна Ненависти была имъ дороже, милѣе Мадонны Любви!

Въ часовнѣ было темно, и чрезъ отверстіе въ крышѣ, а также сквозь окно безъ рамы, дождь безжалостно барабанилъ по изуродованной каменной статуѣ Мадонны; она стояла на своемъ пьедесталѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда возвышался престолъ, и была до того грубо сдѣлана, до того искалѣчена временемъ и человѣческой рукой, что едва походила на изображаемый ею священный предметъ. И, однако, она не потеряла своей таинственной силы, или, по крайней мѣрѣ, не изсякла вѣра въ ея таинственную силу; у ея подножія виднѣлась груда приношеній, состоявшихъ изъ четокъ, бусъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ медальоновъ, даже лентъ и остатковъ человѣческой одежды. Одинъ изъ медальоновъ былъ совершенно новый, и горе тому человѣку, волоса котораго находились въ немъ, если Мадонна Ненависти вняла молитвѣ той, которая принесла его сюда.

Полъ часовни былъ вымощенъ, но немногіе изъ камней оставались на мѣстѣ. Всюду росла сорная трава, насыщенная дождемъ, а вокругъ статуи Мадонны бурьянъ достигъ такой высоты, что почти скрывалъ ее, хотя спереди сохранилась плита, на которой преклоняли колѣна странные поклонники этой чудовищной святыни.

Взглянувъ во внутренность часовни и тяжело вздохнувъ, старикъ вынулъ изъ своего мѣшка кусокъ хлѣба. Но не успѣлъ онъ утолить своего голода, какъ услышалъ вблизи словно человѣческой стонъ. Онъ вперилъ глаза въ окружавшую темноту и съ трудомъ разглядѣлъ фигуру, лежавшую на плитѣ передъ статуей Мадонны.

Это былъ человѣкъ, но по его неподвижной позѣ онъ казался или спящимъ, или въ обморокѣ; дождь безжалостно мочилъ его спину, а онъ лежалъ навзничъ и тихо стоналъ, или бормоталъ что-то. Нельзя было представить себѣ болѣе несчастнаго существа: лохмотья едва покрывали его нагое тѣло; нечесанные волосы въ беспорядкѣ висѣли по его плечамъ.

Старикъ подошелъ къ нему и дотронулся до его плеча. Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и налитые кровью глаза его такъ дико, такъ бессознательно сверкали на блѣдномъ, испитомъ лицѣ, что старикъ невольно отшатнулся.

— Роанъ!—промолвилъ онъ шепотомъ.—Роанъ Гвенфернъ!

Руки несчастнаго, яростно поднятыя въ самозащиту, опустились въ бессильномъ отчаяніи. Лице его уже болѣе не выражало звѣрской злобы, но смотрѣло также бессознательно. Однако онъ промолвилъ:

— Учитель Арфоль!

Дѣйствительно это былъ странствующій учитель, мало измѣ-

нившийся, хотя еще болѣе сѣдой и печальный. Онъ схватилъ обѣими руками правую руку Роана и нѣжно посмотрѣлъ на него. Прошло нѣсколько минутъ, и никто не промолвилъ ни слова. Наконецъ учитель Арфоль воскликнулъ:

— Ты живъ! Ты живъ! Всѣ говорили, что ты умеръ, но я не вѣрилъ и надѣялся. Слава Богу, ты живъ!

Однако едва ли можно было славить Бога за сохраненіе жизни въ такомъ видѣ. Лучше смерть, чѣмъ такое существованіе. На всѣхъ гонимыхъ существъ тяжело смотрѣть, но нѣтъ страшнѣе зрѣлища, какъ лице затравленнаго человѣка.

— Я шелъ въ Кромлэ и завернулъ сюда, чтобы укрыться отъ бури,—продолжалъ старикъ:—кто бы могъ подумать, что я увижу здѣсь тебя. Это дурное мѣсто, и приходящіе сюда—дурные люди. Что ты дѣлалъ тутъ, Роанъ? Ты молился Мадоннѣ Ненависти?

— Да,—отвѣчалъ Роанъ, поднимая глаза, дотогдѣ устремленные на землю.

— Ты много выстрадалъ, и твои враги безжалостны. Да поможетъ тебѣ Богъ, мой бѣдный Роанъ.

— Я надѣюсь не на Бога, а на нее!—произнесъ юноша съ какой-то презрительной, безумной улыбкой.—Если она мнѣ не поможетъ, то значить никто надо мной не сжалится. Я часто здѣсь молюсь и призываю проклятія на голову Наполеона. О, Мадонна!—воскликнулъ онъ, простирая руки къ статуѣ:—Мадонна Ненависти! Услыши мой голосъ и изведи его въ теченіе года.

Онъ весь дрожалъ отъ дикой ярости, и еслибъ старикъ не схватилъ его за плечи, то онъ снова распростерся бы на каменной плитѣ.

— Сядемъ и поговоримъ,—сказалъ учитель:—у меня есть хлѣбъ и красное вино; поѣдимъ, выпьемъ и поговоримъ, какъ въ старину. Я принесъ новости.

Что-то въ тонѣ Арфоля подѣйствовало смягчающимъ образомъ на Роана, и онъ молча повиновался. Они сѣли на каменную скамейку у входа въ часовню. Мракъ былъ непроницаемѣ прежняго, и вѣтеръ дулъ, какъ никогда, но дождь миновалъ. Мало-по-малу несчастный юноша успокоился. Послѣ многихъ просьбъ старика онъ поѣлъ хлѣба и выпилъ вина. Щеки его покрылись румянцемъ и онъ сталъ тихимъ, послушнымъ, какъ дитя.

Постепенно учитель вывѣдалъ у него всѣ подробности его положенія. Проблуждавъ нѣсколько дней по уединенной равнинѣ, онъ снова вернулся въ пещеру св. Гильда и оттуда явился въ часовню, жаждающая помолиться Мадоннѣ Ненависти.

— Если меня опять станутъ осаждать,—прибавилъ онъ:—то я уйду изъ пещеры такимъ путемъ, котораго никто не знаетъ. Вамъ извѣстна эта пещера, но я одинъ изслѣдовалъ всѣ ея закоулки. Когда я убилъ Пипріака, то мнѣ сдѣлалось невыносимо оставаться въ ней; его призракъ меня постоянно преслѣдовалъ, въ особенности

ночью. Страшно убить человѣка, да еще друга своего отца. Наконецъ, въ одну бурную ночь я не могъ болѣе выносить зрѣлища этого преслѣдующаго меня призрака и, выбивъ кремнемъ огонь, зажегъ свой факель, держа который въ рукахъ я сталъ ходить взадъ и впередъ по пещерѣ. Тутъ впервые я замѣтилъ въ самомъ темномъ углу пещеры отверстіе, въ которое проникнуть можно только ползкомъ; я начетверенькахъ пролѣзъ въ него и очутился въ другой пещерѣ, почти столь же большой, какъ первая. Тогда я сказалъ себѣ: «Пусть они снова приходятъ; меня здѣсь никто не найдетъ». Но этого мало; я потомъ нашелъ, что утесы всѣ изрыты длинными проходами, ведущими въ нѣдра земли.

— То же самое существуетъ въ Лавеленѣ, — сказалъ учитель Арфоль, — тамъ также никто не изслѣдовалъ вполнѣ пещеръ, которыя, говорятъ, высѣчены въ утесахъ римлянами.

Роанъ ничего не отвѣчалъ, и на него какъ бы снова нашелъ столбнякъ. Наконецъ послѣ долгаго молчанія онъ посмотрѣлъ въ окно и спокойно сказалъ:

— Дождь прошелъ, и луна свѣтитъ.

Дѣйствительно дождь прекратился, и между черными тучами виднѣлась луна, но вѣтеръ свирѣпствовалъ болѣе прежняго, и буря не унималась.

— Что-жъ ты теперь будешь дѣлать? — спросилъ учитель Арфоль: — я не могу тебѣ ничѣмъ помочь. Я старъ и бѣденъ. У тебя нѣтъ другихъ друзей?

— Да одинъ, Янъ Горонъ. Если-бъ не онъ, я давно бы умеръ отъ голода.

— Да вознагради его Господь.

— Три раза со времени смерти Пиприака, Янъ скрылъ запасъ пищи подъ Друидовымъ камнемъ, на полянѣ весенняго праздника; благодаря ему и моей матери, я этимъ путемъ получаю не только пищу, но смоляные факелы и масло для лампочки.

— Господь не оставилъ тебя до сего времени и подкрѣпилъ твои силы, — произнесъ учитель Арфоль, взявъ Роана за обѣ руки: — не унывай, есть надежда на лучшіе дни. Произошла большая битва, и Наполеонъ разбитъ.

При одномъ имени Наполеона глаза юноши снова дико засверкали, и онъ простеръ руки къ статуѣ Мадонны.

— Носятся слухи, — продолжалъ учитель, — что Наполеона взяли въ плѣнъ, а нѣкоторые увѣряютъ, что онъ наложилъ на себя руки, но во всякомъ случаѣ достоверно, что онъ разбитъ на-голову и ретируется къ предѣламъ Франціи. Наконецъ, весь свѣтъ возсталъ противъ него.

Спустя часъ они оба вышли изъ часовни.

— Я пойду въ домъ твоего дяди, — сказалъ Арфоль, — и увижу Марселлу, — передать ей что нибудь отъ тебя?

— Скажите ей, чтобы она ухаживала за моею матерью,—отвѣчалъ Роанъ дрожащимъ голосомъ: — у бѣдной старухи теперь никого не осталось, кромѣ нея.

Они поцѣловались, и старикъ тихо пошелъ по направленію къ Кромлѣ. Роанъ стоялъ въ дверяхъ часовни, пока не скрылась вдаль фигура учителя, а потомъ онъ также, но бѣгомъ, удалился изъ роковаго храма Мадонны Ненависти.

XI.

Призракъ славы.

На слѣдующій день рано утромъ вся семья Дерваль сидѣла за завтракомъ, когда въ старую кухню вошелъ учитель Арфоль и со словами: «Богъ въ помощь», занялъ мѣсто безъ всякаго приглашенія передъ огнемъ. Капраль холодно кивнулъ головой, Алень и Яникъ улынулись, а обѣ женщины пробормотали обычное привѣтствіе, но вообще всѣ чувствовали себя неловко, и ясно было, что присутствіе Арфоля смущало семью. Дѣйствительно въ минуту его прихода капраль читалъ одинъ изъ тѣхъ бюллетеней войны, которыми Наполеонъ умѣлъ придавать такой фантастическій блескъ, но въ этомъ случаѣ сквозь шумиху громкихъ фразъ и лживаго хвастовства просвѣчивала горькая истина, что французская армія разбита и вынуждена, бросивъ всѣ мечты о завоеваніяхъ, отступить къ границамъ. Старый солдатъ былъ не дуракъ и въ глубинѣ сердца онъ глубоко сожалѣлъ о своемъ кумирѣ, но ему претило сознаться въ этомъ при несочувственныхъ слушателяхъ. Поэтому, увидавъ Арфоля, онъ замолчалъ и сталъ нетерпѣливо набивать трубку.

— Вы, я вижу, знаете новости,—сказалъ странствующій учитель послѣ продолжительнаго молчанія.

— Какія новости?—отвѣчалъ капраль, смотря съ надменнымъ презрѣніемъ на непрошеннаго гостя.

— О большой битвѣ и отступленіи. Вѣдь императоръ ретируется къ французскимъ границамъ: такъ по крайней мѣрѣ всѣ говорятъ.

— Такъ говорятъ дураки!—воскликнулъ гнѣвно ветеранъ:—еслибъ вы были старымъ солдатомъ и знали императора, какъ я знаю его, то вы не стали бы повторять нелѣпыхъ толковъ объ отступленіи. Развѣ паукъ отступаетъ, разставляя свои сѣти и заманивая въ нихъ мухъ? Развѣ соколъ отступаетъ, улетаая въ глубь неба для ловли воробьевъ? Когда Наполеонъ начинаетъ игру въ отступленіе, то его враги должны держать ухо востро: онъ, неожиданно набросившись на нихъ въ минуту ликованія, разобьетъ ихъ на голову.

Понимая, въ чемъ дѣло, Арфоль не сталъ спорить, а только замѣтилъ:

— Подъ Лейпцигомъ было очень горячее дѣло; убито до пятидесяти тысячъ французовъ.

— Не знаю,—произнесъ капраль, покуривая трубку и видимо раздраженный словами учителя:—да я этимъ и не интересуюсь. Вы человѣкъ ученый и знаете все, что касается книгъ, но вы ничего не смыслите насчетъ войны. Великому полководцу все равно, сколько убито у него солдатъ—пятьдесятъ или пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, онъ можетъ потерять вдвое болѣе людей, чѣмъ непріятель, а все-таки одержитъ побѣду. Какая важность, что убито пятьдесятъ тысячъ человѣкъ! Императоръ знаетъ, что дѣлаетъ.

— Но я надѣюсь, что ваши племянники живы, — сказалъ Арфоль.

Капраль бросилъ тревожный взглядъ на вдову, которая поблѣднѣла, услышавъ замѣчаніе Арфоля, и съ улыбкой отвѣчалъ:

— Да, по послѣднимъ извѣстіямъ они были здоровы и невредимы. Гильдъ пишетъ за обоихъ, и вы знаете, что онъ прекрасно знаетъ грамоту. Его не много поцарапало, и онъ попалъ въ лазаретъ, но это пустяки и скоро пройдетъ. Онъ писалъ очень весело и говоритъ, что у нихъ вдоволь денегъ, пищи и напитковъ. Вотъ какъ славно живетъ на войнѣ.

— А ваши племянники были въ большомъ сраженіи?

— Не знаю; мы съ тѣхъ поръ не получали писемъ, но я увѣренъ, что они были тамъ, куда ихъ призывали долгъ и воля императора.

— Такъ значитъ вы не знаете, живы ли они?

— Ихъ жизнь въ рукахъ Божьихъ, и Богъ ихъ сохранить,—произнесъ старый солдатъ, однако дрожащимъ голосомъ:—они исполняютъ свой долгъ, какъ храбрые солдаты, и Богъ ихъ не оставитъ. Конечно, мы вскорѣ получимъ извѣстія о нихъ.

Въ эту минуту тихо вошелъ въ открытую дверь скорѣе призракъ, чѣмъ живой человѣкъ; на немъ была сѣрая солдатская шинель, забрызганная грязью, одна изъ босыхъ его ногъ была завернута въ окровавленную тряпку, на головѣ его виднѣлась повязка, а грязное, невыбритое лицо выражало мрачное уныніе. Онъ тяжело опирался на палку и глухимъ голосомъ произнесъ:

— Богъ въ помощь.

— Милости просимъ, добрый человѣкъ,—сказалъ капраль, указывая на мѣсто передъ огнемъ, страннику, котораго онъ принялъ по его внѣшности за нищаго.

Но вошедшій не двинулся съ мѣста, а какъ-то странно, пристально смотрѣлъ на молодежь.

— Боже мой, это Гильдъ!—воскликнула вдова, вскакивая съ своего мѣста, и, бросившись къ сыну, стала осыпать его поцѣлуями.

Дѣйствительно это былъ Гильдъ Дерваль, но въ такомъ несчастномъ видѣ, что его никто не призналъ въ родной семьѣ.

— Боже мой,—произнесла снова среди обильныхъ слезъ бѣдная женщина, прежде чѣмъ другіе успѣли выразить свое удивленіе или привѣтъ неожиданному посѣтителю:—онъ потерялъ руку.

Тогда только всѣ замѣтили, что лѣвый рукавъ у Гильда висѣлъ пустой. Онъ, однако, засмѣялся и кивнулъ головой дядѣ, который подошелъ къ нему, потрепалъ его по плечу и поцѣловалъ на обѣ щеки. Вслѣдъ за этимъ поспѣшили его обнять братья и Марселла.

Его посадили въ кресло, и, опустившись передъ нимъ на колѣни, плачущая мать начала мало-по-малу разспрашивать его о всемъ случившемся. Конечно, первымъ вопросомъ было:

— А гдѣ Хоель?

— Хоель здоровъ и кланяется вамъ всѣмъ,—сказалъ Гильдъ, совершенно новымъ для него покровительственнымъ тономъ:—онъ ни разу не былъ раненъ, а мнѣ, вы видите, какъ всегда, не везетъ. Ядро сразило меня, и доктора отпилили мнѣ руку, да и голову задѣло.

— А гдѣ вы получили ваши раны?—спросилъ учитель Арфоль.

— Подъ Дрезденомъ, на второй день битвы. Меня отправили въ Лейпцигскій лазаретъ, а когда я оправился, то мнѣ дали чистую отставку. До Нанта я добрался на казенный счетъ въ большой, веселой компаніи, а оттуда плетусь кое-какъ. Ну, вотъ я и вернулся домой. Все на свѣтѣ такъ: то чашка жизненныхъ вѣсовъ повышается, то понижается.

Между тѣмъ капралъ налилъ стаканъ водки и, подавая его Гильду, сказалъ:

— Выпей, мальчуганъ.

— За ваше здоровье,—произнесъ раненый солдатъ и, выпивъ залпомъ подку, продолжалъ тономъ стараго ветерана:—славный напитокъ; въ Германіи водка хуже. Да и нѣмецкимъ дѣвушкамъ далеко до нашихъ. Знаешь, Марселла, я никогда не видалъ за французской границей такой хорошенькой рожицы, какъ твоя. Притомъ нѣмки очень жадны и готовы ограбить бѣднаго солдата.

Марселла подбѣжала къ брату, нагнулась къ нему и что-то шепнула на ухо; онъ съ улыбкой кивнулъ головой и, разстегнувъ рубашку, показалъ ей висѣвшую у него на шеѣ на шнуркѣ медаль, которую она передъ его уходомъ въ армію опустила въ купель Крови Господней. Молодая дѣвушка поцѣловала раненнаго героя и подняла къ небу взоры, благодарные за спасеніе его отъ смерти.

Не желая быть лишнимъ въ минуту семейнаго свиданія, учитель Арфоль удалился, но передъ уходомъ поздравилъ Гильда съ его во всякомъ случаѣ счастливымъ возвращеніемъ домой. Не успѣлъ онъ исчезнуть за дверью, какъ на молодаго инвалида посыпались безконечные вопросы, на которые онъ отвѣчалъ фантастической, хвастливой болтовней, такъ какъ онъ принималъ на себя тонъ ветерана и даже выказывалъ пренебреженіе къ старому дядѣ.

— А ты видѣлъ императора?—спросилъ старикъ.

— Еще бы. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Дрезденѣ. Дождь шелъ проливной, и онъ казался промокшей крысой въ своемъ сѣромъ сюртукѣ. Онъ сидѣлъ сгорбившись на лошади и походилъ скорѣе на старую торговку, возвращающуюся съ рынка, чѣмъ на главнокомандующаго. Быть можетъ, онъ великій полководецъ, я объ этомъ не спорю,—прибавилъ дерзкій новобранецъ:—но онъ не умѣетъ ѣздить верхомъ.

— Императоръ не умѣетъ ѣздить верхомъ!—воскликнулъ съ ужасомъ капралъ, въ глазахъ котораго всякое неодобрительное мнѣнiе объ его кумирѣ казалось святотатствомъ.

— Да, онъ сидитъ на лошади, какъ мѣшокъ, и вообще у него невзрачная фигура; онъ мнѣ тогда показался не императоромъ, а нищимъ, укравшимъ лошадь и спасавшимся бѣгствомъ. Вотъ маршалъ Ней—дѣло другое: съ перваго взгляда видно, что это полководецъ.

— Маршалъ Ней...—произнесъ капралъ съ презрительной гримасой.

— Онъ одѣвается для сраженiя, какъ на балъ, онъ напомаженъ и надушенъ, на рукахъ у него блестятъ кольца, а онъ самъ и его лошадь переливаютъ всѣми цвѣтами радуги.

— Кукла,—замѣтилъ дядя Евенъ съ пренебреженiемъ.

Быть можетъ, старый и молодой герои дошли бы до ссоры, но въ эту минуту вдова принесла чашку съ теплой водой и начала обмывать усталыя, раненныя ноги сына.

— «Завтра я велю побрить его и остричь ему волосы,—думала при этомъ добрая мать:—тогда мой ненаглядный станетъ попрежнему красавцемъ».

Не смотря на раны, Гильдъ, всетаки, вернулся домой и не могъ больше пойти на войну, а потому старуха была совершенно счастлива. Даже онъ самъ, не смотря на то, что жаловался на судьбу, былъ очень доволенъ возвращенiемъ домой.

XLI.

Остатки мертваго міра.

Роану Гвенферну нечего было беспокоиться насчетъ новыхъ поисковъ со стороны полиціи въ пещерѣ св. Гильда. Обыскавъ ее основательно и не найдя въ ней дезертира, жандармы были очень рады, что имъ представлялся предлогъ прекратить дальнѣйшую осаду; это не значило, чтобы они боялись преслѣдуемаго бѣглеца, или жалѣли его, но смерть Пиприака наполнила ихъ сердца суетвѣрнымъ страхомъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ кровавой катастрофы, стоившей жизни Пиприаку, были приняты энергичныя мѣры къ разысканію его убійцы, и хотя нѣсколько разъ нападали на его слѣдъ, и онъ однажды собственноручно расправился съ Мишелемъ Гральномъ, но всѣ усилія поймать его остались безуспѣшными. Власти въ Сень-Гурло выходили изъ себя; назначена была новая награда за его поимку, и всетаки Роанъ оставался на свободѣ. Впрочемъ вскорѣ о немъ совершенно забыли въ общемъ переполохѣ, производимомъ извѣстіями съ театра войны.

Тщетно капралъ и его единомышленники громко доказывали, что звѣзда Наполеона не закатывалась, а напротивъ восходила, тщетно призракъ славы, умытый и чисто одѣтый, увѣрялъ всѣхъ, что, пока правой рукой у императора маршалъ Ней, все будетъ хорошо, тщетно получались ложные военные бюллетени,—общее мнѣніе склонялось къ тому, что дѣла шли очень дурно. Мало-по-малу роялисты въ Кромлэ начали подымать голову и съ улыбкой подмигивать другъ другу.

Однако Марселла все попрежнему возсылала къ небу свои дѣвственныя молитвы, прося Господа даровать побѣду императору и спасти любимаго ею человѣка. Она не понимала, что Наполеонъ былъ причиной всѣхъ несчастій Роана, и считала его для этого слишкомъ великимъ и добрымъ. Въ ея глазахъ онъ любилъ свой народъ, далъ крестъ дядѣ Евену и отличался нѣжнымъ сердцемъ, но онъ не могъ знать всего, что дѣлали злые люди его именемъ. Ахъ, еслибъ она могла только добратъся до него, упасть передъ нимъ на колѣни и выпросить у него помилованье для Роана. Въ сущности юноша былъ кругомъ виноватъ, хотя, конечно, сопротивлялся императору въ безсознательномъ состояніи. И чѣмъ же все это кончилось? Гильдъ вернулся домой, покрытый славой и хотя раненный, но всетаки живой, а Роана попрежнему травили, какъ звѣря, и еще теперь на немъ тяготѣла отвѣтственность за убійство Пиприака.

Пока Марселла молилась и просила небо о заступничествѣ, Роанъ Гвенфернъ тревожно двигался, какъ призракъ, въ мрачныхъ нѣдрахъ земли. Съ факеломъ въ рукахъ, онъ день и ночь бродилъ неустанно по безконечнымъ подземнымъ ходамъ, не зная въ сущности, на яву ли онъ, или во снѣ. Все вокругъ казалось ему неестественнымъ, фантастичнымъ. Ему грезились видѣнія, въ ухахъ у него раздавались голоса, холодныя руки какъ бы прикасались къ нему, и всегда, вездѣ передъ нимъ возставалъ образъ убитаго Пиприака.

Однако же это была трезвая дѣйствительность. Открытѣ таинственнаго выхода изъ пещеры св. Гильда повело къ цѣлому ряду еще болѣе замѣчательныхъ открытій. Онъ нисколько не преувеличивалъ, сказавъ Арфолю, что внутренность утесовъ представляла подземный улей.

Въ отчаяніи и, чтобъ не сойти совершенно съ ума, онъ продолжалъ свои одинокіе поиски. Изъ случайно найденной имъ большой внутренней пещеры шли во всѣ стороны узкіе проходы; одни изъ нихъ были такъ низки, что въ нихъ не могло проникнуть человѣческое тѣло, а другіе представляли высокіе корридоры со сводами, которые тянулись на большее, или меньшее пространство, а потомъ оканчивались стѣной. Послѣ тщательнаго изслѣдованія онъ, однако, убѣдился, что идетъ изъ нихъ чрезвычайно длинный и постепенно возвышающійся корридоръ и приводитъ въ концѣ концовъ къ небольшой пещерѣ, освѣщенной узенькой разсѣлиной въ утесѣ. Изъ этой разсѣлины, составлявшей какъ бы окно въ центрѣ самой недоступной, перпендикулярной скалы на берегу, онъ могъ видѣть море на многія мили, мелькавшія на его поверхности суда и даже нижнюю часть Кромлэ. Подъ нимъ не было берега, а морскія волны разбивались о подножье скалы и то заливали, то осушали подводныя пещеры, куда никогда не проникали суетвѣрные рыбаки. Со страннымъ чувствомъ довольства, онъ открылъ это новое убѣжище, окно котораго казалось съ моря только пятномъ на мрачной скалѣ. Тутъ онъ расположилъ свою главную квартиру и могъ спокойно, безопасно наслаждаться лицезрѣніемъ солнца и луны; тутъ никто не могъ его найти, какъ орла въ его воздушномъ гнѣздѣ.

Спустя нѣсколько дней оказалось, что его новое убѣжище имѣло сообщеніе съ моремъ, посредствомъ отвѣснаго прохода, и, опустившись по нему съ немалой опасностью, онъ неожиданно очутился на выдающемся карнизѣ въ самой срединѣ большой подводной пещеры. Большіе красные устои, покрытые мхомъ и разноцвѣтными морскими растеніями, поддерживали простиравшійся сверху сводъ, съ котораго постоянно падали крупныя капли на хрустальную, зеленоватаго цвѣта поверхность воды, наполнявшей нижнюю часть пещеры. Изъ отдаленнаго ея отверстія, выходившаго въ море, проникалъ словно изъ глубины воды фантастическій свѣтъ, благодаря которому ясно виднѣлось на громадной глубинѣ песчаное дно, съ его причудливой растительностью и странными живыми существами.

Обдумавъ положеніе этой пещеры, то залитой совершенно водой, то представляющей легкій доступъ изъ отверстія, обращеннаго къ морю, Роанъ понялъ, гдѣ онъ находился. Это была «Адская пасть», какъ называли рыбаки полускрытое отверстіе въ большую подводную пещеру у подножья утесовъ, гдѣ постоянно происходилъ шумный водоворотъ, и откуда по временамъ, какъ бы изъ нѣдръ земли, выбрасывалось съ ужаснымъ шумомъ громадное количество неизвѣстно откуда бравшейся воды. Часто Роанъ останавливался въ лодкѣ передъ этимъ роковымъ мѣстомъ, и товарищи рассказывали ему легенды о тѣхъ смѣльчакахъ, которые рѣшались проникнуть въ «Адскую пасть» и уже никогда оттуда не возвращались.

На впечатлительную натуру открытіе какой либо тайны природы производитъ потрясающее впечатлѣніе. Роану Гвенферну, котораго такъ долго преслѣдовали всѣ силы земныя, казалось, что природа, въ порывѣ любви и сожалѣнія, открыла ему свои объятія, осыпала его сердце безмятежнымъ покоемъ и представила его очарованнымъ глазамъ въ чудесномъ видѣніи зрѣлище ея душевнаго мира. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ и нравственно окрѣпшимъ. На верху, изъ окна воздушной пещеры, онъ могъ безбоязненно любоваться солнцемъ, а здѣсь внизу былъ въ состояніи на свободѣ лицезрѣть всѣ чудеса подводнаго царства.

Однако ему предстояло сдѣлать еще болѣе удивительное открытіе. Онъ нашелъ ключъ къ великой тайнѣ природы, и этотъ ключъ отворялъ много дверей.

Вокругъ подводной пещеры шель узкій, скользкій карнизъ, но онъ былъ вполне доступенъ босымъ ногамъ Роана. Пробираясь по нему и осторожно придерживаясь руками о красные устои, онъ сдѣлалъ около тридцати ярдовъ и, очутившись въ крайнемъ углѣ пещеры, соскочилъ на выступавшій изъ воды валунъ. Тутъ онъ съ изумленіемъ увидалъ передъ собой полукруглое отверстіе, которое, по всей вѣроятности, вело въ самое сердце утесовъ. Въ немъ было очень темно, и потому, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ вернулся назадъ.

Но его любопытство было сильно возбуждено; онъ поспѣшилъ въ свое воздушное убѣжище, взялъ тамъ маленькій фонарь, принесенный ему Яномъ Гарономъ, зажегъ его и снова направился въ вновь открытый подземный проходъ, который онъ рѣшился изслѣдовать до крайняго его предѣла.

О ширинѣ и вышинѣ этого прохода можно было судить потому, что руки, протянутыя въ обѣ стороны, касались противоположныхъ стѣнъ, а поднявъ руку кверху и вставъ на цыпочки, легко было достигнуть до потолка. Онъ казался выложеннымъ изъ камня и по своимъ симметрическимъ очертаніямъ обнаруживалъ работу человѣческихъ рукъ. Нигдѣ не было видно слѣдовъ растительности, и поверхность стѣнъ была гладкая, сырая, но воздухъ, хотя холодный, какъ въ склепѣ, не отличался миазмами.

Пройдя около ста шаговъ, Роанъ остановился передъ рядомъ гранитныхъ ступеней. Сердце его дрогнуло; теперь было очевидно, что этотъ подземный проходъ былъ плодомъ человѣческаго труда. Какъ ни простъ былъ этотъ фактъ, но онъ возбудилъ въ сердцѣ Роана какой-то таинственный страхъ, и онъ едва не вернулся назадъ. Однако же, оправившись отъ своего волненія, онъ поднялся по ступенямъ, которыя привели его въ новый такой же корридоръ. Въ концѣ его, на разстояніи ста шаговъ, снова возвышалась лѣстница, а за ней наверху тянулся третій корридоръ, оканчивавшійся громадной залой, покрытой сводами, въ сравненіи съ ко-

торой блѣднѣли всѣ найденныя имъ пещеры. Стѣны этихъ катакомбъ были изъ краснаго гранита, а простирившійся надъ ними сводъ казался куполомъ собора. Полъ былъ черный и каменный, гладкій какъ ледъ, но мѣстами покрытый скользкимъ мхомъ; всюду царилъ мракъ, и слышался какъ бы отдаленный шумъ моря.

Роанъ остановился въ страхѣ, словно ожидая, что какіе нибудь грозные призраки изгонятъ его, какъ непрошеннаго гостя, изъ этого таинственнаго подземелья. Куда онъ попалъ? Голова его кружилась—и онъ едва не упалъ. Но, собравшись съ силами, онъ продолжалъ идти далѣе. При каждомъ его шагѣ шумъ усиливался, и море какъ бы клокотало подъ его ногами. Онъ отскочилъ и только во время, потому что стоялъ на краю канала, по которому быстро текла вода. Осмотрѣвшись, онъ увидалъ, что каналъ съ водой занималъ всю внутренность катакомбъ, а полъ, на которомъ онъ стоялъ, былъ только искусственнымъ навѣсомъ надъ нимъ.

Приподнявъ свой фонарь, онъ неожиданно вздрогнулъ. Неподалеку отъ него, на самомъ краю канала, стояла другая фигура. Онъ былъ суевѣренъ по природѣ, а его умъ былъ въ значительной мѣрѣ отуманенъ перенесенными имъ долговременными лишениями. Фонарь едва не выпалъ изъ его рукъ, а между тѣмъ таинственная фигура не двигалась съ мѣста.

XLII.

Римскій водопроводъ.

Приблизясь къ таинственной фигурѣ, казавшейся человѣческимъ существомъ, или призракомъ, Роанъ удостовѣрился, что это была гигантская статуя изъ чернаго мрамора; она возвышалась на пьедесталѣ у самаго края канала. Эта хотя безжизненная, но ужасная на видъ, статуя находилась тутъ въ продолженіе долгихъ вѣковъ, и постоянно падавшія на нее сверху капли источили ея каменную массу, и часть какъ лица, такъ и туловища исчезли. Снизу она была совершенно покрыта зеленой растительностью, выходящей прямо изъ воды. По своимъ размѣрамъ она была колоссальна, и, стоя рядомъ съ ней, Роанъ казался пигмеемъ.

Мало-по-малу Роанъ разобралъ, что статуя представляла римскаго императора въ тогѣ, съ обнаженной головой, но увѣнчанной лавровымъ вѣнцемъ. Хотя лице было все изуродовано временемъ, но очертаніе головы и шеи сохранились и напоминали бычачій бюстъ римскихъ императоровъ, изображенныхъ на древнихъ медаляхъ, воспроизведеніе которыхъ Роанъ видалъ въ полученномъ отъ учителя Арфоля французскомъ переводѣ Тацита. Въ одну минуту онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и въ головѣ его воскресли народныя преданія

о римскомъ городѣ, затопленномъ подъ Кромлэ. Онъ вспомнилъ ту странную картину этого города, которую рисоваль Арфоль, изображавшій въ яркихъ краскахъ мраморные дома, храмы, сіяющіе золотомъ, театры, купальни, статуи боговъ. Значить все это было справедливо, значить древній городъ былъ подъ его рукой, и онъ теперь видѣлъ только первые слѣды мертваго міра.

Но откуда шла и куда направлялась вода, таинственно протекавшая по подземелью? Задавая себѣ эти вопросы, онъ увидалъ неожиданно у самаго подножія статуи широкую лѣстницу, которая вела внизъ; ступени ея были покрыты скользкимъ зеленымъ иломъ, но съ известной осторожностью можно было спуститься по нимъ. Онъ тихо, медленно, шагъ за шагомъ, сошелъ внизъ и убѣдился, что лѣстница вела прямо въ воду, которая быстро бѣжала, какъ горный потокъ. Хотя на взглядъ она была черная, какъ уголь, но когда онъ нагнулся, черпнулъ ее рукой и поднесъ къ губамъ, то она оказалась чистой, свѣжей и на вкусъ дождевой.

Тутъ онъ впервые вспомнилъ о подземной рѣкѣ, о которой столько говорили мѣстныя легенды, увѣрявшія, что Кромлэ стоялъ надъ ней. Онъ вспомнилъ всѣ таинственные, глухіе звуки, дошедшіе до его ушей во время лѣтнихъ грозъ, и какъ часто, припавъ ухомъ къ землѣ, онъ прислушивался къ шуму подземной рѣки. Мрачная вода, которая теперь протекала передъ нимъ, была, конечно, или этой самой рѣкой, или ея притокомъ и еслибъ онъ поплылъ по каналу, то, быть можетъ, очутился бы среди развалинъ мертваго города. Неужели всѣ народныя легенды, всѣ грезы юности были трезвой дѣйствительностью?

Возвратясь въ свое воздушное жилище на высотѣ утесовъ, Роанъ долго обдумывалъ открытую имъ диковину. Онъ походилъ теперь на человѣка, который опустился въ могилу, бесѣдовалъ съ мертвецами и принесъ съ собою тайны мрачнаго царства. Открытіе громаднаго римскаго сооруженія съ его таинственными, соединявшимися съ моремъ проходами поражало его своей неожиданностью, своимъ величіемъ. Черная статуя, стоявшая въ подземельѣ, словно живое существо, служила эмблемой исчезнувшаго міра и не выходила изъ головы Роана. Тотъ, кого она изображала, жилъ и царствовалъ, какъ теперь жилъ и царствовалъ Наполеонъ; онъ такъ же, быть можетъ, въ пурпурѣ и лаврахъ, вель кровавыя войны. По мановенію его руки одерживались побѣды, завоевывались страны, строились города съ драгоцѣнными храмами, съ колоссальными амфитеатрами, и при его жизни ему поклонялись, какъ богу. Его статуя была воздвигнута рабами, и такія статуи возвышались вездѣ на улицахъ и на рынкахъ, а, падая ницъ передъ ними, народъ восклицалъ: «Цезарь, умирающіе тебя привѣтствуютъ!». И его статуя продолжала караулить остатки мертваго міра въ нѣдрахъ земли, но объ его существованіи, объ его имени не осталось никакихъ слѣдовъ.

Въ продолженіе двухъ дней сдѣланное имъ открытіе такъ тяготило его умъ, что онъ не рѣшался снова посѣтить таинственныхъ катакомбъ. Онъ неподвижно сидѣлъ у своего окна, выходившаго на море, и смотрѣлъ на пѣнившіяся волны, прислушиваясь къ свисту вѣтра и къ тяжело падавшимъ каплямъ дождя, который въ послѣднее время шелъ непрерывно.

На третье утро буря утихла, хотя дождь продолжался, но море было гладко, какъ зеркало. Рыбачьи лодки мирно сновали между окружавшими берегъ, рифами и среди нихъ видѣлись узкіе плоты, сбитые изъ старыхъ досокъ и боченковъ, на которыхъ жители Кромлэ собирали водоросли для топки и удобренія земли. Этотъ сборъ водорослей на берегахъ Бретани происходитъ два раза въ годъ, и Роанъ невольно воспоминалъ, какъ часто онъ сооружалъ подобный плотъ и плавалъ на немъ вдоль утесовъ.

Часы шли за часами, и бѣдный отверженецъ смотрѣлъ издали на своихъ товарищей. Къ полдню на небѣ стали надвигаться черныя тучи, и густая мгла, поднявшись съ моря, скрыла передъ глазами Роана разстилавшуюся передъ нимъ картину. Въ воздухѣ стало душно, какъ передъ наступленіемъ грозы. Не видя передъ собой ничего, Роанъ рѣшился вторично посѣтить открытый имъ подземный міръ. Теперь онъ уже пересталъ вѣрить въ его дѣйствительность, и таинственныя катакомбы казались ему грезой, сновидѣніемъ.

Взявъ фонарь, онъ поспѣшно опустился прежде въ подводную пещеру, а потомъ въ открывшійся изъ нея подземный проходъ, но, сдѣлавъ по нему нѣсколько шаговъ, онъ остановился и сталъ въ испугѣ прислушиваться. Вдали шумѣла и клокотала вода, и въ роковомъ голосѣ разъяренной стихіи слышались какъ бы жалобные стоны. Черезъ минуту онъ продолжалъ свой путь, и чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ болѣе увеличивался шумъ, превратившійся въ оглушительный грохотъ, а когда онъ очутился въ катакомбахъ, то ему показалось, что онъ въ аду: такъ оглушительенъ былъ раздававшійся вокругъ него громъ.

О причинѣ происходившаго подземнаго переворота не могло быть сомнѣнія. Потокъ, пробѣгавшій въ каменномъ ложѣ, бурно волновался, какъ бы желая уничтожить сковывавшія его преграды. Роанъ приблизился къ мраморной статуѣ; она стояла на своемъ мѣстѣ, колоссальная, роковая, но теперь она дрожала съ головы до ногъ, словно живое существо, и вмѣстѣ съ нею содрогались возвышавшіеся вокругъ своды, какъ бы отъ неожиданнаго землетрясенія. При мерцаніи лампы, было ясно видно, что вода быстро подымалась, и уже теперь оставались незалитыми только немногія верхнія ступени лѣстницы. Неизвѣстно—какъ, но потокъ съ чудовищной силой прибывалъ ежеминутно, и оставаться тамъ значило подвергать себя неизбѣжной смерти.

Роанъ бросился бѣжать, преслѣдуемый бѣшеннымъ ревомъ по-

тока, который, ему казалось, гнался по его пятамъ, и не успѣлъ онъ выскочить на карнизъ подводной пещеры и оттуда достигнуть отверстія, чрезъ которое онъ добирался до своего воздушнаго жилища, какъ раздался страшный ударъ, словно лопнули окрестные утесы. Въ ту же минуту изъ входа въ мертвый міръ, откуда онъ только что спасся, показались облака пара, а затѣмъ подземная рѣка, вырвавшись на свободу, клокоча и пѣнясь, соединилась передъ его глазами съ безконечнымъ моремъ. Всегда мирная, неподвижная, мертвая поверхность подводной пещеры теперь представляла бѣшено кипѣвшій котель.

XLIII.

Ночь покойниковъ.

Быль канунъ дня Всѣхъ Святыхъ въ 1813 году.

Въ то время, какъ Роанъ Гвенфернъ находился подъ мрачными сводами римскаго водопровода, въ самомъ сердцѣ Кромлэйскихъ утесовъ, колокола въ деревенской церкви громко гудѣли, и толпы стекались со всѣхъ сторонъ на ночную службу, которая должна была продолжаться до разсвѣта. Было очень темно, дождь лилъ, какъ изъ ведра, и море было скрыто густой пеленой тумана. Повсюду на узкихъ улицахъ свѣтились громадныя лужи, образованныя постоянными дождями, и падающія въ нихъ крупныя капли теперь педшаго ливня производили глухой, унылый плескъ. Но подъ землей слышались другіе, болѣе громкіе звуки; оттуда доносился страшный, отдаленный гулъ словно клокоцавшаго моря.

Двери у всѣхъ домовъ въ селеніи были широко растворены, а въ самыхъ жилищахъ видѣлись чисто накрытые столы съ готовымъ ужиномъ; вокругъ стояли пустые стулья, а надъ очагомъ горѣли огни, которые не должны были потухнуть ранѣ утра. Это была ночь покойниковъ, и по мѣстнымъ повѣріямъ послѣ зауконой службы въ церкви, когда всѣ обыватели ложились спать, души покойниковъ являлись въ свои старыя жилища и садились за приготовленную имъ трапезу, а живые ихъ родственники, слыша стоны покойниковъ, колѣнопреклоненно молили небо, чтобъ, за исключеніемъ этой одной ночи, покойники спали мирнымъ сномъ въ своихъ могилахъ.

Души покойниковъ не только являлись съ маленькаго кладбища, вокругъ церкви, но изъ отдаленныхъ городовъ и съ безпредѣльнаго океана. Странныя фосфорическія свѣтлыя точки уже появлялись и исчезали на поверхности моря. Высоко въ воздухъ слышались невѣдомые голоса. Отовсюду съ суши и воды, изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ они спали мирнымъ сномъ, мертвецы возвращались въ любимыя ими при жизни жилища.

Въ часъ ночи должно было наступить полнолуные, и съ нимъ совпадала высшая точка прилива. Но небо было покрыто тучами, и дождь шелъ проливной среди мрака, нарушаемаго лишь свѣтомъ въ окнахъ жилищъ и въ церкви, гдѣ отецъ Роанъ совершалъ ночную службу. Въ то самое время, какъ живые возносили молитвы къ Богу, а души умершихъ носились въ воздухѣ, Марселла Дерваль, оставивъ мать въ церкви, вернулась домой. Она нашла въ чисто прибранной кухнѣ накрытый столъ, большой огонь подъ очагомъ и передъ нимъ Дрезденскаго героя, сидѣвшаго на стулѣ.

— Это ты, Марселла, — сказалъ онъ, лѣниво вынимая изъ рта большую деревянную трубку, привезенную изъ Германіи: — старикъ безпокоился о тебѣ и пошелъ на улицу искать тебя. Гдѣ мать и братья?

— Они въ церкви и не вернутся до полуночи.

— А ты зачѣмъ пришла?

— Я устала и лягу спать.

— Ужинъ готовъ; сядь за столъ и поѣшь.

Марселла молча покачала головой. Она была очень блѣдна, и все въ ней обнаруживало сильное физическое, или нравственное утомленіе.

— Прощай, — сказала она, цѣлуя Гильда, зажгла лампу и тихо, медленно направилась въ свою комнатку.

Въ продолженіе всего дня она постоянно думала о Роанѣ, и съ наступленіемъ ночи эти мысли приняли мрачный характеръ. Это была ночь покойниковъ, и хотя она была слишкомъ молода, чтобъ горевать о многихъ умершихъ, кромѣ двухъ братьевъ, убитыхъ на полѣ брани, сердце ея оплакивало если не умершаго, то исчезнувшаго человѣка. Роанъ Гвенфернъ былъ для нея все равно, что покойникъ, онъ погибъ для нея и для всего свѣта; онъ покоился гдѣ-то въ мрачной неизвѣстности также безнадежно, какъ въ могилѣ. Пока всѣ вокругъ нея молились за души умершихъ людей, она молила небо спасти душу этого живого покойника. Умершіе по крайней мѣрѣ спали мирнымъ сномъ, а онъ не зналъ покоя. Поэтому ея горе было страшнѣе печали всѣхъ, окружавшихъ ее.

Теперь, удалившись въ свою комнатку, она на свободѣ отдалась терзавшему ее отчаянію. Послѣ полуночи, когда вся семья уляжется спать, души покойниковъ придутъ на приготовленную имъ трапезу. Боже мой, еслибъ Роанъ могъ только явиться также на эту трапезу и вотъ однажды насытитъ свой голодъ!

Оставшись въ кухнѣ, Гильдъ продолжалъ курить и по временамъ громко выражалъ свое нетерпѣнье, что остальные члены семьи не возвращались домой. Дождь продолжалъ идти ливнемъ, и по обѣимъ сторонамъ узенькой улицы селенья, шумно протекали маленькіе ручейки. Раза два молодой инвалидъ вставалъ, подходилъ къ двери и выглядывалъ въ темноту. Чѣмъ болѣе время прибли-

жалось къ полуночи, тѣмъ онъ обнаруживалъ большую тревогу. Уже не далеко была та минута, когда покойники стануть посѣщать жилища своихъ родственниковъ, и окружавшее мрачное безмолвіе принимало могильный характеръ. Не смотря на свою храбрость и славу героя, онъ ощущалъ страхъ и горько сожалѣлъ, что дозволилъ Марселлѣ пойти спать.

— Куда дѣлся дядя, чортъ возьми?—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

Наконецъ дверь отворилась, и капралъ вошелъ въ кухню, въ своей солдатской шинели и надѣтой по манерѣ императора треуголкѣ, съ которыхъ дождь сочился крупными каплями.

— Вотъ проклятая ночь!—воскликнулъ онъ:—что еще они не вернулись?

— Дома только Марселла,—отвѣчалъ Гильдъ, нахмуривъ брови:—остальные еще въ церкви, хотя уже давно пора всѣмъ христіанамъ ложиться спать.

Старый солдатъ прошелъ ковыляя до очага и, остановившись передъ нимъ, сталъ просушивать свою одежду, изъ которой паръ валилъ столбомъ.

— Я прошелъ всю улицу,—произнесъ онъ:—но, не видя ихъ, направился на берегъ. Приливъ достигаетъ до начала улицы, а онъ еще не дошелъ до своей высшей точки; тамъ всѣ очень боятся и не хотятъ спать всю ночь, хотя море гладко, какъ зеркало.

Въ эту минуту весь домъ зашатался, словно отъ порыва вѣтра.

— Это что такое?—воскликнулъ Гильдъ, вскакивая съ мѣста и крестясь.

— Должно быть, вѣтеръ поднялся,—отвѣчалъ капралъ, но, подойдя къ двери и увидавъ, что извнѣ царила прежняя невозмутимая тишина, онъ прибавилъ:—странно; я уже ранѣе слышалъ два раза такіе удары, словно земля разверзается подъ ногами.

— Дядя? промолвилъ Гильдъ.

— Что?

— Это души покойниковъ шумятъ.

Старый капралъ ничего не отвѣчалъ и, набожно преклонивъ голову, устремилъ свои взоры на огонь. Прошло нѣсколько минутъ, и снова домъ затрясся. На этотъ разъ не было уже ничего похожего на дуновение вѣтра, и какъ дядя, такъ и племянникъ ощутили то странное, близкое къ морской болѣзни чувство, которое возбуждаетъ въ людяхъ землетрясенье. Оно продолжалось одну секунду, но они оба посмотрѣли другъ на друга съ неописаннымъ ужасомъ.

— Страшно! — произнесъ капралъ; — отчего старуха не возвращается? Я пойду снова за ней.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ на старинныхъ голландскихъ часахъ пробило полночь, и кукушка, выскочивъ изъ своей маленькой дверки, уныло прокричала двѣнадцать разъ.

Старикъ вздрогнулъ, и прежде чѣмъ Гильдъ успѣлъ его остановить, онъ вышелъ на улицу. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ слышался извнѣ стукъ его деревянной ноги, а затѣмъ наступила прежняя унылая тишина.

Положеніе, въ которомъ теперь очутился Гильдъ, было самое неподходящее къ его характеру. Онъ отличался грубой храбростью и въ обществѣ другихъ людей мужественно встрѣтилъ бы пришельца съ того свѣта, но его хотя и краткое знакомство съ войной такъ растроило его нервы, что ему страшно было оставаться одному въ эту ночь покойниковъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ стали еще раздаваться таинственные подземные удары.

Онъ выглянулъ въ дверь; среди кромѣшнаго мрака виднѣлись освѣщенныя окна сосѣднихъ жилищъ, двери которыхъ были широко раскрыты, но нигдѣ нельзя было замѣтить слѣда живыхъ существъ, а напротивъ въ воздухѣ, ему казалось, невольно парили сверхъестественные призраки.

— Марселла, Марселла!—воскликнулъ онъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и приближаясь къ деревянной лѣстницѣ, которая вела на верхъ.

Отвѣта не было.

— Марселла, ты спишь?—повторилъ Гильдъ.

На этотъ разъ дверь на верху пріотворилась, и послышался голосъ молодой дѣвушки:

— Это вы, дядя?

— Нѣтъ, это я, Гильдъ. Ты въ постелѣ?

— Да, я уже засыпала. Что тебѣ надо?

— Ничего, — отвѣчалъ Гильдъ, не желая сознаться, что ему страшно сидѣть одному въ кухнѣ. — Мама еще не вернулась, и дядя пошелъ къ ней навстрѣчу; дождь льетъ, какъ изъ ведра.

— Она сказала, что не вернется ранѣе полуночи, и съ нею къ тому же мальчишки. Доброй ночи, Гильдъ.

— Доброй ночи, — промолвилъ дрезденскій герой, — но, Марселла, не запирай двери. Мнѣ, можетъ быть понадобится, тебя позвать.

— Хорошо.

Гильдъ вернулся къ очагу, но въ эту минуту снова хижина затряслась на своемъ основаніи.

— Марселла! — воскликнулъ онъ вторично, приближаясь къ лѣстницѣ.

— Что?

— Ты слышала?

— Да, это шумъ вѣтра.

— Это не вѣтеръ, а дьяволъ, — пробормоталъ про себя Гильдъ и, внутренно проклиная Марселлу за ея хладнокровіе, онъ снова пошелъ къ двери.

Мракъ и тишина были прежніе; не было чувствительно ни малѣйшаго дуновенія вѣтра, а вдали слышался плескъ моря. Но неожиданно онъ услыхалъ нѣчто, отъ чего застыла кровь въ его жилахъ. Въ той сторонѣ, гдѣ была церковь, раздался страшный грохотъ, словно тамъ находилось море и словно оно бушевало передъ бурей. Прежде чѣмъ онъ могъ сообразить, въ чемъ дѣло, послышались громкіе человѣческіе крики и набатный звонъ колокола. Въ то же время мимо него стали пробѣгать со стороны моря испуганные люди, которые ничего не отвѣчали на его вопросы.

Очевидно, случилось нѣчто необычайное, но невозможно было догадаться, откуда и какая грозила бѣда несчастному селенію. Наконецъ Гильду удалось остановить одного изъ бѣжавшихъ, но тотъ лишь крикнулъ:

— Бѣгите, спасайтесь въ горы.

Всего невыносимѣе въ подобныя критическія минуты неизвѣстность, а потому Гильдъ, не размышляя, послѣдовалъ за бѣжавшими.

Дождь шелъ уже нѣсколько недѣль непрерывно, и долины внутри страны находились на половину подъ водой, но въ эту ночь лило такъ сильно, какъ бы разверзлись хляби небесныя. Не было поэтому удивительно, что земля тряслась, и подземная рѣка хлопотала. Наконецъ, словно по тайному соглашенію, всѣ стихіи стали дѣйствовать заодно и предвѣщали общій катаклизмъ. Море подступило къ самому берегу, вѣтеръ поднялся, подземная рѣка выступила изъ своихъ окраинъ, и уже всѣ горные потоки порвали сдерживавшія ихъ, препоны.

Находясь между моремъ и узкой горной долиной, Кромлэ былъ одинаково подверженъ наводненіемъ и съ моря и суши, но убаюкиваемый, какъ бы въ колыбели, волнами океана, которыя соединялись подъ нимъ съ подземной рѣкой, онъ, однако, изъ поколѣнія въ поколѣніе избѣгалъ грозившей ему опасности. Только однажды на памяти старожилонъ разразилась надъ нимъ бѣда. Это было много лѣтъ тому назадъ, и теперешніе обитатели селенія придавали этому разказу стариковъ чисто сказочный характеръ. Однако осенью 1813 года многое доказывало близость опасности. Никогда не было столько дожда и столько урагановъ. Ночь за ночью оглашалась шумнымъ рокотомъ подземной рѣки, заставлявшей по временамъ всю мѣстность дрожать на своихъ основаніяхъ. Морскіе приливы также достигали болѣе высокой высоты, чѣмъ обыкновенно.

Теперь въ эту ночь покойниковъ, когда, по убѣжденію туземцевъ, по небу и по морю неслись полчища неземныхъ призраковъ, съ цѣлью посѣтить свои прежнія жилища, когда во всѣхъ церквахъ на берегу совершались ночныя службы, а во всѣхъ домахъ была приготовлена трапеза покойникамъ, вода всюду поднялась, и громадный неустойчивый потокъ ринулся съ горныхъ высотъ къ морю, унося все передъ собою. Это страшное наводненіе произошло во

мракѣ, а потому его можно было скорѣе слышать, чѣмъ видѣть, но еслибъ человѣческій глазъ свободно лицезрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ, то передъ уstraшенными людьми представилась бы безконечная вереница увлекаемыхъ разъяренной водой деревьевъ, заборовъ, крышъ, даже громаднхъ камней. Быстрѣе, чѣмъ лошадь или корабль, этотъ колоссальный потокъ бѣшено несся, ежеминутно увеличиваясь. Однако, достигнувъ уединенныхъ болотъ Керъ-Леона, онъ какъ бы пріостановился, словно просачиваясь въ землю, какъ подземная рѣка, которая тамъ оканчивалась, но черезъ часъ подобнаго роздыха потокъ еще въ большихъ размѣрахъ продолжалъ свой путь, и судьба Кромлэ была рѣшена.

Въ продолженіе этого часа, Керъ-Леонскій фермеръ поспѣшилъ верхомъ въ несчастное селеніе, громко возвѣщая по дорогѣ о надвигавшейся опасности. Ровно въ полночь онъ достигъ церкви и войдя въ нее, объявилъ свою грозную вѣсть. По счастью большая часть населенія находилась еще тамъ.

— Бейте въ набатъ! воскликнулъ отецъ Роланъ, и черезъ минуту къ крикамъ и воплямъ уstraшенной толпы присоединился унылый звонъ колоколовъ.

Въ эту именно минуту старый капралъ, промокнувъ до костей, вошелъ въ церковь и отыскалъ тамъ вдову съ сыновьями.

— Быть можетъ, вода не дойдетъ досюда? — произнесъ онъ, узнавъ роковую вѣсть.—Вѣдь Керъ-Леонскія болота очень глубокиа.

Ему отвѣчалъ не одинъ изъ сосѣдей, а грозный рокоть воды, неудержимо низвергавшейся съ горныхъ высотъ къ морю.

— Всѣ въ горы!—воскликнулъ отецъ Роланъ: Спасайтесь! Спасайтесь!

Въ одно мгновенье обезумѣвшая отъ страха, толпа покинула церковь, и съ криками, съ воплями, толкая и роняя другъ друга, всѣ пустились бѣжать. По счастью нѣсколько людей сохранили присутствіе духа и указали бѣжавшей массѣ находившіяся недалеко тропинки, которые вели на горныя высоты. Капралъ поддался общей паникѣ и слѣдовалъ за другими, вмѣстѣ съ вдовой и ея сыновьями. Но не успѣли они сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышали какой-то голосъ, кричавшій:

— Мама! Дядя!

— Это Гильдъ, но одинъ!—произнесла съ ужасомъ вдова:—Боже мой! Гдѣ Марселла!

— Она осталась дома. Но что случилось? Вы всѣ съ ума сошли.

— Наводненье! Наводненье!—отвѣчали ему десятки голосовъ.

Дѣйствительно вода уже залила церковь, гдѣ потухли огни, и бѣшено грозила потопить весь Кромлэ.

На крышахъ полузалитыхъ жилищъ гнѣздились группы несчастныхъ, еще живыхъ существъ, которые протягивая къ нему руки кричали:

— Помогите, помогите.

Но онъ только молча махалъ рукой и подвигался далѣе.

Наконецъ, достигувъ той улицы, гдѣ жилъ старый капраль, онъ съ радостью увидѣлъ, что его домъ оставался невредимымъ, хотя вода достигала до чердака, гдѣ находилась комнатка Марселлы. Но въ этомъ мѣстѣ образовался водоворотъ отъ соединенія различныхъ потоковъ, и его едва не унесло внизъ. Когда же ему удалось съ большими усиліями удержать свою лодку, то глазамъ его представилось нѣсколько почти обнаженныхъ человѣческихъ тѣлъ, которыя быстро неслись мимо.

До капральскаго дома еще оставалось около двадцати шаговъ, и было очень трудно проникнуть до него. Попрежнему держась руками за стѣны домовъ, онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобъ подвигать впередъ лодку. Такимъ образомъ, онъ добрался до сосѣдней съ жилищемъ Марселлы мазанки, но тутъ онъ уже не могъ болѣе противостать бѣшеному, потоку и выскочилъ на крышу, держа въ одной рукѣ веревку отъ лодки. Затѣмъ онъ обвязалъ эту веревку вокругъ своего тѣла и осторожно перелѣзъ на сосѣдній домъ, гдѣ прикрѣпилъ веревку къ одному изъ крюковъ ставни у чердачнаго окна и, ударивъ изъ всей силы въ раму, которая тотчасъ подалась, вскопчилъ въ комнату.

— Марселла! Марселла!—воскликнулъ онъ.

Громкій крикъ былъ отвѣтомъ на эти слова. Молодая дѣвушка полуобнаженная, босая, съ распущенными волосами, стояла на колѣняхъ посреди комнаты.

— Это я, Роанъ. Я пришелъ тебя спасти. Нельзя терять ни минуты, пойдемъ со мной.

Пока онъ говорилъ, весь домъ затрясся какъ бы отъ подземнаго удара. Марселла молча смотрѣла на любимаго ею человѣка, не понимая, какъ онъ очутился передъ ней.

— Не бойся,—промолвилъ Роанъ, бросаясь къ ней и увлекая ее къ окну:—я тебя спасу, Марселла. Пойдемъ скорѣе.

Онъ не позволялъ себѣ никакихъ нѣжныхъ выраженій и не обнималъ молодой дѣвушки, такъ озабоченъ онъ былъ грозившей ей опасностью; но она, сознавъ наконецъ, что это былъ не призракъ, а живой Роанъ, обвила его шею руками и прижалась къ нему своимъ блѣднымъ лицомъ.

— Это, ты,—шептала она:—когда вода залила нашъ домъ, то я видѣла тебя во снѣ, а проснувшись и слыша крики ужаса въ сосѣднихъ домахъ, я бросилась на колѣни. Роанъ! Роанъ!

— Пойдемъ, нельзя терять ни минуты.

— Какъ ты попалъ сюда? Ты точно свалился съ неба. Какой ты храбрый! Я вижу теперь, что всѣ лгали, называя тебя трусомъ.

Онъ подвелъ ее къ окну и указалъ на колыхавшуюся внизу лодку, а потомъ шепотомъ просилъ ее слѣпо повиноваться ему

обѣщая ее спасти. Она готова была на все, и онъ осторожно опустил ее въ лодку, а потомъ самъ прыгнулъ туда. Черезъ мгновенье они уже неслись съ неимовѣрной быстротой къ морю, среди безчисленныхъ обломковъ и мертвыхъ тѣлъ.

Роанъ старался обоими веслами умѣрить быстроту хода и предохранить лодку отъ столкновений, а когда она стала наполняться водой, то Марселла по его приказанью поспѣшно ее выливала желѣзнымъ котломъ.

Наконецъ, они очутились въ открытомъ морѣ. Опасность почти миновала. Благодаря нѣсколькимъ ударамъ весель, Роанъ направилъ лодку къ берегу, гдѣ стояла толпа, ожидавшая его возвращенія.

— Прыгай, — воскликнулъ онъ, и Марселла черезъ минуту очутилась въ объятіяхъ своей матери, которая громко благодарила небо за ея спасеніе.

Капралъ и его племянники смотрѣли съ какимъ-то тупымъ изумленіемъ на Роана, который быстро отчалилъ отъ берега.

— Развѣ между вами нѣтъ молодцевъ! — воскликнулъ онъ, стоя въ лодкѣ: — вы бѣте тутъ баклуши, а тамъ погибаютъ женщины и дѣти. Ей, Жанъ Гаронъ, ты здѣсь?

— Здѣсь.

— Иди ко мнѣ; мы найдемъ большую лодку и спасемъ несчастныхъ.

— Иду, — отвѣчалъ Горонъ и, бросившись въ воду, пробрался въ бродъ до лодки, которая немедленно понеслась обратно къ селенью.

Марселла вскрикнула отъ отчаянія, а старый капралъ промолвилъ:

— Господи, прости мнѣ! Онъ храбрѣе всѣхъ.

Отливъ уже начался, и хотя селенье все еще находилось подъ водой, но наводненье замѣтно шло на убыль, однако, не смотря на это обстоятельство, несчастное положеніе уцѣлѣвшихъ еще жертвъ становилось опаснѣе съ каждой минутой.

Съ помощью Яна Горона Роанъ вскорѣ нашелъ на берегу большой ботъ и, перебравшись на него, они оба вернулись къ тому мѣсту, гдѣ стояла толпа, и еще повели за собой на веревкѣ другое такое же судно. Совершенно забывъ свое личное положеніе, дезертиръ обратился къ своимъ бывшимъ товарищамъ и повелительнымъ голосомъ приказалъ имъ немедленно достать весла и отправиться на обоеихъ ботахъ, вмѣстѣ съ нимъ, на спасеніе погибающихъ. Его примѣръ возбудилъ общій энтузіазмъ, и черезъ нѣсколько минутъ цѣлый отрядъ смѣльчаковъ поспѣшилъ въ залитое водой селенье.

То, что затѣмъ произошло, было только повтореніемъ перваго подвига Роана, но, конечно, въ менѣе опасномъ и драматическомъ видѣ. Наводненіе быстро убывало, и не трудно было Роану съ его товарищами проникнуть въ все еще покрытыя водою улицы се-

ленія. Вскорѣ оба бота переполнились женщинами и дѣтьми, которыя едва были живы отъ холода и страха. Доставивъ на берегъ спасенныхъ жертвъ потопа, смѣльчаки вернулись въ селеніе и продолжали свое доброе дѣло, на окончаніе котораго потребовалось много часовъ и помощь жителей окрестныхъ деревень, которые явились въ лодкахъ на выручку сосѣдей. По нѣскольку разъ приходилось возвращаться въ одни и тѣ же дома, такъ какъ тамъ оставались въ безсознательномъ положеніи старухи или дѣти. Всѣмъ дѣломъ спасенія погибающихъ руководилъ Роанъ; онъ былъ вездѣ, гдѣ грозила наибольшая опасность, и, казалось, не боялся ничего.

Наконецъ, на разсвѣтѣ можно было отдохнуть на лаврахъ: всѣ несчастные, оставшіеся въ живыхъ, послѣ катастрофы, были спасены. Тогда Роанъ сошелъ на берегъ у хижины своей матери, гдѣ его окружила восторженная толпа, и, впервые сознавъ свое странное, необыкновенное положеніе, онъ какъ-то дико озирался по сторонамъ, словно ожидая насилія со стороны тѣхъ, для спасенія которыхъ онъ жертвовалъ своей жизнью. Въ толпѣ слышались возгласы благодарности и сожалѣнія, а матери спасенныхъ имъ дѣтей со слезами цѣловали ему руки. Старый капраль стоялъ невдалекѣ блѣдный, взволнованный, опустивъ глаза въ землю, а подлѣ него Марселла сіяла счастьемъ и гордостью.

— Именемъ императора!—воскликнулъ неожиданно голосъ въ толпѣ, и чья-то рука опустилась на плечо Роана.

Онъ спокойно обернулся, и глаза его встрѣтились съ глазами Мишеля Гральона.

Со всѣхъ сторонъ раздались гнѣвные крики, такъ какъ общее сочувствіе было на сторонѣ героя роковой ночи.

— Руки долой, Мишель Гральонъ,—произнесло нѣсколько юношей въ одинъ голосъ.

— Это дезертиръ,—промолвилъ Гральонъ глухимъ голосомъ:—я арестую его именемъ императора.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ двѣ могучія руки повергли его на землю. Но Роанъ Гвенфернъ не дотронулся до него и пальцемъ, а старый капраль, внѣ себя отъ злобы, набросился на Гральона и повалилъ его.

Роанъ медленно прошелъ сквозь почтительно разступившуюся передъ нимъ толпу, направился въ горы и вскорѣ исчезъ.

Капраль долго держалъ за плечи Мишеля Гральона и не давалъ ему подняться съ земли.

— Именемъ императора,—гнѣвно восклицалъ онъ, повторяя слова Мишеля: не двигайся съ мѣста, каналья.

XVLI.

Начало конца.

Наступила зима, и въ Кромлѣ дѣла шли хуже, чѣмъ въ предыдущіе года. Послѣ того, какъ кончилось наводненіе и вода ушла, оказалось, что погибло болѣе людей, чѣмъ сначала предполагали. Смерть посѣтила многихъ женщинъ и дѣтей во снѣ или среди попытокъ спастись изъ разрушенныхъ водою домовъ. Хотя большая часть мертвыхъ была отыскана и предана землѣ на маленькомъ кладбищѣ, но не мало было и такихъ жертвъ наводненія, которыя были унесены въ море и покоились въ его невѣдомой глубинѣ.

Приведя въ извѣстность понесенныя имъ матеріальныя потери, старый капраль убѣдился, что стѣны его жилища уже поддались, и часть крыши провалилась, такъ что Марселла непременно погибла бы, еслибъ оставалась немного долѣе въ домѣ. Много дней потребовалось на поправку разореннаго жилища и обновленіе домашняго скарба; только въ началѣ новаго года хижина Дервалей приняла свой прежній видъ.

Между тѣмъ голодъ, рука въ руку со смертью, посѣтилъ Кромлѣ, гдѣ было уничтожено много запасовъ зерна, а недостатокъ въ зернѣ заставляетъ бѣдняковъ умирать съ голоду. Кромѣ того, тотчасъ послѣ наводненія, получено было извѣстіе о новомъ рекрутскомъ наборѣ въ триста тысячъ человекъ, изъ которыхъ извѣстную долю долженъ былъ поставить Кромлѣ. Неудивительно, что бѣдняки стали открыто говорить, что Богъ ихъ покинулъ, и что имъ не оставалось никакой надежды на мирное существованіе.

А въ это время Франція была подвержена всѣмъ ужасамъ чужестраннаго вторженія. Великая армія была вынуждена отступить въ предѣлы своей родины подъ натискомъ возставшихъ противъ Наполеонскаго ига европейскихъ націй. Въ продолженіе многихъ лѣтъ французскіе легіоны кормились на счетъ другихъ странъ, которыя они безпощадно разоряли, а теперь ихъ отечеству пришлось самому испить ту чашу, которую оно преподносило сосѣдямъ. Во время роковаго отступленія Наполеона, отъ котораго наконецъ отвернулось столь долго баловавшее его счастье, въ отдаленныхъ уголкахъ страны начало развѣваться бѣлое знамя, сторонники котораго безумно топтали трехцвѣтный флагъ, символъ столькихъ побѣдъ. Въ уединенныхъ замкахъ Бретани снова послышались таинственные голоса. Роялисты поднимали голову и громко возставали противъ имперіи, не смотря на угрозу — подвергать смерти каждаго, кто выражалъ сочувствіе Бурбонамъ, или оказывалъ содѣйствіе союзникамъ. Дюра вооружилъ Турэнъ, а аббатъ Жокильтъ волновалъ Вапдею. Но сердца бѣдняковъ, ненавидящихъ войну, на-

полнялись ужасомъ въ эту несчастную годину, и многія крестьянскія семьи, сидя у своего очага, со страхомъ прислушивались къ каждому внѣшнему шуму, такъ такъ никто не зналъ, гдѣ и откуда могли появиться страшные казаки. Была минута, когда въ Шатильонѣ Наполеонъ, стѣсненный врагами со всѣхъ сторонъ, могъ спасти свой престолъ, согласившись на предложенныя ему условія, но, все еще вѣря въ свою звѣзду, онъ пропустилъ счастливый моментъ. По заключенному въ мартѣ 1814 года миру, Австрія, Россія, Пруссія и Англія обязались содержать армию въ 150.000 человекъ, пока Франція не будетъ доведена до ея прежнихъ границъ; кромѣ того, для той же цѣли англійскіе «лавочники» ссудили 4 милліона. Однако Наполеонъ настаивалъ на своемъ и, выступивъ противъ Блюхера, стоявшаго въ Суассонѣ, началъ послѣдній актъ кровавой войны.

Такъ прошла зима и смѣнилась весной, но, всетаки, надъ бѣдной Франціей витала грозная тѣнь меча.

Между тѣмъ что случилось съ Роаномъ Гвенферномъ? Послѣ наводненія онъ снова исчезъ, и въ сущности всѣ его поиски были прекращены. Онъ не могъ въ зимнее время скрываться въ утесахъ, а съ другой стороны Марселла знала изъ различныхъ источниковъ, что онъ былъ живъ, хотя ей не было извѣстно, гдѣ именно онъ скрывался. Она пламенно благодарила небо за его спасеніе и надѣялась, что ему простится его безумное сопротивленіе императору ради его геройства во время наводненія. Вѣроятно, онъ находилъ себѣ убѣжище подъ какимъ нибудь уединеннымъ кровомъ, и люди были слишкомъ заняты другими дѣлами, чтобъ помнить о бѣдномъ дезертирѣ. Жаль только, что онъ убилъ Пиприака! Еслибъ его руки не были обагрены кровью, то добрый императоръ могъ бы ему простить, какъ блудному сыну.

Въ одномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, Марселла была счастлива. Ея болѣе никто не упрекалъ въ томъ, что она любила труса. Роанъ доказалъ во-очію свое геройское мужество. Да, онъ былъ храбрый человекъ, и еслибъ учитель Арфоль не наполнилъ бреднями его головы, то онъ былъ бы и храбрымъ солдатомъ на полѣ брани. Ей все еще было совершенно непонятно, почему Роанъ такъ поступалъ; высшіе нравственные принципы были для нея мертвой буквой, и теорія незаконности войны была для нея столь же непостижима, какъ тригонометрическая задача, или страница Спинозы. Она считала войну основнымъ учрежденіемъ, всегда существовавшимъ и долженствующимъ всегда существовать, подобно браку или исповѣди; къ тому же, благодаря войнѣ, храбрецы въ родѣ ея дяди могли отличаться и получать награды.

Не смотря на ея безпокойство о Роанѣ, она питала къ императору свой прежній культъ. Она была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя тѣмъ упорнѣе держатся какого нибудь вѣрованія, чѣмъ оно болѣе возбуждаетъ сомнѣній, такъ что если звѣзда императора меркла

въ глазахъ многихъ, она сіяла все тѣмъ же блескомъ для нея, и напротивъ ея фанатизмъ достигъ до апогея. Точно также велъ себя и старый капраль. Всю зиму онъ выносилъ неописанныя нравственныя муки, но его вѣра въ императора постоянно росла. Ночь за ночью онъ изучалъ военные бюллетени, стараясь вывести изъ нихъ доказательства наполеоновскаго торжества. Онъ безъ усталыя громилъ союзниковъ, въ особенности англичанъ, и болѣе чѣмъ когда принималъ на себя наполеоновскую позу, предвѣщая скорыя побѣды императора, но теперь онъ былъ гласомъ, вопіющимъ въ пустынь, и никто не хотѣлъ его слушать.

Кромлэ находился слишкомъ близко къ роялистскимъ замкамъ, чтобъ не скрывать въ себѣ легитимистскихъ искръ, готовыхъ разгорѣться въ яркое пламя при первомъ удобномъ случаѣ, и хотя капраль Дерваль былъ прежде мѣстной силой, но передъ нимъ преклонялись не по любви, а въ виду того, что всякая оппозиція была не возможна. Однако, когда вѣтеръ перемѣнился, то оказалось, что онъ также, какъ самъ императоръ, ложно истолковалъ себѣ чувства людей. Теперь сосѣди открыто ему возражали, и когда онъ заговаривалъ объ императорѣ, ему отвѣчали, выдвигая впередъ короля. Онъ ежедневно слышалъ столько «богохульствъ», что волосы у него становились дыбомъ. Однажды вечеромъ, гуляя по морскому берегу, онъ увидалъ на горныхъ высотахъ пылавшіе костры, словно возвѣщавшіе какое-то радостное событіе, а въ ту же ночь стало извѣстнымъ, что герцогъ Берійскій высадился на островѣ Джерсеѣ.

Въ числѣ людей, перешедшихъ на сторону бѣлаго знамени, былъ Мишель Гральонъ; онъ, повидимому, не покидалъ мысли жениться на Марселлѣ, но это не мѣшало ему сердиться на молодую дѣвушку за ея вѣрность Роану. Какъ только общественное мнѣніе отвернулось отъ Наполеона, Гральонъ сталъ подбивать Кромлэ противъ капрала, въ которомъ они мало-по-малу начали видѣть олицетвореніе всего для нихъ ненавистнаго. Дѣло наконецъ дошло до того, что ветеранъ сдѣлался самымъ непопулярнымъ человекомъ въ селеніи.

Въ эту зиму здоровье бѣднаго ветерана очень пошатнулось. Онъ сильно постарѣлъ; его голосъ потерялъ прежнюю силу, глаза стали мутныя, и поступь была далеко не такъ тверда, какъ прежде. Онъ искалъ себѣ утѣшенія талько въ табачномъ дымѣ и проводилъ цѣлыя вечера, молча сидя въ своей кухнѣ и курия трубку за трубкой. Онъ упоминалъ о Роанѣ очень рѣдко, но всегда отзывался о немъ съ непривычной для него мягкостью, и Марселлѣ казалось, что онъ упрекалъ себя за прежнюю несправедливость къ несчастному племяннику.

— Я увѣрена, что дядя нездоровъ,—говорила не разъ молодая дѣвушка шепотомъ Гильду, указывая на мрачную, безмолвную фигуру ветерана.

— Его можетъ вылечить одно — большая побѣда императора, отвѣчала постоянно ея братъ.

XLVIII.

«Да здравствуетъ король!»

— Плохо врагамъ,—сказаль капраль Дерваль, когда до Кромлэ пришла вѣсть о приближеніи союзниковъ къ Парижу и дѣлаемыхъ тамъ приготовленіяхъ въ виду предстоявшей осады:—чѣмъ они болѣе удаляются отъ своихъ подкрѣпленій, тѣмъ большимъ опасностямъ они подвергаются. Императоръ заманиваетъ ихъ въ капканъ и Парижъ поглотитъ ихъ какъ, большой паукъ стаю мухъ. Только погодите, а онъ имъ задастъ.

Черезъ нѣсколько дней было получено извѣстіе о бѣгствѣ императрицы, и старый солдатъ хотя поблѣднѣль, но, всетаки, съ принужденнымъ смѣхомъ сказалъ.

— Женщины всегда помѣха тамъ, гдѣ дерутся. Къ тому же она не хотѣла видѣть окончательной гибели своихъ соотечественниковъ австрійцевъ.

Спустя двадцать четыре часа, всѣ заговорили о взятіи союзниками Парижа, и капраль, какъ бы пораженный кинжаломъ въ сердце, промолвилъ, едва переводя дыханіе:

— Враги въ Парижѣ? Да гдѣ же императоръ?

Дѣйствительно гдѣ былъ Наполеонъ? Однажды въ жизни онъ самъ попалъ въ разставленные имъ сѣти, и пока союзники входили въ Парижъ, онъ былъ отвлеченъ въ другую сторону. Когда же до него донеслась роковая вѣсть, то онъ бросилъ свою армію и полетѣль къ столицѣ, въ окрестностяхъ которой его встрѣтило нѣсколько старыхъ генераловъ, которые объявили ему, что Парижскія власти привѣтствовали завоевателей, и императорское правительство было низвергнуто. Онъ шумѣль, кричалъ, умолялъ, наконецъ видя, что все тщетно, онъ въ безумнымъ отчаяніи направился въ Фонтенебло.

Извѣстіе объ этомъ кромлэйскій ветеранъ узналъ изъ газеты, которую ему прочиталь въ слухъ отецъ Роланъ.

— Послушайте, что еще пишутъ, — продолжалъ патерь, относившійся очень хладнокровно ко всѣмъ политическимъ событіямъ:— союзные государи отказываются вести переговоры съ императоромъ.

— Они отказываются! — воскликнулъ гнѣвно старый солдатъ. Да вѣдь такъ и мыши отказались бы вступать въ переговоры со львомъ. Что значать эти государи для маленькаго капрала, который смѣняль ихъ дюжинами въ продолженіе одного часа. Австрійскій императоръ ведетъ себя тѣмъ позорнѣе, что онъ его родственникъ.

— Такъ вы думаете, что война будетъ продолжаться? — спросилъ патерь.

— Легче сунуть руку въ пасть льва, чѣмъ выдернуть ее оттуда,— отвѣчалъ дядя Евенъ:— всему міру извѣстно, что императоръ во гнѣвѣ страшенъ, а теперь, когда его такъ оскорбили и унизили, то онъ не успокоится, пока не сотретъ съ лица земли своихъ противниковъ.

— А я слышалъ сегодня,—замѣтилъ Гильдъ, не принимавшій участія до сихъ поръ въ разговорѣ:—что герцогъ Берійскій снова высадился въ Джерсеѣ, и что король...

— Король!—воскликнулъ капралъ внѣ себя отъ злобы:— проклятіе! Какой король!

— Конечно, король Людовикъ.

— Къ чорту Бурбуновъ,—засралъ во все горло ветеранъ, блѣдный какъ смерть и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ головы до ногъ:—никогда не называй его королемъ при мнѣ Гильдъ. Хорошъ король Капетъ.

— Мнѣ пара идти,—сказалъ патеръ, вставая и надѣвая шляпу. но позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что вы слишкомъ рѣзко выражаетесь. Бурбоны были нашими законными королями и всегда поддерживали церковь, а потому если они возвратятъ себѣ престолъ, то я первый присягну имъ.

Съ этими словами отецъ Роланъ поклонился и вышелъ изъ хижины.

— Нечего бояться этого возвращенія, пока маленькій капралъ живъ,—промолвилъ старый солдатъ сквозь зубы.

Но зло ошибался. Ему никогда не входила въ голову мысль что его кумиръ можетъ лишиться своей короны, а восстановление королевской династіи ему казалось невозможной нелѣпостью. Но факты были сильнѣе его фанатизма, и когда черезъ нѣсколько дней капралъ хотѣлъ утромъ выйти изъ хижины, его остановила Марселла.

— Куда вы идете?—спросила она, блѣдная, съ заплаканными глазами и загородила ему дорогу.

— Я иду къ старику Плуэ, чтобъ побриться и тамъ узнаю новости,—отвѣчалъ старикъ:—но что съ тобой? Зачѣмъ ты на меня такъ смотришь?

Марселла ничего не отвѣчала и жалобно посмотрѣла на мать, которая стояла у очага рядомъ съ Гильдомъ.

— Если случилась какая нибудь бѣда, то нечего скрывать, говорите прямо.

— Получены дурныя вѣсти,—промолвила вдова.

— Насчетъ Хоэля?

Вдова молча покачала головой, а Марселла, запирая дверь, промолвила:

— Не выходите сегодня.

Въ эту минуту на улицѣ послышались громкіе крики и топотъ бѣгущей толпы.

— Что это?—воскликнулъ капраль:—что нибудь случилось? Не мучьте меня, говори хоть ты, Гильдъ, ты мужчина, а онъ женщины. Что все это значить? Зачѣмъ меня держать дома?

Жалко было смотрѣть на этого еще недавно браваго ветерана, а теперь такъ быстро постарѣвшаго.

Гильдъ пробормоталъ что-то невнятно и толкнулъ рукою мать. Въ эту минуту послышались на улицѣ новые крики. Капраль задрожалъ еще сильнѣе прежняго, вѣроятно, предугадывая, въ чемъ дѣло.

— Я вамъ скажу, что случилось, — воскликнула Марселла: — если вы обѣщаете не выходить. Сегодня провозглашаютъ восстановление короля.

Капраль зашатался, стиснулъ губы и заковылялъ къ двери.

— Дядя!—промолвила со страхомъ молодая дѣвушка.

— Прочь, — воскликнулъ онъ рѣшительно: — не сердите меня. Я не ребенокъ. Я долженъ узнать, что творится. Вѣдь это свѣтопреставленье.

И, отворивъ дверь, онъ вышелъ на улицу.

Было свѣтлое весеннее утро; селенье, давно оправившееся, весело сіяло на солнцѣ; на улицѣ было пусто, но вдали слышались громкіе крики. Желая лично узнать, что произошло, капраль вмѣстѣ съ Гильдомъ, который послѣдовалъ за нимъ, направился въ верхнюю часть селенія, гдѣ, повидимому, шумѣла толпа. Спустя нѣсколько минутъ, они увидали большое число мужчинъ и женщинъ, которымъ какіе-то три неизвѣстные, но хорошо одѣтые господина раздавали бѣлыя кокарды и розетки; впрочемъ, присматриваясь ближе, капраль узналъ въ одномъ изъ этихъ господъ владѣльца сосѣдняго замка, Мармона, уже давно не жившаго въ своемъ помѣстьѣ.

— Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ король! — неожиданно воскликнулъ этотъ старый аристократъ, размахивая своей шпагой.

— Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ Мармонъ! — отвѣчала толпа.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ молча улыбались и насупляли брови, но было ясно, что бонапартисты составляли меньшинство. Однако, вся эта демонстрація имѣла неофициальный характеръ и была возбуждена Мармономъ съ помощью его друзей при первомъ полученіи извѣстія о томъ, что роялисты возстали въ Парижѣ.

— Что случилось?—спросилъ капраль, подходя къ толпѣ:—что все это значить?

— А вы не слыхали новости? — воскликнула одна старуха: — императоръ умеръ, а король воскресъ.

Мармонъ, замѣтивъ приближеніе Дерваля, подаль ему на остріѣ своего меча бѣлую кокарду и съ лукавой улыбкой промолвилъ:

— Нашъ старый пріятель ничего не знаетъ. Вотъ вамъ маленькій подарочекъ. Неправда, узурпаторъ не умеръ, но его свергли съ престола. Вотъ почему мы и кричимъ: «Да здравствуетъ король!».

Многіе голоса заговорили ему, но капраль громко воскликнулъ, смотря прямо въ глаза Мармону:

— Это ложь! Долой Бурбоновъ! Долой эмигрантовъ!

— Что это за человѣкъ? — спросилъ старый аристократъ, заскрежетавъ зубами отъ гнѣва.

— Капраль Дерваль, — отвѣчало нѣсколько голосовъ и стоявшій, подлѣ Мармона отецъ Роланъ, что-то шепнулъ ему.

— Если-бъ онъ не рехнулся отъ старости, — произнесъ послѣдній, — то его стоило бы проучить, но нечего терять времени съ такой дрянью. Идемте въ часовню и вознесемъ благодарственную молитву къ Богородицѣ за возвращеніе нашего добраго короля.

Старый солдатъ который въ пылу, готовъ былъ помѣряться съ самимъ дьяволомъ, подошелъ къ Мармону и громовымъ голосомъ повторилъ:

— Долой короля! Долой эмигрантовъ!

— Прочь, старикъ, или я тебя убью, — воскликнулъ роялистъ внѣ себя отъ злобы и поднялъ свою шпагу, грозя ударить ею ветерана прямо въ сердце.

Но капраль въ одно мгновенье тяжелымъ ударомъ своей палки переломилъ шпагу и снова, побавровѣвъ отъ волненія, произнесъ:

— Долой короля! Да здравствуетъ императоръ!

Тутъ произошла общая схватка. Мармонъ хотѣлъ броситься на стараго солдата, но товарищи его удержали, а пока на капрала набросились сосѣди и едва выручили Гильдъ съ немногими бонапартистами. Мало-по-малу страсти разгорѣлись: удары стали сыпаться со всѣхъ сторонъ, и бѣлыя кокарды усѣяли землю; впрочемъ, по счастью ни у кого не было оружія, и дѣло обошлось безъ тяжелыхъ увѣчій. Наконецъ, капраль съ незначительной кучкой своихъ сторонниковъ отступилъ, а Мармонъ во главѣ большей части толпы направился къ часовнѣ.

Оправившись отъ драки, дядя Евенъ поспѣшилъ къ Плузъ въ самомъ печальномъ настроеніи. Онъ ясно понималъ, что если роялисты устроили такую демонстрацію, значитъ получены радостныя для нихъ, а значитъ роковыя для него извѣстія. А когда въ цирюльнѣ ему подали газеты, вполне подтвердившія его подозрѣнія, то онъ промолвилъ сквозь зубы:

— Мой императоръ! Мой повелитель! Отчего Богу не угодно, чтобъ я умеръ за тебя!

XLIX.

Переполненіе чаши.

Въ началѣ апрѣля странный слухъ пронесся во Франціи заставляя простыхъ людей смотрѣть другъ на друга съ ужасомъ словно солнце упало съ неба. Рассказывали, что императоръ наложилъ на себя руку. Хотя этотъ слухъ вскорѣ былъ опровергнутъ но онъ причинилъ большое горе многимъ поклонникамъ Наполеона, въ томъ числѣ капралу Дервалю. Страшно было подумать, что недавній распорядитель судебъ всего міра нашелъ нужнымъ покинуть здѣшнюю жизнь. Если Наполеонъ дошелъ до этого, то ничто не прочно надежно на свѣтѣ! Какъ странно и какъ коротко временно была слава этого человѣка! Точно вчера онъ былъ младымъ генераломъ увѣнчанрымъ лаврами, а теперь драма его жизнь уже достигла своего послѣдняго акта.

Однако земля, какъ бы освобожденная отъ тяготившаго ея ига улыбалась и цвѣла подъ благотворными солнечными лучами весны. Въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ апрѣльскихъ дней капраль Дерваль сидѣлъ на утесѣ и смотрѣлъ на море, растилавшееся у его ногъ. Подлѣ него находилась Марселла, которая уговорила его подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ онъ въ послѣднее время время сдѣлался очень нервнымъ и потвергался припадкамъ мрачнаго отчаянія. Но онъ не принадлежалъ къ числу людей любившихъ природу и въ его глазахъ смотрѣ въ войскахъ имѣлъ большую прелесть чѣмъ самый живописный видъ. По этому онъ сидѣлъ молча насупивъ брови и только по временамъ отрывисто отвѣчалъ на вопросы Марселлы. Такъ прошло нѣсколько часовъ и неожиданно капраль дрожащей рукой указалъ на церковь.

— Что тамъ?—воскликнулъ онъ недовольнымъ тономъ: что-то виднѣется бѣлое.

Марселла взглянула по направленію руки капрала и увидѣла, что на церквѣ развивался бѣлый флагъ. Она тотчасъ поняла въ чемъ дѣло, но ничего не отвѣчала.

— Посмотри, посмотри,—продолжалъ старикъ, вставая въ большомъ волненіи:—это дѣйствительно что-то бѣлое.

Молодая дѣвушка блѣдная, смущенная взяла дядю за руку и тихо сказала

— Пойдемте домой.

Но ветеранъ не двигался съ мѣста и упорно смотрѣлъ на церковь.

— Это бѣлый флагъ, сказалъ онъ наконецъ: какой-то негодяй поднялъ его на колокольнѣ.

Въ ту же минуту раздались ружейный залпъ и громкіе крики радости. Вокругъ церкви виднѣлась густая толпа народа и оче-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ МАѢ 1894 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 9-й.

Амичевъ, Э. Апенины и Анды. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 20.

Андерсенъ. Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Томъ второй, выпускъ V. Ц. по подпискѣ 6 р., съ перес. 8 р.

Анненская, А. Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Спб. 1894 г., изд. 3-е. Ц. 2 р.

Бастамовъ, Ф. Б., инжен. Новая и наилучшая система желѣзныхъ дорогъ. Электрическая и экономическая ж. д. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Бертенсонъ, І. В. О врачебной тайнѣ съ точки зрѣнія требованія правосудія, администраціи и врачебной этики. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Бертранъ, Эдуардъ. Улей Дадона и какъ его самому изготовить. Съ рисунками и чертежами въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.

Блаубергъ магнусъ. Русское виноградное вино и хересъ. М. 1894 г. Ц. 3 р.

Бленловъ, С. За фактами и цифрами. Записки земскаго статистика. Москва. 1894 г. Ц. 4 р.

Бынова, М. Первые разсказы изъ естественной исторіи. Ч. I. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. 30 к.

Валера, Жуанъ. Иллюзіи доктора Фаустино. Переводъ съ испанскаго. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Валуева, А. П. Нашему юншества рязсказы о хорошихъ людяхъ. Авраамъ Линкольнъ. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.

Валуевъ, Ф. М. Катихизисъ по коммерческой и технической частямъ службъ движенія. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Верещагинъ, В. В. худож. Литераторъ. Повѣсть. М. 1894 г. Ц. 1 р.

Випперъ, Р. Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка, въ эпоху кальвинизма. М. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Верениусъ, А. С. Распредѣленіе времени для учащихся въ Россіи и на Западѣ. М. 1894 г. Ц. 80 к.

Вишняновъ, Е. Бѣловѣжская пуща. Спб. 1894 г. 4 р.

Вороной. О дѣльхъ алгебраическихъ числахъ, зависящихъ отъ корня уровненія 3-й степени. Спб. 1894 г. Ц. 1. 50 к.

Вѣстникъ славянства. Сборникъ, издаваемый проф. В. В. Кагановскимъ. 1894 г. Кіевъ, Книга IX. Ц. 1 р. 50 к.

Ганъ, И. Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Вильна. 1893 г., изд. 5-е. Ц. 30 к.

Гауптманъ Гергардъ. Ганнеле, Фантастическія сцены въ двухъ частяхъ. Издѣнное изданіе, на веленовой бумагѣ. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Генерозовъ, Я. Русскія народныя представленія о загробной жизни на основаніи записокъ, причитаній, духовныхъ стиховъ и т. п. Саратовъ, 1883 г. Ц. 25 к.

Гескетъ, С. Военныя дѣйствія въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 году. Начало возстанія (январь, февраль и первая половина марта). Варшава. 1894 г. Ц. съ атласомъ чертежей (52 плана). 4 р. 50 к.

Гейсманъ, полковникъ Ак. Г. Шт. Краткій куртъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новыя вѣка. Ч. II. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Головинъ, Е. П. Словарь фотографической химіи. Русско-латинско-франц.-нѣмецко-англ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Hoogweg I. L. д-ръ Медицинская электротехника и ея физическія основы. Съ 77 рис. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гулишамбаровъ, ст. мин. техн. Няфтѣное огошеніе. Съ 150 рис. Изд. 3-е, испр. и дополи. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.

Гюго Вижьоръ, Рио-Блязъ. Драма въ 5 дѣйств., переводъ А. М. Свѣчина. (Дешевая бібліотека А. С. Суворина № 260). Ц. 20 к.

Даниловъ, И. Г. Положенія о сельскомъ состояніи. Ч. II. Положеніе объ учрежденіяхъ. Полож. о земск. участк. начальн. и Правила объ устройствѣ судебн. части въ мѣстн., гдѣ введено Полож. о земск. нач. Изд. 3-е Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Дачный. Лѣто 1894 г. Составлено по оффиц. свѣдѣніямъ. Росписанія ж. д. Ц. 10 к.

Дачный тарифъ. Сезонъ 1894 г. желѣзныхъ дорогъ, прилегающихъ къ С.-Петербургу. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.

Делоне, Н. Передача вращенія и механич. черченіе кривыхъ шарнирно-рычажными механизмами. Съ 4 лист. чертежей. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дмитріевъ В. Сборникъ счетоводныхъ и складныхъ книгъ Городскихъ Управъ. Керчь, 1893 г. Ц. 3 р.

Дружининъ, Н. Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

Думикъ, Рене. Литература и вырожденіе. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.

Дѣловой и веселящійся петербургъ. Весенній выпускъ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Жадовская, Ю. В. Полное собраніе сочиненій. Въ четырехъ томахъ. Подъ редакцію П. В. Быкова. Спб. 1894 г. Ц. за 4 тома 6 р.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Мирабо, его жизнь и политическая дѣятельность. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.

Заломаповъ, Н. П. Однопланныя или безправныя селенія и ихъ значеніе для крестьянскаго хозяйства. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Зарѣцкій, П. Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Полтава. 1894 г. Ц. 60 к.

Золя Эмиля. Лурдъ. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.

Ивановъ, Н. П., д-ръ. Альманахъ по отечественнымъ водамъ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Иванцовъ-Платоновъ, А. М., протоіер. Истинное понятіе о чести и фальшивыя представленія о ней. М. 1894 г. Ц. 20 к.

— О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ. Изд. 3-е. М. 189 г. Ц. 70 к.

— О нашихъ нравственныхъ отношеніяхъ и обязанностяхъ. М. 1894 г. Ц. 30 к.

И. Д. Какъ возраститъ здороваго ребенка? Совѣты и практическія указанія молодымъ матерямъ. М. 1894 г. Ц. 25 к.

Калугина Ѳ. Зинвій, инокъ отенскій и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произв. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Калугинъ, Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи. Изд. 2-е, исправл. и дополн., съ 51 рис. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Кальденъ, К. д-ръ. Техникъ гистологическаго изслѣдованія паталого-анатомическихъ препаратовъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.

Kantorovitch, I. Путеводитель по заграничнымъ курортамъ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Каталогъ книгъ. Изд. рус. общ. книгопродавцевъ и издателей. 1893 г. Ц. 75 к.

Квасковъ, Я. Матеріалы для библиографическаго указателя по ихтиологіи, рыбоводству и рыболовству М. 1894 г. Ц. 30 к.

Кирнегоръ стөрнъ. Наслажденіе и долгъ Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Книжный вѣстникъ. 1894 г., № 4. Ц. 30 к.

Кобель Францъ. Таблицы для опредѣленія минераловъ помощью простыхъ испытаній сухимъ и мокрымъ путемъ. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Кожевникова, Н. Опытъ популярнаго изложенія содержанія драматическихъ произведеній Шекспира, съ характеристикой дѣйствующихъ лицъ. Съ 9 фотографіями. М. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Комаревскій, Н. Матеріалы къ вопросу объ уходѣ за женщиной послѣ чревосѣченія, по поводу заболѣвшей матки и ея придатковъ. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Краткій обзоръ дѣятельности педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за 1892—93 г., Дѣятельность Географич. Отд. учебно-воспит. ком. Ц. 15 к. Дѣятельн. отд. учебно-воспит. ком. математич. и физич. Ц. 30 к. Дѣят. отд. учебно-воспит. ком. обще-пед. родит. кружка рус. яз. и словесн. и иностран. языковъ. Ц. 20 к.

Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній Россіи (1865—1892 гг.). Полтава. 1894 г. Ц. 1.

Кристь, М. Конецъ крейцерової сوناتы Льва Толстого. Перев. съ англійскаго. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

Лавриченко, К. Родителямъ и учителямъ. Вопросы воспитанія. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Ландцвертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Дѣтнее движеніе 1894 г. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Ленци изъ области заболѣваній желудка. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Lins, Josef, d-r. Терапія внутреннихъ болѣзней въ клиникѣ профессора Рокитанскаго въ Инсбрукѣ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Лихонинъ, Н. Желѣзководскъ и его лечебныя средства. Спб. 1894 г. Ц. 1 25 к.

Мантегацца, П. Физиологія любви. Перев. съ франц. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Т. I. Воронежскіе акты. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Писцовыя книги. Ц. 1 р. 50 к.

Меншутинъ, Н. Аналитическая химія. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

- Мерчингъ, Г. Н.** Мировой эфиръ по гипотезѣ механики. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Мироносицкій, Порфирій.** Азинагоръ, христіанскій апологитъ II вѣка, Казаръ. 1894 г. Ц. I р. 50 к.
- Молассанъ, Гюи.** Зоораніе сочиненій. II. V и VI. Повѣсти и рассказы. Ц. по подпискѣ 3 р., въ отдѣльной прод. цѣна каждаго тома 1 р.
- Настольный энциклопедическій словарь.** Вып. 84-й. Ц. на обыков. бум. 30 к., на лучшей 40 к.
- Немировичъ-Данченко, Вас.** Воскресія быдл. (Очерки, рассказы, міражи). М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Немо.** Военныя собаки. Попытка разобратъ въ «военно-собачьемъ вопросѣ». Варшава. 1894 г. Ц. 60 к.
- Носенко, Д. А.** Уставъ гражданскаго судопроизводства. Москва. 1894 г. Ц. 4 р.
- Орженко, Эл.** Дикарка. Повѣсть. М. 1894 г. Ц. 75 к.
- Орлчвъ, Н. В.,** д-ръ. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ и солдатъ. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Павловскій, А.** О урегулированіи перевозокъ по всей сѣти русскихъ жел. дорогъ. Спб. 1894 г. Ц. 70 к.
- Памятная книжка.** Воронежской губерніи на 1894 г. Воронежъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Петлинь, Н. С.** Выкупъ у помѣщиковъ крестьянскихъ надѣловъ и его послѣдствія. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Пиниусъ.** Гигіена волосъ. Изд. 3-е. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Плутархъ.** Сравнительн. жизнеописанія. Т. VIII, вып. I. (Дешевая Библиотека А. С. Суворина. № 178). Ц. 15 к.
- Поликарповъ, Н. И.** Сельско-хозяйственная выставка въ Воронежѣ. 1837—1894 гг. Воронежъ. 1894 г. Ц. 20 к.
- Полный карманный путеводитель** по Россіи съ мая по ноябрь. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Половъ, Н. А.** Искусство найти мужа. Проф. Мантегацца и Коломбини и рассказы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Поселянинъ, С.** Повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божиимъ строилась русская земля. Изд. 3-е. 1894 г. Ц. 35 к.
- Р., А. А.** Признаки дѣлмости на первыхъ сто числахъ. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Рождественскій, В. А.,** инж.-техн. Регулированіе дымовой тиги паровозовъ посредствомъ перемѣннаго отверстія дымовой трубы. Кіевъ. 1893 г. Ц. 50 к.
- Рожновъ, А.** Приемы стѣпного лѣсоразведенія. (25 рис. въ текстѣ). Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Сборникъ работъ** по акушерству и женскимъ болѣзнямъ, посвященный профессору К. Ф. Славянскому его учениками. Подъ редакц. А. Р. Фишера. Спб. 1894 г. Ц. за 2 т. — 5 р.
- Селиванова, Е. И.** Срези дѣтей. Рассказы изъ дѣтской жизни, для дѣтей отъ 10 лѣтъ. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Сельскій Хозяинъ.** Журналъ практическаго сельскаго хозяйства и домоводства. №№ 26, 27, 28, 29. Ц. по 20 к.
- Симанскій, Б. Н.** Спутникъ Петербуржца. Лѣто 1894 г. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- «Славянское Обозрѣніе»,** годъ второй. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, подъ редакціей И. С. Пальмова. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.
- Соколовъ, Ив.** Состояніе монашества въ византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка (824—120g). Казань. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Соколовъ, М.** Введеніе въ философію. Петровскъ. 1894 г. Ц. 10 к.
- Спасовичъ, В. Д.** Сочиненія. Т. VII. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Недостаточность естественнаго подбора. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Спиноза, Бенедиктъ.** Этника. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей проф. В. И. Модестова. Изд. 3-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Спутникъ дачника** по С.-Петербургу и его окрестностямъ. 1894 г. Ц. 10 к.
- Стасовъ, В. В.** Собраніе сочиненій. 1847—1886 г. Три тома. Съ приложеніемъ его портрета и снимка съ поднесеннаго ему адреса. Спб. 1894 г. Ц. за три тома 12 р.
- Стрѣмца.** Календарный вопросъ въ Россіи и на западѣ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Субботинъ, А.** Волга и волгара. Путевые очерки. Т. I. Верхняя Волга. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Татариновъ, инж.** О поверхностяхъ взаимно-ортогональныхъ и образуемыхъ ими кривыхъ. М. 1894 г. Ц. 50 к.
- Трзмаоеръ.** Предсказаніе. Переводъ съ франц. Новгородъ. 1893 г. Ц. 30 к.
- Удешевленный прѣздъ** на кавказскія минеральныя воды. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Узаконенія** о бесплатныхъ народныхъ бібліотекахъ. Спб. 1894 г. Ц. 10.
- Успенскій, Прокопій** (епископъ). Книга бытія моего. Дневники и автобіограф. записки, ч. I. Спб. 1894 г. Ц. 5 р.
- Фауе (Фэйе).** Происхожденіе міра. 2-е изд. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фетъ, А.** Лирическія стихотворенія. Въ 2-хъ частяхъ. Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ. Спб. 1894 г. Ц. за двѣ части 3 р.

- Черневскій, Э.** Курсъ акушерства. Часть патологическая. Со многими рисунками. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р. 60 к.
- Чешихино, Всеволодъ.** Стихи. (1887—1893 г.). Рига. 1894 г. Ц. 1 р.
- Шеллеръ, А. К. (А. Михайловъ).** Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Лѣсъ рубятъ щепки летятъ. Романъ-Разказы. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Шеллеръ, А. К. (А. Михайловъ).** Полное собраніе сочиненій. Т. V. Паденіе. Романъ.—Тина (повѣсть).—Разказы. Ц. 2 р.
- Шмурло, Е. П. В. Постниковъ.** Нѣсколько данныхъ для его біографіи. Юрьевъ. 1894 г. Ц. 75 к.
- Зварницкій, Д. И. Иванъ Дмигріевичъ** Сирко, славный кошевой агаманъ войска запорожскихъ низовыхъ казаковъ. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Эмзе.** Ключъ къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Сиб. Ц. 20 к.
- Эмзи.** Ягодныя вина. Изд. 3-е. Сиб. 1894 г. Ц. 10 к.
- Эмихенъ, Г.** Греческій и римскій театръ. Съ 28 рисункъ. сценическихъ древностей. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Энциклопедическій словарь** подъ ред. Арсеньева, 23-й полутомъ (Жилы—Земля). Ц. 3 р.
- Эрбе.** Французы и русскіе въ Крыму.—Перевелъ съ фрнц. С. Халютинъ. Мянскъ. 1894 г. Ц. 1 р.
- Юрьевъ, Михаилъ.** Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. Москва. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. ПРИВОЛЬЕВЪ (ТЮМЕНЕВЪ).

ХАЛДЕЙ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ НОВГОРОДСКАГО БЫТА XV ВѢКА.

Заглавная виньетка: древній Новгородъ и боярская усадьба, — исполнена художникомъ А. П. Рябушкинымъ.

Цѣна 80 к., съ перес. 1 р.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

